

三言二拍

**ЦЕНТР
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

三言二拍

ЖЕМЧУЖНАЯ РУБАШКА

Старинные
китайские повести

Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
1999

БКК Ш5(5Кит)4
УДК 8(510/517)9

Перевод с китайского и комментарии
В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович

Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Составл., предисл. И. Э. Циперович. Пер. с кит. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. — 688 с.

Конец XVI—первую половину XVII вв. в истории китайской литературы по праву называют «золотым веком» народной повести. Китайские книжники того времени прилагают огромные усилия, разыскивая и собирая по стране образчики повестей в жанре *хуабэнь*. Находки сразу же публикуют, часто в новой редакции; некоторые известные литераторы сами пишут повести в манере старинных хуабэнь. Издается множество сборников — книжный рынок буквально наводнен произведениями этого жанра.

Настоящее издание включает в себя повести из пяти известных сборников того времени, еще в XVII в. объединенные в два собрания — «Троесловие» и «Поразительное». Оба собрания были подготовлены к изданию знаменитейшими литераторами: составителем первого был Фэн Мэн-лун, составитель и автор второго — Лин Мэн-чу. Издавали истории удивительные, достойные быть запечатленными на долгие времена: здесь любовно-романтические повести и сочинения детективного плана, бытовые случаи и рассказы о легендарной дружбе древних, произведения исторические и самая настоящая фантастика, — своего рода китайский Декамерон.

Издание снабжено вступительной статьей и достаточным комментарием, содержащим объяснения как китайских реалий, так и многочисленных историко-литературных ассоциаций. Книга иллюстрирована прорисьями оригинальных китайских черно-белых гравюр.

Настоящее издание предназначено в первую очередь ценителям средневековой китайской литературы.

*Иероглифы на первой странице обложки и на контртитule
выполнены художником Цзян Ши-лунем (Санкт-Петербург)*

ISBN 5-85803-100-5

© В. А. Вельгус, И. Э. Циперович, перевод,
комментарии, 1999

© И. Э. Циперович, предисловие, составление, 1999

© Центр «Петербургское Востоковедение», 1999

Зарегистрированная торговая марка

ОТ КИТАЙСКОГО СКАЗА X—XIII вв. К АВТОРСКОЙ ПОВЕСТИ *НИ ХУАБЭНЬ*

В Китае в конце династии Мин (1368—1644)—начале династии Цин (1644—1911) широкое распространение получил особый вид художественной прозы, рассчитанной не на высокообразованных людей, как было принято в былые времена, а на простого читателя или слушателя из народа. Повести и романы, принадлежащие к такой (простонародной) литературе, обозначают в китайском литературоведении общим термином *сяошо*. Наряду с драмой эти произведения становятся ведущим направлением, составляют литературное лицо той эпохи. Значительное влияние оказали они и на процесс дальнейшей демократизации китайской литературы. Даже противники подобной литературы были вынуждены признать этот факт. Так, один из них — известный ученый, историк, литератор и политический деятель Цянь Да-син (1728—1804) свидетельствует: «С древних времен существовали три направления: конфуцианство, буддизм и даосизм. Начиная же с периода Мин появилось еще одно — *сяошо*. Произведения типа *сяошо*... даже самими их авторами никогда не рассматривались как самостоятельное направление. Однако и сановники, и крестьяне, и ремесленники, и торговцы — все увлекались этой литературой; даже неграмотные дети и женщины слушали эти произведения с таким интересом, будто видели перед собой все, о чем в них говорилось. Таким образом, следует сказать, что эта литература распространилась еще более широко, чем конфуцианство, буддизм и даосизм»¹.

Все это отнюдь не означает, что в те времена наметился упадок в художественной прозе, которая создавалась в традиционной манере на старом, трудновоспринимаемом на слух языке вэньянь и испокон веков предназначалась для высокообразованных людей. Как раз наоборот: именно в тот период было создано огромное количество произведений высокой прозы, исторические повествования, философские и критические трактаты, доклады, эпитафии, эссе, новеллы и многое другое, но и в них наметился качественный сдвиг в сторону демократизации.

Что касается китайских повестей *сяошо*, то их называют обычно «популярный рассказ» (*тунсу сяошо*) или «короткая повесть на языке байхуа» (*дуаньпянь байхуа сяошо*). Обращенные к средним и низшим слоям городского населения, повести эти создавались литераторами в манере, присущей *хуабэням* (в переводе: основа для сказа), и потому в китайском литературоведении были определены как «подражание хуабэням» (*ни хуабэнь*).

¹ Исторические материалы, касающиеся запретов драматических произведений и *сяошо* в периоды Юань, Мин и Цин (Юань мин Цин сань дай цзиньхуэй сяошо сицюй шиляо). Пекин, 1958. С. 292—293. (Далее: Исторические материалы...)

Знакомство с *хуабэнями*, которые легли в основу повестей, им подражающих, уводит нас в глубину веков к периоду особой популярности устного народного творчества, прежде всего — к деятельности народных сказителей.

Отдельные упоминания о сказителях можно найти уже в китайских источниках VIII—IX вв., однако подлинный расцвет их творчества относится к эпохе Сун (X—XIII вв.) — периоду, когда ремесла и торговля, достигнув небывалого размаха, вызвали бурный рост городов и вовлекли в их кипучую жизнь огромные массы простого люда. В те времена не только в столицах сунского Китая — городах Кайфэне и Ханчжоу, но и в других (главным образом южных) крупных городах на торговых площадях и в прочих людных местах сооружались так называемые «черепичные навесы» для публичных представлений, где кукольники, певцы, фокусники, актеры, прыгуны и борцы показывали свое искусство. Отводились специальные места и для рассказчиков. Одни из них пересказывали буддийские сутры, другие — любовные или фантастические истории, третьи — повествовали о благородных чиновниках и справедливых судьях, четвертые — о героическом прошлом: легендарных сражениях, известных в народе полководцах. Чаще всего сюжет для сказа черпался из книг, однако порой творцами своих историй были и сами рассказчики. Чтобы не оказаться хуже собратьев по ремеслу и не лишиться заработка, они вынуждены были постоянно оттачивать свое мастерство, делать повествование более увлекательным, эмоциональным. Горожане любили послушать в свободное время сказителя, его интересные и поучительные истории о жизни ремесленников, слуг, монахов, торговцев и прочего простого люда. Популярность сказителей в ту эпоху была столь велика, что имена наиболее талантливых из них упомянуты в китайских источниках, описывающих жизнь Кайфэна и Ханчжоу в сунский период.

Мы располагаем теперь не только сведениями о рассказчиках той поры, но и самими текстами их рассказов — так называемыми *хуабэнями*. *Хуабэни* представляли собой либо запись рассказа со слов исполнителя, либо текст, по которому велся сказ. Ранние *хуабэни* далеко не одинаковы по своим художественным достоинствам. Некоторые довольно примитивны по содержанию, стилю и языку и напоминают собой скорее небрежно сделанную запись, нежели художественное произведение. Другие выделяются стройностью композиции, хорошим стилем и языком. Такие *хуабэни* могут рассматриваться как истинно художественная проза, как свидетельство того, какого высокого уровня развития в свое время достиг простой народный рассказ. Подобные рассказы были образно названы Лу Сином «литературой колдцев и рынка».

Демократическая природа *хуабэней*, специфика исполнения сказа и задач, которые ставил перед собой сказитель, определили и их характерные особенности. Основной чертой этого жанра является язык повествования: *хуабэни* написаны не на труднодоступном литературном языке вэньянь, а на языке, близком к разговорному. Как справедливо отмечает чешский китаевед акад. Я. Прушек, «...лучшие образцы народных рассказов сунского периода представляют собой попытку создания произведений искусства на разговорном языке, в котором сохраняются все черты, характерные для простой, естественной речи и диалога»¹. Кроме того, непременно увлекательность сюже-

¹ Prusek J. New studies of the Chinese colloquial short Story // Archiv orientální. 1957. N 25. С. 467.

та *хуабэней*, которая всегда сочетается с его дидактичностью, призывом оценить происходящее, сделать из него вывод для себя.

Литературная форма *хуабэней* подчинена ряду обязательных элементов. Повествование начинается со своеобразного «введения в сказ» (*жу хуа*) — небольшого самостоятельного рассказа, так или иначе связанного с идеей основного повествования; такое вступление давало сказителю возможность оттянуть время, пока подойдет народ, и начать основной рассказ, когда слушателей соберется побольше. Обычно рассказ обрамляется стихами; сказитель либо сочинял их сам, либо черпал из народных стихов и песен. Довольно часто вкрапляются стихи и в сам текст повествования; вводятся они, как правило, в наиболее эмоционально насыщенных местах — при выражении душевных чувств героя, описании красот природы, женской привлекательности, героических поступков персонажей. При устном исполнении стихи, по китайской традиции, читались нараспев, порой они исполнялись и в музыкальном сопровождении, что придавало сказу большую выразительность, делало его более живым и в определенной мере роднило с театральным представлением.

К концу XIII в. деятельность сказителей постепенно сходит на нет. Причиной тому явились, с одной стороны, политические события в стране, которые привели к почти столетнему господству в Китае монгольской династии Юань (1271—1368), с другой — решительное неприятие ортодоксальными литературными кругами устного народного творчества — произведений жанра *сяошо* и драм. Такая литература рассматривалась властью имущими не только как «низкая», недостойная внимания, но и как вредная. Запреты на нее в той или иной форме существовали в Китае с конца XIII и чуть ли не до начала XX в.¹

И все же жанру *хуабэнь* не суждено было кануть в Лету. Отдельные *хуабэни* дошли до нас в нескольких собраниях, из которых известны, например, *хуабэни* из сборника Хун Бяня «Повести из горного приюта чистоты и покоя» («Цин пин шань тан хуабэнь») и «Столичное издание популярных повестей» («Цзин бэнь тунсу сяошо»). Повести, вошедшие в эти собрания, скорее всего, датируются XIII в. или несколько позднее².

* * *

Хуабэнь возрождается как жанр в XVI—XVII вв., в конце династии Мин, но уже не в виде фольклора, а в виде авторской повести, написанной в подражание *хуабэням* (*ни хуабэнь*).

В возросшем интересе писательских кругов того периода к драме, роману и повести — увлекательной и доступной по языку литературе, отражавшей потребности основной массы населения (ремесленников, крестьян, торговцев, мелкого чиновничества), несомненную роль сыграли особенности

¹ См.: Исторические материалы...

² Подробные сведения о *хуабэнях* как об особом виде китайской старинной прозы русский читатель почерпнет из монографии: Желоховцев А. Н. *Хуабэнь* — городская повесть средневекового Китая. М., 1969; Зограф И. Т. Очерк грамматики среднекитайского языка (По памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо»). М., 1962. И. Т. Зограф принадлежит и перевод всех семи рассказов, вошедших в «Столичное издание популярных повестей» (См.: Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы. М., 1962).

политического, экономического и культурного развития Китая в XVI—XVII вв.¹

Что касается подражательной повести *ни хуабэнь*, то интерес к ней в то время был столь велик, что конец XVI и первую половину XVII в. по праву называют «золотым веком» этой литературы. Общественные деятели той поры, писатели и библиофилы с усердием разыскивают по стране старинные песенные сочинения, либретто драм, *хуабэни* рассказчиков. Найденные материалы литературно обрабатываются, известные писатели сами пишут рассказы в жанре *хуабэнь*. Новые повести, написанные в подражание *хуабэням*, вместе со старыми — найденными и отредактированными *хуабэнями* — собираются в сборники и издаются.

Ведущая роль в этой деятельности принадлежит прежде всего двум крупнейшим писателям, драматургам, библиофилам и издателям Фэн Мэнлу (1574—1646) и Лин Мэнчу (1580—1644). Оба — уроженцы южных провинций (первый — Цзянсу, второй — Чжэцзян), развитых в экономическом и культурном отношении районов, где с давних времен сосредоточивалась большая часть прогрессивной китайской интеллигенции. Реализации их усилий в распространении народной литературы во многом способствовало и хорошо поставленное в тех краях книгопечатание, одним из крупнейших центров которого еще с XIII в. был город Сучжоу — родина Фэн Мэнлу. Именно из печатен Сучжоу выходили, как правило, сочинения и сборники Фэн Мэнлу и Лин Мэнчу.

В 20-е—начале 30-х гг. XVII в. увидели свет пять собраний повестей в жанре *ни хуабэнь*, составивших целую эпоху в истории китайской демократической прозы. Изданием первых трех мы обязаны Фэн Мэнлу, двух последующих — Лин Мэнчу.

Каждое из трех собраний Фэн Мэнлу содержит сорок повестей, каждое предварено его предисловием.

Первое собрание под названием «Повести древние и нашего времени» («Гу цзинь сяошо») отпечатано в Сучжоу; предисловие к нему не датировано, однако многое говорит за то, что собрание это, скорее всего, увидело свет в 1620 г.

Второй сборник — «Слово простое, мир предостерегающее» («Цзин ши тун янь») был отпечатан в Нанкине; предисловие к нему датировано началом 1625 г.

Третье собрание — «Слово бессмертное, мир пробуждающее» («Син ши хэн янь») отпечатано в Сучжоу; предисловие датировано началом 1627 г. В этом предисловии Фэн Мэнлу дает своему первому сборнику новое название: «Слово назидательное, мир наставляющее» («Юй ши мин янь») и именуется все три сборника сокращенно: «Три Слова» («Сань Янь»). Впоследствии за первым собранием сохранилось его оригинальное название «Повести древние и нашего времени», а все три сборника вместе стали именовать «Три Слова», как это в свое время было предложено Фэн Мэнлу.

¹ Мы не останавливаемся на исторической характеристике эпохи, обусловившей становление и популярность демократической литературы. На русском языке этот аспект освещен достаточно полно. См.: Воскресенский Д. Н. Особенности культуры Китая в XVII в. и некоторые тенденции в литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 329—367; Вельгус В., Циперович И. Э. Китайский народный рассказ и его эпоха // Удивительные истории нашего времени и древности. Т. 2. М., 1962. С. 412—454.

Следующим после собраний Фэн Мэнлуна было отпечатано собрание Лин Мэнчу «Поразительное» («Пай ань цзинци») ¹. Это первое собрание *ни хуабэней*, автор которых был обозначен на титуле. В предисловии к собранию своих повестей Лин Мэнчу указывает, что материалом для них служили краткие заметки различных авторов об удивительных случаях, интересных людях, важных событиях, а также небольшие новеллы прошлых веков. Однако все это составляло для автора не более чем сюжетную канву, на которой строилось красочное повествование, создавалось поистине художественное произведение в манере старинных рассказов *хуабэнь*. Собрание повестей Лин Мэнчу вышло двумя частями: «Поразительное. Часть первая» («Чу кэ Пай ань цзинци») и «Поразительное. Часть вторая» («Эр кэ Пай ань цзинци»). Обе части отпечатаны в Сучжоу: первая — в 1628 г., вторая — в 1633 г. В историю литературы обе части вошли под общим названием «Эр (Лян) Пай», по первому компоненту названия самого собрания. Каждая часть оригинального издания, следуя собраниям Фэн Мэнлуна, содержала по сорок повестей.

Появившиеся на протяжении тринадцати лет одно за другим названные собрания составили огромный свод повестей, который впервые в таком объеме представил читателю авторские художественные произведения, написанные в стиле *хуабэней*. Именно поэтому, на наш взгляд, обращаясь к подражательным повестям конца периода Мин, китайское литературоведение рассматривает все пять собраний в одном ряду, именуя их как единое целое — «Три Слова, Два Поразительных» («Сань Янь, Эр (Лян) Пай»).

Непосредственное отношение к деятельности Фэн Мэнлуна имеет увидевший свет между 1635 и 1640 гг. сборник «Камни кивают» («Ши дьянь тоу») ². В нем до нас дошло четырнадцать подражательных минских повестей, автор которых скрыт под псевдонимами «Старец, плененный природой» («Тяньжань чи соу») и «Бродяга-бессмертный» («Лан сянь»). Печатался сборник в той же печатне, где и несколько книг Фэн Мэнлуна. Автором предисловия и комментария в оригинальном издании сборника значился Фэн Мэнлун. Известный французский исследователь минских повестей Леви полагает, что если сам Фэн Мэнлун и не был автором вошедших в «Камни кивают» повестей, то во всяком случае повести эти принадлежат перу писателя, близкого к его кругам. На этот счет ученый приводит целый ряд соображений ³.

И наконец, говоря о собраниях *ни хуабэней* этого периода, следует назвать сборник «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу цигуань»), отпечатанный не ранее 1633 и не позднее 1645 г. Первые его издания, по свидетельству ученых, содержали предисловие и комментарии, знакомство с которыми дало основание полагать, что он также был отпечатан в Сучжоу и что составлен был по инициативе людей, так или иначе связан

¹ Здесь и далее название сборника дается сокращенно. Его полное название «Стуча по столу [от изумления, восклицать:] Поразительно!» Именно такую реакцию читателя на каждую из повестей хотел видеть Лин Мэнчу.

² Название связано с хорошо известной в Сучжоу легендой о буддийском монахе Шэнгуне, жившем в храме близ Сучжоу. Проповеди его были столь убедительными, что даже камни, внимая его словам, поддакивали ему, кивая в знак одобрения и согласия. Этим названием составитель как бы подчеркивает основную идею вошедших в сборник повестей: склонять людей к добру.

³ См.: *Levy André. Le conte en langue vulgaire du XVII-e siècle. Paris, 1981. С. 92, 93, 360—364.*

ных с деятельностью Фэн Мэнлуна¹. В собрание вошли сорок повестей, избранных составителем из сборников Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (двадцать девять из «Трех Слов» и одиннадцать из «Поразительного»). Это собрание сыграло исключительную роль в истории китайской литературы, поскольку оно оказалось единственным оставшимся в обращении вплоть до XX в. памятником прозы в жанре *ни хуабэнь* (до образования КНР он переиздавался в Китае более двадцати раз²).

Судьба остальных названных собраний *хуабэней* и *ни хуабэней* весьма драматична. Практически уже к концу XVIII—началу XIX в. они становятся библиографической редкостью — некоторые уцелели лишь частично, другие пропали полностью, оригинальные экземпляры иных оказались в Японии. Только в 1915 г. было обнаружено и опубликовано «Столичное издание популярных повестей»; лишь в 1947 г. были переизданы на основании оригинала, хранящегося в Японии, «Повести древние и нашего времени»; только с середины 50-х годов нашего века стали доступны благодаря их первому изданию в КНР все три собрания Фэн Мэнлуна, оба сборника Лин Мэнчу, «Камни кивают» и некоторые другие. Даже маститые китайские ученые ничего не знали о них вплоть до начала XX в. Так, известный исследователь китайских романов и популярных повестей Сунь Кайди свидетельствует, что ему стало известно о существовании «Трех Слов» и «Поразительного» только из «Краткой истории китайской прозы сяошо» Лу Синя (то есть не ранее 1923 г. — *И. Ц.*), а после этого он потратил не менее пяти лет, чтобы разыскать их и познакомиться с ними.

Открытие в конце 50-х гг. собраний популярных повестей XVI—XVII вв. было для китайской литературы весьма важным событием. Вновь изданные сборники, как правило, предварялись обстоятельными предисловиями, знакомящими читателя с самим жанром и с особенностями собрания. На протяжении последующих лет каждое из собраний не раз переиздавалось. Многочисленными исследованиями *сяошо*, в том числе и минской популярной повести, мы обязаны Лу Синю, Ху Ши, Тань Чжэнби, Чжэн Чжэньдо, А Ину, Сунь Кайди, Фу Сихуа, Юй Пинбо, Ван Гулу, Гу Сюэцзи и многим другим авторитетным литературоведам. Одновременно в помощь исследователям *сяошо* издаются и справочные материалы. В связи с нашим сюжетом хотелось бы обратить внимание на двухтомник «Материалы по Сань Янь и Лян Пай»³.

* * *

Знакомство с минскими повестями за пределами Китая прежде всего состоялось в Японии, где их переводили еще в XVIII в., черпая материал, разумеется, из «Удивительных историй...». Сами рассказы типа *хуабэнь* оказали влияние на развитие особого жанра японской литературы, названного акад. Н. И. Конрадом «приключенческой новеллой». Одним из первых собра-

¹ См.: *Levy André*. Op. cit. С. 77—80.

² Таблицу с подробными сведениями о всех переизданиях «Удивительных историй...» вплоть до 1967 г. приводит Леви (*Указ.* соч. С. 84—86).

³ Сань Янь Лян Пай цзыляо / Сост. Тань Чжэнби. Шанхай, 1980. В книге, явно носящей исследовательский характер, приводятся источники каждого рассказа названных сборников, а также прослеживается его влияние на драму и повесть последующих времен.

ний таких японских повестей были «Пестрые рассказы об удивительных историях древности и современности» («Кокин кидан ханабуса дзосси»), опубликованные между 1744 и 1747 г. Автор повестей Киуро Гёся, по свидетельству акад. Конрада, «...многим обязан известному китайскому сборнику „Примечательных рассказов“ — „Цзинь гу цигуань“. Однако он в достаточной мере искусно сумел придать этому материалу японскую оболочку...»¹ Нечего говорить о том, что с конца 50-х гг. XX в., когда в Китае за другим стали публиковаться сборники старинных китайских повестей, собрания Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу привлекли к себе особое внимание японских исследователей китайской литературы. Им посвящают свои труды такие видные ученые, как Ёсикава Кодзиро, Ирия Ёситака, Хатано Таро, Ота Тацуо, Оки Ясуси и другие. Произведения китайской художественной прозы, в том числе и собрания Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, публикуются в японском переводе и отдельными изданиями, и в книжной серии «Полный свод китайской литературы в переводе» («Дзэнъяку тьюгоку бунгаку тайкэй»). В помощь изучающим эту литературу и японским ее переводчикам издаются разного рода справочные материалы. Один из них — «Указатель к словам и выражениям, прокомментированным в китайских сяшо на разговорном языке» («Тьюгоку хакува сёсэцу госяку сакуин») весьма примечателен².

Ранние переводы из «Удивительных историй...» на европейские языки относятся к XVIII—XIX вв. Особый интерес к китайским повестям был вызван в ту пору прежде всего увлечением Европы Китаем. И хотя тогда многие переводы осуществлялись в первую очередь известными французскими синологами, такими как Э. С. Дени, Т. Пави, А. Ремюза и Ст. Жюльен, они чаще всего все же походили на простой пересказ содержания повестей, куда порой, в угоду европейскому читателю, переводчик вводил красивые и изящные фразы, а иногда целые эпизоды, отсутствующие в оригинале. В 20—50-е гг. нашего века у европейского читателя появилась возможность составить более полное представление о минских популярных повестях благодаря публикации целой серии собраний переводов из «Удивительных историй...», каждое из которых содержало по пять—десять китайских повестей. Правда, сами переводы выполнялись не специалистами в области китайской литературы, а потому были далеко не адекватны оригиналам³. Благодаря изданной в 1952 г. наиболее полной библиографии переводов китайской поэзии и прозы на английский, французский и немец-

¹ Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. М. [Б. г.] С. 534. Для сравнения одного из японских рассказов Киуро Гёся, переведенного Н. И. Конрадом (см.: Конрад Н. И. Указ. соч. С. 513—522), с его китайским прототипом — повестью «Цзинь Юйну избивает неверного мужа» см. в настоящем собрании с. 110.

² Пособие это, составленное Кабинетом китаеведения при Осакском муниципальном университете, примечательно тем, что создано, можно сказать, на скорую руку (в виде рукописи, размноженной ксерокопически) в 1958 г., то есть буквально сразу же после первого выхода в свет в КНР собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу (1956—1958). Помимо романа «Речные заводи» (изд. 1953 г.), справочник учитывает в общей сложности девять собраний старинных повестей (*хуабэней* и *ни хуабэней*), изданных в КНР с 1955 по 1958 г., и включает примерно четыре тысячи слов и выражений. Для каждого из них указывается страница соответствующего китайского издания, где данное слово или выражение комментируется.

³ К таким собраниям относятся, например, английские переводы, выполненные Е. Хаулем (Е. В. Howell), а также переводы Ян Сяньи в соавторстве с Гледис Ян (Yang Hsien-i and Gladys Yang); переводы на немецкий язык Ф. Куна (F. Kuhn) и И. Херцфельда (Y. Herzfeldt).

кий языки¹ известно, что за период от середины XVIII в. до начала 40-х гг. XX в. в журналах и в виде отдельных изданий на этих языках опубликовано в общей сложности около двухсот переводов повестей из «Удивительных историй...». Не следует, однако, сбрасывать со счета многочисленные переводы минских повестей на итальянский, испанский и другие европейские языки. Интересно, что к 1955 г. только три рассказа из «Удивительных историй...» оставались непереуведенными². Положение с европейскими переводами памятников китайской литературы коренным образом изменилось с конца 50—60-х гг., когда переводчиками произведенной восточной литературы стали выступать их исследователи. Углубленный анализ минских повестей мы находим в трудах знатоков китайской старинной прозы *сяошо*: французских китаеведов П. Демиевиля и А. Леви; английского специалиста С. Берча; американских ученых Дж. Л. Бишоп и П. Ханана; чешского востоковеда Я. Прушека. Переводы названных авторов отличаются близостью к оригиналу, наличием необходимых для читателя пояснений к тексту перевода и обстоятельных предисловий.

Довольно рано познакомились с минскими популярными повестями и в России. Уже с начала XX в. переводчиками рассказов из «Удивительных историй...» выступают известные русские китаеведы — профессора А. И. Иванов (1909 г.), Б. А. Васильев (1924 г.), В. С. Колоколов (1929 г.). Однако все это были переводы (далеко не одинаковые по своему достоинству) не более чем одной-двух повестей. Кроме того, как произведения особого прозаического жанра рассказы из «Удивительных историй...» еще в начале века становятся объектом университетского преподавания³. С середины 50-х гг. и до наших дней не прекращаются усилия российских китаеведов по исследованию и переводу старинных *хуабэней* и минских авторских повестей, написанных в подражание им. За указанный период китаеведами-филологами выполнена целая серия таких исследований, а также переводов, которые составили ряд собраний. К их числу относятся труды В. А. Вельгуса, Д. Н. Воскресенского, А. Н. Желоховцева, И. Т. Зограф, А. П. Рогачева, А. А. Тишкова, И. Э. Циперович. Всего к настоящему времени ими переведено в общей сложности более пятидесяти повестей⁴.

Усилия китаеведов-филологов разных стран, давшие миру за последние пятьдесят лет множество переводов из собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, создали ощутимую базу для исследования китайской простонародной художественной прозы, равно как и для изучения в аспекте сравнительного литературоведения старинной художественной прозы других народов. Без такой базы вряд ли можно было бы серьезно браться за исследование данного жан-

¹ Davidson M. A List of published translations from Chinese into English, French and German. Pt. 1. Michigan, 1952.

² См. об этом: *Lin Wu-chi*. Chinese literature in translation // Indiana University conference of Oriental-Western literary relations. 1955. С. 226.

³ Так, одна из повестей вошла в «Самоучитель китайского разговорного языка» Я. Брандта (Пекин, 1909). В 1912/1913 уч. г. акад. В. М. Алексеев впервые ввел сборник «Удивительные истории...» в программу своих лекционных курсов для демонстрации особых текстов, представляющих собой, по его определению, «промежуточный вариант между китайским разговорным и письменным». Не случайно, разумеется, в дальнейшем первое собрание переводов на русский язык повестей из «Удивительных историй...», опубликованное в 1954 г., было выполнено переводчицей И. Э. Циперович именно по инициативе акад. Алексеева.

⁴ Объем небольшой статьи не позволяет перечислить все исследования и переводы названных специалистов.

ра, ибо, действительно, нельзя «...говорить о литературном произведении с полной убедительностью для других (и в какой-то мере для себя), если оно не переведено на тот язык, который служит тебе орудием твоих доказательств и с помощью которого ты общаешься с читателем...»¹

* * *

Датировка минских повестей, их истоки, определение их авторства — весьма сложная проблема, которой уже долгие годы занимаются историки китайской литературы в самом Китае и за его пределами. При изучении той или иной повести не всегда удается определить — *хуабэнь* это или подражание *хуабэни*, столь мало порой они отличаются по формальным признакам, а иногда и по художественным достоинствам. Рассматривая состав собраний Фэн Мэнлуна, большая часть исследователей склоняется к мнению, что из ста двадцати повестей, в них вошедших, старинными можно считать лишь сорок пять, остальные, скорее всего, написаны минскими авторами, оставшимися анонимными. Повесть «Старый сючай воздает за добро трем поколениям одной семьи» принадлежит перу самого Фэн Мэнлуна; по-видимому, ему же принадлежат в трех собраниях и еще несколько повестей.

Как читатель сможет убедиться, авторы подражательных повестей, следуя тематике *хуабэней* и их стилю, сохраняли в своих творениях формальные признаки их прототипа, отмеченные нами выше: близкий к разговорному язык; обрамление рассказа стихами и вкрапление в текст поэтических пассажей; как правило, предпосылка основной истории небольшого рассказа-пролога; авторские отступления, в которых писатель высказывает свое отношение к происходящему, призывая читателя оценить его и сделать для себя соответствующий вывод. Из названных признаков минских повестей наиболее важным является язык произведения, который делает повесть доступной для простого люда.

Практически в каждой повести присутствует назидательная сторона. Как и устный рассказ, литературная повесть призвана привлечь читателя близостью жизненной правде и живой занимательностью повествования. Но в то же время задача каждой повести — наставить людей на путь добра, заклеить все непорядочное, несправедливое, недоброе. Этому подчинены целые тирады авторских отступлений, вводные части и концовки повестей, где в прозе или стихах преподносится вытекающая из повести мораль. Наконец, уже сами названия сборников Фэн Мэнлуна — «Слово назидательное, мир наставляющее», «Слово простое, мир предостерегающее», «Слово бессмертное, мир пробуждающее» — говорят за себя.

О связи минских повестей с сунскими рассказами, о том, насколько важным Фэн Мэнлун считал доступность литературы широкому кругу читателей или слушателей и какое значение придавал воспитательной ее стороне, образно сказано им самим в предисловии к собранию «Повести древние и нашего времени». Позволим себе привести интересующую нас часть этого предисловия.

«Просвещенное правление нашей династии Мин достигло такого расцвета, что нет [литературного] течения, которого не захватила бы волна подъема. Такие вещи, как, например, исторический роман (в тексте: «яньи»). —

¹ Эйдлин Л. З. Вопросы изучения литературы средневекового Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 269.

И. Ц.) часто превосходят то, что создавалось сунскими авторами. И если иной скорбит о том, что утратилась прелесть стиля авторов периода Тан, — это неправильно. Кушающий персик не выбрасывает абрикоса; лен или шелк, шерсть или парча, — каждое только определенному времени подходит. Танские писатели большей частью выбирали слова, чтобы тронуть сердце высокообразованного человека; сунские авторы — доходчивость, чтобы угодить уху простолюдина. Но сердец высокообразованных людей в Поднебесной мало, а ушей простолюдинов — много. Поэтому тех повестей, которые предназначены для выбора слов, мало, а тех, что предназначены для доходчивости, — много. Допустим, что ныне, выступая на площади, рассказчик что-то описывает. Слушая его, человек то радуется, то изумляется, то ему грустно, то он плачет, то подпевает, то пританцовывает. Порой ему хочется схватиться за нож, порой — низко поклониться, то он готов перерезать себе горло, то пожертвовать деньги. От услышанного трусливый станет храбрее, развратник — целомудреннее, бесчувственный — сердечнее, туповатого и то бросит в пот. И хотя мы с детства читаем „Трактат о сыновней почтительности“ и „Беседы и суждения“ Конфуция, но разве эти вещи могут тронуть человека столь непосредственно и глубоко. Увы! Если это не рассчитано на доходчивость, то как такое может быть?! У меня в доме собрано огромное богатство популярных повестей старинных и нашего времени. И вот, уступая просьбе торговцев, я отобрал из них те, что могли бы быть благом для уха простолюдина. Всего таких сорок штук. Их я и отдал разок отпечатать»¹.

По содержанию минские популярные повести следуют основным тематическим группам устного сказа: повесть любовная (чисто эротическая или любовно-романтически-бытовая); историко-биографическая; о легендарной дружбе древних; близкая к детективу; чисто бытовая, рисующая события повседневные, персонажей весьма заурядных.

Жизненная правда, разнообразие сюжетов и героев, увлекательность повествования, гуманный настрой и легкий язык минских повестей дали основание усмотреть нечто общее между китайскими рассказами из собраний Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу и повестями Джованни Боккаччо. Интересно, что одно из собраний переводов минских повестей на немецкий язык, изданное в 1957 г. в Лейпциге, вышло под названием «Китайский Декамерон». Подобное сравнение не лишено определенного резона. Вспомним, что говорит автор в своем небольшом вступлении к «Декамерону»: «В этих повестях встретятся как занятные, так равно и плачевные любовные похождения и другого рода злоключения, имевшие место и в древности, и в наше время. Читательницы получат удовольствие, — столь забавны приключения, о коих здесь идет речь, и в то же время извлекут для себя полезный урок. Они узнают, чего им надлежит избегать, а к чему стремиться. И я надеюсь, что на душе у них станет легче»².

Разумеется, включенные в настоящий сборник рассказы не равноценны по своим художественным достоинствам, но ведь и нет литературы, а в ней жанра, состоящего сплошь из шедевров. Каждая из повестей хороша по своему.

Впрочем, предоставим читателю возможность самому разобраться в истинных достоинствах произведений, призванных «развлекая, поучать». Так или иначе, но любая повесть удивительно правдиво отражает психологию,

¹ Повести древние и нашего времени (Гу цзинь сяошо). Кн. 1. Пекин, 1955. С. 1.

² Боккаччо Дж. Декамерон. М., 1970. С. 8.

религиозные верования, быт и нравы создавшего эту литературу народа и потому может служить прекрасным источником для познания культуры Китая разных эпох. Ведь ни одна историческая работа, ни один энциклопедический справочник, какого бы совершенства и полноты он ни достигал, не сможет дать столь живого и образного представления о специфике национальной культуры, как литература художественная, и в первую очередь повесть, роман, драма.

* * *

В книгу, которую читатель держит в руках, вошли повести из шести китайских собраний XVII в. Двадцать избраны из трех собраний Фэн Мэнлуна: «Повести древние и нашего времени» (первые шесть рассказов в настоящем сборнике); «Слово простое, мир предостерегающее» (рассказы с седьмого по четырнадцатый); «Слово бессмертное, мир пробуждающее» (с пятнадцатого по двадцатый). Оба собрания Лин Мэнчу «Поразительное» представляют последние пять повестей; последний рассказ взят из сборника «Камни кивают».

Повести, помещенные в данном сборнике, в разные годы публиковались в отдельных собраниях¹. При подготовке настоящего переиздания русский текст всех повестей был сверен составителем с их китайским оригиналом. Изменения, а нередко и дополнения, составитель был вынужден внести в русский текст некоторых из девяти рассказов, опубликованных в русском переводе в 1962 г. и переиздаваемых впервые в данной книге. Вызвано это тем, что в конце 50-х гг., когда готовился перевод этих повестей, переводчикам не были доступны китайские собрания «Сань Янь» («Три Слова») и «Эр Пай» («Поразительное»), и перевод осуществлялся тогда по сборнику «Цзинь гу цигуань» («Удивительные истории нашего времени и древности». Пекин, 1957), составитель которого вносил в текст рассказов, избранных им из «Сань Янь» и «Эр Пай», некоторые изменения, а порой добавлял от себя целые куски нового текста или исключал отдельные пассажи из оригинального текста «Сань Янь» и «Эр Пай».

Перевод повестей снабжен комментариями, которые обозначаются звездочкой перед собственным именем, словом или выражением, требующим пояснения. Пояснения к географическим названиям даются только там, где это необходимо для понимания соответствующего места повести. Сами комментарии помещены в конце книги и расположены в алфавитном порядке.

В связи с выходом данной книги не могу не вспомнить с благодарностью двух дорогих мне людей. Прежде всего, моего учителя академика Василия Михайловича Алексева, который в свое время предложил мне заняться переводом рассказов из «Удивительных историй...», рекомендовал мой перевод к изданию и просматривал мою работу уже будучи смертельно больным. Таким образом, первое собрание повестей из «Удивительных историй...» в их русском переводе² появилось именно благодаря В. М. Алексеву. Огромный

¹ Удивительные истории нашего времени и древности. Т. 1—2. М., 1962; Разоблачение божества: Средневековые китайские повести. М., 1977; Удивительные истории нашего времени и древности. М., 1988.

² Удивительные истории нашего времени и древности: Избранные рассказы из сборника XVII в. «Цзинь гу цигуань» / Пер. и примеч. И. Э. Циперович. М.; Л.: 1954, 315 с.

труд в изучение повестей данного жанра вложил китаевед Виктор Андреевич Вельгус, знаток китайского языка и китайской литературы, который выступал не только как переводчик ряда повестей, но и как придирчивый редактор переводов, выполненных И. Э. Циперович. Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Центра «Петербургское Востоковедение», работавшим над подготовкой данной книги к печати. Почти весь сборник в процессе его корректуры был прочитан Елизаветой Михайловной Райхиной, замечания и советы которой приняты мной с большой благодарностью.

И. Э. Циперович

1. ЦЗЯН СИНГЭ ВНОВЬ ВИДИТ ЖЕМЧУЖНУЮ РУБАШКУ

*Служба не так уж ценна,
пусть даже платят немало;
Возраст за семьдесят лет —
редчайший удел человека.
Многие ль вспомнят потом
о славе твоей мимолетной?!
Хлопоты в жизни, дела —
забавы одни, да и только.
Годы молодые даны
на то ль, чтоб в безумстве их тратить.
Счастье и радость искать
в одном лишь вине и в красотках?
Прочь от мирской суеты,
где правда и ложь неразлучны;
С жизни уделом смирясь,
довольствуйся мудрым покоем.*

Стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой». В нем говорится о том, что надо пытаться удерживать достигнутое в жизни, находя радость в сложившейся судьбе, а также избегать четырех вещей: вина, женщин, богатства и тщеславия — и не растрчивать на все это духовные силы. Потому что ведь известно: удовольствие, за которым погнался, обернется неудовольствием; выгода, которую обрел, обернется потерей. Но из четырех этих зол ни одно так не губительно, как женщины. Верно говорят: глаза — сваха в любви, желанье — похоти источник. Поначалу вас влечет к женщине лишь сердцем, а затем вы теряете и разум. Правда, если случится встретиться где-нибудь с *цветочком или с ивой, то в том нет беды. Другое дело, если специально строишь на этот счет планы, нарушаешь приличия, семейные обычаи и ради мига собственного блаженства пренебрегаешь многолетними чувствами других. Подумай, что пришлось бы переживать тебе самому, если бы кто-то стал заигрывать с твоей красавицей-женой или с любимой наложницей и в ре-

зультате добился бы своего. В древних стихах хорошо об этом сказано:

*Да, человека можно обмануть,
Но неба справедливость неизменна:
Коль я не оскверню чужой жены,
И на мою никто не покусится.*

Итак, уважаемые, послушайте повесть о жемчужной рубашке. Из этой истории вы увидите, что возмездие неба неминуемо, и рассказ этот да послужит молодым людям хорошим уроком.

Рассказ начнем с одного человека, фамилия которого Цзян, *имя — Дэ, *молочное имя — Сингэ; был он уроженцем города *Цзаоян, что в области Сяньян. Отца его звали Цзян Шицзэ. Еще с юных лет Цзян Шицзэ стал ездить с товарами торговать в провинцию Гуандун. Но вот у него умерла жена, и он остался вдвоем с сыном, которому в то время было всего девять лет. Других детей у супругов не было. Отцу жалко было оставлять сына одного, а отказаться от поездок в Гуандун, бросить дело, которое его кормило, он тоже не мог. Цзян Шицзэ прикидывал и так и этак, думал-думал, но выхода не находил. Оставалось одно: взять девятилетнего сына и вместе с ним отправиться в путь. «К тому же, — рассудил Цзян Шицзэ, — мальчик чему-то научится, узнает кое-какие секреты торговли». Сингэ хоть был еще мал, но выглядел уже не ребенком:

*Брови, глаза хороши,
Белые зубы, красные губы.
В походке, движеньях — достоинства полон,
В разговоре разумен, находчив,
Сметливей начитанных многих,
Понятлив не меньше, чем взрослый.
Мальчишкой-красавцем все его звали,
Говорили, что нет ему просто цены.*

Опасаясь, что люди будут ему завидовать, Цзян Шицзэ во время путешествия никому не говорил, что Сингэ — его родной сын, а выдавал мальчика за молодого Ло, племянника жены. Следует сказать, что семья Ло тоже занималась торговлей, совершая поездки в Гуандун. Но если Цзян Шицзэ первым в своей семье взялся за это дело, то в семье Ло этим занимались уже целых три поколения. Поэтому там, в Гуандуне, и хозяева торговых подворий, и посредники в делах на протяжении многих лет были знакомы с людьми из семьи Ло и считали их чуть ли не родственниками. Кстати, и самого Цзян Шицзэ ввел в это дело Ло, отец его жены, некогда взяв его мальчиком с собой в путешествие. Но в последнее время семье Ло пришлось вести тяжбы по несправедливым обвинениям; тяжбы эти окончились для Ло неудачно, семья обеднела, и вот уже который год никто из них не ездил торговать в Гуандун. Неудивительно, что и посредники в делах, и люди на торговых подворьях всякий раз, встречая Цзян Шицзэ, спрашивали его о семье Ло. Когда же они узнавали, что мальчик, с

которым он приехал, из семьи Ло, да еще видели, какой ребенок красивый и умный, все, конечно, очень радовались. При этом они думали о том, что их деды и отцы дружили с семьей Ло, а ныне вот появился мальчик, принадлежащий уже к четвертому поколению Ло.

Однако не будем отвлекаться.

Итак, Сингэ несколько раз ездил с отцом торговать. Сообразительный мальчик быстро изучил все тонкости и ходы в торговле, все прекрасно понимал, и отец его был этим безмерно доволен. Когда Сингэ минуло семнадцать лет, отец вдруг заболел и умер. Хорошо еще, что это случилось дома, на родине, и Цзян Шицзэ не стал бродячей душой где-то в чужом краю. Сингэ долго плакал и рыдал. Но что было делать: пришлось утереть слезы и заняться всем тем, что связано с церемонией похорон и трауром по родителю. Он обрядил отца, как полагается в подобных случаях, уложил его в гроб и, само собой разумеется, заказал заупокойную молитву. *Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего и выразить соболезнование Сингэ. Явился и господин Ван, земляк и будущий тесть Сингэ. Помогая при обряде и прислуживая Вану, родственники и друзья Сингэ, разумеется, рассказывали ему, как и что. Разговор зашел и о Сингэ, о том, что он хоть и молод, но серьезен и обстоятелен, что вот сумел сам все подготовить и устроить как положено для совершения траурного обряда. Слово за слово, и кто-то из присутствующих сказал, обращаясь к Вану:

— Уважаемый господин Ван, ваша дочь уже взрослая. *Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства? И ему будет легче, и ей хорошо.

Ван с этим предложением не согласился и вскоре, распрощавшись, ушел. Когда обряд похорон был завершен, родственники Сингэ завели с ним разговор о женитьбе. Поначалу он отказался, но после того как с ним поговорили об этом и раз, и другой, подумал, что вот он остался теперь в доме один, рядом никого нет... и решил согласиться. Попросили пойти к Вану ту самую женщину, которая в свое время была свахой у семей Цзян и Ло. Ван отказал и ей:

— Нужно подготовить хоть какое-то приданое: сразу ведь этого не сделаешь! Кроме того, и года после похорон еще не прошло — не положено так! Дождемся конца *малого траура, тогда и поговорим.

Сваха передала все это Сингэ, и тот, понимая, что Ван прав, не стал настаивать.

Время летело словно стрела — незаметно прошел год. Сингэ совершил жертвоприношения перед *поминальной табличкой отца, снял с себя грубую пеньковую траурную одежду и снова попросил сваху пойти к Вану. На этот раз согласие было получено, и через несколько дней после совершения всех положенных предсвадебных обрядов молодую ввели в дом Сингэ. Все, в общем, было как в том стихотворении на мотив «Луна над Западной рекой»:

*Траурный занавес на *красный сменили,
Пеньковое платье — на пестрый наряд.
Дом празднично убран,
Свечи, сияя, горят.*

*К торжественному пиру все готово,
И *брачные чаши их ждут.
Ничто приданого богатство
В сравнении с изяществом и красотой невесты.
Радостна будет брачная ночь,
Наутро придут с поздравленьями люди.*

Скажу еще, что новобрачная была третьей и самой младшей дочерью господина Вана, звали ее Саньда или, ласкательно, Саньдаэр. Так как она родилась в *седьмой день седьмого месяца, ее называли также Саньцяо, то есть «Третья-удачливая». Две старшие дочери господина Вана, которых еще раньше выдали замуж, были так хороши собой, что все в городе восхищались их красотой и даже сочинили о них стишки:

*Женщин немало на свете,
Но красавиц таких, как дочери Вана,
Редко найдешь.
Откажешься стать императорским зятем,
Коль выпадет счастье
Жениться на дочери Вана.*

Поговорка не случайно гласит: не повезло в торговле — это временно; с женой не повезло — вот это на всю жизнь. А ведь когда в богатых, знатных семьях собираются просватать сына, то обычно стараются подыскать невесту из семьи с соответствующим положением; бывает и так: позарившись на большое состояние, без всяких раздумий совершают сговор с каким-нибудь богачом. Но вот наступает день, *молодая является в дом жениха — тут-то вдруг, бывает, и обнаруживается, что она уродлива; и когда после бракосочетания она вынуждена выйти к родственникам мужа, дабы представиться им, то тестю и теще становится очень не по себе. Муж, конечно, разочарован и тайком начинает искать любовь на стороне. Но, как правило, именно некрасивые жены умеют держать в руках своих мужей. Если будешь обходиться с такой женой так же, как и она с тобой, то начнутся ссоры, а коли сочтешь, что скандалить неловко, и уступишь ей раз-другой, она станет задира́ть нос да показывать себя.

Отец Сингэ понимал, что ничего хорошего в подобных браках нет; поэтому, проведая в свое время о том, что дочь у господина Вана девочка хорошая, к тому же еще и недурна собой, он совершил с ним брачный сговор; это было тогда, когда Сингэ и Саньцяо были еще детьми малыми. Теперь, когда Саньцяо вошла в дом Сингэ, он увидел, что его жена действительно хороша собой — изящна, стройна и красива, красивее даже, чем ее старшие сестры. Вот уж поистине,

*В красоте ей уступит *Си Ши из дворца князя У,
*Нань Чживэй из владения Чу — не столь хороша.
Как *Гуаньинь она, что смотрит на луну в воде,
Достойна поклонения и воскурений.*

Сингэ и сам был красив, а теперь еще и жена красавица. Это была пара, словно выточенная из нефрита искусным мастером, и лю-

били они друг друга так, как, казалось, не любил друг друга никто из супругов. Через три дня после свадьбы Сингэ и Саньцяо сменили нарядную одежду на скромное платье. Под предлогом, что они все еще в трауре, Сингэ не занимался делами и целые дни, с утра до вечера, сидел дома со своей женой и наслаждался общением с нею. Молодые буквально не отходили друг от друга и были вместе даже в своих снах. Издревле известно: тяжкие дни тянутся долго, радости время быстро летит. Минуло лето, прошла зима. Сингэ и Саньцяо даже не заметили, как кончился период большого траура. Они сняли с себя траурное одеяние и убрали поминальную табличку. Но об этом подробно рассказывать не будем.

Однажды, подумав о том, что прошло уже более трех лет с тех пор, как отец был в Гуандуне, где осталось немало счетов, по которым он в свое время так и не успел получить, Сингэ вечером заговорил об этом с женой и сказал, что собирается съездить в Гуандун.

— Надо поехать, — согласилась она поначалу. Но когда речь зашла о том, как далек туда путь и как трудно будет им перенести разлуку, у Саньцяо невольно потекли слезы. Сингэ самому тоже было тяжело расставаться с женой, поэтому, подавленные горем и печалью, они оставили разговор о его отъезде. Так повторялось не раз.

Время текло, дни шли своим чередом, и вот прошло еще два года. Сингэ наконец твердо решил отправиться в путь и тайно от жены, вне дома, потихоньку подготавливал все необходимое. Он уже выбрал *благоприятный день и лишь за пять дней до отъезда признался жене, что решил ехать.

— Как говорится, если сиднем сидеть и только есть, то и гора опустеет, — сказал он ей при этом. — Нам ведь с тобой тоже надо позаботиться о том, чтобы семья была как семья и дом как дом. Неужто так и забросить дело, которое кормило меня? Теперь у нас весна, не холодно и не жарко, и если сейчас не поехать, то когда же еще? Самое время отправиться в путь.

Саньцяо поняла, что на этот раз ей не удержать мужа, и только спросила:

— Когда же ты рассчитываешь вернуться?

— Я ведь и сам не рад, что приходится теперь ехать. Удачно сложатся дела или нет, но через год вернусь. В крайнем случае второй раз съезжу туда и, если нужно будет, тогда уж задержусь.

— В будущем году, когда появятся почки на этом дереве, буду ждать твоего возвращения, — сказала Саньцяо, указывая на душистый ясень, росший перед домом, и слезы дождем полились у нее из глаз. Сингэ стал рукавом утирать их и сам невольно заплакал. Горюя о предстоящей разлуке, они были так нежны друг с другом, что в двух словах это и не передашь.

Наступил день отъезда. Всю ночь супруги, роняя слезы, проговорили до утра, так и не сомкнув глаз. В пятую *стражу Сингэ поднялся, привел в порядок вещи, достал все драгоценности и украшения, которые были в его семье, и передал их жене, чтобы та сохранила. В дорогу Сингэ взял лишь необходимую на дело сумму, долговые записи, одежду и постельные вещи. Все это он уложил и упаковал.

С собой он решил взять одного из двух слуг — того, что помоложе; того, что постарше, он оставлял дома, дабы тот делал покупки и все необходимое по хозяйству. В доме были еще две пожилые кухарки и две молодые служанки. Одну из них звали Цинъюнь, другую — Нунаньсюэ. Обе должны были прислуживать самой Саньцяо и не отлучаться из дома.

Распорядившись обо всем, он сказал на прощание жене:

— Ты уж потерпи, поживи одна. Только не выглядывай на улицу, чтобы не случилось чего неладного: женщина ты красивая, а молодых легкомысленных людей у нас тут хватает.

— Не волнуйся и возвращайся поскорее, — сказала она в ответ. Расстались они со слезами на глазах. Вот уж поистине,

*Нет тяжелее, горестней нет
Разлуки при жизни, прощанья перед смертью.*

В пути Сингэ думал только о жене, и ничто его не интересовало. Но вот наконец он добрался до Гуандуна и остановился в гостинице. Все, кто его знал, приходили повидать его, и всем он раздавал подарки; надо было ходить и на званые пиры, которые в честь его приезда по очереди устраивали его добрые знакомые, так что почти три недели у него не было для дела и минуты свободной. Надо сказать, что Сингэ еще дома подорвал свое здоровье, дала себя знать и усталость от дороги, а тут еще жизнь в Гуандуне, когда волей-неволей нарушалась должная мера и своевременность в еде. В результате Сингэ заболел малярией, проболел все лето, а осенью его одолела дизентерия. Каждый день *врач щупал его пульс, назначал лекарства. Поправился Сингэ лишь в конце осени. Все дела во время болезни, разумеется, были заброшены, и стало ясно, что к обещанному сроку ему не успеть вернуться домой. Вот уж право,

*Всего-то выгоды с мушиную головку,
А он жену оставил и ушел от счастья.*

Вначале Сингэ беспрестанно думал о доме, но со временем постепенно перестал терзать себя мыслью о нем.

Оставим теперь речь о том, как Сингэ жил в Гуандуне, и расскажем о его жене.

Саньцяо, как и велел ей муж в день отъезда, действительно несколько месяцев подряд не то что в окно не выглядывала — вниз не спускалась из своей комнаты. Между тем время мчалось стрелой, и незаметно наступил канун Нового года. В каждом дворе *трещали пестарды, пылали сосновые ветки; люди собирались вместе, пили, ели, развлекались, играли в различные игры. Все это навевало на Саньцяо грусть, тоску по мужу, и в эту ночь она чувствовала себя особенно одиноко. Точь-в-точь как в древних стихах:

*Год кончился, но нет конца печали,
Весна опять пришла, но тот, кого ты ждешь,
не возвратился.*

*Грусть и тоска с утра терзают душу,
И в новую одежду нарядиться нет желанья.*

Следующий день — первый день первого месяца — был Новый год, и обе служанки, Цинъюнь и Нуаньсюэ, стали уговаривать хозяйку пойти в передний дом и поглядеть, что делается на улице. Следует сказать, что дом Сингэ состоял из двух отдельных, соединенных между собой строений. Одно выходило прямо на улицу, другое стояло в глубине и служило спальным помещением. Саньцяо обычно все время проводила во втором доме, и вот, поддавшись уговорам служанок, она наконец впервые решилась пойти в передний дом. Приказав открыть окно и опустить занавеску, она села у окна и вместе со служанками стала смотреть на улицу сквозь занавеску. Что творилось на улице в этот день: оживление, шум, толчея!

— Столько тут народу, а вот гадалателя не видно, — заметила Саньцяо. — А то позвала бы его погадать, что с мужем.

— Сегодня Новый год, всем хочется поразвлечься да погулять. Кто в такой день выйдет гадать! — ответила на это Цинъюнь.

— Матушка, мы с Цинъюнь берем это на себя, — вмешалась в разговор Нуаньсюэ. — Ручаюсь, не позднее чем через пять дней гадалец будет у вас.

Утром в четвертый день Нового года после завтрака Нуаньсюэ приспичило выбежать во двор, и вдруг она услышала *звук ударов по медной пластине. Стремглав бросившись за ворота, она окликнула слепца-гадалателя, попросила его подождать, а сама побежала наверх сообщить о нем хозяйке.

— Приведи его, пусть посидит внизу в гостиной за ширмами, — распорядилась Саньцяо.

Узнав, сколько стоит гадание, Саньцяо помолилась и спустилась вниз послушать, что ей скажет слепец. Гадалец расположил все, что нужно для гадания, и спросил, что здесь хотят узнать.

Услышав необычное оживление в доме, прибежали из кухни и обе кухарки.

— Гадание касается человека, который в отъезде, — сказала одна из них за хозяйку.

— Жена хочет знать о муже, не так ли?

— Именно так, — хором отвечали женщины.

И тут гадалец произнес:

— Ныне зеленый дракон управляет миром, и в действии сейчас символ богатства. Если жена вопрошает о муже, то человек этот уже на полпути домой. Везет он с собой сундуки золота и ценностей, и никаких у него нет тревог и волнений. Зеленый дракон соответствует дереву, а дерево в расцвете весной; стало быть, где-то в начале весны человек ваш уже отправился в путь и в конце этого или в начале будущего месяца должен вернуться, да еще с огромным богатством.

Саньцяо приказала слуге дать слепому три *фэня серебром и проводить его, а сама, безмерно счастливая, поднялась к себе наверх. Вот уж действительно, что называется, жажду утолять, глядя на *мэй, иль голод умерять, рисуя лепешки.

Обычно на что человек не надеется, о том он мало и думает; но стоит появиться надежде — тотчас рождаются бесплодные мысли, бредовые мечты, и каждая минута ожидания становится непереносимой.

После того что наговорил гадатель, Саньцяо только и думала о возвращении мужа. С этих пор она стала часто ходить в передние покои и выглядывать на улицу из-за занавески.

Шел второй месяц, на душистом ясене уже появились почки, а о Сингэ все еще ничего не было слышно. Помня обещание мужа, Саньцяо начала тревожиться и теперь уже по нескольку раз в день смотрела на улицу. И видимо, так уж должно было случиться, что она увидела молодого и красивого человека. Поистине,

*Коль суждено — друг друга встретят,
Хоть сотни *ли их разделяют;
А не судьба — так рядом будут
И то друг с другом не столкнутся.*

Кто же он, этот молодой и красивый человек? Оказывается, он не местный, а уроженец области *Хуэйчжоу, уезда Синьянь. Фамилия его — Чэнь, имя — Шан. Молочное имя его было Дасигэ, но потом он сменил его на Далан. Хотя по красоте он и уступал *Сун Юю и Пань Аню, но в свои двадцать четыре года был очень собой недурен. Далан, как и Сингэ, тоже был круглым сиротой. Собрав в свое время несколько тысяч для торговли, Далан стал ездить в Сяньян закупать рис, бобы и прочее. Бывал он в Сяньяне обычно каждый год и останавливался в Цзаояне, за городом. И вот однажды направился он в город на Большую базарную улицу к некоему господину Вану, владельцу закладной лавки, чтобы узнать, нет ли каких вестей из дому. Лавка эта находилась как раз напротив дома Сингэ. Таким образом Далан и оказался там. Вы спросите, как он был одет? В простом из белого шелка халате, на голове плетеная шапка, какие носят в Сучжоу, словом, точь-в-точь как одевался Сингэ. Увидев из окна Далана, Саньцяо издали приняла его за мужа. Она тотчас откинула занавес и, не отрывая глаз, стала смотреть на приближавшуюся фигуру. Далан, поравнявшись с домом Сингэ, заметил наверху в окне молодую красивую женщину, которая не сводила с него глаз. Он решил, что произвел впечатление, и бросил на красавицу многозначительный взгляд. Как было им знать, что каждый из них ошибался?!

Когда Саньцяо поняла, что обозналась, лицо ее от стыда залилось краской. Она тут же закрыла окно, опустила занавеску и побежала в задний дом. Долго еще, сидя у себя, она чувствовала, как сильно бьется ее сердце.

Что до Далана, то прекрасные женские глаза просто-напросто захватили всю его душу. Вернувшись в гостиницу, он не переставал думать о красавице.

«Жена моя, конечно, тоже хороша собой, но с этой женщиной ей не сравниться, — рассуждал он про себя. — Написать бы ей записку. Но вот через кого передать? Все отдал бы, только бы она со-

гласилась провести со мной хоть одну ночь. Тогда считал бы, что не зря прожил на свете». Молодой человек все вздыхал и вздыхал и вдруг вспомнил, что совсем рядом с Большой базарной улицей, в Восточном переулке, живет некая старушка Сюэ, которая торгует жемчугом. Как-то раз Далану довелось иметь с ней дело, и он помнил, что бабка эта находчивая и поговорить умеет. «Да и ходит она изо дня в день то к одним, то к другим — конечно, должна знать всех в округе», — подумал Далан и решил с ней посоветоваться — может, и сумеет она что-нибудь придумать.

Всю ночь Далан ворочался с боку на бок и едва дождался утра. Чуть свет он поднялся, умылся холодной водой, причесался и тотчас поспешил в город, захватив с собой сто *ланов серебром и два больших слитка золота. Не зря говорят:

*Хочешь чего-то в жизни добиться —
Изволь до изнуренья потрудиться.*

Добравшись до города, Далан направился на Большую базарную улицу, свернул в Восточный переулок и стал стучать в ворота, где жила старуха Сюэ. Та, еще не причесанная, сидела во дворе и отбирала жемчуг для продажи.

— Кто там? — спросила она, пряча жемчуг.

— Чэнь, из Хуэйчжоу.

Этого ей было достаточно, чтобы понять, кто пришел, и она тут же бросилась открывать ворота.

— Я даже не успела причесаться. В таком виде не смею должным образом приветствовать вас, — проговорила она и спросила: — А вы что так рано? Есть дело какое?

— Да, специально по делу и пришел. Боялся, что не застану, если явлюсь позже, — ответил Далан.

— Неужели хотите оказать услугу покупкой жемчуга или каких-нибудь украшений?

— И жемчуг купить хочу, и еще дело одно, большое, выгодное, предложить.

— Но я, старая, только этим и занимаюсь и ничем другим...

— А здесь нам можно поговорить откровенно?

Старуха закрыла ворота, провела Далана в маленькую гостиную и предложила ему сесть.

— Что прикажете, господин Чэнь?

Убедившись, что они одни, Далан *вытащил из рукава сверток, развернул его и выложил на стол серебро.

— Здесь сто ланов, прошу вас принять, тогда я и осмелюсь все объяснить.

Не понимая, в чем дело, старуха отказывалась взять деньги.

— Может быть, вы находите, что этого мало? — спросил Далан и выложил на стол еще два блестящих слитка золота. — Здесь еще десять ланов. Прошу все это принять, — настаивал он. — Если, ма-тушка, вы и теперь откажетесь, значит, просто не хотите мне помочь. Ведь это я пришел к вам с просьбой, а не вы ко мне! А пришел пото-

му, что крупное дело, которое я задумал, без вас не получится. Не договоримся — оставьте себе это золото и серебро и делайте с ними, что хотите. Требовать деньги обратно не стану. Будут у нас когда-нибудь потом еще дела — встретимся. А вообще-то, полагаю, вы знаете, я не из мелочных.

Теперь скажи, читатель, есть ли на свете хоть одна бабка-посредница, которая не была бы жадна до денег?! При виде такого количества золота и серебра у старухи, как говорится, душа загорелась огнем жадности. Она просияла.

— Не обессудьте, я в жизни и гроша не брала, если не знала, за что мне платят. Но раз уж вы так хотите, хорошо, я пока оставлю это у себя; я смогу быть полезной — сразу же и верну, — говорила она, расплывшись в улыбке, и со словами: — Уж извините, что осмеливаюсь, — завернула золото и серебро в сверток и унесла к себе. — Не решаюсь пока благодарить вас, — сказала она, вернувшись. — Так объясните же, зачем я вам понадобилась.

— Мне срочно нужно обрести спасающую душу драгоценность, — отвечал Далан. — Ее нигде нет, кроме как в одном доме на Большой базарной улице. Вот я и хотел бы просить вас пойти туда поговорить, чтобы мне ее одолжили.

— Ну и чудеса! — воскликнула старуха, рассмеявшись. — Я живу в этом переулке уже больше двадцати лет и никогда не слышала, чтобы здесь, у нас, на Большой базарной улице, у кого-то была какая-то душеспасительная драгоценность. Ну, ладно, — перебила она сама себя, — так скажите же, господин Чэнь, в чьем доме эта вещь?

— Кто живет в том большом двухэтажном доме, что напротив закладной лавки моего земляка Вана? — спросил в ответ Далан.

— Это дом здешнего человека по имени Цзян Сингэ, — подумав, ответила старуха. — Сам он уже больше года как в отъезде по торговым делам, и в доме теперь только его жена.

— Нужную мне драгоценность я как раз и хотел попросить в долг у этой женщины, — сказал Далан и, придвинув стул поближе к старухе, выложил ей все, что было у него на душе.

Выслушав Далана, старуха покачала головой.

— О, это невозможно! — сказала она. — Цзян Сингэ взял эту женщину в жены четыре года назад, и они, словно рыба и вода, и минуты не могли прожить друг без друга. С тех пор как он уехал, она даже вниз не спускается — так ему верна. А вот сам Сингэ — человек со странностями: чуть что — смотришь, рассердился. Поэтому я никогда и порога их дома не переступала и даже не знаю, какое у нее лицо — продолговатое или круглое. Как же смогу я взять на себя такое поручение?! Видно, малая доля счастья суждена мне в жизни — не смогу я принять ваш подарок, — заключила старуха.

Тут Далан стал перед ней на колени. Старуха протянула руки, чтобы поднять его, но тот схватил ее за рукава и так прижал к стулу, что она и пошевелинуться не смогла.

— Вся моя жизнь теперь зависит только от вас! — взмолился Далан. — Вы должны что-нибудь придумать, чтобы эта женщина ста-

ла моей, — этим вы сохраните мне остаток моей жизни. Когда дело сладится, я дам вам еще сто ланов, а если откажетесь помочь — понкончу с собой.

Старуха не знала, как поступить.

— Ладно, ладно, — твердила она. — Вы сломаете все мои кости! Отпустите меня, прошу, тогда поговорим.

Только теперь Далан поднялся и, поклонившись ей, произнес:

— Так что же вы придумали, говорите скорей!

— В таком деле нужно действовать не торопясь. Важно, чтобы все получилось как надо, а о том, сколько потребуется на это времени, говорить не приходится. Если будете настаивать на каких-то сроках, мне придется отказаться.

— Раз вы обещаете мне удачу, то днем ли раньше, днем ли позже — не так уж важно. Но скажите, что же вы все-таки придумали?

— Завтра с утра, после завтрака, но не раньше и не позже, встретимся с вами в лавке у господина Вана. Захватите с собой побольше денег. Когда придете, скажите, что ищете меня по делу, а там увидите. Считайте, что вам повезло, если моим ногам удастся войти в дом семьи Цзян. Но только после этого, — продолжала старуха, — вы должны будете сразу вернуться к себе, во всяком случае, уж не задерживаться возле их дома, иначе там могут что-нибудь заподозрить, и вы все этим испортите. Если окажется, что есть хоть какая-то надежда, я сама приду к вам и сообщу.

— Покорно повинуюсь, — ответил Далан и, зычным голосом поприветствовав Сюэ на прощанье, радостный, удалился. Вот уж действительно,

*Еще *Сян Юй не уничтожен
И не взошел на трон Лю Бан,
А выстроен уже помост для церемоний,
Чтобы главу над армией поставить.*

На следующее утро Далан принарядился, уложил в большой кожаный короб около четырехсот ланов серебром и позвал своего слугу. Тот взвалил короб на плечо, и они вдвоем направились на Большую базарную улицу, в закладную лавку господина Вана. Подойдя к лавке, Далан заметил, что окна в доме напротив плотно закрыты, и понял, что красавицы сейчас там нет. поприветствовав приказчика, Далан попросил у него скамейку, сел перед входом и стал поглядывать в сторону Восточного переулка. Через некоторое время он увидел старуху Сюэ, которая направлялась к лавке, держа в руках коробку из тонкого плетеного бамбука.

— Что у тебя там в коробке? — спросил Далан, когда та подошла.

— Жемчуг и разные украшения. Вас, может быть, это интересует?

— Да, я как раз хотел купить что-нибудь в этом роде.

Старуха прошла в лавку, поклонилась приказчику и, извинившись перед ним за беспокойство, раскрыла свою коробку. Там лежало

пакетов десять жемчуга и несколько небольших шкатулок с головными украшениями из искусственных цветов и перьев зимородка. Сделаны они были очень красиво и переливались яркими красками. Далан отобрал несколько связок самого крупного белого жемчуга, несколько женских наколок для волос и серьги.

— Вот это все я возьму, — сказал он.

— Коли надо, берите, — ответила та, многозначительно глядя в лицо Далану. — Но только стоит все это очень дорого. Боюсь, не захотите потратиться, — добавила она.

Далан понял намек. Он раскрыл свой короб, выложил на прилавок целую кучу сияющего белизной серебра и умышленно громко бросил старухе:

— Неужто с этакой-то суммой мне не купить твоих безделушек?!

Тем временем у лавки собралось около десятка празднующихся, живших поблизости. Они молча стояли, наблюдая за происходящей сценой.

— Я, старая, пошутила, — ответила Далану Сюэ. — Мне ли сомневаться в ваших возможностях?! А с деньгами вы бы поаккуратней! Уберите их, а мне отсчитайте столько, сколько эти вещи стоят, по справедливости.

Старуха запрашивала много, он давал мало, и в цене они разошлись так далеко, как небо с землей. Запрашивающая сторона не желала уступать, а Далан держал вещи, не выпуская их из рук, но и не набавляя ничего. Он нарочно вышел из лавки на улицу и стал перебирать украшения и рассматривать их на свет: про одно скажет, что настоящее, другое назовет подделкой. Прикидывал на вес в руках то то, то это — и все среди белого дня, на виду у всех. Уже чуть ли не весь город собрался у лавки. Вещи были такие красивые, что вызывали возгласы восхищения у окружающих.

— Покупаешь — так покупай, а нет — не задерживай! — заголосила старуха.

— Конечно, покупаю, — отвечал Далан.

И верно:

*Из-за цены возникший громкий спор
Встревожил ту, что словно яшма иль цветок.*

Шум и гам у ворот невольно заставили Саньцяо пройти в передний дом. Она открыла окно и стала поглядывать на улицу. Жемчуг и другие украшения, которые так и сияли, очень ей понравились. Видя, что старуха спорит с покупателем и что они никак не сойдутся в цене, Саньцяо приказала служанке позвать ее, чтобы поглядеть на ее вещи.

Цинъюнь тут же вышла на улицу.

— Хозяйка наша приглашает тебя, — сказала она старухе, дернув ее за рукав.

— Кто это ваша хозяйка? — спросила та, делая вид, что не знает, кто ее зовет.

— Из семьи Цзян, в доме напротив, — ответила Цинъюнь.

Тут старуха выхватила вещи из рук Далана и торопливо стала укладывать их в коробку.

— Нет у меня, старой, времени зря с тобой валандаться, — говорила она при этом.

— Ладно, прибавлю еще немного, покупаю! — сказал Далан.

— Не отдам, — заявила старуха. — За ту цену, что ты назначаешь, я давно бы их продала. — С этими словами она заперла коробку с драгоценностями и пошла за служанкой.

— Дайте я понесу, — предложила Цинъюнь.

— Не надо, — ответила старуха и, даже не повернув головы в сторону Далана, прямехонько направилась к дому напротив.

Далан, радуясь про себя, тоже собрал свое серебро и, распрощавшись с приказчиком, пошел обратно в гостиницу. Вот уж о ком можно сказать:

*Очи видят стяг, возвестивший победу,
Уши слышат сердцу приятную весть.*

Итак, Цинъюнь повела старуху наверх к Саньцяо.

«Воистину божественна! — подумала старуха, увидев Саньцяо. — Неудивительно, что Далан сошел с ума. Будь я женщиной, тоже поволочилась бы за ней».

— Давно я, старая, наслышана о вас, о вашей добродетельности; жаль, не было случая познакомиться и поклониться вам, — сказала Сюэ, обращаясь к хозяйке.

— Как величать вас, матушка? — спросила Саньцяо.

— Фамилия моя Сюэ, живу я тут, в переулке, и мы, можно сказать, соседи.

— Вы только что отказались продать свои вещи. Почему это? — спросила Саньцяо.

— Если бы я не желала продать их, мне незачем было бы их и выносить, — улыбаясь, ответила старуха. — Но, смешно сказать, — продолжала она, — тот приезжий торговец только выглядит таким представительным и образованным, а в вещах ну нисколько не разбирается. — С этими словами она раскрыла коробку, вынула оттуда несколько наколок и серег и передала их хозяйке.

— Вот посмотрите. Одна работа чего стоит! А цена, которую он предлагал, это же просто безобразие! Разве хозяин, у которого я беру эти вещи на продажу, поверил бы, что я понесла такой убыток? — Затем старуха вынула несколько связок жемчуга: — А этот первосортный жемчуг! Да такие, как этот покупатель, ничего подобного и во сне не видывали!

Саньцяо поинтересовалась, сколько старуха просит за украшения и за сколько покупатель соглашался взять их.

— Да, действительно, маловато он давал за них, — заметила Саньцяо, услышав ответ старухи.

— Уж, конечно, в подобных вещах разбираются лучше женщины из богатых семейств. Куда там мужчинам до них! — проговорила старуха.

Саньцяо велела служанкам подать чай.

— Не беспокойтесь, — отказывалась старуха, — у меня есть одно важное дело, и я, собственно, и шла-то туда, да вот встретила этого торговца, и проморочил он меня целых полдня. Действительно, «договариваться купить или продать — только время терять». А вот коробку мою хочу просить разрешения оставить пока у вас. Я скоро вернусь за ней.

Старуха направилась к выходу, и Саньцяо велела служанке проводить ее.

Украшения, которые увидела Саньцяо, очень понравились ей, и она с нетерпением ждала возвращения старухи, чтобы договориться о цене. Но та целых пять дней не появлялась. На шестой день после обеда вдруг разразился ливень. Через некоторое время раздался стук в ворота. Саньцяо велела служанке открыть и посмотреть, кто там. Это оказалась старуха Сюэ, вся промокшая, с дырявым зонтом в руке. Со словами:

*В погожий час сидишь, не вылезая;
Все ждешь, пока польется дождик на тебя, —*

она поставила зонт возле лестницы, поднялась наверх, поздоровалась с Саньцяо, кланяясь, как подобает, и извинилась:

— Хозяюшка, я ведь в тот день не сдержала слова, так и не вернулась.

— Где же вы пропадали все эти дни? — поспешно ответив на приветствие, спросила Саньцяо.

— Дочь моя, благодарение небу, родила мне внука, и я отправилась к ней. Провела там несколько дней и только сегодня вернулась. В пути меня застиг дождь, пришлось завернуть к знакомым одолжить зонтик, а он оказался дырявым. Ну и везет же мне!

— А сколько у вас детей? — поинтересовалась Саньцяо.

— Один сын, уже женат, и дочерей четверо. Вот внук родился у самой младшей, а выдали мы ее *второй женой за господина Чжу из Хуэйчжоу. Он держит соляную лавку у нас тут, возле Северных ворот.

— А вы, матушка, совсем не цените своих дочерей. Разве здесь, в нашем краю, мало мужчин, которые имеют по одной жене? И не жаль вам было отдавать собственную дочь за человека из другого, далекого края?

— Знаете, женщине куда выгодней выходить замуж за торгового человека из чужих краев, — проговорила в ответ старуха и продолжала: — Вот, к примеру, первая-то его жена у него дома, на родине, а моя дочь хоть и является второй женой, но живет здесь при лавке как полноправная хозяйка. И слуги в ее распоряжении, и пользуется она теми же благами и правами, какие имеет старшая жена. Всякий раз, когда я бываю у них, ее муж встречает меня с большим почтением, относится ко мне словно к старшей в семье. А теперь, когда родился внук, будет и того лучше.

— Значит, вам повезло, удачно выдали, — заметила Саньцяо.

Тем временем Цинъюнь подала чай.

— Раз сегодня день такой дождливый да и дел у меня никаких нет, — заговорила старуха, попивая чай, — то хотела бы попросить вас дозволить мне взглянуть на ваши украшения, чтобы хоть запомнить, как некоторые из них сделаны.

— Только не смейтесь, пожалуйста, — отвечала Саньцяо, — у меня они все очень простой работы.

Она достала ключ, открыла сундук и стала вынимать из него головные наколки, шпильки, булавки, ожерелья и прочее.

— Ну, знаете, после таких драгоценностей что могут стоять мои в ваших глазах! — глядя на все это, восхищалась Сюэ.

— Ну что вы! Я как раз хотела спросить о цене некоторых из ваших вещей.

— В подобных делах вы ведь сами прекрасно разбираетесь, и мне, старой, не к чему зря молоть языком.

Саньцяо убрала свои вещи, затем принесла коробку старухи.

— Откройте, матушка, и проверьте, — сказала Саньцяо, поставив коробку на стол и передав старухе ключ от нее.

— Вы уж слишком щепетильны, — ответила на это старуха, открыла коробку и стала одну за другой вынимать оттуда вещи. Саньцяо рассматривала их и оценивала. Цены, которые она называла, были в общем вполне подходящими, и торговаться старуха не стала. — Коли так, я не останусь в обиде, — радостно заявила она. — Пусть даже чуть меньше заработаю, зато получу удовольствие, имея дело с таким покупателем.

— Только вот что, мне не набрать сразу всей суммы, — призналась Саньцяо. — Сейчас я могу предложить вам лишь половину, а когда муж вернется, тотчас рассчитаюсь. Он через день-другой должен вернуться.

— Не беда, если и попозже отдадите. Но коли я уступаю в цене, то уж прошу уплатить серебром качественным.

— Ну, об этом не беспокойтесь, — ответила Саньцяо, убирая отобранные украшения и жемчуг, и тут же приказала служанке подать вино. Услышав это, старуха заявила:

— Я и так беспокоила вас, надоела. Смею ли еще доставлять хлопоты?

— Как раз очень хорошо, что вы зашли; я ведь целыми днями сижу без дела, вот и побеседуем. И если не сочтете, что принимаю вас без должного внимания, то приходите почаще.

— Благодарю вас, не заслужила я такого милостивого отношения с вашей стороны, — отвечала старуха. — Но как у вас здесь тихо, спокойно! А у меня так шумно, так шумно — просто невыносимо.

— Чем же у вас там дома занимаются? — поинтересовалась Саньцяо.

— Да вот принимаем всяких торговцев жемчугом и драгоценностями. То вина им подай, то отвара, и до того все это хлопотно. До смерти надоело! Хорошо еще, что мне приходится ходить по делам в

разные места и я мало бываю дома. Крутись я с утра до ночи на нашем пятачке, так меня уж давно доконал бы этот шум.

— Вы ведь живете неподалеку от нас. Когда будет неважно, приходите, потолкуем, — предложила Саньцяо.

— Не решусь так часто тревожить вас.

— Ну что вы, матушка!

Пока они разговаривали, служанки поставили на стол две рюмки, положили две пары *палочек и расставили закуски к вину: два блюда куриных, два из солонины, два рыбных, несколько блюд из зелени — всего шестнадцать.

— Зачем же такое богатое угощение!

— Все это приготовлено из того, что нашлось в доме. Уж не обессудьте. — С этими словами Саньцяо налила вина, встала и подошла к старухе. Та, в свою очередь, поднявшись, поднесла вина хозяйке, после чего обе сели.

Саньцяо выпить, оказывается, могла, и немало. А в старуху вино лилось ну прямо как в винный жбан. Пока ели да пили, они все больше и больше нравились друг другу, и обе только и сожалели, что не довелось им раньше встретиться. Просидели они за вином почти до самого вечера. К этому времени дождь прекратился, и старуха стала откланиваться. Тогда Саньцяо достала большие серебряные чары и уговорила старуху выпить еще. После этого они поужинали.

— Вы, матушка, посидите еще немножко, — сказала Саньцяо. — Сейчас я приготовлю ту сумму, которая у меня есть, захвати-те ее с собой.

— Поздно уже, — ответила старуха. — И не стоит вам беспокоиться. Разве обязательно сейчас? Завтра утром зайду за деньгами. И коробку свою тоже не стану брать, — на улице скользко, идти трудно.

— Буду вас завтра ждать, — сказала на прощание Саньцяо.

Сюэ спустилась вниз, взяла зонт и ушла.

Да, действительно,

*Ничто так людям голову не заморочит,
Как бабки-сводницы язык.*

Но вернемся к Далану. Прождал он у себя несколько дней, а известий так никаких и не получил. И вот в тот день, когда полил дождь, он решил, что старуха наверняка должна быть дома, и, шагая по лужам и грязи, поплелся в город, надеясь что-нибудь разузнать. Но дома старухи не оказалось. Он зашел в винную лавку, закурил, выпил несколько чарок и снова отправился к Сюэ. Ему сказали, что она еще не вернулась. Время было позднее, и Далан уже собрался было в обратный путь, но тут заметил, как из-за угла появилась старуха. Она шла, вся раскрасневшаяся, ноги у нее заплетались. Далан направился ей навстречу.

— Ну как? — поклонившись ей, спросил Далан.

— Рано, рано еще, — отвечала та, отмахиваясь от него. — Только-только посеяла семя, и нет еще ростка. Вот лет через пять-

шесть расцветут цветы, пойдут плоды, тогда и попробуешь. А пока нечего тут вертеться да выведывать, — продолжала она. — Я, знаешь, не из тех, кто занимается всякими там чужими делишками.

Далану ничего не оставалось, как вернуться к себе.

На следующий день Сюэ купила фрукты, свежую курицу, рыбу, мясо, многое другое и пригласила повара, чтобы тот приготовил все как полагается. Когда блюда были готовы, она уложила их в два *короба, купила жбан хорошего крепкого вина, попросила соседского парня взять короба на *коромысло, и они вместе направились к дому Сингэ.

Саньцяо ждала старуху с утра, а та все не шла. Тогда Саньцяо велела Цинъюнь пойти за ворота поглядеть. Служанка вышла на улицу как раз в тот момент, когда Сюэ подходила к их дому. Старуха велела парню занести короба в дом, оставить их внизу, а самому отправляться обратно. Тем временем Цинъюнь уже доложила о ней хозяйке.

Спустившись вниз, Саньцяо встретила старуху как дорогую гостью и повела ее наверх. Сюэ долго благодарила, приветствовала хозяйку дома, а затем сказала:

— У меня, у старой, сегодня случайно оказалось простенькое вино, и я захватила его с собой, чтобы за чаркой приятно провести с вами время.

— Выходит, я ввожу вас еще и в расходы! Не следовало бы мне принимать все это, — ответила Саньцяо.

Тут старуха попросила служанок занести наверх короба и вино, и они расставили все блюда на столе.

— Уж слишком вы роскошествуете! — воскликнула Саньцяо.

— Что мы, бедные люди, можем приготовить хорошего! — улыбаясь, заметила та. — Это, собственно, не больше чем угостить чаем.

Цинъюнь отправилась за чарками и палочками, а Нуаньсюэ разожгла маленькую печурку, и *вино тут же было подогрето.

— Сегодня хоть скромно, но угощаю я, старая, поэтому прошу вас занять почетное место гостя.

— Конечно, вам пришлось из-за меня похлопотать, но все-таки ведь это вы у меня в доме. Как я могу допустить такое!

Они долго препирались, и Сюэ в конце концов пришлось занять место гостя.

Это была уже их третья встреча, и потому они стали ближе друг другу, чувствовали себя свободнее.

— Что это хозяин ваш все не возвращается? — попивая вино, спросила старуха. — Уже и времени-то многовато прошло, как он уехал, — продолжала она. — И как это он решился оставить вас?

— Говорил, что вернется через год, а вот почему-то задержался, — ответила Саньцяо.

— По мне, хоть груды золота, хоть горы нефрита сулит торговля, не стоит она того, чтобы оставлять такую вот, как яшма, жену. А вообще, — продолжала старуха, — кто разъезжает по торговым делам, тот в чужих краях живет словно дома, а дома — словно в гос-

тях. Вот, к примеру, мой четвертый зять, господин Чжу: женился на моей дочери, и вечером-то они счастливы, и утром радостны, а о доме он и думать не думает. Съездит раз в три или в четыре года домой к старшей жене, побудет там месяц-другой и возвращается обратно. Она у него там, словно вдова, страдает от одиночества. И разве знает она, как он живет на стороне?

— Нет, мой муж не такой, — возразила Саньцяо.

— Ну что вы, я ведь просто так говорю, — оправдывалась старуха. — Разве посмею я сравнивать небо с землей?

Обе женщины долго сидели за вином, загадывали друг другу загадки, играли в кости и расстались совсем пьяные.

На третий день старуха Сюэ с тем же соседским парнем зашла забрать короба, посуду и заодно взяла половину денег за украшения, проданные Саньцяо. Саньцяо уговорила ее остаться позавтракать.

С тех пор старуха Сюэ часто заходила к Саньцяо. Всякий раз она спрашивалась, нет ли известий от Сингэ. Было ясно, что причина ее прихода — желание получить остальную сумму, однако вслух она об этом не говорила. У Сюэ был хорошо подвешен язык, она умела сообразить, где что сказать, что ответить, и, прикидываясь не то глуповатой, не то простоватой, постоянно остряла и шутила со служанками. Поэтому в доме Цзян ее полюбили. Дошло до того, что, если она день не заходила, Саньцяо начинала скучать, чувствовать себя одинокой. Она велела слуге узнать, где живет Сюэ, и нет-нет да посылала за ней. Так она стала привязываться к старухе все сильнее и сильнее.

На свете есть четыре сорта людей, с которыми не стоит иметь дела: свяжешься с ними — потом уже и отказать им неудобно. Что же это за люди? Странствующие монахи-бродяги, нищие, бездельники и посредницы-сводни. Первые три — еще полбеда, а вот посредницы-сводни — те бывают вхожи то в одни дома, то в другие, и женщины, когда им скучно, в девяти случаях из десяти сами приглашают их к себе. И вот бабка Сюэ — существо далеко не из добродетельных — сладкими речами да ласковыми словами вкралась в доверие к Саньцяо, и они стали лучшими друзьями, так что Саньцяо и часа не могла прожить без старухи. Вот уж поистине,

*Когда рисуешь тигра ты —
Что там, под шкурой, не покажешь;
Когда познакомишься с людьми —
Их лица видишь, а не сердце.*

Надо сказать, что за это время Далан не раз наведывался к Сюэ, пытаясь узнать, как идут его дела, но та только и твердила, что еще рано.

В середине пятого месяца началась жара, дни становились все более знойными. Как-то раз, беседуя с Саньцяо, старуха заговорила о тесноте в своем доме, о том, что дом ее обращен окнами на восток, поэтому летом у нее невыносимо, не то что в доме Саньцяо — таком высоком, просторном и прохладном.

— Если вы сможете оставить домашних, приходите сюда ночевать, это было бы только хорошо, — предложила Саньцяо.

— Хорошо-то хорошо, да боюсь, как бы ваш хозяин не вернулся, — ответила старуха.

— Если даже он и вернется, то уж, наверное, не среди ночи, — отвечала Саньцяо.

— Ну, если я не буду вам в тягость, — а я обычно с людьми легко уживаюсь, — то сегодня же вечером перенесу сюда постель и буду ночевать у вас. Не возражаете?

— Постель и все прочее у нас есть, так что переносить ничего не надо. Сходите только домой и предупредите своих. А вообще, лучше всего, живите здесь все лето.

Старуха, не долго думая, пошла предупредить домашних и вернулась, захватив с собой только туалетную шкатулку.

— Да вы что, матушка, — возмутилась Саньцяо, — неужто у нас здесь не нашлось бы гребенки?! Зачем было такие вещи брать с собою?!

— Я, старая, больше всего в жизни боюсь мыть лицо из одного таза с другими и причесываться чужим гребешком, — отвечала старуха. — Конечно же, лично у вас есть и прекрасные гребенки, и прочее, но я бы не посмела до них дотронуться, а пользоваться вещами других женщин вашего дома мне бы не хотелось. Поэтому-то я и принесла все свое. Только скажите, в какой комнате мне поселиться?

Указывая на небольшую плетеную лежанку возле своей постели, Саньцяо сказала:

— Я уже заранее приготовила вам место, чтобы мы были ближе друг к другу. Если ночью вдруг не будет спать, сможем поболтать.

С этими словами она достала зеленый полог из тонкого шелка, чтобы старуха повесила его себе над лежанкой. Затем они выпили вина и легли.

После отъезда мужа в комнате Саньцяо всегда ночевали две ее служанки, но теперь она отправила их спать в соседнюю комнату.

С этих пор старуха днем, как всегда, ходила по своим делам, вечером же, на ночь, возвращалась к Саньцяо. И не раз, а довольно часто она прихватывала с собой вина, угощала хозяйку, и они весело проводили время. Кровать Саньцяо и лежанка Сюэ стояли углом друг к другу, и спали они, собственно, голова к голове, хотя и разделенные пологом. Ночью они заводили разговор: одна спросит, другая ответит, и говорили они о чем угодно, даже о самых непристойных слухах, которые ходили по городу. Частенько, притворяясь совсем пьяной или охваченной безумием, старуха рассказывала о том, какие у нее были в молодости, тайком от мужа, любовные похождения. Делалось это с расчетом возбудить в Саньцяо соответствующие весенние чувства. Рассказы старухи доводили Саньцяо до того, что ее прекрасное нежное лицо то бледнело, то заливалось краской. Старуха поняла, что добилась своего, но как заговорить о порученном ей деле, все еще не знала.

Время летело быстро, и вот наступил седьмой день седьмого месяца — день рождения Саньцяо. Старуха с раннего утра приготовила два короба яств в подарок Саньцяо. Поблагодарив ее, та стала уговаривать ее поесть вместе лапши.

— Сегодня у меня много дел, тороплюсь, — отказалась Сюэ. — Уж вечером будем вместе с вами наблюдать, как *Пастух встречается с Ткачихой.

С этими словами она попрощалась и только вышла за ворота, как тут же натолкнулась на Далана. Разговаривать здесь было неудобно, и поэтому они свернули в тихий переулочек.

— Матушка, ну и тянешь же ты! — упрекнул ее Далан, нахмурив брови. — Прошли весна и лето, теперь уж осень, а ты все твердишь свое: рано да рано. А ведь день для меня словно год. Пройдет еще несколько дней, вернется ее муж, тогда вообще всему конец. Ты меня просто живьем на тот свет отправляешь! Но ничего, я и с того света до тебя доберусь, — пригрозил Далан.

— Да не выходи ты из себя! — прервала его старуха. — Ты очень удачно мне попался, я ведь как раз собиралась найти тебя. Получится что или не получится — зависит от сегодняшнего вечера, но только ты должен делать все так, как я тебе прикажу.

Объяснив ему, как и что, старуха под конец добавила:

— Только делай все тихо, бесшумно, иначе подведешь меня.

— Великолепный план! Великолепный! — восклицал Далан, кивая головой в знак согласия. — Если все получится, щедро отблагодарю!

И, радостный, он удалился. Вот уж поистине,

**Разложены украденные яшма, благовонья:*

Продумано все, чтобы встречи любовной добиться.

Итак, старуха Сюэ договорилась с Даланом, что в этот вечер они попытаются добиться успеха. Во второй половине дня заморосил дождь, и когда наступил вечер, ни луны, ни звезд не было видно. Далан в темноте следовал за старухой. Подойдя к дому Саньцяо, она велела ему притаиться, а сама стала стучать в ворота. Цинъюнь зажгла *бумажный фонарик, вышла во двор и открыла ворота. Тут старуха умышленно стала шарить в рукавах.

— Обронила где-то *полотенце, — сказала она. И, обращаясь к служанке, попросила: — Доченька, уж потрудишься, поищи-ка!

Цинъюнь пошла с фонариком вперед, а старуха, улучив момент, махнула рукой Далану, и тот проскользнул в ворота. Она провела его в дом, спрятала внизу, в проеме за лестницей, и тут закричала:

— Нашла, нашла! Не ищи!

— Вот хорошо, а то свеча у меня как раз догорела, — ответила ей служанка. — Пойду возьму другую, чтобы посветить вам.

— Не нужно, — возразила старуха, — я хорошо знаю, как у вас тут пройти.

Вдвоем с Цинъюнь они заперли внизу дверь и ощупью поднялись наверх.

— Что это вы потеряли? — спросила Саньцяо.

— Вот эту вещичку, — ответила Сюэ, показывая полотенце. — Она хоть и не стоит ничего, зато это подарок от одного продавца из Пекина, а ведь, как говорится, легок пух, привезенный в подарок издалека, да дорого вниманье.

— Уж не старый ли ваш дружок подарил вам его на память? — пошутила Саньцяо.

— Вы недалеки от истины, — улыбаясь, ответила та.

В тот вечер они смеялись, шутили, пили вино.

— У нас так много закусок и вина. Не дать ли чего-нибудь кухаркам? — предложила старуха. — Пусть и они повеселятся, пусть и у них будет праздник.

Саньцяо тут же велела служанке отнести вниз, на кухню, четыре блюда закусок и два *чайника вина. Кухарки с пожилым слугой выпили, и вскоре все трое разошлись — каждый к себе отдыхать.

За вином, во время разговора, старуха спросила:

— Что это господин ваш все не возвращается?

— Да, уж полтора года прошло, — ответила Саньцяо.

— Пастух и Ткачиха и те раз в год встречаются, а вы, получаете, уже на полгода больше ждете. Впрочем, известно ведь, что чиновник — первая фигура, за ним — разъезжающий торговец. Так есть ли такой край, где бы они не нашли себе *ветерок, цветы, снег и луну, когда оказываются вдаль от дома?

Саньцяо вздохнула, склонила голову, но ничего не ответила.

— Ой, кажется, я лишнее сболтнула, — проговорила старуха. — Сегодня ночь встречи Пастуха и Ткачихи, надо пить и веселиться, а не заводить разговор о том, что расстраивает человека. — С этими словами Сюэ налила вина и поднесла его Саньцяо.

Обе уже сильно захмелели, когда старуха поднесла чарки прислуживавшим за столом Цинъюнь и Нуаньсюэ.

— Выпейте за радостную встречу Пастуха и Ткачихи, — предложила им старуха. — Да пейте побольше: потом выйдете замуж за любимого и любящего вас человека и будете с ним неразлучны.

Предлагала она так настойчиво, что служанкам, хоть они того и не хотели, пришлось выпить. Пить они не привыкли и потому сразу опьянели. Тогда Саньцяо приказала им запереть входные двери на втором этаже и отправляться спать, а сама продолжала пить со старухой.

Сюэ пила и не переставая говорила то о том, то о сем.

— Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж? — спросила она, между прочим, Саньцяо.

— Семнадцать, — ответила та.

— Поздно вы лишились девственности. Можно сказать, не пострадали. А вот со мной это случилось уже в тринадцать лет.

— Почему это вы так рано вышли замуж?

— Вышла-то я, когда мне было восемнадцать. Но, откровенно говоря, задолго до того соблазнил меня сын соседей, у которых я

училась шитью. Увлекла меня его красота, я и поддалась. Сначала было очень больно, но после двух-трех встреч я познала удовольствие. А у вас тоже так было? — спросила она хозяйку.

Саньцяо в ответ лишь улыбнулась.

— В этом деле, пожалуй, лучше и не понимать всей прелести: поймешь, потом не бросить — такое с тобой творится, что места не находишь. Днем еще куда ни шло, а ночью — просто невыносимо!

— Вероятно, когда вы жили у своих родных дома, многих встречали людей, — проговорила Саньцяо. — Но как же вам удалось выйти замуж и утаить, что вы не невинный цветок?

— Видите ли, мать моя кое о чем догадывалась и, чтобы избежать позора, научила меня, как притвориться девственницей. Вот и удалось скрыть правду.

— Но пока вы не были замужем, вам, наверное, приходилось часто спать и одной? — спросила Саньцяо.

— Да, приходилось. Но помню, когда брат уезжал куда-нибудь, я спала с его женой.

— Какой же, собственно, интерес спать с женщиной?

Тут старуха подсела к Саньцяо и сказала:

— Вы не знаете, милая; если обе женщины понимающие, то это так же приятно и это тоже, как говорится, «укрощает огонь».

— Не верю! Врете вы! — воскликнула Саньцяо, хлопая старуху по плечу.

Сюзэ, видя, что страсти у Саньцяо разгораются, нарочно стала подливать масла в огонь:

— Мне вот, старой, пятьдесят два года уже, и то ночью часто, бывает, глупости всякие лезут в голову, да так, что просто не сдержат себя. А вы ведь молодая. Хорошо, что вы из скромных.

— Неужели вы все еще знаете с мужчинами, когда, как вы говорите, вам бывает трудно удержаться?

— Ну что вы! Увядший цветок, засохшая ветка ивы — кому я теперь нужна? — ответила на это старуха и продолжала: — Да уж ладно, не буду скрывать от вас, милая: я знаю способ, как самой находить удовольствие, — это на крайний случай.

— Неправду вы говорите! Что это еще за способ?

В ответ на это старуха сказала:

— Ладно! Погодя ляжем спать — все объясню.

В это время залетевшая бабочка стала кружиться возле светильника, и старуха хлопнула по ней с расчетом, чтобы погас свет.

— Ой! — воскликнула она, когда стало темно. — Пойду схожу за огнем.

Она направилась к входной двери на второй этаж и сняла запор. К тому времени Далан уже сам потихоньку пробрался наверх и давно стоял возле входа. Пока все шло как было задумано. Открыв дверь, она вернулась назад.

— Ох, забыла лучину захватить! — громко сказала старуха, ведя за собой Далана. Уложив его в спальне на свою лежанку, Сюзэ спустилась вниз, а возвратясь, заявила:

— Уже поздно, на кухне все огни загасили. Как быть?

— Я привыкла спать при свете. Ночью, когда темно, мне страшно.

— Ну, тогда я, старая, лягу с вами. Как вы?

Саньцяо, которой очень хотелось расспросить ее о способе на крайний случай, ответила:

— Хорошо.

— Тогда вы ложитесь первая, — сказала старуха, — а я запру входные двери наверх и вернусь.

Саньцяо разделась и легла.

— Ложитесь и вы поскорее, — попросила она.

— Сейчас иду, — ответила старуха, а сама тем временем подняла Далана с лежанки и подтолкнула его, уже раздетого, к постели Саньцяо.

Коснувшись голого тела, Саньцяо проговорила:

— Вы, матушка, хоть и в летах, но, оказывается, такая гладкая.

Далан, разумеется, молча залез под одеяло.

Саньцяо выпила лишнего, и глаза у нее уже слипались. К тому же старуха так раздражила ее разговорами, разожгла в ней чувства, что она была сама не своя. И потому свершилось то, чего хотел Далан.

*Одна — молода и полна чувств весенних,
жила, как затворница в доме, скучая;
Другой — гость заезжий из дальних краев,
мыслью о встрече любовной томился.
Одна — уже долго ждала и терпела
и, словно *Вэньцзюнь, повстречала Сянжу;
Другой — уж давно о красоте мечтая,
свою *Цзяолянь, как Бичжэн, обнимает.
Оба счастливы так, будто дождь благотворный
в долгую засухи пору пролился;
И больше в той встрече радости было,
чем при встрече нежданной друзей на чужбине.*

Далан, этот бывалый человек, изведавший сладость любовных встреч, знал все тонкости в подобных делах и довел Саньцяо до того, что у нее буквально душа рассталась с телом. И только когда, как говорится, «прекратилась буря и тучи рассеялись», Саньцяо наконец спросила:

— Кто ты такой?

Далан признался ей, как случайно ее увидел, как она понравилась ему и он не мог оставить мысли о ней, как умолял старуху что-либо придумать.

— И вот теперь, когда свершилось то, чего я хотел больше всего в жизни, я могу *умереть с закрытыми глазами.

Тут к кровати подошла сама Сюэ.

— Так просто я не осмелилась бы решиться на это, — сказала она, обращаясь к Саньцяо. — Мне было жаль смотреть, как в одиночестве уходят ваши молодые годы; да и господина Чэня я хотела спа-

сти. Можно сказать, что я тут ни при чем, — продолжала она, — так уж, по-видимому, было суждено вам обоим.

— Что случилось, то случилось, — ответила Саньцяо. — Но как быть, если муж узнает?

— Об этом знаем лишь я да вы. А кроме служанок, кто еще может проболтаться? Поэтому надо сделать так, чтобы Цинъюнь и Нуаньсюэ не смели распускать язык... Положитесь на меня — и встречаться будете каждую ночь, — продолжала старуха. — Все будет гладко. Но уж вспоминайте иногда и меня, старую.

Раздумывать Саньцяо уже не приходилось. Всю ночь они предавались бурным страстям. Уже светало, а им все еще было не расстаться. Тут старуха стала торопить Далана, заставила его подняться и выпроводила.

С тех пор не было ночи, чтобы молодые люди не встречались. Далан то один приходил к ней в дом, то со старухой. Что касается обеих служанок, то Сюэ сумела и сладкими речами задурить им голову, и запугать угрозами. Саньцяо по совету старухи дарила им то одни, то другие платья, а когда приходил Далан, он обычно давал им на сладости какую-нибудь мелочь серебром. Словом, втроем они так сумели прибрать к рукам Цинъюнь и Нуаньсюэ, что те, довольные, стали заодно с хозяйкой. Поэтому, приходил ли Далан вечером, уходил ли утром, никто ему не чинил препятствий: одна из служанок всегда встречала и провожала его.

Саньцяо и Далана влекло друг к другу, и они любили друг друга больше, чем муж и жена. Далану очень хотелось быть еще ближе любимой женщине, поэтому он часто заказывал для нее красивые платья, дарил ей украшения и вернул за нее деньги, которые Саньцяо осталась должна старухе; самой Сюэ в благодарность Далан преподнес сто ланов серебром; так что за полгода с небольшим он истратил примерно тысячу *цзиней. Со своей стороны и Саньцяо отблагодарила Сюэ разными подарками больше чем на тридцать ланов. Нечего и говорить, что на такую богатую прибыль и рассчитывала старуха, соглашаясь быть сводней и посредницей между ними. Но, как говорили древние: не бывает пира, который бы не кончился.

*Едва прошел веселый *праздник фонарей,
А уж настал *день поминанья предков.*

Далан стал подумывать о том, что давно забросил дела и пора бы ему возвратиться домой. И вот как-то ночью он поделился этим с Саньцяо. Но настолько были сильны их чувства, так их влекло друг к другу, что расстаться они были не в состоянии. Саньцяо шла даже на то, чтобы собрать вещи, сбежать с милым куда угодно и стать его женой.

— Нет, это не годится, — говорил Далан. — О наших отношениях до малейших подробностей знает старуха Сюэ. Кроме того, и хозяин гостиного двора, почтенный Люй, мог что-то заподозрить, видя, как я каждый вечер отправляюсь в город. Да и джонка, на ко-

торой нам пришлось бы ехать, как всегда, будет набита торговцами из разных краев — разве удастся уехать незамеченными? А Цинъюнь и Нуаньсюэ? Мы ведь не можем взять их с собой. Когда вернется твой муж и обо всем узнает, вряд ли он оставит так это дело. Прошу тебя, потерпи: в следующем году в эту пору я снова буду здесь, найду укромный уголок, сообщу тебе и мы тайком уедем. Тут уж ни боги, ни дьявол — никто ничего не узнает. Так будет вернее.

— А если все-таки вдруг случится, что ты в будущем году не приедешь, тогда как? — спросила Саньцяо.

Далан поклялся, что непременно вернется.

— Ну ладно, раз ты мне искренне предан, — сказала Саньцяо, — я тоже буду тебе верна. Только прошу, когда вернешься домой, напиши письмо и, как только представится случай, попроси доставить его Сюэ, чтоб я не тревожилась.

— Не беспокойся, я и сам хотел так поступить.

Несколько дней спустя Далан подрядил джонку, погрузил в нее закупленное зерно и пришел к Саньцяо проститься.

В эту ночь они были особенно нежны, и предстоящая разлука казалась им невыносимой. Поговорят они, поговорят и заплачут, потом безудержно предаются любви. Ночью они так и не сомкнули глаз. В пятую стражу оба поднялись. Саньцяо достала из сундука дорогую рубашку, которую называли жемчужной, и поднесла ее Далану.

— Эта рубашка передавалась из поколения в поколение в семье моего мужа, — сказала она ему. — В знойные дни, когда надеваешь ее, ощущаешь приятную прохладу. Сейчас, когда с каждым днем становится жарче, она тебе как раз пригодится. Дарю ее тебе на память, и, когда наденешь ее, пусть тебе кажется, что это я прильнула к твоей груди.

Далан разрыдался. Он и слова не мог произнести в ответ и сидел поникший. Тут Саньцяо собственноручно надела на Далана рубашку, приказала служанке открыть ворота и сама вышла проводить его до ворот. Они расстались, без конца прося друг друга беречь себя.

Стихи говорят:

*Когда-то, роняя слезы,
супруга она провожала;
А нынче, рыдая, расстаться
с новым любимым не может.
Изменчивы женские чувства,
словно текущие воды:
Сегодня — с дивною птицей,
с птахой залетною — завтра.*

Но поведем наш рассказ дальше. Далан каждый день теперь надевал эту жемчужную рубашку, да и вообще ни на минуту с ней не расставался: даже ночью, когда ложился спать, держал ее при себе в спальном мешке.

С попутным ветром через каких-то два месяца Далан уже добрался до города *Фэнцяо, что в области Сучжоу. Фэнцяо был центром, где сосредоточивалась торговля деревом, зерном и многими

другими товарами. Чтобы сбыть свой товар, он, разумеется, остановился в одном из торговых подворьев, куда обычно заезжали торговцы зерном и где они хранили свою кладь.

Но оставим подробности по этому поводу.

Однажды, на пиру у своего земляка, Далан встретил торговца из Сяньяна. Непринужденный в своих манерах, красивый молодой человек был не кем иным, как Сингэ. Оказывается, Сингэ закупил в Гуандуне жемчуг, панцири черепах, сапановое и орлиное дерево и вместе с попутчиками выехал из Гуандуна; все, с кем он ехал, собирались сбыть свой товар в Сучжоу. Сингэ давно уже слышал, что рай — на небесах, а на земле — *Су, Хан, и знал к тому же, что это большие портовые города. Не мудрено, что ему очень хотелось побыть там, продать товар, и уж тогда возвращаться домой. В Сучжоу он прибыл еще в минувшем году, в десятом месяце. Поскольку некогда в торговых делах он скрыл свою настоящую фамилию и все называли его молодым господином Ло, то при встрече с Сингэ у Далана не возникло никаких подозрений. Сингэ и Далан были ровесниками, оба были схожи и по внешнему виду, и в манерах. Случайно познакомившись, они разговорились и прониклись взаимной симпатией. Узнав, где кто остановился, они потом довольно часто навещали друг друга и вскоре стали друзьями.

Покончив с делами и получив все, что ему полагалось по счетам, Сингэ собрался уезжать и зашел к Далану проститься. Далан подал вино, угощение; они сидели и вели дружескую, откровенную беседу. Был уже конец пятого месяца, дни стояли жаркие, оба за вином скинули с себя верхнюю одежду, и тут Сингэ увидел на Далане свою жемчужную рубашку. Крайне удивленный, он не осмелился сказать, что рубашка эта его, и только заметил, какая она, мол, красивая.

Поскольку молодые люди стали друзьями, Далан решился спросить:

— В вашем городе, на Большой базарной улице, живет некто Цзян Сингэ. Знаете ли вы его, брат Ло?

Сингэ, уже настроженный, ответил:

— Я давно не был дома, но помню, что там есть такой человек; правда, сам я с ним не знаком. А почему вы спрашиваете о нем, брат Чэнь?

— Не буду скрывать от вас, я в некотором отношении с ним связан, — ответил Далан и рассказал другу всю историю его любовных отношений с Саньцяо. При этом он дотронулся рукой до жемчужной рубашки и, глядя на нее, прослезился: — Это она подарила ее мне. Прошу вас, раз вы возвращаетесь туда, сделайте мне одолжение — передайте письмо, которое я написал. Завтра я его принесу.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отвечал Сингэ, а сам про себя подумал: «Бывают же такие невероятные вещи! Но доказательство — жемчужная рубашка. Значит, это не пустая болтовня». В груди у него словно иглами закололо; под каким-то предлогом он отказался пить, быстро поднялся, простился и ушел. Вернувшись к себе, он не пере-

ставал обо всем этом думать, и чем больше думал, тем сильнее выходил из себя. Как хотелось ему овладеть магическим способом сокращать расстояния, чтобы в мгновение ока очутиться дома. В ту же ночь он собрался, а рано утром был на джонке.

Когда они готовы были уже отчалить, Сингэ увидел, как вдоль берега, запыхавшись, бежит человек. Это был Далан. Он передал Сингэ пакет и настойчиво просил во что бы то ни стало его доставить. От злости лицо Сингэ стало землистым, сказать он ничего не мог, не мог ответить, умереть не мог и жить не хотелось. Только когда Далан ушел, Сингэ взглянул на пакет. «Прошу доставить матушке Сюэ. Восточный переулок. Большая базарная улица» — было написано на пакете. Ярость охватила Сингэ. Он разорвал пакет — внутри оказались длинное шелковое полотенце нежно-розового цвета и картонная коробка, в которой лежала шпилька для волос из чисто-белого нефрита с украшением в виде головы феникса. В самом письме говорилось: «Эти две ничтожные вещицы прошу вас, матушка, передать любимой госпоже Саньцяо, лично ей, в знак того, что помню ее и что встреча наша непременно состоится будущей весной. Прошу ее беречь себя, очень прошу». Вне себя от злости, Сингэ разодрал на мелкие клочки письмо и бросил их в воду, а шпильку с такой силой швырнул на палубу, что она разломалась пополам. Но тут он спохватился: «Какой же я дурак! Надо все это сохранить как доказательство». Он поднял шпильку, завернул ее вместе с полотенцем в один пакет и пакет припрятал. Затем он стал торопить лодочников, чтобы они отчаливали.

Вскоре Сингэ оказался в родном городе. Когда он увидел ворота своего дома, слезы невольно потекли у него из глаз. «Как мы любили друг друга тогда, — думал он. — И надо было мне ради ничтожной, величиной с мушиную головку, выгоды, на которую я позарился, оставить молодую жену одну-одинешеньку, чтобы получился такой вот позор. Но сожалеть об этом теперь уже поздно!»

Надо сказать, что в пути Сингэ не терпелось поскорей добраться домой, а теперь, когда он оказался здесь, возле дома, так ему стало горестно, так тяжело, что он едва передвигал ноги. Переступив порог своего дома, он взял себя в руки и, сдерживая гнев, через силу поздоровался с женой. Больше Сингэ ни слова не произнес, а Саньцяо, чувствуя за собой вину и краснея от стыда, не решилась подойти к мужу и заговорить с ним, проявить должную приветливость. Когда весь багаж был перенесен в дом, Сингэ сказал, что идет навестить тещу и тещу, а сам отправился обратно на джонку и там переночевал.

На следующий день утром он вернулся домой.

— Мать и отец твои больны, и очень тяжело, — сообщил он Саньцяо. — Вчера мне пришлось там остаться, и я провел возле них всю ночь. Они только и думают что о тебе и хотели бы с тобой повидаться. Я уже нанял паланкин, он у ворот — так что побыстрее собирайся и поезжай, я отправлюсь вслед за тобой.

Саньцяо, охваченная тревогой и подозревавшая что-то недоброе после ночи, когда муж не вернулся домой, услышав теперь, что отец

и мать больны, конечно, поверила в это и всполошилась. Второпях она передала мужу ключи от сундуков, велела одной из кухарок быстро собраться, чтобы сопровождать ее, а сама направилась к паланкину. Тем временем Сингэ задержал кухарку, вытащил из рукава письмо и сказал ей, чтобы она передала его господину Вану.

— Как только отдашь письмо, сразу же возвращайся с паланкином, — приказал он, вручая письмо.

Приехав к родителям, Саньцяо нашла их в добром здравии и не на шутку перепугалась. Отец ее, господин Ван, увидев дочь, которая ни с того ни с сего вдруг приехала домой, тоже всполошился. Распечатав письмо, которое ему передала кухарка, он увидел, что это *отпускная. В ней было написано:

*Составитель настоящей отпускной — Цзян Дэ родом из Цзаояна, области Сянъян. В свое время был совершен сговор о том, что он берет в жены девицу из семьи Ван. Однако, уже живя в доме мужа, эта женщина совершила немало проступков, которые входят в *семь статей, дающих повод для развода. Память о прежних супружеских чувствах удерживает от того, чтобы назвать эти проступки. Посему дается согласие на возвращение ее в родительский дом, а также на вторичное ее замужество по вашему усмотрению.*

*Настоящая отпускная является подлинной. Второй год *Чэн-хуа, такой-то месяц, день. Отпечаток руки в качестве свидетельства.*

Вместе с письмом в пакете находился еще и сверток, в котором лежали розовое шелковое полотенце и поломанная головная шпилька из чистого белого нефрита. Увидев все это, Ван, встревоженный, позвал дочь и стал допытываться, что произошло. Когда Саньцяо узнала, что муж отказался от нее, она горько заплакала, но так ничего отцу и не объяснила. Разгневанный, Ван тут же направился к зятю. Сингэ встретил его поклоном, Ван ответил на приветствие.

— Дорогой зять, — без промедлений начал Ван, — дочь моя была чиста и невинна, когда вошла в твой дом. Какой же проступок она совершила, что ты от нее отказываешься? Ты должен мне объяснить.

— Нет, мне об этом говорить неудобно, — отвечал Сингэ. — Спросите вашу дочь и узнаете.

— Да она только плачет и рта не желает раскрывать, — вот мне и приходится переживать и думать невесть что! Ведь дочь моя с детства была умной, — продолжал Ван. — Не могла она пойти на прелюбодеяние или кражу; а если и допустила какую малую оплошность, то уж ради меня, старика, простил бы ее. Ведь сговор о браке был совершен, когда вам обоим было лет восемь, а после свадьбы вы жили мирно, спокойно, ни разу не поссорились. Теперь ты только вернулся из поездки, не прожил здесь и двух дней — что же неладное ты заметил? Если ты так жестоко поступишь, то станешь посме-

шищем, люди будут говорить о тебе, что ты не знаешь чувства жалости и чувства долга.

— Уважаемый тесть, я не осмелюсь много говорить, — отвечал Сингэ, — скажу только, что у меня еще от далеких предков осталась жемчужная рубашка, которую я просил вашу дочь сохранить. Спросите у нее, есть сейчас эта рубашка в доме или нет. Если есть, то все в порядке, и разговору конец. Если нет, тогда извините, не обессудьте.

Ван тут же отправился домой.

— Муж твой только спрашивает о какой-то жемчужной рубашке, — сказал он дочери. — Отдала ты ее кому-то, что ли?

Поняв, что речь идет о самой ее сокровенной тайне, Саньцяо от стыда залилась краской. Сказать в ответ ей было нечего, и она так разрыдалась, что старик Ван растерялся, не зная, как ему поступить.

— Перестань без конца реветь, — уговаривала ее мать. — Лучше расскажи всю правду, как она есть, чтобы мы с отцом знали, в чем дело, и могли за тебя хоть слово замолвить.

Но Саньцяо упорно молчала и продолжала рыдать. Наконец Ван, отчаявшись, передал бумагу о разводе, полотенце и шпильку жене, велел ей успокоить дочь и постараться выведать у нее, что же произошло, а сам так расстроился, что решил пойти к соседям, чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей.

Саньцяо все плакала, глаза ее распухли от слез. Мать, боясь, как бы дочь совсем не извелась, всячески утешала ее, потом отправилась на кухню согреть вина, надеясь хоть вином отвлечь ее от тяжелых мыслей.

Тем временем Саньцяо сидела у себя в комнате одна. Она все думала и думала и никак не могла понять, каким образом история с жемчужной рубашкой дошла до Сингэ. Не могла она также понять, что это за полотенце и шпилька. «Пожалуй, — наконец решила она, — сломанная шпилька означает разбитое счастье, а полотенце — намек на то, чтобы я повесилась. Во имя нашей былой супружеской любви он не пожелал об этом говорить прямо, хотел сберечь мою честь. Да, — продолжала она мысленно рассуждать, — четыре года любви и, увы, такой конец! В этом виновата я сама — пренебрегла чувствами мужа, изменила ему. Теперь, если я и останусь жить на свете, не видать мне счастливых дней. Действительно, уж лучше повеситься, по крайней мере со всем будет покончено». Придя к этой мысли, она снова расплакалась. И вот она взяла табуретку, положила на нее первое, что попало под руку, чтобы стать повыше, и закинула на балку то самое полотенце — оставалось только сунуть голову в петлю. Но, видимо, не суждено было тому случиться. Дверь в комнату Саньцяо не была запертой, и как раз в этот момент ее мать вернулась из кухни, держа в руках чайник с подогретым вином. Увидев, что происходит, она настолько растерялась, что бросилась к дочери прямо с чайником в руках, обхватила Саньцяо свободной рукой, пытаясь удержать ее. При этом она задела и опрокинула табуретку. Обе женщины рухнули на пол. Тут же валялся чайник, из которого лилось вино. Встав на ноги, мать стала поднимать дочь, приговаривая:

— Пришло же в голову этакое! Всего-то тебе каких-то двадцать лет — можно сказать, бутон, еще полностью не распутившийся! Как же ты решилась на подобную глупость?! — продолжала она. — Муж-то твой, может, еще и одумается. Ну а если даже и окончательно решил отказаться от тебя, так что?! Неужто тебя, такую красивую, никто другой не возьмет! Ничего, выйдешь еще замуж и будешь счастлива. Так что не расстраивайся, живи спокойно!

Когда Ван вернулся домой и узнал, что Саньцяо пыталась покончить с собой, он тоже сказал ей несколько слов в утешение, а жене наказал не спускать с дочери глаз.

Прошло какое-то время, предпринять Саньцяо ничего не могла и наконец оставила мысль о смерти. Поистине,

*Жена и муж — совсем как птицы,
живут в одном лесу;
Но вот *великий срок приходит —
и кто куда летит своим путем.*

А теперь вернемся к Сингэ. После ухода тестя он связал Цинъюнь и Нуаньсюэ и стал допрашивать обеих служанок. Сначала они отпирались, но, когда он начал их бить, не выдержали и выложили все начистоту. Узнав, что историю с Даланом подстроила старуха Сюэ и что все это дело только ее рук, Сингэ на следующее же утро собрал десяток молодых и направился с ними к ее дому. Там они разнесли у нее все в пух и прах, разве что только сам дом не сломали. Сюэ, сознавая свою вину, заранее скрылась, и никто не посмел сказать и слова в ее защиту.

Возвратясь к себе, Сингэ велел привести посредницу и продал ей обеих служанок. Каждый из шестнадцати сундуков с вещами и драгоценностями, — больших и малых, — которые стояли наверху в доме, он опечатал двумя полосами бумаги и больше к ним не прикасался. Почему? Да потому, что Сингэ очень любил жену, и хоть отказался от нее, но на душе у него было тяжело. Глядя на вещи, как известно, вспоминаешь человека. Так мог ли он раскрывать сундуки и заглядывать в них?

Теперь рассказ пойдет еще об одном человеке — о некоем У Цзе, *цзиньши из Нанкина. Получив назначение на должность начальника уезда Чаоянсянь в провинции Гуандун, он отправился туда водным путем и проезжал через область Сяньян. Жена у него осталась дома, и он решил подобрать себе молодую наложницу. На пути к месту службы он встречал немало молодых женщин, но ни одна не пришлась ему по душе. Как-то он прослышал о дочери старика Вана из Цзаояна: говорили, что она хороша собой и славится красотой на весь уезд. Он пригласил сваху и в качестве сговорного подарка дал ей пятьдесят ланов золота. Ван был этому рад, но, боясь, как бы его прежний зять не стал протестовать, сам пошел к Сингэ и рассказал ему о сватовстве. У того никаких возражений не было. В день свадьбы Саньцяо Сингэ нанял людей, которые перенесли все шестнадцать

сундуков на джонку У Цзе. Опечатанные бумагой сундуки, до которых Сингэ так и не дотронулся, были возвращены вместе с ключами к ним. Все это отдавалось Саньцяо в качестве приданого, и ей, конечно, было не по себе. Когда стало известно, как поступил Сингэ, одни хвалили его, говорили, что он великодушен; другие смеялись над ним, называли дураком; иные поносили его за бесхарактерность. Вот уж поистине, «сколько людей, столько и мнений»!

Но не будем отвлекаться и вернемся теперь к Далану.

Сбыв свой товар в Сучжоу, Далан приехал к себе домой, в Синьянь, и все его мысли только и были что о Саньцяо. Утром ли, вечером ли, глядя на жемчужную рубашку, он постоянно вздыхал. Жена его, госпожа Пин, недоумевающая, откуда взялась эта рубашка, и заподозрив что-то неладное, однажды, когда муж спал, тайком унесла ее и спрятала на чердаке. Утром Далан хотел надеть рубашку, ее не оказалось, и он стал требовать ее у жены. Та ни в чем не признавалась. Далан рассвирепел, перевернул вверх дном сундуки и коробка, обшарил все углы и, нигде не найдя ее, набросился на жену с руганью. Госпожа Пин разрыдалась, началась перебранка, и они ссорились несколько дней подряд. В полном смятении чувств Далан наспех собрал деньги, взял с собой молодого слугу, сел на джонку и направился обратно в Сянъян. Случилось так, что, когда они подъезжали уже к самому Цзаояну, на джонку напала шайка разбойников. Лодку ограбили, деньги, которые он вез с собой, украли, слугу убили. Далан благодаря своей сообразительности и ловкости успел спрятаться на корме за рулем и тем спас себе жизнь. Понимая, что домой ему теперь нельзя возвращаться, он решил, что поселится в прежней гостинице, свидится с Саньцяо, одолжит у нее какую-то сумму, а когда наладит дело, вернет свой долг. Тяжело вздыхая, он оставил джонку и сошел на берег.

Оказавшись за городом, Далан добрался до гостиницы и поведал хозяину, господину Люю, обо всем, что с ним приключилось. При этом он признался, что собирается попросить старуху Сюэ, которая торгует жемчугом, одолжить у одного его знакомого кое-какую сумму для дела.

— О, вы не знаете, — отвечал ему на это старик Люй. — Эта старуха совратила жену Цзян Сингэ, подстроила там грязное дело. В прошлом году, когда Сингэ вернулся из поездки, он стал требовать у жены какую-то жемчужную рубашку. А жена, оказывается, подарила эту рубашку любовнику и ей нечего было сказать в свое оправдание. Сингэ тотчас же отказался от жены и отправил ее обратно к родным, а теперь она в качестве второй жены вышла за господина У Цзе из Нанкина. Сингэ разнес дом старухи Сюэ, да так, что целой черепицы на нем не осталось. Продолжать здесь жить она, конечно, не могла и переехала в соседний уезд.

Услышав такое, Далан был потрясен, словно его холодной водой окатили. Всю ночь его бросало то в жар, то в холод, и он заболел. Причиной болезни была удрученность и тоска по любимой, отчасти — переутомление и неожиданное потрясение. Более двух месяцев пролежал он в постели — слуге хозяина даже надоело за ним ухаживать.

вать. Доведенный до отчаяния, Далан собрался с духом и написал письмо домой. Пригласив хозяина гостиницы, он попросил, чтобы тот при первой возможности переслал его письмо жене, и добавил, что просит в письме прислать ему денег на дорогу и приехать кого-нибудь из близких, чтобы присмотреть за ним в пути. Это было именно то, чего хотел сам хозяин. В гостинице как раз очень кстати остановился посыльный, направлявшийся с документами в Хуэйнин. Расстояния он преодолевал быстро, пользуясь услугами водных и сухопутных почтовых станций, поэтому Люй передал ему письмо Далана, дал некоторую сумму и попросил заодно доставить это послание по адресу. Известно, что

*Когда идешь по собственным делам —
то бродишь, сколько хочешь,
А коли нарочным по службе послан —
мчишься, как комета.*

Не прошло и нескольких дней, как посыльный был уже в уезде Синьань. Разузнав, где находится дом Далана, он доставил письмо и тут же помчался дальше. И вот:

*Всего лишь было
что письмо к жене,
А вышло так —
что вдруг сыграли свадьбу.*

Госпожа Пин вскрыла письмо и узнала почерк мужа. В письме говорилось:

Милая жена, госпожа Пин! Тебе кланяется Далан. После того как я уехал из дому, на меня в Сянъяне напали бандиты, ограбили меня и убили слугу. Сам я от потрясений заболел и вот уже больше двух месяцев лежу все в той же гостинице у господина Люя. Когда это письмо дойдет до тебя, прошу направить ко мне надежного человека, дабы он побыстрее приехал присмотреть за мной, и передай с ним побольше денег на дорогу. Пишу кое-как, лежа на подушке.

Не зная, верить ли тому, что говорилось в письме, госпожа Пин раздумывала над ним: «В последний раз, когда он вернулся домой, он, видите ли, потерпел убыток на целую тысячу ланов серебром. А эта жемчужная рубашка? Наверняка ведь досталась ему каким-то нечестным путем. Теперь убеждает, что его ограбили, и просит прислать побольше денег на дорогу. Боюсь, врет он все!» Еще поразмыслив, она рассудила: «Он просит надежного, близкого человека побыстрее явиться ухаживать за ним, значит, действительно тяжело болен, и вполне вероятно, что все это правда. Но кого же послать?»

Чем больше она думала, тем сильнее овладевало ею беспокойство. Она рассказала обо всем своему отцу, господину Пину, решила

собрать все ценности, какие были в доме, взять с собой слугу Чэнь Вана и его жену, а также попросила отца поехать вместе с ней. Наконец была нанята лодка, и она отправилась к мужу в Сянъян. Но едва они добрались до Цзинкоу, как у старого господина Пина начался удушающий кашель и его пришлось отправить домой. Сама госпожа Пин вместе с Чэнь Ваном и его женой продолжала путь дальше.

В конце концов они добрались до Цзаояна и там разузнали, где подворье господина Люя. Оказалось, Далан еще десять дней тому назад скончался. Лежал он в простеньком гробу, на который пожертвовал какую-то сумму Люй. Госпожа Пин, рыдая, упала на землю и долго не могла прийти в себя. Она надела грубую траурную одежду, стала уговаривать господина Люя открыть гроб, чтобы взглянуть на мужа, и собиралась, как подобает, уложить его тело в другой, хороший гроб, но Люй ни за что не соглашался. Пин оставалась только купить материал и сделать наружный гроб. Затем она пригласила монахов, было совершено молебствие о спасении души усопшего и сожжено огромное количество *бумажных денег. Старик Люй, получивший от Пин в благодарность за все его хлопоты двадцать ланов серебром, разрешал ей делать, что она хочет, и без единого слова упрека переносил шум и суматоху в доме.

Прошло больше месяца. Пин решила выбрать благоприятный день и отправиться с гробом на родину. Между тем Люй задумывался над тем, не удержать ли здесь эту женщину: молода, недурна собой — вряд ли до конца своей жизни будет вдовствовать, да и деньги у нее кой-какие водятся, а сын его, *Люй Второй, еще не женат. Так почему бы не совершить благое дело, устраивающее обе стороны? Он купил вина, пригласил Чэнь Вана и попросил, чтобы его жена попробовала поговорить об этом с госпожой; разумеется, Люй пообещал щедро его отблагодарить. Жена Чэнь Вана была женщиной глупой, деликатностью не отличалась и потому без всяких обиняков сказала обо всем своей госпоже. Та вышла из себя. Ругая женщину, она несколько раз ударила ее по щеке, понося при этом недобрыми словами и самого хозяина гостиницы. Получив по носу этакий щелчок, Люй обозлился, но сказать ничего не посмел. Вот уж поистине,

*Бараньих пампушек поест не поел,
Только воню бараньей насквозь пропитался.*

После этого случая Люй стал подговаривать Чэнь Вана сбежать от хозяйки. Чэнь Ван поразмыслил, что хорошего ему теперь уже не видать, посоветался с женой, и, действуя вдвоем — одна в доме, другой вовне, они сумели прибрать к рукам все деньги и драгоценности хозяйки, после чего однажды ночью сбежали. А Люй, прекрасно знавший подоплеку этого дела, обвинил во всем госпожу Пин, говоря, что не следовало ей брать с собой таких негодяев, что, мол, хорошо еще, что обокрали одну ее, а не многих других. Тут же Люй заявил, что гроб в гостинице мешает ему, и попросил поскорее его убрать. Помимо прочего, он стал торопить госпожу Пин с отъездом, объясняя это тем, что она молодая вдова и жить здесь ей не особенно приличе-

ствует. Старик до того допекал Пин, что ей пришлось снять отдельный домик. Она наняла людей, и гроб перенесли туда. О том, как она при всем этом убивалась, излишне и говорить.

Соседкой Пин оказалась некая Чжан Седьмая. Женщина она была общительная и, когда слышала, как госпожа Пин плачет, нередко приходила утешать ее. Пин время от времени просила ее то продать, то заложить что-нибудь из вещей и была очень благодарна соседке за заботы.

Не прошло и нескольких месяцев, как вся одежда оказалась заложенной. Тогда Пин подумала о том, что раз она с детства хорошо вышивает, то могла бы для начала найти какую-нибудь состоятельную семью, где стала бы учить вышиванию — это ее пока прокормит, а дальше видно будет. Как-то она поделилась своими мыслями с Чжан Седьмой.

— Мне не очень удобно говорить вам то, что я собираюсь сказать, — отвечала ей Чжан Седьмая. — Богатые семьи — не те места, куда следует ходить молодой женщине. И вообще, кто умер, тот умер, а кто жив, тому все-таки надо жить. У вас ведь все еще впереди, — продолжала Чжан Седьмая, — так неужели же всю оставшуюся жизнь быть вышивальщицей? Да и репутация за этой профессией не больно-то хорошая: люди к вышивальщицам относятся с пренебрежением. И еще одно — как быть с гробом? Без конца снимать помещение для него — не выход.

— Да я обо всем этом сама думала, — отвечала Пин, — только не знаю, что и предпринять.

— Есть у меня одно соображение, — сказала Чжан Седьмая, — только не обижайтесь на мои слова. Вы здесь за тысячу ли от родных мест, одна, без денег, и думать о том, чтобы увезти гроб на родину, — пустая мечта. Я уж не говорю о том, что и одеться-то вам почти не во что, да и питаться нечем — так долго не продержитесь. А если какое-то время и продержитесь так вот, соблюдая вдовство, какая в том польза? Вот мне и кажется, не лучше ли, пока вы молоды и красивы, найти себе хорошего человека и последовать за ним, как жена за мужем? Появятся у вас кой-какие деньги в виде свадебных даров, купите клочок земли, похороните мужа да и себе жизнь обеспечите. И получится тогда, что и мертвый не в обиде, и живому не в чем себя упрекнуть.

Госпожа Пин понимала, что Чжан Седьмая права.

— Что ж, пусть так, — подумав немного, со вздохом произнесла Пин. — Если я продам себя ради того, чтобы похоронить мужа, люди надо мной не станут смеяться.

— Если вы действительно решитесь на это, то у меня как раз есть на примете подходящий человек. Ему примерно столько же лет, сколько и вам, выглядит он привлекательно, к тому же очень богат.

— Ну, если богат, вряд ли захочет взять себе в жены женщину, которая уже была замужем, — сказала Пин.

— Он тоже женится вторично, — отвечала Чжан Седьмая. — Он говорил мне, что ему неважно, была или не была женщина заму-

жем, лишь бы была красивой. А вы, с вашей внешностью, не можете ему не понравиться.

Оказывается, это Цзян Сингэ просил Чжан Седьмую подыскать ему жену. И так как его первая супруга — Саньцяо — была необыкновенная красавица, он непременно хотел найти подобную ей. Что касается госпожи Пин, то хоть она и уступала в красоте Саньцяо, но ловкостью, сообразительностью и трезвостью ума превосходила ее.

На следующий же день после этого разговора Чжан Седьмая отправилась в город и рассказала Сингэ о госпоже Пин. Когда Сингэ узнал, что эта женщина к тому же, как и он, из низовья Янцзы, он остался очень доволен. Пин отказалась от каких-либо денежных свадебных даров и только высказала пожелание, чтобы была куплена земля, на которой она могла бы похоронить мужа. Не один раз пришлось Чжан Седьмой ходить от Сингэ к госпоже Пин, от госпожи Пин к Сингэ, пока в конце концов обе стороны не пришли к полному согласию.

Однако не будем многословны. Скажем только, что госпожа Пин предала земле гроб с телом мужа, совершила жертвоприношение и долго плакала возле могилы. Вслед за этим, само собой разумеется, все траурное в доме было убрано, и Пин сняла траурное одеяние. К определенному сроку Сингэ прислал госпоже Пин одежду и украшения, а также выкупил из закладной лавки все, что она в свое время заложила. В день, когда состоялось бракосочетание, как положено, играла музыка, брачные покои были празднично украшены, всюду горели свечи. Поистине,

*Справляли свадьбу оба не впервые,
Но нежных чувств и в этот раз не меньше.*

Видя, как скромно и с каким достоинством держит себя Пин, Сингэ относился к ней с большим уважением. Однажды, вернувшись откуда-то домой, Сингэ застал жену за тем, что она укладывала сундуки. И вдруг среди вещей он увидел свою жемчужную рубашку.

— Откуда у тебя эта вещь? — в крайнем недоумении спросил он.

— Не знаю, какими судьбами она оказалась у мужа, — ответила Пин и рассказала о том, как однажды, возвратясь из поездки домой, странно вел себя ее бывший муж Далан, как они повздорили и как он, рассердившись, уехал. Затем добавила: — В былые дни, когда мне было особенно трудно, я не раз помышляла о том, чтобы заложить или продать эту рубашку, но так как не знала, откуда она взялась, то и не решалась показывать ее людям — боялась, как бы не вышло чего неладного. Ведь я до сих пор так и не знаю, откуда она у него.

— Твой муж Чэнь Далан, он же Чэнь Шан, не так ли? Без усов, с чистой гладкой кожей на лице, с длинным ногтем на левом мизинце?

— Да, — подтвердила Пин.

Сингэ даже рот раскрыл от удивления и, сложив перед грудью руки и подняв глаза к небу, произнес:

— Если так, то действительно пути небесные всеведущи и справедливы. Страшно даже!

Пин стала расспрашивать, в чем дело.

— Эта жемчужная рубашка давно принадлежит моей семье, — отвечал Сингэ. — Твой муж совратил мою жену, и она подарила ему эту рубашку на память. Обо всем этом я узнал в Сучжоу, когда встретился там с твоим мужем и увидел на нем свою жемчужную рубашку. Поэтому, возвратясь домой, я отказался от жены. И нужно же было так случиться, что твой муж умер на чужбине, а я решил жениться вторично. Но я знал только, что ты жена некоего купца Чэня из Хуэйчжоу, и все. Кто мог подумать, что твой муж и есть тот самый Чэнь Шан! Вот уж поистине: тем же тебе и воздастся!

Пин похолодела, узнав обо всем этом. С тех пор они еще больше стали любить друг друга.

Такова подлинная история о том, как Цзян Сингэ снова увидел жемчужную рубашку. Стихи говорят:

*Небесный путь всегда всевидящ,
Его никак не обмануть.
Вот двое женами сменялись,
А выгадал при этом кто?
Сказать тут, право, можно смело:
Проценты отданы за долг,
И все внезапно изменилось
В судьбе, давно уж предрешенной.*

Остается добавить следующее. Сингэ, у которого была теперь в доме хозяйка, спустя год снова отправился по торговым делам в Гуандун. И видимо, суждено было случиться тому, что случилось. Однажды он продавал жемчуг в городе Хэпу. В одном доме он уже договорился о цене, сделка была совершена, но тут покупатель-старик взял и упрятал самую большую жемчужину и ни за что не хотел в этом признаться. Возмущенный, Сингэ схватил старика за рукав с намерением обыскать его, да так резко дернул, что тот повалился наземь, а упав, не произнес ни звука. Сингэ бросился поднимать его, но оказалось, что тот уже мертв. Сбежались родственники старика, соседи. Кто плакал, кто кричал. Сингэ схватили, не желая ничего слушать, жестоко избили и заперли в пустом помещении. В тот же вечер была написана жалоба, а на следующее утро Сингэ поволокли к начальнику уезда на утренний прием. Начальник уезда принял жалобу, но так как в этот день у него были другие дела, то велел преступника запереть, с тем чтобы учинить допрос на следующее утро.

И кто, как вы думаете, был этот начальник уезда? Это, оказывается, был тот самый У Цзе из Нанкина, который взял себе второй женой Саньцяо. Он прослужил начальником уезда в Чаоянсяне, и высшее начальство, учтя его бескорыстие, перевело его сюда, в Хэпу, где промышленляли добычей жемчуга. В тот же день, вечером, когда на-

чальник, у себя дома, при лампе просматривал жалобы, Саньцяо сидела подле него. Случайно она обратила внимание на жалобу некоего Сун Фу об убийстве. Убийцей в документе значился Ло Дэ, торговец из Цзаояна. Ну кто же это мог быть иной, как не Цзян Сингэ! Саньцяо вспомнила об их былой любви, сердце у нее невольно сжалось, и она со слезами обратилась к мужу:

— Ло Дэ — мой родной брат, усыновленный дядей по матери. Подумать только, что на чужбине он мог совершить такое преступление! Очень прошу вас, ради меня — спасите его и помогите ему вернуться на родину.

— Там видно будет в ходе допроса. Если он действительно убил человека, трудно мне будет дать ему поблажку.

Саньцяо, рыдая, опустилась на колени и продолжала молить.

— Ладно, успокойся, найду какой-нибудь выход, — сказал У Цзе.

На следующий день, когда У Цзе собрался выйти на утренний прием, Саньцяо схватила его за рукав и снова, плача, взмолилась:

— Если брата нельзя будет спасти, я покончу с собой, и больше мы не увидимся.

Утренний прием начальник уезда начал именно с жалобы на Сингэ. Братья Сун Фу и Сун Шоу — оба, плача, просили о том, чтобы убийца понес должное наказание за смерть их отца.

— В споре из-за жемчужины он по злобе побил отца, тот свалился на землю и умер, — доложили они. — Просим вас решить это дело.

Начальник уезда стал допрашивать свидетелей: одни говорили, что старика били и он упал, другие — что его просто толкнули.

Сингэ показал следующее:

— Отец жалобщика украл у меня жемчужину, я возмутился, и мы заспорили. Старик, оказывается, плохо держался на ногах, сам упал, ушибся и умер, так что я не виноват.

— Сколько лет было твоему отцу? — спросил начальник уезда у Сун Фу.

— Шестьдесят семь.

— Такой пожилой человек вполне мог упасть в обморок, и вполне возможно, что его и не били, — сказал начальник уезда.

Но оба брата упорно настаивали на том, что отец их умер от побоев.

— Раз вы говорите, что его избили до смерти, то надо проверить, есть ли на теле следы побоев или ран, — ответил на это начальник уезда и распорядился: — Отправьте тело на казенное кладбище, а во второй половине дня совершим официальное *освидетельствование трупа.

Надо сказать, что семья Сунов была из богатых, пользующихся хорошей репутацией, а сам старик одно время был даже старостой их квартала. Поэтому сыновья его, разумеется, не могли допустить, чтобы отца повезли на казенное кладбище и ковырялись там в его теле. Опустившись на колени, оба они земно кланялись и говорили:

— Очень многие видели, каким образом отец скончался. Поэтому просим вас побывать у нас дома и там все расследовать, а освидетельствования на кладбище не совершать.

— Разве преступник признается в своей вине, если не будет обнаружено следов увечья?! Да и как я могу без бумаги об освидетельствовании трупа отправить дело начальству на утверждение?

Но братья продолжали молить его, настаивая на своем.

— Не желаете освидетельствования трупа, значит, и не надеетесь на продолжение расследования дела! — в гневе воскликнул начальник уезда.

Тут братья, в замешательстве, кланяясь, согласились:

— Полагаемся во всем на ваше решение.

Тогда начальник заявил:

— Человеку уже под семьдесят, в этом возрасте смерть — дело вполне естественное. Если окажется, что он умер не от побоев, то зря пострадает невинный человек, а это отяготит душу скончавшегося. И вы, его дети, которые, конечно, хотели, чтобы отец жил подольше, обвинением этим сослужите ему плохую службу. Так неужели же вы, его родные сыновья, решитесь пойти на такое?! И еще должен сказать, — продолжал начальник, — что умер он от побоев — это ложь. А вот что обвиняемый толкнул вашего отца и он упал — похоже на правду. Но если со всей строгостью не наказать обвиняемого Ло Дэ, то вы будете все-таки в обиде. Так вот, я полагаю, надо заставить обвиняемого надеть на себя грубую пеньковую траурную одежду, совершить обряды, как полагается в подобном случае родному сыну, и все расходы, связанные с похоронами, также возложить на Ло Дэ. Согласны ли вы с таким решением?

— Не посмеем не согласиться с вашим распоряжением, — отвечали в один голос братья.

Сингэ был безмерно счастлив, что начальник уезда не прибегнул к пыткам и решил дело, не запятнав его. Поэтому и жалобщики, и Сингэ — все земно кланялись и благодарили начальника.

— Ну, раз так, то и никакого документа по этому делу составлять не буду, — заключил начальник и, обращаясь к Сингэ, добавил: — Тебя будут сопровождать служащие *ямэня, и, когда ты все совершишь, как должно, я просто аннулирую жалобу. Вот уж поистине,

*Власть предержавшие очень легко
зло нанесут человеку;
И доброе дело им совершить
тоже труда не составит.
Вот, например, как начальник У Цзе
дело решил справедливо:
Выяснил суть, разобрался во всем —
и стороны обе довольны.*

Надо сказать, что с того момента, как У Цзе направился в зал присутствия разбирать дело, Саньцяо сидела словно на подстилке из иголок. И как только ей стало известно, что присутствие закончилось,

она сразу же пошла навстречу мужу и стала его расспрашивать, как и что.

— Дело я решил следующим образом... — начал У Цзе и, сказав Саньцяо, как все было, добавил: — Ради тебя я пощадил Сингэ, даже не наказал его ни единым ударом.

Саньцяо благодарила и благодарила мужа.

— Я давно рассталась с братом, — сказала она под конец, — и очень хотела бы его повидать, порасспросить об отце и матери. Не сделали бы вы одолжение и не разрешили бы нам как-то встретиться? Это было бы величайшей милостью с вашей стороны.

— Ну, это нетрудно, — ответил начальник уезда.

Читатель! Ведь Сингэ сам отказался от Саньцяо и порвал с ней всякие отношения. Почему же, по-вашему, она так беспокоилась о его судьбе и проявляла такую о нем заботу? Дело в том, что они очень любили друг друга и Сингэ именно по вине Саньцяо пришлось от нее отказаться, хотя расставаться с ней ему было больно и тяжело. Вот почему в день ее вторичного замужества Сингэ в качестве подарка отправил ей все шестнадцать сундуков с вещами и драгоценностями. Уже одного этого было вполне достаточно, чтобы смягчить ожесточение Саньцяо против Сингэ, если у нее в свое время и возникало подобное чувство. И вот сегодня, когда сама она была знатна и богата, а Сингэ очутился в беде, как же ей было не помочь ему! Это и есть: помнить о добре и отвечать добром.

Но вернемся к Сингэ. Неукоснительно придерживаясь решения начальника уезда, он совершил все положенные обряды, нисколько не жалея на это денег, так что у братьев Сун не оставалось больше повода для претензий или недовольства. После похорон служащие ямэня привели Сингэ к начальнику, чтобы доложить о выполнении вынесенного по делу решения. Тот пригласил Сингэ на свою жилую половину, провел его в гостиную и предложил сесть.

— Уважаемый свояк! — заговорил начальник, обращаясь к Сингэ. — В этой тяжбе, если бы не ваша сестра, я чуть было не оказался неправым по отношению к вам.

Сингэ не мог понять, о чем идет речь, и потому не нашелся, что ответить. Через некоторое время, после чая, начальник предложил Сингэ пройти в его кабинет и приказал, чтобы позвали младшую госпожу. Представляете себе эту неожиданную встречу! Настоящий сон! Саньцяо и Сингэ, даже не поприветствовав друг друга и не сказав друг другу ни слова, бросились в объятия и громко разрыдались. Так горько не плачут даже по матери или по отцу.

Начальнику уезда, стоявшему тут же в стороне, стало так жаль молодых людей, что он наконец сказал:

— Ну, будет, хватит вам убиваться! Как я вижу, вы не походите на брата и сестру. Расскажите мне сейчас же всю правду, и я что-нибудь предприму.

Сингэ и Саньцяо пытались сдержать себя, однако это им не удавалось, и они продолжали рыдать, не выдавая тайны. Начальник

уезда снова потребовал разъяснений, и наконец Саньцяо, не выдержав, опустилась перед ним на колени.

— Я, ничтожная, во всем виновата и заслуживаю тысячи и тысячи смертей, — проговорила она. — Человек, который перед вами, — мой первый муж.

Сингэ, пристыженный, тоже опустился на колени и подробно рассказал начальнику уезда об их прежней любви, о разводе, о ее вторичном замужестве. И тут они с Саньцяо опять разрыдались и бросились обнимать друг друга. Глядя на них, и сам начальник уезда невольно уронил слезу.

— Раз вы так любите друг друга, как могу я вас разлучить?! — сказал он и продолжал: — Вам повезло, что за эти три года у нас так и не было детей, так что вы, Цзян Сингэ, возьмите ее и живите снова вместе.

Саньцяо и Сингэ без конца били земные поклоны начальнику, словно ставили свечи перед божеством.

У Цзе тут же приказал подать паланкин для Саньцяо. Затем он позвал людей и велел вынести все шестнадцать сундуков приданого Саньцяо и передать их в распоряжение Сингэ. Помимо того, он распорядился, чтобы один из служащих ямэня сопровождал супругов до границы с соседним уездом. Это был великодушный и поистине добродетельный поступок со стороны начальника У Цзе. Да,

** Жемчуг вернулся в Хэпу,
вновь засиял нежным блеском;
* Встретились снова мечи,
мощь проявили былую.
Добрый поступком У Цзе,
право же, нас восхищает.
Можно ль людьми называть
падких до женщин и денег?!*

У Цзе постоянно печалился о том, что у него не было сыновей. Но потом, когда его перевели в Пекин, в ведомство гражданских чинов, он нашел там себе другую младшую жену, и она родила ему подряд трех сыновей. Впоследствии все трое, один за другим, выдержали экзамены на высшую ученую степень. Люди говорили, что это было вознаграждением за добро, содеянное в свое время У Цзе. Но это уж мы заглянули вперед.

Вернемся к Сингэ, который увез к себе домой Саньцяо и представил ее Пин. Вообще-то Саньцяо была первой женой Сингэ и ей следовало бы быть старшей. Но так как в свое время Сингэ от нее отказался, а брак с госпожой Пин был совершен по всем должным правилам и с соблюдением всех обрядов, да еще к тому же Пин была на год старше Саньцяо, то Саньцяо стала теперь младшей женой Сингэ, а госпожа Пин — старшей. Женщины называли друг друга сестрами, и с этих пор муж и обе его жены жили вместе до самой старости.

Вот стихи, которые можно привести в подтверждение этой истории:

*Хотя до конца своих дней
супругами нежными были,
Но, право, позорно жене
наложницей вдруг оказаться.
Воздастся за зло иль добро
лишь так, как положено будет:
Далеко ли от нас до него —
до чистого, синего неба?!*

2. ПЭЙ ДУ, КНЯЗЬ ЦЗИНЬЧЖОУ, ВЕЛИКОДУШНО ВОЗВРАЩАЕТ ЧУЖУЮ НЕВЕСТУ

*Есть у чиновника высшая должность,
богатство есть в тысячу *ланов,
Пользы от этого будет немного,
коль волосы белыми станут.
И только тот, кто гуманностью славен,
кто добрые множит поступки,
Тысячу осеней будет бессмертен,
и люди его не забудут!*

эн Тун, любимый сановник *Вэнь-ди, императора *Западной Хань, сопровождал его в выездах и спал с ним на одной постели. Любовь и милости, которыми жаловал его император, были ни с чем не сравнимы. Как-то раз старуха Сюй Фу, знаменитая гадательница по чертам лица, обнаружив у него на лице складку, идущую от носа к самому рту, предсказала сановнику неминуемую смерть от голода и нищеты. Когда император узнал об этом, он рассердился.

— Богатство и знатность исходят от меня. Кто сможет разорить Дэн Туна? — сказал он и, пожаловав своему любимцу во владение медные горы в провинции Сычуань, разрешил ему самому чеканить монеты. Вскоре деньги Дэн Туна наводнили всю страну, и богатства его могли соперничать с императорской казной.

Однажды на теле императора вскочил нарыв. Гной и кровь так и струились из него, а боль была нестерпимой. Дэн Тун высосал нарыв.

Почувствовав большое облегчение, император спросил Дэн Туна:

— Какая любовь самая большая?

— Нет большей любви, чем между отцом и сыном, — ответил Дэн Тун.

Не успел он уйти, как пришел наследник престола справиться о здоровье отца. Вэнь-ди тут же попросил его высосать нарыв.

— Я только что ел сырой мясной фарш и боюсь, что, если сейчас примусь высасывать ваш нарыв, это вам только повредит, — ответил тот.

Когда наследник вышел, император со вздохом произнес:

— Нет большей любви, чем между отцом и сыном, а все же он не захотел высосать нарыв. Дэн Тун, значит, любит меня больше, чем мой сын.

С этих пор император жаловал своего сановника еще большей любовью.

Когда слова императора дошли до наследника, он возненавидел Дэн Туна. После кончины Вэнь-ди наследник вступил на престол и царствовал под именем *Цзин-ди. Дэн Тун сразу же был обвинен в том, что привел в хаос денежную систему и из лести высасывал императору нарыв. Все имущество Дэн Туна было конфисковано, а сам он был заточен в камеру и лишен еды и питья. Таким образом, Дэн Тун действительно умер от голода.

Другой случай. У Чжоу Яфу, главного советника ханьского императора Цзин-ди, на лице тоже была эта зловещая линия от носа ко рту. Опасаясь могущества и славы своего министра, император нашел случай обвинить его и заключил в тюрьму при Уголовной палате. Негодующий и возмущенный главный советник отказался от пищи и через некоторое время умер.

И Дэн Тун и Чжоу Яфу были людьми в высшей степени знатными и богатыми, но раз на лицах их лежала печать голодной смерти, им было ее не избежать.

Хотя все это и так, но говорят, что гадание по чертам лица не сравнить с гаданием по чертам души. Пусть человек имеет черты лица, предсказывающие высшую степень богатства и знатности, но если он творит бесчестные, позорные дела в ущерб *«скрытой добродетели», все равно ему не достичь желаемого. И наоборот, пусть на лице написаны самые недобрые предзнаменования, можно избежать злой судьбы и добиться счастья, если имеешь прямое и чистое сердце, если стремишься накапливать «скрытую добродетель». Из этого не следует, что гаданию по чертам лица нельзя верить; это означает лишь, что человек своим поведением может изменить предопределение неба.

По этому поводу расскажу следующее.

Во времена династии *Тан жил некий *Пэй Ду. В молодости он был беден, и служебная карьера не удавалась ему. По линии на его лице, которая шла прямо ко рту, ему однажды предсказали неминуемую голодную смерть. Как-то раз, когда Пэй Ду был в монастыре *Сяншань, он нашел во дворе на перилах беседки три пояса, украшенных драгоценностями.

«Вероятно, кто-нибудь их здесь обронил, — подумал про себя Пэй Ду, — но взять их, нанести этим ущерб другому и замарать свою душу — никогда!»

Пэй Ду сел и стал ждать. Вскоре он увидел, что к беседке приближается какая-то женщина. Она шла и сквозь слезы причитала:

— Отец в тюрьме... Достала три пояса, собиралась его выкупить... Зашла сюда помолиться и обронила их. Может быть, кто-нибудь подобрал... Сжальтесь, отдайте. Только бы спасти отца.

Пэй Ду тут же вернул женщине драгоценные пояса. Она поблагодарила Пэй Ду, поклонилась и ушла.

Как-то раз Пэй Ду опять повстречался с гадалем.

— Расположение линий на вашем лице изменилось! — удивленно воскликнул гадалец. — Линия голодной смерти исчезла. Вы, верно, совершили какой-нибудь добродетельный поступок.

Пэй Ду сказал, что никаких таких поступков он не совершал.

— Прошу вас, подумайте как следует; не иначе, как вы спасли кого-нибудь от пожара или спасли утопающего, — продолжал гадалец.

Пэй Ду рассказал тогда о том, как он вернул пояса.

— Это и есть «скрытая добродетель». В будущем вас ожидают богатство и высокие чины. Могу заранее поздравить вас.

Впоследствии Пэй Ду действительно выдержал *экзамен на ученую степень и выдвинулся. Продвигаясь по службе, он достиг должности первого министра и благополучно прожил до глубокой старости. Действительно,

*Душа вернее черт лица
определит судьбу!
Всю жизнь обязан человек
творить добро в глубокой тайне.
И если бы на линию судьбы
душа и сердце не влияли,
Как мог бы радости вкушать
кого погибель, голод ждали.*

Я рассказал о том, как Пэй Ду благодаря своей «скрытой добродетели» достиг богатства и знатности. Но предполагал ли кто, что, разбогатев и получив высокий чин, он втайне совершит еще много добродетельных поступков.

Послушайте теперь удивительную историю о том, как Пэй Ду возвратил чужую невесту.

Во времена династии Тан, в царствование императора Сяньцзуна, в тринадцатом году *Юань-хэ, Пэй Ду, командуя императорской армией, разбил войска изменника-бунтовщика У Юаньци и усмирил область к западу от реки Хуай. Вернувшись в столицу, он получил должность первого советника и почетный титул князя государства *Цзинь. Военные губернаторы двух сильно укрепленных районов, долго не желавшие покориться танскому двору, теперь, в страхе перед могуществом и славой Пэй Ду, сами направили императору доклад, в котором выражали желание отдать танскому императорскому дому свои земли и тем искупить свою вину: военный губернатор Ван Чэнцзун, правивший районами *Хэнчжоу и Цичжоу, собирался отдать области Дэ и Ли; Ли Шидао, военный губернатор пограничного округа *Цзыцин, — области И, Ми и Хай.

Император Сянь-цзун, видя, что мятежники наконец усмирены и что в Поднебесной водворилось спокойствие, забросил дела правле-

ния и с большим воодушевлением занялся украшением столицы. Он богато убрал Дворец *драконовой добродетели, углубил Пруд драконовой головы, воздвиг Дворец императорского блеска. Кроме того, он доверился одному отшельнику-*даосу Лю Ми, вместе с которым занимался поисками эликсира бессмертия.

Пэй Ду не раз предостерегал императора против подобных увлечений, но тот не обращал на это внимания.

В то время государственной казной распоряжался *Хуан Фубо, *железом и солью — Чэн И. Оба они драли с народа деньги, обирали его как только могли, и все это делали под предлогом взимания так называемых «налогов на подношения императору». Награбленные деньги шли на никому не нужные расходы. Угодливость их пришлась по душе императору, и льстивые сановники Хуан Фубо и Чэн И добились должности министров. Пэй Ду считал позором служить вместе с ними и подал прошение об отставке. Император отказал. Он заподозрил, что Пэй Ду собирает вокруг себя своих сторонников и приверженцев, и стал относиться к нему с подозрением и недоверием. Пэй Ду, сознавая, что слава его слишком велика, что он может легко навлечь на себя беду, отошел от государственных дел и целые дни проводил за вином и любовными утехами. Начальники различных округов выискивали танцовщиц и певиц и часто посылали их в дом Пэй Ду целыми партиями. Так продолжалось более года.

Можно спросить: неужели князь нуждался в том, чтобы ему без конца присылали женщин в подарок? Конечно, нет. Просто льстивые и угодливые чиновники, желая доставить удовольствие влиятельному лицу, втридорога покупали женщин, а иногда просто уводили их силой, наряжали в роскошные платья, надевали на них драгоценные украшения и под видом домашних актрис или служанок отсылали в подарок цзиньчжоускому князю. Отказываться Пэй Ду было неудобно, и он был вынужден оставлять всех этих женщин в своем доме.

Тут же скажу, что в области *Цзиньчжоу, в уезде Ваньцюаньсянь, жил некто Тан Би, *второе его имя было Гобао. На провинциальных экзаменах он получил степень *цзюйжэня и служил сначала начальником уголовного следствия в Лунцюани, в области *Гуачжоу, а затем помощником уездного начальника в уезде Гуйцзи области *Юэчжоу. Когда Тан Би еще жил на родине, его *родители договорились со своим земляком Хуаном, состоявшим при *Тайсюэ, что дочь Хуана — Сяэ станет в будущем женой их сына. Пока Тан Би служил, то не смог жениться, так как оба раза, как назло, получал назначение на юг.

Сяэ только-только исполнилось восемнадцать. Лицо ее было подобно нежному цветку, а тело — отшлифованной *яшме. Она была очень музыкальна и могла играть на любых инструментах.

Начальник области Цзиньчжоу, человек льстивый и угождавший во всем цзиньчжоускому князю Пэй Ду, хотел в подведомственной ему области подобрать в подарок князю красивых девушек-певиц. Пятерых он уже набрал, и не хватало одной, особо красивой и талантливой, которая могла бы украсить собой эту группу. До него дошли слухи о Сяэ. Однако ему говорили, что отец ее — ученый и нелегко

будет уговорить его отдать дочь. Тогда начальник области решил выдать триста тысяч монет и вручил эти деньги начальнику уезда Ваньцюаньсянь, чтобы тот купил Сяоэ. Угодливый начальник уезда послал к Хуану человека.

— Я уже получил дары по сговору и не могу выполнить приказание начальника, — ответил Хуан посланцу.

Начальник уезда трижды настоятельно просил Хуана отдать ему дочь, но тот ни за что не соглашался.

Подошел *праздник весны. Хуан отправился на родовые могилы принести жертвы предкам и оставил Сяоэ одну дома. Воспользовавшись отсутствием Хуана, начальник уезда сам силой увез Сяоэ из дому и в сопровождении двух нянек тут же отправил к начальнику области, а Хуану, как выкуп за Сяоэ, оставил триста тысяч монет.

Когда Хуан вернулся и узнал о похищении дочери, он бросился в уездное управление. Здесь ему сказали, что Сяоэ уже в области. Тогда он отправился в областное управление, где просил начальника вернуть ему дочь.

— Ваша дочь, — отвечал ему тот, — обладает неземными талантами и красотой. Стоит ей появиться в доме цзиньчжоуского князя, как она безусловно заслужит его расположение. Не лучше ли быть при князе, чем *служить с совком и метелкой другому? Кроме того, вы ведь получили шестьсот тысяч монет. Почему бы не послать их вашему зятю, с тем чтобы он искал себе другую!

— Начальник уезда воспользовался моим отсутствием и оставил деньги у меня в доме, — отвечал Хуан. — Сам я денег от него не брал, и там только триста тысяч монет. Деньги эти целы, и мне они не нужны. Я хочу только получить свою дочь.

Начальник области гневно ударил рукой по столу:

— Это еще что! Продал свою дочь, получил деньги, а теперь смеешь являться сюда, нагло породить всякую чушь да еще пытаться при этом утаить триста тысяч?! Твоя дочь уже в доме цзиньчжоуского князя — отправляйся туда и требуй там, а здесь об этом говорить бесполезно.

Видя, что начальник области рассвирепел и хочет возвести на него напраслину, Хуан не осмелился больше раскрыть рта и со слезами на глазах покинул областное управление. Несколько дней провел он в области Цзиньчжоу в надежде хоть разок повидать дочь, но так ее и не видел, ничего о ней не сумел разузнать, и пришлось ему ни с чем вернуться домой.

Тем временем начальник области на целую тысячу ланов закупил всевозможных нарядов, драгоценных жемчужных ожерелий и нарядил шесть своих красавиц, как небесных фей. Целыми днями сидели они в *ямэне и играли на музыкальных инструментах, а начальник области ждал только дня рождения цзиньчжоуского князя, чтобы отправить ему своих красавиц в качестве подарка. Желая угодить князю, он проявил много изобретательности, усердия и потратил немало денег. Он не подумал только об одном. Ведь танцовщиц и певиц в доме Пэй Ду были целые хороводы, и там уже потеряли счет прекрасным девушкам, которых прислали в дар из различных мест. Шесть

красавиц льстивого начальника области внесли только больше шума в общее оживление и не могли ни броситься в глаза министру, ни оставить следа в его сердце. Сколько истрачено денег! А на что? Кому это нужно? Но обычно именно такими и бывают подношения льстивых угодников. Стихи могут служить этому подтверждением:

*Готовы себя на куски разорвать,
лишь угодить бы начальству;
Им тысячу ланов истратить не жаль,
князю красавиц скупая.
Но музыка, песни прелестных девиц,
право, для князя не диво;
За эти дары только впору краснеть
льстивым чинушам, не боле.*

Вернусь теперь к Тан Би. Срок его службы в Гуйцзи уже истек, и он должен был ехать в столицу, чтобы получить новое назначение с повышением по должности. Подумав о том, что Сяоз теперь взрослая и что пора бы завершить дело с браком, он решил сначала заехать домой, а уже потом в столицу. Тан Би собрался и поехал в Ваньцюаньсянь. На следующий же день после возвращения домой он пошел навестить своего будущего тестя Хуана. Понимая, зачем Тан Би явился, тот не стал дожидаться, пока Тан Би заговорит о браке, и сам подробно рассказал, как у него отняли дочь. Долго не мог прийти в себя Тан Би, узнав эту печальную историю.

— Быть мужчиной, — сказал он наконец, скрипя зубами, — и подвизаться на жалком поприще мелкого чиновника, так и собственной невесты не сумеешь уберечь. Да как же жить дальше!

— Почтенный зять, вы еще молоды и подаете большие надежды своими талантами. Вы, безусловно, сумеете найти себе подходящую жену. На долю моей дочери просто не выпало счастья быть вашей спутницей. Предаваться же безмерно скорби и печали не следует, это может лишь помешать вашему продвижению по службе.

Но Тан Би никак не мог успокоиться: он собирался поехать к областному и уездному начальникам, чтобы добиться справедливости.

— Дочери моей уже здесь нет, так какой толк спорить с нами, — убеждал его Хуан. — Кроме того, я слышал, что министр Пэй Ду теперь ниже только *одного человека и выше всех остальных. Если вы навлечете на себя его немилость, то боюсь, подвергнете себя неприятностям по службе.

С этими словами он вынес триста тысяч, которые оставил начальник уезда, и передал деньги Тан Би.

— Пусть эти деньги пойдут на вашу новую помолвку. Ну, а яшмовый браслет, который ваши родители поднесли Сяоз в качестве подарка при сговоре, находится у дочери, и я не могу вам его вернуть. Дорогой мой зять, вы должны помнить, что самое важное — это ваше будущее, и не стоит из-за моей никчемной дочери вредить большому делу.

У Тан Би навернулись слезы на глаза, и он заявил:

— Мне уже скоро тридцать, и я потерял прекрасную невесту. Навеки утрачено *«счастье лютни и цитры». Никчемная слава и мелкие выгоды только портят жизнь, и думать о карьере я больше не намерен.

Волнение молодого человека передалось Хуану, и они оба долго плакали. Денег Тан Би, конечно, не взял и ушел.

На следующий день Хуан сам навестил Тан Би и снова стал его уговаривать и успокаивать. Он советовал Тан Би прежде всего отправиться в *Чанъань, получить новое назначение, а потом уже серьезно обдумать вопрос о подходящем браке. Тан Би не соглашался, но его тесть несколько дней подряд продолжал упорно настаивать на своем.

«Чем так сидеть дома, — подумал тогда Тан Би, — действительно, лучше съездить в столицу и на худой конец хоть развеяться немного».

Выбрав *благоприятный день, Тан Би нанял лодку и собрался в путь.

Хуан тайком от него принес триста тысяч в лодку и сказал слуге Тан Би:

— Через два дня после отплытия можешь доложить хозяину об этих деньгах. Пусть он возьмет их. В столице он сможет их употребить на то, чтобы получить хорошую должность.

Когда Тан Би увидел деньги, скорбь с новой силой овладела им.

— Это те деньги, которые получены при продаже дочери Хуана. Ни один грош из них не должен быть истрачен, — сказал он слуге.

Вскоре они добрались до Чанъани. В надежде, что, находясь вблизи княжеского дома, скорее можно будет разузнать что-нибудь о Сяоэ, Тан Би остановился в гостинице неподалеку от дома Пэй Ду. На другое утро Тан Би отправился в Палату чинов, чтобы заявить о себе. Здесь он оставил для просмотра свой послужной список. Из Палаты Тан Би вернулся в гостиницу, поел и сразу же отправился караулить перед воротами роскошного дома. Раз десять в день, не меньше, наведывался он туда.

Больше месяца провел Тан Би в столице, но где ему было что-нибудь разузнать: бесчисленное множество чиновников, как муравьи, сновали около дома влиятельного князя. Кто бы посмел расспрашивать их о таком пустяковом деле? Действительно,

*В ворота богатого дома вошла —
и канула словно в глубокое море,
И милый невольно с тех пор для нее
стал посторонним прохожим.*

В один прекрасный день в Палате чинов вывесили объявление: Тан Би был назначен первым секретарем начальника области *Хучжоу. Так как эта область расположена на юге, где все места хорошо ему знакомы, Тан Би остался доволен своим назначением. Как только была готова грамота на должность, он собрал вещи, нанял лодку и выехал из столицы. В районе *Тунцзинь на лодку напали грабители. С древних времен говорят: что плохо лежит, то вора привле-

кает. Триста тысяч, которые Тан Би возил с собой повсюду, попались на глаза какому-то проходимцу и разожгли в нем алчность. Негодяй собрал несколько человек, и вся эта шайка преследовала Тан Би от самой столицы до Тунцзини. Здесь разбойники потихоньку договорились с лодочниками и ждали только ночи, чтобы напасть на лодку. Однако Тан Би не суждено было погибнуть. Поздно вечером он вышел на палубу и, сообразив, что его ждет, прыгнул в воду. Никем не замеченный, он добрался до берега. С реки доносился шум и голоса грабителей, которые угоняли лодку со всем его добром. Что стало со слугой — жив он или погиб, — Тан Би не знал. Вещи, что были в лодке, пропали, и Тан Би остался без всего. Вот уж действительно,

*Коль протекает крыша, как нарочно
подряд две ночи хлещет дождь;
И без того опаздывает лодка —
так ветер встречный как назло!*

Триста тысяч и дорожный мешок — это бы еще ничего, но вместе с ними пропали его послужной список и грамота о новом назначении, свидетельствующая о том, что он направляется к месту службы. Таким образом, даже с чиновничьей карьерой было покончено. Тан Би действительно напоминал теперь человека, у которого, как говорится, «и к небу нет пути, и на земле нет приюта».

«До чего же не везет! — размышлял Тан Би. — За что бы ни взялся — ничего не выходит. Вернуться на родину? Но с каким лицом я там покажусь? Снова поехать в столицу и подать прошение в Палату чинов? Но как я туда доберусь без гроша за душой? Здесь у меня нет даже знакомых, у которых я мог бы взять займы. Ведь не просить же подавание! Только и остается, что утопиться. Но неужели же мужчине, полному сил, так вот закончить свою жизнь?»

Он сидел у дороги, думал и плакал, плакал и думал. Все перебрал он в своих мыслях, но ничего придумать не мог и проплакал до самого утра. И вдруг счастье снова улыбнулось ему. Опираясь на палку, к нему приближался какой-то старик.

— О чем вы так горько плачете, молодой человек? — спросил он Тан Би.

Тан Би рассказал старику, как он был ограблен на пути к месту назначения.

— Оказывается, вы должностное лицо. Простите мою неучтивость. Мое скромное жилище неподалеку отсюда, прошу господина пожаловать ко мне, — сказал незнакомец и повел Тан Би за собой. Прошли они около *ли и очутились в доме старика. Здесь незнакомец с уважением поклонился Тан Би и сказал:

— Моя фамилия Су, сын мой Су Фэнхуа служит в должности начальника уголовного следствия уезда Уюаньсянь области Хучжоу и является, таким образом, вашим подчиненным. Раз вы собираетесь вернуться в столицу, я охотно, если позволите, окажу вам небольшую денежную помощь.

Старик приготовил вино и закуски и стал угощать Тан Би. Затем он достал новое платье, предложил гостю переодеться и поднес

ему двадцать ланов серебра на путевые расходы. Отвесив старику Су три поклона, Тан Би отправился в путь. В столице он остановился в прежней гостинице. Хозяин, узнав, что в дороге с ним приключилось несчастье, очень сочувствовал ему.

Тан Би отправился в Палату чинов, где доложил о происшествии, жертвой которого он стал, и просил снова выписать ему назначение.

— Раз у вас нет ни грамоты о назначении, ни послужного списка, — сказал ему чиновник, — нет доказательств того, что все так, как вы говорите.

Пять дней ходил Тан Би в Палату чинов, — упорно просил, но ничего не добился. Все свои деньги он истратил на хлопоты по делу.

Возвратясь последний раз из Палаты, Тан Би в глубокой тоске сидел в гостинице за столиком и плакал. В это время в гостиницу вошел какой-то человек средних лет, одетый в фиолетовые шаровары и рубаху, стянутую поясом, на голове у него была шелковая шапка с мягкими перьями, на ногах — сапоги с толстыми подошвами и широкими носками; всем своим видом он походил на человека из свиты какого-нибудь видного чиновника. Незнакомец заметил Тан Би, поклонился ему, сел напротив и спросил:

— Откуда вы, сударь? И по какому делу в столице?

— Если говорить, то сразу и не расскажешь. Столько на душе всего, столько наболело... — не успел Тан Би выговорить эти слова, как снова залился слезами.

— Что же вас тревожит? Расскажите мне подробно, и, может быть, мы сумеем вместе что-нибудь придумать, — сказал человек в фиолетовом платье.

— Фамилия вашего покорного слуги Тан, имя Би, родом я из области Цзиньчжоу, из уезда Ваньцюаньсянь. Недавно я получил должность первого секретаря области Хучжоу и отправился в путь. Но в Тунцзини на меня напали грабители и отняли все имущество. Пропали деньги, пропал послужной список, пропала грамота о новом назначении; я не могу теперь ехать к месту службы.

— Если вас ограбили, — ответил человек в фиолетовом платье, — то вы-то здесь ни при чем. Почему же вам не отправиться в Палату чинов и не доложить о случившемся? Вам вторично выдадут грамоту, и ничего тут такого нет.

— Я уже несколько раз об этом просил, но в Палате чинов не пожелали удостоить меня своим сочувствием и разрешить это дело. Так что я и не знаю, как поступить: теперь я не могу ни оставаться, ни уезжать, и даже обратиться мне не к кому.

— Нынешний цзиньчжоуский князь Пэй Ду очень отзывчив и охотно помогает людям в их несчастьях и затруднениях. Почему бы вам не обратиться к нему? — посоветовал незнакомец.

Эти слова повергли Тан Би в еще большую печаль, и он, плача, сказал:

— Не упоминайте о цзиньчжоуском князе: его имя мне как нож в сердце.

— Почему это вы так говорите? — спросил человек в фиолетовом платье, крайне пораженный.

— Дело в том, что, когда я был еще ребенком, мне сосватали невесту. Я все время служил на юге и потому жениться не смог. И вот недавно начальник уезда, действуя по указанию областного начальника, насильно увел мою невесту из отчего дома и вместе с другими певицами подарил цзиньжоускому князю. Так что теперь я, взрослый мужчина, не имею жены. Сам цзиньжоуский князь, конечно, не повинен в этом. Это угодливые начальники округов и уездов наперебой посылают ему подношения. Он принимает их, и получается, что все-таки он разлучил нас. Как же мне обращаться к нему?

— А как зовут вашу невесту? — спросил человек в фиолетовом. — Какой подарок ей преподнесли при сговоре?

— Фамилия ее Хуан, имя — Сяоэ; ей был подарен яшмовый браслет, который сейчас при ней.

— Я из личной охраны цзиньжоуского князя и имею свободный доступ на женскую половину, так что могу разузнать о вашей невесте.

— С тех пор как Сяоэ вошла в княжеский дом, я оставил надежду с ней встретиться. Единственное, о чем я хотел бы просить вас, сударь, это передать ей от меня весточку, чтобы она знала о моих чувствах к ней, тогда я смогу спокойно умереть.

— Завтра в это время непременно принесу вам хорошие вести, — сказал человек в фиолетовом платье, поклонился Тан Би и степенно удалился.

Тан Би начал раскаиваться в своей откровенности, когда обдумал весь разговор с незнакомцем. «Безусловно, этот служитель в фиолетовом — личный доверенный цзиньжоуского князя, посланный им разузнавать, какие дела творятся в области, — рассуждал про себя Тан Би. — Мне не следовало осуждать князя и выражать недовольство и обиду. Ведь если он теперь расскажет князю и тот разгневается, немало бед падет на мою голову».

Неспокойно было у Тан Би на сердце: всю ночь не сомкнул он глаз. Когда настал день и Тан Би закончил свой туалет, он направился к дому князя. Здесь он услышал, что почтенный князь отдыхает от дел и никого не принимает. Несмотря на это, около его дома, как обычно, сновали люди с донесениями, с бумагами. Однако вчерашнего незнакомца в фиолетовом платье среди них не было. Долго простоял там Тан Би, затем вернулся в гостиницу, кое-как пообедал и снова направился караулить. У ворот княжеского дома все было по-прежнему.

Уже стемнело, когда Тан Би решил, что человек в фиолетовом платье обманул его, и, опечаленный, он вернулся в гостиницу. Он только было собрался зажечь светильник, как вдруг заметил на улице двух человек, с виду похожих на писарей. Люди эти торопливо вошли в гостиницу и спросили:

— Кто здесь Тан Би?

Не на шутку перепуганный Тан Би притаился.

— А вы кто будете? — спросил у них подошедший в это время хозяин гостиницы.

— Мы чиновники из дома Пэй Ду; нам приказано найти Тан Би и просить его пожаловать к князю для объяснений.

— Это он, — сказал хозяин, указывая на Тан Би.

Тому ничего не оставалось, как подойти к посланцам князя.

— Я еще ни разу не видал почтенного князя, — обратился он к чиновникам, — как может князь знать меня? Кроме того, на мне домашнее платье, осмелюсь ли я в таком виде идти к нему?

— Князь ждет вас, пожалуйста, не медлите.

Тут чиновники подхватили Тан Би под руки и помчались к дому министра. В гостиной они попросили Тан Би подождать, пока о нем доложат князю. Немного погодя Тан Би услышал, как они бегут обратно.

— Почтенный князь отдыхает у себя и просит вас пройти к нему.

Всюду, во всех коридорах, на каждом повороте ярко горели свечи, и было светло как днем.

Чиновники — один спереди, другой сзади — сопровождали Тан Би. Когда они вошли в небольшую приемную, глазам Тан Би представились два ряда матерчатых фонариков; князь, одетый по-домашнему, ждал его стоя, со сложенными для приветствия руками. Тан Би тотчас бросился на землю и стал отбивать поклоны. Он не смел поднять глаз, спина взмокла.

Князь приказал поднять его и сказал:

— Я пригласил вас в мои личные покои, к чему утруждать себя чрезмерными церемониями?

Затем Тан Би был подан стул.

После учтивых отказов Тан Би скромно уселся в сторонке. Украдкой он глянул на князя и чуть не умер от страха: перед ним был тот самый человек в фиолетовом, с которым он разговаривал накануне в гостинице. Тан Би опустил глаза и не смел вздохнуть.

Надо сказать, что в свободное время князь, переодетый, часто ходил по городу, чтобы узнать о настроениях народа. Вчера он случайно зашел в гостиницу, где встретил Тан Би. Вернувшись домой, Пэй Ду спросил о девице по фамилии Хуан, по имени Сяоз и позвал ее к себе.

Девушка действительно была очень красивой. Пэй Ду стал расспрашивать ее, и оказалось, что все сходится с рассказом Тан Би. Когда Пэй Ду попросил ее показать браслет и увидел, что она носит его при себе, ему стало ее очень жаль.

— Твой нареченный здесь, — сказал ей князь. — Хотела бы ты его повидать?

— Я очень несчастна, — сказала она, плача, — я полагала, что навеки разлучена с нареченным. Повидать его или нет — зависит от вас, князь, и решать это сама я не посмею.

Князь велел ей удалиться, а сам приказал секретарю приготовить тысячу связок монет в качестве свадебного подарка. Затем князь достал пустой бланк назначения на должность и, вписав туда имя Тан Би, послал человека в Палату чинов, чтобы тот узнал, какие должности прежде занимал Тан Би, и отыскал приказ о его назначении

в Хучжоу. Когда все было готово, Пэй Ду пригласил Тан Би к себе. И вот теперь Тан Би сидел перед ним в полном замешательстве, не догадываясь, конечно, о добрых намерениях князя.

— Мне было досадно слышать все то, что вы мне говорили вчера, — обратился князь к Тан Би. — Вы правы. Я действительно никогда не отказывался от подношений, и это я, конечно, повинен в том, что так долго у вас не было «счастья лютни и цитры».

Тан Би тотчас вскочил с места, бросился на пол и, отбивая поклоны, говорил:

— В своих скитаниях я совсем потерял рассудок; вчера в разговоре я так оскорбил вас, что, сам понимаю, заслуживаю смерти, и теперь уповаю лишь на ваше великодушие.

Князь попросил Тан Би подняться и сказал:

— Сегодня как раз благоприятный для свадьбы день; я возьму на себя право быть главным распорядителем брачной церемонии и устроить все для вашего брака. А на дорогу позвольте преподнести вам тысячу *связок монет — пусть этот подарок послужит выражением желания искупить перед вами мою вину, — и, как только вы женитесь, вы сможете тотчас вместе с супругой отправиться к месту службы.

Тан Би только кланялся и благодарил и не посмел спросить у князя о том, как ему быть с назначением. Вдруг он услышал музыку; вошли люди с *красными фонарями в руках, а за ними группа танцовщиц и певцов.

Затем в окружении мамок и нянек появилась прекрасная, как цветок, прелестная, как яшма, Сяоэ.

*Тан Би хотел было удалиться, но одна из мамок остановила его:

— Прошу пройти сюда, сейчас приступим к церемонии.

Для новобрачных расстелили красный ковер. Тан Би и Сяоэ стали друг возле друга и четыре раза земно поклонились перед жертвенным столом. Князь стоял в стороне и как главный распорядитель церемонии отвечал им на поклоны. Перед домом давно уже поджидал паланкин, чтобы сразу же после церемонии отвезти Сяоэ в гостиницу. Князь советовал Тан Би не терять драгоценного времени.

Когда Тан Би прибежал в гостиницу, он услышал, как собравшиеся там люди взволнованно толковали о чем-то, увидел рядами расставленные сундуки и корзины, доверху наполненные деньгами и шелком. Вчерашние два писаря стояли и ждали, чтобы передать все это Тан Би. Кроме денег и шелка, ему вручили еще маленькую шкатулку. В шкатулке оказалось назначение на должность, согласно которому он направлялся в качестве первого секретаря начальника области Хучжоу.

Радости Тан Би не было предела. Здесь же, в гостинице, была приготовлена брачная комната. Такой счастливой ночи не знала ни одна молодая чета. Действительно,

**Судьба отвернулась —
бурей разбило стелу у храма Цзяньфу;*

*Удача пришла —
ветер принес к Беседке тэнского князя.
Ныне и чин и жена у него, —
сердце наполнено счастьем,
Раньше, увы, по-иному все шло:
только и знал он, что беды.*

Теперь, когда Тан Би женился, получил высокую должность и обладал состоянием в тысячу связок, он чувствовал себя так, будто из бездны ада вознесся в небеса.

На следующий день Тан Би отправился к князю благодарить его. Но Пэй Ду предупредил стражников, чтобы они отказали Тан Би и просили его больше не утруждать себя посещениями. Тан Би вернулся в гостиницу, снова приготовил *шапку и пояс, уложил вещи, нанял в столице несколько слуг и вместе с женой отправился на родину повидать тестя.

Как высухшее дерево, которое увидело весну, как порванная струна, концы которой вновь соединили, безгранично обрадовался Хуан их приезду.

Муж и жена вскоре отправились в Хучжоу, где Тан Би должен был вступить в должность. Полный благодарности к князю за его благодеяния, Тан Би вырезал из *дерева густых ароматов маленькую фигурку князя, которой поклонялся утром и вечером, моля у божества долголетия и счастья для князя.

Пэй Ду прожил больше восьмидесяти лет. У него было много сыновей и внуков. Люди считают, что всего этого он достиг благодаря своей «скрытой добродетели».

В стихах говорится:

*Коль чина нет и нет семьи,
так трудно, что не передать;
Но все счастливо обернулось,
когда достойнейший помог.
Пусть шаг за шагом человек
в себе лишь добродетель копит —
Богатство, почести пойдут
к нему, и к сыновьям, и к внукам.*

3. ТЭН, НАЧАЛЬНИК УЕЗДА, ХИТРО РЕШАЕТ ДЕЛО О НАСЛЕДСТВЕ

**Во дворике среди акаций
только Се,
А там, где багряник цветет,
три Тяня;
В мудром согласии братья,
родителей радость безмерна.
А сколько таких, что воюют,
дерутся и спорят за землю;
Крови одной,
а поджарить готовы друг друга;
Рвут все себе, не уступят,
слюну на чужое пускают.
И все это зря —
к выгоде только других.*

тихи эти, написанные на мотив «Луна над Западной рекой», увещевают братьев жить в мире и дружбе.

Должен сказать, что и поныне канонические книги всех *трех учений наставляют людей на путь добра. У конфуцианцев есть *«Тринадцать канонов», *«Шестикнижие» и «Пятикнижие»; у буддистов — великие сутры; у даосов — «Наньхуа чжэньцзин» и другие. Всех этих канонов столько, что можно ими заполнить целые ящики, столы и полки, а ведь в каждом из них тысячи и десятки тысяч слов. Но если вдуматься, то все они излишни. На мой взгляд, чтобы быть добродетельным, достаточно придерживаться только одного канона, в котором всего-навсего лишь четыре слова: «почитай родителей, люби братьев». Но даже и в этом каноне самое важное — «почитай родителей». Если люди почитают родителей, любят, что любят родители, уважают, что уважают родители, то об отношениях между братьями и говорить не придется. Ведь родные братья — это ветви одного дерева, и, если они любят родителей, они не могут быть недружны между собой. Даже если говорить о семейном имуществе, то, в конце концов, оно ведь приобретено отцом и матерью. Разве имеют право

братья спорить — «это твое, это мое» и рассуждать, что лучше или хуже. А если человек рождается в семье бедняка и не получает ни гроша в наследство? Наверняка ведь придется засучить рукава и самому зарабатывать на жизнь. Так почему же, когда ему достаются в наследство и земля, и имущество, он еще недоволен, все ему кажется мало, хочется получить побольше, и чуть что, начинаются разговоры о том, что отец и мать несправедливы, что они неравно поделили наследство. Да разве такое может доставить удовольствие отцу и матери на том свете? Разве так надлежит поступать почтительным сыновьям!? Очень хорошо древние говорили: обрести братьев трудно, обрести землю и имущество — легко. Как понимать эти слова? Ведь вот человек живет на свете, и самые близкие ему люди — это отец и мать. Но отец и мать родили тебя, когда уже сами были в расцвете сил, и жить до конца твоих дней они не будут, а проведут с тобой лишь каких-то полвека. Или же возьмем, например, мужа и жену. Нет большей любви, чем между супругами, они живут вместе до глубокой старости. Однако до свадьбы они жили сами по себе, у каждого была своя семья, и молодость они провели порознь. Только братья живут друг с другом с детства и до самой старости. Они всегда посоветуются друг с другом, в беде друг друга выручат; они действительно так близки, так связаны между собою, словно руки и ноги у человека.

Что же до имущества и земель, то как бы они ни были хороши, сегодня их нет, а завтра есть. Между тем потерять брата все равно, что потерять руку — это уж на всю жизнь. Так разве неясно, что обрести братьев трудно, обрести землю и имущество — легко!

И если ради земли и имущества люди могут изменять братской дружбе, разрушать братскую любовь, то уж лучше быть совсем бедняком и не получать никакого наследства — по крайней мере, будет честнее, меньше споров и ссор.

Сейчас я вам поведаю одну историю, которая случилась при *нашей династии. Это рассказ о том, как начальник уезда хитро решил дело о наследстве, рассказ, который учит людей больше дорожить справедливостью, чем деньгами, не забывать о почтении к родителям и о любви к братьям. И есть ли у тебя, уважаемый слушатель, братья или нет, я в это не вдаюсь — только бы ты обратился к своему собственному сердцу и всегда старался быть лучше. Верно сказано:

*Услышит это добрый человек —
на сердце будет тяжело у него,
Услышит человек недобрый —
мимо ушей пропустит все, и только!*

Итак, во времена нашей династии, в годы *Юн-лэ, в области *Шуньтяньфу, в уезде Сянхэсянь, жил правитель области, фамилия его была Ни, имя Шоуцянь, *второе имя Ичжи. У него было огромное состояние, богатые поля и земли, прекрасные дома. Жена его, госпожа Чэнь, принесла ему одного сына, которого назвали Шаньцзи. Когда он вырос и женился, госпожа Чэнь умерла. После ее смерти Ни Шоуцянь оставил свою должность и стал жить одиноким вдовцом. Несмотря на преклонный возраст, это был еще бодрый человек; он

сам собирал ренту, взыскивал долги, — словом, ведал хозяйством и делами, не хотел сидеть сложа руки и жить беспечно и беззаботно. Ни Шоуцяню было семьдесят девять лет, когда однажды сын сказал ему:

— Прожить на свете семьдесят лет — это такая редкость, а вам, уважаемый отец, теперь уже семьдесят девять, в будущем году будет восемьдесят. Передайте мне хозяйство. Я им займусь, а вы живите себе спокойно, без забот.

Но старик покачал головой и ответил ему на это стихами:

*Пока живу,
дела веду,
Чтоб ты не знал забот,
чтоб ты не тратил сил,
Чтоб мог я зарабатывать
на платье, на еду.
И лишь когда я ноги протяну,
тогда от дел совсем я отойду.*

Каждый год в десятом месяце старик Ни сам отправлялся в свои деревни собирать ренту и целый месяц жил у крестьян, которые радушно принимали его, угощали лучшими винами и самыми жирными курами. В этот год, как обычно, он опять отправился собирать налоги. Однажды после полудня, прогуливаясь за деревней, он вдруг увидел девушку, которая вместе с какой-то седой женщиной шла к речке стирать белье. Несмотря на то, что девушка была одета просто, по-деревенски, она поражала своей красотой:

*Роскошные волосы черны, как смоль,
глаза искрятся, как в ручье вода,
Тонки, изящны пальчики ее,
как стрелки нежного лучка,
Бровей изгибы — абрис гор далеких.
Простое платье из пеньки
На ней прелестней, чем парча и шелк;
как милый полевой цветок,
Собой природу украшает,
но для нее самой
Излишни были б украшенья;
изящества и гибкости полна —
Не описать, как хороша!
На вид шестнадцать ей:
Цветущая пора!*

У старика загорелась душа — он стоял и не отрывал глаз от девицы. А та кончила стирать и вместе со старушкой направилась в деревню. Старик внимательно следил за ними, видел, как они миновали несколько домов и вошли в маленькую калитку палисадника.

Вернувшись домой, Ни Шоуцянь тут же призвал к себе старосту деревни, рассказал о своей встрече с красавицей и велел узнать, кто эта девушка и просватана ли она.

— Если они ни за кого не просватана, я хотел бы взять ее в жены, — сказал в заключение старик. — Только не знаю, согласится ли она.

Староста деревни был рад случаю угодить хозяину и сразу же отправился выполнять его поручение. Оказалось, что девушка эта из семьи Мэй, отец ее был в свое время *сюцаем и выдержал областные *экзамены; совсем маленькой она осиротела и с тех пор живет у своей бабушки по матери. Девушке было семнадцать лет, и она еще не была просватана.

Когда староста разузнал обо всем, он отправился к старухе и сказал ей о намерениях господина Ни:

— Нашему хозяину очень понравилась твоя внучка; он хотел бы взять ее себе в жены, — говорил староста. — Первая жена у него давно умерла, и хотя твоя внучка будет у него *второй женой, но зато никто над ней не будет хозяйкой. За ним она всю жизнь проживет в довольстве и достатке; да и тебя он тоже обеспечит всем необходимым — и одеждой, и чаем, и рисом, а умрешь — похоронят как подобает. Жаль, если ты упустишь это счастье.

Староста разрисовал старухе такое заманчивое будущее, что та тут же дала свое согласие. По-видимому, суждено было состояться этому браку: поговорили и сразу же договорились. Староста немедленно вернулся к хозяину и доложил ему обо всем. Ни Шоуцянь обрадовался, сразу решил все со свадебными подарками и выбрал *счастливым день. Опасаясь, как бы сын не стал отговаривать его от этого брака, Ни тут же, в деревне, совершил помолвку, передал свадебные дары и отпраздновал свадьбу. И стали они мужем и женой — старик и юная женщина. Но выглядела эта пара, право, прекрасно. Приведу по этому случаю стихи на мотив «Луна над Западной рекой»:

*Он — в шелковой шапке чиновной,
совершенно седой;
Она — в ярком платье нарядном,
с черной, как смоль, головой.
Дерево обвивает сухая лоза,
нежный цветок аромат источает.
Так смотрятся оба,
словно вместе им быть суждено.
Грусть и печаль в душе одного;
другая сомнений полна:
Вдруг не хватит силы мужской у него,
вдруг не станет ей в жизни опорой.*

В этот свадебный вечер Ни Шоуцянь воспрял духом. Когда все формальности, связанные с браком, были завершены, он, поистине,

*Забить бы не смог
той ночи прекрасной,
Той любви, что не меньше была,
чем в юные годы его.*

Через три дня Ни Шоуцянь нанял паланкин и увез молодую к себе. Дома он представил ее сыну и невестке.

Все домашние явились поклониться ей, величали ее «молодой хозяйкой», а старик в честь такого события, ко всеобщей радости, роздал всем подарки. Недоволен остался лишь сын старика, и хотя

при отце он помалкивал, но за его спиной он и его жена не раз судачили об этом:

— Вот тоже, седина в бороду, а бес в ребро! — говорил Шаньцзи. — Старик уже сам как свеча на ветру... надо же было подумать, что делает! Ведь знает, что жить ему осталось пять, ну десять лет от силы, так нет, вон что выкинул. Взят себе в жены молодую цветущую красотку и даже не подумал о том, что у самого и сил-то на нее не хватит. Что же, он заставит ее, беднягу, только числиться своей женой, что ли? Ведь сколько таких стариков: заведут себе молодую, она остается недовольной и начинает бегать, как кошка! А потом люди узнают об этом, и позор, скандал на всю семью. Молодая женщина, что выходит замуж за старика, очень похожа на человека, который в голодное время уходит в урожайные края, а пройдет голод, возвращается восвояси. Такая то одно стянет, то другое возьмет да положит к себе в сундук, у знакомых будет хранить свои сбережения и еще будет кокетничать перед мужем да капризничать, чтобы тот купил ей новые платья и разные украшения. А когда дерево свалится и птицы разлетятся, тогда она выйдет за другого, а все свои вещи в охапку — и с собой. Это настоящий червь, который подтачивает дерево и ест зерно. Если только в доме появится такая — разорение для семьи. А эта, со своей внешностью и манерами, ни дать ни взять соблазнительница-гетера, в ней нет ничего, подобающего девушке из порядочной семьи. Судя по всему, она знает, как себя держать и как набить себе цену. И вообще видно — эта из бывалых, мастерица арканить стариков, дьявол! Будь она при отце полуприслуга, полуналожница, называли бы мы ее сестрицей, и было бы проще разделаться с ней потом, но, к сожалению, отец до того безрассуден, что велел всем называть ее «молодой хозяйкой». Неужели мы будем величать ее «матушкой»?! Нет, этого она не дождется. Незачем угождать ей и баловать ее, не то возомнит о себе, а нам потом терпеть не натерпеться.

Муж и жена столько говорили об этом, что наконец нашлись любители посплетничать, которые передали их разговоры старику. Тот хоть и был недоволен, но молчал. К счастью, молодая была женщиной покладистой, мягкой, обращалась со всеми хорошо, и в доме царил мир и спокойствие.

Прошло два месяца, и жена Ни Шоуцзяна забеременела. Но она скрывала это от всех и сказала лишь мужу. Шли дни, проходили месяцы, и вот она родила мальчика. Это повергло всех в изумление.

Так как сын у нее родился в девятый день девятого месяца, то мальчику дали *молочное имя *Чунъян, а через два дня был день рождения самого Ни Шоуцзяна. Дом был полон гостей, которые приходили с поздравлениями. Старик Ни устроил пир по случаю своего восьмидесятилетия, а также в честь торжественного обряда омовения ребенка.

— Вы уже в почтенном возрасте, уважаемый, и у вас родился сын, — говорили гости. — Это свидетельствует о том, что вы полны жизненных сил и что вы проживете более ста лет.

Старику Ни было очень приятно это слышать. Но Шаньцзи, опять за спиной отца, судачил:

— Мужчина к шестидесяти годам уже теряет свою мужскую силу, а в восемьдесят тем более. Разве бывает, чтобы на засохшем дере-

ве зацвели цветы? Неизвестно еще, чей это ублюдок! Во всяком случае он не нашей крови, и я ни за что не признаю его своим братом.

И об этом старику стало известно, но он опять никому ни слова не сказал.

Время мчалось стрелой. Не успели оглянуться, как мальчику исполнился год. Пришли родственники с поздравлениями, все готовились к торжественному дню *испытания влечений и талантов. Вместо того чтобы, как принято, быть с гостями, Шаньцзи в этот день ушел из дому. Старик понимал, в чем тут дело, и не стал искать и звать его. Он сам был с гостями, пил весь день, и хотя ни словом о поступке сына не обмолвился, но в душе остался очень недоволен.

Истари говорят: когда почителен сын, на сердце легко у отца. Но Шаньцзи был человеком жадным и жестоким. Он только и думал, как бы мальчик, став взрослым, не отхватил у него часть наследства. Поэтому Шаньцзи не хотел признавать Чунъяна своим братом и умышленно наговаривал на него и на его мать, чтобы потом легче было разделаться с ними.

Старик Ни был человеком образованным, долго служил чиновником и, прекрасно понимая, что на уме у старшего сына, горевал о том, что сам он уже дряхлеет, не доживет до тех дней, когда Чунъян станет взрослым, и видел, что его младшему сыну так или иначе придется жить милостями старшего. Не желая возбуждать еще большей ненависти в душе старшего сына, старик решил все терпеть. Но каждый раз, когда он смотрел на крошку-сына, душа у него болела за малютку. Жаль ему было и жену, такую красивую и совсем еще молодую. И очень часто старик погружался в раздумье, досадовал и порою даже сожалел о том, что женился.

Прошло еще четыре года, и Чунъяну исполнилось пять лет. Старик видел, что мальчик растет умным, бойким, живым, и решил, что пора ему начинать учиться. По этому случаю он стал придумывать для сына школьное имя, и так как старшего сына звали Шаньцзи, то младшего старик решил назвать *Шаньшу. Выбрав счастливый день, Ни Шоуцянь приготовил вино и сладости, взял с собой Шаньшу и отправился нанести визит учителю.

Учитель этот давно уже был приглашен в дом старика Ни и обучал сына Шаньцзи. Ни Шоуцянь решил, что удобнее всего будет, если его младший сын станет учиться вместе с его внуком. Но оказалось, что Шаньцзи на этот счет был совсем другого мнения.

Шаньцзи был недоволен уже тем, что мальчика назвали Шаньшу и тем самым он стал в один ряд с ним, как с братом. Далее он вовсе не хотел, чтобы Шаньшу учился вместе с его сыном — ведь тогда его собственный сын должен будет называть этого мальчишку дядей, привыкнет к этому с детства, а потом тот, пользуясь своим положением, станет верховодить. Шаньцзи решил отдать сына другому учителю и в тот же день перестал под предлогом болезни пускать его на занятия. Вначале старик Ни думал, что внук действительно болен, но через несколько дней учитель сказал:

— Не понимаю, в чем дело, ваш старший сын пригласил другого учителя для своего сына, и со мной теперь занимается один ваш младший сын.

Услышав это, старик Ни пришел в негодование. Он хотел было тут же пойти к сыну и спросить его, что, в конце концов, происходит, но потом раздумал. «Да... Уж если таким уродился, бесполезно с ним и толковать. Пусть делает что хочет», — рассудил он и, возмущенный, обиженный, отправился к себе.

По дороге он споткнулся и упал. Жена, госпожа Мэй, поспешила поднять его. Старика посадили на кровать, но он уже был без сознания. Послали за лекарем. Тот сказал, что это удар, напоил больного имбирным отваром, привел его в чувство и не велел вставать. Старик Ни был разбит параличом, лежал неподвижно в постели, не в силах даже пошевелиться, однако мысль работала ясно. Жена не отходила от него, варила ему бульоны и лекарственные отвары и ухаживала за ним со всем усердием. Но лекарства не помогали, и как-то, пощупав у больного пульс, лекарь сказал:

— О выздоровлении уже не приходится говорить. Остается только стараться как-нибудь продлить его дни.

Узнав, что отец болен, Шаньцзи несколько раз приходил проведать его. По тяжелому положению, в котором находился Ни Шоуцянь, он понял, что старику уже больше не подняться. Тогда он начал покрикивать, направо и налево, раздавать почем зря оплеухи, — словом, напустил на себя вид полновластного хозяина в доме. Это раздражало старика, выводило его из себя, а его жена, глядя на все это, только плакала. Ни Шоуцяню было так худо, что даже маленький Шаньшу перестал ходить в школу и оставался все время возле отца.

Понимая, что положение его безнадежно, Ни Шоуцянь призвал к себе старшего сына, достал тетрадь, в которой было переписано все имущество, земли, значилось общее количество слуг, сумма денег, отпущенных в долг, и прочее, и сказал сыну:

— Шаньшу сейчас только пять лет, и он сам нуждается в том, чтобы о нем позаботились, а госпожа Мэй молода и вряд ли сумеет управлять домом. Поэтому нет смысла выделять им какое-то имущество. Все я передаю тебе. Но если Шаньшу будет жив и здоров, то, когда он станет взрослым, ты уж, ради меня, подыщи ему жену, помоги жениться и удели ему какой-нибудь небольшой домик да хорошей земли *му пятьдесят-шестьдесят, чтобы ему не пришлось терпеть голод и холод. Обо всем этом я написал здесь, в тетради, и пусть она послужит тебе документом при разделе... И вот еще что: если госпожа Мэй решит снова выйти замуж, то пусть идет, если она захочет жить одна с сыном, пусть живет, не нужно ее неволить. Ты будешь почтительным сыном, если сделаешь все так, как я велю... Тогда я смогу *умереть с закрытыми глазами.

Шаньцзи просмотрел тетрадь и увидел, что там все записано тщательно и сказано ясно.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, батюшка, я все сделаю так, как вы велите, — говорил он и, радостный, с тетрадью в руках удалился.

Когда Шаньцзи ушел, госпожа Мэй, указывая на мальчика, со слезами на глазах проговорила:

— А этот что же, не родной ваш, что ли? Вы все отдали старшему сыну. А мы на что будем жить?

— Ты ничего не знаешь, — ответил ей старик. — Я ведь вижу, что у Шаньцзи недобрая душа. Раздели я поровну имущество и землю, мальчику нашему, чего доброго, и с жизнью пришлось бы расстаться. Вот я и решил: уж лучше все отдать старшему, пусть остается довольным и не таит в душе зависти и злобы.

— Так-то оно так, — отвечала госпожа Мэй, — но ведь исстари известно, что между сыновьями не делают различий, от первой жены они или от вторых жен. А уж так неравно разделить имущество, значит, стать посмешищем в глазах у людей.

— Не до людских толков мне теперь, — ответил старик и продолжал. — Ты ведь еще совсем молода, и пока я жив, лучше отдай нашего сына на попечение Шаньцзи. А когда я умру, через полгода или там через год, найди себе какого-нибудь богатого и хорошего человека и выходи за него. Позаботься о себе, об остатке своей молодости, и не живи ты здесь, чтобы не терпеть от них обид и униженья.

— Что вы говорите! — воскликнула госпожа Мэй. — Я ведь из приличной, образованной семьи. Женщина следует за одним до конца своих дней. А у меня к тому же есть сын. Как же я его брошу? Нет уж, так или иначе, а я останусь с сыном и ни за кого замуж не пойду.

— Ты твердо это решила? Подумай, чтобы потом не раскаиваться. Госпожа Мэй стала клясться.

— Ну, если ты окончательно так решила, то можешь не беспокоиться, что вам не на что будет жить.

С этими словами Ни Шоуцян вынул из-под подушки какой-то свиток и передал его жене. Госпожа Мэй подумала, что это еще какие-нибудь хозяйственные записи и счета, и в недоумении спросила:

— Что это за свиток? Зачем он мне?

— Это мой портрет, и в нем хранится тайна. Спрячь его и никому не показывай. Если Шаньцзи не захочет позаботиться о нашем сыне, когда он вырастет, ты, несмотря ни на что, молчи и терпи. Дождись, пока у нас здесь на посту начальника уезда будет какой-нибудь честный и справедливый человек, и тогда иди к нему с этим свитком жаловаться. Изложи ему мою предсмертную волю и попроси, чтобы он внимательно разобрался в портрете. Если начальник действительно окажется человеком честным и умным, он сумеет решить дело, и вы с сыном всю вашу жизнь проживете в достатке.

Госпожа Мэй спрятала свиток.

Но не будем многословными. Старик Ни протянул еще недолго. Через несколько дней он задохнулся ночью от кашля, и, сколько его ни звали окружающие, сколько ни кричали, привести его в сознание не удалось. Так он скончался в восемьдесят четыре года. Поистине,

*Пока в тебе есть капля духа,
хлопочешь ты и день и ночь,
И вдруг в один злосчастный миг
конец всему приходит!
Но если знает человек,
что ничего не взять в тот мир,
Зачем усердствует всю жизнь,
к чему добро он копит?*

Надо сказать, что, когда в руках Шаньцзи оказалась тетрадь с перечнем имущества, а затем ключи от всех амбаров и кладовых, у него уже не оставалось времени навестить отца. Каждый день с утра до вечера он пересчитывал и проверял деньги, недвижимое имущество, вещи, домашнюю утварь и разный инвентарь. И только когда старик умер и госпожа Мэй послала служанку, чтобы сообщить ему о несчастье, только тогда он и его жена прибежали, поплакали немного и ушли, оставив госпожу Мэй возле тела покойного. К счастью Шаньцзи, похоронная одежда, гроб и все прочее были уже заранее приготовлены, и ему не пришлось ни о чем беспокоиться. После того как тело уложили в гроб и выставили в траурном зале, госпожа Мэй с сыном неотлучно сидели у гроба и с утра до вечера плакали. А Шаньцзи тем временем только и знал забот, что принимать гостей, и по нему незаметно было, чтобы он хоть сколько-нибудь горевал. Положенных *сорока девяти дней он не стал ждать и сразу же похоронил отца. Вечером после похорон он направился к госпоже Мэй и стал переворачивать все вверх дном в ее спальне, желая убедиться, что отец не оставил ей никаких денег. Но госпожа Мэй была женщиной сообразительной. Она хранила свиток в одном из собственных сундуков, где некогда лежало ее приданое. Теперь она тут же раскрыла их, вынула оттуда какие-то старые платья и предложила супругам Шаньцзи осмотреть сундуки. Понимая, что там ничего не может быть, раз женщина так спокойно предлагает им посмотреть, Шаньцзи не стал даже туда и заглядывать. Пошарив еще немного в ее комнате, они ушли. Тут, предавшись своим горестным мыслям, госпожа Мэй громко разрыдалась. Глядя на мать, маленький Шаньшу тоже заплакал. При виде этой картины

*Идол из глины слезу проронил бы,
у статуи медной и то б увлажнились глаза.*

На следующий день Шаньцзи позвал плотника, чтобы тот осмотрел помещение госпожи Мэй. Шаньцзи решил переделать ее комнаты для своего сына и его будущей жены. Госпожу Мэй и Шаньшу он переселил на задний двор в три маленькие комнатухи и ни одной приличной вещи им не дал — дал только старую кровать и несколько простых столов и стульев. Раньше у госпожи Мэй были две служанки, теперь старшую у нее отняли и оставили лишь младшую — девочку лет одиннадцати-двенадцати. Каждый день эта служанка ходила на кухню за едой для госпожи Мэй и ее сына, но никто в доме никогда не заботился, оставалось ли для них что-нибудь. Все это было настолько неудобно, что госпожа Мэй в конце концов попросила рису, сложила у себя очаг и стала себе готовить. В свободное время она занималась рукоделием, на вырученные деньги покупала овощи и как-то перебивалась. Мальчика она устроила учиться вместе с соседскими детьми, и за обучение ей приходилось платить самой из заработанных ею денег.

Шаньцзи не раз подсылал свою жену и свах к госпоже Мэй, но она клялась, что скорее умрет, чем выйдет вторично замуж. В конце концов, пришлось оставить ее в покое. А так как госпожа Мэй была очень сдержанна и терпелива и, что бы ни случилось, все молчаливо сносила, то Шаньцзи, несмотря на всю свою жестокость и злой характер, постепенно как-то перестал обращать внимание на нее и ее сына.

Время летело стрелой, и не успела госпожа Мэй оглянуться, как Шаньшу уже минуло четырнадцать лет. Госпожа Мэй была осторожна и никогда ни слова не говорила сыну обо всем, что ей пришлось пережить. Она боялась, как бы мальчик не сказал чего-нибудь лишнего, и понимала, что невзначай брошенное неосторожное слово может вызвать скандал, от которого пользы не будет никакой, а неприятностей не оберешься. Но теперь, когда мальчик подрос, он сам начал понимать, что черное и что белое, и уже невозможно было от него все скрыть.

Однажды, когда Шаньшу попросил у матери новое шелковое платье, а госпожа Мэй ответила, что у нее нет денег, Шаньшу сказал:

— Мой отец служил начальником области, и всего-то у него два сына: брат да я. Брат вон какой богатый, а я попросил одно платье, и того нет для меня. Почему это так? Раз у нас нет денег, я пойду возьму у брата.

Шаньшу уже повернулся к выходу, но мать остановила его:

— Сын мой! — воскликнула она. — Платье — это такой пустяк. Неужели ради этого стоит ходить и просить! Ведь не случайно есть поговорка: кто смолоду ходит в холстах, тот в зрелости ходит в шелках. Если ты с ранних лет начнешь носить шелка, то, когда вырастешь, и простого платья у тебя не будет. Подожди, вот пройдут два года, продвинешься ты в своем учении, тогда я хоть продам себя в услужение, но уж платье тебе куплю. А брат твой не из тех, с кем стоит связываться. Не нужно приставать к нему!

— Да, вы правы, мама, — ответил ей на это Шаньшу, но в душе был с ней не согласен. «У отца было огромное состояние, и так или иначе, но оно должно быть когда-нибудь поделено между мной и братом, — подумал он. — Ведь я не пасынок какой-то, что за матерью притащился в чужой дом. Почему же мой брат не желает подумать обо мне! Да и мать вон что говорит! Неужто мне и куска шелка нельзя получить; и неужели нужно ждать, пока мать продаст себя в услужение и купит мне платье? Слушаешь ее, и просто не верится! Да и брат не тигр, не съест меня, — чего же бояться!»

Рассудив так, Шаньшу, ни слова не говоря матери, отправился в большой дом к брату.

— Кланяюсь! — крикнул он, когда увидел брата.

Шаньцзи оторопел.

— Зачем ты пришел? — спросил он.

— Я как-никак сын почтенного и образованного человека, а жую в таком рванье, что люди смеются. Вот я и решил попросить у тебя кусок шелка, — сказал Шаньшу.

— Если тебе нужно новое платье, иди проси у матери.

— Всем состоянием отца распоряжаешься ты, а не мать, — возразил Шаньшу.

Услышав слово «состояние», Шаньцзи почувствовал, что дело здесь не только в платье, и весь вспыхнул:

— Кто тебя научил так говорить?! — закричал он. — Ты что, пришел просить платье или требовать наследство?

— Ну, наследство когда-нибудь поделим, — сказал Шаньшу. — А пока что мне нужно платье, чтобы хоть выглядеть прилично.

— Ах ты, ублюдок! — набросился на него Шаньцзи. — Приличные ему подавай! Да какое бы ни было у отца состояние, найдутся прямые наследники, и тебе, чужаку, до всего этого нет никакого дела. По чьему наущению ты пришел сюда?! Лучше не выводи меня из себя, а то и тебе, и твоей матери негде будет приклонить голову.

— Оба мы сыновья одного отца, почему же это я ублюдок? — не уступал Шаньшу. — Ну, выведу тебя из себя, так что же? Убьешь нас с матерью и сам завладеешь всем наследством, что ли?

— Ах ты, скотина! — заорал Шаньцзи, в порыве гнева схватил брата и надавал ему таких тумачков, что у Шаньшу вся голова покрылась шишками. Наконец мальчик вырвался и опрометью бросился домой. Плача, он рассказал матери, что произошло.

— Я ведь говорила, чтобы не ходил, так нет, не послушался, — упрекала его госпожа Мэй. — И поделом тебе!

Но, говоря так, она привлекла его к себе, стала массировать ему голову и невольно тоже расплакалась.

Стихи говорят так:

*Вдова молодая одна прозябает
с сыном своим сиротой,
Ест пищу плохую, одежда тонка,
и хижина ветха, пуста.
Хоть вместе живут все одною семьею,
но дружбы и лада в ней нет.
У древа две ветки, но чахнет одна,
а пышен соседней расцвет.*

Госпожа Мэй немало размышляла над тем, как ей теперь быть, прикидывала и так, и этак и, наконец, боясь, что Шаньцзи затаит гнев, послала к нему служанку с извинениями. Служанке было приказано передать, что мальчишка-де школьник, еще ничего не понимает, посмел, мол, разгневать его и сам-де виноват. Но Шаньцзи никак не мог успокоиться. На следующий день ранним утром он пригласил к себе кое-кого из родственников, позвал госпожу Мэй с сыном и, когда все собрались, вытащил тетрадь с записью о разделе, которую оставил ему отец.

Собравшиеся прочитали запись в тетради, и тогда Шаньцзи сказал:

— Уважаемые родственники, не подумайте, что я, Шаньцзи, не хочу содержать их — мать и сына, и намерен их выгнать. Но дело в том, что Шаньшу вчера потребовал от меня свою долю наследства, много чего мне наговорил, и я боюсь, что, когда он подрастет, разговоров будет еще больше. Вот я и решил сегодня их выделить, чтобы они жили отдельно от нас в Восточной деревне; я даю им пятьдесят восемь му земли, как и написано здесь в тетради, так что действую я согласно последнему желанию отца и ни в чем не посмел самовольничать. Прошу вас, уважаемые сородичи, быть моими свидетелями.

Все эти люди, конечно, знали, что Шаньцзи человек, с которым лучше не связываться; к тому же они видели запись о разделе, сделанную собственной рукой Ни Шоуцяня, и, конечно, никто из них не отважился лезть не в свои дела и наживать себе врага. Одни ему поддакивали, другие твердили:

— Завещания, как говорится, ни за какие тысячи не купишь, поэтому разделить согласно воле отца, и никаких разговоров.

И даже тем, кто жалел Шаньшу и его мать, оставалось лишь успокаивать и подбадривать их. «Мужчина не надеется на наследство, женщина в замужестве не живет приданым, — говорили они. — Многие начинали на пустом месте. А у вас теперь будет дом, будет земля, которую можно обрабатывать. Это все-таки что-то. Надо только работать и не пренебрегать заработанной похлебкой. А что пошлет судьба, будет видно».

Госпожа Мэй сама понимала, что жить в усадьбе мужа так, как она жила, — это не жизнь, и согласилась на раздел, который предложил Шаньцзи. Они простились с родственниками, поклонились домашнему алтарю, простились с Шаньцзи и его женой. Затем она велела людям вынести из ее домика кое-какие старые вещи, а также два сундука, с которыми пришла из родительского дома, наняла скотину и, захватив с собой все свое скромное имущество, вместе с сыном направилась в Восточную деревню. Когда они прибыли на место, их взору представился поросший сорной травой запущенный двор. Дом, который им отвели, давно не ремонтировался, на крыше остались редкие черепицы, сверху он протекал, и в нем было сыро, — словом, даже не представлялось, как можно жить в таком доме. Кое-как прибрала она две комнаты, поставила постели, а потом позвала крестьян и стала расспрашивать их о земле.

— Эти ваши пятьдесят восемь му — такая плохая земля, дальше некуда, — говорили ей крестьяне. — В самый урожайный год и то не соберешь с нее даже половины среднего урожая, а если год выдастся неурожайный, то самим еще придется где-то доставать зерно, чтобы прокормиться.

Услышав такое, госпожа Мэй застонала от горя. Но маленький ученик оказался сообразительным.

— Мы с братом родные дети у нашего отца. Так почему же запись отца о разделе так несправедливо составлена? — сказал он матери. — Не может быть, чтобы это было случайно. А вдруг это не собственноручная запись отца? Исстари ведь говорят: оставляя наследство, не смотрят, кто старший, кто младший. Почему же вы, матушка, не пожалуетесь в *ямэнь? Пусть начальник рассудит, кому следует сколько получить, тогда не будет ни у кого обиды.

Тут госпожа Мэй вспомнила о предсмертном наставлении мужа и поведала Шаньшу то, о чем помалкивала целых десять лет.

— Мой сын, не удивляйся записи о разделе и не думай, что она поддельна, — сказала госпожа Мэй, обращаясь к сыну. — Она действительно написана собственной рукой твоего отца. Он говорил мне, что отдал все имущество твоему брату потому, что ты был тогда еще ребенком и он боялся, что брат погубит тебя. Накануне своей кончины он дал мне только свиток со своим портретом и все время напоминал мне: «В нем содержится тайна. Когда здесь будет честный и умный начальник, отнесите портрет ему, пусть он тщательно разберется в нем, и ручаюсь, что вам обоим будет на что жить и бедствовать не придется».

— Почему же вы мне раньше об этом не говорили! — воскликнул Шаньшу. — Где этот портрет? Дайте мне взглянуть на него.

Госпожа Мэй открыла сундук и достала какой-то узел, в котором был сверток, обернутый в непромокаемую бумагу. Это был свиток шириною в *чи и длиною в три чи с портретом Ни Шоуцзяня. Мать повесила портрет на спинку стула, и они оба упали перед портретом на колени.

— В деревенской глуши не достать ни курительных, ни других свечей; прошу извинить за небрежение, — бормотала она, отбивая поклоны вместе с Шаньшу.

Затем Шаньшу поднялся и стал внимательно рассматривать свиток. Его отец был изображен сидя. Седая голова, черная шапка... совсем как живой. В одной руке он держал младенца, а другой указывал в землю. Долго смотрел Шаньшу, но, к своему великому огорчению, понять ничего не мог. Пришлось свернуть портрет и снова положить его в сундук.

Прошло несколько дней, Шаньшу собрался в село, чтобы найти какого-нибудь учителя, который смог бы раскрыть ему тайну портрета. Случайно, проходя мимо храма *Гуань-вана, он увидел толпу сельских жителей. Люди несли свиней и баранов, чтобы совершить жертвоприношение божеству. Шаньшу остановился поглазеть. В это же время подошел какой-то старец с посохом в руке. Шаньшу слышал, как старик спросил у крестьян:

— Почему вы сегодня приносите жертву этому божеству?

— Мы были несправедливо привлечены к суду, — ответили ему. — Но, к счастью, умный начальник разобрался во всем и решил это дело. Мы когда-то поклялись, что принесем жертву этому божеству, если дело разрешится. И вот сегодня пришли исполнить свое слово.

— Что же это за несправедливое дело и как его решили? — спросил старец.

— Видите ли, — начал один из них, — в нашем уезде по распоряжению свыше каждые десять дворов должны были объединиться в одну десятидворку, и вот я начальник такой десятидворки; зовут меня Чэнда. В моей десятидворке был портной по фамилии Чжао — первая игла в деревне! Чжао часто приходилось работать то у одних, то у других ночи напролет, и случалось, что его по несколько дней кряду не бывало дома. Но вот однажды он ушел и целый месяц не возвращался. Жена его, госпожа Лю, попросила, чтобы его разыскали. Мы стали всюду искать, но не обнаружили ни его, ни его следов. Через некоторое время в реке вдруг всплыл труп с разбитой головой. Кое-кто опознал по одежде портного Чжао. Местное начальство сообщило об этом в уезд. А надо сказать, что за день до того, как портной Чжао исчез, мы с ним вместе выпили, потом повздорили из-за каких-то пустяков и сцепились. Я тогда вышел из себя, гнался за ним до самого дома, поломал там у него кое-что из мебели, побил кое-что. Вот и все. Но когда выяснилось, что Чжао убит, жена его пошла в ямэнь жаловаться и заявила, что это я убил ее мужа. Предыдущий начальник нашего уезда, господин Ци, выслушал только одну сторону, поверил женщине и приговорил меня к смертной казни. И соседей за то, что они не донесли на меня, тоже привлекли к делу. Жаловаться мне было некому да и некуда, и просидел я в тюрьме три года. На

мое счастье, к нам в уезд был назначен новый начальник, господин Тэн. И хотя он из тех чиновников, что прошли только областные экзамены, но человек он очень толковый; и так как он рассматривал дела со всех сторон, вникал во все подробности, то я пожаловался ему, что зря терплю обиду. Он тоже выражал недоумение и говорил: «Подраться и поспорить под пьяную руку — от этого далеко до убийства!» И вот начальник принял мою жалобу, вызвал людей и начал разбирать дело. Взглянул начальник одним глазом на жену портного и, представьте себе, ни о чем другом не спросил, а первым его вопросом было: «Вышла вторично замуж?» А та отвечает: «Бедная, трудно одной, и вот вышла за одного человека». «А за кого?» — спросил начальник. «За сверстника, тоже портного, зовут его Шэнь Бахань», — отвечала она. И тут господин Тэн, начальник наш, сразу же приказал привести Шэнь Баханя и спрашивает его: «Ты когда взял себе в жены эту женщину?» «Я взял ее месяц спустя после того, как умер ее муж», — говорит тот. «Кто был сватом и какие подарки ты давал?» — спрашивает господин Тэн. А Шэнь Бахань ему в ответ: «Портной Чжао взял у меня в долг семь или восемь *ланов серебром. Когда я узнал, что он умер, я пошел к ним посмотреть как и что и заодно хотел получить свои деньги. Но жене его нечем было возвращать мне долг, и она сказала, что согласна выйти за меня замуж, чтобы расплатиться. Так мы обошлись без сватов». А господин Тэн возьми да и спроси у него: «Ты ведь человек, живущий ремеслом, откуда же у тебя взялись целых семь или восемь ланов?» Тот говорит, давал, мол, постепенно, вот и накопилось столько долгу. Тогда господин Тэн положил перед ним бумагу, кисть и велел ему подробно написать, сколько денег он каждый раз давал займы. Шэнь Бахань написал, что давал всего тринадцать раз то рисом, то деньгами, и всего набралось на семь ланов восемь цяней. И вот, подумайте, начальник как поглядел на его расчеты, так сразу закричал: «Портного Чжао убил ты, да еще подстроил так, что за тебя невинно страдают другие!» Шэнь Баханя тут же зажали в тиски, но он все не хотел сознаваться. Тогда господин Тэн и говорит: «Ладно, выложу тебе все твои делишки, чтобы ты убедился, что лгать бесполезно. Если ты отпускал займы под проценты, то разве тебе, кроме него, некому было давать деньги? Или у тебя случайно так получалось, что ты давал свои деньги одному портному Чжао? Нет, ты завел шашни с его женой, а портного уж больно прельщали твои деньги, и он смотрел на твои делишки сквозь пальцы. Но ты захотел, чтобы тебе ничто не мешало быть с этой женщиной, потому ты и убил портного. Мало того, ты еще подговорил ее жаловаться и свалить все на Чэнда. А счет, который ты сейчас составил, и жалоба жены портного написаны одним почерком. Кто же, — говорит, — как не ты, убил портного?» Затем начальник взялся за жену портного. Велел зажать ей пальцы и стал требовать от нее признания. А та видела, что каждое слово начальника попадало в точку: ни дать ни взять сам *Гуйгу. У нее, конечно, душа ушла в пятки, врать и упорствовать она уже больше не смела и, только ей зажали пальцы, сразу же во всем созналась. Тогда уже и самому Шэнь Баханю пришлось сознаться. Тут-то все и выяснилось. Оказывается, Шэнь Бахань давно водился с женой портного, но никто

об этом не знал. Потом отношения их становились все ближе, встречаться стали чаще и чаще. Портной Чжао начал побаиваться, как бы об этом не узнали, и решил положить этому конец. А Шэнь Бахань стал убеждать женщину, что надо бы убить портного, тогда, мол, они смогут стать мужем и женой. Но женщина не соглашалась. И вот как-то Шэнь Бахань подкараулил портного, когда он возвращался от людей, у которых работал, уговорил его пойти в харчевню и подпоил его. Из харчевни они шли по берегу реки. Шэнь Бахань толкнул его в реку, запустил в него камнем, разбил ему голову, и портной утонул. Выждав, пока история с исчезновением портного забудется, Шэнь Бахань перевез жену портного к себе. Потом, когда труп всплыл и его опознали, а по деревне пошли об этом разные толки, Шэнь Бахань подговорил жену подать жалобу в ямэнь. А надо сказать, о том, что ее первого мужа убил Шэнь Бахань, женщина узнала только после того, как вышла за него замуж, и поскольку они были уже мужем и женой, то она об этом помалкивала. Господин Тэн вывел их на чистую воду, осудил, а меня отпустил домой. И вот теперь родственники и соседи собрали кто сколько мог, чтобы отблагодарить за меня божество. Ну, скажи-ка, отец, бывало ли, чтобы возвели на человека такую чудовищную напраслину?!

— Такой умный и хороший начальник — это редкость, говорил старик, — это просто счастье выпало на нашу долю.

Шаньшу слушал и запоминал. Возвратясь домой, он рассказал матери всю эту историю.

— Если такому хорошему начальнику не отнести портрет, то я уж не знаю, кого еще ждать! — сказал он под конец.

Мать и сын, посоветовавшись, решили идти жаловаться.

В день принятия жалоб госпожа Мэй встала чуть свет и, захватив с собой портрет, вместе с сыном направилась в ямэнь.

Начальник уезда, увидев, что никакой письменной жалобы ему не подали, а принесли какой-то небольшой свиток, очень удивился и спросил, в чем дело. Тогда госпожа Мэй подробно рассказала о том, как держал себя все эти годы Шаньцзи, и передала начальнику предсмертные слова Ни Шоуцзяня. Начальник уезда оставил у себя свиток и велел им пока возвращаться к себе, сказав, что подумает, как решить это дело. Верно сказано:

*Хранит молчаливо портрет
загадку и тайну свою,
А может помочь он найти
богатство, сокрытое где-то.
Несчастлива бедняжка-вдова,
и сына-сиротку так жаль,
Что, собственных сил не щадя,
начальник над свитком сидит.*

Но не будем говорить о том, как госпожа Мэй с сыном вернулись домой, а скажем о начальнике уезда, господине Тэне, который, приняв все жалобы и закончив прием в ямэне, пошел к себе и сразу взялся за свиток. Он развернул его и увидел портрет бывшего правителя области господина Ни. В одной руке Ни держал младенца, а дру-

гой — пальцем указывал в землю. Долго смотрел на этот портрет господин Тэн и думал: «Нечего и говорить, младенец — это, конечно, Шаньшу. Но только почему Ни пальцем указывает в землю? Хочет ли он этим сказать, что он в подземном мире и просит начальника уезда помочь решить его дело? С другой стороны, — размышлял Тэн, — раз он сам распорядился о разделе имущества и сделал об этом запись, то никакое казенное учреждение тут ничем помочь не может... Но он говорил, что в свитке содержится разгадка тайны, значит, тут кроется что-то другое, и если я не разберусь в этом, то к чему все мои знания и ум!»

С этих пор каждый день, после того как Тэн освобождался от дел в ямэне, он шел к себе, смотрел на портрет и без конца раздумывал над ним. Так повторялось несколько дней кряду, но понять он ничего не мог. И все же этому делу суждено было быть разгаданным, и случай, как это всегда бывает, пришел сам собой.

Однажды после полудня, когда господин Тэн снова принялся рассматривать портрет, служанка подала ему чай. Начальник, не отрываясь от портрета, потянулся за чашкой и пролил чай на свиток. Тогда он вышел на крыльцо и, держа свиток обеими руками, стал сушить его на солнце. И тут он вдруг заметил, что на портрете выступают какие-то иероглифы. Начальник удивился. Он тут же отодрал портрет от полотна и увидел, что между портретом и полотном лежал кусок испанной бумаги. В почерке он признал руку бывшего начальника господина Ни. На листке было написано:

Мне, старику, дослужившемуся до правителя области, теперь уже за восемьдесят, смерть моя близка, но я ни о чем не сожалею. Единственно, что меня тревожит, — это судьба Шаньшу, моего сына от второй жены. Теперь ему исполнился только год, и не скоро он еще вырастет. А Шаньцзи, мой сын от первой жены, никогда не отличался ни сыновней почтительностью, ни чувствами братской любви, и я боюсь, что когда-нибудь он погубит своего младшего брата. Оба больших новых дома и все имущество я оставляю Шаньцзи, и только старый домик в левой части двора пусть принадлежит Шаньшу. Дом этот, правда, очень маленький, но внутри, возле левой стены, в нем зарыто пять чанов, и в каждом лежит по тысяче серебром. Возле правой стены зарыто шесть чанов, там всего пять тысяч серебром и одна тысяча золотом. Этого хватит им на покупку земли. Впоследствии, когда мудрый начальник разрешит это дело, сын мой Шаньшу отблагодарит его тремястами ланами серебра.

Ни Шоуцянь.

Собственноручно, восьмидесяти одного года.

Год, число, месяц, печать.

Оказывается, этот портрет Ни Шоуцянь сделал, когда ему был восемьдесят один год и когда мальчику исполнился ровно год. Сделал он это заранее, вместе с завещанием. Верно древние говорят: никто не знает сына так, как отец.

Начальник уезда был человеком, который умел ловко пользоваться обстоятельствами, и при мысли о таком количестве золота и

серебра у него невольно заблестели глаза. Долго он сидел задумавшись, наморщив лоб, и вот в голове у него созрел план.

— Послать людей и привести ко мне Шаньцзи, — распорядился он. — Мне нужно с ним поговорить.

Но скажем теперь о Шаньцзи. Счастливый и довольный тем, что он стал полным хозяином всего наследства, Шаньцзи просто утопал в блаженстве. И вот однажды за ним вдруг явились служители ямэня. Они сказали, что пришли с приказом от начальника уезда, и велели немедленно идти с ними в ямэнь. Шаньцзи ничего не оставалось, как последовать за ними.

Начальник уезда сидел в зале и занимался делами, когда служители доложили:

— Шаньцзи здесь!

Начальник велел ввести его и спросил:

— Ты старший сын бывшего правителя области Ни Шоуцзяня?

— Да, — ответил Шаньцзи.

— Твоя мачеха, госпожа Мэй, подала на тебя жалобу. Она говорит, что ты выгнал ее, выгнал своего брата и захватил все земли и дома. Это правда?

— Видите ли, мой брат Шаньшу всегда жил вместе со мной, он вырос подле меня, и я его воспитывал, — отвечал Шаньцзи. — Но недавно они с матерью сами захотели отделиться, а я вовсе их не выгонял. Что же касается имущества, то отец перед кончиной сам все распределил, и я ни в чем не нарушил его воли.

— А где же собственноручная завещательная запись твоего отца?

— Дома, — отвечал Шаньцзи. — Позвольте, я ее принесу и покажу вам.

— В своей жалобе твоя мачеха и брат говорят, что наследство исчисляется десятками тысяч *связок монет, а это не шутки. Подлинно ли завещание, о котором ты говоришь, тоже трудно установить. Из уважения к потомку почтенного образованного человека я не буду сейчас излишне строг к тебе. Завтра я велю госпоже Мэй с сыном быть у тебя, и сам приеду к тебе проверить все наследство. И если раздел действительно был неравным, то придется, не взирая ни на что, поступить по справедливости.

И начальник тут же велел людям выпроводить Шаньцзи и сообщить госпоже Мэй и ее сыну, чтобы те явились завтра на разбирательство. Служащие, получив на угощение от Шаньцзи, отпустили его домой одного, а сами отправились в Восточную деревню.

Резкий тон начальника уезда не на шутку перепугал Шаньцзи. «Если уж говорить по правде, наследство-то, действительно, не было поделено, и единственным и не весьма веским оправданием для меня может служить только запись, оставленная отцом, — размышлял про себя Шаньцзи. — Гирия слишком тяжела. Придется просить родичей, чтобы они выступили как свидетели».

В этот вечер Шаньцзи был занят тем, что раздавал подарки и деньги всей своей родне, прося их на следующее утро быть у него и поддержать его, если вопрос коснется наследства.

Надо сказать, что с тех пор, как умер старик Ни, все эти родственники еще ни разу не получали от Шаньцзи никакого подарка, да-

же пустячного, не выпили у него на праздниках и рюмки вина, а тут он вдруг целыми слитками стал преподносить им серебро. Шаньцзи напоминал им человека, который в храме свечи никогда не поставит, но, случись что, ноги станет Будде обнимать. Теперь все втихомолку посмеивались над ним и думали: «Почему бы не взять деньги и не полакомиться? А завтра послушать сначала, что будет говорить начальник уезда, и тогда уже решать, как быть». По этому поводу кто-то из современников написал стихи:

*Зачем винить вдову за то,
что в тяжбу вовлекла тебя?
Ты ж старший брат, а жаден был
и думал только о себе;
Теперь вот тратишь серебро,
чтоб подкупить свою родню.
Не лучше ль было сироте
на платье шелка подарить?*

Когда к госпоже Мэй пришли служащие ямэня и передали распоряжение начальника уезда, она поняла, что господин Тэн заступился за нее. Прошла ночь, и ранним утром она с сыном направилась сначала в город к начальнику уезда.

— Чувство жалости к одинокой вдове и бедному сироте, конечно, обязывает меня что-нибудь придумать для вас, — сказал им начальник уезда. — Но я слышал, что у Шаньцзи на руках есть собственноручная запись господина Ни. Вот как с этим быть, не знаю.

— Запись о разделе есть, это верно, — сказала госпожа Мэй. — Но она была сделана только для того, чтобы уберечь младшего сына от опасности. Словом, вы посмотрите цифры в книге записей имущества, и вам будет ясно.

— Как говорится, в семейных делах даже честному и умному начальнику не разобраться. Но я постараюсь сделать так, чтобы и вам, и вашему сыну хватило на жизнь; однако на многое надеяться я бы вам не советовал.

Госпожа Мэй стала благодарить его.

— Если мы будем избавлены от голода и холода, то и этого вполне достаточно, — говорила она. — Мы вовсе не думаем стать такими богачами, как Шаньцзи.

Начальник уезда велел госпоже Мэй с сыном отправиться к Шаньцзи и там его ждать.

Между тем Шаньцзи уже давно прибрал гостиный зал, поставил посредине зала кресло, покрытое тигровой шкурой, зажег ароматные свечи и послал сказать родственникам, чтобы те явились пораньше. Когда госпожа Мэй с сыном пришли к нему, все родственники уже были в сборе. Женщина поклонилась всем и, само собой разумеется, просила родичей в нужный момент замолвить за нее слово. Шаньцзи остался этим очень недоволен, внутри у него все клокотало, но дать волю своему гневу тут же, при всех было неудобно. Каждая из противных сторон молчала, прикидывая про себя, что нужно будет говорить перед начальником уезда.

Ждать пришлось недолго. Вскоре издали донеслись окрики людей, предупреждавших, чтобы прохожие посторонились и освободили дорогу. Все поняли, что едет начальник уезда.

Шаньцзи, оправив на себе шапку и платье, пошел к выходу встречать начальника. Кто постарше, знали приличия и приготовились как подобает встретить начальника, а те, что помоложе — неопытные и нерешительные, стояли в сторонке и только поглядывали, ожидая, что будет. И вот, наконец, все увидели, как в два ряда по обе стороны дороги выстроилась свита начальника, а затем появился паланкин, в котором под синим зонтом восседал сам мудрый и талантливый начальник уезда, господин Тэн. Когда паланкин поднесли к дому, свита опустилась на колени и раздался резкий окрик, оповещавший о прибытии начальника уезда. Госпожа Мэй с сыном и все остальные, встречавшие начальника, пали ниц.

Один из свиты начальника крикнул тогда: «Опустить!», и носильщики опустили на землю паланкин. Начальник уезда спокойно, не спеша сошел и направился к воротам. Он уже входил в ворота, как вдруг остановился, стал поспешно кланяться и что-то говорить, словно отвечал встречавшему его хозяину. Все с удивлением наблюдали за начальником, а он, не обращая внимания на присутствующих и продолжая вежливо кланяться кому-то невидимому, прошел в гостиный зал, где опять и опять кланялся и говорил много вежливых слов. Поклонившись в сторону кресла, обтянутого тигровой шкурой, словно благодаря кого-то, кто приглашал его сесть, начальник быстро повернулся, взял другое кресло и поставил его на место, подобающее хозяину. Затем трижды снова поклонился кому-то в пространство и только тогда сел. Можно было подумать, что начальнику явилось привидение, так странно он себя вел. Никто не решался к нему подойти, все, как вкопанные, стояли в стороне и только смотрели на него, вытаращив глаза. Но вот, продолжая восседать на почетном месте, он еще раз поклонился неизвестно кому и заговорил:

— Ваша уважаемая супруга подала мне жалобу по поводу имущества. Так скажите, как же, в конце концов, обстоит дело?

И лицо его приняло такое выражение, будто он внимательно кого-то слушает. Так прошло некоторое время. Наконец, укоризненно покачав головой, он промолвил:

— Да, старший сын ваш нехорошо себя ведет! — лицо начальника снова приняло сосредоточенный вид.

Затем он спросил:

— А на что же будет жить ваш младший сын?

— Простите. Что там в маленьком домике? — переспросил он, немного погодя, а затем забормотал: «Слушаюсь... слушаюсь...» — и замолчал.

Через некоторое время начальник опять заговорил:

— Хорошо, это я тоже передам вашему младшему сыну. Сделаю все так, как вы приказываете...

А потом он стал вдруг низко кланяться и залепетал:

— Ну что вы, ну как я смею! Такой щедрый дар!

Начальник вежливо от чего-то отказывался, но в конце концов сказал:

— Раз вы так настаиваете и от всей души, то я вынужден повиноваться. А вашему сыну я выдам документ.

Тут начальник встал и со словами: «Да, я теперь же пойду» — стал кланяться.

Все присутствующие стояли, буквально застыв от изумления. А начальник уезда, оглядевшись по сторонам, спросил:

— Куда же девался сам старый господин Ни?

— Никакого старого господина здесь не было, — ответил ему слугитель.

— Что за чудеса! — воскликнул начальник уезда и тут же поздравил Шаньцзи:

— Ведь ваш батюшка встретил меня у ворот, сидел здесь, разговаривал со мной. Вы, наверно, видели все?

— Нет, я не видел, — ответил Шаньцзи.

— Да как же! Высокого роста, худощавое лицо, выдающиеся скулы, узкие глаза, длинные брови, большие уши, этакая седая, трезубцем борода, шапка из черного шелка, черные туфли, красный халат с золотым поясом... Ведь это старый господин Ни, не так ли?

У присутствующих от страха выступил пот, все они бросились на колени.

— Да, да, именно так он выглядел при жизни, — бормотали они.

— Как же это он вдруг исчез! — недоумевал начальник уезда. — Он мне говорил, что здесь у него два больших дома, а в стороне есть еще маленький домик. Есть такой?

Скрывать тут что-нибудь Шаньцзи побоялся и волей-неволей признался:

— Да, есть.

— Ну что ж, тогда пройдемте туда, в этот маленький домик. Есть дело.

После того как начальник уезда целых полдня разговаривал сам с собой, а потом описал наружность старого хозяина так, словно видел его перед глазами, присутствующие поверили, что старик Ни на самом деле побывал здесь. Они только давались диву и трепетали от волнения. Никто из них не ведал того, что все это была хитрая уловка начальника уезда: он видел портрет старика, описал его по этому портрету, а весь его разговор со стариком был сплошной выдумкой. Приведу по этому поводу стихи:

*Найти всегда сумеет мудрый
причину нужную, предлог,
И духов ада или неба
не стал бы он тревожить зря.
Но если б Тэн не смог придумать
уловку хитрую свою,
Шаньцзи, пожалуй, не смирился,
не подчинился бы ему.*

Шаньцзи пошел впереди, за ним следовали начальник уезда и все остальные. Старый домик, к которому они подошли, Ни Шоуцянь

выстроил еще до того, как держал столичные экзамены. Потом, когда был выстроен большой дом, этот пустовал и служил амбаром, в котором время от времени хранили зерно. Здесь жила только одна дворовая семья, которой было поручено охранять амбар.

Начальник уезда обошел домик со всех сторон и наконец сел в главной комнате.

— Дух твоего отца действительно вещий дух! — сказал он, обращаясь к Шаньцзи. — Он обо всем мне подробно рассказал и просил меня разрешить все дела. Как ты думаешь, — продолжал он, — что, если этот старый домик отдать твоему брату Шаньшу?

Шаньцзи пал ниц.

— Все будет зависеть от вашего светлого решения, — произнес он.

Начальник уезда велел ему принести тетрадь с записью имущества.

— Богатый дом! Богатый дом! — приговаривал он, листая тетрадь.

Когда же он дошел до записи о разделе, сделанной собственноручно стариком Ни, то громко рассмеялся:

— Твой отец ведь сам все это написал, а мне сейчас наговорил про тебя столько нехорошего. У него тоже, как видно, сегодня одно, а завтра другое. — И он велел Шаньцзи подойти поближе. — Раз есть запись о разделе, в которой все сказано, то все ваши земли и все прочее должны принадлежать тебе; твой брат Шаньшу не имеет оснований претендовать на это.

Госпожа Мэй была в отчаянии. Она только собралась было подойти к начальнику уезда и просить его, но тот продолжал:

— Пусть к Шаньшу отойдет только этот старый дом со всем его содержимым, и ты, Шаньцзи, из-за этого не спорь!

— Вы рассудили очень мудро, господин начальник, — поспешил заверить его Шаньцзи, который про себя подумал: «В этом доме, кроме старой рухляди и дырявой крыши, ничего нет. Даже зерно, которое здесь хранилось, и то я недавно почти все продал, осталось совсем немного. Ладно уж, хватит с меня».

— Так вот, Шаньцзи и Шаньшу, мы порешили единым словом, и, чтобы никто из вас потом не жаловался, здесь присутствуют ваши родственники, и пусть они будут свидетелями. Но вот что я должен сказать, — добавил начальник уезда. — Только что старый господин Ни сказал мне, что в этом домике под левой стеной закопано пять тысяч ланов серебром в пяти чанах и что эти деньги должны принадлежать его младшему сыну.

Шаньцзи не поверил.

— Если это действительно так, — сказал он начальнику уезда, — то пусть здесь закопаны хоть десятки тысяч, все это будет принадлежать брату, и я не посмею оспаривать у него право на эти деньги.

— Если даже и вздумаешь требовать, я этого не допущу! — сказал начальник уезда и тут же велел людям достать мотыги и лопаты.

В присутствии госпожи Мэй и ее сына люди стали копать землю и под фундаментом восточной стены действительно нашли пять чанов. Когда чаны вытащили, все увидели, что они доверху набиты серебром. Серебро из одного чана вынули, положили на весы, и оказалось, что там шестьдесят два с половиной *цзиня, то есть ровно тысяча ланов. Все были поражены. Даже Шаньцзи не мог усомниться в том, что действительно приходил дух его отца: «Если бы не явился дух отца и не рассказал начальнику уезда об этом кладе, — рассуждал Шаньцзи, — то мы сами ничего бы не знали о нем, а тем более начальник уезда. Откуда бы ему это стало известно?»

Начальник уезда велел выстроить перед собой в ряд все пять чанов серебра и сказал затем госпоже Мэй:

— Под правой стеной еще есть пять чанов, в них тоже пять тысяч ланов серебром. И есть еще один чан с золотом. Старый господин Ни распорядился этот чан передать мне в знак благодарности. Я не смел принимать, но он упорно настаивал, и мне пришлось согласиться.

Госпожа Мэй вместе с Шаньшу земно кланялись начальнику и говорили:

— Пять тысяч ланов серебром под левой стеной! Мы этого никак не ждали; если еще и под правой есть деньги, то посмеем ли мы не согласиться с волей покойного!

— Я-то, конечно, не знаю, — сказал начальник уезда, — но ваш покойный господин говорит так. Думаю, что его словам можно верить.

И он велел людям копать возле правой стены. Там, действительно, оказалось еще шесть чанов. В пяти из них было серебро, а в одном — чистое золото.

При виде такого количества серебра и золота у Шаньцзи разгорелись глаза. Но слово уже было сказано, и теперь он не смел даже рта раскрыть.

Начальник уезда тут же написал грамоту, отдал ее Шаньшу как документ и приписал госпоже Мэй и Шаньшу дворовую семью, которая жила в этом доме. Госпожа Мэй и Шаньшу, безмерно счастливые, земно кланялись и благодарили.

Шаньцзи был крайне недоволен, но, что поделаешь, пришлось и ему земно кланяться.

— Благодарю за ваше милостивое распоряжение, — кое-как выдал он из себя.

Начальник уезда взял бумагу, написал свою фамилию, опечатал ею чан с золотом, велел погрузить чан в паланкин и увезти с собой в ямь. Собравшиеся думали, что старик Ни на самом деле пообещал начальнику вознаграждение, и считали, что начальник выполняет его волю. Во всяком случае, сказать «нет» никто не посмел.

Вот уж действительно, схватится устрица с цаплей — рыбаку только польза. Если бы Шаньцзи был добрым и порядочным человеком, если бы жили они с братом в мире и дружбе и разделили добровольно все имущество пополам, тогда и это золото никуда бы от них

не ушло: каждому досталось бы по пятьсот ланов, и, уж конечно, эти деньги не попали бы в руки какому-то Тэну! А так только зря другого озолотил, сам навлек на себя неприятности, прослыл непочтительным сыном и плохим братом; собирался навредить другим, а вышло, что все его злые замыслы обернулись против него самого.

Но оставим праздные разговоры и скажем о госпоже Мэй и о ее сыне. На следующий день они явились в ямэнь благодарить начальника уезда. Тот успел уничтожить завещание, которое было спрятано в свитке, снова наклеил портрет на полотно и вернул его госпоже Мэй. Только теперь госпожа Мэй с сыном поняли, что, указывая в землю, Ни Шоуцянь хотел этим сказать, что в земле хранилось золото. Став хозяевами десяти чанов серебра, они купили хорошую землю, сад и превратились в богачей. Шаньшу женился, и у него родились три сына, которые впоследствии выучились и стали известными людьми. Из всего рода Ни процветала только эта ветвь. Что же касается Шаньцзи, то оба его сына были бездельниками и лоботрясами, растратили все состояние и после смерти отца продали оба больших дома своему дяде Шаньшу. Все в этой местности, кто знал историю семьи Ни, считали, что Шаньцзи наказало небо. В стихах говорится:

*Всегда справедливыми были
великого неба пути...
И только смешны вот такие,
как жадный и глупый Шаньцзи.
Обидел брата родного,
мачеху выжил свою,
Заставил отца с того света
сыну наследство послать.
Не зря завещанье тот свиток
долгие годы хранил,
Но золото, в землю зарытое,
власть предержавший забрал.
Нет! Лучше уж быть справедливым,
честно на свете прожить,
По судам не таскаться, не спорить,
себя поберечь и добро сохранить!*

4. ЯН ЦЗЯОАЙ ЖЕРТВУЕТ ЖИЗНЬЮ РАДИ ДРУГА

*То легкие тучки, то ливень польет —
изменчиво все, постоянства ни в чем.
А сколько на свете друзей легковверных,
не стоит, пожалуй, их здесь называть.
Но вспомните дружбу *Гуаня и Бао
в ту пору, когда они были бедны...
А в наши-то дни, поди, дружбу такую
прочь отменяют, как горстку земли.*

В древности в княжестве *Ци жили Гуань Чжун и Бао Шуя. Они подружились еще в детстве, когда оба были бедняками. Впоследствии Бао Шуя стал служить при циском князе Хуане и пользовался его доверием. Выдвинувшись и став знатным раньше своего друга, Бао Шуя рекомендовал Гуань Чжуну на пост первого министра, и тогда по положению Гуань Чжун стал выше его. Оба они были единомышленны в своем стремлении помочь правлению, всегда и во всем понимали друг друга. Гуань Чжун, бывало, говорил:

«Трижды мне приходилось быть в бою, и трижды я терпел поражение и отступал, но Бао Шуя не считал меня трусом: он знал, что у меня есть старушка-мать. Трижды мне приходилось состоять на службе, и трижды меня прогоняли, но Бао Шуя не считал меня ничемным, понимая, что мне просто не везло. Бао Шуя советовался, бывало, со мной и, что бы я ни говорил, никогда не считал меня глупым: он знал, что на человека могут действовать благоприятные и неблагоприятные обстоятельства. Когда-то я вместе с Бао Шуя занимался торговлей и брал себе большую часть выручки, но Бао Шуя знал, что я беден, и не считал меня жадным. Отец и мать родили меня, но тот, кто понимает меня, — это Бао Шуя». И вот когда древние говорили о душевной, сердечной дружбе, они всегда вспоминали Гуань Чжуну и Бао Шуя.

Нынче я расскажу тоже о двух друзьях. Они встретились случайно и стали братьями. Каждый из них отдал свою жизнь ради другого, и имена их на века вошли в историю.

Во времена *Чунью князь Юань из княжества *Чу с почтением относился к ученым, последователям *Конфуция, и превыше всего ставил справедливость и гуманное правление. Он призывал к себе талантливых людей, давал кров ученым, и люди Поднебесной, прослышав о нем, шли к нему толпами.

В западной части области Цян в местности *Цзишишань жил один ученый по фамилии Цзо, по имени Ботао. Он осиротел еще совсем ребенком. Ботао учился, не щадя сил, обрел познания и стал человеком, способным помочь стране и народу. Было ему уже около сорока, а он все еще не хотел покинуть свою хижину и идти служить, потому что в ту пору князья всех уделов думали лишь о том, как бы расширить свои владения, и воевали друг с другом. Мало кто из них правил с помыслами о благе, и почти все они полагались только на грубую силу. Но вот когда Ботао прослышал о том, что чуский князь Юань уважает добродетель, любит справедливость, повсюду ищет достойных ученых людей и призывает их на службу, он взял мешок с книгами, простился с соседями и друзьями и направился в Чу. Когда он добрался до земель области *Юнчжоу, стояла уже глубокая зима. Однажды вдруг забушевал ветер и хлынул дождь.

Есть стихи на мотив «Луна над Западной рекой», в которых говорится о дождливой зимней поре:

*Резкий ветер унылый
хлещет в лицо,
Дождь морозящий —
одежда насквозь промокает.
Время свирепое года
зимняя эта пора —
В лед превращает озера и реки,
холодно, снег все валит.
Горы мрачнеют, словно серым
покровом накрыты.
Выглянет солнце
и спрятаться снова спешит.
Странник в пору такую
мечтает приют обрести,
Тот же, кто вышел из дому,
небось, себя в этом корит.*

Не обращая внимания на дождь и ветер, Ботао шел целый день. Он весь промок. Наступали сумерки, и Ботао решил зайти в селение, чтобы подыскать ночлег. Еще издали в каком-то окне он заметил огонек, свет которого пробивался сквозь бамбуковую рощицу. Ботао направился прямо туда. Вскоре он очутился перед соломенной хижинкой, окруженной низенькой оградой. Толкнув калитку, Ботао прошел и легонько постучал в дверь. В хижине кто-то был. Дверь растворилась, и на пороге показался человек. Ботао поспешил поклониться.

— Я Цзо Ботао из Западной Цян, и направляюсь я в княжество Чу. В пути меня застиг дождь, постоялого двора здесь не найти, и вот я прошу разрешить мне переночевать у вас, а рано утром я сразу же уйду. Соболаговолите ли вы приютить путника?

Человек поспешил ответить Ботао поклоном и пригласил его в дом. В комнате, кроме топчана, на котором грудями были навалены книги, никаких вещей не было. Ботао понял, что человек этот — тоже ученый, и собрался было опуститься на колени и земно ему поклониться.

— Сейчас не до церемоний, — остановил его хозяин. — Надо развести огонь, высушить одежду, а тогда можно будет, как подобает, приветствовать друг друга.

Он тут же зажег бамбук. Ботао стал сушить промокшее платье, а хозяин приготовил вино, угощение и стал потчевать гостя. Делал он это с почтительностью, от всей души. Ботао осведомился о его имени и фамилии.

— Фамилия моя Ян, зовут меня Цзяоай. Родители мои умерли, когда я был еще совсем маленьким, и нынче я живу здесь один. Жизнь свою я посвятил книгам, которые люблю больше всего на свете, а землю и хозяйство совсем забросил. Я так рад, что вы, достойнейший, явились ко мне. Жаль только, что я беден и лишен возможности угостить вас, как подобает. Умоляю простить меня.

— Вы приютили меня, укрыли от ненастья, к тому же еще напоили и накормили. Могу ли я забыть вашу доброту!

В эту ночь они легли бок о бок. Один раскрывал перед другим свои глубокие познания, и всю ночь они не сомкнули глаз. Наступил рассвет, а дождь все не переставал. Цзяоай оставил Ботао у себя, угощал всем, чем только мог, и в конце концов они побратались. Ботао был старше Цзяоая на пять лет, и Цзяоай поклонился ему как старшему брату.

Три дня подряд жил Ботао у Цзяоая, и вот наконец дождь прекратился, дороги пообсохли.

— Брат мой! — обратился Ботао к Цзяоаю. — Вы с вашими талантами относитесь к числу людей, способных поддержать властителя, помочь ему в правлении. Вы полны желаний что-то сделать для страны и в то же время не пытаетесь оставить свое имя в истории, смирились с тем, что старость застанет вас в лесу, у этого ручья... Нет, это поистине достойно сожаления!

— Дело не в том, что я не хочу служить, — отвечал Цзяоай, — просто случая такого не представлялось.

— Нынешний чуский князь отличается душевной скромностью и искренним стремлением найти достойных ученых, — сказал Ботао. — И если вы действительно хотите быть полезным стране, почему бы нам вместе не отправиться к нему.

— Охотно повинуюсь, — ответил Цзяоай. Он тут же собрал какие у него были деньги на дорогу, захватил что было из еды, и оба друга отправились на юг.

Не прошло и двух дней, как снова полили дожди, и им пришлось остановиться на постоялом дворе. Деньги скоро кончились, остался лишь мешок с едой. Тогда, несмотря на дождь, они двинулись дальше, по очереди неся мешок. Дождь все не переставал, а когда поднялся сильный ветер, — повалил снег. И вот представьте себе:

*С ветром становится снег леденящим,
снег тем сильнее, чем ветер сильней.
Словно ивовый пух, словно пух лебединый,
в пляске безумной хлопья кружатся.
Все смешалось вокруг: где север, где юг,
где запад, восток — не поймешь;
Небо закрыло, земли не видать,
было что синим иль желтым,
красным иль черным — не скажешь.
Радостно с гостем в тиши кабинета
о зимнем цветении *мэй стихи сочинять,
Но отчаянья сколько и страха для тех,
кто жестокой пургою застигнут в пути.*

Они прошли *Циян, и далее путь их лежал через горы Ляншань. Дровосеки сказали им, что на сотни *ли они не встретят ни души, что впереди только пустынные ущелья да глухие горы, где стаями бродят волки и тигры, и советовали не идти туда.

— Ну, как вы думаете? — спросил Ботао у Цзяоая.

— Исстари говорится: жить или нет — судьба, — отвечал тот. — Раз уж мы столько прошли, нужно идти дальше, незачем менять принятое решение.

Они шли целый день, а на ночь укрылись в старом склепе. Одежда на них была тонкая, и холодный ветер пронизывал их до самых костей.

Наутро снег повалил еще сильнее. Земля была засыпана на целый *чи.

— Я думаю, что здесь действительно нет жилья на все сто ли, — сказал Ботао, который нестерпимо замерз. — Еды у нас мало, тело едва прикрыто. С таким небольшим запасом еды да в такой одежке один из нас еще как-то сможет добраться до Чу. Если пойдем вместе, то оба замерзнем или умрем от голода. Зачем же обоим погибать бесславно, как погибают деревья и травы? Я отдам вам свое платье, вы возьмете с собой все, что у нас осталось из еды, и как-нибудь перебьетесь. Я все равно уже не в силах идти дальше и предпочитаю умереть здесь. Вы же явитесь к чускому князю. Он, наверное, даст вам важный пост, и тогда вы вполне успеете вернуться и похоронить меня.

— Как?! — воскликнул Цзяоай. — Хоть мы и не родные, но дружба наша сильнее братских чувств. Неужели вы думаете, что я могу бросить вас и один добиваться почестей и благополучия?!

Не желая ничего слушать, Цзяоай подхватил под руки Ботао и, поддерживая его, пошел дальше. Так они прошли около десяти ли.

— Ветер усиливается, и снег валит все сильнее, — сказал наконец Ботао. — Нет, так идти нельзя! Давайте выберем место где-нибудь возле дороги и передохнем.

Неподалеку стояло сухое тутовое дерево, в дупле которого можно было укрыться, но только одному. Цзяоай помог Ботао устроиться там. Тогда Ботао велел Цзяоаю раздобыть хворосту и развести огонь, чтобы согреться. Цзяоай ушел. Тем временем Ботао разделся догола, а всю свою одежду сложил у дерева.

— Зачем вы это сделали?! — закричал в испуге Цзяоай, вернувшись.

— Другого выхода я не вижу, — ответил Ботао. — Только не губите вы себя! Немедленно наденьте все это, возьмите еду и уходите. А я здесь спокойно умру.

Цзяоай обнял Ботао и зарыдал.

— Нет, мы не расстанемся! — говорил Цзяоай. — Жить ли, умирать ли — но вместе.

— Если мы оба умрем в этих горах, кто прикроет землей наши кости?

— Тогда уж лучше я сниму с себя все, а вы оденьтесь потеплее, возьмите еду и идите дальше. Пусть я умру, но не вы.

— Я всегда был больным человеком, — сказал Ботао, — а вы моложе и намного крепче меня, да и познаниями мне с вами не сравниться. Если вы предстанете перед чуским князем, то непременно получите высокий сан и станете знатным человеком. А то, что меня не будет, — пустяки. Не медлите, брат мой, отправляйтесь сейчас же.

— Вы умрете с голоду в этом дупле, а я буду добиваться почестей и славы?! — возмутился Цзяоай. — Ведь это крайняя низость! Нет, на это я не пойду!

Но Ботао ему ответил:

— В день, когда я пришел к вам в хижину и впервые увидел вас, вы показались мне таким родным и близким, словно я давно уже был с вами знаком. Я понял, что вы на редкость способный и умный человек, и потому стал уговаривать вас поступить на службу. Увы, нам помешали ветер и снег. Что поделать — значит, мой час настал. И если вы погибнете со мной, вся вина падет на меня...

С этими словами он вдруг вскочил и бросился к реке, явно намереваясь покончить с собой. Цзяоай, рыдая, обнял друга, накинул на него платье, привел к дереву и усадил в дупло, но Ботао снова все сбросил с себя. Цзяоай опять подошел к нему в надежде его образумить, но Ботао был уже страшен: весь побелел, лицо, руки и ноги одеревенели от холода. Не в силах шевелить губами, Ботао слабым движением руки велел Цзяоаю уходить. Цзяоай одел его, но Ботао уже совсем окоченел, его конечности вытянулись, как палки, дыхание было чуть заметным и вот-вот готово было прерваться.

«Если я здесь еще задержусь, то сам окоченею, — подумал Цзяоай. — Кто же тогда предаст земле тело моего брата?» Упав на снег, он земно поклонился Ботао и проговорил сквозь рыдания:

— Негодный брат ваш, покидая вас, надеется, что вы приложите свои силы, силы жителя мира иного, и поможете ему... И если я только хоть как-то выбьюсь в люди, я торжественно похороню вас.

Ботао ответил ему едва заметным кивком головы. Еще мгновение — и он перестал дышать.

Цзяоай взял одежду, мешок с едой и пошел вперед, громко рыдая и оборачиваясь на каждом шагу.

Ботао так и умер в дупле тутового дерева.

Впоследствии, восхищаясь поступком Ботао, кто-то написал такие стихи:

*В суровую зимнюю стужу
снег выпал глубокий в три чи,
Там двое идут по дороге —
тысячи ли впереди.
Пощады не знает путь долгий,
безжалостны холод и снег,
Их мучает голод жестокий,
а пищи в суме почти нет.
Сложить коли вместе еду их,
выживет только один,
Вдвоем же идти бесполезно —
погибнут и тот и другой.
Какая же польза, скажите,
обоим бесславно почить?
А жизнь одну, нелегко пусть,
но можно еще сохранить.
Как мудр, благороден Ботао,
это должны мы признать —
Сумел ради жизни другого
свою не жалея отдать.*

Переноса холод и голод, Цзяоай добрался наконец до княжества Чу. Он остановился на постоялом дворе и на следующий же день отправился в город.

— Говорят, что чуский князь принимает на службу ученых людей. Как же, скажите, к нему попасть? — спросил он первого встречного.

— Возле дворца есть флигель для гостей, — отвечал тот. — И сановнику Пэй Чжуну приказано принимать там всех достойных мужей Поднебесной.

Цзяоай тут же направился к этому дому. Он оказался там как раз тогда, когда сановник Пэй Чжун подъехал к воротам. Цзяоай не замедлил подойти к нему и поклониться. Хотя Цзяоай был в лохмотьях, Пэй Чжун обратил внимание на его необычную внешность и, поспешив ответить на поклон, спросил:

— Откуда вы, уважаемый?

— Фамилия моя Ян, зовут меня Цзяоай, родом я из Юнчжоу, — отвечал Цзяоай. — Я слышал, что в вашей стране привлекают на службу ученых, и я явился к вам.

Пэй Чжун пригласил его войти, стал потчевать вином и яствами и оставил ночевать.

На следующий день Пэй Чжун, желая испытать познания Цзяоая, стал расспрашивать его о предметах, которые ему самому были неясны. Цзяоай просто и свободно отвечал на все его вопросы. Пэй Чжун пришел в восторг и сразу же доложил о Цзяоае князю. Тот немедля призвал Цзяоая во дворец и спросил его, какой надлежит избрать в правлении путь, чтобы страна была богата и войско мощно. Тогда Цзяоай изложил князю десять принципов, и все они касались тех вопросов управления страной, которые требовали настоящего разрешения. Князь был восхищен. Он задал пир в честь гостя, назначил Цзяоая сановником, подарил ему сто *ланов золота и сто кусков атласа. Цзяоай кланялся снова и снова, роняя при этом слезы.

— Почему вы плачете, уважаемый? — спросил встревоженный князь.

Тогда Цзяоай рассказал, как Ботао снял с себя одежду и как отдал ему всю еду. Князь был растроган до глубины души, и все сановники, которым случилось присутствовать при этом, сочувственно вздыхали.

— Как же вы думаете поступить? — спросил князь.

— Я прошу дать мне отпуск, чтобы я мог похоронить Ботао, а после этого вернусь служить вам.

Тогда князь посмертно возвел Ботао в сановники, отпустил щедрые средства на его погребение и назначил людей сопровождать Цзяоая.

Простившись с князем, Цзяоай направился в горы Ляншань и разыскал там высохшее тутовое дерево. Тело Ботао так и лежало в его дупле, а лицо его было как у живого. Цзяоай пал ниц и зарыдал. Затем он собрал почтенных старцев из соседней деревни и выбрал место для могилы на живописном холме. По склону его струилась река, сзади вздымалась отвесная скала, а справа и слева тянулись пики гор, — словом, вид был оттуда прекрасный. Покойного омыли ароматной водою, надели на него одежду и шапку сановника, уложили в гроб и похоронили. Вокруг могилы насадили деревья, а шагах в тридцати от нее построили кумирню с изображением Ботао. Перед кумирней была установлена арка, на которой высекли памятную надпись, а при кумирне сбоку сделали небольшую пристройку для сторожа. Затем Цзяоай устроил торжественное жертвоприношение в кумирне. Во время церемонии он горько рыдал. И все собравшиеся — старцы из деревни и сопровождавшая Цзяоая свита — плакали. После жертвоприношения люди разошлись.

В ту ночь Цзяоай сидел в кумирне Ботао при ярко зажженных свечах и не переставая вздыхал. Вдруг пронесся порыв резкого ветра... Свечи померкли, затем снова разгорелись, и перед глазами Цзяоая в колышущемся свете пламени предстал человек. Он приближался, отдалялся и еле слышно плакал.

— Кто тут? — закричал Цзяоай. — Кто посмел ночью войти сюда?

Но человек молчал. Тогда Цзяоай встал, взгляделся в вошедшего и увидел, что перед ним Ботао. Цзяоай был ошеломлен.

— Душа ваша неподалеку отсюда, — обратился он к Ботао, — и раз вы явились ко мне, значит, что-то серьезное побудило вас к этому.

— Благодарю вас за добрую память, брат мой, — отвечал Ботао. — Вы только что вступили на службу и уже доложили обо мне князю и попросили у него разрешения похоронить меня. К тому же меня наградили знатным саном, одарили гробом, одеждой и всем прочим. Словом, вы сделали все. Одно только нехорошо — могила моя оказалась рядом с могилой *Цзин Кэ. Этот человек в свое время покушался на Цинь Шихуана, но потерпел неудачу и был убит. Его друг Гао Цзяньли похоронил его здесь. Дух этого Цзин Кэ очень свиреп. Каждую ночь он является ко мне с мечом в руках, бранится и угрожает: «Ты ведь человек, умерший от голода и холода, как же ты смеешь устраивать свою могилу у меня на плечах и отнимать у меня счастливое место! Если не уберешься отсюда, я разворочу твою могилу и вышвырну тебя вон, на пустырь». Вот какая беда ждет меня, — сказал под конец Ботао и добавил: — Поэтому я и пришел. Хотел сообщить вам о Цзин Кэ и просить, чтобы меня перенесли в другое место, иначе не избежать мне несчастья.

Цзяоай хотел было что-то спросить, но снова поднялся ветер, и Ботао исчез. Цзяоай проснулся и увидел, что он в кумирне. Все, что только что ему привиделось во сне, он помнил до мельчайших подробностей. На следующее утро он собрал старцев и спросил у них, есть ли тут поблизости еще чья-нибудь могила.

— Там, в сосновой роще, есть могила Цзин Кэ, а перед могилой храм, — сказали они ему.

— Этот человек покушался на Цинь Шихуана, но не убил его, был схвачен и казнен, — говорил Цзяоай, — так как же здесь может быть его могила?

— Видите ли, друг господина Цзин Кэ, господин Гао Цзяньли, был здешним жителем, — отвечали ему. — Он знал, что Цзин Кэ был казнен, а труп его выброшен на пустырь. Он-то и унес тайком его тело и похоронил здесь. Дух Цзин Кэ часто являлся сюда, и каждый раз с его приходом были связаны чудесные явления, поэтому местные жители построили здесь храм, где приносят жертвы духу Цзин Кэ, моля о счастье и благополучии.

Услышав это, Цзяоай поверил в свой сон и направился вместе со своими людьми к храму Цзин Кэ. Тыча пальцем в изображение Цзин Кэ, он кричал:

— Ты ведь простой мужик из княжества Янь. Ты жил у царевича как знатный гость, тебя окружили красавицами, одарили драгоценностями, все было к твоим услугам. А когда тебя направили в княжество Цинь, вместо того чтобы как следует обдумать, что нужно сделать, чтобы оправдать оказанное доверие, ты только дело испортил и себя погубил. И после этого ты еще смеешь являться сюда, обма-

нывать и запугивать простой народ, требовать от людей жертвоприношений! Мой брат Ботао — известный ученый, добрый и честный человек, человек справедливости и нравственной чистоты. Как смеешь ты притеснять его? Если это повторится, я разрушу твой храм, выброшу из могилы твое тело и уничтожу тебя!

Затем Цзяоай направился к могиле Ботао и произнес перед могилой:

— Если Цзин Кэ сегодня ночью снова придет, то вы, мой брат, дайте мне знать.

В эту ночь он снова сидел в кумирне при зажженных свечах и ждал.

Перед ним опять предстал Ботао. Со слезами на глазах он сказал:

— Благодарю вас, брат мой, за то, что вы так поступили. Но у Цзин Кэ большая свита — это все *люди, которых он получил от местных жителей. Если вы, брат мой, сделаете из соломы чучела, оденете их в пестрое платье, вложите им в руки оружие и сожжете их перед моей могилой, то это поможет мне. Тогда Цзин Кэ не сумеет причинить мне вреда. — Сказав это, он исчез.

Цзяоай той же ночью велел людям изготовить чучела, одеть их в пестрые платья и, выстроив чучела возле могилы, сжег их.

— Если все будет спокойно, все равно сообщите мне, — произнес он перед могилой и вернулся в кумирню.

В ту ночь бушевали ветер и ливень, и в звуках разразившейся бури словно слышался шум сражения.

Цзяоай вышел из кумирни посмотреть, в чем дело, и увидел бежавшего к нему Ботао.

— Толку от людей, которых вы сожгли, никакого! — взволнованно говорил он. — А к Цзин Кэ пришел на помощь еще и Гао Цзяньли. Скоро они выкинут мой труп из могилы. Прошу вас, брат мой, перенесите мое тело в другое место, чтобы избавить меня от этого несчастья.

— Как смеют они так обижать вас! — возмутился Цзяоай. — Нет, я помогу вам, и мы померимся с ними силами.

— Да вы ведь человек другого мира, а мы все духи. Как бы вы ни были отважны и смелы, но вы отделены от нас земным миром. Где же вам бороться с духами?! Ведь даже чучела и те могут только подбодрить меня своим криком, но им не под силу заставить могучий дух Цзин Кэ отступить.

— Хорошо, брат мой, идите, а я завтра кое-что предприму, — сказал ему в ответ Цзяоай.

На следующий день Цзяоай снова явился в храм Цзин Кэ, разбил его статую и хотел уже поджечь храм, но тут подошли старцы из ближайшей деревни и стали молить его не делать этого.

— Ведь это дух-покровитель нашей деревни, — говорили они. — Если разгневать и обидеть его, то, чего доброго, он найдет на нас беду.

Вскоре вокруг Цзяоая собралось много народу — все это были жители соседней деревни, которые пришли просить его сохранить им храм Цзин Кэ. Настаивать на своем и поступать вопреки воле людей Цзяоай не мог.

Возвратясь в кумирню, он написал доклад, где благодарил чуского князя. Среди прочего в нем говорилось:

*В свое время Ботао отдал весь скудный запас еды вашему слуге, и лишь благодаря этому слуга ваш смог выжить и встретить вас. Вы пожаловали ему высокое звание, и ему в жизни нечего больше желать. За все это в следующем *перерождении слуга ваш от всего сердца отблагодарит вас.*

Весь доклад был проникнут искренним чувством и душевной теплотой. Передав доклад одному из сопровождавших его людей, Цзяоай направился к могиле Ботао, горько рыдал там и затем сказал своим людям:

— Дух Цзин Кэ до того притесняет моего брата, что мой брат не знает, куда ему деваться. Я больше не могу на это смотреть. Я собирался было сжечь храм Цзин Кэ и сровнять его могилу с землей, но не хочу обижать местных жителей, поэтому я решил стать духом подземных истоков и помочь моему брату в борьбе с духом Цзин Кэ. Вас я прошу зарыть мое тело вот здесь, рядом с этой могилой: вместе были при жизни, вместе будем и после смерти. Этим я смогу отблагодарить брата за то, что он для меня в свое время сделал. Чускому же князю доложите, что я прошу его следовать тому, о чем говорил ему, дабы он навеки сохранил в целостности свою страну.

Сказав это, Цзяоай вынул меч и тут же, рядом с могилой Ботао, покончил с собой. Люди бросились к нему, но было уже поздно. Тогда они достали одежду, гроб, уложили в него Цзяоая и похоронили рядом с Ботао. В ту ночь во вторую *стражу разразилась буря — лил дождь, бушевал ветер, сверкали молнии, гремел гром, и крики сражения слышны были повсюду, на десятки ли. На рассвете, когда люди пришли посмотреть на могилы, они увидели, что могила Цзин Кэ треснула, словно от огня, а перед нею валяются белые кости. Сосны у могилы вырваны с корнем, а храм Цзин Кэ сгорел дотла. Пораженные, старики бросились к могиле Цзяоая и Ботао, возжгли курения и били земные поклоны.

Люди, сопровождавшие Цзяоая, вернулись в княжество Чу и доложили обо всем князю. Князь, растроганный глубиной дружеских чувств Цзяоая, повысил его посмертно в сане, а в горы Ляншань был послан чиновник с поручением построить перед могилой Цзяоая храм. На храме князь велел высечь «Храм преданного и верного», а перед храмом по высочайшему повелению была установлена стела, на которой записали эту историю. И поныне в храме том приносят жертвы, а дух Цзин Кэ с тех пор больше не появлялся. Местные жители четырежды в год приносили там жертвы, и просьбы и молитвы

их всегда исполнялись. Сохранились старинные стихи, в которых говорится:

*С древнейших времен
величайшие чувства гуманности, долга,
что землю объяли,
и мир весь, и небо,
вмещались всего лишь в двух *цунях
в груди человека.*

*Могилы ученых двоих.
В осенние тихие ночи
две чистых души
постоянно там бродят
при свете холодном
бесстрастной луны.*

5. ЦЗИНЬ ЮЙНУ ИЗБИВАЕТ НЕВЕРНОГО МУЖА

*Оторвался от ветки,
упал за ограду цветок,
На земле оказался,
и ветер его подхватил.
Пусть ветка цветок потеряла —
опять ведь она зацветет,
Цветок, если ветки лишился,
на ней не окажется вновь.*

Так написано в древней элегии «Покинутая жена». Стихи говорят о том, что жена неотделима от мужа, как цветок от ветки. Если на ветке нет цветов, то они появляются с наступлением весны. Когда же цветок оторвется от ветки, он уже не сможет вновь прирасти к ней. Мораль этих стихов в том, что жена должна верно служить мужу, делить с ним все радости и лишения, что, последовав за одним, она должна идти за ним до конца, не бояться бедности и не гнаться за богатством, а если она проявит в этом непостоянство, то потом сама же будет раскаиваться.

Расскажу вам об одном знаменитом сановнике времен династии *Хань. Человек этот в молодости был совсем неизвестен миру. Его жена оказалась женщиной весьма недалёковидной, и, хоть у нее и были глаза, она, как говорится, горы *Тайшань не узнала и ушла от мужа. Правда, потом она раскаялась в своем поступке, но было уже поздно.

Вы спросите, о каком это знаменитом сановнике идет речь, как его фамилия и имя, откуда он родом. Фамилия этого человека — Чжу, имя его — Майчэнь, *второе имя — Вэнцзы, родом он из *Гуйцзи. Человек этот был крайне беден, ему все не везло с *государственными экзаменами и со службой, и он со своей женой ютился в жалкой лачуге в глухом переулке.

Майчэнь каждый день собирал в горах хворост, продавал его в городе и на вырученные гроши они кое-как перебивались. Стремясь

к знаниям, Майчэнь не выпускал из рук книги. С вязанками дров на коромысле, он, шествуя по дороге, держал в руках книгу и читал ее вслух. Горожане уже привыкли к этому и по голосу узнавали о приближении Майчэня. Питая к Майчэню, как к ученому человеку, сострадание, люди охотно покупали у него хворост, тем более что Майчэнь никогда не торговался и довольствовался тем, что ему давали. Поэтому, естественно, ему было легче сбыть свой товар, чем другим. Часто ватага взрослых бездельников и детишек, завидев Майчэня с хворостом за спиной и книгой в руках, окружала его, смеясь и издеваясь над ним. Майчэнь не обращал на это никакого внимания.

Как-то раз жена Майчэня, выйдя за водой, увидела своего мужа в окружении ребятишек, которые хлопали в ладоши и издевались над ним. Ей стало стыдно за мужа, и, когда тот пришел домой, она стала упрекать его:

— Если тебе так нужно читать книги, то нечего продавать хворост, а продаешь хворост — нечего книги читать! Ты ведь не мальчишка, не дурак и не сумасшедший. Не стыдно тебе идти в толпе ребят, которые смеются над тобой?

— Я продаю хворост, чтобы кое-как свести концы с концами, — ответил Майчэнь, — а книги читаю, чтобы стать богатым и знатным. Одно не мешает другому. Пусть себе смеются.

— Если бы тебе суждено было стать богатым и знатным, ты не продавал бы сейчас хворост, — заметила жена с усмешкой. — Еще никогда не случалось, чтобы продавец хвороста смог стать чиновником. Нечего говорить ерунду!

— Всею свое время: и богатству и нищете. Один гадатель предсказал мне, что в пятьдесят лет я непременно прославлюсь. Часто говорят: воду в море не измеришь — так и ты не можешь знать, что станет со мной в будущем.

— Твой гадатель решил, что имеет дело с блаженным, и все это просто выдумал, чтобы посмеяться над тобой. Нечего ему верить! В пятьдесят лет ты уже и хворост таскать не сможешь, не то что стать чиновником. К этому времени ты, вернее всего, помрешь с голоду, и вот, может быть, тогда властитель подземного царства *Яньло призовет тебя на службу, если в его дворце не хватит какого-либо судьи, чтобы судить грешников.

— Разве ты не знаешь, что *Люй Шану было восемьдесят лет и он все еще был рыбаком и удил рыбу в реке Вэй, когда князь Вэньван, увидев его, посадил в свою колесницу, привез во дворец и просил стать первым советником? А главный советник нынешней династии господин *Гунсунь Хун в пятьдесят девять лет еще пас свиней в Дунхае и только в шестьдесят лет повстречал нашего императора и тогда получил высокую должность и княжеский титул. Если я в пятьдесят лет стану известен, то хоть и уступлю по возрасту *Гань Ло, но все же прославлюсь более молодым, чем те двое. Так что тебе остается лишь терпеливо ждать.

— Нечего сравнивать себя с ними. Те оба, и рыбак и свинопас, были людьми талантливыми. А ты с твоими никому не нужными кни-

гами хоть до ста лет доживи, все равно останешься таким же просто-филей. Какая тебе польза от книг? Жалею теперь, что вышла за тебя замуж! Когда мальчишки поднимают тебя на смех, это ведь задевает и мое достоинство. Если не послушаешься меня и не бросишь своих книг, не стану больше жить с тобой. Пусть каждый идет своей дорогой, незачем быть друг другу помехой.

— Мне теперь сорок три, через семь лет будет пятьдесят. Позади уже больше, чем осталось: ждать недолго. Если ты поддашься своему легкомыслию и бросишь меня, позже непременно раскаешься.

— В чем? Мало, что ли, на свете разносчиков хвороста! Если буду еще семь лет ждать, то сама сдохну где-нибудь от голода. Отпусти меня и дай мне возможность спокойно дожить оставшиеся мне годы.

— Ну что ж, ладно! — сказал со вздохом Майчэнь, видя, что жена твердо решила его бросить и что он не сможет ее удержать. — Желаю лишь, чтоб твой новый муж был лучше меня!

— Какой ни есть, а будет получше! — бросила она на прощание, отвесив мужу два низких поклона. Очень довольная, она покинула дом и ушла, ни разу даже не оглянувшись.

Майчэнь долго грустил и написал по этому поводу на стене стихи:

*Пошла за пса — иди за псом,
пошла за петуха — иди за петухом.
Жена оставила меня,
не я жену свою покинул.*

Майчэню исполнилось пятьдесят лет как раз в то время, когда ханьский император *У-ди издал указ, в котором призывал ко двору всех ученых и мудрых людей. Майчэнь поехал в столицу, где подал прошение на высочайшее имя. *Янь Чжу, один из земляков Майчэня, рекомендовал его императору как талантливого человека. Узнав, что Майчэнь родом из Гуйцзи и, следовательно, сумеет понять запросы и нужды местного населения, император назначил его начальником этой области.

Получив приказ, Майчэнь тотчас отправился на место назначения. Прослышав о готовящемся приезде нового начальника области, местное начальство срочно послало людей чинить дорогу. Среди дорожных рабочих был и новый муж жены Майчэня, а рядом стояла она сама, полуразутая, взлохмаченная. Она только что принесла мужу еду. Когда пышный поезд нового начальника области поравнялся с ними, женщина украдкой взглянула на человека, сидящего в паланкине, и сразу узнала Майчэня. Майчэнь заметил ее, узнал в ней свою бывшую жену и приказал слуге позвать ее и посадить в одну из последних повозок своего поезда. Когда они прибыли в управление, бесконечно пристыженная женщина, низко опустив голову, стала просить у мужа прощения. Майчэнь попросил привести ее второго мужа.

Тот явился, стал отбивать земные поклоны, не смея поднять головы и взглянуть на своего правителя.

— Непохоже что-то, чтобы этот человек был лучше меня! — громко рассмеявшись, сказал Майчэнь.

Женщина снова стала низко кланяться и молить о прощении. Она говорила, что ненавидит себя за то, что у нее раньше не было глаз, что она всю жизнь готова служить Майчэню.

Тогда Майчэнь приказал принести ведро воды и, выплеснув воду на ступеньки, сказал:

— Если эту воду можно было бы вновь собрать, то и ты могла бы стать моей женой. Но я не забыл о твоих добрых супружеских чувствах ко мне в дни нашей молодости. Даю тебе и твоему мужу кусок земли в моей усадьбе. Будете обрабатывать эту землю — она вас прокормит.

Когда жена Майчэня вместе со своим новым мужем выходила из здания управления, все указывали на нее пальцем:

— Это бывшая жена нашего нового правителя!

Сгорая от стыда, она пробралась к реке и утопилась.

Есть стихи, которые можно привести в подтверждение этой истории:

**Простая прачка, много ль понимает,
но не дала ученому погибнуть.
А вот жена Майчэня так жестока,
что бросила достойного супруга.
Известно уж давно, что воедино
собрать нельзя расплесканную воду.
Пускай бы прежде мужу не мешала,
чем каяться потом в своем поступке!*

И еще есть стихи, в которых говорится о том, что люди всегда стремились к богатству и бежали от бедности, так что не с одной женой Майчэня случилось подобное:

*О людях судят по тому,
чего они достигли в жизни,
И многие ль в сплошной грязи
*дракона распознать сумеют?!
Чему дивиться, если та
вперед смотреть не научилась, —
Таких ведь, как жена *Фуцзи, —
на белом свете редко встретишь.*

Рассказав историю о том, как жена бросила мужа, я предложу вам историю, повествующую о муже, который отказался от своей жены. Человек, о котором пойдет речь, так же, как жена Майчэня, хотел избежать бедности и в погоне за богатством пренебрег своим долгом, забыл об оказанной ему милости и в конце концов приобрел лишь славу бессердечного человека, которого все осуждали.

История эта переносит нас во времена династии *Сун, в годы правления *Шао-син, в округ *Линьань. Линьань в то время был многонаселенным столичным округом, и в нем всегда было немало нищих. Их главари назывались «туаньютоу», и все нищие отдавали им определенную часть ежедневного заработка. Туаньютоу был обязан кормить всю компанию в ненастные дни, когда нельзя было просить милостыню, он же заботился и об одежде нищих. Поэтому нищие, как рабы, безропотно подчинялись своему главарю, боясь чем-нибудь вызвать его гнев. Туаньютоу, которые, ничего не делая, всегда имели определенный доход, давали свои деньги нищим в долг под проценты, извлекая из этого немалую выгоду. Таким путем туаньютоу становились зажиточными людьми, если, конечно, не кутили и не проигрывались. Жили они в полном достатке и обычно никогда не думали о том, чтобы менять свою профессию. Единственное, что всегда смущало их, — это сама недобрая слава туаньютоу. Даже если туаньютоу бросал свое дело, приобретал поля и земли и скапливал состояние, которого хватало на несколько поколений его потомков, все равно в глазах других он по-прежнему был туаньютоу, главарем нищих, не шел в сравнение даже с любым простолюдином, и, где бы ни появлялся, никто не оказывал ему знаков внимания и уважения — такому оставалось лишь быть великим в своем доме при закрытых дверях.

Тем не менее, когда говорят о «людях уважаемых» и «людях низких», то к «низким» относят лишь девиц из публичных домов, актеров, домашних слуг-крепостных и прислужников казенных учреждений, но не нищих. У нищих только нет денег, а так сами они не запятнаны ни в чем. Возьмите, например, *У Цзысюя, который жил в эпоху *Чуньцю. Когда он бежал из родного удела в княжество У, ему приходилось играть на флейте и просить милостыню. Или, например, *Чжэн Юаньхэ, живший в эпоху *Тан. Ему пришлось нищенствовать и петь песни ради куска хлеба; но потом он стал знатным и богатым, укрывался роскошными шелковыми одеялами. Вот какие знаменитые люди встречались среди нищих! Поэтому-то хотя к нищим и относятся с пренебрежением, однако в один ряд с девицами из публичных домов, слугами-крепостными и прислужниками казенных учреждений их не ставят.

Но довольно праздных рассуждений, перейдем к нашему рассказу.

В городе *Ханчжоу одним из таких туаньютоу был некто по фамилии Цзинь, по имени Лаода. Почти десять поколений предков этого человека были такими же туаньютоу, каким был он сам. Лаода сумел скопить целое состояние; у него были великолепные дома, прекрасные поля и сады, никогда он не отказывал себе ни в еде, ни в одежде, его амбары стояли полные зерна, а кошелек всегда был туго набит деньгами. В доме было полно слуг и служанок, и хоть нельзя было назвать эту семью самой богатой, но во всяком случае в Ханчжоу она была одной из зажиточных.

Лаода был человеком твердой воли, стремившимся обрести приличное положение, поэтому обязанности туаньютоу он целиком пере-

дал своему родственнику Лайцзы, а сам жил на скопленные средства, так что уже никакого отношения к нищим не имел. И все-таки его по-прежнему называли позорной кличкой туаньютоу.

Ему шел шестой десяток, жена его умерла, сыновей не было, жила с ним единственная дочь — Юйну. Девушка выросла красавицей.

*Пред красотой ее, подобной чистой *яшме,
цветы стыдятся за свою невзрачность;
Лишь нет на ней дворцового наряда,
чтоб быть второй *Чжан Лихуа.*

Для Лаода не было ничего дороже дочери. Когда Юйну была еще ребенком, он стал обучать ее чтению и письму, так что лет в пятнадцать она уже умела слагать стихи: возьмется, бывало, за кисть — и стихи готовы. Юйну, кроме того, была весьма искусна в рукоделии, умела играть на музыкальных инструментах и вообще, за что бы она ни взялась, все делала умело и хорошо.

Глядя на красоту и таланты своей дочери, Лаода решил, что выдаст ее замуж только за человека образованного, с чиновничьей степенью. Однако это было делом нелегким: несмотря на то, что таких женщин, как она, редко можно было найти даже в богатых и знатных семьях, никто не сватал Юйну — ведь она родилась в семье туаньютоу. Разрешить же дочери выйти замуж за человека без карьеры и будущего, за какого-нибудь торговца-дельца старик не хотел. Поэтому со сватовством ничего не выходило, и Юйну в восемнадцать лет еще не была замужем.

Как-то раз к Лаода зашел сосед и рассказал, что у моста Тайпинцяо живет некий *сюцай Мо Цзи, двадцати лет от роду, хорош собой, человек ученый и весьма талантливый; оставшись круглым сиротой, без всякого состояния, он в свое время не смог жениться. Теперь молодой человек выдержал экзамены, зачислен в *Тайсюэ и хотел бы жениться и жить в семье жены.

— Это как раз такой человек, о котором вы думали, — заметил сосед, — почему бы не предложить ему стать вашим зятем?

— А если бы я попросил вас похлопотать об этом деле? — спросил Лаода.

Сосед взялся все устроить. Он направился к мосту Тайпинцяо, разыскал молодого человека и объяснил ему цель своего прихода.

— Не буду скрывать от вас правды, — сказал он юноше, — предки этой семьи были туаньютоу, но сам Лаода уже давно этим делом не занимается. А дочь его — красавица. Да и семья эта богатая. Если вы не пренебрежете моим предложением, я согласен взять на себя устройство вашей свадьбы.

«Что же, — подумал про себя Мо Цзи, — теперь, когда я не могу сам себя обеспечить, взять к себе в дом жену я не в состоянии. Почему бы мне не пристроиться у них и не получить сразу и жену, и насущно необходимое? А что надо мной будут смеяться, так мне сейчас не до этого».

— То, что вы, почтенный, мне предложили, — ответил сюцай, — очень заманчиво. Но я человек бедный и не знаю, как мне быть со свадебными подарками.

— От вас мне нужно получить только согласие, все остальное — это уж мое дело, вам ни о чем не придется заботиться.

Итак, обе стороны пришли к соглашению. Был выбран *благоприятный для свадьбы день, к которому Лаода послал своему зятю новое платье. Сюцай переехал в дом тестя, где и состоялось торжество.

Когда Мо Цзи увидел, как красива и талантлива была Юйну, радости его не было предела: так, не потратив ни гроша, совсем даром, он получил красавицу-жену и был всегда сыт и прекрасно одет, — одним словом, все вышло как нельзя лучше.

Друзья Мо Цзи, зная, что он беден, отнеслись к нему очень снисходительно, и никто над его женитьбой не подтрунивал.

Прошел *месяц со дня свадьбы. Лаода решил устроить по этому поводу пир и велел Мо Цзи пригласить друзей, рассчитывая, что их посещение придаст его дому в глазах людей почет и уважение.

Вся компания пировала дней шесть подряд, и старику Лаода в голову не приходило, что это может взбесить его родственника — Цзинь Лайцзы. А Лайцзы тоже по-своему был прав: «Ты — туаньтоу, и я туаньтоу, — рассуждал он. — Разница между нами лишь та, что семья твоя дольше занималась этим делом, поэтому в руках у тебя оказалось больше денег. Ну, а что до нашей родословной, то мы одной и той же ветви, и, когда твоя дочь выходила замуж, тебе следовало бы пригласить меня на свадьбу. Но ты этого не сделал. Теперь у тебя опять праздник, ты приглашаешь людей, пир длится уже седьмой день, а мне ты даже и не подумал прислать приглашение. Твой зять — всего-навсего лишь сюцай, но будь он хоть первым министром или советником при дворе — так что же? Я, значит, больше не дядя племяннице своей, и нет мне места на конце какой-нибудь скамейки в твоём доме? До того не считаться с людьми!.. Ладно, я устрою тебе! Будет вам всем весело!»

Лайцзы тут же созвал больше полусотни нищих, и все они, во главе с ним самим, устремились к дому Лаода. Что это было за зрелище:

*Шляпы без дна — макушки наружу,
узлами затянуто рваное платье;
Куски обветшалой цинковки, одеяла в лохмотьях и дырах;
бамбуковые палки, разбитые миски;
«О благородные люди! О щедрые господа!» —
кричат перед домом, бранятся.
Играют со змеями, водят собак, с обезьянами возятся,
каждый искусство свое выставляет, орет как умеет.
Голосом страшным тянут развратные песни,
в такт ударяют в *пайбань, оглушая прохожих.*

*Кирпич истолкли в порошок и напудрились им,
страшно смотреть на их рожи.
Орава разнузданных бесов,
Чжун Куй бы не справился с ними!

Услышав доносившийся с улицы шум, Лаода пошел посмотреть, в чем дело, но, как только он открыл ворота, целая орава нищих, во главе с Лайцзы, с криком и шумом ворвалась в его дом. Лайцзы устремился прямо в зал к пирующим и, не обращая никакого внимания на гостей, принялся уплетать лучшие блюда и пить лучшие вина.

— А ну-ка, пусть племянница с мужем выйдут поклониться дядюшке! — кричал Лайцзы.

Испуганные гости сбежали все как один. Вместе со своими друзьями убежал из дому и Мо Цзи.

Лаода ничего не оставалось, как начать извиняться перед родственником:

— Сегодня гостей приглашал мой зять, я в этом не принимал участия. На днях же я сам устрою угощение и приглашу тебя.

Лаода наделил деньгами всех нищих, приказал вынести два жбана лучшего вина, кур, гусей и велел нищим отнести все это в дом Лайцзы, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Долго еще шумели непрошенные гости и разошлись, когда уже совсем стемнело.

Юйну, расстроенная, сидела у себя в комнате и горько плакала.

Эту ночь Мо Цзи провел у друзей и вернулся в дом тестя только на следующее утро. Лаода после вчерашнего скандала стыдно было смотреть зятю в глаза. Мо Цзи тоже было не по себе, но ни тот ни другой ничего друг другу не сказали. Вот уж поистине,

*Когда немой отведаст полыни вкус,
О горечи ее сказать не сможет людям.*

В страшной досаде на то, что такая нелестная слава тяготееет над их семьей, Юйну решила, что им нужно выбиться в люди, и потому уговаривала мужа целиком посвятить себя науке. Не считаясь с затратами, она покупала для него и современные и древние книги; не жалела денег на то, чтобы принимать в доме людей талантливых и образованных, устраивать поэтические вечера, где обсуждались классические книги; советовала Мо Цзи завязывать широкие знакомства, которые могут принести ему известность, и щедро давала ему на это деньги. Благодаря ее усилиям знания и слава Мо Цзи росли с каждым днем, и к двадцати трем годам он успел уже благополучно выдержать *оба экзамена и получить степень цзиньши.

После празднества в Академии Мо Цзи в черной шапке и парадном платье возвращался домой верхом на коне. Когда он проезжал по своей улице, люди, перегоняя друг друга, бежали взглянуть на нового цзиньши, и детишки, указывая на Мо Цзи пальцем, кричали:

— Зять Цзиня-туанью стал чиновником!

Мо Цзи слышал это, но устраивать сцену на улице было неудобно, и ему ничего не оставалось, как молча стерпеть обиду. При встрече с тестем Мо Цзи выполнил все полагающиеся церемонии, хотя в душе был зол на него и думал: «Если бы только я заранее предполагал, что буду богат и знатен! Ведь я мог бы стать зятем сановной особы или князя! Надо же было выбрать своим тестем туаньтоу! Позор на всю жизнь. Мои дети все равно будут внуками и внучками туаньтоу, и я стану посмешищем для людей. Но что поделаешь... С другой стороны, Юйну очень умна, заботлива, и нельзя обвинить ее ни в одном из *семи грехов, за которые принято выгонять жену. Правду говорят: коль трижды не обдумать свой поступок, когда-нибудь, но сожалеть придется».

От всех этих мыслей на душе у Мо Цзи было тяжело, нерадостно. Юйну не раз спрашивала мужа, что с ним происходит, но тот ничего не отвечал, и она так и не узнала причины его скорби.

Смешон этот Мо Цзи: теперь, добившись богатства и чина, он совсем забыл о временах бедности, о заслугах жены, которая помогла ему получить положение и снискать славу. В этом сказывается его непорядочность.

Через некоторое время Мо Цзи получил назначение на должность помощника правителя округа *Увэйцзюнь. Лаода в честь отъезжающих устроил прощальный пир. На этот раз ни один нищий не посмел явиться к нему в дом скандалить.

Округ Линьань был связан с Увэйцзюнь прямым водным путем, так что добраться туда было очень легко. Мо Цзи сел с женой на джонку и отправился к месту назначения. Через несколько дней они причалили к северному берегу реки *Цайши.

В ту ночь луна так ярко сияла, что кругом было светло, словно днем. Мо Цзи никак не мог заснуть; он встал, оделся и уселся на носу джонки, любуясь луной. Вокруг не было ни души. Мо Цзи снова вспомнил о том, что он зять туаньтоу, и опять ему стало тяжело и грустно.

Вдруг его осенила недобрая мысль: «Единственный выход, чтобы быть избавленным от позора на всю жизнь, — это смерть жены и женитьба на другой». Коварный план созрел в его голове: он подошел к каюте и позвал Юйну, приглашая ее выйти на палубу полюбоваться прекрасной луной. Юйну уже спала, и Мо Цзи разбудил ее без труда.

Не смея ослушаться мужа, Юйну набросила на себя платье и вышла на палубу. Не успела она поднять голову и посмотреть на луну, как муж вдруг схватил ее, потянул на нос джонки и сбросил в воду. Затем он разбудил лодочников и приказал им тотчас же отчаливать, пообещав щедро наградить. Ничего не подозревая, те взяли за багры и отчалили. Только в десяти *ли от места происшествия, когда джонка снова причалила к берегу, Мо Цзи сказал, что его жена вышла на палубу полюбоваться луной и упала в воду, что он спасал ее, но спасти не удалось. Затем он достал три *лана серебра и дал их лодочникам на вино. Они догадывались, в чем дело, но никто из них не осмелился рта раскрыть. А сопровождавшие Юйну молодые глупые

служанки поверили, что их хозяйка случайно упала в воду и утонула, поплакали, и этим все кончилось.

*Лишь только потому, что туаньтоу
была плохой, позорной кличкой,
Избавиться решил он от супруги,
добившись славы и успеха.
Но мужа и жену связало небо,
и эту связь никто не разорвет.
Напрасны будут все его попытки, —
неверным мужем только прослывет.*

Но какие только не бывают в жизни случайности!

Пока Мо Цзи, покинувший место преступления, ехал своим путем дальше, к северному берегу Цайши причалила джонка, в которой ехал инспектор области *Хуайси по перевозке продовольствия, некий Сюй Дэхоу. Так же как Мо Цзи, Сюй Дэхоу впервые получил назначение на должность. Джонка его остановилась на том самом месте, где Мо Цзи бросил в воду Юйну.

Сюй Дэхоу, несмотря на позднее время, не собирался спать — он сидел с женой перед раскрытым окном, любовался луной и пил вино. Вдруг он услышал, что на берегу кто-то плачет. По голосу он понял, что это женщина. Она так жалобно рыдала, что Сюй Дэхоу приказал лодочникам пойти посмотреть, в чем дело.

На берегу действительно совсем одна сидела какая-то женщина и горько плакала. Сюй Дэхоу приказал привести ее на джонку.

После расспросов выяснилось, что это Юйну, жена помощника правителя округа Увэйцзюнь.

Очутившись в воде, Юйну безумно испугалась и решила, что ей пришел конец, но вдруг почувствовала, что ее несет к берегу. Когда она выкарабкалась и посмотрела на реку, то увидела лишь бесконечную гладь воды, джонки не было и следа. Только тогда Юйну поняла, что, став знатным, ее муж забыл о том времени, когда он был беден, и решил утопить ее, чтобы найти себе подходящую пару.

И вот теперь она не удержалась и подробно, с начала до конца, поведала господину Сюю все как было. Рассказав свою историю, Юйну так разрыдалась, что растрогала до слез господина Сюя и его жену.

— Не надо так убиваться! — уговаривали Юйну ее спасители. — Если хочешь, будь нашей приемной дочерью, а там подумаем как быть.

Юйну с благодарностью низко поклонилась им. Господин Сюй попросил жену принести Юйну сухое платье, устроить ее в отдельной каюте и уложить спать. Всей мужской и женской прислуге приказали называть Юйну «молодой барышней», а лодочникам велено было помалкивать об этом происшествии.

Через несколько дней они достигли Хуайси, где господин Сюй приступил к своим служебным обязанностям.

Округ Увэйцзюнь, куда получил назначение Мо Цзи, находился в подчинении области Хуайси, так что господин Сюй оказался непо-

средственным начальником Мо Цзи, и последний по долгу службы представился начальнику.

Познакомившись с Мо Цзи, господин Сюй подумал про себя: «Жаль! Такой видный и красивый человек, а пошел на такой подлый поступок!»

Прошло несколько месяцев. Как-то раз господин Сюй обратился к своим подчиненным:

— У меня есть дочь, довольно способная и недурна собой; она уже в таком возрасте, что ей пора, как говорится, закалывать прическу. Я хотел бы подобрать себе хорошего зятя. Нет ли у вас, почтеннейшие, на примете такого человека?

Чиновники, зная, что помощник правителя округа Увэйцзюнь — молодой вдовец, в один голос стали рекомендовать Мо Цзи как человека необычайно талантливого и вполне заслуживающего того, чтобы на нем остановить выбор.

— Я уже давно думал о нем, — ответил им господин Сюй, — но человек этот таким молодым получил степень, что, наверное, лелеет большие надежды на свое будущее и, может быть, не захочет войти в мою семью.

— Мо Цзи родом из бедной семьи, — возразили ему на это чиновники, — и ему стать вашим родственником все равно, что простому тростнику опереться на редкое, ценное дерево. Может ли он желать для себя большего счастья? Конечно, он не упустит возможности породниться с вами.

— Если вы думаете, что это возможно, потолкуйте с ним и разузнайте его намерения. Только не говорите от моего имени. Пусть считает, что это исходит от вас, так будет лучше.

Чиновники не замедлили сообщить Мо Цзи, что собираются его сосватать. Мо Цзи очень обрадовался: он только и мечтал о том, чтобы вступить в выгодный брак, и женитьба на дочери начальника была именно той самой желанной возможностью.

— Если вы только устроите это дело, — заявил он чиновникам, — не премину *отблагодарить, как говорится, «с кольцом во рту» или «с лассо из травы».

— Ладно, ладно, — перебили его те и поспешили с ответом к господину Сюю. Но услышали от него вот что:

— Хоть помощник правителя округа Увэйцзюнь и удостоил меня своим согласием, но дело в том, что я и моя жена очень любим свою дочь, и она у нас выросла очень избалованной и капризной. Жаль нам расстаться с ней, к тому же Мо Цзи слишком молод, и я боюсь, что он будет требователен и не очень уступчив. А если между супругами начнутся ссоры, это огорчит и меня и жену. Надо предупредить об этом Мо Цзи. Если он сможет обходиться мягко с моей дочерью, во всем проявлять уступчивость и терпение, тогда я решусь принять его в свой дом.

Люди снова пошли к молодому человеку и передали ему предостережение будущего тестя. Мо Цзи был на все согласен.

Как не похоже было его нынешнее сватовство на первое, когда он был еще сюцаем: теперь он послал в качестве свадебных подарков, как полагается, шелк, золотые цветы и прочее. Когда был выбран наконец благоприятный день для свадьбы, Мо Цзи от радости не знал, куда себя деть, так ему не терпелось поскорее стать зятем инспектора по перевозке продовольствия.

По просьбе мужа госпожа Сюй начала переговоры с Юйну.

— Мой муж очень жалеет, что ты так долго ведешь одинокую жизнь, и собирается тебя вторично выдать замуж за молодого цзиньши. Мне кажется, что тебе не следует отказываться.

— Правда, я из простой семьи, но я знаю правила поведения, — ответила ей на это Юйну, — и если я связала свою судьбу с господином Мо, то должна остаться ему верна до конца своих дней. Пусть господин Мо и пренебрег мной, простой женщиной, пусть поступил жестоко, но я не могу согласиться вновь выйти замуж и тем самым нарушить долг замужней женщины.

Сказав это, она горько заплакала.

Увидев, что Юйну говорит от души и что решение ее непоколебимо, госпожа Сюй призналась:

— Цзиньши, которого мы прочим тебе в мужья, это и есть Мо Цзи. Господин Сюй возмущен его бессердечным поведением и хочет, чтобы вы с ним снова соединились. Муж мой сказал своим подчиненным, что у него есть дочь, что он хотел бы найти себе хорошего зятя, и попросил их поговорить об этом с Мо Цзи. Тот очень охотно дал свое согласие. Сегодня вечером он вступает в наш дом. Как только он войдет в брачную комнату, поведи себя соответствующим образом, и это будет возмездием ему за причиненную тебе обиду.

Когда Юйну поняла, в чем дело, она вытерла слезы, покрыла лицо пудрой и стала, как подобает невесте, наряжаться к свадебному обряду.

Вечером помощник правителя округа в парадной чиновничьей одежде, с красной парчовой перевязью через плечо, с золотыми цветами, воткнутыми в шляпу, сел на великолепного коня с резным седлом и в сопровождении чиновников отправился в дом невесты.

Впереди процессии шли два ряда барабанщиков. Кто бы мог удержаться от возгласов восхищения при виде этого пышного шествия! Поистине,

*Под музыку и грохот барабанов
на белой лошади подъехал к дому зять.
Он так красив, изыскан и изящен —
действительно, на удивленье всем.
С великой радостью сменил он туаньтоу
на тестя, что и знатен и богат.
А то, что на реке Цайши случилось,
не счел он важным, чтобы горевать.*

В этот вечер в гостиной инспектора по перевозке продовольствия были разостланы войлочные ковры, развешаны свадебные укра-

шения. В ожидании приезда жениха в доме громко трубили фанфары, гремели барабаны. Когда Мо Цзи подъехал к дому невесты и сошел с коня, господин Сюй встретил его в парадной одежде. Чиновники, сопровождавшие жениха, удалились, а Мо Цзи прошел прямо в дом.

Вскоре в сопровождении двух служанок появилась невеста. Лицо ее было закрыто красным покрывалом. Ведающий церемонией возвестил о начале обряда. Молодые люди поклонились небу и земле, свершили земной поклон господину и госпоже Сюй и наконец поклонились друг другу.

Когда церемония была закончена, молодых проводили в брачную комнату. Радость Мо Цзи не поддавалась описанию, он чувствовал себя на девятом небе. В брачную комнату Мо Цзи вошел бодро, с высоко поднятой головой. Но едва он перешагнул через порог, как вдруг из-за дверей выбежали служанки с палками в руках и набросились на него. С него сбили парадную шапку, удары градом сыпались ему на плечи, на спину, его били по голове, били так, что молодой человек вопил не своим голосом. Не зная, куда деваться, он весь съежился, присел и стал звать на помощь тестя и тещу.

И вдруг из глубины комнаты раздался нежный мягкий голос:

— Не бейте больше этого бездушного молодого человека. Пусть подойдет ко мне.

Служанки перестали бить Мо Цзи и, схватив его за уши и за руки, поволокли к своей госпоже. Мо Цзи в это время напоминал будду Амитабу, над которым измывались *шесть злодеев.

— В чем моя вина?! — кричал Мо Цзи, но когда поднял глаза и при свете ярко горящих свечей увидел, что спокойно сидящая перед ним женщина не кто иная, как его прежняя жена Юйну, он от страха чуть не лишился рассудка.

— Нечистая сила! Нечистая сила! — завопил он к общему удовольствию окружающих.

В это время в комнату вошел господин Сюй.

— Не пугайтесь, дорогой зять! — обратился он к Мо Цзи. — Это не нечистая сила, а моя приемная дочь, которую я подобрал на берегу реки Цайши.

Только теперь Мо Цзи пришел в себя. Он тут же стал перед тестем на колени, сложил в мольбе руки на груди и произнес:

— Я признаю себя виновным. Надеюсь, что господин простит меня.

— Все это меня не касается. Лишь бы дочь моя не возражала.

— Бессердечный и негодяй! — набросилась на него Юйну. — Забыл слова *Сун Хуна: «Тех, с кем в бедности дружил, не забывают; ту, с кем отруби делил, не выгоняют»? Ведь пришел в нашу семью с пустыми руками, и, если бы не наши деньги, не быть тебе ученым, не добиться славы, не стать тем, чем ты стал. Я-то надеялась, что разделю почет и славу вместе с мужем. А ты забыл о добром отношении к тебе, изменил долгу, не посчитался с супружеской любовью. Бросив меня в реку, ты отплатил мне злом за добро. Хорошо еще, что небо надо мной сжалилось... Встретились благородные люди, которые спасли меня и удочерили, иначе погибнуть бы мне в утробе рыбы...

Как ты только мог поступить так жестоко! Какими глазами будешь теперь смотреть на меня?!

При этих словах Юйну разрыдалась; но и плача, она не переставала бранить мужа.

Мо Цзи, на лице которого были написаны стыд и раскаяние, стоял на коленях и, отбивая поклоны, молча молил о пощаде. Решив, что с зятя довольно, господин Сюй поднял Мо Цзи и стал уговаривать Юйну:

— Дочь моя, прости его. Сегодня мой зять признал свою вину и раскаялся, надеюсь, больше он не посмеет тебя обижать. Хотя прежде вы уже были мужем и женой, считайте, что вы новобрачные. Прошу, уважьте меня и забудьте все старое!

— Вы сами виноваты во всем, — продолжал Сюй, обращаясь к зятю, — так что не сетуйте ни на кого за то, что вам пришлось в эту ночь претерпеть. А сейчас я позову свою жену, чтобы она поговорила с дочерью.

Господин Сюй вышел из комнаты. Вскоре пришла госпожа Сюй, которой долго пришлось убеждать и уговаривать Юйну, чтобы та наконец помирилась с мужем.

На следующий день господин Сюй устроил пир в честь своего зятя.

— Женщина дважды не получает свадебных подарков, — заметил господин Сюй, возвращая зятю все его дары. — Вам уже однажды пришлось делать подношения семье Цзинь, и я не посмею принимать от вас ничего.

Мо Цзи стоял, опустив голову, и молчал, а господин Сюй продолжал:

— Вас раньше так смущало низкое происхождение вашего тестя, что вы из-за этого бросили свою жену и преступили законы нравственности. Я же, ваш новый тесть, всего-навсего инспектор по перевозке продовольствия. Боюсь, что эта должность может показаться вам слишком ничтожной и брак с моей дочерью тоже вас не устроит.

Мо Цзи побагровел. Ему ничего не оставалось, как еще раз просить прощения.

В стихах говорится так:

*Всем сердцем только и мечтал
с семьею знатной породниться.
Не знал, что новая невеста
его же прежняя жена.
Был посрамлен он и избит,
и от стыда лицо горело.
Спроси, чего ж добился он?
лишь тестя нового, и только.*

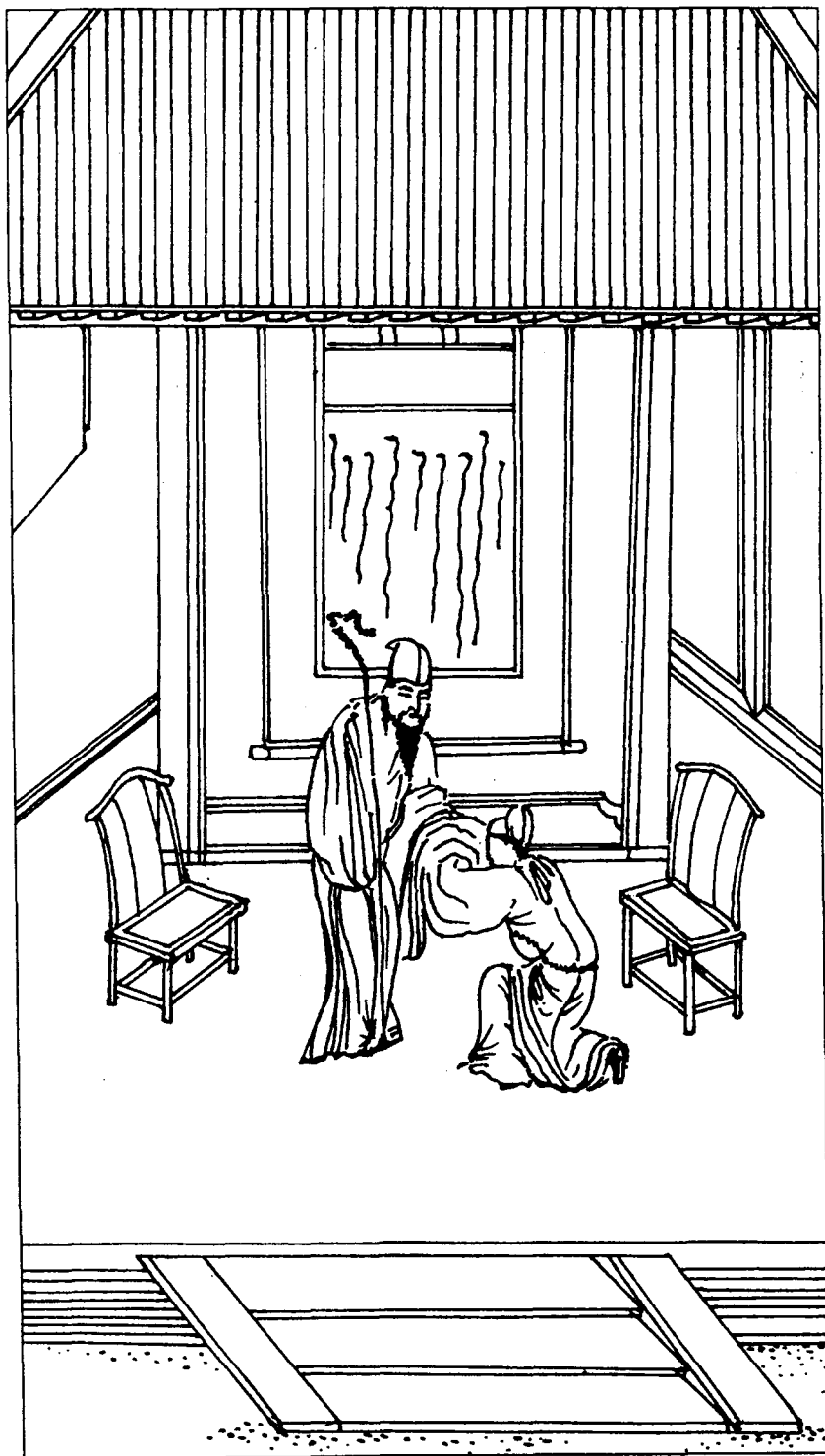
С этих пор Мо Цзи и его жена жили в таком мире и согласии, какого раньше не знали. Супруги Сюй относились к Юйну, как к родной дочери, а к Мо Цзи — как к зятю. Юйну любила господина и госпожу Сюй, как отца и мать.

Тронутый добротой окружающих, Мо Цзи сам стал другим человеком. Он забрал к себе в дом туанью Лаода и заботился о нем до последних дней его жизни. Когда господин Сюй и его жена умерли, Юйну носила трехгодичный траур по своим благодетелям.

Скажу еще, что впоследствии между членами семей Сюй и Мо на протяжении веков были самые дружеские и братские отношения.

В стихах говорится:

*Сун Хун остался верен долгу —
прослыл в народе благородным;
*Хуан Юня, что жену оставил,
неверным мужем нарекли.
Взгляните на Мо Цзи: женат был,
а вновь посвататься задумал.
Но брак — предначертанье неба,
и лишь утруждал он зря себя.*

6. ШЭНЬ СЯОСЯ ДОВЕЛОСЬ ВНОВЬ УВИДЕТЬ ДОКЛАДЫ ЧЖУТЭ ЛЯНА

*Как-то в своем кабинете,
рассказы читая наших времен и былых,
На неслыханный случай наткнулся,
меня он задел за живое:
Верный долгу и службе сановник
министру коварному в руки попался.
Оклеветан, загублен герой,
и слезы я лил, скорбя и горюя о нем.
Но нет,
не бросайте казенной печати,
Нет, не бросайте
чиновный убор головной:
Мрак ночи не вечен,
всему свое время приходит,
И небо еще различает,
кто подл, кто честен.*

Мой рассказ начну с того, что во времена *нашей династии, в годы *Цзя-цзин, на троне восседал мудрый император, ветры и дожди были благосклонны, страна процветала, и народ жил мирно. Но случилось так, что к правлению по недосмотру был допущен коварный царедворец — в результате порядок правления оказался вдруг нарушенным, при дворе воцарился хаос, и положение стало столь опасным, что вся страна чуть не оказалась ввергнутой в смуту. Кто же он, этот коварный царедворец? Это был человек по фамилии Янь, по имени Сун, по *литературному прозвищу Цзеси, уроженец уезда Фэньи провинции Цзянси. Наладив прежде всего отношения с евнухами, человек этот лестью и предупредительностью, усердным отправлением *даосских обрядов и соблюдением постов, а также умелым составлением поминальных молитв, которые подносил императору, заслужил расположение императора, быстро выдвинулся и достиг знатности. Держал он себя чинно и сдержанно, но за благоденственной видимостью скрывалась коварная и жестокая натура. Оклеветав и погубив первого министра Ся Яня, Янь Сун занял его пост и обрел такое влияние и силу, что его сторони-

лись и боялись не только придворные, но и те, кто не служил при дворе. Его сын, Янь Шифань, из *гуаньшэна прямым путем выдвинулся на пост помощника начальника Палаты работ. Своей жестокостью сын превосходил отца, но был он человеком не без способностей, обладал широкими познаниями и прекрасной памятью, отличался расчетливостью и сообразительностью. Поэтому Янь Сун охотно прислушивался к мнению сына, во всех трудных и важных делах всегда советовался с ним, и при дворе их так и называли «большой канцлер» и «малый канцлер». Отец и сын творили зло, находя друг в друге поддержку, прибирали к рукам власть, продавали должности и чины. Честолюбивому чиновнику стоило лишь поднести им крупную взятку, попроситься в приемные сыновья и ученики, чтобы тут же получить повышение и важную должность. Не удивительно, что мелких и подлых людишек возле них всегда было полным-полно, а во всех ведомствах и учреждениях сидели их ставленники и верные слуги. Ну а тех, кто был настроен против них, неизбежно настигала беда: чуть что не так — били и ссылали, а допусти они посерьезней проступок — просто казнили, пощады не было никому. Выступить и сказать правдивое слово решались только люди, готовые во имя справедливости пожертвовать собственной жизнью; и если только человек не был настоящим *Гуань Лунпаном или подлинным *Би Ганем, чрезвычайно преданным императору и отчизне, то он предпочитал смотреть, как дела правления идут прахом, лишь бы не навлечь на себя самого гнев первого министра. В связи со всем этим один безымянный поэт тех времен перефразировал известные детские стихи:

*Усердно с детства ты учишь,
Познанием в жизни утвердишь.
Полно ведь знатных при дворе,
И, как один, учены все, —*

в следующие строки:

*Усердно в детстве не учишь,
Деньгами в жизни утвердишь.
Поможет грозный Янь тому,
Кто больше денег даст ему.*

А стихи:

*Императору дороги умные люди,
И познания пост тебе важный дадут.
Любое другое занятие ничтожно,
Только ученье превыше всего!*

перефразировал так:

*Императору дороги подлые люди,
Слово честное скажешь — беду навлечешь,
Любое другое занятие ничтожно,
Низкопоклонство превыше всего!*

Янь Сун и Янь Шифань, пользуясь расположением императора, так притесняли народ, что злодеяния их громоздились горами, и все же нашелся тогда один верноподданный, совершивший нечто такое, что словно громом потрясло мир. Человек этот погиб, но имя его прославилось в веках.

Поистине,

*Когда в семье почтительные дети,
родители довольны и счастливы;
Когда у власти преданные люди,
в стране повсюду мир и процветанье.*

Фамилия того человека была Шэнь, имя — Лянь, литературный псевдоним — Цзинся. Он был уроженец Шаосина, что в провинции Чжэцзян. Талантливый, хорошо знающий литературу, канонические книги и апокрифы, знакомый и с военным искусством, он весь отдался служению государству и народу. *Шэнь Лянь с юных лет преклонялся перед *Чжугэ Ляном. Особенно любил он два его доклада, написанные перед выступлениями в походы. Доклады эти он постоянно читал вслух, сотни раз переписывал и расклеивал их всюду у себя дома. Всякий раз, выпив вина, он громко читал их наизусть и, дойдя до слов: «И служению стране отдам все силы до последнего вздоха», сокрушался и плакал. Из-за этого стали поговаривать о нем, как о ненормальном.

В семнадцатом году Цзя-цин после столичных экзаменов Шэнь Лянь получил степень *цзиньши и был назначен на должность начальника уезда. В трех уездах — *Лиань, *Чипин и *Цинфэн — довелось ему служить начальником, и во всех трех он так хорошо вел дела, что, действительно:

*Чинуши мелкие блюли законы,
Начальники искать не смели взятки,
Задиры-богачи вобрали когти,
Простой народ ночами спал спокойно.*

Но так как Шэнь Лянь был человеком твердым, прямым и не желал угодничать перед начальством, то был понижен по службе: его перевели в столицу на должность секретаря начальника личной охраны императора. Как только он оказался в столице, он сразу понял, какие дела творят Янь Сун и Янь Шифань, и душа его переполнилась гневом.

Однажды Шэнь Лянь присутствовал на большом официальном пиршестве. Заносчивость Янь Шифаня, его надменная манера держать себя привели Шэнь Ляня в крайнее раздражение. Янь Шифань вел себя разнузданно, орал, будто рядом никого не было; затем потребовал, чтобы подали кубок, заставлял каждого пить, а того, кто до дна его не осушит, угрожал наказать. Кубок был огромный — больше чем на десять *лянов; однако, страшась гнева Янь Шифаня, никто не смел от него отказаться. Среди гостей был некий цензор Ма, который вообще не мог пить. Зная это, Янь Шифань умышленно велел поднес-

ти ему кубок. Цензор еще и еще раз просил пощадить его, но Янь Шифань не желал ничего слушать. Цензору волей-неволей пришлось пригубить, но и от одного глотка он покраснел, лицо исказила гримаса страдания. Видя, что цензор не пьет, Янь Шифань встал, подошел к нему, взял кубок и, схватив гостя за ухо, начал насильно вливать ему вино в рот. Бедняге ничего не оставалось, как подавить в себе возмущение и обиду и через силу пить большими глотками. Когда он выпил все до дна, ему показалось, что земля и небо перевернулись, стены заходили ходуном; голова отяжелела, и он не смог удержаться на ногах. Глядя на цензора, Янь Шифань хохотал и хлопал в ладоши от удовольствия.

Шэнь Лянь вскипел. Подвернув рукава, он схватил кубок, наполнил его доверху и подошел к Янь Шифаню.

— Вы удостоили цензора Ма кубком вина, но он уже пьян и не может ответить вам на любезность любезностью. Позвольте мне вместо него поднести вам, — сказал он, протягивая кубок Янь Шифаню.

Ошеломленный, Янь Шифань хотел было отстранить кубок, но увидел угрожающее выражение лица Шэнь Ляня и услышал его жесткий, суровый голос:

— Если другие выпили, выпьешь и ты, и если другие боятся тебя, то я, Шэнь Лянь, тебя не боюсь!

И, схватив Янь Шифаня за ухо, он влил ему в глотку весь кубок. Затем, швырнув кубок на стол, он расхохотался и захолопал в ладоши. Напуганные до смерти присутствовавшие чиновники изменились в лице и застыли на месте. Потупив взгляд, они не решались проронить ни звука. Янь Шифань притворился пьяным, простился и уехал. Шэнь Лянь даже не поднялся с места проводить его, он вздыхал и несколько раз проскандировал: «Нет места под одним небом с ханьскими предателями». Янь Суна и Янь Шифаня он уподобил, таким образом, *Цао Цао с сыном. Все боялись, как бы эти слова не дошли до Янь Шифаня, и с затаенным страхом смотрели на Шэнь Ляня. Однако сам он, казалось, не придавал этому никакого значения. Чиновники выпили еще по несколько рюмок вина и, охмелев, разошлись.

На рассвете Шэнь Лянь проснулся с мыслью о Янь Шифане. «Эта скотина, конечно, не простит мне вчерашнего и наверняка найдет способ рассчитаться со мной, — думал он. — Ну что же, раз начал — доводи до конца; чем держать все это на сердце и мучить себя, уж лучше первому нанести удар. Я уже думал над тем, что злодеяния Янь Суна и его сына возмущают богов и гневают людей, но император доверяет им и милостив к ним, а мой чин мал, должность ничтожна, что бы я ни стал говорить, все будет бесполезно. Я, правда, собирался найти подходящий случай и тогда уже действовать, но теперь ждать не приходится. Пусть я буду *Чжан Лянем, покушавшимся в Боланша на Цинь Шихуана, пусть даже и не уничтожу этих злодеев, но зато это послужит хорошим примером для других». Шэнь Лянь тут же стал обдумывать свой доклад императору и к утру уже ясно представлял себе все, что напишет.

Он поднялся, возжег курения, омыл руки и начал писать. В докладе он подробно рассказал о том, как Янь Сун и Янь Шифань захватили в руки власть и брали взятки; описывая их злодеяния и преступления, говорил о том, что они обманывали государя и ввергли страну в беду, — словом, обвинял их в крупных преступлениях против страны, в обмане государя и просил казнить их на благо всей Поднебесной. В ответ последовал императорский указ. Он гласил:

За оскорбление высших сановников, нанесенное с целью обретения славы для себя и упрочения собственного положения, приказываю охране дать Шэнь Ляню сто палок, лишить его чина, низвести в простолюдины и сослать на север.

Янь Шифань послал человека в охрану предупредить, чтобы Шэнь Ляня засекали до смерти. К счастью, начальник охраны Лу Бин был человеком самостоятельным; он преклонялся перед твердостью и честностью Шэнь Ляня, который к тому же был его подчиненным, и отношения между ними были всегда дружелюбными. Поэтому он приложил все усилия, чтобы выручить Шэнь Ляня: устроил так, что ему хоть и дали сто палок, но били не сильно, не самым концом палки, в результате Шэнь Лянь не очень пострадал. Палата налогов и учета населения внесла Шэнь Ляня в список простых жителей округа *Баоань, и он с еще не зажившими от побоев ранами в тот же день собрал свои пожитки, нанял повозку и вместе с женой и детьми выехал из столицы и отправился в Баоань. При нем находились три сына: средние сыновья Гунь и Бао, которые жили с отцом в столице и там учились, а также младший сын — Чжи, которому исполнился только год. Старший его сын Сян, по литературному прозвищу Сяося, был *сюцаем на стипендии и жил на родине в Шаосине. И вот все впятером — отец, мать, урожденная Сюй, и трое сыновей — двинулись в путь. Ни один человек из придворных гражданских или военных чинов не пришел провожать Шэнь Ляня, боясь, как бы об этом не узнали Янь Сун и Янь Шифань. Вот уж действительно, как говорится по этому поводу в стихах:

*Докладом своим гнев великий навлек
полновластных людей при дворе,
И теперь без друзей, без напутственных слов
отправляется в дальний он край.
Его проводить не решился никто,
всемогущих разгневать страхась;
Никто на прощание слез не пролил,
не цеплялся никто за седло.*

Само собой разумеется, что в пути им пришлось претерпеть немало трудностей. Но вот наконец они добрались до Баоани. Баоань относился тогда к пограничному военному округу Сюаньфу и был захолустьем, которое не шло, конечно, ни в какое сравнение с оживленными и богатыми городами центра страны. Чужая сторона наводила на Шэнь Ляня тоску, к тому же который день подряд лил дождь, и

от этого все вокруг казалось еще мрачнее и печальнее. Шэнь Лянь собирался снять у кого-нибудь дом, но здесь у него не было знакомых, которые могли бы посоветовать, к кому с этим следует обратиться. И вот, когда он раздумывал над тем, как ему быть и где найти пристанище, он заметил, что к ним приближается какой-то человек с зонтом в руках. При виде стоявшей возле дороги телеги с пожитками человек остановился. Взглянув на самого Шэнь Ляня и обратив внимание на его благородную внешность, он подумал немного и спросил:

— Позвольте узнать, кто вы и откуда?

— Моя фамилия Шэнь. Приехал сюда из столицы.

— Я слышал, что в столице нашелся некий секретарь Шэнь, который подал доклад императору и потребовал казни Янь Суна и Янь Шифаня. Не вы ли и есть тот самый господин Шэнь?

— Да, это именно я.

— Я всегда восхищался вами и счастлив, что мне довелось встретить вас, — сказал незнакомец. — Но здесь не место для разговоров. Я живу недалеко отсюда, прошу вас вместе с семьей передохнуть пока у меня, а потом уже решите, как быть.

Предлагалось это от всей души, с полной благожелательностью, и Шэнь Лянь согласился. Идти пришлось немного, и вскоре они подошли к дому, который хоть и не был особняком знатного человека, но выглядел чисто и опрятно. Хозяин провел Шэнь Ляня в гостиную и, опустившись перед ним на колени, стал отбивать поклоны. Шэнь Лянь поспешил ответить ему на приветствие и спросил:

— Кто вы? И чем я обязан такому доброму отношению ко мне?

— Фамилия моя Цзя, имя Ши. Я служил в личной охране командующего местным гарнизоном. Брат мой служил в местном гарнизоне в чине *цзяньху. Недавно брат умер, а так как детей у него нет, то должность эта должна была перейти ко мне. Но сейчас, когда делами страны вершат Янь Сун и его сын, все, кто хотят наследовать должность, обязаны давать огромные взятки, поэтому я отказался служить. По наследству мне досталось несколько *му земли, и я живу теперь тем, что занимаюсь земледелием. Недавно я узнал, что вы подали жалобу на Янь Суна и Янь Шифаня, обвинив их в государственных преступлениях, — на такое может решиться только рыцарь справедливости и долга. Слышал я также, что вас ссылают сюда, и жаждал повидать вас. Небу было угодно, чтобы я встретил вас, и я почитаю это для себя великим счастьем.

С последними словами хозяин снова распростерся в земном поклоне. Шэнь Лянь поднял его и велел сыновьям приветствовать гостеприимного хозяина. Цзя Ши попросил жену провести жену Шэнь Ляня во внутренние покои, где она могла бы отдохнуть. Когда с повозки была снята поклажа и отпустили погонщиков, Цзя Ши распорядился заколоть барана и приготовить вина, чтобы попотчевать гостей.

— Льет дождь, куда вы пойдете в такую погоду! — сказал Цзя Ши и тут же предложил Шэнь Ляню: — Оставайтесь лучше пока у меня, выпейте спокойно чарку-другую, чтобы немного прийти в себя после тяжелого пути.

— Встретились мы случайно, и я просто не смею злоупотреблять вашим гостеприимством, — ответил на это Шэнь Лянь.

— Ну что вы! Только не сочтите за пренебрежение — пища у нас тут в захолустье грубая.

Гость и хозяин подносили друг другу вино, говорили о событиях, которые всех волновали. В их взглядах, высказываниях и чувствах было много общего, и они сожалели о том, что не довелось им встретиться раньше.

На следующий же день утром Шэнь Лянь обратился к Цзя Ши:

— Я хотел бы снять дом и пристроить семью. Буду просить вас помочь мне в этом.

— Какой дом вы хотели бы?

— Таким, как, например, ваш, я был бы вполне доволен. Ну а в смысле цены, это уж всецело на ваше усмотрение.

— Это пустяки, — ответил Цзя Ши.

Цзя Ши ушел и довольно скоро вернулся.

— Домов сдается много, — сказал он, — но все они низкие и внутри не очень опрятные. Сразу что-нибудь подходящее трудно найти. Лучше уж вам пожить некоторое время у меня, а я с семьей устроюсь пока в доме тестя. Когда вы вернетесь в столицу, я перееду к себе. Так, по-моему, вам будет удобнее. Как вы находите?

— Вы очень добры. Но занять ваш собственный дом — это невозможно.

— Я, конечно, простой крестьянин, — отвечал Цзя Ши, — но все-таки кое в чем разбираюсь. Я преклонялся перед вами как перед благородным и смелым человеком, мечтал служить вам, но это были только мечты. А нынче, когда благоволением неба мне представилась такая возможность, я охотно уступлю вам на время мою хижину. Этим я хоть как-то выражу свое уважение к достойному человеку. Так что, прошу, не отказывайтесь, пожалуйста.

И Цзя Ши тут же отдал соответствующие распоряжения. Выкатили тележку, вывели лошадь, осла, вынесли из дома пожитки Цзя Ши и увезли. Всю обстановку и утварь Цзя Ши оставил гостю. Шэнь Лянь, тронутый его великодушием, решил с ним побрататься.

— Не посмею, — ответил Цзя Ши. — Вы — благородный славянин, а я — простой крестьянин.

— Для настоящих людей, близких по характеру и по духу, может ли быть различие в происхождении! — возразил Шэнь Лянь.

Цзя Ши был моложе Шэнь Ляня на пять лет и стал называть его старшим братом. Шэнь Лянь велел обоим сыновьям поклониться Цзя Ши как названому дяде. Цзя Ши позвал жену, и все приветствовали друг друга, как положено между своими, членами одной семьи.

Позавтракав вместе с Шэнь Лянем, Цзя Ши с женой уехал к тестю. С тех пор Шэнь Лянь стал жить в его доме. Некто из их современников, восхищенный поступком Цзя Ши, написал следующие стихи:

*При встрече случайной был полон
душевных, искренних чувств*

*И, другу свой дом предоставив,
дружбу свою доказал.
А мало ль на свете найдется
и близких друзей, и родных,
Что спорят, враждуют до смерти,
чтоб лишний кусок отхватить?!*

Когда старые и почтенные люди в Баоани узнали, что Шэнь Лянь подал императору доклад, в котором изобличал министра Янь Суна и его сына, и теперь сослан сюда за это, все они прониклись к нему уважением — каждый приходил с поклоном, каждый хотел с ним познакомиться. Некоторые, желая помочь Шэнь Ляню, привозили с собой дрова и рис; другие просто приносили вино и яства, чтобы угостить его; третьи присылали к нему своих сыновей и братьев, чтобы те учились у него и служили ему как учителю.

Каждый день Шэнь Лянь беседовал с местными жителями о преданности стране и о сыновнем почтении, рассказывал о благородных и преданных людях древности. Когда он говорил о чьей-нибудь трагической судьбе, у него порою волосы становились дыбом от гнева и он с криком возмущения ударял кулаком по столу или же, тяжело вздыхая, запевал печальную песню и ронял слезы. И мал и стар — все любили послушать его. Бывало, когда он ругал Янь Суна и Янь Шифаня, люди в один голос вторили ему, а если кто при этом помалкивал, на такого все с негодованием обрушивались и кляли за отсутствие в нем справедливости и преданности. Постоянное общение с Шэнь Лянем вошло у людей в привычку, и когда они узнали, что их друг и в военном искусстве мастер, стали звать его с собой стрелять из лука. Шэнь Лянь велел сделать три соломенных чучела и обтянуть их материей; на одном он написал: «Танский предатель *Ли Линьфу», на другом: «Сунский предатель *Цинь Куай», на третьем: «Минский предатель Янь Сун», и чучела эти стали для них мишенью. Стреляя в Ли Линьфу, Цинь Куая или Янь Суна, Шэнь Лянь громко кричал: «Предатель, получай стрелу!»

Северяне — люди прямые и бесхитростные. Когда они с таким увлечением и азартом занимались стрельбой, которую придумал Шэнь Лянь, им, конечно, и в голову не приходило, что все это может дойти до Янь Суна и Янь Шифаня. Издревле говорят: если хочешь, чтобы не знали о твоих поступках, не совершай их. А надо сказать, что больше всего осведомителей и доносчиков как раз у людей власть имущих, так что о проделках Шэнь Ляня уже успели сообщить Янь Суну и Янь Шифаню. Те пришли в ярость и, посоветовавшись, решили ждать, когда найдется предлог убить Шэнь Ляня и таким образом избавиться от него.

Случилось так, что как раз в то время в пограничных военных округах Сюаньфу и Датун оказалась свободной должность генерал-губернатора. Янь Сун распорядился, чтобы Палата чинов отдала эту должность своему человеку и послала бы туда его ученика и приемного сына Ян Шуня. В соответствии с этим Палата и предоставила должность генерал-губернатора округа Сюаньфу чиновнику из личной охраны императора — Ян Шуню. Перед тем как отправиться на место

новой службы, Ян Шунь нанес визит Яням. Янь Шифань потчевал его на прощание. За столом, предварительно удалив всех, он поговорил с Ян Шунем, поручил ему следить за Шэнь Лянем и найти повод для обвинения его в каком-нибудь преступлении. Ян Шунь пообещал это сделать и, почтительно поддакивая, откланялся. Вот уж поистине,

*Отрава готова —
только вина не хватает;
Меч уже отлит —
руку поднять остается.
Жаль благородного,
сердцем бесстрашного Шэня —
По чучелам он
никчемной стрельбе предается.*

Вскоре после того как Ян Шунь прибыл на место назначения, вождь датунских татар Алтан-хан напал на китайские посты, захватил одну за другой более сорока крепостей в Инчжоу и увел в плен множество жителей. Ян Шунь не решился выставить солдат, чтобы прийти населению на помощь. Он дождался, пока вражеские отряды ушли, и только тогда послал свои войска, под видом, что осуществляет план преследования отступающего неприятеля. Солдаты Ян Шуня били в гонги и барабаны, размахивали флагами, стреляли из пушек. Но это была простая комедия — татар уже давно и след простыл! Понимая, что нужный момент упущен, и боясь, как бы не пришлось быть за это в ответе, Ян Шунь тайком приказал своим военачальникам хватать простых крестьян, бежавших от татар, брить их наголо и отрубать им головы. Головы эти, выдав за головы убитых врагов, он как доказательство своих побед послал в Военную палату. Трудно счесть, сколько ни в чем не повинных людей было погублено в те дни.

Когда Шэнь Лянь узнал обо всем этом, он пришел в ярость, тут же написал письмо и попросил военного секретаря передать это письмо Ян Шуню. Тот знал Шэнь Ляня как отчаянного скандалиста, понимал, что в письме он может написать все что угодно, и не согласился взять на себя его поручение. Тогда Шэнь Лянь надел платье и шапку простолюдина, стал поджидать Ян Шуня возле входа в *ямэнь и, когда тот вышел, сам вручил ему письмо. Ян Шунь вскрыл письмо и стал читать. Говорилось в нем примерно следующее:

Личные заслуги и слава одного человека — дело ничтожное, а жизнь народа — дело великое. Как можно убивать простых людей для того лишь, чтобы заявить о своих несуществующих заслугах? Ведь татары только грабили людей и уводили их в плен, а наши войска убивали свой же народ. Таким образом, наши воеводы оказались более преступны и жестоки, чем сами татары.

К письму были приложены еще и стихи:

*Убивая людей, сообщал о победе —
на что же рассчитывал ты?*

*Почесть, награды снискать собирался
за тысячи сгнивших костей.
Прислушайся, в ратном что поле творится
в бурю, в ненастную ночь:
Там призраки бродят, крича и стеноя,
и ищут свои черепа!*

Ян Шунь прочитал письмо и, негодуя, разорвал его в клочки.

Затем Шэнь Лянь написал поминальное обращение и вместе со своими последователями и учениками приготовил жертвоприношения и принес жертву невинно погибшим. После этого он написал еще два стихотворения на тему «На границе». Первое гласило:

*Запад едва озарился кострами
враждебных татарских племен,
А в наших войсках боевой полководец
уже изнемог, истомлен.
Нет, не разит и не бьет воевода
лихих чужеземных вождей,
Кровью невинных людей обагрят
он саблю стальную свою.*

В другом говорилось:

*Они бежали от врагов,
чтоб жизнь свою спасти,
Но убежали от татар
и смерть свою нашли.
О, если б ведали они
грядущую судьбу!
Как сожалели бы тогда,
что не сдались врагам!*

У Ян Шуня был свой человек, некий Лу Кай. Он переписал стихи и поминальное обращение и тайком передал их Ян Шуню. Гневу Ян Шуня и ненависти его к Шэнь Ляню не было предела. Ян Шунь тут же изменил несколько слов в первом стихе, и получилось:

*Запад уже озарился кострами
враждебных татарских племен,
И в наших войсках боевой воевода
напрасно себя не щадит.
Лучше бы с помощью чужеземцев
предателей он покарал,
Кровью их грязной тогда не пришлось бы
владыке свой меч обагрять.*

Затем он написал письмо, вложил в него измененные стихи, и с письмом этим послал Лу Кая к Янь Шифаню. В письме говорилось, что Шэнь Лянь, ненавидя первого министра и его сына и намереваясь при случае отомстить Янь Шифаню, тайно собирает возле себя бесстрашных головорезов и удалцов, владеющих мечом; что при нашествии татар он сочинил стихи, в которых есть слова, призываю-

щие с помощью захватчиков уничтожить коварных предателей, которые стоят у власти, и что, мол, вообще в голове у него бунтарские мысли. Прочитав это письмо, Янь Шифань переполошился. Он тут же пригласил к себе одного из своих доверенных людей, цензора Лу Кая, и стал с ним советоваться.

— Если я буду назначен туда, — сказал Лу Кай, — то, конечно, сделаю для вас все, что нужно.

Янь Шифань был счастлив. Он тут же дал распоряжение Цензорату назначить Лу Кая инспектором в Сюаньфу и Датун.

Накануне отъезда Лу Кая Янь Шифань устроил прощальный пир.

— Передайте, пожалуйста, мои лучшие пожелания Ян Шуню, — говорил он Лу Каю. — Надеюсь, что вы будете действовать совместно с Ян Шунем, общими усилиями. И если вы избавите меня от этой язвы, которая меня гложет, я отблагодарю вас обоим пожалованием самых высоких титулов. Поверьте, от своего слова я не откажусь.

Лу Кай понимающе кивнул.

Прошел не один день, пока Лу Кай, получив высочайший приказ о назначении, направился в Сюаньфу. Там он встретился с Ян Шунем и подробно передал ему свой разговор с Янь Шифанем.

— Я день и ночь думаю о том же, не сплю, не ем, — заметил Ян Шунь, — но, к сожалению, не могу придумать ничего такого, что дало бы мне возможность покончить с этим человеком.

— Ну что ж, будем оба начеку. Мы не должны обмануть ожидания господина главного министра, да и не следует упускать случая выдвинуться самим.

— Вы правы, — согласился Ян Шунь. — Если только один из нас увидит возможность прибрать Шэнь Ляня к рукам, должен сразу же сообщить другому.

На этом они расстались. В ту ночь Ян Шунь не мог заснуть и все думал о том, что рассказал ему Лу Кай. Утром, когда он в ямэне начал присутствие, секретарь по военным делам доложил:

— В Вэйчжоу пойманы два бунтаря и нынче доставлены к нам. Каковы будут ваши указания?

— Приведите их, — распорядился Ян Шунь.

Вошел начальник конвоя, земно поклонился и подал Ян Шуню сопроводительную грамоту. Ян Шунь прочитал грамоту, и лицо его расплылось в улыбке. Оказалось, что оба арестованных — одного из них звали Янь Хао, другого — Ян Инькуй — были из шайки Сяо Циня, главаря секты *«Белого лотоса». В свое время Сяо Цинь постоянно ездил к татарам и там, воскуривая фимиам, дурачил народ; обманывал вождя татар Алтан-хана — говорил, что владеет магией, что может заклинаниями убить человека, одним волшебным словом сокрушить городскую стену. Хан был настолько глуп, что верил ему и пожаловал титул главного духовного наставника. У Сяо Циня было несколько сот человек, которые составили целый лагерь; когда Алтан-хан совершал набеги на китайскую землю, Сяо Цинь и его люди служили ему проводниками. Китай не раз страдал от них. В свое время предшественник Ян Шуня, господин Ши, направил своего толмача

с дорогими подношениями к одному из татарских вождей — Тата и велел передать тому следующее:

Поднебесная страна охотно согласилась бы установить с вами дружеские отношения, обменивать наши зерно и ткани на ваших коней и устроить то, что называется «конный рынок». Военные действия тогда были бы прекращены, обе стороны пребывали бы в благоденственном покое, и это было бы прекрасно. Но, вероятно, тому будет препятствовать Сяо Цинь, и мир между нами так и не установится. Сяо Цинь — подданный нашей страны; никакой магической силой он не обладает, он просто коварным обманом подстрекает вас к набегам, из которых извлекает пользу для себя самого. Если вы не верите моим словам, то попробуйте испытать его — обладает ли он тайной магического искусства. Если Сяо Цинь своими заклинаниями действительно сумеет разрушить городские стены и убить человека, тогда используйте его на ответственном посту, а не сумеет — значит, явно одурачивает вас. В таком случае вам следовало бы связать его и доставить в распоряжение нашего двора. Тронутая вашим добродетельным поступком, страна наша непременно щедро вознаградила бы вас; наладился бы «конный рынок», и вы из года в год получали бы несметную прибыль, — так куда выгоднее, чем заниматься рискованным грабежом.

«Что верно, то верно», — согласился Тата и доложил обо всем Алтан-хану. Алтан-хан был доволен таким предложением. Он встретился с Сяо Цинем и договорился, что тысячная конница будет сопровождать Сяо Циня через границу, где они подойдут с правого фланга к одной из китайских крепостей, и там Сяо Цинь должен будет показать свое искусство и заставить обрушиться городские стены. В страхе перед неминуемым разоблачением Сяо Цинь той же ночью переоделся и бежал. У заставы Цзююнгуань он был задержан и допрошен. Его сообщники — Цяо Юань, Чжан Паньлун и другие были также схвачены и доставлены к губернатору Ши. Они показали, что последователей этой секты много и что есть они и на юге, и на западе страны. С тех пор повсюду искали и арестовывали сообщников Сяо Циня. Янь Хао и Ян Инькуй, которых теперь схватили в Вэйчжоу, были известными людьми из этой шайки. Поэтому Ян Шунь и был так обрадован: прежде всего, то, что преступников задержали и препроводили сюда, зачтется ему, генерал-губернатору, в заслугу; кроме того, он сможет воспользоваться этим случаем, чтобы впутать в дело Шэнь Ляня и таким образом избавиться от него.

В тот же вечер Ян Шунь пригласил к себе Лу Кая и стал с ним советоваться.

— Другого такого предлога расправиться с Шэнь Лянем не будет, — говорил Ян Шунь. — Ничто так не претит императору, как связь секты «Белый лотос» с татарами. Мы заставим Янь Хао и Ян Инькуя показать на Шэнь Ляня, заставим их признаться, что они его последователи и ученики. Они покажут, что, недовольный и обижен-

ный потерей должности, Шэнь Лянь подстрекал их заниматься волшебством и связаться с татарами, дабы нанести поражение своей собственной стране. Затем мы доложим, что, к счастью, преступники схвачены, и выразим надежду, что ради уничтожения мятежа в самом зародыше император даст санкцию на их казнь. А до того мы тайно сообщим обо всем первому министру Яню. Пусть он прикажет Палате наказаний немедленно составить об этом доклад государю. Думаю, на этот раз Шэнь Ляню не вывернуться.

— Великолепно! Великолепно! — восклицал Лу Кай, хлопая в ладоши.

Они тут же обсудили, как составить доклады, и договорились направить их в столицу одновременно.

Когда Янь Сун получил оба доклада, он велел Янь Шифаню сказать слово начальнику Палаты наказаний. Сюй Лунь, начальник Палаты наказаний, был безвольным и бездарным стариком. Узнав, что полученное им распоряжение исходит от самого Янь Суна, он не посмел проявить нерадение и тотчас составил императору доклад в том духе, как того хотели Ян Шунь и Лу Кай. Вскоре последовал императорский указ, предписывающий местным властям немедленно казнить преступных шарлатанов. В связи с этим делом сыну Ян Шуня жаловалась должность цяньху в охранных войсках императора, а Лу Кай получал повышение на три ранга, и ему было обещано, что при первой вакансии его переведут на должность в столицу.

Но вернемся к нашему рассказу. Когда Ян Шунь отправил доклады, он послал людей тайно схватить Шэнь Ляня и бросил его в тюрьму. Жена Шэнь Ляня и оба сына переполошились, не зная, что предпринять. Братья решили немедленно посоветоваться с Цзя Ши.

— Наверняка эти негодяи Ян Шунь и Лу Кай задумали отомстить за Янь Суна, — высказал предположение Цзя Ши. — И раз уж отца вашего посадили в тюрьму, то, без сомнения, обвинят его в каком-нибудь тяжком преступлении. Советую вам без промедления бежать в дальние края и не объезжаться до тех пор, пока Янь Сун и Янь Шифань не потеряют свое могущество и влияние. Здесь Ян Шунь и Лу Кай, конечно, не оставят в покое и вас.

— Как можем мы уехать, не зная, что ждет отца? — сказал Шэнь Гунь.

— Ваш отец в руках врагов, он уже человек обреченный. А вы должны думать о сохранении рода, и сейчас ваша сыновняя почтительность ни к чему не приведет — погубите только самих себя и всех ваших родственников. Уговорите матушку как можно скорее уехать подальше от беды. Что касается вашего батюшки, то я сам попрошу людей о нем позаботиться, об этом можете не беспокоиться.

Братья передали разговор с Цзя Ши своей матери.

— Отец ваш безвинно попал в тюрьму, как же можем мы покинуть его и уехать? — говорила госпожа Сюй, жена Шэнь Ляня. — Дядюшка Цзя хоть и друг нам, но все-таки человек чужой, не родня. Я думаю, что, желая угодить Янь Суну, Ян Шунь и Лу Кай будут строить козни только против вашего отца и нас-то это вряд ли коснется. Если же, спасая себя, вы убежите, а отец здесь погибнет и да-

же останки его некому будет похоронить, тогда люди будут поминать вас недобрым словом и в веках за вами останется дурная слава непочтительных сыновей. Как тогда жить, как смотреть людям в глаза?

При последних словах она громко разрыдалась. Разрыдались с ней и сыновья.

Когда Цзя Ши сказали, что госпожа Сюй уезжать не соглашается, он только вздохнул и ушел. Несколько дней спустя Цзя Ши получил достоверные сведения о том, что Шэнь Ляня впутали в дело секты «Белый лотос» и приговорили к смерти.

В тюрьме Шэнь Лянь, не переставая, во весь голос ругал подлых душегубов. Ян Шунь, зная, что поступил бесчестно, и опасаясь, как бы Шэнь Лянь в момент казни не опозорил его перед всем народом своей бранью, приказал составить свидетельство, что узник заболел и скончался в тюрьме, а затем распорядился, чтобы Шэнь Ляня прикончили.

Обо всем этом Цзя Ши сообщил госпоже Сюй. Не приходится говорить о том, как горько плакали она и ее сыновья.

Благодаря доброму отношению знакомых и друзей, Цзя Ши удалось тайком выкупить труп Шэнь Ляня. Тюремщикам он при этом говорил:

— Если начальство потребует, чтобы ему отрубили голову, возьмете какой-нибудь другой труп, и все.

Ничего не сказав сыновьям Шэнь Ляня, Цзя Ши сам купил гроб и торжественно, с подобающими обрядами похоронил своего друга в пустынном месте. Лишь после похорон он сказал Шэнь Гуню и Шэнь Бао:

— Прах вашего отца я уберег, но могилу его укажу вам после того, как все уляжется. Пока надо это держать в тайне.

Братья еще и еще благодарили его, а Цзя Ши настойчиво уговаривал их покинуть эти места.

— Мы хорошо понимаем, что слишком долго занимаем ваш дом, и чувствуем себя очень неловко, — говорил Шэнь Гунь. — Но матушка хотела бы здесь дожидаться того дня, когда выяснится невинность отца, чтобы отвезти гроб на родину. Поэтому мы и медлим.

Цзя Ши рассердился.

— Всю свою жизнь, думая о людях, я был им верен до конца, — отвечал Цзя Ши. — И если сейчас я советую вам уезжать, то только потому, что беспокоюсь за вас, а вовсе не из-за того, что вы здесь долго живете и что я хочу поскорей от вас избавиться. Но раз ваша матушка уже приняла решение, я не смею настаивать. Что касается меня, то я должен по одному делу уехать далеко отсюда и вернуться не раньше, чем через полтора года, так что вы можете оставаться здесь, но только будьте осторожны.

И тут взгляд его остановился на двух докладах Чжугэ Ляна, переписанных собственноручно Шэнь Лянем и наклеенных на стене.

— Хотел бы, чтобы вы сняли эти доклады и подарили их мне, — попросил Цзя Ши. — Они у меня будут с собой как память о вас, а потом, когда доведется встретиться, сможем по ним узнать друг друга.

Шэнь Гунь снял со стены оба доклада, свернул их и обеими руками поднес Цзя Ши. Тот *спрятал свертки в рукав и, роняя слезы, простился.

Цзя Ши прекрасно понимал, что Ян Шунь и Лу Кай со своими злодейскими планами не ограничатся убийством Шэнь Ляня. Не сомневаясь в том, что и его как близкого друга Шэнь Ляня не оставят в покое и привлекут к ответу, Цзя Ши решил заблаговременно бежать и пожить некоторое время у своих родственников в Хэнани.

Когда в связи с докладом Палаты наказаний пришел императорский указ, цензор Лу Кай тут же распорядился казнить двух схваченных бандитов, а также отрубить голову Шэнь Ляню и выставить ее напоказ вместе с головами обоих преступников. Но, как известно, Цзя Ши успел уже выкупить труп Шэнь Ляня, и никто из начальственных лиц, разумеется, не обнаружил, что труп подменили.

Теперь дальше. Ян Шунь, недовольный тем, что обещанные награды свелись всего лишь к пожалованию должности его сыну, как-то сказал Лу Каю:

— В свое время Янь Шифань обещал нам, что, когда дело будет сделано, он отблагодарит нас высокими титулами. Интересно, почему же он не сдержал своего слова?

— Шэнь Лянь был заклятым врагом семьи Яней, — подумав немного, отвечал Лу Кай. — А мы казнили только его самого и до сих пор ничего не сделали с его сыновьями. Трава срезана, но не вырван корень, значит, он может снова пустить ростки. Наверно, господин министр остался недоволен нашим решением. Думаю, что дело именно в этом.

— Если так, — сказал Ян Шунь, — то нет ничего проще. Мы нынче же подадим доклад и укажем, что хотя Шэнь Лянь и казнен, но сыновей его, которые должны были знать обо всем, тоже следует привлечь к ответственности и имущество их должно быть конфисковано: пусть, мол, люди помнят, что закон распространяется на всех, пусть убоятся закона. Затем мы разузнаем, кто те головорезы, которые вместе с ним стреляли в чучела, и кто предоставил ему свой дом. Всех схватим и привлечем к ответу. Тем самым мы до конца отмстим за обиду, нанесенную Янь Суну и Янь Шифаню, и уж тогда будем просить обещанной награды. Думаю, что в этом случае у них уже не будет предлога нам отказать.

— Великолепно придумано! — сказал Лу Кай. — Не будем терять времени. Пока его семья здесь, мы можем схватить всех их сразу. Только бы его сыновья не пронюхали об этом и не удрали, тогда хлопот не оберешься!

— Вы совершенно правы, — согласился Ян Шунь.

И они тут же послали доклад императору и письмо Янь Суну, в котором выразили ему свою почтительность и преданность. Одновременно они дали распоряжение начальнику округа Баоань следить за семьей преступника, чтобы ни один из этой семьи не скрылся, поскольку сразу же по получении указа, говорили они, все родственники Шэнь Ляня должны быть арестованы. Как говорится в стихах:

*Редко бывает, чтоб яйца
уцелели в гнезде разоренном;
С корнем обычно
траву из земли вырывают.
Достойный безвинно казнен,
злодеям этого мало:
Хотят всю семью погубить,
угождая власть предрежащим.*

Через несколько дней пришел императорский указ, и местные власти арестовали родственников Шэнь Ляня. Одновременно были наведены справки о друзьях и знакомых Шэнь Ляня, и все они тоже были арестованы. Не удалось схватить одного лишь Цзя Ши, который успел своевременно покинуть город, так что местному начальству пришлось сообщить о нем высшим властям как о бежавшем преступнике. Отсюда видно, как Цзя Ши умел все мудро предвидеть. Один из современников написал стихотворение, восхваляющее Цзя Ши:

*В благородстве и дружбе
кто мог бы сравниться с Цзя Ши,
К тому ж дальновиден —
он заранее скрыться решил.
Коварные сети
врагами расставлены всюду,
Но умная птица
вспорхнула и вольно парит в небесах.*

Арестованных Шэнь Гуня и Шэнь Бао Ян Шунь допрашивал лично, добиваясь от них признания в связях с татарами и нужных ему показаний. Но братья только громко кричали, моля о справедливости. И, разумеется, никак не могли они признаться в том, чего не было. Тогда Ян Шунь приказал их пытать, и братьев так избили, что на теле у них не оставалось живого места. Шэнь Гунь и Шэнь Бао не выдержали пыток и умерли под палками. Не прискорбно ли — молодые люди, сыновья уважаемого человека, и так вот безвинно погибли!

Всех остальных, арестованных по этому делу, обвинили в соучастии, и погублен был не один десяток душ.

Младшего сына Шэнь Ляня, как совсем малолетнего, не привлекли к делу. Ему с матерью было запрещено оставаться в Баоани, и их выслали в далекие края, в Юньчжоу.

После всего этого Лу Кай стал советоваться с Ян Шунем, как им поступить с Шэнь Сяося, старшим сыном Шэнь Ляня.

— Он ведь известный сюцай в Шаосине, — говорил Лу Кай. — Придет время, он приобретет положение и, уж конечно, затаит злобу против нас. Лучше и его заодно убрать — по крайней мере, предотвратим неприятности; к тому же и господин министр увидит, как мы для него стараемся.

Ян Шунь с ним согласился. Тут же он написал отношение властям провинции Чжэцзян, согласно которому важного государственного преступника Шэнь Сяося должны были под строгим надзором доставить в Баоань на допрос. Затем Ян Шунь велел своему доверен-

ному секретарю Цзинь Шао подобрать толковых служителей и послать их с этим отношением в Чжэцзян. Цзинь Шао должен был наказать служителям, чтобы, конвоируя Сяося, они улучили подходящий момент и убили его. Там же им надлежало раздобыть свидетельство о его смерти по болезни и с этим документом вернуться обратно. Ян Шунь заверил, что, когда дело будет сделано, он щедро наградит служителей, а самого Цзинь Шао обещал представить к повышению.

Получив приказ, Цзинь Шао усердно взялся за дело. Выбрав двух опытных служителей ямэня — Чжан Цяня и Ли Ваня, он пригласил их к себе домой, угостил и под конец протянул им двадцать *ланов серебром из своих собственных денег.

— Как посмеем незаслуженно брать от вас подарок? — говорили Чжан Цянь и Ли Вань.

— Это не мой подарок, — отвечал Цзинь Шао. — Это дарит вам губернатор, господин Ян Шунь. Он хочет, чтобы вы отправились с отношением в Чжэцзян и там приняли под конвой Шэнь Сяося. Но в пути не спускайте с него глаз...

Тут Цзинь Шао сказал им, что и как они должны сделать, и добавил:

— Когда вернетесь, будете щедро награждены еще. Ну а если оплошаете... Наш губернатор, господин Ян Шунь, шутить не любит, и отвечать перед ним придется вам самим.

— Незачем говорить о распоряжении губернатора — для нас достаточно вашего слова, чтобы мы не осмелились ослушаться, — в один голос заявили Чжан Цянь и Ли Вань, взяли деньги и, поблагодарив Цзинь Шао, отправились в ямэнь за документом. Без промедления они собрались и отправились в путь на юг.

Как уже говорилось, Сяося числился скупаем на стипендии и жил дома, на родине, в Шаосине. Сяося очень беспокоился за отца — до него давно уже дошли слухи о том, что его отец своим докладом навлек на себя немилость, лишен чина и должности и сослан на север. Сяося собирался поехать в Баоань проведать отца, но оставить дом и хозяйство было не на кого, и он все никак не мог решиться уехать. И вот вдруг ни с того ни с сего в какой-то день к нему явились служители из местного ямэня и, не желая ничего слушать, скрутили его и потащили в ямэнь.

Правитель области дал Сяося прочитать бумагу, согласно которой Сяося подлежал аресту, отдал Чжан Цяню и Ли Ваню ответ на отношение и наказал служителям, чтобы те в пути внимательно следили за конвоируемым.

Только теперь Сяося узнал, что отец и оба брата погибли, а мать сослана на далекую окраину. Громко рыдая, он вышел из ямэня и тут увидел, что возле ворот стоят и плачут все его домашние. Оказывается, в отношении из Баоани было сказано, что по приказу свыше имущество семьи Шэнь конфискуется, и правитель области уже успел послать людей, которые опечатали дом и всех его обитателей выгнали на улицу. Убитый горем, Сяося так плакал, что потерял голос и едва переводил дыхание. Тем временем к ямэню стали подходить родственники Сяося, чтобы проститься с ним. Все понимали, что

ждать добра или надеяться на счастливый случай ему не приходится, и все же, как водится, успокаивали и утешали его.

Тесть Сяося — Мэн Чуньюань — вынул слиток серебра, поднес его Чжан Цяню и Ли Ваню и просил их в пути позаботиться о его зяте. Тем показалось этого мало, и они взяли подарок лишь тогда, когда жена Сяося, госпожа Мэн, добавила пару золотых приколок для волос.

Роняя слезы, Сяося говорил жене:

— Я вряд ли вернусь, но ты не печалься обо мне, считай, что я погиб, и живи у родителей. Ты порядочная женщина из хорошей, образованной семьи, поэтому вторично замуж, вероятно, не пойдешь, и в этом отношении душа моя может быть спокойна. А вот она, — продолжал Сяося, указывая на свою *вторую жену, Шунюй, — она еще молода, и деваться ей некуда. Ей бы следовало выйти замуж вторично, но мне уже тридцать, у нас с тобой нет детей, а она на третьем месяце. Если у нее родится сын, он продолжит наш род, и будет кому приносить жертвы на домашнем алтаре. Поэтому прошу тебя из уважения к нашей прошлой совместной жизни: возьми ее с собой к твоим родителям, и пусть она пока поживет с вами. А когда родит, будет то мальчик или девочка, тогда уж отпустите ее, куда хотите...

Но не успел он договорить, как его перебила Шунюй.

— Ну что вы?! — воскликнула она. — Вы отправляетесь за тысячи *ли, как можем мы отпустить вас без близкого и родного человека, который ухаживал бы за вами? Пусть старшая госпожа переберется к родителям, а я согласна сопровождать вас, как бы ни было трудно в пути. Тогда и вам будет не так тоскливо, и старшая госпожа меньше будет тревожиться за вас.

— Конечно, я хотел бы, чтобы кто-нибудь из родных был со мной, — ответил Сяося. — Но путешествие мое скорее всего кончится плохо. Зачем же тебе-то вместе со мной погибать на чужой стороне?!

— Ваш батюшка служил при дворе и жил в столице, а вы всегда жили в Шаосине, об этом знают все, — говорила Шунюй. — Пусть вашего батюшку оклеветали, что он в чем-то повинен, но вы-то были здесь, так далеко от него... О каком же соучастии может быть речь? Я пойду с вами, буду где надо говорить в вашу защиту и уверена, что к смертной казни вас не приговорят. А если попадете в тюрьму, то я-то буду там на свободе и смогу позаботиться о вас.

Госпоже Мэн тоже не хотелось, чтобы муж отправлялся один, доводы Шунюй казались ей справедливыми, и она стала уговаривать мужа взять Шунюй с собой. Сяося всегда любил Шунюй за ум, за сообразительность, а тут еще старшая жена уговаривала его, и он в конце концов согласился.

Вся семья направилась к Мэн Чуньюаню, где они и переночевали. Утром Чжан Цянь и Ли Вань пришли за Сяося и стали торопить его в путь. Шунюй надела платье из простой грубой материи, повязала черным платком голову, простилась со всеми и, перекинув за спину узел, двинулась следом за Сяося.

О том, как горька была минута расставания с родными, излишне говорить.

В пути Шунюй ни на шаг не отходила от мужа и сама подавала ему еду и питье. Поначалу Чжан Цянь и Ли Вань по-хорошему разговаривали с Сяося и его женой, но после того как переправились через реку Янцзы и от Сюйчжоу двинулись дальше по суше, конвоиры решили, что теперь родина Сяося уже далеко позади, и начали держать себя вызывающе: покрикивали, ругались, словом, стали обращаться с Сяося и Шунюй все хуже и хуже.

Шунюй, женщина проникательная, шепнула однажды мужу:

— Что-то недоброе на уме у этих двоих. Я женщина и мало что понимаю, но, во всяком случае, если впереди будут попадаться безлюдные, пустынные места, то вы должны быть настороже.

Сяося утвердительно кивнул, но в душе не очень-то ей поверил. Прошли они еще несколько дней, и Сяося обратил внимание на то, что конвоиры то и дело о чем-то шепчутся, секретничают, и, наконец, когда он заметил, что в узле у одного из них сверкнул большой японский нож, сердце у него заколотилось и им овладел страх.

— Ты говорила, что у этих людей недоброе на уме, — сказал он жене. — Теперь и я в этом почти убежден. Завтра мы вступаем в пределы области *Цзинин; как только пройдем Цзинин, сразу начнутся горы Тайхан и Ляншань, идти нам придется по пустынным местам, в которых полно разбойников. Если конвоиры вздумают совершить свое злое дело в тех краях, то ни тебе меня, ни мне тебя не спасти... Что делать?

— Раз так, — сказала Шунюй, — если только сумеете бежать, бегите. А я останусь. Съесть-то они меня не съедят.

— В самом городе Цзинине, возле Восточных ворот, стоит дом начальника канцелярии, некоего Фэна. Сейчас он в трауре и потому живет здесь, на родине. Это в высшей степени благородный, справедливый и смелый человек. Он однокашник и близкий друг моего отца, и если завтра в Цзинине я сумею сбежать от конвоиров и явлюсь к нему, он, безусловно, укроет меня. Но тебе, женщине, вряд ли справиться с Ли Ванем и Чжан Цянем. За мое исчезновение придется отвечать тебе, и это меня беспокоит. Если чувствуешь, что справишься с ними, я убегу, а нет — вместе жили, вместе и умирать будем. Значит, такова воля неба, и роптать я не буду.

— Сумеете бежать — бегите, — сказала Шунюй. — А я справлюсь, не беспокойтесь.

Супруги перешептывались и переговаривались, благо конвоиры, утомленные за день, изрядно выпили и спали, громко похрапывая.

На следующий день рано утром они снова двинулись в путь.

— Сколько осталось до Цзинина? — спросил Сяося Чжан Цяня.

— Всего сорок ли. К полудню там уже будем.

— В Цзинине, возле Восточных ворот, живет начальник канцелярии Фэн, — сказал Сяося. — Он учился вместе с моим отцом и в свое время, когда они оба жили в столице, занял у отца двести ланов серебром, его расписка у меня сохранилась. Недавно Фэн служил начальником таможни в Вэйсиньгуани, так что сейчас у него, конеч-

но, есть деньги, и, если я пойду просить у него старый долг, он, несомненно, вернет его человеку в беде. Лишние деньги пригодятся нам в пути, по крайней мере будем чувствовать себя свободнее.

Чжан Цянь, казалось, колебался, но Ли Вань шепнул ему:

— По-моему, он человек честный, к тому же его жена и вещи — все останется с нами. Думаю, что ничего плохого не случится. Пусть идет. Принесет деньги: считай, нам с тобой повезет. Что тут думать?

— Так-то оно так, — отвечал Чжан Цянь, — но все же давай сначала остановимся в гостинице, устроимся, я останусь в гостинице караулить его жену, а ты пойдешь с ним. Так будет вернее.

Без лишних слов скажем, что задолго до полудня они уже подошли к Цзинину. Недалеко от города они присмотрели опрятную гостиницу, и, когда разместили свои пожитки, Сяося обратился к конвоирам:

— Ну что ж, кто из вас, любезные, пройдетя со мной до Восточных ворот? Отправимся сейчас, а пообедать успеем, когда вернемся.

— Я пойду, — сказал Ли Вань. — А насчет обеда — кто знает, может быть, там еще и угостят.

Шунью умышленно стала отговаривать мужа:

— Не зря говорят: человека встречают по положению. Хоть господин Фэн и должен вашему батюшке, но вряд ли он пожелает вернуть долг, когда узнает, что батюшки вашего уже нет в живых, а вы сами в такой вот беде, — только зря окажетесь в неловком положении. Лучше уж пообедать и скорей отправляться дальше.

— Мы уже в городе, и отсюда до Восточных ворот недалеко. Хорошо ли, плохо ли получится, но от того, что пройдусь немного, ничего не потеряю, — возразил Сяося.

Ли Вань, который только и думал о том, как бы заполучить эти двести ланов, настоятельно уговаривал Сяося пойти.

— Ты уж наберись терпения и подожди, — сказал Сяося жене. — Если вернемся быстро, значит, дело гиблое, а если примет похорошему, пригласит обедать, значит, разумеется, отдаст деньги. Тогда завтра мы сможем нанять для тебя паланкин, а то ты все эти дни ехала на осле, и я вижу, как тебе это с непривычки тяжело.

— Ну что же, — проговорила Шунью, многозначительно глядя на мужа. — Только побыстрее возвращайтесь. Не заставляйте меня долго ждать.

— Да надолго ли он отлучается, чтобы столько об этом говорить! — рассмеялся Ли Вань. — Ну и зануда же ты! — бросил он ей на ходу и следом за Сяося направился к выходу. Но тут Шунью умышленно задержала его:

— Если господин Фэн оставит мужа обедать и муж мой засидится, очень прошу вас, поторопите его.

— Ну конечно! — ответил Ли Вань.

Конвоир еще только спускался с крыльца, а Сяося был уже на улице и ушел далеко вперед. Ли Вань вообще довольно беспечно относился к своим служебным обязанностям; кроме того, ему часто случалось бывать в Цзинине, он хорошо знал город, знал он и дом

начальника канцелярии Фэна у Восточных ворот, так что это обстоятельство совсем его не встревожило. Пройдя немного, он почувствовал, что у него схватило живот, завернул в уборную и, облегчившись, не спеша направился к Восточным воротам.

Когда Сяоя обернулся и обнаружил, что Ли Ваня не видно, он бросился бежать, бежал, не переводя дыхания, и вскоре оказался около дома Фэна. Видимо, ему суждено было спастись, потому что Фэн в это время оказался у себя и сидел один в гостиной. Тот помнил своего старого знакомого по столице и был поражен столь неожиданным появлением гостя. Сяоя даже должным образом не приветствовал Фэна.

— Разрешите поговорить с вами наедине, — торопливо промолвил он, схватив Фэна за рукав.

Тот уже догадался, что его гостю не до приветствий, и повел Сяоя в кабинет. Здесь Сяоя громко разрыдался.

— Говори скорей, в чем дело! — сказал ему Фэн. — Не плачь и не теряй времени зря, если дело не терпит.

— Думаю, что мне уже незачем рассказывать вам о том, как злодейски расправился с отцом Янь Шифань, — плача, говорил Сяоя. — Обоих братьев, которые были при батюшке, до смерти забили Ян Шунь и Лу Кай. Уцелел один я, и то потому, что жил дома, на родине. А теперь пришла бумага и меня потребовали в Баоань к ответу. Словом, погибать нам всем до последнего. У двух конвоиров, сопровождающих меня, на уме недоброе. Вероятно, эти люди действуют по приказу Ян Шуня и Лу Кая, и, когда мы окажемся где-нибудь в горах Тайхан или Ляншань — а до них уже рукой подать, — они потихоньку меня прикончат. Я решил бежать, и вот я у вас. Если сумеете спрятать меня, душа моего загубленного отца будет с благодарностью вспоминать вас на небе. Если вы не сможете этого сделать, то я тут же размозжу себе голову о ступени. Умереть здесь, подле вас, лучше, нежели погибнуть от рук предателей.

— Успокойся, прошу тебя, — тут же прервал его Фэн. — За моей спальней есть помещение с двойными стенами, где можно спрятаться — там-то уж никто никогда не найдет. Сейчас я тебя туда проведу, поживешь там несколько дней, а дальше я знаю, как быть.

— Вы мне второй отец! — воскликнул Сяоя, кланяясь и благодаря Фэна.

Фэн взял Сяоя за руку и повел его в помещение, прилегавшее к спальне. Там он приподнял половицу, под которой открылся проход. Спустившись вниз по этому проходу, они прошли шагов шестьдесят и увидели свет: перед ними были три комнаты, устроенные в двойных стенах самого здания. Это было место, куда действительно не мог проникнуть никто из посторонних.

Ежедневно сам Фэн приносил туда своему гостю чай и еду. Домашние порядки у него были строги, и никто не смел проговориться, что у них скрывается беглец. Вот уж действительно,

*Горы высокие
барса укроют,*

*Ворон упрячется
в ивовых ветках.
Свора чиновников
так ли опасна,
Если находится
храбрый *Чжу Цзя.*

Но вернемся к Ли Ваню. Подойдя к дому Фэна, он спросил старого привратника:

— Ваш господин дома?

— Дома, — ответил тот.

— А не видели, не приходил к вашему хозяину господин в белом?

— Он как раз обедает в кабинете.

Услышав это, Ли Вань стал спокойно ждать. Было уже далеко за полдень, когда из гостиной вышел человек в белом. Ли Вань поспешил к нему навстречу, но увидел, что это не Сяоя. Человек в белом неторопливо вышел на улицу и пошел своей дорогой.

Ли Вань подождал еще. Его уже начало одолевать нетерпение и мучил голод.

— Как вы думаете, в чем дело? — обратился он опять к привратнику. — Почему это ваш гость так долго не выходит?

— Да ведь он недавно вышел, — ответил старик.

— А у вас есть еще кто-нибудь из гостей?

— Вот уж не знаю.

— А кто был этот в белом, который вышел от вас?

— Это шурин нашего хозяина. Он у нас часто бывает.

— А где же ваш хозяин сейчас?

— Хозяин после обеда всегда отдыхает.

Старик говорил совсем не то, что надеялся услышать Ли Вань, и беспокойство все сильнее и сильнее одолевало конвоира.

— По правде говоря, дядюшка, — сказал он привратнику, — я выполняю поручение генерал-губернатора военного округа Сюаньфу. Дело в том, что в Шаосине проживал молодой человек по фамилии Шэнь. Его зовут Сян, а прозвище его — Сяоя. Это важный преступник, и арестован он по приказу свыше. Мне поручено доставить его в наш округ. И вот когда мы добрались до вашего города, он заявил, что хочет навестить вашего хозяина, с которым якобы вместе учился его отец. Я проводил его сюда, и он вошел в ваш дом. Я давно уже жду его, а он все не выходит. Он, конечно, все еще сидит в кабинете вашего хозяина. Вы, оказывается, не знали об этом, так прошу вас, пойдите поторопите его, пусть немедленно выходит. Нам пора отправляться дальше.

— Ничего не понимаю. О чем вы говорите? — с деланным удивлением спрашивал старик.

Ли Вань, едва сдерживаясь, повторил всю историю сначала.

— Тыфу, — плюнул старик. — Что за наваждение?! Никакого тут молодого человека по фамилии Шэнь не было. Хозяин наш в трауре и посторонних вообще не принимает. У ворот стою я сам — сам обо всех докладываю, сам всех провожаю. Что ты мне плетешь

всякую чертовщину! Наверное, ты просто проходимец какой-нибудь, вор и только прикидываешься, что служишь в ямэне: думаешь, так легче будет приглядеться и стянуть что-нибудь. Убирайся-ка поскорей и не морочь мне голову!

Услышав такое, Ли Вань вышел из себя.

— Шэнь Сяоя — важный государственный преступник! Это не шутки! — кричал он. — А ну, проси твоего хозяина! Я сам с ним поговорю!

— Хозяин спит сейчас. Думаешь, без дела кто-нибудь посмеет его беспокоить? — отвечал старик. — Какой ты все-таки дикарь, ничего не соображаешь!

И привратник ушел как ни в чем не бывало.

— Старый болван! — выругался Ли Вань. — Просишь его доложить, а он упирается... Нет, Сяоя наверняка здесь! Я не по частному делу, у меня приказ властей, ворвусь в дом, и все. Мне нечего бояться!

И, не раздумывая, Ли Вань вломился прямо в гостиную и стал барабанить по перегородке.

— Господин Шэнь! Пора уже! — кричал он.

Ответа не последовало. Тогда Ли Вань снова стал кричать, пока в гостиной не появился мальчик-прислужник.

— Где же привратник? Кому он разрешил ворваться в гостиную и так орать? — возмущался прислужник.

Ли Вань хотел было обратиться к нему, но тот только поглядел за перегородку и пошел в другую сторону.

— Может быть, в той стороне кабинет, — вслух рассуждал Ли Вань. — Пойду-ка посмотрю... Чего мне бояться!

И он пошел туда, куда только что свернул мальчик.

Ли Вань оказался в длинном коридоре. Нигде никого. Он пошел вперед по коридору и очутился возле комнат, в которых, как он заметил, были женщины. Идти дальше Ли Вань не посмел и вернулся в гостиную. Здесь он услышал шум и крики, доносившиеся снаружи. Он направился к воротам: оказалось, что это Чжан Цянь явился сюда за ним и, не найдя, скандалил с привратником. Увидев Ли Ваня, Чжан Цянь набросился на него.

— Хорош молодец! — кричал он. — Знаешь только пить да есть, а дело тебя мало интересует! Ушел сюда утром, теперь уж вечерет, а ты все еще околачиваешься тут. Не можешь поторопить арестованного, что ли? Чего ждешь?

Ли Вань плюнул.

— Какие там еда да питье! И крошки во рту не было, и человек пропал!

— Но ведь ты пошел с ним вместе!

— Я только забежал по нужде, а он, проклятый, пошел вперед. Я не смог его догнать и пришел следом сюда. Привратник сказал мне, что какой-то гость в белом обедает с хозяином в его кабинете, я и решил, что это он. Ждал, ждал, прождал до сих пор, а он все не выходит. Доложить обо мне привратник отказался... Мне здесь даже воды не дали попить, не то чтобы накормили. Попрошу тебя, братец,

постояй тут, подожди, а я пойду подлечу немного желудок и сразу вернусь.

— Нечего сказать, работник! — возмутился Чжан Цянь. — Такой преступник, а ты позволяешь ему без надзора свободно расхаживать! Даже в кабинет хозяина ты обязан был следовать за ним. А сейчас, кто его знает, здесь он или нет. Диву даюсь, как ты можешь спокойно об этом говорить. Ладно, дело твое, меня это не касается, — сказал напоследок Чжан Цянь и повернулся, намереваясь уйти.

Ли Вань схватил его за руку.

— Человек-то, конечно, здесь, — сказал он Чжан Цяню. — Куда он мог деться? Давай лучше подумаем, как заставить его выйти отсюда. Ты ведь небось пообедал, сыт. Так что ж ты уходишь, куда же тебе-то торопиться?

— Его жена осталась в гостинице, — ответил Чжан Цянь. — Я, правда, просил хозяина присмотреть за ней, но душа у меня неспокойна. Он-то вернется, что волноваться! А вот она — она ведь одной веревкой связана с Сяося, и пока она у нас, он-то никуда не денется.

— Ты прав, — согласился Ли Вань, и Чжан Цянь ушел.

Ли Вань, стараясь не думать о пустом желудке, остался караулить, но до самого вечера Сяося так и не показывался. Заходило солнце, наступали сумерки. Ли Вань до того изголодался, что больше уже не мог терпеть. Он снял с себя верхнюю одежду и в соседней лавке променял свое платье на лепешки. В лавке он задержался недолго, но когда возвращался, услышал шум запираемых ворот. Подбежал к дому — ворота были уже заперты.

«Сколько я прослужил в ямэне, но так надо мною еще никогда не издевались! — негодовал про себя Ли Вань. — Не ахти уж какая персона начальник канцелярии, чтобы его привратник позволял себе такое самоуправство! Да и этот тоже: жена и вещи в гостинице... остался ночевать — так дай знать. Что подделаешь, придется уж эту ночь как-нибудь просидеть тут у них под навесом. Завтра с утра дождусь, пока выйдет кто-нибудь из слуг поумнее, и с ним поговорю».

Шел десятый месяц года. Было хоть и не особенно холодно, но среди ночи подул резкий ветер и полил дождь. Ли Вань весь промок и промучился до утра. Утром, когда дождь перестал, снова явился Чжан Цянь: оказывается, Шунью настояла на том, чтобы он пошел за ее мужем. У Чжан Цяня были при себе все казенные бумаги, и они с Ли Ванем решили, что ворвутся в дом, как только откроются ворота. Так они и поступили.

Привратник не смог удержать их, они ринулись в гостинный зал и подняли там крик. Все, кто был в доме, и стар и мал, сбежались на их крик и заголосили. Прохожие, услышав доносившийся из дома шум, столпились у ворот. Наконец, обеспокоенный криками, вышел и сам хозяин, весь в трауре:

*Скрыты волосы под траурным убором,
*Цветок гортензии на шапке;
На нем надета наизнанку
Рубашка грубого холста,*

*Рогожною веревкой подпоясан;
Соломенные туфли на ногах.*

Услышав покашливание хозяина, слуги закричали: «Хозяин идет!» — и расступились.

— Что за шум? Что происходит? — спросил Фэн, входя в зал.

Чжан Цянь и Ли Вань вышли вперед, поклонились хозяину, и один из них сказал:

— Господин Фэн! Мы выполняем поручение губернатора округа Сюаньфу. Губернатор направил нас с грамотой в Шаосин, где мы арестовали государственного преступника Шэнь Сяоя, и теперь следуем обратно. Когда мы добрались до вашего города, арестованный сказал нам, что вы друг его отца и что он хотел бы вас навестить. Мы не осмелились отказать и позволили ему пойти к вам. Он пришел сюда еще вчера утром и до сих пор не выходит. Это задерживает нас, а ваш привратник не пожелал доложить вам о нас. Просим оказать нам милость и поторопить Шэнь Сяоя, чтобы мы могли двинуться дальше.

Сказав так, Чжан Цянь вынул из-за пазухи бумаги и подал их хозяину.

— Шэнь Сян... Шэнь Сяоя... Это не сын ли Шэнь Ляня? — проглядывая бумагу, спросил Фэн.

— Да, он, — ответил Ли Вань.

Фэн схватился обеими руками за голову и изобразил ужас на лице:

— Ну и пустоголовые вы конвоиры! Будь Шэнь Сяоя только государственным преступником, это еще полбеды, но ведь он прежде всего враг министра Яня. Кто же осмелится принимать такого человека у себя?! Когда это он вчера ко мне приходил?! Что зря болтаете! Узнают еще местные власти, дойдет ваша болтовня до министра Яня, а его гнев мне будет не по плечу! Сами не уследили или, чего доброго, просто отпустили важного преступника за взятку, а теперь решили взвалить все на меня. А ну-ка, гоните их отсюда! — в возмущении крикнул он прислуге. — И ворота закройте! Незачем нам навлекать на себя неприятности. Когда узнает министр Янь, не до шуток будет!

Бранясь, Фэн ушел к себе, а его слуги, все сколько их было, набросились на служителей ямэня и мигом вытолкнули их на улицу. Ворота заперли на засов, и долго еще изнутри доносились крики и брань.

Чжан Цянь и Ли Вань, растерянно глядя друг на друга, стояли на улице как вкопанные и слова не могли вымолвить.

— Это ты вчера уговаривал его идти в город, — произнес наконец Чжан Цянь, укоряя Ли Ваня. — Теперь сам его и разыскивай!

— Ну ладно, не упрекай меня. Давай лучше пойдем с тобой и спросим у его жены. Может быть, она знает, куда он девался, и тогда снова отправимся его искать.

— Правильно! — согласился Чжан Цянь. — Ведь они любящие супруги. Вчера он не вернулся, она прождала его целых полночи и тихонько плакала. Наверняка она должна знать, где ее муж.

Порешив на этом, они помчались обратно в гостиницу.

Заслышав голоса конвоиров, Шунюй поспешила им навстречу.

— Почему мужа нет с вами? — спросила она.

— А ты у него спроси, — ответил Чжан Цянь, указывая пальцем на Ли Ваня.

Тогда Ли Вань подробно рассказал ей о том, как он вчера отстал от Сяося, как пришел к Фэну и что было потом.

— А я-то сегодня чуть свет на пустой желудок отправился в город, и вот меня накормили там приятными новостями, — добавил Чжан Цянь. — Думаю, что твоего мужа там действительно нет. Наверняка он пошел куда-то в другое место. Неужто он тебе ничего об этом не сказал? Говори скорей, где он, и мы пойдем искать его!

Не успел Чжан Цянь еще и рта закрыть, как Шунюй, едва сдерживая слезы, вцепилась в обоих конвоиров.

— Ах, вот как! — завопила она. — Верните мне мужа!

— Муж твой сам захотел навестить какого-то знакомого, мы хорошему разрешили ему пойти, а куда он девался, не знаем, — в один голос говорили конвоиры. — Мы сами вне себя, не знаем, где его искать, а ты еще пристаешь, чтобы мы тебе мужа вернули! Спрятали мы его, что ли? Смешно даже!

Обозленные, конвоиры с трудом высвободились из цепких рук Шунюй и повалились на скамейку.

Тогда Шунюй вышла из комнаты, загородила собой выход, зарыдала, затопала ногами и заголосила. На шум прибежал хозяин гостиницы и стал ее успокаивать.

— Ах, вы не знаете, уважаемый! — причитала Шунюй. — У моего мужа до тридцати лет не было детей, и он взял меня второй женой. Вот уже два года, как я живу с ним. Теперь, на наше счастье, я три месяца как беременна. Муж ни за что не хотел со мной расставаться, поэтому я и отправилась с ним. Тысячу ли мы прошли вместе, за все время пути я ни на шаг от него не отходила, а вчера днем, так как денег у нас осталось немного, он решил пойти к одному своему знакомому. Пошел он вместе со старшим, с Ли Ванем. Так вчера они и не вернулись, и я забеспокоилась, а сегодня утром Ли Вань и Чжан Цянь пришли одни, без мужа. Значит, они убили его! Заступитесь за меня! Пусть они вернут мне мужа!

— Не волнуйтесь, уважаемая, — утешал ее хозяин. — Эти начальники ведь не враждовали с вашим мужем и не обижены им. С чего им убивать его?

Но Шунюй разрыдалась еще пуще.

— Вы не знаете, дедушка, — говорила она сквозь слезы. — Мой муж — враг министра Янь Суна, а эти люди наверняка присланы по его указанию. Может быть, они хотели выслужиться перед министром. Ведь подумайте, дедушка, мой муж десятки тысяч ли вел меня с собой, пришли мы сюда, так что же он вдруг ни с того ни с сего исчезнет, не сказав мне ни слова?! Но даже если бы он и захотел сбежать, разве конвоир Ли Вань отпустил бы его? Если они хотят угодить Янь Суну и убили моего мужа — это их дело. Но мне-то, овдовевшей и одинокой, на кого теперь надеяться?! Нет, дедушка,

прошу вас, ведите меня вместе с этими убийцами в ямэнь! Я буду жаловаться.

Женщина так рыдала, так причитала, что Чжан Цянь и Ли Вань не успевали даже слово вставить, чтобы объяснить, что к чему.

Старик-хозяин подумал, что, может быть, женщина и права, и у него тоже зародилось определенное подозрение. Ему стало жаль Шунюй.

— Рассуждения рассуждениями, уважаемая, но, может быть, ваш муж и жив, — утешал он ее. — Так или иначе — подождем еще день.

— Можно, как вы говорите, подождать еще день. Но только кто будет отвечать, если эти убийцы удерут? — возразила Шунюй.

— Если бы мы на самом деле убили вашего мужа и хотели бы скрыться, то зачем бы мы пришли сюда? — заметил Чжан Цянь.

— Вы видели, что я женщина слабая, беспомощная, ничего не понимающая, и решили заморочить мне голову, надеясь еще и сокрушить меня. Говорите лучше по-хорошему, где тело мужа. Ведь так или иначе я буду знать — перед судом все выложите!

Видя, какие страшные обвинения выдвигает женщина, хозяин умолк, не решаясь больше вмешиваться.

Надо сказать, что пока все это происходило, сбежались постояльцы — любопытных набралось человек сорок, а то и пятьдесят. Узнав о горькой участи женщины, люди вознегодовали.

— Если вы хотите жаловаться, уважаемая, — говорили они, — то мы поведем вас в военное управление к инспектору.

Шунюй низко поклонилась всем и, плача, сказала:

— Спасибо вам, что в тяжелую минуту пожалели меня, попавшую в беду одинокую женщину, и указали, как мне быть. Только этих преступников схватите, чтобы не убежали, поведем их с собой.

— Не беспокойтесь, — говорили собравшиеся, — положитесь на нас!

Чжан Цянь и Ли Вань пытались объяснить людям, как и что произошло, но им не дали сказать и полслова.

— Начальники! — перебивали их люди. — Оправдываться и спорить не стоит. Ложь все это — значит, ложь, а правда — значит, правда. И если вы тут ни при чем, то идите с ней в ямэнь. Чего вам бояться?

Рыдая, Шунюй пошла вперед, остальные подхватили под руки Чжан Цяня и Ли Ваня, и все гурьбой направились в ямэнь инспектора.

Когда они подошли к ямэню, главные ворота еще были заперты, но день этот как раз оказался днем принятия жалоб. Шунюй, заранее надевшая на себя белую траурную юбку, недолго думая, ворвалась во двор через маленькие ворота в изгороди, огляделась и, увидев у больших ворот огромный *барабан и колотушку, висевшую на подставке для барабана, тут же схватила колотушку и с такой силой стала колотить ею по барабану, что, казалось, сотрясалось само небо. Привратник, служащие ямэня, насмерть перепуганные, выбежали во двор и связали женщине руки.

— Ишь, какая храбрая! — говорили они.

— Невиданная обида! Несправедливость! — кричала Шунюй, рыдая, бросившись на землю.

В это время из ямэня донеслись крики, оповещавшие о выходе в зал присутствия начальника. Главные ворота открыли, инспектор Ван занял свое место за столом на возвышении и сразу же поинтересовался, кто это бил в барабан.

Служители ввели Шунюй. Плача, она подробно рассказала, как с ее семьей случилось несчастье и как погибли Шэнь Лянь и оба его сына; сказала, что уцелел лишь один Шэнь Сяося, ее муж, но вчера и с ним расправились, и убийцами, мол, были его конвоиры. Тогда инспектор велел привести Чжан Цяня и Ли Ваня и стал их допрашивать.

Когда конвоиры давали показания, Шунюй то и дело перебивала их. Говорила она разумно, убедительно, и обоим конвоирам не удавалось отбиться от ее нападок.

«Эти Яни — люди могущественные и влиятельные, — думал инспектор Ван. — Нередко они замышляют убийства. Трудно поручиться, что и в данном случае это не так». И он тотчас приказал всех троих отвести в областной ямэнь на дознание.

Правитель области, некий Хэ, медлить с таким важным делом не посмел и тут же велел привести хозяина гостиницы, чтобы выслушать показания сразу всех четверых.

Шунюй упорно твердила, что конвоиры убили ее мужа; Ли Вань говорил, что отлучился по нужде, потому отстал от конвоируемого и потерял его из виду. Чжан Цянь и хозяин гостиницы тоже дали показания, правдиво рассказав обо всем, что было.

Правитель области не мог прийти к какому-либо определенному решению. «Женщина так плачет и убивается... похоже, что она говорит правду. С другой стороны, Чжан Цянь и Ли Вань не сознаются в преступлении...» — размышлял он про себя и в конце концов пришел к тому, что приказал запереть всех четверых в пустой комнате, а себе велел подать паланкин и отправился к начальнику канцелярии Фэну послушать, что тот ему скажет.

Когда Фэну доложили, что явился правитель области, он поспешил к нему навстречу и провел его в гостиную. После чая правитель области заговорил о деле Шэнь Сяося.

Но стоило ему произнести это имя, как Фэн, зажав уши, заявил:

— Это же враг господина министра Янь Суна. Я хоть учился с отцом Шэнь Сяося, но никаких отношений с ним не поддерживаю. Прошу вас больше не говорить об этом человеке, а то семья Яней может узнать, и, чего доброго, привлекут к ответу и меня.

С этими словами он встал и произнес:

— Поскольку у вас, уважаемый, есть дела, не смею, конечно, вас задерживать.

Начальнику уезда, крайне смущенному, ничего не оставалось, как откланяться.

«Раз господин Фэн так боится Яней, — рассуждал он, сидя в паланкине, — то Шэнь Сяося, безусловно, не у него. Возможно, что Шэнь Сяося действительно убит конвоирами. Кто его знает! А может

быть, он и явился к Фэну, а тот не пожелал его принять, и он ушел к кому-нибудь из других своих знакомых».

Возвратясь в ямэнь, правитель области снова велел привести всех задержанных и прежде всего обратился к Шунюй:

— У твоего мужа есть здесь кто-нибудь из знакомых, кроме начальника канцелярии Фэна?

— Больше никаких знакомых здесь нет.

— В какое время твой муж ушел? Когда вернулись конвоиры и сказали тебе, что муж твой исчез?

— Муж ушел вчера, перед полуднем, ушел вместе с Ли Ванем, — отвечала Шунюй. — К вечеру другой конвоир, Чжан Цянь, под предлогом, что хочет их поторопить, тоже ушел в город; вернулся он, когда уже совсем стемнело, и сказал мне буквально следующее: «Ли Вань и твой муж заночевали у начальника канцелярии Фэна; завтра с утра я пойду поторопить их». Чжан Цянь ушел утром сегодня, целых полдня где-то пропадал, а вернулись они вдвоем, без мужа. Так кто же, если не они, прикончили его! Ведь если бы моего мужа не оказалось в доме Фэна, Ли Вань еще вчера бросился бы на поиски, да и Чжан Цянь всполошился бы. А он, наоборот, принялся меня успокаивать. Тут все ясно. Наверняка они еще в пути обо всем договорились и решили, что Ли Вань ночью его убьет. Сегодня утром, когда Чжан Цянь пошел в город, они вместе закопали труп, а вернувшись, сказали, что муж убежал. Прошу вас, благороднейший господин начальник, разобрать это дело по справедливости.

— Да, пожалуй, ты права, — заявил правитель области.

Чжан Цянь и Ли Вань хотели было что-то сказать в свое оправдание, но начальник области обрушился на них:

— Вы — служащие ямэня. Чем же вы занимаетесь! Если вы и не убили его, как задумали, то уж наверняка отпустили за деньги. Что тут оправдываться?! — закричал начальник и тут же приказал дать каждому по тридцать палок.

Били их так, что у Чжан Цяня и Ли Ваня треснула кожа, ручьем полилась кровь, но никакой вины за собой они не признавали.

Шунюй при этом стояла в стороне и горько плакала.

Начальнику области стало жаль ее, и он велел зажать конвоиров в тиски.

Но конвоиры действительно не убивали Шэнь Сяося и потому, невзирая на боль, которую им причиняли пытки, конечно, все отрицали. Дважды их зажимали в тиски, но признания от них так и не удалось добиться. Правитель области хотел было приступить к третьей пытке, но Чжан Цянь и Ли Вань, которые были уже не в силах переносить мучения, взмолились.

— Правда же — Шэнь Сяося не умер, — говорили они. — Просим вас, господин начальник, назначить нам срок, дать нам сопровождающих, и мы найдем его и вернем жене.

Так как у правителя не было определенной уверенности, что Сяося убит, ему ничего не оставалось, как согласиться. На поиски Шэнь Сяося он дал пятидневный *отчетный срок и назначил четырех молодцов сопровождать Чжан Цяня и Ли Ваня; Шунюй он пока от-

правил в женский монастырь; хозяина гостиницы отпустил. О ходе дела и принятых решениях было написано подробное донесение инспектору, и тот одобрил принятые меры.

Чжан Цяня и Ли Ваня сковали одной цепью, и четверо молодцов поочередно водили их по городу. Деньги, которые были при них, молодцы отобрали, и даже японский нож и тот пропили. Цзинин был город большой, народу приезжало и уезжало десятки тысяч — где было в таком городе отыскать Сяося! Для них это просто был выход хоть на время избавиться от мучений.

Шунюй тем временем спокойно жила в монастыре. Но каждые пять дней она неизменно являлась в ямэнь к правителю области, плакала, убивалась, и тому ничего не оставалось, как в каждый отчетный срок избивать Чжан Цяня и Ли Ваня. Так повторялось раз десять. За это время им столько дали палок, что и не сосчитать. Бывшие конвоиры уже едва волочили ноги, и вскоре один из них, Чжан Цянь, заболел и умер. Ли Ваню в конце концов пришлось пойти к Шунюй в монастырь и умолять ее смириться.

— Я уже доведен до того, что больше скрывать не в силах, — говорил он Шунюй. — Дело было так, что, когда нас послали за Сяося, секретарь Цзинь Шао на словах передал нам распоряжение губернатора Ян Шуня, чтобы мы в пути убили вашего мужа, достали свидетельство от местных властей о том, что он умер от болезни, и вернулись бы в Баоань и отчитались. Хотя мы и согласились, но совершить такое мы, конечно, не могли. А почему ваш муж вдруг сбежал, мы действительно к этому никакого отношения не имеем — небо тому свидетель. Если я хоть слово солгал, погибнуть всему моему семейству! Начальник теперь каждые пять дней требует отчета; мой напарник Чжан Цянь умер под палками; погибну и я, и будет еще одной несправедливостью больше. Ведь муж ваш действительно жив, и вы еще встретитесь с ним. Прошу вас, не ходите больше плакать и жаловаться в ямэнь, тогда мне смогут дать срок подлиннее, и я уцелею. Это будет благодетельным поступком с вашей стороны!

— По твоим словам выходит, что мужа вы не убивали, — отвечала Шунюй. — Трудно тебе поверить. Но все же, раз ты так говоришь, я не буду ходить жаловаться, чтобы ты мог спокойно разыскивать мужа. Но только ты старайся, будь внимательным и не ленись.

— Да, да, конечно, — несколько раз повторил в ответ Ли Вань и ушел.

Можно привести стихотворение по этому поводу:

*За двадцать ланов серебра
пойти решились на убийство;
Кто мог подумать, что в пути
вдруг потеряют арестанта.
Не в силах больше перенести
бессчетных пыток и побоев,
Пришел конвойный в монастырь
у женщины просить пощады.*

Надо сказать, что правитель дал такой короткий отчетный срок для розыска Сяоя по двум причинам: во-первых, дело было в том, что Сяоя был важным преступником, которого затребовал сам губернатор Сюаньфу; во-вторых, о Сяоя непрерывно напоминала Шунью, которая без конца приходила в ямэнь, плакала и молила ускорить поиски. Но на этот раз Ли Ваню не суждено было погибнуть — помог случай.

Пока Ян Шунь и Лу Кай в надежде получить повыше титулы и побольше почестей только и заняты были тем, что судили да рядили, как угодить Янь Суну и Янь Шифаню, один цензор по военному ведомству, некий У Шилай, возненавидев Ян Шуня за то, что тот губил простой народ, уничтожал беженцев и доносил об этом как о победе, написал доклад императору, где подробно изложил, как обстояло дело. В докладе он обвинял также и Лу Кая как соучастника преступлений Ян Шуня.

Как раз в эти дни император совершал торжественное моление о благодатном правлении. Узнав, что убивают ни в чем не повинный народ, наносят страшный вред миру и согласию в стране, император был крайне возмущен. Он тут же дал распоряжение охранным войскам взять виновных и доставить их на следствие в столицу. Неожиданный гнев императора лишил Янь Суна возможности заступиться за них, но все же, благодаря его вмешательству, Ян Шунь с Лу Каем отделались только лишением всех званий и должностей. Вот вам и презренные Ян Шунь и Лу Кай: убивали людей, строили людям козни — а толку что? Выставили себя на посмешище другим, и все тут.

Теперь дальше. Когда до правителя области, господина Хэ, дошел слух о том, что Ян Шуня сняли с поста, он потерял интерес к делу Шунью; к тому же сама Шунью больше не являлась жаловаться, из двух конвоиров один умер, а оставшийся в живых Ли Вань не переставал молить, чтобы его пощадили. Кончилось тем, что правитель области велел снять с Ли Ваня оковы, дал ему грамоту на розыски беглеца по всей стране и только на словах приказал проявить усердие в этом деле — ясно было, что правитель просто освобождал его. Ли Вань принял грамоту так, словно ему вручили указ о помиловании, много раз до земли поклонился начальнику, вышел из ямэня и бросился бежать — только пыль вилась вслед за ним. Денег у Ли Ваня не было, и ему пришлось добираться домой, прося подаяния. Но оставим его.

Несколько месяцев провел Сяоя в потайном помещении в доме Фэна. О происходящих событиях он был осведомлен через господина Фэна, который все разузнавал, а затем сообщал ему. Сяоя знал, что Шунью живет пока в монастыре, и в душе был очень этому рад. Через год ему уже было ясно, что ни Чжан Цяня, ни Ли Ваня больше не существует и что дело постепенно заглохло. Фэн в своих внутренних покоях устроил для Сяоя отдельный кабинет из трех комнат, чтобы его гость мог там спокойно заниматься, и только не разрешал ему никуда выходить, так что никто из посторонних не знал, что Сяоя живет у него. Трехгодичный срок траура господина Фэна к этому

времени подошел к концу, но, чтобы не оставлять Сяоя одного, он на службу не вернулся.

Незаметно пролетело восемь лет. В тот год умерла жена Янь Суна, госпожа Оуян. Янь Шифань, не пожелав сопровождать гроб матери на родину, уговорил отца просить у императора дозволения остаться в столице ухаживать за отцом; а получив разрешение, невзирая на траур, развлекался со своими женами и наложницами, дни и ночи пьянствовал и веселился. Император сам был очень почтительным сыном и потому, когда узнал о поведении Шифаня, остался этим крайне недоволен. Как раз в то время в столице появился некий чародей, по имени Лань Даосин, который обладал искусством гадать и предсказывать судьбу. Как-то раз император призвал его, велел ему обратиться к духам и спросить, хороши ли у него министры.

— Я призываю истинных богов неба, — докладывал императору Лань Даосин. — Они говорят прямо, без лести и прикрас. И если, паче чаяния, ответ не будет угоден вашему сердцу, прошу, ваше величество, не осуждать меня.

— Услышать правдивое слово неба — это как раз то, чего я и хочу. Каков бы ни был ответ, вы тут ни при чем, и винить вас я не буду.

Лань Даосин стал выводить магические знаки, и, когда начал произносить заклинания, гадательный прибор вдруг сам зашевелился и вывел следующие слова:

*Высоки горы
и чужды травы —
Отец и сын
теперь министры.
Луна и солнце
не светят больше,
Земля и небо
перевернулись.*

— Поясните, что это значит, — обратился император к Лань Даосину.

— Я невежествен и не понимаю, — ответил тот.

— Зато я понимаю, — сказал тогда император. — Если соединить иероглифы «гора» и «высокий», получится иероглиф «Сун», а если над словом «чуждый» написать «траву», выйдет иероглиф «Фань». Это намек на Янь Суна и на его сына Янь Шифаня. До меня уже давно доходят слухи, что, пользуясь своей силой и властью, Янь Сун и Янь Шифань чинят вред стране. А раз на это мне указали теперь и небесные духи, то я должен немедленно принять меры. Но только никому об этом ни слова.

— Не посмею, не посмею, — говорил Лань Даосин, кланяясь до земли, и, получив от императора вознаграждение, вышел.

С тех пор император стал постепенно отдалять от себя Янь Суна. Этим обстоятельством воспользовался цензор Цзоу Инлун и подал на высочайшее имя обвинительный доклад:

Янь Шифань, опираясь на всеилие своего отца, торгует должностями и титулами; на его счету столько злодейских преступлений, что он заслуживает публичной казни. Отцу же его Янь Суну, который попускает злодею-сыну, насаждает своих людей и отстраняет достойных, следует дать отставку, чтобы очистить правление.

Обрадованный этим докладом, император вскоре повысил Цзоу Инлуна в должности. Янь Шифань был предан суду и приговорен к ссылке, а Янь Суну было предложено вернуться на родину. Через некоторое время поступило донесение от цзянсийского инспектора, цензора Линь Юня, в котором сообщалось о том, что Янь Шифань уклоняется от военных повинностей, живет у себя дома и безобразничает больше прежнего: грабит местных жителей, содержит проходимцев-головорезов, налаживает тайные связи с японскими пиратами и замышляет измену. Император специальным указом предписал представителям *трех судебных органов расследовать дело. Судьи доложили, что обвинения подтверждаются фактами, и Янь Шифань был немедленно казнен, а имущество его конфисковано. Янь Суна отправили в дом призрения. Все пострадавшие от козней Яней были полностью оправданы и восстановлены в правах.

Как только до Фэна дошла весть о казни Янь Шифаня, он сразу же сообщил об этом Сяося. Теперь уже не было надобности держать Сяося взаперти, и он отправился в монастырь проведать Шунью. Муж и жена, встретившись, бросились друг другу в объятия и зарыдали. Когда Шунью отправилась с мужем в путь, она была на третьем месяце, а теперь ребенку, который родился в монастыре, исполнилось десять лет. Шунью сама учила его грамоте, мальчик уже знал наизусть все *«Пятикнижие», и Сяося был безгранично счастлив.

Фэн теперь собирался в столицу за назначением на должность. Он предложил Сяося ехать с ним хлопотать о снятии обвинения с отца, а Шунью пока поселить у него. Сяося согласился и вместе с Фэном отправился в Пекин.

В столице Фэн прежде всего нанес визит Цзоу Инлуну, который служил теперь помощником начальника Ведомства принятия прошений, и рассказал ему о горькой судьбе Шэнь Ляня и его семьи. Затем Фэн показал ему черновики прошения Сяося, и Цзоу Инлун обещал взять это дело на себя. На следующий день Сяося отнес жалобу на высочайшее имя в Ведомство принятия прошений. Вскоре последовал императорский указ: Шэнь Лянь, как верный и преданный службе, но безвинно пострадавший, был посмертно восстановлен в чине и пожалован повышением в ранге на одну ступень; жене и сыновьям Шэнь Ляня разрешалось вернуться на родину; конфискованное имущество полностью возвращалось семье. Самому Шэнь Сяося, в связи с тем что он много лет был сюцаем на стипендии, разрешалось вступить в должность и давалось назначение на пост правителя уезда. В ответ на указ Сяося написал императору благодарственный доклад. В нем, помимо прочего, говорилось:

Когда Шэнь Лянь, отец вашего покорного слуги, попал в Баоань и увидел, как тамошний губернатор Ян Шунь убивает невинный народ и выдает это за заслугу, он написал стихи, в которых выразил свое возмущение этим. Тогда цензор Лу Кай, получивший тайное распоряжение от Янь Шифаня, был послан инспектором в Датун и Сюаньфу. Вступив в должность, он действовал заодно с Ян Шунем, строя планы, как загубить отца. Кончилось тем, что они казнили моего отца, убили двух моих братьев, а сам я едва избежал смерти. Трупы невинно загубленных не были похоронены, и всему нашему роду угрожало полное истребление. Ни одна семья не пострадала так жестоко, как наша. Ныне Янь Шифань казнен, а Ян Шунь и Лу Кай целы и невредимы и продолжают спокойно жить у себя на родине. Десятки тысяч убитых ими на границе ни в чем не повинных людей не отомщены, а трем неприкаянным душам из семьи вашего покорного слуги некому пожаловаться и излить свою обиду: боюсь, что такое положение не соответствует строгости законов и чаяниям людей.

Император одобрил доклад. Ян Шунь и Лу Кай были доставлены в столицу, приговорены к смертной казни и в ожидании приведения приговора в исполнение посажены в тюрьму.

Сяося зашел проститься с Фэном: он собирался поехать в *Юньчжоу за матерью и младшим братом Чжи, чтобы перевезти их в столицу и поселить где-нибудь недалеко от дома Фэна; после этого намеревался поехать в Баоань, разыскать останки отца и перевезти их на родину, чтобы там похоронить.

— Я как раз недавно получил известие из Юньчжоу, — сказал Фэн, когда Сяося посвятил его в свои планы. — Твоя матушка пребывает в добром здравии, а твой младший брат Чжи уже стал сюэем и учится там же, в Юньчжоу. За ними я сам пошлю кого-нибудь, а ты без промедления отправляйся искать останки отца. Это сейчас важнее, с матушкой встретишься здесь, когда вернешься.

Сяося так и сделал: сразу же отправился в Баоань, где два дня подряд безуспешно разыскивал останки отца. На третий день, измученный, он присел возле ворот какого-то дома. Из дома вышел старец и пригласил его выпить чаю. В гостиной Сяося сразу же обратил внимание на висевший на стене свиток. На свитке были наклеены два доклада Чжугэ Ляна, переписанные от руки; в конце текста стояла только дата, подписи переписывавшего не было. Сяося не мог оторвать глаз от свитка.

— Почему вы так смотрите на этот свиток? — обратился к нему старец.

— Позвольте узнать, чья это рука?

— Это кисть моего покойного друга Шэнь Ляня.

— А каким образом свиток очутился у вас?

— Меня зовут Цзя Ши, — сказал старец. — В свое время, когда Шэнь Лянь был сослан в наши края, он жил здесь, у меня. Мы с ним были очень дружны и побратались. Потом его постигла страш-

ная участь. Я боялся, как бы и меня не привлекли к ответу, и бежал в Хэнань. Оба эти доклада я взял с собой и наклеил на свиток. Я часто разворачивал его, смотрел на доклады, и тогда мне казалось, что я вижу перед собой своего старого друга. Когда губернатор Ян Шунь ушел с поста, я решил вернуться на родину. Жена моего друга, госпожа Сюй, с малолетним сыном уехала в Юньчжоу, но я часто их навещаю. Недавно до меня дошли слухи, что с Янями наконец расправились, значит, мой друг будет оправдан и отомщен — я уже послал в Юньчжоу человека, чтобы сообщить им об этом. Я думаю, что скоро сын моего друга приедет за гробом отца, поэтому я повесил свиток в главном зале: если сын Шэнь Ляня явится, он признает почерк своего почтенного отца.

Услышав такое, Шэнь Сяося тут же повалился в ноги Цзя Ши.

— О благодетель наш! — воскликнул он, отбивая поклоны.

— Кто вы? — спросил Цзя Ши, поспешив поднять с колен незнакомца.

— Я — Шэнь Сяося, и доклады на этом свитке написаны рукой моего покойного отца.

— Мне говорили, что Ян Шунь послал людей, чтобы арестовать вас и доставить сюда — ведь он собирался уничтожить весь ваш род, — говорил старик. — Я думал, что и вас постигла та же участь. Как же вам удалось уцелеть?

Тут Шэнь Сяося рассказал подробно обо всем, что произошло в Цзинине.

— Поразительно! Поразительно! — восклицал Цзя Ши, слушая его рассказ.

Затем он тут же велел слугам приготовить для гостя обед.

— Вы, наверное, знаете, благодетель, где находится гроб отца, — сказал Сяося. — Очень прошу вас указать мне это место, чтобы я мог поклониться праху покойного батюшки.

— Ваш отец погиб в тюрьме. Я выкрал из тюрьмы его тело, тайком похоронил и никогда не решался кому бы то ни было говорить об этом. Вот теперь наконец, когда вы приехали, чтобы увезти на родину его останки, я вижу: старания мои не пропали даром.

Только они собрались пойти на могилу Шэнь Ляня, как увидели, что к дому верхом на лошади подъезжает молодой человек.

— Какое счастливое совпадение! — воскликнул Цзя Ши. — И ваш брат как раз приехал!

Это и был Шэнь Чжи, младший брат Сяося. Юноша сошел с коня, и они поздоровались.

— Это твой старший брат Сяося, — сказал Цзя Ши молодому человеку, указывая на Сяося.

Только теперь младший и старший братья впервые увиделись, и им казалось, что это сон. Обняв друг друга, они разрыдались.

Все трое отправились на могилу Шэнь Ляня. Цзя Ши шел впереди, указывая дорогу. Перед еле заметным холмиком, густо заросшим травой, Цзя Ши остановился и приказал братьям совершить земной поклон. Рыдая, Сяося и Чжи опустились на землю. Цзя Ши стал их успокаивать.

— Нам следует обсудить одно важное дело, не надо так уби-ваться! — говорил Цзя Ши и продолжал: — Дело в том, что обоих ваших братьев тоже убили в тюрьме. К счастью, нашелся один добрый тюремщик, некий Мао, который сжалился над невинно загубленными и похоронил их в трех ли к западу от города. Самого Мао теперь уже нет в живых, но я знаю, где это место, и когда вы повезете на родину гроб вашего батюшки, возьмите и их останки, чтобы потом похоронить всех вместе. Как вы на это смотрите?

— Мы как раз так и хотели сделать, — отвечали братья.

В тот же день вместе с Цзя Ши они побывали на могиле братьев и долго не могли прийти в себя от горя.

На следующий день были заказаны гробы и выбран *благоприятный день, чтобы отрыть могилы и переложить тела.

Трое покойников выглядели как живые: сохранилось выражение лица, тела совсем не разложились. Так, конечно, могло быть лишь с людьми преданной и благородной души. О том, как рыдали братья, нечего и говорить.

И вот гробы погрузили на повозку, братья стали прощаться с Цзя Ши и собираться в путь.

— А этот свиток я хотел бы просить вас отдать мне, — обратился Сяоя к Цзя Ши, когда они прощались. — Я бы взял его с собой и повесил в нашем родовом храме. Прошу вас не отказать мне.

Цзя Ши тут же снял свиток и подарил его братьям. Те земно поклонились, поблагодарили Цзя Ши и в слезах простились с ним.

Шэнь Чжи поехал сопровождать гробы. Он должен был добраться до Чжанцзяваня, где ему предстояло нанять джонку и погрузить на нее гробы, а Сяоя направился в столицу. Там он встретился с матерью, рассказал ей обо всем, зашел поблагодарить господина Фэна, а затем вместе с матерью стал собираться в Чжанцзявань.

В то время в столице не было чиновника, который не вспоминал бы благородного и преданного Шэнь Ляня и не восхищался бы Сяоя с матерью, собиравшимися в такую даль везти гробы, поэтому кто дарил им подорожные, кто деньги на похороны, кто на дорогу. Из всего этого Сяоя взял только одну подорожную и больше ничего.

Приехав в Чжанцзявань, Сяоя нанял на почтовой станции джонку; человек сто ее волочили, так что двигались они не быстро. Но вот в конце концов они добрались до Цзинина. Сяоя велел причалить и, оставив своих на джонке, сошел на берег и отправился в город. Здесь он сообщил близким господина Фэна, что глава их семьи благополучно здравствует в столице, взял с собой Шунюй и сына и повел их на джонку. Мать с сыном прежде всего поклонились гробам, а затем госпоже Сюй. Увидев перед собой такого большого внука, та обрадовалась так, что и словами не передать. В свое время она думала, что вся семья погибла и некому будет продолжать их род, а вот теперь вышло, что и сыновья остались, и внук есть, враги умерли недоброй смертью, а погибшие муж и сыновья отомщены. Справедливость неба очевидна: злодеи все-таки кончают плохо, а хорошие люди в конце концов благоденствуют.

Но оставим лишние разговоры.

Когда все они прибыли в Шаосин, тесть Шэнь Сяоя, господин Мэн Чуньюань, вместе с дочерью вышли встречать их за двадцать ли. Семья вновь воссоединилась, и были тут и радость и слезы. На пристани собрались представители местной власти — они явились выразить свое соболезнование родным покойных. Имуущество Шэнь Ляня к тому времени уже было полностью возвращено его семье.

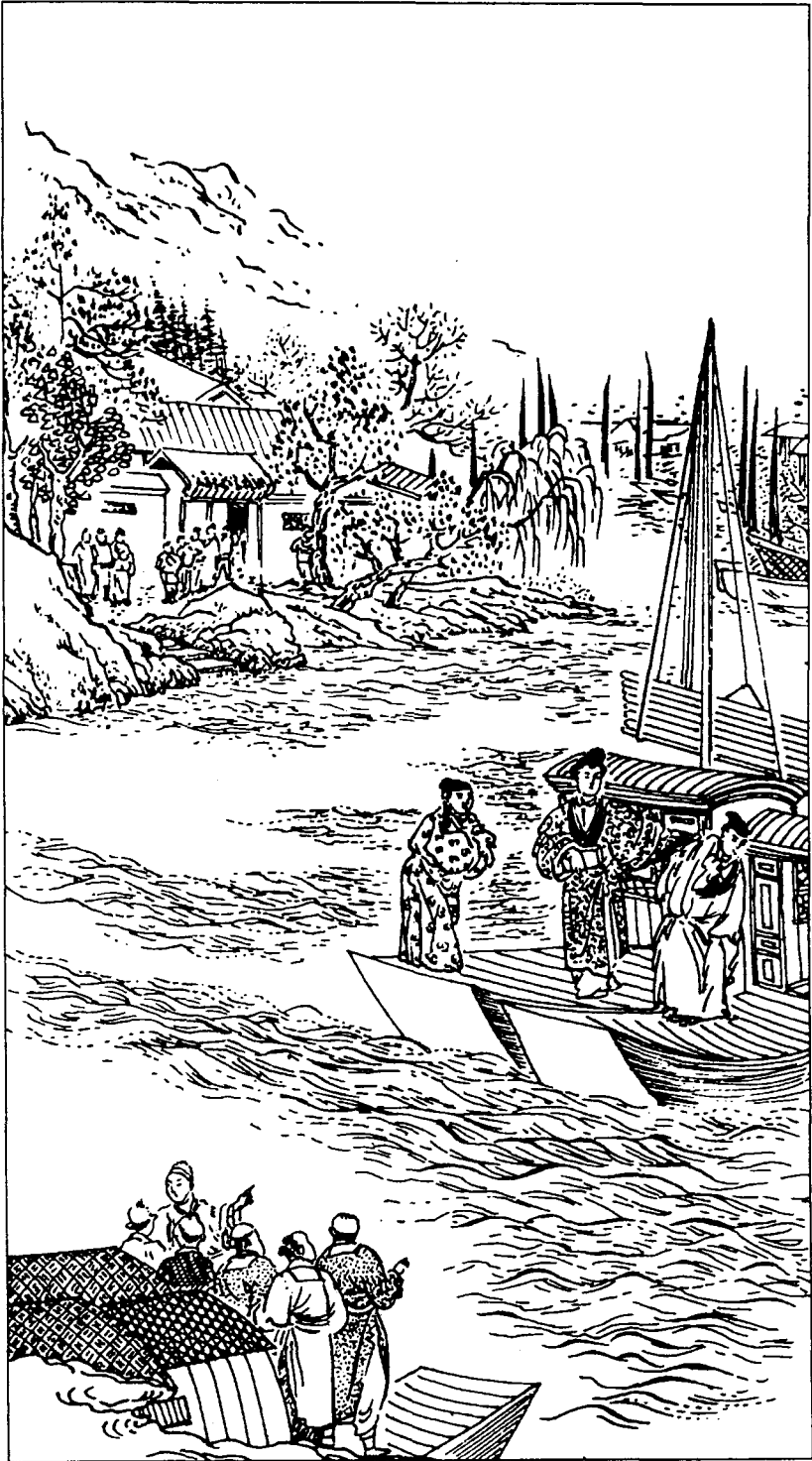
Братья похоронили останки родных на родовом кладбище и в течение трех лет строго соблюдали траур, так что не было человека, который не считал бы их образцом величайшей сыновней почтительности. Правитель области выстроил в честь Шэнь Ляня храм, где каждую весну и осень совершались жертвоприношения. Свиток с докладами Чжугэ Ляня, собственноручно переписанными Шэнь Лянем, и по сию пору висит в этом храме.

Когда истекли три года траура, Сяоя отправился в столицу за назначением и получил должность правителя уезда. Правил он честно, был справедлив и дослужился до поста правителя области. Его сын совсем молодым выдержал экзамен и в тот же год, что и его дядя Шэнь Чжи, стал цзиньши. И в дальнейшем из поколения в поколение все их потомки были учеными людьми.

В столице люди помнили, как в свое время начальник канцелярии Фэн спас Шэнь Сяоя, очень уважали его за благородство и твердость духа, и он был назначен начальником Палаты чинов. Однажды во сне к Фэну явился Шэнь Лянь и сказал: «Верховный владыка за мою преданность и прямоту пожаловал мне должность бога-покровителя города Пекина, а тебя теперь назначил богом-покровителем Нанкина. Завтра в полдень вступаешь в должность». Фэн проснулся в крайнем удивлении. На следующий день, в полдень, ему вдруг показалось, что за ним прислали паланкин, и он безболезненно скончался. Так оба друга стали божествами. Есть стихи, в которых говорится:

*У того, кто при жизни верен и честен,
и кости благоуханны.
Беспорочные духом себя прославляют
на десять тысяч годов.
А кто достоин предателем зваться,
в преисподнюю будет ввергнут.
Всевышнее небо так воздаёт
за высокое и за низость.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

7. ДУ ДЕСЯТАЯ В ГНЕВЕ БРОСАЕТ В ВОДУ ШКАТУЛКУ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

**Враг чужеземный разгромлен, сметен,
восстановлен монарший престол;
*Феникс парит, и летает дракон,
им под силу скалу сокрушить.
Слева — лазурного моря простор
с синью небесной слился воедино,
Справа — великие горы *Тайхан
тянутся мощной стеною.
В копьях и пиках все наши границы
стали твердыню твердынь,
Сотни посланцев в парадных одеждах
шлют к нам с поклоном тысячи стран.
Мир и довольство в народе царят,
процветания знаки во всем,
С солнцем сверкающим годы и годы —
вечно сиять нашей *чаше златой.*

Здесь восхваляется величие *нашей династии с того времени, когда ее столицей стал город *Яньцзин. Защищенная с севера мощными заставами, столица наша простерла свое могущество и власть на все земли к югу и поистине стала неприступной твердыней, небесной обителью и непоколебимым оплотом нашей страны. В свое время, когда в годы *Хун-у император очистил страну от вероломных иноземцев, он избрал своей резиденцией город *Цзиньлин, который стали называть Южной столицей. Когда же император *Юн-лэ повел свои войска на юг, чтобы устранить нависшую над страной опасность, столица была перенесена в *Яньду, и город этот стали называть Северной столицей. И вот бедная и малолюдная местность превратилась в мир цветущей сказочной красоты.

Со времен Юн-лэ сменилось девять поколений императоров, и монарх, царствовавший под девизом *Вань-ли, был одиннадцатым императором нашей династии. Мудрый и победоносный владыка, он со-

четал добродетель и благонравие. Десяти лет он вступил на престол и царствовал сорок восемь лет. Он подавил мятеж *Пу Чэньэня в Сися, разбил войска *Ян Инлуна, предводителя мятежа в Бочжоу, и уничтожил японские войска сёгуна *Тоётоми Хидэёси. Тоётоми Хидэёси напал на Корею, а мятежи Пу Чэньэня и Ян Инлуна были бунтами местных племен против нашей династии, и потому после этих побед инородцы даже на самых далеких границах трепетали перед нами и в страхе спешили являться с данью к нашему двору. Поистине,

*Когда монарх достойный на престоле,
народ в довольствии живет,
Во всей стране царит покой,
никто морей пределов не тревожит.*

Когда в двадцатом году Вань-ли Тоётоми Хидэёси вторгся в Корею и от властителя Кореи пришла к императору просьба о помощи, наша страна послала за море войска. По докладу Палаты финансов император дозволил в связи с военными действиями и нехваткой продовольствия для армии временно допускать к зачислению в *Гоцзыцзянь лиц, вносивших зерно или деньги в казну. Надо сказать, что это было очень выгодно. В Гоцзыцзянь было легче и удобнее учиться, проще пройти *государственные экзамены; воспитанникам предоставлялась возможность завязать широкие и выгодные знакомства, а в будущем их ожидали положение и карьера. Поэтому в те времена сынки влиятельных сановников и богачей не стремились вовсе стать *сюоцями, а добивались приема в Гоцзыцзянь. С тех пор как было введено это положение, число воспитанников Гоцзыцзянь в обеих столицах перевалило за тысячу.

Среди зачисленных в Гоцзыцзянь был некий Ли Цзя, уроженец округа Шаосин провинции Чжэцзян, сын крупного чиновника, ведавшего финансами и гражданскими делами в провинции. Ли Цзя был старшим из его трех сыновей. Он с детства учился в школе, но провалился на экзаменах и, согласно новому положению, был принят в Гоцзыцзянь в Северной столице. Там молодой человек вместе с земляком и товарищем по учебе Лю Юйчунем побывал как-то в одном из увеселительных домов, где познакомился со знаменитой гетерой Ду Мэй. Девушка эта была десятой по возрасту в заведении, и все называли ее Ду Десятой. Она была

*Изящества и прелести полна,
вся источала нежный аромат.
Изгибы тонкие ее бровей
чертам далеких гор подобны были.
Осенних вод лучистой синевой
искрились ясные глаза;
Лицо, как лотоса бутон, —
точь-в-точь красавица *Вэньцзюнь;
А сочные, как вишенки, уста
не хуже уст *Фаньсу, воспетых Бо.
Как жаль: чистойшей *яшмы красота
в веселый дом заброшена судьбой!*

Ду Мэй тринадцати лет лишилась девственности. Когда она познакомилась с молодым Ли, ей было уже девятнадцать. Невесты сколько сыновей влиятельных сановников и княжеских отпрысков видела она у себя за эти годы. Все они влюблялись в нее до безумия, разорялись дотла и никогда не жалели об этом.

В заведении о красавице Ду сложили такие стихи:

*Если Десятая Ду
с гостями сидит за столом,
Выпьет хоть тысячу чар
и гость, не умеющий пить.
Тот, кому знать довелось
гетеру-красавицу Мэй,
Женщин прелестных других
с уродливым чертом сравнит.*

Ли Цзя, молодой и не равнодушный к женщинам, никогда еще не встречал подобной красоты; после знакомства с Ду Мэй он от счастья забыл обо всем на свете и отдал гетере всю свою нежность и любовь.

Ли Цзя был красив, обладал мягким и приветливым нравом, деньги тратил без счета и предупреждал все желания гетеры. Молодые люди любили друг друга и жили, как говорится, душа в душу.

Ду Мэй тяготилась своим положением в доме жадной и лицемерной хозяйки и давно уже подумывала о том, чтобы начать новую жизнь. Видя порядочность, верность и доброту Ли Цзя, она мечтала навсегда соединиться с ним, но Ли Цзя боялся отца и не решался на брак. Несмотря на это, молодые люди все больше влюблялись друг в друга. Дни и ночи проводили они вместе, счастливые и веселые, были неразлучны, как настоящие муж и жена. Они поклялись любить вечно и никогда не изменять своей клятве. Действительно,

*Как море, любовь глубока их,
но дна не имеет она;
С горой лишь сравнима их верность,
но выше она, чем гора.*

Ду Мэй все время проводила с Ли Цзя, и другие знатные и богатые люди, прослышавшие о ее славе, уже не могли добиться свидания с ней. Первое время, пока молодой барин сорил деньгами, он мог делать все что угодно: матушка Ду, хозяйка заведения, на все только пожимала плечами, угодливо улыбалась и просто не знала, как ему услужить. За днями шли месяцы, и больше года пронеслось незаметно. Когда карман Ли Цзя начал пустеть и рука юноши уже не повиновалась размаху его желаний, матушка Ду стала невнимательной к гостю. А между тем отец Ли Цзя, прослышав, что его сын посещает публичные дома, не раз посылал сыну письма, требуя, чтобы он вернулся домой.

Безумно влюбленный, Ли Цзя сначала медлил, а потом, узнав об отцовском гневе, вовсе не решился ехать.

В древности говорили: дружба ради выгоды исчезает вместе с выгодой. Но Ду Мэй искренне любила Ли Цзя, поэтому, чем труднее приходилось возлюбленному, тем более пылкой становилась ее любовь.

Который раз матушка Ду приказывала Ду Мэй отделаться от Ли Цзя. Убедившись, что та и слышать об этом не желает, старуха начала поддевать молодого человека, надеясь разозлить его и таким путем заставить убраться из ее дома. Но Ли Цзя по природе был человеком мягким и миролюбивым, на оскорбления не обращал внимания, и она ничего не могла поделать, лишь изо дня в день бранила и корила Ду Мэй:

— В нашем деле приходится жить и одеваться за счет гостей: у одних ворот проводила старых, у других встречай новых; дом должен весь кипеть, только тогда будет вдоволь и шелков и золота. Твой Ли Цзя околачивается здесь больше года, и с тех пор не то что новые гости, а старые-то перестали заглядывать. Словно поселили у себя в доме *Чжун Куя — ни один черт не явится. Доведешь ты меня, старую, и всех нас до того, что в доме, как говорится, останется дыхание, да дыма не будет. Разве это дело?

— Господин Ли пришел к нам не с пустыми руками, — не выдержав, возразила ей однажды Ду Мэй. — В свое время он тратил на нас большие деньги.

— То было раньше, а то теперь. Попробуй заставь его сейчас раскошелиться; хотя бы на рис и на топливо дал, чтобы прокормить вас обоих. Другие уж если содержат женщину, так словно денежное дерево трясут и живут в свое удовольствие. Одной мне не везет: приютила *белую тигрицу на свое разорение. И так все расходы по дому на мне одной да задарма еще содержи, паршивка, твоего нищего любовника. Где прикажешь достать на платье да на харч? Скажи своему побирушке, если он хоть на что-нибудь годен, пусть выложит серебро, и можешь уходить с ним, а я достану себе другую девку. Так будет лучше и вам и мне.

— Вы это всерьез, матушка? — спросила Ду Мэй.

Хозяйка прекрасно знала, что у Ли Цзя нет ни гроша, что все его платья уже давно заложены, что вряд ли он сумеет где-нибудь достать денег, и потому ответила:

— Конечно, всерьез. Я, старая, еще никогда не врала.

— Сколько же вы хотите, матушка?

— С другого я взяла бы и тысячу *ланов серебром, да жалко твоего бедняка: не достать ему таких денег. Возьму уж с него триста, достану вместо тебя другую, и ладно. Но только вот что: ждать буду не больше, чем три дня. Если за этот срок принесет, может сразу же забирать тебя. Если через три дня денег не будет, пусть глаз не кажет — разбираться не буду, барин он или нет, дам хороших палок и вышвырну вон. Тогда уж на меня не обижайся!

— Хотя Ли Цзя на чужбине и у него недостаток в деньгах, думаю, триста ланов он раздобыть сумеет, — ответила Ду Мэй. — Вот только три-то дня уж слишком мало. Хорошо бы дней десять.

«У Ли Цзя за душой ни гроша, — подумала матушка Ду, — дай ему хоть сто дней, где ему взять триста ланов? А без денег, каким бы он ни был толстокожим, ему все-таки совестно будет сюда показать-

ся. Тогда-то уж я наведу в доме порядок, да и Ду Мэй не найдется, что возразить».

— Так и быть, — согласилась она, — ради тебя дам ему десять дней. Но если и через десять дней не выложит деньги, знать ничего не знаю.

— Если Ли Цзя за десять дней не достанет денег, думаю, что он и сам постыдится приходить к нам, — проговорила Ду Мэй. — Боюсь только, матушка, как бы вы не изменили своему слову, когда триста ланов окажутся перед вами.

— Да мне ли, постнице, в мои пятьдесят лет врать-то? А не веришь — давай ударим по рукам, и быть мне в *будущей жизни свиньей или собакой, если я изменю слову.

*Известно давно, что воду морскую
ковшом не измерить до дна,
И старая сводня с мыслью недоброй
уж слишком смешна и глупа —
В расчете на то, что Ли Цзя разорился,
что нет ни гроша у него,
Решила, что денег достать не сумеет,
что Мэй не уйти никуда.*

В эту ночь, лежа на одной подушке с Ли Цзя, Ду Мэй заговорила об их браке.

— Я давно об этом думаю, — отвечал Ли Цзя. — Но, чтобы выкупить тебя, потребуется не меньше тысячи серебром, а кошелек мой пуст. Что тут сделаешь?

— Я уже договорилась с матушкой, нужно всего триста ланов, но деньги должны быть не позже чем через десять дней. Я понимаю, что вы истратили все, что у вас было, но разве у вас в столице нет родственников или друзей, у которых вы смогли бы занять эту сумму? Сумеете раздобыть триста ланов — я навсегда буду ваша и нам не придется больше зависеть от хозяйки.

— Мои друзья отреклись от меня, узнав, что я дни и ночи пропадаю здесь. Придется завтра сказать, что я собираюсь домой, пойти прощаться со старыми друзьями и попросить у них взаймы на дорогу. Может быть, так я и наберу необходимые деньги.

Утром, поднявшись и совершив туалет, Ли Цзя попрощался с Ду Мэй и вышел из дому.

— Постарайтесь сделать это поскорей! Буду ждать вестей от вас, — сказала она ему на прощание.

— Не беспокойся, я понимаю.

В этот день Ли Цзя обошел родственников и друзей и всем говорил, что зашел попрощаться, так как собирается домой. Все радостно отнеслись к этому известию. Затем он заводил речь о том, что у него недостает денег на дорогу и что он хотел бы занять небольшую сумму. Но, как говорится, стоит заговорить о деньгах — и все пропало! Никто не помог ему. «Молодой Ли — человек весьма легкомысленный, — рассуждали люди, — влюбился в гетеру, больше года не возвращался домой, разгневал и огорчил отца. Теперь вдруг заявляет,

будто собирается домой, но кто поручится, что он не лжет? А что, если дадим ему деньги на дорогу, а он опять растратит их на белила и помады? Ведь тогда его отец и в наших добрых намерениях увидит только злой умысел и будет винить тех, кто дал ему займы. Спокойнее отказать». Поэтому они и говорили Ли Цзя: «Сейчас у нас как раз нет денег, и, к великому нашему стыду, мы не можем вам помочь».

Так отвечали ему всюду, и везде он встречал один и тот же прием. Не нашлось среди его друзей ни одного щедрого мужа, который решился бы одолжить ему хоть десять-двадцать ланов.

Три дня подряд бегал Ли Цзя по городу, но не сумел раздобыть ни гроша. Ду Мэй он не решился сказать об этом и на ее расспросы отвечал ничего не значащими словами. На четвертый день молодой человек совсем потерялся: идти в публичный дом без гроша стыдно, а ночевать было негде, потому что все свое время он проводил у Ду Мэй и своего жилья не имел. Пришлось просить приюта у земляка и товарища по Гоцзыцзянь Лю Юйчуня.

Заметив, что Ли Цзя очень опечален, Юйчунь спросил, в чем дело. Тот подробно рассказал о желании Ду Мэй выйти за него замуж и о своем положении.

— Тут что-то не то, не то, — сказал Юйчунь, покачав головой. — Ведь твоя Ду Мэй — самая известная гетера среди столичных красоток. Если бы ее действительно собирались выдать замуж, то потребовали бы за нее не меньше *ху чистого жемчуга и свадебных подарков не меньше чем на тысячу серебром. Как же могла хозяйка публичного дома согласиться всего лишь на триста ланов? Думаю, что она просто решила таким путем отделаться от тебя, когда увидела, что ты задаром проводишь время с ее девицей. Ты старый клиент, и ей неловко сказать тебе об этом прямо. Но она прекрасно знает, что у тебя нет ни гроша; она требует триста ланов, чтобы показать свою доброту, но тут же ограничила тебя десятью днями. Ведь если ты не достанешь денег в этот срок, тебе неудобно будет показаться у нее, а если и рискнешь, то насмешками и издевательствами она сумеет тебя так опозорить, что тебе волей-неволей придется отказать от ее девицы. Это обычный прием в публичных домах, когда хотят избавиться от какого-нибудь посетителя. Подумай об этом хорошенько. Не лучше ли покончить с этим теперь же, чтобы потом не остаться в дураках?

Выслушав доводы друга, Ли Цзя долго молчал, находясь в раздумье и нерешительности.

— Надеюсь, что ты найдешь правильное решение, — продолжал Юйчунь. — Если ты на самом деле едешь домой и тебе не хватает на дорогу несколько ланов, конечно, кто-нибудь их тебе одолжит. А триста ты не то что за десять дней, но и за десять месяцев вряд ли раздобудешь. Кто в наше время думает о том, чтобы помочь человеку в крайней нужде? Да и красotka твоя затеяла всю эту историю, зная, что тебе негде занять такую сумму.

— Ты, пожалуй, прав, — ответил Ли Цзя, но в душе он никак не мог оставить мысль о гетере.

Наутро он снова отправился на поиски денег, вечером в публичный дом не пошел и так три дня прожил у Юйчуня.

Из десяти условленных дней прошло уже шесть. Ду Мэй, обеспокоенная тем, что Ли Цзя не был у нее несколько дней подряд, послала слугу на поиски. Тому повезло: выйдя на главную улицу, он сразу же натолкнулся на Ли Цзя.

— Господин Ли! — окликнул он Ли Цзя. — Госпожа вас ждет не дождется.

— Сегодня я занят, завтра приду! — ответил Ли Цзя, стыдясь возвращаться к Ду Мэй с пустыми руками.

Но, повинувшись приказу Ду Мэй, слуга схватил Ли Цзя за руку и ни за что не хотел отпускать его.

— Мне велено разыскать вас, и вам придется пройти со мной к госпоже.

Ли Цзя ничего не оставалось, как последовать за слугой, к тому же он сам все время думал о своей любимой. Но, увидев Ду Мэй, Ли Цзя не смог произнести ни слова.

— Ну, как наше дело? — спросила Ду Мэй.

У Ли Цзя навернулись слезы.

— Вероятно, сердца людей скудны сочувствием и вы не можете набрать трехсот ланов?

Сдерживая слезы, Ли Цзя ответил ей на это стихами:

*Неправда, что в горах
легко поймаетшь тигра,
А правда то, что трудно рот раскрыть,
чтобы людей просить об одолженье.*

— Шесть дней подряд я бегал по городу и не сумел достать жалкого лана. Мне было совестно показаться тебе на глаза с пустыми руками. Поэтому и не приходил сюда эти дни. Сегодня слуга передал мне твой приказ, вот я и пришел, объятый стыдом. Я старался вовсю, но таковы уж теперь люди.

— Об этом не должна знать матушка Ду. Сегодня оставайтесь у меня ночевать, я вам должна кое-что поведать, — сказала Ду Мэй и стала готовить вино и закуски. Вместе с любимым она пила и веселилась, а среди ночи спросила у Ли Цзя:

— Как же быть с нашим браком? Вы действительно нигде не можете достать денег?

Ли Цзя молчал, из глаз его лились слезы.

Незаметно подошло время пятой *стражи, стало светать.

— В моем тюфяке спрятаны мелкие деньги: там будет около ста пятидесяти ланов серебром, — сказала тогда Ду Мэй Ли Цзя. — Это мои собственные сбережения. Возьмите их. Здесь как раз половина той суммы, которая нам нужна. Пусть эти деньги будут моей долей, вам придется раздобыть остальное, но это будет уже значительно легче. Остается только четыре дня, смотрите не опоздайте.

С этими словами Ду Мэй встала с постели и передала молодому человеку небольшой тюфяк.

Ли Цзя, пораженный и обрадованный, велел слуге отнести тюфячок Лю Юйчуню, вслед за слугой сам отправился к другу и рассказал ему о происшествиях этой ночи.

Распоров тюфяк, молодые люди нашли запрятанные в вате мелкие серебряные монеты. Взвесив деньги, они убедились, что там действительно сто пятьдесят ланов. Крайне удивленный, Юйчунь воскликнул:

— Да! Эта женщина по-настоящему тебя любит. А раз у нее к тебе такое искреннее чувство, то бросать ее нельзя. Я сделаю все возможное, чтобы тебе помочь.

— Если только ты сможешь мне, я этого никогда не забуду и в долгу не останусь.

Юйчунь посоветовал Ли Цзя остаться у него, а сам отправился на поиски денег. За два дня он сумел достать недостающие сто пятьдесят ланов.

— Деньги эти я одолжил не столько ради тебя, сколько из уважения к чувствам Ду Мэй, — сказал Юйчунь, вручая Ли Цзя деньги.

Ли Цзя взял триста ланов и с сияющим от радости лицом отправился к Ду Мэй. На исходе был только девятый день, так что молодой человек явился за день до срока.

— Прежде вы не могли раздобыть ни гроша. Как случилось, что сегодня вы вдруг сразу достали сто пятьдесят ланов? — удивилась гетера.

Ли Цзя рассказал ей обо всем, что сделал для него Лю Юйчунь.

— О! Лишь благодаря господину Лю наше желание теперь будет исполнено! — воскликнула глубоко благодарная Ду Мэй.

Довольные и счастливые, молодые люди провели весь этот вечер вместе. На следующий день, поднявшись спозаранок, Ду Мэй обратилась к Ли Цзя:

— Как только вы отдадите деньги, я сразу же уеду с вами. Надо заранее позаботиться обо всем, что нужно для дороги. Вчера я одолжила у подруг двадцать ланов серебра, возьмите их, и пусть они пойдут на путевые расходы.

Ли Цзя как раз был озабочен тем, как достать денег на дорогу, но не решался заговорить об этом, и теперь, получив серебро, он очень обрадовался.

В это время в дверь постучали, и раздался голос матушки Ду.

— Мэй! — крикнула она гетере. — Сегодня десятый день!

Ли Цзя открыл дверь и попросил хозяйку войти.

— Вы были к нам так добры, матушка. Я как раз собрался пригласить вас сюда, — сказал Ли Цзя и тут же выложил на стол триста ланов серебра.

Хозяйка, меньше всего ожидавшая, что у Ли Цзя найдутся деньги, даже изменилась в лице: видно было, что она сожалеет и готова отказаться от своих слов.

— Я живу у вас уже восемь лет, — сказала тогда ей Ду Мэй. — За это время я принесла вам не одну тысячу дохода. Сегодня я покидаю ваш дом и начинаю новую жизнь. Но делаю это с вашего

собственного согласия. Вы получаете ровно столько, сколько просили, и деньги эти вручаются вам в назначенный срок. Если вы не сдержите слова и не позволите мне уехать, то господин Ли возьмет деньги назад, а я тотчас покончу с собой. Потеряете и меня и деньги, но раскаиваться будет поздно.

Хозяйке нечего было ответить на это. После долгого раздумья она наконец достала весы, взвесила серебро и сказала:

— Раз уж так, то тебя вряд ли удержишь. Но хочешь уехать, так убирайся сейчас же. Да не надейся, что заберешь с собой наряды и уборы, которые здесь носила.

С этими словами матушка Ду вытолкала Ли Цзя и Ду Мэй за дверь, заперла комнату и повесила на дверь замок.

Стояла холодная осенняя пора. Ду Мэй, прямо с постели, еще не причесанная и не умытая, в стареньком домашнем платье очутилась на улице. Она низко поклонилась хозяйке, Ли Цзя тоже поклонился ей, и они покинули увеселительный дом.

*Сорвалась с крючка золотого,
уплыла рыба-камп,
Вильнула, плеснула хвостом —
больше сюда не вернется.*

— Подожди здесь немного, — сказал Ду Мэй молодой господин, — я найду паланкин, чтобы доставить тебя в дом почтенного Лю, а там уж обсудим, как нам дальше быть.

— Мне следовало бы попрощаться с моими сестрами-подругами, с которыми у меня всегда были хорошие отношения, — сказала Ду Мэй. — Кроме того, они были так добры, что одолжили нам денег на дорогу, и мы непременно должны поблагодарить их.

Ду Мэй и Ли Цзя отправились к подругам гетеры. В самых близких отношениях Ду Мэй была с Се Юэлан и Сюй Сусу, которые жили неподалеку. Молодые прежде всего направились к Се Юэлан. Увидев подругу в старом платье, без всяких украшений на голове, Юэлан очень удивилась и спросила у Ду Мэй, что случилось. Та подробно обо всем рассказала, а затем представила подруге Ли Цзя.

— Это та самая сестрица, которая одолжила нам денег на дорогу, — сказала она, обращаясь к Ли Цзя. — И вам следует ее поблагодарить.

Ли Цзя стал кланяться молодой женщине.

Юэлан помогла Ду Мэй умыться и причесаться и послала за Сюй Сусу, чтобы та пришла повидаться с подругой.

Когда Ду Мэй закончила туалет, обе ее прелестные подруги достали свои изумрудные головные украшения, золотые браслеты, нефритовые шпильки, драгоценные серьги, цветистые платья с вышитыми рукавами, пояса с фениксами, вышитые башмачки. Они нарядили Ду Мэй с иголки, а затем приготовили вино и устроили пир в ее честь. На эту ночь Юэлан уступила свою спальню Ли Цзя и Ду Мэй.

На следующий день снова было устроено празднество, на которое были приглашены все гетеры. Собрались все близкие подруги Ду

Мэй, каждая с чаркой вина подходила к молодым и поздравляла их. Красавицы играли на различных инструментах, пели, танцевали; каждая старалась как могла, чтобы все насладились весельем. Пир длился до глубокой ночи.

Ду Мэй по очереди благодарила каждую из подруг.

— Ты была первой красавицей среди нас, — говорили они ей. — Теперь ты собираешься уезжать с молодым господином, и, может быть, мы больше не увидимся. Когда вы уезжаете? Мы непременно проводим вас.

— О дне их отъезда я дам вам знать, — сказала Юэлан. — Но ведь наша подруга со своим господином отправляется далеко, за десятки тысяч *ли, а денег у нее нет; об этом мы не подумали, а это наше дело, и нам надо позаботиться, чтобы сестрица не испытывала никаких затруднений в пути.

Подруги согласились с Юэлан. Вскоре все разошлись, а Ли Цзя и Ду Мэй снова остались у Юэлан.

Когда пробила пятая стража, Ду Мэй спросила:

— Куда же мы с вами поедем? Думали ли вы об этом и есть ли у вас какое-нибудь определенное решение?

— Мой отец и так очень сердит на меня. Если он узнает, что я женился на гетере, и я привезу тебя домой, нам обоим несдобровать. Я долго об этом раздумывал, прикидывал и так и этак, но пока толком ничего не придумал.

— Чувства отца к сыну даны самой природой, и они всегда остаются в душе, — ответила Ду Мэй. — Но если нам нельзя сразу ехать домой, мы можем пока поселиться где-нибудь в прекрасных местах *Сучжоу или *Ханчжоу. Первым делом отправитесь вы и попросите родственников и друзей замолвить за нас слово перед вашим почтенным отцом, а когда все уладится, приедете за мной. Так будет спокойнее и для вас и для меня.

— Ты права, — согласился Ли Цзя.

На следующий день молодые расстались с Юэлан и отправились к Лю Юйчуню, чтобы собрать вещи. Увидев Лю Юйчуня, Ду Мэй низко поклонилась ему, благодаря за помощь, которую он им оказал.

— Когда-нибудь мы с мужем непременно отблагодарим вас, — сказала она.

Юйчунь поспешил ответить на поклоны и сказал:

— Вы замечательная, вы достойнейшая женщина! Вы остались верны в любви к Ли Цзя и не посчитались с его бедностью. А я лишь помогал ветру раздуть горящий огонь, так что и говорить об этой ничтожной помощи, право, не стоит.

Весь день хозяин и гости провели за вином. На следующее утро они выбрали *день, благоприятный для путешествия, и наняли паланкин. Ду Мэй послала слугу с прощальным письмом к Юэлан.

В час отъезда к дому Лю Юйчуня стали прибегать носильщики с паланкинами — это Се Юэлан, Сюй Сусу и другие подружки-гетеры приехали прощаться с Ду Мэй.

— Сегодня ты отправляешься с молодым господином за тысячи ли отсюда, а сума у тебя пуста. И вот в знак нашей искренней друж-

бы мы решили на прощание преподнести тебе небольшой подарок, который просим принять от всех нас. Если во время долгого пути вы будете испытывать затруднения в деньгах, может быть, он окажет вам некоторую помощь.

С этими словами Юэлан взяла отделанную золотом шкатулку и протянула ее Ду Мэй. Шкатулка была заперта, и что в ней находилось, осталось неизвестным. Ду Мэй не стала раскрывать ее, не стала отказываться от подарка и лишь сердечно поблагодарила подруг.

Тем временем у дома Лю Юйчуня собралось множество повозок и паланкинов, и погонщики стали торопить в путь. Тут Лю Юйчунь предложил всем на прощание по три чарки вина, а затем вместе с остальными отправился провожать молодых. Их проводили до самых ворот Чуньвэньмэнь, и там все они расстались в слезах. Поистине,

*Снова придется ли встретиться,
трудно заранее знать.
Вот отчего расставанье
так тяжело им теперь.*

Итак, продолжаю рассказ. Добравшись до *Лухэ, Ли Цзя и Ду Мэй решили отправиться дальше по воде. Случилось, что казенное судно как раз возвращалось в *Гуачжоу. Ли Цзя договорился о плате и нанял каюту. Однако, когда настал день отплытия, у него уже не было ни гроша.

Но ведь Ду Мэй дала Ли Цзя перед отъездом двадцать ланов серебром, как же это, спросите вы, он остался без денег? Дело в том, что, пока Ли Цзя жил в публичном доме, он заложил все свои наряды, и перед отъездом ему пришлось выкупить кое-что из платья; кроме того, он приобрел подстилку, одеяло, а остаток денег ушел на паланкин и лошадей.

Заметив беспокойство Ли Цзя, Ду Мэй сказала:

— Не тревожьтесь, подарок подруг наверняка нам поможет. — Она достала ключ и открыла шкатулку. Ли Цзя смущенно стоял в стороне, не смея заглянуть в нее. Он только видел, как Ду Мэй вынула оттуда мешочек из красного шелка.

— Посмотрите, что там, — сказала она, положив мешочек на стол. Мешочек оказался довольно увесистым, а когда Ли Цзя заглянул внутрь, то увидел одно серебро; он подсчитал, и оказалось ровно пятьдесят ланов.

Ду Мэй снова заперла шкатулку и не сказала, что там было еще.

— Как добры мои подруги, — заметила она, — их подарок не только избавит нас от лишений в пути, но поможет нам, пока мы будем жить в Сучжоу или в Ханчжоу.

Ли Цзя, удивленный и обрадованный, признался Ду Мэй:

— Если бы не ты, мне пришлось бы скитаться в чужих краях, и некому было бы похоронить меня. О твоей любви, твоём душевном благородстве я буду помнить до седины.

И каждый раз, когда потом заходила речь об этом подарке, Ли Цзя, растроганный, плакал, а Ду Мэй успокаивала его ласковыми словами.

Не прошло и нескольких дней, как они без приключений добрались до Гуачжоу. Судно бросило в порту якорь; Ли Цзя нанял джонку, перенес туда свой багаж и договорился, что на следующий день рано утром они переправятся на другой берег Янцзы.

Была уже середина зимы, и светила яркая блестящая луна. Ли Цзя и Ду Мэй сидели на носу джонки.

— С тех пор как мы покинули столицу, — сказал Ли Цзя, — нам все время приходилось сидеть в каюте, кругом были посторонние, и нам не удавалось поговорить друг с другом так, как хотелось бы. Сегодня мы в джонке одни, стесняться нам некого, к тому же мы покидаем север и приближаемся к *Цзяннани. Было бы неплохо повеселить себя вином и развеять мысли о бывлых невзгодах. Что ты скажешь?

— И я думала об этом. Нам давно не доводилось поболтать и посмеяться, и, когда вы об этом заговорили, мне стало приятно, что мы подумали об одном и том же.

Ли Цзя тут же вынес сосуд с вином и, расстелив на носу джонки ковер, уселся рядом с Ду Мэй. Кубки наполнялись снова и снова, и, когда оба захмелели, Ли Цзя обратился к своей возлюбленной:

— Ты прекрасно поешь и слависься как первая певица среди шести заведений столицы. Каждый раз, когда я слышу твой голос, моя душа как будто уносится куда-то. Последнее время мы так были полны с тобой тревог и забот, что я давно не слышал твоего чудесного голоса. Сейчас ночь, мы одни среди прозрачной реки, ярко освещенной луною, может быть, ты споешь что-нибудь для меня?

Ду Мэй, вдохновенная и радостная, ударяя веером в такт мелодии, запела арию на напев «Маленький персик краснеет». Это была ария из пьесы «Поклонение луне в беседке», написанной Ши Цзюнь-мзем во времена *Юань, та самая ария, которая поется, когда герой подносит красавице чару вина. Пела она так, что, действительно,

*До неба высокого звук донесется —
тучи свой бег остановят,
В глубоком источнике песню услышат —
выплывут рыбы на берег.*

Случилось так, что в это же время поблизости, на другой джонке, сидел некий молодой человек по фамилии Сунь, по имени Фу; родом он был из Синьани, что в округе *Хуэйчжоу. Все его родичи из поколения в поколение торговали солью в области *Янчжоу, и семья его обладала огромным состоянием. Молодому человеку только что исполнилось двадцать лет, он жил в южной столице и, подобно Ли Цзя, состоял при Гоцзыцзянь. Он отличался веселым нравом, покупал улыбки в увеселительных заведениях, искал утехи у певиц и гетер. Словом, это был человек ветреный и легкомысленный.

Он сидел один и потягивал вино от скуки, как вдруг услышал ясные и чистые звуки песни. Ничто не могло сравниться с прелестью

этого голоса. Сунь Фу вышел из каюты и долго прислушивался, пока наконец не понял, что поют рядом на джонке. Он только собрался было пробраться к ней, посмотреть, кто поет, но в это время звуки песни умолкли. Тогда он послал слугу тайком разузнать у лодочников, чья это джонка. Выяснилось, что джонку нанял молодой господин Ли, а о женщине, которая пела, никто ничего не знал.

«Это наверняка пела какая-нибудь гетера! — решил Сунь Фу. — Как бы повидать ее?» Мысль об этой женщине всю ночь не давала ему заснуть.

К пятой страже на реке поднялся сильный ветер, а когда рассветло, все небо покрылось красными облаками и повалил снег.

Прямо как в стихах:

*За тучами скрылись
на горных высотах деревья,
Нигде на дорогах
людского следа не видать.
Лишь в лодке убогой,
в соломенной шляпе, в плаще,
Удит на реке среди снега
рыбак одинокий.*

Из-за сильного ветра и снега переправа была невозможна. Сунь Фу распорядился подчалить рядом с джонкой Ли Цзя, а сам, надев соболью шапку и лисью шубу, распахнул окно каюты и притворился, что любит снег. В это время Ду Мэй, только что закончившая свой туалет, тонкой изящной рукой приподняла занавеску и вылила за борт воду из таза. Сунь Фу успел ее разглядеть: действительно — краса страны, небесный аромат! Не отрывая взора от соседней джонки, юноша с трепетом и волнением ждал не выглянет ли красавица снова, но она больше не появлялась. Сунь Фу задумался и наконец, опершись на окно, громко нараспев произнес строки из стихотворения ученого *Гао «Цветок *мэй»:

*Там, где горы, как снегом, покрыты
цветом мэй, отдыхает отшельник.
И, купаясь в сиянии лунном,
в роще тихой красавица бродит.*

Ли Цзя, услышав, что в соседней джонке кто-то напевает стихи, выглянул из каюты. Сунь Фу этого только и ждал: он рассчитывал своей песней привлечь внимание соседа и, пользуясь случаем, завести с ним беседу. Увидев Ли Цзя, Сунь Фу тотчас поспешил приветствовать его и осведомился о его фамилии и имени.

Ли Цзя представился и в свою очередь, разумеется, спросил о том же Сунь Фу. Сунь Фу тоже назвал. Они заговорили о делах в Гоцзыцзянь, и постепенно у них завязалась непринужденная беседа.

— Я почитаю за истинное счастье, что ветер и снег, помешавшие нам двинуться в путь, дали мне возможность встретиться с вами, — заметил Сунь Фу. — Слишком уж скучно на джонке! Мне

бы очень хотелось сойти с вами на берег, выпить немного вина и послушать ваши мудрые речи. Надеюсь, вы не откажете?

— Мы встретились случайно, как водяные чечевицы в море. Посмею ли я принять ваше столь любезное приглашение?

— Ну что вы, право, говорите! *В пределах четырех морей все братья меж собой!

С этими словами Сунь Фу приказал лодочнику перебросить трап на джонку соседа. Слуга с раскрытым зонтиком встретил Ли Цзя и провел его к своему хозяину. Тот, уступая дорогу гостю, вслед за ним сошел на берег. Не прошли молодые люди и нескольких шагов, как очутились перед винной лавкой. Поднявшись наверх, они выбрали чистенький столик у окна и сели. Подали вино. Сунь Фу стал наполнять чарки и угощать.

Так они пили вино и любовались снегом. Сначала они беседовали, как истинные ученые, но постепенно разговор перешел на любовные темы. Оба в этом деле оказались людьми бывальными, обнаружили общность вкусов, понимали друг друга с полуслова и так разговорились, что вскоре стали друзьями.

— Кто это прошлой ночью пел у вас на джонке? — отослав слугу, тихо спросил Сунь Фу.

Ли Цзя, который только что собирался похвастать, откровенно заявил:

— Это знаменитая гетера северной столицы Ду Мэй, или, как ее называют, Ду Десятая.

— Если это гетера, то как случилось, что она здесь, с вами?

Тогда Ли Цзя рассказал о том, как он впервые встретился с Ду Мэй, как они полюбили друг друга, как решили пожениться, как он одолжил деньги и выкупил ее, словом, рассказал всю историю от начала и до конца.

— Вы возвращаетесь на родину с красавицей — это, конечно, очень приятно. Но интересно, как к этому отнесутся у вас дома?

— Что касается *жены, это меня не тревожит, меня беспокоит строгость отца. Тут еще придется как следует поразмыслить.

Сунь Фу тотчас спросил:

— Раз вы не уверены в том, что ваш почтенный отец потерпит в своем доме гетеру, где же вы думаете устроить красавицу? Вы говорили ей об этом, советовались с ней?

— Да, я уже говорил с ней, — ответил Ли Цзя, нахмурившись.

— Ну, уж она, конечно, придумала какой-нибудь прекрасный план! — сияя, заметил Сунь Фу.

— Она собирается временно поселиться в Ханчжоу или в Су-чжоу, а я тем временем поеду домой и попрошу друзей и родственников замолвить за меня слово перед отцом. Когда отец сменит гнев на милость, я привезу ее к себе. Каково будет ваше высокое мнение по этому поводу?

Сунь Фу долго молчал с таким видом, будто он чем-то огорчен.

— Мы с вами только что познакомились, — сказал он наконец, — дружба наша еще не успела окрепнуть, и я боюсь навлечь на себя ваш гнев, заходя далеко в своих словах.

— Ваши советы и мудрые указания могли бы мне очень помочь, — возразил Ли Цзя. — К чему скромничать?

— Почтенный ваш отец занимает такое положение, при котором, конечно, он не может не быть строг и щепетилен в отношении репутации своей семьи. Если он прежде был недоволен тем, что вы посещаете неподобающие заведения, то разве согласится теперь, чтобы его сын женился на непорядочной женщине? А все ваши благородные родственники и знатные друзья вряд ли захотят говорить не в тон вашему отцу. Вы зря только пойдете просить их, они наверняка вам откажут. Если даже и найдется какой-нибудь малоумудренный в жизненных делах человек, который попробует замолвить за вас словечко, и тот заговорит по-другому, едва увидит, что ваш почтенный отец не согласен. Выйдет, что вы не только не сумеете снискать расположение домашних, но и своей возлюбленной не сможете сказать ничего утешительного. Жить со своей гетерой где-то вдали от родных — тоже не дело, да и долго ли это может продолжаться? А если еще у вас и средства иссякнут, то вы окажетесь в безвыходном положении.

Ли Цзя невольно кивнул головой — ведь из последних пятидесяти ланов уже была истрачена добрая половина.

— Я хотел бы посоветовать вам кое-что от всей души, — продолжал Сунь Фу. — Согласитесь ли вы меня выслушать?

— Вы так любезны. Прошу вас, скажите все, что думаете.

— Лучше бы мне, конечно, не говорить, ведь постороннему не следует становиться между мужем и женой.

— Ничего, говорите!

— Издревле известно, что в характере женщины нет постоянства. А уж о женщинах из увеселительных домов и говорить не приходится. Они редко бывают искренни и чаще всего фальшивят. Если ваша возлюбленная — одна из известнейших гетер шести заведений столицы, то знакомых у нее, наверно, полно по всей стране. Возможно даже, что она уже заранее договорилась о встрече с кем-нибудь на юге, и вы ей нужны только для того, чтобы привезти ее туда.

— Нет, это-то навряд ли, — возразил Ли Цзя.

— Пусть это и не так. Но, как вам известно, молодые люди Цзяннани отличаются крайней распущенностью и легкомыслием. Если вы привезете туда такую красавицу и оставите ее в одиночестве, вряд ли сможете поручиться, что ее не соблазнят искатели любовных приключений. А если возьмете с собой, то еще больше восстановите против себя вашего отца. Признаться, я не вижу для вас благоприятного выхода. Разве можно нарушать освященные небом отношения между отцом и сыном? Если вы из-за женщины поссоритесь с отцом, из-за какой-то гетеры покинете отчий дом, то во всей вселенной прослывете за легкомысленного, непорядочного человека. Настанет день, когда жена ваша не будет считать вас мужем, младший брат не будет смотреть на вас, как на старшего, а ваши друзья перестанут считать вас другом. Как вы будете жить тогда на свете и где будет вам место? Об этом вам следует подумать теперь же.

Ли Цзя совсем растерялся.

— Что вы мне посоветуете, как, по вашему мнению, должен я поступить? — спросил он, придвигаясь к Сунь Фу.

— Я бы мог предложить вам очень удобный выход. Но боюсь, что вы слишком предались *«циновке и подушке», поэтому вряд ли из этого что-нибудь выйдет и я только зря буду тратить слова.

— Если у вас действительно удачный план, благодаря которому я вновь сумею обрести радость семейной жизни, то вы просто станете моим благодетелем. Так зачем же колебаться, почему не высказать все?

— Вы уже больше года не живете дома. На вас гневается отец, и, будь я на вашем месте, я, право, не смог бы спокойно ни спать, ни есть. Но отец ваш сердится на вас только за то, что вы предались любовным увлечениям и сорите деньгами; беспокоится, что вы можете когда-нибудь разорить семью и, значит, вам нельзя доверить наследства. Если вы теперь вернетесь домой без гроша, то как раз попадете под его горячую руку. Но если бы вы могли отказаться от вашей любви и действовать, сообразуясь с обстоятельствами, то я был бы не прочь предложить вам тысячу ланов. С этими деньгами вы явились бы домой и сказали бы отцу, что в столице у вас были уроки и что вы никогда не тратали попусту ни гроша. Отец, конечно, поверит вам, в доме воцарится мир и спокойствие, и на этом кончатся для вас всякие неприятности. Подумайте об этом хорошенько! Я вовсе не зарюсь на вашу красавицу-гетеру, а просто хочу сделать, что могу, чтобы помочь вам.

Своими доводами Сунь Фу окончательно уничтожил сомнения Ли Цзя, человека нерешительного и больше всего боявшегося отца. Встав и поклонившись Сунь Фу, он проговорил:

— Ваши мудрые наставления сразу же раскрыли мне глаза. Но она столько проехала со мной; мне трудно так вдруг ее бросить. Я вернусь и посоветуюсь с ней, и если получу ее согласие, то дам вам знать.

— Только будьте с ней помягче и поласковей. Если она действительно предана вам, то, конечно, не пожелает разлучить вас с отцом и сделает все, чтобы вы смогли возвратиться домой.

Они выпили еще вина. Ветер стих, снег прекратился. Вечерело. Сунь Фу приказал слуге расплатиться за вино, и они рука об руку пошли к джонке. Вот уж действительно,

*Не всем делись ты с первым встречным
И сердца не клади пред ним.*

Между тем Ду Мэй приготовила закуски, собираясь провести со своим возлюбленным время за чаркой вина; но прошел целый день, а он все не приходил. И вот, поджидая его, она зажгла лампу.

Когда Ли Цзя вернулся на джонку, Ду Мэй пошла ему навстречу и, заметив, что Ли Цзя недоволен и чем-то расстроен, налила ему полный кубок *горячего вина и предложила выпить. Ли Цзя отрицательно покачал головой и, не говоря ни слова, лег в постель.

Ду Мэй, встревоженная и огорченная, собрала со стола, помогла Ли Цзя раздеться, уложила его и спросила:

— Что с вами сегодня случилось, почему вы так опечалены?

Ли Цзя только молча вздыхал. Ду Мэй несколько раз повторила свой вопрос, но Ли Цзя уже заснул. Не в силах отогнать тревогу, Ду Мэй сидела у изголовья не смыкая глаз.

Среди ночи Ли Цзя проснулся и тяжело вздохнул.

— Что случилось, почему вы молчите и только вздыхаете?

Ли Цзя присел на постели и запахнулся в одеяло. Несколько раз пытался он заговорить, но так и не мог. Из глаз его хлынули слезы. Ду Мэй обняла его и стала успокаивать:

— Мы любим друг друга уже около двух лет, — начала она. — Нам пришлось пережить много горя и бедствий, испытать немало лишений, пока мы дожили до этого дня. За все время нашего долгого пути вы никогда не были так печальны. Что же могло вас огорчить и расстроить теперь, когда мы уже собираемся переплыть Янцзы и думаем начать вместе нашу новую счастливую жизнь? Неспроста ведь это! Мужа и жену не должны разлучать ни жизнь, ни смерть. Если что-нибудь случилось, непременно нужно посоветоваться, обсудить, а не умалчивать и скрывать.

Она так долго убеждала его, что Ли Цзя уже не мог больше молчать и в конце концов со слезами поведал ей:

— Я находился на чужбине, в нужде, а ты не отвергла меня и последовала за мной, несмотря ни на что. Твоя доброта не знает себе равной! Но я думал, передумывал и просто не знаю как быть. Отец занимает высокую должность, строгих правил и вообще человек суровый. Боюсь, что мы окончательно прогневим его и он нас выгонит. До каких же пор нам скитаться с тобой и чем все это кончится? Сегодня мой друг Сунь Фу удостоил меня вниманием и пригласил выпить, мы с ним говорили об этом, думали, что лучше предпринять, и теперь у меня словно нож в сердце.

— Что же вы решили? — спросила в крайней тревоге Ду Мэй.

— Видишь ли, как говорит пословица, видней тому, кто смотрит со стороны, а кто играет — голову теряет. Вот Сунь Фу придумал для меня очень удачный выход, боюсь только, что ты не согласишься.

— Что за человек этот Сунь Фу? Если его план хорош, почему бы мне с ним не согласиться?

— Мой друг Сунь Фу — сын крупного торговца солью из Синьани. Это молодой, любезный сючай. Сегодня ночью он слышал, как ты поешь, и стал меня расспрашивать о тебе. Когда я поведал ему нашу историю и рассказал о том, что мы не можем вернуться домой, он выразил желание сосватать тебя за тысячу ланов. Имея тысячу ланов, я мог бы явиться к родителям, да и ты была бы пристроена. Но мне тяжело расстаться с тобой, поэтому я так терзаюсь и плачу.

Ли Цзя умолк, и слезы ручьем полились из его глаз.

— Тот, кто предложил вам это, безусловно наидостойнейший человек! — освободив Ли Цзя из своих объятий, с усмешкой заметила Ду Мэй. — Вы возвращаете себе тысячу монет, которые потратили в свое время, а я перехожу к другому и тем самым избавляю вас

от обузы. И все будет, так сказать, и разумно и прилично. Действительно, это выход, который устраивает нас обоих. Так где же эта тысяча ланов?

— Не получив твоего согласия, — сказал Ли Цзя, вытирая слезы, — я решил денег не брать, так что пока их у меня еще нет.

— Завтра же утром немедленно предупредите Сунь Фу о вашем согласии. Такого случая упускать не следует. Но тысяча монет — это не пустяк: пусть он сначала деньги точно взвесит, передаст вам, и только тогда я перейду к нему на джонку. Смотрите, чтобы вас не обманул проходимец-торгаш!

К тому времени уже пробила четвертая стража. Ду Мэй поднялась, зажгла лампу и, совершая свой утренний туалет, сказала Ли Цзя:

— Сегодня я должна выглядеть особенно нарядной — ведь я провожаю старого и встречаю нового гостя.

Тут она достала румяна, белила, ароматное масло и с особой тщательностью принялась за дело. С наколкой, украшенной цветами, в волосах, в вышитом узорчатом платье, она была очаровательна. Вокруг нее веяли ароматы, блеск красоты ее слепил глаза.

Уже занялся день, когда Ду Мэй покончила с туалетом. В это время на джонку за ответом явился слуга от Сунь Фу.

Ду Мэй украдкой взглянула на Ли Цзя и, заметив, что он как будто даже доволен, велела немедленно дать ответ Сунь Фу и тут же получить от него деньги.

Ли Цзя сам отправился на джонку к Сунь Фу и сообщил о согласии гетеры.

— Взвесить серебро — пустое дело, — заметил Сунь Фу. — Только пусть она сначала пришлет мне свою шкатулку в залог слова.

Когда Ли Цзя сказал об этом, Ду Мэй, указывая на шкатулку с золотой отделкой, сказала:

— Пусть отнесут ее!

Обрадованный, Сунь Фу тут же прислал тысячу ланов серебра на джонку Ли Цзя.

Ду Мэй, пересчитав все и убедившись в том, что серебро было соответствующего качества и вся сумма представлена сполна — ни на грош меньше, — подошла к борту лодки и помахала рукой Сунь Фу, у которого от радости душа едва не вылетела из тела. Раскрыв свои пунцовые губки и обнаружив при этом необыкновенной белизны зубы, Ду Мэй сказала:

— Перешлите мне на минутку шкатулку, которую я только что вам послала. Там лежит подорожная господина Ли Цзя, надо ее вернуть ему.

Сунь Фу, который считал, что теперь гетера уже в его руках, приказал слуге отнести шкатулку.

Ду Мэй достала ключ и открыла замок. В шкатулке был ряд выдвижных ящичков. Ду Мэй попросила Ли Цзя вытащить и подать ей первый из них. Он был наполнен перьями зимородка, блестящими подвесками, нефритовыми головными шпильками, драгоценными серь-

гами. Все это стоило несколько сотен ланов. К великому изумлению Сунь Фу, Ли Цзя и всех, кто был на обеих джонках, Ду Мэй вдруг швырнула этот ящик в воду.

Затем она приказала Ли Цзя вытащить следующий ящичек; в нем оказались нефритовые свирели и золотые флейты. Достали еще один ящичек, который был полон редчайших старинных вещей из яшмы и чистого золота. Эти драгоценности, которые стоили несколько тысяч ланов, были также выброшены за борт.

Тем временем и на джонках и на берегу столпился народ, и, не понимая, что происходит, люди в удивлении кричали:

— Как жалко, как жалко!

Наконец был извлечен еще один ящичек, в котором лежала маленькая коробка. В ней оказались: с пригоршню сверкающего в ночи жемчуга, изумруды, *«кошачьи глаза» и другие драгоценные камни, которых никто никогда не видел и не смог бы назвать им цену.

Пораженные, люди снова подняли крик: словно гром пронесся над рекой. Ду Мэй собиралась и эту коробочку выбросить в реку, но Ли Цзя, которому вдруг стало стыдно, обнял Ду Мэй и зарыдал. Сунь Фу тоже подошел к ней и стал утешать ее.

Оттолкнув Ли Цзя, Ду Мэй обрушилась на Сунь Фу:

— Прежде чем очутиться здесь, мне и господину Ли пришлось пережить немало лишений и бед. Ты же из грязных побуждений вкрадчивыми и коварными речами разбил наше счастье и разрушил нашу любовь. Я тебя ненавижу! Если после смерти будет жива моя душа, я буду жаловаться на тебя духам неба! И ты еще мечтаешь о любовных наслаждениях со мной!

— За те годы, что я жила незавидною жизнью гетеры, — продолжала Ду Мэй, обращаясь теперь к Ли Цзя, — я скопила себе кое-что на будущее. Но когда я встретила вас, то мы поклялись вечно любить друг друга. И вот перед отъездом из столицы я нарочно подстроила так, чтобы мои подруги подарили нам все мои драгоценности, которых в шкатулке было не меньше чем на десять тысяч ланов. На эти деньги я собиралась со всей роскошью снарядить вас в дорогу, когда вы поедете к вашему отцу и матушке. Я надеялась, что ваши родители сжалятся и, убедившись в моей искренности, примут меня и до конца жизни я проживу с вами, исполняя свой долг, без слова сожаления. Но у вас, оказывается, не нашлось твердой веры в меня, и чужие пустые слова сбили вас с толку. Вы решили покинуть меня, невзирая на глубину и искренность моих чувств. Сегодня на глазах у всех я велела раскрыть шкатулку, чтобы вы могли убедиться, что какая-нибудь тысяча ланов для нас пустяк. У меня-то в ларце яшма была, но у вас, к сожалению, глаза без зрачков оказались! Не повезло мне в жизни — едва избавилась от прежних лишений и невзгод, как оказалась брошенной. Пусть все будут свидетелями: я не была неверной, это вы меня оставили.

Присутствующие плакали, бранили Ли Цзя за его бессердечие и измену. Ли Цзя, пристыженный и убитый горем, каялся и рыдал. И

только он собрался было просить прощения у Ду Мэй, как та с драгоценной шкатулкой в руках бросилась в воду.

Окружающие подняли крик, кинулись спасать красавицу, но в клокочущей волнами и темной от нависавших туч реке не найти было следов утопленницы.

Так вот изящная, как цветок, прекрасная, словно яшма, знаменитая гетера оказалась погребенной в утробе рыбы.

*Плоть в царство речное уплыла,
Дух на пути в мир иной.*

Свидетели этой сцены неистовствовали. Они с кулаками набросились на виновников. Ли Цзя и Сунь Фу, совершенно растерянные, приказали лодочникам поскорей отчаливать. Джонки разъехались в разные стороны и скрылись из виду.

Сидя у себя на джонке и глядя на лежавшую перед ним тысячу ланов, Ли Цзя не переставал думать о Ду Мэй, без конца раскаивался и сожалел о случившемся. От непомерной тоски он вскоре сошел с ума и до самой смерти не излечился от своего недуга.

Сунь Фу от страха, который ему пришлось в тот день пережить, заболел и больше месяца был прикован к постели. Ему все время мерещилось, что Ду Мэй стоит рядом и нещадно бранит его. Долго так мучился Сунь Фу и в конце концов умер. Люди считали, что это было мстью за то зло, которое он совершил на реке.

Скажем еще, что Лю Юйчунь, закончив курс при Гоцзыцзянь, собрал вещи и отправился на родину. Как-то раз, когда джонка его стояла в *Гуабу, он, умываясь в реке, обронил в воду медный таз. Лю Юйчунь попросил какого-то рыбака выловить его, а тот вытащил из воды небольшую шкатулку. Когда Лю Юйчунь раскрыл шкатулку, то увидел, что она полна жемчугом, изумрудами и другими драгоценными камнями. Лю Юйчунь щедро отблагодарил рыбака, а шкатулку положил у изголовья и любовался ею.

В ту же ночь ему приснилось, что, идя по волнам, к нему приближается какая-то женщина. Вглядевшись, он узнал в ней Ду Мэй. Она подошла к нему, приветствовала его и поведала историю измены Ли Цзя.

— Вы были чрезвычайно добры ко мне, помогли мне, — сказала она затем. — Я собиралась отблагодарить вас, когда мы приедем на место, но осуществить этого мне так и не удалось. Но я все время думала о вашем добром сердце и никогда не забывала о вашем поступке. Сегодня утром я через рыбака послала вам маленькую шкатулку, чтобы хоть этим выразить свою признательность. Больше мы с вами не увидимся!..

Тут Лю Юйчунь проснулся. Он понял, что Ду Мэй уже нет в живых, и долго после этого грустил о ней.

Люди последующих поколений, вспоминая эту историю, говорили, что Сунь Фу был человеком непорядочным, раз он задумал отобрать красавицу и выбросил на это тысячу ланов; а Ли Цзя, не су-

мевшего понять всей искренности исстрадавшегося сердца Ду Мэй, они считали просто глупцом и человеком, который не заслуживает того, чтобы о нем говорили. О Ду Мэй рассуждали так: это была на редкость достойная женщина, она, конечно, могла бы найти себе хорошую пару и быть счастливой, но ошиблась, полюбив молодого Ли Цзя. Светлый жемчуг, прекрасная яшма попала в руки слепца! Любовь стала ненавистью, а добрые и нежные чувства превратились в текущую воду. Да, жаль, бесконечно жаль!

В стихах говорится:

*Если не знаешь ты сердца влечений,
зря не берись говорить —
Вряд ли любой глубоко понимает
слово простое «любить».
Если ж постичь до конца ты сумеешь
смысл настоящей любви,
Стыдным тебе не покажется, нет —
коль беспутным тебя назовут.*

8. ЧЖУАН ЦЗЫСЮ БЬЕТ В ТАЗ-БАРАБАНЧИК И ПОСТИГАЕТ ВЕЛИКОЕ ДАО

*Знатность, богатство — лишь грезы ночных сновидений;
призрачны слава, успех — словно легкая дымка.
Искренних чувств не бывает порой и среди близких —
в ненависть, злобу даже любовь обращают и нежность.*
** Незачем сдавливать шею кангой золотою,
яшмовой цепью опутывать тело не надо.
Сердце очисти, от желаний избавься ненужных,
будь в стороне от пыли мирской, суеты;
Радость постигнуть сумей, обрести наслажденье
в том лишь, чем щедро природа тебя наделила.*

Написанные на мотив «Луна над Западной рекой», эти строки говорят о том, что людям следует освободить себя от пут любви и страстей и жить беспечно и вольно. Но, конечно, речь здесь не об отце и сыне или старшем и младшем братьях. Отношения между ними определены самой природой, они неотделимы друг от друга, как ветви от дерева. И ни *конфуцианство, ни буддизм, ни *даосизм, несмотря на различие их учений, не отвергали чувства сыновней почтительности и уважения младших братьев к старшему. Другое дело внуки и правнуки. Это далекие поколения, позаботиться о них — дело отцов, и дедам много думать о внуках не приходится. Ведь, право, хорошо сказано в реченье:

*У внуков, правнуков своя судьба,
И лошадь, волом для них не будь!*

Совсем иначе обстоит дело с отношениями между мужем и женой. Соединила ли их *алая нить, или *красный шнур связал их, — все равно это только одно тело, прилепившееся к другому; они сходятся и расходятся, поэтому и говорят:

*Жена и муж под общей крышей,
как птицы, что в лесу одном;*

*И лишь пробьется луч рассвета,
уж врозь летят своим путем.*

В наше время люди испортились. Отец к сыну, сын к отцу, брат к брату стали относиться уже не как прежде. Правда, нельзя сказать, чтобы теперь отец не любил сыновей, но разве так он любит свою жену? Ведь ныне люди обычно находятся во власти нежностей и ласк женщины, прислушиваются к ней и слепо подчиняются тому, что она нашептывает, лежа рядом на подушке. Бывает, жена так вскружит человеку голову, что он забывает и сыновний долг, и братскую любовь. Но это, конечно, случается с людьми слабовольными и не очень умными. Что касается нашей истории о Чжуан-цзы, то приводим мы ее вовсе не для того, чтобы сеять разлад между мужем и женой, а для того лишь, чтобы научить людей отличать мудрые поступки от глупых, истину от лжи. Если научиться при первом же увлечении отбрасывать порочные мысли, то постепенно все *шесть основ становятся чистыми, идеи истинного пути дают ростки, и в этом человек обретает счастье. Большой смысл заложен в песне, которую сложили люди далекого прошлого, когда смотрели, как земледелец сажал рассаду риса:

**Риса рассаду в руки берешь,
в землю втыкаешь ее;
Голову книзу склонив,
видишь ты небо в воде.
Если чисты шесть корешков,
только тогда будет рис;
Хоть и идешь ты назад —
это движенье вперед.*

Рассказывают, что в конце династии *Чжоу жил прославленный мудрец по фамилии Чжуан, по имени Чжоу, *второе его имя было Цзысю; родом он был из уезда Мэн, что в княжестве *Сун. Он верно служил государю в должности мелкого чиновника в *Циюане. Впоследствии Чжуан Цзысю стали называть *Чжуан-цзы, то есть Учитель Чжуан. Его наставником был великий мудрец, родоначальник даосизма, Ли Эр. Мудреца Ли обычно называли Лао-цзы, Стариком-философом, так как от рождения у него были белые волосы.

Однажды Чжуан-цзы днем заснул. Ему приснилось, что он стал бабочкой и беззаботно порхает по садам и лесам меж трав и цветов; при этом его охватило какое-то удивительно приятное чувство. Когда он проснулся, ему все еще казалось, что руки его движутся, как крылья в полете. Чжуан-цзы был крайне этим удивлен. Впоследствии он постоянно видел все тот же сон.

Как-то во время своих бесед с Лао-цзы о *«Книге перемен» Чжуан-цзы рассказал учителю свой сон. Лао-цзы, который был великим мудрецом и познал суть *чередования жизни прошлой, настоящей и будущей, объяснил ему происхождение этого сна, поведав ему о том, что в те времена, когда еще только разделился *хаос, Чжуан-цзы был не чем иным, как белой бабочкой. Затем, когда небо породи-

ло воду, вода — деревья, когда деревья зацвели, а цветы пышно распустились, бабочка та вобрала в себя нектар всех цветов, взяла от солнца и луны изящество и красоту и, вдохнув в себя чистый воздух, стала бессмертной. Крылья ее выросли и сделались большими, как колеса. Как-то раз, порхая над *Яшмовым прудом, она тайком высосала нектар из священного персика и была за это насмерть заклена черным фениксом, охранявшим цветы в саду Си Ван-му. Но душа этой бабочки продолжала существовать, переродилась и воплотилась на земле в Чжуан-цзы. И так как природа Чжуан-цзы была необычна, а стремление его к совершенствованию и к истинному пути непоколебимо, то он стал учеником Лао-цзы и начал постигать его учение о спокойствии и великом недеянии. Теперь, когда Лао-цзы открыл ему истину его прошлой жизни, Чжуан-цзы словно очнулся ото сна. Он чувствовал, будто под руками у него гуляет ветер, ему казалось, что у него есть крылья и что он бабочка. Все мирское — упадок, славу, богатство и смерть — он стал считать мимолетным облаком, текучею водою, которые уходят, не оставляя после себя и следа. Лао-цзы понял, что душа Чжуан-цзы окончательно прозрела, и посвятил его в сокровенный смысл пяти тысяч слов *«Дао Дэ цзина». Без устали заучивая мудрые изречения «Дао Дэ цзина» и совершенствуя себя, Чжуан-цзы вскоре постиг искусство перевоплощения, научился становиться невидимым, и его душа могла отделяться от тела. Тогда Чжуан-цзы оставил должность, простился с Лао-цзы и стал скитаться по стране в поисках истины.

И хотя Чжуан-цзы поклонялся *учению чистоты, он вовсе не чуждался природы и трижды был женат. Первая его жена умерла от болезни, вторую он прогнал за недостойное поведение, и теперь мы расскажем о его третьей жене, урожденной Тянь. Она была из знатного рода княжества *Ци. Семья Тянь, с большим уважением относившаяся к Чжуан-цзы, выдала за него дочь, когда он однажды оказался в их княжестве. Госпожа Тянь, белотелая, стройная и изящная, как фея, была еще красивее двух его предыдущих жен. Хотя Чжуан-цзы и не был женолюбив, но он уважал супругу, и они жили, можно сказать, душа в душу.

Случилось так, что князь Вэй-ван из удела *Чу, прослышав о мудрости Чжуан-цзы, решил пригласить его на должность первого советника и послал за ним послов с подарками: золотом, парчой и колесницей, запряженной четверкою лошадей. В ответ на приглашение князя Чжуан-цзы со вздохом сказал:

— Попона жертвенного быка из узорчатой ткани, кормят его сытным горохом и вкусной травой; когда он видит простого быка, который из последних сил работает в поле, он хвастает перед ним своим почетным положением; но когда его вводят в храм предков и он видит занесенный над ним нож, тогда и сам хотел бы стать простым рабочим быком, но это уже невозможно!

Отказавшись от должности, Чжуан-цзы вместе с женой вернулся в княжество Сун и скрывался от мирской суеты в Цаочжоу, в горах Наньхуа.

Как-то раз Чжуан-цзы вышел из дому прогуляться. Неподалеку от дома, у подножия горы, было заброшенное кладбище, сплошь в могильных холмах. Проходя мимо, Чжуан-цзы со вздохом произнес: «Вот где нет различия между юношей и стариком, между мудрым и глупцом. Все попадают в одну и ту же обитель. А попав туда, уже не вернешься в человеческий мир!»

Он постоял, еще раз вздохнул и направился дальше. Но едва прошел он несколько шагов, как вдруг увидел свежий могильный курган, на котором еще не успела обсохнуть земля. У могилы сидела молодая женщина в трауре, в руке у нее был белый шелковый веер, которым она непрерывно обмахивала холмик.

— Госпожа, кто похоронен здесь? И почему вы обмахиваете могилу? — удивленный, спросил Чжуан-цзы.

Женщина даже не приподнялась и, продолжая махать веером, сказала, правда, прелестным мелодичным голоском, но сказала такое, что

*Послушаешь ее —
и смех, и гнев берет;
Куда деваться от стыда
другая бы не знала.*

— В этой могиле лежит мой муж, — поведала женщина. — Он недавно умер и здесь похоронен. Мы любили друг друга, ему было жалко расставаться со мной, и, умирая, он сказал, что если я захочу снова выйти замуж, то могу сделать это лишь после всех похоронных обрядов и не раньше, чем высохнет его могила. Но ведь на свежей могиле земля высыхает медленно, поэтому я ее и обмахиваю.

Чжуан-цзы подумал про себя: «Как этой женщине не терпится! И не стыдно ей говорить, что она любила мужа? Представляю, что было бы, если б они не любили друг друга!»

— Значит, вы хотите, чтобы эта земля высохла скорее, — сказал он, обращаясь к женщине. — Это нетрудно, беда только в том, что ваши руки нежны, в них нет силы, и вы машете веером слишком слабо. Но я с удовольствием помогу вам. Разрешите?

Та приподнялась, низко поклонилась Чжуан-цзы и со словами: «Премного благодарю вас» — передала ему свой веер. Тогда Чжуан-цзы, обратившись к одному из способов даосской магии, поднял руку, взмахнул несколько раз веером, и тотчас вся влага могильной насыпи испарилась, земля высохла. Женщина просияла. Приветливо улыбаясь, она поблагодарила Чжуан-цзы, извинилась за то, что пришлось его утруждать, и тут же своей изящной ручкой вынула из прически серебряную шпильку и вместе с белым шелковым веером передала Чжуан-цзы, прося его принять это в знак признательности. Чжуан-цзы отказался от шпильки, но веер принял. Женщина, довольная, удалилась.

Чжуан-цзы был всем этим крайне возмущен. Он вернулся домой, сидя у себя, долго рассматривал веер и наконец, вздохнув, произнес:

*Кому не суждено друг друга полюбить,
не встретиться им в жизни никогда;
Но уж как долго будут вместе жить супруги,
кто может на земле предугадать?
Когда бы знать, что стоит умереть,
забудут чувство долга и любовь,
При жизни постарался б сам
из сердца вырвать нежность и любовь.*

Госпожа Тянь, которая в это время стояла за спиной мужа и слышала его скорбные слова, поспешила узнать, что произошло.

Чжуан-цзы был мудрым, высоконравственным человеком, познавшим истинный путь, поэтому и он и жена обычно обращались друг к другу на «вы».

— Чем вы огорчены, о чем вздыхаете, господин мой? — спросила госпожа Тянь. — И откуда этот веер?

Чжуан-цзы рассказал о том, как проходил мимо кладбища и увидел там женщину, которая обмахивала могилу мужа, чтобы земля поскорее высохла и она могла бы снова выйти замуж.

— Вот этим веером она и обмахивала могилу, — сказал в заключение Чжуан-цзы. — Я ей помог, и она подарила мне его.

Услышав такое, госпожа Тянь пришла в неистовство, на лице ее выразилось крайнее возмущение, и она стала бранить женщину за недостойное поведение:

— Таких бессердечных, наверное, больше не сыщешь на свете! — сказала она под конец.

Тогда Чжуан-цзы *проскандировал следующие строки:

*При жизни твоей тебе каждый твердит
о чувствах любви бесконечной,
Умрешь ты — и тотчас могилу твою
обмахивать веером станут.
Дракона иль тигра рисуешь когда,
нутро его разве покажешь?!
Глядим на людей — только видим лицо,
их сердца и мыслей не знаем.*

Эти стихи разозлили госпожу Тянь. С древних времен говорят: в гневе о чувстве родства забывают, в гневе не помнят закона приличий. И в крайнем раздражении, позабыв обо всем, она плюнула мужу в лицо.

— Как ты смеешь говорить такое! — злобно воскликнула она. — Да, все люди — люди, но все-таки есть среди них и глупые и мудрые. Разве можно утверждать, что все женщины на свете одинаковы?! Ведь ты прекрасно знаешь, что из-за одной непорядочной скверно отзываются обо всех! Побоялся бы хоть брать на себя грех и говорить такое!

— Нечего попусту болтать! — ответил на это Чжуан-цзы. — Если случится со мной что-нибудь и я умру, неужели ты, молодая и красивая, выдержишь одиночество в течение трех или пяти лет?

— Преданный слуга не служит двум господам, добродетельная женщина дважды не выходит замуж, — не унималась госпожа

Тянь. — Где это видано, чтобы порядочная женщина *пила чай в двух домах и спала на постели в двух семьях? Если несчастье и обрушится на меня, то со мной такого позора не то что через три или пять лет, но и вовек не случится. Уж чего-чего, а стойкости характера я даже во сне не лишена!

— Как знать, как знать! — пробормотал Чжуан-цзы.

— Женщины непоколебимы в своей верности долгу, и в этом отношении они намного выше мужчин, — заявила госпожа Тянь. — Только такой, как ты, у которого нет ни чувства человечности, ни сознания долга, может после смерти одной взять другую, затем выгнать ее и взять третью. Только такой, как ты, может утверждать, что все остальные тоже такие. А для нас, женщин, один конь — одно седло, и держимся мы крепко. Не в наших интересах давать повод для сплетен и разговоров, чтобы потом люди смеялись и издевались над нами. А ты вот издеваешься безо всякого повода. И не собираешься ведь ты умирать сегодня!

С этими словами она вырвала из рук мужа белый шелковый веер и разорвала его на куски.

— Ладно, не сердитесь, — сказал Чжуан-цзы. — Очень рад, если вы такая.

На этом разговор был окончен.

Прошло некоторое время, и Чжуан-цзы вдруг заболел. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Госпожа Тянь в полном отчаянии плакала и причитала у постели мужа.

— Теперь, когда я так тяжело болен, вечная разлука — только вопрос утра или вечера, — сказал ей как-то Чжуан-цзы. — Жаль, что вы недавно разорвали шелковый веер — пригодился бы обмахивать могилу.

— Не думайте об этом, не сомневайтесь, — ответила госпожа Тянь. — Я все-таки кое-чему училась и знаю свой женский долг; раз я дала вам клятву, значит, других помыслов у меня не будет. А если вы мне не верите, я готова тут же перед вами умереть, чтобы доказать этим искренность моих слов.

— Ну что ж, я верю вам и могу спокойно умереть.

Сказав это, Чжуан-цзы скончался. Госпожа Тянь, припав к телу мужа, долго и горько плакала. Пришлось пригласить соседей, распорядиться, чтобы достали гроб, приготовили платье. Затем покойника одели и положили в гроб.

Неутешная вдова оделась в *белый шелк, и о ней действительно можно было сказать: с утра до вечера скорбит и тоскует, страдает и плачет всю ночь напролет. Не переставая, думала она о прежней любви и доброте мужа. Она утратила сон, ничего не ела и все время находилась словно в каком-то опьянении, в полном отупении.

Крестьяне, жившие по соседству и знавшие Чжуан-цзы как ученого, который скрывался от славы и мирской суеты, теперь приходили поплакать над ним и отдать ему последний долг. Но все это происходило, конечно, тихо, без обычной городской суматохи и шума.

На седьмой день в дом Чжуан-цзы вдруг приехал молодой *суюцай. Лицо у него было гладкое, белоснежное, губы яркие, крас-

ные, и казалось, не могло быть на свете человека, равного ему по красоте.

Держался молодой человек изящно, манеры поражали тонкостью. На нем были *фиолетовое платье, черная шапка, тканый узорчатый пояс и красные башмаки. Явился он в сопровождении старого слуги. Сючай назвал себя внуком князя удела Чу. Оказалось, что в прошлом году он просил Чжуан-цзы стать его учителем и теперь приехал проведать Чжуан-цзы. Когда молодой человек узнал, что учитель скончался, у него невольно вырвалось: «Как печально! Какое горе!» — и, приказав слуге достать из дорожного сундука белое шелковое платье, он тотчас сбросил с себя пеструю одежду. Затем гость четырежды поклонился гробу и произнес:

— Учитель Чжуан! Не повезло вашему ученику! Не пришлось ему в общении с вами воспринять ваше учение! Хочу соблюсти, учитель, стодневный траур по вас, чтобы тем выразить самые глубокие мои чувства.

Затем он снова четыре раза поклонился и, роняя слезы, отошел от гроба. Потом он попросил разрешения повидаться с госпожой Тянь. Та сначала отказала ему.

— Согласно древним правилам поведения, жены и наложницы не избегают близких друзей их супруга, — возразил он на это. — К тому же господин Чжуан обещал принять меня в свои ученики.

Госпоже Тянь пришлось выйти в траурный зал и сказать ему несколько слов приветствия. Как только она увидела, как красив и изыскан в обращении молодой сючай, в ней зародилось чувство к нему, и в душе она сожалела, что нет возможности сойтись с ним ближе.

— Учитель мой умер, — обратился молодой сючай к госпоже, — но я не могу его забыть. Я хотел бы воспользоваться вашим домом и остановиться здесь на сто дней, чтобы соблюсти траур по учителю. Кроме того, я хотел бы просить разрешения проглядеть оставшиеся после него труды, чтобы воспринять его учение.

— Раз вы его близкий друг, — сказала госпожа Тянь, — то вполне можете остаться и пожить здесь. — И тут же она накрыла стол и стала угощать гостя.

После трапезы она принесла написанный Чжуан-цзы «*Наньхуа чжэнь цзин», достала сочинение Лао-цзы — «Дао Дэ цзин» и преподнесла то и другое молодому человеку. Тот долго и почтительно благодарил ее.

Гостя поместили тут же, в соседней с залом боковой комнате, и госпожа Тянь каждый день, идя оплакивать мужа, заходила к нему побеседовать. С каждым днем отношения их становились ближе, а глаза выражали чувства, которые становилось все труднее сдерживать. И если внук князя был в нее почти влюблен, то она была в него влюблена всей душой. Благоприятным для нее было то, что в этой далекой глуши если даже и сотворишь что-нибудь не совсем ладное, все равно никто не узнает. Но кое-что ее и огорчало: траур только начался и не скоро кончится. К тому же ей как женщине неудобно первой заговаривать с мужчиной о любви. Так прошло еще некоторое

время. С тех пор как молодой человек оказался в их доме, прошло две недели, и Тянь была уже не в силах сдерживать свою страсть.

Потихоньку она зазвала к себе старого слугу княжеского внука, стала угощать его отменным вином, ублажать ласковыми словами и будто невзначай спросила:

— Женат ли ваш хозяин?

— Нет, не женат, — ответил тот.

— Какой же должна быть женщина, которую ваш господин пожелал бы взять себе в жены? — продолжала вдова.

— Мой господин как-то сказал, что если бы он сумел найти женщину такую же красивую и благородную, как вы, госпожа, то был бы вполне доволен, — ответил слуга, который был слегка навеселе.

— Он в самом деле так говорил или вы просто это выдумали?

— Я уже не юноша, подобает ли мне врать?!

— Тогда прошу вас быть моим сватом, и если я не противна вашему хозяину, то всей душой желала бы служить ему.

— Мой хозяин тоже мне как-то говорил, что вы были бы ему хорошей парой. Но его останавливает то, что он был учеником вашего мужа и могут пойти разговоры.

— Мой покойный муж и ваш хозяин в прошлом всего лишь только договорились об их будущих отношениях, — возразила на это женщина. — Ваш хозяин еще не слушал наставлений Чжуан-цзы и, собственно, не был его учеником. Что же до разных толков, то здесь, в этом уединенном, затерянном месте и соседей-то почти нет. Кому здесь болтать! Вы уж как-нибудь устройте это дело, и я непременно угощу вас свадебным вином.

Слуга кивнул головой и собрался уже уходить, но женщина задержала его:

— Если он согласится, рано ли утром, поздно ли вечером, все равно приходите и скажите. Я буду ждать.

Слуга ушел, а госпожа Тянь с нетерпением стала ожидать. Десятки раз заглядывала она в зал, была готова просто-напросто схватить молодого красавца, втащить его к себе и сжать в объятиях. Когда наступили сумерки и ожидать ей не стало мочи, она вошла в траурный зал и в это время вдруг услышала возле гроба какой-то шорох.

— Душа умершего выходит! — закричала она в испуге и бросилась к себе в комнату за фонарем. Когда она вернулась в зал и осветила все вокруг, оказалось, что это старый слуга, пьяный, лежал возле гроба. Женщина не решилась разбудить его и прогнать, не посмела даже окликнуть и вернулась к себе. Она ждала час за часом и так в ожидании провела всю ночь. На следующий день она видела, как слуга проходил несколько раз по двору, но с ответом он к ней не являлся. Наконец женщина не утерпела: позвала его к себе и спросила, как обстоит дело.

— Нет, ничего не получается, — ответил слуга.

— Почему? — удивилась она. — Неужели вы не передали господину все то, о чем мы с вами говорили?

— Я все рассказал, — ответил слуга, — но мой хозяин тоже прав. Он сказал, что о красоте госпожи, конечно, и говорить нечего,

что о нем, как об ученике, также можно не говорить. Но есть три других обстоятельства, которые беспокоят моего господина, и из-за них-то он и не может дать своего согласия.

— Какие же? — спросила вдова.

— Мой хозяин считает, что нельзя со спокойной душой совершать обряд бракосочетания, когда в доме стоит гроб. Это было бы просто неприлично. Кроме того, он опасается, что госпожа будет относиться к нему с презрением: ведь Чжуан-цзы и госпожа были любящими супругами. Философ Чжуан был известным мудрецом, благородным и высоконравственным человеком, а у него, мол, нет и десяти тысячной доли таланта и мудрости, какими обладал ваш почтенный супруг. И последнее — это то, что вещи моего хозяина еще не прибыли, приехал он сюда с пустыми руками, и ему негде раздобыть денег на свадебные дары и на свадебное пиршество. Вот из-за всего этого дело и не может состояться.

— Об этом нечего беспокоиться, — возразила женщина. — Гроб не пустил здесь корни. На заднем дворе есть заброшенный сарай. Я скажу крестьянам, чтобы гроб вынесли туда, только и всего. Что до второй причины, то откуда это известно, что мой муж был прославленным мудрецом, благородным и высоконравственным человеком? Начну с того, что в свое время он не сумел в строгости держать жену, поэтому ему пришлось ее выгнать, и люди порицали его за это. Чуский князь Вэй-ван прельстился лживой славой моего покойного мужа, прислал ему дорогие подарки и пригласил его на должность первого советника, а он, отлично сознавая свою неспособность, убежал и укрылся в этой глуши. В прошлом месяце, когда он прогуливался у подножия горы, он встретил какую-то вдову, которая веером обмахивала могилу в надежде, что земля скорее обсохнет и она сможет вторично выйти замуж. Мой покойный муж стал с ней заигрывать, отнял у нее веер и начал обмахивать за нее могилу. Он даже взял этот веер и принес его домой, но я, конечно, разорвала его. А за несколько дней до его смерти мы с ним поссорились. Какая уж тут любовь?! Ваш хозяин молод, учен, и его ждет большое будущее. Кроме того, он внук князя, а я тоже родом из знатной фамилии, так что и в этом отношении мы подходим друг другу. И то, что он явился сюда, это тоже, конечно, не случайно: видно, небу было угодно, чтобы наш брак состоялся. Ну, а в третьем деле, связанном с затратами на свадебные подарки и пир, — здесь я сама все устрою. Свадебные подарки мне не нужны, а свадебный пир — это пустяки. Я скопила двадцать *ланов серебра, это мои личные деньги, и я дарю их вашему хозяину. Пусть он сделает себе новое платье. Пойди снова к нему и доложи обо всем. Если он даст свое согласие, то как раз сегодня — *благоприятный день для бракосочетания, и я хотела бы, чтобы мы сегодня же отпраздновали свадьбу.

Слуга взял серебро и пошел доложить хозяину. Ему оставалось только согласиться. Когда слуга сказал об этом женщине, та пришла в восторг; она сняла траур, напудрилась, нарядилась, надела яркое платье и тут же приказала вынести гроб с телом Чжуан-цзы в сарай

на задний двор. Не теряя времени, она убрала в доме и принялась устраивать свадебный пир. Приведу стихи по этому поводу:

*Красивая вдова
особого полна очарованья;
И князя внук не прочь
увлечь ее и пробудить в ней чувства.
Кто так сказал,
что каждой лошади — одно седло?
Уж с вечера полна забот вдова,
чтоб ночью стать женой другого.*

К ночи госпожа Тянь прибрала свою комнату, надушила ее ароматами, а в зале зажгла свечи, так что вокруг все сверкало и блестело. Княжеский внук надел парадную шапку с фигурными шпильками и вышитый халат, а госпожа Тянь нарядилась в *красную блузу и вышитую юбку. Молодые люди стали перед свадебными свечами. И он и она были похожи на отделанную яшму в золоченой оправе. Их красоту нет сил описать. Когда обряд поклонения был закончен, нежно взявшись за руки, молодые вошли в брачную комнату. Они выпили вина и собрались уже сбросить с себя одежду, как вдруг у князя сжались брови, на лице его изобразилось страдание, и он упал. Хватаясь за грудь, он катался по полу и кричал: «Болит, о, болит!»

Госпожа Тянь так любила юношу, что ей было не до стыда и приличий: она склонилась над князем, прижала его к себе и спросила, что с ним. Но молодой человек только стонал; изо рта у него текла слюна, и слабое дыхание, казалось, вот-вот прервется. Слуга, который явился на крик, пришел в полное замешательство.

— Случались ли прежде с вашим господином такие припадки? — спросила у него госпожа Тянь.

— Бывали, — ответил слуга, — обычно раз в год или два. Никакие лекарьства в этих случаях ему не помогали, и только одно средство сразу же приводило его в себя.

— Что это такое? — поспешила спросить женщина.

— Известный врач дал нам один рецепт. Нужно раздобыть мозг живого человека и проглотить его, запивая *горячим вином. После этого страдания прекращаются. Обычно, как только такое случалось, старый господин просил у чуского князя какого-либо преступника, приговоренного к смерти. Преступника связывали, убивали и доставали мозг. Но здесь, в глуши, этого не раздобыть. Теперь, видно, пришел ему конец!

— Мозг живого человека, конечно, не достанешь, — сказала госпожа Тянь. — Не знаю, сможет ли пригодиться мозг мертвеца?

— Врач говорил, что вообще можно брать мозг и у мертвеца, но только если с момента смерти не прошло больше сорока девяти дней и если мозг еще не высох.

— Со дня смерти мужа прошло только двадцать с чем-то дней. Можно вскрыть гроб и достать мозг, — сказала госпожа Тянь.

— Я думал, что госпожа на это не согласится, — промолвил слуга.

— Мы ведь с твоим хозяином стали мужем и женой. А жена должна всем служить мужу. Если бы речь шла о моем собственном теле, я и тогда не пожалела бы; а к чему жалеть труп, который все равно должен сгнить! — И, приказав слуге не отходить от его хозяина, она раздобыла топор и с топором в одной руке, с фонарем в другой бросилась в помещение, где стоял гроб. Поставив фонарь на крышку гроба, она засучила рукава, взяла в обе руки топор, замахнулась изо всех сил и ударила по гробу. С первого же удара она разрубила крышку. Как же могло случиться, что дерево сразу поддалось удару топора, к тому же нанесенному слабосильной женщиной? На то есть своя причина: Чжуан-цзы был человеком, постигшим всю суть бытия и мало заботящимся о земных делах. Он распорядился не устраивать пышных похорон, поэтому гроб из тутового дерева был толщиной всего в три *цуня. Достаточно было одного удара, чтобы его разрубить, и всего нескольких ударов, чтобы отодерть крышку. Усталая, женщина присела передохнуть и отдышаться, как вдруг услышала, что Чжуан-цзы вздохнул, а в следующий миг увидела, как он оттолкнул крышку гроба, приподнялся и сел. Хоть у госпожи Тянь было жестокое сердце, но женщина остается женщиной: от испуга руки и ноги ее ослабели, сердце заколотилось, топор вывалился из рук.

— Помогите мне встать! — приказал Чжуан-цзы.

Женщине ничего не оставалось, как помочь ему вылезти из гроба. Чжуан-цзы взял фонарь и направился к дому, а она пошла следом. При мысли о том, что в доме находятся князь и его слуга, жена Чжуан-цзы вся обливалась потом и еле шла. Но когда она в конце концов вошла в дом и огляделась, то увидела, что все стоит на тех же местах, все по-прежнему блестит, но только князя и его слуги уже нет в комнате. Женщина страшно удивилась, но быстро пришла в себя и с притворной нежностью обратилась к мужу:

— После вашей смерти я дни и ночи думала о вас. Только что, сидя около гроба, я услышала, что из гроба раздаются какие-то звуки, и подумала о том, что в древности часто случалось, что душа умершего возвращалась в тело. Я решила тогда, что вы снова ожили, взяла топор и открыла гроб. Благодарение небу, благодарение земле — вы действительно ожили! Поистине, счастье мое велико!

— Премного благодарен госпоже за ее добрые намерения. Только вот что удивительно: почему моя госпожа так скоро сбросила траур, почему на ней красная блуза и вышитая юбка?

Женщина и тут нашлась:

— Когда я открывала гроб, то не посмела этому радостному событию противопоставить траурную одежду и решила, что праздничный наряд будет добрым предзнаменованием.

— Ну ладно, — ответил Чжуан-цзы. — Но тогда скажите еще: почему гроб не стоит там, где ему полагается, — в главном зале, почему его перенесли на задворки? Или это тоже доброе предзнаменование?

На это женщина не нашлась, что ответить. Когда Чжуан-цзы вдобавок ко всему увидел расставленные рядами рюмки и блюда, он не стал спрашивать, в чем тут дело; приказал только подогреть вино,

стал пить и осушил несколько рюмок. А глупая женщина еще надеялась, что сможет подогреть мужа лаской, возбудить в нем нежность и снова стать его женой. Она подливала ему вино, шептала сладкие слова и пыталась увлечь его в постель. Чжуан-цзы пил, пока не опьянел, и тогда велел ей принести бумагу, кисть и написал следующие стихи:

*За прежнюю любовь
с тобою мы в расчете;
Теперь ты любишь вновь,
но не люблю я больше.
И если мы опять
женой и мужем станем,
Боюсь, что раскроишь
мне темя топором.*

Когда женщина прочла это четверостишие, краска стыда залила ей лицо, она не смогла и слова вымолвить. А Чжуан-цзы набросал еще стихи:

*Давно супруги мы с тобой;
но в чем, скажи, твоя любовь?
Увидела другого ты,
и тут же прежний муж забыт.
Едва закрыли крышкой гроб,
по крышке — топором;
Уж где там ждать, чтобы обсох
простой могильный холм!*

— Я вам сейчас покажу двух людей, — сказал затем Чжуан-цзы, указывая на дорогу. Женщина повернулась и увидела внука князя и его слугу — они шли по направлению к их дому. Женщина испугалась. Она обернулась к Чжуан-цзы, но тот исчез. Она опять повернулась — теперь исчезли те двое. И тут она поняла, что не было ни внука князя, ни слуги и что все это плоды магии Чжуан-цзы и его искусства перевоплощения. У госпожи Тянь помутился разум. Ей было до такой степени стыдно, что она развязала вышитый пояс, который стягивал ей талию, перекинула пояс через балку и удавилась. И это уже была настоящая смерть. Когда Чжуан-цзы вынул госпожу Тянь из петли, она была мертва. Тогда он уложил ее в тот самый гроб, крышку которого она разрубила. Затем он взял глиняный таз, стал в него ударять, словно в музыкальный инструмент, и, стоя возле гроба, запел:

*Случайно огромная глыба вселенной
Родила меня и тебя.
Меня — не мужем твоим родила,
Тебя — не моею женой.
Случайно мы в жизни с тобой повстречались,
Жили вместе под крышей одной.
Но вот сроку жизни предел наступает,
Всему наступает конец.*

*Нет в человеке добра — и к умершим
Чувства, что были при жизни, умрут.
Истинных чувств твоих цену узнал я,
Что ж остается тебе, как не смерть?
Ты выбирала, что лучше, при жизни,
А умерла — превратилась в ничто.
Чем за любовь ты меня наградила?
Лишь собиралась огреть топором.
Ты умерла — как же я поступаю?
Стихами и песней тебя утешаю.
Топор зазвенел от ударов по гробу,
И снова я ожил, и снова живу.
А звук моей песни плывет над тобою,
И слышишь ты ясно, о чем я пою.
Ах! Глиняный таз разобью,
В него больше бить я не буду;
Что ты за человек,
И сам я кто такой?!*

Спев эту песнь, Чжуан-цзы проскандировал еще стих:

*Коль ты умрешь —
тебя похороню я,
А я умру —
ты тотчас выйдешь замуж.
И если б я
на самом деле умер,
Вот шутка бы
нелепая была! —*

и с громким смехом разбил глиняный таз.

Затем он поджег дом. Все сгорело: и дом и пристройки. Деревянный гроб превратился в пепел. Остались невредимы только «Дао Дэ цзин» и «Наньхуа чжэнь цзин». Кто-то из жителей гор их подобрал, и так они дошли до наших дней. Сам Чжуан-цзы с тех пор скитался по свету и никогда больше не женился. Говорят еще, что у заставы *Ханьгугуань он повстречался с Лао-цзы и ушел вместе с ним, а впоследствии постиг великое Дао и стал бессмертным духом.

И вот что говорят стихи:

*В том, что *У Ци убивает жену,
Не вижу я, право же, смысла.
*Сюнь, что пал духом в тяжелый момент,
Лишь смеха достоин, и только.
А вот вам, извольте, повесть о том,
Как мудрый Чжуан поступает:
Его, что далек от мирской суеты,
Себе я примером считаю!*

9. ЛЮЙ СТАРШИЙ ВОЗВРАЩАЕТ ДЕНЬГИ И ВОССОЕДИНЯЕТ СВОЮ СЕМЬЮ

**Дал Мао Бао черепахе волю —
и получил он чин высокий;
Сун Цзяо на реке спас муравья —
и первым выдержал экзамен.
Все люди говорят обычно:
до неба далеко и высоко,
Не зная, что за тайное благодеянье
приходит незаметно воздаянье.*

рассказывают, что в провинции Чжэцзян, в округе Цзясин, в местечке Чаншуйтан, жил богатч Цзинь Чжун. Богатства его исчислялись десятками тысяч *связок монет, и все в его роду из поколения в поколение слыли богачами. Цзинь Чжун по природе своей был жаден и скуп.

Всю свою жизнь лелеял он пять ненавистей. Что же это за пять ненавистей? Во-первых, он ненавидел небо, во-вторых — землю, в-третьих — самого себя, в-четвертых — своих родителей, в-пятых — императора.

Небо он ненавидел за то, что оно не всегда такое, как в шестой месяц, за то, что ветер осенью и снег зимой заставляют страдать от холода и тратиться на одежду. Землю он ненавидел за то, что деревья, которые она рождает, растут нелепо. Ему хотелось, чтобы каждый ствол был подобен столбу, каждая большая ветка — балке, а маленькая — перекладине, тогда не пришлось бы тратиться на плотницкие работы. Самого себя Цзинь Чжун ненавидел за то, что его брюхо не давало ему экономить — стоило ему один день не поесть, как его начинал мучить голод. Родителей он ненавидел за то, что они оставили ему в наследство много родственников и друзей, которых приходится угощать, когда те приходят в гости. И, наконец, императора он

ненавидел за то, что тот брал с него деньги и зерно в уплату налогов с земли и полей, доставшихся ему от предков.

Были у Цзинь Чжуна еще и четыре желания. Какие это четыре желания? Первое — стать, как *Дэн Тун, хозяином медной горы; второе — чтобы его дом был такой же «золотой пещерой», как дом *Го Куана; третье — обладать магической чашей *Ши Чуна и, наконец, четвертое — иметь палец *Люй Чуньяна, которым достаточно прикоснуться к камню, чтобы превратить его в золото.

Эти пять источников его огорчений и четыре заветных желания были причиной его вечной неудовлетворенности.

Богач экономил каждый грош, старался сберечь каждую крупинку зерна — словом, относился к той породе людей, которые, как говорится, рис варят — зерна считают, печь топят — взвешивают хворост. За все это односельчане прозвали Цзинь Чжуна «Цзинем-черствой душой» и «Цзинем-живодером».

Цзинь Чжун особенно не любил монахов.

«На всем белом свете в полное удовольствие живут лишь одни монахи, — рассуждал он про себя. — Они существуют за счет пожертвований, но сами никому ничего не дают». Поэтому каждый монах был для него как гвоздь в глазу или заноза в языке.

Неподалеку от того места, где жил Цзинь Чжун, находился буддийский монастырь *Фушань. Хотя богачу было уже за пятьдесят, он не знал, что такое потратить хоть один грош на возжигание курительных свечей в храме.

Жена Цзинь Чжуна, госпожа Шань, родилась в тот же год, тот же месяц и тот же день, что и муж, и только часы их рождения были различны. Она аккуратно соблюдала посты и любила делать людям добро. За первое муж любил ее, за второе — ненавидел. Ей переваляло уже за сорок, а детей у нее еще не было.

И вот однажды она потихоньку от мужа взяла из собственных денег на шпильки и гребешки двадцать с лишним *ланов и послала их старому монаху из монастыря Фушань, чтобы тот помолился за нее Будде и попросил о потомстве. Молитвы дошли до Будды, и вскоре госпожа Шань одного за другим родила двух мальчиков. Оба они росли красивыми и умными. В честь монастыря старшему мальчику дали *молочное имя Фу, а младшему — Шань.

После рождения детей госпожа Шань тайком от мужа часто брала из дома немного риса и дров и относила старому монаху. Когда Цзинь Чжун узнавал об этом, он выходил из себя, начинал кричать, жена не уступала, и они ссорились. Такие ссоры случались между ними не раз, но так как госпожа Шань была женщиной упрямой и настойчивой, то, несмотря на размолвки с мужем, поступала по-своему.

История, которую я вам поведаю, случилась в тот год, когда богачу Цзиню и его жене было по пятидесяти лет, старшему их сыну — девять, младшему — восемь. Оба мальчика уже были отданы в школу и учились очень хорошо.

Наступил день рождения супругов Цзинь. Богач, полагая, что с поздравлениями могут прийти друзья и родственники, заранее ушел из дома.

Тем временем госпожа Шань достала из своих сбережений несколько серебряных монет и велела отнести деньги в монастырь и передать, чтобы почтенные отцы помолились по случаю дня рождения ее и мужа и воздали бы Будде за сыновей, которые выросли большими и здоровыми мальчиками. Правда, накануне госпожа Шань просила мужа дать ей немного денег для храма, но, так как богач отказал, ей пришлось взять из собственных сбережений.

Собираясь в этот вечер устроить моление, монах послал к госпоже Шань одного из своих прислужников попросить у нее немного риса. Стараясь быть никем не замеченной, госпожа Шань открыла амбар, загребла три меры риса и тут же передала рис прислужнику.

Цзинь Чжун, только что вернувшийся домой, застал жену как раз в тот момент, когда она запирала амбар. Заметив на земле просыпанные зерна, богач понял, что жена его вздумала распорядиться сама. Он готов был накинуться на нее, но сдержался и сделал вид, будто ничего не заметил.

«Ладно уж, сегодня день нашего рождения, — подумал он про себя. — Да и рис все равно унесен из дому, вернуть его не вернешь, только слюной зря изойдешь».

Всю эту ночь богач не мог заснуть.

«Дармоеды! Дьяволы-разорители моего дома! — ругался про себя Цзинь Чжун. — Нет, только смерть этих *плешивых ослов избавит меня от несчастий», — решил он, но так и не мог придумать, как с ними справиться.

Когда рассвело, к дому богача подошли старый монах с послушником: они собирались сообщить госпоже Шань, как прошло молебствие. Старый монах, опасаясь встречи с Цзинь Чжуном, стоял за воротами и не решался войти в дом. Между тем Цзинь Чжун успел заметить незваных гостей. Он призадумался, нахмурил брови, и вдруг мысль пришла ему в голову. Взяв несколько монет, он вышел из дому через боковую дверь и направился к рынку. В аптеке он купил мышьяка, а затем зашел в лавку *Вана Третьего, где продавались разные сладости. У Вана Третьего как раз на пару было готовое тесто, перед хозяином стояла чашка со сладкой начинкой, и он собирался лепить пирожки.

— Возьми-ка и сделай мне четыре больших пирожка, — обратился богач к продавцу, вытаскивая из рукава восемь монет и кладя их на прилавок. — Только не жалея начинки!.. Или лучше ты приготовь лепешки, а начинку я положу сам.

«С тех пор как я открыл свою лавку, этот Цзинь-живодер и на полгроша ни разу у меня ничего не купил, — рассуждал про себя продавец. — Быть сегодня хорошей торговле! Ведь от такого скряги получить восемь монет труднее, чем от другого восемьсот. Он любит

на всем выгадывать — так пусть себе кладет побольше начинки, авось, зайдет в другой раз».

Отщипнув кусок белого, как снежный ком, рисового теста, помяв его в руках и сделав в нем углубление, Ван Третий передал начиненный пирожок богачу:

— Прошу, почтеннейший, начинайте по своему усмотрению.

Цзинь Чжун взял у продавца пирожок и так, чтобы тот не заметил, всыпал в него мышьяк, а сверху положил начинку. Начинив так четыре пирожка, Цзинь Чжун спрятал их в рукава и покинул лавку. Когда он вернулся домой, монахи еще сидели в гостинной и пили чай.

Цзинь Чжун любезно их приветствовал. После взаимных поклонов богач прошел в свои покои.

— Почтенные отцы пришли к нам рано утром и, наверное, еще ничего не ели, — обратился он к жене. — Только что сосед пригласил меня поесть сладостей и угощал такими вкусными пирожками, что я решил прихватить с собой несколько штук. Не угостить ли ими наших гостей?

Обрадованная, что муж ее стал добрее, госпожа Шань достала тарелку, выложила на нее пирожки и велела служанке подать монахам угощение.

Между тем возвращение богача заставило монахов поторопиться с уходом, им было уже не до угощений. Когда служанка вынесла тарелку с пирожками, они решили, что это госпожа Шань послала угощение, отказывать им было неудобно, и, спрятав пирожки в рукава и извинившись за беспокойство, они удалились. Цзинь Чжун в душе ликовал.

Надо сказать, что сыновья Цзинь Чжуна после окончания занятий в школе часто приходили играть в монастырский сад. Там оказались они и в этот вечер.

«Сыновья почтенного Цзиня часто заходят к нам в скит, — подумал старый монах, — а я ни разу их ничем не угощал. К пирожкам, которые сегодня утром дала нам госпожа Шань, я не прикасался. Надо бы положить их в печь, подогреть и предложить детям к чаю».

Распорядившись на кухне, чтобы подогрели пирожки и приготовили крепкий чай, монах пригласил детей к себе. Мальчики, уже долго игравшие в саду, успели проголодаться, и при виде пышных горячих пирожков глаза их разгорелись. Каждый из них тут же съел по две штуки. Дети, которые только что чувствовали себя совершенно бодрыми и здоровыми, едва успели проглотить пирожки, как

*Пламя страшное
им сердце обожгло
И десять тысяч пик
в живот вонзилось.*

Оба мальчика закричали от нестерпимой боли. Слуга Цзинь Чжуна, который обычно провожал мальчиков из школы и был с ними

в монастырском дворе, перепугался и хотел тотчас увести их домой. Но дети скорчились от боли и не могли двинуться с места. Монах не понимал, что произошло, и тоже переполошился. Он тут же приказал двум послушникам взять детей на плечи и отнести их домой. При виде детей Цзинь Чжун и его жена не на шутку испугались и поспешили узнать у слуги, что произошло.

— В монастыре Фушань они съели четыре пирожка и сразу же после этого стали кричать, что болит живот. Настоятель говорит, что дал им те самые пирожки, которыми сегодня утром его у нас угощали. Он сам не съел их и решил дать детям.

Цзинь Чжун понял, что произошло, и ему ничего не оставалось, как признаться во всем жене. В страшном испуге госпожа Шань бросилась поить детей холодной водой, но их уже было не спасти. Из рта, ушей и носа у них пошла кровь, и, увы, несчастные тут же умерли.

С таким трудом вымолила она себе на старости лет двух детей, и вот они оказались жертвой злых козней отца! Ругаться и ссориться с мужем теперь было бесполезно. Не в силах сдержать злости на мужа и вынести скорби по детям, госпожа Шань пошла в свою комнату, сняла с себя поясной платок, прикрепила его к балке и повесилась.

Цзинь Чжун поплакал над детьми и пошел в комнату жены, чтобы посоветоваться с ней. Увидев раскачивающееся под потолком тело, он чуть не умер от страха. В тот же день Цзинь Чжун тяжело заболел, слег и дней через семь умер.

Родственники Цзинь Чжуна, всегда ненавидевшие «Цзиня-живодера», или, как его еще называли, «Цзиня-черствую душу», за скупость и жадность, решили воспользоваться случаем, предоставленным самим небом, и все — молодые и старые — налетели на его дом и опустошили амбары. Вот так кончил свою жизнь обладатель многих тысяч связок монет, знаменитый богач Цзинь Чжун! Такова была расплата неба с тем, кто не любил делать добро и творил лишь одно зло.

*Когда мышьяк клал в пирожки,
как было знать ему при этом,
Что навредит он не другим,
а собственных детей отравит.
И мысли наши и дела —
все хорошо известно небу,
Получишь по заслугам ты —
и разве может быть иначе?*

Только что я поведал вам историю о том, как из-за злодеяний богача Цзинь Чжуна погибла его семья. Теперь я расскажу вам о человеке, которому благодаря его добрым поступкам удалось воссоединить свою семью. Действительно,

*Поступки добрые иль злые
сулят нам счастье иль беду.*

*Людей от зла остерегая,
к добру их вечно побуждай!*

Рассказывают, что в *Цзяннани, в округе *Чанчжоу, в уездном городе Уси, около Восточных ворот, жила бедная семья, состоявшая из трех братьев. Старшего звали Люй Юй, среднего — Люй Бао, а младшего — Люй Чжэнь. Люй Юй взял себе жену из семьи Ван, Люй Бао — из семьи Ян. Обе женщины были молоды и красивы. Младший брат еще не был женат. У Ван, жены старшего брата, был сын по имени Сиэр. Ребенку только исполнилось шесть лет, когда он вместе с соседскими детьми отправился поглядеть на *праздник духов. Прошел вечер, наступила ночь, а он так и не вернулся домой. Взволнованные, родители расклеили объявления о пропаже ребенка, несколько дней подряд искали его по всему городу, но напасть на след мальчика не удалось.

Люй Юй в неутешной своей тоске не мог больше оставаться дома. Одолжив у богатых соседей денег и купив на них в уездах *Цзядин и Тайцан хлопка-сырца и тканей, он отправился распродавать свой товар. Разъезжая по стране, он повсюду наводил справки о сыне. Из года в год в первом или во втором месяце Люй Юй уезжал из дому, только в восьмом или в девятом возвращался, набирал товар и снова уезжал. За четыре года ему удалось скопить небольшое состояние, но о сыне никаких вестей не было. Само собой, с годами родители смирились с мыслью о потере сына, и поиски становились все менее настойчивыми.

На пятый год где-то в пути Люй Юй повстречался с богатым торговцем тканями. Разговорившись с Люй Юем и узнав, что у того уже есть большой опыт в такой торговле, богач предложил ему поехать вместе с ним в провинцию Шаньси продать товары и закупить там тонкой шерсти, чтобы продать ее на обратном пути. При этом богач обещал Люй Юю отблагодарить его за услуги. Соблазнившись довольно выгодным предложением, Люй Юй согласился.

Вскоре они добрались до провинции Шаньси, где разместили все свои товары в кредит. Но в Шаньси несколько лет подряд были страшная засуха и неурожай. Поэтому, когда пришел срок платежей, они не смогли получить деньги за товар и не могли уехать.

Люй Юй, который был еще довольно молод и уже около двух лет находился в разъездах, вдали от родного дома, не мог воздержаться от посещения публичных домов; там он заразился дурной болезнью, и все его тело покрылось язвами. Возвращаться в таком виде было стыдно, и он решил лечиться на месте. Пока Люй Юй поправился, пока были получены деньги по всем счетам, прошло три года с того дня, как он покинул дом.

Купец-богач, чувствуя себя виноватым в том, что Люй Юй задержался с возвращением на родину, заплатил ему вдвое больше условленного. Получив деньги, Люй Юй не стал дожидаться богача, накупил разной шерсти, попрощался с компаньоном и отправился во свояси.

Как-то рано утром в местечке *Чэньлю Люй Юй в отхожем месте нашел синий матерчатый мешочек. Мешочек оказался довольно увесистым. В гостинице Люй Юй раскрыл свою находку и обнаружил одно только серебро, около двухсот ланов.

«Нет преступления в том, что я возьму эти случайно доставшиеся мне деньги, — подумал про себя Люй Юй, — но если тот, кому они принадлежат, вернется за ними и не найдет их, это его очень огорчит. Когда древние находили деньги, они не присваивали их себе, а подбирали, чтобы возратить хозяину. Мне теперь уже за тридцать, сына я потерял, на что мне эти деньги!»

Рассудив так, он тотчас пошел к месту, где нашел деньги, и стал терпеливо ждать, не вернется ли их хозяин. Прождал он целый день, но так как никто за мешком не приходил, ему ничего не оставалось, как на следующий день отправиться в дальнейший путь.

За три-четыре дня он проделал около ста *ли, добрался до *Сучжоу и остановился на ночлег в гостинице. Здесь он встретился с одним торговцем. Заговорили о торговле, о делах, и новый знакомый рассказал Люй Юю о своей оплошности.

— Пять дней тому назад, когда я был в Чэньлю и зашел в отхожее место, я сбросил с себя мешок, — рассказывал торговец. — В это время по дороге проезжал начальник уезда. Я второпях выбежал и забыл мешок. А там было двести ланов серебра. Вспомнил я об этом только вечером, когда ложился спать, но решил, что бесполезно идти разыскивать: за целый день его наверняка кто-нибудь успел добрать. Теперь остается только сожалеть об этой потере.

Люй Юй спросил торговца, как его зовут и откуда он родом.

— Моя фамилия Чэнь, — отрекомендовался незнакомец. — Моя родина — *Хуэйчжоу. Теперь я торгую зерном и содержу небольшую зерновую лавку в городе *Янчжоу у шлюза. Осмелюсь ли спросить, а кто вы будете?

— Моя фамилия Люй, я живу в Чанчжоу, в городе Уси, так что Янчжоу мне как раз по пути и я смогу вас, почтеннейший, проводить.

— Если вы мне окажете честь и заедете ко мне, я буду очень доволен, — ответил торговец.

На следующее утро они вместе покинули гостиницу. Через несколько дней они добрались до Янчжоу, и Люй Юй зашел к своему попутчику. Чэнь подал чай. За чаем Люй Юй заговорил о пропавшем мешке и стал спрашивать Чэня о том, как выглядел его мешок. Оказалось, что это был темно-синий матерчатый набрюшный мешок, на одной стороне которого белыми нитками был вышит фамильный знак Чэня.

Люй Юй, уверенный в том, что он подобрал мешок Чэня, обратился к хозяину, протягивая ему свою находку:

— Несколько дней тому назад в уезде Чэньлю я подобрал мешок точно такого вида, как вы только что описали. Посмотрите, не ваш ли это?

Чэнь взял мешок, проверил содержимое и сказал:

— Да, это мой, и в нем в полной сохранности все мои деньги.

Люй Юй вернул мешок хозяину. Чэнь, обрадованный, тут же предложил гостю взять половину денег, но Люй Юй отказался.

— Но ведь это же несправедливо! — возразил Чэнь. — Вы меня очень огорчите, если не возьмете от меня в знак благодарности хоть несколько ланов.

Люй Юй ни за что не соглашался. Взволнованный и растроганный, Чэнь тут же устроил в честь гостя угощение.

«Трудно найти такого хорошего человека, — подумал про себя Чэнь. — Чем я смогу отблагодарить его?»

У Чэня была двенадцатилетняя дочь, и он решил предложить своему благодетелю породниться семьями, но не знал, есть ли у Люй Юя сыновья. Поэтому за вином Чэнь спросил гостя:

— Сколько у вас, почтеннейший, сыновей?

— У меня был только один сын, — ответил гость, и слезы невольно полились у него из глаз. — Семь лет тому назад он отправился смотреть праздник и потерялся. Так до сих пор мы и не можем его найти. Кроме этого ребенка, других детей у нас с женой нет.

Чэнь о чем-то задумался.

— Сколько лет было вашему сыну, когда он пропал? — наконец спросил он.

— В тот день ему как раз исполнилось шесть лет.

— А как звали вашего сына? Как он выглядел?

— Его молочное имя Сиэр. У него была оспа, но на личике следов не осталось.

Чэнь просиял. Тут же он подозвал к себе слугу и что-то прошептал ему на ухо. Слуга кивнул в ответ и вышел.

Расспросы нового приятеля показались Люй Юю странными, и он не мог понять, в чем дело.

Через некоторое время в комнату вошел красивый и изящный мальчик в голубом халате. На вид ему было лет тринадцать или четырнадцать.

Увидев гостя, мальчик низко поклонился ему.

— Зачем вы, батюшка, велели мне прийти? — обратился он к Чэню.

— Постой здесь, Сиэр, — ответил Чэнь.

Люй Юй еще больше удивился, когда услышал, что мальчика зовут Сиэр. Несмотря на то, что юноша и лицом был похож на его пропавшего сына, Люй Юй счел неудобным расспрашивать хозяина, тем более что он слышал, как мальчик назвал Чэня отцом. Глубокая скорбь выразилась на лице Люй Юя. Не отрывая глаз смотрел он на мальчика. Сиэр тоже внимательно рассматривал гостя.

— Это ваш сын? — не выдержав, обратился наконец Люй Юй к Чэню.

— Это не родной мой сын. Семь лет тому назад у моего дома остановился какой-то прохожий, который привел с собой вот этого

мальчика. Странник сказал, что жена его умерла, а он остался со своим сыном один и, так как дела его идут плохо, решил отвести сына к родственникам в *Хуайань. Сославшись на то, что в дороге он заболел и израсходовал все деньги, незнакомец просил меня дать ему в залог под сына три лана серебра и обещал выкупить ребенка сразу после того, как навестит своих родственников. Я сжалился над путником и дал ему деньги. Когда он уходил, то очень плакал, и казалось, что ему трудно расстаться с сыном, хотя мальчик отнесся к этому вполне спокойно. Вначале я ничего не заподозрил. Но незнакомец больше не появлялся, и в душу мою закралось сомнение. Как-то раз я подозревал мальчика и стал его подробно расспрашивать. Тогда я узнал, что ребенок жил в Уси, что он потерял своих, когда был на празднике, и что человек, с которым он пришел, обманным путем завел его сюда. Когда я спросил у него фамилию отца и матери, он назвал мне вашу фамилию. Мальчик оказался очень умным и сообразительным. Мне было жаль его, я относился к нему, как к родному сыну, и вместе со своим сыном определил в школу. Не раз я собирался поехать в ваш уезд и разыскать вас, но, к сожалению, до сих пор мне все никак не удавалось этого сделать. То, что вы мне сегодня рассказали о вашем сыне, полностью сходится с рассказом мальчика. В жизни бывают случайности, а в случайностях бывают совпадения, поэтому я и велел позвать Сиэра, чтобы вы посмотрели, не ваш ли это сын.

Сиэр и Люй Юй заплакали.

— У моего сына есть примета, — произнес Люй Юй, — на левой ноге под коленом у него два маленьких родимых пятна.

Сиэр быстро закатал штанину, снял чулок: под левым коленом действительно оказались два маленьких родимых пятнышка.

— Сын мой! — закричал Люй Юй и бросился обнимать мальчика. — Семь лет назад я потерял тебя. Кто бы мог подумать, что здесь я увижу тебя снова! Действительно,

*Ищешь иголку на дне,
вновь та игла у тебя;
Вещь обронил дорожную,
к счастью, ее ты нашел.
Так на случайном пиру
обнимают друг друга они,
Кажется им этот день
чудесным несбыточным сном.*

О том, что переживали в это время отец и сын, говорить излишне. Низко кланяясь, Люй Юй стал благодарить Чэня:

— Если бы вы не оставили мальчика у себя, разве могла бы сегодня произойти эта встреча?

— Вы совершили добрый поступок, вернув мне мои деньги. Это небо привело вас, почтеннейший, ко мне, чтобы здесь вы нашли ва-

шего мальчика. Мне стыдно перед вами, что я не относился с должным вниманием к вашему сыну.

В ответ на это Люй Юй приказал Сиэру низко поклониться своему благодетелю. Чэнь тоже собирался поклониться, но Люй Юй остановил его.

Попросив мальчика сесть рядом с отцом, Чэнь обратился к Люй Юю:

— Вы были так добры ко мне, почтенный друг! У меня есть дочь, которой только-только исполнилось двенадцать лет. Я бы хотел отдать ее в жены вашему сыну.

Видя, что предложение Чэня исходит от чистого сердца, Люй Юй не мог отказать ему.

В эту ночь отец и сын, лежа на одной подушке, проговорили до самого утра.

На следующий день Люй Юй решил проститься с хозяином и отправиться в дорогу. Чэнь ни за что не соглашался отпустить гостя и устроил большой пир в честь будущих свата и зятя.

После того как вино обошло несколько кругов, Чэнь достал двадцать ланов серебра и протянул их Люй Юю:

— Я не уделил должного внимания моему будущему зятю. Прошу вас взять этот небольшой подарок, которым я хочу выразить мои искренние чувства к вам. Убедительно прошу вас не отказываться.

— Вы снизили до нас своим выбором, и, собственно, мне следовало бы поднести вам свадебный подарок. Но я здесь проездом и не хочу делать это кое-как. Принять же подарок от вас я тем более не могу себе позволить.

— Эти деньги я дарю моему будущему зятю, и это не имеет никакого отношения к свадебным дарам. Если вы не примете денег, я буду думать, что вы не хотите со мной породниться.

Люй Юю пришлось принять деньги, и он приказал сыну поклониться и поблагодарить будущего тестя.

— Этот ничтожный подарок не стоит благодарности, — возразил Чэнь.

Затем Сиэр пошел благодарить свою будущую тещу. Весь этот день до поздней ночи длился веселый пир.

«Я смог найти своего сына только благодаря тому, что вернул найденные деньги. Все это, конечно, произошло по воле неба! — размышлял про себя Люй Юй. — Но я не только нашел сына, нашел еще ему прекрасного тестя, и вышло так, будто „к узорчатой ткани прибавили еще цветов“. Как мне отблагодарить за все это небо и землю!? Двадцать ланов, которые подарил сегодня сват, — это деньги случайные. Почему бы мне не пожертвовать их на монастырь? Так я и сделаю!»

На следующее утро Чэнь приготовил угощение. После еды Люй Юй с сыном собрали свои пожитки, поблагодарили хозяина, простились с ним, наняли небольшую джонку и отправились в путь.

Не успели они проехать нескольких ли, как заметили на берегу страшную суматоху. Оказалось, что какое-то пассажирское судно пошло ко дну. Люди, очутившись в воде, кричали и молили о помощи. На берегу собралась целая толпа. Все кричали, чтобы лодочники поспешили на помощь, а те требовали вознаграждения. Поднялся шум, начались споры. «Спаси человека важнее, чем построить семиэтажную пагоду в честь Будды. Чем жертвовать монахам, не лучше ли отдать эти двадцать ланов на спасение людей и совершить таким образом добродетельный поступок?» — рассудил Люй Юй и крикнул лодочникам:

— Я заплачу! Скорее помогите людям. Спасете всех — получите двадцать ланов.

Услышав о такой награде, лодочники тотчас взяли за весла, и лодки, как муравьи, расползлись по реке. Даже из толпы кое-кто бросился в воду и поплыл на помощь утопающим. Очень скоро все были спасены. Люй Юй роздал лодочникам деньги, а люди, которых спасли, окружили его и долго благодарили.

Один из спасенных, взглянув на Люй Юя, воскликнул:

— Брат, как это ты здесь очутился?!

Посмотрев на этого человека, Люй Юй признал в нем своего младшего брата Люй Чжэня.

— Это небо послало меня спасти моего младшего брата! — воскликнул Люй Юй, хлопая в ладоши от счастья.

Люй Юй помог брату подняться на джонку и дал ему на смену сухое платье. Люй Чжэнь низкими поклонами благодарил брата, тот кланялся ему в ответ. Затем Люй Юй позвал сына, велел ему поклониться дяде, а сам стал рассказывать брату о том, как он вернул найденные деньги и как нашел сына. Слушая брата, Люй Чжэнь не переставал удивляться.

— Как ты, брат, очутился в этих краях? — спросил затем Люй Юй.

— В двух словах всего не расскажешь. Три года спустя после того, как ты уехал, до нас дошли слухи, что во время пребывания в Шаньси ты заболел и умер. Наш средний брат навел справки и сказал, что так оно и есть. Жена твоя носит сейчас по тебе траур. Но я все никак не мог поверить, что тебя нет в живых. В последнее время наш средний брат стал принуждать твою жену вторично выйти замуж. Она ни за что не соглашалась и послала меня в Шаньси, с тем чтобы я постарался разузнать о тебе. И вот встретил здесь тебя! В том, что я попал в катастрофу и ты меня спас, была милость неба! Сейчас не следует медлить. Надо скорей возвращаться домой и успокоить твою жену. Не опоздать бы нам, а то неизвестно, что может случиться за это время.

Напуганный предостережением брата, Люй Юй тотчас же приказал отчаливать, и звездной ночью джонка двинулась в путь.

*Когда б стрелюю мог помчаться,
не счел бы быстрым он свой бег.*

*Как вихрь, вперед несется джонка —
и то ему не угодить.*

Теперь вернемся к жене Люй Юя, урожденной Ван, которая сначала ни за что не хотела поверить слухам о смерти мужа. Лишь после убедительных доводов Люй Бао Ван смирилась с мыслью о смерти Люй Юя и сменила свои наряды на *белое платье. Но у Люй Бао было недоброе на уме. Он считал, что раз его невестка осталась без мужа и сына еще совсем молодой, то ей следует снова выйти замуж. Уговаривая невестку, Люй Бао, как старший в семье, надеялся получить свадебные подарки. Он попросил жену поговорить с Ван о замужестве, но та наотрез отказалась и слушать об этом. Кроме того, за невестку заступался младший брат, Люй Чжэнь. Так что замысел Люй Бао не удался.

«Лучше один свидетель, чем десять тысяч слухов, — рассуждала между тем Ван. — Говорят, мой муж умер, но кто может определенно сказать, что произошло с ним там, за десятки тысяч ли?»

Тогда она стала просить Люй Чжэня отправиться в Шаньси, все хорошенько разузнать на месте и, если выяснится, что Люй Юй действительно умер, привезти домой его останки.

После отъезда Люй Чжэня средний брат вообще перестал с кем-либо и с чем-либо считаться. А тут еще несколько дней кряду он проигрывал в карты и не знал, как выйти из положения. Случайно в их краях оказался некий купец из провинции Цзянси, который, овдовев, собирался вновь жениться. Люй Бао не замедлил предложить ему в жены свою невестку. Купец узнал, что женщина эта хороша собой, принял предложение Люй Бао и тут же дал ему тридцать ланов серебра.

— Моя невестка строит из себя гордячку, — забирая деньги, сказал Люй Бао купцу. — И если начать по-хорошему уговаривать ее выйти замуж, она ни за что не согласится. Поэтому я бы вам советовал нанять паланкин, сегодня же, когда стемнеет, тихонько подъехать к дому и, как только увидите женщину, у которой на голове будет белая наколка, хватайте ее и сажайте в паланкин. Лучше всего, если вы наймете джонку и этой же ночью уедете отсюда.

Купец ушел к себе, собираясь поступить так, как ему предложили, а Люй Бао вернулся домой. Опасаясь, что невестка не послушается, он ни слова не сказал ей о купце, только тихонько предупредил жену:

— Этот двуногий товар я сбыл купцу из Цзянси, и сегодня вечером ее увезут. Боюсь только, что она начнет реветь, поднимет крик и успеет куда-нибудь скрыться. Поэтому, когда стемнеет, уговори ее уехать с купцом, а до того ни о чем ей не рассказывай.

С этим Люй Бао ушел из дому, так и не объяснив жене, что купец узнает женщину по траурной наколке.

Надо сказать, что жена Люй Бао, урожденная Ян, была дружна со своей невесткой и потому чувствовала себя теперь весьма неловко; с другой стороны, что ей оставалось делать, раз муж приказал: и хо-

тела бы все открыть, да не могла. Только к вечеру решилась она поведать Ван о том, что случилось:

— Мой муж продал вас, уважаемая, в жены купцу из Цзянси, и он вот-вот приедет за вами. Мне не велено было говорить об этом, но между нами такие добрые отношения, что скрывать что-то было бы нехорошо. Соберите заранее то, что у вас здесь есть — платья, украшения, другие вещи, и завяжите в узел, иначе потом придется все делать кое-как, в спешке.

Ван горько заплакала, призывая на помощь небо и землю.

— Я не принуждаю вас, невестушка. Но вы ведь теперь остались в семье одна, без мужа. Долго так не продержитесь. Уж если, как говорится, упало ведро в колодец, то это навсегда. Слезами тут не поможешь!

— Что ты несешь! — возмутилась Ван. — Хоть и говорят, что мой муж уже умер, но никто этого своими глазами не видел. Надо подождать младшего брата — наверняка вернется с какими-то вестями. А вынуждать меня на такое — это ужасно!

Ван снова разрыдалась, а Ян продолжала ее утешать и уговаривать.

— Ладно, невестушка, — вымолвила наконец Ван, едва сдерживая слезы, — пусть будет по-вашему, раз уж вы так хотите выдать меня замуж. Только что же мне — так с траурной наколкой и выходить из дома? Найди мою черную наколку, чтобы заменить эту, белую.

Обрадованная тем, что удалось выполнить приказание мужа, Ян бросилась искать черную наколку. Но ведь все предопределено небом: найти ее не удалось. Тогда Ван предложила:

— Ты ведь остаешься дома, так заколи пока волосы моей наколкой, а мне дай свою. Завтра с утра попросишь мужа, пусть сходит в лавку, купит тебе другую, тогда и поменяешь. Только и всего.

— Хорошо, — согласилась Ян. Она тут же открепила свою наколку и заколола ею волосы невестки, а траурную наколку приколола себе. Ван переделалась во все нарядное.

Когда совсем стемнело, к дому Люй Бао поднесли паланкин купца из Цзянси, рядом несли разукрашенный паланкин для невесты. Люди с фонарями и факелами в руках сопровождали купца; тут же были и музыканты, но играть они пока не решались. Вся эта орава подбежала к воротам; по знаку, поданному Люй Бао, люди навалились на них и ворвались во двор. Как только они увидели женщину с траурной наколкой в волосах, они сразу же схватили ее.

— Нет, не меня! Ошибка! — орала жена Люй Бао, но где им было разбираться что к чему. Женщину насильно усадили в паланкин, стали бить в барабаны, дуть в трубы; носильщики подняли паланкин и понеслись, словно подгоняемые ветром.

*С музыкой громкой, со свадебной песней
поднялись все на джонку купца;*

*Думал он: женщина с белой наколкой
предназначена в жены ему.
Если придется ей новому мужу
поведать о том, что случилось в тот день,
Прежнего мужа пускай обвиняет,
на небо не смеет роптать.*

Оставшись в доме, Ван благодарила небо и землю. Она заперла ворота и пошла к себе отдыхать.

На следующий день, как только рассвело, Люй Бао, довольный собой, в приподнятом настроении постучался в ворота. Открыла невестка, и это его немало удивило. Жены своей он в доме не нашел, а когда заметил на невестке черную наколку, заподозрил неладное.

— Куда девалась моя жена? — набросился он на невестку.

— Какой-то подонок из Цзянси вчера поздно вечером насильно увез ее из дому, — отвечала Ван, посмеиваясь в душе над деверем.

— Что ты говоришь такое! И почему у тебя в волосах не траурная наколка?

Тогда Ван рассказала ему, что произошло накануне. Люй Бао только и оставалось, что бить себя в грудь и кричать от досады. Собираясь продать невестку, а вышло, что продал собственную жену. Купец из Цзянси, в ту же ночь уехавший на джонке, был теперь уже далеко. Больше половины денег, которые Люй Бао получил от него, он той же ночью проиграл в карты, а без денег, конечно, нечего было и думать о том, чтобы сосватать теперь другую жену.

«Раз уж на то пошло, — решил он про себя, — найду еще охотника, продам все-таки невестку и женюсь».

Только Люй Бао собрался отправиться на поиски нового покупателя, как заметил группу людей, приближавшуюся к дому. Это были не кто иные, как его старший брат Люй Юй, младший — Люй Чжэнь, племянник Сиэр и двое носильщиков с багажом и товарами. При виде этой процессии Люй Бао, сгорая от стыда и не зная, куда податься, выбежал через задние ворота. Госпожа Ван бросилась навстречу мужу. Увидев перед собой уже взрослого сына, она стала расспрашивать мужа, как все это произошло. Тогда Люй Юй подробно рассказал жене о том, что с ним приключилось. Ван, в свою очередь, поведала мужу о том, как была украдена ее невестка, о том, что пристыженный Люй Бао убежал из дому.

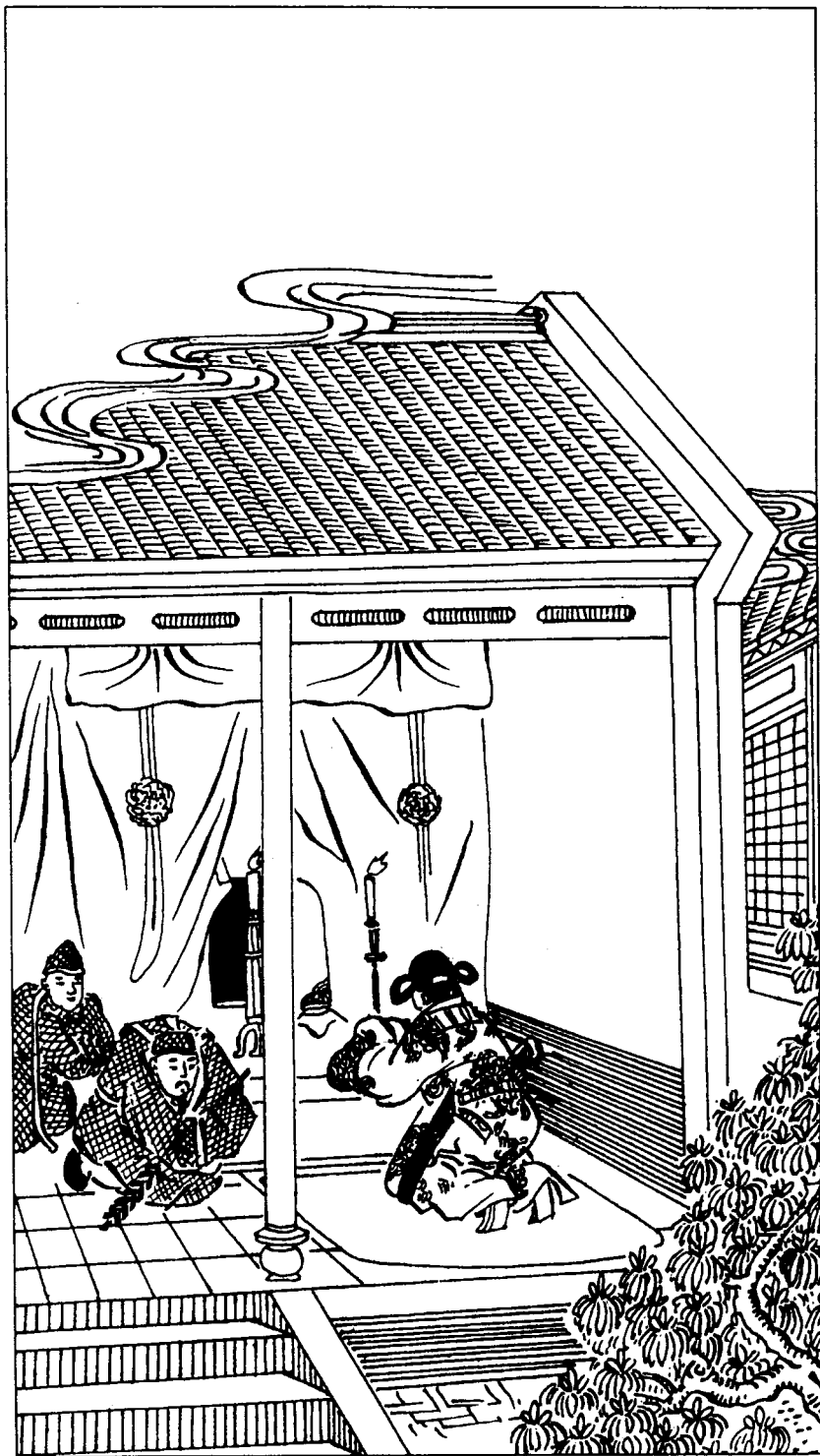
— Если бы я позарился на двести ланов, я бы не нашел сына, — рассуждал вслух Люй Юй. — А если бы пожалел двадцать ланов на спасение потерпевших крушение людей, разве мог бы встретиться с братом? А если бы я не встретил брата, где было бы мне знать, что происходит дома? Теперь по воле неба мы снова все вместе. Что до моего преступника-брата, который продал свою жену, так это небо покарало его. Сам натворил, сам и получай по заслугам!

С этих пор Люй Юй не переставал делать добро людям, и достаток семьи рос с каждым днем.

Через некоторое время Сиэр женился на дочери богача Чэня, и сыновей и внуков у них было столько, что и не пересчитать; многие из них стали известными и знатными чиновниками.

В стихах говорится:

*Кто добровольно деньги возвратил,
нашел тот собственного сына;
А кто продать невестку вздумал,
тот без жены своей остался.
Одно лишь небо всемогуще
и разбирается во всем:
За зло и за добро заплатит,
его ни в чем не проведешь.*

10. СТАРЫЙ СЮЦАЙ ВОЗДАЕТ ЗА ДОБРО ТРЕМ ПОКОЛЕНИЯМ ОДНОЙ СЕМЬИ

*Куплю быка себе,
пахать начну учиться
И хижину построю
в лесу, у ручейка.
Уж стар я нынче стал,
жить много ли придется?
Так пусть остаток дней
пройдет в тиши в горах.
Богатство и чины —
лишь суета пустая,
В одном блаженство есть —
в поэзии, в вине.
На все растет цена,
все нынче дорожает,
И только знанья старцев
не стоят ни гроша.*

Один умный человек написал эти стихи. Но по поводу последних строк: «И только знанья старцев не стоят ни гроша» — следует еще потолковать.

Рано ли удастся человеку служебная карьера или поздно — зависит, как правило, от того, что ему написано на роду. Если один начинает преуспевать рано, а другой добивается своего поздно, это еще не значит, что первый достигнет в жизни многого, а второй не выдвинется потом. Глупо зазнаваться лишь потому, что ты молод, и неразумно махнуть на себя рукой только из-за того, что ты стар.

Нельзя судить о том, молод человек или стар, исходя только из его возраста. Вот, скажем, *Гань Ло: в двенадцать лет он стал министром, а в тринадцать умер. Значит, двенадцать лет для него были порой седины, беззубого рта, старческой сутулости, и в двенадцать лет его уже, собственно, нельзя было считать молодым; а после того его жизнь очень скоро оборвалась. Или возьмем *Люй Шана: тому было восемьдесят лет, когда его, удящего рыбу на берегу реки Вэй, увидел Вэнь-ван, увез в собственной колеснице и возвел в ранг своего

наставника. После смерти Вэнь-вана, при У-ване, Люй Шан стал военным советником, помог У-вану одолеть *Чжоу Синя, основать династию Чжоу, которая царствовала восемьсот лет, и был награжден уделом в княжестве *Ци. Править уделом он послал своего сына, а сам остался при дворе государя и умер, когда ему было сто двадцать лет. Кто мог предположить, что восьмидесятилетнему рыбаку суждено будет сотворить столько великих дел и прожить так долго! Выходит, что в восемьдесят лет Люй Шан, собственно, был в поре юнца, начинающего по-взрослому зачесывать волосы и носить шапку совершеннолетия, в поре, когда юноша держит первые экзамены в училище и становится *сюцаем, в поре молодого жениха. И конечно, его нельзя было называть стариком даже в его восемьдесят лет.

Но люди над всем этим не задумываются и обычно считаются только с теми, кто богат и знатен сегодня. Повстречают юнца из знатных и богатых и давай льстить ему, заискивать перед ним, а к пожилому неудачнику относятся неуважительно. Это и называется «судить поверхностно и мало понимать». К примеру, крестьяне, бывает, сажают ранний рис, а бывает — поздний, и никогда нельзя заранее знать, какой из них даст лучший урожай. Не случайно древние говорили:

*Персик и слива
в соседнем саду
Дали цвет рано,
но рано увяли;
Сосна над ручьем
в зелени пышной
До осени поздней
хранит красоту.*

Но оставим эти рассуждения и поведем речь вот о чем. При *нашей династии, в годы *Чжэн-тун, в провинции Гуанси, в области Гуйлиньфу, в уезде Синъаньсянь, жил один сюцай, по фамилии Сяньюй, по имени Тун. В восемь лет он выдержал *экзамен для талантливых отроков, в одиннадцать стал сюцаем уездного *государственного училища — и сразу же был зачислен на стипендию. По своим знаниям, начитанности и дарованиям человек этот мог бы поспорить хоть с самим *Дун Чжуншу и *Сыма Сянжу, так что уж к нему-то действительно применимы были выражения: «хранит в груди десятки тысяч книг» и «кистью сокрушит стотысячное войско». Ну а если говорить о его душевных стремлениях и вере в себя, то они были таковы, что он не видел ничего особенного в *Фэн Цзине и Шан Лу, которые *три экзамена выдерживали первыми, и в этом он, как говорится, поистине «несся на крыльях ветра и туч и высоко парил в облаках». Но получилось так, что хоть и был он необыкновенно талантлив, а ему все не везло; и хоть воля его была непоколебимой, а судьба складывалась незавидно: каждый раз на областных экзаменах он терпел неудачу, и имя его так и не появлялось в списке выдержавших.

Когда Сяньюй Туну исполнилось тридцать лет, он мог бы как *гуншэн быть представленным к вступлению в должность. Но такое будущее Сяньюй Туна, человека способного и настойчивого, вовсе не привлекало. Уходить из училища он тоже не хотел. «Для такого нищего сюцай, как я, несколько *ланов стипендии — единственный капитал, на который я могу учиться, — рассуждал он. — Уйти из училища — значит, лишиться и этого. Правда, можно было бы поступить в *Гоцзыцзянь, но для этого нужно еще раздобыть денег на дорогу. К тому же, — думал Сяньюй Тун, — выдержать экзамены в области гораздо легче, чем там, в столице».

Как-то раз он поделился этими соображениями с приятелями, и сюцай, которому вслед за Сяньюй Туном подходила очередь быть представленным к получению должности, стал уговаривать его уступить ему свою очередь, выражая при этом готовность отблагодарить Сяньюй Туна десятью ланами серебра.

Совершив сделку, Сяньюй Тун решил, что поступил совсем неглупо. Первый раз это было как бы одолжение с его стороны. После второго раза это уже вошло в обыкновение — каждый хотел получить какое-нибудь место и каждый дрался за то, чтобы получить его раньше других. С тех пор как Сяньюй Туну исполнилось тридцать лет, он восемь раз подряд уступал свою очередь на должность и в сорок шесть лет все еще оставался простым сюцаем-неудачником. Одни посмеивались над ним, другие жалели его, третьи уговаривали образумиться и пойти служить. На тех, кто смеялся над ним, он не обращал внимания, сочувствия не принимал, но когда его начинали уговаривать поступить так, как все поступают, он выходил из себя.

— Ты уговариваешь меня только потому, что я стар, и думаешь, что мне не выдержать областных экзаменов! — гневно восклицал он в таких случаях. — Ты забываешь, что первые места на экзаменах все-таки принадлежат знающим и опытным. *Лян Хао, например, первым выдержал столичный экзамен на восемьдесят втором году жизни и по крайней мере отстоял честь людей, упорных в своем желании учиться. Если бы я захотел получить какую-нибудь незначительную должность, я мог бы получить ее и в тридцать лет. Стоило только постараться, пролезть к кому следует, найти покровителей, и в конце концов, конечно, добился бы какого-нибудь места при начальнике области, а то стал бы и начальником уезда. А действуй я и далее против совести, вполне мог бы и славу себе добыть, и семью обогатить. Но мы живем в такое время, когда высшие экзамены — это все. В наши дни если бы сам *Конфуций провалился на этих экзаменах, никто не стал бы и поминать о его учености и таланте. Зато какой-нибудь мальчишка из деревеньки в три дома вы зубрит десяток-другой затасканных сочинений в стиле *«ба гу» да попадетя ему еще бестолковый экзаменатор, понаставит в его работе *кругов и точек — глядь, и юнец этот нежданно-негаданно получает степень *цзиньши. Сразу находятся у него ученики, величают его «наставником», сам он позволяет себе болтать о том, рассуждать о сем. Кто посмеет такому молодцу дать тему и еще раз экзаменовать его, коль скоро на нем чиновничья шапка? Но и это не все, — не унимался Сяньюй Тун. —

Сколько несправедливости на самой службе! Коль вступаешь на должность, имея степень цзиньши, то карьера твоя, можно сказать, выкована из меди и вылита из чугуна: что бы ты ни творил, никто не посмеет слова против тебя сказать. А вот когда получаешь должность, не имея этой степени, то с оглядкой переходишь каждый мостик, и все равно начальство к тебе придирается. Или, скажем, областной суд подаст доклад в столицу на какого-нибудь чиновника-цзиньши. Пусть в докладе его изобразят крайне алчным, жестоким, корыстным. И что же? В лучшем случае, чтобы все выглядело справедливо, арестуют его, допросят и в конце концов — словно опасаясь, как бы не перевелись корыстные и жестокие чиновники, — вынесут заключение, что чиновник сей, хоть и осквернил свое звание, но, понеже молод и впервые на должности, уповательно, что исправится и вступит на стезю добродетели; а посему, мол, «за халатность» или «за несоответствие» понизить его в должности. Пройдет год-другой — глядишь, а он уж опять на видном месте. Ну а если такой цзиньши наскребет денег и начнет где надо ходатайствовать, то просто переведут его служить в другой город, и все тут. Иное дело чиновник, получивший должность как гуншэн: ошибись он на вершок — припишут все десять! И если, на твою беду, какой-нибудь влиятельный да со связями цзиньши попадет впросак, все свалят на тебя, и хочешь не хочешь, а придется тебе для господина ученого быть козлом отпущения. Тут столько несправедливости, что, пока не выдержал экзамена на звание цзиньши, и не думай служить. Предпочитаю околеть старым сюцаем: по крайней мере перед владыкой ада можно будет поднять вопль обиды и заручиться успехом в следующем *перерождении. Это лучше, чем мириться с незавидной должностью, терпеть бесконечные обиды и изо дня в день глотать успокоительные пилюли.

И вот однажды после такой тирады Сяньюй Тун громко проскандировал стихи:

*С древних времен дворцовая знать
держала в оковах таланты,
ценила лишь тех, кто экзамены сдал,
способны ли, нет, не смотрела.
Давно уже в песне *Цзе Юй говорил:
путь службы чиновника труден;
Все знают, *Цзыгао драконов любил,
но разве любил настоящих?
Пусть в списке достойных средь прочих имен
себя никогда не найду я,
Учиться до старости лет предпочту,
сюцаем простым оставаясь.
Но камень для туши до дыр протереть
под силу лишь истинно стойким,
Таким, например, как князь *Гунсунь Хун,
«Чуньцю» до седин изучавший.

Надо сказать, что Гунсунь Хун до пятидесяти лет изучал «Чуньцю», а в шестьдесят, отвечая самому императору на экзаменах

во дворце, первым выдержал испытания. Он дослужился до должности министра, и ему был пожалован титул удельного князя. Сяньюй Тун впоследствии тоже выдержал столичные экзамены, когда ему стукнуло шестьдесят, и потому люди считали, что эти стихи его были пророческими.

Но не будем забегать вперед.

Несмотря на то что Сяньюй Тун все больше укреплялся в своем решении, ему по-прежнему не везло: исполнилось уже пятьдесят, а, как говорится, *Су Цинь все оставался Су Цинем, и ничего он в своей судьбе изменить не мог. Прошло еще несколько лет, и Сяньюй Тун даже на дополнительных экзаменах, то есть на переэкзаменовках, стал терпеть неудачи. Но каждый раз, как только подходил срок экзаменов в области, он первым среди желающих экзаменоваться протискивался в зал, чем вызывал немало насмешек.

В шестом году *Тянь-шунь Сяньюй Туна было уже пятьдесят семь лет, он поседел, а все еще терся в толпе молодых сюцаев и без устали рассуждал о литературе, толковал на ученые темы. Некоторые вообще считали его ненормальным и избегали встречи с ним, другие видели в нем чудака и насмехались над ним.

Но оставим пока Сяньюй Туна.

Начальником уезда Синъаньсянь был в то время уроженец уезда Сяньцзюйсянь, что в области Тайчжоуфу, в провинции Чжэцзян. Фамилия его была Куай, имя Юйши, *второе имя Шуньчжи. Совсем молодым он выдержал столичные экзамены и был известен своими познаниями. Он любил поговорить о литературе, побеседовать на ученые темы, потолковать о древности и о делах современных. Но был у него один недостаток: любил молодых и не терпел стариков — и в этом никак не мог оставаться беспристрастным. Встречая молодого и способного человека, он всегда хвалил его, а на пожилых и старых людей смотрел, словно на падаль, и хоть неизменно величал их «почтенными коллегами», однако в его устах это звучало злой насмешкой.

В том году накануне областных экзаменов Куай Юйши получил распоряжение от инспектора-экзаменатора провинции самому провести в уезде предварительные отборочные экзамены. Куай Юйши провел экзамены для всех сюцаев, и когда *сочинения с заклеенными фамилиями и именами принесли ему, он, полагаясь на свой собственный опытный глаз в оценке, честно выделил среди всех работ наилучшую.

— На этот раз я счел лучшей работой такую, в которой поистине чувствуется *цзянсу-чжэцзянский дух, — крайне довольный, похвастался он перед сюцаями. — Я уверен, что тот, кто написал эту работу, пройдет успешно все экзамены и никто из сюцаев всего уезда не сравнится с ним.

Сюцаи почтительно склонили головы, но так же как *никто не знал, кого назначит полководцем ханьский Гао-цзу, так никто из них не знал, кто же этот выдающийся сюцай. А когда начали согласно номерам работ выкликать фамилии, то на первую лучшую экзамена-

ционную работу отозвался и стал пробираться через толпу, как бы выдумали, кто?

*Низкий-пренизенький,
Толстеный, круглый,
Виски, борода вполовину седы.
В старой потрепанной шапке суючая,
В куртке, висящей на нем, как мешок,
Ветхой, залатанной вдоль, поперек.
И вот на него все глядят и глядят:
Шапку и пояс сменить бы ему —
Точь-в-точь чернолицый толстяк,
Судья из подземного ада.
Начальник уезда хвастал не зря
Уменьем талант отбирать,
«Коллегой почтенным» придется теперь
Старика-толстяка величать.
Но зависть отбросьте,
Зря не вздыхайте:
Время придет — каждый из вас
«Почтенным коллегой» станет.
Хлопотать, суетиться не нужно:
Самыми старшими будете вы —
Ваш тоже наступит черед.*

Итак, лучше всех выдержавших экзамен оказался не кто иной, как тот самый пятидесятисемилетний чудак по имени Сяньюй Тун — предмет насмешек и издевок.

— «Почтенный коллега» Сяньюй Тун снова пошел в гору! — не удержавшись, громко смеясь, восклицали в один голос все, кто с ним вместе были в экзаменационном зале.

Начальник уезда залился краской и от стыда не мог вымолвить ни слова: сам ошибся при отборе, а теперь перед всеми брать свои слова назад было уже неудобно. С досадой в душе Куай Юйши продолжал снимать наклейки с других сочинений и вызывать экзаменовавшихся по именам. К счастью, все остальные выдержавшие экзамен были людьми молодыми, и это немного его успокоило. Отпустив экзаменовавшихся и закончив дела, Куай Юйши, недовольный собой, возвратился домой.

Однако вернемся к Сяньюй Туну. Заметим, что Сяньюй Тун был выдающимся по таланту сюцаем, и хоть постоянные невезения не сломили его воли, но все же он,

*Как *Цюй Юань на озере,
печали предавался
И, как Су Цинь,
стыдился неудач.*

А тут вдруг нежданно-негаданно он выдержал экзамен первым. Это сразу приподняло его настроение. Если бы экзаменовал сам инспектор-экзаменатор, скорее всего, тому не понравилось бы его сочинение, а тут экзамен проводил начальник уезда, и вот выпала удача.

Непомерно счастливый, Сяньюй Тун отправился в область сдавать экзамены на степень *цзюйжэня.

Его товарищи по училищу готовились, зубрили, и только Сяньюй Тун, прекрасно начитанный и обладающий широкими познаниями, целые дни гулял по городу. Глядя на него, другие сюцаи думали: «Наверно, привез сына или внука на экзамены. Разгуливает себе преспокойно по городу, не ведая забот. Хорошо ему!» Знай они, что он сам сюцай, приехавший сдавать экзамены, наверняка поиздевались бы над стариком.

День шел за днем, и наконец в седьмой день восьмого месяца на улицах города громко затрубили в трубы, забили в барабаны — это встречали экзаменаторов, направлявшихся к экзаменационному двору. Разглядывая их, Сяньюй Тун увидел начальника уезда Синъяньсянь, господина Куай Юйши. Оказывается, он был приглашен в качестве одного из помощников главного экзаменатора и должен был вести группой, экзаменуемой по *«Книге обрядов».

«Я иду по „Книге обрядов“, то есть попадаю к господину Куай Юйши, — рассуждал Сяньюй Тун. — На предварительных экзаменах он оценил мое сочинение как лучшее, вероятно, нравится моя манера и стиль. А раз экзаменует он, девять шансов из десяти за то, что меня опять ждет удача».

Куай Юйши, однако, шел экзаменовать с предвзятыми соображениями:

«Если я проведу кого-нибудь из молодых, то учеником моим станет человек, у которого все впереди. Такой прослужит чиновником гораздо дольше, чем старый, и мне, как его учителю-экзаменатору, будет на кого в делах опереться. А старых брать ни к чему», — рассуждал он и затем подумал: «На предварительных экзаменах я, как слепой, по ошибке признал первым „почтенного коллегу“ Сяньюй Туна. Самому было стыдно. Пропусти я его и на этот раз, просто будет смех и позор. Хватит! Если увижу, что все три сочинения написаны толково, значит, наверняка это опытный ученый, которому немало лет. Такого пропускать не буду. Отберу только сочинения, где почувствую неопытную руку юнца — не совсем складный стиль, робкие суждения, несмелые выводы. Так, конечно, напишут молодые. Не беда, что познания молодого человека будут не самыми обширными, — пока дойдет дело до следующих экзаменов, можно будет его поднатаскать. По крайней мере хоть отделаюсь от этого Сяньюй Туна».

Просматривая сочинения, Куай Юйши придерживался именно этого своего решения и отбирал как лучшие не то чтобы блестящие, но и не лишённые дарования работы. Разметив в них крупными кругами и точками неплохие места, он подал сочинения главному экзаменатору, и тот написал на них: «Выдержал».

В двадцать восьмой день восьмого месяца главный экзаменатор и его помощники собрались в Зале высшей справедливости, где по номерам были найдены оригиналы оцененных работ и на доску заносились имена выдержавших. Лучшим по группе «Книга обрядов» оказался сюцай Сяньюй Тун из уезда Синъяньсянь.

Опять повезло пятидесятисемилетнему чудаку.

Куай Юйши был ошеломлен. Заметив выражение недовольства на лице своего помощника, главный экзаменатор осведомился, в чем дело.

— Сяньюй Тун слишком уж стар. Если занести его в список среди первых, боюсь, как бы это не вызвало осуждения и недовольства со стороны молодых сюцаев, — пояснил Куай Юйши и добавил: — Охотно поставил бы на первое место по моей группе кого-нибудь другого.

Но главный экзаменатор, указывая на доску, висевшую на стене, заявил:

— Здесь сказано, что это Зал высшей справедливости. Посмеем ли мы в зале, который носит такое название, допустить несправедливость из-за каких-то личных чувств приязни или неприязни к людям преклонного возраста! Ведь исстари известно: «Первое место на экзаменах принадлежит опытным и знающим». К тому же если среди первых мы дадим место человеку преклонного возраста, то тем самым поднимем дух учащихся по всей стране.

И, не пожелав заменить Сяньюй Туна никем другим, главный экзаменатор оставил его в числе лучших. Куай Юйши волей-неволей пришлось смириться. Поистине,

*Как бы и сколько вы ни старались,
что бы ни делали вы,
Коль уж написано что на роду,
того не изменишь никак.
Пусть и хотелось всюю душой
дорогу дать молодым,
Волей-неволей пришлось старика
среди лучших опять называть.*

Да, но ведь Куай Юйши решил во что бы то ни стало не пропускать «почтенного коллегу» Сяньюй Туна и поэтому выбирал сочинения, которые не отличались совершенством, а Сяньюй Тун был умным и знающим сюцаем, и писал он, конечно, превосходно. Как же могло случиться, что его работа опять была выбрана как лучшая?

А дело вот в чем. Оказывается, когда Сяньюй Тун увидел среди экзаменаторов Куай Юйши и решил, что наверняка выдержит, он на радостях перехватил *холодного вина и расстроил желудок. Через силу пришел он в экзаменационный зал, и, пока обдумывал и писал сочинение, у него так схватило живот, что он еле дышал. Поэтому, кое-как закончив работу, он сдал ее и ушел. То же было с ним и на второй, и на третий день экзаменов, когда он писал на остальные темы. Во все эти сочинения он не вложил и десятой доли своих знаний и был уверен, что на этот раз, конечно, провалится. Однако именно благодаря тому, что Куай Юйши не хотел отдавать предпочтения работам, написанным безукоризненно, Сяньюй Тун занял первое место по его группе. Видно, в судьбе Сяньюй Туна наступал конец полосе невезений и приходила пора удач. Поэтому необычный отбор сочинений на этих экзаменах был ему только на пользу. Надо сказать, что на этот раз из всех сюцаев уезда Синъаньсянь выдержал областные

экзамены только он один. В тот день на общем пиру выдержавших сюцаев выяснили, кому сколько лет, и Сяньюй Тун был признан «почтенным старейшиной». Каждый экзаменатор с радостью знакомился со своими новыми учениками, приветливо встречал их, и только Куай Юйши визиты Сяньюй Туна не доставляли удовольствия. А Сяньюй Тун, благодарный учителю за то, что тот дважды на экзаменах отметил его как достойного, относился к Куай Юйши с особым уважением. Но чем больше внимания и почтения выражал он своему учителю, тем сильнее это его раздражало. Куай Юйши не проявлял ни малейших забот о Сяньюй Туне в связи с предстоящими экзаменами в столице, не давал ему ни советов, ни указаний.

На следующий год Сяньюй Тун — ему было уже пятьдесят семь — держал экзамены в столице на звание цзиньши и не выдержал. Когда после этого он увиделся с Куай Юйши, тот, не говоря ни о чем другом, дал ему один совет — определиться на должность.

Но мог ли Сяньюй Тун, который больше сорока лет оставался сюцаем и не желал служить, согласиться на какую-нибудь незначительную должность лишь только потому, что сдал экзамен на звание цзюйжэня? И, возвратясь домой, Сяньюй Тун принялся заниматься с еще большим усердием. Всякий раз, когда ему становилось известно, что где-то собираются на литературный вечер местные сюцаи, он непременно являлся туда с бумагой и письменными принадлежностями, садился и вместе с молодыми людьми писал сочинения. И как бы над ним ни потешались, как бы ни дразнили его и ни пренебрегали им, он никогда не обращал на это внимания. Написав свое сочинение, он непременно просматривал сочинения других и лишь после этого, радостный и счастливый, уходил. Посещать такие вечера вошло у него в обыкновение.

Время летело быстро, три года прошли незаметно, и вот уже подошел срок очередных столичных экзаменов. Сяньюй Туну в ту пору перевалило за шестьдесят, но он был по-прежнему бодр.

Однажды, когда он находился в столице, ему приснился сон, будто он выдержал экзамены и его имя стоит в списке среди первых. Но под именем значилась не группа «Книга обрядов», по которой он обычно экзаменовался, а *«Книга песен». Сяньюй Тун был из тех эрудитов, которые знали отлично любую классическую книгу, притом жажда успеха была в нем слишком велика, чтобы он не поверил в свой сон. И он решил экзаменоваться на этот раз по «Книге песен», а не по «Книге обрядов».

Между тем Куай Юйши за безупречное управление уездом получил повышение по службе и должность в столице. На этот раз он опять входил в число экзаменаторов. Перед самыми экзаменами Куай Юйши подумал: «Дважды я допустил ошибку, и первым по моей группе проходил „почтенный коллега“ Сяньюй Тун. Теперь он уже совсем стар, и если здесь, в столице, он пройдет у меня, то я опозрен на всю жизнь. Буду просматривать работы не по „Книге обрядов“, а по „Книге песен“. Тогда, выдержит ли „почтенный коллега“ Сяньюй Тун экзамены или нет, я к этому не буду иметь никакого отношения».

И Куай Юйши попросил, чтобы его назначили просматривать работы по «Книге песен». «Пожалуй, на свете найдется не один „почтенный коллега“ вроде Сяньюй Туна, — размышлял он между тем. — И если у меня пройдет не он, а какой-нибудь другой старик, получится, что я „от громовержца удрал, а от грома не спасся“. Но ничего. Ведь всякий старый опытный ученый отлично знает содержание любой классической книги. А молодежь обычно направляет свои силы только на *, „Четверокнижие“; что касается глубины понимания текстов *, „Пятикнижия“, то тут она слабовата. Я не буду строг в отношении тем, связанных с толкованием положений „Пятикнижия“, я буду отбирать именно такие работы, в которых при отсутствии четкого ответа чувствовалось бы определенное дарование. Можно быть уверенным, что написавший такое сочинение — человек молодой».

И вот Куай Юйши просмотрел экзаменационные работы и подал их главному экзаменатору. Когда составлялись списки выдержавших экзамены, первая работа, сданная по группе «Книга песен», оказалась одиннадцатой среди лучших. Работа эта снова принадлежала сюаю уезда Синъаньсянь Сяньюй Туну — чудаку, которому шел шестьдесят первый год.

Куай Юйши остолбенел от досады:

*О, если б мог заранее ты знать,
что счастье и успех — его судьба,
Не стал бы ты стараться так,
и зря себя не стал бы утруждать.*

«Конечно, на свете много однофамильцев, однако в уезде Синъаньсянь нет второго Сяньюй Туна, — рассуждал Куай Юйши. — Но Сяньюй Тун всегда занимался „Книгой обрядов“, почему же теперь он вдруг перешел на „Книгу песен“? Ничего не понимаю!»

И, дождавшись, когда Сяньюй Тун явился к нему с визитом, он спросил его, почему тот стал экзаменоваться по другой группе. Тогда Сяньюй Тун рассказал ему о своем сне.

— Значит, самой судьбой вам предназначено быть цзиньши! — воскликнул Куай Юйши. — Самой судьбой!

С тех пор между Куай Юйши и Сяньюй Туном, учителем и учеником, установились совсем неплохие отношения. Сяньюй Тун выдержал затем дворцовые экзамены, на которых он снова оказался среди лучших, и получил должность начальника канцелярии в Палате наказаний. Люди возмущались тем, что человеку, выдержавшему экзамен уже в преклонном возрасте, дают такую в общем-то незначительную должность. Но сам Сяньюй Тун остался доволен.

После перевода в столицу Куай Юйши служил в Палате обрядов. Он всегда смело высказывал свое мнение и не боялся осуждать то, что ему казалось неверным и несправедливым. Однажды в своем докладе императору он выразил неодобрение по адресу члена Придворной академии Лю Цзи, и тот, найдя предлог придраться к Куай Юйши, засадил его в тюрьму. В ту пору чиновники Палаты наказаний заискивали перед Лю Цзи и потому хотели приговорить Куай Юйши к смертной казни.

На счастье, ниспосланное Куай Юйши самим небом, Сяньюй Тун оказался тут как тут: хлопотал за него у себя в канцелярии, заботился о нем и сделал все, что от него зависело, чтобы Куай Юйши не пришлось испытывать особенных страданий и лишений, пока он сидел в тюрьме. Затем Сяньюй Тун привлек к этому делу и других выдержавших вместе с ним экзамен, и все они стали хлопотать за Куай Юйши. Благодаря этому Куай Юйши отделался сравнительно легко.

«Цветы я думал посадить, цветы не прижились. Иву не хотел растить, но ива тень дала, — сказал сам себе Куай Юйши, очутившись на свободе. — Если бы не этот старый ученик мой, я бы погиб».

И он отправился с визитом к почтенному коллеге Сяньюй Туну, чтобы поблагодарить его.

— Вы трижды облагодетельствовали меня, дорогой учитель, — отвечал ему Сяньюй Тун. — Мне удалось оказать вам лишь небольшую услугу и тем самым хоть как-то отблагодарить вас за экзамены. Но то, что вы сделали для меня, и то, что я сделал для вас, — небо и земля!

В тот вечер гость и хозяин весело провели время за вином и беседой. С тех пор Куай Юйши, где бы ни находился, непременно раз, а то и два раза в год посылал кого-нибудь с подарками к Сяньюй Туну осведомиться о здоровье своего ученика; и хотя подарки были скромными, они выражали его чувства.

Быстро текло время. Сяньюй Тун по-прежнему служил в Палате наказаний, занимая то один, то другой пост. Прошло шесть лет, и вот наконец он должен был получить назначение на должность правителя области.

В столице все относились с почтением к его учености и талантам, уважали за честность, а потому в Палате чинов непременно хотели подыскать ему хорошее место. Сам Сяньюй Тун нисколько этим не интересовался. Но однажды из уезда Сяньцзюйсянь, родины Куай Юйши, пришло известие о том, что Куай Цзингун, сын Куай Юйши, поссорился из-за кладбищенской земли с одним из местных богачей, неким господином Ча. Случилось так, что как раз в это время от богача сбежал его слуга. Ча обвинил Куай Цзингуна в убийстве слуги и дал делу ход. Куай Цзингун не мог доказать свою невиновность, поэтому бежал в провинцию Юньнань, где тогда служил его отец, и там скрывался. Между тем уездные власти рассудили, что раз Куай Цзингун исчез, значит, он виновен в убийстве, и издали приказ о его аресте. Все его домашние были в панике, тем более что арестовали кое-кого из его родни.

Узнав, что в Тайчжоу — области, в ведении которой находился уезд Сяньцзюйсянь, как раз свободна должность правителя, Сяньюй Тун обратился к знакомым, и те стали ходатайствовать, чтобы эту должность предоставили ему. В Палате чинов хорошо знали, что назначение в Тайчжоу не из заманчивых, но раз человек сам просит, зачем ему отказывать? И тут же Сяньюй Тун был представлен к повышению и назначен правителем области Тайчжоу.

На третий день после прибытия Сяньюй Туна на место назначения господин Ча уже знал, что новый правитель области — ученик Куай Юйши, знал, что он специально выпросил это назначение, и понимал, что при решении дела начальник будет не на его стороне. Богач стал клеветать на нового начальника, но Сяньюй Тун делал вид, что ничего об этом не знает. И даже когда семья Куай подавала ему жалобы, он тоже вел себя так, будто не придает делу ни малейшего значения. А сам тем временем тайно послал людей на поиски беглого слуги из дома Ча, приказав схватить его и доставить к нему в ямэнь.

Прошло месяца два, и слуга был схвачен в Ханчжоу. Сяньюй Тун лично допрашивал его. Тот показал, что просто сбежал от своего хозяина и что все это не имеет никакого отношения к семье Куай. Сяньюй Тун тотчас же велел богачу Ча забрать слугу под расписку. Членов семьи Куай немедленно освободили, а через день-другой Сяньюй Тун сам отправился проверить межи кладбищенских земель.

Понимая, что дела ему теперь уже не выиграть и что в убытке от тяжбы наверняка будет он сам, Ча попросил знакомых походатайствовать за него перед правителем области, а семье Куай передать, что он согласен пойти на мировую. Тем тоже не хотелось судиться и наживать врагов, раз обвинение отпало. Сяньюй Тун разрешил Ча пойти на мировую, наложил на него небольшой штраф и доложил о решении дела по начальству. Обе стороны остались довольны. Поистине,

*Если умный правитель на месте —
То и плутни людей не страшны.*

После этого Сяньюй Тун отправил в Юньнань со своим человеком письмо Куай Юйши. Узнав обо всем, тот очень обрадовался и подумал: «„Посадишь терновник — получишь терновник, посадишь персик — тень обретешь“». Если бы не этот дряхлый ученик мой, нам бы несдобровать».

В ответном письме, посланном с Куай Цзингуном, он от всей души искренне благодарил Сяньюй Туна.

— Я до самых сединок пребывал в неизвестности, и мир меня не признавал, — говорил Сяньюй Тун, когда к нему явился Куай Цзингун. — Ваш отец трижды облагодетельствовал меня, благодаря ему я прошел на экзаменах. Единственно, о чем я все беспокоился, — это о том, что могу умереть, не успев отблагодарить его за содеянное добро. Вас нынче оклеветали, и так или иначе вас должны были оправдать, так что я лишь немного помог вам: как говорится, «при ветре раздувал огонь». Это такой пустяк — я только в самой малой мере отблагодарил вашего отца и еще в большом долгу перед ним.

Поскольку Куай Цзингун вел дома только хозяйственные дела, то Сяньюй Тун посоветовал ему уединиться и взяться за книги.

Три года прослужил Сяньюй Тун правителем Тайчжоу. Слава о нем разнеслась далеко за пределы области, и он был повышен в должности — назначен на пост военного инспектора в округ Хуэйнин. Затем он вторично получил повышение и стал главным судьей в

провинции Хэнань. Служил он, как всегда, прилежно и ревностно. Ему было уже восемьдесят лет — правда, он чувствовал себя куда бодрее иных молодых, — когда он снова получил повышение и был назначен губернатором провинции Чжэцзян.

«На шестьдесят втором году жизни я выдержал экзамен на цзиньши, и хоть путь моей учебы был долог и тернист, но зато служебный оказался гладок: пока что все обходилось без волнений и бурь, — рассуждал про себя Сяньюй Тун. — Нынче я дослужился до губернатора. Какого же почета и какой славы еще желать? Я всегда честно и усердно относился к службе и не посрамил себя на доверенных мне постах. Было бы вполне разумно, собственно, на этом и остановиться. Но я еще не отблагодарил господина Куая за все то добро, которое он мне сделал. Назначен я теперь как раз в Чжэцзян, на его родину. Кто знает, может, смогу ему быть полезным».

И, выбрав *благоприятный день, он отправился к месту нового назначения. На всем пути его ожидали торжественные и почетные встречи и проводы, но это разумеется само собой, и об этом говорить нечего.

Не один день прошел, пока он добрался до *Ханчжоу.

Куай Юйши к тому времени уже дослужился до должности помощника правителя области, но из-за болезни глаз ему пришлось устраниваться от дел и вернуться на родину. Узнав, что Сяньюй Тун назначен губернатором в их провинцию, Куай Юйши взял с собой двенадцатилетнего внука и отправился к нему в Ханчжоу с визитом. И хоть Куай Юйши являлся учителем-экзаменатором Сяньюй Туна, но был он моложе его на двадцать с лишним лет. Теперь этот почтенный полуслепой старик в отставке вызывал сочувствие, а Сяньюй Тун в своей восьмидесятилетней выслуге выглядел бодро, словно молодой, и вступал в должность губернатора. Нет, не возрастом определяются успех и процветание! Куай Юйши часто об этом думал и, как бы в ответ своим собственным мыслям, вздыхал. Поистине,

*Зачем кипарису, сосне
завидовать персику, сливе?
Взгляните в зимнюю пору —
что будет на ветках у них!*

Прибыв в Ханчжоу, Сяньюй Тун собрался было послать человека проведать о здоровье Куай Юйши, но тут ему доложили, что Куай Юйши сам явился к нему. Сяньюй Тун, крайне обрадованный, поспешил встретить гостя, пригласил его в свои личные покои и приветствовал, как подобает приветствовать учителя. Куай Юйши подозвал внука.

— Поклонись господину! — сказал он мальчику.

— Кто это? Кем он вам приходится? — спросил Сяньюй Тун о мальчике.

— Вы меня спасли когда-то, потом выручили сына из беды, и благодарность к вам всегда остается при мне. Ныне счастливая звезда опять засияла над нашей провинцией. Я уже стар, болен, и недолго мне жить на свете. Сын учился, но ничего из этого не получилось, и

теперь все мои надежды на этого мальчика, моего внука. Зовут его Куай У. Мальчик довольно смышлен, и вот я специально привел его с собой, чтобы просить вас позаботиться о нем.

— Я уже в таком возрасте, что служба — не моя тропа, и если я приехал сюда на должность, то только потому, что до сих пор еще не сумел в полной мере отблагодарить вас за все, — говорил Сяньюй Тун. — А раз вы поручаете моим заботам своего мальчика, то случай этот как раз мне теперь и представляется. Будет ли у вас спокойная душа, если внук ваш останется жить здесь, при мне, и заниматься вместе с моими внуками?

— Если вы сами возьметесь его обучать, я смогу *умереть с закрытыми глазами.

И, оставив двух отроков на услужение внуку, Куай Юйши простился и ушел.

Куай У действительно оказался очень способным мальчиком. Он прилежно учился и так преуспел, что осенью того же года Сяньюй Тун рекомендовал его к очередным экзаменам для талантливых отроков. Куай У, выдержав экзамены, был принят в училище, зачислен на стипендию, но жил и занимался по-прежнему у Сяньюй Туна. Так прошло три года, и Куай У обрел познания, необходимые для прохождения дальнейших экзаменов.

«Ну что ж, этот мальчик уже может держать экзамены, и, если он выдержит, это будет моя благодарность Куай Юйши», — сказал как-то себе Сяньюй Тун.

Он дал юноше триста ланов серебром, как говорится, на кисти и бумагу и сам проводил его к деду. Они прибыли в Сяньцзюйсянь три дня спустя после кончины Куай Юйши. Совершив обряд поклонения и оплавав покойного, Сяньюй Тун обратился к Куай Цзингуну:

— Не наказывал ли учитель чего-нибудь перед кончиной?

— Он сказал, что жалеет, что сам выдержал экзамены в молодые годы, а потому любил молодых и не ценил стариков, и что совершенно случайно ему встретился такой высоконравственный ученик, как вы. Говорил, что после вас у него было много молодых учеников, одни более способные, другие — менее, одни вознеслись высоко, другие нет, но ни один из них так не заботился о нем и не помог ему так, как вы. Он завещал нам, чтобы все мы, и сыновья его, и внуки, никогда не относились свысока к людям преклонного возраста.

— Стремясь всем трем поколениям вашей семьи воздать за добро, которое мне сделал мой учитель, я именно и хотел, чтобы люди поняли, что поддерживать пожилых тоже стоит и нельзя любить молодых и не ценить стариков, — сказал Сяньюй Тун, улыбаясь.

Вскоре он простился и уехал.

Вернувшись в Ханчжоу, Сяньюй Тун написал прошение об отставке. Императорским указом ему было разрешено уйти на покой, и он возвратился на родину. Там он жил в тиши и свободное от занятий с внуками время проводил с почтенными старцами за вином и сочинением стихов.

Восемь лет спустя его старший внук Сяньюй Хань среди первых выдержал областные экзамены и когда прибыл в Пекин на столичные

экзамены, то встретил там Куай У, который тоже выдержал у себя в области на цзюйжэня, и теперь, как и он, приехал на столичные экзамены.

Внуки старых друзей, теперь молодые одногодки по экзаменам, стали вместе готовиться к предстоящим испытаниям. И когда был объявлен список выдержавших, оба они поздравляли друг друга с получением звания цзиньши.

Да, Сяньюй Тун пятидесяти семи лет выдержал областные экзамены, в шестьдесят один год — столичные, прослужил двадцать три года, дошел до высокого ранга, получил немало пожалований и наград и воздал за добро трем поколениям семьи благодетеля. Уйдя в отставку и возвратясь на родину, он еще успел порадоваться, что его внук выдержал столичные экзамены.

Сяньюй Тун прожил девяносто семь лет, и последние сорок лет были для него годами процветания и славы.

В Чжэцзяне и поныне люди охотно учатся и сплошь и рядом до шестидесяти, а то и до семидесяти лет продолжают сидеть за книгами. Поэтому нередко случается, что иные из них достигают успеха уже в почтенные годы.

Впоследствии кто-то написал об этом стихи:

*Стоит ли, жизненных сил не щадя,
к успеху и славе стремиться:
Поздно иль рано их обретешь —
только от неба зависит.
Если б суметь не спеша вызреть,
как *персик на древе священном,
Тогда даже целых три тысячи лет
недолгим покажутся сроком!*

11. ЛИ-НЕБОЖИТЕЛЬ, ПЬЯНЫЙ, ПИШЕТ ПИСЬМО, УСТРАШИВШЕЕ ВАРВАРОВ

*То время зависти достойно:
поэт и небожитель Ли
Стихи слагал за чаркой винной,
и за строфой лилась строфа.
Умом и глубиной познаний
унизил он временищиков.
В руках не кисть, а вихрь и тучи —
искусством древних превзошел.
*Бохай и дальние заставы
он в страх поверг своим письмом
И ту, что *«государства рушит»,
воспел и песнею пленил.
Не думай, что талант великий
теперь исчез для нас навек.
Вблизи *Цайши при лунном свете
его увидим мы всегда.*

Скороговорят, что в эпоху *Тан, во времена императора *Сюань-цзуна, жил талантливый человек по фамилии Ли, по имени Бо, *второе имя его было Тайбо. Это был уроженец области Цзиньчжоу, что в провинции Сычуань, внук в девятом поколении Ли Хао, императора *Западной Лян. Однажды матери Ли Бо приснилось, что звезда Чангэн упала ей на грудь, и она зачала. Звезду, которую она видела во сне, называли еще и «Тайбо», так что и *первое и второе имя мальчику дали исходя из названия этой звезды. Ли Бо от рождения был красив и изящен, телосложения удивительно правильного, а в его манерах и во всем его облике было что-то от мира бессмертных. В десять лет он уже прекрасно разбирался в *классических книгах и династийных историях, а из уст его так и лились поэтические строфы. Все хвалили его и говорили, что у него *«уста узорчаты и ум цветист»; были даже такие, которые считали его бессмертным духом, спустившимся на землю. Поэтому его и прозвали «Ли-небожитель».

Стихи, которые в честь него написал *Ду Фу, свидетельствуют обо всем этом:

*Был гость у нас недавно своевольный,
Его все величали «небожитель».
Опустит кисть — трепещут дождь и ветер,
Стих сложит — плачут демоны и духи.
Талантом редким он себя прославил,
Всех современников затмил.
Его стихи узорами богаты,
Останутся в веках его творенья.*

Сам Ли Бо называл еще себя «отшельником из *Цинляни». Всю жизни он любил вино и, нисколько не стремясь к служебной карьере, мечтал только о том, чтобы обойти всю страну, побывать на всех знаменитых горах и перепробовать все лучшие вина на свете. Сначала он поднялся на горы *Эмэй, потом поселился на *Юньмэне; жил отшельником в Чжуци, что в горах *Цзулайшань, где с *Кун Чаофу и другими — всего их было шестеро — дни и ночи пил вино. Всех их так и прозвали «Шесть отшельников из Чжуци». Кто-то сказал Ли Бо, что самое лучшее вино в области *Хучжоу, в Учэне, и он направился туда, не посчитавшись с расстоянием в тысячу *ли. Там, в винной лавке, он дал себе волю и пил, не обращая ни на кого внимания. Как раз в это время мимо проезжал помощник начальника области. До его слуха донеслась громкая песня, и он послал одного из своей свиты узнать, кто поет. Ли Бо ответил стихами:

*Изгнанник неба — а теперь отшельник,
живет в Цинляни,
Скрывается от славы в винных лавках
уже лет тридцать.
Помощнику начальника Хучжоу
зачем он нужен?
Будда-жулай по имени Цзиньсу
прямой мой предок.*

— Уж не сычуаньский ли это Ли-небожитель? Давно слышан! — воскликнул помощник начальника области, удивленный таким ответом, и тут же пригласил Ли Бо к себе.

Десять дней они вместе пили. Расставаясь, помощник начальника щедро одарил поэта и на прощанье сказал ему:

— С вашим высоким талантом получить *синий или бордовый шнур у печати не трудней, чем подобрать с земли былинку. Почему бы вам не поехать в *Чанъань и не принять участие в *столичных экзаменах?

— При нынешних правителях, — ответил Ли Бо, — в государственных делах царят беспорядок и хаос, честность и справедливость совершенно исчезли; те, кто низкопоклонничает, поднимается на высокие посты; тот, кто дает взятки, получает ученую степень. Если не прибегнуть к этим средствам, то, обладай ты мудростью *Мэна и *Куна или талантами *Чао и *Дуна — все равно ничего не достигнешь. Поэтому я предался поэзии и вину — по крайней мере, не придется терпеть обид от невежд-экзаменаторов.

— Все это, конечно, так, — заметил помощник начальника области, — но кто вас не знает? Стоит вам только приехать в Чанъань, а там, несомненно, найдутся люди, которые о вас позаботятся.

Последовав его совету, Ли Бо отправился в Чанъань. Однажды, прогуливаясь по двору Полярной звезды, он повстречался с придворным ученым *Хэ Чжичжаном. Каждый назвал свою фамилию и имя. Новые знакомые очень понравились друг другу. Хэ Чжичжан пригласил поэта в винную лавку, снял там с себя соболью шапку, украшенную золотом, и обменял ее на вино. Пили они до самой ночи. Затем ученый пригласил поэта к себе и оставил у себя ночевать. Новые знакомые настолько сблизились, что решили побрататься. На следующий день Ли Бо перенес свои пожитки к Хэ Чжичжану. Ежедневно друзья беседовали о стихах и пили вино. Хозяин и гость получали истинное наслаждение от общения.

Время летело быстро, и незаметно подошел срок столичных экзаменов.

— Этой весной, — сказал Хэ Чжичжан, — главным экзаменатором будет *Ян Гочжун, старший брат *Ян-гуйфэй и наставник императора, а надзирателем — президент Военной палаты Гао Лиши. И тот и другой падки до денег. И если у вас, дорогой брат, не найдется золота или серебра, чтобы подкупить их, то пусть ваши познания достигают небес — все равно не удастся вам повидать императора. И тот и другой мне знакомы; попробую написать им письмо, чтобы предупредить о вас и попросить их покровительства: может быть, они посчитаются с моей просьбой.

И хотя Ли Бо не нуждался в покровительстве, так как был человеком необычайно талантливым, ему все же пришлось согласиться с предложением друга — таков был век; к тому же ему не хотелось перечить человеку, который всей душой желал ему помочь. Хэ Чжичжан написал письмо и послал наставнику императора Ян Гочжуну и президенту Военной палаты Гао Лиши. Те прочитали и возмутились.

— Хэ Чжичжан сам получил от Ли Бо деньги, а нам посылает пустое письмо и хочет за наш счет быть добрым, — холодно усмехнувшись, заметил один из них. — Ладно, возьмем себе на заметку: если среди экзаменационных сочинений попадет подписанное Ли Бо, сразу же отвергнем его, какое бы оно там ни было — хорошее или плохое.

В третий день третьего месяца широко раскрылись ворота императорского дворца, куда собрались все таланты Поднебесной, чтобы представить свои сочинения. Ли Бо, превосходивший других своими знаниями и способностями, не отрывая кисти, мигом написал свое сочинение и первым сдал его. Ян Гочжун, увидев на нем имя Ли Бо, даже не стал его читать, перечеркнул все и сказал:

— Такой ученый годится разве только растирать мне тушь!

— Куда там! Ему впору только сапоги с меня стаскивать! — добавил Гао Лиши и приказал вытолкать Ли Бо вон. Действительно, правду говорят: не стремись, чтобы твое сочинение угодило Поднебесной, а стремись, чтобы твое сочинение угодило экзаменаторам.

Ли Бо, до предела возмущенный подобной несправедливостью, вернувшись домой, поклялся: «Если в конце концов мне удастся добиться своего, непременно заставлю Ян Гочжуна растирать мне тушь, а Гао Лиши стаскивать с меня сапоги. Только тогда успокоюсь».

— Не стоит волноваться! — уговаривал его Хэ Чжичжан. — Оставайтесь пока у меня. Через три года снова будут экзамены; сменят экзаменаторов — и вы, безусловно, выдержите.

Друзья целыми днями пили вино, сочиняли стихи, и незаметно — день за днем, месяц за месяцем — прошел целый год.

Случилось так, что однажды в столицу прибыли с письмом послы из далекой страны. К Хэ Чжичжану был послан гонец с высочайшим приказом от императора встретить иноземных послов и сопроводить их в гостиницу. На следующий день ведающий приемами иноземных послов принял от них письмо. Сюань-цзун приказал созвать всех ученых, состоящих при Императорской академии. Послание распечатали, но никто не мог ничего в нем понять.

— Все письмо написано знаками, которые не что иное, как *отпечатки лап животных и птиц. Наши познания слишком ничтожны, и мы не можем разобрать ни одного слова, — доложил императору один из придворных ученых, отбивая поклоны перед *золотыми ступенями.

Тогда император велел позвать главного экзаменатора Ян Го-чжуна и приказал ему прочитать письмо. Тот уставился на письмо, но тоже ничего не мог понять. Тогда император опросил все гражданские и военные чины при дворе, но не нашлось никого, кто мог бы прочитать грамоту, и оставалось неизвестным, добрые или злые речи содержатся в послании. Император пришел в ярость и обрушился на придворных:

— Что толку, что при дворе полно гражданских и военных чинов, если среди них нет ни одного настоящего ученого, который мог бы вывести своего императора из затруднительного положения! Если не сумеем прочесть письма, то как ответить, с чем отпустить послов? Только опозорить себя и стать посмешищем для варварской страны. В пренебрежении к нам она еще дерзнет поднять щиты и копья, чтобы напасть на наши границы. Что тогда будет? Даю три дня. Если за этот срок никто не сможет прочесть послание варваров, все будут лишены жалованья; если за шесть дней никого не найдется, всех лишу должностей; если и за девять дней никто не прочтет, все будут строго наказаны, а посты займут другие — мудрые и достойные, которые смогут быть опорой государства.

Услышав такое, никто из сановников не посмел и слова сказать; не было среди них и такого, кто бы подал императору доклад, советуя, как поступить. Император был в отчаянии.

Хэ Чжичжан, вернувшись с аудиенции, рассказал обо всем Ли Бо. Выслушав друга, Ли Бо с усмешкой заметил:

— Жаль, что в прошлом году мне не повезло на экзаменах — не пришлось получить чина, и теперь я не могу облегчить положение нашего императора.

— Значит, ученость и таланты моего брата столь велики, что он может прочесть это послание?! — немало удивленный, воскликнул Хэ Чжичжан. — Непременно доложу о вас императору.

На следующий день во время аудиенции Хэ Чжичжан вышел вперед из рядов придворных и обратился к императору со следующими словами:

— Докладываю вашему императорскому величеству, что у меня в доме живет *сюцай по фамилии Ли, по имени Бо. Это талантливый и знающий ученый, и если кто может разобрать письмо варваров, то это именно он.

Император тут же послал к Хэ Чжичжану гонца с высочайшим повелением Ли Бо явиться во дворец.

— Я простолудин из далеких краев, без талантов и знаний, — ответил Ли Бо императорскому гонцу. — Ныне при дворе императора много чинов, и все они люди глубоко ученые. Что же обращаться к такому невежде, как я? Я не осмелюсь явиться ко двору — боюсь, как бы не оскорбил этим знатных сановников.

Словами «боюсь, как бы не оскорбил этим знатных сановников» Ли Бо намекал на Ян Гочжуна и Гао Лиши.

Гонец вернулся во дворец и доложил обо всем императору.

— Скажите, почему же Ли Бо не пожелал выполнить приказ и явиться во дворец? — спросил император у Хэ Чжичжана.

— Я знаю, что Ли Бо превосходит любого своими талантами, а глубине его познаний приходится лишь изумляться. Но вот в прошлом году на государственных экзаменах его сочинение было отвергнуто экзаменаторами, а его самого позорно вытолкали за дверь. И сегодня, когда вы послали за ним, ему, конечно, было стыдно в одежде простолудина явиться ко двору. Прошу вас, ваше императорское величество, оказать милость и послать за ним какого-нибудь знатного сановника. Не сомневаюсь, что он тогда явится.

— Принимаю во внимание ваш доклад и жалую Ли Бо степенью *цзиньши, — произнес император. — Пусть он явится на аудиенцию в *фиолетовом халате, при золотом поясе, в шапке из тонкого шелка, имея при себе дщицу из слоновой кости. А вас, — продолжал император, обращаясь к Хэ Чжичжану, — попрошу лично отправиться за ним и привести его во дворец. Надеюсь, что вы не откажетесь.

Вернувшись домой с императорским указом, Хэ Чжичжан попросил Ли Бо прочесть указ, а затем рассказал ему, как искренен император в своем стремлении иметь мудрых людей при дворе. Ли Бо надел платье, пожалованное ему императором, поклонился в сторону дворца, сел на коня и, следуя за Хэ Чжичжаном, отправился во дворец.

Сюань-цзун, сидя на троне, ожидал прихода Ли Бо.

Приблизившись к золотым ступеням, Ли Бо по всем правилам церемониала пал ниц перед императором, пожелал ему многих лет жизни, поблагодарил за оказанную милость и замер в поклоне.

Увидев Ли Бо, император обрадовался так, словно бедняк обрел богатство, словно слепец увидел свет, словно голодный получил еду, словно над высохшей землей появились дождевые облака. Сюань-цзун раскрыл свои царственные уста и обратился к поэту:

— К нам прибыло послание из чужеземной страны, но нет человека, который смог бы прочесть его. Поэтому я специально послал за вами, достойнейший, чтобы вы вывели нас из затруднения.

— Знания мои так ничтожны, что я даже не прошел на экзаменах: наставник императора отверг мое сочинение, а президент Военной палаты приказал вытолкать меня за дверь, — отвечал Ли Бо,

низко кланяясь императору. — Теперь, когда получено это письмо, можно было приказать экзаменаторам ответить на него, и тогда не пришлось бы задерживать чужестранных послов. Я всего лишь отвергнутый сюдаи, и если я не угодил экзаменаторам, то смею ли надеяться, что смогу угодить самому императору?

— Я знаю все о вас, достойнейший. Не отказывайтесь! — возразил император и приказал одному из придворных подать Ли Бо послание. Пробежав его взглядом, Ли Бо ухмыльнулся и, обращаясь к императору, стал переводить послание. Читал он плавно, без запинок:

*Великий кэду страны *Бохай посылает письмо правителю танского государства. Когда ты занял *Когурё, ты подступил вплотную к нашей стране, и твои пограничные войска не раз нападали на мои владения. Не сомневаюсь, что все это делалось по твоей воле. Не желаю больше терпеть этого и посылаю сановников договориться по хорошему. Отдай нашей стране сто семьдесят шесть городов Когурё, и я подарю взамен много хороших вещей: лекарственные травы с горы *Тайбо, холст из Наньхая, барабаны из Чжачэна; олени из Фуюя, свиньи из Мосе, кони из Шуайбиня, хлопок из Вочжоу, карпы из реки Мэйто, сливы из Цзюду, груши из Лоюя — все это ты будешь иметь. Если и на это не согласишься, я подниму войска, и будем сражаться — посмотрим, кто кого победит!*

Когда чтение письма было закончено, чиновники невольно переглянулись друг с другом и в ужасе забормотали: «Как они посмели?!» Лицо императора стало грустным, он долго вздыхал и наконец обратился к придворным:

— Страна эта намерена поднять войска и идти на Когурё. Что же нам следует предпринять, чтобы дать отпор?

Придворные в ряду гражданских и в ряду военных чинов стояли как истуканы, никто из них не осмеливался ответить. Тогда Хэ Чжичжан обратился к императору:

— Император *Тай-цзун трижды ходил войной на Когурё. Невесть сколько народу погибло тогда, победы не одержали, а государственная казна опустела. Хорошо еще, что *Гай Сувэнь умер, а его сын Наньшэн, поссорившись из-за власти со своим младшим братом, стал нашим проводником; и хотя тогда император *Гао-цзун послал миллион отважных солдат во главе с прославленными генералами Ли Цзи и Се Жэньгуем, победить удалось лишь после сотни мелких и крупных сражений. Теперь, когда наше государство уже давно находится в состоянии мира, когда, можно сказать, нет ни генералов, ни солдат, трудно поручиться за безусловную победу, если копья и щиты снова придут в действие. Война повлечет за собой лишения и бедствия, которым неизвестно когда настанет конец. Хотелось бы, чтобы ваше величество приняло это во внимание.

— Если так, то какой же ответ послать им? — спросил император.

— Попробуйте, ваше императорское величество, спросить Ли Бо, — посоветовал Хэ Чжичжан, — он, безусловно, сумеет ответить как надо.

Император подозвал к себе Ли Бо и обратился к нему с тем же вопросом.

— Почтительно докладываю императору, — произнес Ли Бо, — пусть это дело не тревожит вас. Прикажите послам завтра прийти во дворец. Я при них же напишу ответ на их языке. В этом ответе я так унижу и устыжу иноземцев, что их кэду будет вынужден смиренно покориться.

— А кто это такой — «кэду»? — спросил император.

— У бохайцев принято называть своего князя кэду, — ответил Ли Бо, — все равно как уйгуры называют своего князя *кэхань, *туфани — цзаньпу, *лю чжао — чжао, а *хэлины — симо. Каждый — по-своему.

Обрадованный столь обстоятельным ответом, император в тот же день произвел Ли Бо в члены Придворной академии. Во Дворце золотых колокольчиков в честь Ли Бо был устроен пир. Мелодии *гун и шан сменяли друг друга, цитры и лютни звучали в гармонии; наложницы императора подносили вино, красавицы-служанки передавали кубки.

— Пейте вволю, не церемоньтесь, — сказал император, обращаясь к Ли Бо.

Ли Бо пил, не стесняясь, и незаметно охмелел, совсем ослабел. Тогда император приказал евнухам проводить Ли Бо в соседний зал и уложить его спать.

На следующий день в пятую *стражу император вышел в зал аудиенции. *Плеть тишины ударила три раза, гражданские и военные чины выстроились по обе стороны трона.

Ли Бо еще не успел протрезвиться, а евнухи уже торопили его на аудиенцию. После того как была закончена церемония приветствия, Сюань-цзун подозвал к себе Ли Бо. Заметив, что лицо поэта все еще носит следы опьянения и глаза полусонные, он приказал одному из придворных слуг распорядиться, чтобы в императорской кухне приготовили кислый рыбный суп, отрезвляющий от вина. Вскоре придворный слуга на золотом подносе принес чашку рыбного супа. Из чашки шел пар. Тогда император царственной своей рукой взял *палочки из слоновой кости, помешивая ими, долго студил суп, а потом сам поднес его Ли Бо. Ли Бо опустил перед императором на колени, выпил суп и сразу же почувствовал себя бодро и легко. Видя, до чего дошел император в своей благосклонности к Ли Бо, чиновники удивлялись и радовались. Их удивляло, что император нарушил правила этикета, а радовало то, что он нашел нужного человека. Только Ян Гочжун и Гао Лиши были мрачны, и на их лицах отражалось недовольство.

Император приказал ввести послов. Те вошли, совершили обряд приветствия императора. Ли Бо, в своем фиолетовом платье, в шапке из тонкого шелка, взял послание бохайского князя и легкой походкой, словно небожитель, плывущий на облаках, отошел в сторону, стал возле колонны и начал читать. Прочел он все письмо громко, без запинки, не ошибаясь ни в одном знаке.

Послы были ошеломлены.

— Ничтожное государство ваше вышло из рамок приличия, — обратился Ли Бо к послам, закончив чтение. — Но великодушие нашего мудрого императора широко, как небо, и он соизволил не обра-

тить на это внимания. Вам будет дан ответ. Извольте его смиренно выслушать!

Послы, трепеща от страха, опустились на колени перед ступенями престола. Император распорядился поставить рядом с тронном небольшой столик для письма, украшенный драгоценными металлами и редкими камнями, принести тушечницу из *хотанской яшмы, *кисть из чжуншаньской кроличьей шерсти с ручкой из слоновой кости, палочку ароматной туши, пятицветную бумагу, разрисованную золотыми цветами. Когда все это было приготовлено, император пригласил Ли Бо приблизиться к трону, занять место на парчовом табурете и набросать ответное послание.

— У вашего слуги запачканы сапоги, и он не смеет осквернить сиденье вблизи вас, — доложил Ли Бо. — Прошу вас оказать величайшую милость и разрешить мне снять сапоги и подвязать чулки, лишь тогда я осмелюсь занять приготовленное мне место.

Император, вняв просьбе Ли Бо, приказал младшему евнуху снять с Ли Бо сапоги.

— Ваш слуга еще хотел бы сказать слово, — снова обратился Ли Бо к императору, — но я решусь говорить лишь в том случае, если ваше величество заранее простит мне мою дерзость.

— Говорите, почтеннейший, я не стану вас винить, — пообещал император.

— Когда в свое время я вошел в *Весенние дворцовые ворота, чтобы держать экзамен, наставник императора Ян отверг мое сочинение, а президент Военной палаты Гао прогнал меня прочь. Теперь, когда я вижу, как эти два человека возглавляют придворных вашего величества, мне очень не по себе. Прошу вас приказать Ян Гочжуну держать для меня тушечницу и растирать тушь, а Гао Лиши снять с меня сапоги и подвязать чулки. Только тогда слуга вашего величества воспрянет духом, уверенно поднимет кисть, набросает ответ, достойный нашего императора, и сможет оправдать доверие моего владыки.

Император, нуждаясь в Ли Бо, не решился ему перечить и потому был вынужден приказать Ян Гочжуну держать тушечницу, а Гао Лиши снять с поэта сапоги. Оба сановника отлично понимали, что Ли Бо, пользуясь временным расположением императора, решил таким образом отомстить им за оскорбление, нанесенное ему на экзаменах. Но делать было нечего — послушаться императорского приказа они не смели: оставалось только, как говорится, гневаться, но молчать. Вот уж поистине,

*С противником не связывайся лучше,
А свяжешься — конца не будет той вражде;
Другого оскорбишь — сам будешь оскорблен;
Другого оболжешь — наговорят и на тебя.*

Ли Бо, радостный и торжествующий, наспех подтянул чулки, вступил на коврик и сел на парчовый табурет. Ян Гочжун густо растер тушь и стал подле Ли Бо, как слуга, держа в руке тушечницу. Вы скажете, положения их так неравны: как же могло получиться, что ученый Ли сидел, а наставник императора Ян, стоя, прислуживал ему? А это потому, что устами Ли Бо должен был сейчас говорить

сам император, и император одаривал поэта исключительной милостью. И раз император приказал наставнику Яну растирать тушь, не разрешая ему сесть, то ему ничего другого не оставалось, как стоя прислуживать поэту.

Самодовольно погладив бороду, Ли Бо взял кисть из кроличьей шерсти и безостановочно стал водить ею по пятицветной бумаге. Мгновение — и письмо, устранившее варваров, было готово. Знаки были написаны ровно, один к одному, и без малейшей ошибки. С почтением положил Ли Бо письмо на стол перед императором. Тот взглянул на письмо и изумился: все оно было написано на языке варваров, и ни одного знака он прочесть не мог. Он передал письмо придворным. Те тоже были поражены. Тогда император приказал Ли Бо прочесть письмо вслух.

Тут же, перед тронем, громко и четко Ли Бо начал читать свой ответ по-китайски:

*Император великой Танской империи, правящий под девизом *Кай-юань, высочайше повелевает бохайскому кэду.*

*Никогда еще яйцо не соперничало с камнем, и не змее сражаться с драконом. Волею неба династия наша правит страной, распростертой от моря до моря. Полководцы наши отважны, воины сильны, панцири крепки, оружие остро. Союзу с нами когда-то изменил *Сели и был пленен. *Лунцзань нам клялся в верности и лебедя литого подарил. *Силла хвалы нам шлет на вытканной парче; из Индии мы получаем птиц, владеющих людскою речью; из Ирана — змей, ловящих крыс; а Византия шлет нам в дар собак, что запрягают вместо лошадей; белых попугаев нам доставляют из Хэлина; жемчуг, сверкающий в ночи, нам шлет *Линьши; прославленных коней дарят нам *куруканы; отборные яства получаем из Непала. И это потому, что перед силой нашей все трепещут, но, зная о милости нашей, желают обрести покой, стремятся к миру с нами. Когда Когурё воспротивилось воле верховной, двинулись силы империи усмирить непокорных, и династия, правившая девять столетий, оказалась тут же повергнутой в прах. Пусть это послужит зеркалом примера для тех, кто идет против нас, и пусть знают, что кара ждет тех, кто против власти небесной восстанет! Вы же всего-навсего небольшая заморская страна, прилипшая к Когурё. В сравнении с нашей Срединной империей вы не больше чем малый удел, не обладающий и тысячной долей войска, боевых коней и запасов продовольствия нашей империи. На гнев кузнечика найдет управу коршун! И коли двинутся войска империи, прольется кровь на много тысяч ли. Вы, кэду, как и Сели, окажетесь у нас в плену, а вашей стране не избежать судьбы Когурё. Но великодушные наше безбрежно, широко, и мы склонны простить безрассудную дерзость вашу. Спешите же раскаяться, предотвратите беду и быть усердными в том, что должно вам как нашим данникам исполнить. В противном случае вы навлекете на себя беду и станете посмешищем для всех.*

Трижды подумайте об этом! Таков мой указ.

Император был чрезвычайно доволен ответом. Он приказал Ли Бо прочесть письмо бохайским послам, а затем распорядился, чтобы к посланию приложили императорскую печать и упаковали его.

Ли Бо велел Гао Лиши надеть ему сапоги и только после этого, сойдя со ступеней, приказал послам выслушать ответ императора. Ли Бо читал внушительным и громким голосом.

Послы Бохая с землистыми от страха лицами замерли, безмолвно слушая Ли Бо. Затем, когда Ли Бо кончил, они откланялись, отведав низкий поклон императору, и покинули дворец. Академик Хэ Чжичжан провожал послов до ворот столицы.

— Кто это только что читал приказ императора? — спросил один из послов у Хэ Чжичжана.

— Это знаменитый ученый по фамилии Ли, по имени Бо, член Императорской академии, — ответил Хэ Чжичжан.

— Как же высок должен быть его чин, если президента Военной палаты заставили снимать ему сапоги, а наставника императора — держать тушечницу! — удивлялись послы.

— Видите ли, наставник, конечно, знатный вельможа, президент Военной палаты — приближенный императора, но и тот и другой не больше чем самые знатные чины среди людей, — ответил на это Хэ Чжичжан. — А ученый Ли — это бессмертный, спустившийся на землю, чтобы помочь нашей небесной династии. Кто же с ним может сравниться?

Послы понимающе кивнули и, простившись с Хэ Чжичжаном, покинули столицу. На родине они рассказали своему князю, как все происходило при танском дворе. Напуганный письмом танского императора, князь Бохая стал держать совет со своими людьми. И они порешили, что раз небесной империи помогает бессмертный святой, то устоять в борьбе с ней им не удастся. Танскому императору тут же была послана грамота, в которой кэду объявлял о своем смирении, о готовности из года в год присылать дань и раз в год являться на поклон ко двору. Но оставим это и вернемся к нашему рассказу.

Глубоко уважая Ли Бо, Сюань-цзун хотел предоставить ему высокую должность при дворе.

— Мне не нужно высокой должности, — сказал Ли Бо императору, — я хотел бы только не знать никаких забот, быть вольным, делать что мне вздумается и, как *Дунфан Шо, служить императору.

— Если вы не желаете служить, то вашему выбору предоставляю все, чего вы только ни захотите: золото, белый нефрит, редчайший жемчуг, драгоценные камни и прочее, чем я владею сам.

— Ни золота, ни яшмы я тоже не хочу, — ответил Ли Бо. — Я бы желал только быть возле вас и ежедневно иметь возможность выпивать тридцать кубков лучшего вина. Больше мне ничего не надо.

Император знал, что Ли Бо был выше славы и почестей, и потому не стал принуждать его.

С этих пор Сюань-цзун часто удостаивал Ли Бо приглашениями на пиры, оставляя поэта ночевать во Дворце золотых колокольчиков, советовался с ним в делах управления государством и с каждым днем все больше удостаивал его своими милостями.

Как-то раз Ли Бо ехал верхом по улицам столицы и вдруг услышал звуки гонгов и грохот барабанов. Это приближалось шествие охранников и палачей, окружавших арестантскую повозку. Ли Бо остановил процессию и спросил, кого везут. Оказалось, что это военачальник из *Бинчжоу, осужденный за неудачу в военных действиях, и сейчас его везут казнить на главную площадь. Человек в арестантской повозке показался Ли Бо бравым и полным достоинства мужчиной, и он попросил арестанта назвать себя.

— Фамилия *Го, имя Цзыи, — ответил тот голосом, подобным звуку колокола. Примечательная внешность этого человека говорила о том, что он из тех, кто безусловно мог бы стать надежным столпом государства.

— Подождите! — приказал Ли Бо конвоирам. — Я лично отправлюсь ходатайствовать перед императором.

Ослушаться никто не посмел. Все знали, что это член Императорской академии Ли, небожитель, которому сам император царственной рукой размешивал рыбный суп.

Ли Бо повернул лошадь и поехал прямо во дворец. Добившись аудиенции и получив указ о помиловании, он вернулся на главную площадь, сам зачитал высочайшее повеление, открыл арестантскую повозку и освободил Го Цзыи, которому было разрешено искупить вину будущими подвигами. Го Цзыи поклонился Ли Бо, поблагодарил его за спасение и поклялся, что не преминет *отблагодарить его, как говорится, «с кольцом во рту» или «с лассо из травы».

Однако оставим пока Го Цзыи.

В то время при дворе больше всего ценили пионы, привезенные императору в дар из *Янчжоу. В императорском дворце их было четыре куста, и цвели они каждый своим цветом: ярко-красным, темно-фиолетовым, бледно-розовым и чисто-белым.

Сюань-цзун велел пересадить эти цветы к Беседке ароматов. Как-то раз, когда он здесь любовался цветами вместе со своей фавориткой Ян-гуйфэй, а музыканты из *«Грушевого сада» исполняли при этом различные мелодии, император заметил:

— Что же мы здесь, перед Ян-гуйфэй, любимемся новыми цветами, а слушаем старые мелодии?

Император тут же приказал распорядителю «Грушевого сада» Ли Гуйняню найти Ли Бо и привести его во дворец. От одного из евнухов Ли Гуйнянь узнал, что Ли Бо пошел на чаньяньский рынок в винную лавку, и он прямым путем направился туда. Не успел он подойти к площади, как услышал, что наверху, в одной из винных лавок, кто-то поет:

*Три кубка — постигаю *путь великий,
А выпью ковш — с природою сливаюсь;
И наслажденья, что в вине я обретаю,
Тому, кто трезв, не передать.*

«Кто же это, если не Ли Бо?» — подумал Ли Гуйнянь и стремительно стал взбираться по лестнице. Наверху он увидел Ли Бо, одиноко сидящего за маленьким столиком; на столике стояла ваза с веточкой лазоревого персикового цветка. Поэт пил, любуясь цветком.

Он был уже совсем пьян, но все еще не выпускал из рук огромного кубка.

— Император сейчас в Беседке ароматов и ждет вас там. Идите скорей! — сказал Ли Гуйнянь, подойдя к Ли Бо.

Услышав, что речь идет об императорском приказе, посетители винной лавки повскакали с мест и подошли посмотреть, в чем дело. Не понимая, что происходит, Ли Бо приоткрыл глаза, пьяным взором обвел Ли Гуйняня и проскандировал ему строфу из стихотворения *Тао Юаньмина:

*Я пьян, я спать хочу.
Пойдите лучше прочь!*

Затем он закрыл глаза и задремал. Но Ли Гуйнянь твердо решил добиться своего. Он подал знак из окна своим людям, и человек семь-восемь мигом поднялись наверх. Без всяких разговоров они тут же взяли Ли Бо на руки, понесли его к выходу, посадили на пегую лошадь и двинулись в путь, поддерживая поэта.

Ли Гуйнянь, подстегивая лошадь, ехал сзади. У Башни пяти фениксов их уже ожидал евнух, посланный императором специально, чтобы потропить Ли Бо. Поэту было высочайше разрешено въехать во дворец прямо на лошади. Тогда Ли Гуйнянь, не заставляя Ли Бо сходить с коня, вместе с евнухом препроводил поэта через внутренние покои, мимо Пруда процветания и радости, к Беседке ароматов. Увидев, что Ли Бо сидит на лошади совершенно пьяный, с крепко сомкнутыми глазами, император велел евнухам рядом с беседкой расстелить цветной ковер, снять поэта с лошади и уложить немного отдохнуть. Потом он сам подошел взглянуть на Ли Бо и, увидев слюну, текущую по лицу поэта, стер ее своим рукавом.

— Говорят, если холодной водой спрыснуть лицо, то это отрезвляет, — сказала Ян-гуйфэй.

Тогда император приказал, чтобы евнух зачерпнул воды из Пруда процветания и радости, а одна из придворных девиц набрала бы этой воды в рот и побрызгала ею лицо поэта.

Ли Бо очнулся. Перед ним был сам император. Не на шутку перепугавшись, поэт пал перед императором ниц и произнес:

— Я заслуживаю смерти и десять тысяч раз смерти! Но вино — это моя стихия, и я прошу вас простить меня.

Император сам поднял Ли Бо с колен и сказал:

— Сегодня мы любуемся прекрасными цветами, и хотелось бы слышать новые песни. Я призвал вас, уважаемый, чтобы вы написали три строфы на размер *«Чистых и ровных мелодий».

Ли Гуйнянь подал поэту бумагу с золотыми цветами. Ли Бо, все еще хмельной, взмахнул кистью — и три стихотворения тотчас были готовы. Первое из них гласило:

**В облаке вижу я платье твое,
вижу лицо твое в нежном цветке.
*Ветер весенний перила обмел,
ты как цветок, окропленный росой;*

*Если не встретить тебя на *Куньлуне
яшмой средь прочих красавиц в толпе,
Знаю, что можно увидеть тебя
у *Изумрудных террас при луне.*

Второе гласило:

*Редкой красы ароматный цветок
запах свой нежный сгущает в росе.
Мыслью о тайном свиданье с тобой
душу напрасно терзаю свою.
В *ханьских дворцах, разрешите спросить,
кто бы сравнился с тобой красотой?
Только *Летящая ласточка та
в новом наряде своем.*

Третье гласило:

**Крушающая царство и славный цветок
нежной улыбкой друг друга дарят:
Знают, что сам император сейчас
ласковый взор свой на них устремил.
Вечных забот о делах и тоски
в сердце своем я теперь не ношу.
В Ароматов беседке, в тени,
я, опершись на перила, стою.*

— С таким талантом как не превзойти всех ученых из Академии! — сказал Сюань-цзун, просматривая стихи и не переставая хвалить их прелесть. Затем он приказал Ли Гуйняню переложить стихи на музыку. Музыканты из «Грушевого сада» заиграли, император вторил им на флейте. Когда песнь была окончена, Ян-гуйфэй поправила на голове вышитый узорчатый платок и несколько раз поклонилась императору в знак благодарности.

— Не меня следует благодарить, а нашего ученого! — сказал ей император.

Тогда она взяла драгоценный кубок, наполнила его *силянским виноградным вином и приказала своей служанке поднести Ли Бо. Император дозволил Ли Бо свободно гулять по дворцовому парку и распорядился, чтобы его постоянно сопровождал евнух с лучшим вином, дабы поэт мог пить, когда и сколько ему будет угодно.

С тех пор император часто приглашал Ли Бо на пиры, которые устраивались в гареме. Ян-гуйфэй тоже оценила и полюбила поэта.

Гао Лиши, который ненавидел Ли Бо за историю с сапогами, ничего теперь не мог против него предпринять. Но однажды, когда фаворитка императора пела куплеты «Чистых и ровных мелодий», сочиненные Ли Бо, и, опершись на перила, вздыхала от восхищения, Гао Лиши подошел к ней и, убедившись, что поблизости никого нет, воспользовался удобной минутой и сказал:

— Ничтожный раб ваш сначала предполагал, что, как только вы услышите эти куплеты Ли Бо, обида и негодование переполнят ваши чувства. Почему же получилось наоборот?

— Что же в них могло меня обидеть? — удивилась фаворитка.

— «Только Летящая ласточка та в новом наряде своем», — процитировал Гао Лиши строку из «Чистых и ровных мелодий». — Ведь Летящая ласточка, — продолжал он, — это Чжао, жена Чэн-ди, императора династии *Западная Хань. И теперь на картинах рисуют воина с золотым подносом в руках; на подносе изображена женщина, она танцует, и в танце развеваются ее рукава. Это и есть та самая Чжао, Летящая ласточка. У нее была тонкая и гибкая талия, а поступь была такой изящной и легкой, что казалось, это не женщина идет, а цветок дрожит на веточке. Любовь к ней Чэн-ди, милости, которыми он ее удостаивал, были ни с чем не сравнимы. Но оказалось, что Летящая ласточка тайно встречалась с неким Янь Чифэном и прятала его у себя в тайнике. Однажды, когда Чэн-ди вошел в ее покои, он услышал чей-то кашель за занавесом, нашел Янь Чифэна и казнил его. Хотел казнить и Летящую ласточку, но ее младшая сестра Хэдэ спасла ее. До конца своей жизни Летящая ласточка больше не входила во дворец. И вот теперь Ли Бо сравнил вас с Летящей ласточкой — ведь это явное оскорбление. Как вы об этом не подумали?

Дело, собственно, в том, что Ян-гуйфэй в то время усыновила чужеземца *Ань Лушаня. Он пользовался правом свободно входить во дворец и тайно встречался с Ян-гуйфэй, находясь с ней в любовной связи. Во дворце об этом знали все, в неведении оставался лишь один Сюань-цзун. Своей историей о Летящей ласточке Гао Лиши уколол Ян-гуйфэй в самое сердце. Теперь она при каждом свидании с императором с затаенной злобой твердила, что Ли Бо со своим легкомыслием, сумасбродством и пьянством утратил всякое понятие о должном поведении подданного перед монархом. Почувствовав, что Ян-гуйфэй недолголюбивает поэта, император перестал приглашать его на пиры и оставлять ночевать во дворце. А Ли Бо, догадываясь, что император отдаляет его от себя в результате наговоров Гао Лиши, стал просить у императора разрешения покинуть столицу. Император не дал согласия, и Ли Бо стал еще больше предаваться вину. Другьями его по кубку стали Хэ Чжичжан, *Ли Шичжи, Ван Цзинь, Цуй Цзунчжи, Су Цзинь, Чжан Сюй и Цзяо Суй. Современники называли эту компанию «Восемь бессмертных пьяниц».

Следует сказать, что император Сюань-цзун на самом деле любил и ценил Ли Бо и несколько отдалил его от себя лишь из-за того, что гаремная часть дворца относилась к поэту не совсем дружелюбно. И вот после того как Ли Бо уже в который раз просил у императора разрешения вернуться на родину, давая понять, что не лежит у него сердце к придворной жизни, император обратился к поэту со следующими словами:

— Вы мечтаете уйти от света; что ж, разрешаю вам, уважаемый, на некоторое время удалиться, с тем что по первому моему зову вы снова явитесь ко двору. Но после неоценимых услуг, которые вы мне оказали, я не могу отпустить вас с пустыми руками. Скажите, в чем вы нуждаетесь, и я вам дам все.

— Нужды ни в чем у меня нет, — ответил Ли Бо, — мне лишь бы иметь при себе немного денег, чтобы раз в день обрести опьянение, — и все.

Тогда император подарил Бо золотую дощечку с надписью, которая гласила:

Высочайше пожаловано Ли Бо звание беспечного и свободно-го ученого, вольно странствующего сюаця. В любом винном заведении страны Ли Бо вправе требовать вино, а в государственной казне — деньги: в областном управлении связку в тысячу монет, в уездном — в пятьсот. Военные, гражданские чины и простолудины, не оказавшие ученому должного уважения, будут рассматриваться как нарушители высочайшего указа.

Сверх того император подарил поэту тысячу *ланов золота, парчовый халат, яшмовый пояс, коня из императорской конюшни, украшенное золотом седло и дал ему свиту из двадцати человек. Ли Бо, земно кланяясь, благодарил императора за милость. На прощание Сюань-цзун подарил поэту два *золотых цветка и поднес три кубка дворцового вина. На глазах императора Ли Бо сел на коня и покинул дворец. Всем придворным был дан отпуск, чтобы проводить Ли Бо. Поэта провожали целых десять ли от самой Чанъани; шли они, беспрестанно наполняя и поднимая прощальные чарки вина. Только Ян Гочжун и Гао Лиши, ненавидевшие поэта, не участвовали в проводах. Семь друзей по вину во главе с Хэ Чжичжаном провожали Ли Бо за сто ли от столицы и расстались с ним только через три дня.

В собрании Ли Бо есть стихотворение «Возвращаясь в горы, расстаюсь с друзьями по *Золотым воротам».

Есть в нем и такие строки:

*Указ получил я,
украшенный фениксом красным,
И вдруг разошелся
меня застилающий дым.
Но как-то с утра
от ворот с золотыми конями
Летучей полынью
помчался я, вихрем гоним.
От дел удалившись,
* «Мотивы Дунъу» напеваю,
Но в песне короткой
не вылиться чувствам моим.
Я эти стихи
написал, чтоб проститься с друзьями,
Теперь на челне
к рыбакам отправляюсь простым.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

Ли Бо, в парчовом платье, в шапке из тонкого шелка, сел на коня и отправился в путь. В дороге его называли «молодым сановником в парчовой одежде». Казна отпускала ему деньги, и он пил вино в любой встречавшейся ему на пути лавке.

Так в конце концов Ли Бо добрался до родных мест в области Цзиньчжоу, где свиделся со своей женой, госпожой Сюй. Когда в областном управлении стало известно, что академик Ли вернулся на родину, все стали являться к нему с поклоном и поздравлениями, и

не проходило дня без вина. Так текли дни, за ними месяцы, и незаметно прошло полгода.

Однажды он сказал жене, что хочет побродить по стране и полюбоваться красотами. Переодевшись простым сюцаем и прихватив с собой золотую дощечку, дарованную ему императором, он сел на осла и в сопровождении слуги направился куда глаза глядят. В каждой области, в каждом уезде по золотой дощечке он получал вино и деньги. Однажды, когда Ли Бо подъезжал к границам уезда *Хуайньсянь, до него дошли слухи, что начальник уезда жаден до денег и наживается за счет народа. Ли Бо решил проучить его. Подъехав к уездному управлению, он велел слуге отойти прочь, а сам сел задом наперед на осла и стал так разъезжать туда и сюда перед самыми воротами управления. В то время начальник уезда сидел в зале присутствия и разбирал дела.

— Безобразие! Какое безобразие! Как смеет он насмеяться над *отцом и матерью народа? — закричал начальник, когда увидел эту картину, и тотчас приказал своим подчиненным задержать бесчинствующего человека и привести на допрос. Ли Бо притворился пьяным и ни на один вопрос не отвечал. Тогда начальник уезда приказал тюремщику взять Ли Бо под стражу и препроводить в тюрьму, с тем чтобы, когда он протрезвится, как следует допросить арестованного и решить это дело. Тюремщик привел его в тюрьму. Увидев там начальника тюрьмы, Ли Бо погладил бороду и громко рассмеялся ему в лицо.

— Сумасшедший он, что ли, или взбесился? — произнес тот вслух.

— И не сумасшедший, и не взбесился, — сказал Ли Бо.

— Раз ты не сумасшедший и не бешеный, изволь дать подробные показания: кто ты такой и как посмел разъезжать здесь на осле и оскорблять достоинство нашего начальника? — заявил начальник тюрьмы.

— Хочешь моих показаний, так подай бумагу и кисть!

Тюремный надзиратель положил на стол бумагу и кисть.

— Ну-ка, отойди немного, — сказал Ли Бо, отталкивая начальника тюрьмы в сторону, — дай я буду писать.

— Посмотрим, что напишет этот сумасшедший, — ухмыльнулся начальник.

Ли Бо написал:

*Дает показания человек из Цзиньчжоу по фамилии Ли, по имени Бо. В двадцать лет он уже был полон литературных талантов; взмах его кисти заставлял содрогаться небо и ад. Он из числа чанъаньских «Восьми бессмертных» и «*Шести отшельников из Чжуцзи». Он написал письмо, устранившее варваров, и слава о нем разнеслась по вселенной. Не раз приезжала за ним колесница самого императора, а императорский дворец служил ему ночным кровом; его величество собственной рукой размешивал ему суп и своим рукавом отирал ему слюну. Сапоги с него снимал президент Военной палаты Гао Лиши, а наставник государя Ян Гочжун растирал ему тушь. Сам *сын неба позволял ему въезжать на лошади прямо во дворец, а в уезде Хуайньсянь ему не разрешают разъезжать на осле! Прошу прочесть надпись на золотой дощечке: она объяснит все.*

Окончив писать, он передал листок начальнику тюрьмы.

Тот прочитал, и душа у него ушла в пятки.

— Уважаемый ученый! — взмолился он, низко кланяясь Ли Бо. — Пожалейте глупого, ничтожного человека, который только выполняет чужие приказания и не свободен в своих поступках. Возлагаю все свои надежды на то, что вы будете великодушны и простите меня.

— Ты тут ни при чем, — ответил Ли Бо. — Передай только начальнику уезда, что я приехал сюда, имея при себе золотую дощечку с распоряжением от самого императора, и хочу знать, за какую вину меня подвергли аресту.

Начальник тюрьмы с поклоном поблагодарил Ли Бо, поспешил представить его показания начальнику уезда и сообщил, что у Ли Бо есть золотая дощечка с повелением императора. Начальник уезда в этот момент напоминал собой дитя малое, которое впервые слышит гром и не знает, куда спрятаться. Ему ничего не оставалось, как последовать за начальником тюрьмы и представиться Ли Бо. Земно кланяясь поэту, он стал жалобно просить его:

— У ничтожного чиновника хоть и есть глаза, а горы *Тайшань не узнал, поступил так опрометчиво, так необдуманно! Умоляю вас пожалеть и простить меня.

По городу разнесся слух об этом происшествии, и все местные чиновники пришли к Ли Бо с поклоном. Они попросили поэта пройти в присутственный зал и занять там главное место. Когда церемония представления всех чиновников была закончена, Ли Бо достал золотую дощечку с императорским указом, дал ее прочесть присутствующим и сказал:

— Здесь написано: *«Военные, гражданские чины или простолюдины, не оказавшие ученому должного уважения, будут рассматриваться как нарушители высочайшего указа»*. Какого же наказания вы заслуживаете?

— Тысячекратной смерти! — говорили они, склонив головы, кланяясь поэту и смотря на него жалким, умоляющим взором. Глядя на них, Ли Бо с насмешкой произнес:

— Ведь все вы получаете казенное жалованье, зачем же ради собственного обогащения грабить и терзать народ? Я вам прощу, если пообещаете прекратить свои безобразия и исправиться.

Чиновники смиренно сложили на груди руки и обещали больше никогда не совершать ничего подобного. Затем в зале присутствия устроили большой пир и угощали Ли Бо. Три дня подряд пили они с поэтом и только тогда расстались. С этих пор начальник уезда, как говорится, «омыл сердце, очистил ум» и стал добрым правителем. А когда об этом случае прослышали в других областях, то стали поговаривать, что Ли Бо специально послан императором из столицы для тайных наблюдений за нравами и обычаями в стране, за порядком управления, и все правители и чиновники, как один, из жадных превращались в бескорыстных, из жестоких — в добрых.

Ли Бо объездил уделы *Чжао, Вэй, Янь, *Цзинь, *Ци, *Лян, *У и Чу, и не было ни одной живописной горы или речки, которых бы он не посетил и где бы, вдохновленный вином, не сочинял стихи.

В стране в то время восстал Ань Лушань, и император пребывал в Сычуани; в войсках был казнен Ян Гочжун, а в буддийском монастыре задушили Ян-гуйфэй. В эти тревожные дни Ли Бо скрывался в горах *Лушань. Именно в это время князь *Ли Линь, занимавший пост военного губернатора юго-восточных провинций страны и замышлявший, пользуясь удобным моментом, захватить престол, прослышал о незаурядных талантах Ли Бо, заставил поэта, как говорят, *покинуть горы и предложил ему у себя должность сановника. Ли Бо отказался, но князь держал его при себе и никуда не отпускал. Вскоре в городе *Линь у на престол вступил *Су-цзун. На должность главнокомандующего императорскими войсками был назначен Го Цзыи, и через некоторое время *обе столицы были возвращены. Когда до Су-цзуна дошли слухи о мятежных планах Ли Линя, он приказал Го Цзыи двинуть армию на изменников. Войска князя были разбиты. Воспользовавшись этим, Ли Бо бежал из плена. Ему удалось добраться до устья реки *Сюньянцзян, где на заставе он был схвачен как мятежник и доставлен к главнокомандующему императорскими войсками Го Цзыи. Увидев перед собой Ли Бо, Го Цзыи велел солдатам отойти прочь, сам снял с Ли Бо веревки, усадил его на почетное место, поклонился ему до земли и сказал:

— Если бы тогда в Чанъани вы, милостивейший, не спасли мне жизнь, разве могла бы сейчас произойти эта встреча?

Затем он приказал подать вино и устроил пир в честь поэта. Этой же ночью Го Цзыи написал доклад императору. В докладе он доказывал, что Ли Бо был жертвой клеветы, напомнил о заслугах поэта перед тронem, когда он написал письмо, устроившее варваров, и рекомендовал Су-цзуну использовать талант Ли Бо на службе трону.

Вот пример воздаяния за совершенное благодеяние. Правильно говорят:

*Сбитые ливнем листок и былинка
В море окажутся, где б ни упали.
Так вот и люди: скитаясь по свету,
Где только в жизни не встретят друг друга!*

Теперь уже Ян Гочжун был казнен, а Гао Лиши сослан в далекие края. Сюань-цзун вернулся из Сычуани в столицу и жил при дворе как отец правящего императора. Сюань-цзун тоже говорил сыну об удивительных талантах Ли Бо, и в конце концов император Су-цзун призвал поэта на должность советника. Ли Бо находил, что человек, отдавший себя службе и вовлеченный в пучину придворной жизни, лишается независимости, и потому отказался от должности.

Простившись с Го Цзыи, он на маленькой лодке поплыл по озеру *Дунтинху к *Юэяну. Оттуда направился к *Цзиньлину и однажды причалил возле скал Цайши. Луна в эту ночь сияла так ярко, что кругом было светло как днем. Распивая на лодке вино, Ли Бо вдруг совершенно отчетливо услышал звуки музыки, исходившие откуда-то сверху и постепенно все приближавшиеся. Никто из лодочников этих звуков не слышал, слышал их один лишь поэт. Вдруг над рекой про-

несся сильный ветер, поднялись громадные волны, и из воды, шевеля усами, показалась рыба кит длиною в несколько *чжанов.

И тут к Ли Бо подошли два бессмертных отрока с бунчуками в руках.

— Верховный владыка приглашает владыку звезд занять свое прежнее место, — сказали они, обращаясь к поэту.

Лодочники со страху попадали с ног; через какое-то мгновение они пришли в себя и увидели, как Ли Бо, сидя на спине кита, взвился в воздух и стал удаляться. Звуки музыки сопровождали его. На следующий день об этом происшествии рассказали Ли Янбину, начальнику уезда *Дантусянь, а тот написал по этому поводу доклад императору. По приказу императора в горах Цайши был выстроен Храм небожителю Ли. Два раза в год — весной и осенью — приносились в нем жертвы.

При династии *Сун в годы *Тай-пин син-го какой-то ученый в лунную ночь плыл на лодке по реке возле скал Цайши и заметил приближающийся с запада парчовый парус. На носу лодки виднелась белая дощечка с надписью: «Дух поэзии».

Тогда ученый громким голосом произнес стихи:

*Кто это там, на реке,
«Поэзии духом» назвался?
Дал бы узорчатый стих
хотя бы разок проглядеть!*

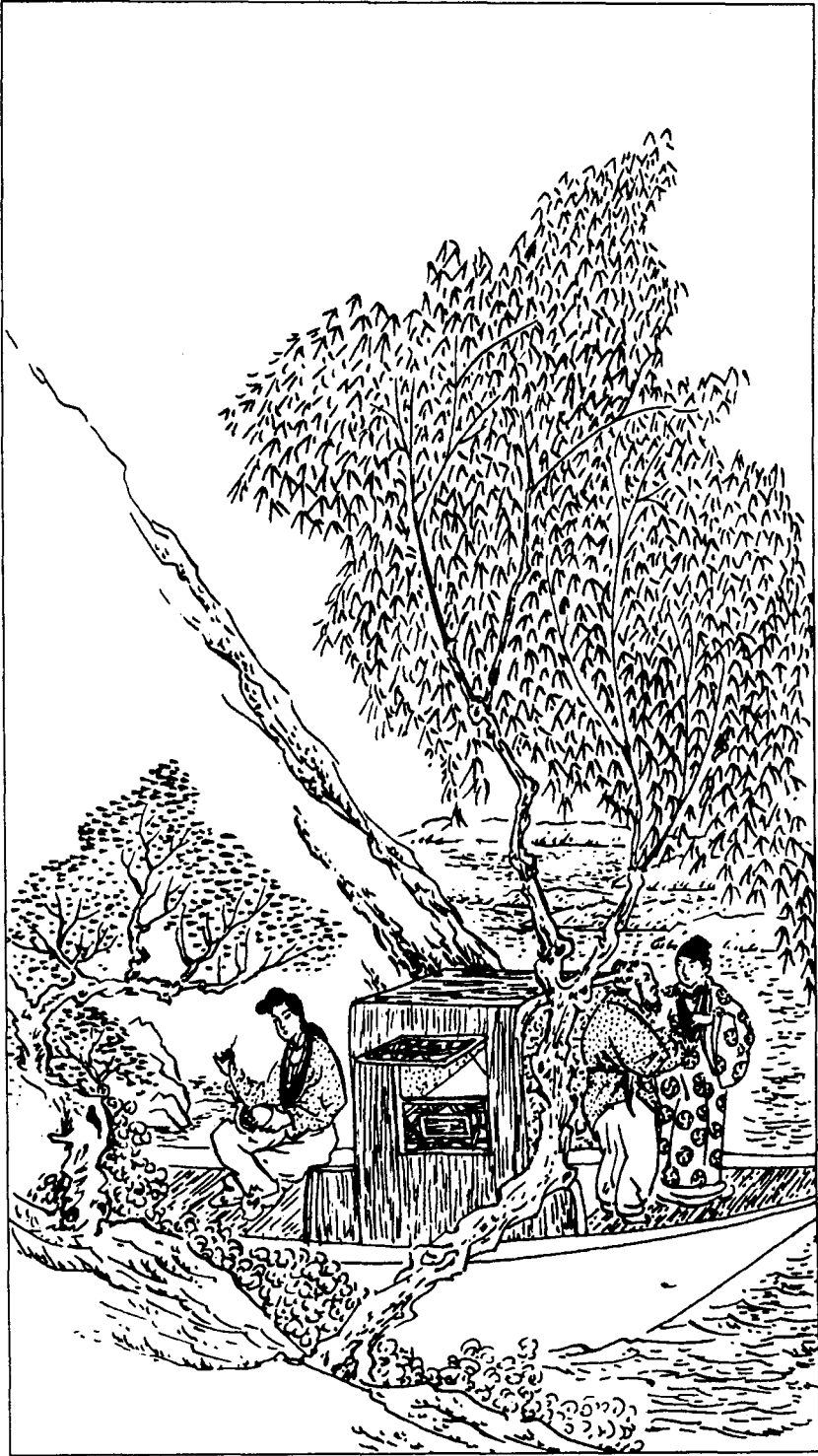
Человек в лодке сразу откликнулся:

*В ночной тиши не подобает
*оборванные строфы сочинять:
Боюсь, что от испуга звезды
с небес падут в холодную реку.*

Ученый был крайне удивлен таким ответом. Только собрался он подъехать к лодке и поговорить с поэтом, как лодка причалила к берегу. Из нее вышел человек в парчовом платье, в шапке из тонкого шелка; легкой и свободной, как у небожителя, походкой он направился прямо в Храм небожителя Ли. Ученый вошел в храм за ним, но там не оказалось и следа человека. Лишь тогда ученый понял, что отвечавший ему поэт был Ли Бо.

До сих пор, когда говорят «Пьяница-бессмертный» или «Дух поэзии», то в первую очередь имеют в виду именно Ли Бо.

*В письме, что в трепет привело Бохай,
талант небесный увидали.
Сам император суп ему студил
и собственной рукою подавал.
Однажды, оседлав кита,
Ли Бо вознесся к небесам.
По скалам Цайши волны бьют,
звуча тоскою по поэту.*

12. СТАРАЯ ВОЙЛОЧНАЯ ШЛЯПА СОЕДИНИЛА СУН ЦЗИНЯ С ЖЕНОЙ

*Что не дано судьбою человеку,
того и силой не добьешься.
Судьба заранее предписана нам небом —
о ней тревожиться не стоит.
И пусть вздымаются, бушуют волны,
пусть к небу тянутся их гребни,
Коль суждено — среди потоков бурных
спокойно лодку переправишь.*

Рассказывают, что в годы *Чжэн-дэ на одной из главных улиц уездного города Куньшань, что находится в области *Сучжоу, жил некий горожанин по фамилии Сун, по имени Дунь. Был он из чиновничьей семьи. Сун Дунь и его жена, урожденная Лу, ничем не промышляли и жили лишь на доход от сдачи в аренду земли, доставшейся им по наследству. Обоим перевалило за сорок, а детей у них не было.

Как-то Сун Дунь сказал жене:

— С древних времен говорят: соберешь зерно — избежишь голода, вырастишь сына — обеспечишь старость. Нам-то с тобой уже за сорок, а еще нет у нас наследника-сына. Время мчится стрелой, глядишь — скоро и поседем, кто же позаботится о нас после нашей смерти?

Сказал и заплакал.

— Все твои предки были люди добродетельные. Никому они не причиняли вреда, никому не строили козней, — отвечала на это жена. — Притом из всего вашего рода только ты один и остался в живых — не может быть, чтобы владыка неба оставил тебя без потомства. Только одним суждено иметь детей раньше, другим — позже. А если не суждено совсем, то пусть ребенок родится, пусть вырастет, все равно умрет в расцвете сил, и все старания родителей пойдут прахом, и придется им проливать много горьких слез.

— Да, ты права, — кивнул Сун Дунь, вытирая слезы.

В это время за дверью послышался кашель, и кто-то позвал Сун Дуня.

Сун Дунь по голосу узнал Лю Юцая. Лю Юцай унаследовал от отца большую джонку и, так же как его предки, промышлял перевозкой купцов и товаров, зарабатывая на этом большие деньги. Все свое немалое состояние Лю Юцай сколотил именно на джонке. Сама джонка стоила несколько сотен *ланов, так как целиком была сделана из редкой породы ароматного кедра. В *Цзяннани, местности, сплошь пересеченной реками, многие занимались таким промыслом.

Лю Юцай был самым близким другом Сун Дуня, и тот поспешил пригласить его в дом. Они были настолько дружны, что не обременяли себя низкими поклонами и только сложили руки в знак приветствия. Само собой, гостя усадили, подали чай, но об этом рассказывать незачем.

— Как это случилось, что ты сегодня свободен? — спросил Сун Дунь.

— Я пришел одолжить одну вещь.

— Чего же это не хватает на твоей чудесной джонке, раз ты решил занять у меня? — улыбнулся Сун Дунь.

— Я не стал бы беспокоить тебя, но эта вещь лежит у тебя без дела, потому и осмелился прийти.

— Ну, если в моем скромном доме имеется такая вещь, то, конечно, не пожалею.

Оказалось, что Лю Юцаю нужны были *сумка и платок.

Надо сказать, что Сун Дунь и его жена всюду в храмах возжигали жертвенные свечи и молились о даровании потомства. Они сшили себе сумки и платки из желтой ткани, в которых носили *бумажные деньги и прочие вещи, предназначенные в жертву Будде. В доме был специальный уголок, где муж и жена, возвратясь с моления, хранили свои сумки; все это они делали с большой искренностью и верой.

Лю Юцай был старше друга на пять лет, ему уже исполнилось сорок шесть, но детей у него еще не было. Жена его, урожденная Сюй, прослышала, что какой-то торговец солью из *Хуэйчжоу, желавший иметь потомство, недавно выстроил в Сучжоу, недалеко от ворот *Чанмэнь, храм в честь богини-чаододательницы и что храм этот всегда переполнен молящимися. Лю Юцаю представился удобный случай: он должен был заехать за клиентами в *Фэнцзяо и собирался принести жертвы и возжечь свечу в этом храме. Но у Юцая не было сумки для жертвенных принадлежностей, и сейчас он зашел к другу, чтобы одолжить ее.

Выслушав Юцая, Сун Дунь глубоко задумался.

— Уж не жалеешь ли ты сумки? — удивился молчанию друга Юцай. — Если я ее испорчу, взамен дам две новые.

— Ну что ты! — возразил Сун Дунь. — Я вот о чем думаю: если этот храм так славится, то я и сам не прочь бы туда съездить. Когда ты собираешься?

— Теперь же, — ответил Юцай.

— У жены своя сумка, так что у нас их две, и я вполне могу с тобой поделиться.

— Ну вот и хорошо.

Сун Дунь сообщил жене, что собирается поехать в Сучжоу возжечь свечи и помолиться о потомстве, чем очень ее обрадовал. Затем он пошел в молельню, взял себе одну из сумок, а другую отдал Юцаю.

— Ну, буду ждать тебя на джонке, — обратился Юцай к другу. — Приходи скорей. Джонка будет стоять у Западных ворот под Мостом четырех коней. И если не побрезгуешь простой пищей, которую готовят у нас на джонке, можешь не брать с собой ничего из еды.

Сун Дунь согласился. Он тотчас собрал и уложил в сумку жертвенные свечи, жертвенные деньги, бумажные изображения святых; надел новый белоснежный халат из *хуского шелка и направился к Западным воротам, где сел в джонку, и они отчалили.

С попутным ветром они проплыли семьдесят *ли за каких-нибудь полдня, и, когда причалили к Фэнцяо, уже смеркалось. Надо сказать, что в Фэнцяо стекались торговцы со всей округи. Здесь куда ни глянь весь берег был забит джонками. Об этой местности в старину были сложены такие стихи:

*Месяц заходит, вороны кричат,
в инее небо седое.
Грустен ночлег мой. Огни рыбаков,
клен над рекой предо мною.
В колокол бьют за стенами *Гусу,
там, где обитель *Ханьшаня.
Слышу и я в одиноком челне
звон полуночной порою.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

На следующий день друзья поднялись до рассвета, умылись, поели постной пищи, прополоскали после еды рот, вымыли руки. Каждый наполнил платок жертвенными деньгами, завязал его узлом и положил изображения богов и молитвенные принадлежности в желтую сумку. С сумками за плечами они сошли на берег и побрели к воротам Чанмэнь. Уже рассвело, когда они подходили к храму. Он был еще закрыт, но ворота во двор оказались открытыми, и приятели стали прогуливаться по галереям, расположенным по обе стороны здания.

— Действительно, прекрасное строение! — восхищались они.

В это время двери храма со скрипом запахнулись, из зала вышел служитель и пригласил их войти. Молящихся в храме еще не было, и стойки для курительных свечей пустовали. Служитель зажег от стеклянного фонаря свечи друзей и стал за них молиться.

Когда обряд был окончен, они отблагодарили служителя несколькими десятками монет, сожгли свои жертвенные деньги и покинули храм. Юцай предложил Сун Дуню вернуться на джонку, но тот отказался. Тогда Юцай отдал Сун Дуню его сумку и платок, и, поблагодарив друг друга, приятели разошлись. Лю Юцай пошел обратно в Фэнцяо разыскивать своих клиентов-купцов, а Сун Дунь, рассчитав, что у него еще есть время, решил пройтись до ворот Лоумэнь, а оттуда на лодке возвратиться домой. Не успел он отойти от храма, как услышал, что кто-то вздыхает и стонет. Подошел посмотреть — ока-

зывается, к самой стене прилажена низенькая тростниковая лачуга, в которой при последнем издыхании лежит старый буддийский монах. Ни на оклики Сун Дуня, ни на его вопросы монах не отвечал. Чувствуя нестерпимую жалость к старику, Сун Дунь стоял, не отрывая от него глаз.

— Что вы так глядите на него? — обратился к Сун Дуню прохожий. — Если уж хотите, так сделайте доброе дело.

— А как я могу сделать доброе дело?

— Монах этот пришел сюда из провинции Шэньси, ему уже семьдесят восемь лет, — отвечал прохожий. — Он говорил, что за всю свою жизнь никогда не прикасался к мясной пище. Целыми днями он занимался лишь тем, что читал наизусть *«Цзиньганцзин». Три года тому назад он пришел сюда собирать подаяние на построение храма. Благодетелей не нашлось, тогда он соорудил эту тростниковую лачугу и приютился в ней. Старик читал молитвы и питался только раз в сутки, по утрам, поблизости в харчевне, где приготавливали постную пищу. После полудня он уже ничего не брал в рот. Иногда люди из жалости приносили ему зерна или денег, но все это он отдавал хозяину лавки за питание и не оставлял себе ни гроша. Недавно монах заболел: вот уже полмесяца как он ничего не пьет и не ест. Два дня тому назад он еще мог говорить; мы спрашивали его, не лучше ли поскорей умереть, чем так страдать, а он нам ответил на это: «Судьба еще не пришла, подожду дня два». Сегодня утром он уже ни слова вымолвить не мог, того и гляди скончается. Если вам, уважаемый, жаль монаха, купите какой ни есть простенький гроб и предайте его тело сожжению. Этим вы сделаете доброе дело. Монах говорил: «Судьба еще не пришла». Может быть, его судьба — именно вы.

«Я пришел сюда помолиться о потомстве, и если я сделаю доброе дело, то, может быть, это дойдет до неба», — подумал Сун Дунь и спросил:

— Есть ли здесь гробовая лавка?

— Как выйдете из переулка, там будет как раз лавка Чэня, — ответил прохожий.

— Я бы хотел, чтобы вы пошли вместе со мной подобрать гроб, — попросил Сун Дунь.

Незнакомец повел Сун Дуня в лавку Чэня. Когда они вошли туда, Чэнь наблюдал за тем, как пильщики разделявали дерево.

— Хозяин! — обратился незнакомец к гробовщику. — Я привел к тебе покупателя.

— Если вам нужны доски, — сказал Чэнь, — то у меня есть плотные обработанные доски из лучших сортов дерева, а если готовый гроб, то прошу, выбирайте любой.

— Нужен готовый, — сказал Сун Дунь.

— Вот этот — первый сорт и стоит ровно три лана, — указал хозяин на один из гробов.

Сун Дунь еще не успел ничего ответить, как его спутник объяснил хозяину:

— Господин берет гроб для старого монаха, который живет в тростниковом шалаше; человек творит доброе дело, в этом будет и твоя доля заслуги, так что не запрашивай слишком много.

— Раз так, не посмею брать лишнего, — ответил лавочник. — Отдам по своей цене — один лан и шесть *цянней. Дешевле уже никак.

— Что же, такая цена вполне справедлива, — сказал Сун Дунь и тут вспомнил, что у него с собой было серебра всего пять-шесть цянней; после посещения храма осталось не более сотни *тунцянней, так что, если он отдаст все деньги, это не составит и полцены. «Но у меня есть еще выход, — подумал Сун Дунь, — ведь джонка Юцяя стоит возле Фэнцяо, неподалеку отсюда...»

— Не будем торговаться, — сказал он хозяину, — мне придется только зайти к приятелю за деньгами. Я скоро вернусь.

— Как вам будет угодно, — спокойно ответил лавочник.

Но спутник Сун Дуны проворчал:

— Вначале выразили сострадание, а теперь думаете, как бы отделаться. Раз не было с собой денег, зачем шли гроб выбирать?

Только он это сказал, как до них донеслись голоса прохожих, говоривших, что им жалко монаха, что еще полмесяца назад слышно было, как он читает свои молитвы, а теперь, мол, его уже нет в живых. Вот уж действительно,

*Пока ты жав —
на все годишься;
Умрешь однажды —
и всему конец.*

— Слышите, монах уже преставился и с открытыми глазами ждет, пока вы его похороните, — приставал незнакомец.

Сун Дунь молча рассуждал: «Я уже договорился взять этот гроб... Но если я пойду за деньгами, а Юцяя не окажется на джонке, то не сидеть же и дожидаться его целый день. А как говорится, кто платит, тот и хозяин. Если кто-нибудь даст за этот гроб ббльшую цену, гробовщик, конечно, его продаст, и я не сдержу своего слова перед тем монахом».

— Ладно уж! — Сун Дунь вытащил слиток, смущенно извинился и попросил весы. Это был слиток хорошего серебра. Он выглядел маленьким, но оказалось, что весу в нем больше семи цянней. Вручив слиток лавочнику, Сун Дунь снял с себя новый белый шелковый халат.

— Он стоит больше лана, — сказал Сун Дунь хозяину. — Если вам кажется, что он дешевле, возьмите его как залог, а я потом выкуплю; если нет — пусть пойдет в счет платы.

— Простите, что принимаю все это, и не считите за недоверие к вам, — сказал хозяин, забирая деньги и платье.

Затем Сун Дунь вытащил из волос серебряную шпильку, весившую около двух цянней, и отдал ее незнакомцу.

— Попрошу вас, не откажитесь обменять эту шпильку на деньги, и пусть они пойдут на похоронные расходы.

— Редко встретишь такого доброго человека! — в один голос твердили свидетели этой сцены. — Самое главное он взял на себя. Теперь нам, местным жителям, следует собрать немного денег и в чем-нибудь еще помочь.

Все разошлись собирать деньги, а Сун Дунь пошел взглянуть на монаха. Монах действительно скончался.

Сун Дунь разрыдался, сам не зная почему, ему было так тяжело, как будто он потерял близкого родственника. Сун Дунь не мог больше смотреть на несчастного монаха и плача побрел к воротам Лоумэнь. Рейсовая лодка уже ушла, и ему пришлось нанять маленькую лодочку, на которой он в тот же день добрался до дому.

Когда его жена увидела печальное лицо мужа, вернувшегося среди ночи без халата, она решила, что Сун Дунь попал в какую-нибудь переделку, и тут же стала его расспрашивать.

— Долго рассказывать! — бросил на ходу Сун Дунь и прошел прямо в молельню. Там он повесил сумки и платки, отбил поклон перед Буддой; затем вернулся в комнату, выпил чаю и только после этого подробно рассказал жене всю историю с монахом.

— Так и нужно было сделать, — отвечала ему жена, ничуть не удивившись поступку мужа. Видя, как умна и рассудительна жена, Сун Дунь повеселел.

В эту ночь супруги спали до пятой *стражи. Во сне Сун Дуню явился тот самый монах, поклонился и сказал:

— Вам, мой благодетель, не суждено было иметь детей, и срок вашей жизни кончался. Но верховный владыка за вашу душевную доброту жалует вам еще шесть лет жизни. Я же, старый монах, связан с вами судьбой и хочу стать вашим сыном, чтобы отблагодарить вас за ваше благодеяние.

Госпоже Лу тоже приснилось, будто в комнату вошел *архат, весь из золота. Она закричала, крик ее разбудил Сун Дуня. Муж и жена рассказали друг другу свои сновидения и лишь вздыхали, не зная, верить или нет. Действительно,

*Посадишь тыкву — тыкву и получишь,
горох посеешь — соберешь горох.
Людей толкая на поступок добрый,
сам сотвори добро — и им тебе отплатят.*

С этой ночи госпожа Лу зачала... Она родила сына, которого назвали Цзинь, а в честь золотого архата, явившегося ей во сне, ему дали *уменьшительное имя *Цзиньлан. Нечего и говорить о радости супругов.

В это же время в семье Лю Юцая родилась дочь, которую назвали Ичунь. Когда дети подросли, люди стали поговаривать о том, что неплохо бы этим семьям породниться. Лю Юцаю очень хотелось этого. Сун Дунь, напротив, не так уж желал иметь своей невесткой дочь простого лодочника, но об этом помалкивал.

Когда Сун Цзиню исполнилось шесть лет, Сун Дунь тяжело заболел и умер. С древних времен говорят: всякий дом хозяином держится — десять женщин не заменят одного мужчину. После смерти мужа госпоже Лу, на руках которой осталось все хозяйство, пришлось несколько лет бедствовать из-за неурожая. Старшины в деревне скрывали от властей ее вдовье положение, и с нее продолжали взимать подворные повинности. Вскоре бедной женщине стало невмogu, пришлось продать землю и дом и снять небольшую комнату.

Первое время она еще далека была от нищеты, но, как говорится, сидеть да есть — так и гору съешь. Поэтому не прошло и десяти лет, как вдова совсем разорилась, заболела и умерла. После ее похорон Сун Цзинь остался без гроша, хозяин выгнал его из комнаты. К счастью, молодой человек с детских лет кое-чему научился: умел считать и писать. Случилось так, что один из местных жителей, некий *цзюйжэнь Фань, был назначен начальником уезда в провинцию Чжэцзян. Отправляясь на должность, Фань подыскивал себе грамотного и умеющего вести счета секретаря. Кто-то рассказал ему о Сун Цзине, и он велел привести его. При виде красивого и совсем молодого человека Фань очень обрадовался. Он проэкзаменовал юношу. Обнаружилось, что Сун Цзинь отлично владеет и уставным стилем письма и скорописным, а на счетах искусен во всех действиях, не исключая деления и умножения.

Фань сразу оставил Сун Цзиня у себя, дал ему новое платье, посадил за свой стол, словом, относился к нему дружески.

Дождавшись *благоприятного дня, Фань вместе с новым секретарем сел на казенную джонку и отправился к месту своей службы. Поистине,

*Удары в барабан цветной
людей за веслами торопят;
Весенний дует ветерок,
парчовый парус надувая.*

Напомню, что хотя Сун Цзинь был бедняком, но происходил из старой ученой семьи. Став теперь ближайшим помощником Фаня, он не желал якшаться со слугами, как говорится, греться одними лучами, в одной валяться грязи; не хотел терпеть их насмешек и не допускал вольного обращения с собой. Слуги же ничуть не церемонились, считали его молокососом, и их задевала его надменность.

Путь от уезда Куньшань до самого Ханчжоу Фань и его свита проделали водой. Далее они должны были следовать сушей. И тут слуги, желая настроить своего хозяина против Сун Цзиня, стали наговаривать на него хозяину:

— Этому самому Сун Цзиню, что ведет ваши счета и занимается перепиской, следует быть поскромней, а он совсем не считается с правилами приличия. Господин слишком уж любезен с ним, сидит и ест за одним столом. Ну, на джонке он еще мог нахальничать, но теперь, на суше, в больших гостиницах, господину нужно бы позаботиться о своем достоинстве. Мы, ничтожные, советовали бы вам заставить Сун Цзиня написать расписку в том, что он проданся вам в услужение. Тогда он станет вести себя должным образом и, находясь в *ямэне при господине, не посмеет распускаться и безобразничать.

Так как у молодого хозяина, как говорится, *уши были из ваты, он позвал к себе в каюту Сун Цзиня и приказал ему тотчас же составить расписку.

Как мог Сун Цзинь написать такую вещь? Фань долго принуждал его и в конце концов разозлился: приказал сорвать с него одежду и прогнать с джонки. Слуги набросились на Сун Цзиня, содрали с

него все, что было возможно, и, оставив его в одной тонкой куртке, вытолкали на берег. Сун Цзинь долго не мог опомниться от обиды.

Когда Сун Цзинь увидел лошадей и повозки, сновавшие в ожидании, пока начальник уезда сойдет на берег, он заплакал, закрыл лицо руками и пошел прочь. Не было у него ни денег, ни вещей, и голод вынудил его уподобиться двум героям древних времен:

*В уделе У играл на флейте *У Цзысюй,
Хань Синя прачка бедная кормила.

Сун Цзинь днем ходил по улицам и просил подавание, ночью укрывался в каком-нибудь старом покинутом монастыре. Надо помнить, что Сун Цзинь происходил из ученой семьи, поэтому, несмотря на свое жалкое существование, он все же сохранил чувство собственного достоинства и не мог уподобиться простым нищим-попрошайкам, которые, потеряв всякий стыд, униженно ползая на коленях, выпрашивают милостыню. Если Сун Цзиню подавали, он ел, если нет — голодал. Так он и перебивался. Вскоре он похудел, лицо его пожелтело, красота исчезла. Действительно,

*От зимнего инея
травы душистые вянут,
От сильного ливня
яркие блекнут цветы.*

Стояли последние осенние дни. Западный ветер нагонял холод, полили дожди. Сун Цзинь, голодный, в лохмотьях, сидел в заброшенном храме *Гуань-вана, который служил ему кровом. Несмотря на голод, он не мог носа на улицу высунуть: с утра до самого полудня шел проливной дождь. Когда дождь прекратился, Сун Цзинь подтянул потуже пояс и вышел из храма. Не успел он пройти и нескольких шагов, как лицом к лицу столкнулся с человеком, в котором сразу узнал самого близкого друга своего отца — Лю Юцай. Стыдясь в таком виде предстать перед земляком, Сун Цзинь притворился, будто не узнал старика, и прошел мимо с низко опущенной головой. Лю Юцай сразу же признал в нищем сына своего друга, остановил Сун Цзиня, схватив его за плечо:

— Да ты ведь молодой Сун! Почему ты в таком виде?

— В таком жалком одеянии я не осмелился вас приветствовать, — сказал Сун Цзинь, утирая хлынувшие слезы, и подробно рассказал, как с ним поступил начальник уезда.

— Бедняга! — промолвил старик Лю, выслушав печальную историю Сун Цзиня. — Пойдем, станешь помогать мне на джонке и будешь в тепле и сыт.

— Если вы возьмете меня к себе, — сказал Сун Цзинь, упав перед Лю на колени, — это для меня все равно что вновь обрести родителей.

Старик Лю тут же повел его к реке. На джонку старик поднялся первым, чтобы предупредить о случившемся жену.

— Ну что же, — сказала та, выслушав мужа, — это и ему и нам выгодно. Что тут плохого?

Тогда Лю Юцай помахал Сун Цзиню, приглашая его на джонку. Старик сбросил с себя старое холщовое платье и приказал Сун Цзиню переодеться. Когда тот был готов, Лю Юцай повел гостя на корму и познакомил его со своей старухой. Здесь Сун Цзинь увидел и их дочь Ичунь.

— Дайте-ка молодому человеку поесть! — распорядился старик Лю после того, как Сун Цзинь представился и ушел на нос джонки.

— Поесть дать можно, только все холодное, — ответила жена Лю Юцай.

— В котле еще есть *горячий чай, — заметила Ичунь и начерпала из котла полный глиняный жбан горячего чая.

Матушка Сюй достала из шкафа соленых овощей и вместе с холодной кашей предложила все это Сун Цзиню.

— При нашем деле жить на лодке приходится не так, как дома, — сказала она, — так что как-нибудь перекусите.

Не успел еще Сун Цзинь притронуться к еде, как стал накрапывать дождь.

— Принеси-ка с кормы старую войлочную шляпу, — приказал старик Лю дочери, — пусть Сун Цзинь наденет.

Ичунь взяла шляпу и увидела, что с одной стороны она уже распоролась по шву. Руки у Ичунь были проворные: она тут же вытащила из прически иголку с ниткой, сшила порванные места и бросила шляпу на рогожный тент.

— Возьмите шляпу! — крикнула она.

Сун Цзинь надел шляпу и принялся за еду. Затем Лю велел Сун Цзиню прибрать и подмести палубу, а сам отправился на берег искать клиентов и вернулся только вечером. На следующее утро старик Лю поднялся и сразу заметил, что Сун Цзинь сидит на палубе, ничего не делая.

«Человек только что пришел к нам, нельзя приучать его к безделью», — подумал Лю и прикрикнул на Сун Цзиня:

— Послушай! Я тебя кормлю и одеваю. Чем сидеть так без дела, куда полезнее сучить веревки и плести канаты.

— Все, что прикажете, я ни в чем не осмелюсь ослушаться, — поторопился ответить Сун Цзинь.

Лю принес пучок пеньки и велел плести канат. Действительно,

*Под низким навесом чужим
Как головы не склонить?!*

С этих пор Сун Цзинь с усердием трудился с утра до ночи, никогда он не ленился, никогда не уклонялся от поручений. У него был хороший почерк, он прекрасно считал на счетах, поэтому ему поручалось вести все денежные дела, связанные с перевозкой купцов и товаров, и он никогда не ошибался ни на грош. Другие лодочники часто звали его помочь им в расчетах и записях. Не было ни одного пассажира, который не полюбил бы Сун Цзиня, не уважал и не хвалил бы его за то, что он уже в юные годы так умен и понятлив. Старик и старуха, видя, как усердно и ловко работает молодой человек, заботились о нем как могли, хорошо кормили и одевали. Людям они вы-

давали его за племянника. Молодой человек, найдя наконец пристанище, успокоился душой, окреп телом, обрел былой цветущий вид и приводил в восхищение всех лодочников.

Время летело стрелой: незаметно прошло больше двух лет.

«Мы с женой уже стареем, — подумал однажды Лю, — и нет у нас никого, кроме дочери; пора подыскать хорошего зятя, опору для нее и для нас. Сун Цзинь вполне подходит, не знаю только, что скажет старуха».

В тот же вечер, попивая с женой вино, он, указывая взглядом на стоявшую подле них Ичунь, сказал:

— Дочь наша стала уже взрослая, но у нее все еще нет надежной опоры в жизни. Как же быть?

— И для нас это очень важно — было бы на кого понадеяться в старости, — ответила матушка Сюй. — Что же ты не позаботишься об этом?

— Я часто об этом думаю, — возразил Лю, — но где найдешь подходящего человека. Такого умного и работающего, как, например, наш Сун Цзинь, и среди тысячи не сыщешь.

— Почему же не выдать дочку за него? — спросила матушка Сюй.

— Ну что ты говоришь! — воскликнул старик, притворившись недовольным и удивленным. — У Сун Цзиня ни семьи, ни дома, ни гроша за душой, и жив-то он только благодаря тому, что мы его кормим здесь, на нашей джонке. Как можно за такого отдать нашу дочь?

— Почтенный Сун родом из чиновной ученой семьи, — возразила жена, — притом сын нашего друга. Еще при жизни его отца поговаривали о том, чтобы наши семьи породнились. Ты разве забыл об этом? Хоть он теперь беден, но красив и одарен да еще умеет писать и считать. Мне кажется, что иметь зятем такого человека не зазорно. Да и у нас с тобой под старость будет на кого опереться.

— Ты твердо решила?

— В чем же тут сомневаться?

— Ну и прекрасно, — сказал Лю, который всегда побаивался жены и был очень доволен, что она сама предложила выдать дочь за Сун Цзиня; старику уже давно приглянулся молодой человек, но признаться жене он все не решался, опасаясь, что та будет возражать.

Лю тотчас позвал Сун Цзиня и в присутствии жены предложил ему породниться. Сун Цзинь сначала из скромности отказывался, но в конце концов согласился, поняв, как добры к нему старики, и видя, что от него не требуется никаких затрат на свадебные подарки. Старик Лю пошел к гадателю, и тот выбрал благоприятный для свадьбы день. Затем они подняли паруса и вернулись домой в Куньшань, где прежде всего позаботились о Сун Цзине: сшили ему платье из тонкого шелка и нарядили во все новое. В новом платье, новой шапке, новых чулках и новых башмаках Сун Цзинь был необычайно красив.

*Хоть не имел он восьми мер таланта,
как *Цзыцзянь,
Но красотой не уступал
Аньжэню.

Матушка Сюй позаботилась, конечно, и о нарядах для дочери. В день свадьбы был устроен богатый пир, на который пригласили родственников обеих семей, и Сун Цзинь был введен на джонку как зять. На следующий день с поздравлениями и подарками пришли все родственники. Три дня подряд длилось свадебное пиршество. Молодожены относились друг к другу с любовью, но об этом говорить излишне. С этих пор дела на джонке с каждым днем шли все лучше и лучше.

Время подобно стреле. Незаметно прошло больше года, и Ичунь родила дочку. Мать и отец любили ребенка, берегли пуще золота, ласкали и нянчили. Но когда девочке пошел второй год, она заболела оспой. Врачи и лекарства оказались бессильны: на двенадцатый день она умерла. Сун Цзинь не мог без боли вспоминать о любимой дочери. Он так плакал, так безмерно страдал, так потрясен был горем, что вскоре заболел чахоткой. По утрам его знобило, по вечерам кидало в жар; он почти не ел, не пил и таял на глазах. От него остались одни кости, и он с трудом передвигался. Первое время старики Лю приглашали врачей и обращались к гадалкам в надежде, что зять поправится. Прошло больше года, но Сун Цзинь не поправлялся, ему становилось все хуже, и он походил больше на призрак, чем на живого человека. Он не мог ни писать, ни считать и стал для стариков бельмом на глазу. Они уже жалели о неудачном замужестве дочери и с нетерпением ждали, когда зять умрет. А тот все не умирал.

— Прежде мы надеялись, что зять будет нам опорой под старость, а теперь он сам чуть жив, — роптали они. — Все равно как подыхающая змея: обвилась вокруг тела, и никак ее не сбросишь! Нашей прекрасной, как цветок, дочери всю жизнь испортил. Как быть? Надо что-то придумать. Надо избавиться от него и подыскать дочери другого, подходящего мужа, — тогда легче было бы на душе.

Долго они советовались и нашли наконец выход. Дочери об этом ничего не сказали. Сказали только, что едут за клиентами и товарами в Цзянси, и повернули джонку в ту сторону.

Добрались они до Уци в области *Чичжоу. Подъехали к глухому месту: одинокие безмолвные горы, безбрежная даль вод, заброшенный и запущенный берег; нигде ни следа человека.

Джонка лавировала против легкого встречного ветра, и Лю, умышленно сделав крутой поворот руля, посадил ее у берега на мель, а затем крикнул Сун Цзиню, чтобы он сошел на берег и помог столкнуть джонку.

— Ах ты, дохлятина! — ругался лодочник, глядя, как Сун Цзинь еле шевелит ногами и руками. — Если уж нет у тебя сил справиться с джонкой, то потрудись на берегу. Наруби немного дров, чтобы хоть на топливо не тратиться.

Пристыженный, Сун Цзинь взял топор и, собравшись с последними силами, отправился за дровами. Едва он ушел, старик Лю с трудом повернул руль, сдвинул джонку и направил ее по течению.

*Не печалишься тем, что родной человек
оказался, несчастный, в беде;
Зато счастлив теперь, что избавиться смог
от того, кто мешал тебе жить.*

Сун Цзинь зашел в самую гущу леса, но рубить не хватало сил, и он стал подбирать хворост и срезать засохший терновник. Сложив две большие кучи хвороста, он обвязал каждую старой лианой, но взвалить их на плечи не смог. Тогда он взял еще одну лиану, связал обе охапки в одну, поднатужился и поволок ее за собой, как пастух быка. Пройдя немного, Сун Цзинь вспомнил, что забыл топор; он вернулся, подобрал его, воткнул в вязанку и поплелся к реке. Но джонки там уже не было. Перед ним тянулся лишь бесконечный песчаный берег, над которым поднимались речные испарения.

Сун Цзинь побрел вдоль реки, но, сколько он ни шел и как ни всматривался, джонка исчезла. Солнце уже склонилось на запад. Сун Цзинь понял, что тесть бросил его. Положение было безвыходным, и он разрыдался. От слез у него пересохло в горле; в изнеможении упал он на землю и долго не мог прийти в себя. И тут вдруг он заметил, что на берегу, опершись на посох, стоит старый монах. Как он очутился здесь, Сун Цзинь не мог понять.

— Уважаемый, где же ваши попутчики? Ведь это не подходящее место, чтобы здесь останавливаться, — обратился к нему монах.

Сун Цзинь поспешно поднялся, поклонился и, назвав себя, ответил:

— Меня обманул и бросил здесь мой тесть, и теперь мне, одинокому горемыке, некуда деться. Прошу вас, помогите и спасите меня.

— Моя скромная хижина неподалеку, — сказал монах. — Пойдемте! Переночуйте у меня, а там решим как быть.

Бесконечно благодарный, Сун Цзинь пошел вслед за монахом.

Прошли они меньше одного ли, как Сун Цзинь и вправду увидел тростниковую хижину. Старый монах развел огонь, сварил похлебку и, когда Сун Цзинь поел, спросил у него:

— Скажите, пожалуйста, что за причина вражды между вами и вашим тестем?

Сун Цзинь подробно рассказал монаху о том, как он попал к дочнику, как стал его зятем. Рассказал он и о причине своей болезни.

— Таите ли вы теперь ненависть к своему тестю и теще? — спросил монах.

— В свое время, когда я нищенствовал, они меня приютили и женили на своей дочери; если нынче они бросили меня, то такова уж моя судьба. Что тут обижаться!

— Я вижу, что вы добрый и великодушный человек. А причина вашего недуга — это переживания и страдания. Лекарствами его не излечить. Вам нужно душевное спокойствие, нужно освободить сердце от сует. Вы раньше поклонялись Будде, читали буддийские каноны?

— Нет, никогда.

— Это «Цзиньганцзин», изустно переданный Буддой, — сказал монах, вытаскивая из рукава свиток. — Ныне я хочу научить вас читать эти заповеди. Если вы ежедневно будете читать их, всякие думы оставят вас, болезнь пройдет, вы обретете долголетие, и во всем вам будет сопутствовать удача.

Не надо забывать, что Сун Цзинь до своего *перерождения был буддийским монахом, который жил в Сучжоу у храма богини-чаодательницы и то и делал, что читал «Цзиньганцзин». И теперь, когда монах только раз прочел этот канон, Сун Цзинь мог сразу повторить его наизусть. В этом сказалась прежняя жизнь, жизнь до перерождения.

Сун Цзинь и буддийский монах уселись вместе, как сидят йоги, буддисты и даосы. И, прикрыв глаза, Сун Цзинь стал читать наизусть «Цзиньганцзин». Под утро он незаметно заснул, а когда проснулся, увидел себя сидящим на куче бурьяна с «Цзиньганцзинном», крепко прижатым к груди. Монах и хижина исчезли. Сун Цзинь развернул свиток и был очень удивлен, что знает его текст наизусть.

Прополоскав рот водой из пруда, Сун Цзинь стал нараспев громко читать канон и сразу почувствовал, что тревоги и заботы оставили его и изнуренное тело как будто вдруг окрепло. Тут он понял, что святой монах явился спасти его. Это, конечно, было предопределено судьбой. Сун Цзинь поклонился небу, благодаря за спасение. Однако, хотя он был спасен, но остался без пристанища, как лепесток в океане. Он побрел куда глаза глядят. Вдруг, когда он совсем изголодался, ему показалось, что в роще под горой как будто есть какое-то жильё. Сун Цзиню ничего не оставалось, как по-прежнему просить милостыню, и он направился туда за подаванием. Но на этот раз вместо горя его ждала радость, кончились беды — пришла удача. Вот уж действительно,

*Дорога оборвалась, нет пути,
но смотришь — вновь тропинка пред тобою;
Когда до дна исчерпана вода —
глядишь — источник где-то вновь пробился.*

Сун Цзинь подошел к роще. Никакого жилья там не было. Взору его представились только воткнутые в землю копыя и пики. Немало удивленный, Сун Цзинь набрался храбрости, пошел вперед и вскоре набрел на разрушенный храм. В храме он обнаружил восемь огромных запертых на замок сундуков, прикрытых сверху камышом и сосновыми ветками.

«Какие-то грабители спрятали сундуки, а чтобы устроить людей, воткнули оружие. Хотя я и не знаю, откуда все это добро, но не вижу ничего дурного в том, чтобы взять его», — размышлял Сун Цзинь, у которого уже созрел план. Втыкая в землю сосновые ветки, чтобы заметить дорогу, он потихоньку выбрался из леса и добрался до берега. Судьбе угодно было принести Сун Цзиню благополучие и счастье: как раз в это время к берегу пристала большая джонка. Встречный ветер и сломанный руль вынудили лодочников причалить, и они занимались здесь починкой. Сун Цзинь притворился растерянным и взволнованным и обратился к лодочникам:

— Я уроженец провинции Шэньси, фамилия моя Цянь. Вместе с дядей мы занимались торговлей в *Хугуане. Когда мы проезжали мимо этого места, на нас напали разбойники. Дядю убили. Я сказал разбойникам, что был у него слугой, что я долго болел, и молил их

пощадить меня. Грабители поручили одному из шайки следить за мной и охранять добычу, которую они спрятали в храме, а вся шайка отправилась разбойничать в другие места. К счастью, разбойник, который сторожил меня, вчера умер от укуса змеи, и я убежал. Прошу вас, сделайте одолжение, возьмите меня с собой.

Лодочники не очень-то поверили рассказу Сун Цзиня.

— В храме стоят восемь больших сундуков с нашим добром, — продолжал Сун Цзинь. — Это неподалеку отсюда, и я очень прошу несколько человек пойти со мной и перенести сюда сундуки. В благодарность я с радостью отдам вам один из них. Но только нужно поторопиться, а то разбойники вернутся, и тогда мы не только не успеем ничего сделать, но и себя погубим.

Люди, готовые ради прибыли и наживы проделать тысячи ли, услышав о восьми сундуках, полных сокровищ, с радостью согласились. Сразу нашлось шестнадцать молодых людей, которые пошли с Сун Цзинем в храм, захватив с собой восемь палок для переноски тяжестей и веревки.

И действительно, в храме они увидели восемь огромных сундуков. Сундуки были тяжелы, и каждый пришлось нести двоим, так что шестнадцать человек было как раз то, что надо.

Оружие в роще Сун Цзинь подобрал и спрятал в траве. Сундуки погрузили на джонку. К тому времени руль был уже исправлен, и лодочники спросили Сун Цзиня, куда ему угодно направиться.

— В Нанкин, к родным, — ответил Сун Цзинь.

— Наша джонка идет в *Гуачжоу, нам по пути.

Джонка отчалила и прошла без остановки более пятидесяти ли. Желая угодить богатому шэньсийскому торговцу, лодочники раскошались: купили вина, мяса и устроили угощение в честь его избавления от бед.

На следующий день поднялся попутный западный ветер, лодочники подняли паруса и вскоре прибыли в Гуачжоу. От Гуачжоу по реке было всего десять с чем-то ли до Нанкина. Здесь Сун Цзинь нанял лодку, на которую погрузил семь самых тяжелых сундуков, а один, как обещал, подарил лодочникам. Те, конечно, поделили его содержимое, но об этом говорить не будем.

Когда лодка доехала до Лунцзянгуаня, Сун Цзинь нашел гостиницу и остановился в ней. Он пригласил слесаря подобрать ключи к сундукам; оказалось, что сундуки наполнены золотом, яшмой, жемчугом и прочими драгоценностями. Разбойники могли накопить такое богатство только за долгие годы и, конечно, не за счет одной семьи.

Сун Цзинь продал на рынке содержимое одного сундука и выручил за это несколько тысяч золотом. Боясь, как бы такое богатство не вызвало подозрений, он переселился в город, где нанял прислугу, разделся в тонкие шелка и стал питаться изысканными яствами. Из остальных шести сундуков он оставил себе только ценные, редкие вещи, а все остальное продал и выручил десятки тысяч золотом. Затем в районе Ифэнмэнь Сун Цзинь купил себе большую усадьбу, переделал все комнаты и залы, беседки и павильоны и роскошно обставил весь дом. Перед домом Сун Цзинь открыл лавку-ломбард. Кро-

ме того, в нескольких местах он купил поместья, завел множество слуг, десяток отличных управляющих и держал четырех красавцев-отроков, которые неотлучно были при нем.

В столице все знали Сун Цзиня как «богача Цяня», человека, который выезжал не иначе, как в богатой колеснице, и у которого дом был полон золота и драгоценностей.

С древних времен говорят: от жилья меняется дух человека, от пищи меняется тело.

Теперь, когда Сун Цзинь разбогател, он стал выглядеть совсем по-иному: пополнил, расцвел; прежнего, истощенного болезнью, подавленного горем и нищетой Сун Цзиня как не бывало. В самом деле,

*Как осенью луна
сияет ярким блеском,
Так в пору счастья человек
здоров и бодр духом.*

Но это только первая часть рассказа. Поведу свой сказ дальше. С того момента, как Лю Юцай оставил зятя на берегу, оттолкнулся от берега и со спокойной душой отплыл, джонка, подгоняемая попутным ветром, прошла уже сотню ли. Старики радостно о чем-то между собой шушукались. Ичунь, ничего, разумеется, не подозревавшая, считала, что муж уже вернулся, и приготовила для него лекарство. Она позвала Сун Цзиня, но никто не откликнулся. Решив, что муж заснул на носу джонки, она пошла туда разбудить его.

— Ищешь этого чахоточного черта? Она еще заботится о нем! — тут же набросилась на нее мать, вырвала из рук дочери горшочек с лекарством и швырнула его за борт.

— Но где же он все-таки? — спросила Ичунь, а в ответ услышала:

— Твой отец понимал, что Сун Цзинь не поправится, боялся, как бы он не заразил других, поэтому послал его на берег рубить дрова, а сам отчалил.

Рыдания сдавили Ичунь горло, хлынули слезы. Она стала топтать ногами, бить себя в грудь и кричать: «Верните мне мужа!»

— Послушай, дитя мое! — сказал старик Лю, подойдя к дочери и успокаивая ее. — Когда женщине не повезет в замужестве, ей потом всю жизнь приходится маяться. Твой чахоточный со дня на день умрет. Так или иначе, вам пришлось бы расстаться. Он не твой суженый, и уж лучше пораньше избавиться от него, чем портить себе молодость. Я найду тебе другого, хорошего мужа, с которым ты будешь счастлива всю жизнь. Перестань-ка думать о своем Сун Цзине.

— Что вы наделали? — воскликнула Ичунь. — Ведь это бесчестно, бесчеловечно, ужасно! Ведь вы сами выдали меня за Сун Цзиня, а раз мы стали мужем и женой, то должны вместе жить и вместе умирать! Даже если он обречен, пусть бы умер спокойно. Как можно было бросить его на диком, безлюдном берегу? Это из-за меня он погибает, и, если он умрет, я покончу с собой. Если вы хоть сколько-нибудь жалеете меня, то немедленно поверните джонку и найдите Сун Цзиня, чтобы хоть перед другими не было стыдно.

— Твой чахоточный, когда увидел, что джонки нет, наверняка отправился куда-нибудь в деревню просить милостыню, — ответил старик. — Какой толк теперь искать его? Ведь мы плывем по течению да с попутным ветром, так что сделали сотню ли. Что сделано, то сделано, выкинь его из головы и успокойся.

Видя, что отец не желает повернуть джонку, Ичунь зарыдала, кинулась к борту джонки и бросилась бы в воду, если бы старуха Лю не успела вовремя ее схватить. Ичунь клялась покончить с собой и не переставала горько плакать. Старики никак не ожидали, что дочь окажется такой упрямой и настойчивой. Делать нечего, пришлось всю ночь караулить дочь, а наутро повернуть джонку.

Плыть теперь пришлось и против течения, и против ветра, так что за день они не пределали и половины пути. И в эту ночь старикам не было покоя — Ичунь все плакала и плакала. Только к вечеру третьего дня они причалили к месту их прежней стоянки. Ичунь сама отправилась на поиски. На берегу она увидела две связки хвороста и топор, который сразу же узнала. Было ясно, что эти связки принес Сун Цзинь, но его самого нигде не было видно. Ичунь стало нестерпимо тяжело. Однако она не теряла надежды и решила во что бы то ни стало продолжать поиски. Старику волей-неволей пришлось пойти с ней. Долго шли они. Кругом был только темный лес, сплошные горы, и ни следа человека.

Старик уговорил дочь возвратиться на джонку, и она опять проплакала всю ночь. На четвертый день, задолго до рассвета, Ичунь стояла на том, чтобы отец опять отправился с ней на поиски. И опять вокруг были только пустынные глухие места. Оставалось лишь вернуться на джонку, и весь обратный путь Ичунь горько плакала.

«Разве в этих дебрях можно просить подаяния? — думала про себя Ичунь. — Больной, слабый — что ему оставалось делать? Топор бросил на берегу, значит, наверняка кинулся в воду и покончил с собой».

При этой мысли она опять разрыдалась и хотела утопиться, но отец успел ее удержать.

— Вы можете стеречь меня, но сердце мое неизменно, — заявила Ичунь старикам. — Я все равно решила умереть. Чем раньше я это сделаю, тем скорее встречу с мужем.

Старикам было тяжело смотреть на страдания дочери, им стало не по себе.

— Доченька, — обратилась к Ичунь госпожа Сюй, — мы с отцом виноваты, поступили неправильно, необдуманно. Но кайся не кайся, дело сделано. Пожалей нас, стариков. Кроме тебя у нас никого нет, и нам не пережить твою смерть. Прости нас, постарайся не принимать это близко к сердцу. Твой отец даст объявления о розыске во всех прибрежных городах и местечках. Если Сун Цзинь жив, он наверняка увидит объявление и вернется к нам. А если через три месяца от него никаких вестей не будет, тогда ты отдашь мужу должные почести, совершишь все положенные траурные обряды. Отец за деньгами не постоит.

Ичунь перестала рыдать и поблагодарила родителей:

— Если вы так решили, тогда я смогу *умереть с закрытыми глазами.

Старик Лю тотчас же написал объявления о розыске и расклеил их на самых видных местах в прибрежных городах и селениях.

Прошло три месяца, но о Сун Цзине не приходило никаких вестей.

— Нет сомнения в том, что муж умер, — решила Ичунь. Она заколола вдовью прическу, надела платье из простой конопли, приняла глубокий траур, а на домашнем алтаре поставила мужу *поминальную табличку, перед которой молилась и приносила жертвы. Девять буддийских монахов три дня и три ночи молились о благополучии души Сун Цзиня. Ичунь пожертвовала на это свои головные украшения и драгоценные серьги.

Старики Лю, нежно любившие свою дочь, готовы были ради нее вынести все что угодно. Они ни в чем не перечили ей, и поминальный обряд длился несколько дней подряд. Но и после этого Ичунь плакала дни и ночи. Не было ни одного лодочника-земляка, который бы не сочувствовал Ичунь. Купцы, знакомые с семьей Лю, узнав о случившемся, жалели Сун Цзиня и выражали свое сочувствие дочери лодочника. Прогоревав полгода, Ичунь наконец успокоилась.

— Дочка последние дни не плачет, — сказал однажды старик Лю своей жене, — видно, понемногу приходит в себя. Хорошо бы уговорить ее выйти замуж. А то, случись что, на кого мы, старики, с дочерью-вдовой сможем опереться?

— Ты совершенно прав, — ответила матушка Сюй, — боюсь только, что Ичунь не согласится. Надо подойти к ней осторожно, уговоривать постепенно.

Прошел еще месяц. Двадцать четвертого числа двенадцатого месяца старик Лю направил свою джонку в Куньшань, чтобы на родине встретить Новый год. У родственников старик Лю напился, осмелел и, возвратившись на джонку, стал уговаривать дочь:

— Скоро Новый год, сними-ка свой траур.

— Траур по мужу длится всю жизнь, — возразила Ичунь. — Как же я могу его снять?

— Это еще что за вечный траур? — вытаращил глаза старик. — Позволю я тебе носить траур — будешь носить, не позволю — снимешь!

— Пускай дочь поносит траур до конца года, — примирительно сказала матушка Сюй. — Под Новый год мы совершим жертвоприношение и вынесем из дома табличку, тогда пусть и снимет траур.

Видя, что ни мать, ни отец не хотят считаться с ней, Ичунь сказала со слезами:

— Вы сговорились и погубили моего мужа, а теперь не разрешаете мне соблюдать траур. Все это только потому, что вы непременно хотите выдать меня вторично замуж. Но я ни за что не нарушу свой долг и не изменю покойному мужу! Лучше умру в трауре, чем сниму его и останусь жить.

Старик хотел было напустить на дочь, но тут на него самого с бранью обрушилась жена, затолкала его в каюту, где он и заснул.

Опять, как в былые дни, Ичунь проплакала до утра.

Подошла новогодняя ночь: Ичунь свершала поклонение перед табличкой мужа и плакала. Старухе удалось успокоить ее, и вся семья собралась за новогодним столом.

Когда старики увидели, что Ичунь даже не прикасается к вину и мясной пище, они, недовольные, обратились к ней:

— Если не хочешь снимать траур, это вовсе не мешает тебе отведать немного мясного. Незачем молодой женщине терять силы и здоровье.

— Я еще жива, но жизнь во мне только теплится, и она не нужна мне. Чашки постной пищи и то не следовало бы мне есть, а мясного уж и подавно, — возразила Ичунь.

— Ну, если не хочешь мяса, выпей хоть рюмку вина, чтобы развеять тоску, — предложила матушка Суй.

— Разве хоть капля вина попадала когда-нибудь в царство подземное? Думая о покойном муже, могу ли я пить? — с плачем сказала Ичунь и, встав из-за стола и не дотронувшись даже до постной еды, ушла спать.

Старики, видя, что с дочерью они ничего не могут сделать, что воли ее им не сломить, оставили ее в покое.

Люди последующих поколений сложили стихи, восхваляющие добродетель Ичунь. В стихах говорилось:

*О женах добродетельных и верных
из века в век писали в книгах.
Простого лодочника дочь могла ль
хоть что-нибудь прочесть об этом?
Дав клятву умереть, осталась мужу верной:
вот воля крепкая, как камень!
И добродетелью прославившимся вдовам
уступит в чем она, скажите?*

Вернемся теперь к Сун Цзиню. Прожив больше двух лет в Нанкине и приведя в порядок свое богатое хозяйство, он стал размышлять о том, что если теща и тесть поступили с ним жестоко, то жена его любила и ничего плохого ему не сделала. Поручив доверенным лицам следить за домом, Сун Цзинь захватил с собой три тысячи ланов серебра, нанял лодку и в сопровождении четырех слуг и двух красавцев-отроков отправился в Куньшань отыскивать старика Лю. От соседей он узнал, что лодочник три дня тому назад отправился в *Ичжэнь.

Сун Цзинь истратил часть денег на покупку материи и поехал в Ичжэнь. Здесь он оставил матерью у известного торговца-посредника и на следующий же день отправился в порт разыскивать Лю.

Джонку старика он заметил еще издалека. На корме стояла женщина, одетая в простое пеньковое платье. Сун Цзинь понял, что его жена носит по нему траур и не вышла вторично замуж. Это его тронуло до глубины души.

Вернувшись, Сун Цзинь обратился к хозяину дома, где он остановился, Вану:

— Здесь на реке стоит на якоре джонка, на которой я видел женщину в трауре, прекрасную собой. Я разузнал, что владелец джонки — некий Лю Юцай из Куньшани, а женщина эта — его дочь. Я уже третий год ношу траур по своей жене и теперь хотел бы просить эту женщину занять ее место.

Говоря так, Сун Цзинь *выташил из рукава десять ланов серебра и передал их Вану:

— Возьмите эту небольшую сумму на чарку вина и не откажите быть моим сватом. Если вам удастся устроить это дело, я вас щедро отблагодарю. А если старик будет спрашивать о свадебных подарках, скажите, что я не покупаюсь и на тысячу ланов.

Ван с радостью взял деньги, отправился на джонку к Лю Юцаю и пригласил старика в винную лавку, где посадил его на почетное место и был с ним в высшей степени обходителен и любезен.

— Я простой лодочник, что же заставляет вас оказывать мне столько внимания? — недоуменно спросил старик.

— Выпейте сначала три чарки, потом я вам все расскажу, — ответил тот.

— Если вы не объясните мне, в чем дело, я не осмелюсь дольше сидеть здесь с вами, — сказал Лю, еще более удивленный таким ответом.

— В моем доме остановился богач по фамилии Цянь, родом из Шэньси. У него десятки тысяч золотом. Он уже почти три года вдовец и вот, прельщенный красотой вашей дочери, хотел бы взять ее в жены. Богач предлагает свадебные подарки на тысячу монет и просит меня быть его сватом. Я надеюсь, что с вашей стороны не последует отказа.

— Еще бы! Дочери простого лодочника стать женой богача! — ответил старик. — Но дочь моя строго соблюдает траур по мужу и, как только речь заходит о втором браке, грозит покончить с собой. Так что из этого ничего не выйдет, и доброе желание вашего гостя я не сумею удовлетворить.

Старик Лю поднялся и собрался уже уходить, но Ван схватил его за руку:

— Это угощение устроено по воле господина Цяня, который просил меня попотчевать вас. Раз деньги уже потрачены, зачем им зря пропадать? А в том, что мы с вами не сговорились, ничего дурного нет.

Лю Юцаю пришлось остаться. За вином Ван снова заговорил о предложении Цяня и под конец выразил надежду на то, что Лю, вернувшись на джонку, поговорит обо всем со своими.

Лю Юцай, который помнил, как дочь не раз пыталась броситься в реку, в ответ только отрицательно качал головой. Допив вино, они вышли из лавки и распрощались.

Дома Ван рассказал Сун Цзиню о беседе со стариком Лю.

— Ну, не получилось с женитьбой и ладно, — ответил Сун Цзинь. Теперь он убедился в непоколебимой воле своей жены. — Но я бы хотел нанять джонку Лю и на ней отправиться вверх по реке Янцзы сбуть свои товары. Неужели старик и в этом мне откажет?

— Джонки для того и существуют, чтобы перевозить купцов. Нечего и думать: он безусловно согласится, — заверил Сун Цзиня его доверенный и в тот же день передал лодочнику новую просьбу Сун Цзиня. Старик, конечно, тотчас же согласился.

Сун Цзинь приказал слугам прежде всего погрузить в лодку его вещи, а товар до завтра оставить на берегу. В новом платье и новой шапке Сун Цзинь направился к джонке; двое отроков, разодетых в зеленый шелк, с жезлом и курильницей для благовоний в руках сопровождали богача.

Старики, принявшие гостя за богатого купца, не узнали в нем Сун Цзиня. Другое дело жена. Ичунь издали наблюдала за гостем. Хотя она не смела сразу признать в нем мужа, но про себя недоумевала: до чего же этот человек похож на Сун Цзиня.

Как только Сун Цзинь очутился в джонке, он сразу же посмотрел в сторону жены и произнес:

— Я страшно проголодался, но если у вас каша холодная, то дайте мне ее с горячим чаем.

Это очень удивило Ичунь.

Затем мнимый купец из Шэньси стал кричать на своих слуг:

— Я вас кормлю и одеваю: чем так сидеть без дела, куда полезнее сучить веревки и плести канаты!

Это были те самые слова, которые старик Лю сказал Сун Цзиню на следующее утро после его появления у них на джонке.

Ичунь еще больше удивилась. Вскоре старик Лю сам принес чай и стал угощать богатого купца.

— У тебя на корме есть старая войлочная шляпа, — сказал купец лодочнику, — одолжи ее мне.

Старик, не догадываясь, в чем дело, пошел к дочери за шляпой. Отдавая ее отцу, Ичунь проскандировала:

*Стара уж войлочная шляпа,
но мной заштопана она;
Тот, кто носил ее, бывало,
сам на себя стал не похож!*

Гость услышал эти слова и понял их смысл. Взяв шляпу, Сун Цзинь произнес в ответ:

*Бессмертные всегда меняют облик,
не узнают их больше земляки.
Хоть платье я сменил, в парчу оделся,
однако старой шляпы не забыл.*

Ночью Ичунь сказала матери:

— Сдается мне, что купец Цянь, который сейчас у нас на джонке, не кто иной, как Сун Цзинь. Иначе как мог бы он знать, что у нас есть старая войлочная шляпа? Кроме того, и лицом он очень на него похож. Да и говорит он с явными намеками. Расспросите-ка его хорошенько!

— Глупая девочка, — усмехнулся старик Лю. — От твоего чачоточного мужа теперь и костей не соберешь. Но если даже он еще

жив, то, конечно, побирается где-нибудь. Ему ли достигнуть такого богатства и знатности?

— Прежде ты возмущалась, когда мы с отцом уговаривали тебя снять траур и вторично выйти замуж, — упрекала свою дочь старуха, — ни за что не хотела с нами согласиться, все искала смерти и пыталась броситься в воду. А теперь, как увидела знатного богача, сразу же захотела признать в нем мужа. Но какой будет позор, если ты скажешь, что он твой муж, а он заявит, что и знать тебя не знает?!

Ичунь покраснела и не могла вымолвить ни слова в ответ.

Между тем старик отозвал жену в сторону и сказал ей:

— Зря ты так говорила с дочерью. Разве судьба каждого человека не predetermined заранее? Вчера тут некий господин Ван пригласил меня в винную лавку и рассказал, что этот купец хочет жениться на нашей дочери и предлагает свадебные подарки на тысячу ланов. Я знал непреклонность дочери и не дал согласия. Но раз Ичунь сама об этом заговорила, почему бы не воспользоваться случаем и не разрешить ей выйти замуж за господина Цяня? Да и мы с тобой под старость были бы обеспечены.

— Ты прав, — согласилась старуха, — может быть, и неспроста господин Цянь нанял именно нашу джонку. Расспроси-ка его завтра обо всем.

— Ладно, знаю, — ответил Лю Юцай.

На следующий день, закончив свой туалет, Сун Цзинь взял старую войлочную шляпу и долго вертел ее в руках.

— Почему господин так внимательно рассматривает старую шляпу? — удивился Лю Юцай.

— Мне очень нравится, как она зашита и заштопана, — ответил купец. — По тому, как все это сделано, можно без ошибки сказать, что здесь была приложена искусная рука.

— Эту шляпу зашивала моя дочь, — ответил старик. — Что вы нашли тут хорошего! Вчера господин Ван рассказал мне о намерениях господина. Но, скажите, это действительно так?

— Что же он сказал вам? — спросил Сун Цзинь, притворяясь, что не знает, о чем идет речь.

— Он сказал мне, что около трех лет тому назад вы потеряли жену, до сих пор еще не женились и что теперь вы хотели бы взять себе в жены мою дочь.

— А вы были бы не против? — спросил Сун Цзинь.

— Чего же еще желать?! Но дочь моя соблюдает строжайший траур по мужу и поклялась больше не выходить замуж. Поэтому я и не посмел дать свое согласие.

— При каких обстоятельствах умер ваш зять? — поинтересовался купец.

— К великому сожалению, зять мой заболел чахоткой, — ответил тот. — Несколько лет назад он сошел на берег собрать дрова и не вернулся. Я об этом ничего не знал и отчалил. Потом я написал объявление о розыске, три месяца расспрашивал о нем повсюду, но от него никаких вестей не было. Вероятно, он бросился в реку и утонул.

— Ваш зять не умер, — ответил купец. — Он встретил святого старца, и тот исцелил его. Больше того, он разбогател, и, если вы хотите повидаться с ним, позовите вашу дочь.

Ичунь, которая слышала весь этот разговор, при последних словах купца зарыдала и, выбежав из каюты, обрушилась на него:

— О бессердечный! Три года я носила по тебе траур, страдала, мучилась, а ты до сих пор не пожелал открыться!

— Подойди ко мне, жена моя, — сказал Сун Цзинь и тоже залился слезами.

Обнимая друг друга, муж и жена горько плакали.

— Теперь ясно, что это не какой-то господин Цянь, — сообщил старик Лю своей жене. — Придется нам с тобой просить у него прощения.

Старики вышли на палубу и начали отбивать низкие поклоны перед зятем.

— Оставьте, не надо! — остановил их Сун Цзинь. — Но если я когда-нибудь заболею, отнесите ко мне иначе.

Старики побагровели от стыда.

Ичунь сняла траур и выбросила в реку поминальную табличку, а Сун Цзинь позвал своих слуг и приказал им поклониться хозяйке.

Старики Лю резали кур и готовили вино, чтобы угостить дочь и зятя. Это был пир в честь издали прибывшего гостя, в честь радостной встречи.

За столом матушка Сюй рассказала Сун Цзиню о том, что ее дочь вот уже больше трех лет не прикасалась к мясной пище и вину. Растроганный, Сун Цзинь прослезился. Он сам поднес жене чарку вина и уговорил отведать мяса. Затем он обратился к старикам:

— Вы задумали от меня отделаться и хотели меня погубить, теперь у меня по отношению к вам не должно быть больше ни любви, ни чувства долга. Я не должен бы и знать с вами. И если я сегодня пью ваше вино, то только ради вашей дочери.

— Если бы не этот случай, — вмешалась Ичунь, — как смог бы ты стать известным богачом? Кроме того, в свое время мои родители сделали для тебя много хорошего. Отныне забудем все плохое и будем помнить только хорошее.

— С почтением выполняю желание моей мудрой жены, — сказал Сун Цзинь. — Я уже обосновался в Нанкине, — продолжал он, — там у меня в большом изобилии и земли и сады. Вы оба, — обратился он к старикам, — могли бы бросить свой промысел и жить спокойно и счастливо вместе с нами в Нанкине. Это было бы так хорошо!

Старики долго благодарили зятя.

На следующий день Ван, узнав о событиях на джонке, пришел с поздравлениями.

И опять целый день длилось празднество. Сун Цзинь поручил трем своим слугам остаться в Ичжэни и заняться продажей материи, а сам поехал с семьей в Нанкин.

Пробыв несколько дней в городе, он с женой отправился в Куньшань навестить могилы предков. Совершив обряд жертвоприношения умершим предкам, они не забыли при этом щедро одарить своих родичей.

Фань, бывший начальник уезда Цзяншаньсянь, в свое время так жестоко поступивший с Сун Цзинем, получил отставку и жил теперь у себя на родине в Куньшани. Когда до него дошли слухи о том, что его бывший секретарь стал известным богачом и находится сейчас в Куньшани, он так перетрусил, что скрывался где-то в уезде, и пока Сун Цзинь был в городе, не решался там показываться.

Покончив с делами на родине, Сун Цзинь вернулся в Нанкин.

Семья его жила в полном довольстве, наслаждаясь богатством и счастьем, но говорить об этом мы не будем. Скажем только о том, что Ичунь, видя, как ее муж каждое утро в молельне читает нараспев буддийский канон, спросила, зачем он это делает. Тогда Сун Цзинь рассказал, как он выздоровел после встречи со старым монахом, подарившим ему «Цзиньганцзин».

Ичунь прониклась верой, попросила мужа научить ее читать этот канон, и с тех пор супруги до самой старости читали его вместе.

Они прожили больше девяноста лет, не зная, что такое болезни. Их сыновья и внуки были самыми знаменитыми из нанкинских богачей, и многие из них достигли ученых степеней и чиновных постов.

Люди позднейших поколений сложили об этой истории такие стихи:

*Лю, лодочник, хоть милость оказал,
но как потом жестоко поступил!
Сун Цзинь через лишения прошел,
но счастья добился под конец —
Помог ему буддийский «Цзиньганцзин»
избавиться от горестей и бед,
А вся в заплатках войлочная шляпа
соединила мужа и жену.*

13. ЮЙ БОЯ, СКОРБЯ О ДРУГЕ, РАЗБИВАЕТ ЦИТРУ

*Рассказ известен, как делился
золотом Шуя;
Но много ль тех, кто понял звук
цитры Юй Боя?!
Теперь лукавства бес царит
в общении людей,
И безответно светит сердце
холоду морей.*

Как ни рассуждай о дружбе древних, но не было крепче дружбы Гуаня и Бао. Гуань — это Гуань Иу, Бао — это Бао Шуя. Когда они занимались торговлей и делили прибыль, Иу часто брал больше, но Шуя не воспринимал это как жадность, зная, что друг его беден. И когда случилось, что Иу попал в тюрьму, Шуя вызволил его и помог стать министром в княжестве *Ци. Такие друзья — действительно хорошие друзья.

Но понятие «хорошие друзья» может быть передано разными словами. Так, людей, которых сближают благожелательное отношение друг к другу, взаимные услуги и помощь, называют «близкими друзьями»; тех, кто поверяет друг другу свои тайные думы, душу и сердце, называют «сердечными друзьями»; тех же, кто близок по духу, кого связывает общность влечений, мыслей и чувств, называют «понимающими звук». Однако обычно и тех, и других, и третьих называют просто «хорошими друзьями».

Сейчас я расскажу историю о Юй Боя. Те из вас, уважаемые, кто желает послушать, приблизьте уши и внимайте, а кто не желает, может поступать, как ему будет угодно, ибо

*Говорит понимающий звук —
чтоб внимал ему звук понимающий;
Но зачем говорить, если видишь — с тобой
вовсе не звук понимающий?*

Итак, во времена *Воюющих царств жил один известный тогда человек, по фамилии Юй, по имени Жуй. *Второе имя его было Боя,

а родом он был из Инду, столицы княжества *Чу — города, что в нынешнем округе Цзинчжоу, в Хугуане. И хотя Боя был уроженцем Чу, служебная звезда привела его в княжество *Цзинь, где он достиг должности советника. Как-то Боя по повелению властителя Цзинь отправился послом в княжество Чу. Надо сказать, что Боя и сам добивался этого назначения: во-первых, он считал, что талант не подведет доверия владыки, а во-вторых, хотел воспользоваться случаем, чтобы взглянуть на родные места и, таким образом, из дела одного извлечь двойную пользу.

Добравшись сушей до Инду, Боя представился князю и доложил о возложенном на него поручении. Князь устроил в честь Боя пир и оказал ему знаки величайшего уважения.

Очутившись в родном городе, Боя, разумеется, побывал на могилах предков и навестил друзей. Но, как говорится, «каждый служит своему владыке», и Боя, помня о своей миссии, не смел долго задерживаться. Как только с делами было покончено, он нанес прощальный визит чускому князю. Тот одарил его золотом, парчой и распорядился, чтобы почетному гостю приготовили колесницу и заложили четверку лошадей. Но Боя, который двенадцать лет назад покинул княжество Чу, мыслью тянулся к великолепию гор и рек родной страны. Чтобы вволю налюбоваться ими, он решил ехать кружным путем по воде и потому сказал чускому князю:

— Слуга ваш, к сожалению, нездоров, ему не перенести езды в повозке и быстрого бега коней. Прошу разрешить вашему слуге воспользоваться лодкой, чтобы он мог поехать по воде и за время пути немного окрепнуть.

Князь внял его просьбе и велел снарядить два судна. Одно предназначалось лично для посла цзиньского государства, другое — для слуг и вещей. Это были прочные суда с расписными веслами, парчовыми навесами и высокими парусами. Сановники княжеского двора проводили Боя и расстались с ним у самой реки.

*Влечет когда к природе,
к поискам красот,
Смутят ли гор далеких высь,
безбрежье вод?*

Боя был человеком одаренным, возвышенной души, а потому великолепие природы, прелестные виды гор и рек захватили его полностью. Плывая под развернутым парусом по скатам лазурных волн, он без конца любовался бирюзою далеких гор и светлым простором спокойных вод. Через несколько дней он достиг Янцзы возле *Ханьяна, и было это пятнадцатого числа восьмого месяца, в *день осеннего полнолуния. Вечером внезапно налетел неистовый ветер, поднялись волны и стремительным потоком обрушился дождь. Продвигаться вперед не было возможности, и суда пристали к берегу возле утеса. Но вскоре ветер стих, волны улеглись, дождь прекратился, из-за туч выплыла полная светлая луна. Как всегда после дождя, она сияла необыкновенно ярко.

Боя сидел в каюте один и не находил, чем занять себя. «Сыграю что-нибудь на цитре, чтобы развеять душевную тоску», — решил он и велел прислуживавшему отроку возжечь благовонные свечи. Мальчик возжег курения, принес цитру и положил ее на маленький столик. Боя открыл футляр, подкрутил колки, настроил цитру и заиграл. Не успел он закончить мелодию, как под пальцами с резким звуком оборвалась струна. Ошеломленный, Боя приказал мальчику узнать у кормчего, где они остановились. Оказалось, что судно пристало к подножию утеса, что на берегу есть какая-то растительность, деревья, но нигде не видно людского жилья.

— Пустынные горы! — в крайнем изумлении воскликнул Боя и подумал: «Будь здесь город или поселок, можно было бы предположить, что какой-нибудь умный, образованный человек подслушивал мою игру на цитре и потому звук ее вдруг изменился и так странно порвалась струна. Но откуда взяться такому слушателю здесь, возле этого пустынного утеса? Ага! Знаю! Вероятно, враги подослали убийцу, или, может быть, это разбойники, выжидающие позднего часа, чтобы проникнуть на судно и ограбить меня». — Эй, люди! — позвал Боя. — Осмотреть берег! Кто-то здесь есть, если не в гуще ив, то в чаще камышей!

Слуги собрали людей и уже готовы были ринуться на берег, как вдруг с берега донесся голос:

— Уважаемый господин, что на судне! Не извольте подозревать ничего худого. Я, ничтожный, вовсе не грабитель и не вор, я — дровосек. Я был в лесу, и поздно вечером меня застиг внезапный ливень и страшный ветер. Накидка не защищала от дождя, и я укрылся под утесом. Тут я, услышав, как вы заиграли, немного задержался, чтобы внять звукам цитры.

Боя расхохотался:

— Какой-то дровосек — и смеет говорить «внять звукам цитры»! Ну ладно, правда или ложь в твоих словах, доискиваться я не стану. Люди! Пусть идет прочь!

Но человек не уходил.

— Уважаемый, вы не правы, — сказал он громко. — Вам разве неизвестно, что даже в селении из десяти дворов всегда найдется человек и преданный, и честный, что, если в доме благородный человек, к нему извне придет достойный! И если вы с презрением говорите, что в горной глуши некому цитре внимать, то у пустынного берега в этот час ночной и играть, казалось бы, некому было на цитре.

Боя обратил внимание, что человек этот говорит не как простолюдин, и подумал: «А кто его знает, может быть, он действительно понимает музыку и на самом деле слушал мою цитру?»

— Ладно, оставьте его! — сказал тогда Боя слугам, а сам подошел к дверям каюты и тоном, в котором уже не было гнева и звучала приязнь, спросил: — Господин на берегу! Если вы задержались только для того, чтобы послушать цитру, то, может быть, и знаете, что за мелодию я исполнял?

— Если бы не знал, то вряд ли стал бы слушать, — отвечал человек. — То, что вы играли, — «Скорбь *Конфуция по *Янь Хуэю». Слова же песни таковы:

*Как жаль, что окончил так рано Янь Хуэй
короткий свой жизненный век.
Думы о нем не могу я оставить,
виски побелели, как снег.
Он с чашей неполною в хижине бедной
счастье умел находить...*

Но на этой фразе струна оборвалась, и вы не успели сыграть последнюю строку. Я помню ее:

*И имя оставил потомству навеки,
как мудрый, святой человек.*

Боя пришел в восторг.

— Уважаемый! Да вы на самом деле не из невежд простых. Однако вы — на берегу, я — здесь, на судне; так разговаривать нам неудобно, — сказал он и распорядился: — Эй, положите сходни, приготовьте поручни и просите господина подняться.

Слуги положили сходни, и когда человек поднялся на судно, все увидели, что это действительно дровосек: на голове плетеная шляпа, на плечах травяной плащ, в руках *коромысло, за поясом топор, а на ногах соломенные сандалии. Где там было слугам разбирать по его речи, кто он и что он. Они видели перед собой самого обычного дровосека, смотрели на него свысока и даже прикрикнули:

— Ты, дровосек! Пойдешь в каюту к нашему господину. Смотри, будет что спрашивать, отвечай как следует! Особа важная!

Но дровосек попался какой-то странный.

— Уважаемые, — сказал он, — не нужно быть такими грубыми. Позвольте опрavitь одежду, а уж потом представиться.

Дровосек снял плетеную шляпу — голова его оказалась повязанной синим платком; скинул дождевой плащ — на теле длинная рубаха из грубой темно-синей ткани, поверх нее широкий пояс, стягивающий талию; холщовые штаны. Не торопясь, сложил он у двери плащ, шляпу, топор и коромысло, снял сандалии, стряхнул с них грязь и, надев их снова, спокойно вошел в каюту.

На столе перед хозяином ярко горели свечи. Дровосек низко поклонился, не став, однако, на колени, и сказал:

— Приветствую вас, высокопочтенный.

Но что мог значить в глазах Боя, знатного сановника княжества Цзинь, человек в простой рубахе и грубых штанах? Сойти с места и ответить приветствием? Это значило бы утратить подобающее сану приличие. Выгнать — неудобно: ведь сам пригласил. И Боя, не зная, как быть, чуть приподнял руку.

— Прошу без этикета, почтенный друг, — сказал он и велел отроку подать табурет.

Мальчик принес табурет, поставил его в стороне от стола, не на почетном месте, и Боя, не считаясь с должными приличиями гостеприимства, скривил губы, взглянув в сторону табуретки, и сказал:

— Присядь-ка.

В обращении на «ты» уже проявилось пренебрежение Боя к гостю. Но дровосек спокойно сел на табурет без обычных учтивостей и церемоний.

Видя, что тот уселся без единого слова вежливого самоуничижения, Боя проявил некоторое раздражение и недовольство. Поэтому, не осведомляясь о фамилии и имени гостя, не приказывая слугам подать чай, он долго сидел молча и наконец, удивленный, спросил:

— Так это ты с берега «звукам цитры внимал»?

— Нескромно говоря, конечно, — ответил дровосек.

— Так вот я хочу спросить тебя, — сказал Боя. — Ты говоришь, что задержался, чтобы послушать цитру. Если так, то, может быть, ты знаешь о происхождении ее? Может быть, знаешь, кем она сделана, что хорошего в ее игре?

В это время явился кормчий.

— Ветер благоприятный, — доложил он. — Луна. Светло, как днем. Можно отчаливать.

— Подождите, — распорядился Боя.

Но дровосек сказал:

— Высокопочтенный сударь, вы изволили удостоить меня, ничтожного человека, вопросом. Однако боюсь, что невразумительными и многословными рассуждениями могу задержать вас и вы упустите попутный ветер.

— А я боюсь, что ты не знаешь основ игры и устройства цитры, — усмехнулся Боя. — Но, окажись в твоих сужденьях смысл, лишиться сана сочту за дело небольшое, а уж о том, раньше или позже пуститься в путь, беспокоиться тем более не стану.

— Если так, — ответил дровосек, — тогда я могу позволить себе нескромность начать. Цитра впервые была выточена древним *Фуси. Он видел, как животворное начало великих звезд пало в полете на древний платан и как парюю фениксы слетели на дерево это. А феникс — царь среди птиц. Обитает он на платане, вкушает лишь плод бамбука и пьет из источников сладких. Фуси знал, что платан — одна из отменных пород дерева. А теперь, когда платан воспринял животворное начало природных сил, он становился вполне пригодным для выделки музыкального инструмента. И Фуси повелел срубить его. Высотой дерево было в тридцать три *чи, что соответствовало *небу тридцати трех. Фуси рассек его на три части соответственно трем созидательным силам природы — небу, земле и человеку, затем ударил по верхней части и прислушался. Звук был слишком звонок. Фуси счел эту часть легкой и отверг. Он ударил по нижней части — звук был слишком глухим. Фуси нашел эту часть тяжелой и от нее тоже отказался. Тогда он ударил по средней части — звук подходил по звонкости и чистоте. Он положил этот кусок в вечнотекущую воду и вымачивал его семьдесят два дня сообразно *семидесяти двум периодам года. Потом он вынул дерево и высушил его в тени. Выбрав *счастливым день и час, он с помощью искусного мастера Лю Цзыци разрезал дерево и выточил из него цитру. И так как это был музыкальный инструмент *Яшмового пруда, то Фуси назвал его янтарной цитрой. Длиной цитра была в триста шестьдесят один *фэнь, что соответствовало тремстам шестидесяти одному гра-

дусу окружности неба. Передний конец ее был шириной в восемь *цуней, соответственно *восьми периодам года, задний — шириною в четыре цуня, сообразно четырем временам года. Толщиной цитра была в два цуня сообразно двум началам природы — земле и небу. И было основание цитры в виде головы *Золотого отрока, середина — в виде талии *Яшмовой девы, а конец — в виде чела бессмертного гения. И были на ней *«пруд дракона» и «бассейн феникса», колки из яшмы и золотые перекладыны — двенадцать по числу двенадцати месяцев в году и еще одна, соответствовавшая *високосному месяцу.

Сначала на цитре было пять струн. Число их соответствовало пяти элементам: металлу, дереву, воде, огню, земле и *пяти музыкальным тонам: гун, шан, цзюэ, чжи, юй. На пятиструнной цитре часто играли *Яо и Шунь, напевая *«Стихи о южном ветре», и в мире тогда царил великий порядок.

Затем, когда князь *Вэнь-ван находился в заключении в Юли, он, оплакивая сына своего Бо Икао, добавил одну струну, и полились чистые звуки глубокой печали и безысходной тоски. Струну эту называли струною Вэнь. Когда же *У-ван шел походом на Чжоу, то песнь раздавалась в войсках и ликование было в народе. И вот тогда добавлена была еще одна струна, и родились мощные звуки взлета чувств, звуки боевого подъема. Струну эту называли струною У. Таким образом, к первоначальному пяти струнам добавились еще две, и называть эту цитру стали семиструнной цитрой со струнами Вэнь и У.

Цитра эта требует соблюдения шести запретов, семи воздержаний и обладает восемью совершенствами.

Шесть запретов — это: не подвергать сильному холоду, большой жаре, бушующему ветру, бурному ливню, треску грома и обильному снегу.

Семь воздержаний — это: по мертвым плачут — не играй; играют, слышишь — не играй; хлопочешь, занят — не играй; без омовения — не играй; одет небрежно — не играй; не возжег курений — не играй; непонимающим — не играй.

А восемь совершенств — это непревзойденная выразительность звуков, в которых бесподобны: чистота, звучность, таинственность, изящество, грусть, величие, тоска, размеренность.

И когда искусной игрой на такой цитре достигается высшая красота ее звучания, ревущий тигр умолкает, обезьяний затихает крик.

Вот в этом и сказывается сила *классической музыки!

Боя видел, как свободно и легко дровосек говорит о цитре, но все еще сомневался, не овладел ли он этими знаниями понаслышке. «А если и так, — подумал он, — все-таки надо отдать ему должное!» И Боя решил еще раз испытать дровосека.

Теперь, обращаясь к нему уже не на «ты», как раньше, а на «вы», Боя спросил:

— Раз вы знаете, уважаемый, основы музыки, то скажите. Както раз, когда Конфуций играл на цитре, к нему пришел Янь Хуэй. Еще с улицы Янь Хуэй уловил что-то мрачно-тяжелое в звуках цитры. Ему почудилась в них жажда убийства. Удивленный, Янь Хуэй спросил об этом учителя. Конфуций ответил: «Когда я сейчас играл, я заметил, что кошка ловит мышь. Мне хотелось, чтобы кошка схватила

ее, и я боялся, что она ее упустит. Вот в звуках цитры и выразилась эта жажда убийства». Из этого видно, в какие тонкости музыки углублялась школа мудрого философа. Так вот скажите, если бы я, чиновник скромный, стал играть и в сердце моем были бы думы о чем-то, смогли бы вы, высокочтимый, уловить их в звуках цитры?

Дровосек ответил:

— В *«Песнях Мао» сказано: «Когда другой имеет думу, пытаю думу угадать». Попробуйте, высокочтимый, сыграйте, а я, ничтожный, буду отгадывать, как подскажет чувство. Но если не угадаю, благоволите не прогневаться.

Боя натянул порвавшуюся струну и погрузился в думу. Мысль его устремилась к горным высотам, и он тронул струны.

— Да! Хорошо! — воскликнул дровосек. — Возвышенно, величественно!.. Ваши мысли в высоких горах.

Боя ничего не ответил. Он опять сосредоточился, представил себе текущие воды и снова ударил по струнам.

— Да! Красиво! — с восхищением отозвался дровосек. — Струющаяся плавность! Ваши мысли в текущей воде.

В этих двух ответах каждый раз угадывались сокровенные мысли Боя. Пораженный, Боя отстранил цитру и встал, приветствуя гостя, как подобает хозяину.

— Простите! Простите! — восклицал он. — Да, поистине бывает, что в камне сокрыта бесценная яшма. И если бы по внешнему виду судили о людях, то сколько талантов было бы в мире загублено. Разрешите осведомиться: ваша уважаемая фамилия и ваше благородное имя?

Дровосек склонился и ответил:

— Я, ничтожный, ношу фамилию Чжун, имя мое — Хуэй, второе имя — Цзыци.

— Итак, значит, господин Чжун Цзыци, — произнес Боя, сложив для приветствия руки.

— А ваша высокая фамилия и место вашего почетного назначения? — в свою очередь спросил Цзыци.

— Скромный чиновник Юй Жуй, — ответил Боя. — Служу при цзиньском дворе и прибыл в вашу уважаемую страну посланником от цзиньского князя.

— Оказывается, передо мной высокопочтенный господин Боя, — произнес Цзыци.

Теперь Боя усадил Цзыци на почетное место гостя, а сам занял место потчующего хозяина и приказал мальчику подать чай. После чая, велел принести вина, он сказал:

— Хочу воспользоваться вином как предлогом, чтобы продлить беседу с вами. Прошу не пренебречь ничтожностью простого угощения.

— Смею ли! — отозвался Цзыци.

Мальчик убрал цитру, и они сели за вино.

— По слову вы, конечно, уроженец Чу, не знаю только, в какой именно местности находится ваша почтенная обитель, — начал Боя.

— Неподалеку отсюда, — отвечал Цзыци. — Деревня *Цзисянь, в горах Мааньшань, и будет та самая глушь.

— Деревня Цзисянь, — повторил Боя и одобрительно кивнул головой. — Действительно, «собрание талантов». А каково же ваше благородное занятие?

— Рубкой дров я занимаюсь, — ответил Цзыци.

Боя усмехнулся.

— Господин Цзыци, — обратился он к гостю, — я простой чиновник и в своих словах не должен был бы выходить за пределы дозволенного, но разрешу себе нескромность заметить, что на вашем месте я не избрал бы себе такой участи. Почему бы вам с вашим талантом, с вашими знаниями не добиваться почестей и славы, не занять должного места при дворе и не оставить в истории своего имени? Почему, напротив, вы ограничиваете свои стремления и мечты лесами и ручьями, допускаете, чтобы следы ваши терялись среди следов простых дровосеков и пастухов, почему пропадаете здесь в безывестности?

— По правде говоря, — сказал Цзыци, — в семье нашей лишь престарелые родители мои да я. Живу я жизнью дровосека, чтобы провести возле отца и матери остаток лет их, и на должность, будь она сопряжена со всеми почестями княжеского званья, не согласился б променять и дня забот о стариках.

— Такая сыновняя почтительность поистине редка! — воскликнул Боя.

За разговором шло время. Гость и хозяин, то один, то другой, поднимали чарки и любезно потчевали друг друга. Цзыци, как говорится, был «равно спокоен и при унижении, и при возвеличении», и Боя все больше и больше проникался к нему симпатией и уважением.

— Которая же это весна в цветущей вашей молодости? — спросил он у Цзыци.

— Попусту прожил уже двадцать семь лет.

— Я на десять лет старше вас, но если б вы не отказались скрепить союзом братским эту встречу и братьями впредь называться, то это было бы подлинной дружбой людей, понимающих звук.

Цзыци рассмеялся:

— Нет, высокопочтенный, вы изволите заблуждаться. Вы — знаменитый вельможа важной страны, я же — ничтожество какое-то из глухого края. Мне ли до вас тянуться так высоко и подвергать вас унижению, хотя бы самим снисхождением ко мне.

Боя ответил на это:

— Знакомых всяких полон свет, но много ль близких нам друзей? Скромный чиновник, я в заботах мечусь в мире сует и возможность близкой дружбы с человеком высокой души и большого таланта поистине считаю величайшим счастьем всей моей жизни. И если при этом вы говорите о богатстве и знатности, о бедности и простоте как о препятствиях к дружбе, то к какому же тогда разряду людей вы причисляете меня, Боя?

И, приказав отроку сменить свечи и вновь воскурить ароматы, они с Цзыци тут же, в каюте, преклонили колена. Боя как старший, Цзыци как младший торжественно поклялись отныне и впредь называться братьями и ни в жизни, ни в смерти не изменять этой дружбе.

Боя велел снова подать вина. Теперь уже Цзыци настоятельно предлагал Боя занять почетное место. Уступив Цзыци, Боя наконец

переставил чарки, переложил *палочки, и Цзыци занял место младшего. Обращаясь друг к другу, как брат к брату, они вели задушевную беседу. А ведь

*Когда с тобой желанный гость,
не устает душа;
Когда понявший звук с тобой,
беседе нет конца.*

Увлеченные разговором, они не заметили, как побледнела луна и поредели звезды. Начало светать. Люди на судне уже были на ногах — они налаживали паруса и снасти, готовясь в путь. Цзыци стал прощаться. Боя поднес другу чарку вина, взял его за руку, вздохнул и сказал:

— Дорогой брат, почему так поздно встретились мы с вами и почему должны так быстро расстаться!

У Цзыци невольно скатилась в чарку слеза. Он залпом выпил до дна, налил ответную чарку и поднес ее Боя. Оба чувствовали душевное влечение и привязанность друг к другу, и им жаль было расставаться.

— Душа остается с неудовлетворенными чувствами, — сказал Боя, — и хочется вас удержать, чтобы вместе попутешествовать хоть несколько дней. Скажите, возможно ли это?

— Мне очень хотелось бы сопровождать вас, но что поделаешь — родители мои стары, а ведь сказано: *«Пока отец и мать в живых, не странствуют далеко».

— Коль ваши почтенные родители живы, — ответил Боя, — то возвращайтесь домой и сообщите им, что едете в *Цзиньян проведать меня. Это будет совсем как сказано дальше: «А странствуешь, так знать должны, где ты».

— Не смею легкомысленно обещать и в конце концов не оправдать доверия, — ответил Цзыци. — Пообещав вам, брат мой, я должен буду выполнить уговор. Но представьте, что я не получу согласия родителей. Ведь я тогда заставлю вас где-то там, за тысячи *ли, напрасно дожидаться меня и буду чувствовать себя еще более виновным перед вами, чем теперь.

— Да, вы действительно человек благородной и искренней души. Ну ладно, тогда я сам приеду навестить вас в будущем году.

— А когда именно, дорогой брат? — спросил Цзыци. — Скажите, чтобы я мог знать заранее и встретить вас.

Боя стал считать по пальцам:

— Прошлая ночь была праздником осеннего полнолуния, нынче будет шестнадцатое число восьмого месяца. Значит, приезд мой, дорогой брат, придется опять на самую середину осени, на пятнадцатый или шестнадцатый день месяца, вот тогда я и явлюсь с визитом к вам. Но если пройдет двадцатое и я не приеду, не явлюсь и в первых числах *последнего месяца осени, тогда считайте, что я не сдержал слова и перестал быть порядочным человеком.

Боя тут же велел занести в дневник название места, где живет Цзыци, а также день свидания с ним.

— В таком случае, — сказал Цзыци, — непременно буду в те дни стоять на берегу и почтительно ждать вас. Однако уже совсем рассвело, и я прошу позволить мне откланяться.

— Пойдите, брат мой! — сказал Боя и велел отроку принести два *и золота.

Просто, ни во что не обернув слитки, Боя поднес их Цзыци и сказал:

— Скромный дар этот пусть будет на какое-нибудь лакомство почтенным вашим родителям. Мы люди духовно близкие и ныне побратимы, а потому пренебрегать ничтожностью этого подарка вы не должны.

Отказаться Цзыци не посмел. Он принял золото, вновь откланялся и с полными слез глазами вышел из каюты. Взяв коромысло и шляпу, он заткнул за пояс топор, накинул плащ и по сходям перебрался на берег.

Боя, провожая Цзыци, стоял на носу судна и, роняя слезы, прощался с другом.

Не будем говорить о том, как возвратился домой Цзыци, а продолжим рассказ о Юй Боя. Удар гонга возвестил об отплытии, и судно отчалило. Но теперь Боя было уже не до того, чтобы любоваться величественною красотой гор и рек: на всем остальном пути он с тоскою в сердце вспоминал душевного друга.

Еще несколько дней плавания, и Боя покинул судно. Далее он следовал по суше. Там, где он проезжал, становилось известным, что едет советник княжества Цзинь, и никто не решался допускать промедления или пренебрежения: всюду его ждали повозки и кони. Так он добрался до самого Цзиньяна и явился с докладом к своему повелителю.

Время летело. Миновала осень, миновала и зима, как-то незаметно ушла весна и наступило лето; Боя не переставал думать о Цзыци. И вот наконец мысль, что близок праздник полнолуния, заставила его просить властителя княжества Цзинь разрешить ему на время оставить дела, чтобы съездить на родину. Князь изъявил свое согласие. Боя собрался в дорогу и решил снова отправиться кружным водным путем. Вступив на судно, он сразу же приказал кормчему докладывать о названии каждой бухты или стоянки.

Случилось, что как раз ночью пятнадцатого числа восьмого месяца кормчий доложил, что они подъезжают к горам Мааньшань. Боя, с трудом узнав место прошлогодней стоянки, где они встретились с Цзыци, приказал стать на якорь, вбить кол и причалиться.

Ночь была ясная. В каюту сквозь красный бамбуковый занавес в дверном проеме пробивался лунный свет. Боя велел мальчику поднять занавес, а сам вышел из каюты и поднялся на палубу. Стоя на носу джонки, он смотрел на небо, на созвездие Большой медведицы. Ему казалось, будто небо и земля слились в одно необозримое пространство, где уже ничего нельзя было различить, кроме тысячи мелькающих ярким светом желтых светлячков. Любуясь этой удивительной картиной, Боя вспомнил о прошлогодней встрече с другом, когда вдвоем они сидели при луне после ливня.

«И вот я снова здесь, и опять великолепная выдалась ночь. Но он обещал ждать на берегу. Почему же никого не видно? Неужели он пренебрег обещанием? Ну да, понятно, — подумал Боя немного погодя. — Ведь мимо этих берегов проходит немало судов, а я в этот раз плыву на другом судне, откуда же ему знать, что я уже здесь? Надо сыграть. В прошлом году я привлек его игрою на цитре. Сыграю и нынче какую-нибудь мелодию. Если брат услышит, непременно придет».

Боя приказал мальчику поставить рядом с ним столик, принести цитру и возжечь курения. И вот Боя достал из футляра цитру, стал подворачивать колки и настраивать струны. Но едва он провел рукою по струнам, как уловил звуки скорби и печали в тоне струны шан. Боя прекратил игру. «Какая грусть и печаль в этих звуках! Не иначе как у брата дома горе. Ведь в прошлом году он говорил, что родители его в преклонном возрасте. Может быть, умер отец или скончалась мать. Как сын, с большим почтением относящийся к своим родителям, он, решая, что важнее, конечно, скорее нарушит слово, данное мне, нежели в такое время оставит дом. Поэтому, наверно, он и не пришел. Завтра с утра я непременно сам отправлюсь к нему и все разузнаю».

Тут Боя велел мальчику убрать цитру и столик и, спустившись к себе, лег.

Всю ночь Боя не спал. Он с нетерпением ждал, когда рассветет, но, как назло, не рассветало; ему хотелось, чтобы скорее занялась заря, но она все медлила. Он смотрел, как луна смещалась с бамбукового занавеса и как в конце концов из-за гор показалось солнце. Боя встал, умылся, причесался, оделся и велел отроку с цитрой сопровождать себя. На всякий случай Боя взял с собой десять и золота.

«Если брат в трауре, это будет поминальным подарком», — подумал он. Сопровождаемый мальчиком, Боя сошел по сходням на берег и двинулся вперед узкой дорожкой. Пройдя около десяти ли, они вышли из ущелья. Здесь Боя остановился.

— Почему вы не идете дальше, господин? — почтительно спросил мальчик.

— На юг и на север тянутся горы, а с востока на запад проходит дорога. По ней можно направиться в любую сторону: и в ту и в другую, — дорога большая, проезжая. Но как знать, в какой стороне деревня Цзисянь? Подождем кого-нибудь из здешних, расспросим толком, тогда и пойдем дальше.

Боя присел на камень передохнуть, а мальчик стал позади него.

Через некоторое время слева на дороге показался старик. Борода его свисала нитями яшмовой белизны, и волос завивался серебристым шелком. В соломенной шляпе, в грубой одежде, с посохом в левой руке, с бамбуковой корзинкой в правой, старик медленно шел по дороге.

Боя встал, оправил платье и шагнул ему навстречу с приветствием.

Старик, не торопясь, опустил на землю корзинку, подняв руки, поприветствовал Боя и спросил:

— Что изволите приказать, уважаемый?

— Разрешите узнать у вас, в какую сторону надо идти по этой дороге, чтобы попасть в деревню Цзисянь?

— И в ту и в другую сторону дорога ведет к деревне Цзисянь; но по левую руку отсюда будет Верхняя Цзисянь, а по правую — Нижняя. От одной до другой тридцать ли по большому проезжему тракту. Если вы выйдете из долины, то окажетесь как раз на полпути от обеих деревень: в одну сторону пятнадцать ли и в другую — пятнадцать. Не знаю, в какую из этих деревень вам угодно попасть.

Боя молчал. «Брат ведь умный человек, — думал он про себя, — а поступил так bestолково. Ведь знал же, что здесь две деревни Цзисянь, значит, точно нужно было сказать — Верхняя или Нижняя».

Боя все стоял в нерешительности. Тогда старик сказал:

— Вы так задумались, уважаемый: по всей вероятности, вам не объяснили, что здесь две деревни Цзисянь, так что вы не знаете, в какую из них вам идти.

— Именно так, — ответил Боя.

— Видите ли, — стал объяснять старик, — в обеих деревнях всего-то двадцать семей. Почти все это люди, которые удалились от житейской суеты и скрываются здесь от мира. Я прожил тут уже много лет, а, как говорится, когда лет тридцать живешь на месте одном — каждый тебе родня. Так что все эти люди, если не мои родственники, то уж друзья непременно. Вы, почтеннейший, вероятно, направляетесь в деревню Цзисянь к какому-нибудь другу. Так назовите только фамилию и имя того, кого вы разыскиваете, и я вам скажу, в какой деревне он живет.

— Скромному ученику вашему, — ответил Боя, — нужно было бы попасть в дом Чжунов.

Когда старик услышал слова «дом Чжунов», из его подслеповатых глаз полились слезы, и он проговорил:

— К кому-нибудь другому идти вы можете, а к Чжунам уже не стоит.

— Это почему? — в изумлении спросил Боя.

— Скажите, сударь, а кого именно разыскиваете вы из дома Чжунов?

— Я ищу Цзыци.

Старик разрыдался.

— Цзыци!.. Чжун Хуэй!.. Это ведь мой сын! — воскликнул он. — В прошлом году, пятнадцатого числа восьмого месяца, он возвращался поздно вечером из леса, и случай свел его с советником цзиньского княжества господином Юй Боя. Они долго беседовали и обнаружили общность мыслей и чувств, которая влекла их друг к другу. При расставании Юй Боя подарил сыну два и золота, и сын мой, купив книг, стал усиленно заниматься. Я же, тупой неуч, не удерживал его, и вот целыми днями он в лесу рубил дрова, а по вечерам занимался, не щадя себя. Но силы его истощились, он заболел, и в несколько месяцев его не стало...

У Боя внутри словно все оборвалось, хлынули слезы. С воплем он упал наземь и лишился чувств.

В недоумении и испуге, сам в слезах, старик Чжун стал поднимать Боя.

— Кто этот господин? — спросил он, обращаясь к мальчику.

Тот шепнул ему на ухо:

— Это и есть сам господин Юй Боя.

— Так это, значит, друг сына моего!

Тем временем Боя пришел в себя. Сидя на земле, Боя бил себя в грудь и неудержимо рыдал.

— Брат, дорогой мой! — сокрушался он. — А я еще вчера, причаливая к берегу, говорил, что ты пренебрег обещанием. Но ты, оказывается, был уже духом бесплотным в глубинах подземных потоков. Ты так одарен был! И так мало ты прожил!

Престарелый Чжун, утирая слезы, увещевал Боя.

Сдерживая рыдания, Боя поднялся и снова приветствовал старого Чжуна низким поклоном, не смея, однако, называть его почтенным дедом, а обращаясь к нему как к дяде, желая этим показать, что братские отношения его с Цыци распространяются на всех членов семьи.

— Почтенный дядюшка, тело вашего сына все еще дома или его уже похоронили?

— В двух словах и не высказать всего, — ответил тот. — Перед самой кончиной сына я со старухой своей сидел у его постели, и вот что он говорил, прощаясь с нами: «Долог или короток век — воля небес. Увы, при жизни я не смог выполнить сыновнего долга по отношению к родителям, но я хочу сдержать обещание, данное другу. Я связан словом с цзиньским советником, почтенным Боя. Так прошу после моей смерти зарыть меня на берегу у горы Мааньшань». Я не мог не исполнить последнего желания моего сына, — продолжал старый Чжун. — Холм свежей земли, справа от той узкой тропинки, где вы сейчас проходили, — это и есть могила моего сына. Сегодня сотый день после его кончины. Я шел сейчас к нему — вот взял с собой связку *бумажных денег, чтобы предать их огню перед его могилой, — и так неожиданно встретил вас.

— В таком случае прошу позволения пойти вместе с вами поклониться ему у его могилы, — сказал Боя и велел мальчику нести бамбуковую корзинку старца.

Престарелый Чжун двинулся вперед, показывая дорогу, Боя с мальчиком последовали за ним. Они снова оказались в ущелье и слева от дорожки увидели холм свежей земли. Боя оправил платье и опустил на колени.

— Брат мой, ты мудрый был при жизни, а после смерти ты светлым духом стал, и, недостойный брат твой, я этим поклоном, можно сказать, навеки прощаюсь с тобой!

И, кланяясь, Боя снова разрыдался. Плач этот потревожил жителей окрестных мест, и тот, кто мимо проходил, кто был поодаль или вблизи, — все, услышав скорбный плач, пришли узнать, в чем дело. Люди столпились возле могилы, и когда они узнали, что это придворный сановник прибыл почтить память Чжун Цыци, то каждый из них старался протиснуться вперед, поглядеть. Боя, не имевший при себе никаких жертвенных подношений, которые могли бы послужить вы-

ражением его чувств, велел мальчику вынуть из футляра цитру. Положив ее на жертвенный камень, он сел перед могилой, подобрав под себя ноги, и, обливаясь слезами, заиграл.

Когда собравшиеся услышали звуки цитры, они захлопали в ладоши, расхохотались и разошлись.

Сыграв мелодию до конца, Боя спросил:

— Дядюшка! Играя на цитре, я с бесконечной скорбью в душе оплакивал вашего сына и моего брата. Так почему же они смеялись?

— Жители деревенской глуши не понимают тонкости музыки. Услыхав звуки цитры, они сочли игру за развлечение и потому рассмеялись.

— Вот как! — проговорил Боя. — А вы не знаете, дядюшка, что я сейчас играл?

— Когда-то в молодости я и сам неплохо играл, — ответил престарелый Чжун. — Но стар нынче я, пять органов чувств моих теперь не те, смешалось как-то все, и я давно уже не разбираюсь в этом.

— Повинуясь сердцу, рука моя перебирала струны, и в песне этой я плакал о Цзыци. Я вам спою ее.

— Да! Я желал бы ее услышать, — сказал Чжун. И Боя запел:

*Вспоминаю встречу с тобой
осенью в прошлом году
на речном берегу.
Сегодня я снова пришел,
но тебя, понявшего звук,
уж не вижу.
Вижу лишь насыпь могильной земли —
сердце пронзила мне жгучая боль,
боль сердца, боль сердца, сердца боль.
Слезы невольно текут.
Как ушедшая радость горька!
Над рекой даже встали
тучи печали.
О Цзыци, Цзыци!
Цзыци, Цзыци!
Нашей дружбе с тобой
нет достойной цены.
Хоть всю землю теперь
мне до края небес обойти,
не с кем будет уж слова сказать.
Эта песня замрет,
больше мне не играть,
И цитре моей быть только с тобой,
тебе ее должен отдать.*

Тут Боя выхватил нож, рванул по струнам и, подняв цитру, со всей силой ударил ею о жертвенный камень — разлетелись золотые подставки, яшмовые колки.

— Зачем вы разбили цитру?! — воскликнул ошеломленный Чжун.

Боя ответил:

*Прекрасной цитры нет — разбита,
песне не звучать.
Ведь если нет Цзыци со мною,
для кого играть?!*
*Мне — все друзья, когда весною
веет от лица,
Но понимающего звук
трудно отыскать.*

— Как все это грустно, как грустно, — проговорил старый Чжун.

— Но скажите, дядюшка, ваш высокочтимый дом находится все-таки в Верхней или в Нижней Цзисяни? — спросил Боя.

— Убогая хижина моя в деревне Верхняя Цзисянь, восьмым домом будет. Но к чему вы снова теперь спрашиваете об этом?

Тогда Боя сказал:

— С горем и болью в сердце своем я не решусь уже последовать за вами в почтенный ваш дом. С собою у меня десять и золота. Половину этих денег позволю за сына вашего преподнести вам на какое-нибудь лакомство; другая — пусть пойдет на несколько *му жертвенной земли, и будет у вас хоть что-то на должный уход за могилой. Когда я вернусь ко двору, я подам прошение, чтобы мне разрешили оставить службу, и тогда заберу вас с тетушкой в свой скромный дом, где вы проведете положенные вам от неба годы. Я — это Цзыци, Цзыци — это я! Поэтому не считайте меня чужим и не отвергайте мою просьбу.

Тут же, приказав отроку достать золото, Боя собственноручно поднес его престарелому Чжуну и, рыдая, склонился пред ним. Чжун ответил поклоном. Долго еще не могли они расстаться.

Рассказ этот называется «Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру». Впоследствии, восхищаясь этой дружбой, кто-то написал следующие стихи:

*Богатый и властный с подобным себе
дружбу легко заведет,
Но вспомнит ли кто из ученых мужей
друга, понявшего звук!
Покинул давно мир сует Чжун Цзыци,
умер давно Юй Боя,
А преданье о цитре разбитой живет
тысячу лет среди людей.*

14. ТАН-ЦЗЕЮАНЬ ШУТЯ ДОБИВАЕТСЯ ЖЕЛАННОГО БРАКА

**Трубят в рога, бьют в колотушки ночью,
чуть рассветет — кричит петух.
То солнце высоко взойдет,
то клонится к земле луна.
За осенью зима,
за ней — весна и лето;
На север, юг идут повозки, лодки
иль следуют на запад и восток.
Посмотришь в зеркало — уж лет черед прошел,
и свой состарившийся облик видишь.
Как перепутано все в нашем мире,
нигде ни в чем порядка не найдешь.
И коль средь этой суеты
захочешь обрести мгновения покоя,
Кувшинчик выпей кислого вина
и блюдом овощей соленых закуси.*

Ч

еловек, написавший эти стихи, был родом из уезда *Усянь. Фамилия его Тан, имя Инь, *второе имя Боху. Ума он был исключительного, эрудиции необычайной. Одинаково искусен был он и в *каллиграфии, и в живописи, и в музыке. Стоило ему взять в руки кисть — ария или ода, стихи или проза тотчас ложились на бумагу. Человек вольнолюбивый, он был выше предрассудков и пренебрегал почестями и богатством.

Родился он в городе Сучжоу, а потом семья его переехала в местечко Уцуй.

Когда Тан Инь был еще *сюцаем, он в подражание стилю *«нанизывания жемчуга» сочинил больше десяти стихотворений под названием «Напевы о цветке и луне», в каждой строке которых есть слова «цветок» и «луна».

Например, такие строки:

*В широких просторах тень шелохнулась,
цветок кивает луне.
Люди давно возвратились в покой,
луне не расстаться с цветком.*

Или вот еще:

*Смотрит луна из-за тучки украдкой
на нежную прелесть цветка.
Ночью глубокой цветок засыпает,
сияньем луны озарен.*

Подобных строк было в них еще много. Стихи эти вызывали восхищение. Цао Фэн, градоначальник Сучжоу, прочитав эти стихи, высоко оценил талант их автора. Случилось так, что государственные экзамены в области должен был принимать Фан Чжи, инспектор школ. Цао Фэн рекомендовал ему Тан Иня как одаренного и достойного человека. Надо сказать, что Фан Чжи был ярким противником поэзии, подражающей древним стилистам. Когда ему стало известно, что Тан Инь позволяет себе вольности и часто не считается с правилами этикета, он собирался вынести Тан Иню порицание и даже наказать его; воздержался он от этого только благодаря настояниям Цао Фэна. Тан Иню, таким образом, удалось избежать неприятностей, но до экзаменов он допущен не был. Лишь перед самыми экзаменами Цао Фэн добился своего. И хотя имя Тан Иня последним значилось в списке *«пропущенных талантов», но, как бы то ни было, он стал *цзеюанем.

К тому времени, когда Тан Инь прибыл в столицу для сдачи экзаменов на высшую ученую степень, слава о его незаурядных талантах еще больше возросла. Вельможи и князья, не считаясь со своим высоким положением, старались подружиться с поэтом и знакомство с ним почитали за честь.

В то время столичными экзаменами ведал *Чэн, управляющий делами наследника престола. Преследуя свою личную выгоду, он часто практиковал продажу тем экзаменационных сочинений. Теперь, побаиваясь людских пересудов, он искал человека, давно известного своими талантами. Чэн надеялся, что заслужит всеобщее одобрение, если в списке выдержавших экзамен на первом месте будет значиться фамилия действительно достойного человека. Узнав, что в числе экзаменующихся находится Тан Инь, Чэн очень обрадовался и собирался провести его как первого кандидата, выдержавшего экзамен на степень *цзиньши.

Тан Инь знал об этом и как-то, по простоте душевной, за вином похвастался:

— Могу сказать определенно, что в этом году первым на экзаменах пройду я!

Многим было известно, что Чэн небезупречен в делах, да тут еще и чувство зависти к талантам Тан Иня, и люди подняли шум, повсюду рассказывая о несправедливости главного экзаменатора. Об этом был подан доклад императору. Вскоре появился указ, по которо-

му Чэна сняли с поста экзаменатора и разжаловали; кроме того, и его и Тан Иня посадили в тюрьму.

Когда Тан Инь был освобожден и вернулся в родной город, он окончательно отбросил мысль о карьере и славе и всецело предался вину и стихам. Все величали его Тан-цзеюань. Каждым листочком с его каллиграфией, каждым его рисунком и стихом дорожили, как драгоценностью.

Тан Инь в то время особенно увлекался живописью. Какие бы чувства ни овладевали им — радость или гнев, печаль или блаженство — все они находили отражение в его рисунках. Любой его рисунок брали нарасхват, не считаясь с ценой. У Тан Иня есть стихотворение «О сокровенном», где именно об этом говорится:

*Эликсир бессмертья не варю,
не предаюсь и созерцанью;
Торговля не моя стезя,
не стал я также хлеборобом.
Расписывая шелк в порыве вольном,
ценителям искусства раздаю
И не прошу,
чтоб мне за труд платили.*

Но поведу свой рассказ дальше. Из шести ворот Сучжоу — Фэнмэнь, Паньмэнь, Суймэнь, Чанмэнь, Лоумэнь, Цимэнь — самое оживленное место — Чанмэнь: сюда стекаются лодки, экипажи. Поистине,

*По лестницам вверх-вниз
три тысячи зеленых рукавов.
Миллионы золотых монет
стекаются сюда.
Уж близится рассвет. И нет конца
торговле шумной той,
И в гуле бесконечных голосов
наречия со всех концов страны.*

Как-то раз Тан Инь очутился в районе Чанмэнь. Он сидел на борту большой прогулочной джонки в окружении литераторов, которые пришли поприветствовать знаменитого поэта и протягивали ему свои веера, чтобы он нарисовал или написал им что-нибудь на память. Тан Инь сделал тушью несколько набросков и написал несколько четверостиший. Между тем слух о том, что здесь сидит знаменитый поэт, распространялся, и все больше и больше народу сходилось на берег. Тан Иню все это наскучило, и он приказал слуге подать большой кубок вина. Опершись на окно, он принялся за вино, как вдруг его взору представилась разрисованная джонка, которая, покачиваясь на волнах, плыла мимо. Блестящее убранство джонки бросалось в глаза. Молодая служанка с очаровательным лицом и стройным тонким станом стояла у окна каюты. На женщине было синее платье. Выглядывая из окна, она пристально смотрела на Тан Иня и улыбалась, рукой прикрывая ротик. Джонка проплыла мимо. Приведенный в душевное смятение прекрасным обликом служанки, Тан Инь стал расспрашивать лодочников, не знают ли они, кто хозяин джонки.

Оказалось, что владелец ее — ученый Хуа из *Уси. Тан Инь решил тотчас отправиться в погоню и стал громко кричать, надеясь, что удастся подзвать какую-нибудь маленькую лодку. Но ни одной лодки поблизости не оказалось. Поэт был в полном отчаянии; он собрался было послать слугу на поиски, но увидел, что из города выплывает какая-то джонка. Мало заботясь о том, свободна она или нет, Тан Инь стал громко кричать и махать руками, призывая джонку к себе. Когда джонка подошла к берегу, из каюты вышел какой-то человек.

— Боху, куда это тебе вдруг так срочно понадобилось? — спросил он, обращаясь к Тан Иню.

Тан Инь взглянул на говорившего: это был не кто иной, как его близкий друг *Ван Яи.

— Тороплюсь навестить одного друга, который приехал издалека, поэтому и спешу. А ты куда держишь путь?

— Я с родичами направляюсь в *Маошань возжечь в храме свечи. Через несколько дней вернемся.

— Я тоже собирался съездить туда, но все не было попутчиков. Раз я тебя сегодня встретил, уж воспользуюсь случаем.

— Ну, если хочешь ехать, отправляйся поскорее домой и собери все, что нужно. Я здесь причалю и буду тебя поджидать.

— Незачем мне заходить домой. Сразу и поедем.

— Надо же взять ароматические свечи и *прочее.

— Приедем в Маошань, там все куплю.

Тан Инь отослал домой слугу и, не попрощавшись с людьми, которые ожидали, пока он им что-либо напишет или нарисует, прыгнул в джонку приятеля. Едва успев обменяться приветствиями с Ван Яи и его попутчиками, Тан Инь закричал:

— Отчаливайте поскорей!

Лодочники, услышав, что новый пассажир — это Тан Инь, не посмели ослушаться и тут же взяли за багры и весла.

Вскоре Тан Инь увидел впереди ту самую разрисованную джонку и тотчас приказал лодочникам идти за ней следом. Никто не знал, с чем было связано такое распоряжение, но возражать Тан Иню не стали. На другой день приехали в Уси. Заметив, что джонка, которую он преследовал, входит в город, Тан Инь обратился к своим спутникам:

— Было бы непростительно, попав сюда, не захватить с собой *хуэйшаньской воды. Прикажете лодочникам: пусть они поедут туда набрать воды из источника. Мы их здесь подождем и завтра двинемся дальше. А пока сойдем на берег и прогуляемся по городу.

Лодка отчалила, а Тан Инь и его друзья сошли на берег и направились в город. В самом оживленном и многолюдном месте Тан Инь отстал от друзей и, оказавшись в одиночестве, стал разыскивать разукрашенную джонку. Не зная города, он метался то туда, то сюда, но джонки и следа не было. Наконец он вышел на какую-то широкую улицу и вдруг услышал крики: «Дорогу! Поберегись!»

Тан Инь остановился. Справа приближался роскошный паланкин, который несли человек десять, за ним толпой следовали служанки.

С древних времен говорят: коль суждено, так встретишь и на краю света — среди сопровождавших паланкин девиц была и та, в синем платье, которую он увидел у ворот Чанмэнь.

Обрадованный, Тан Инь не выпускал паланкин из виду.

Процессия остановилась у большого здания. Женская прислуга вышла приветствовать прибывших, и вскоре все скрылись за воротами. Тан Инь узнал от прохожих, что дом этот принадлежит ученому Хуа и что в паланкине приехала его жена.

Собрав эти сведения, Тан Инь расспросил, как пройти к реке. На условленном месте его уже поджидала джонка, вернувшаяся из Хуэйшаня. Вскоре подошли Ван Яи и вся компания.

— Куда же это ты пропал? — спрашивали Тан Иня приятели. — Заставил нас искать тебя по всему городу.

— Сам не знаю, как это случилось, — ответил тот. — Как только мы попали в толпу, я вас потерял. Города я совсем не знаю, полдня потратил на то, что расспрашивал дорогу, и вот только теперь сумел добраться сюда.

О том, что было на самом деле, Тан Инь ни словом не обмолвился. Посреди ночи, во сне, Тан Инь начал вдруг кричать не своим голосом. Перепуганные друзья разбудили его и стали расспрашивать, что с ним.

— Только что во сне мне явилось божество в золотой кольчуге с золотой палкой в руках. Оно обрушилось на меня с палкой, ругая за то, что я отправился возжечь курения без должного благочестия. Я пал ниц перед божеством, молил о прощении и обещал, что месяц буду жить в уединении и поститься, а затем отправлюсь с покаянием в Маошань. Завтра с рассветом вы поедете дальше, а я вернусь на некоторое время домой. Придется нам расстаться.

Все поверили рассказу Тан Иня.

Когда рассвело, около них как раз оказалась небольшая лодка, которая, как выяснилось, держала путь в Сучжоу. Тан Инь простился с друзьями и пересел в нее. Проехав немного, он сказал лодочнику, что забыл кое-какие вещи и должен возвратиться в город. Лодка повернула и вскоре причалила к набережной.

Расплатившись с лодочником, Тан Инь отправился на постоянный двор. Там он распорядился, чтобы ему принесли старое платье и поношенную шапку, переделся во все это и стал похож на бедняка. В таком облачении он пришел в закладную лавку, которую содержал при своем доме господин Хуа, сделал вид, что собирается заложить свои вещи, и заговорил с управляющим лавкой. При этом он держал себя очень скромно, говорил тихо.

— Фамилия моя Кан, имя Сюань, родом я из Усяни, — представился Тан Инь управляющему. — Я неплохо умею писать и жил тем, что учительствовал в одном месте; а вот недавно у меня умерла жена, я потерял место и теперь остался совершенно один, без средств к существованию. Я бы хотел попасть в услужение в какой-нибудь знатный дом и работать переписчиком. Не нужен ли такой человек, как я, вашему хозяину? Если он возьмет меня, я буду очень благодарен и никогда этого не забуду, — сказал в заключение Тан Инь, *вытащил из рукава листочек, на котором было написано несколько строк образцовым почерком, и передал его управляющему.

Увидев, что иероглифы написаны очень красиво и аккуратно, управляющий сказал Тан Иню:

— Сегодня вечером я буду у хозяина и скажу ему о тебе. Зайди завтра за ответом.

Действительно, в этот же вечер управляющий показал хозяину образец письма случайного посетителя.

— Хорошо написано, — хвалил ученый, рассматривая листок. — Не похоже на почерк простого грамотея. Пусть завтра придет ко мне.

Когда на следующее утро Тан Инь явился в закладную лавку, управляющий провел его к хозяину. Тан Инь приветствовал ученого низким поклоном. Взглянув на посетителя, господин Хуа понял, что имеет дело не с простолудином. Он узнал фамилию, имя пришельца, спросил откуда он родом, а затем поинтересовался:

— Приходилось ли вам когда-либо заниматься *классическими книгами?

— В детстве я сдавал экзамены за начальную школу, но дальше этого дело не пошло, — ответил Тан Инь. — Классические книги, правда, я еще до сих пор помню.

— Какие, например?

Тан Инь изучал «Книгу исторических деяний» и фактически хорошо разбирался во всем «Пятикнижии», но поэт знал, что ученый интересуется «Книгой перемен», и потому ответил:

— «Книгу перемен».

Ученый очень обрадовался.

— Писцов и переписчиков у меня хватает, но я могу вам предложить состоять при моем сыне и следить за его занятиями, — сказал он.

Затем господин Хуа спросил у Тан Иня, каковы его условия.

— Ни о каком вознаграждении я не осмелюсь просить. Хотел бы только получить кое-какие вещи, чтобы приодеться, и, если потом я смогу вам угодить, просил бы женить меня на хорошей женщине. Этого мне было бы вполне достаточно.

Такой ответ еще больше обрадовал ученого. Он тут же приказал управляющему подыскать в закладной лавке для Тан Иня подходящее платье и дал Тан Иню *новое имя, Хуа Ань. Тан Иня провели в комнату для занятий, где представили сыну господина Хуа.

Молодой человек давал Тан Иню переписывать рукописи, и Тан Инь, замечая ошибки в иероглифах или фразах, всегда исправлял их.

— Вы, оказывается, прекрасно разбираетесь в литературе, — сказал Тан Иню сын хозяина, просмотрев его исправления и удивившись тому, как хорошо все сделано. — Когда же вы бросили учиться?

— Я все время занимался, и только нужда заставила меня идти в услужение.

Хозяйский сын был очень доволен Тан Инем и попросил его исправлять его ежедневные уроки. Тан Инь делал это с большим усердием и так искусно, что в его руках, как говорится, железо становилось золотом. Иногда, если тема сочинения была непонятной и трудной, Тан Инь объяснял ее. Когда у Хуа-сына что-либо не получалось, Тан Инь писал за него сам. Учитель молодого Хуа, видя, как преуспевает его ученик, как-то раз похвалил его перед хозяином. Тогда господин Хуа попросил принести последние сочинения сына.

— До этого мой сын сам не мог дойти, — произнес вслух Хуа, покачивая головой, когда проглядел сочинения. — Если все это не списано, то безусловно сделано за него кем-то другим.

Он велел позвать сына и стал расспрашивать его. Тот не посмел скрывать и признался, что все это результат исправлений Хуа Аня.

Ученый был немало удивлен; он приказал позвать Хуа Аня, дал ему тему и предложил тут же написать на нее сочинение.

Нисколько не задумываясь, Тан Инь взялся за кисть, и сочинение тотчас было готово. Когда он протягивал свое сочинение ученому, тот заметил, что у него нежные руки и что на левой руке шесть пальцев. Хуа стал читать сочинение: и стиль, и мысли в нем были прекрасны; по иероглифам можно было судить об искусном каллиграфе. Все это привело хозяина в восхищение.

— Раз ты так искусен в современном литературном стиле, то, наверно, знаком и с произведениями древности, — сказал Хуа и взял Тан Иня к себе в качестве секретаря.

Когда надо было написать какое-нибудь письмо или доклад, Хуа лишь излагал новому секретарю свои соображения, а зачастую просто поручал ему писать вместо себя; ему же поручили вести книги в закладной лавке. В бумагах, написанных секретарем, ученому никогда не приходилось что-либо добавлять или отбрасывать. С каждым днем хозяин все больше доверял Тан Иню и удостаивал его своими милостями и наградами куда больше, чем остальных служащих. Тан Инь обычно на хозяйские награжденные покупал вино или какие-нибудь яства, щедро угощал других, работавших в кабинете ученого, и не было в доме человека, кто не полюбил бы нового секретаря. Вот почему Тан Иню удалось без особого труда разузнать кое-что о молодой служанке в синем платье, которую он впервые увидел в джонке. Ее звали Цюсян, и прислуживала она самой госпоже Хуа, ни на минуту не отлучаясь от своей хозяйки, так что повидать ее не было никакой возможности.

Стоял как раз конец весны, и Тан Инь на мотив «Песни об иволге» сложил стихи, в которых изливал свою тоску:

*Ветер и дождь провожают весну,
*Тоскует кукушка,
В вихре кружатся цветов лепестки.
Ворота богатого дома закрыты,
Мхом зарастает заброшенный двор.
Поник, обгорев, одинокий светильник,
Незанятый край одеяла свисает,
Со мной лишь моя одинокая тень,
И капают, капают горькие слезы.
Не сбылись надежды вернуться домой,
Напрасно мечтал я о встрече с любимой,
Весенние грезы — за гранью небес.*

Как-то раз, случайно зайдя в комнату Тан Иня, господин Хуа увидел на стене эти стихи. Он понял, что сочинил их его секретарь, и стал еще больше расхваливать его. Однако ученый тогда не предполагал, что его секретарь в своих стихах имеет в виду самого себя. Их печальное настроение он почел естественным порою для любого молодого человека в полном расцвете сил.

Случилось, что в это время управляющий закладной лавкой заболел и умер. Господин Хуа временно поручил своему секретарю исполнять его обязанности. Больше месяца Тан Инь заведовал лавкой. К своим обязанностям он относился весьма добросовестно и честно. Господин Хуа собирался окончательно передать ему эту должность, но считал, что на холостяка нельзя полагаться в делах так, как на женатого. Посоветовавшись по этому поводу с женой, ученый позвал сваху и попросил ее подыскать для нового управляющего лавкой подходящую жену.

Тан Инь дал свахе три *лана серебра и попросил передать от его имени госпоже Хуа, что он отлично понимает, что господин и госпожа благодетельствовали ему и что та милость, которую они ему теперь оказывают, собираясь его женить, безгранична, как земля и небо. Он просил также передать, что хотел бы получить в жены какую-либо служанку из дома Хуа; иначе, мол, если ему в жены подберут женщину из другого дома и она не будет знакома с обычаями и нравами семьи Хуа, то это окажется не совсем удобным.

Сваха все это передала госпоже, а та — мужу.

— Ну что ж, — сказал Хуа, — так не только ему, но и нам будет удобнее. Однако не следует забывать, что, когда Хуа Ань нанимался к нам на работу, он не требовал никакой платы и только выразил надежду, что ему подберут хорошую жену. Сейчас он у нас в доме доверенное лицо и лучший работник, и потому, если жена придется ему не по душе, трудно быть уверенным в том, не примет ли он какого-либо иного решения. Думаю, лучше всего позвать его в гостиную, собрать туда всех служанок и предложить ему самому выбрать одну из них.

— Ты прав, — ответила жена господина Хуа, кивнув головой в знак согласия.

В тот же вечер хозяйка дома сидела в главном зале, ярко освещенном свечами. По обе стороны, выстроившись в ряд, стояли служанки — человек двадцать, — разодетые в самые лучшие платья. Все это выглядело так, будто *богиня Запада сидит в Яшмовом дворце, окруженная своими феями.

Госпожа приказала позвать управляющего закладной лавкой.

Войдя в зал, Тан Инь низко поклонился хозяйке, и та сказала:

— Господин говорил, что ты усерден в работе, и мы решили сосватать тебя. Так вот, выбирай из этих служанок любую.

С этими словами она приказала старой мамке взять свечу и осветить управляющему, чтобы он мог лучше разглядеть каждую из них.

Тан Инь оглядел всех служанок: многие были хороши собой, однако Цюсян среди них не оказалось. Тогда он отошел в сторону и стал там, не говоря ни слова.

— Спроси Хуа Аня, которая ему понравилась? — приказала госпожа мамке. — Пусть он ту себе и берет.

Тан Инь продолжал молчать. Госпоже это не понравилось.

— Уж слишком ты требователен и разборчив! — сказала она Тан Иню. — Неужели из всех этих служанок нет ни одной, которая пришлась бы тебе по вкусу?

— Благодарен вам за исключительную милость и за то, что мне самому дозволено выбрать себе жену. Как я, ничтожный человек,

смогу отблагодарить за все это, право, не представляю. Но здесь еще не вся личная прислуга госпожи. А коли уж госпожа столь добра, то я хотел бы видеть их всех.

— Ты, пожалуй, думаешь, что мне жалко тебе их показать, — засмеявшись, сказала хозяйка дома. — Ладно, позовите и тех четырех с моей половины, — распорядилась она. — Пусть посмотрит, пусть будет так, как он хочет.

Надо сказать, что те четыре служанки — каждая имела свои обязанности и звали их Чуньмэй, Сяцин, Цюсян и Дунжуй. Чуньмэй ведала головными украшениями, румянами и белилами; в ведении Сяцин находилось приготовление ароматов и чая; Цюсян отвечала за платья всех четырех времен года; на обязанности Дунжуй лежали вина, фрукты и сладости.

Поспешив на зов госпожи, служанки не успели переодеться и пришли каждая в чем была. На Цюсян было прежнее синее платье.

Мамка ввела служанок в зал, и они стали за спиной своей хозяйки. В зале ярко горели свечи, и было светло как днем. Тан Инь сразу же заметил среди них ту, которая покорила его своей красотой, но продолжал стоять, не раскрывая рта. Догадливая старая мамка подошла к нему сама и спросила:

— Ну, кого же ты выбрал?

Тан Инь отлично знал имя своей избранницы, но не посмел называть его и, указывая на нее пальцем, произнес:

— Если бы вон ту, в синем платье, я был бы вполне удовлетворен.

Госпожа оглянулась на Цюсян и улыбнулась. Затем она попросила управляющего покинуть зал.

Тан Инь вернулся в лавку с радостью и тревогой в душе. Он был доволен тем, что все так хорошо складывалось, но боялся, как бы дело не сорвалось. И вдруг он случайно бросил взгляд на луну, яркое сияние которой освещало все вокруг, как днем.

Шагая взад и вперед по комнате, он стал *скандировать стихи:

*В зелени тополя ветер стихает,
птицы на ветках находят приют;
Думы мои, безнадежные думы
позднею ночью уснуть не дают.
Высказать думы и чувства мои
трудно мне тем, кто меня окружает, —
Ясной луне я поведаю их,
синее небо пусть их узнает.*

На следующий день жена господина Хуа рассказала обо всем мужу. Для Тан Иня была отведена брачная комната, приготовлена кровать с пологом, различная мебель, утварь, — чего только там не было. Кроме того, вся прислуга без конца несла Тан Иню, как будущему управляющему, подарки, и его комната выглядела теперь так, словно на парадной разукрашенной открытке.

Был выбран *благоприятный день для свадьбы. Господин Хуа с супругой взяли на себя обязанность главных распорядителей брачной церемонии. В парадном зале совершили торжественный обряд, а

затем молодых под звуки музыки ввели в их новую комнату. Там Тан Инь и Цюсян *«соединили чаши» и стали мужем и женой.

Нечего здесь и говорить о том, как они были счастливы.

Ночью Цюсян сказала Тан Иню:

— Ваше лицо мне очень знакомо. Где же я вас видела?

— Подумай сама, — ответил Тан Инь.

Прошло несколько дней, и однажды Цюсян спросила мужа:

— Не вас ли я видела в большой прогулочной джонке возле ворот Чанмэнь?

— Да, это был я, — с улыбкой ответил Тан Инь.

— Если так, то зачем же вы нанялись в этот дом? Вы ведь не простолудин?

— Я не мог забыть улыбки, которой ты одарила меня, проезжая мимо на джонке. Поэтому мне и пришлось так поступить, чтобы снова тебя встретить.

— Из своей лодки я заметила, что вас окружали молодые люди, которые протягивали вам свои веера и наперебой просили вас написать или нарисовать им что-нибудь. А вы, не обращая на них никакого внимания, облокотились на окно и стали пить вино так, будто возле вас никого и не было. Тогда-то я и поняла, что вы не из простых людей, и невольно улыбнулась.

— Если ты сумела в простом человеке признать ученого, — ответил ей Тан Инь, — то тебя поистине можно сравнить с *Хунфу и *Вэньцзюнь.

— Затем, — продолжала Цюсян, — я как будто еще раз видела вас уже здесь, на улице Наньмэнь.

— Ну и острые у тебя глаза! — с улыбкой заметил Тан Инь. — Действительно, это так.

— Если вы не простолудин, то кто же вы на самом деле? Могу ли я узнать вашу настоящую фамилию и имя?

— Я — Тан Инь из Сучжоу. Сама судьба подарила мне нашу встречу, и все получилось так, как я хотел. Теперь я тебе все объяснил, и ты понимаешь, что оставаться я здесь больше не могу, а с тобой я хотел бы прожить вместе до самой старости. Так скажи, согласишься ли ты уехать со мной отсюда?

— Если вы, знатный и ученый человек, ни с чем не посчитались и решили снизить до меня, простой служанки, как осмелюсь я поступить против вашей воли и не последовать за вами?

На следующий день Тан Инь взял книгу расходов по лавке, подвел все итоги и написал подробный счет, затем составил счет на платья и украшения, полученные от хозяина, включив сюда также и постель с пологом и всю утварь, которая ему была дана при женитьбе. Другую опись он составил на все подарки, которые ему были преподнесены в этом доме. Ни одной ниточки не хотел он унести с собой из дома ученого.

Все три счета Тан Инь сложил в книжный шкафчик, ключ от которого оставил в замке. Затем он написал на стене следующие стихи:

*Решив однажды на досуге побродить,
поехал я в *пещеры Хуаяна,*

*Но с полдороги вдруг обратно повернул
в погоне за красавицей прелестной.
Повсюду следовать хотел я за Хунфу
и с ней одной делить уединенье.
Посмел просить у благородного *Чжу Цзя
пристанища усталому бродяге.
Уж раз добился я успеха своего,
так можно ли смеяться надо мною!
Хотя и бросил дом ничтожный ваш слуга,
но полон он стыда за свой поступок.
И если господин желает знать,
кто я такой на самом деле —
В моей фамилии и в имени моем такой же верх,
как в иероглифах Кан Сюань.*

В тот же вечер Тан Инь нанял маленькую лодку, велел подать ее к дому Хуа и ночью, когда все спали, запер свою комнату и покинул дом ученого. Вместе с Цюсян они сели в лодку и отправились в Сучжоу.

Утром слуги нашли комнату Тан Иня запертой на замок и тотчас побежали доложить об этом хозяину. Когда по приказу Хуа комната была открыта, хозяин увидел, что все в ней осталось так, как было; в книжном шкафчике он нашел три счета, составленные с предельной точностью.

Ученый задумался: он не мог понять, что бы все это могло означать. Подняв голову, он увидел стихотворение, написанное на стене. Стихи ясно говорили ему, что его слуга в действительности был не Кан Сюанем, как он отрекомендовал себя вначале, но хозяин никак не мог понять, что же в конце концов заставило этого человека так долго пробыть в его доме. В честности секретаря он не сомневался, так как у него не пропало ни гроша. Не мог он понять и того, как Цюсян согласилась убежать вместе с ним; не знал, где находятся теперь беглецы.

«Не беда, что пропала служанка, — думал про себя господин Хуа. — Но надо бы хоть выяснить, в чем тут дело».

Поразмыслив, хозяин велел своим слугам позвать людей из областного управления, изложил им все, как было, дал денег и поручил найти Кан Сюаня и Цюсян. Те разыскивали их повсюду, но так и не попали на их след.

Прошло больше года, и господин Хуа почти забыл об этом происшествии. Однажды он случайно оказался в Сучжоу, куда поехал навестить друга. Когда он проходил мимо ворот Чанмэнь, слуга, сопровождавший его, обратил внимание на какого-то ученого, который в книжной лавке рассматривал книги. Лицом и всем своим обликом ученый очень походил на Хуа Аня. На левой руке у него было шесть пальцев. Слуга поспешил доложить об этом хозяину. Тот, не поверив, снова послал его в лавку и велел внимательно присмотреться к этому человеку и узнать его фамилию и имя.

Когда слуга подходил к лавке, ученый, разговаривая с кем-то, уже спускался к выходу. Пронырливый слуга решил не упускать случая и тихонько последовал за ними. Те направились к воротам Тун-

цзымэнь и сели там в лодку. С ними было четверо или пятеро слуг. Внимательно разглядев ученого, слуга окончательно убедился в том, что это не кто другой, как Хуа Ань. Для верности слуга вернулся в книжную лавку и спросил хозяина, кто это сейчас рассматривал у него книги.

— Это почтенный цзеюань Тан Боху. Сегодня он пирует у *Вэнь Хэншаня на лодке.

— Значит, тот человек, который с ним вместе вышел отсюда, и есть господин Вэнь Хэншань? — поинтересовался слуга.

— Нет, это *Чжу Чжишань, тоже известный ученый.

Слуга в точности передал все своему хозяину. Крайне удивленный, Хуа призадумался:

«О Тан Ине, его проделках и легкомыслии я давно слышал. Неужели Хуа Ань — это он?! Завтра же отправлюсь к нему с визитом, чтобы убедиться, так это или нет».

На следующий день господин Хуа отослал Тан Иню свою визитную карточку, а затем сам отправился в Уцзюй, где жил поэт. Хозяин поспешил выйти навстречу гостю. Обменявшись приветствиями, хозяин и гость уселись друг против друга. Господин Хуа, еще и еще раз внимательно присмотревшись к поэту, окончательно убедился в том, что перед ним Хуа Ань.

Когда Тан Инь стал угощать гостя чаем, господин Хуа обратил внимание на белые, как яшма, руки хозяина и на шестой палец на его левой руке. Хуа хотел было расспросить его обо всем, но как-то затруднялся начать разговор.

После чая Тан Инь пригласил гостя посидеть у него в кабинете. Господин Хуа, сомнения которого еще не были разрешены, охотно согласился. В кабинете все было аккуратно прибрано, во всем был виден порядок.

Вскоре было подано вино, за которым гость и хозяин просидели немало времени. Наконец Хуа завел разговор на интересовавшую его тему.

— В вашем уезде, — начал он, — живет некий Кан Сюань. Человеку этому не удалось окончить свое образование. Несмотря на это, он прекрасно разбирается в литературе. Не знаете ли вы его?

— Н-да, — как-то неопределенно протянул Тан Инь.

— В прошлом году, — продолжал Хуа, — он нанялся ко мне секретарем. Я назвал его Хуа Анем. Первое время он занимался с моим сыном, потом я поручил ему ведать перепиской в моем кабинете и в конце концов сделал управляющим закладной лавкой. Так как он не был женат, я предложил ему на свой вкус выбрать в жены какую-либо служанку. Он выбрал Цюсян. Через несколько дней после свадьбы он со своей женой бежал, не взяв никаких вещей, так что я никак не мог понять причину его исчезновения. Я разослал в разные места людей, чтобы навести о нем справки, но его так и не нашли. Может быть, вам что-нибудь известно об этом?

Тан Инь опять пробурчал что-то невнятное.

Было ясно, что хозяин не хочет ничего вразумительного ответить, и господин Хуа не выдержал.

— Человек этот был очень похож на вас; на левой его руке тоже был шестой палец, — заявил Хуа. — Не кажется ли вам странным такое совпадение?

И на это Тан Инь ничего определенного не ответил. Через какой-то миг он вдруг поднялся с места и вышел из кабинета. Хуа тем временем стал рассматривать книги, лежавшие на столе. В одной из них гость нашел листок со стихами. Это оказались как раз те самые стихи, которые господин Хуа прочел на стене в комнате управляющего.

И тут в кабинет вернулся Тан Инь.

— Эти стихи, — сказал господин Хуа, протягивая ему листок, — сочинены Хуа Анем. В почерке, которым они написаны, я узнаю его руку. Как вышло, что они оказались здесь, в вашем кабинете? Ведь не случайно же все это. Очень прошу вас объяснить мне, в чем дело, и рассеять мои сомнения.

— Позвольте об этом рассказать вам немного позже.

— Если вы мне все расскажете, я посижу, — сказал терявшийся в догадках гость, — в противном случае разрешите откланяться.

— Ответить на ваши вопросы нетрудно, прошу вас только ответить еще вина.

Хуа выпил еще. Затем Тан Инь преподнес гостю большой кубок.

— Это уж слишком, — ответил захмелевший Хуа. — Больше я не в состоянии пить. Очень прошу вас разрешить мои сомнения. Это единственное, чего бы мне хотелось, и больше мне ничего не надо.

— Прошу вас съесть хоть чашку риса, — не унимался Тан Инь.

После еды был подан чай. Незаметно наступили сумерки. Слуга зажег свечи. Совершенно сбитый с току, господин Хуа наконец поднялся и стал прощаться.

— Прошу вас, почтенный, еще немного задержаться, — остановил его Тан Инь. — Сейчас я отвечу на ваши вопросы и рассею ваши сомнения.

Приказав слуге посветить, хозяин провел гостя во внутренние покои, где ярко горели свечи, и позвал жену. Господин Хуа увидел, как в сопровождении двух служанок в комнату легкими *«лотосовыми шажками» вошла молодая женщина. Ее лицо было скрыто жемчужной бахромой головного убора.

Господин Хуа, смущенный появлением молодой женщины, хотел было удалиться, но Тан Инь удержал его за рукав.

— Это моя жена. Почтенному другу моей семьи она обязана поклониться, так что незачем вам стесняться ее.

Слуги расстелили ковер, молодая женщина подошла к гостю и четырежды земно поклонилась ему. Господин Хуа поспешил ответить на приветствие. Но Тан Инь остановил его и просил не обременять себя церемониями. Гость, не без стеснения, ответил женщине только двумя обычными поклонами и чувствовал себя чрезвычайно неловко.

Когда церемония была закончена, Тан Инь подвел молодую женщину к гостю и с улыбкой сказал:

— Прошу вас посмотреть хорошенько. Только что вы говорили, что я похож на Хуа Аня. Не признаете ли вы в этой женщине Цюсян?

Посмотрев внимательно на жену Тан Иня, господин Хуа громко рассмеялся и, поспешив еще раз ей поклониться, стал просить извинения.

— Это мне следует просить у вас прощения, — заметил Тан Инь.

Хозяин и гость вернулись в кабинет. Тан Инь приказал снова подать вино и закуски. Кубки осушались и снова наполнялись.

За вином гость попросил, чтобы хозяин посвятил его во всю эту историю. Тогда Тан Инь подробно рассказал ему все, что с ним случилось, начиная с того дня, когда он впервые возле ворот Чанмэнь увидел в джонке служанку, и кончая побегом. Гость и хозяин, хлопая в ладоши, громко смеялись от удовольствия.

— Теперь я уже, конечно, не смею смотреть на вас как на секретаря, — шутил господин Хуа, — придется вам приветствовать меня как тестя.

— Боюсь, что тогда вы будете вынуждены снова потратиться на приданое, — заметил Тан Инь, и оба расхохотались.

Необычайно довольный проведенным вечером, господин Хуа простился с Тан Инем.

Возвратясь к себе на лодку, Хуа вынул из рукава листочек со стихотворением Тан Иня, положил его перед собой на стол и стал перечитывать, вдумываясь в каждую строку:

«В самом начале сказано: „Решив однажды на досуге побродить, поехал я в пещеры Хуаяна“, — здесь говорится о том, как он поехал в Маошань возжечь в храме свечи.

Далее: „Но с полдороги вдруг обратно повернул в погоне за красавицей прелестной“. Тут явно говорится о встрече с Цюсян и о том, что эта встреча заставила поэта бросить все остальные дела.

Теперь дальше: „Повсюду следовать хотел я за Хунфу и с ней одной делить уединенье. Посмел просить у благородного Чжу Цзя пристанища усталому бродяге“. Значит, когда Тан Инь поступал ко мне в услужение, он уже помышлял о браке с Цюсян и о бегстве с ней.

Третья пара строк: „Уж раз добился я успеха своего, так можно ли смеяться надо мною! Хотя и бросил дом ничтожный ваш слуга, но полон он стыда за свой поступок“. Ну, здесь все понятно.

Наконец, последняя пара строк: „И если господин желает знать, кто я такой на самом деле — в моей фамилии и в имени моем такой же верх, как в иероглифах Кан Сюань“. У иероглифа „кан“ и у иероглифа „тан“ верхние части одинаковы; нет различия и в верхних частях иероглифов „сюань“ и „инь“. Так что в этой иероглифической шараде скрывались его истинные фамилия и имя — Тан Инь. А я-то сам не сумел во всем разобраться! Ну что ж, хоть в своем увлечении он и поступал столь необычно, но из моего дома он не взял ничего даже из тех вещей, что были ему подарены, а уже одно это свидетельствует о его исключительной порядочности. И все же не зря его называют ветреником».

Дома господин Хуа рассказал о случившемся жене, которая, в свою очередь, немало была всем этим поражена. Господин и госпожа Хуа собрали для своей бывшей служанки богатое приданое стои-

мостью около тысячи ланов и отослали его со старой мамкой господину Тан Иню.

С тех пор обе семьи породнились, и члены этих семей постоянно поддерживали добрые отношения друг с другом.

Приключения Тан Иня, описанные здесь, до сих пор еще являются излюбленной темой рассказов в провинции Цзянсу. До нас дошла песня Тан Иня «Я свечи возжигал в молчании смиренном», в которой он говорит о своих сокровенных чувствах и мыслях. Очень хорошо написано! Вот что в ней сказано:

*Возжигая курения, молча сижу
и в себе разбираюсь самом;
Обращение к буддам бормочут уста,
размышления в сердце моем.
Есть ли речи такие в устах у меня,
что могли бы людей обмануть?
Есть ли мысли подобные в сердце моем,
что кому-то представлятся злом?
Почитание старших, надежность и честь
появляются только тогда,
Когда люди умеют заставить уста
быть созвучными сердцу во всем.
Все другие достоинства слишком малы,
и когда кто-то следует им,
Как бы он ни старался себя отточить,
не сравнится со мною ни в чем.
Люди веткой цветущей украсят главу,
в руки винную чашу возьмут;
Любят люди смотреть на танцующих дев,
слушать — отроки песни поют.
Об утехах с красотками да о пирах
мы слышали от древних мужей,
И сегодня, согласно их мудрым речам,
все такое постыдным зовут.
Но бывает и так, что в сердцах у людей
то же самое, что на устах:
Без конца замышляют других обмануть,
не по правилам Неба живут.
Иль дела неблагое творят в темноте,
отрекаясь от них на свету,
Только пользы от этого им никакой, —
вот уж, право, нестоящий труд.
Так послушайте вы, кто собрался сюда,
я сегодня поведаю вам:
Житель мира сует непременно умрет,
если был он однажды рожден.
Коль умершему перед владыкой *Яньло
от стыда не придется краснеть,
Вот тогда убедиться сумеем мы в том,
что был мужем достойнейшим он.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

15. ПРОДАВЕЦ МАСЛА ПОКОРЯЕТ ЦАРИЦУ ЦВЕТОВ

*Юноши ради любовных услад
Ссорятся между собой,
Но в *царстве веселья, словно назло,
Препоны одна за другой:
С внешностью скромной,
Пусть даже с деньгами,
Знай, что ты будешь не мил;
И с красотой одной, но без денег,
Напрасно б любви ты просил.
Пусть и богатством ты даже владеешь,
Пускай и на редкость красив,
Чуток останься к желаньям любимой,
Капризы девичьи прости.
Много ль из вас, в любви искушенных,
Признайтесь честно, друзья,
Поняли истину эту глубоко,
Прочувствовав все, как и я?!*

стихотворение это написано на мотив «Луна над Западной рекой», и в нем поведано о тайне тайн любовной игры.

Известно ведь: гетере нравится тот, кто красив, хозяйке — деньги милы. Поэтому, если среди посетителей публичного дома появляется человек, красотой подобный *Пань Аню и с богатством несметным *Дэн Туна, то, естественно, мир и любовь окружают его, и он становится владыкою в стане прелестных цветов.

Все это так, однако необходимо еще и другое — «банчэнь». «Бан» — это борта туфли, а «чэнь» — подкладка, но «банчэнь» как целое слово означает «поддержать». Любая девица, обладающая хоть какими-то положительными качествами, становится в глазах людей совершенством, если находится человек, который умеет выгодно оттенить эти ее достоинства. Такой человек прибавит, где не хватает, поддержит, где шатко, прикроет недостатки, и, если ко всему он окажется еще мил и сдержан в обращении с девицей, будет говорить с ней приветливым голосом, постарается зимой согреть, а летом навеять прохладу, окружить ее тем, что ей приятно, оградить от того, что

ей не по душе, и, наконец, всем сердцем будет стремиться проникнуть в ее настроения, постичь ее переживания, — как такого не любить? Вот это и называется «банчэнь». А в царстве «ласкового ветра любви и нежного сияния луны» выгадывает всегда тот, кто умеет угодить. Он некрасив, но в нем находят красоту; он беден, но об этом забывают.

К примеру, напомним историю *Чжэн Юаньхэ. Когда у него мощна опустела и он стал нищим, выглядел он уже, конечно, не таким, каким был прежде. Как-то в снежный зимний день его случайно увидела Ли Ясянь, и ее охватило чувство жалости. Она одела Юаньхэ в роскошное платье, подносила ему изысканные яства и в конце концов стала его женой. Нечего и говорить, что не деньги и не внешность привлекли ее, — Юаньхэ был чуток, любезен, понимал человеческую душу, умел предупредить желания другого, угодить, и потому Ясянь очень привязалась к нему. Вспомните хотя бы, как Ясянь во время болезни захотелось бульона из конской требухи и как Юаньхэ убил своего любимого пегого, чтобы сварить и преподнести ей бульон. Одного этого уже было достаточно, чтобы Ясянь всегда помнила о глубине его чувств. Впоследствии Чжэн Юаньхэ первым выдержал *государственные экзамены, а Ясянь был пожалован почетный титул дамы Бяньго. Да! Песни нищих прежде напевал он, но стал доклады, как министр, подавать; кварталы для бродяг сменил на чистые и светлые хоромы. И вот в один прекрасный день они укрылись брачным одеялом, и рассказ о них превратился в красивейшее предание. Поистине,

*Судьба отвернется —
 золото цвет потеряет,
Удача придет —
 железо и то заблестит.*

Итак, начну рассказ. При великой *сунской династии, с той поры как положил ей начало *Тай-цзу, на протяжении правления семи императоров — самого Тай-цзу, затем Тай-цзуна, Чжэнь-цзуна, Жэнь-цзуна, Ин-цзуна, Шэнь-цзуна и Чжэ-цзуна — войны были забыты, культура расцвела, народ спокойно занимался своим делом и мир царил в стране.

Но вот на престол вступил *Хуэй-цзун. Полностью доверяясь Цай Цзину, Гао Цю, Ян Цзяню, Чжу Мянью и подобным им коварным царедворцам, он окружил себя ограниченными людьми, предался развлечением, пренебрегая делами правления, и вызвал сильное недовольство в народе. Этим не замедлили воспользоваться *чжурчжэни, которые с большим войском вторглись в страну и разорили цветущее царство. И лишь после того как чжурчжэни пленили императоров Хуэй-цзуна и *Цинь-цзуна, а император *Гао-цзун переправился через реку Янцзы верхом на глиняном коне, обосновался в Ханчжоу и страна разделилась на север и юг, — лишь тогда настала передышка. Но сколько горя и лишений перенес народ за эти годы! Действительно,

*Бились за жизнь в гуще пик и мечей,
Не знали, где дом, где семья;*

*Стали занятем разбой и грабеж,
Игрою потешной — резня.*

В ту пору в *Бяньляне, за городом, в селе Аньлоцунь, жил вместе со своей женой один человек, по фамилии Синь, по имени Шань. Муж и жена держали зерновую лавку, где главным образом торговали рисом, но можно было в ней купить и чай, вино, масло, соль, а также другие товары. Жили они в общем безбедно. Супругам перевалило уже за сорок, но у них была лишь одна дочь — Яоцинь. Девочка росла красивой. С семи лет она стала учиться в сельской школе и могла в день запомнить наизусть сотни строк, а в десять лет уже сочиняла стихи и писала ритмической прозой. В предании сохранились ее стихи «Девичьи чувства»:

*С золотого *зацепа
занавес бисерный
тихо, бесшумно скользит.
Одинокая девушка
в тереме дальнем
молча в раздумье сидит.
Подвинет подушку —
*уточек пару
словно боится спугнуть.
Подправит светильник —
двуглавое пламя
жаль ей иглою смахнуть.*

В двенадцать лет Яоцинь уже играла на цитре, была искусна в шахматах, рисовании, *каллиграфии; с поразительным умением она владела иглой. И все это давалось ей без большого труда — просто она была очень способной и одаренной от природы.

Так как у Синь Шаня не было сыновей, он намеревался взять к себе в дом зятя, на которого мог бы опереться в старости. Но человека, достойного дочери, трудно было найти, и потому хоть многие и приходили к ней свататься, но еще никто не получил согласия.

На беду, в то время вторглись в страну чжурчжэни и осадили Бяньлян. И хотя повсюду уже стояли наши войска, готовые к сражению, первый министр, желая пойти на мирные переговоры с врагом, запрещал им вступать в бой. В результате противник обнаглед, ворвался в столицу, захватил в плен обоих императоров и увез их. Народ в панике покидал родные места, спасаясь бегством.

Синь Шань с женой и двенадцатилетней дочерью, закинув узлы и котомки за плечи, бежали вместе с другими.

*Метались, как псы
после смерти хозяев;
Бились, как рыбы,
попавшие в сети.
Страдая от голода, жажды,
горькую долю неся,*

*Не ведали люди,
где обретут они кров.
Взывали к земле, небесам,
предкам, моля лишь о том,
Чтоб не встретить в пути
ненавистных чжурчжэней.
Поистине: легче в мирное время ценку,
чем людям в лихую годину.*

Чжурчжэней по пути они не встретили, но столкнулись с разбитым отрядом правительственных солдат. Увидев беженцев с узлами, солдаты устроили вдоль дороги пожар и подняли крик: «Чжурчжэни! Чжурчжэни!» Яркое пламя и страшные крики в наступивших сумерках навели на беженцев такой страх, что, позабыв друг о друге, они в панике бросились бежать кто куда. Пользуясь переполохом, солдаты принялись грабить беженцев, а если кто-нибудь сопротивлялся, убивали на месте. Это было горем в горе, бедою в беде.

Но вернемся к Яоцинь. Она была сбита с ног солдатами-грабителями и, когда поднялась, не могла найти ни отца, ни матери. Кричать она не решалась и, укрывшись в стороне от дороги в старом склепе, переждала ночь. На рассвете она вышла из своего убежища и увидела лишь следы пожара да валявшиеся трупы. Вокруг не было ни души. Куда подевались все, с кем они шли вчера, она не знала. Думая об отце и матери, Яоцинь горько плакала. Она не знала, где их искать, не знала дороги и пошла наобум на юг. Плача и останавливаясь чуть ли не на каждом шагу, она прошла около двух *ли. Теперь к терзавшему ее горю добавилось и мучительное чувство голода. И тут она заметила вдалеке какой-то дом. «Наверно, там есть люди», — подумала она и направилась к дому, собираясь попросить чего-нибудь поесть. Но оказалось, что дом пуст, — обитатели его, как видно, тоже бежали. Яоцинь присела возле стены и снова разрыдалась.

Истари говорят: без случайностей нет и рассказа.

Именно в это время мимо проходил человек. Это оказался Бу Цяо, сосед Синь Шаня, бездельник, который не желал утруждать себя каким-нибудь определенным занятием. Он был один из тех молодых, что привыкли есть дармовой харчи и тратить легко достававшиеся деньги, но величали его все не иначе как «уважаемый Бу». Во время нападения солдат он тоже растерял своих попутчиков и шел теперь один. Услышав плач, он решил посмотреть, в чем дело. Яоцинь знала Бу Цяо с детства и теперь, очутившись в беде одна, обрадовалась соседу, как родному. Она тотчас утерла слезы, встала, поздоровалась с ним и спросила:

— Дядюшка Бу! Вы не видели моих родителей?

Бу Цяо тем временем прикинул: «Узлы у меня отняли вчера солдаты, денег на дорогу нет, и надо же, кусок сам идет мне в руки. Да и товар-то из редких, стоит придержаться».

— Мать с отцом не нашли тебя, — солгал он, — и так горевали, так горевали... Они пошли дальше, а мне наказали привести тебя к ним, если я тебя встречу. Обещали даже щедро отблагодарить за это.

Яоцинь хоть и была девочкой сообразительной, но сейчас, оказавшись в безвыходном положении, не заподозрила ничего дурного, да и вообще бесхитростного и порядочного человека легко обмануть, поэтому Яоцинь, нимало не раздумывая, пошла за Бу Цяо. Вот уж действительно,

*Хоть сознаешь, что человек тебе не пара,
Жизнь вынуждает следовать за ним.*

Бу Цяо дал Яоцинь немного из того, что у него было с собой съестного, и сказал:

— Мать и отец твои еще ночью двинулись дальше. Если мы не нагоним их в пути, то сможем увидеться с ними лишь после того, как переправимся через Янцзы и доберемся до *Цзянькана. В дороге ты зови меня отцом, я же буду выдавать тебя за дочь, иначе могут подумать, что я подбираю потерявшихся детей, а это нехорошо.

Яоцинь согласилась. И вот, под видом отца и дочери, по суше шагая одною тропой и в лодке одной через реки плывя, они добрались до самого Цзянькана. Но еще на пути туда они узнали, что Учжу, четвертый сын повелителя чжурчжэней, переправляется с армией через Янцзы, и поняли: в Цзянькане будет неспокойно. Узнали они также, что на престол вступил император Гао-цзун, что он остановился в *Ханчжоу и переименовал этот город в Линьань. Поэтому, не задерживаясь в Цзянькане, они водным путем направились в *Жуньчжоу, а оттуда через Сучжоу, Чанчжоу, *Цзясин и *Хучжоу — в Линьань. Прибыв туда, они на время остановились в гостинице.

Надо сказать, что Бу Цяо таскал свою жертву за собой целых три тысячи ли, пока в конце концов все-таки не добрался с ней до самого города Линьань. В пути он израсходовал то небольшое, что имел при себе, пришлось расстаться даже с халатом, чтобы уплатить за гостиницу. Оставался у него теперь только живой товар — Яоцинь, которую надо было как можно скорее сбыть.

Разузнав о том, что некая *Ван Девятая, владелица одного из веселых домов на озере *Сиху, собирается взять к себе на содержание еще одну «приемную дочь», Бу Цяо привел матушку Ван в гостиницу, чтобы показать ей свой товар и договориться о цене.

Яоцинь была недурна собой, и Ван Девятая согласилась дать за нее пятьдесят *ланов серебром. Получив деньги сполна, Бу Цяо доставил девочку к ней.

Бу Цяо был человек смысленый — хозяйке заведения он сказал:

— Яоцинь — моя родная дочь. Лишь нужда заставляет меня отдать ее в ваш дом. Обращайтесь с ней мягко, наставляйте, убеждайте, и она будет во всем послушной. Только не торопитесь, не проявляйте нетерпения.

Яоцинь же он говорил:

— Матушка Ван Девятая — моя близкая родственница, тебя я временно оставляю у нее и приеду за тобой, как только разыщу твоих родителей.

Таким образом, ничего не подозревая, Яоцинь охотно отправилась к Ван.

*Как жаль эту девочку с редким умом,
Попадшую в сети веселых домов.*

Когда Яоцинь очутилась в руках Ван, та сразу же с ног до головы одела ее во все новое, поселила в одной из дальних комнат, стала вкусно кормить, поить прекрасным чаем и подбадривать теплыми, ласковыми словами.

Так Яоцинь провела несколько дней, не проявляя ни нетерпения, ни тревоги. Но при этом она не переставала тосковать по родителям и, обеспокоенная тем, что Бу Цяо все не возвращается за ней, как-то, в слезах, спросила Ван Девятую:

— Почему дядюшка Бу не приходит проведать меня?

— Какой дядюшка Бу? — удивилась Ван.

— Тот самый, что привел меня к вам.

— Он сказал мне, что он твой родной отец, — недоумевала Ван.

— Да ведь его фамилия Бу, а моя — Синь.

И тут Яоцинь подробно рассказала о том, как они всей семьей бежали из Бяньляна, как она потеряла родителей, как встретила Бу Цяо, который привез ее в Линьянь, как он обещал ей разыскать родителей и сказал, что оставляет ее здесь временно, у родственницы.

— Вот как... — протянула изумленная Ван. — Так, значит, ты одинокая и беспомощная, настоящий краб безногий. Ну что ж, расскажу-ка я тебе тогда все, как есть. Этот Бу Цяо продал тебя мне за пятьдесят ланов серебром — и все. А у нас тут «дом открытых дверей» — здесь обитают пудренные головки, торгующие своим телом, и этим мы кормимся. У меня несколько девушек, но ни одна из них не отличается особой красотой. Ты же понравилась мне, потому что хороша собой. Я решила взять тебя и буду относиться к тебе, как к родной дочери. Можешь не сомневаться, когда вырастешь, будешь ходить разодетой в шелка, есть лучшие блюда и до конца дней своих проживешь припеваючи.

Только теперь Яоцинь поняла, что ее обманули. Она так разрыдалась, что Ван пришлось долго ее успокаивать. После этого разговора матушка Ван дала девочке *новое имя — Мэй, так что теперь Яоцинь стали называть *Ван Мэй, а свои в доме называли ее просто *Мэйнян. Ее обучали игре на музыкальных инструментах, пению, танцам, и все это она постигла в совершенстве. В четырнадцать лет она была необычайно красива, и чуть ли не все сыновья линьяньских богачей, плененные ее красотой, являлись с богатыми подарками добиваться знакомства с ней и просить о встрече. Среди почитателей Мэйнян было немало и достойных мужей, ценителей красоты и таланта. Один за другим они приходили, чтобы получить в дар от Мэйнян сочиненный ею стих или пару иероглифов, выведенных ее рукой, и славу о ней вознесли до небес. Теперь ее уже не называли Мэйнян, а величали Царицей цветов. Молодые повесы сочинили даже песенку, восхвалявшую ее достоинства:

*Среди девиц
кто может с Ван Мэйнян
сравниться красотой!
Умеет писать,
рисовать
и стихи сочинять.
А петь, играть или плясать —
для нее это легкое дело.
Часто в Сиху красоте
видят *Си Ши красоту,
но что по сравнению с нею Си Ши!
Счастливец, который коснется ее,
смерть с улыбкою встретить готов.*

Слава, которую обрела Мэйнян, привела к тому, что о ее *«прическе» стали заговаривать уже тогда, когда девочке исполнилось лишь четырнадцать лет. Но Мэйнян и слушать об этом не хотела, а Ван боялась настаивать: дорожа Мэйнян, словно золотом, она не осмеливалась ей ни в чем перечить и принимала ее отказы как высочайшие повеления.

Так прошел еще год. Мэйнян исполнилось пятнадцать.

Надо сказать, что в самих увеселительных заведениях и у их завсегдатаев сложились определенные взгляды на то, в каком возрасте следует приобщать девицу к тайнствам любви: в тринадцать лет считалось слишком рано, и называлось это «узнать цветок» — такие случаи бывали главным образом по жадности мамок, которые не жалели своих девиц, а молодые люди не получали при этом наслаждения и обретали лишь пустую славу; в четырнадцать лет считалось самым подходящим, так как в этом возрасте девица уже созревала вполне, и называлось это «раскрыть цветок»; в пятнадцать лет это называлось «сорвать цветок», и если обычно девицу пятнадцати лет считали еще не созревшей для брака, то в заведениях говорили, что лучшая пора для нее уже миновала.

Опасаясь за репутацию заведения, Ван стала уговаривать Мэйнян принимать гостей, но та упорно отказывалась.

— Если вы хотите, чтобы я принимала гостей, — говорила она, — то пусть отец и мать прикажут мне это.

Ван в душе негодовала, однако обижать Мэйнян не хотела и потому на некоторое время оставила ее покое.

Как-то раз один богач, некий Цзинь Второй, изъявил желание отдать двести ланов серебром за «прическу» Мэйнян. Соблазнившись огромной суммой, Ван придумала хитрый план.

Был пятнадцатый день восьмого месяца. Цзинь Второй пригласил Мэйнян прокатиться на лодке и полюбоваться приливом на озере. Вместе с ним в лодке оказалось еще несколько человек, «помощников в безделье», посвященных, конечно, в план матушки Ван. За вином мужчины затеяли обычные застольные игры, всюду ухаживали за Мэйнян и, напоив ее до бесчувствия, доставили домой. Ван сама принялась прислуживать ей. Время года было теплое, одежды на Мэйнян было не так много, и Ван, быстро раздев девицу, предоставила ее Цзиню Второму в полное распоряжение...

В пятую *стражу Мэйнян очнулась. Она поняла, что это мамка подстроила все так, чтобы ее лишили девственности, и с болью в душе стала думать о своей горькой судьбе и о жестокости, которую проявили к ней в тот день. Она встала, оделась, но затем опять легла на бамбуковую лежанку, повернулась к стене и заплакала. А когда Цзинь Второй подошел к ней и стал приставать с нежностями, она с такой яростью вцепилась ему в лицо, что расцарапала его в кровь. Тому, конечно, стало не по себе. Едва дождавшись утра, он ушел от Мэйнян, причем так торопился убраться из этого дома, что матушка Ван даже не успела его задержать и только слышала, как он на ходу пробурчал, что уходит.

Обычно, когда девица впервые делала «прическу», мамка и все обитательницы заведения с утра приходили поздравлять счастливица и не один день пировали и распивали вино в честь этого события. Виновик торжества проводил у них по меньшей мере пятнадцать-двадцать дней, а то месяц и два. И еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь уходил на следующее же утро, как это случилось с Цзинем Вторым.

— Странно, странно! — пробормотала Ван и, набросив халат, поднялась наверх.

Вся в слезах, Мэйнян по-прежнему лежала. Чтобы вызвать ее на разговор, Ван начала винить себя во всем случившемся. Но Мэйнян упорно молчала, и той пришлось уйти.

Весь день Мэйнян проплакала; она даже не притронулась ни к еде, ни к чаю. С того времени, ссылаясь на болезнь, она отказывалась спускаться вниз и вообще не желала видеть посетителей. Ван теряла терпение, однако принять меры не решалась, так как боялась, что Мэйнян со своим характером ожесточится и окончательно отобьется от рук. «Но позволять девице поступать так, как ей вздумается, тоже нельзя, — рассуждала Ван. — На то она и здесь, чтобы зарабатывать. А если не будет принимать гостей, то хоть сто лет ее держи, какой толк?»

Несколько дней Ван пребывала в нерешительности и никак не могла придумать, что ей предпринять, пока вдруг не вспомнила о своей названной сестре Лю Четвертой. Обе женщины часто ходили друг к другу, и Ван знала, что говорить та мастерица и что Мэйнян любила с ней поболтать. «Почему бы не позвать ее? — подумала Ван. — Пусть потолкует с Мэйнян, и, если та одумается, не пожалю, как говорится, жертвенных свечей за успех».

И она тотчас послала за сестрой. Когда та явилась, Ван усадила ее и рассказала о своих неудачах.

— В этом деле можешь целиком положиться на меня, — заварила ее Лю Четвертая.

— Если только это удастся, буду земно тебе кланяться, — проговорила Ван. — Выпей-ка побольше чайку, а то во рту пересохнет, пока будешь ее уговаривать.

— Да ведь глотка моя — это море безбрежное, могу хоть до завтра говорить — не пересохнет!

Выпив чаю, матушка Лю направилась к Мэйнян. Двери комнаты оказались запертыми. Лю легонько постучалась и позвала:

— Племяннушка! А племяннушка!

Узнав по голосу Лю Четвертую, Мэйнян отворила двери. Женщина вошла и села возле стола. Мэйнян тоже присела. Взглянув на стол, Лю увидела, что на нем разостлан кусок тонкого шелка, а на шелку — набросок женского лица, на который еще не положены краски.

— Хорошо нарисовано! Ловкая рука! — стала хвалить ее Лю. — И повезло же моей сестричке — найти такую дочь, как ты! И собой хороша, и мастерица на все руки. Да выложи хоть тысячи ланов серебром и город весь обойди, другой такой не найдешь.

— Не смейтесь, пожалуйста, — прервала ее Мэйнян. — Скажите лучше, какой попутный ветерок занес вас сегодня к нам, тетуська?

— Я, старая, давно уже собиралась взглянуть на тебя, да все домашние дела мешали. А тут услышала — поздравляю, — что ты уже с «прической», ну и решила урвать минутку да и зайти поздравить сестрицу.

При упоминании о случившемся Мэйнян покраснела и опустила голову. Понимая, что она стыдится, матушка Лю придвинула стул и, взяв ее за руку, сказала:

— Доченька, ведь женщина не яичко с тонкой скорлупкой, к чему же быть такой неженкой? Если так стыдиться, никогда не заработать много денег.

— А на что мне деньги? — возразила Мэйнян.

— Доченька, милая, тебе самой пусть даже они и не нужны, но разве мамке твоей не хочется возместить все то, что она на тебя затратила? Она ведь вырастила тебя. Исстари известно, что возле горы кормишься горой, возле воды — водой. У сестрицы немало девок, но ни одна из них не стоит пятки твоей. Тыквами огород ее полон, да семенная-то одна ты. И подумай, разве относится она к тебе так, как к другим? Я слышала, — продолжала Лю, — что после первого гостя ты никого больше не желаешь принимать. Что же это значит? А если бы и другие вели себя, как ты? Был бы полон дом ваш шелкопрядов, да только кто вас тутовыми листочками-то накормит? Ведь хозяйка о тебе заботится, ну, и ты помоги ей, чтобы хоть девки-то не судили да не рядили.

— Пусть себе судят и рядят, мне-то что?!

— Ой, не скажи! Если б одни только пересуды, это еще ничего. Но знаешь ли ты, что в наших заведениях существуют определенные порядки?

— Ну и что?

— А то, что для нас девушка — это все. Она нас кормит и поит, одевает и греет. Ты ведь знаешь, для нас взять себе в дом благообразную девицу все равно что для состоятельного человека купить плодородную землю. Пока такая девица еще малолетняя, так и хочется, чтобы каждое дуновение ветерка помогало ей поскорее расти. Когда же она начинает носить прическу, приходит для нас пора урожая с плодоносного поля. Тут уже ждешь, что денежки будут сыпаться тебе в руки, что едва успеешь через черный ход проводить одного

гостя, как у парадного будешь встречать нового, что один гость пришлет рис, другой — дрова, что весь дом будет полон оживления и заведение станет действительно прославленным.

— Какой стыд! — воскликнула Мэйнян. — Нет! Этим я заниматься не буду.

Лю прикрыла рот рукой и выдавила из себя смешок.

— Ха, «этим заниматься не буду», — передразнила она Мэйнян. — Как бы не так. К твоему сведению, распоряжается в доме хоззяйка. Что она прикажет, тому и быть. И если иная девица осмелится ее послушаться, то так плеткой ее отстегает, что та будет ни жива ни мертва. Вот и попробуй пойти не той дорожкой, какой она велит. А ведь сестрица моя, — продолжала Лю, — никогда тебя не обижала. Все жалела тебя, такую красивую и умную, понимала, что ты с детства избалована, да и вообще хотела побережь твое достоинство и честь. Сейчас она мне много говорила о тебе, сказала, что ты не понимаешь доброго слова и добрых отношений и даже задуматься не хочешь над тем, что пушинка легка, а жернов тяжел. Она очень недовольна и просила меня потолковать с тобой. Если ты будешь продолжать упорствовать и выведешь ее из терпения, она с тобой заговорит по-иному. Начнутся тогда брань, побои. И куда ты от нее денешься? На небо, что ли, улетишь? Ведь лиха беда начало, а уж коль начнут бить, не выдержать тебе таких мучений. Волей-неволей придется смириться и принимать гостей. И тогда не только унизишь себя в глазах посторонних, но твои же подружки будут насмеяться над тобой. На мой взгляд, упало ведро в колодец — само не поднимется, так лучше броситься с улыбкой в объятия мамки твоей, по крайней мере жить будет веселее.

— Я из порядочной семьи, — сказала Мэйнян, — сюда меня привели обманом. И если бы вы, тетушка, помогли мне вернуться к достойному образу жизни, это было бы большей добродетелью, чем воздвигнуть девятиярусную пагоду Будде. А вы хотите, чтобы, с гостем простившись одним, я встречала бы гостя другого и, опершись на ворота, улыбки привета дарила. Нет, я предпочту умереть, чем пойти на такое!

— Что и говорить! Стремление к порядочной жизни — вещь достойная. Но только стремятся и возвращаются к ней по-разному.

— Как это по-разному? — удивилась Мэйнян.

— Бывает, стремятся к достойному образу жизни искренне, бывает — притворно, лицемерно; бывает, возвращаются к достойной жизни по доброй воле, бывает — поневоле; иногда приходят к новой жизни, пользуясь благоприятным случаем, иногда — просто потому, что нет иного выхода; бывает, переходят к иной жизни окончательно, бывает — временно. Наберись терпения, дочь моя, и послушай. Я сейчас все тебе объясню.

Что называется искренним возвращением к достойной жизни? Обычно человек с талантом ищет себе в жены красавицу, и красавице нужен в мужья талант, тогда получается прекрасная пара. Но доброе дело не так-то легко делается: обычно ищут-ищут, а обрести желанного не могут. Но вот счастливая случайность сводит наконец

достойных друг друга людей. Тот любит, эта льнет, и обойтись друг без друга они не могут. Он желает взять ее в жены, она согласна идти замуж за него. Они словно пара бабочек-шелкопрядов, которые умирают, но не расстаются. Вот в этом случае стремление вернуться к достойному образу жизни будет называться стремлением искренним.

Что же называется лицемерно, притворно стремиться к достойному образу жизни?

Бывает, молодой человек полюбит девицу, а девица его не любит и замуж выходить за него не собирается. Однако при этом она обманывает его, скрывает от него свои истинные намерения, разговорами о свадьбе поддерживает в нем пыл только для того, чтобы он направо и налево тратил на нее деньги, а в последний момент отказывает ему под тем или иным предлогом. И некоторые безумцы, прекрасно зная, что на уме у девицы, все же хотят непременно взять ее в жены и предлагают огромную сумму хозяйке, разжигая в ней жадность. Ну, а тогда о согласии девицы думать не приходится. И вот девица нехотя, затаив в душе недовольство, идет в дом мужа. Она умышленно не соблюдает семейных устоев, ведет себя строптиво, разнузданно, бывает, и открыто заводит любовные шашни. Держать ее в доме становится невыносимо, и через полгода, самое большее через год ее отпускают, и та опять становится гулящей девкой. Для таких девиц стремление к порядочной жизни — только вывеска, под которой они могут получать побольше денег и жить в свое удовольствие. Вот это и называется притворным, лицемерным стремлением.

Что же называется возвращаться к достойному образу жизни поневоле?

Молодой человек любит девицу, а она его — нет. Тогда он насильно принуждает ее покинуть публичный дом и стать его женой. Хозяйка заведения боится неприятностей, дает свое согласие, и девица, невольная распоряжаться своей судьбой, со слезами идет замуж. А уж как вошла в знатный дом — словно на дно погрузилась морское: порядки домашние строги, голову не поднимешь, и вот она полуналожницей, полуприслужгой влачит свою жалкую жизнь. Вот это и называется поневоле.

Что же называется по доброй воле, по охоте?

Девица находится как раз в том возрасте, когда ей надо на ком-то остановить свой выбор. Случай сводит ее с человеком мягкого и доброго нрава. У человека этого покладистая *старшая жена, нет детей, и живет он в полном достатке. Девица предполагает, что, попав в дом к такому человеку, она станет матерью и сможет рассчитывать на полноправное положение хозяйки. Она идет за него в надежде на отдых и покой в настоящем, на подобающее положение в будущем. Вот это и есть по доброй воле.

Что же такое перейти к достойному образу жизни, пользуясь благоприятным случаем?

Девица вдоволь пожила веселой, бездумной жизнью, слава ее в расцвете, и она привлекает множество искателей. Но она решает вырваться из бурного потока и выходит замуж за кого-нибудь из ее

поклонников — того, кто больше всего пришелся ей по душе. Таким образом, она своевременно возвращается к честной жизни, чтобы впоследствии люди не относились к ней с презрением. Это и называется отойти от старого и пойти по пути порядочной жизни, пользуясь благоприятным случаем.

Что называется перейти к достойному образу жизни по безвыходности положения?

Девушка и не думала изменять своего образа жизни, но по причине ли судебных преследований, грубого ли насилия или из-за накопившихся долгов, которые — она знает — не сумеет заплатить, она, долго не раздумывая, ни на что не глядя, выходит замуж при первом же представившемся ей случае, чтобы оградить себя от неприятностей и обрести покой. Вот это и называется по безвыходности положения.

Что означает окончательно перейти к порядочному образу жизни?

Цветущие годы девушки на исходе, она испытала уже все жизненные бури. И вот ей встречается порядочный одинокий человек. У них находят общие стремления, и тогда она сворачивает паруса, и дружную четую живут эти двое до глубоких седин. Вот это и называется окончательно перейти к порядочному образу жизни.

Что называется перейти к достойному образу жизни на время?

Опять-таки: он любит, она льнет и тут же решает идти за него. Однако решение это она приняла в порыве чувств, под влиянием момента, не взвесив всего, что ждет ее в замужестве. Она попадает в дом мужа. Но тут или родители не хотят ее терпеть, или старшая жена ревнует, и кончается тем, что после нескольких скандалов ее отправляют назад и забирают внесенный за нее выкуп. Бывает и так, что семья по скудости средств не в состоянии содержать такую женщину, а она не в силах вынести лишения и потому идет искать кратковременных встреч и случайных удач. Вот это значит перейти к достойному образу жизни на время, — закончила матушка Лю.

— А я как раз и хотела бы начать достойную жизнь, — заметила Мэйнян. — Как же мне быть?

— Доченька, я укажу тебе самый верный путь.

— Если вы научите меня, как мне быть, я до самой смерти не забуду вашей милости.

— Видишь ли, лучше всего, конечно, начинать порядочную жизнь с того, что выйти замуж. Но над твоим телом уже надругались, и выйди ты замуж хоть сегодня вечером, все равно уже не будешь считаться «нетронутым цветком». Случайность там или не случайность, а сюда ты не должна была попадать. Но что поделаешь, коли так сложилась твоя судьба! Кроме того, хозяйка-то твоя в свое время хлопотала, старалась, заботилась о тебе, и теперь, пока ты ей за год-другой не поможешь заработать несколько тысяч, она, конечно, не отпустит тебя. Ну а потом, пусть ты и решила начать достойную жизнь, так надо сначала присмотреть подходящего человека. Не выходить же за первое поганое рыло. А ты вот никого не принимаешь, откуда же тебе знать, за кого стоит идти, за кого — нет? Допустим,

ты будешь и дальше упорствовать в своем нежелании принимать гостей, тогда и хозяйке твоей ничего не остается, как найти человека, который, не жалея денег, дал бы за тебя порядочный выкуп и взял в младшие жены. Это тоже будет переходом к достойному образу жизни. Да человек-то может оказаться стариком, уродом, тупым, невежественным быком — и загублена твоя жизнь навек! Чем так, лучше в воду. Но насколько я, старая да глупая, разумею, надо покориться воле матушки и принимать гостей. При твоей красоте не всякий посмеет около тебя увиваться. Искать свиданий с тобой будут потомки князей, сыновья богачей и сановников. Это тебя не унизит, и ты при ласковом ветре, среди нежных цветов, при чистом снеге и ясной луне будешь наслаждаться жизнью, пока молода; кроме того, ты этим поможешь хозяйке и, наконец, сделаешь для себя кое-какие сбережения, чтобы в будущем не зависеть от людей. Пройдет так лет пять-десять, встретишь кого-нибудь, кто придется по сердцу, и тогда, помани мои слова, я, старая, тебя сосватаю, и ты, как подобает, пойдешь замуж. Тут-то и хозяйка тебя отпустит. Так будет лучше и для тебя, и для нее.

Мэйнян выслушала ее, улыбнулась, но ничего не сказала. И все же Лю поняла, что лед тронулся.

— Каждое мое слово проникнуто желанием сделать тебе добро, — сказала она, вставая. — Если ты поступишь так, как советую, потом благодарить будешь.

Ван на протяжении всего разговора стояла за дверью и слышала каждое слово. Когда Мэйнян вышла проводить гостью, она лицом к лицу столкнулась с хозяйкой. Вспыхнув от стыда, Мэйнян отпрянула, а Ван повела сестрицу к себе.

— Ну и упряма же племянница, — сказала Лю, когда они сели. — И так и этак уговаривала ее — железо бы, пожалуй, расплавилось. А ты вот что: сейчас же, не теряя времени, найди ей какого-нибудь второго гостя — теперь она согласится. Вот тогда я снова зайду поздравить тебя.

Ван не переставала благодарить ее, тут же велела подать обед, и, выпив изрядно, они расстались.

Молодежь района Сиху сложила впоследствии песенку об изворотливости матушки Лю:

*Ну, язычок у тебя,
Четвертая матушка Лю,
Вряд ли даже *Суй Хэ и Лу Цзя
таким обладали талантом.
Говоришь ли о том,
говоришь ли о сем,
никогда не оставишь прорехи ни в чем.
От твоих увещаний
очнется и пьяный;
От твоих заверений
найдет помраченье
даже на тех, кто умен.*

*Какая девица!
Как стойка и упорна была,
Но и ее
языком ты своим оплела!*

Однако вернемся к Мэйнян. Решив, что матушка Лю права, Мэйнян после этого разговора охотно стала принимать тех, кто добивался встречи с ней. Гости один за другим, словно на ярмарку, стали стекаться в дом, и у Мэйнян ни минуты не бывало свободной.

Теперь она еще больше прославилась, и чтобы добиться свидания с ней, мужчины платили по десять ланов серебром, и то ссорились и спорили друг с другом. Ван была счастлива — она уже успела заработать немало денег. Но Мэйнян все никак не удавалось встретить человека, который пришелся бы ей по сердцу. В самом деле,

*Легче добыть драгоценную вещь,
Чем друга найти по душе.*

Поведем теперь рассказ о другом. В Линьани, недалеко от ворот Цинбо, жил некий старец Чжу Шилао. Старик держал лавку и торговал маслом. Года три тому назад он усыновил молодого парня, который, как и Мэйнян, бежал из Бяньляна. Фамилия этого парня была Цинь, имя — Чжун. Мать его умерла рано, и отец, Цинь Лян, продал сына, когда тому исполнилось тринадцать лет, Чжу Шилао, а сам пошел в прислужники в буддийский монастырь Тяньчжу.

Чжу Шилао, оставшийся на старости лет совсем одиноким, — детей у него не было, жену он недавно потерял — смотрел на Цинь Чжуна, как на родного сына. Приняв мальчика в дом, он дал ему свою фамилию и держал его при лавке, с тем чтобы тот научился торговать.

Вначале они вполне справлялись с делами вдвоем, но потом у старика начала болеть поясница, он почти не мог двигаться, и заниматься лавкой ему стало не по силам. Пришлось нанять приказчика. Приказчика звали Син Цюань.

Время летело стрелой, и незаметно прошло четыре с лишним года. Цинь Чжун стал теперь семнадцатилетним красивым юношей, считался совершеннолетним, но не был еще женат. Надо сказать, что Чжу Шилао держал еще в доме служанку по имени Ланьхуа, которой было уже за двадцать. Цинь Чжун ей приглянулся, и она не раз пыталась завлечь его. Но скромный юноша не поддавался на ее уловки. Ланьхуа была так некрасива и до того неопрятна и грязна, что не вызвала в нем никаких чувств. Поэтому и получилось, что с нежной любовью слетал лепесток, но был равнодушен текущий поток. Видя, что с молодым хозяином ничего не выходит, служанка избрала себе другого — стала заигрывать с приказчиком. Тому было уже под сорок, жены он не имел, так что стоило ей однажды чуть поманить его, как «дело» сразу пошло на лад. Не раз тайком предавались они любовным утехам, но присутствие Цинь Чжуна мешало им. Тогда они стали думать о том, под каким бы предлогом выжить его из дому. И

вот Ланьхуа стала перед Чжу Шилао разыгрывать из себя чистейшую невинность.

— До чего же молодой хозяин непорядочно ведет себя. Который уже раз пристаёт ко мне, — пожаловалась она как-то старику.

И так как Чжу Шилао сам, бывало, забавлялся с Ланьхуа, то в нем заговорила ревность. А тут еще приказчик, утаив деньги от выручки и свалив недостачу на Цинь Чжуну, заявил старику:

— Молодой хозяин играет в азартные игры и занимается непутевыми делами. В кассе уже не один раз не доставало денег. И это все он — берет оттуда тайком.

Вначале Чжу Шилао не поверил, но жалобы повторялись, а Чжу Шилао был стар, мало в чем разбирался и потому как-то позвал к себе Цинь Чжуну и выбранил его.

Цинь Чжун был умный малый и понимал, что на него наговорили Син Цюань и Ланьхуа. «Если я стану оправдываться да объяснять, — думал он, — старик не поверит, лишь прослышу подлецом». Но тут ему в голову пришла мысль, и он сказал Чжу Шилао:

— Торговля в лавке идет вяло, и вдвоем там делать нечего. Пусть Син Цюань справляется в лавке, а я пойду продавать масло вразнос. Сколько выручу за день, столько и сдам. Так мы будем зарабатывать вдвое больше.

Чжу Шилао готов был согласиться, но Син Цюань снова стал ему наговаривать:

— Думаете, он будет таскаться с *коромыслом? За эти несколько лет он достаточно наворовал! При этом еще недоволен и в душе таит на вас обиду за то, что до сих пор не соизволили его просватать. Потому он и не хочет помогать вам здесь, в лавке. У него только одно на уме: как бы отделаться от вас, найти себе жену и зажечь самостоятельно.

Старик тяжело вздохнул и сказал:

— Видит небо — я всегда относился к нему, как к родному сыну, а у него вон что на уме. Ну что ж, плоть не моя — насильно к себе не приклеишь. Пусть уходит!

Кончилось тем, что старик дал Цинь Чжуну три лана серебром и отпустил его, разрешив при этом забрать все его летние и зимние платья, а также постель. Старик, нужно сказать, был все-таки добрым человеком.

Цинь Чжун понимал, что Чжу Шилао уже не оставит его у себя. Зарыдав, он земно поклонился старику и простился с ним. И действительно,

**Сяо И был погублен наветом,
Неповинный *Шэнь Шэн — клеветой убит;
Так с родными детьми получилось,
Что же в том, что обижен приемный был сын?!*

Покинув дом Чжу Шилао, Цинь Чжун снял комнатушку возле моста Чжуньяньцяо, оставил там постель и прочие вещи, купил замок, повесил его на двери и отправился бродить по улицам в надежде, что, может быть, удастся узнать что-нибудь об отце. А следует

упомянуть, что Цинь Лян ушел прислужником в храм, не сказав об этом сыну. Цинь Чжун бродил несколько дней подряд, но так ничего и не смог узнать, и поиски пришлось прекратить.

За четыре года, проведенных в доме Чжу Шилао, Цинь Чжун, будучи юношей преданным и порядочным, не отложил для себя ни гроша. Все, что у него было, — это те три лана серебром, которые ему дал на прощание старик и которых, конечно, не могло хватить на какое-нибудь дело. Он стал думать, за что бы взяться, и, поразмыслив, решил: «Единственное, с чем я хорошо знаком, так это с торговлей маслом; поэтому самым верным будет — коромысло на плечо и ходить продавать масло, тем более что почти во всех лавках меня знают». Он сразу закупил все необходимое для этого дела, а оставшиеся деньги отдал хозяину лавки, в которой собирался брать масло.

В лавке его знали как порядочного человека, совсем еще молодого, который недавно сам торговал у Чжу Шилао, а теперь оказался вынужденным бродить с ношей по улицам; знали, что из дома Чжу Шилао его выжил приказчик своими интригами, были этим возмущены и желали помочь юноше. Ему отпускали лучшее масло, притом отвешивали всегда с походом. Это давало Цинь Чжуну возможность, в свою очередь, быть уступчивым с покупателями. В конечном счете по сравнению с другими торговцами маслом ему было легче сбывать свой товар, и он ежедневно имел небольшую прибыль. Жил он очень скромно, зря денег не тратил и на свои небольшие сбережения покупал только необходимые вещи и одежду.

На сердце у него теперь оставалась лишь одна забота, которая не давала ему покоя: как разыскать отца?

«Все эти годы меня называли Чжу Чжуном, — рассуждал он, — и теперь вряд ли кто-нибудь знает, что моя настоящая фамилия — Цинь, так что если отец станет меня разыскивать, то не найдет».

И он решил снова носить фамилию Цинь.

«Послушай, рассказчик! — скажете вы. — Когда человек высшего общества, с положением желает восстановить свою старую фамилию, он подает прошение императору или уведомляет об этом Палату обрядов, государственное училище и другие ведомства, дабы внесли соответствующие исправления в реестры, и всем это становится известно. Но когда восстанавливает свою прежнюю фамилию какой-то продавец масла, как об этом узнают другие?»

И все же Цинь Чжун нашел выход. На бочонках для масла он вывел с одной стороны огромный иероглиф «Цинь», с другой — «Бяньлян», чтобы каждый, кто ни взглянул, сразу узнал, что фамилия продавца Цинь и что родом он из Бяньляна. И действительно, вскоре в Линьани все знали его настоящую фамилию и звали «Цинь, продавец масла».

Шел второй месяц года, дни были не холодные и не жаркие. Проведав, что в монастыре Чжаоцин собираются проводить девятидневную службу, и решив, что там потребуется много масла, Цинь Чжун отправился туда со своими бочонками. Монахи этого монастыря уже слышали о нем и знали, что масло у него не только дешевле,

но и лучше, чем у других, поэтому они и отдали ему предпочтение. Все девять дней Цинь Чжун почти целиком провел в монастыре. Верно говорят:

*Кто скареден в жизни,
богатства не скопит;
Кто щедр душою,
в убытке не будет.*

Шли уже девятые сутки моления, когда Цинь Чжун, распродав все масло, с пустыми бочонками на коромысле покинул монастырь.

День выдался солнечный, ясный, гуляющих было что муравьев, и Цинь Чжун, не торопясь, пошел вдоль берега озера. Вдали, где тянулась плотина Шицзин, виднелись персиковые деревья, красневшие в цвету среди зелени ив. С разрисованных лодок, сновавших взад и вперед по озеру, доносились звуки свирели и флейты. Действительно, глядеть на все это можно было без конца и без конца наслаждаться прелестью природы вокруг.

Пройдя немного по берегу, Цинь Чжун почувствовал усталость. Он свернул вправо от монастыря, оказался в менее людном месте и, опустив ношу, присел на камень, чтобы дать ногам отдых. В стороне, совсем неподалеку, он увидел какой-то дом, обращенный фасадом к озеру. Ворота были покрыты золотистым лаком. Во дворе за красной изгородью виднелась роща тонкого бамбука. Трудно было судить, каков этот дом внутри, но внешне он выглядел очень опрятным.

Из дома вышли несколько мужчин, все в *шапках. Их провожала какая-то девица. Дойдя до выхода, мужчины откланялись, и она, распрощавшись, исчезла.

Пока девица прощалась, Цинь Чжун не сводил с нее глаз. Лицо ее было нежным и прекрасным, сама она — легка и изящна; такой красавицы Цинь Чжун отродясь не видывал. Пораженный, он замер. Скромный юноша не имел представления о веселых заведениях — о том, какие они бывают и как там себя люди ведут, и потому задумался над тем, кто бы мог здесь жить. В это время из дома вышла женщина средних лет в сопровождении молоденькой служанки. Прислонившись к двери и поглядывая по сторонам, женщина заметила вдруг бочонки Цинь Чжуна.

— Ой, да ведь масло у нас кончилось, — спохватилась она, — а тут сам торговец. Надо будет взять у него.

Служанка исчезла, затем вернулась с бутылкой и подошла к Цинь Чжуну.

— Есть масло? — обратилась она к нему.

Только теперь Цинь Чжун опомнился.

— Кончилось, — ответил он и тут же добавил: — Но, если желаете, я завтра принесу.

Служанка, как видно, умела читать, потому что, увидев на бочонках иероглифы, сказала, обращаясь к хозяйке:

— А фамилия продавца — Цинь.

Хозяйка, оказывается, уже слышала от кого-то, что есть продавец масла по фамилии Цинь, очень честный в деле, и потому сказала ему:

— Масло нам бывает нужно каждый день. Если согласишься носить, будем твоими постоянными покупателями.

— Сделайте одолжение, — ответил Цинь Чжун. — Все, что прикажете, будет доставлено.

И женщина со служанкой ушли.

«Интересно, кем приходится эта женщина той молодой? — думал Цинь Чжун. — Не ради заработка, а уж просто ради того, чтобы поглядеть на ту девицу, стоит носить им масло каждый день».

Он уже собрался было поднять коромысло и двинуться дальше, но в это время увидел, как двое носильщиков с паланкином, занавешенным голубым шелком, и двое слуг позади чуть ли не бегом примчались к дому. Носильщики остановились и опустили паланкин, а слуги зашли в дом.

«Любопытно! За кем это они?» — подумал Цинь Чжун.

Вскоре из дома вышли две служанки. Одна несла сверток, завернутый в ярко-красную шерстяную ткань, другая — шкатулку из пятнистого бамбука с инкрустациями. Все это они передали носильщикам, и те уложили вещи под сиденье в паланкине. Затем вышла та, которую Цинь Чжун уже видел, и следом за ней те же двое слуг. Один нес цитру в футляре, другой — несколько свитков и флейту. Красавица села в паланкин, носильщики подняли его и понесли. Служанки и слуги следовали сзади.

На этот раз Цинь Чжуну удалось хорошо разглядеть девицу, и он стал еще больше недоумевать, кто она и чей это дом. Подняв на плечо коромысло с пустыми бочонками, он медленно побрел прочь.

Пройдя немного, он увидел возле самого озера какую-то харчевню. Обычно Цинь Чжун не пил, но сегодня, после того как он увидел девицу, на душе у него было радостно и в то же время тоскливо. Поэтому, оставив у входа бочонки с коромыслом, он зашел в харчевню и выбрал небольшой столик.

— Ждете гостя или одни будете пить? — обратился к нему человек.

— Принеси хорошего вина. Пить буду один! Свежих фруктов дай немного. Мясного ничего не нужно.

И когда человек наливал ему вина, Цинь Чжун спросил:

— Что за дом там с блестящими, покрытыми золотистым лаком воротами?

— Это загородный дом господина Ци. Там живет теперь матушка Ван Девятая, — ответил тот.

— Я видел сейчас, как одна девица садилась в паланкин. Кто это такая?

— Это известная пудренная головка Ван Мэйнян, которую все называют Царицей цветов. Родом она из Бяньляна и заброшена в эти края горькой судьбой. Она прекрасно играет на музыкальных инструментах, хорошо поет, танцует, искусна в каллиграфии, живописи, отлично играет в шахматы. Все, кто бывает у нее, — люди видные.

Чтобы провести с нею ночь, нужно десять ланов чистого серебра, так что тем, кто попроще да победнее, к ней и не подступиться. Вначале она жила недалеко от ворот Юнцзинь, но там было тесно, и господин Ци, который очень дружен с ней, полгода назад отдал в ее распоряжение весь этот дом с садом.

Когда Цинь Чжун услышал, что она тоже из Бяньляна, он вспомнил свои родные места, и красавица стала еще милее его сердцу.

Выпив несколько чарок, он уплатил за вино и пошел дальше, размышляя про себя: «Есть же на свете такие красавицы! И попала вот в веселый дом. Жаль. — Но он тут же усмехнулся: — А если бы не попала, разве мне, продавцу масла, довелось бы ее увидеть?» И чем больше он думал, тем дерзновеннее становились его мысли и желания. «Траве дано расти лишь год, человеку жить — лишь раз! Одну бы ночь провести с такой красавицей, держа ее в своих объятиях! Не пожалел бы жизнь отдать за это». Затем он словно очнулся: «Тьфу! Чего надумал! Таскаюсь весь день с этой ношей, зарабатываю какие-то гроши — мне ли мечтать о несбыточном! Совсем как жаба в сточной канаве, которой захотелось отведать лебединого мяса. Как же, жди! Так оно тебе в рот и попало! И потом: ведь общается-то она только с богатыми да знатными, так что, если бы даже у меня, простого продавца, завелись большие деньги, все равно она не приняла бы меня». Но тут пришла ему в голову другая мысль: «Говорят, что содержательницам таких домов важно лишь, чтобы деньги были: с деньгами — и нищий хорош. Так неужели же меня, честного и порядочного продавца, не примут, имея я деньги? Примут! Только как раздобыть их?» И он шел, разговаривая сам с собой, перебирая в уме то одно, то другое и пытаясь разобраться в мыслях, беспорядочно пронесившихся в голове.

Вы скажете: «Да найдется ли на свете такой чудак?! Какой-то мелкий торговец, у которого всего-навсего было три лана, вздумал за десять ланов повеселиться со знаменитой гетерой. Ведь это же несбыточный сон, и только!»

Да, но давно ведь известно: «кто стремится, тот добьется». И вот после бесконечных раздумий он все-таки решил: «Начиная с завтрашнего дня, каждый день буду оставлять себе из выручки только необходимую на торговлю сумму, остальные деньги стану откладывать. Если каждый день откладывать по *фэню, за год наберется три лана и шесть *цзяней, так что всего за три года можно будет собрать нужную сумму. Если же в день откладывать по два фэня, то понадобится лишь полтора года, а если откладывать побольше, хватит, наверно, и года».

Размышляя так, он незаметно дошел до дома, снял замок и вошел в комнату. В пути он слишком уж размечтался, и потому, увидев свою одинокую постель, он сразу загрустил и завалился спать.

Но где ему было уснуть в эту ночь? Он только ворочался с боку на бок и все думал о красавице, которую повстречал днем. Действительно,

*Облик — прелестней луны!
Образ — прекрасней цветка!
Сердце и мысли — в смятенье,
покоя лишилась душа.*

Еле дождавшись утра, он встал, наполнил бочонки маслом, позавтракал и, замкнув двери, отправился с ношей прямо к вчерашней заказчице.

Он вошел в ворота, но дальше идти не посмел и стал смотреть, нет ли кого во дворе. В это время Ван, недавно вставшая с постели и еще не причесанная, давала распоряжения служанке, которую посылала на рынок. Цинь Чжун узнал ее по голосу и крикнул:

— Матушка Ван!

Увидев Цинь Чжуна, Ван заулыбалась.

— Вот честный человек! Сдержал слово, — проговорила она и велела ему войти в дом.

Она взяла полную бутылку масла весом более пяти *цзиней и уплатила по обычной цене. Цинь Чжун не торговался, и матушка Ван, довольная, сказала:

— Этого масла нам хватит на два дня; приходи через день, тогда я не буду покупать у других.

Цинь Чжун согласился и вышел, досадуя лишь на то, что не удалось ему увидеть Царицу цветов.

«Хорошо, что они будут постоянными покупателями, — думал он. — Один раз не увижу ее, увижу в другой. Не увижу в другой — так в третий. Но из-за одной матушки Ван тащиться в такую даль совсем не дело. Тут ведь рядом монастырь Чжаоцин, пойду им предложу. Если из каждой кельи кто-нибудь возьмет масло, этого будет достаточно, чтобы сразу сбыть все, и не придется тогда продавать по пути».

Когда Цинь Чжун явился в монастырь и осведомился, не нужно ли там масла, оказалось, что монахи только что вспоминали о нем: он пришел как раз вовремя. Много ли, мало ли, но каждый взял масла, и Цинь Чжун договорился, что будет приходить через день.

День этот был четный, и с этого дня по нечетным числам Цинь Чжун торговал в другой части города, а по четным направлялся по дороге через ворота Цяньтан и прежде всего шел к матушке Ван в надежде увидеть Царицу цветов. Продажа масла была для него только предлогом. Иной раз удавалось ему повидать Царицу цветов, а иной раз — нет. Не увидит — значит, зря мечтал, а увидит — только новую печаль наживет, ибо действительно,

*И небу, бескрайнему небу,
и давность забывшей земле
Когда-то иль где-то,
но есть или будет предел.
А этой безбрежной любви,
этой щемящей тоске
Нет и не будет конца,
исчерпать им себя не дано.*

Цинь Чжун столько раз уже побывал в доме матушки Ван, что все там, от мала до велика, знали его.

Время летело быстро. Незаметно прошло больше года. Изю дня в день Цинь Чжун откладывал то три, то два фэня, уж самое малое — один. Когда набиралось несколько цяней, он выменивал их на более крупные куски серебра, и в конце концов у него накопился их целый узел; сколько там было, он и сам не знал.

Как-то в нечетный день полил дождь, и Цинь Чжун не пошел торговать. Довольный тем, что ему удалось скопить порядочную сумму, он решил: «День сегодня свободный, надо воспользоваться этим и пойти проверить на весах, сколько же все-таки у меня серебра».

Взяв зонтик, он пошел в лавку напротив, где торговали серебряными изделиями, и попросил весы, чтобы взвесить серебро.

«Сколько может быть серебра у какого-то продавца масла, что ему нужны весы? — подумал серебряных дел мастер, пренебрежительно взглянув на посетителя. — Дать ему пятилановый безмен, и то, пожалуй, не придется держать за первую петлю».

Цинь Чжун развязал узел — в нем оказалось множество раздробленных мелких кусков серебра и несколько цельных слитков. Когда мастер, человек мелочный и недалекий, увидел столько серебра, его словно подменили. Он вспомнил, что о людях по виду судить не годится, так же как море ковшом измерять, и засуетился с весами, вытащив целую кучу больших и малых гирь.

Цинь Чжун взвесил все, что было в узле, и получилось ни больше ни меньше как шестнадцать ланов.

«Оставлю три лана на масло, — решил Цинь Чжун, — остальное пойдет на то, чтобы провести ночь среди *ив и цветов, да и то, пожалуй, будет излишек». Затем он подумал: «Такую мелочь вынимать неприлично; покажешь ее, станут смотреть на тебя искоса. Лучше переплавить все в цельные слитки. Так будет солиднее. Да как раз здесь это и удобно сделать».

Тогда он отвесил десять ланов и попросил переплавить мелкие куски в большой, десятилановый слиток, а один лан и восемь цяней — в малый слиток. Из остальных четырех ланов и двух цяней он оставил небольшой кусок мастеру за труды, а еще несколько цяней истратил на туфли с окантовкой, носки и шапку.

Он выстирал свою одежду, купил ароматный ладан и старательно обкурил ее. В первый же погожий, солнечный день Цинь Чжун тщательно принарядился и выглядел

*Человеком хотя небогатым,
Но милым весьма и изящным.*

*Запрятав в рукав серебро, он запер комнату и отправился к Ван. Настроение у него было приподнятое. Но когда он подошел к дому, в нем заговорила его обычная робость.

«Я всегда приходил продавцом, — думал он, — а сегодня вдруг явлюсь „гостем“. И сказать-то им об этом неловко».

Пока он стоял в нерешительности, ворота вдруг со скрипом распахнулись и показалась матушка Ван.

— Что же ты сегодня не торгуешь, молодой господин Цинь? — заговорила она, увидев Цинь Чжуна. — И так принарядился? Куда же это ты собрался, по каким делам?

Цинь Чжуну пришлось набраться смелости и подойти к ней с приветствием. Ван ответила тем же.

— У меня, собственно, нет никакого дела, я просто пришел навестить вас.

Но Ван — хозяйка из старых и бывалых, ей достаточно было взглянуть на человека, чтобы понять, в чем дело. Видя, как Цинь Чжуну приделся, да услышав еще, что, мол, пришел «навестить», она подумала: «Ну, конечно, понравилась какая-нибудь из моих девиц и решил позабавиться, а может, и ночь провести. Ну что ж, хоть и не самый он великий из богов, но все же: положишь его денежки в корзину — зелень станут, бросишь в сумку — крабом будут к обеду. Так что заработать у него мелочь на базар — тоже дело».

И, заулыбавшись во все лицо, она сказала:

— Коль скоро молодой господин Цинь решил навестить меня, старую, то меня ждет, вероятно, что-то хорошее.

— Да, мне, видите ли, хотелось бы вам кое-что сказать... С моей стороны это будет большой нескромностью, даже как-то неловко начинать.

— Говори, пожалуйста. Что ж тут такого? Но прошу, пройди в гостиную — там мы обо всем и потолкуем.

Хотя Цинь Чжун сотни раз уже бывал в этом доме, но кресло в гостиной еще не было знакомо с его задом, и теперь предстояла их первая встреча.

В гостиной они сели, и Ван крикнула, чтобы подали чай.

Через некоторое время служанка принесла на подносе чай. Но когда она увидела, что в гостиной сидит продавец масла Цинь и матушка почему-то принимает его как гостя, она захихикала.

— Чего тут смешного! — прикрикнула на нее Ван. — Вести себя не умеешь перед гостем.

Служанка перестала смеяться, подала чай и ушла. Тогда Ван спросила Цинь Чжуна:

— Так что же ты собирался сказать мне, господин Цинь?

— Собственно, ничего другого, как то, что хотел бы пригласить одну из ваших девиц выпить со мной чарку вина.

— Что ж, так и будете пить вино, и больше ничего? — сказала на это Ван с лукавой усмешкой. — Наверно, поразвлечься задумал? А ты ведь человек тихий и скромный. С каких это, скажи, пор появилось у тебя такое игривое настроение?

— Сокровенную эту мечту я очень давно уже лелею.

— Всех девиц моих ты знаешь, интересно, какая же тебе приглянулась?

— Ни о ком другом не думаю, и единственно, с кем хочу побыть вечер, — это с Царицей цветов.

Решив, что он смеется над ней, Ван сразу же переменяла тон:

— Ты понимаешь, что говоришь? Или издеваешься надо мной?

— Вы знаете, что человек я прямой и говорю то, что думаю.

— Гм, даже у ночного горшка два ушка, так неужели ты не слышал, сколько я беру за мою Мэйнян? Да тебя со всем твоим скарбом не хватит на то, чтобы провести с ней хотя бы полночи. Уж лучше как-нибудь отведи душу с другой.

Цинь Чжун изобразил притворное изумление на лице.

— Не думал, что вы так любите похвастать! — сказал он. — И все-таки осмелюсь спросить, сколько же тысяч ланов нужно, чтобы провести ночь с Царицей цветов.

Ван снова заулыбалась — она полагала, что продавец, конечно, шутит, и в ответ сказала:

— «Сколько тысяч»? Ну, зачем так много, всего десять ланов чистого серебра, помимо угощения и прочих расходов.

— Вот как. Ну, это пустяки, — заявил Цинь Чжун и, вынув из рукава сверкающий белизной большой слиток серебра, подал его хозяйке: — Этот десятилановый слиток прошу вас оставить себе. — Затем он вынул маленький слиток. — Здесь около двух ланов, — сказал он. — Прошу приготовить на них угощение. Помогите мне, а я до конца жизни не забуду этого и не премину потом доказать вам свое почтение и благодарность.

Когда Ван увидела большой слиток, ей стало жаль упускать его, но в то же время она подумала: не минутная ли это блажь, не будет ли этот продавец потом, когда останется без денег, раскаиваться? Поэтому она сочла за благо на всякий случай предупредить его.

— Тебе, скромному продавцу, — сказала она, — нелегко было скопить эти деньги, и нужно трижды подумать, прежде чем решиться на такое.

— Я уже решил, прошу вас об этом не беспокоиться.

Тогда Ван спрятала серебро в рукав и сказала:

— Ну, ладно, решил так решил, однако трудностей предстоит еще много.

— Вы ведь здесь главная, какие же могут быть трудности? — возразил Цинь Чжун.

— Видишь ли, у моей Мэйнян бывают знатные да богатые люди, и действительно можно сказать, что здесь виднейших ученых услышишь в веселой беседе и среди массы гостей не найдешь никого без чинов; а она знает, конечно, что ты мелкий торговец, и навряд ли пожелает принять тебя.

— Очень надеюсь, что вы уж как-нибудь постараетесь довести дело до желанного конца, а я этого благодеяния никогда не посмею забыть.

Видя, что Цинь Чжун непоколебим в своем решении, Ван сдвинула брови и задумалась. Но вот какая-то мысль пришла ей на ум, и, засмеявшись, она сказала:

— Я придумала, как быть, но все зависит от твоего счастья; получится — хорошо, не получится — не вини. Вчера Мэйнян была приглашена почтенным ученым господином Ли к вину и еще не вернулась; сегодня господин Хуан условился с ней о прогулке по озеру; завтра она приглашена уважаемым господином Чжаном и другими

любителями возвышенного и прекрасного на вечер стихов; а на послезавтра уже несколько дней назад ее пригласил на обед сын министра, господин Хань. Так вот, загляни после этого. А пока не появляйся у нас с маслом — так будет лучше. И вот еще что, — вспомнила Ван, — одежда на тебе из простой ткани и ты не походишь на блестящего, богатого посетителя; поэтому, когда придешь к нам в следующий раз, оденься получше, чтобы девицы тебя не узнали. Тогда и мне будет легче что-нибудь придумать.

— Я понял вас, — сказал Цинь Чжун и откланялся.

После этого разговора Цинь Чжун три дня подряд не ходил торговать маслом. Надев на себя поношенное, но еще совсем приличное шелковое платье Цинь Чжун бродил по городу, подражая манерам ученых и знатных людей. Вот уж действительно,

*Чтоб в тайны цветников проникнуть,
Решил манерам должным обучиться.*

Но не будем говорить о тех трех днях. На четвертый день, поднявшись чуть свет, Цинь Чжун сразу отправился к матушке Ван. Явился он туда очень рано — ворота еще были заперты, и юноша решил прогуляться, а потом прийти опять. В монастырь Чжаоцин он не осмеливался идти в таком виде, боясь осуждения монахов, и потому направился к дамбе Шицзин. Прогуливался он довольно долго, и когда вернулся, то ворота дома были уже открыты. Возле ворот Цинь Чжун увидел паланкин и лошадей, а в подворотне — множество слуг. Цинь Чжун был скромным и к тому же сообразительным человеком: он не стал заходить внутрь, а тихонько подозвал к себе погонщика и спросил:

— Чьи это лошади и паланкин?

— Это из дома почтенного Ханя приехали за молодым господином.

Цинь Чжун понял, что тот ночевал здесь и еще не уехал. Тогда он пошел в харчевню перекусить, посидел там и опять направился к дому. Паланкина уже не было. Когда он вошел в дом, его встретила Ван и тут же сказала:

— Виновата я перед тобой: сегодня Мэйнян опять занята. Только что молодой господин Хань увез ее с собой любоваться ранними цветами дерева *мэй. Он у нас постоянный гость, и я не решилась отказать ему. Но это еще не все. Я слышала, как он говорил, что завтра они собираются поехать в монастырь Линъинь повидать одного мастера шахматной игры и сыграть с ним партию. Кроме того, уже несколько раз приходил договариваться господин Ци. Он хозяин этого дома и сада, так что тоже нельзя отказать. А когда он приезжает, то живет по три, по пять дней кряду, и тогда даже я сама не могу ничего определенного обещать заранее. Послушай, господин Цинь, если ты действительно решил добиться своего, то уж потерпи еще некоторое время. А не то я должна буду вернуть тебе твои подношения.

— Самое главное — это чтобы у вас было желание помочь мне, — ответил Цинь Чжун. — Я десять тысяч лет согласен ждать, только бы встреча состоялась.

— В таком случае я готова взять это на себя, — ответила та и, когда Цинь Чжун простился и собрался уходить, добавила: — Вот еще что, господин Цинь. Когда решишь в следующий раз навеститься к нам, не являйся рано, а приходи днем, после полудня, ближе к вечеру, и я всегда тебе точно скажу, будут или не будут гости на следующий день. И вообще, чем позже придешь, тем лучше. Это мои особые соображения, пойми меня правильно и не обижайся.

— Что вы, что вы! — ответил Цинь Чжун.

На следующий день он привел в порядок свою ношу и отправился с ней в другие места. Теперь он уже не ходил с маслом в сторону ворот Цяньтан, к дому матушки Ван Девятой. Туда он являлся только вечерами, после работы, тщательно приодетый. Каждый день он справлялся, но Мэйнян все бывала занята. Так он безуспешно проходил туда более месяца. И вот настал пятнадцатый день двенадцатого месяца. После большого снегопада подул западный ветер, и снег обледенел. Был страшный мороз, зато не было грязи.

В этот день Цинь Чжун торговал маслом, а вечером, как обычно, приоделся и пошел в веселый дом. На этот раз хозяйка вышла к нему навстречу, умильно улыбаясь.

— Сегодня тебе повезло, — сказала она. — Кажется, все девяносто девять «за».

— А единичка, которой недостает, это что? — спросил Цинь Чжун.

— Это она сама — ее еще дома нет.

— А вернется она?

— Сегодня она любит снег у начальника Военной палаты господина Юя. Угощение устроено прямо в лодке на озере. Господин Юй — это семидесятилетний старец, и его пора наслаждаться любовью уже прошла. Он говорил, что с наступлением вечера доставит ее обратно. А ты пока пройди к ней в комнату, согрейся кубком вина и дождайся ее там.

— Тогда прошу вас провести меня.

Ван повела его лабиринтами коридоров мимо множества комнатушек, пока они наконец не оказались в светлом, просторном помещении из трех комнат. С левой стороны была комната для прислуги — здесь стояли кровать, лежанка и еще какая-то простая мебель; с правой — спальня Мэйнян. Двери спальни были заперты на замок. Посередине находилась гостиная. На стене, прямо против входа, висел пейзаж кисти известного художника. На столике для курения благовоний стояла бронзовая *бошаньская курильница, в которой курились ароматные свечи, а по обе стороны от него были еще столики с дорогими безделушками. Множество написанных от руки стихов украшало стены. Цинь Чжун, слабо владевший грамотой, не решался задерживать на них своего взгляда.

«Если здесь так опрятно, — думал он, — представляю, какой прекрасной должна быть ее спальня. Да, это будет ночь моего полного блаженства, и десять ланов за такую ночь — не много, нет».

Ван усадила Цинь Чжуна на место гостя, а сама заняла место хозяйки. Через некоторое время служанка внесла лампу, поставила на стол и подала шесть блюд свежих фруктов. Затем она принесла короб с тончайшими яствами и великолепное вино, аромат которого щекотал ноздри. Когда налили вина, Ван подняла рюмку и стала потчевать гостя.

— У всех девиц моих сегодня посетители, и составлять тебе компанию приходится мне самой. Так прошу, дай волю душе и пей без всякого стеснения.

Цинь Чжун вообще-то редко пил, к тому же на уме у него было совсем другое, и потому, пригубив несколько раз и чуть отпив, он отставил рюмку.

— Ты, наверное, проголодался, поешь немного, а потом еще выпьешь, — сказал хозяйка.

Служанка тут же подала белый как снег рис и поставила перед Цинь Чжуном чашку бульона. Ван пить могла много, а потому не приступала к еде и, занимая гостя, продолжала потягивать вино. Цинь Чжун съел чашку риса и положил *палочки.

— Ночь-то длинная. Поешь еще немного, — уговаривала его Ван.

Цинь Чжун съел еще полчашки. Подошла служанка с фонарем в руках и доложила:

— Вода нагрелась, прошу господина гостя мыться.

И хоть Цинь Чжун, перед тем как прийти сюда, успел помыться, отказаться он не посмел и, помывшись ароматной водой и душистым мылом, оделся и снова вернулся к столу. Ван велела убрать прежние закуски и подать к вину *блюда на угольках.

К этому времени сумерки уже начали переходить в ночь, в монастыре Чжаоцин отзвонил колокол, а Мэйнян все не возвращалась.

*Ты все веселишься,
красавица, где-то,
А юный влюбленный
глаза проглядел.*

Как говорится, кто ждет, тому не ждется. И Цинь Чжун приуныл.

Ван, как могла, занимала его болтовней, потчевала, уговаривала пить. И вдруг снаружи донесся шум, послышались оживленные голоса — вернулась Царица цветов. Служанка прибежала доложить об этом. Хозяйка поспешно встала и вышла встретить Мэйнян. Цинь Чжун тоже поднялся.

Через некоторое время служанки под руки ввели Мэйнян. Остановившись у двери, она пьяными, помутневшими глазами смотрела на ярко горевшие свечи, на тарелки и рюмки, которые так и не были убраны со стола.

— Кто здесь пил? — спросила она.

— Дитя мое, это тот молодой господин Цинь, о котором я тебе не раз говорила. Он давно восхищается тобой, поднес подарок, но тебе было все некогда, и он ждет уже больше месяца. К счастью, ты сегодня свободна, вот я и удержала его, чтобы он смог повидаться с тобой.

— Что-то не слышала, чтобы в Линьани говорили о каком-то молодом господине Цине, — ответила Мэйнян. — Нет, я не приму его.

Она повернулась, чтобы уйти, но Ван, раскинув руки, быстро преградила ей путь.

— Послушай! Мать не подведет тебя. Молодой господин Цинь — это порядочный человек, человек искренней души.

Постояв немного, Мэйнян вошла в гостиную. Что ей еще оставалось?! Но, едва переступив порог, она подняла взгляд на сидящего гостя и тотчас остановилась: лицо молодого человека показалось ей знакомым. Пьяная, она никак не могла только вспомнить, кто это, и сказала:

— Матушка, этого человека я знаю. Он вовсе не из видных, известных людей. Надо мной будут смеяться, если я проведу с ним вечер.

— Дочь моя, — ответила Ван, — не прими его за кого-нибудь другого. Ведь это господин Цинь, владелец той самой лавки возле городских ворот Юнцинъ, в которой торгуют шелком. Когда мы жили там поблизости, ты, вероятно, его встречала, поэтому его лицо тебе и знакомо. Я была тронута искренностью чувств молодого человека и пообещала, что ты примешь его. Отказать теперь уже неловко. Хотя бы из уважения ко мне удели ему вечер. Я же признаю свою вину и завтра принесу тебе извинения.

Говоря это, Ван подталкивала Мэйнян вперед.

Мэйнян пришлось подойти и поздороваться с гостем. Сушая правда,

*Коль сводница рот свой раскроет,
в сети ты к ней попадешь;
Коль сводница руки наложит,
знай — никуда не уйдешь.
И сколько ни бейся, бедняжка,
как ни хитри, ни мудри,
Одно лишь тебе остается —
за сводницей следом идти.*

Цинь Чжун, конечно, слышал весь разговор Ван с Мэйнян, но сделал вид, что ничего не знает.

Поздоровавшись с Цинь Чжуном, Мэйнян села и стала внимательно разглядывать его. Она была очень недовольна, ее одолевали сомнения, и потому она все время молчала. Потом позвала служанку, велела подать *горячего вина и наполнила большую рюмку. Ван думала, что она собирается поднести вино гостю, но Мэйнян залпом выпила его сама.

— Дитя мое, ты охмелела уже, поменьше пей, — заметила хозяйка, но Мэйнян и слушать ее не хотела.

— Нет, я не охмелела, — возразила она и одну за другой выпила подряд рюмок десять.

Всего этого вместе с выпитым за день было для нее больше чем достаточно. Почувствовав, как она отяжелела, Мэйнян приказала служанке открыть спальню и засветить серебряный светильник. Не раздеваясь, не снимая с головы украшений, сбросив с себя лишь башмаки, она повалилась на постель.

Поведение Мэйнян пришлось не по душе хозяйке.

— Ох, и капризная же, — говорила она Цинь Чжуну. — Это все потому, что я ее вечно баловала. Не знаю уж, чем она сегодня недовольна, но только вы тут ни при чем и потому не обижайтесь, пожалуйста.

— Что вы! Не посмею! — ответил Цинь Чжун.

Ван уговаривала молодого человека выпить еще, но тот решительно отказался. Тогда она провела его в спальню.

— Пьяна. Надо помягче, поласковее с ней, — шепнула она на ухо Цинь Чжуну и затем громко окликнула Мэйнян: — Дочь моя, поднимись, разденься и укладывайся как следует.

Мэйнян ничего не отвечала — она уже спала. Хозяйке оставалось только покинуть спальню. Служанка, убрав со стола, тоже собралась уходить.

— Располагайтесь, господин Цинь, — сказала она на прощание.

— Принеси горячего чаю, если есть, — попросил Цинь Чжун.

Служанка поставила на стол чайник густо заваренного чая и удалилась в боковую комнату, прикрыв за собой дверь.

Цинь Чжун посмотрел на Мэйнян. Она лежала поверх парчового одеяла, повернувшись лицом к стене, и крепко спала. Цинь Чжун подумал о том, что пьяный человек всегда чувствителен к холоду. И тут он заметил на спинке кровати еще одно большое шелковое одеяло и, тихонько сняв его, заботливо укрыл Мэйнян. Затем он поправил светильник, взял чайник с горячим чаем, сбросил туфли и примостился возле Мэйнян, положив на нее правую руку, а левой держа возле себя чайник. Так он лежал, не решаясь сомкнуть глаз. И действительно,

*Пусть не было бурного ливня страстей,
Пусть дух не витал в облаках,
Но дивную яшму он нежно ласкал
И сладкий вдыхал аромат.*

В полночь Мэйнян проснулась от давящей тяжести в груди. Хмель еще не прошел. Она приподнялась, села на постели и, склонив голову, пыталась сдержать приступ тошноты. Цинь Чжун, понимая, что ее тошнит, тотчас приподнялся, поставил в сторонку чайник и стал тереть ей спину. Наконец Мэйнян не выдержала: ее стало рвать. Боясь, что она может запачкать одеяло, Цинь Чжун подставил ей рукав своего халата. Мэйнян не понимала, что происходит. Когда рвота наконец прекратилась, она, не раскрывая глаз, попросила чаю.

Цинь Чжун встал с постели, осторожно снял с себя халат и положил его на пол. Пощупал чайник — он оказался еще теплым. Тогда он налил чашку густого ароматного чая и подал Мэйнян. Та выпила залпом две чашки подряд и вроде бы почувствовала облегчение. Но тут же она снова повернулась лицом к стене и, утомленная, мгновенно заснула. Свернув свой халат грязным рукавом внутрь, Цинь Чжун сунул его под кровать и опять лег рядом с Мэйнян, обняв ее одной рукой.

Мэйнян пробудилась ото сна, когда уже рассвело. Повернувшись, она увидела, что кто-то лежит возле нее.

— Кто вы такой? — удивилась красавица.

— Моя фамилия — Цинь, — ответил Цинь Чжун.

Мэйнян тщетно стала припоминать, что было с нею минувшей ночью.

— Ну и пьяна же была я вчера, — проговорила она.

— Нет, не очень, — сказал Цинь Чжун.

— А меня тошнило?

— Нет.

— Ну, тогда еще ничего. А мне что-то помнится, что тошнило. Помню еще, — добавила Мэйнян, немного подумав, — что я пила чай. Неужели мне все это приснилось?!

— Да, тошнило, — сказал тогда Цинь Чжун. — Я видел, что вечером вы выпили лишнее, и боялся, что это может с вами случиться. Поэтому я держал возле себя теплый чайник. Когда вас вырвало, вы попросили чаю, я вам налил, и вы были так любезны, что выпили две чашки.

— И где же это все? — в испуге спросила Мэйнян. — Какая гадость!

— Я боялся, что запачкается одеяло, и подставил свой рукав.

— Ну и куда же вы все это девали?

— Завернул и убрал.

— Жаль, испортила вам халат.

— Считаю, что халату моему повезло.

«Как он тонок в обращении», — подумала про себя Мэйнян, чувствуя уже некоторое расположение к молодому человеку.

Тем временем совсем рассвело. Мэйнян поднялась с постели, привела себя в порядок, взглянула на гостя и тут вдруг вспомнила, где она видела этого человека. Не сомневаясь в том, что перед ней продавец масла Цинь, она спросила его:

— Кто вы такой и почему оказались здесь вчера ночью? Прошу вас, скажите мне откровенно, — добавила она.

— Раз вы удостоили меня этим вопросом, то я не посмею солгать. Я — Цинь Чжун, тот самый продавец, который обычно приходил к вам сюда с маслом.

И тут Цинь Чжун подробно поведал ей о том, как увидел ее в первый раз, когда она провожала гостей, как видел ее вторично,

когда она садилась в паланкин, как его душой завладело неодолимое влечение к ней, и, наконец, о том, как стал копить деньги на свидание с нею.

Подробно рассказав об этом, он добавил:

— Мне довелось в милой близости с вами провести эту ночь, я почитаю это счастьем всей моей жизни и вполне этим удовлетворен.

Мэйнян была тронута его рассказом.

— Вчера я была пьяна и не оказала вам должного приема, — сказала она, — и вы, конечно, сожалеете о том, что зря потратили столько денег.

— Вы небесная фея, и беспокоит меня лишь одно: быть может, я не проявил должного внимания, ухаживая за вами. И если только вы не станете осуждать меня — это уже беспредельное счастье, ни на что большее я даже надеяться не смею.

— Но вы ведь простой торговец. Почему бы не приберечь для семьи то, что вам удастся скопить? Ведь такому, как вы, здесь бывать вовсе не следует.

— Я одинокий человек, у меня нет ни жены, ни детей, — ответил Цинь Чжун.

Мэйнян на минуту задумалась, затем спросила:

— Сегодня вы уйдете, а в другой раз придете еще?

— Милая близость прошедшей ночи утешила меня на всю жизнь, и я не смею лелеять в себе безумные мечты.

«Редкий человек, — подумала Мэйнян. — Честен, скромен и еще так обходителен, скрывает чужие недостатки и восхваляет чужие достоинства. Из ста, из тысячи не встретишь одного такого! Как жаль, что он человек рынка и лотков. Будь он из тех, что постоянно ходят в халатах и шапках, я согласна была бы верить ему свою судьбу и служила бы ему всю свою жизнь».

Тем временем служанка принесла воды для умывания, а немного погодя — две чашки имбирного отвара. Цинь Чжун умылся. Причесываться он не стал, так как ночью даже не снимал с себя шапки. Отпив несколько глотков имбирного отвара, он стал прощаться.

— Погодите, не торопитесь! — остановила его Мэйнян. — Я хочу еще кое о чем с вами поговорить.

— Я полон чувства почтения к вам, Царица цветов, и мне приятен будет каждый лишний миг, который я проведу возле вас. Но человеку следует во всем знать меру. Дерзостью было уже то, что я провел здесь целую ночь. Ведь достаточно узнать об этом кому-нибудь, чтобы на ваше доброе имя сразу легло пятно. Разумнее будет уйти пораньше.

Мэйнян кивком головы выслала из комнаты служанку и, как только за ней затворилась дверь, вынула из шкатулки двадцать ланов серебра.

— Вчера я была виновата перед вами, — сказала Мэйнян, протягивая молодому человеку серебро. — Так возьмите эти деньги и вложите их в ваше дело. Только никому об этом не говорите.

Цинь Чжун, разумеется, отказался принять деньги.

— Послушайте, деньги мне достаются легко. Этой ничтожной суммой я хочу хоть как-то отблагодарить вас за ваше внимание ко мне. Не отказывайтесь, прошу вас. И если вам не хватит на дело, я смогу потом еще вам помочь. А ваше платье я прикажу служанке выстирать и вернуть вам.

— О каком-то дрянном платье незачем вам беспокоиться. Я и сам его постираю, а принять ваш щедрый дар не осмелюсь.

— Ну что вы! — воскликнула Мэйнян, засовывая серебро ему в рукав и подталкивая к выходу.

Цинь Чжун, видя, что ему так не уйти, принял серебро, низко поклонился Мэйнян и, захватив с собой свое грязное платье, вышел из комнаты. Когда он проходил по коридору, служанка заметила его.

— Матушка! — крикнула она. — Господин Цинь уходит.

Ван, которая в это время была занята туалетом, не выходя из комнаты, окликнула его.

— Что же это вы так рано уходите, господин Цинь?

— Есть кое-какие дела, — ответил Цинь Чжун. — Как-нибудь в следующий раз приду поблагодарить вас.

Но оставим пока Цинь Чжуна.

Что до Мэйнян, то, хотя между ней и Цинь Чжуном в эту ночь ничего не было, искренность его чувств тронула ее. Ей стало жаль, что он ушел. После вчерашнего опьянения ей было нехорошо, и в этот день она осталась отдыхать дома, отказав всем. Ни о ком из своих знакомых она не вспоминала и думала лишь об одном Цинь Чжуне. Есть песенка, которую можно привести здесь в подтверждение:

*Милый, любимый!
Гость ты не частый
в ярких аллеях цветов.
Знаю, ты скромный,
простой продавец.
Но ты ласков душой,
сердцем чуток своим,
так мил и так нежен со мной!*

Нет!

Нет в тебе буйного нрава.

Нет!

Нет в тебе черствой души.

Ах, сколько уж раз

от себя эти мысли гнала

И снова и снова

думаю лишь о тебе.

А теперь вернемся к Син Цюаню. Живя в доме Чжу Шилао, он сошелся с Ланьхуа, а когда увидел, что болезнь приковала Чжу Шилао к постели, совсем перестал считаться с чем бы то ни было. Чжу Шилао не раз выходил из себя и скандалил с Син Цюанем. Кончилось все это тем, что однажды ночью, сговорившись, Син Цюань и Ланьхуа очистили шкаф, забрали деньги и сбежали.

Чжу Шилао узнал об этом только на следующий день. Он попросил соседей помочь ему в беде. Вывесили объявление о краже, несколько дней подряд искали беглецов, но поиски ни к чему не привели.

Чжу Шилао теперь глубоко раскаивался, что в свое время, введенный в заблуждение Син Цюанем, прогнал Цинь Чжуна.

От людей он слышал, что Цинь Чжун снимает комнатку возле моста Чжунъаньцяо и занимается торговлей маслом вразнос. «Хорошо бы вернуть его: по крайней мере была бы опора в старости и было бы кому позаботиться обо мне после смерти», — подумал Чжу Шилао. Боясь, однако, что Цинь Чжун не забыл прежней обиды, он решил попросить соседей, чтобы те уговорили Цинь Чжуна вернуться и сказали ему, что следует помнить добро, а не зло.

Как только Цинь Чжун узнал об этом, он сразу же собрал свои вещи и перебрался к Чжу Шилао. При встрече оба разрыдались. Чжу Шилао передал Цинь Чжуну все, что у него осталось из его сбережений, к этому Цинь Чжун добавил свои двадцать с чем-то ланов и, как смог, наладил торговлю маслом в лавке. Теперь он снова носил фамилию Чжу, а не Цинь.

Не прошло и месяца, как Чжу Шилао стало совсем плохо. Лечение не помогало, и вскоре он скончался, к великому горю Цинь Чжуна, который бил себя в грудь и плакал так, словно потерял родного отца.

Последовали обряды *уложения в гроб, установления гроба, и через сорок девять дней, как подобает, Цинь Чжун похоронил Чжу Шилао на родовом кладбище семьи Чжу, которое находилось за воротами Цинбо. И не было человека, который не говорил бы о добродетели Цинь Чжуна.

Когда с похоронами было покончено, Цинь Чжун снова открыл лавку.

Надо сказать, что лавка эта существовала очень давно и дела ее всегда шли хорошо. Только при Син Цюане покупателей стало совсем мало, потому что он их обсчитывал и обвешивал. Теперь же, увидев, что в лавке опять торгует молодой Цинь Чжун, все охотно стали покупать у него, и торговля пошла лучше прежнего. Цинь Чжуну одному было уже не справиться, и пришлось искать помощника.

Однажды некий Цзинь Чжун, занимавшийся делами посредничества, привел к Цинь Чжуну человека лет пятидесяти. Это был тот самый Синь Шань, который в свое время жил в деревне Аньлоцунь, около Бяньляна, затем в годы нашествия бежал оттуда на юг и потерял дочь при нападении солдат. Несколько лет подряд он вместе с женой скитался по стране, и они кое-как перебивались. Когда он узнал, что Линьянь — цветущий город и многие беженцы устроились именно там, он поехал в Линьянь в надежде разыскать дочь. Но тщетно. Все дорожные деньги он издержал и задолжал в гостинице, откуда его уже стали выгонять. Положение было безвыходное.

И вот как-то в разговоре с Цзинь Чжуном он узнал, что Цинь Чжун ищет помощника. Синь Шань сам когда-то держал зерновую лавку и был знаком с торговлей маслом. К тому же он слышал, что Цинь Чжун тоже из Бяньляна, следовательно, приходится ему земляком, и потому попросил Цзинь Чжуна представить его молодому хозяину.

Подробно расспросив Синь Шаня и узнав, что он пережил, Цинь Чжун невольно проникся к земляку сочувствием.

— Ну что ж, — сказал он, — раз вам остановиться не у кого, живите с женою пока у меня как земляки, как родственники; когда разыщем вашу дочь, тогда решим, как быть дальше.

И тут же он дал Синь Шаню две связки монет, чтобы тот рассчитался в гостинице. Синь Шань привел жену, представил ее Цинь Чжуну. Цинь Чжун приготовил для них комнату.

Супруги во всем помогали ему: в работе по дому, в делах по торговле, и Цинь Чжун был очень им рад.

Время летело стрелой, и незаметно прошло больше года. Цинь Чжун, все еще не женатый, жил в достатке, к тому же был человеком порядочным, и поэтому многие готовы были так просто, без всяких подарков и выкупов, отдать за него своих дочерей. Однако, после того как Цинь Чжуну довелось увидеть Царицу цветов, он и смотреть не хотел на каких-то заурядных девиц и твердо решил, что женится лишь в том случае, если найдет для себя настоящую красавицу. Поэтому дни проходили за днями, а он все еще оставался холостяком. Вот уж право,

*Лишь синее море считает водою,
Лишь горы заоблачной выси — горами.*

Однако вернемся теперь к Мэйнян.

С известностью, которую она обрела, находясь в доме Ван Девятой, у нее буквально день проходил в развлечениях, ночь протекала в веселье, и она действительно знала лишь сласти да лучшие яства, утопала в парче и шелках. Но при всем этом ей часто бывало не по себе, особенно когда молодые повесы давали волю своим капризам и прихотям, устраивали сцены ревности или, когда она не могла прийти в себя после пирушек, открыто изменяли Мэйнян. В такие минуты она всегда вспоминала милого молодого Цинь Чжуна, остро ощущала отсутствие теплой ласки и нежного сочувствия и с тоскою думала о том, что не представляется случай встретиться с ним снова.

Но, как видно, сроку веселой ее жизни подошел конец и в судьбе ее суждено было настать переменам. Год спустя с ней приключилась вот такая история.

В городе Линьани жил молодой человек У Восьмой. Отец его, У Юэ, был правителем области *Фучжоу. Этот У Восьмой только что вернулся в Линьань с места службы отца, и теперь у него было полно денег. У Восьмой любил выпить, увлекался азартными играми, заглядывал в различные укромные уголки, и потому имя Царицы цветов ему было хорошо известно. Однако встречаться с ней ему не доводилось. Не раз он посылал к ней, приглашая ее провести с ним время, но Мэйнян, которая слышала о нем много дурного, всякий раз отказывала под тем или иным предлогом. У Восьмой нередко и сам с компанией бездельников являлся в дом матушки Ван, но ни разу не удалось ему увидеть Мэйнян.

Однажды в светлый *праздник весны, когда люди семьями отпраздничали и украсили могилы, когда всюду свободный от дела народ зеленую травку топтал, Мэйнян, утомленная каждодневными весенними прогулками, распорядилась отказывать всем посетителям и заперлась у себя в комнате. Она зажгла курильницу с благовониями, разложила перед собой *четыре сокровища ученого и только взялась было за кисть, как услышала невообразимый гам и переполох в доме.

Оказывается, это У Восьмой со своими слугами-головорезами явился предложить Мэйнян прокатиться по озеру. Когда ему отказали — уже в который раз, — он учинил погром в гостиной и, опрокидывая и разбивая все на пути, добрался до половины Мэйнян, но на двери ее комнаты висел замок.

Надо сказать, что в веселых домах прибегали иногда к особому приему отказывать посетителям. Девица пряталась у себя в комнате, комнату снаружи закрывали на замок, а гостю говорили, что ее нет дома. С доверчивыми и скромными это вполне удавалось. Но бывалого У Восьмого этой хитростью, конечно, нельзя было провести. Он велел слугам свернуть замок и ударом ноги распахнул дверь. Перед ним была не успевшая спрятаться Мэйнян. Он тут же приказал вытаскивать ее из комнаты, неистово ругаясь при этом.

В доме от мала до велика все попрятались, так что и тени человеческой нигде не было видно. Ван хотела было подойти к У Восьмому с извинениями и увещеваниями, но, видя, что дело плохо, тоже предпочла скрыться.

Слуги У Восьмого выволокли Мэйнян из дома и, не считаясь с тем, что ей трудно было быстро идти на ее маленьких *бинтованных ножках и в тесных туфельках, помчались по улице, таща ее за собой. За ними с видом грозного победителя следовал их господин.

Слуги выпустили Мэйнян из рук лишь тогда, когда домчались до озера и впихнули ее в лодку.

Мэйнян, двенадцати лет попавшая к матушке Ван и росшая в довольстве и богатстве, Мэйнян, за которой ухаживали, словно за драгоценной жемчужиной, подобных унижений и издевательств еще никогда не претерпевала. Обхватив лицо руками, она горько плакала.

Все с тем же несколько не смягчившимся выражением лица У Восьмой, словно *Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу, уселся в кресло посредине лодки спиной к Мэйнян, а по сторонам возле него стали слуги.

— Подлая дрянь ты этакая, паршивая потаскуха! — выкрикивал он, отдав распоряжение отчаливать. — Не понимаешь, когда относятся к тебе по-хорошему, когда носятся с тобой. Плеток получишь, если будешь еще реветь! Перестань!

Но на Мэйнян эти угрозы не действовали, и она продолжала рыдать.

Доплыв до середины озера, где на маленьком островке стояла беседка, У Восьмой распорядился, чтобы в беседку принесли короб с яствами, и сам отправился туда, на ходу бросив прислуге:

— Пусть эта дрянь составит мне компанию за вином!

Мэйнян, рыдая, схватилась за перила, упорно отказываясь сойти на берег.

Выпив без всякого настроения несколько чарок вина, У Восьмой вернулся в лодку и стал приставать к Мэйнян. Та затопала ногами и разрыдалась еще пуще. Выведенный из себя, У Восьмой велел сорвать с нее шпильки и приколки.

Мэйнян с распущенными волосами кинулась к носу лодки и бросилась бы в воду, если бы ее не успели схватить.

— Ты что! Думаешь запугать меня! — крикнул У Восьмой. — Да утопись ты даже — обойдешься мне в несколько ланов, и только. Но жизни-то лишать тебя все же грех. Ладно, коли бросишь реветь, отпущу и ничего с тобой не сделаю.

Услышав это, Мэйнян перестала плакать.

Тогда У Восьмой приказал направить лодку за ворота Цинбо. Там, выбрав укромное место, он велел слугам снять с Мэйнян туфли и размотать бинты на ногах — обнажились два *золотых лотоса, два нежных побега бамбука.

После этого он приказал слугам высадить Мэйнян на берег.

— Ну, дрянь, раз ты такая прыткая — добирайся-ка теперь домой сама: у меня для тебя провожатых нет! — заорал он ей вслед.

Лодку оттолкнули багром, и она снова направилась на середину озера. Вот уж поистине,

** Немало таких, кто цитры сжигал
или варил журавлей,
Но много ль таких, кто женщину милую
искренне пожалел!*

Итак, Мэйнян осталась одна на берегу. Босая, она не могла сделать и шагу.

«Какое унижение! Так оскорбить! Это при всех моих талантах, при моей-то красоте! — думала Мэйнян. — И все только из-за того, что я очутилась в этом проклятом заведении. А эти знакомства с родовитыми и знатными людьми. К чему они? Пригодились ли они мне теперь, в минуту беды? Что же мне делать? Пусть я и вернусь сейчас домой, но как буду жить после такого позора? Уж лучше умереть. Но во имя чего? Неужели так бесславно кончить свою жизнь? Ах, до чего я дошла! Сейчас любая деревенская женщина лучше меня в сто раз и мне не позавидует. Это все Лю Четвертая со своим языком! Она заманила меня в эту яму, довела до падения, до того, что случилось со мной сегодня. Известно давно, что красавицам горькая доля дана, но уж горше, чем моя, вряд ли кому доставалась».

Чем больше Мэйнян думала, тем тяжелее становилось у нее на сердце, и она снова разрыдалась.

И вот случайность! Как раз в это день Цинь Чжун поехал за ворота Цинбо на могилу Чжу Шилаго совершить поклонение. Назад он пошел пешком, а все, что было доставлено туда для жертвоприношений, отправил домой на лодке.

Проходя около того места, где У Восьмой высадил Мэйнян, Цинь Чжун услышал плач и пошел посмотреть, в чем дело. Всклоко-

ченные волосы и испачканное лицо не помешали Цинь Чжуну сразу же узнать Мэйнян, ее несравненную, бесподобную красоту.

— Царица цветов! Что с вами? Почему вы в таком виде? — взволнованно спросил Цинь Чжун.

Услышав сквозь плач знакомый голос, Мэйнян подняла глаза. Перед нею был тот самый любезный и милый Цинь Чжун, о котором она так часто думала. В этот момент он был ей ближе родного, и она излила ему все, что было на сердце.

Жалость охватила Цинь Чжуна, и он прослезился.

Разорвав пополам свое длинное шелковое полотенце, Цинь Чжун подал его Мэйнян, чтобы та обернула ноги. Он сам вытер ей глаза, поправил волосы и стал утешать ласковыми словами. Когда Мэйнян успокоилась, Цинь Чжун побежал за носильщиками, усадил Мэйнян в паланкин и проводил домой.

Ван тем временем всюду разыскивала Мэйнян, но никто ничего не мог сказать о ней. Она не знала, что еще предпринять, как вдруг Цинь Чжун привел Мэйнян.

О радости хозяйки нечего и говорить: ведь Цинь Чжун вернул ей не что иное, как утерянную жемчужину! К тому же этот самый Цинь Чжун уже давно не носил масла, многие говорили, что к нему перешла лавка старика Чжу и что с деньгами у него стало довольно свободно. В глазах других он выглядел теперь иначе, поэтому, разумеется, хозяйка встретила Цинь Чжуна особо приветливо и учтиво. Когда же узнала, почему Мэйнян в таком виде, поняла, что ей пришлось претерпеть и, наконец, чем она обязана Цинь Чжуну, то с низким поклоном поблагодарила его и пригласила к столу. Так как солнце уже склонилось к западу, Цинь Чжун после нескольких чарок поднялся из-за стола и стал прощаться. Ван усиленно уговаривала гостя остаться, а Мэйнян и вовсе не собиралась его отпускать.

— Вы мне понравились еще тогда, — сказала она. — Если бы вы только знали, как мне хотелось встретиться с вами. Нет, сегодня я не отпускаю вас так просто. Ни за что!

Цинь Чжун был вне себя от радости. В этот вечер Мэйнян ради Цинь Чжуна старалась вложить все свое искусство в пение, танцы и игру на флейте и цитре. Цинь Чжун чувствовал себя так, словно очутился в какой-то волшебной стране. У него то руки взлетали в порыве бурно играющих чувств и ноги просились в танец, то словно таяла душа и, опьяненная, уносилась в блаженную даль. Была уже глубокая ночь, когда они с Мэйнян рука об руку удалились в ее покои.

Что касается прелестной полноты их чувств в стихии любви, то об этом излишне даже говорить.

— Я хочу доверить тебе сокровенную тайну души моей, — в ту же ночь сказала Мэйнян Цинь Чжуну. — Только прошу не отказываться, когда узнаешь, в чем дело.

— Если я могу быть чем-нибудь вам полезен, то ради этого готов идти в огонь и в воду. Отказываться... Да мыслимо ли это?!

— Я хочу, чтобы ты стал моим мужем, — сказала Мэйнян.

Цинь Чжун рассмеялся:

— Если бы вы вздумали выбирать себе мужа из десятка тысяч людей, и тогда я не оказался бы в их числе. Нет, не смейтесь надо мной!

— Смеюсь, ты говоришь? Нет, я сказала это искренне. С пятнадцати лет, когда с помощью матушки Ван Девятой меня напоили и лишили девственности, с тех пор еще я задумала распрощаться с этим недостойным образом жизни, но не могла остановить свой выбор на ком-нибудь, так как не видела подходящего человека. Выходить же замуж без разбору я не решалась: боялась в этом важном для всей моей жизни деле совершить непоправимую ошибку. Мне, правда, приходилось встречаться со многими, но все это были люди богатые, блестящие, беспутные, любители вина и женщин, люди, которые в погоне за доступным весельем и в поисках праздного смеха искали лишь сладость удовольствия, и никогда не было у них искренних чувств к нежным и слабым созданиям. Я много и долго приглаждалась и лишь в тебе нашла настоящую искренность и благородство души. Ты, как я слышала, еще не женат, и потому, если не побрезгуешь мною, блеклым дешевым цветком, я готова, как говорится, в почтении *чашу к бровям подымать до самых глубоких седин. Если же ты не согласишься, то я тут же перед тобой удавлюсь куском шелка, чтобы убедить тебя в моей искренности. И предпочитаю поступить именно так, чем погубить неизвестно во имя чего в руках какого-нибудь нахала и лишь навлекать на себя насмешки людей.

При последних словах Мэйнян разрыдалась.

— Прошу вас, не расстраивайтесь, — утешал ее Цинь Чжун. — Ваша нежданная любовь ко мне — это то, чего я мог бы искать бесконечно и никогда не нашел. Мне ли от этого отказываться?! Но при вашей славе, при вашем положении нужны тысячи и тысячи, а я беден, и возможности у меня незначительные. Тут ничего не поделаешь: силы не повинуются сердцу.

— Если дело только за этим, то не беда, — ответила Мэйнян. — Скажу тебе прямо: я всегда думала о том, чтобы начать другую жизнь, и уже давно стала откладывать кое-какие вещи, которые храню у знакомых. Поэтому о выкупе тебе не нужно беспокоиться.

— Допустим, что так. Но ведь вы привыкли к роскошным нарядам и изысканным яствам. И как после всего этого вы сможете жить в моем доме, не представляю.

— Я согласна есть грубую пищу, ходить в грубой одежде и роптать ни на что не буду.

— Пусть все это так, — ответил Цинь Чжун, — но боюсь, что хозяйка ваша не согласится.

— Я знаю, как быть, — заверила его Мэйнян и объяснила, как она собирается действовать.

Так они проговорили до самого рассвета.

Оказалось, что Мэйнян почти у каждого из ее хороших знакомых держала кое-какие вещи. Под предлогом, что они ей теперь пона-

добились, она постепенно забрала их, договорившись с Цинь Чжуном, что тот будет хранить их у себя.

Как только все вещи были перевезены, Мэйнян отправилась к Лю Четвертой и поведала ей о том, что намерена покончить с настоящим и начать новую жизнь.

— Об этом и я когда-то тебе говорила, — сказала та. — Но ведь ты еще молода. За кого же ты решила идти?

— За кого, пока не спрашивайте, — ответила Мэйнян. — Но знайте, что я во всем следую вашим наставлениям, что желание это искреннее, серьезное, что я иду по доброй воле, что в новую жизнь я уйду бесповоротно. Не думайте, что я колеблюсь в своем решении, что пройдет некоторое время и я от него откажусь. Нет, я решила, и это твердо и окончательно. Я знаю, что стоит вам лишь поговорить об этом с хозяйкой, и она даст свое согласие. Мне, правда, нечем почитать вас, но вот эти десять ланов золота позвольте преподнести вам, тетушка, на шпильки. Заболвите за меня словечко перед хозяйкой, а когда все будет улажено, то подарок за сватовство, разумеется, сам собой.

При виде золота лицо Лю Четвертой расплылось в такую улыбку, что остались только щелки от глаз.

— Ах, что ты! Да разве я возьму это от тебя? Ведь мы, можно сказать, свои; к тому же это такое благое дело, — лепетала она. — Ну да ладно, оставляю пока у себя, считай, что это золото ты отдала мне на хранение. А в деле твоём можешь положиться на меня. Но только хозяйка-то твоя видит в тебе свое монетное дерево, с которого она трясет деньгу, и уж так просто тебя не отпустит. Как бы она не запросила тычонку серебра. Интересно, человек-то твой из тех ли, что не поспеет на крупную сумму? Все же мне следовало бы повидать его и договориться с ним.

— Незачем вам брать на себя лишние заботы, — ответила Мэйнян. — Считайте, что я сама внесу деньги за себя, и все.

— А хозяйка знает, что ты пошла ко мне? — спросила Лю.

— Нет, не знает.

— Тогда побудь пока у меня, а я отправлюсь поговорить с ней и, как только договорюсь, сразу же вернусь.

Порешив на этом, Лю Четвертая наняла паланкин и уехала.

Ван встретила гостью и провела ее в дом. Лю стала расспрашивать ее о случае с У Восьмым, и та рассказала ей всю историю. Выслушав ее, матушка Лю заговорила:

— В нашем деле можно зарабатывать, если содержать какую-нибудь не особенно шикарную, но и не совсем незаметную девку. Это и спокойней и удобней. Такая примет любого посетителя и ни одного дня не будет сидеть без гостя. А вот возьми Мэйнян: громкая слава превратила ее в лакомый кусочек, упавший на землю, кусочек, на который так и зарятся муравьи. Правда, благодаря этому в доме царит оживление, но ведь в то же время это лишает тебя покоя. Что с того, что за ночь ты берешь по десять ланов, в конечном счете это пустая лишь слава. Ведь когда являются знатные люди да родовитые потом-

ки, смотришь: при них обязательно целая куча помощников в безделье. Торчат всю ночь напролет, а ты возись с ними. Одна орава их слуг чего стоит! И каждому угоди! Чуть что не так, раздается непристойное слово, а то и поток срамной брани. Да еще тебе и посуду побьют, и мебель поломают. Пожаловаться на них хозяину ведь не пожалуешься и терпишь всякую всячину. К тому же всем этим отшельникам, художникам, поэтам, шахматистам да разной чиновной братии хочешь не хочешь, а несколько дней в месяц задаром удели. А богатая и знатная молодежь? Тот тянет к себе, этот — к себе, уступишь Чжану, обидишь Ли, один рад, другой недоволен. Возьми хоть вот историю с этим У Восьмым. Ужасно! Случись бы все по-иному, ведь потеряла бы красавицу со всем вложенным тобой в нее капиталом. Что ж, судиться с этой чиновной знатью станешь, что ли? Вот и приходится терпеть да помалкивать. Хорошо, что нынче тебе повезло, все обошлось, гром тебя миновал. А если, не ровен час, что-нибудь стряется... До меня, между прочим, — продолжала, понизив голос, матушка Лю, — дошли слухи, что У Восьмой затаил в душе недоброе и намерен еще устроить тебе скандал. Ты ведь знаешь, что характер у нашей Мэйнян далеко не покладистый: никому не хочет угождать, а это главная причина всех бед.

— Вот именно из-за этого-то я больше всего и беспокоюсь, — проговорила Ван. — Взять хотя бы того же У Восьмого: человек он с именем, с положением, не какой-нибудь там жалкий простолюдин. Так нет, паршивка ни за что не хочет его принимать. Вот и напросилась на скандал. Когда она была помоложе, еще слушалась, а теперь обрела славу, избаловалась бесконечными одобрениями да похвалами от богатых и знатных юнцов, капризной стала, чего ни коснись, везде и во всем сама себе хозяйка. Придет гость, захочет — примет, а не захочет — так ее и девятью быками с места не сдвинешь.

— Все они становятся такими, как только начинают пользоваться хоть небольшим успехом, — заметила, махнув рукой, Лю.

— Вот я и хочу нынче с тобой посоветоваться, — призналась Ван. — Если найдется человек, который не пожалеет на нее денег, то, думаю, лучше всего продать ее, чтобы начисто отделаться от греха и перестать носить во чреве этот дьявольский плод.

— Это умная мысль, — подхватила Лю. — Ведь за нее одну можно получить столько, что пять-шесть девок приобретешь. А если подвернется подходящий случай — то и все десять. Дело выгодное, отказываться не приходится!

— Я уже давно прикидывала все это, — разоткровенничалась Ван, — но люди с положением много не дают — сами ищут, где бы выгадать за счет других, а те, которые согласны дать сколько-нибудь, ей не хороши, не нравятся, и она то так ломается, то этак кривляется, не желает идти, да и только. Словом, сестрица, если будет подходящий человек, ты как-нибудь устрой дело, сосватай. И уж займись ею, если она, паршивка, не будет соглашаться. Дрянная девчонка, меня совсем не слушается, только ты можешь уговорить и убедить ее.

Лю громко рассмеялась.

— Я как раз и пришла к тебе затем, чтобы сватать ее, — сказала она. — Сколько же ты захочешь за то, чтобы отпустить ее?

— Что ж, ты ведь человек понимающий и знаешь, что в нашем деле дешево покупают, но дешево не продают, тем более что Мэйнян уже не первый год славится в городе. Ведь нет человека во всей Линьани, который не знал бы, что она — Царица цветов. Нечего и говорить, что за какие-нибудь триста или четыреста ланов я ей не позволю уйти. Тут без полной тысячи не обойтись.

— Попробую поговорить. Если такую сумму согласны будут дать, вернусь потолковать, а если не договорюсь, то уж не приду, не жди.

Перед уходом Лю нарочно поинтересовалась:

— А где же сегодня Мэйнян?

— И не спрашивай. С того самого дня, как ей досталось от У Восьмого, все боится, что он опять явится безобразничать. Целыми днями разъезжает по знакомым и жалуется на свою судьбу. Позавчера была у Ци, вчера — у Хуана, а сегодня опять куда-то поехала.

— Ну, лишь бы ты, почтенная, решила, а Мэйнян согласится: куда ей деваться? Если будет отказываться, я сумею ее уговорить. Но только смотри: найду человека, чтоб ты тогда не вздумала ломаться и вилять.

— Слово сказано, больше не о чем говорить.

Бросив на прощание провожавшей ее до ворот хозяйке: «Извини, побеспокоила!» — Лю Четвертая села в паланкин и уехала.

Вот уж действительно,

*Судит о черном, рядит о желтом,
словно юбку надевший *Лу Цзя;
Спорит о том, говорит ли о сем,
словно женского пола *Суй Хэ.
Были бы все так языкасты,
как сводница-бабка была,
Волны катила бы валом громадным
в крохотной луже вода.*

Возвратясь домой, Лю Четвертая рассказала обо всем Мэйнян.

— Она согласилась, нужно только, чтоб перед нею лежали деньги, и делу конец, — заключила она.

— Деньги уже приготовлены. Очень прошу вас, приходите завтра помочь завершить дело. Надо пользоваться моментом, а то потом опять придется возиться и уговаривать.

— Раз условились, обязательно буду.

Договорившись на этом, Мэйнян простилась с матушкой Лю и уехала домой, где ни словом не обмолвилась о том, что задумала.

На следующий день, в обеденное время, Лю Четвертая действительно явилась.

— Ну, как с тем делом? — спросила ее сестрица.

— Да можно сказать, что на девять десятых уже все почти улажено. Только вот еще с самой красавицей нашей я не говорила, — ответила Лю и прошла в комнату к Мэйнян.

После взаимных приветствий и непродолжительной беседы о том о сем матушка Лю спросила:

— Ну как, человек-то твой был у тебя, нет? Где же то, о чем мы говорили?

Кивнув в сторону кровати, Мэйнян сказала:

— Вот в тех сундуках, — и тут же раскрыла подряд шесть сундуков, из которых вынула четырнадцать пятидесятилановых упаковок и различные драгоценности — словом, всего более чем на тысячу ланов. При виде такого богатства у Лю Четвертой слюна по губам потекла и огнем загорелись глаза.

«Совсем еще молодая, а себе на уме, — думала она, — и как это она смогла столько накопить? Мои вон ничуть не меньше принимают гостей, но где им до нее! Не то что не умеют разжиться, даже если и заведутся у них какие-нибудь гроши, непременно растратят на семечки да на конфеты, так что даже бинты для ног и те я им покупай. Везет моей сестрице: досталась ей Мэйнян, и за какой-нибудь год с лишним она заработала уйму денег, а теперь уходит Мэйнян от нее, и она опять получает целое состояние. Легко и просто, никаких забот, словно перекладывает из одной руки в другую».

Но обо всем этом Лю Четвертая думала про себя и вслух не сказала ни слова.

Мэйнян, видя, что матушка Лю задумалась, решила, что та выискивает предлог получить за услуги. Тогда она вынула и положила на стол четыре куска сетчатого шелка, две булавки с драгоценными камнями, две нефритовые заколки и сказала:

— Позвольте, тетушка, поднести вам это в благодарность за хлопоты о моей судьбе.

Матушка Лю, которой теперь и небо стало мило, и земля хороша, тут же пошла к сестрице.

— Мэйнян желает сама откупиться, — заявила она сестре. — Она дает ту сумму, о которой мы говорили, ни на грош меньше. Это даже лучше, чем если бы ее стал выкупать какой-нибудь завсегдашай: по крайней мере обойдется без посредников, которым, знай только, подавай чай да вино, а потом еще не раз и не два благодари их особо.

Как только до сознания Ван дошло, что сундуки у Мэйнян полны всякого добра, она переменялась в лице. Самые бессердечные люди на свете — это хозяйки веселых домов. Они тогда лишь довольны, когда прибирают к рукам все, что каким-либо образом достается девицам. Когда хозяйка узнает, что у одной из девиц — а такие бывают — в сундуке появились свои сбережения, то, дождавшись, когда «дочь» уйдет, она срывает замок, врывается в ее комнату, переворачивает все вверх дном и обирает ее дочиста.

Другое дело с Мэйнян. Слава ее приносила ей обширные знакомства среди знати и богачей, а матушке — немалый доход, да и нрав у Мэйнян был строптивый, так что Ван не решалась трогать ее. Поэтому за все время хозяйка ни разу и ноги своей не заносила за порог спальни Мэйнян. А Мэйнян вон, оказывается, какими деньгами обладала!

— Сестрица! — перебила ее Лю Четвертая, заметив мрачное лицо хозяйки и догадавшись, в чем дело. — Отбрось ты всякие со-

мнения. Из всего, что имеется у Мэйнян, — пусть даже кое-что она и утаила от тебя — нет ни одного гроша, на который ты могла бы предъявить свои права. Ведь если бы она захотела растратить все, то уже давным-давно растратила бы. Или же, будь она легкомысленной и пожелай своими деньгами помочь какому-нибудь своему дружку-завсегдатаю, ты тоже об этом ничего не знала бы. Как-никак, а все же она разумно поступила, что делала сбережения, тем более что когда девица собирается начать новую жизнь и у нее нет ничего за душой, то ведь не выгонишь же ты ее за ворота с пустыми руками. Наоборот, с ног до головы приоденешь, чтобы на ней все сияло и сверкало, чтобы она человеком вошла в другой дом. А тут, тут уж, конечно, ни твоих забот, ни твоих расходов ни на что не потребуется, раз сама она вон сколько может выложить. И подумать только, ведь всю эту кучу денег ты целиком кладешь к себе в кошелек. Пусть даже она уйдет сегодня, так что же? Она тебе больше не дочь, что ли? Если она устроится неплохо, то в праздник ли, по случаю ли какого-нибудь торжества не явится разве почтить тебя? Ведь у нее нет ни отца, ни матери; выйдет замуж, так тебе еще бабкой быть у нее в доме. Уж что-что, а в обиде никак не останешься.

Слова сестрицы подействовали: видно было, что на душе у Ван полегчало. Она дала свое согласие. Тогда Лю Четвертая тут же пошла за серебром и, пересчитав его, передала хозяйке. Затем она принесла ей драгоценности и стала оценивать каждую вещь в отдельности.

— Я умышленно оцениваю эти вещи дешевле, — говорила она при этом, — если вздумаешь продавать их, и здесь выгадаешь не один десяток ланов.

Такая же старая сводница, как и Лю Четвертая, матушка Ван была, однако, из покладистых и соглашалась со всем, что ни говорила ей та. Когда Ван все приняла, Лю велела мужу сестрицы составить брачный договор и передала документ Мэйнян.

— Тетушка! — обратилась к ней Мэйнян. — Пока вы здесь, я хочу проститься со всеми и буду просить вас разрешить мне денек-другой пожить у вас, чтобы тем временем избрать *благоприятный день и начать дружную жизнь. Не знаю, согласитесь ли вы.

Лю Четвертой и самой хотелось этого: теперь, когда она получила от Мэйнян такие ценные подарки, она опасалась, как бы сестрица ее не передумала.

— Да ведь это так и должно быть, — сказала она.

Мэйнян не стала медлить. Она тут же собрала свои туалетные шкапулки, сундуки, постель и другие вещи, не взяв при этом ничего, что могло бы принадлежать хозяйке. Когда сборы были закончены, она вышла из своей комнаты, простилась с матушкой Ван, которая при расставании даже всплакнула; распрощалась она и со всеми подружками и, приказав людям вынести вещи, с радостным чувством на душе вместе с Лю Четвертой села в паланкин и отбыла.

Лю Четвертая отвела для Мэйнян тихую, уютную комнатку. Все девицы из дома матушки Лю явились поздравить Мэйнян по случаю такого радостного события.

В этот вечер и Цинь Чжун, посылавший Синь Шаня за известиями к матушке Ван, знал уже, что Мэйнян откупилась.

Выбрав благоприятный день, Цинь Чжун с музыкой отправился за невестой. Лю Четвертая, как настоящая сваха, снарядила и проводила Мэйнян. Цинь Чжун с Царицей цветов совершили обряд, как должно, среди украшений торжественных и ярко горящих свечей и были бесконечно счастливы.

*Пусть ласка любви им знакома,
знакома давно им она,
Но брачная ночь их сегодня
новой любовью полна.*

На следующий день престарелый Синь Шань с женой явились познакомиться с молодой. Внимательно приглядевшись друг к другу, они впали в крайнее изумление. Начались расспросы, и все трое залились слезами. Только тут Цинь Чжун узнал, что старики приходятся ему тестем и тещей. Он усадил их на почетное место, и молодые супруги земно поклонились им. Соседи и знакомые, кому довелось узнать об этом, поражались удивительной встрече Мэйнян с родителями.

В тот день был устроен пир в честь двойного события в семье. Распивали вино. И лишь вволю наслаждаясь счастливым весельем, приглашенные гости разошлись по домам.

Три дня спустя Мэйнян попросила мужа приготовить ценные подарки, чтобы послать их друзьям и знакомым в благодарность за услугу, которую они оказали ей, храня ее вещи, и заодно сообщить им о своем замужестве. И в этом сказалось чувство долга Мэйнян по отношению к людям. Ван Девятая и Лю Четвертая тоже получили подарки и были очень тронуты.

Когда исполнился месяц их супружеской жизни, Мэйнян раскрыла свои сундуки, которые доверху были наполнены золотом, серебром и не одной сотней кусков шелка и парчи, причем всего добра было более чем на три тысячи ланов. Ключи от сундуков Мэйнян передала Цинь Чжуну, и он постепенно приобрел дом, землю и обзавелся имуществом. Торговля маслом в лавке теперь целиком перешла в ведение Синь Шаня.

Меньше чем за год дом их превратился в цветущий уголок, богатую усадьбу, полную служанок и слуг. Благодарный земным и небесным духам за покровительство и помощь, Цинь Чжун дал себе слово пожертвовать каждому монастырю в округе, каждому храму в городе на каждый зал набор стеариновых и курительных свечей, а также масла для светильников на три месяца. Предварительно подготовив себя постом и воздержанием и совершив омовение, Цинь Чжун сам отправился со свечами и маслом обходить монастыри и храмы.

Начал он с монастыря Чжаоцин, затем один за другим посетил монастыри Линьинь, Фасян, Цзинци и, наконец, Тяньчжу. Речь дальше пойдет именно о монастыре Тяньчжу, который был местом стечения молящихся божеству *Гуаньинь и объединял, собственно, три монастыря: Верхний Тяньчжу, Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. Каждый из них посещало множество паломников. Дорога к мо-

настырям шла через горную местность, и водного пути к ним не было, поэтому Цинь Чжун велел сопровождающим его людям доставить туда свечи и масло, сам же он отправился в паланкине.

Прежде всего он посетил Верхний Тяньчжу. Монахи встретили его и провели в главный зал. Прислужник храма, старец Цинь, зажег стеариновые свечи и поставил свечи курительные.

Конечно, Цинь Чжун выглядел теперь совсем не так, как некогда. Условия жизни меняют и характер человека, и его внешность. Поэтому не удивительно, что старик Цинь не мог признать в этом рослом и солидном молодом человеке собственного сына. Однако внимание старика привлекло то, что на бочонках с маслом крупными иероглифами было написано «Цинь» и «Бяньлянь». И надо же было так случиться, что Цинь Чжун захватил с собой именно эти два бочонка, а не другие.

После того как Цинь Чжун с молитвенным поклоном поставил свечи, старик Цинь, как водится, принес чай, и настоятель лично поднес чашку гостю.

— Позвольте спросить вас, благодетель, — обратился тогда старик Цинь к гостю, — почему у вас на бочонках эти иероглифы?

В речи вопрошающего Цинь Чжун услышал бяньляньское произношение и спросил:

— А почему ты спрашиваешь, старец? Может быть, ты тоже из Бяньляна?

— Именно так, — ответил тот.

— А как зовут тебя? И почему ты пошел в монастырь? Давно ли здесь?

Старик сказал ему, откуда он, как его зовут, и рассказал о том, что в годы военных бедствий он бежал сюда, что, будучи в безвыходном положении, отдал тринадцатилетнего сына на воспитание в семью Чжу и что с тех пор прошло уже более восьми лет, а он по дряхлости и немощности своей все никак не мог отлучиться из монастыря, чтобы навести справки о сыне. Тут Цинь Чжун заключил его в объятия и громко зарыдал.

— Я, я и есть Цинь Чжун! — воскликнул он. — Я жил у Чжу Шилаго и занимался торговлей маслом вразнос, и, именно для того чтобы разыскать вас, я написал на бочонках эти иероглифы. И вот где мы встретились! Вот уж действительно само небо ниспослало такую удачу!

И встрече отца с сыном после их восьмилетней разлуки изумлялись все монахи.

Цинь Чжун остался ночевать в монастыре, и ночь, которую он провел с отцом, прошла в рассказах и расспросах.

На следующий день, переодевшись и приведя себя в порядок, Цинь Чжун отправился в монастыри Средний Тяньчжу и Нижний Тяньчжу. В *молитвенных обращениях, предназначенных для сжигания в этих монастырях, Цинь Чжун принял свою прежнюю фамилию. Совершив поклонение и воскурив свечи, он вернулся в Верхний Тяньчжу. Тут Цинь Чжун стал настоятельно упрашивать отца, чтобы тот оставил монастырь и поселился с ними, где жил бы спокойно, на полном попечении домашних.

Но старый Цинь много лет уже прожил в монастыре, вел монашеский образ жизни, соблюдал посты и строгое воздержание и потому не пожелал пойти с сыном.

— Но ведь восемь лет вы не видели заботы о себе с моей стороны, — уговаривал его Цинь Чжун, — к тому же я недавно женился, и нужно же невестке предстать перед вами.

С последним доводом старик Цинь никак не мог не согласиться.

На обратном пути Цинь Чжун следовал пешком за паланкином, который уступил отцу. Дома, одев отца в новое красивое платье и усадив его посередине зала, Цинь Чжун вместе с Мэйнян преклонили перед ним колена. Явились с приветствиями и Синь Шань с женою.

В этот день было устроено роскошное угощение, но старик Цинь не пожелал нарушить пост и не прикоснулся ни к вину, ни к скоромному.

На следующий день приходили с поздравлениями соседи и знакомые. Поздравляли, во-первых, с недавней свадьбой, во-вторых, по поводу полного воссоединения семьи молодой, в-третьих, по поводу встречи отца с сыном и, в-четвертых, с возвращением в род, с тем, что молодой господин Цинь стал снова носить свою прежнюю фамилию, то есть сразу с четырьмя торжественными событиями. И опять пировали подряд несколько дней.

Старый Цинь не хотел оставаться дома и все думал о привычной для него тишине и покое монастыря. Цинь Чжун не посмел перечить воле родителя и переслал в монастырь двести ланов, с тем чтобы отцу построили отдельную келью, и затем проводил его туда. Из месяца в месяц он посылал отцу все необходимое и каждые десять дней лично справлялся о его здоровье. Раз в три месяца Цинь Чжун навещал отца вместе со своей женой.

Старик Цинь прожил более восьмидесяти лет и спокойно отошел в мир иной. Его похоронили, как он и наказывал, на той самой горе, где стоял монастырь. Что касается Цинь Чжуна и его жены Мэйнян, то они прожили вместе до самой старости. Было у них два сына, оба учились и стали впоследствии известными учеными.

И поныне на языке того мира, где можно найти любовные утешения, когда хотят похвалить человека за его умение быть обходительным и милым, чутким и предупредительным, называют его «молодой господин Цинь» или «продавец масла».

Существуют и стихи, подтверждающие это:

Явилась весна.

Свежи и ярки повсюду цветы.

Спешат мотыльки,

пчелы одна за другою спешат

отведать сладкие соки весны.

Мне, право, смешно.

Как сдержать мне улыбку свою?

Блестящих — толпа!

*Но при всем их уменье сердца привлекать
не смогли превзойти продавца!*

16. ПУСТЯКОВАЯ ССОРА ИЗ-ЗА МЕДЯКА ПРИВОДИТ К НЕСЛЫХАННЫМ БЕДАМ

*Богатство и слава пустая
не стоят забот беспрестанных.
Но кто же, скажите, на свете
глубокий смысл этого понял?
Уж лучше во время досуга
пить чару одну за другою
И с чувством *скандировать громко
древнейшей поэзии строки;
Гулять, как с друзьями, с зарею,
с прозрачною облачка дымкой,
Вне мира сего пребывая,
жить в собственном мире прекрасном.
Когда ж истечет срок деяний,
в какие края попадешь ты?
В обитель святых вознесешься,
паря в колеснице бессмертных.*

строки эти написаны *даосом Возвращение. Кто же он, этот даос? Фамилия его — Люй, имя — Янь, *литературное прзвище — Дунбинь; родом он из Хэдуна, из округа Юэчжоу. Во времена династии *Тан, в годы *Сяньтун, когда *Люй Дунбинь прибыл в столицу, в город Чанъань, чтобы держать экзамены на ученую степень *цзиньши, на постоялом дворе он повстречал *Чжунли Цюаня, по прозвищу Чжэнъян-цзы. И когда Чжунли Цюань при помощи сновидений за время, пока варилось просо, навел Люй Дунбиня на путь прозрения, Люй Дунбинь понял: служебная карьера не стоит того, чтобы к ней стремиться, и стал просить Чжунли Цюаня посвятить его в таинства путей совершенствования и бессмертия. Чжунли Цюань решил проверить непоколебимость намерений Лк-й Дунбиня. Десять раз он подвергал его испытаниям, пока в конце концов не убедился, что тот вполне прозрел, тверд в своей вере и в своем решении. Чжунли Цюань собирался прежде всего обучить Люй Дунбиня тайному искусству *«желтого и белого», чтобы тот мог одним указанием перста даже камни превра-

щать в золото и помогать людям в их жизни. А через три тысячи лет, когда завершится срок его добротворных деяний, тогда он будет следить за восьмисотлетним периодом окончательного его самосовершенствования.

— А золото, сотворенное мной, не превратится ли потом во что-нибудь иное? — спросил Люй Дунбинь.

— Только через три тысячи лет оно превратится опять в то, из чего ты его сотворишь, — ответил Чжунли Цюань.

— Нет, не хочу я обучаться такому искусству, — грустно промолвил Дунбинь. — Может, я золото и получу, как только того пожелаю, но зачем, раз три тысячи лет спустя люди не увидят этого золота.

Чжунли Цюань рассмеялся:

— В таком добром сердце уже заложено все совершенство, которого возможно достичь за три тысячи восемьсот лет, — сказал он. — В свое время святейший *Кучжу говорил мне и велел запомнить, что если я в миру встречу двуротого, то это и будет мой ученик. Однако сколько я ни бродил по свету, человека с двумя ртами еще никогда не встречал. А вот у тебя фамилия *Люй, значит, ты и есть, должно быть, тот самый человек.

И Чжунли Цюань посвятил Дунбиня в тайны соединения и разъединения положительного и отрицательного начал. Когда Дунбинь добился первых успехов и получил свой философский камень, он поклялся, что лишь тогда позволит себе вознестись в небесную обитель, когда наведет на путь прозрения и совершенствования всех людей на свете. С тех пор он стал жить жизнью простого даоса среди людей и именовал себя даосом Возвращение. А слово «возвращение», как и фамилия Дунбиня — Люй, тоже представляет собой в написании комбинацию из двух иероглифов «рот».

Однажды Люй Дунбинь очутился в городе Чанша. Держа в руках крохотный жбанчик, он просил подаяния на рыночной площади.

— Я обладаю секретом бессмертия, — громко объявил он. — Того, кто согласится пожертвовать такое количество монет, каким можно будет наполнить этот жбан, я наделю средством для бесконечной жизни.

Трудно было предположить, чтобы этакий жбанчик мог вместить в себя много монет, и потому люди наперебой спешили накидать в него своих медяков. Но жбанчик все не наполнялся. Народ недоумевал. В это время на площади вдруг появился монах, который толкал перед собой тачку, полную медяков.

— Как полагают люди, здесь у меня тысяча *связок монет, — сказал он, обращаясь к даосу, и шутливо добавил: — Так мог бы твой жбан вместить их?

— Не только твои медяки, а и тачка твоя там уместится, — ответил даос.

«Врет он, — подумал монах, — не такое горлышко у этого жбана, чтобы туда пролезла тачка».

Видя, что монах стоит в растерянности, даос сказал:

— Боишься, наверно, расстаться с этими деньгами, а то стоит тебе лишь сказать, что согласен, как, будь покоен, тачка твоя полезет в жбан.

К тому времени даоса окружала уже целая толпа. Никто из этих простых людей не мог, конечно, поверить словам владельца жбанчика, и все стали дружно подзадоривать монаха. Монах тоже считал, что не может случиться того, в чем заверял его даос.

— Ну, хорошо, я согласен посмотреть, на что ты способен, — заявил он наконец.

Тогда даос поставил жбанчик на землю, в трех шагах от тачки, и повернул его набок, горлышком к ней.

— Ну, решишься ли ты теперь трижды сказать «согласен»? — обратился он к монаху.

— Согласен! Согласен! Согласен! — прокричал монах.

С каждым его возгласом тачка приближалась на шаг к жбанчику, а после третьего «согласен» она, будто кто-то ее в жбан веревкой тянул, закатилась прямо в горлышко. На какой-то миг у зрителей словно зарябило в глазах, и тачка исчезла. Раздалось многоголосое: «Удивительно! Непостижимо!» Все бросились вперед заглянуть в горлышко жбана, но там было темным-темно.

Монаху стало явно не по себе.

— Ты что же, бессмертный небожитель какой или просто фокусник? — спросил он даоса. Тогда даос проскандировал:

*Я не святой и не бессмертный,
Не фокусник и не внушитель.
Предел свой есть земле и небу,
На свете все непостоянно.
Коль мы не властны и над плотью,
Так о деньгах зачем нам думать?
Не хочешь раз со мной скитаться,
Я, оседлав кита, на небо вознесусь.*

Монах заподозрил, не колдун ли этот даос, и собирался уже просить людей помочь схватить его и повести в *ямэнь, но тут даос обратился к монаху:

— Тебя что, одолело раскаяние? Стало жалко тачки монет, что ли? Так я верну ее тебе, — заключил он и попросил, чтобы ему принесли бумагу и кисть. Написав какое-то заклинание, он бросил бумагу в жбан и громко приказал: «Вылезай, вылезай!»

Сотни глаз были прикованы теперь к горлышку жбана. Но тщетно — никаких признаков ни тачки, ни монет.

— Жбан стал жаден до денег, не хочет возвращать их тебе, — промолвил даос, глядя на монаха. — Что ж, придется мне самому отправиться за ними. — С этими словами он прыгнул в направлении жбана и бесследно исчез в горлышке, словно в бездонной пропасти.

— Ой, вернись, даос! — закричал монах. — Немедленно вернись!

Из жбана не доносилось ни звука. Монах рассвирепел. Схватив жбан, он с размаху швырнул его оземь. Жбан разлетелся вдребезги, но — ни даоса, ни тачки и ни одного медяка, даже из тех, что наки-

дали в жбан люди. Все исчезло невесть куда. Валялся только какой-то листок, и когда подняли его и стали разглядывать, то увидели, что на нем написаны стихи:

*Коль истину ищешь,
распознать ее надо,
А то встретил ее
и узнать не узнал.
Посмеялись и ладно —
увидимся снова,
Покатится тачка
Спокойной восточной дорогой.

Люди разглядывали листок, передавая его из рук в руки. Но вдруг строки стали бледнеть и совсем исчезли, а через мгновение исчез и сам листок. Только теперь они поняли, что перед ними был бессмертный. Толпа разошлась. На площади остался один монах, удрученный пропажей целой тачки монет. Тут он вдруг вспомнил о последних строках стиха: «Посмеялись и ладно — увидимся снова, покатится тачка Спокойной восточной дорогой» и опрометью бросился к Спокойной восточной дороге. Здесь он сразу же увидел свою тачку с медяками; деньги все были целы — ни одна связка не тронута. Рядом с тачкой стоял даос.

— Давно уже жду, — сказал он, приподняв руку в знак приветствия и улыбаясь. — Вот, забирай свою тачку и деньги. Эх, — вздохнул даос, — если отрехийся от мирской жизни так дорожит деньгами, что ж говорить о простых мирянах! Нет, вижу, на целом свете нет человека, которого можно было бы наставить на путь совершенствования и бессмертия. — С последними словами даос вскочил на возникшее у его ног облако и унесся ввысь.

Монах оцепенел от удивления и долго не мог сдвинуться с места. А когда подошел к тачке, то увидел, что на колесе, с каждой его стороны, четко выделяется иероглиф «рот». А ведь два «рта» составляют иероглиф фамилии Люй. Тогда монах понял, что это был Люй Дунбинь, и стал сожалеть, что упустил такой случай, но уж было поздно. Поистине,

*Повстречать в этом мире бессмертного проще,
Чем того, кто с богатством расстаться готов.*

Сейчас рассказ шел о том, как монах *упустил случай при встрече с настоящим бессмертным только из-за того, что пожалел расстаться с тачкой денег. Но некоторые считают, что винить монаха тоже не приходится: ведь целая тачка монет — сумма немалая, а на свете, мол, есть такие, кому и медяка жалко.

По моему же скромному разумению, чтобы не жалко было отдать тачку денег, надо исходить из мысли, что отдаешь ты одну монету, затем другую — и тебе не жаль. Однако тот, кто жалеет расстаться с медяком, исходит из соображения, что и тачка-то монет состоит ведь

из медяка одного да другого. Нет, не следует в таких случаях по-разному относиться к большему или к меньшему количеству денег.

Ну, а теперь послушайте небольшой рассказ именно о медяке.

Да, уважаемые, всем нам нужно стараться трезво рассуждать, воздерживаться от гнева и страстей и не следует напрасно полагать, что просто так, без труда сумеешь одолеть земное и обрести путь бессмертия. И это верные истины для самосохранения, поддержания добropорядка в семье. Стихи говорят:

*Прочь обиды и ссоры,
прочь скарედность, алчность;
Там, где жертвуют деньги,
добро там и сеют.
Не стремишься к богатству —
забот и не будет;
Бессмертен лишь тот, кто думы,
тревоги отбросил.*

Так вот, в провинции Цзянси, в области Жаочжоуфу, в уезде Фулянсянь, есть город Цзиндэчжэнь, который является также речным портом. Люди здесь занимаются изготовлением фарфоровых изделий. Торговцы со всех сторон съезжаются в Цзиндэчжэнь, увозят отсюда изделия в Сучжоу, Ханчжоу и другие места, продают их там и получают солидную прибыль.

Рассказ пойдет о некоем Цю Ида, одном из жителей этого города. Ида работал у владельца фарфорового производства. Жена его, урожденная Ян, умела хорошо срисовывать и обводить узоры и рисунки. Муж изготовлял разные изделия, а жена наносила на них изображения трав, цветов и прочего. Оба работали, никто из них не был праздным едоком в доме. Обитали они в тихом, укромном переулке и жили вполне безбедно.

Ян, тридцатилетняя женщина, недурной внешности, была довольно податлива в общении с мужчинами, но, зная крутой нрав супруга, не решалась давать своим чувствам волю, поэтому лишь изредка позволяла себе кое-что тайком. Был у них сын, звали его Чаньэр. Не наделенный умом природой, он, несмотря на свои четырнадцать лет, все еще не работал и только попусту болтался дома.

Однажды у Ян заболел живот. Она решила выпить перцевого бульона и дала сыну медяк, чтобы тот сходил на рынок и купил перца.

Чаньэр взял медяк и только вышел за ворота, как встретил выходявшего из дома соседского мальчишку Цзайвана, сына Лю Саньвана, который тоже работал на гончарном производстве. Цзайвану минуло тринадцать лет, но был он смышленее Чаньэра. Его любимым повседневным занятием было играть в «бросок».

Что же это за игра — «бросок»? В нее играют восемь или семью монетами, а иногда семью или пятью. Кидают монеты на землю, и если все они, упав, окажутся кверху стороной с иероглифами или же все обратной стороной без иероглифов, то это называется «полная масть»; если же половина монет ляжет кверху иероглифами, а половина — вниз иероглифами, это называется «вперемешку».

Обычно, когда у Цзайвана или у Чанъэра были деньги, они играли в «бросок» на ступеньках у входа в переулочек. И вот теперь, встретившись, они вдвоем дошли до места, где всегда играют, и Цзайван предложил Чанъэру сыграть.

— Сегодня у меня нет денег, — сказал Чанъэр.

— А куда ты идешь? — спросил у него Цзайван.

— У мамы живот болит, она послала за перцем, чтобы заварить его, сделать бульон.

— Раз за перцем идешь, значит, деньги есть.

— Да всего один медяк.

— Ну что ж, и медяк пойдет. Я тоже даю медяк и играем на «оборотки». У кого будут две «оборотки», тот выигрывает и забирает монеты, если же выпадут «надписи», значит, проигрыш. А если одна так, другая этак — ничья.

— Медяк-то у меня ведь на перец. Если проиграю, на какие шиши покупать?

— Ерунда! Если выиграешь, значит, тебе повезло, если проиграешь, даю тебе в долг, а ты мне возвращаешь потом, вот и все.

Чанъэр не устоял против соблазна и кинул монету. Цзайван полез в кармашек *набрюшника, вынул медяк и тоже бросил его на землю. У Чанъэра выпала «оборотка», у Цзайвана — «надпись». Надо сказать, что в этой игре существуют определенные правила, кому первому начинать: начинает тот, у кого выпала «оборотка». Поэтому Чанъэр поднял обе монеты, положил их на указательный палец и, придерживая монеты большим пальцем, чуть согнувшись в поясе, с криком «Оборотки!» бросил их. Выпали две «оборотки» — Чанъэр выиграл. Тогда он поднял с земли одну монету, а вторую оставил. Цзайван вынул из набрюшника другой медяк, поднял тот, который лежал на земле, и, так же как до этого делал Чанъэр, положив их оба на указательный палец и придерживая большим, согнулся в поясе и с криком «Оборотки!» кинул на землю. Но выпали две «надписи» — Цзайван опять проиграл.

Чанъэр прибрал оба медяка, и это пробудило в нем азарт.

— Ну что, есть у тебя еще монеты? — спросил он Цзайвана.

— Монеты-то есть, — ответил тот, — да боюсь, что не хватит у тебя везения их выиграть. — С этими словами он засунул руку в набрюшник и вынул оттуда с десяток чистеньких блестящих медяков.

— Эх, монетки-то какие! Какие монетки! — приговаривал он, вертя их в руке. — Ну как, хватит смелости еще сыграть? — спросил он Чанъэра и швырнул на землю медяк.

Чанъэр не удержался, и снова у него получилось две «оборотки». В четвертом кбне кидал Цзайван, но ему опять выпали две «надписи». Так они сыграли десяток раз, Чанъэр выигрывал подряд, и теперь у него набралось двенадцать монет. Прямо целый клад! Чанъэр весь сиял. Когда они сыграли последнюю игру, Чанъэр поднял монеты и собрался было уходить, но Цзайван преградил ему путь.

— Куда? Это после того, как ты столько у меня выиграл?

— Да ведь мать больна, ждет перца. Я пойду сейчас, а когда освобожусь, приду снова.

— Но у меня еще есть деньги, — возразил Цзайван. — Вот если ты и их выиграешь, я пойду с тобой, провожу.

Чанхэр стоял на своем и все говорил, что ему нужно идти. Цзайван вышел из себя.

— Не будешь больше играть, верни тогда мои медяки, и все! — закричал он. — А то выудил у меня своим медяком столько денег, а теперь хочет уйти!

— Я ведь не отнял их у тебя, а выиграл, — возразил Чанхэр.

Цзайван тем временем вытащил из набрюшника все монеты, которые у него оставались. Их было штук двадцать или тридцать. Сложив их в стопку на земле, он сказал:

— Вот проиграю все эти деньги, тогда и отпущу тебя.

Чанхэр был еще мальчишкой, мало в чем разбирался, и, когда он увидел перед собой такую кучу монет, в нем невольно пробудилась алчность. Да и Цзайван так привязался, что никак от него было не отделаться. Вот и пришлось продолжать игру. Но, как говорится, ветер не бывает только попутным, битвы только победными. Теперь пришла очередь выигрывать Цзайвану. Сыграли они около двадцати раз. И хотя раз-другой выигрывал Чанхэр, но больше выигрышей выпадало на долю Цзайвана, и в конце концов те двенадцать монет снова перекочевали к нему. У Чанхэра оставался один-единственный медяк, выданный ему на перец.

Истари известно, что успеху сопутствует приподнятость духа, душевный подъем. Вначале, когда Чанхэр выиграл одну за другой несколько монет, он осмелел. Поэтому за первыми случайными выигрышами последовал ряд удач. Когда же они принялись за игру вторично, то это было против его воли, им овладела жадность, поэтому руки его утратили уверенность. А после проигрыша нескольких монет подряд, когда с каждым ушедшим медяком становилось все более и более жаль следующего, настроение у Чанхэра совсем упало. Между тем Цзайван играл с азартом, подогреваемым чувством возмущения, кроме того, был он решительнее Чанхэра и потому, конечно, выигрывал.

Обычно состоятельному человеку нетрудно бывает жить; несложно жить — конечно, по своим средствам — и бедняку; но как тяжело порою приходится человеку, когда он из бедняка становится богачом.

Так Чанхэр, имея всего один медяк, выиграл раз, другой, ну, казалось бы, и хватит. А когда выиграл подряд целых двенадцать монет, так что все их, можно сказать, и в кулаке-то нельзя было зажать, тут уж непременно следовало бы прекратить игру и идти домой. Но, к сожалению, Чанхэр смотрел на эти медяки не как на случайно попавшие к нему в руки деньги, а как на свою собственность. Поэтому, проиграв их, он был крайне раздосадован. Ему очень хотелось отыграть деньги, выиграть, как он выигрывал вначале, поставив на кон единственную монету, у него оставшуюся.

«А почему бы нет? Ведь Цзайван обещал дать мне в долг, если проиграю», — рассудил он.

Так уж случилось, что и черед бросать был Чанъэра. Не удержавшись, он затаил дыхание и метнул монеты. И на этот раз они легли надписями вверх.

В замешательстве Чанъэр нагнулся с намерением схватить монету, но чуть опоздал. Цзайван успел перехватить обе и отправил их в карман набрюшника.

— Что ж ты спрятал обе монеты?! — возмутился Чанъэр. — У меня ведь был всего медяк на перец, и ты обещал дать мне в долг, если выиграешь его у меня.

Но Цзайван не мог простить Чанъэру, что тот хотел сразу же уйти, как только выиграл у него двенадцать медяков. И случай отвести душу как раз представился. Ведь, как говорится, чтоб отомстить, три года умный выждет, а недалекий тут же мстить стремится. Так что Цзайван и слушать не хотел ни о каком медяке в долг. Обеими руками он оттолкнул Чанъэра и нарочито весело, подпрыгивая и вертясь, побежал в переулок. С отчаянным воплем Чанъэр бросился за ним, схватил его, требуя медяк, и они сцепились.

*Кто верх возьмет в борьбе умов —
*Сунь Бинь иль Пан Цзюань?
Одержит кто в боях победу —
*Чу княжество или *Хань?*

Между тем Ян ждала, когда сын принесет ей перца, чтобы заварить его, но Чанъэр все не возвращался. Почувствовав, что боль утихла, Ян вышла на улицу посмотреть, не случилось ли чего с сыном, и увидела дерущихся мальчишек.

— Паршивец! — закричала она. — Послала тебя за перцем, а ты вместо этого драки тут затеваешь! А ну прекрати!

Мальчики отошли друг от друга, и Цзайван стал в сторонке.

— Где перец? — спросила Ян у сына.

— Цзайван отнял у меня монету, которую ты дала на перец, — ответил мальчик со слезами на глазах.

— Он проиграл мне, мы с ним играли, — возразил Цзайван.

Ян следовало бы, конечно, отругать лишь собственного сына за то, что он играл на деньги, и не винить Цзайвана, тем более что дело было в одном медяке — много ли он стоит! Да и проигран уже! Но из-за того что Ян оказалась недостаточно рассудительной, произошла страшная беда, которая повлекла за собой другие беды, и было погублено столько людей, что, поистине,

*Обдумай трижды свой поступок,
не то раскаяться придется;
А коль быть сдержанным сумеешь,
забот, волнений знать не будешь.*

Ян, которая была и без того раздражена тем, что сын долго не возвращался, и которой не на ком было излить свой гнев, как только узнала, что Цзайван выиграл у ее сына медяк, разразилась бранью:

— Ах ты, проклятый ублюдок! — кричала она. — Деньги понадобились тебе! Так пусть твоя матушка полюбовниками обзаведется, а то придумал еще — заманивать моего мальчишку играть на деньги.

С этими словами она кинулась на Цзайвана, чтобы проучить его, и случайно ухватила за набрюшник. Получив пару крепких тумачков, Цзайван, не стерпев, изо всех сил рванулся. Завязки от набрюшника оборвались, набрюшник упал на землю, а из него высыпалась уйма медяков.

— Ты верни мне медяк, и только, — сказала Ян.

Но Чанъэр, воспользовавшись словами матери, вместо медяка схватил целую жмень монет и бросился в дом. Цзайван поднял вопль. Ян поспешила вдогонку за сыном и прикрикнула на него, чтобы он вернул монеты.

Видя, что деваться некуда, Чанъэр швырнул монеты на улицу. Цзайван, плача и бранясь, стал их подбирать, а когда подобрал, обнаружил, что шести или семи медяков недостает. Он понял, что Чанъэр их припрятал, поэтому стал у входа в дом и начал громко требовать свое.

— Ишь как разошелся, паршивый ублюдок! — возмутилась Ян и ушла, закрыв за собой ворота.

Цзайван продолжал браниться, стучать по воротам, но в конце концов, плача, поплелся прочь. Когда он пришел домой, его мать, урожденная Сунь, возилась в это время у очага, готовя еду. На вопрос, что случилось, Цзайван, рыдая, ответил:

— Чанъэр заграбастал мои монеты... Мать ему на это ни слова не сказала, а стала ругать тебя, сказала, что ты любовников имеешь, обозвала меня ублюдком и прибавила, если, мол, вам деньги нужны, то пусть твоя мать еще любовниками обзаведется.

Не услышь этих слов Сунь, все было бы ладно. Но когда она услышала эти не лезущие в уши слова, у нее

*Гнев запылал в груди,
Зло в сердце зародилось.*

А надо сказать, что Сунь чрезмерно лелеяла сына и, прав был он или нет, всегда его защищала.

Вспыльчивого, неудержного нрава, с хорошо подвешенным языком, который никогда не заставлял себя ждать с ответом, Сунь была задирой среди задир. Если она начинала ругаться, то могла браниться хоть десять суток подряд и во рту у нее не пересыхало. За это и прозвали ее «горлохваткой».

Всего-то пара соседских домов отделяла ее дом от дома Ида. Она знала о грешках, которые водятся за Ян, но так как с Ян ей никогда не доводилось ссориться, то и обличать Ян у нее не было причины. Теперь же в висках у Сунь словно вспыхнуло пламя. Стоя посреди переулка, она кричала:

— Сука дрянная, сучья потаскуха! За спиной у мужа путаешься с мужиками! Но в твои дела не вмешиваются, молчала бы, так нет —

надо чернить других! Какая бы я ни была, но старику моему не приходится краснеть за меня. С парадного входа не бегают ко мне бабки-сводни, а с черного не шляются монахи. Волей я стойка: на ладони и человека удержу, на руке моей может и конь промчатся. Не то что ты, шлюха собачья. С виду вроде держишься, да нутром шатковата; с виду будто гордая, да товар-то у тебя без самолюбия, вот и *понацепляла своему старику зеленых колпаков. Постыдилась хотя бы, так нет — еще осмеливается на всю улицу осыпать бранью других. Кто совсем совесть потерял, и то такого себе не позволит. А мой мальчишка — младенец, он вместе с головой и со всеми требухами не сможет заполнить твои часы одиночества. Так что нечего приставать к нему. Когда будет невтерпеж, обратись лучше к старым знакомым. И почаще обращайся — больше ублюдков наплодишь, вырастут — будут сами плодить таких же!

Крики «дрянь», «потаскуха» так и сыпались. В переулке не осталось ни живой души. Ян, боясь мужа, не посмела затевать ссору. Выместить гнев своей оскорбленной души ей тоже было не на ком. Оставалось одно — обрушиться на собственного сына:

— Это все ты, паршивец, со своими дурными штуками... Заставил-таки эту горлохватку раскрыть пасть... — И, взяв попавшееся ей под руку полено, онахватила им Чанъэра по голове. Потекла кровь. Мальчик завопил, заревел.

Все это случилось как раз в то время, когда Ида возвращался с работы. Еще издали до него донеслись крики и брань Сунь. Вслушиваясь, он различал каждое ее слово. «Чья это неразумная хозяйшка нацепила вывеску своему старику, что ее так разделявает горлохватка?» — подумал он. Когда же Ида вошел в дом и увидел плачущего сына, то стал спрашивать, что произошло. Оказалось, что это ругали его собственную жену.

Ида был человек самолюбивый, не хотел, чтобы над ним смеялись, поэтому, не проронив ни слова, но полный гнева, он сел к столу. До него все еще доносились крики и брань соседки Сунь, которая угомонилась, лишь когда наступили сумерки.

Выпив несколько чашек вина и дождавшись глубокой ночи, Ида позвал жену.

— Что ж ты, негодяйка, вытворяла за моей спиной! С кем путалась? Кто они? Как зовут? — допрашивал Ида. — Признавайся похорошему, и я поговорю с ними сам.

Ян вообще боялась мужа, а когда услышала этакое, то над ней словно гром грянул. Она дрожала, не решаясь рта раскрыть.

— Дрянь этакая! Любовников заводить ты умеешь, а сознаться не умеешь?! — не унимался Ида. — «Если хочешь, чтобы другие не знали, остается одно — не делать»; от меня-то утаить можно, а от соседей не скроешь. Как мне теперь людям в глаза смотреть? Говори сейчас же, чтобы я знал хоть что к чему.

— Да ничего подобного не было, на кого же я буду наговаривать.

— Ты правду говоришь, не было?

— Не было.

— Если не было, то почему про тебя несут этакое?.. А ты почему позволяешь молотить невесту что и ни слова в ответ? Значит, в душе изъян, вот и обмяк язык, и не ответить людям... Но если на самом деле ничего подобного не было и тебя оболгали, то ты сегодня же ночью иди и *повесься у них на воротах. Этим ты докажешь свою невиновность и меня таким образом избавишь от позора. Вот тогда с ними завтра поговорю.

Ян стояла как вкопанная, и только слезы текли у нее из глаз. Одной пощечиной за другой Ида выставил ее за ворота и, кинув ей веревку, сказал:

— Кончай с собой немедленно! Если не покончишь, значит, думаешь о любовниках.

С этими словами он запер ворота и ушел в дом. Чанъэр хотел было пойти отпереть засов, но Ида понадавал ему тумачков, так что мальчик долго ревел, пока не заснул.

Сам Ида, которого уже разобрало от вина, тоже лег спать. Одна несчастная Ян стояла за воротами. Деваться ей было некуда, да и понимала она, что кто бы ни был виноват и как бы там ни было, но прежде всего виновата она сама. Кроме смерти, ничего лучшего ей не приходило на ум. Ян долго плакала и винила себя, наконец, боясь, что начнет рассветать, схватила веревку и быстро направилась к воротам Лю Саньвана.

Но удивительно ли человеку перед смертью утратить рассудок? Дом Саньвана был третьим к востоку от дома Ида, а Ян на запад прошла шесть домов и остановилась перед седьмым, ворота которого были похожи на ворота дома Саньвана. Второпях набрав несколько битых кирпичей, чтобы подставить под ноги, она закинула веревку на навес, затем себе на шею и покончила с собой.

Увы, умная женщина, а лишилась жизни, повздорив из-за медака. Поистине,

*Под землю стало больше
одной смертной душой;
В мире нашем потеряли
рисовальщицу цветов.*

В этом седьмом доме к западу от дома Ида жил мастеровой — кузнец по прозвищу «Жесть». Он всегда вставал и начинал работать еще ночью, в четвертой *страже. И вот в эту ночь, когда он открыл ворота, чтобы выйти облегчиться, на него вдруг повеяло каким-то холодком, у него по телу даже дрожь пробежала. Вглядевшись в темноту перед собой, он чуть ли не насмерть перепугался: под навесом что-то висело, и неведомо откуда оно появилось —

*То ли злой дух из кукольного театра
болтался здесь на нитке,
Иль тут какая-то красотка
качалась на качелях.*

Было страшно, но кузнец все-таки решил, что это ему померещилось. Забежав обратно в дом, он зажег светильник, и когда возвратился, то при свете увидел, что это висит женщина. Было ясно, что дыхание давно уже прекратилось и ее не спасти. Сначала кузнец хотел оставить все, как есть, и не трогать тело. «Но ведь утром его обнаружат служащие ямэня, и потом не распутаясь с этим делом, которое невесть откуда свалилось на голову, — рассудил он и решил: — Перенесу куда-нибудь в другое место, тогда меня это не будет касаться».

С трепетным страхом он принялся развязывать узел. Кузнец был довольно сильным человеком, поэтому легко снял тело, взвалил его на спину и понес к главной улице. Возле первого попавшегося входа, не разбираясь, чей это дом, он бросил тело и без оглядки помчался назад. Работать в это утро он уже не стал — его все еще пробирала дрожь, и он снова завалился спать.

Но оставим кузнеца.

В то утро Ида встал засветло, отпер ворота и пошел разведать, что с женой. Он дошел до дома Саньвана, но там у входа никого и ничего не было. Тогда он прошел до конца переулка — тоже ничего. Пришлось вернуться домой.

«Неужели эта дрянь удрала? — подумал он. — Нет, — рассудил он затем, — ведь она редко когда выходила из дому вообще, а тут была темная ночь — некуда ей уйти. Но если она не повесилась, то веревка должна остаться», — пришло наконец ему в голову.

Он вышел из дома, осмотрел все вокруг, но веревки на земле не обнаружил. «Значит, покончила с собой у дома Саньвана, а те припрятали труп и собираются прикинуться, будто ничего не знают. Да, но ведь Саньван вчера не возвращался домой, — вспомнил Ида, — значит, дома была только Сунь с мальчишкой. Не могли же они вдвоём перенести тело. Но, как говорится, даже у муравья не одна лапка — наверно, кто-нибудь помог. Надо подождать, пока они встанут, откроют ворота, посмотреть что и как, и тогда по их поведению можно будет что-то понять», — решил Ида и стал ждать.

Наконец у Саньвана ворота отперли, из дома вышел Цзайван. С деньгами в руках он, как обычно, направлялся в лавочные ряды купить пампушек на завтрак. Мальчик не выглядел испуганным или растерянным. Ида не знал теперь, что и думать. Он прогулялся к большой улице, обошел ее со всех сторон, поосмотрелся, но ничего особенного не заметил.

Возвратившись домой, он увидел на постели все еще спавшего Чанъэра. Мальчик громко храпел. Ида разозлился, сорвал с сына одеяло и ударил его несколько раз по ногам, так что тот с криком вскочил с постели.

— Мать у тебя соседи Лю сжили со света, а ты дрыхнешь тут, вместо того чтобы требовать своего!

Ида хотел, чтобы сын поднял шум и тогда посмотреть, что будет.

Услышав, что мать умерла, Чанъэр разревелся, быстро оделся и тут же с плачем побежал к дому Саньвана.

— Собачья шлюха! Сучья потаскуха! Верни мне мать! — кричал Чаньэр у ворот соседа.

Сунь, конечно, не могла стерпеть, чтобы с бранью лезли чуть ли не в дом, и выбежала на улицу.

— Ах ты, ублюдок этакий! И ты еще смеешь заявляться сюда, оскорблять меня! — завопила она.

Схватив Чаньэра за волосы, она собиралась было уже вздуть его, но тут заметила шедшего к ним Ида и отпустила мальчишку. А Чаньэр, топая ногами и размахивая руками, орал и бранился на весь переулочек, требуя, чтобы ему вернули мать.

Сдерживавший себя до сих пор Ида тоже присоединил свой голос к сыну. Но Сунь не собиралась им уступать, а тут еще Цзайван пришел на помощь матери. Обе стороны долго вели перепалку, но в конце концов их развели соседи.

Ида оставил сына стеречь дом, а сам пошел искать человека, который написал бы ему жалобу. Когда дело было сделано, он отправился в уездный город и подал бумагу, где показал на Лю Саньвана и на его жену Сунь как на виновников смерти человека. Начальник уезда принял жалобу и приказал арестовать и доставить в ямэнь на допрос обвиняемых, а также соседей и свидетелей.

Следует сказать, что Сунь, которая славилась своим дурным языком, очень часто обижала людей. Поэтому соседи не любили ее и в своих показаниях невольно склонялись на сторону Ида. Картина взаимной перебранки Сунь и Ян выглядела теперь преувеличенной, а из показаний хоть и не явно, но получалось, что Сунь повинна в самоубийстве Ян.

Видя, что все соседи утверждают почти одно и то же, начальник уезда поверил их показаниям. Он счел, что Лю Саньван, дабы уйти от ответственности, действительно спрятал труп у себя дома, и послал служителей учинить у него обыск. Но так как в доме Лю Саньвана ничего не смогли найти, хотя даже землю всю перерыли, то вынести обвинительного заключения по делу нельзя было. Начальник уезда решил к пыткам пока не прибегать, однако велел взять под стражу Сунь, а служителям приказал забрать Лю Саньвана под конвой и вместе с ним отправиться на поиски трупа Ян. Цю Ида разрешено было найти поручителей и оставаться на свободе.

Да, трудное это для разбирательства дело! Вот уж когда

*Языкастая Сунь замолчала
И забросил работу свою Лю Саньван.*

Но оставим пока эти события и вернемся к кузнецу.

Оказывается, кузнец в ту ночь бросил тело у входа в винную лавку. Содержал эту лавку шестидесятилетний старец Ван, и на это он жил со своей старухой.

В ту ночь, в пятую стражу, когда Ван еще спал, ему вдруг слышалось, будто кто-то стучит в ворота. Он открыл глаза, но никакого стука не услышал; только закрылись глаза — снова стучат. Не-

доумевая, он встал, накинул на себя халат и поднял слугу. Вместе они пошли, открыли ворота и увидели, что прямо перед ними, чуть ли не поперек улицы, лежит человек. Ван подумал, что это пьяный.

— Взгляни-ка на него поближе, — сказал он слуге. — Чужой это или кто-то из здешних. Если кто-нибудь из близживущих, подними его домашних — пусть придут за ним.

Слуга подошел к человеку, наклонился над ним, однако при свете одних только звезд трудно было разглядеть, кто это. Заметив, что рядом с телом валяется веревка, слуга принял ее за кнут.

— Нет, это не здешний, — сказал он хозяину. — Похоже, что это погонщик.

— Почему ты решил, что это погонщик? — спросил Ван.

— А потому, что возле него лежит кнут.

— Ну, раз не здешний, то пусть, — ответил Ван.

Слуге захотелось взять кнут. Он схватился за веревку, потянул, но что-то ее не пускало. Слуга подумал, что человек придавил своим телом кнотовище, и дернул веревку изо всех сил так, что тело чуть ли не стоймя стало перед ним. Закричав от испуга, слуга отпустил веревку, и труп с шумом грохнулся на землю.

— Что такое? Что случилось? — встревожился старик Ван.

— Я подумал, что лежит кнут, и хотел взять его. Но оказалось, что это веревка на шее повесившегося.

Старик перепугался насмерть.

— Мне ли справиться с таким делом? Ведь не оправдаться перед властями! — причитал он.

Ван стал советоваться со слугой, как быть.

— Ничего, — ответил слуга. — Надо только убрать отсюда труп, и все.

— Верно, ты прав. Ну, а куда его деть?

— Да в реку кинуть.

Взявшись вдвоем, они донесли труп до реки и в это время увидели, что кто-то, освещая дорогу фонарем, шел по направлению к ним вдоль берега. Боясь, как бы их не заметили, старик со слугой, не долго думая, бросили труп тут же на берегу и помчались домой.

Но кто же это шел с фонарем вдоль берега реки?

Это со своими людьми шел один из местных богачей. Звали его Чжу Чан. Невероятно хитрый и коварный, мастер на злокозны, выдумки и различные аферы, он был из первых сутяг в городе. В это утро он направлялся в поле *скопить рис у некоего Чжао, который жил в соседнем уезде и с которым у Чжу Чана был спор из-за земельного участка. Для этого он захватил с собой коромысла, веревки, косы и человек десять работников. Они шли к причалу, чтобы сесть на джонку. Тот, который шел впереди с фонарем, спускаясь вниз к берегу, увидел, что возле самой воды лежит человек, и принял его за пьяного.

— До чего упился, черт! — проговорил он. — Ведь чуть повернется — скатится в воду, и конец.

Среди работников Чжу Чана был один, по имени Бу Цай, первый его помощник и советчик. Полагая, что у пьяного могли быть при

себе деньги, Бу Цай присел на корточки и сунул руку за пояс лежавшего, но тут же отдернул ее, коснувшись холодного, словно лед, тела.

— Мертвец, оказывается! — воскликнул он.

Коварная мысль родилась у Чжу Чана, как только он услышал, что это мертвец.

— Спокойно! — крикнул он и приказал: — А ну-ка, фонарь! Посветите — посмотрим, молодой или старик.

Все собрались при свете фонаря разглядывать тело и увидели, что это молодая женщина.

— Снимите веревку с шеи и выкиньте ее, а тело перенести в джонку и запрятать, — распорядился Чжу Чан.

— Хозяин, да ведь может, эту женщину кто-то удавил, — говорили работники. — Зачем же нам-то наживать неприятности?

— Не ваше дело. У меня свои соображения, — ответил он.

Пришлось подчиниться. Люди сняли веревку, разбудили лодочника, перенесли тело в джонку, уложили на корме и прикрыли палубными досками.

— Бу Цай! Возвращайся-ка и приведи человек пять-шесть женщин, — распорядился после этого Чжу Чан.

— Каких-нибудь двадцать-тридцать *му риса, чего тут косить-то, — возразил Бу Цай. — На что столько народу?

— Ты приведи, а там мое дело, — сказал Чжу Чан.

Бу Цаю и в голову не пришло, что Чжу Чан что-то замыслил, взял фонарь и ушел. Вскоре он вернулся с женщинами.

Все уселись в джонку, и они отчалили. Гребли двое, джонка постепенно удалялась от города.

— Зачем мы везем то, что на корме, под палубой, хозяин? — спрашивали люди у Чжу Чана.

— Мы едем сейчас косить рис, — отвечал тот. — Но люди Чжао наверняка явятся помешать нам. Без драки тут вряд ли обойдется, ну, а закончилось бы это жалобой в уезд. Теперь же, когда мне ниспослана богом эта женщина, то и судиться не придется, и еще кое-какая будет польза.

— Как это судиться не придется да будет еще польза? — спрашивали работники.

— Раз у нас есть труп, то нужно... — И Чжу Чан рассказал, как нужно действовать и что делать. — Ясно ведь, что судиться после этого не придется да и вам кое-что перепадет, — заключил свой рассказ Чжу Чан. — Ну, а если те окажутся недостаточно сообразительными и дело доведут до властей, — продолжал он затем, — то и там наша наверняка берет верх. Вот так!

— Да, действительно умный расчет! — говорили люди, улыбаясь. — Где нам было догадаться!

Вот уж поистине,

*Рассчитано все, план составлен,
и сам восхваляет себя
За то, что ловушку устроил,
других собираясь сгубить.*

Люди, ехавшие с Чжу Чаном, были простыми крестьянами из деревенской глуши и, конечно, не представляли себе, какие страшные вещи могут произойти из-за кажущихся пустяков. Настроение у всех поднялось, когда они узнали, что им кое-что перепадет, причем добыть эти деньги, оказывается, совсем просто, не труднее, чем протянуть руку в чан и вынуть оттуда черепаху. Им уже не терпелось, чтобы люди Чжао сейчас же пришли к реке и тотчас началась бы потасовка. Ведь куча денег окажется в руках и тяжба будет выиграна. Поэтому джонка понеслась, словно на крыльях, и вскоре они были у цели. В это время небо стало светлеть. Чжу Чан велел подогнать джонку к просторному, но безлюдному месту, на некотором расстоянии от рисового поля. Когда все сошли на берег, гнилой веревкой привязали джонку к камышам, а одного человека оставили стеречь ее. Остальные, кроме Чжу Чана, направились в поле косить рис. Чжу Чан стал поодаль, ближе к берегу, откуда можно было наблюдать за происходящим.

Местность эта называлась Лиюйцяо, от Цзиндэжэни это было всего *ли десять, а далее, примерно на расстоянии одного ли, находилась деревня Тайбоцунь. Она входила в уезд Уюаньсянь, который был в ведении области Хуэйчжоу, провинции Цзяннань. Но так как это был район стыка двух граничащих друг с другом провинций, то часто случалось, что люди жили в одной провинции, а земли имели в другой.

Человека, у которого был спор с Чжу Чаном по земельному участку, звали Чжао Вань. Он тоже был из крупных богачей. В реестрах он числился жителем уезда Фулянсянь, однако жил в уезде Уюаньсянь, а земельные владения и угодья имел и в том и в другом уезде. Участок, из-за которого возник спор, составлял всего лишь тридцать му земли и принадлежал родственнику Чжао Ваня — Чжао Нину. В свое время Чжао Нин взял под эту землю деньги у Чжу Чана, потом он продал участок Чжао Ваню и во избежание неприятностей сделался арендатором участка. Уже года четыре шли пререкания в связи с этим между Чжао Ванем и Чжу Чаном. Но недавно Чжао Нин умер, и дело дошло до острых столкновений и споров. Причем рис, который собирался скосить Чжу Чан, был посеян еще самим Чжао Нином.

Да, но ведь этот участок находится возле дома Чжао Ваня, чуть ли не под самым его навесом, почему же он не скосил рис прежде всего с этого участка, а оставил для Чжу Чана? — заметят слушатели.

Дело в том, уважаемые слушатели, что Чжао Вань тоже был из нахального десятка. Полный самоуверенности, он к тому же считал, что поскольку земля приобретена им у родственника гласно, по всем правилам, с купчей, да и участок находится поблизости, а Чжу Чан — житель соседней провинции, то вряд ли он осмелится приехать сюда косить рис. На этот счет Чжао Вань и не тревожился.

Но Чжу Чан был из тех, кто, как говорится, не боялся на лбу у тигра гнездо себе утоптать и живьем проглотить самого черта. По-

этому он все же приехал, и люди его как ни в чем не бывало косили рис.

Чжао Ваню тут же об этом доложили.

— Ишь как расхрабрился! — закричал Чжао Вань. — Осмелился явиться дразнить меня?! Видно, захотел, чтоб я его на тот свет отправил!

— Отец! Издревле известно: кто пришел, тот не боится, а кто боится — тот не придет, — сказал на это сын Чжао Ваня — Чжао Шоу. — Поэтому не думай, что с ним просто будет разделаться.

— Сколько их? — спросил Чжао Вань человека, который доложил о появлении Чжу Чана.

— Всего человек десять мужчин и шесть-семь женщин.

— Раз так, надо и нам послать людей, — заявил Чжао Вань. — Мужчин против мужчин, женщин против женщин. Схватить всех и привести сюда. Всем им перебью ноги! И джонку вытянуть на берег! Будут знать, как иметь дело со мной!

Чжао Вань тут же созвал человек двадцать мужчин, человек десять женщин — крепких, здоровых. С оголенными руками и сжатыми кулаками они, словно шквал, понеслись в поле. Чжао Вань и Чжао Шоу следовали позади.

— Стой! Ни с места, воры! — закричали они еще издали тем, кто был в поле. Увидев, что от усадьбы Чжао бежит толпа, люди Чжу Чана тут же бросили косить и побежали к реке.

— Быстрой раздевайтесь! — крикнул ожидавший их на берегу около лодки Чжу Чан.

Все скинули с себя верхнюю одежду, свалили ее в кучу, велели одной из женщин стеречь и пошли навстречу мчащейся толпе.

— Давайте, давайте! — кричали они. — Посмотрим, кто кого!

Среди людей Чжао Ваня был батрак Тянь Нюэр. Полагаясь на свою недюжинную силу, он стремительно вырвался вперед и помчался прямо на противника. Увидев это, люди Чжу Чана расступились, а затем окружили смельчака.

— Подходите, подходите! — кричал Тянь Нюэр и, подняв огромный кулак, кинулся на одного из рослых парней Чжу Чана. Он рассчитывал, что уложит сначала того, кто покрепче, а потом разделается с остальными, как с трухлявыми чурками. Но оказалось, что парня голыми руками не взять. Кулак Тянь Нюэра был уже перед самым лицом парня, однако тот слегка отклонился, и удар пришелся мимо, а тем временем Тянь Нюэра уже плотно прижали, да так, что он едва мог повернуться. Взмахнув левой рукой, он еще раз попытался нанести удар, но занесенную руку успели схватить, затем схватили другую, развели обе руки в стороны, и Тянь Нюэр уже ничего не мог поделывать. Бить его не стали, но дружно подняли на руки и, словно священную ношу, торжественно понесли к джонке.

Как только люди ступили на джонку, гнилая веревка, которой джонка была привязана к камышам, конечно, тут же лопнула. Но судовщик пока удерживал джонку багром. Тянь Нюэра втащили в каюту и стали избивать.

Когда люди, следовавшие за Тянь Ньюэром, увидели, что того схватили и унесли в джонку, они ринулись на джонку вызволять его. Женщины Чжу Чана, оставшиеся на берегу, умышленно отошли в сторону, и когда все люди Чжао Ваня оказались на джонке, судовщик сразу же перенес багор с одного конца джонки на другой, из всех сил оттолкнулся от берега, и джонка стрелой устремилась к середине реки. Людей в джонке набралось много, а сама джонка была небольшой и довольно легкой, поэтому стоило ей раз-другой качнуться, как она тут же перевернулась. Все, кто был в ней, — и люди Чжао Ваня, и люди Чжу Чана, человек сорок, — все очутились в воде. Женщины, кто как сумел, выбрались на берег, а мужчины вступили в драку и дрались так, что брызги летели во все стороны, словно в ливень и в шквал. От этого зрелища у тех, кто стоял на берегу, даже зарябило в глазах, и они то и дело кричали, призывая прекратить драку и выйти на берег поговорить по-деловому. Но люди продолжали драться.

Пока все это происходило, Бу Цай подтолкнул труп к дерущимся и закричал: «Представителя властей на помощь! Люди Чжао Ваня убили нашего человека!»

Чжу Чан и стоявшие с ним на берегу женщины дружно и громко вторили Бу Цаю. Работницы Чжао Ваня, которые в это время отжимали промокшую одежду, услышав такое, бросились бежать. Мужчины, дравшиеся в воде, тоже не на шутку перепугались — ведь в такой суматохе поди узнай, кто убил человека. Поэтому каждый хотел поскорее удрать. Этим замешательством воспользовались работники Чжу Чана — людям Чжао Ваня порядком досталось, и им едва удалось выкарабкаться на берег и скрыться в поле. Чжу Чан остановил своих людей, которые бросились было им вдогонку.

— Теперь уж дело не в кулаках, — сказал он и распорядился: — Выловите прежде всего тело, отнесем его в дом Чжао, а там видно будет.

Когда тело выловили, над ним стал рыдать и причитать Бу Цай, признав в мертвой свою жену. Чжу Чан велел также убрать с джонки весла, багры и прочее и унести все к одному из его арендаторов, живших по соседству. Затем он обратился к окружающим, среди которых находились уже подоспевшие сюда живущие неподалеку люди:

— Уважаемые соседи! Вы все видели сами, собственными глазами, как убили человека. Это не клевета на Чжао Ваня. И если дело дойдет до суда, то уж придется вас побеспокоить быть свидетелями — сказать только правду, и все.

Чжу Чан говорил это с расчетом, что кто-нибудь вызовется предложить обеим сторонам пойти на примирение. И если бы среди свидетелей нашелся влиятельный человек, который отговорил бы Чжу Чана нести труп в дом Чжао, то дело это не повлекло бы за собой столько человеческих жертв. Но все знали, что как с самим Чжао Ванем, так и с его сыном дело иметь опасно, и потому никто не хотел ввязываться, чтобы потом не оказаться в дурацком положении. К тому же никто не знал, что на уме у Чжу Чана, поэтому ни один

человек и не вызвался примирять стороны. Ну, а раз на его слова никто не отозвался, Чжу Чан велел своим одеться, завернуть труп в циновку, обвязать веревкой, и вот с этим трупом Чжу Чан и его люди направились в дом Чжао Ваня. За ними последовали и все остальные, кто находился при этом, желая посмотреть, чем же кончится дело. Да,

*Против грязного медного таза нашлась железная щетка,
Против злодея нашелся такой же злодей.*

Чжао Вань с сыном, издали следовавшие за своими и видевшие, как они погнались к реке людей Чжу Чана, были очень довольны. Но когда они приблизились к берегу, первое, что им бросилось в глаза, — это их женщины, мокрые, словно курицы, которых только что выловили из бульона. Видя, что они разбегаются, Чжао Вань удивился:

— Наших-то больше! Как же случилось, что их загнали в воду?

В это время к Чжао Ваню с сыном один за другим стали подбегать мужчины.

— Худо дело, хозяин! Домой, давайте скорей домой! — кричали они.

— Эх, вы! Как же вас так разделали?! — возмутился Чжао Вань.

— Что разделали, это ерунда, а вот, оказалось, мы их человека убили.

Чжао Вань похолодел, когда услышал такое, он не мог уж и полшага ступить — ноги словно гвоздями прибили к земле. Чжао Шоу и Тянь Нюэр подхватили его и довели до дому.

— Как же получилось, что кого-то убили? — спросил Чжао Вань, когда пришел в себя.

Тогда его люди подробно рассказали ему о начавшейся драке, о том, как перевернулась джонка и что произошло после этого.

— Но женщин мы не били, так что неизвестно, как она погибла, — сказал кто-то под конец, — вероятно, утонула.

— Как же быть! Как же быть! — повторял Чжао Вань, не зная, что предпринять.

Тем временем все в доме Чжао Ваня, от мала до велика, собрались вместе, каждый дрожал от страха, все обсуждали, как быть. И тут вдруг пронеслось:

— К дому идет Чжу Чан со своими людьми. Они несут труп!

До смерти напуганный Чжао Вань сидел без движения, словно монах в созерцании.

Но, как говорят исстари, «ход событий в своем пределе превращается в обратное, а человеку в крайней ситуации приходит хитрое на ум».

— Отец, не тревожься, я придумал, как с ними расправиться, — сказал вдруг Чжао Шоу и обратился к присутствующим: — Выйдите

все отсюда и не мешайте им — пусть заходят. А когда услышите мой сигнал — удары в гонг, то нескольким людям надо стать караулить вход, а остальным вбежать и быстро схватить людей Чжу Чана, чтобы ни один из них не ушел. Отведем их в ямэнь — ведь это было нападение среди бела дня с целью ограбления. И тогда в ямэне к убийству человека отнесутся не так строго.

Опасаясь, как бы кого не покалечили, Чжао Вань предупредил:

— Но только тех, кто явится, хватать, а не бить!

Люди ответили кивком и тотчас разошлись.

Чжао Шоу приказал остаться лишь приемному внуку своего отца — Чжао Илану, которому доверял, а всех женщин и детей отправил во внутренние покои и распорядился, чтобы они не смели выходить.

— Убийство — это тяжкое преступление, — сказал Чжао Вань сыну, — и, хоть мы будем обвинять их в нападении с целью грабежа, боюсь, что этим нам все-таки не оправдаться.

— А нужно вот как, — сказал Чжао Шоу и, подойдя к отцу, на ухо стал ему шепотом что-то объяснять.

Чжао Вань приободрился, повеселел и сказал:

— Тогда надо действовать немедленно.

Чжао Шоу тут же прикрыл плотно все двери в зал, разыскал топор, дубину, две створки двери и потом велел Илану пойти на кухню и кликнуть старика.

Старика звали Дин Вэнем, было ему уже под семьдесят. Этот дальний родственник Чжао Ваня страдал желтухой и потому, как говорится, мог только есть, а работать не мог. У него не было ни семьи, ни детей, жил он у Чжао Ваня и занимался тем, что топил на кухне печь.

— Ты звал меня? — спросил Дин Вэнь, придя к Чжао Ваню.

Тот ничего ему не ответил, а Чжао Шоу подскочил к старику и ударил его дубинкой прямо в висок. Тот вскрикнул и упал. Чжао Шоу нанес еще удар и покончил со стариком. Чжао Шоу думал, что никто всего этого не видел. Но случилось так, что до матери Тянь Нюэра, которая жила позади дома Чжао Ваня, дошла весть, будто во время драки убили женщину. Она забеспокоилась, не причастен ли к этому ее сын, и явилась в дом Чжао Ваня разузнать, как это произошло. Вошла она как раз в тот момент, когда Чжао Шоу нанес удар старику.

— О господи, о господи! Среди бела дня! Да как же это! — бормотала она в испуге, упав на землю.

Чжао Вань оглянулся на нее и многозначительно кивнул сыну. Тот понял отца, подбежал к старухе и ударом дубинки размозжил ей голову. На всякий случай он еще раз-другой пнул ее по ребрам — теперь было ясно, что она уже не жилец на этом свете.

И вот из-за одного медяка ушли еще две жизни. Поистине,

*Сдержанность пользу всегда принесет;
Дашь чувствам волю — беду наживешь.*

Надо сказать, когда Илан пошел звать Дин Вэня, он не предполагал, что Чжао Шоу замыслил подобное злодейство. Поэтому, когда Чжао Шоу убивал старика, он весь съежился и забился в угол. А когда за стариком последовала очередь старухи Тянь, он стал бояться, как бы теперь дубина не прошла по его голове, и хотел убежать, но ноги не двигались с места, словно их придавили стопудовыми камнями. В это время Чжао Вань крикнул ему:

— Илан, помоги-ка побыстренько!

Только тут, когда Илан услышал, что его просят подсобить, на душе у него отлегло, ноги зашевелились, и он поспешил помочь Чжао Шоу. Они оттащили оба трупа за перегородки в задний зал. Затем взяли приготовленные створки дверей и прикрыли ими трупы. После этого они вынули из гнезд всю перегородку, отделяющую передний зал от заднего, и приставили ее просто так, не укрепленной.

— Смотри только, не проговоришься про это, — сказал Чжао Шоу Илану. — А когда все кончится, мы выделим тебе часть нашего имущества.

— Ну что вы, батюшка. Конечно, не проговорюсь, не посмею. Ведь я и так живу у вас благодаря вашему благополучию.

Только они покончили с перегородками, как извне донеслись шум и голоса. Это явился Чжу Чан со своими людьми. Тогда Чжао Вань вместе с сыном и внуком прикрыли вход в зал, а сами удалились в боковую комнату.

Чжу Чан и вся его свита вошли в главный зал. Увидев, что никого нет и двери всюду закрыты, Чжу Чан распорядился:

— Положите труп посередине зала и пройдите все внутрь — надо разыскать этого старого мерзавца Чжао Ваня и приковать его к ноге убитой.

Все бросились к перегородке, стали барабанить по ней, толкать. А створки перегородки были уже вынуты из гнезд; несколько ударов, толчков — и одна створка за другой попадали, так что трупы старика и старухи оказались придавленными под ними. Но люди Чжу Чана стремились поскорее проникнуть в глубь помещения. Откуда им было знать, что под перегородкой что-то может быть. Как только перегородка была опрокинута, Чжао Шоу начал бить в гонг, и тут же их люди с криком ворвались внутрь.

Услышав звуки гонга, Чжу Чан сначала подумал, что у него решили отобрать труп, и кинулся в главный зал. Но люди Чжао Ваня уже подросли, и между ними и людьми Чжу Чана началась потасовка.

— Тянь Нюэр! Не упusti их! — раздались в это время крики Чжао Ваня и Чжао Шоу. — Они убили твою матушку!

Тянь Нюэр подбежал к Чжао Ваню.

— Но как моя мать оказалась здесь?

— Она со стариком Дин Вэнем пришла разузнать у меня, в чем дело. В это время люди Чжу Чана свалили перегородку, и их обоих задавило. Не знаю, что было бы со мной, если бы я вовремя не увернулся.

Тянь Нюэр и Илан бросились отодвигать свалившиеся створки перегородки и обнаружили два трупа. Увидев, что мать лежит в луже крови, с разможенной головой, Тянь Нюэр разрыдался.

Чжу Чан решил, что все это вранье, подбежал взглянуть — действительно два трупа. Насмерть перепугавшись, он пустился наутек. А люди его, в том числе и женщины, видя, что хозяин в страхе удирает, отбиваясь, стали продвигаться к выходу. Но здесь их поджидали люди Чжао Ваня, так что уйти никому не удалось, все были схвачены.

— Только не покалечьте никого! — предостерегал своих Чжао Вань. Поэтому Чжу Чан и его люди не особенно пострадали. Чжао Шоу принес веревки и цепи, и всех, кого схватили, связали.

Тянь Нюэр, который до этого рыдал над трупом матери, в ярости бросился к Чжу Чану.

— Я убью этого мерзавца, так же как он убил мою мать! — кричал он.

— Нет, нет, нельзя! — остановил его Чжао Вань. — Теперь уж власти разберутся. Не надо его трогать!

И люди оттащили Тянь Нюэра в сторону.

В это время и те, кто жил поблизости, и те, кто подальше, явились в дом Чжао Ваня поглазеть. Чжао Вань пригласил всех в дом, приготовил угощение и просил их составить общую жалобу о бандитском нападении и убийстве среди бела дня.

Собравшиеся были кто родственниками Чжао Ваня, кто его арендаторами и, конечно, согласились на это. Чжао Вань написал жалобу, соседи тоже составили соответствующую бумагу, и все отправились в уездный город Уюаньсянь.

Вот уж действительно,

*Сильный встретил того, кто еще посильнее,
Терпит один негодяй от другого злодея.*

Начальник этого уезда некий Ли Чжэн, по *второму имени Гоцай, был родом из Шаньдуна, из уезда Личэнсянь. Это был человек из числа выдержавших экзамен на степень цзиньши. Служил он честно, при разбирательствах дел смело выявлял негодяев, придерживался справедливости, к тому же, как говорится, был чист, как вода, то есть ни с кого ничего не брал. Услышав, что *бьют в барабан и жалуются, Ли Чжэн сразу вышел в зал присутствия, созвал прислужников и велел ввести Чжао Ваня и прочих жалобщиков, которые коленопреклоненно пали возле ступеней перед залом.

— С чем явились? Докладывайте! — произнес начальник.

Чжао Вань, держа в руках бумагу с жалобой, только говорил:

— Помогите, спасите, начальник!

Ли Чжэн велел прислужникам взять жалобу, взглянул на нее и увидел, что речь идет об убийстве.

— А вы кто такие? — спросил он остальных.

— Мы соседи Чжао Ваня, — отвечали те. — Мы собственными глазами видели, как Чжу Чан убил людей в доме Чжао Ваня, и потому решили явиться доложить. — И тут же они подали составленную ими бумагу.

Просмотрев все это, начальник уезда велел немедленно подать паланкин и со специалистом по *освидетельствованию трупов и другими служителями ямэня отправился в дом Чжао.

В доме Чжао уже был приготовлен специальный стол для начальника. Его встретили, и когда он уселся, то приказал специалисту освидетельствовать все три трупа.

Тот сначала осмотрел Дин Вэня, затем старуху Тянь и доложил:

— У этих двоих раны на черепе.

Затем он осмотрел труп женщины Чжун Чана и доложил:

— На теле этой женщины нет следов побоев или ранений, но на шее есть след, который говорит о том, что она была удушена.

— Это действительно так? — спросил начальник.

— Не смею докладывать то, чего нет, — ответил специалист по освидетельствованию трупов.

«Если обе стороны дрались, то почему же у этой женщины на теле нет никаких следов побоев?» — недоумевал начальник и призвал Чжу Чана, которого спросил:

— Кем приходится тебе эта женщина?

— Это жена моего слуги Бу Цая, — ответил тот.

Тогда начальник задал вопрос Бу Цаю:

— Твою жену вчера убили при драке?

— Да, так, — ответил Бу Цай.

Тут начальник сам осмотрел все три трупа и, убедившись, что специалист был прав, лишь в удивлении повторял: «Странно... странно!» Он распорядился, чтобы гробы закрыли и отправили в уезд для дальнейшего разбирательства. На обратном пути начальник все размышлял над делом, и в конце концов ему стали ясны все обстоятельства.

Прибыв в уезд, он приказал всем оставаться за воротами входа в ямэнь, а в зал присутствия вызвал одного лишь Чжу Чана.

— Чжу Чан! Ты не только убил двоих людей у Чжао, но повинен и в смерти этой молодой женщины, — сказал начальник. — Так признавайся же честно!

— Женщина эта, урожденная Юй, — жена моего слуги Бу Цая, — отвечал Чжу Чан. — Ее действительно сбили в воду люди Чжао Ваня, и она умерла. Это видели те, кто живет по соседству. Нет, я в ее смерти не повинен. Если вы сомневаетесь, то спросите самого Бу Цая.

— Врешь! — прикрикнул на него начальник. — Бу Цай — твой человек, я знаю! И ты еще смеешь голову мне морочить! А ну, в тиски его! — приказал начальник.

Прислужники набросились на Чжу Чана, сняли с него туфли и носки и зажали ему ноги в тиски.

Чжу Чан, который всю свою жизнь жил в довольстве и богатстве, хотя часто сутяжничал, но ему самому никогда не приходилось страдать, испытывать подобные пытки. Поэтому, как только его зажали в тиски, он тут же признался:

— Труп женщины мы нашли возле реки Фулян, а кто его там бросил, не знаю.

Начальник записал показания Чжу Чана и приказал ему встать поодаль на колени.

Затем он приказал позвать Бу Цая.

— Покойная действительно была твоей женой? — спросил начальник Бу Цая.

— Да, это моя жена, — ответил тот.

— Если она была твоей женой, то за что ты ее удавил и почему возвел напраслину на Чжао Ваня?

— Милостивый наш господин, вчера люди Чжао Ваня сбили ее в воду, и она скончалась. Местные жители видели это.

В гневе начальник уезда несколько раз подряд ударил *брусом по столу:

— Негодяй ты! Мерзавец! Кто эта женщина, которую ты выдаешь за свою жену? Твой хозяин уже во всем признался, а ты тут пытаешься изворачиваться. Ведь это ты ее убил! Зажать его в тиски немедленно!

От ударов бруска по столу и от крика начальника у Бу Цая душа в пятки ушла, а тут он еще услышал, что хозяин его сознался, и решил говорить то, что есть.

— Это хозяин велел мне сказать, что она моя жена. И я тут совсем ни при чем.

— Выкладывай, выкладывай, как все было! — приказал начальник.

Тогда Бу Цай рассказал о том, как они, когда направлялись к джонке, нашли на берегу труп женщины, а также о том, как решили использовать это против Чжао Ваня. Показания его полностью сходились с показаниями Чжу Чана. Уяснив истинное положение вещей, начальник сказал затем:

— Женщину эту, допустим, не ты убил, но ты не должен был говорить, что это твоя жена и строить козни против других. А Дин Вэнь и старуху Тянь, — продолжал он, — убили ты и твой хозяин, тут уж говорить не о чем.

— О господин! — закричал Бу Цай. — Их мы не убивали. Хоть до смерти меня пытайте, но в этом я не могу признаться.

Начальник велел Бу Цая тоже стать на колени поодаль на ступенях и приказал позвать Чжао Ваня и свидетелей-соседей.

Все они утверждали, что Чжу Чан принес труп женщины в дом Чжао Ваня, и когда врывался в дом, то убил старика и старуху.

Исходя из того, что Чжу Чан замыслил погубить Чжао Ваня, начальник уезда решил, что убийство старика и старухи тоже дело его рук. Поэтому Чжу Чана зажали в тиски. Не выдержав пыток, он

признался во всем, что ему приписывали. Наконец начальник велел всыпать по сорок палок Чжу Чану и Бу Цаю, приговорил обоих к смертной казни и посадил в камеру для смертников. Остальным десяти мужчинам Чжу Чана каждому дали по двадцать палок; трех человек приговорили к ссылке в пограничный район, а семерых — к каторжным работам в других провинциях. Всех осужденных наказали палками-батогами и выслали их туда, откуда они были родом. Спорную землю было решено отдать Чжао Ваню, но с тем, чтобы Чжао Вань вернул деньги, которые его родственник Чжао Нин брал у Чжу Чана под залог. Одновременно в уезд Фулянсянь была направлена бумага на предмет опознания личности удушенной женщины.

Чжу Чан думал использовать труп, чтобы запугать Чжао Ваня, рассчитывал, что Чжао Вань побоится судиться по делу, связанному с обвинением в убийстве, и будет просить людей замолвить за него слово, дабы покончить с делом мирным путем. В результате те тридцать му земли, конечно, перешли бы к Чжу Чану, да и не только — он сумел бы еще содрать с Чжао Ваня немалый куш. Эти соображения и заставили Чжу Чана всячески изощряться. Но он никак не предполагал, что коварный Чжао Шоу пойдет на такую подлость, станет противодействовать ему и в конечном итоге он, Чжу Чан, сам окажется в ловушке. Поэтому, сидя в тюрьме, он страшно раскаивался. «Не попадись мне этот труп, ничего подобного со мной бы не случилось», — думал он. Вот уж право,

*Знал бы, что встретится с более сильным,
Ссору не стал бы тогда затевать.*

Чжу Чан понимал, что добиться пересмотра дела в этом уезде вряд ли удастся, и когда к нему в тюрьму пришел его сын Чжу Тай, то Чжу Чан сказал ему:

— Полагаю, что все три гроба будут сбиты из тонких досок, поэтому к весне трупы, конечно, сгниют. Вот ты и свяжись с кем следует из служащих ямэня, чтобы придержали здесь грамоту об опознании личности умершей, а наших женщин предупреди, пусть не болтают, что это труп удушенной. Одновременно подай жалобу о пересмотре дела, но в нашу провинцию, а в четвертом-пятом месяце настоятельно проси рассмотреть дело. К тому времени след на шее повешенной исчезнет, и тогда мы будем отрицать, что она была удушена или повесилась. И если мы в этом сумеем убедить власти, то обвинения, за которые полагается смертная казнь, сами собой отпадут.

Чжу Тай стал действовать именно так, как распорядился отец.

А теперь вернемся к старику Вану, хозяину винной лавки в Цзиндэчжэни. Слуга Вана, который помог хозяину в ту ночь освободиться от трупа, ждал, что ему действительно кое-что перепадет. Но прошел день, второй, третий, а Ван все молчал. Слуга намеками давал понять, что ждет обещанного, хозяин же делал вид, что не понимает. Когда прошло еще несколько дней, слуга, видя, что старик и

не собирается вспоминать об этом, не выдержал и как-то прямо сказал ему:

— Хозяин! От того, что тут лежало у нас тогда ночью, ты избавился благодаря мне. Если бы не я, утром местные власти доложили бы по начальству, прислали людей осматривать и проверять, и пришлось бы тебе упираться, доказывать, что не виновен, да при этом, если бы даже и не потратился на вино, на чай уж непременно раскошелился бы. А в конце концов пришлось бы тебе израсходовать еще десятки пудов своей слюны, и все равно бы не оправдался. Я помог тебе сэкономить уйму денег, — не унимался слуга, — так почему же теперь ты даже не заикаешься о том, как меня отблагодарить?

Следует сказать, что у людей недалеких натура неширокая, взгляды ограниченные. Оказав кому-нибудь помощь в деле, которое случайно окончилось удачей, они считают, что совершили чрезвычайный подвиг, что именно благодаря им все хорошо получилось, и ждут, когда их щедро отблагодарят. А ежели что-нибудь складывается не так, как они рассчитывали, то тут же из друзей превращаются во врагов. Поэтому те, кто прибегает к помощи подобных людей, часто терпят и страдают от них. Так случилось и со стариком Ваном. Слуга помог ему и захотел получить вознаграждение. И если бы Ван был человеком разбирающимся, что к чему, то дал бы слуге хоть сколько-нибудь денег, и все обошлось бы благополучно. Но старик был скаредный — он даже на медяк скупился. Когда хотели получить от него деньги, он чувствовал себя так, словно у него собираются отрезать кусок тела, и при этом весь багровел. И теперь, когда слуга заговорил о вознаграждении, он расвирипел:

— Ну и нахал! Кормишься у меня, зарабатываешь, а за какую-то ерунду — за пару лишних шагов, которые тебе пришлось пройти, хочешь еще особо получить!

Увидев, что хозяин выходит из себя, слуга тоже заголосил:

— А! Не хочешь мне ничего давать, ну и не надо — большое дело! Стоит из-за этого крик разводить! Нужен я тебе, вот и ем твой хлеб. И деньги я у тебя зарабатываю, не даром ты мне их даешь. И еще должен тебе сказать, если ты и платишь мне, то за работу, и не было уговору, что я должен за тебя мертвецов таскать.

— Дикарь ты, вот кто! — вмешалась тут в разговор жена Вана. — И вправду нахал! Ведь исстари говорят: даже когда торгуются из-за баклажана, и то уступают пожилым. А тынисколько не уважаешь старого человека, позволяешь себе спорить и ругаться с ним.

— Матушка! Да ведь если бы я ничего не сделал для хозяина, а то наоборот, — возражал слуга. — Он же, вместо того чтобы отблагодарить, орет на меня. Как мне не возмущаться!

— Я, что ли, убил человека, чтобы вымогать из меня деньги! — закричал на него старик.

— Хоть и не ты убивал, — ответил слуга, — но самовольно убирать труп — это тоже преступление.

— Ладно, иди и жалуйся на меня, — сказал старик.

— Пожаловаться нетрудно, только боюсь, что не по плечу тебе будет это дело.

— Иди жалуйся! Я не боюсь! — закричал, подбежав к нему, старик и толкнул его к выходу. Слуга, не ожидавший такого, не удержался на ногах и кубарем вылетел за ворота. При этом он разбил себе затылок, и полилась кровь.

— Ах ты, старая скотина! Вместо благодарности бьешь меня! — закричал слуга и, превозмогая острую боль, поднял с земли кирпич и швырнул его в старика. И надо же было, чтобы кирпич угодил не куда-нибудь, а прямо старику в висок. Тот упал и даже стона не издал. Старуха подбежала, чтобы поднять его, но у него глаза уже были как стеклянные и челюсть отвисла. Оказывается, он испустил дух. В отчаянии старуха затопала ногами и зарыдала. И вот из-за медяка ушла еще одна жизнь.

*Утратил жизнь из-за того,
что денег лишних пожалел:
Металл — судьба, судьба — металл —
одно с другим так сплетенс.*

Увидев, что старик умер, слуга бросился наутек. Старуха позвала на помощь соседей, слугу поймали и привязали его к ногам старика.

— Из-за чего это произошло? — спрашивали соседи жену Вана.

Старуха, всхлипывая, рассказала, как все случилось, а под конец попросила соседей помочь ей сделать что нужно.

— Негодяй! Каким мерзавцем оказался! — кричали люди. — Ну ладно, пусть сначала кое-что испытает, а уж потом отправим его в ямэнь!

И тут же несколько человек набросились на слугу, до полусмерти избили его, а уж потом связали. Соседи велели старухе запереть дом и вместе с ними отправиться в уезд жаловаться.

Слух о том, что произошло в лавке Вана, разнесся по городу, и люди со всех концов сбегались туда. Узнал об этом и Цю Ида, который не переставал разыскивать труп жены, но найти его ему не удавалось, а без этого он, конечно, не мог довести до конца дело в уезде. Потому Ида все время пребывал в подавленном состоянии.

«Может быть, труп этот и есть труп моей жены?» — подумал Ида, когда ему рассказали, что случилось в лавке Вана. Он поспешил туда и застал старуху за тем, что она запирала ворота, собираясь идти в уезд жаловаться. Ида подробно расспросил ее обо всем, высчитал, в какой день Ван переносил труп, — выходило, что это произошло как раз той ночью, когда его жена оказалась за воротами.

«Вот почему я не нашел трупа жены на следующее утро, значит, они его просто выбросили. Теперь-то уж все доказательства налицо, и горлохватке Сунь так просто не отделаться!» — подумал Ида и немедленно отправился в уездный город. Подходя к ямэню, он видел, как старуха Ван, громко рыдая, вошла в ямэнь.

Узнав, что речь идет об убийстве, начальник уезда немедленно велел привести слугу. Никого ни о чем не расспрашивая, он прежде всего допросил старуху Ван. Слуга, понимая, что ему не отвертеться и не избежать ответственности, тут же, не дожидаясь никаких пыток, признался во всем. Слуге всыпали тридцать палок, приговорили к смертной казни и посадили в тюрьму.

Тем временем Ида еще раз прикинул, что именно в этот день Лю Саньван осуществил свой коварный замысел сжечь со света его жену и наверняка сам же перенес ее труп. Решив, что все доказательства уже есть и что они бесспорны, Ида просил начальника довести теперь расследование до конца. Но к этому времени бумага из уезда Уюаньсянь еще не пришла, о ней никто не знал, и начальник считал, что, пока труп не найден, подлинных доказательств нет. Поэтому он лишь распорядился, чтобы как следует взялись и продолжили поиски трупа.

Что касается слуги старика Вана, то сначала он был избит соседями, затем жестоко избит в ямэне, а потом ему порядком досталось в тюрьме, поскольку денег у него, чтобы одаривать кого следует, не было. В результате через три дня он скончался. И вот из-за одного медяка ушла еще одна жизнь. Да,

*Жадность к белому металлу
В царство к мертвым увела.*

Возвращаясь из уезда и проходя мимо дома жестянщика, Ида слышал неистовый женский плач. Оказывается, в ту ночь, когда жестянщик, охваченный страхом, переносил труп, он простудился. Вернувшись, он лег в постель — его кидало то в жар, то в холод. Проболе л он дней десять и скончался. И вот теперь его жена плакала и причитала над телом мужа.

Из-за медяка оказалась унесенной еще одна жизнь:

*Мастер-жестянщик из мира ушел,
Стал духом, не знающим в страхе покоя.*

«Такой был здоровяк, а вот за несколько дней его скрутило. Видно, непрочные корни у людей на земле», — вздыхая, думал Ида.

Возвратясь домой, Ида увидел своего мальчишку, который, словно маленький черт, забился в угол. И воды-то горячей у него глотка не попросишь. Тут только Ида пожалел, что принудил жену совершить этот неразумный поступок. А теперь вот столько дела, что не знаешь, за что и взяться. Расстроенный, Ида даже перестал заниматься своей работой и целыми днями бродил в поисках трупа.

Но вот кончился старый год, наступил новый, и незаметно подошла середина пятого месяца. К этому времени у Чжу Тая, сына Чжу Чана, уже приняли жалобу в провинциальном суде, и там была наложена резолюция: дело пересмотреть в уезде Фуляньсянь. Соответ-

ственная бумага была направлена и в Уюаньсянь; в ней указывалось: доставить причастных к делу людей и гробы.

Вначале, когда только было вынесено решение о пересмотре дела, Чжу Тай не торопился, но в пятом месяце, полагая, что трупы уже разложились, он, не скупясь, одарил служителей в Уюаньсяни, чтобы те не откладывали с отправкой людей и трупов в Фулянсянь.

Что касается Чжао Ваня и Чжао Шоу, то они полагали, что их никакие неприятности ожидать не могут, поскольку решение дела в Уюаньсяни уже было в их пользу. Поэтому, заготовив соответствующие бумаги, они со спокойной душой отправились в Фулянсянь.

Служители обоих уездов доставили людей и гробы в Фулянсянь. Начальник уезда велел взять всех доставленных лиц под стражу, гробы с трупами поставить в помещение для осмотра, а прислужников из Уюаньсяни с соответствующей бумагой отправил обратно.

Через несколько дней начальник уезда вызвал всех причастных к делу лиц и отправился на осмотр трупов. К этому времени Чжу Тай уже подкупил в ямэне всех, кого следовало, лишь бы только выиграть дело. Когда начальник прибыл в помещение для осмотра, Чжао Вань подал ему заготовленную бумагу. Просмотрев бумагу, начальник спросил Чжу Чана:

— Ты использовал труп женщины для вымогательства да еще и убил двоих людей. Дело это уже рассмотрено и закончено. Так почему же ты снова подаешь жалобу?

— Уважаемый начальник! Люди Чжао сбили эту женщину в воду, и тогда она погибла — это видели все. Но Чжао Вань подкупил и своих соседей, и специалиста по освидетельствованию трупов, в результате и было вынесено решение, что женщина удушена. Что касается старика Дин Вэня и старухи Тянь, то это Чжао Вань и Чжао Шоу, испугавшись ответа за убийство женщины, специально все так подстроили, чтобы ответственность за них целиком легла на меня. А если еще учесть, что людей моих было немного, то станет ясно, разве могли мы справиться с такой ватагой да еще убить у них двоих? Тем более что убитыми-то оказались старики — каждому за семьдесят. Но допустим, что с нами было трудно справиться, что мы были сильнее, так неужели ж мы специально выбирали и били только таких, которые вот-вот сами развалятся. Стоит вам, уважаемый начальник, на это обратить внимание, как сразу все будет ясно.

— Если это все так, то ты не должен был признавать свою вину, — сказал начальник.

— Да ведь у них там, в ямэне, уже так принято, что пытаются жесточайшими пытками, — ответил Чжу Чан, — и если бы я тогда от всего отказывался, то не дожил бы до сегодняшнего дня.

Однако Чжао Вань показывал иное.

— В тот день Чжу Чан, облыжно обвиняя нас в убийстве женщины, ворвался ко мне, и его люди избивали у меня всех, кто только попадался им под руку, — говорил он. — Наши стали разбегаться, а Дин Вэнь и Тянь были слишком стары, потому они убежать не успели и поплатились жизнью. След от веревки на шее покойной видел лич-

но начальник уезда Уюаньсянь, и не мог специалист по освидетельствованию трупов докладывать не то, что есть. А с тех пор столько времени прошло, что труп, наверно, начал разлагаться. Вот Чжу Чан и пытается обмануть вас, чтобы самому уйти от ответственности и возложить вину на других. Прошу вас внимательно просмотреть те показания, которые он давал прежде, и сразу будет ясно, где правда.

— Ну, словам тут трудно верить, — произнес начальник и распорядился, чтобы открыли гроб.

И бывают же на свете такие удивительные вещи! Времени прошло много, труп, казалось, должен был разложиться, но когда открыли гроб, то покойная лежала в нем, словно живая, а след от веревки на шее стал еще отчетливее. Специалист по освидетельствованию просто не знал, что ему делать: он уже взял от сына Чжу Чана денежный подарок, и, если бы труп разложился, можно было бы смонетничать, чтоб освободить Чжу Чана и засадить Чжао Ваня, а тут след сохранился, скажешь не то — начальник возьмет да сам проверит, а сказать правду — так разве скажешь, когда деньги уже приняты.

Начальник сразу заметил, что специалист стоит в нерешительности, и сам направился к гробу. Тут уж специалисту ничего не оставалось, как доложить то, что он обнаружил.

Чжу Чан с ужасом наблюдал за происходящим. Начальник сверил сообщение специалиста с прежними показаниями и увидел — все сходится.

— Преступление твое явно, — сказал он, обращаясь к Чжу Чану. — Так как же ты посмел зря жаловаться и обманывать высшее начальство!

Чжу Чан снова начал оправдываться.

— Ты еще будешь тут нагло отпираться! — закричал начальник. — Говори немедленно, откуда взялась эта удушенная женщина! Зажать! — приказал он.

Чжу Чан не выдержал пытки.

— В тот день утром мы подобрали этот труп на берегу реки, а откуда он там взялся, я не знаю, — сказал он.

У начальника была хорошая память, и он вспомнил: в прошлом году некий Цю Ида подавал жалобу на Лю Саньвана, но трупа жены Цю Ида так и не обнаружили. Вспомнил он также, что Ван, жена хозяина винной лавки, подавала жалобу на своего слугу, обвиняя его в убийстве ее мужа; слуга тоже говорил, что именно в тот день они унесли труп и бросили его на берегу реки.

«А ведь труп женщины до сих пор не найден. Может быть, это он и есть?» — подумал начальник. Он приказал дать Чжу Чану и Бу Цаю по тридцать палок и снова посадил их в тюрьму как приговоренных к смертной казни. Остальных людей Чжу Чана он присудил к каторжным работам, но пока выпустил на поруки. Чжао Ваня и его людей начальник отпустил.

Возвратясь к себе, начальник уезда велел найти и принести ему прежние показания Цю Ида и слуги старика Вана. Оказалось, что да-

ты сходятся и труп именно в ту ночь был брошен у реки. Тогда он велел вызвать Цю Ида, Лю Саньвана и свидетелей, а также привести из тюрьмы в ямь горлохватку Сунь, чтобы все они присутствовали при освидетельствовании трупа.

Это была пора жаркого пятого месяца, когда в тюрьме свирепствовал мор. Сунь только успела оправиться от болезни, едва ходила, и ее привели, поддерживая с двух сторон, Лю Саньван и ее сын Цзайван.

Когда открыли гроб, Ида сразу же признал свою жену и, рыдая, закричал:

— Это моя жена!

Соседи тоже признали, что это жена Цю Ида, урожденная Ян.

Тогда начальник уезда начал подробно расспрашивать о причине смерти Ян. Ида заявил:

— Лю Саньван и его жена ворвались ко мне в дом, набросились с руганью на мою жену и били ее. Она не смогла вынести такого позора и повесилась.

Лю Саньван и его жена упорно отрицали это, а соседи в один голос заявляли, что ссору затеяла Сунь и что Лю Саньван тут ни при чем.

Начальник уезда велел тогда зажать в тиски пальцы жены Лю Саньвана. Сунь едва оправилась от болезни, была совсем слаба, ей стоило большого труда добраться до зала присутствия, а тут еще пришлось говорить, оправдываться. Поэтому на ней просто лица не было. А когда ее зажали в тиски, то, не выдержав боли, она свалилась наземь и, увы, больше не поднялась.

И вот из-за медяка не стало еще одного человека. Вот уж действительно,

*В аду прибавился длинноязычный дух,
А в мире меньше стало бабой-скандалисткой.*

Начальник уезда тотчас велел снять тиски. Лю Саньван кричал, звал жену до хрипа, но все было бесполезно. Цзайван горько рыдал. Зрелище было невыносимое.

Начальнику уезда стало жалко пострадавших, и он сказал, обращаясь к Ида:

— Твоя жена поссорилась с Сунь и в конце концов покончила с собой. Лю Саньван вовсе ее не бил. Теперь же и сама Сунь умерла, так что смерть твоей жены отомщена. Отныне обе ваши семьи должны жить в мире. Похороните ваших жен, и чтобы в дальнейшем не было никаких жалоб. А если посмеете нарушить это решение, будете наказаны со всей строгостью.

Земно кланяясь начальнику, Лю Саньван и Цю Ида сказали, что во всем повинуются, и забрали трупы.

Что касается Чжу Чана и Бу Цая, то, оказавшись снова в тюрьме, они только и думали о том, что израсходовали уйму денег и все

равно пострадали. Это их убивало. Между тем в тюрьме снова начался мор, эпидемия распространилась и на них, и оба они, проболев несколько дней, скончались.

Ушли еще две жизни из-за одной монеты. И получилось, что,

*Разжиться не успев на злом обмане,
Себя лишь сами погубили.*

Позволь-ка, рассказчик, скажете вы, ведь Чжу Чан только задумал зло против человека, однако кончил тем, что сам погиб, а Чжао Вань и его сын Чжао Шоу, которые убили двух невинных людей, да к тому же засудили и загубили еще двоих, остались ненаказанными и живут себе преспокойно, в полном благополучии, и из всего этого, мол, ясно, что и небо не всегда воздаст должное. Нет, уважаемые слушатели, вы ведь знаете, что есть старинное высказывание, которое гласит:

*За добро воздастся добром,
а зло покарается злом.
И коль должное не воздано —
значит, время еще не пришло.*

Небесный владыка, учитывая добрые и недобрые деяния, помнит каждое из них; издревле и поныне не ушел от наказания ни один, кто его заслужил. И если пока Чжао Вань и его сын ускользнули из сетей возмездия и наслаждались жизнью, то это, во-первых, потому, что период их шального счастья еще не кончился; во-вторых, потому, что вообще время отмщения не наступило; в-третьих, еще оттого, что у меня только один язык и нет двух ртов, и если я говорю об одном, то не могу одновременно говорить о другом. Но в конце концов я все-таки расскажу вам о возмездии.

Однако не будем разглагольствовать о постороннем, а вернемся прямо к Чжао Ваню и Чжао Шоу. После того как они вторично выиграли дело против Чжу Чана и приехали домой, родственники и соседи пришли поздравлять их, и они несколько дней подряд праздновали, пили и веселились. А еще через несколько дней они узнали, что Чжу Чан и Бу Цай — оба скончались, и радости их не было предела.

Что касается Тянь Ньюэра, то, озабоченный тем, что его мать не похоронена, он, наконец, взял ее тело и предал земле.

Время летело быстро. Незаметно прошло больше года.

Чжао Вань, старик стариком, но любил повеселиться, и была у него *вторая жена Айда. Эта довольно красивая женщина, которая любила принарядиться и приукраситься, пребывала в самой поре привлекательного возраста и игривого настроения. Чжао Вань, хотя и не утратил темперамента, все-таки был уже стар, баловался с ней кое-как и, конечно, полностью не удовлетворял ее страсть.

Между тем Айда как-то обратила внимание на Чжао Илана, еще не женатого, рослого, здорового и сообразительного человека. Илан

ей понравился. Нет-нет, да и захаживала она на кузню, задевала его, словно случайно, то плечом, то спиной, заводила шуточные разговоры. Так подумайте же сами, уважаемые слушатели, много ли на свете найдется мужчин, которые не поддались бы соблазну, когда сама женщина бросается к ним в объятия?! И вот движения бровей, многозначительные взгляды, и через какое-то время свершилось желанное для обоих. Илан и Айда были молоды, поэтому не могли насытиться друг другом, словно голодные тигры, и чуть выдавалась минута, Айда забегала в комнату Илана, чтобы побыть с ним наедине. К тому же Илан оказался искушенным в любви, так что при встречах с Айда доводил ее до того, что она размякала от неги, душа ее таяла и ей ни на минуту не хотелось с ним расставаться. Так они тайком встречались более полугода, и однажды Айда сказала Илану:

— Мы, конечно, в радости провели все это время, но все же нам приходится таиться от людей, на душе от этого беспокойно, и мы не можем полностью насладиться счастьем. Не лучше ли потихоньку уехать куда-нибудь подальше и прожить до конца наших дней как муж и жена.

— Мы и здесь можем жить как муж и жена, если ты на самом деле так ко мне относишься, — ответил ей Илан.

— Как же не на самом деле, если ты стал человеком моего сердца. Но только как это мы сможем быть мужем и женой, оставаясь здесь?

— В свое время мой хозяин и его сын убили старика Дин Вэня и старуху Тянь, а вину свалили на Чжу Чана, — стал рассказывать ей Илан. — Они велели мне помочь им перенести трупы и пообещали, что, когда дело кончится, уделят мне часть своего имущества. Дубинку, которой они прикончили тех двоих, я припрятал. Но все это время ты так относишься ко мне, что мне не хотелось заговаривать с хозяином относительно обещанного. Однако раз у тебя сейчас такие серьезные намерения, то я попробую сначала поговорить со стариком об имуществе, потом откажусь от обещанной доли, поселюсь где-нибудь в другом месте и тогда попрошу людей поговорить с ним, чтобы он отдал за меня тебя. Думаю, он согласится. Если же не захочет расстаться с тобой, тогда возьмешь и потихоньку уйдешь от него — не станет же он из-за этого подымать шум. Если же он окажется недостаточно сообразительным, я расскажу все, как было, Тянь Нюэру, и мы вместе пойдем жаловаться в ямэнь. Тогда уж ему и жизни своей не спасти.

— Раз так, не медли — действовать надо быстро, — обрадованная, сказала Айда и выбежала из комнаты Илана.

На следующий день, уловив момент, когда Чжао Вань один сидел в зале, Илан подошел к нему и сказал:

— В свое время вы обещали, что когда дело уладится, то уделите мне часть имущества. Ныне с Чжу Чаном уже давно покончено, и я бы просил вас исполнить свое обещание, чтобы я мог сам начать какое-нибудь дело и самостоятельно жить.

— Понимаю, — ответил на это Чжао Вань.

Встретив на следующий день Айда, Илан сообщил ей:

— Я говорил со старым хозяином, так что ты имей это в виду и прислушайся, действительно ли он согласен выделить мне долю.

Айда понимающе кивнула, и они разошлись.

После разговора с Иланом Чжао Вань позвал как-то Чжао Шоу в боковое помещение, прикрыл плотно двери и шепотом пересказал ему все, что говорил ему Илан.

— Я неопределенно ответил ему, — добавил Чжао Вань под конец. — Но все-таки как же теперь быть?

— Да и я ведь в свое время пообещал ему это так, между прочим, — ответил Чжао Шоу. — Что же, он теперь заговорил об этом всерьез?

— Не следовало в свое время обещать, — заметил Чжао Вань, — а теперь, если ему ничего не дать, вряд ли он спокойно расстанется с мыслью об этом.

Чжао Шоу задумался на какой-то момент, и опять у него в голове родилась недобрая мысль.

— Если дать ему поблажку, то каждый месяц он захочет что-то получать и это превратится в вымогательство без конца и края, — сказал Чжао Шоу. — О наших делах знает только он один. Так лучше вырвать все с корнем, и забот не будет.

Если бы старик был человеком доброго нрава, он уговорил бы сына отбросить подобные мысли, дал бы Илану чего-нибудь, и, кто его знает, может быть, это не повлекло бы за собой дальнейшей беды. Но надо же было, чтобы вместо этого старик ответил:

— И я так считаю, только не знаю, как же это осуществить.

— А что тут сложного? — сказал Чжао Шоу. — Пойду завтра, куплю мышьяку, запущу в вино, напоим его вечером, и делу конец. Соседи-то все знают, что мы всегда относились к нему хорошо, и ни у кого никаких подозрений не возникнет.

Чжао Вань счел план удачным и был доволен.

И конечно, пока отец и сын говорили друг с другом, они были уверены, что никто об этом не знает, и ни один из них не подозревал, что их подслушивает Айда. Она догадалась, что речь у них идет об Илане. И хоть она услышала только отдельные фразы и до конца не все поняла, однако, боясь, как бы кто-нибудь из них не вышел и не увидел ее, долго стоять у двери не решилась. Хотела рассказать об этом Илану, но так как она не очень-то расслышала, о чем шла речь, то сочла неуместным говорить о том, чего, может быть, и нет. Тогда она пошла на хитрость. Вечером она напоила старика так, что он был совершенно пьян, в постели обнимала его, была с ним необычайно нежна, разнузданна, нашептывала ему такие вещи, от которых у старика помутилось сознание, и под влиянием вина он, конечно, позволил себе кое-какие шалости с ней.

И вот, в самый острый момент наслаждения, Айда вдруг заговорила:

— Собиралась кое-что сказать вам, да побоялась, что вы слишком расстроитесь, и не стала говорить. Но это настолько возмутительно, что не сказать вам тоже нельзя.

Старик, который едва мог перевести дыхание от любовной игры, воспользовался этим как передышкой и спросил:

— Кто же это посмел тебя обидеть и довести до такого возмущения? — спросил он.

— Это паршивец Илан. Сегодня он так поддевал меня всякими словами, что мне просто захотелось взять да притащить его к вам, но он сказал: «Жизнь старого и молодого господина в моих руках, вряд ли они посмеют что-нибудь со мной сделать». Я не знаю, почему он так говорил, — продолжала Айда, — но если бы это было сказано при ком-нибудь из посторонних, то люди наверняка заподозрили бы вас в чем-то несправедливом и незаконном и это испортило бы вашу репутацию. Надо было бы как-нибудь да что-нибудь придумать и покончить с таким человеком, чтобы потом у вас не было неприятностей.

— Вот негодяй, до какого безобразия дошел! — возмутился старик. — Ну ладно, ничего! Завтра вечером все будет уже в порядке.

— Что значит «завтра вечером все будет уже в порядке»? — спросила Айда.

Видно, и старику не суждено было больше жить, поэтому он рассказал подробно, как они решили расправиться с Иланом.

Узнав обо всем толком, Айда на следующее утро нашла подходящий момент, прибежала к Илану и сообщила ему, что его ждет.

Илан не на шутку перепугался: «Вот они, эти лицемерные, бесчувственные люди! — подумал он. — Решили покончить и со мной. Так как же я теперь могу им простить!»

Заперев свою дверь и прихватив с собой дубинку, он тут же побежал к Тянь Нюэру и рассказал ему, как все было. Тянь Нюэр, взбешенный, собрался тотчас идти к Чжао Ваню и Чжао Шоу, но Илан остановил его:

— Если ты сейчас подымеешь шум, они сумеют подготовиться. Уж лучше идти сразу в ямэнь, а там с ними и разговаривать.

— Ты прав, — ответил на это Тянь Нюэр. — Но в какой же уезд идти?

— В свое время подавали жалобу в Уюаньсянь. Начальник этого уезда все тот же, поэтому надо бы опять идти к нему, — сказал Илан.

Деревня Тайбоцунь находилась всего в сорока ли от уездного города, поэтому оба они сразу же бросились туда и явились прямо в ямэнь.

Начальник уезда еще не закончил утреннее присутствие, и, когда оба парня закричали о несправедливости, обиде, он велел их позвать. Молодые люди стали перед начальником на колени. Письменной жалобы у них не было, и они обратились с жалобой устно. Первым, рыдая и плача, доложил Тянь Нюэр, затем Илан рассказал, как Чжао Шоу убил Дин Вэня и старуху Тянь, а вину возвел на Чжу Чана и Бу Цая. При этом он передал начальнику дубинку, которой было совершено убийство. Начальник взглянул на дубинку и увидел совершенно отчетливые следы крови, хотя она и засохла.

— Раз все было так, почему же ты в свое время не сообщил об этом? — спросил начальник Илана.

— Мне было жалко их, потому и не захотел доносить, — ответил Илан. — Но теперь Чжао Вань и Чжао Шоу побоялись, как бы я не проговорился об этом, и вчера решили, что сегодня вечером отравят меня. Тут уж мне ничего не оставалось, как явиться с просьбой оградить меня.

— Откуда же ты узнал, что именно задумали Чжао Вань и его сын?

Застигнутый врасплох, Илан невольно выдал то, что было:

— Это все благодаря Айда, второй жене старика-хозяина. Она сообщила мне об этом, вот я и узнал.

— Вторая жена твоего хозяина? С какой же стати она решила тебе сообщать об этом? Наверно, ты с ней в любовной связи?

Вопрос угодил прямо в точку. Чжао Илан весь переменялся в лице, стал отговариваться.

— Дело тут ясное, так что нечего отпираться, — бросил ему начальник и тут же велел двум прислужникам направиться вместе с Иланом и Тянь Нюэром за Чжао Ванем, Чжао Шоу и Айда, чтобы доставить их в уезд на суд. Но когда они пришли в Тайбоцунь, был уже поздний вечер, и Нюэр оставил всех у себя переночевать.

В тот день Чжао Шоу с утра купил мышьяк, но найти Илана нигде не мог. Он стал расспрашивать о нем домашних, однако никто из них не знал, куда тот девался. Чжао Вань и Чжао Шоу недоумевали, что бы это могло означать, и встревожились. Ни тому, ни другому, конечно, не приходило в голову, что Айда их выдала. А на следующий день с самого утра уже явились прислужники из ямэня, связали всех и доставили в город.

Видя, что Айда тоже оказалась среди арестованных, Чжао Вань подумал сначала, что это Илан — раз он заигрывал с ней, а она не поддавалась, потому тот и решил втянуть ее в дело. И только когда Илан изложил перед начальником уезда все обстоятельства, связанные с убийством, а под конец рассказал, как и его собирались прикончить, Чжао Вань понял, что между Иланом и Айда была давняя связь, и не мог себе простить, что проговорился.

Между сторонами начались пререкания. Чжао Вань и Чжао Шоу не хотели сознаваться в содеянном, однако пыток они не выдержали и выложили все, как было. В связи с тем что Чжао Вань и Чжао Шоу погубили четырех человек, дело выглядело чрезвычайно серьезным. Им всыпали по шестьдесят палок каждому и, согласно закону, приговорили к смертной казни. Что касается Илана, который соблазнил вторую жену хозяина и таким образом за добро ответил злом, то ему и Айда, находившейся с ним в любовной связи, обоим дали по сорок палок и тоже осудили их как преступников, заслуживающих смертной казни. Всех четверых посадили в тюрьму. Тянь Нюэра отпустили домой. Одновременно было составлено донесение в высшую инстанцию, и через некоторое время после проверки дела поступило распоряжение всех четверых *казнить в конце осени.

И вот из-за одной монеты умерли еще четыре человека. И хотя, как говорится, обида всегда имеет причину, а долг — займодавца, но если бы не этот скандал из-за медяка, не покончила бы с собой Ян, а не было бы трупа Ян, то и Чжу Чан не смог бы пустить в ход свои злокозны. Словом, из-за какого-то одного медяка было погублено тринадцать жизней.

Этот рассказ называется «Пустяковая ссора из-за медяка приводит к неслыханным бедам». Он учит людей не думать о богатстве и прежде всего быть сдержанными в своих поступках. Стихи говорят:

*Всего лишь из-за медяка
возникла ссора меж детьми.
Такой, казалось бы, пустяк,
а сколько сгублено людей!
Совет даю: будь терпелив
и о наживе думать брось,
Тогда и бед не будешь знать —
всю жизнь спокойно проживешь.*

17. ЛИ МЯНЬ В КРАЙНЕЙ БЕДЕ ВСТРЕЧАЕТ БЛАГОРОДНОГО РЫЦАРЯ

*Как в шахматах, все сложно в этом мире:
Кто ход игры предусмотреть сумеет?!
Но если ты душою прост и честен,
Добро от зла сумеешь отличить.*

ил в *Чанъани при *танском императоре *Сюань-цзуне в годы *Тянь-бао один образованный человек по фамилии Фан, по имени Дэ. Это был высокий, крепкого сложения мужчина лет за тридцать с широким благородным лицом. Семья была бедной, ему самому вечно не везло, и жить приходилось только на то, что выручала своей прялкой его жена, урожденная Бэй. Стояла уже глубокая осень, а Фан Дэ все еще носил на голове рваную косынку и ходил в старом летнем платье, которое совсем обветшало, висело клочьями и скорее походило на дождевик из травы. «Становится все холоднее. Как в таком виде показываться людям на глаза?» — подумал Фан Дэ и, вспомнив, что жена приберегла два куска холста, решил выпросить их у нее себе на платье.

Госпожа Бэй была женщиной ограниченной, бессердечной и злой. К тому же еще сварливой и языкастой: язык у нее был острее ножа, за словом она в карман не лезла — на все у нее был готов ответ, и своими разглагольствованиями она могла мертвого поднять на ноги, а живого вогнать в гроб. Она часто обрушивалась на Фан Дэ за то, что он ни к чему не пригоден, дармоед, мол, сидит у нее на шее. А тому все не везло, сказать в ответ было нечего, приходилось постоянно ей уступать, и постепенно дошло до того, что он стал даже побаиваться ее.

Когда зашел Фан Дэ, жена его как раз размышляла о своей горькой доле, о том, что с таким ничтожеством, как ее муж, не дожидаться ей лучших дней, и сетовала на то, что родители так неудачно выдали ее замуж и сгубили ей жизнь. От этих мыслей она пришла в дурное расположение духа, а тут еще Фан Дэ со своей просьбой.

— Этакий верзила, а заработать ничего сам не может, живет за счет женщины! — выведенная из себя, набросилась она на мужа. —

Теперь, оказывается, я еще и одевать его должна! Да как у тебя, бесстыжего, язык повернулся выговорить этакое?

От подобных упреков Фан Дэ стало неимоверно стыдно. Но что было делать, пришлось стерпеть обиду.

— Госпожа, я всегда был тебе глубоко признателен за то, что ты делаешь, — смиренно отвечал он. — Теперь я беден и ничего собой не представляю, но ведь настанут и хорошие дни; если ты одолжишь мне это полотно, то потом, когда я получу должность и разбогатею, я щедро отблагодарю тебя за доброту.

— В твои-то годы да еще с такой вот рожей! Где уж тебе разбогатеть! — замахала на него руками жена. — Разве что с неба посыплются деньги или ограбишь кого! Уже столько лет дурачишь меня этими сладкими речами, что больше я тебе не верю. А на полотно не рассчитывай: из этих двух кусков я сошью себе платье на зиму.

Итак, Фан Дэ ничего не получил. Мало того, ему пришлось еще выслушать столько неприятных слов, что он готов был сам обрушиться с бранью на жену. Однако, зная, какой у нее язык и какая глотка, побоялся, как бы не услышали соседи, а потому не стал с ней спорить, сделав вид, что ничего не произошло. Как говорится, злись, да помалкивай, и Фан Дэ, с обидой в душе, ушел из дому, надеясь занять немного денег у родных или знакомых.

Долго ходил он по городу, но денег так и не раздобыл. Даже погода в этот день была против него: как назло, вдруг поднялся ветер, полил дождь. Ветер трепал его лохмотья, и они шуршали, как падающая листва, и все тело от холода покрылось гусиной кожей. Впереди был старый храм, и Фан Дэ побежал к нему, чтобы укрыться там от непогоды. Храм этот назывался Буддийский храм заоблачного сияния. Оказавшись в воротах храма и оглядевшись, он заметил, что на пороге, под навесом левой галереи, сидит какой-то здоровенный мужчина. В зале храма монах нараспев читал молитвы. Фан Дэ присел возле правой галереи и уставился на небо. Дождь понемногу стихал. «Надо идти, — сказал он, — того и гляди, снова припустит». Он уже поднялся и собрался было выйти на улицу, но, обернувшись, вдруг заметил на стене изображение птицы: крылья, туловище, лапы, хвост — все было выведено, не хватало только головы. И есть же на свете такие безмозглые люди: сам ходит голодный, холодный, о себе не может позаботиться, а увидел — на стене нарисована птица, позабыл обо всем и давай разглядывать рисунок и рассуждать про себя: «Странно, я не раз слышал, что, когда рисуют птицу, начинают с головы. Отчего же здесь ее рисовали не так, как обычно? И почему не дорисовали ее до конца?» Раздумывая над этим, Фан Дэ продолжал разглядывать рисунок и ему даже стало казаться, что птица изображена весьма удачно. «Хоть я и профан в этом деле, — продолжал рассуждать Фан Дэ, — но подрисовать голову птице несложно. Почему бы мне и не закончить этот рисунок?» — решил он и тут же пошел в зал, попросил у монаха кисть и, напитав ее тушью, подрисовал птице голову. Вышло, в общем, не так уж плохо. «Учись я этому делу, из меня бы вышел художник», — довольный собой, подумал Фан Дэ.

Надо сказать, что едва Фан Дэ взялся за кисть, как мужчина, которого он заметил на левой галерее, подошел и стал наблюдать за

ним. И вот теперь, окинув Фан Дэ с ног до головы внимательным взглядом, незнакомец, приветливо улыбаясь, обратился к нему:

— *Сюцай, разрешите поговорить с вами?

— Кто вы такой? — удивился Фан Дэ. — И что вы хотите мне сказать?

— Не расспрашивайте меня, сюцай. Следуйте за мной, и вы не прогадаете.

Фан Дэ, который именно в этот день оказался в очень тяжелом положении, обрадовался, когда услышал, что ему сулят какую-то выгоду. Он тут же вернул монаху кисть, оправил свое платье и последовал за незнакомцем. Дождь к тому времени прекратился, ветер стих; правда, на улице еще было мокро и грязно, но Фан Дэ это ничуть не тревожило. Выйдя из храма, они пошли прямо через ворота Шэнпинмэнь и вскоре оказались в районе Лэюань. Это было пустынное и безлюдное место. Возле маленьких боковых ворот одного дома спутник Фан Дэ остановился и трижды постучал. Вскоре какой-то человек открыл ворота и вышел им навстречу. Это тоже был здоровый высокий мужчина. Увидев Фан Дэ, он просиял, подошел к нему и стал его приветствовать. «Что это за люди — тот и другой и зачем я им понадобился?» — недоумевал Фан Дэ и спросил:

— Чей это дом?

— Пожалуйста, пройдите, и вы все узнаете, — ответили ему.

Фан Дэ прошел вперед, за ним заперли ворота и повели за собой. Фан Дэ огляделся: это был запущенный сад — кругом высокий бурьян да густые заросли терновника. Петляя по извилистым тропинкам сада, они дошли до старой полуразрушенной беседки. Оттуда навстречу им вышли человек пятнадцать — все как на подбор рослые детины со свирепыми лицами и здоровенными ручищами. Увидев Фан Дэ, они радостно заулыбались: «Просим, сюцай, проходите!»

«Странные они какие-то, — размышлял Фан Дэ. — Интересно, о чем они хотят говорить со мной?»

Фан Дэ провели в беседку. Когда обычная при встрече гостя церемония приветствий была закончена, Фан Дэ усадили на скамейку и осведомились о его фамилии.

— Моя фамилия Фан. Но скажите, о чем вы хотели поговорить со мной?

— Не стану скрывать от вас правды, — начал тот, что привел сюда Фан Дэ. — И я, и мои братья — *рыцари рек и озер, и занимаемся мы делом, которое не требует капитала. Все мы тут только смелые и отважные люди, и вот недавно дело обернулось так, что мы чуть не поплатились жизнью. Мы решили обратиться с мольбой к небу, чтобы оно ниспослало нам сметливого и мудрого удальца, которого мы могли бы признать нашим старшим братом и которому во всем стали бы подчиняться. Птица без головы на стене в Буддийском храме заоблачного сияния — это наша просьба к небу и наша клятва. Этим изображением мы хотели сказать, что есть у нас и крылья и оперение, а головы не хватает. Если нам суждено процветание, то небо пошлет нам смелого молодца, который дорисует нашу птицу, и мы поклялись пригласить его и признать своим атаманом. Прождали мы не один день, но такой человек не являлся. И вот наконец небо

услышало нашу просьбу и, к нашей радости, послало нам вас. Глядя на вас, вашу величественную осанку, сразу можно понять, что вы — человек, в котором непременно должны сочетаться и ум и отвага. Поистине, само небо велит вам быть атаманом! С этого дня мы будем у вас в полном подчинении, и все теперь у нас пойдет ладно. Что вы на это скажете? — спросил он под конец и крикнул своим:

— А ну-ка, поскорей зарежьте барана, и мы принесем жертву небу и земле.

Трое или четверо молодцов выбежали из беседки и помчались в глубь сада.

«Так вот они кто! Это, оказывается, шайка бандитов! — с душевным трепетом подумал про себя Фан Дэ. — Но как же я, честный человек, возьмусь за такое?..» И он ответил:

— Если бы вы, храбрые люди, поручили мне какое другое дело, я бы согласился, а такого я не посмею взять на себя.

— Это почему же? — в один голос спросили те.

— Я образованный человек и все-таки надеюсь когда-нибудь выбиться в люди, — заявил Фан Дэ. — Как же я могу пойти на такое противозаконное дело?

— Вы ошибаетесь, уважаемый! — возразил ему один из молодцов. — Теперь, когда первым министром стал *Ян Гочжун, звания и титулы продаются, и сделаться крупным чиновником можно, только если у вас есть деньги, а коли их нет, то даже такому таланту, как *Ли Бо, приходится терпеть всякие несправедливости — ведь не удалось же ему сдать экзамены, и не знай он языка варваров, пожалуй, так до сих пор и оставался бы простым сюцаем без степени. А вы, сюцай, не в обиду будь вам сказано, не очень-то похожи на состоятельного человека. На что же вы надеетесь? Уж лучше присоединяйтесь к нам — по крайней мере вино будете пить кубками, мяса есть вдоволь, приоденетесь как положено и серебро будете перебирать крупными слитками. К тому же мы вас назначаем нашим атаманом, так что жизнь вас ждет веселая и беззаботная. А потом, если нам повезет и вы захотите обосноваться где-нибудь в горном стане и объявить себя князем или властелином, — воля ваша!

Фан Дэ глубоко вздохнул, но ничего не ответил.

— Что ж, если вы окончательно отказываетесь, — продолжал тот же разбойник, — не смеем вас принуждать. Но только прийти к нам можно было, а вот уйти... Не хотите оставаться с нами — придется расстаться с жизнью. Не пеняйте на нас! — Бандиты, все, сколько их было, выхватили из-за голенищ ножи. У Фан Дэ от страха душа ушла в пятки, он отшатнулся и закричал:

— Пойдите, господа! Давайте поговорим!

— Согласен или не согласен — одно слово, — настаивали бандиты. — О чем еще разговаривать?!

«В таком глухом месте, как это, и не подчиниться им — значит, ни за грош отдать свою жизнь, — подумал про себя Фан Дэ. — Никто даже знать ни о чем не будет. Лучше соглашусь, а завтра удеру и донесу в *ямэнь». Придя к такому решению, он заявил:

— Уважаемые, я очень вам благодарен за расположение ко мне, но я ведь трусоват. Боюсь, с таким делом мне не справиться.

— Пустяки, лиха беда начало, а потом и сам черт не брат.

— Ну что ж, — проговорил Фан Дэ, — придется подчиниться. Я остаюсь с вами.

Разбойники обрадовались, спрятали ножи за голенища.

— Теперь мы — одна семья и будем называть друг друга братьями, — сказал один из них, обращаясь к Фан Дэ, и тут же распорядился: — Принесите платье для старшего брата, и мы совершим поклонение небу и земле.

Фан Дэ поднесли парчовое платье, новую шапку и новые сапоги. Он переоделся и совершенно преобразился.

— Да такому, как наш старший брат, не то что атаманом, в пору самим императором быть! — раздалось вокруг возгласы восхищения.

С древних времен существует поговорка: соблазна нет — не будет и в душе смятенья. И вот теперь, когда Фан Дэ, образованный человек, который был беден и которому в жизни не доводилось носить такого парадного платья, переоделся во все новое, роскошное и блестящее, отношение его к происходящему несколько изменилось. Он стал раздумывать над тем, о чем ему только что говорил бандит, и, взвесив каждый его довод, в конце концов решил, что, пожалуй, тот был прав.

«Действительно, теперь, при министре Ян Гочжуне, повсюду подкуп и взятки, и невесть сколько ученых и высокоодаренных людей не у дел, — думал он. — Где уж такому заурядному человеку, как я, рассчитывать на должность? А если мне не удастся стать чиновником, то всю жизнь и проживу в нищете... так уж лучше воспользоваться тем, что предлагают эти люди... Да и вот еще что, — вспомнил Фан Дэ. — В такую холодную осень, как эта, я все еще хожу в каком-то летнем рванье. Просил у жены холста на платье — не получил, обратился к родным да знакомым — ни один не помог. Скорее у этих разбойников найдешь дружелюбие и душевное благородство: видят меня в первый раз, а так раздели да еще сделали главарем. Ладно, останусь-ка с ними, уж как-нибудь... Хоть конец дней своих проведу в довольстве и радости! Нет, нельзя! Нельзя! — спохватился он тут же. — Чего доброго, схватят, тогда и жизни конец!»

Сомнения терзали Фан Дэ, от бесконечных мыслей голова шла кругом, но прийти к какому-нибудь решению он так и не мог.

Тем временем люди суетились — устроили жертвенный стол, притащили свинью, барана. Когда все было готово, все восемнадцать, в том числе и сам Фан Дэ, разом опустили на колени, возжгли курения, произнесли клятву, а затем в знак верности помазали себе губы жертвенной кровью. Когда обряд жертвоприношения небу и земле был завершен, бандиты побратались с Фан Дэ и каждый сообщил ему свою фамилию и имя. Вскоре принесли вино и закуски и попросили Фан Дэ занять почетное место. Стол ломился от лакомых яств, изысканных вин, и каждый ел и пил вволю.

Заметим здесь, что Фан Дэ всю свою жизнь довольствовался самой грубой и невкусной пищей, да и такая бывала не всегда. Случалось, конечно, что ему перепадало немного вина и мяса, но вдоволь выпить или поесть не доводилось. Теперь, когда он мог есть и пить сколько угодно, он был на седьмом небе от счастья. Но этого мало,

ему еще каждый по очереди подносил чарку, за ним ухаживали, то и дело величали старшим братом и оказывали столько почета и уважения! Фан Дэ сиял. И если раньше он еще сомневался, как ему поступить, то теперь бесповоротно решил остаться с этими людьми. «Кто его знает, — думал он, — может быть, мне самую судьбою предназначено какое-то везенье, и с помощью этих людей я совершу что-нибудь великое. А если нет, то, на худой конец, схожу с ними раз-другой на дело, раздобуду деньжонок, и все тут. Авось, никто не узнает... Потом подкуплю Ян Гочжуна, стану чиновником — тоже недурно! А если не повезет... ну что ж, к тому времени я уже достаточно отведаю счастья, и пусть меня убивают, пусть четвертуют — я охотно приму любую кару. Лучше так, чем всю жизнь нищенствовать и помереть от голода и холода». Стихи говорят по этому поводу следующее:

*Ночь холодна,
ветер и ливень шумят;
Утлый челнок
прямо несется на мель.
Как же мне быть:
злобы валов избегу,
Холод и голод
тотчас достигнут меня.*

Пир затянулся до глубоких сумерек.

— Сегодня наш старший брат присоединился к нам, — сказал один из шайки. — Почему бы нам не иметь от этого нынче же выгоды?

— Верно! — в один голос поддержали его остальные. — Кого бы лучше навестить на этот раз?

— Во всей столице нет человека богаче, чем Ван Юаньбао, что живет за воротами Яньпинмэнь, — сказал Фан Дэ. — Кроме того, это за городом, нет там ни стражников, ни караульных; а все пути и дорожки туда мне хорошо знакомы. Один этот дом стоит десяти. Как вы полагаете?

— Не скроем, брат наш, что этот человек давно у нас на примете, — обрадованные, ответили они Фан Дэ. — Только до сих пор все как-то было не с руки. Очень хорошо, что и вы о нем подумали, — значит, наши мысли совпадают.

С пиршеством тут же было покончено. Разбойники достали серу, селитру, факелы, оружие, прочие вещи, и все, как один, начали одеваться, чтобы идти на дело:

*Волосы стянуты белой повязкой,
На ногах — сапоги.
Лица намазаны черным и красным,
В руках — топоры и ножи.
Штаны чуть пониже колен —
Поясом стянуты туго;
Короткие тесные куртки —
Мышцы играют под ними.
Словно дьяволов свора на землю сошла,
Словно сбежались в лесу леопарды и тигры.*

Когда все было подготовлено, разбойники дождались, пока совсем стемнеет, вышли из сада, заперли за собой ворота и, как шквал, понеслись к Яньпинмэнь. До ворот было всего шесть-семь *ли, и бандиты вскоре оказались у цели.

Следует заметить, что Ван Юаньбао был старшим братом Ван Хуна, губернатора столичного округа. Богатство Ван Юаньбао могло сравниться с государственной казной, а его имя было известно всей стране; в свое время богача принимал сам император Сюань-цзун. Но случилось так, что за три дня до них в дом богача пробрались воры и унесли с собой немало ценностей. Ван Юаньбао поставил об этом в известность Ван Хуна. Тот приказал сыщикам найти и задержать преступников, а брату для охраны послал тридцать дюжих и отважных молодцов. Так что Фан Дэ и его людям не повезло — они попали в заранее расставленный капкан.

Подойдя к дому Ван Юаньбао, бандиты зажгли факелы. Вокруг стало светло как днем. С занесенными над головой ножами и топорами они ринулись к воротам, выломали их и ворвались во двор. Стражники и все, кто был в доме, проснулись. Люди стали бить в гонг, подняли крик и, вооружившись палками, бросились ловить грабителей. На шум и крики со всех сторон на помощь сбежались соседи. Испугавшись такой толпы, бандиты подожгли дом и стали пробиваться к воротам. Тогда часть слуг и стражников бросились тушить огонь, остальные кинулись вслед за разбойниками и окружили их. Те отчаянно дрались, ранили нескольких стражников, но устоять перед противником, который превосходил их числом, не смогли. Кончилось тем, что одних бандитов сбили с ног и тут же схватили, другим удалось бежать. В числе захваченных оказался и Фан Дэ. Пойманных связали и утром отправили в ямь губернатора столичного округа.

Ван Хун распорядился, чтобы дознание вел начальник уголовного следствия столичного уезда. Пост этот тогда занимал Ли Мян, человек знатного происхождения, связанный родством с членами императорской семьи. Ли Мян отличался справедливостью, честностью, талантом в управлении, и все его силы и стремления были направлены на то, чтобы в стране всегда царил порядок и народ жил спокойно. Но бывшие тогда у власти министры, *Ли Линьфу, а затем Ян Го-чжун, всячески вредили стране и народу, не терпели умных, незаурядных людей, поэтому Ли Мян приходилось занимать только низшие чиновничьи должности и его способности и таланты не находили достойного применения.

Скромная и незаметная должность начальника уголовного следствия была в то же время очень ответственной и важной. Начальник уголовного следствия лично вел дознание о разбоях, грабежах, и вообще уголовные дела, как правило, поступали к нему. Люди, занимавшие этот пост, обычно были жестокими чиновниками и часто прибегали к самым страшным и изощренным пыткам, вроде тех, которые в свое время вводили *Чжоу Син, Лай Цзюньчэнь, Со Юаньли. Все эти безжалостные чиновники хотели, с одной стороны, внушить людям страх, а с другой — вызвать к себе уважение. Действуя в угоду высшему начальству, они каждый раз применяли жестокие пытки, меньше всего думая о том, где правда, где ложь. Будь ты бесстраш-

ным молодцом, будь у тебя жилы из стали и тело из железа, все равно, раз попал к ним в лапы, душу твою вгонят в пятки и вытравят из тебя всю смелость и отвагу. Не счесть, сколько честных и благородных людей, справедливых и верных долгу чиновников ни за что ни про что отправили они на тот свет! Только Ли Мянью отличался в этом отношении от своих собратьев. Он придерживался справедливости и человечности, никогда не прибегал к жестоким пыткам; собираясь вынести решение, он изучал самую суть вопроса, и потому никогда не было за ним несправедливо решенных дел.

Рано утром, когда в ямэне только началось присутствие, к Ли Мянью по приказу губернатора привели десяток бандитов и пять-шесть раненых охранников; они опустились перед начальником на колени; тут же положили отнятое у разбойников оружие. Ли Мянью обвел всех взглядом и заметил, что среди разбойников один выделяется величественной и весьма благородной внешностью. «Такой мужчина! Неужели и он разбойник?» — подумал Ли Мянью, и у него невольно зародилась жалость к этому человеку. Опросив сначала караульных и стражников, Ли Мянью затем обратился к разбойникам: узнал фамилию и имя каждого и стал их допрашивать. К пыткам прибегать не пришлось — пойманные на месте преступления бандиты признались во всем и даже выдали свое логово. Ли Мянью тут же послал людей с приказом схватить и арестовать остальных.

Когда очередь дошла до Фан Дэ, тот на коленях подполз к столу начальника и со слезами на глазах стал рассказывать:

— Я с детства учился, изучал *классические книги, и вовсе я не разбойник. Живу я бедно. Вчера нужда заставила меня пойти по знакомым и родственникам одалживать деньги. И вот, когда я скрывался от дождя в Буддийском храме заоблачного сияния, меня заманили к себе разбойники и угрозами заставили вступить в их шайку. Мне волей-неволей пришлось согласиться... — И Фан Дэ подробно рассказал о том, как он подрисовал голову птице и что произошло потом.

Ли Мянью, который с первого взгляда сочувственно отнесся к Фан Дэ, теперь, после его искреннего признания, проникся к нему жалостью и был склонен отпустить его. Но он подумал: «Все они в равной степени виновны, отпустить его одного — значит вызвать справедливые упреки. К тому же дело это поручено мне губернатором, и если я так поступлю, что доложу тогда начальству? Нет, придется действовать иначе», — решил он и тут же умышленно стал распекал бандитов, приказал, чтобы на каждого надели *кангу, всех отвели в тюрьму и держали там до тех пор, пока не будут пойманы и допрошены остальные из этой банды. Раненых охранников он отпустил, приказав оказать им помощь, а отличившихся стражников занес в список для представления к награде. Покончив со всем этим, он вызвал к себе в ямэнь тюремщика Ван Тая.

Заметим здесь, что Ван Тай когда-то навлек на себя гнев начальника, на него состряпали дело, и он был приговорен к смерти; только благодаря Ли Мянью, который расследовал его дело, Ван Тай был освобожден и остался служить при ямэне. Признательный Ли

Мяню, он всегда с большим усердием выполнял любые его поручения, поэтому Ли Мянъ назначил его старшим надзирателем.

Когда Ван Тай явился, Ли Мянъ сказал ему:

— Среди разбойников, которых сейчас привели, есть некий Фан Дэ. Внешность у него благородная, говорит он честно, искренне. Он произвел на меня впечатление достойного человека, которому просто не представился случай выдвинуться. Я намерен был его освободить, но у всех на глазах неудобно было это сделать. Поручаю это тебе — улучи подходящий момент и дай ему возможность бежать. — При этом Ли Мянъ вынул слиток серебра в три *лана, велел Ван Таю передать его Фан Дэ и предупредить того, чтобы он бежал куда-нибудь подальше, иначе в этих краях его снова схватят.

— Не осмелюсь не выполнить вашего распоряжения, — сказал Ван Тай, — боюсь только, что этим подведу остальных надзирателей. Как тут быть?

— Когда отпустишь его, переберешься с женой и детьми ко мне и спрячешься у меня в ямэне, а в донесении я свалю все на тебя. Тогда другие не будут за это в ответе. Ты останешься со мной и служить будешь лично мне. Это, пожалуй, лучше, чем находиться здесь на таком незавидном посту. Как на это посмотришь?

— Если господин возьмет меня к себе в услужение, то лучшего я и желать не могу, — ответил Ван Тай и, спрятав серебро, поспешил в тюрьму. Там он сказал надзирателю:

— Преступников, которых сейчас доставили к нам, не пытали, так что сил у них хватает. Ждать от этих верзил можно чего угодно, поэтому нельзя держать их вместе.

Арестованных тут же развели по разным камерам. Ван Тай сам повел Фан Дэ и поместил его в наиболее отдаленной и безлюдной части тюрьмы. Тут он рассказал Фан Дэ о добром намерении начальника и отдал ему серебро. Фан Дэ был тронут до глубины души.

— Передайте, пожалуйста, начальнику мою искреннюю признательность, — сказал он Ван Таю, — и заверьте его, что если я не смогу отплатить ему за добро в этой жизни, то после смерти превращусь хоть в коня, хоть в пса, но буду служить ему, чтобы отблагодарить за все.

— Разве начальник спасает тебя, рассчитывая на какую-то благодарность? Он делает это, следуя собственным добрым побуждениям, — заметил Ван Тай. — Хотелось бы только, — продолжал он, — чтобы ты после этого случая бросил подобные дела и стал порядочным человеком, иначе добродетельный поступок начальника пропадет даром.

— Благодарю вас за наставление, — сказал Фан Дэ, — я непременно последую ему.

Вечером Ван Тай наблюдал за тем, как надзиратели разводили преступников по камерам. Начали они с Фан Дэ, затем по очереди развели и приковали к постелям всех остальных и ушли. Улучив момент, когда надзиратели суетились, занятые каждый каким-то своим делом, Ван Тай вернулся в камеру Фан Дэ, освободил его от оков, снял с него кангу, надел на Фан Дэ свою старую куртку и шапку и повел к выходу. К счастью, по дороге им никто не встретился, и, быстро открыв ворота, Ван Тай выпустил Фан Дэ из тюрьмы.

Чуть не бегом, не разбирая дороги, мчался Фан Дэ по улицам. Домой заходить он не решился. Вскоре Фан Дэ оказался за городом и шел дальше всю ночь.

«Начальник спас мне жизнь — думал он, — но куда же мне теперь направиться?» Тут он вспомнил об *Ань Лушане, который пользовался большой благосклонностью и доверием императора и держал двери своего дома широко открытыми для смелых и талантливых людей. «Почему бы не попытаться найти прибежище у него?» И Фан Дэ направился прямо в *Фаньян.

Там очень кстати он встретил своего старого друга Янь Чжуана, который служил секретарем правителя округа. Янь Чжуан представил его Ань Лушаню. Надо сказать, что Ань Лушань уже давно замышлял серьезное дело против царствовавшего дома и охотно принимал всяких беглецов и недовольных. Он обратил внимание на внушительную внешность Фан Дэ, поговорил с ним, рассуждения и высказывания Фан Дэ пришлись ему по душе, и он оставил его у себя. Прожив там какое-то время, Фан Дэ тайно послал людей за женой, и она приехала в Фаньян. Поистине,

*Наконец он сквозь сети прорвался
и ушел от всего — от небес,
От земли, от тяжелых цепей,
печали, лишений, забот.
В достатке живя и в покое,
он доволен сегодняшним днем
И только при случае вспомнит
о прошлой жизни своей.*

Но вернемся к Ван Таю. В тот вечер, когда Ван Тай освободил Фан Дэ, он, сославшись на дела, которые якобы ожидали его дома, и распорядившись, чтобы как следует присматривали за арестованными, отдал надзирателям ключи и ушел из тюрьмы. Дома он собрал свои пожитки и в ту же ночь вместе с женой переехал в ямзнь к Ли Мяню.

На следующее утро, когда надзиратели выводили арестованных во двор, они обнаружили, что канга Фан Дэ валяется на полу.

— Так крепко его заковали! Как этот бандит сумел высвободиться из канги и когда успел удрать?! — без конца повторяли насмерть перепуганные надзиратели. — Отвечать-то за него нам придется. И все-таки как же ему удалось отсюда выбраться?

Стали осматривать стены, пол, но нигде ничего подозрительного не заметили — ни кирпича, ни даже какого-нибудь осколочка.

— Мерзавец этакий! — ругались они. — Еще врал вчера начальнику, что это его первое дело, а сам, оказывается, из бывалых да умелых.

— Пойду сообщу старшему надзирателю, пусть доложит начальству, чтобы немедленно послали людей на розыски, — сказал один из надзирателей и бегом бросился к дому Ван Тая. Но двери оказались запертыми, сколько он ни барабанил — все безрезультатно. На стук вышел сосед Ван Тая.

— Они всю эту ночь без конца возились, — сказал он. — Наверное, переехали.

— Старший надзиратель не говорил, что собирается переселиться. Не должно этого быть! — усомнился надзиратель.

— Как же не услышать, что так стучат? — говорил сосед. — Не спит же мертвецким сном!

Надзиратель решил, что сосед прав. Тогда он приналег плечом на дверь, и дверь сразу же поддалась — оказывается, она просто была подперта изнутри палкой. В комнате Ван Тая стояло только несколько громоздких вещей; и ни живой души в ней, конечно, не было.

«Странно! Почему же и он исчез? — недоумевал надзиратель. — Тот сбжавший арестант — уж не его ли рук это дело? Ладно, он или не он, но свалить надо будет все на него».

Надзиратель закрыл дверь и, не возвращаясь в тюрьму, направился прямо в ямэнь к начальнику. Ли Мянью как раз в это время вел утреннее присутствие. Когда надзиратель доложил о случившемся, начальник сделал вид, что крайне поражен.

— Я всегда считал Ван Тая осторожным человеком, — проговорил он. — Никогда не думал, что он решится за взятку отпустить такого важного преступника. Полагаю, что он скрывается где-нибудь поблизости. Ищите повсюду! Найдете — будете награждены.

Надзиратель поклонился и вышел.

Ли Мянью составил донесение и послал его в область Ван Хуну. А тот написал императору доклад, в котором обвинил Ли Мянью в нерадении по отношению к своим служебным обязанностям, в том, что он по халатности не принял надлежащих мер предосторожности. В результате Ли Мянью лишили должности, чина и низвели в простолюдины. Одновременно вывесили указ о повсеместном розыске Фан Дэ и Ван Тая. Не медля, Ли Мянью *сдал дела и грамоту, собрал вещи и отправился на родину. Ван Тая он повез с собой, спрятав его среди женщин.

*Если б не ради того,
чтоб в беде человеку помочь,
Мог бы устроить побег
тому, кто свершил преступленье?!*

Надо заметить, что семья Ли Мянью жила бедно. За годы своей службы Ли Мянью никогда ни у кого не взял ни гроша, и поэтому теперь, покидая ямэнь, он оставался таким же бедняком, как и прежде.

Возвратившись на родину, он сам со своими слугами обрабатывал землю и этим кормился. Два с чем-то года Ли Мянью провел в деревне. С каждым днем жить становилось все труднее. В конце концов он простился с женой, взял с собой Ван Тая и еще двоих слуг и отправился в путь, с тем чтобы разыскать и навестить старых друзей.

Из Дунду он поехал прямо в Хэбэй и там узнал, что его старый приятель Янь Гаоцин недавно получил должность правителя области *Чаншань. Ли Мянью направился прямо туда, чтобы нанести ему визит. Он уже проехал уезд Босянь, откуда до Чаншани оставалось немногим более двухсот ли. Тут навстречу ему попала какая-то

процессия. Впереди шли служащие ямэня с белыми палками в руках, освобождая дорогу следующему за ними чиновнику.

— Едет начальник уезда, а ну-ка слезайте с лошадей! — закричали они Ли Мянью и его спутникам.

Ли Мянью спешил и стал в стороне. Между тем Ван Тай еще издали обратил внимание на начальника уезда — он ехал верхом на белом коне, над головой колыхался черный зонт, вид у начальника был величественный, внешность благородная, внушительная. Ван Таю показалось невероятным: начальник был очень похож на того самого разбойника Фан Дэ, которому он тогда устроил побег.

— Господин! — обратился он тут же к Ли Мянью. — Этот начальник уезда ни дать ни взять Фан Дэ, которого мы тогда выпустили из тюрьмы.

Ли Мянью лицо начальника уезда тоже показалось знакомым, и когда Ван Тай сказал ему об этом, он сразу все вспомнил.

— Действительно, похож на него, — согласился Ли Мянью. — Я ведь говорил, — продолжал он, обрадованный, — что это выдающийся человек, которому просто не повезло в жизни. Так оно и оказалось. Непонятно только, как ему удалось получить должность.

Ли Мянью хотел было подойти к начальнику уезда и расспросить его, но подумал: «Если это действительно Фан Дэ, то решит, что я разузнал, что он здесь на должности, и приехал сюда в расчете на благодарность. Нет, лучше не надо». Предупредив Ван Тая, чтобы тот молчал, Ли Мянью отвернулся, дожидаясь, пока начальник проедет мимо. Между тем, поравнявшись с ними, начальник сразу признал в человеке, стоящем спиной к дороге, Ли Мянью; заметил и находившегося рядом Ван Тая. Радость и удивление изобразились на его лице. Он тут же приказал свите остановиться, спрыгнул с коня и подошел к Ли Мянью.

— Благодетель! — обратился он к Ли Мянью. — Почему же вы не захотели окликнуть меня и даже отвернулись? Ведь я чуть было не проехал мимо.

— Я не знал, что вы здесь, — с поклоном ответил Ли Мянью, — боялся, что отвлеку начальника от важного дела, и потому не решился подойти.

— Ну что вы! — воскликнул Фан Дэ. — Я рад, что мой благодетель приехал сюда, мне просто повезло... Прошу вас ко мне в ямэнь — посидим, поговорим.

Ли Мянью устал с дороги и, поскольку приглашение Фан Дэ казалось ему вполне искренним, ответил:

— Вы очень любезны. С удовольствием зайду к вам поговорить. — И, повернув коня, он поехал обратно. За ним следовали Ван Тай и двое других его слуг. В конце концов они въехали в Босянь. Оказавшись возле ворот управы, Ли Мянью и сопровождавшие его люди спешили. Фан Дэ пригласил гостей в ямэнь. Он провел их через свою рабочую комнату, непосредственно прилегающую к залу присутствия, свернул влево и вышел во двор, где располагались его внутренние покои. Тут Фан Дэ отослал сопровождавших его слуг, оставив при себе лишь управляющего Чэнь Яня, которому велел находиться у входа, и наказал приготовить торжественный обед. Всех четырех

коней Ли Мяня он велел поставить в стойло и задать им корм, Ван Таю и другим слугам приказал внести багаж. Кроме того, Фан Дэ распорядился, чтобы двое людей из ямэня были отданы в услужение Ли Мяню. Эти двое были Лу Синь и Чжи Чэн. Обоих Фан Дэ купил во время пребывания на должности в этом уезде.

Почему же Фан Дэ не пожелал, чтобы его слуги следовали за ним дальше, как это принято? Дело в том, что в уезде он выдавал себя за потомка министра *Фан Сюаньлина и хвастал своей родословной; никто в этих краях подлинной его биографии не знал, все верили ему и очень уважали. И вот нынче, когда произошла эта встреча и предстояла беседа с Ли Мянем, Фан Дэ опасался, что речь может зайти об истории с разбойничьей шайкой, и не хотел, конечно, чтобы другие об этом услышали. Он понимал, что, если только люди узнают о его прошлом, начнут об этом болтать, станут издеваться над ним — тогда прощай должность. Потому-то он и удалил слуг.

Покои, в которых оказался Ли Мянь, состояли из трех комнат, обращенных на юг; по бокам к ним прилегали два флигеля. Двери комнат, залитых светом, были приоткрыты. В одной из них прямо перед дверью висел пейзаж кисти известного художника, курильница из старинной бронзы источала ароматный дымок; по правую руку была помещена лежанка из пятнистого бамбука; слева находились полки, заставленные книгами; прямо у окна стоял столик с разложенными на нем *четырьмя сокровищами ученого. В маленьком дворике возле кабинета с большим изяществом были высажены цветы и деревья. Здесь обычно начальник отдыхал, проводил свой досуг, и потому все было обставлено умело, со вкусом.

Итак, Фан Дэ пригласил Ли Мяня войти в кабинет. Фан Дэ взял кресло, поставил его в центре комнаты на почетном месте, предложил Ли Мяню сесть, а сам опустился перед ним на колени. Ли Мянь поспешил поднять его.

— Что вы? Зачем такие церемонии?

— Я был преступником, которого ожидала смертная казнь, — говорил Фан Дэ. — Вы, благодетель, спасли меня, даже денег дали на дорогу, я очутился здесь и своим нынешним положением обязан вам. Вы мой второй отец, вы дали мне новую жизнь, и вы должны разрешить мне земно поклониться вам.

Ли Мянь, для которого чувство справедливости и долга всегда было превыше всего, понимал, что Фан Дэ прав, и принял от него два земных поклона. Затем Фан Дэ поблагодарил Ван Тая и провел гостей в боковой флигель немного отдохнуть. На ходу он предупреждал Ван Тая:

— Если мои служащие станут расспрашивать вас о чем-нибудь, не говорите им о том, что было когда-то.

— Не стоило предупреждать, я сам это прекрасно понимаю, — ответил Ван Тай.

Через некоторое время хозяин снова провел гостей в кабинет. Здесь он усадил Ли Мяня на почетное место, а сам взял кресло и сел в стороне, как подобает хозяину.

— Я денно и ночью с благодарностью думал о вас, о том, что вы спасли меня, — заговорил он. — Но не довелось мне отблагодарить вас. Никак не ожидал, что небо дарует эту встречу!

— Вы случайно попали в беду, — заметил Ли Мянью, — и если я вам чем-то помог, в этом нет особой добродетели — просто выказал таким образом добрые чувства.

— Позвольте осведомиться, какое высокое назначение вы теперь получили, что путь ваш лежит через наш уезд? — спросил Фан Дэ, предлагая гостю чай.

— После того как я отпустил вас, губернатор столичного округа обвинил меня в нерадивом отношении к службе, и меня отставили от должности. Я вернулся на родину, но дома мне было тоскливо, не по себе, и я решил поехать по стране, полюбоваться природой, чтобы немного развеяться. Сейчас я направляюсь в Чаншань, хочу провести своего старого друга господина Яня, ныне начальника области, — вот и оказался в ваших краях. Да, не ожидал я, что встречу с вами, не думал, что вы уже получили должность. Очень рад за вас.

— Значит, вы из-за меня лишились должности и чина, а я, недостойный, оказался здесь, на служебном посту. Мне, право, просто очень стыдно перед вами!

— В древности случалось, что ради справедливости люди жертвовали даже своей собственной семьей, а о каких-то чинах и должностях стоит ли говорить! Но только расскажите, — продолжал Ли Мянью, — куда вы потом направились после всей этой истории и как случилось, что получили должность начальника в этом уезде?

— Когда вы освободили меня, я бежал в Фаньян. Там, на мое счастье, я встретил одного старого знакомого, который представил меня губернатору Ань Лушаню. Ань Лушань принял меня и очень благосклонно отнесся ко мне. Через полгода я получил назначение в этот уезд на должность начальника по уголовным делам, а недавно скончался начальник уезда, и меня рекомендовали на его пост. Я стыжусь своей бесталанности и терзаюсь тем, что незаслуженно удостоился чести править народом и этой землей, поэтому прошу вас, друг мой, не откажите мне в наставлениях и советах.

Хотя Ли Мянью давно уже не служил, но до него доходили слухи о бунтарских помыслах Ань Лушаня. Услышав, что Фан Дэ получил должность благодаря рекомендации Ань Лушаня, и подумав о том, что впоследствии этот человек может оказаться в числе изменников государю, Ли Мянью решил предостеречь Фан Дэ на будущее, тем более что Фан Дэ просил у него советов и указаний.

— Получить чин и должность — в этом, собственно, никаких особенных трудностей нет, — начал Ли Мянью, — но нужно суметь оправдать доверие правительства и не причинять вреда народу. Даже когда решается вопрос о жизни или смерти, когда дело сулит почести и завидные государственные чины или же грозит публичной казнью и плахой, — что бы там ни было, человек должен оставаться верным своим принципам. Ни в коем случае не следует поддаваться соблазну, которым вас могут искушать недостойные люди, и зариться на мелкие выгоды. И если вы измените долгу и чести, то пусть вы и станете пользоваться какими-то благами, все равно люди последующих поко-

лений будут вспоминать о вас с презрительной усмешкой. А если вы будете тверды в своих честных убеждениях, то вам не то что начальником этого уезда, но и министром можно стать!

— Ваши золотые слова я всю жизнь буду хранить в памяти, — отвечал Фан Дэ, благодаря Ли Мянью.

Так — один спросит, другой ответит — они беседовали, хорошо понимая друг друга. Вскоре пришел Лу Синь, доложил, что все уже готово, и попросил их к столу. Фан Дэ поднялся и повел Ли Мянью в другое помещение.

Стол был накрыт как подобает — для хозяина и почетного гостя. Но Фан Дэ велел отодвинуть приготовленный ему прибор.

Видя, что Фан Дэ хочет сесть в стороне, Ли Мянью сказал:

— Вы ставите меня в неловкое положение. Прошу вас занять подобающее вам место.

— Даже сидеть возле вас считаю слишком большой дерзостью и позволить себе окончательно выйти за рамки приличия не смею.

— Мы с вами стали друзьями, к чему же излишняя скромность и церемонии! — возразил Ли Мянью и велел поставить прибор хозяина на прежнее место. Фан Дэ не стал спорить. Слуги поднесли гостю и хозяину вино. Тут пришли музыканты, заиграла музыка. Стол был роскошно убран, уставлен разными угощениями.

*И не было хоть здесь печеного дракона
иль феникса, зажаренного в масле,
Но все ж изысканные яства подавали
и от редчайших блюд ломился стол.*

Хозяин и гость, довольные обществом друг друга, вволю пили, и лишь поздно ночью закончился пир. Не стоит говорить, что в это же время угощали Ван Тая и других сопровождавших Ли Мянью слуг.

За время пиршества Фан Дэ и Ли Мянью прониклись друг к другу таким глубоким чувством дружбы, что рука об руку возвратились в кабинет. Фан Дэ велел Лу Синю принести для гостя постель, которая предназначалась для начальства, когда оно здесь останавливалось, и сам стал стелить Ли Мянью.

— Ведь это дело прислуги, — остановил его Ли Мянью. — Зачем же вы утруждаете себя!

— Вы оказали мне такое благодеяние, что если я всю свою жизнь буду служить при вас конюхом или простым слугой, и то не смогу хоть в какой-то малой мере отблагодарить вас, — говорил Фан Дэ. — Разве желание хоть как-то выразить свои чувства можно считать беспокойством!

Когда все было устроено, Фан Дэ велел слугам принести лежанку для него самого и поставить ее рядом с постелью Ли Мянью.

Искренность, с которой говорил Фан Дэ, не позволяла Ли Мянью усомниться в том, что Фан Дэ — человек благородный, верный чести и долгу, и он проникся к нему еще большим уважением. Уже зажгли светильники, а они все еще сидели вдвоем, изливая в откровенной беседе свои чувства. Они говорили о своих стремлениях и цели своей жизни, во всем между ними было полное понимание, и те-

перь они стали задушевными друзьями, которые только сожалели о том, что не встретились раньше. Заснули они лишь глубокой ночью.

На следующий день сослуживцы Фан Дэ, узнав о приезде гостя, явились с визитом. Они поздоровались с Ли Мянem и представились ему; Фан Дэ представил Ли Мяню:

— Это мой благодетель. В свое время он удостоил меня чести, рекомендовал на должность, и я очень обязан ему.

Желая угодить начальнику уезда, каждый из местных чиновников устраивал пир и приглашал к себе начальника и его гостя. Но не будем об этом распространяться.

С тех пор как Ли Мянью остановился у Фан Дэ, они целые дни проводили за вином и беседой. Фан Дэ забросил дела и даже не появлялся в присутственном зале ямэня. Внимание, которое он оказывал Ли Мяню, его предупредительность превосходили все, что мог проявить самый почтительный сын в отношении родителей. Ли Мянью от всего этого было даже как-то неловко, и дней через десять он стал прощаться, намереваясь уехать. Но Фан Дэ ни за что не хотел его отпускать.

— Вы оказались здесь, нам представился такой удачный случай побыть вместе. Какой же резон уезжать! — говорил он. — Поживите здесь хотя бы месяц-другой, а там я предоставлю в ваше распоряжение погонщиков и лошадей, и вас проведут до самого места.

— Видя ваше доброе отношение, мне, конечно, тяжело было заговаривать об отъезде, — отвечал Ли Мянью. — Но вы ведь хозяин целого уезда, а с тех пор как я здесь, вы забросили все дела, и если начальство узнает об этом, будет не очень удобно. К тому же я уже решил ехать, и мне не хотелось бы менять свои планы.

Фан Дэ понял, что удержать его не удастся.

— Ну, раз вы твердо решили ехать, мне, конечно, неловко насильно удерживать вас, — сказал он. — Но только кто знает, когда еще нам доведется свидеться, поэтому разрешите попотчевать вас завтра на прощание кубком вина. Весь завтрашний день мы проведем вместе, чтобы насладиться радостью нашей встречи, а послезавтра утром уедете.

— Ну, раз вы достаиваете меня такой любезности, я, конечно, задержусь на день.

Уговорив Ли Мяню остаться, Фан Дэ позвал Лу Синя и вместе с ним направился домой, чтобы приготовить гостю подарок к его отъезду. И вот из-за этого-то, надо сказать, Ли Мянью чуть было не поплатился жизнью. Поистине,

*Беда — это то, в чем заложено счастье,
а в счастье таится беда;
Вот почему все беспечные люди
спокойны, не знают хлопот.*

Но расскажем все по порядку, и речь теперь поведем о жене Фан Дэ, урожденной госпоже Бэй.

В свое время, когда Фан Дэ был неудачником, она так привыкла всем распоряжаться, что и теперь, когда он стал важным чиновником, хотела, чтобы во всех делах ее слово было решающим. В этот раз ее

муж увел с собой двух домашних слуг, десять дней подряд где-то пропадал, занимался невесть какими делами — это возмутило ее до предела.

Когда она увидела Фан Дэ, первым ее побуждением было устроить скандал, но она решила сначала выведать, что произошло.

— Какие у тебя были дела, что ты так долго не показывался? — спросила она мужа, притворно расплывшись в улыбку.

— И не говори! Мой благодетель оказался здесь, — отвечал Фан Дэ, — я чуть было не прозевал его. Хорошо, что глаз у меня острый. Я пригласил его в ямэнь и все эти дни провел с ним. Сейчас пришел с тобой посоветоваться: надо что-нибудь приготовить ему в подарок на прощанье.

— О каком благодетеле ты говоришь?

— Ай! Как ты могла забыть! — воскликнул Фан Дэ. — Да это тот самый начальник уголовного следствия, господин Ли, который тогда спас мне жизнь. Я-то убежал, а он, оказывается, из-за меня потерял чин и должность. Сейчас он направляется в Чаншань к правителю области, а здесь проездом. Старший надзиратель Ван Тай тоже при нем.

— Ах, вот это кто! И много ты собираешься дарить ему?

— Это мой благодетель, мой второй отец, вторая мать, подарок должен быть щедрый.

— Десяти кусков шелка хватит?

Фан Дэ громко расхохотался:

— Ну и шутница ты! Моему-то благодетелю! Твоих десяти кусков шелка в подарок его слуге и то будет мало.

— Глупости! Ты вот начальник уезда, но твоим собственным слугам ни разу не выпадало счастье получить в подарок десять кусков шелка, а тут, извольте, какому-то слуге проезжего просителя — и целых десять кусков! Нет уж, шелк мне самой нужен, ничего из этого не выйдет. Прибавлю еще десять кусков, и пусть он побыстрее убирается!

— Как только ты можешь говорить такое! — возмутился Фан Дэ. — Ведь он спас мне жизнь, мало того — дал мне денег на дорогу, а сам потерял должность и чин. Что двадцать кусков шелка по сравнению со всем этим?!

Жена Фан Дэ была женщиной скаредной, ей и с двадцатью кусками было жаль расставаться. Только потому, что Ли Мянэ спас ее мужа, она великодушно согласилась отдать их и то считала это великой жертвой, а ему, видите ли, все было мало.

— Ну, а сто кусков хватит? — спросила она умышленно.

— Ста кусков хватит только на подарок Ван Таю, — ответил Фан Дэ.

«Сто кусков Ван Таю! Сколько же тогда нужно Ли Мянэ?» — подумала жена Фан Дэ и уже с явным раздражением сказала:

— Ну, если Ван Таю сто, то в подарок начальнику уголовного следствия надо по крайней мере пятьсот кусков!

— И этого будет мало, — заявил Фан Дэ.

Женщина разозлилась не на шутку:

— Раз так, может быть, дашь тысячу?

— Ну, это еще куда ни шло.

Слышать такое было сверх ее сил.

— Ну и ну! Да ты рехнулся! — завопила она и плюнула мужу в лицо. — Давно ли ты стал начальником и много ли принес мне в дом добра, чтобы так его разбазаривать?! Да если ты меня самое продашь, и то не наберешь и половины! Где нам взять столько шелку, чтобы одаривать людей?!

— Госпожа, можно ведь поговорить по-хорошему, посоветоваться. Зачем злиться? — говорил Фан Дэ, видя, что жена окончательно выходит из себя.

— О чем тут советоваться! — кричала она. — Есть у тебя — иди и дари! Меня нечего спрашивать!

— Ну, раз ничего нет, придется взять из казны, — пробормотал Фан Дэ.

— О-хо-хо! Ишь какой храбрый! Казна — это государственные деньги. Как ты смеешь брать их для себя?! А если вдруг нагрянет ревизия, что тогда скажешь?

— Ты, конечно, права, но ведь благодетель наш скоро уезжает. Как же быть? — ответил Фан Дэ и, смущенный, уселся в стороне и задумался.

А у жены Фан Дэ, из-за того что муж во что бы то ни стало решил преподнести Ли Мянью дорогой подарок, сердце разрывалось на части. Пожалуй, если бы от нее кусок мяса отрезали, и то не было бы ей так больно. И недобрая мысль пришла ей на ум.

— Какой же ты мужчина! — бросила она ему. — Если подобные дела не можешь решить, где тебе быть большим начальником! Вот что — я знаю хороший выход: потрудишься раз, зато уж навсегда избавишься от забот.

Фан Дэ решил, что жена придумала что-то дельное, и поспешил спросить:

— Что же ты предлагаешь?

— Есть такое старинное изречение: за великие благодеяния не благодарят, — сказала она. — Так вот тебе мой совет: сегодня же ночью подкараулить его, прикончить, и дело с концом.

— Дрянь ты этакая! — багровея от ярости, закричал Фан Дэ. — Ведь это из-за тебя я тогда чуть не расстался с жизнью: просил у тебя материи — не дала, пошел по знакомым — заманили в шайку. Если бы не этот мой благодетель, который, рискуя потерять должность, выпустил меня из тюрьмы, разве сейчас мы сидели бы здесь с тобой? Вместо того чтобы посоветовать мне сделать доброе дело, наущаешь на злодейство и подстрекаешь убить моего благодетеля! Да как же ты можешь! Какое же у тебя сердце?!

Видя, что Фан Дэ все больше и больше распаляется, женщина приветливо заулыбалась и сказала:

— Да я ведь из хороших побуждений. Чего ты рассвирепел? Выслушай меня: права я — согласишься, нет — не надо, что тут выходить из себя и обижаться?

— Ну, говори, в чем твоя правота?

— Вот ты до сих пор винишь меня за то, что я тогда не дала тебе материи. Но поразмысли сам: семнадцати лет я пошла за тебя, и с тех пор есть ли хоть что-нибудь в доме, что бы не делалось именно благодаря мне? Так неужели я пожалела бы для тебя каких-то двух

кусков материи? Разве в этом дело? Я слышала, что некогда был такой *Су Цинь. Когда ему не везло, домашние умышленно обращались с ним худо, чтобы подзадорить его; и в конце концов именно благодаря этому он потом добился поста министра. Вот я тогда и понадеялась на этот пример и решила таким же путем подзадорить тебя. Но тебе уж слишком не везло. Ты угодил к разбойникам, а ни воли, ни решительности Су Циня у тебя не было — вот ты и остался у бандитов, пошел с ними безобразничать. И если получил по заслугам, то во всем сам и виноват. При чем тут я?! И потом, неужели ты думаешь, что твой Ли Мяннь из одного благородства и человечности отпустил тебя?

— Ты хочешь сказать, что это не так?

Женщина рассмеялась:

— Эх, что толку, что голова у тебя на плечах, если ты даже таких вещей не можешь понять. Ведь все эти чиновники по уголовным делам, как правило, люди жадные и жестокие. Попадись к ним в руки их лучшие друзья и ближайшие родственники, они и их не пощадят. С какой стати было такому чиновнику жалеть тебя, постороннего человека, добровольно жертвовать своей должностью и за здорово живешь освобождать важного преступника?! Просто когда он узнал, что ты главарь шайки, решил, что наверняка у вас запрятано добро и что у тебя найдется чем отблагодарить, если он тебя отпустит. Он дал бы подчиненным, преподнес начальству, и хорошим считался бы на своем посту, и в карман себе кое-что положил бы. Иначе с чего ради стал бы он из всей шайки отпускать тебя одного? Разве мог он предположить, что ты последний бедняк, что впервые пошел на такое дело, что удерешь и больше не покажешься ему на глаза и что он сам лишится должности? А нынче разузнал, что ты здесь начальник, — и тут как тут.

Фан Дэ только покачал головой.

— Этого быть не может. Он отпустил меня из добрых побуждений, ничего другого в мыслях у него не было. Ехал он сейчас в Чаншань, а не ко мне, и встретился здесь со мной случайно. И то, когда заметил меня, отвернулся, не пожелал подойти — не хотел отвлекать меня от дел. Нет, не явился он сюда специально, чтобы найти меня, и не нужно такими подозрениями порочить хороших людей.

— Эх! — вздохнула женщина. — Да ведь он врал, когда говорил, что направляется в Чаншань. Как же ты мог этому поверить? Достаточно того, что он взял с собой Ван Тая. Этим одним он выдал себя с головой.

— А что с того, что он взял с собой Ван Тая? — недоумевал Фан Дэ.

— Ну и болван же ты! Если Ли Мяннь знаком с губернатором Янем, то, может быть, и вправду едет навестить его. Ну, а этот Ван Тай, тюремщик столичного округа, — он что, по-твоему, тоже старый друг губернатора Яня и едет к нему в гости? Вот они вместе и отправились! А в том, что Ли Мяннь отвернулся, как раз и был коварный расчет — посмотреть, подойдешь ты к нему или нет. Если бы он действительно направлялся в Чаншань, разве согласился жить здесь так долго?

— Да он и не соглашался, — возразил Фан Дэ. — Это я его просил остаться и в конце концов уговорил.

— И здесь он хитрил — просто хотел испытать, искренне твое отношение к нему или нет.

Фан Дэ вообще был человеком нерешительным, и слова жены зародили в нем сомнение. Он только тяжело вздохнул, но не проорил ни слова.

— Как бы там ни было, а за это добро не отблагодаришь! — твердила свое жена Фан Дэ.

— Что значит — «не отблагодаришь»?

— А то и значит: мало ему преподнесешь — разозлится, возьмет да и выложит все дело, где надо. Прощай тогда твоя должность. Да что там должность! Схватят как беглеца-разбойника, так пожалуй, и с жизнью придется распрощаться! А щедро отблагодаришь — снова и снова будет приходиться и требовать свое. Конечно, если ты собираешься всякий раз преподносить дорогие подарки, все будет в порядке, но если хоть в чем-то не угодишь, он опять-таки выдаст тебя, и тоже от ответа тебе будет не уйти. Разве не ясно, что надо положить этому конец? Исстари говорят: силен тот, кто первым бьет. Если сейчас не поступишь, как я советую, придет время — и слова мои сбудутся. Только жалеть-то будет поздно!

Фан Дэ слушал жену, молча кивая головой: теперь он уже был иначе настроен. Но, еще и еще раз поразмыслив, он заметил:

— Ведь это я сам хотел отблагодарить его за добро, которое он для меня сделал, а он и словом ни разу об этом не обмолвился. Думаю, что не это у него на уме.

— Не говорил, потому что не видел пока, чтобы ты собирался расщедриться, — с усмешкой ответила женщина. — Не беспокойся, придет время — заговорит. И еще должна тебе сказать: теперь, после его визита к тебе, что бы там ни было — все равно карьере твоей конец.

— Это почему?

— Все видели, как тепло, как сердечно ты отнесся к Ли Мянью, когда он сюда приехал. А почему — никто в ямэне не знает, и, разумеется, люди начнут расспрашивать об этом слуг Ли Мяня. Ну а тем какая нужда тебя выгораживать? Ясно, расскажут все, как было. Вот и подумай: языки у людей ох какие злые; как узнают в ямэне, что их начальник был разбойником, то уж, конечно, о таком чрезвычайном происшествии пойдут сплетни. Твои сослуживцы, может быть, и не посмеют в лицо насмеяться над тобой, но вполне хватит и пересудов за твоей спиной — уж из-за одного стыда ты не сможешь здесь оставаться. Но это еще полбеды. Раз Ли Мянью и губернатор Янь — большие друзья, то когда Ли Мянью будет у него, разумеется, поделится с ним и расскажет о тебе. А я слышала, что старик Янь — человек с большими причудами, и кто знает, что ему взбредет в голову, тем более что ты его подчиненный. Ну а если разнесется слух по всей провинции Хэбэй, тогда уж беги отсюда без оглядки. Опять станешь нищим, так и проживешь в бедности остаток своих дней. Чем ждать, пока тебя опозорит губернатор Янь, лучше действовать первым.

Фан Дэ с самого начала и сам опасался, как бы слуги Ли Мяня не проговорились, потому и предупреждал Ван Тая. Ну а когда жена

наговорила ему такое, страх и вовсе обуял его. О благодарности за добро, которое ему сделали, он теперь и вовсе не думал.

— Да, хорошо, что ты подумала обо всем этом, — сказал он жене. — Иначе я бы сам погубил себя. Но только вот что: все в ямэ не знают, что он здесь гостит, и если назавтра он вдруг исчезнет, это ведь вызовет у людей подозрение. Да и труп куда деть?

— Это как раз ерунда. Немного погодя ты пойдешь к нему, с собой возьмешь только нескольких верных людей, а остальных ушлешь. Напоишь его и его слуг, а ночью поручишь кому-нибудь убить их и поджечь кабинет. Утром найдешь их останки, поплачешь для приличия и положишь их в гроб. Все будут думать, что они погибли при пожаре. Какие могут быть у людей еще подозрения?!

— Великолепно придумано! — радостно воскликнул Фан Дэ. Он хотел было встать и уйти, но жена удержала его. Она знала слабохарактерность мужа: чего доброго, засидится с Ли Мянem, заговорится, симпатии к Ли Мяню снова возьмут верх, и он еще пере-думает.

— Еще рано, посиди, пойдешь позже, — сказала она.

Фан Дэ послушался и остался. Поистине,

*В пасти свирепого тигра клыки
И жало в хвосте у осы
Не так опасны и ядовиты,
Как злое сердце жены.*

Исстари говорят: у стен есть уши, и за окном найдется человек. Супруги говорили у себя в комнате, и, когда жена Фан Дэ без конца спорила с мужем о том, сколько материи дать Ли Мяню, а кончила тем, что стала подговаривать его на убийство, ей и в голову не приходило, что их могут подслушать, тем более здесь, в их собственных покоях, куда, она знала, никто из посторонних не заходит. Поэтому она дала волю языку, восстанавливая мужа против его благодетеля. Но случилось так, что слуга Лу Синь, который пришел сюда вместе с Фан Дэ, выходя из помещения, услышал доносившийся из комнаты начальника раздраженный голос госпожи Бэй. Лу Синь приник к стене и стал подслушивать. Все, о чем они спорили, их ругань и, наконец, разговор о том, чтобы поджечь кабинет, — все это он слышал до мельчайших подробностей и был потрясен.

«Вот, оказывается, кем был мой хозяин в прошлом! Господин, который гостит у нас, спас его, а он теперь хочет отплатить ему злом за добро. Да где же такое слыхано! — возмущался Лу Синь. — Если он может допустить такое по отношению к своему благодетелю, чего ждать от него нам, слугам?! Приведись сделать что не так, живо расправится — убьет не задумываясь. Какая польза служить таким подлым и жестоким людям!» Затем он подумал: «Говорят, спасти жизнь человеку — лучше, чем воздвигнуть семиэтажную пагоду Будде. Спасу этих четверых — по крайней мере за мной будет хоть какое-то доброе дело. Но если я предупрежу их, чтобы они отсюда бежали, — продолжал размышлять Лу Синь, — вряд ли меня пощадят, значит, надо и самому отсюда убираться». Лу Синь тут же взял деньги, какие оказались под рукой, спрятал их понадежнее и, улучив удобный мо-

мент, потихоньку, никем не замеченный, выскользнул из покоев начальника и прямым путем побежал в кабинет. Возле флигеля он увидел Чжи Чэна. Слуга сидел на пороге и заваривал чай. Обмахиваясь веером, он явно клевал носом. Боясь вспугнуть его, Лу Синь зашел в кабинет с другой стороны. Там сидел возле стола один Ли Мянью и рассматривал книги. Лу Синь подошел к столу и прошептал:

— Господин, вас ждет беда. Бегите отсюда скорей! Не медлите! Ли Мянью не на шутку перепугался.

— Откуда грозит мне беда? — взволнованно спросил он.

Лу Синь схватил его за рукав, отвел в сторону и подробно рассказал все, что только что услышал.

— Я знал, что вы ни в чем не повинны, что пострадаете ни за что, — добавил он в заключение, — потому и пришел предупредить вас. Если вы сейчас же не уйдете, беды вам не миновать.

После всего, что рассказал Лу Синь, Ли Мянью, не переставая дрожать от страха так, будто его окунули в ведро с ледяной водой, благодарил Лу Синя.

— Если бы не вы, не ваши благородные побуждения, я бы погиб. За ваше благодеяние я не останусь неблагодарным. Вот уж не ожидал, что он окажется таким коварным.

— Прошу вас, тише, и поскорей уходите отсюда! Если нас подслушают, не уберечься ни вам, ни мне, — шептал Лу Синь взволнованно, без конца кланяясь в ответ.

— Ведь если я уйду, я подведу вас. Как я могу со спокойной душой так поступить?

— У меня нет ни жены, ни семьи, и когда вы уйдете, я тоже подамся отсюда куда-нибудь подальше. Пусть это вас не беспокоит.

— Раз так, почему бы вам не отправиться со мной в Чаншань?

— Если вы согласны оставить меня при себе, то я охотно буду вам служить.

— Зачем говорить так! Ведь вы — мой спаситель.

С этими словами Ли Мянью вышел и стал звать Ван Тая; кричал он кричал, но так его и не докричался.

— Куда же все они запропастились? — недоумевал он.

— Подождите, сейчас пойду разыщу их, — успокоил его Лу Синь.

— Да и кони мои стоят в стойле на заднем дворе, — растерянно продолжал Ли Мянью. — Как с этим быть?

— Тоже придется подождать — я подговорю конюха привести коней сюда, — сказал Лу Синь и поспешно вышел из кабинета. Во дворе он обнаружил, что Чжи Чэна на прежнем месте нет. Тогда Лу Синь зашел посмотреть, нет ли его в комнате во флигеле, — но и там его не оказалось. Вообще-то Чжи Чэн отлучился по нужде, а Лу Синь, решив, что тот их подслушал и пошел доносить Фан Дэ, испугался и побежал обратно к Ли Мянью.

— Господин, беда! Наверное, Чжи Чэн подслушал нас и пошел донести хозяину. Скорей уходим! Ждать Ван Тая уже не можем!

Ли Мянью охватил такой страх, что он слова не мог выговорить. Бросив все свои пожитки, он в чем был, шатаясь, вышел из кабинета и последовал за Лу Синем.

При появлении во дворе Ли Мянся служители ямэня, сидевшие у ворот, встали, чтобы его приветствовать. Ли Мянсь торопливо прошел мимо них и быстрым шагом вышел за ворота. Здесь привязанными стояли три коня, которых держали наготове на случай, если понадобятся начальству.

Лу Синь быстро смекнул, как этим воспользоваться.

— Живо подавай лошадей! — крикнул он конюху. — Господин Ли Мянсь едет с визитом к западным воротам.

Конюх тотчас подвел двух коней. Он не посмел ослушаться: перед ним стоял почтенный гость начальника уезда, и сам управляющий Лу Синь отдал ему приказание. Только успели они сесть на коней, как перед ними вырос Ван Тай, в руках он держал пару плетеных башмаков.

— Куда направляется мой господин? — поинтересовался Ван Тай.

— Господин едет с визитом к западным воротам, — ответил ему Лу Синь. — А вы-то откуда? — спросил Лу Синь с перекошенным от злости ртом.

— Да вот башмаки прохудились, ходил покупать. А кого собирается навестить мой хозяин?

— Поехали с нами, что еще расспрашивать! — ответил Лу Синь, тут же приказал подать еще одного коня, и все трое выехали за ворота ямэня. Конюх, разумеется, ехал рядом. Лу Синь бросил ему на ходу:

— Мы ненадолго, можешь не сопровождать!

Тот послушался.

Отъехав достаточно далеко от уездного управления, Ли Мянсь подстегнул коня, и они вихрем помчались вперед. Ван Тай недоумевал, почему его хозяин так торопится и куда едет с визитом. Не успели они и самую малость проехать, как на дороге показались двое слуг Ли Мянся, каждый с парой плетеных башмаков в руках. Увидев хозяина, они подбежали к нему.

— Господин, куда вы направляетесь? — спросили они в один голос.

— Нечего задавать вопросы! Живей за мной! — прокричал им на ходу Ли Мянсь. Слуги, не щадя себя, бежали вдогонку, но где им было успеть за лошадьми. У самых западных ворот из какого-то переулка навстречу им выехали два всадника. Еще издали Лу Синь разглядел, что это управляющий Чэнь Янь и его секретарь. Поравнявшись с Ли Мянсем, они придержали коней, спешили и стали приветствовать его. Лу Синь быстро нашелся.

— Господин Ли, — нарочито громко обратился он к Ли Мянсю, — ведь вашим управляющим не на чем ехать. Почему бы вам на время не одолжить коней у Чэнь Яня?

Ли Мянсь подобрал поводья и, удерживая коня, произнес:

— Да, было бы очень кстати.

Тогда Лу Синь обратился к Чэнь Яню:

— Господин Ли едет с визитом. Не дадите ли ваших коней для его управляющих? Мы ненадолго, скоро вернемся.

Чэнь Янь и его секретарь были рады случаю угодить Ли Мяню. Ведь он мог потом замолвить за них доброе словечко перед начальником.

— Если господину Ли нужно, пожалуйста! — сказали они в один голос.

Через минуту-другую подбежали следовавшие за Ли Мянем слуги — они едва переводили дыхание, пот градом катился с них. Чэнь Янь и секретарь поспешили передать им плетки и поводья. Слуги вскочили на лошадей и вслед за Ли Мянем и остальными выехали из города. Тут только люди отпустили поводья, и двадцать копыт, поднимая пыль, зацокали по проезжей дороге в сторону Чаншани. Вот уж действительно,

*Сломана клетка из яшмы —
и феникс в небо взлетел,
Разорвана цепь золотая —
и в море унесся дракон.*

Оставим теперь Ли Мяня и его спутников и скажем о Чжи Чэне, который, справив свои дела, вернулся, заварил наконец чай и понес его в кабинет. Однако Ли Мяня там не оказалось. Чжи Чэн обошел все комнаты, но Ли Мяня и след простыл.

«Два дня уже сидит здесь, не выходя, — наскучило, наверное, пошел прогуляться», — решил Чжи Чэн. Прождал он почти целую стражу, но Ли Мяня все не возвращался. Выйдя на улицу взглянуть, нет ли его где-нибудь поблизости, Чжи Чэн у ворот столкнулся с Фан Дэ. Надо сказать, что Фан Дэ, которого задержала жена, просидел с ней довольно долго и теперь, очень кстати встретив Чжи Чэна, спросил у него:

— Тебе не попадался Лу Синь?

— Нет, не видел, — ответил тот. — Наверное, пошел пройтись с господином Ли.

Фан Дэ показалось это странным. Он собрался было послать Чжи Чэна на розыски Лу Синя, но как раз в это время к ним подошел Чэнь Янь.

— Не видел ли господина Ли? — обратился к нему Фан Дэ.

— Только что встретил его и Лу Синя возле западных ворот, — ответил Чэнь Янь. — Лу Синь говорил, что они собрались к кому-то в гости, я даже дал управляющим господина Ли своих коней. Они поехали впятером, неслись как вихрь. Не знаю, что у них было за спешное дело!

Фан Дэ догадался, что Лу Синь выболтал Ли Мяню его тайну, и если бы мог, закричал от досады. Никого ни о чем больше не расспрашивая, он вернулся в свои покои и рассказал обо всем жене. Та перепугалась.

— Худо! Худо! Теперь беда не заставит себя долго ждать! — причитала она.

Волнение жены передалось Фан Дэ. Он совсем растерялся.

— Что будем делать, если он не появится? Это все ты — наплевала невесть что, теперь вот и получилось! — упрекал он жену.

— Ладно, не волнуйся. Исстари говорят: или не делай, а начал дело — доводи до конца. Что случилось, то случилось, толковать тут не о чем. Думаю, что далеко они не ушли. Немедля пошли надежных людей, пусть нагонят, нападут на них под видом бандитов, и дело с концом.

Фан Дэ вызвал к себе Чэнь Яня, выложил ему свой план и стал с ним договариваться.

— Нет, такое, знаете, нам не с руки, — сказал Чэнь Янь, выслушав начальника. — Наше дело услужить вам, отправиться куда-нибудь по вашему поручению, но чтобы пускаться на разные хитрости и убивать человека, — таких вещей мы никогда себе не позволяли. Но пусть я и пошел бы на это, а вдруг случится так, что кто-нибудь придет ему на помощь, меня схватят, тогда уж не он, а я погибну. Я предложу вам другое. И людей не надо будет посылать, и беглецы не уйдут.

Фан Дэ обрадовался.

— Ну, говори, что ты придумал?

— Месяц назад по соседству со мной поселился один человек, — начал Чэнь Янь. — Ни фамилии своей, ни имени он никому не называет, ничем определенным не занимается, каждый день куда-то уходит и возвращается домой совсем пьяным. Прошлого его показалось мне подозрительным, поведение — загадочным, и я решил проследить за ним. И вот однажды я увидел, как один удалец, парадно одетый, подъехал к его дому на лошади. Несколько людей сопровождали его. Вся эта компания прошла к нему в дом, и там три дня подряд они пили. Я пытался выведать у слуг, что за человек их хозяин и что за люди приезжали к нему в гости, но никто упорно не хотел говорить. И только один шепотом рассказал мне следующее: «Человек этот — *благородный рыцарь. Он может послать по воздуху свой меч и снять любому голову, умеет летать и за одно мгновение способен преодолеть сотни ли. К тому же человек он в высшей степени справедливый. В свое время в городе Чанъань, мстя за кого-то, он среди бела дня убил человека и теперь тут скрывается». Вы могли бы явиться к нему с подарком, — продолжал Чэнь Янь, — сказать, что Ли Мянъ хочет вас погубить, и просить его отомстить за вас. Если только он согласится, дело будет сделано. Что может быть лучше!

— Это действительно хороший выход, боюсь только: он не согласится, — заявил, выслушав его, Фан Дэ.

Чэнь Янь возразил:

— Он будет знать, что имеет дело с начальником целого уезда, и, следуя своим убеждениям, наверняка не откажет. Думаю, что и подарок-то ваш он, скорее всего, не захочет принять.

Жена Фан Дэ, которая слышала весь разговор из-за ширмы, воскликнула:

— Великолепный план! Иди и немедленно проси его!

— Сколько же нужно будет дать в качестве подарка? — спросил Фан Дэ.

— Это благородный человек. Он дорожит чувствами, а не вещами, — сказал Чэнь Янь. — Трехсот ланов золотом будет вполне достаточно.

Жена Фан Дэ настаивала на том, чтобы поступить именно так, как советует Чэнь Янь, и тут же приготовила триста ланов. День уже клонился к вечеру, когда Фан Дэ, переодетый в простое платье, пешком, стараясь остаться никем не замеченным, в сопровождении Чэнь Яня и Чжи Чэна направился к дому Чэнь Яня. Наконец они очутились в безлюдном переулке, где было всего пять-шесть домов. Вокруг стояла полная тишина. Чэнь Янь провел Фан Дэ к себе в дом, усадил, зажег светильник, а сам пошел к выходу и стал ждать. Вскоре он увидел, что сосед возвращается, на этот раз тоже вдребезги пьяный. Чэнь Янь поспешил доложить об этом Фан Дэ.

— Приготовьтесь к разговору. А лучше всего станьте перед ним на колени и просите, — сказал он под конеец.

Фан Дэ кивнул головой в знак согласия.

Они вместе подошли к соседнему дому и тихонько два раза постучались. Тот человек открыл дверь, вышел и спросил:

— Кто вы такие?

— Начальник нашего уезда с визитом к вам, благородный рыцарь, — тихим голосом доложил Чэнь Янь.

— Нет у меня здесь никакого благородного рыцаря, — ответил хозяин, собираясь захлопнуть дверь.

— Пойдите! — остановил его Чэнь Янь. — Надо кое-что вам сказать.

— Спать я хочу. Какие там разговоры! — пробурчал тот в ответ. — Хотите поговорить, приходите завтра.

— Я только на минутку, — вмешался Фан Дэ.

— Ладно, раз так, проходите!

Все трое вошли. Хозяин прикрыл за ними дверь, провел их в маленькую гостиную, зажег свечу. Фан Дэ тут же опустился перед ним на колени.

— Я не знал, что вы, благородный рыцарь, соблаговолили посетить наш скромный уезд, и виноват, что не встретил вас; но после того, что сегодня мне выпало счастье повидаться с вами, я могу спокойно прожить всю оставшуюся жизнь.

— Вы же хозяин всего уезда! — поднимая Фан Дэ с колен, сказал незнакомец. — Разве подобает вам становиться на колени? Ведь этим вы роняете свое достоинство. Тем более что я вовсе не какой-нибудь там рыцарь, так что вы просто ошиблись.

— Я специально явился с визитом к благородному рыцарю. О какой ошибке может быть речь! — возразил Фан Дэ и тут же велел Чэнь Яню и Чжи Чэну поднести незнакомцу подарок.

— Это скромное подношение пусть будет вам на вино, благородный рыцарь, — говорил тем временем Фан Дэ. — Прошу принять благосклонно.

Тот в ответ расхохотался.

— Я ведь бродяга бездомный, без роду, без племени, — сказал он. — Нет у меня никаких необычайных способностей и талантов, не заслуживаю я того, чтобы меня величали рыцарем, и подарки эти ни к чему. Прошу, возьмите их сейчас же назад.

Фан Дэ снова согнулся в поклоне.

— Мой подарок, конечно, скромн, — сказал он, — но подношу я его от искреннего сердца и потому прошу вас принять.

— Почему вы склоняетесь перед простолюдином, преподносите ему щедрые дары, в чем дело? — спросил человек.

— Примите, пожалуйста, тогда мы поговорим.

— Хотя я и беден, но клянусь, не беру от людей ничего, если не знаю, с какой целью мне преподносят. Объясните, в чем дело, иначе ни за что не возьму.

Фан Дэ залился притворными слезами и, земно кланяясь, стал рассказывать:

— Я давно уже терплю обиду, и ныне враг мой совсем рядом, а я не могу ему отомстить. Мне говорили о вас как о справедливом и отважном человеке, который своей храбростью превосходит *Не Чжэна и *Цзин Кэ. Поэтому я и решил обратиться к вам. Прошу вас, сжальтесь надо мной, ведь я так несправедливо обижен. Помогите уничтожить негодяя, и я вовек не забуду вашего благодеяния!

Но человек покачал головой.

— Я ведь говорил, что вы ошиблись. Мне ль помогать другим в серьезных делах, когда я сам себе заработать на жизнь не умею... Тем более замышлять убийство — ведь это не шутка! Если только нас сейчас подслушают, мне несдобровать. Так что, прошу вас, уходите скорей. — Сказав это, он первым направился к выходу. Фан Дэ схватил его за рукав.

— Я слышал, что вы человек справедливый, что в вас живет дух древних рыцарей, что вы всегда боретесь против злодеев и угнетателей, помогаете несчастным и обиженным, — говорил Фан Дэ. — А вот ко мне не хотите проявить сочувствия, хотя обида мне нанесена величайшая. Видимо, так мне и не придется отомстить моему врагу! — заключил Фан Дэ и опять пустил слезу.

Глядя на Фан Дэ, человек решил, что тот говорит правду.

— С вами действительно поступили несправедливо? — спросил он.

— Если бы это не было величайшей несправедливостью, я не осмелился бы обратиться к вам.

— Раз так, садитесь и расскажите подробно, кто вас обидел, как все это случилось и где сейчас ваш обидчик. Можно будет что-нибудь сделать — сделаю, а нет — значит, нет.

Чэнь Янь и Чжи Чэн остались стоять в стороне, а незнакомец и Фан Дэ сели друг против друга, и Фан Дэ стал сочинять историю:

— В свое время Ли Мяннь ни за что ни про что обвинил меня в разбое, нещадно бил, пытал и посадил в тюрьму. Не раз он посылал ко мне тюремщика Ван Тая, чтобы тот прикончил меня, но так замысел его и не удался — каждый раз кто-нибудь мешал. На мое счастье, чиновник, сменивший Ли Мянню, толком расследовал мое дело, я был освобожден и получил должность в этом уезде. Но на днях Ли Мяннь вместе с Ван Таем явился сюда, стал мне угрожать и вытянул из меня тысячу ланов золотом. Но и этого ему показалось мало — подговорил моего слугу убить меня. Но дело у них сорвалось, и они оба бежали. Сейчас Ли Мяннь направился в Чаншань — хочет подговорить там губернатора Яня, чтобы тот разделался со мной.

— Вот как! — в негодовании закричал человек, выслушав рассказ Фан Дэ, в котором тот нагородил бог весть сколько жестоких поступков Ли Мянью. — Какая подлость! Нет, уж тут сидеть сложа руки я не могу!.. Пожалуйста, возвращайтесь домой, я все беру на себя. Нынче же ночью я отправлюсь в Чаншань, разыщу этого негодяя и отомщу за вас. В полночь буду в ямэне и отчитаюсь перед вами.

— Бесконечно признателен благородному рыцарю за искреннее сочувствие! — сказал Фан Дэ. — Буду ждать вас, а когда дело сделается, особо щедро вас отблагодарю.

— Всю свою жизнь я бросался на помощь с обнаженным мечом, если видел, что совершается несправедливость. Полагаете, что я рассчитываю на ваш щедрый подарок?! И этот ваш сегодняшний я тоже не приму, — возмущенный, сказал ему в ответ на это человек. Не успев еще договорить, он с быстротою ветра и с легкостью птицы устремился к выходу и в мгновение исчез.

Фан Дэ, Чжи Чэн и Чэнь Янь застыли, уставившись в одну точку и раскрыв рты от удивления.

— Действительно, необыкновенный человек! — в один голос восклицали они.

Деньги Фан Дэ приказал взять обратно, решив, что поднесет их рыцарю, когда тот возвратится.

Стихи по этому поводу говорят:

*Он ударом меча
готов отомстить за зло;
Справедливость ценя,
о деньгах не думает он.
Кто бы мог ожидать:
ведь изменника злой язык
Чуть не ввел в заблужденье
отважное сердце его!*

Но вернемся снова к Ли Мянью.

Ван Тай и слуги Ли Мянью не могли понять, почему их хозяин покинул город, так и не заехав ни к кому с визитом, почему несется во весь дух. Ведь они, не переводя дыхания, проскакали более тридцати ли, уже наступали сумерки, а Ли Мянью, похоже, и не собирался останавливаться на ночлег.

Это была ночь тринадцатого числа: светлый диск луны давно уже сиял на небе. При свете луны Ли Мянью, не обращая внимания на то, что дорога стала обрывистой, не щадя себя, мчался вперед, опасаясь, что настигнет погоня. В пути он не проронил ни слова и то и дело подстегивал коня.

Наступила уже вторая стража. Позади осталось более шестидесяти ли, когда они въехали в какое-то селение уезда Цзинсинсянь. И люди страдали от голода и жажды, и кони к этому времени выбились из сил.

— Мы отъехали уже далеко, думаю, теперь все будет в порядке, — обратился Лу Синь к Ли Мянью. — Давайте переночуем здесь, а завтра утром поедем дальше.

Ли Мянью согласился, и они отправились искать ночлег.

Стояла глубокая ночь, ворота всюду были на запоре, остановиться было негде. Лишь на самой окраине селения они увидели полуоткрытые ворота, внутри кто-то наводил порядок. Это оказался постоянный двор. Тут они все спешили, вошли во двор, расседлали и завели в стойла коней и задали им корм.

— Хозяин, отведи нам чистое помещение, чтобы мы могли отдохнуть, — сказал Лу Синь хозяину двора.

— По правде говоря, у нас тут все комнаты чистые, но свободна сейчас только одна, — ответил тот. И, засветив два маленьких фонарика, ввел их в комнату. Ли Мянью, еле дыша, сразу повалился на скамейку. Только тут Ван Тай не выдержал и наконец спросил:

— Господин, осмелюсь спросить, что случилось? Ведь начальник уезда так сердечно уговаривал нас остаться, завтра он дал бы коней, выделил сопровождающих, и мы спокойно уехали бы. Разве было бы плохо?! Так нет, мы словно беглецы какие-то: бросили вещи, всю ночь скакали до потери сил. Да и управляющий начальника Лу Синь едет с нами...

— Что ты знаешь! — вздохнув, ответил Ли Мянью. — Если бы не Лу Синь, все мы погибли бы и тела наши валялись бы неизвестно где. Мы, можно сказать, вырвались из самой пасти тигра. Благодарение богу, что живы остались. Не до вещей и не до усталости!

— Как это так? — недоумевал Ван Тай.

Ли Мянью собрался было объяснить, в чем дело, но в это время в комнату вошел хозяин постоялого двора. Обеспокоенный тем, что пятеро молодых приехали глубокой ночью, верхами, без всякого багажа, он заподозрил, уж не разбойники ли это, и решил зайти к ним расспросить, кто они такие.

— Чем вы занимаетесь? И откуда едете, что так поздно явились сюда? — спросил он новых постояльцев.

— Это очень длинная история, — ответил Ли Мянью, — присядьте, и я вам подробно объясню. — И, переполненный невысказанной обидой, Ли Мянью поведал хозяину, как в свое время Фан Дэ был разбойником и совершил преступление, как он, Ли Мянью, пожалел Фан Дэ, который показался ему образованным человеком, и велел Ван Таю тайком выпустить его из тюрьмы, как лишился из-за этого должности и как случайно встретил Фан Дэ в этих краях. Рассказал о том, как Фан Дэ гостеприимно его принял, как вдруг сегодня днем случайно выяснилось, что по наущению жены Фан Дэ решил убить его, и как благодаря Лу Синю он узнал об этом и бежал, — словом, подробно по порядку рассказал обо всем.

Слушая его, хозяин постоялого двора то и дело сокрушенно вздыхал, а Ван Тай во весь голос клял и ругал Фан Дэ.

— Уважаемый, — обратился Ван Тай к хозяину постоялого двора, когда Ли Мянью кончил свой рассказ. — Господин утомился, велите, чтобы поскорей принесли вина и что-нибудь поесть. Мы спим немного и снова двинемся в путь.

Только хозяин вышел, как из-под кровати вдруг выскочил какой-то здоровенный мужчина в легкой, плотно облегающей одежде, с кинжалом в руке. Вид у него был грозный. У Ли Мянью и других от страха чуть душа не покинула тело.

— Рыцарь, пощадите! Пощадите! — закричали они, пав перед ним ниц.

— Не пугайтесь! Я должен вам кое-что сказать, — промолвил человек, беря Ли Мян за руки и поднимая его с колен. — Я — поборник справедливости, заступник обиженных, я освобождаю землю от бесчестных и неблагодарных. Фан Дэ только что напел мне, что это вы возвели на него напраслину, задумали погубить его, и просил меня справиться с вами. Мог ли я знать, что у этого мерзавца волчье сердце и собачья душа, что он лишен благородства и не помнит добра! Хорошо, что вы при мне рассказали все хозяину, а то я чуть было по ошибке не убил достойного человека.

— Благодарю вас, благородный рыцарь, что вы сохранили мне жизнь, — говорил Ли Мян, земно кланяясь.

— Не надо, не благодарите, — сказал человек, поднимая Ли Мян с колен. — Я ненадолго оставлю вас, а позже вернусь.

Он вышел из комнаты, поднялся на крышу и тотчас с легкостью птицы взлетел. Мгновенье — и его не стало видно. Ли Мян и его слуги оцепенели от удивления и страха, никто не знал, зачем он еще вернется. Опасаясь, нет ли во всем этом злого умысла, они не решились лечь спать; к еде, которую им принесли, не притронулись. Вот что об этом можно сказать в стихах:

*Бежали со страхом в душе,
долгий проделали путь,
Как вдруг из-под ложа
вороненый клинок показался.
Когда ж рассказали
подробности этого дела,
Как будто от сна пробудился
таинственный незнакомец.*

Но обратимся снова к жене Фан Дэ. Когда Фан Дэ возвратился и она узнала, что дело сделано, да еще и подарок не тронут, она так и засияла от радости. Тут же был накрыт стол, зажжены свечи, и муж с женой стали ждать возвращения рыцаря. Чэнь Янь тоже остался у них. В третью стражу они вдруг услышали страшный крик вспугнутых птиц, шорох падающих с деревьев листьев, и тут же в дверях появился какой-то человек. Фан Дэ поднял на него глаза и узнал в нем благородного рыцаря. Но теперь тот скорее походил на какое-то божество, чем на недавнего незнакомца. Страх и радость охватили Фан Дэ. Он пошел рыцарю навстречу, а тот без всяких принятых при встрече учтивостей и церемоний, со свирепым видом широкими шагами решительно прошел в комнату и сел посередине.

Фан Дэ и его жена опустили перед ним на колени и стали благодарить. Они собрались было расспросить его о деле, как тот, разъяренный, резким движением выхватил кинжал и, тыча пальцем в Фан Дэ, обрушился на него:

— Мерзавец! Начальник Ли — твой благодетель, он спас тебе жизнь, а ты не то что не подумал отблагодарить его, а еще решил отплатить ему злом за добро, поверив навету жены. Раскаяться должен был, раз уж твои планы провалились и он сбежал. Куда там! Пустил-

ся врать, подговаривая меня убить человека. Да если бы господин Ли не рассказал своей истории хозяину гостиницы, я был бы обещен. Казнить тебя надо, неблагодарного, лютой казнью, чтобы хоть как-то избавиться себя от кошмара несправедливости.

И не успел Фан Дэ шевельнуться, как голова его уже лежала на полу. Жена Фан Дэ съжилась от ужаса. У этой сварливой и языкастой бабы от страха перекопился рот, она даже губами не могла пошевелить.

— Дрянь ты этакая! — набросился на нее рыцарь. — Вместо того чтобы советовать мужу сделать добро, подговаривала его погубить вашего благодетеля. Посмотреть бы, из чего у тебя сердце и печень!

Пинком он свалил женщину на пол, одной ногой наступил ей на волосы, другой придавил ноги к полу.

— Пощадите! — завопила жена Фан Дэ. — Никогда больше не буду!

— Продажная тварь! Я простил бы тебя, только ты-то людям не прощаешь! — сказал рыцарь и вонзил кинжал ей в грудь... Он отсек ей голову, положил ее вместе с головой Фан Дэ в кожаный мешок, вытер от крови руки, спрятал кинжал, взвалил мешок на плечи, вышел во двор, перелез через стену и исчез. Поистине,

*Благородство души беспредельно,
Отвагою сердца ни с кем не сравним.*

Ли Мянью и его люди всю ночь не спали, ждали, что будет. В пятую стражу на небе вдруг появился яркий луч, который тотчас золотистым снопом влетел в комнату.

В испуге они повскакали с мест. Перед ними стоял тот самый рыцарь.

— Этих негодяев я прикончил. Вот здесь их головы, — сказал он, вывалив на пол из мешка две головы.

Радость и страх охватили Ли Мянью, он пал наземь и, кланяясь, говорил:

— Такого благородства еще не знали века! Прошу вас назвать мне вашу фамилию и имя, надеюсь, что когда-нибудь смогу вас отблагодарить.

Рыцарь засмеялся:

— Нет у меня ни фамилии, ни имени, и не нужно мне никакой благодарности. Вылез я тут у вас из-под кровати, поэтому, если еще доведется встретиться, то так и называйте меня «Рыцарь из-под кровати».

Говоря так, он вынул из-за пазухи пакет с каким-то порошком и, взяв порошок на кончик ногтя, посыпал им отрубленные головы; затем поклонился, вскочил на окно и взлетел на крышу. Никто даже остановить его не успел: миг — и он исчез. Ли Мянью растерянно смотрел на две головы, валявшиеся на полу, не зная, как ему с ними быть. Но, к его великому удивлению, головы стали постепенно уменьшаться, и скоро на том месте, где они лежали, осталась лишь лужица. Ли Мянью облегченно вздохнул.

Утром Лу Синь расплатился с хозяином постоялого двора, и, оседлав коней, все двинулись в дорогу. Два дня еще они провели в пути и наконец добрались до Чаншани.

Ли Мяннь явился прямо в ямь к губернатору Яню. Тот встретил приятеля с радостной улыбкой и оставил его отдыхать у себя. Губернатора удивило, что друг его приехал без всяких вещей, и когда он сказал об этом Ли Мянью, тот поведал ему обо всем, что с ним произошло. Губернатор был поражен.

Через два дня к губернатору Яню пришло донесение из Босяни об убийстве начальника уезда и его жены.

Надо сказать, что в ту ночь Чэнь Янь, Чжи Чэн и некоторые другие слуги видели, как рыцарь расправляется с их начальником, но в страхе все они, как крысы, разбежались кто куда и только утром решились вновь показаться в ямэне. К своему ужасу, на месте преступления они обнаружили в луже крови два обезглавленных трупа... Посуда и все, что было на столе, оставалось нетронутым. В ямэне все без конца охали и плакали, а когда о случившемся доложили начальнику канцелярии и начальнику по уголовным делам, те не на шутку перепугались, тут же поехали освидетельствовать трупы и учинить допросы. Чэнь Яню пришлось подробно рассказать о том, как Фан Дэ решил уничтожить Ли Мяннь и как просил человека убить его. Тогда начальники созвали людей, велели им вооружиться, заставили Чэнь Яня быть проводником и направились схватить убийцу. Весь город был взволнован этим происшествием, и народ толпой следовал за ними. Оказавшись в безлюдном переулке, где жил рыцарь, они ворвались в его дом, но нашли одни пустые комнаты — и тени человеческой там не было. Начальники стали советоваться, как им теперь писать донесение. Им уже было известно, что Ли Мяннь — друг губернатора Яня, и потому излагать дело так, как оно было в действительности, они сочли неудобным — тень падала на Ли Мяннь. С другой стороны, для них стало ясно, каким неблагодарным человеком был их начальник уезда. Поэтому, умолчав об истинных обстоятельствах убийства, они сообщили лишь, что в ту ночь бандит забрался в дом к начальнику уезда, убил его и его жену, унес их головы, а разыскать убийцу не удалось. Затем они распорядились о похоронах.

Губернатор Янь, согласно этому донесению, в свою очередь написал донесение вышестоящему начальству. Надо сказать, что в то время вся провинция Хэбэй находилась под властью Ань Лушаня. Узнав, что убили Фан Дэ и таким образом лишили его одного из доверенных лиц, Ань Лушань в ответ прислал распоряжение во что бы то ни стало найти убийцу. Ли Мяннь побоялся, что его могут впутать в это дело, простился с губернатором Янем и вернулся к себе на родину в Чанъань. А тут как раз случилось так, что Ван Хуна посадили в тюрьму и всем, кто по его докладам в свое время был лишен должности, вернули их посты. Ли Мяннь снова был назначен на должность начальника уголовного следствия, а потом не прошло и полугода, как он получил повышение и стал цензором.

Однажды, проезжая по одной из улиц Чанъани, Ли Мяннь заметил человека в желтой куртке верхом на белом коне. Двое слугиноземцев следовали за ним. Человек перебирался на другую сторону

перекрестка. Не считаясь с тем, что идет процессия начальника, он прорывался сквозь свиту Ли Мянэ. Окрики служителей ямэня на него не действовали. Присмотревшись к этому человеку, Ли Мянэ узнал в нем того самого «Рыцаря из-под кровати». Он тут же спрыгнул с коня и поклонился ему.

— Благородный рыцарь, как здравствуете вы? — приветствовал его Ли Мянэ

— О! Вы еще помните меня! — улыбаясь, проговорил тот.

— Денно и ношно вспоминаю о вас. Как мог я вас не признать! — сказал Ли Мянэ и тут же предложил: — Прошу зайти ко мне в ямэнь.

— В другой раз непременно нанесу вам визит, а сегодня никак не могу. Но, — добавил он, — если не пренебрежете, может быть, поедем вместе ко мне. Как вы на это посмотрите?

Ли Мянэ охотно принял приглашение, и они поехали рядом.

В переулке Цинъюаньфан они спешили, вошли в небольшие ворота какого-то дома, прошли еще несколько ворот, и вдруг перед ними вырос огромный особняк и ряд высоких зданий, вздымавшихся к самому небу. Слуг в усадьбе были целые сотни.

«Действительно, необыкновенный человек!» — подумал про себя Ли Мянэ. Рыцарь пригласил его войти в зал; они снова приветствовали друг друга и сели, как подобает гостю и хозяину.

Вскоре был накрыт стол, по богатству и роскоши превосходивший княжеские. Тут же позвали девиц, которые стали играть на музыкальных инструментах, и все это были ясноокие и сверкавшие белизною зубов красавицы.

— Прошу не обижаться, что на столе скромное угощение, недостойное вас, знатного человека, — говорил рыцарь, потчужа Ли Мянэ.

Ли Мянэ еще и еще благодарил его; за столом они говорили о героях и храбрых мужах древности и нынешних времен и лишь поздно вечером разошлись.

На следующий день Ли Мянэ приготовил подарки и опять явился с визитом к рыцарю, но на этот раз дом был пуст, и никто не знал, куда переехал его владелец. Вздыхая, Ли Мянэ отправился к себе.

Впоследствии Ли Мянэ дослужился до поста советника при дворе, и ему был пожалован титул князя удела Цяньго. Ван Тай и Лу Синь благодаря Ли Мянэ тоже получили небольшие должности.

В стихах говорится:

*Всегда старайтесь распознать,
что есть добро, а что — злодейство;
Нет хуже злом воздать тому,
кто сделал для тебя добро.
Где рыцарей набрать с мечом —
таких, как тот «из-под кровати»,
Чтобы смести со всей земли
людишек злых, несправедливых!*

18. СУ СЯОМЭЙ ТРИЖДЫ ОЗАДАЧИВАЕТ ЖЕНИХА

*Мужчине — талант
высокие званья сулит,
Для женщины умной
путь службы закрыт.
Но дали б ей доступ к *экзаменам,
те же права,
Не уступила б вельможам
и важным ученым двора.*

Едва разделился *хаос, небо породило мужское начало — *ян, земля — начало женское инь. И хотя созидательная сила природы была беспристрастна, она все же обособила инь от ян: ян свойственно движение, инь — покой; ян осуществляет, инь воспринимает; ян действует вовне, инь — внутри. Поэтому мужчина ведает всеми делами в стране, а женщина занята лишь хозяйством. Кто ведает всеми делами в стране, носит парадную шапку, пояс роскошный по чину, и мужем его величают. Он полководец, он и министр, он всюду на самых различных постах. Такой человек обязан разбираться в современной жизни и в делах минувших лет, должен постичь суть правления, понимать причины нарождающегося и предвидеть его последствия. А женщина хозяйничает в доме, носит простую прическу, одета в обычное платье. Ее повседневные заботы ограничиваются колодцем да ступкой, посудой да кухней, и вся ее жизнь сводится к тому, чтобы рожать и воспитывать детей. Поэтому если в богатой семье женщину и обучают грамоте, то от нее требуют всего лишь умения кое-как разбираться в фамилиях и именах да записать в книгу счет. Она не держит экзаменов, не добивается славы, а к поэзии, изящной словесности и вовсе не имеет отношения. Но каждому свое. Иная женщина так тупа, что легче взобраться на небо, чем научить ее хоть как-то читать. А другая, бывает, настолько талантлива, что взглядом лишь текст пробежит, тут же прочтет наи-

зуть. Ее и учить не приходится — все постигает сама. В стихах она не уступит *Ли Бо и *Ду Фу, в одах — *Бань Гу и *Сыма.

Но, конечно, такие одаренные женщины встречаются лишь потому, что самое лучшее в природе иногда случайно достается им, а не мужчине. В период *Хань, например, жили Бань Чжао, сестра Бань Гу, о котором мы только что упоминали, и *Цай Янь. Бань Чжао за брата закончила *«Историю Ранней династии Хань», Цай Янь сочинила «Восемнадцать напевов для северной свирели», которые исполнялись и последующими поколениями. В период *Цзинь была известна *Се Даюнь. Как-то с братьями, воспевая снег, она произнесла: «Словно пух ивы по ветру летит». Так прекрасно о снеге никто из ее братьев сказать не сумел. Во времена династии *Тан была придворная дама Шангуань Ваньэр. Когда император *Чжун-цзун попросил ее оценить стихи сановников двора, она безошибочно отметила их достоинства и недостатки. А уж сколько было выдающихся женщин при *Сун. Назовем только двух — *Ли Цинчжао и *Чжу Шучжэнь. Обе они изяществом своих стихов и широтой познаний были первыми среди женщин. И коль говорить о том, что достойная женщина заслуживает достойного супруга, то этим одаренным особам, казалось, должны бы найтись под стать и талантливые мужья. Но что поделаешь, если, внося записи в брачную книгу, *старец под луною ошибся и эти женщины вышли замуж за бездарных неучей; не случайно поэтому в их творениях нет-нет да звучит скорбь и досада. Вот что говорят стихи:

*Журавль неуклюжий с красавицей уткой
ютятся в запруде одной;
Ни силою крыльев, ни перьев нарядом
не сходны они меж собой.
Когда забывает Весны повелитель
заботы свои о цветах,
Неужто, как тесно сплетенные ветви,
цветсти они будут весной?*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

У Ли Цинчжао, о которой мы сейчас говорили, есть стихотворение «Осенняя печаль», написанное на мотив «Тихий и грустный напев»:

*Все думы да думы,
все скорбь да печаль,
да сердца щемящая грусть,
Как пустынно кругом.
Вернулась холодная осень,
веет последним теплом.
Что чарка-другая простого вина,
если ветер так резок в ночи.
Пролетела вдали
стая мильных гусей,*

*Сердце сжалось в груди:
стаяка старых друзей.
Желтеет сорвавшийся лист,
повсюду опали цветы.
Кто же с любовью ветку сухую
с улыбкой поднимет с земли?
Сумерки. Дождь моросит.
Отчетливо слышу, как капля за каплей
по листьям платана стучит.
Как темно. Я одна у окна.
А все, что во мне и вокруг,
разве выразить словом «тоска».*

Чжу Шучжэнь как-то осенью, когда муж уехал, сидела одна при светильнике и грустила. За окном мерно покрапывал дождь. И вот строка за строкою у нее сложились стихи:

*Плачу я — слезы мне очи слепят,
тоска мою душу терзает.
Сердце трепещет при мысли о ночи,
а ночь уже вновь наступает.
Сумрак вечерний, унылый, холодный
и нитями тянется дождь;
Тусклый светильник один предо мной
в осеннюю длинную ночь.*

Впоследствии был составлен сборник стихов Чжу Шучжэнь, которому дали название «Скорбь души».

Рассказчик, спросите вы, а почему ты говоришь о тех именно двух женщинах, которым так не повезло в браке?

А потому только, что я собираюсь рассказать вам о том, как одной умной девице все же попался и умный муж. Жили они душа в душу, а об их супружеской жизни сложили много занимательных историй. И право,

*Приятно читать интересную повесть,
О славной девице беседу вести.*

Итак, начнем рассказ. В провинции Сычуань есть округ Мэйчжоу, который некогда назывался областью Шу, потом — Цзячжоу, затем — Мэйшань. Есть там горы Май¹ и Эмэй; из рек и озер — Хуаньху и Миньцзян.

Всем прекрасным одарила природа в тех краях и самого человека, дав миру знаменитого ученого по фамилии Су, по имени Сюнь. *Второе имя этого ученого было Минъюнь, литературный псевдоним — Лаоцюань. В те времена его называли «Старый Су». У Су Сю-

¹ В оригинале, по-видимому, описка: Машунь вместо Май.

ня было двое сыновей — Старший Су и Младший Су. Старшего звали Ши, второе имя его было Цзычжань, литературный псевдоним — Дунпо; младшего звали Чэ, второе имя его было Цзюю, литературный псевдоним — Инбинь. Оба обладали врожденным талантом к наукам, оба были сведущи в военном деле и отличались обширностью познаний как о прошлом, так и о настоящем. И тот и другой держали экзамены, и оба получили звание *цзиньши. Их высоко ценили при дворе и обоих назначили на должность в Придворную академию. Говоря о братьях, их обычно называли Двумя Су, а вместе с отцом — Тремя Су. Но речь не о них самих, куда удивительнее другое.

Совершенство, которым природа может наделить человека, было почему-то сосредоточено в одной семье. Два талантливых брата — все же не диво. Но у Су Сюня была еще дочь, Су Сяомэй, которая вряд ли имела равных себе по уму. О ней поистине можно сказать: что ни услышит — поймет до конца, спросят о чем — на все даст ответ.

Поскольку отец и братья Сяомэй были людьми большой учености, то в доме постоянно говорили о классических книгах, об истории и философии. К тому же Сяомэй доводилось читать и слышать немало стихов, песен, од и различных напевов, а исстари говорят: кто возле красной краски — красный, кто рядом с черной тушью — черный.

И так как Сяомэй своими дарованиями намного превосходила других, то чего только она не знала!

Когда Сяомэй было десять лет, она вместе с отцом и братьями жила в столице. Дома у них рос куст гортензий. Была весна, и гортензии распускались пышным цветом. Как-то раз Лаоцюань, очарованный прелестью цветов, взял кисть, чтобы в стихах выразить свои чувства. Он успел написать лишь четыре строки, и тут доложили о госте. Лаоцюань бросил писать и вышел. Сяомэй, которая случайно зашла в это время к отцу в кабинет, заметила на столе стихи:

*Посмотришь — куст яшмы увешан шарами,
Лишь ветки мелькают живыми тенями.
И мнится, что тучки в тех вьются ветвах,
Что месяц укрылся в их гуще, в цветах.*

Она поняла, что в этих строках воспевается прелесть гортензий, в почерке признала руку отца и тотчас, не задумываясь, dokonчила стих, переписав:

*Что каждый цветок окружен мотыльками,
Что ветер играет их крыл лепестками,
И дай аромат им, развея в садах,
Не стали бы *мэй восхищаться в горах.*

Положив листок со стихами на прежнее место, Сяомэй тихонько вышла из кабинета. Тем временем Лаоцюань, проводив гостя, вер-

нулся к себе, и когда снова взялся за кисть, то увидел, что стих закончен. Прочел: и размер и содержание — все прекрасно! Заподозрив, что это дело рук дочери, он велел позвать ее. Оказалось, действительно, стихи дописаны ею.

— Жаль, что она женщина, — произнес со вздохом Лаоцюань, — а то, спору нет, и она бы у меня прославилась на экзаменах.

С тех пор Лаоцюань стал еще больше лелеять свою дочь. Теперь он уже не следил за тем, занимается ли она женским трудом, предоставив ей возможность вволю читать книги и расширять свои познания. Когда Сяомэй шел шестнадцатый год, отец решил во что бы то ни стало подобрать ей мужа из первых талантов в стране. Но сразу найти такого было, конечно, нелегко.

Случилось как-то, что министр Ван, князь удела Цзин, пригласил Лаоцюаня побеседовать. Министр Ван — это тот, чье имя — Аньши и второе имя — Цзефу. Человек этот стал пользоваться большой известностью сразу же, как только выдержал экзамены. Но *Ван Аньши, случалось, не умывался, ложился спать не раздеваясь, и одежда на нем была полна вшей. Лаоцюаня такая дикость отталкивала. Он предполагал, что в будущем Ван Аньши станет коварным и опасным царедворцем, и высмеял его в своем *«Трактате о подлых министрах». Ван Аньши затаил на Лаоцюаня злобу, но, увидев, как Старший и Младший Су один за другим выдержали экзамены, подавил обиду и решил сблизиться с ним. Когда Ван Аньши был произведен в министры, то и Лаоцюаню из опасения за карьеру своих сыновей волей-неволей пришлось поддерживать с ним добрые отношения. Вот уж право,

*Близкие духом и мыслью
в древности дружбу водили,
Ныне же дружат с расчетом
на силу и власть.*

Итак, в назначенный день Лаоцюань отправился к министру. Сначала, как водится, поговорили о том, о сем, побеседовали о государственных делах, а затем стали пить рюмку за рюмкой, незаметно увлеклись и оба порядком захмелели. Разговорившись, Ван Аньши невзначай похвалил своего сына Ван Пана, заявив, что стоит ему лишь раз прочесть что-нибудь, как он тут же запоминает.

— А кто же для этого по два раза читает? — спросил охмелевший гость.

— Простите, оплошал! Мне ль перед *Лу Банем хвастать уменьем владеть топором!

— Не только моим сыновьям, но и дочери моей дважды читать не приходится!

— Вот как! — удивился министр. — О том, что сыновья у вас выдающиеся таланты, я знал давно, но что и дочь ваша так талантлива, я, признаться, не слышал. Как видно, все прекрасное, все совер-

шенное, что только может дать нам природа, досталось именно вашей семье.

Лаоцюань пожалел, что лишнее сорвалось с языка, и стал поспешно прощаться. Но Ван Аньши задержал его, приказав отроку-службе принести какую-то тетрадь.

— Это *ученические упражнения моего сына, — сказал министр, протягивая тетрадь гостю. — Не затрудню ли вас, если попрошу взять с собой, просмотреть и сделать замечания?

Лаоцюань *положил тетрадь в рукав, поспешно откланялся и вышел. Дома он сразу же лег спать. Среди ночи проснулся. Хмель весь вышел. Ему вспомнился визит к министру, и он пожалел о том, что стал расхваливать перед ним свою дочь. «Неспроста Ван Аньши дал мне прочесть сочинение сына, — рассуждал про себя Лаоцюань, — не иначе как прочит его в зятя. Но этот брак мне вовсе не по душе. А как теперь отказать?» Мысли обо всем этом не давали Лаоцюаню заснуть. Утром, умывшись и причесавшись, он вынул тетрадь Ван Пана и принялся внимательно читать. Невольно чувство любви к таланту заговорило в нем, когда он увидел, как на каждой странице речь стелется парчою цветистой и жемчугом редким блистают слова.

«Кто знает, какая судьба предназначена дочери? — размышлял вслух Лаоцюань. — Дам-ка я ей прочесть. Интересно, понравится или нет». Имя автора он решил от Сяомэй скрыть и потому, вручая тетрадь служанке, сказал:

— Это тетрадь одного известного молодого ученого, который попросил меня *разметить его сочинение. У меня сейчас нет свободного времени. Передай тетрадь молодой госпоже. Пусть она просмотрит, а когда кончит, сразу же вернешься с этой тетрадью ко мне.

Служанка вручила Сяомэй тетрадь и передала ей распоряжение отца.

Сяомэй тут же растерла киноварь и взялась за кисть. Через мгновение все было размечено.

— Хорошо написано! Сразу видно ученого и одаренного человека, — со вздохом произнесла она. — Однако талант его уже иссяк, цветисто все, но животворного зерна не видно — пожалуй, недолго осталось блистать ему своим дарованием.

Рассудив так, Сяомэй на заглавном листе тетради написала:

*В новизне и изяществе — сила,
в нищете содержания — слабость.
Чтобы чин получить, он талантлив сверх меры,
но прожить суждено ему мало.*

Впоследствии Ван Пан в девятнадцать лет первым выдержал экзамены на звание цзиньши, но вскоре умер. Этот случай ясно говорит о необыкновенной прозорливости Сяомэй. Но мы забежали вперед.

Итак, написав заключение, Сяомэй велела служанке отнести тетрадь отцу. Взглянув на тетрадь, тот испугался: «Как же с такой оценкой возвращать тетрадь? Обидится ведь! Что ж теперь делать — заглавный-то лист испорчен!»

Размышления Лаоцюаня прервал слуга:

— Явился человек от министра за известной, говорит, вам тетрадь. Кроме того, посланный имеет передать нашему господину еще кое-что лично.

Лаоцюань совсем растерялся. Ему ничего не оставалось, как вырвать первый лист, заменить его новым и на нем написать похвальный отзыв. Тетрадь он собственноручно передал посланному от Ван Аньши.

— Мне приказано еще осведомиться, не просватана ли дочь почтенного господина Су, — сказал тот, принимая тетрадь. — Если нет, то министр желал бы, как говорится, предложить вам союз, подобный *союзу меж Цинь и Цзинь.

— Посмею ли я возражать против желания министра породниться с моей семьей? Но только дочь у меня уродлива. Боюсь, что не оправдает павший на нее выбор столь почтенного и богатого дома. Прошу вас взять на себя труд в самых учтивых выражениях сообщить об этом министру. И если министр пожелает, то ему нетрудно будет разузнать и убедиться, что с моей стороны это отнюдь не предлог для отказа.

С этим посланец вернулся к министру.

Ван Аньши был недоволен уже тем, что заглавный лист тетради заменен, а слова Лаоцюаня вызвали в нем опасение, что, может быть, Сяомэй действительно не блещет красотой и не понравится сыну. Поэтому он тайком послал людей разузнать о ней.

Тут надо сказать, что Дунпо, брат Сяомэй, часто подсмеивался над сестрой, а Сяомэй — над ним. У Дунпо были такие усы, что Сяомэй по этому поводу шутила:

*Бранит меня, но не пойму
откуда брань несется?
И вдруг я слышу — из щетины
голос раздается.*

Дунпо, в свою очередь, высмеивал выпуклый лоб сестры:

*С крыльца сойдет два-три шага,
но только повернется,
Как лоб в гостиной у двери,
сама ж еще плетется.*

Сяомэй подсмеивалась над длинным лицом брата:

*Две струи горьких слез
прошлогодней тоски*

*Лишь теперь наконец
до губы дотекли.*

Дунпо в ответ издевался над ее глубоко посаженными глазами:

*Трет глаза пятый день,
но до глаз не достать,
А слезливый родник
не спешит высыхать.*

Все эти шутки стали известны тем, кто по поручению Ван Аньши разузнавал о Сяомэй. Министру доложили, что внешность Су Сяомэй уступает ее блестящим талантам. Тогда Ван Аньши оставил мысль об этом сватовстве.

Тем не менее желание министра породниться с семейством Су привело к тому, что слава о Сяомэй разнеслась по всей столице. Позже, когда выяснилось, что сватовство так и не состоялось, не счесть было тех, кто, восхищаясь одаренностью Сяомэй, приходил просить ее руки.

Лаоцюань предлагал каждому написать сочинение и давал его дочери на просмотр. Одни она сразу перечеркивала взмахом кисти, в других отмечала два-три хороших места, и только. Но среди этих сочинений попалось одно, которое она нашла прекрасным. На заглавном листе значились фамилия и имя автора — Цинь Гуань. И вот на этом сочинении Сяомэй написала:

*Сегодня — лишь умный *сюцай,
Завтра — известный ученый.
Жаль, что два Су помешают ему
Над веком царить восхищенным.*

Таким образом, Сяомэй явно говорила, что по своим литературным дарованиям Цинь Гуань стоит в одном ряду с ее братьями и что никто другой с ним сравниться не может.

Лаоцюань прочел стихи дочери, понял, что выбор ее остановился на этом человеке, и тут же отдал распоряжение привратникам:

— Как только появится сюцай Цинь Гуань, сразу же просите его ко мне. Остальных не принимать.

Но оказалось, что за ответом приходили все представлявшие свои сочинения и не явился лишь Цинь Гуань.

Почему же это?

Уроженец Гаою, сюцай Цинь Гуань, второе имя которого Шаою, был таким человеком, о котором поистине можно сказать: клад знаний — в нем самом, мир пуст в его глазах. Лишь братьям Су отдавал он должное, а прочих ни во что не ставил. Теперь же он преклонялся еще и перед талантом их сестры. И хотя Сяомэй была яшмой преле-

стной, ждущей владельца, однако Цинь Гуань, не желая ронять собственного достоинства, не хотел плестись за толпою искателей, домогавшихся приятных известий.

И так как Цинь Гуань все не являлся, Лаоцюань попросил своих друзей дать ему понять, что его ждут. Цинь Гуань очень этому обрадовался, но подумал: «О талантах Сяомэй я знаю лишь понаслышке, лично мне не приходилось в этом удостовериться. Кроме того, говорят, что она не блещет красотой — лоб выпуклый, глаза впалые. Неизвестно еще, на какого беса она похожа. Повидать бы ее, тогда на душе было бы поспокойнее». Узнав, что в первый день второго месяца Сяомэй будет в храме, он решил воспользоваться этим. Чтобы разглядеть ее как следует, он задумал пойти туда переодетым. Правильно говорят:

*Не верь тому,
что сам не можешь видеть,
В людской молве
нередко правды нет.
И если будешь
слухам верить всяким,
Тогда кривым
предстанет целый свет.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

Обычно женщины из знатных семейств отправляются в храмы возжечь свечи рано утром или поздно вечером, когда там меньше народу. Зная это, в первый день второго месяца Цинь Гуань поднялся до рассвета, умылся, причесался и стал наряжаться странствующим *даосом: на голову надел высокую шапку из простого темно-синего холста, к ушам подцепил кольца из искусственной яшмы, облачился в темно-синий халат, подпоясался желтым шнуром, надел белые чулки, обулся в соломенные башмаки, на шею повесил четки из бусин величиной с большой палец, а в руки взял позолоченную чашу для сбора подаяний.

Рано утром он уже стоял у храма и поджидал Сяомэй. Паланкин ее прибыл, как только занялся день. Пока Сяомэй сходила с паланкина и поднималась в главный зал, Цинь Гуань успел ее разглядеть: хотя она не была красавицей, но в ней нельзя было найти ничего ни грубого, ни резкого, и внимание невольно привлекали благородное изящество осанки и спокойная непринужденность манер. Осталось узнать, действительно ли она так талантлива и умна.

Рассчитав, что Сяомэй должна была уже покончить с возжиганием свечей, Цинь Гуань пошел вдоль галереи, возле которой остановился паланкин, и у входа в зал столкнулся с Сяомэй. Подражая церемонному тону монаха, он обратился к ней:

*Смиренно желаю вам долгого века и счастья
и к щедрости вашей взываю.*

Сяомэй холодно ответила:

*Какие заслуги, какие деянья монаха,
что смеет просить подаянья?*

Но Цинь Гуань продолжал свое:

*Желаю вам дровом целебным расти,
болезней-недугов не знать.*

Не останавливаясь, Сяомэй на ходу бросила:

*Монаха уста могут лотоса цветом цвести,
ему ни гроша не видать.*

Цинь Гуань следовал за ней до самого паланкина:

*Молодая особа богатству так рада,
из рук разве выпустит клад золотой.*

Сяомэй, не задумываясь, ответила:

*Сумасшедший монах! До чего же он жаден!
Не горы ль возить золотые с собой?*

Последние слова Сяомэй произнесла, уже садясь в паланкин. Отходя в сторону, Цинь Гуань пробормотал:

*Сумасшедший монах тем уж счастлив безмерно,
что с вами он встретился ныне.*

Сяомэй села в паланкин, не обращая внимания на его слова. Но сопровождавший ее старый слуга расслышал сказанное монахом и, возмущенный его распущенностью, кинулся было к нему, как вдруг заметил, что на галерее появился какой-то красивый отрок с косичками. Мальчик окликнул монаха:

— Молодой господин, переодеться прошу сюда!

Монах прошел вперед, мальчик последовал за ним. Тут старый слуга тихонько дернул мальчика за плечо и шепотом спросил:

— Кто этот господин?

— Это господин Цинь Шаою из Гаюю.

Слуга больше не стал ничего говорить, решив не вмешиваться. Однако, возвратясь домой, он рассказал обо всем жене, та, конечно, разболтала на женской половине, и таким образом Сяомэй узнала, что даос, просивший у нее подаяния, был переодетым Цинь Гуанем. Она лишь посмеялась над этим и приказала служанкам помалкивать.

Теперь вернемся к Цинь Гуаню. После того как Цинь Гуань вдоволь нагляделся на Сяомэй, увидел, что она вовсе не безобразна, и убедился в том, как она даровита — раз так легко отвечала ему стихами на стихи, — он выбрал *благоприятный день и отправился к Лаоцюаню просить руки его дочери. Тот дал согласие. Последовали обычные при сватовстве подарки и подношения. Все это происходило в начале второго месяца. Цинь Гуань был намерен в ближайшие дни отпраздновать свадьбу. Сяомэй была против — она не сомневалась в том, что Цинь Гуань успешно выдержит экзамены, ждать оставалось недолго, и Сяомэй хотела при свадебном обряде среди торжественных украшений и ярко горящих свечей видеть будущего мужа в облачении, соответствующем его сану. Цинь Гуаню пришлось подчиниться.

Столичные экзамены в Палате обрядов проходили третьего числа третьего месяца. Цинь Гуань блестяще выдержал их, получил степень цзиньши и явился поклониться будущему тестю. Заодно он сообщил ему, что желал бы совершить брачный обряд в его доме, так как сам он не имеет здесь близких.

Лаоцюань, улыбаясь, сказал:

— Сегодня ваше имя вывешено в Палате обрядов, сегодня вы сменили простую одежду на парадное платье чиновника — ведь это самый счастливый день, и незачем выбирать другой. Что может быть лучше, если мы совершим свадебный обряд нынче же вечером в моем доме?

Дунпо, который присутствовал при разговоре, одобрил решение отца, и в тот же вечер молодые люди, отбивая поклоны в торжественном обряде, навек воедино слили свои судьбы. Вот когда действительно можно сказать:

*Нашла ученая девица
ученого супруга.
Он выдержал большой экзамен,
экзамен держит малый.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

В тот вечер ярко светила луна, и было светло как днем. После пира в парадных комнатах Цинь Гуань направился в брачный флигель, но, подойдя, обнаружил, что дверь заперта. Перед флигелем стоял столик, на котором были приготовлены бумага, тушь, тушечница, кисть, три конверта и три кубка — яшмовый, серебряный и глиняный. Возле столика стояла служанка.

— Почему не открыты двери? — обратился Цинь Гуань к служанке. — Потрудись доложить молодой госпоже, что явился ее супруг.

— Молодая госпожа распорядилась передать вам, — ответила служанка, — что здесь для вас приготовлены три задачи и что во флигель вам будет разрешено войти лишь в том случае, если все три ответа она признает правильными. Содержание каждой задачи вы найдете вот в этих конвертах.

— А это что означает? — спросил Цинь Гуань, указывая на кубки.

— Яшмовый — для вина, серебряный — для чая, глиняный — для простой воды, — отвечала служанка. — Если вы правильно ответите на все три задачи, то трижды выпьете из яшмового кубка и двери во флигель будут пред вами раскрыты. Если справитесь лишь с двумя, то из серебряного кубка душистым чаем жажду утолите и завтра вновь придете на экзамен. Ну а коль одолеете только одну задачу, а две останутся нерешенными, из глиняного кубка отопьете глоток воды и отправитесь месяца на три к себе в кабинет толком заниматься книгами.

Цинь Гуань, усмехаясь, заявил:

— Любой простой сюцай без труда справится с тремя задачами. Я же прошел столичные экзамены, где мои сочинения выделялись среди тысяч других. Что мне три задачи, да пусть их будет хоть триста — не страшно.

— Наша госпожа, знаете ли, не какой-нибудь экзаменатор, которому вы наговорите всяких «и вот», «итак», «и так далее», «и тому подобное» — и отделались. Нет, с ее задачами справиться не так-то просто. Первая задача — это *оборванные строфы. Причем ответ должен быть в стихах и соответствовать смыслу темы. Только тогда будет считаться, что с первой частью вы справились. Вторая задача — четверостишие, в котором есть намек на четыре исторических лица. Если вы отгадаете всех четырех, будет считаться, что и с этим справились. Ну а третья задача уже совсем простая — нужно только подобрать вторую строку для *парных строк. Если вы справитесь и с этим, то пьете прекрасное вино и входите к молодой.

— Ну что же. Давайте первую.

Служанка взяла один из конвертов, распечатала его и передала Цинь Гуаню.

В конверте оказался листок, на котором были написаны следующие строки:

**Железо и медь бросают в плавильную печь;
По белой стене ползут муравьи чередой.
Две силы — инь, ян, но сущность одна в них;
Я в центре всегда, меж небом стою и землей.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

Цинь Гуань призадумался: «Пожалуй, кроме меня, никто не догадался бы, в чем здесь дело. Но я-то наряжался странствующим монахом и просил подаяния у Сяомэй. А здесь все стихотворение намекает на слова: „Монах, собирающий подаяние“. Ясно, она специально написала такой стих, чтобы посмеяться надо мной». Он взял кисть и при свете луны написал следующее:

*Могучий творец!
О, зачем ты весну подгоняешь?
Осчастливь лишь заботой цветок —
он раскроет свои лепестки.
Напрасно спешат все к цветку,
как к игривому ветру:
Ароматный привет он хранит свой
и зря не пошлет никому.
Холоден нежный цветок —
он доступен лишь мне одному.*

Служанка дождалась, пока Цинь Гуань кончил писать, взяла от него листочек, сложила втрое и громко провозгласила:

— Молодой супруг сдает работу. Первое испытание закончено. — С этими словами она просунула бумагу в дверную щель.

Сяомэй пробежала взглядом стихи и невольно усмехнулась: по первым знакам каждой строки она сразу же прочла слово «монах». Тем временем Цинь Гуань уже раскрыл второй конверт. В нем тоже лежал листок со стихами. Стихи были такие:

**Как и его могучий дед,
он силой одарен;
При свете из дыры в стене
читает книги он;
В пути навеет штопки нить
о матери печаль;
Почтенный старец у ворот,
склонившись, смотрит вдаль.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

Прочитав стихи, Цинь Гуань, не задумываясь, сразу же написал против первой строки Сун Цюань, против второй — Кунмин, против третьей — Цзысы, против четвертой — Цзян Тайгун. Ответ был передан тем же путем.

Раскрывая третий конверт, Цинь Гуань рассуждал: «На первых двух задачах ей явно не удалось провалить меня. Третья — это парные строки, а их я умел подбирать еще шестилетним мальчишкой, этим меня не озадачишь!» На листке, который оказался в последнем конверте, Цинь Гуань прочел:

*Двери прикрыв, оттолкнула луну,
что в покои глядела ко мне.*

На первый взгляд ему показалось, что найти вторую строку совсем нетрудно, но вскоре он убедился, что тема задана очень тонко, и если ответ сделать заурядным, в нем не выявится искусство и находчивость автора. Цинь Гуань задумался. Параллель, достойная заданной строки, все никак не приходила. Сторожевая башня возвестила уже о конце третьей *стражи, а Цинь Гуань так ничего и не смог придумать, и чувство растерянности все больше и больше овладевало им.

В это время в саду показался Дунпо, он решил перед сном на всякий случай заглянуть в сад к новобрачным: был он как-то неспокоен за Цинь Гуаня. Уже издали Дунпо заметил, как Цинь Гуань в растерянности описывал круги перед флигелем и бормотал про себя одни и те же слова: «Двери прикрыв, оттолкнула луну, что в покои глядела ко мне». При этом молодой ученый непрерывно делал движения рукой, словно отталкивая что-то от себя.

«Не иначе как этими строками сестра поставила его в затруднение, — подумал Дунпо. — Если я не помогу, не справится ему с сестрой». Дунпо стал искать параллель, но и ему ничего удачного не приходило на ум.

Посредине сада, перед самым флигелем, стоял чан для цветов, доверху наполненный чистой водой. И вот, погруженный в свои мысли, Цинь Гуань случайно оказался возле чана и, облокотясь на него, стал глядеть в воду. Когда Дунпо увидел это, его сразу осенило и он нашел подходящий ответ. Но подсказать побоялся — уронит достоинство Цинь Гуаня в глазах сестры, если она заметит. Тогда Дунпо остановился поодаль, кашлянул, поднял с земли камешек и кинул его в чан. Всплеск — и несколько капель брызнуло в лицо Цинь Гуаню. Отражение луны и неба в воде заколебалось и слилось. Цинь Гуань тут же понял, в чем дело, взял кисть и написал:

*Камень метнув, разорвал небосвод,
что глубоко светился на дне.*

Служанка передала листок с решением третьей задачи. Дверь растворилась, и из флигеля вышла вторая служанка. В руках у нее был серебряный чайник с вином. Наполнив яшмовый кубок, она поднесла его Цинь Гуаню:

— Прошу вас, три кубка в награду за ваши труды!

Цинь Гуань, счастливый и довольный собой, осушил три кубка и был торжественно введен в брачные покои.

Можно себе представить, как счастлива была в ту ночь эта достойная пара. Да,

*Час тоски бесконечен,
Счастливая ночь коротка.*

Нечего говорить, в каком согласии и как радостно жили молодожены. Потом Цинь Гуань направился в провинцию Чжэцзян, куда

получил назначение, а ученый Дунпо жил к тому времени в столице. Сяомэй, часто думавшая о брате, как-то раз поехала навестить его в столицу. [...] ²

Сяомэй и Цинь Гуань так часто обменивались поэтическими экспромтами, что подробно рассказать об этом просто невозможно. Со временем Цинь Гуань прославился своими способностями, был призван в столицу и назначен в Придворную академию ученых, где служил с двумя братьями Су. Случилось даже, что все трое в одно и то же время занимали должности историографов, а такое с древних времен редко бывало. Когда вдовствующая императрица Сюаньжэнь прослышала о талантах Сяомэй, она частенько стала посылать подношения в виде лучших шелков, с тем чтобы Сяомэй писала на них свои стихи. Во дворце эти стихи полюбили, передавали из уст в уста, и о них уже часто говорили в столице. Цинь Гуань пережил Сяомэй, всегда ее помнил и больше не женился. В подтверждение этой истории приведу стихи:

*С глубокой древности
прославлены Три Су в литературе,
Сестра их — Сяомэй
умом могла поспорить с мужем.
Три раза озадачить жениха —
поистине, большое диво;
И не бывало, чтоб одна семья
талантов столько миру подарила.*

² Далее почти три страницы оригинала занимает текст сложных поэтических ребусов и шарад, которые Дунпо и Сяомэй сочиняли друг для друга в столице. Некоторые из них Сяомэй посылала мужу в Чжэцзян. Эта часть потребовала бы для русского читателя обильного комментария, и потому в переводе она опущена.

19. КАК ПО ЯРЛЫКУ В САПОГЕ РАЗОБЛАЧИЛИ БОГА ЭРЛАНА

*Ветви ивы недавно зелень густая покрыла,
уходит последняя стужа с талой водой;
Мелкою пылью дождь моросит беспрестанно,
и с легким порывом восточного ветра
рябью шелковой, тонкой
смялась пруда изумрудная гладь.
Повсюду, будто бы феи, живые цветы;
изощряются в новых напевах свирели.
И среди криков «Многие, многие лета!»
за прекрасным вином, что в чары
златые налито,
во хмелю беспробудном
за весною проводит весну он.*

С тихотворение это написано на мотив «Зеленеют ветви ивы». Сочинил его один ученый минувшей *сунской династии, и речь в нем, собственно, о восьмом — со времени первого сунского императора *Тай-цзу — императоре Северной Сун, посмертное *храмовое имя которого было *Хуэй-цзун, *даосский титул — «Император, служитель владыки обители верховного неба, бесстрастный даос *Сюань-хэ». Хуэй-цзун был, собственно, Ли Юем — последним императором династии *Южная Тан — в его *перерождении. Дело в том, что, когда Шэнь-цзун, отец Хуэй-цзуна, однажды рассматривал портреты императоров былых времен, он восхитился благородным, одухотворенным выражением лица Ли Юя. Потом ему как-то приснился сон, что Ли Юй снизошел с небес во дворец. После этого и родился Хуэй-цзун. В детстве он получил титул князя Дуань. С юных лет он был элегантен, изящен, остроумен, талантлив. Когда император *Чжэ-цзун скончался, на престол был возведен его брат, дуаньский князь, то есть Хуэй-цзун. В стране тогда воцарился покой, и при дворе не происходило ничего чрезвычайного. Император питал

особую любовь к садам и заповедникам. И вот в первом году Сюаньхэ он повелел в северо-западном участке столицы начать строительство огромного сада с прудами, которому дал название Северовосточная гора долголетия. Ведать этим он приказал сановнику внутренней службы Лянь Шичэну. Другому сановнику — Чжу Мяню поручил обеспечить доставку со всех концов страны необыкновенных камней, деревьев, цветов, бамбука и прочего. Называлось это «поставкой цветов и камней». Все государственные средства расходовались на устройство сада, и самые искусные мастера из различных районов страны были призваны для этого в столицу. Через несколько лет строительство закончилось, и сад переименовали в Гору многолетия. Сад изобилует удивительными цветами, редчайшими деревьями, диковинными птицами и зверями. Там красовались высокие строения и башни, беседки, и нет слов, чтобы выразить их великолепие. Среди всего этого — дворцы: Божественное процветание, Хранящий мир, Бессмертных роща; павильоны — Умиротворенный покой, Духовная истина, Совершенное прозрение, Горная гряда; беседки — Заоблачные выси, Парящий феникс и многое другое — всего не перечтешь.

И тем, кого в ту пору называли «шестью ворами периода Сюаньхэ» — царедворцам Цай Цзину, Ван Фу, Гао Цю, Тун Гуаню, Ян Цзяню и Лян Шичэну, — император довольно часто разрешал гулять в этом парке, бывать в его дворцах. Вот что говорят об этом стихи:

*Громоздятся горами редчайшие камни,
бамбук и деревья прохладную тень создают.
Но по милости свыше гуляли там те,
кто ценить не хотел, что в заоблачной выси они.*

Следует сказать, что на западной стороне дворца Хранящий мир был выстроен роскошный павильон Яшмовая истина для Аньфэй, любимой наложницы императора. Позолоченные кольца на его дверях, окна с позолоченными украшениями, изящные перила, решетки из яшмы — все так и блестело, ослепляя взор. Однажды император призвал Цай Цзина и других пятерых приближенных царедворцев на пир в самом павильоне. На стене в одном из залов знатные гости оставили даже поэтические надписи. Вот что по этому поводу говорят стихи:

*Хранящий мир — новый дворец
блеском прельщает, красую.
Дозволено милостью свыше
смертным войти в те покои.
Душевный подъем возвышает
кубок вина, что пир вдохновляет;
И тут же красавица-фея,
прелестная дама двора.*

Не будем много говорить о том, что Аньфэй пользовалась большей любовью императора, чем любая другая женщина из шести внутренних дворцовых покоев. Поведаем о некоей Хань Юйцяо, одной из наложниц императора. Она попала во дворец вместе с другими избранными девицами, когда ей минуло пятнадцать лет, в год совер-

шеннолетия. Лицо — нежнее цветка лотоса, тело — белизны сверкающего снега; развевающаяся, словно облако, шелковая юбка с приятно звенящими яшмовыми подвесками. Она была прелестна! Но император не жаловал ее своей милостью — всю его любовь сумела привлечь к себе Аньфэй. И в прекрасную, чарующую пору весны, когда все вокруг будоражило сердце и мысли, Юйцяо с горькой досадой смотрела на великолепные подстилки и, лежа под изумрудным пуховым одеялом, чувствовала, как холод проникал в ее душу. А когда сияние луны освещало порог ее покоев, она была не в силах слушать чудесные звуки свирели, и стрекотание сверчка где-то возле стены не давало ей заснуть. Дошло до того, что у нее отпало желание по утрам наводить на себя красоту, померкли в сердце радужные чувства, исчез влечения трепет, она стала часто вздыхать, и по всему было видно, что ее начал одолевать недуг. Поистине, как в стихотворении:

*Уже состарился
вновь уходящий
ветер весенний,
и слез моих давних ему
не осушить никак,
не осушить...
Всплывут ли в памяти
дни ранней весны,
дни ли расцвета,
весенний ли холод,
теплые дни,
погожее ль время, дожди и дожди —
все ранит душу,
уносит последние дни...
Лепестки опадают,
с ветром куда улетят,
как знать?
И за каждым из них
словно тянутся,
будто бы
их удержать норовят,
весенние чувства мои.
Цветов уже нет,
а бабочка кружит и кружит
над ароматным стеблем.
Лишь с иволгой иве
не пошептаться никак —
иволге что беззаботной до ивы зеленой?
Не сбылись мечты,
нет больше надежд.
И проходит так жизнь,
то ль в опьяненье,
то ли в безумье,
то ли в дурмане пляски тревожной,
то ли во сне,
во сне...*

С каждым днем, как говорится, таял аромат ее обаяния, блекла красота, брови все чаще сдвигались, нежность лица увядала. Юй-

цяо осматривали императорские лекари, она принимала разные снадобья, но ничто не помогало: будто камень водой поливали. И вот однажды император призвал к себе военного министра Ян Цзяня и сказал ему:

— Женщину по имени Хань Юйцяо доставили во дворец вы. Пожалуй, лучше всего было бы, если бы вы же и забрали ее к себе — пусть она у вас отдохнет и полечится. Возвратится, когда поправится. Ведающим дворцовым столом прикажите ежедневно доставлять ей еду, а дворцовым лекарям — навещать ее и врачевать. Когда ей станет получше, доложите.

Ян Цзянь земно поклонился императору, не медля распорядился, чтобы люди перевезли в его резиденцию весь туалет Юйцяо, ее сундуки, утварь и прочее, а для самой Юйцяо приготовили паланкин. И вот Юйцяо в сопровождении двух нянь и двух служанок из дворца, вместе с людьми, присланными за ней Ян Цзянем, направилась к дому военного министра. Жена министра, предупрежденная мужем, вышла встретить дорогую гостью.

Резиденция министра сразу же была разгорожена, и западная часть строений с садом отведена для Юйцяо. На половину Юйцяо дозволялось проходить лишь императорским лекарям да прислуге женской половины; ежедневно, раз в день, Юйцяо навещали Ян Цзянь и его жена. Больше никого туда не пропускали, и ворота в сад всегда держали закрытыми на замок. Возле ворот поставили специальный бочонок, чтобы передавать пищу, письма. Вот уж поистине,

*На пороге весной
без приветов, одна,
зеленеет былинка,
И на пенные пташки
из гущи ветвей
не ответит никто.*

Прошло около двух месяцев. Юйцяо начала постепенно поправляться — она и выглядела уже почти как прежде, и есть стала лучше. Ян Цзяня и его жену это очень радовало, и однажды жена министра велела приготовить вино и яства в честь выздоровления Юйцяо. При этом она имела в виду и предстоящие проводы.

— Вот вы и поправились! Как хорошо! — сказала жена Ян Цзяня, когда чарки уже не раз поднимались и одни закуски сменились другими. — Может быть, стоит доложить об этом императору, — продолжила она, — *выбрать день и проводить вас во дворец, как вы думаете?

— О, я, несчастная, хотела бы... — проговорила Юйцяо, сложив с мольбою руки перед грудью. — Видите ли, одолела меня эта ужасная тоска, провалялась я целых два месяца, и мне только-только стало немного легче. Поэтому я хотела бы еще некоторое время побыть у вас, пожить спокойно. Очень прошу вас, госпожа, сделать одолжение и не сообщать пока императору. Я знаю, что доставляю вам много беспокойства, мне очень неловко, но я никогда не забуду вашей доброты и постараюсь не остаться в долгу.

Жена министра, конечно, не стала возражать.

Через два месяца Юйцяо устроила ответное угощение. Был приглашен *сказитель, он рассказал несколько историй. Среди них — одну о красавице, которая тоже жила во дворце и тоже имела фамилию Хань. Было это во времена танского императора *Сюань-цзуна. Император не удостаивал эту женщину своей любовью, и она очень страдала. Однажды она сорвала в саду красный листок, написала на нем стихи и пустила листок по течению речки. В стихах говорилось:

*Почему ты так быстротечна, вода,
а в глубинах дворца
бесконечно так тянется,
тянется день?
О, молю тебя, красный листочек,
доплыви, доплыви,
путь тебе добрый
к людям простым за ограду дворца.*

Листок этот за пределами дворца подобрал человек, который приехал в столицу на *экзамены. Звали его Юй Ю. Он сложил стихи в ответ и пустил листок в ту же речку, но по течению во дворец. Человек этот впоследствии добился успеха и славы. Император узнал потом об этой истории, выдал госпожу Хань за Юй Ю, и они прожили вместе до старости. Когда сказитель дошел до счастливого конца, Юйцяо невольно вздохнула. Вслух она ничего не произнесла, но про себя подумала: «Если бы мне так повезло, я бы считала, что не зря прожила на свете».

Вскоре хозяйка и гостя расстались. Юйцяо вернулась к себе, проспала до полуночи и почувствовала, что голова у нее раскалывается, глаза болят, руки и ноги обессилели, все тело ноет, зудит. Ее снова стали одолевать бесконечные мысли, и она опять заболела. На этот раз ей было хуже, чем прежде. Вот уж поистине,

*Крыша течет —
а тут еще дождь бесконечный;
В лодке плывешь —
так встречные ветры назло.*

На следующее утро, когда жена министра зашла проведать Юйцяо, она застала ее совсем больной.

— Хорошо, что не доложили императору о вашем выздоровлении, — сказала она Юйцяо. — Очень прошу вас, спокойно отдыхайте и не думайте о том, что вам надо возвращаться во дворец.

— Благодарю вас, — ответила Юйцяо, — но мне настолько плохо, что теперь, наверное, как говорится, до небес далеко, а до земли поближе. Боюсь, не отблагодарить мне вас за ваши заботы. Видимо, лишь в будущем перерождении удастся служить вам преданной собакой или лошадью. — Говоря это, она горестно вздыхала, и было тяжело смотреть на нее.

— Не надо так! — успокаивала ее жена министра, сама встревоженная и обеспокоенная. — Издревле известно, что добрым людям

небо приходит на помощь. Глядишь, зловещая звезда, довлеющая над вами, отойдет, и вы поправитесь. И незачем травить себя лекарствами, раз вам от них не легче. Но вот я подумала, — продолжала она затем, — не случилось ли с вами, когда вы были во дворце, чтобы вы дали какой-нибудь обет и не выполнили его? Может быть, именно этим вы и разгневали духов?

— С тех пор как я попала во дворец, меня одолела такая тоска, что мне было даже не до обетов! Но теперь, когда мне так плохо и лекарства не помогают, — продолжала она, — я готова хоть сейчас дать перед небом обет, и если все будет в порядке, то непременно выполню его. Не знаю только, какие здесь божества отзывчивы.

— У нас известны своей чудотворной благодатью владыка севера — святой Сюань и божество Эрлан. Может быть, вам действительно стоит приготовить курения, помолиться о здравии и дать обет, а когда вы поправитесь, я с удовольствием поеду вместе с вами в храм, чтобы исполнить обет, данный божеству. Что скажете?

Юйцяо кивнула в знак согласия. Служанки тут же приготовили столик и зажгли *курильные свечи. Юйцяо, у которой не было сил подняться, прямо в постели, опершись на подушку и приложив руку к челу, произнесла:

— Я, Хань Юйцяо, с ранних лет попала во дворец. До сих пор я не удостоилась внимания владыки и навлекла на себя болезнь своим безотчетным влечением. И вот живу я теперь в доме министра Яна. Если божественные силы окажут мне покровительство и помогут поправиться, я обещаю вышить две большие хоругви и с другими дарами явиться в храм поклониться и воздать благодарение.

Пока Юйцяо произносила свою молитву, госпожа Ян с курильными свечами в руках молилась за нее. Затем они расстались.

И поразительная вещь: с тех пор как Юйцяо дала обет, она с каждым днем стала чувствовать себя лучше, а через месяц совсем поправилась. Жена министра, радуясь ее выздоровлению, устроила по этому поводу угощение.

— Божества-то, оказывается, действительно отозвались и сотворили чудо. Куда там всяким лекарствам! — сказала за трапезой жена министра. — Однако нельзя забывать о данном обете и не поднести обещанных даров.

— Ну что вы, разве я могу отказаться от данных обещаний, поступить против совести! — сказала в ответ Юйцяо. — На днях я вышью полотнища и буду просить вас пойти вместе со мной в храм, чтобы воздать за милость. Вы не откажете?

— С удовольствием пойду с вами.

Тут же после пиршества Юйцяо отобрала ценные вещи, чтобы купить на них дары для подношения в храме, и шелк, из которого она собиралась сделать четыре хоругви. Метко издревле говорится:

*Дай нужный жар —
и свиная дойдет голова;
Дай нужные деньги —
любые уладят дела.*

Ведь действительно: каким бы удивительным, невероятным ни казалось то, что предстоит сделать, имей только деньги — все будет выполнено! Не прошло и нескольких дней, как хоругви с вышитыми надписями были готовы. Подвешенные на бамбуковые древки, они ослепляли своей красотой.

И вот был выбран счастливый день и час, собрали дары, курильные свечи, и обе женщины в сопровождении слуг направились сначала в Храм владыки севера. Настоятель храма, зная, что явились знатные дамы из дома самого министра, поспешил выйти им навстречу и провел их в зал. Здесь было зачитано *молитвенное обращение и водружены хоругви. Затем Юйцяо стала *молиться, стуча зубами и земно кланяясь. Когда Юйцяо кончила молиться, они прошлись по галереям храма, и настоятель предложил им чай. Юйцяо распорядилась, чтобы оставили несколько *ланов серебра в качестве пожертвований храму, после чего женщины сели в паланкин и отбыли.

Прошла ночь. На следующий день утром Юйцяо вместе с госпожой Ян снова отправилась в храм. На этот раз они поехали в храм божества Эрлана. И вот тут-то и случилось удивительное, необыкновенное происшествие. Поистине,

*Известно давно,
что слово — крючок,
И ловятся им
неприятности только.*

Но не будем многословны. Итак, Юйцяо вместе с сопровождающими ее людьми прибыла в храм. Настоятель их встретил, было зачитано молитвенное обращение, возжжены курильные свечи, совершены поклонения. Тут на какой-то момент жена министра отошла чем-то полюбоваться, а Юйцяо тем временем приблизилась к окаймленной золотом шелковой занавеске, за которой должно было находиться изображение божества Эрлана, и легонько, кончиком пальца приподняла ее. Не загляни она за эту занавеску, ничего бы и не произошло. Но то, что она увидела, так ее поразило, что она стояла, словно завороченная:

*Повязка в золотых цветах на голове,
Расцветенный халат пурпурный,
Украшенный нефритом пояс,
Узоры-фениксы парят на черных сапогах.
И хоть из глины, дерева была фигура,
Но белизной сверкали зубы, искрились глаза.
Казалось, столько было в ней душевного порыва,
Что, чуть вдохни в нее дыхание живое,
Раскроет божество уста, заговорит.*

От одного взгляда на божество у Юйцяо в глазах словно потемнело, и душу охватило смятение. И тут, помимо сознания, у нее вырвались слова, которые вслух не произносятся:

— Если еще суждено что-то в жизни, выйти бы замуж за такого, который похож на это божество! Ничего большего не желала бы.

В это время к ней подошла жена министра.

— О чем это вы молитесь? — спросила она Юйцяо.

— О нет, я ничего не говорила, — спохватившись, ответила та.

Жена министра не стала допытываться. Они погуляли еще по храму, к вечеру вернулись домой и разошлись отдыхать. Вот уж поистине,

*Коль хочешь знать, что на уме у человека, —
На языке что у него, послушай.*

Возвратясь к себе, Юйцяо переделалась в домашнее платье и прибрала по-домашнему волосы. Подперев ладонью щеку, она молча сидела, и в мыслях у нее только и было божество Эрлан. Но вдруг, приняв какое-то решение, она велела служанке приготовить столик для возжигания курений. И вот в саду, в тихом уединенном месте, подняв взор к небу, она стала молиться: «Если суждено мне еще что-то хорошее в жизни, то выйти бы мне замуж за такого мужчину, который был бы похож на Эрлана, — это куда лучше, чем возвращаться во дворец и страдать от бесконечной тоски и печали!» Тут она не удержалась, и слезы бисеринками покатались по щекам.

Бесплодные мечты, несбыточные надежды! Что и говорить! Но Юйцяо кланялась и снова молилась, молилась и снова била поклоны. И кто мог бы подумать, что на свете случаются такие удивительные вещи. Когда Юйцяо закончила свою долгую молитву и уже собралась было вернуться к себе, внезапно словно гром раздался за кустами и перед ней предстал какой-то человек:

*Глаза божественны, величественны брови;
уста пурпурны, белизной сияют зубы.
Весь легок, словно в мир иной
вот-вот он вознесется;
Как облаков едва заметный ход,
он плавен, грациозен.
И коль не житель он
священных гор и островов,
Наверняка тогда бессмертный,
что воздухом одним и чистою росой живет.*

Внимательно взглядевшись, она признала в нем то самое божество, которое видела в храме. В руке он держал самострел, стреляющий шариком, и этим напоминал в то же время бессмертного *Чжана-чаодателя.

Страх и радость охватили Юйцяо. Страшно ей было потому, что с неба снизошло божество, и как знать — к добру это или к несчастью. Рада же она была потому, что и следа гнева не видела на лице божества, напротив, легкая улыбка озаряла его чело. Юйцяо чинно его приветствовала и, раскрыв алые губы, обнажив зубы, белые, как яшма, проговорила:

— Раз вы соблаговолили явиться сюда, прошу вас пройти в дом и позволить мне как подобает вам поклониться.

Довольный, улыбаясь, Эрлан последовал за Юйцяо. Войдя в комнату, он спокойно, без всякого стеснения сел. Юйцяо снова поклонилась ему и застыла перед ним.

— Утром я принял ваше подношение, — заговорил Эрлан, — а нынче, прогуливаясь по небесам, услышал вашу искреннюю молитву. Мне известно, что в вас заложено божественное начало и что вы являетесь бессмертной — одной из тех, кто бывает на пиру в обители *Си Ван-му. Но оказалось, вы не смогли отрешиться от мирских страстей, и небесный владыка *Юй-ди в наказание за это сослал вас в мир сует. Вам дано было попасть в императорский дворец, чтобы вы могли пользоваться достатком и почестями. Когда срок наказания истечет, вы снова вернетесь в обитель богов и духовное блаженство ваше будет беспредельно.

Услышав такое, Юйцзяо чрезвычайно обрадовалась и, снова кланяясь, проговорила:

— О божество! Я не хочу возвращаться во дворец. И если суждено мне еще что-то хорошее в жизни, то выйти бы мне за какого-нибудь порядочного человека, который внешностью был бы похож на вас. С ним бы я прожила жизнь до ста лет, и не пропали бы зря мои молодые годы, не пропали бы для меня цветы весны и осенние лунные вечера. А о почестях и достатке в мирской жизни я и думать не хочу.

— Ну что же, это нетрудно, — улыбаясь, сказал Эрлан. — Важно, чтобы вы были тверды в своем решении, тогда сама собой сложится судьба и вы найдете свое даже за тысячи и тысячи *ли.

Сказав это, Эрлан поднялся, вспрыгнул на окно, снова будто раздался гром, и божество исчезло.

Не появившись тут Эрлан, все было бы ладно, но когда Юйцзяо увидела его таким, в образе живого человека, она прямо-таки лишилась ума и, словно опьяненная, не раздеваясь, улеглась в постель. Но сладостное чувство томления не давало ей заснуть, и она только ворочалась с боку на бок. Разное приходило ей в голову. Она пыталась заставить себя отбросить одолевавшие ее мысли, но, не замечая того, разговаривала сама с собой: «Вот был он здесь только что, глядели мы друг другу в глаза, столько чувств было в его взгляде! Почему же он так внезапно ушел? Должно быть, из-за того, что у меня были неподобающие помыслы. Да, у божества, разумного и светлой души, на уме, конечно, не то, что у простых смертных. Но вид у него... да и держится он, улыбаясь, ну прямо как обычный человек, — продолжала рассуждать вслух Юйцзяо. — Так неужели же красота моя ничуть его не тронула? Нет, вероятно, я просто сглупила. Наверное, надо было проявить больше внимания и ласки, а тогда будь он из железа или камня, и то не остался бы равнодушен. Да, упустила нынче случай, а когда еще доведется встретиться!» И от этих мыслей она никак не могла избавиться. Поистине,

*Ночь любви коротка,
Час тоски бесконечен.*

Юйцзяо уже не терпелось, чтобы настало утро: казалось, там будет виднее, как быть. Но когда начало светать, она заснула и проспала до самого полудня. У нее не было никакого настроения что-либо делать, она только и ждала вечера.

Вечером она снова велела поставить в саду столик для курения и опять стала молиться: «О, если бы мне еще раз увидеть вас, божество, я была бы счастлива и в нынешней жизни и во всех будущих перерождениях!»

Не успела она произнести эти слова, как вдруг раздался уже знакомый ей громоподобный звук и божество Эрлан снова предстало перед ней. Юйцяо была вне себя от радости; печаль и тоска, накопившиеся за томительный день ожидания, растаяли, словно лед. Подойдя к божеству, она поклонилась ему и, уже не отдавая себе отчета в том, что делает, сказала:

— Прошу вас, подойдите ко мне, я бы хотела поведать вам свои сокровенные мысли.

Улыбка озарила лицо Эрлана, он взял Юйцяо за руку, и они вместе прошли в ее покои. Эрлан сел посреди комнаты, а она, поклонившись и поприветствовав его, стала в сторонке.

— Ведь в вас есть божественное начало, вы можете сесть, — сказал ей Эрлан.

Тогда Юйцяо скромно присела и приказала служанке подать вино, сладости и фрукты. Одну за другой, они выпили несколько чарок, и Юйцяо вот-вот уже была готова высказать то, что у нее на душе. Не случайно говорят:

**Весна — пора спроса на чай.
Вино — лучшая сваха в любви.*

Но вдруг вместо всяких слов Юйцяо сбросила с себя одежду и прильнула к устам Эрлана.

— Если вы не пренебрежете мной, то, может, оставите, хоть на миг, вашу небесную колесницу и предадитесь мирским чувствам, — проговорила она.

Эрлан радостно кивнул, и рука об руку они направились к ее ложу. Вместе они провели всю ночь. Утром, сказав Юйцяо, чтобы она берегла себя и что они еще встретятся, Эрлан встал, оделся, взял самострел и вспрыгнул на окно. Раздался громоподобный звук, и он исчез.

Полная уверенности в том, что снизошло к ней божество, Юйцяо была бесконечно счастлива. И хотя она чувствовала, что выздоравливает, однако опасалась, как бы жена министра не начала снова предлагать ей вернуться во дворец, и потому делала вид, будто ей совсем худо. Днем она старалась даже не улыбаться, лишь вечером, помимо воли, становилась воодушевленной и радостной. И когда являлся Эрлан, они, выпив две-три чарки, в блаженстве проводили ночь, а утром Эрлан исчезал.

Так продолжалось не один день.

Наступила прохладная пора. Император, как обычно, велел раздать всем во дворце осеннюю одежду, и тут вспомнил о Юйцяо. Призвав одного из евнухов, он распорядился, чтобы тот взял положенные для осени теплые вещи, пояс, украшенный нефритом, и направился в дом министра Яна.

Когда явился посланец от императора, Юйцзя велела приготовить столик для курений, земно кланялась и благодарила.

— Рад, что вы в добром здравии, — сказал евнух, обращаясь к Юйцзя после церемонии. — Император думает о вас и вот прислал вам шелковую осеннюю одежду, нефритовый пояс; велел справиться, как вы себя чувствуете, и выразил желание, чтобы вы не задерживались с возвращением во дворец, если поправились.

— Я еще не совсем здорова, — говорила Юйцзя, угощая посланца чаем. — Так что прошу вас сделать одолжение соответствующим образом доложить об этом императору, чтобы мне было разрешено пока побыть еще здесь. Очень буду признательна и всецело полагаюсь в этом на вас.

— Ну что ж здесь такого, — отвечал евнух. — Были бы вы во дворце одна и если не хватало бы только вас — другое дело. Вернусь и доложу, что вы еще не поправились, что надо вам окрепнуть и потому вы вынуждены пока повременить с возвращением.

Юйцзя поблагодарила посланца, и он откланялся.

В тот же день вечером, как обычно, явился Эрлан.

— Рад, что император по-прежнему питает к вам добрые чувства, — сказал он Юйцзя и спросил: — А можно мне взглянуть на шелковую одежду и нефритовый пояс, которые прислал вам император?

— Как вы узнали об этом? — удивилась Юйцзя.

— Я вижу все и знаю все, что делается на свете. А уж о таком пустяковом деле как мне не знать!

Юйцзя достала халат и пояс и показала их Эрлану.

— Вообще-то ценными вещами человеку не надлежит пользоваться одному, — сказал Эрлан. — Кстати, мне как раз недостает нефритового пояса. Не пожертвуете ли мне его? Это было бы вашим благим деянием.

— Что пояс? Я сама вся ваша и счастлива этим. Берите, если он вам нужен, и все.

Эрлан поблагодарил, и они снова предавались любви. Утром Эрлан встал, взял самострел, пояс, вскочил на окно и исчез как обычно. Но не случайно говорят:

*Не дознаются люди о том лишь,
Чего сам никогда ты не делал.*

Напомним, что когда Юйцзя поселилась в доме министра, то половина строений с садом была отгорожена и отведена для нее. Таким образом, Юйцзя жила как бы совсем отдельно. Но поскольку она была дамой из императорского дворца, сад ее особенно тщательно охранялся, хотя все и понимали, что в дом министра, да еще в его внутреннюю часть, находящуюся в глубине резиденции, вряд ли кто посторонний посмеет проникнуть. И все же министр заметил, что в той части сада, где живет Юйцзя, в последнее время вечерами допоздна светится огонек; ему показалось даже, что там кто-то все время разговаривает. Не ускользнуло от него и то, что та стала оживленной и радостное выражение не сходило с ее лица. Все это повергло министра в недоумение. Он не раз задумывался над этим и как-то спросил жену:

— Не кажется ли тебе, что с госпожой Хань происходит что-то неладное?

— Должна признаться, что у меня зародились кое-какие подозрения, — ответила та. — Но за воротами у нас следят строго, поэтому я и подумала: что здесь может особое произойти. Однако раз уж и вы заговорили об этом, то надо выяснить; благо, это нетрудно. Пусть кто-нибудь из слуг половчее вечером потихоньку перелезет к ней в сад, посмотрит, поглядит, что там творится, и будет все ясно. А то, может, зря плохо думаем о человеке.

Он тут же позвал двух слуг, велел им взять лестницу, приставить ее к стене, а когда стемнеет, перелезть на ту сторону, посмотреть, что происходит в комнате у госпожи Хань, и сразу же доложить ему. Причем министр предупредил, чтобы они ни в коем случае не входили на половину Юйцяо через ворота, что дело это чрезвычайно серьезное и нужно быть очень осторожными. Получив распоряжение, слуги ушли.

Министр стал с нетерпением ждать, что они ему сообщат. И вот часа через четыре слуги наконец вернулись. Они попросили министра удалить всех из зала и только тогда доложили, что в комнате у Юйцяо сидит какой-то незнакомец, что они пьют вино и беседуют. «Причем, — говорили слуги, — госпожа Хань все время называет его божеством. И вот мы подумали: может быть, это действительно какое-то божество. Ведь стены у нас высокие, дом охраняется надежно, и какому-нибудь проходимцу, будь он хоть с крыльями, и то туда не залететь!»

Министр не на шутку перепугался.

— Удивительно! Неужели может быть такое! — воскликнул он. — Смотрите, чтобы мне без вранья, — пригрозил он слугам, — это ведь дело серьезное.

— И на полслова мы не соврали, — отвечали те.

— Ладно, обо всем этом должны знать только я и вы. Смотрите, никому не проговоритесь!

Слуги поклонились и ушли.

Министр рассказал о том, что узнал, жене и добавил:

— И все же я должен собственными глазами все это увидеть. Завтра я сам отправлюсь туда и посмотрю, как выглядит это божество.

На следующий день, вечером, он позвал тех же слуг и наказал им:

— Из вас двоих один переберется со мной туда, а другой останется снаружи, возле стены, и будет ждать. Но чтобы никто об этом не знал.

Через некоторое время министр вместе с одним из слуг был в саду Юйцяо, тихонько подошел к окну ее комнаты и заглянул в щелочку. Слуги не соврали: в комнате действительно сидел какой-то неизвестный ему человек, похожий на божество. Министр хотел было закричать, поднять шум, но побоялся, что ему самому при этом несдобровать. Оставалось только молча, затаив гнев, прежним путем вернуться к себе. Слугам он еще раз приказал, чтобы они не смели болтать.

Удалившись во внутренние покои, министр рассказал жене о том, что увидел, и поделился с ней своими мыслями:

— Наверно, госпожа Хань, когда была еще совсем молоденькой, не сумела совладать со своими чувствами и навлекла на себя какую-то нечисть, которая теперь здесь оскверняет даму из императорского дворца. Это проделки не простого человека. Надо будет пригласить даоса-заклинателя: пусть расправится с этим существом. Ты пойдешь и расскажи госпоже Хань все, как есть, и предупреди ее, — попросил он жену, — а я распоряжусь, чтобы пригласили закливателя.

Утром следующего дня жена министра пошла к Юйцяо. Та вышла ей навстречу, провела к себе. Выпив чаю, жена министра отослала служанок и, когда осталась с глазу на глаз с Юйцяо, сказала:

— Мне нужно кое о чем вас спросить. С кем это вы у себя в комнате каждую ночь подолгу разговариваете? Кое-что, правда, дошло до моих ушей, но дело это настолько серьезное, что вы должны мне сами все, как есть, рассказать, ничего не утаивая.

Юйцяо залилась краской.

— Я ни с кем посторонним ночью в комнате не разговаривала. Разве что вот с нянями переброшусь словом-другим от нечего делать. Кто из посторонних может попасть сюда? — отвечала она.

Тогда жена министра подробно рассказала о том, что видел накануне ночью ее муж.

Перепуганная насмерть, Юйцяо застыла с широко раскрытыми глазами, не зная, как ей быть.

— Не тревожьтесь, пожалуйста! Не тревожьтесь! — успокаивала ее жена министра. — Муж уже велел пригласить закливателя, и, когда он придет, выясним, что это за существо является к вам. Однако вечером, — продолжала она, — вы должны быть осторожны. Только ничего не бойтесь.

С этим жена министра ушла, оставив Юйцяо в полной растерянности и в страхе.

Эрлан явился в тот вечер, как только начало темнеть. Как и всегда, когда бывал у Юйцяо, он не расставался с самострелом и держал его возле себя.

Тем временем известный даос-заклинатель Ван, ученик праведного Линя из храма Линцзи, уже был в доме министра и приступил к заклинательным действиям.

Когда стемнело, слуги доложили, что тот, кого ждут, уже здесь. Тогда Ван набросил на себя магическую накидку и, держа в руках меч, с величавым видом быстро направился в сад и прошел прямо в комнату Юйцяо.

— Что ты за нечисть такая! Как смеешь позорить даму из императорского дворца! — закричал даос и бросился с мечом на Эрлана.

— Потихе, потихе! — спокойно произнес тот и

*Левой рукой,
словно гору *Тайшань поднимая,
Правою,
будто к груди прижимая младенца,*

*Натянул тетиву —
полной луною лук изогнулся,
Звездой стремительной
вылетел шарик.*

Шарик угодил даосу в висок, потекла кровь, заклинатель выронил из рук меч, упал. Люди бросились к нему, подняли и унесли. Эрлан тут же вскочил на окно — раздался громоподобный звук, и он исчез. Чем же в конце концов все это кончилось?

*Расскажешь —
земле и небу страшно станет;
Поведаешь —
охватит ужас духов и богов.*

Когда Юйцяо увидела, как Эрлан расправился с заклинателем, она окончательно уверовала в то, что к ней снизошло настоящее божество, перестала тревожиться и успокоилась.

Что касается министра Яна, то он понял: даос Ван недостаточно искусен в своем деле. Поэтому, дав заклинателю денег на лечение, министр приказал своим людям проводить его до храма.

Затем он распорядился, чтобы пригласили некоего Паня, даоса из храма Уюэгуань. Даос этот славился искусством поражать *«громом из кулака»; был он известен также как человек серьезный, мудрый и находчивый. Он не замедлил явиться, и министр подробно рассказал ему обо всем случившемся.

— Пусть кто-нибудь проведет меня в тот сад, — попросил даос, — хочу посмотреть, каким путем он приходит, как уходит, чтобы понять, человек это или нечисть какая.

Паня тут же провели в сад, где находились покои Юйцяо. Осмотрев все вокруг, он затем попросил, чтобы Юйцяо вышла к нему, и, поклонившись ей, стал разглядывать ее лицо.

Возвратившись к министру, Пань сообщил:

— Господин министр, на мой взгляд, и выражение лица госпожи Хань, и все линии на ее лице говорят о том, что никакая нечисть не коснулась ее. Это просто проделки какого-то негодяя, который владеет колдовским искусством. Но я знаю, как быть и что делать. Тут не нужны ни заклинательные надписи, ни заговоренная вода, ни барабаны, ни колокольчики. Пусть только пожалует, я тотчас схвачу его, как черепаху в жбане. Боюсь одного: раз он теперь знает, что его здесь ждут, то и вообще не явится. Тогда уж ничего не поделаешь.

— Если он больше не придет, значит, с этим покончено, и ладно, — сказал министр. — Ну, а пока побудьте здесь, побеседуем, пождем.

Рассказчик, скажете вы, если этот человек, выдающий себя за Эрлана, не глуп, достаточно сообразителен и действует, учитывая обстоятельства, то он, как сорвавшийся с нитки бумажный змей, не должен был бы возвращаться сюда. Вышло бы, что он и благами какими-то здесь попользовался, и в то же время сохранил свое достоин-

ство и свою честь. Искал бы себе счастья и удачи в каком-нибудь другом месте — чего же лучше?! Так-то это так, но часто забывают о том, что

*Счастья не пытаются дважды,
Не ждут удачи за удачей.*

И Эрлан, кем бы он ни был — человеком или нечистой силой, отдавав сладкого и утратив всякое чувство меры, следующим вечером снова явился к Юйцяо.

— Прошу вас, не вините меня за вчерашнее, — сразу же сказала она. — Я не знала, что может произойти такое, что с вами поступят неподобающе. Но, к счастью, с вами ничего худого не случилось, — добавила она.

— Я ведь небожитель, — отвечал Эрлан. — И раз мы связаны неземными узами, я призван помочь вам, чтобы вы в конце концов освободились от мирской плоти и вознеслись на небеса. А тот вчерашний заклинатель — просто глупец, — продолжал он. — Не знал, что тысячам, даже десяткам тысяч воинов не одолеть меня.

Юйцяо прониклась к Эрлану еще ббльшим почтением, и в этот вечер они были особенно счастливы и нежны друг с другом.

О появлении Эрлана немедленно доложили министру Яну, а тот сказал об этом Паню. Тогда Пань посоветовал министру отправить к Юйцяо служанку якобы прислуживать Юйцяо и наказать той, чтобы она незаметно унесла самострел Эрлана. Сам Пань переоделся в одежду, плотно облегающую тело, попросил только, чтобы ему дали надежную палку и — без всякой магической накидки, без меча — в сопровождении двух слуг, которые должны были освещать ему путь, направился на половину Юйцяо.

— Если вы боитесь самострела, — бросил он на ходу слугам, — то спрячьтесь, я войду один — мне-то его самострел не страшен.

«Ну и болтун! Погоди, и в тебя он закатит свой шарик!» — мысленно усмехались слуги.

Между тем посланная к Юйцяо служанка была уже там.

Улучив момент, когда Эрлан с Юйцяо подняли чарки, служанка потихоньку унесла самострел и спрятала его.

Слуги с даосом Панем к тому времени подходили к дверям Юйцяо.

— Пришли! — сказали слуги и, оставив заклинателя, метнулись прочь и притаились в саду.

Откинув занавеску в комнате Юйцяо, Пань увидел то самое божество, спокойно там восседавшее. С громким криком Пань бросился вперед и замахнулся на него палкой. Эрлан потянулся к самострелу, но того на месте не оказалось.

— Ловушка! — вскрикнул Эрлан и тут же, увернувшись от удара, вскочил на окно.

Рассказывать долго, а произошло все это в какое-то мгновение. Даос угодил палкой Эрлану по ноге, и тотчас что-то полетело на землю. Одновременно прогремел раскат грома, и Эрлан исчез.

Пань поднял то, что упало, и при свете светильника увидел обыкновенный черный полусапог с четырьмя швами. Забрав сапог с собой, Пань направился к министру.

— Да, должно быть, действительно здесь какой-то негодяй-колдун безобразничает, — сказал он министру, — и все это не имеет никакого отношения к настоящему божеству. Только как поймать этого негодяя?

— Благодарю, извините, что пришлось утруждать вас, — проговорил министр. — Возвращайтесь пока к себе. Я теперь сам предприму, что следует.

Получив вознаграждение, даос ушел.

Министр тут же приказал подать паланкин и отправился к Цай Цзину, старшему наставнику наследника императора. В кабинете у Цай Цзина министр рассказал обо всем, что произошло у него в доме.

— Неужели так это и оставить?! Ведь смеяться же будет над нами этот мерзавец! Позор просто! — заключил он свой рассказ.

— Ну, дело это несложное, — сказал в ответ Цай Цзин. — Пусть нынче же начальник области заберет этот сапог — он послужит, как говорится, нитью, — выделит ловких и толковых людей, прикажет им во что бы то ни стало найти виновного, а когда его поймут, судить по закону.

— Благодарю вас за указание, — проговорил министр, собираясь откланяться.

— Нет, вы посидите, — сказал Цай Цзин и тут же отправил своего управляющего Чжана за начальником области. Тот не замедлил явиться. После положенных приветствий Цай Цзин рассказал начальнику области, господину Тэну, о случившемся.

— Как можно, чтобы возле самой обители императора творилось такое безобразие? Невероятно! Этому случаю вы должны уделить особое внимание и не допускать здесь небрежения. Ведь это не шутки! В то же время, конечно, не следует, как говорится, зря бить палкой по траве и только змей пугать — упустите преступника, — чуть ли не в один голос говорили Цай Цзин и министр.

Услышав такое, начальник области посерел от страха.

— Положитесь на меня, — ответил он, взял сапог и поспешил проститься.

Вернувшись к себе в *ямэнь, господин Тэн тут же прошел в зал присутствия и распорядился, чтобы к нему вызвали ведающего группой сыска инспектора Вана. Когда тот явился, он велел служителям удалиться, а затем уже рассказал Вану обо всем, что ему только что стало известно.

— Три дня даю тебе сроку. Чтобы человек этот был пойман, чтобы был у меня здесь! — сказал в заключение начальник. — Но делать надо все тихо, без шума — сначала следует все проведать. Поймаешь — будешь награжден, нет — достанется тебе сполна.

С этими словами Тэн покинул зал присутствия.

Упрятав сапог, инспектор Ван вернулся к себе и собрал своих подчиненных. Те сразу, конечно, обратили внимание на то, как сокрушенно инспектор вздыхает, как у него

*Замком печали сомкнуты брови,
Словно море забот на душе.*

Следует сказать, что одним из старших группы сыска у инспектора Вана был некий Жань Гуй, которого обычно называли «Жань старший». Находчивый и изобретательный, Жань Гуй за время службы у инспектора Вана сумел распутать немало трудных дел, и Ван очень его ценил и любил. Видя нахмуренные брови и мрачное выражение лица начальника, Жань Гуй не стал ни о чем его спрашивать и завел разговор как ни в чем не бывало о том, о сем, на самые различные, не имеющие никакого отношения к делу сыска темы. На озабоченность инспектора никто не обращал внимания. Тогда Ван вытащил из-за пазухи сапог и швырнул его на стол.

— Сущее наказание быть служителем ямэня! — проговорил он при этом. — И есть же на свете такие болваны-начальники. Сапог-то — вещь бессловесная, рассказать ничего не расскажет, а мне, видите ли, дают три дня на то, чтобы поймать человека, который учинил безобразие в резиденции министра и которому принадлежит вот этот сапог. Смешно вам, да? — заключил он и тут же поведал, в чем дело.

Все стали рассматривать сапог, передавая его из рук в руки. Когда сапог положили перед Жань Гуем, тот даже не взглянул на него.

— Да, трудное, трудное дело! — проговорил он. — Ну и безмозглые же эти начальники. То-то, инспектор, ты так расстроен!

Не слышать бы инспектору Вану этих слов.

— Что ты, Жань старший, заладил: «трудно» да «трудно», — возмутился он. — Так и оставить это дело, что ли? В каком же положении оказываюсь я, ваш так называемый начальник? С чем явлюсь к начальнику области? Что скажу ему? — не унимался Ван. — Сами ведь небось не первый день у меня на жизнь зарабатываете, а только и слышу от вас: «трудно» да «трудно».

— Когда дело касается бандита или вора, можно что-то предпринять, а здесь какой-то колдун. Что мы можем с ним поделывать? — оправдывались подчиненные Вана. — Если бы с ним легко было совладать, даос Пань сразу схватил бы его в тот вечер. А то даже сам Пань оказался перед ним бессилён — сбил с него сапог, и только. Не повезло нам, — продолжали они, — надо же, чтобы свалилось на нашу голову такое дело! Неизвестно даже, с какого конца за него взяться. Действительно, так просто с этим не справиться.

Справедливые доводы сыщиков окончательно обескуражили раздосадованного инспектора.

— Ну ладно, не падай духом, не огорчайся прежде времени! — спокойно проговорил вдруг Жань Гуй. — Небось такой же он простой смертный, как и все, — не шесть же рук у него и три головы?! Надо только найти зацепку, и тогда можно будет попробовать разобраться.

Жань Гуй взял сапог, стал вертеть его, рассматривать со всех сторон, не выпуская из рук.

— Ну вот, наш старина Жань опять за свое, — подсмеивались над ним сыщики. — Что сапог-то этот столько разглядывать? Невидаль, что ли, какая? Кусок кожи окрасили в черный цвет, прошили ниткой,

подложили голубую подкладку, вогнали колодку, набрали в рот воды да и опрыснули — вот и получилась тугой красивой формы обувка.

Жань Гуй не обращал на их слова никакого внимания: напротив, он подошел к светильнику и стал еще пристальнее рассматривать сапог: четыре шва, стянуты туго, отличная работа... И тут он заметил, что в одном месте шов на носке будто бы чуть разошелся. Ногтем Жань Гуй несколько раз машинально провел по этому месту — двойная нить лопнула, и кожа слегка оттопырилась. Заглянув под кожу, Жань Гуй увидел голубую подкладку, а между подкладкой и кожей — какую-то белую бумажку. Засунув туда два пальца, он вытащил бумажку и, когда взглянул на нее, чуть не ахнул, словно нашел в ночи сверкающий бриллиант. И начальник группы, взглянув на лоскуток, так просиял, будто счастье с неба свалилось.

Тогда и все остальные бросились разглядывать бумажку. Оказалось, что на ней написано: «Изготовлено мастером Жэнь Иланом в третьем году Сюань-хэ, в пятый день третьего месяца».

— Нынче у нас четвертый год, — проговорил Ван, обращаясь к Жань Гую. — Ясно, что сапог этот сшит не ранее чем два года назад. Надо сразу взять этого Жэнь Илана, тогда можно будет считать, что виден конец дела.

— Нет, не сейчас — не стоит в такое позднее время тревожить его, а то насторожится, — сказал Жань Гуй. — Лучше завтра направим к нему кого-нибудь, скажем, что начальник области просит его явиться, хочет, мол, поручить ему какую-то работу, а вот когда он придет, тут уж мы скрутим его, и он выложит все, как есть.

— А голова у тебя все-таки толковая! — похвалил Ван.

Расходиться они не стали, всю ночь провели за вином, а когда рассвело, двое служащих помчались к Жэнь Илану и вскоре привели его в помещение группы сыска. Здесь церемониться с ним уже не стали — повалили на пол и скрутили.

— Мерзавец ты этакий! Смелые же вытворяешь шутки! — кричали на него служители.

— Скажите по-хорошему, в чем дело?! — закричал сапожник. — Чем я провинился? Почему вы связали меня?

— О чем говорить еще! Сапог этот из твоей мастерской? — бросил инспектор.

Внимательно разглядев сапог, Жэнь Илан ответил:

— Уважаемый начальник! Сапог этот действительно сшил я. Но только послушайте меня. С тех пор как я завел свое дело, все заказы я заносу в специальную тетрадь — то ли это заказ для какого-нибудь начальника, то ли обувь, которую покупает проезжий человек. В тетради все указано: в каком году, в каком месяце, кто заказал или кого прислали сделать заказ. И даже внутрь обуви, — продолжал сапожник, — я всегда вкладываю бумажный ярлык с записью, когда она изготовлена. Если не верите, разрежьте сапог и там найдете такую бумажку — прочтете, и все будет ясно.

Видя, что Жэнь Илан говорит правдиво, по существу, Ван приказал:

— Ладно, развяжите его! Он как будто не врет. Потолкуем по-хорошему.

Сапожника развязали.

— Илан, не обижайся! Мы действуем по поручению начальства. Пришлось так поступить, — продолжал начальник сыска, обращаясь к сапожнику, и передал ему бумажку, вынутую из сапога.

— Ну, это не сложно выяснить, — проговорил сапожник, взглянув на бумажку. — Сапог сшит в прошлом или в позапрошлом году; но даже если бы он был сделан лет пять назад, все равно — тетрадь с записями я храню у себя, можно послать людей ко мне домой, взять ее, и тогда будет ясно, кому принадлежит этот сапог.

Двум служащим было велено сопровождать Илана. В лавке сапожника они нашли нужную тетрадь и тут же вместе с Иланом помчались назад.

Начальник сыска сам стал листать страницы записей, и когда дошел до записи третьего года, третьего месяца, пятого дня, то не на шутку перепугался. Оказалось, что в этот год, в этот месяц и в этот день сапоги заказывал управляющий Чжан, ведавший делами в доме Цай Цзина, наставника наследника престола.

Ни слова не говоря, Ван взял сапог и тетрадь и, приказав Илану следовать за ним, чуть ли не бегом направился к начальнику области. Начальник, с нетерпением ждавший известий от Вана, сразу же вышел в зал присутствия. Ван доложил ему о сапожнике и подал тетрадь.

— Ах вот как! — воскликнул в тревоге начальник, сличив запись в тетради с тем, что было написано на бумажном ярлыке, вынутом из сапога, и задумался, не зная, верить всему этому или нет. — Раз так, — вымолвил он наконец, — Илан тут ни при чем. Отпустить его.

Илан земно кланялся и благодарил. Когда сапожник направился к выходу, начальник остановил его:

— Постой! Отпускать-то я тебя отпускаю, но смотри: чтоб никому ни слова об этих сапогах. Если спросят, зачем за тобой посылали, сошлись на какое-нибудь дело, не имеющее к этому отношения. Не забудь!

— Понимаю, — ответил тот и, радостный, удалился.

Начальник области прибрал сапог и тетрадь, приказал подать паланкин, чтобы направиться к министру Яну. Начальнику сыска и Жань Гую велено было сопровождать его. К этому времени министр как раз вернулся после присутствия из императорского дворца. Ему доложили о начальнике области, и он тут же вышел в зал.

— Хотелось бы не здесь отдать вам отчет о порученном деле, — попросил начальник области после приветствий. Тогда министр повел всех троих в небольшой садик в стороне от главного здания — там находился его кабинет, — и они прошли внутрь без прислуги. Тут начальник области рассказал обо всем, что удалось выяснить.

— Сам я не осмелился принять какого-либо решения, — добавил он под конец и спросил: — Как прикажете теперь поступить?

Разглядывая запись в тетради и бумажный ярлык, министр рассуждал про себя: «Не может быть, чтобы наставник — такой важный государственный сановник и один из самых знатных людей — был

причастен к этому делу. Вероятно, кто-то из его приближенных совершил такую пакость».

Он уже собрался было взять сапог и явиться к Цай Цзину, чтобы расспросить его лично, но затем решил, что не стоит: неудобно, наставник может обидеться. Приходило ему в голову и другое: оставить все это, замять дело. В то же время он понимал, что дело это чрезвычайно серьезное и о нем уже многим известно — прошло оно через руки двух государственных чинов, к тому же сыщиками был арестован сапожник, которого затем допрашивали. Следовательно, оставить дело не доведенным до конца нельзя: рано или поздно все это может дойти до кого-нибудь, да еще неизвестно до кого, — тогда неведением не отделаешься, а если при этом еще попадешь под гневное настроение императора, то кара последует немалая.

Думал он, думал и наконец велел инспектору Вану и Жань Гую возвращаться к себе. Сам же взял сапог и тетрадь и, приказав подать паланкин, вместе с начальником области отправился прямо туда, куда решил явиться. Вот уж действительно,

*Бывает, истопчешь железный башмак —
ищешь — не можешь найти,
И видишь вдруг — вот оно то, что искал:
где-то совсем под рукой.*

Итак, министр вместе с начальником области направились прямо в резиденцию наставника наследника императора. Ждать им пришлось довольно долго, пока докладывали наставнику, и вот наконец Цай Цзин велел провести их к нему в кабинет. После взаимных приветствий, когда хозяин и гости отпили по глотку чаю, Цай Цзин спросил:

— Ну, как то дело? Выяснено уже что-нибудь?

— Да. Преступник уже известен, — отвечал министр. — Но дело в какой-то мере касается вашего доброго имени, поэтому мы не решаемся схватить его.

— Да ведь дело это исключительно важное... Разве могу я тут вмешиваться и защищать кого бы то ни было!? — ответил Цай Цзин.

— Даже если вы не станете защищать этого человека, некоторых неприятностей вам не избежать.

— Да кто же это такой, что вы не смеее поступить с ним, как следует поступать в подобных случаях?

— Удалите, пожалуйста, ваших слуг, — попросил министр, — и тогда я решусь доложить вам.

Цай Цзин немедленно удалил слуг. Министр раскрыл небольшой короб и достал оттуда тетрадь. Когда Цай Цзин прочел соответствующую запись, министр проговорил:

— Как вы видите, дело касается вашего человека, и решать, как нам действовать, по-видимому, следует вам самому.

— Странно, странно, — не переставая повторял Цай Цзин.

— Это чрезвычайно важное происшествие, — говорил министр, — так вы уж извините меня.

— Я вас и не виню, я только недоумеваю, на ком мог быть этот сапог.

— В тетради ясно значится, что заказ был сделан вашим управляющим Чжаном, и так ведь оно и есть, — ответил министр.

— Чжан Цянь только заказывал эти сапоги, но он их сдал, и, следовательно, к нему это не имеет никакого отношения, — отвечал Цай Цзин. — У меня в доме всеми вещами — шляпами, одеждой, туфлями, носками и прочим — ведают пожилые служанки. Если мы заказываем что-нибудь из вещей, если получаем что-то в дар или сами что-нибудь дарим — всегда делается соответствующая запись, в конце каждого месяца подводятся итоги, и никаких недоразумений до сих пор никогда не случалось. Надо будет, пожалуй, проверить записи, и тогда все выяснится.

Цай Цзин тут же велел позвать служанку, ведающую одеждой и обувью. Та не замедлила явиться с тетрадью в руках.

— Каким образом вот эти сапоги, которые мы заказывали, очутились у кого-то на стороне? — спросил у нее Цай Цзин. — Проверь сейчас же.

Служанка стала листать записи, и оказалось, что в середине третьего месяца прошлого года сапоги эти были заказаны по распоряжению самого наставника. Но вскоре после того как их принесли, они вместе с халатом, серебряным поясом и четырьмя веерами были подарены известному ученому *Ян Ши.

Следует сказать, что Ян Ши был в добрых отношениях с Цай Цзином. Когда Ян Ши получил назначение на должность начальника одного из уездов, расположенных неподалеку от столицы, он зашел проститься с Цай Цзином. Будучи философом, Ян Ши не очень обращал внимание на одежду — платье и туфли на нем были поношены. В связи с этим Цай Цзин и решил подарить ему сапоги и остальные указанные в записи вещи.

Цай Цзин передал министру и начальнику области тетрадь, которую принесла служанка, и они сами прочли эту запись.

— Следовательно, эта история не имеет никакого отношения и к вам, уважаемый наставник, — проговорили почти в один голос министр и начальник области. — Простите нас за высказанные только что неподобающие слова, но к тому вынудил нас ход дела, — извинялись они.

— Это ведь ваша обязанность, вы так и должны были поступить, и винить вас не в чем, — улыбаясь, отвечал Цай Цзин и продолжал: — Но, не пойму, как же Ян Ши мог позволить себе содеять подобное? Тут что-то не так. Я вызову к себе Ян Ши, расспрошу его об этом сам и выясню, в чем тут дело, благо, уезд его неподалеку отсюда. А вы возвращайтесь, и пусть все остается пока между нами.

Поклонившись Цай Цзину, министр и начальник области простились и ушли.

Цай Цзин тотчас отправил людей с приказом немедленно доставить к нему Ян Ши. Через два дня Ян Ши уже был в столице и предстал перед наставником. После того как подали чай, Цай Цзин заговорил:

— Что же вы, занимаете пост *отца и матери народа, а позволяете себе проделывать невесть какие вещи. Ведь это преступление, о котором страшно и подумать. — Тут Цай Цзин рассказал о деле с Юйцяо.

— Уважаемый наставник, — встав и поклонившись Цай Цзину, начал Ян Ши. — В прошлом году, когда вы щедро одарили меня, я еще не успел выехать из столицы, как стало у меня неладно с глазами. В гостинице, где я жил тогда, мне сказали, что есть тут храм божества Эрлана и что божество это очень отзывчиво. Я просил божество об исцелении и дал обет, что, когда болезнь пройдет, отправлюсь в храм возжечь курения и отблагодарить божество подношениями. Потом с глазами все стало хорошо, и я пошел в храм, где возжег курения. Будучи в храме, я обратил внимание на то, что головной убор и одежда на божестве очень хороши и аккуратны, но на одном сапоге шов разошелся. У божества был величественный вид, и этот сапог портил впечатление. Тогда я пожертвовал божеству те самые сапоги, которые вы соблаговолили мне в свое время подарить. Все, что я сказал сейчас, истинная правда. В жизни своей я не совершал ничего непорядочного, даже темной ночью, когда меня никто не видит. Изучая мудрости *Конфуция и *Мэн-цзы, посмею ли я уподобиться *Дао Чжи? Так что очень прошу вас в этом деле разобраться, — закончил Ян Ши.

Цай Цзин понимал, что такой крупный ученый, как Ян Ши, вряд ли мог пойти на бесчестное дело. Поэтому, выслушав его, сказал:

— Ваше доброе имя мне известно, но мне нужно было установить, как это недоразумение могло случиться. Иначе я сам не знал, как все объяснить другим.

Затем он велел подать обед, после которого распрощался с Ян Ши, попросив его никому ни о чем не рассказывать.

От Цай Цзина Ян Ши отправился обратно к себе в уезд. Вот уж действительно,

*Коль днем не совершил худого,
То ночью стук в ворота не страшит.*

После ухода Ян Ши Цай Цзин велел пригласить к себе министра Ян Цзиня и начальника области. Он рассказал им о разговоре с Ян Ши.

— Получается, что и Ян Ши тут ни при чем. Придется вам, уважаемый начальник области, приложить усилия и продолжить розыск, — добавил в заключение Цай Цзин.

Возразить что-либо на это начальник области, конечно, не мог. Оставалось только забрать сапог и откланяться. Возвратясь к себе, он снова вызвал Вана и рассказал ему о выяснившихся обстоятельствах.

— Поначалу казалось, что удалось найти концы, а получилось, что во всем этом не больше проку, чем в лепешке, нарисованной на земле, — добавил он под конец. — Заберите обратно этот сапог, и чтобы преступник был схвачен и доставлен сюда. На этот раз даю вам пять дней сроку.

Получив такое распоряжение, Ван очень опечалился и, возвращаясь в сыскное помещение, поведал обо всем Жань Гую.

— Вот гляди, как мне везет! — досадовал Ван. — На великое счастье, благодаря тебе докопались до этого сапожника, и, когда оказалось, что тут замешано имя наставника императорского наследника, я полагал — чин чина выгородит и с делом будет покончено. Так нет, снова требуют найти этого негодяя, да еще срочно. Им невдомек, что ли, что в овощной лавочке нам его не купить. Ну ладно, — перебил он тут себя. — Вот что: Ян Ши отдал эти сапоги в виде подношения Эрлану, следовательно, остается полагать, что именно у этого божества и зародились игривые мысли, кто его знает. Но как найти верные улики, которые можно было бы представить начальнику?

— Если бы ты не заговорил об этом сейчас, я бы сам поделился с тобой той же мыслью, — отвечал Жань Гуй. — Я тоже считаю, что и сапожник, и начальник уезда Ян Ши — оба тут ни при чем. Остается полагать, что это проделки божества Эрлана. Только неужто божество способно на такое! — продолжал Жань Гуй. — Наверняка это совершил кто-нибудь из тех, кто владеет колдовским искусством и живет при храме или поблизости от него. Надо будет походить вокруг да около храма и попытаться что-нибудь разузнать. Удастся поймать кого следует — не будем прыгать от радости, а не удастся — расстраиваться тоже не будем.

— Ты прав, — согласился Ван и прибрал сапог. — Пусть тогда будет у меня.

Жань Гуй в тот же день собрал разные мелкие вещи, уложил их в две корзины, взвалил на плечо *коромысло и, вертя в руке барабанчик-погремушку, направился к храму Эрлана.

Оставив ношу возле храма, он вошел внутрь, возжег курения и тихим голосом обратился с мольбой к божеству:

— О всевидящий! Прошу тебя, помоги мне схватить человека, учинившего безобразия в доме министра. Тогда я хоть смою с тебя позор, обелю твое доброе имя.

Затем, земно поклонившись, он вытянул из чаши одну за другой три гадательные бирки — все три предсказывали большую удачу. Поблагодарив божество, Жань Гуй вышел, поднял коромысло с ношей и пошел бродить вокруг храма, посматривая при этом то вправо, то влево. Так он приблизился к какому-то дому, прошел мимо одностворчатой двери, перед которой висела хоть и не новая, но и не совсем старая бамбуковая штора; штора была чуть приподнята.

— Эй, продавец! Подойди сюда! — услышал Жань Гуй и, повернув голову, увидел молодую женщину.

— Что нужно вам? — отозвался Жань Гуй.

— Ты ведь не только продаешь, но и покупаешь? — спросила женщина. — А у меня тут, — продолжала она, — есть одна вещица. Хочу за сколько-нибудь продать ее — мальчишке на сладости. Посмотри, пригодится она тебе?

— Должен сказать вам, молодая госпожа, что корзины мои называются всевмещающими и нет таких вещей, которых бы я не брал. Давайте, покажите!

Женщина крикнула мальчику, чтобы он вынес что-то показать, и тот принес, как бы вы думали, что? Трудно даже поверить... Вот уж действительно,

*План коварный замыслил *Чжао Гао,
и не знали как отвечать —
коня он привел иль оленя.
Сон увидел философ *Чжуан-цзы
и решить, проснувшись, не мог:
во сне он был бабочкой сам
Иль бабочке снится сейчас,
что она философ.*

А принес мальчик не что иное, как полусапог с четырьмя швами — точь-в-точь такой же, какой был сбит с Эрлана даосом Панем.

— Так это же один сапог, не пара, чего ж он стоит! — говорил Жань Гуй женщине, а сам едва сдерживал охватившую его радость. — Ну а сколько вы за него все-таки хотите? — продолжал он. — Только, пожалуйста, не слишком того, поближе к делу.

— Да уж торговаться не стану — мальчишке бы на сладости хватило. Сколько назовешь — столько и ладно, но ты тоже давай почестному, — ответила та.

Тогда Жань Гуй вынул полторы *связки монет и протянул их женщине.

— Вот так, — проговорил он при этом. — Хотите — возьмите, нет — уговаривать не буду. Ведь одна штука из пары — не вещь.

— Подумаешь, полторы связки медяков! Уж прибавь немного.

— Нет, не могу, — ответил Жань Гуй и поднял коромысло на плечо. Тут мальчик заревел, и женщина удержала Жань Гуя.

— Да прибавь хоть сколько-нибудь, и ладно.

— Ну, так и быть, — проговорил Жань Гуй и дал женщине еще двадцать монет. — Но дорого! Дорого!

Бросив сапог в одну из корзин, Жань Гуй поднял коромысло и пошел. «Ну что ж, дело, можно сказать, наполовину сделано, — радостный, думал он про себя. — Только, пожалуй, лучше пока никому ничего не говорить. Разузнаю, кто эта женщина, тогда будет ясно, как правильной действовать».

Он занес свои корзинки к знакомому, жившему у моста Тянь-цинъюа, и вернулся в сыскное отделение. На расспросы Вана Жань Гуй ответил, что пока ничего нового нет.

На следующее утро, после завтрака, Жань Гуй зашел за своими корзинами и снова направился к дому, где жила та женщина. Но она, по-видимому, куда-то уехала, так как на двери висел замок. Подумав немного, Жань Гуй положил на землю коромысло с ношей, а сам пошел дальше, всматриваясь в каждый соседний дом. Возле одного из них перед входом на низенькой скамеечке сидел старик и плел веревку. Подойдя к нему, Жань Гуй вежливо спросил:

— Дядюшка, позвольте узнать у вас, молодая женщина, которая живет вон там, в том доме слева, куда она девалась?

Старик перестал плести и поднял глаза на Жань Гуя.

— А зачем она тебе? — поинтересовался он.

— Видите ли, я скупщик вещей. Вчера я купил у этой женщины старый сапог. Но тогда я хорошенько не разглядел его, а потом понял, что прогадал. Вот хочу теперь вернуть ей сапог и забрать свои деньги.

— Прогадал немного — не беда! — отвечал старик. — Мой тебе совет, лучше не связывайся с ней. Она любовница настоятеля храма Эрлана — Сунь Шэньтуна, а он так искусно владеет колдовством, что ой-ой-ой. Сапог, который она тебе продала, был, наверно, на божестве, а как ему сменили сапоги, Сунь Шэньтун отдал их своей любовнице, чтобы она купила на них сладостей ребенку. Нынче эта женщина отправилась к своим родным, — продолжал старик. — Она уж с давних пор водит знакомство с этим настоятелем. Только вот последние месяца три, не знаю почему, он у нее почти не бывал, а недавно снова стал частенько заглядывать... Значит, ты хочешь забрать у нее свои деньги?! Ни за что она не согласится возратить тебе их, а разозлишь ее — так еще расскажет своему любовнику, и тот такие пустит в ход чертовские штучки, что ничего ты с ним не поделаешь.

— Вот оно как! — проговорил Жань Гуй. — Благодарю вас, дя-дюшка, что вразумили.

Он тут же простился со стариком, взял свою ношу и, радостный, направился в сыскное помещение.

— А! Сегодня тебе, наверно, повезло? — встретил его вопросом начальник сыска.

— Да, — отвечал Жань Гуй. — А ну, дай-ка сюда наш сапог, сейчас посмотрим.

Ван достал сапог, Жань Гуй вынул свой, сличили — точь-в-точь, пара!

— Где ты раздобыл его?! — воскликнул Ван.

— Я же говорил, что божество тут ни при чем. Ясно, что это проделки Сунь Шэньтуна. Сомнений нет, — заключил свой рассказ Жань Гуй.

От радости у Вана ходуном заходили ноги. Тут же он решил отметить эту удачу, достал вино и с чаркой в руке благодарил Жань Гуя.

— Но как теперь его поймать? — говорил Ван. — Боюсь, дойдут до него слухи и он удерет. Плохая будет шутка!

— Ну, это нетрудно, — ответил Жань Гуй. — Завтра приготовим три жертвенные скотины — ягненка, поросенка, теленка, вино и прочее и под видом, что желаем воздать благодарение божеству, придем в храм. Сунь Шэньтун как настоятель, разумеется, встретит нас, и тогда мы без труда схватим его — сигналом будет брошенная на пол чарка с вином.

— Верно, согласен! — ответил Ван. — Но все-таки надо сказать обо всем начальнику и получить его разрешение.

И тут же он отправился к начальнику области и доложил ему, как обстоит дело.

— Ну что ж, поступайте, как считаете нужным, — обрадованный, сказал начальник. — Только будьте осторожны, чтобы не допустить оплошности. Я слышал, что эти чародеи-колдуны способны и становиться невидимыми, и вообще исчезать на глазах у всех. Поэтому надо бы вам иметь при себе противоколдовское средство из свиной и собачьей крови, чеснока, мочи и облить его этой смесью — тогда уж он никуда не денется.

Ван ушел заготавливать необходимое согласно наставлению начальника.

Прошла ночь. На следующее утро Ван со всей своей группой был уже в храме. Людям с противоколдовским средством он велел пока держаться в стороне, но напомнил, чтобы они действовали сразу же, как только схватят Сунь Шэньтуна. Переодевшись в нарядное, подобающее для этого случая платье, Ван и Жань Гуй со своими людьми прошли в зал и возжгли курения.

Сунь Шэньтун вышел к ним, начал читать молитвенное обращение, но не успел произнести и нескольких слов, как Жань Гуй, стоявший неподалеку и наливавший жертвенное вино, бросил чарку на пол. Люди дружно кинулись к настоятелю и скрутили его. Поистине,

*Словно орлы на ласточку ринулись,
Словно тигры ягненка схватили.*

Тут же на голову Сунь Шэньтуна вылили противоколдовское средство. Настоятель знал, что теперь, каким бы ни владел он магическим искусством, он уже ничего сделать не сможет.

Сунь Шэньтуна повели в управление начальника области и дорогой то и дело подгоняли ударами палок.

Услышав, что поймали и привели преступника-колдуна, начальник области незамедлительно вышел в зал присутствия.

— Негодяй ты этакий! — закричал начальник. — Как ты посмел возле самой обители императора вытворять всякую колдовскую чертовщину, осквернять даму из дворца, выманить у нее драгоценности! Говори, если есть у тебя что сказать в оправдание!

Поначалу Сунь Шэньтун все отрицал, но потом, когда применили пытки, понял, что ему не отвертеться, и во всем признался:

— С молодых лет, бродя по свету, я научился магическим приемам, а затем стал даосом в храме Эрлана. Различными путями — где пользуясь чьим-либо покровительством, где иначе — я добился того, что сделался настоятелем этого храма. Однажды я услышал, как госпожа молится о том, чтобы выйти замуж за человека, внешнеюстью похожего на Эрлана. По недомыслию я решил нарядиться так, как было одето божество, осквернил даму, выманил у нее нефритовый пояс. Вот вся правда.

Начальник области приказал принести большую *кангу. Сунь Шэньтуна заковали, бросили в тюрьму, а надзирателям велели строго следить за ним, пока не придет решение самого императора на то, как с колдуном поступить.

Тут же было составлено дело и обо всем доложено министру Яну. Министр отправился к Цай Цзину, посоветовался с ним, и затем о деле Сунь Шэньтуна довели до сведения императора. Последовало распоряжение, в котором говорилось: *«Преступника, позволившего себе обесчестить даму из дворца, выманить у нее драгоценный пояс, четвертовать в соответствии с законом; жену и детей забрать в казенные учреждения; нефритовый пояс, поскольку он еще не был в употреблении, вернуть в казну; что же касается Хань Юйцяо, то ей, которая дозволила неподобающим чувствам зародиться в душе, запретить доступ во дворец, а министру Ян Цзяню поручить подыскать для нее добропорядочного простолудина и выдать ее замуж».*

Хотя Юйцяо и пережила в связи со всей этой историей много тревог и волнений, но все же заветные мечты ее сбылись. Впоследствии ее выдали замуж за купца из дальнего края, который содержал крупную лавку в столице. Купец этот сразу предупредил, что домой, в свою семью, он Юйцяо не повезет. Он постоянно ездил к себе на родину и через некоторое время возвращался обратно. Так они прожили до старости, до конца своей жизни.

Но это мы уже забежали вперед.

После получения приказа императора начальник области велел привести Сунь Шэньтуна в зал присутствия. Ему зачитали вынесенное по делу решение, затем к спине прикрепили кусок циновки с четко выведенной надписью: «Четвертовать» — и повели на площадь, чтобы казнить на глазах у народа. Вот уж действительно,

*За все, что было содеяно прежде,
Пришел один невеселый конец.*

В день казни людей собралось столько, что действительно, как говорится, плечо давило плечо, в спину грудь упиралась. Ведающий казнь зачитал, в чем обвинялся преступник, и палачи с громким криком «Да помогут нам боги кары!» взялись за дело. Ну и зрелище было!

История, рассказанная здесь, передавалась почтенными старцами в столице, дошла до нас, и ныне можно ее найти в различных собраниях повестей. Поистине,

*Имей хоть долю благородства,
которому учил мудрец Конфуций,
Ты не нарушишь уложений,
введенных некогда министром *Сяо.
А что касается разврата,
то он всегда карался небом.
И в нем повинный не уйдет от казни,
какой бы ни владел магической силой.*

20. ЛУ НАНЬ, ЛЮБИТЕЛЬ ПОЭЗИИ И ВИНА, НЕ ПОСЧИТАЛСЯ С УЕЗДНЫМ НАЧАЛЬНИКОМ

*На берегу восточном *Вэй,
там, где хребет Фуцю высокий,
Где к небу тянется бамбук,
живет ученый вдохновенный.
Блестящий стиль его поэм
и *Цзя и *Дуна изумил бы,
А имя славится его,
как *Лю и *Цао славны были.
Осенним днем гуляет он
среди синих гор в уединенье,
Весною пишет он стихи —
порхает *кисть из шерсти зайца.
Иль, пьяный, опершись на меч,
вдруг мыслям озорным смеется.
Он, словно ветер штормовой,
силен душою непокорной.*

Стихи эти принадлежат талантливому поэту *нашей династии, жившему в годы *Цзя-цзин. Фамилия его — Лу, имя — Нань, *второе имя — Шаопянь или еще — Цзычи. Родина его — уезд Сюньсянь, что в округе *Дамин.

Это был красивый, изящный и редкого благородства человек. К восьми годам он научился писать сочинения, а в десять — уже слагал стихи и оды: стоило ему взяться за кисть, как слова тотчас одно за другим тысячами ложились на бумагу, миг — и стихи были готовы. Люди называли поэта то «воскресшим *Ли Бо», то «новым Цао Цзыцзянем». Лу Нань не заботился о мнении света, не знал ни в чем преград. Широкая натура, он всю жизнь любил вино и был в полном смысле слова благородный человек. Поистине, слава о нем разнеслась по всей Поднебесной, а талантом он превзошел всех своих современников.

С ним знались знаменитые аристократы, влиятельные вельможи, большие ученые и известные богачи. Потомок многих поколений

сановников, Лу Нань обладал несметными богатствами жил и по княжески. Дом его стоял за городом, у подножия горы Фуцю, и был красив и роскошен. Во внутренних покоях расположились его наложницы — одна лучше другой. Самые красивые и изящные отроки каждый день услаждали слух поэта пением и игрой на струнных инструментах и флейтах. А слуг и домашней челяди было у него не счесть. Вокруг дома был разбит сад в два-три *цина. Пруды и каналы, прорытые повсюду, искусственные горы из каменных глыб придавали еще большую прелесть саду, прозванному Садам вольных песен.

Цветы любят тепло. На севере почти не увидишь красивых растений, разве что в садах богачей и знати найдешь какой-нибудь кустик. В столице и то трудно найти южные цветы, что уж говорить о таком захолустье, как Сюньсянь. Если в садовых беседках местных богачей и попался цветок-другой, то вряд ли на него стоило смотреть.

Лу Нань же непременно хотел и в этом превзойти других; он разослал во все стороны своих людей, которые, не считаясь с ценой, раздобывали прекрасные цветы, редкие растения и камни причудливой формы для искусственных гор в его саду. Сад получился на редкость красивый и прославился на всю округу. Действительно, редкое это было зрелище:

*Терема и башни вздымаются к небу,
Дворы у домов тихи и безлюдны.
Сложены горы из камней причудливой формы,
В саду раскрылись бутоны редчайших цветов.
Сплошную стеною бамбук вокруг речных павильонов,
К террасам открытым сосновые тянутся ветки.
Озер и прудов необычны изгибы,
Хрустально сияние волн, набегающих мягко;
Одна над другою вздымаются скалы,
По ним изумрудными пятнами стелется мох.
Пионы растут вокруг беседок —
Павлины здесь парами ходят;
Цветы у оград распустились —
*Священные птицы танцуют одна пред другою.
Дорожки средь сосен мелькают,
В зелени сочной карлики-мостики скрыты;
Узоры тропинок в цветах,
Над алым ковром их — прямые деревья.
Дымок потерялся в зелени темной —
Тонкий такой, что почти не видать;
Дождь окропил синие склоны,
Словно краскою свежей покрыл.
Из ценного дерева легкая лодка меж лотосов тихо плывет,
Доски качелей взлетают высоко в тени тополиных ветвей.
Соперничают в красоте резьба перил, ограды,
Хрустальный полог и шатер парчовый друг друга озаряют.*

Лу Нань целые дни проводил в саду, любуясь цветами и птицами, слагая и *скандируя о них стихи, — сам император не проводил

времени так беспечно и сладостно. Друзей поэт не отпускал, пока они не отдавались опьяняющей силе вина. Если поэт встречал человека, который разделял его вкусы, душевные стремления и понимал его, то неделями удерживал нового друга у себя. Бывало, случится с кем-нибудь несчастье, сразу бегут к нему, и никто не уходил с пустыми руками. Поэтому к Лу Наню со всех сторон стекались люди: каждый хотел навестить его и выразить ему свое уважение. О его доме, действительно, можно было сказать:

*Полно гостей почетных за столом,
И кубки не стоят пустыми.*

Лу Нань не сомневался, что с такими знаниями и талантами, как у него, получить чин, а также *синий или бордовый шнур у печати ему будет не трудней, чем былинку поднять. Но на *экзаменах ему не везло: как ни блестящи были его сочинения, они все не приходились по вкусу экзаменаторам. Несколько раз подряд Лу Нань провалился, так и не получив ни чина, ни степени. «Нет сведущих людей», — решил он тогда и перестал думать о звании и почестях. Все свое время он стал проводить с поэтами или фехтовальщиками, *даосскими или буддийскими монахами, беседовал о нирване, о фехтовании, играл в кости, пил вино или бродил по горам и рекам, любуясь природой.

Себя он назвал «отшельником с горы Фуцю» и написал как-то следующие стихи:

*Взмахнув крылами,
взлетаю в небесную высь;
Высоко взойдя,
попираю границу небес.
Алые пятна
сквозят в одеянии гор,
Ветер протяжный
бушует в просторах морских.
Привязана лошадь
за редкого дерева ствол,
Завтрак с утра
нефритом цветов заменен.
Наслаждаюсь душою,
любуюсь природою дивной,
Щебетанию иволги
втрю я свистом тихонько.
В суетном мире,
поверьте, все скверна и грязь —
Возможно ли в этом
крылья свои замарать?!*

Но не об одном Лу Нане пойдет здесь речь. В то время начальником уезда Сюньсянь был некий Ван Цэнь, получивший звание и степень еще совсем молодым. То был человек гордый и заносчивый, непомерно алчный и жестокий. Он пристрастился к вину, и уж если добирался до него, то пил, бывало, всю ночь напролет. С тех пор как

он прибыл на службу в уезд, еще не довелось ему встретиться с достойным соперником по выпивке.

Ван Цэнь еще до приезда в эти места слышал о Лу Нане, о его талантах, обширных связях, об уважении, которое все оказывали поэту. Знал он также, что во всей округе не было такого роскошного сада, как у Лу Наня, и что никто не мог перепить поэта. Все это подстрекало начальника уезда во что бы то ни стало сойтись покороче с Лу Нанем. Поэту было послано приглашение.

Но Лу Нань был человек необычный. Иной *сюцай, чтобы подружиться с начальником уезда, в замочную скважину пролезет: умолит влиятельных людей представить его, будет отбивать начальнику земные поклоны, просить его в наставники и «почтенные учителя», то и дело станет посылать ему подарки и подношения, надеясь мелкими знаками внимания заслужить его высокое расположение. Ну а если начальник уезда сам пожелал повидать его... для такого сюцая это не меньшая честь, чем приглашение ко двору императора; он уж непременно приклеил бы у себя в комнате визитную карточку начальника уезда и хвастался бы ею перед родственниками и друзьями. Так поступали бы, конечно, далеко не все: люди достойные никогда не будут вести себя подобным образом; но пренебречь приглашением начальника уезда — этого еще не бывало! А Лу Нань, хотя начальник раз пять-шесть посылал приглашения, обратил на них не больше внимания, чем на дуновение ветерка. Каждый раз он ссылался на то, что не привык ходить в *ямэнь, никогда не посещал казенных учреждений. Вы спросите: почему? Лу Нань — одаренный человек, по характеру он был благороден и горд; славу и почести ценил не дороже стоптанных башмаков, а богатство и знатность сравнивал с мимолетным облачком. И если какие-нибудь знатные вельможи хотели познакомиться с поэтом, но не приглашали его лично, Лу Нань никогда первым не наносил визита. С какой же стати было ему вдруг являться по приглашению какого-то начальника уезда?! Лу Нань действительно был из тех, кого, как говорится, сам император служить не заставит себе, и не в силах князя заручиться их дружбой. Но на сей раз Лу Нань столкнулся с мелочным и навязчивым упрямым. Начальник уезда уже который раз приглашал к себе поэта, а Лу Нань так и не удостоил его своим визитом; другой бы прекратил дальнейшие попытки к сближению, но этот непременно хотел добиться своего.

Увидев, что Лу Нань не желает прийти к нему, начальник уезда сам решил нанести ему визит. Но прежде он послал слугу с запиской, чтобы условиться о дне встречи. Слуга тотчас же направился к поэту.

— У меня срочное поручение от начальника уезда к твоему хозяину, — обратился слуга к привратнику, протягивая ему записку.

Привратник, не смея медлить, пустил слугу в сад и повел к хозяину.

Посыльный огляделся по сторонам: сверкали воды озер, обрамленные зеленью кустов; за ними синели горы; бамбуки и раскидистые ветви деревьев переплетались друг с другом, то скрывая, то обнажая свою прелесть, а пение птиц услаждало слух. Еще никогда не видавший такой красоты, слуга чувствовал себя словно в раю.

«Не удивительно, что мой господин хочет здесь поразвлечься, — подумал он про себя. — Какое прекрасное место! А мне просто повезло, что я попал сюда! Разок взглянуть на такую красоту, и можно смело сказать, что не зря прожил свой век». Они шли извилистыми тропинками среди цветов, мимо множества беседок-террас и наконец дошли до той части сада, которая была сплошь засажена деревьями *мэй. Деревья цвели, и белые лепестки чистым снегом покрывали все вокруг, наполняя воздух нежным ароматом. Среди цветов возвышалась восьмиугольная беседка с красными занавесами из бамбука, лазурной черепицей, разрисованными перекладинами и резными перилами. На доске было крупно написано: Беседка *яшмового сияния. Несколько человек, любуясь цветами, пили вино. Красавицы-служанки в богатых одеждах играли на музыкальных инструментах и пели, отбивая такт в *пайбань. Как тут не вспомнить стихи ученого *Гао «Цветок мэй»:

*Тем деревьям бессмертья расти
лишь в садах *Си Ван-му подобает.
Кто же здесь-то в долине, в *Цзяннань,
насадил их везде и повсюду?
Там, где заснежены горы,
отдыхает ученый-отшельник,
И, купаясь в сиянии лунном,
в роще тихой красавица бродит.
Тень редка в бамбуках, чуть прикрытых
шелестящей от ветра листвою,
И весна даже мшистые кочки
ароматом цветов напоила.
Нет *Хэ Яня, и нет больше песен,
чтоб воспеть эту прелесть цветенья;
И как жаль, что от ветров восточных
начинают цветы осыпаться.*

Привратник и слуга остановились у входа в беседку. Когда песнь была закончена, Лу Наню подали записку начальника уезда, а затем слуга Ван Цэня доложил:

— Мой господин велел много кланяться и передать, что, поскольку вы не изволили приехать, он сам намерен посетить вас. Он только беспокоится, что может не застать вас дома и тогда опять лишится возможности повидать вас. Поэтому господин просит, чтобы вы назначили ему день свидания. Кроме того, мой господин слышал о вашем прекрасном саде и хотел бы воспользоваться случаем погулять и полюбоваться им.

Что тут было поделывать: выходило, что начальник уезда не только не обиделся на поэта за то, что тот так и не посетил его, несмотря на бесконечные приглашения, но, больше того, сам решил прийти с визитом. Лу Нань невольно задумался: «Хоть начальник и слывет жадным и ничтожным, но все же он на должности *, „отца и матери народа“, и если он сумел сломить свое чванство — это уже достойная черта. Откажи я ему и на этот раз, скажут, что я человек мелоч-

ный, что нет во мне благородной терпимости. С другой стороны, он из чиновников — невежда, и, уж конечно, в литературе ничего не смыслит; вряд ли понимает он, например, глубину и прелесть поэзии. Можно было бы поговорить с ним о *классических книгах, но он с ними, вероятно, незнаком — добился нечестным путем звания и степени, о которой мог мечтать лишь во сне, и доволен собою. Если заговорить с ним о философии, о буддизме, то тут уж он совершенно ничего не поймет. А если обо всем этом нельзя с ним говорить, то на что он вообще мне нужен? Лучше уж его не принимать совсем». Долго думал Лу Нань, но так и не мог решить, как ему поступить: и отказать было неудобно — ведь начальник так искренне стремился познакомиться с ним, — и принимать не хотелось.

Размышления Лу Наня прервал слуга-подросток, который поднес ему вино. Поэта сразу осенило: «Если он умеет пить, то, пожалуйста, не так уж заметно будет его невежество».

— Умеет ли твой господин пить? — спросил Лу Нань у посыльного.

— В вине — вся жизнь моего хозяина; как же ему не уметь пить!

— Сколько же он может выпить?

— Если возьмется, то пьет всю ночь и не остановится, пока не будет пьян. Трудно даже сказать, сколько он может выпить!

Лу Нань оживился: «Раз этот болван умеет пить, воспользуемся хоть этим». Поэт велел мальчику-слуге принести *визитную карточку и протянул ее посланцу начальника уезда.

— Если твой хозяин хочет прийти отвлекаться от дел — теперь самое подходящее время: мэй сейчас уже в полном цвету. Проси его завтра же прийти — я приготовлю вино и буду ждать его.

Получив ответ, посланец простился и ушел, сопровождаемый привратником.

Начальник уезда очень обрадовался приглашению Лу Наня и собрался на следующий день отправиться к поэту любоваться цветением мэй. Но случилось так, что поздно вечером ему вдруг доложили о неожиданном приезде нового областного инспектора по судебным делам, и Ван Цэню пришлось среди ночи отправиться в путь, чтобы должным образом встретить инспектора и засвидетельствовать ему свое почтение. К поэту был послан слуга с сообщением о том, что начальник не сможет прийти.

Вернулся домой Ван Цэнь только через несколько дней. К этому времени дерево мэй совсем отцвело:

*Лепестки в беспорядке с цветов опали,
ароматным ковром устилая ступени,
И одни за другими, подобные яшме,
вкруг узорных перил в легком вихре порхали.*

Начальник уезда был огорчен, что не сумел побывать у Лу Наня, но надеялся, что теперь поэт сам пригласит его к себе. Однако Лу Нань, решившийся послать приглашение только после долгих колеба-

ний, получив отказ, махнул на это рукой и вовсе не думал снова приглашать начальника.

Незаметно подошла середина весны. Начальнику уезда вновь захотелось отправиться к Лу Наню полюбоваться весенним цветением его сада, и он послал человека уведомить об этом поэта. Когда слуга оказался в саду Лу Наня, он был поражен: зелень деревьев напоминала затканную парчу, трава стелилась ковром, слышалось пение иволг, щебетание ласточек, повсюду порхали бабочки, суетились пчелы. И вот он очутился на тропинке, проложенной меж персиковых деревьев. Они были усыпаны цветами, точно тысячами кусочков багряной зари. Картина была действительно изумительная.

**Шанлинь здесь словно заалел —
то персиков цветы раскрылись;
Сгустились краски, прелесть их
повсюду, сколько взора хватит.
Навевя чувство мне любви,
раскрылись цветы в улыбке,
Уж сколько раз цветенье их
мне о рассвете говорило!*

Лу Нань среди цветов сидел с гостями. Они *били в барабан, громко пели и пили вино. Слуга начальника уезда подал Лу Наню визитную карточку и объяснил цель своего прихода.

Поэт был под хмельком и в добродушном настроении.

— Возвращайся и скажи хозяину, что, если он хочет, пусть сейчас и приходит; незачем договариваться о другом дне.

— Нет, не годится! — запротестовали в один голос гости. — У нас сейчас самый разгар веселья. А он придет, и начнутся вежливости и церемонии: разве сможем мы при нем вволю предаться веселью? Лучше выбрать другой день.

— Вы правы, пусть тогда приходит завтра, — согласился поэт и отослал слугу с запиской, в которой приглашал начальника уезда прийти к нему на следующий день.

Но подумать только, как иногда на этом свете все неудачно складывается! Только было собрался начальник уезда отправиться к поэту, как у его жены, которая была на пятом месяце беременности, произошел выкидыш: она упала без чувств и вся залилась кровью. Ван Цэнь от испуга потерял голову. До вина ли ему было? Пришлось снова послать к поэту слугу с извинением. Жена начальника уезда болела долго и стала поправляться только к концу весны. К этому времени в саду поэта расцвели пионы. Они были так прекрасны, что во всем уезде не найти было им равных. Вот стихи о красоте пионов:

*Цветы *Лояна с древности глубокой
на аромат весны оспаривают право.
И листья, и цветы их так богаты,
что вечно хвалятся своим нарядом пышным.*

*С тех самых пор, как красота пиона
в «Мелодиях» Ли Бо была воспета,
По нынешнее время все считают
владыкою цветов пион прекрасный.*

Хлопоты и возня, связанные с болезнью жены, длились больше двух недель. Начальник уезда пребывал в невеселом расположении духа, забросил служебные дела и, стараясь отвлечься, целые дни пьянствовал. Услышав о том, что в саду Лу Наня распустились пионы, он захотел полюбоваться ими, но, дважды нарушив свое обещание, считал неудобным снова просить приглашения. Он послал поэту в подарок три *лана на книги и заодно передал о своем желании полюбоваться цветами.

Лу Нань назначил Ван Цэню день, от подарка сразу отказался, но в конце концов вынужден был принять его после настоятельных просьб и бесконечной беготни слуги от Ван Цэня к Лу Наню и обратно.

Был прекрасный день. Ван Цэнь рассчитывал отправиться к поэту сразу же после окончания приема. Но не успел он покинуть ямэнь, как ему доложили, что один из цензоров Палаты гражданских чинов едет домой известить родителей и будет проезжать здесь. Какой же чиновник решится не пойти на поклон к такому важному лицу? Ван Цэнь с подарками поспешил навстречу цензору, а затем устроил пиршество в его честь. Начальник уезда думал, что высокий гость задержится у него не больше чем день-другой и он еще успеет посмотреть на пионы Лу Наня. Однако цензор оказался большим любителем природы, попросил начальника уезда показать ему наиболее красивые места и пробыл лишних семь-восемь дней. Когда неожиданный гость уехал и начальник уезда снова послал слугу к Лу Наню, чтобы договориться о встрече, пионы уже отцвели, а самого Лу Наня не оказалось дома: два дня тому назад он уехал полюбоваться природой других мест.

Незаметно прошла весна, наступило лето и подкатилась середина шестого месяца. Узнав, что Лу Нань уже вернулся и проводит дни знойного лета в своем тенистом саду, начальник уезда послал к нему человека с письмом, в котором просил разрешения прийти полюбоваться лотосами. Слуга отдал привратнику Лу Наня письмо от своего хозяина, а сам остался у ворот, дожидаясь ответа. Не прошло и нескольких минут, как привратник вернулся.

— Мой хозяин хочет тебе что-то сказать и велел привести тебя к нему, — объявил он слуге и повел его за собой; вскоре они подошли к пруду, сплошь покрытому цветами лотосов. Сам пруд тянулся больше чем на десять *му. Густая листва зеленых акаций и голубоватых ив заслоняла собой солнце; багрянец цветов и зелень листьев окрашивали пруд, который носил название Бирюзового. Приведу стихи о прелести лотосов:

*Гордясь своей красою неземной,
соперничая в роскоши наряда
И запах легкий, нежный источая,
качается так плавно над водой.*

*Зачем, как боги, вы бесстрастны все,
бесчувственны и безразличны сердцем?
Людей вы только сводите с ума
своей красотой, своим одним лишь видом.*

Посередине пруда была беседка, которая называлась Беседка узорчатых облаков. Мостика не было, и туда подплывали на легкой лодке. Здесь Лу Нань спасался от жары.

Привратник и слуга уселись в лодочку, взмахнули разукрашенными веслами и через несколько минут были сколо беседки. Привязав лодку, они сошли на берег. Слуга начальника уезда не мог оторвать взгляда от беседки: балюстрада и решетка ее были сплошь в инкрустациях и резьбе, окна занавешены флером и шелком изумрудного цвета. Воздух был напоен ароматом лотосов, дул легкий ветерок. В воде среди водорослей плескались золотые рыбки; ласточки порхали между балками, где они свили гнезда; чайки кружили над водой; утки парами плавали у берега. В самой беседке были только тростниковая лежанка, циновка из редкого узорчатого бамбука, каменная скамья и бамбуковый стол. В вазах стояли огромные букеты лазоревых лотосов. В курильнице курились лучшие благовония. Лу Нань с непокрытой головой и босыми ногами развалился на лежанке. Держа в руках кубок с вином, он читал древнюю книгу. Рядом стоял таз, где во льду охлаждались персики, белоснежные корни лотоса, груши, арбузы и дыни. Здесь же стояли разные закуски к вину. Подле Лу Наня находились двое слуг: один держал в руках сосуд с вином, другой обмахивал поэта веером. Лу Нань с наслаждением читал книгу, попивая вино. Посланный Ван Цэнем слуга, не осмеливаясь подойти к поэту, стоял в стороне и тихонько вздыхал. «Ведь Лу Нань — простой смертный, как и все люди, — рассуждал он про себя, — чем же объяснить тогда, что он окружен такими благами? Взять хотя бы нашего начальника уезда — имеет степень *цзиньши, столько трудится, но разве когда-нибудь будет так беспечно жить?!»

— Ты и есть посланец начальника уезда? — прервал размышления слуги Лу Нань, оторвавшись от книги и заметив пришельца.

— Да, — ответил слуга.

— Станный человек твой начальник, — рассуждал вслух Лу Нань. — Несколько раз просил назначить день для визита, не являлся, теперь снова просит разрешения прийти. Что же это он, говорит одно, а делает другое? Как же тогда он ведет дела в уезде? Нет у меня лишнего времени возиться с ним! Хочет прийти, пусть приходит когда вздумается, незачем заранее договариваться.

— Мой господин велел мне низко поклониться вам, — обратился слуга к Лу Наню, — и просил передать, что давно уже наслышан о ваших исключительных талантах и все время мечтал о встрече с вами. Неотложные дела несколько раз подряд мешали ему осуществить это желание и заставляли нарушить свое слово. Поэтому он снова просит вас назначить день. Сделайте это, пожалуйста, чтобы я мог возвратиться к начальнику с каким-то ответом.

Сообразительность и убедительные объяснения слуги понравились Лу Наню.

— Ну, раз так, пусть приходит послезавтра, — согласился поэт.

Слуга взял у Лу Наня приглашительную карточку и в сопровождении привратника тем же путем отправился обратно; подъехав к плотине, затененной ивами, слуга сошел на берег и поспешил в ямэнь доложить начальнику уезда о приглашении Лу Наня.

В назначенный день начальник уезда, разобрав несколько дел, около полудня отправился в гости. Нужно заметить, что это было в разгар лета. Солнце так пекло, что Ван Цэнь уже с утра мучился от жары. Теперь же, в самый полдень, солнце было как раскаленный шар. У Ван Цэня потемнело в глазах и забилося сердце. На полпути он вдруг почувствовал, что все завертелось перед ним, и он свалился с паланкина. Напуганные слуги подбежали к Ван Цэню, уложили его и понесли домой. Придя в себя, начальник уезда тут же послал одного из своих слуг с извинениями к Лу Наню, а другого — за врачом. Проболел он больше месяца, и за это время в ямэне накопилось порядочно дел.

Между тем как-то раз, сидя у себя в кабинете и перебирая полученные подарки, Лу Нань обнаружил деньги, присланные начальником уезда.

«У меня с ним нет никаких отношений, — подумал про себя Лу Нань. — Неудобно так получать подарки. Надо как-то с этим разделаться».

И вот в середине восьмого месяца Лу Нань пригласил начальника к себе любоваться луной в *праздник осеннего полнолуния. Приглашение поэта как раз совпало с желанием самого Ван Цэня. Очень довольный, он написал ответную карточку и вручил ее посланцу со следующими словами:

— Передай низкий поклон твоему хозяину и скажи ему, что в назначенный день я непременно приеду к нему.

Но Ван Цэня, как начальника уезда, конечно, не один Лу Нань звал к себе на праздник. Чуть ли не с десятого числа его стали приглашать местные богачи и чиновники. Разумеется, такой пьяница, как Ван Цэнь, отказаться от приглашений не мог и лишь к четырнадцатому числу сумел побывать почти у всех, кто его звал.

Вечером же четырнадцатого Ван Цэнь, отказавшись от всех приглашений, остался дома, устроил праздничный ужин, вместе с женой пил вино и любовался луной. Луна в эту ночь была необыкновенно красива: еще никогда она не была такой ясной и светлой. Здесь уместно привести стихи:

*Все небо ясно. Лунное сиянье
волною серебристою пронзает ночь.
Но жаль, что не всегда луна бывает полной,
и сколько грустных дум она несет.
И цепи гор, и реки — всюду осень,
луна совсем одна плывет в ночной тиши;
И где-то одиноко льются звуки флейты,
и я в хмелю, внимая им, лежу.*

Муж и жена целый вечер пили и пошли отдыхать только тогда, когда совсем захмелели. Надо сказать, что начальник уезда только оправился после болезни и еще не совсем окреп; к тому же он несколько дней подряд буквально утопал в вине, ну а где вино, там и женщины. И вот в этот вечер, просидев на открытом воздухе до глубокой ночи, он простудился, снова заболел и, таким образом, опять нарушил свое обещание посетить Лу Наня. Только через несколько дней начальник поправился. Как-то раз, будучи свободен от служебных дел, он подумал, что теперь цветы коричневого дерева в саду у Лу Наня, наверное, уже совсем раскрылись и что хорошо было бы немного поразвлечься. Под рукой у начальника уезда оказались два кувшина *хуэйшаньского вина, присланные ему в подарок одним торговцем с правобережья Янцзы. Один из этих кувшинов он и послал Лу Наню. Тот очень обрадовался — подарок ему пришелся по душе. «Какое мне, собственного говоря, дело до его умения управлять уездом и до его литературных способностей?! Судя по подарку, он безусловно знает толк в вине», — подумал Лу Нань и тут же послал со слугой записку, в которой просил начальника прийти к нему через день любоваться цветами коричневого дерева. Приведу стихи, в которых как раз об этих деревьях говорится:

*Предгорье Юньцзюньшань
сиянием луны озарено,
И аромат цветения чудесный
осенний ветер развеивает.
К чему в *Хуайнани распевать
ту песнь, что «Призываю тень» зовется?
В лесу дерев коричнеых вдосталь
прохладной тенью насладишься.*

С древности говорится: от судьбы не уйдешь. Разве не удивительно, что начальник уезда, отец и мать народа, не считаясь со своим высоким положением, сам собирался посетить простого ученого? Но, видно, не суждено было им подружиться. Именно в тот день, когда начальник собирался отправиться к поэту, ему вдруг доложили, что судья Чжао едет с повышением в столицу и сейчас находится уже неподалеку. Когда Ван Цэнь сдавал экзамен на сюоя, Чжао был его экзаменатором. Мог ли Ван Цэнь не оказать ему внимания? Он тотчас вскочил с кровати, умылся, причесался и поспешил в паланкине навстречу господину Чжао, распорядившись, чтобы все было приготовлено для торжественной встречи. Представьте себе свидание любимого учителя с любимым учеником. Могли они тут же расстаться? Чжао пробыл у Ван Цэня несколько дней, а тем временем цветы коричневого дерева опали.

*Опали цветы, и тычинки под ветром
кружат, мерцая крупинками злата,
И опускается тихо на землю
грусть увяданья, пьяня ароматом.*

Надо сказать, что Лу Нань был человек твердый и решительный. Он не гнушался низшими и не заискивал перед знатными. Однако, видя, что начальник уезда не раз изъяснял ему свое почтение и, судя по всему, ценил ученых, Лу Нань решил, что не стоит пренебрегать таким человеком.

Стояли последние дни девятого месяца, в саду Лу Наня распустились хризантемы. Три сорта были особенно хороши: «перья аиста», «подстриженный бархат» и *«сиши». Все они были крупные и необычайно красивые, каждый сорт давал цветы самых различных оттенков, поэтому они очень ценились. Есть стихи о хризантемах:

*Они не борются в весеннем ветре
за редкий нежный аромат —
В тумане осени, в наряде белом,
стоят, гордясь своей красотой.
Сад окружен сплошной стеной деревьев,
но листья все опали с них.
А хризантемы все цветут,
тончайший запах источая.*

«Начальник уезда несколько раз собирался посетить мой сад, но никак не мог до меня добраться, — подумал поэт. — Почему бы сейчас не воспользоваться цветением хризантем и не пригласить его полюбоваться ими? Надо же отблагодарить за внимание!» Рассудив так, поэт послал к начальнику слугу с приглашением на другой день посмотреть на хризантемы. Когда слуга пришел в уездное управление, Ван Цэнь разбирал дела. Слуга вошел в зал, стал на колени и, передав начальнику приглашение, сказал:

— Мой хозяин низко кланяется вам и велит передать, что он особо просит вас прийти завтра посмотреть на хризантемы, которые сейчас в полном цвету.

Ван Цэнь был не прочь полюбоваться хризантемами, но не решался дать об этом знать Лу Наню, так как несколько раз подряд нарушал обещание. Теперь, получив особое приглашение, он обрадовался так, что готов был, как говорится, уши проковырять, чтобы глубже вошло в них это приглашение.

— Поклонись своему господину и передай, что с почтением явлюсь к нему завтра утром.

Дома слуга доложил поэту:

— Господин Ван Цэнь вам низко кланяется и просит передать, что придет завтра с самого утра.

Начальник уезда сказал «утром» попросту, не имея в виду раннее утро в буквальном смысле слова. А слуга еще переврал, что начальник придет, мол, с самого утра. Кто бы мог предположить, что из-за этого недоразумения начальник уезда смертельно обидится, а Лу Нань будет разорен и окажется на краю гибели! Вот уж поистине,

*Вреда иль пользы — твой язык причина,
Слова — источник счастья иль беды.*

Сообщение слуги смутило Лу Наня: «Забавный человек этот начальник уезда. Да кто же ранним утром является на пир? Или, может быть, он хочет прийти пораньше, чтобы вволю насладиться прелестью моего сада и провести здесь весь день?»

— Завтра ранним утром к нам пожалует начальник уезда, надо пораньше приготовить вино и закуски, — распорядился Лу Нань.

В ожидании такой особы повара хлопотали всю ночь, стараясь, чтобы к прибытию начальника все было готово.

Утром Лу Нань заявил привратнику:

— Если сегодня кто-нибудь будет приходить ко мне, отказывая сразу, мне можешь не докладывать.

Затем Лу Нань написал специальную приглашительную карточку начальнику уезда и послал с ней слугу. Еще до утреннего завтрака все было готово к приему почетного гостя. В саду, в Павильоне радостного пира, был накрыт стол всего на две персоны с винами и угощениями. Все было сделано с особой пышностью и красотой. Поистине,

*Единственного пира богача
Хватило б на полгода бедняку.*

Теперь о начальнике уезда. В тот день, когда он получил приглашение от Лу Наня, он после дневного приема так и не уезжал домой и остался ночевать в ямэне. Наутро он собрался было сразу отправиться к поэту, но решил, что еще слишком рано, что вряд ли там успели пригоститься к приему, а потому проследовал в присутствие, чтобы пока разобрать поступившее дело. А дело было такое. Недавно поймали бандитскую шайку, которая орудовала в районе Вэйхэ, грабя проезжих торговцев. Бандитов выследили, когда все они ночевали в публичном доме, схватили и доставили в уездное управление Ваня Цэня. Как только их стали допрашивать, все сразу и признались. Среди арестованных был некто по имени Ши Сюэгэ, который показал на хозяина местной мясной лавки Ван Ту, заявив, что тот действовал с ним заодно. Тут же за ним послали и привели его в ямэнь.

— Послушай, Ван Ту, — заявил ему начальник уезда, — Ши Сюэгэ утверждает, что ты действовал с ним заодно, прятал у себя в доме награбленное. Признавайся по-хорошему, пока не стал тебя пытаться!

— Уважаемый начальник, — ответствовал ему Ван Ту, — я же простой законопослушный человек, держу тут совсем рядом с вами, мясную лавку и на это живу; ни по рынкам, ни по улицам никогда я не разгуливаю, как же может быть такое! Я не то что не его компаньон, но и в лицо-то его первый раз вижу. Если уважаемый начальник не верит, пусть вызовет моих соседей, они расскажут, чем я занимаюсь, куда хожу, и начальнику все станет ясно.

Тогда Ван Цэнь прикрикнул на Ши Сюэгэ:

— Нечего наговаривать на простого человека! Если узнаю, что возводишь на него напраслину, тут же забью тебя до смерти, негодяй этакий!

— Никого я зря не обвиняю, он действительно мой сообщник, — ответил на это Ши Сюэгэ.

Ван Ту вышел из себя:

— Я знать тебя не знаю. Как я могу быть с тобой заодно!

— Ван Ту, — обратился тогда к нему Ши Сюэгэ, — в свое время мы вместе с тобой участвовали в одном деле, что же ты меня не признаешь? Я совсем не собирался тебя выдавать: не стерпеть было побоев, вот и пришлось выложить, так что не будь на меня в обиде!

— Что ты несешь! — заорал Ван Ту, призывая небеса.

Тут начальник уезда приказал: «Зажать его!»

Несчастливого Ван Ту так зажали в тиски, что он не раз терял сознание, но ни за что ни в чем не признавался.

В свою очередь и Ши Сюэгэ, как его ни зажимали в тиски, как ни мучали, до смерти стоял на своем: «Сообщник он» — и только.

А время между тем подходило к одиннадцати; пока людей пытали, солнце стало склоняться к западу; и так как каждый стоял на своем, трудно было решить, кто прав. Начальник, который во что бы то ни стало хотел отправиться к Лу Наню, потерял всякое терпение и на основании одних лишь показаний Ши Сюэгэ, не доискиваясь до сути дела, взял да и приговорил Ван Ту к смертной казни, а все его имущество посчитал награбленным и забрал в казну. Само собой разумеется, что, как только протокол дела был подписан и преступники посажены в камеру смертников, Ван Цэнь закрыл присутствие, сел в паланкин и направился пировать к Лу Наню.

Вы спросите, почему же этот бандит насмерть стоял на том, что Ван Ту его сообщник? Дело в том, что Ши Сюэгэ прежде был мелким торговцем; как-то во время эпидемии он заболел, все имевшиеся у него деньги израсходовал и даже пришедшее в негодность все свое добро и то распродав, чтобы хоть как-то прокормиться. Когда он поправился, денег, чтобы снова заняться торговлей, не было; да и вообще единственное, что у него оставалось в доме, это глиняный котел. Он решил и его продать, получить за него пару десятков медяков, чтобы хоть как-то протянуть дальше. Но сбоку в одном месте котел прохудился; тогда Сюэгэ нашел выход: взял золу, смешал ее с глиной и залепил дырку. Затем, сделав *соломенный знак, набросил его на котел и пошел продавать. Долго бродил он по улицам, но все, кто смотрел котел, подозревали, что он с изъяном, и никто его не покупал. В конце концов, когда Сюэгэ оказался около лавки, где торговали рисом, хозяин лавки Тянь Далан подозвал его и сказал, что купит его котел. Тянь Далан этот был близоруким, ничего подозрительного в том, что покупал, не заметил и сразу предложил продавцу восемьдесят медяков. Сюэгэ не стал торговаться. Лавка Тянь Далана была как раз напротив мясной лавки Ван Ту. Тот видел, что Тянь Далан взял котел и, пока Сюэгэ пересчитывал деньги, крикнул соседу:

— Посмотри повнимательней, чтобы не получилось, что покупаешь дырявый!

Предупредил он соседа, конечно, просто так, ничего дурного не имея в виду, зная, что тот близорукий. И надо же, чтобы так случи-

лось: Тянь Далан еще раз повертел в руках котел, со всех сторон его осмотрел и обнаружил залепленное место.

— Хорошо, что предупредил, не то он бы меня надул, — сказал Тянь Далан соседу. — Ведь котел-то действительно дырявый.

Тут же он вернул котел и забрал свои деньги обратно. Сюэгэ, который был счастлив, что наконец ему удалось сбыть свой товар, теперь, когда у него отняли деньги, в душе возненавидел Ван Ту и готов был не на жизнь, а на смерть с ним подраться. Но как было затеять ссору? Котел-то его и в самом деле был дырявый, тут и рта не раскроешь. Перед тем как уйти, он долго стоял у лавки, с ненавистью глядя на Ван Ту, в надежде, что тот поинтересуется, что он не уходит, тогда можно было бы с ним сцепиться. Но Ван Ту и не собирался с ним заговаривать, какое ему было до него дело. Сюэгэ, понимая, что ему никак не задеть продавца, ушел.

Шел он злой, как черт, не смотрел себе под ноги, обо что-то споткнулся — котел упал и разбился на мелкие кусочки; тут уж ненависть к Ван Ту охватила все его существо. Он подумал, что раз все равно жить ему не на что, надо искать способ умереть, но так, чтобы обвинили в этом Ван Ту. Однако пожертвовать жизнью было жаль. Не найдя никакого выхода, Сюэгэ стал заниматься мелким воровством: подвернется удобный случай — что-нибудь стащит. Так прожил он больше года, понял, что все это ерунда, и присоединился к какой-то банде, которая занималась грабежом в районе Вэйхэ. Теперь он и вино пил большими кубками, и мяса перепало ему вдоволь — как тут не порадуешься! В те дни он даже с благодарностью вспоминал Ван Ту: «Если бы не тот случай с Ван Ту, когда он окликнул покупателя, у меня всего-то и было бы денег на торговлю разной мелочью. Разве жил бы я в таком довольстве!» Но теперь, когда ему так не повезло, когда арестовали и привели в ямь, когда пришлось во всем сознаться и уже ни на что надежды не оставалось, он опять вспомнил о том давнишнем случае: «Не скажи он тогда, что котел дырявый, продал бы его за несколько десятков медяков, жил на то, что выручал от торговли, и ничего подобного бы не случилось». Потому-то он и показал на Ван Ту, обвинил его в соучастии и решил до смерти не отказываться от своих слов. Он-то прекрасно помнил Ван Ту, а тот его и знать не знал.

*Осенью, когда наступил срок казни и всех преступников вывели на площадь, Ван Ту обратился к Сюэгэ:

— Мы сегодня все равно умрем, так скажи, за что же ты меня так ненавидишь, почему причинил мне такое зло. Объяснишь — я хоть умру со спокойной душой.

Сюэгэ честно выложил ему все, что тогда с ним случилось.

Ван Ту, не переставая, кричал о допущенной несправедливости, требовал, чтобы разобрались в его деле. Но подумай, читатель, в такой-то момент кто станет обращать на тебя внимание? Всего и оставалось, что умереть, глотая обиду. Вот уж право,

*Из-за одной случайной фразы
Погиб солидный человек.*

Но мы отвлеклись от нашего рассказа.

Когда время подошло к одиннадцати, Лу Нань, ожидавший начальника уезда с самого утра, послал слугу разузнать, в чем дело. Вернувшись, слуга доложил, что начальник разбирает какое-то дело в ямэне. Лу Наню это не понравилось. «Если обещал прийти с самого утра, что же до сих пор сидеть и разбирать дело?» — подумал он про себя и снова стал ждать. Подождал еще немного, но так как вестей от начальника не было, он снова послал в ямэнь слугу. На этот раз слуга доложил ему:

— Дело, которое начальник разбирает, еще не закончено.

Поэт был уже раздражен. «Сам виноват, — думал он. — Незачем было приглашать, теперь вот такая морока». Недаром говорится, кто ждет, тому не терпится. Через некоторое время Лу Нань опять послал слугу выяснить, в чем дело. Тот помчался как стрела, вслед за ним еще был послан слуга, а затем и еще пара слуг. Вскоре все они разом вернулись. Один из них доложил:

— Господин начальник там лютует; похоже, что дело это неотложное, и пока он его не закончил.

Тут уж Лу Нань окончательно вышел из себя. «Собственно, ничего он собой не представляет и ни на что не годится, ему только и ввязываться в разные дела. Чуть было в нем не ошибся. Ладно, это к лучшему, что все так случилось», — в злобе подумал про себя поэт и тут же приказал убрать со стола второй прибор, а сам уселся на почетное место, предназначенное для гостя.

— Живо подать мне большой кубок *горячего вина, надо очиститься от этой пошлятины!

— Как бы почтенный господин сейчас не пожаловал! — хором стали говорить прислуживавшие поэту люди.

— Тьфу! О каком еще почтенном господине вы говорите? Мое вино я должен с этим невежей распивать, что ли?!

Разгневанному хозяину никто не посмел возражать. Тут же был подан большой кубок вина, из кухни принесены закуски. В павильоне появились служанки, мотивы *гун и шан сменяли друг друга, звучала приятная музыка. Выпив несколько кубков, Лу Нань потребовал большую чашу, осушил их более десяти подряд, и на душе у него стало легче. Тогда он скинул парадную одежду, снял головной убор, разулся и поудобнее расселся, поджав под себя ноги. Закуски он велел убрать, оставил только фрукты и вино и снова выпил более десяти чаш. Теперь он и фрукты отдал служанкам. Только сидел и без конца пил. Лу Нань, разумеется, пить умел и мог выпить немало, но так много обычно не пил. Сегодня же он был до такой степени раздражен, что никак не мог остановиться: осушил одну за другой несколько десятков больших чаш и так опьянел, что, опершись на стол, тут же заснул и захрапел. Слуги безмолвно стояли по бокам, не осмеливаясь потревожить хозяина. В саду, в павильоне, спал пьяный поэт, а стороживший у ворот привратник об этом и ведать не ведал. Когда он издали заметил приближающийся поезд начальника уезда, то поспешил доложить об этом хозяину. Вбежав в павильон, он увидел, что тот мертвецки пьян.

— Начальник уезда уже подъехал! — в испуге воскликнул привратник. — Как же это вы, господин, не дождавшись, так напились!

Слуги растерянно смотрели друг на друга, не зная, что предпринять.

— Вино и угощение целы, но ведь хозяина не привести в чувство. Что делать? — волновались они.

— Надо его растормошить, — посоветовал привратник, — поднимем его, поддержим и поведем; пусть хоть пьяный выйдет навстречу. Нельзя же не оказать внимания гостю, которого сам пригласил.

Слуги стали громко звать Лу Наня, но только зря драли глотки: разбудить хозяина так и не удалось.

Вскоре в саду послышались голоса; это приближался начальник уезда со своей свитой. Растерявшись, перепуганные слуги разбежались и попрятались. В павильоне остался один Лу Нань.

И вот только из-за этого случая почетный гость и благородный хозяин стали врагами на всю жизнь, а прекрасный сад с редчайшими цветами исчез, как весенний мимолетный сон. Поистине,

*Увядать ли цветам или цвести —
воля небес предрешает,
Но беду на себя или счастье —
навлекает сам человек.*

Вернемся теперь к начальнику уезда Ван Цэню, который сразу же из ямэня направился к Лу Наню. Процессия остановилась у ворот сада, но оказалось, что поэт не только сам не вышел его встретить, но даже не выслал навстречу никого из слуг.

— Есть ли кто у ворот? — закричали наперебой сопровождавшие начальника люди. — Живо доложите, что пожаловал начальник уезда!

Никто не отвечал. Решив, что привратник пошел доложить хозяину, начальник распорядился:

— Ладно, не орите! Сами войдем.

На внутренних малых воротах бросилась в глаза белая доска с бирюзовой надписью: Сад вольных песен. Ван Цэнь вошел в сад, густо засаженный деревьями. Пошел по извилистой тропинке и увидел арку с надписью: Отрешение от мира. Пройдя арку, он свернул на тропинку в чаще сосен, в конце ее высились причудливые искусственные горы, вдали в тумане виднелись башни и пагоды, повсюду росли цветы; густые бамбуки и деревья окружали сад. Восхищенный прелестью и тишиной, Ван Цэнь подумал: «Да, чувствуется человек высокой души!» Но нигде не было слышно голосов, нигде не было видно Лу Наня, и начальник уезда не знал, как ему поступить.

«Быть может, он пошел встречать меня по другой дорожке и мы разминулись», — подумал Ван Цэнь и приказал людям направиться наугад в глубь сада. Петляли они по тропинкам то сюда, то туда в поисках хозяина и вдруг оказались у большого павильона. Сотни словно инеем покрытых хризантем, тысячи веточек тамариска, побле-

скивая в вечернем тумане, переплетались между собой; апельсины, отливая золотом, свисали с деревьев. Тысячи розовых и темно-красных лотосов покрывали пруд у берега. Различные краски — то яркие, то бледные и светлые, где светло-зеленые, где пунцово-красные — переливались и отражались в воде, а в этом море красок плескались утки различных пород.

«Раз он пригласил меня любоваться хризантемами, наверное, ждет меня в этом павильоне», — подумал про себя Ван Цэнь и сошел с паланкина.

Заглянув в павильон, начальник не заметил никаких приготовлений к пиру; на почетном месте, положив голову на стол, сидел только один человек и громко храпел. Человек этот был бос, голова непокрыта. Вокруг — ни души. Слуги Ван Цэня бросились к спящему с криком:

— Начальник уезда здесь. Встать! Что развалился!

Присмотревшись, Ван Цэнь заметил, что по одежде незнакомец не походил на простолюдина, рядом с ним лежали шапка и домашнее платье ученого.

— Тихо! — приказал начальник уезда. — Посмотрите, кто это.

Слуга, носивший сюда записки Ван Цэня, взгляделся в спящего и сразу признал Лу Наня.

— Да это сам господин Лу Нань: напился и сидит здесь, — объяснил слуга.

Начальник побагровел.

— До такой степени неприлично себя повести! Для того и позвал меня, чтобы оскорбить и осрамить! — в страшном гневе воскликнул Ван Цэнь.

Он хотел было приказать тут же вытоптать цветы и обломать кусты, но решил, что это недостойно человека его положения, и, разъяренный, поспешил к паланкину.

— Домой! — приказал он.

Носильщики подняли паланкин и понесли; когда процессия выходила из ворот, там по-прежнему никого не было. Слуги Ван Цэня только качали головой и перешептывались:

— Удивительное дело! Чтобы кандидат на получение чина посмел так пренебречь начальником уезда!

Слова эти дошли до слуха Ван Цэня и только усилили его ярость.

«Хоть он и высокий талант, — рассуждал начальник уезда, — но все же он мой подчиненный. Сколько я просил его прийти ко мне, а он отказывался. Тогда я пожелал навестить его первым, я послал ему деньги, вино. Смело могу сказать, что был к нему весьма снисходителен и проявил должное уважение к его таланту. И после всего этого он мог поступить так непочтительно, так меня опозорить. Не то что с начальником уезда, даже с простым смертным нельзя так поступать». Нечего и говорить, что начальник не успокоился и дома.

Между тем, как только начальник уезда покинул сад, попрятавшиеся слуги Лу Наня со всех сторон сбежались к павильону. Лу Нань продолжал крепко спать и проснулся лишь вечером.

— Едва вы заснули, приехал начальник уезда, — доложил один из его слуг, — и, видя, что вы спите, тут же уехал.

— Говорил что-нибудь? — спросил поэт.

— Мы так испугались, что все разбежались, в общем, мы его и не видели.

— Отлично! — воскликнул Лу Нань и, подумав, добавил: — Это я вчера в запальчивости забыл распорядиться, чтобы закрыли ворота сада, поэтому эта деревенщина и вошел сюда и осквернил эту землю!

Затем поэт приказал садовнику, чтобы он завтра же с утра носил воды и хорошенько очистил дорожки, по которым проходил начальник. Он также послал человека в ямэнь, чтобы вернуть Ван Цэню деньги и вино, которые тот присылал в подарок.

Как говорилось, Ван Цэнь вернулся домой в страшном гневе.

— Что это ты? Со званого пира, а такой сердитый? — спросила жена.

Ван Цэнь рассказал все, как было.

— Сам напросился, винить некого, — заметила она, узнав, в чем дело. — Ведь ты здесь на должности «отца и матери», и что бы ты ни делал, как бы ни поступал, все равно люди обязаны кланяться тебе и почитать тебя. С какой стати нужно было тебе всякий раз унижаться, заискивать да еще самому ходить на поклон к подчиненному. Да пусть он сто раз талант, тебе-то что? Напросился на оскорбление, вот и получил!

Упреки жены лишь подлили масла в огонь. Ван Цэнь долго молча сидел в большом кресле, злобно хмуря брови.

— Чего злиться? — сказала жена. — С древних времен говорится: начальник уезда захочет — разорит.

Этих слов было вполне достаточно, чтобы вывести Ван Цэня из оцепенения: в один миг прежние мысли о сочувствии к таланту, об уважении к ученому сменились решением затеять дело и уничтожить человека. Правда, в тот день Ван Цэнь ни с кем не поделился своими мыслями, но в душе у него все кипело: он только и думал, как бы подстроить что-нибудь Лу Наню, как бы сжить его со света. «Теперь только его смерть удовлетворит меня», — решил в злобе начальник уезда.

Так прошла ночь. На следующий день, сразу после утреннего приема в ямэне, он решил посоветоваться обо всем со своим ближайшим помощником, секретарем канцелярии Тань Цзунем — большим пройдохой, хитрым и опытным приказным крючком. Он всегда был в курсе дел своего начальника и частенько брал для него взятки. Рассказав Тань Цзуню о вчерашнем визите, начальник уезда признался, что намерен отомстить своему обидчику, поэтому думает разузнать о каких-нибудь его проступках, чтобы арестовать его.

— Если вы решили разделаться с Лу Нанем, — отвечал Тань Цзунь, — то сделать это будет весьма трудно. Так что, прошу вас, оставьте эти мысли.

— Почему же? Я ведь хозяин целого уезда, — удивился Ван Цэнь.

— Лу Нань — мой земляк. Я знаю, что он очень богат и что среди его друзей и знакомых немало людей высокопоставленных. Он мнит себя талантом и нередко позволяет себе много вольностей, но его проказы не нарушают законов. Допустим, что мы его арестуем. Но у такого человека, как он, всегда, конечно, найдется сильная рука. Дело дойдет до высших властей — его оправдают и, уж во всяком случае, не вынесут ему смертного приговора. Тогда, озлобленный, жаждущий мести, он сможет доставить вам много неприятностей.

— Ты, конечно, прав. Но не думаю, чтобы за таким распушенным человеком, как Лу Нань, не было каких-нибудь значительных проступков. Пойди-ка разузнай хорошенько. А я уж тогда найду выход.

Тань Цзунь не стал возражать. Не успел он выйти, как начальнику уезда принесли подарки, возвращенные Лу Нанем. Задетый за живое и не зная, на ком выместить злобу, начальник обрушился на слугу, который без разрешения принял обратно его дары, распорядился, чтобы ему дали двадцать палок, а вино и деньги раздали слугам. Вот уж поистине,

*Коль всех людей отговорить
друг другу делать зло лихое,
На целом свете бы никто
тогда не скрежетал зубами.*

Но это только первая часть рассказа, теперь поведаю о другом. У подножия горы Фуцю жил один крестьянин по имени Ню Чэн, жена его была урожденная Цзинь. Жили они бедно; добрым нравом и хорошим поведением Ню Чэн не отличался, поэтому никто его и не нанимал обрабатывать свои поля. Ню Чэн уже ряд лет существовал на то, что работал батраком в хозяйстве Лу Наня. Два года тому назад у него родился сын, и по этому случаю батраки, которые вместе с ним работали, и несколько слуг из дома Лу Наня собрали деньги ему на подарок. Ню Чэн был настолько беден, что ему следовало бы от приема гостей отказаться. Но раз к нему отнеслись так сердечно и отказать в приеме было неудобно, мог бы, не считаясь ни с чем, пригласить людей, поставить им пару рюмок вина, и все тут. Так нет, взбрело ему в голову разыгрывать широкую натуру: взял под расписку у одного из слуг Лу Наня, некоего Лу Цая, два лана серебром, приглашал гостей и устроил настоящий пир. Мало того, еще и соседям послал угощение, и все обставил так пышно — ни дать ни взять как в доме богача. Люди, конечно, были очень довольны. Но случилось так, что как раз через день после рождения мальчика напугала кошка, поэтому людям не удалось вволю погулять, и все торжество было испорчено.

Надо сказать, что, одалживая Нью Чэну деньги, Лу Цай держал в голове недоброе. Вы спросите — почему? Дело в том, что жена Нью Чэна была в общем недурна собой, и Лу Цай полагал, что это поможет ему как-то сойтись с ней. Но из этого ничего не вышло: жена Нью Чэна, которая была не прочь с другими заводить шашни, с ним не хотела иметь никакого дела. Более того, она рассказала мужу о том, как Лу Цай пристаёт к ней. Нью Чэн, считавший свою жену женщиной примерного поведения, возненавидел Лу Цая и решил не возвращать ему долга. Более года Лу Цай вертелся вокруг жены Нью Чэна, но та напускала на себя важный вид, и ему никак не удавалось поддеть ее на крючок. Тогда он бросил думать о ней и стал требовать у Нью Чэна свои деньги. Дважды доходило до драки. Но денег Лу Цай так и не получил. Кто-то однажды посоветовал Лу Цаю:

— Послушай, он же много лет работает батраком на твоего хозяина. Дождись, когда там будут выдавать батракам серебро за работу, и тут же заведи у него свои деньги. Что еще думать!

Лу Цай последовал этому совету и больше не приставал к Нью Чэну. Подошла середина двенадцатого месяца, и Лу Цай стал следить за тем, кто когда получает деньги. У Лу Наня земли и имущества было много, и потому, помимо домашней челяди, он держал не одну сотню наемных работников. Каждый год в середине двенадцатого месяца этим людям выдавали заработанное ими за год. Когда наступали такие дни, все приходило получать деньги. Боясь, как бы его собственные слуги не обманули и не обсчитали батраков, Лу Нань сам вызывал людей по именам, сам выдавал им деньги и еще приказывал каждого батрака угостить вином и закуской. Те, выпив и закусив, благодарили хозяина низким поклоном и уходили. Когда Нью Чэн вышел от Лу Наня и подходил к воротам, его сразу же схватил Лу Цай и, не отпуская, стал требовать возвращения долга. Нью Чэну вообще отдавать деньги было как будто от него отрезают кусок мяса, в особенности отдавать Лу Цаю, на которого он был зол за то, что тот приставал к его жене; а тут, после вина, он вовсе расхрабрился и стал нагло отпираться.

— Раб собачий! Еще требует, чтобы я вернул ему деньги! Да как у тебя хватает совести обижать меня! Сейчас я с тобой рассчитаюсь! — заорал он и со всей силой толкнул Лу Цая в грудь, да так, что тот отлетел шагов на десять. Не ожидавший удара, Лу Цай едва удержался на ногах, а когда опомнился, набросился на Нью Чэна. Завязалась драка. Слова «раб собачий» привели в негодование слуг Лу Наня, и они наперебой стали ругать Нью Чэна:

— Ишь как разошелся! Да хотя бы ты и был прав, ты же батрак в нашем доме, обязан хоть немного да уступать нам, слугам. А тут — должен деньги и смеешь себя так вести. Надо побить эту скотину!

Слуги разом навалились на Нью Чэна и стали его избивать. А как говорится, двумя кулаками четырех рук не одолеешь: где было одному Нью Чэну справиться с такой оравой! Досталась ему немалая порция тумачков и пинков. Между тем, подсмотрев, что Нью Чэн положил деньги в *набрюшник, Лу Цай сорвал с него пояс, вытащил из набрюшника деньги и ушел.

Случилось так, что до Лу Наня, который в это время сидел в своем тихом кабинете, донеслись какие-то крики и возня у ворот. Он позвал привратника и поинтересовался, что там такое происходит. Порядки в доме были строгие, и привратник, боясь как бы ему самому не пришлось отвечать, взял и выложил хозяину всю правду. Тогда Лу Нань приказал найти и привести к нему Лу Цая.

— Я ведь заранее предупреждал: без разрешения никто не имеет права давать деньги в долг и наживаться за счет бедных людей, — заявил он Лу Цаю. — Если подобное случается, я отбираю у виновного долговую расписку, а его самого жестоко наказываю и выгоняю. Как же ты посмел поступать против моих правил, мало того, еще отнять у человека деньги и избивать его? Повести себя до такой степени возмутительно!

С этими словами он вынул из набрюшника Лу Цая деньги и долговую расписку. Лу Цаю дали тридцать палок, сказали, что больше он здесь не нужен, и прогнали. Привратнику Лу Нань наказал:

— Когда Ню Чэн появится, пусть придет ко мне, верну ему его долговую расписку.

А теперь вернемся к Ню Чэну. Ведь только он выпил вина и закусил, как на него тут же набросились и жестоко избили, притом еще и все деньги отняли. Что было делать? Он и так думал, и этак, и чем больше думал, тем больше выходил из себя. Среди ночи он стал гореть, как в огне, на сердце было невыносимо тяжело. На следующий день он уже был не в силах подняться с постели, а еще через день с утра поздравил жену и сказал ей:

— Чувствую, со мной худо дело. Уж не умру ли?! Быстро беги за старшим братом, надо поговорить с ним.

С древних времен известно: без случайности не бывает и рассказа. Так вот, сводный брат Ню Чэна, а звали его Ню Вэнь, в свое время продал себя в услужение Тань Цзуню, секретарю начальника уезда. Цзинь, жена Ню Чэна, не раз, бывало, приходила к нему домой, так что дорога туда была ей знакома, и она тут же пошла выполнять поручение мужа. Слова его о том, что он может умереть, так ее разволновали, что, выйдя за ворота, она, как ветер, помчалась в уезд разыскивать Ню Вэня.

Надо сказать, что Тань Цзунь, выполняя поручение начальника, повсюду разузнавал и расспрашивал о Лу Нане в надежде хоть к чему-то придраться. Старания его ни к чему не приводили, а тут еще начальник не раз торопил его с этим делом, так что секретарь не знал, что ему и предпринять. В тот самый день, когда Ню Чэн послал за братом, Тань Цзунь сидел у себя в ямэне. Вдруг он заметил, что во двор стремительно вбегают какая-то женщина. Тань Цзунь пригляделся: оказалось, это не кто иной, как жена младшего брата его слуги Ню Вэня. Подбежав к Тань Цзуню и пожелав ему тысячу благ, Цзинь обратилась к нему:

— Разрешите спросить, уважаемый секретарь, где сейчас наш Ню Вэнь?

— Он у главных ворот, покупает там овощи, сейчас явится. А на что он тебе вдруг срочно понадобился?

— Дело в том, уважаемый секретарь, что позавчера мой муж повздорил со слугой из дома господина Лу Наня, неким Лу Цаем. Той же ночью он заболел, а сейчас ему стало так плохо, что он послал меня за братом, чтобы с ним посоветоваться.

Услышав такое, Тань Цзунь, с трудом сдерживая радость, тут же спросил у женщины:

— Расскажи, из-за чего же они поссорились?

Цзинь тогда подробно рассказала о том, как в свое время Чэн одолжил у Лу Цая деньги и что из-за этого потом произошло, вплоть до истории, когда они подрались.

— Ах вот оно что! — сказал Тань Цзунь. — Ну, коли все обойдется, так ладно. Но если только с твоим мужем случится что-нибудь, сейчас же мне сообщи. А в том, что обида твоя будет отомщена, ложись на меня, мы еще заставим его раскошелиться, да так, что тебе до конца дней хватит прожить в достатке.

— Если господин секретарь согласится мне помочь, что я могу желать лучшего! — радостно воскликнула женщина.

Тем временем подошел Нью Вэнь. Цзинь рассказала ему все, и они вместе направились домой. Когда они выходили из ворот ямэня, Тань Цзунь прокричал им вдогонку:

— Если что-нибудь случится, сообщите сразу же!

Не прошло и часа, как Цзинь и Нью Вэнь были дома. В комнате царила полная тишина; они подошли к кровати больного и застыли в ужасе — Нью Чэн, вытянувшись, лежал неподвижно. Он был давным-давно уже мертв. Цзинь разрыдалась во весь голос. Действительно,

*Жена и муж — совсем как птицы,
живут в одном лесу;
Но вот *великий срок приходит —
тогда им врозь лететь.*

На плач сбежались соседи.

— Подумать только, — причитали они, — здоров был и силен, как тигр, и так внезапно умер. Бедный! Бедный!

— Хватит плакать! — сказал Нью Вэнь вдове. — Пойдем вместе сообщить о его смерти моему хозяину, а потом уже позаботимся об остальном.

Цзинь заперла ворота, попросила соседей присмотреть за домом и последовала за Нью Вэнем.

— Наверное, пошли жаловаться в ямэнь, — решили соседи. — Раз у нас случилось такое несчастье, надо бы и нам пойти в ямэнь и заявить, чтобы снять с себя ответственность.

Рассудив так, они тотчас отправились в ямэнь.

Тем временем известие о смерти Нью Чэна обошло всю округу, и об этом сразу же доложили Лу Наню. Надо сказать, что Лу Нань был человеком, который к делам относился небрежно; поэтому раз

прошли пару дней, а Ню Чэн за своей долговой распиской не явился, он и вовсе забыл об этом деле. Теперь же, узнав о том, что Ню Чэн умер, поэт приказал слугам найти Лу Цая и отвести его в ямэнь. Но Лу Цай, прослышав о смерти Ню Чэна и боясь, как бы ему не оказаться впутанным в дело, давно уже скрылся.

Между тем Ню Вэнь и Цзинь, запыхавшись, прибежали в ямэнь и доложили о случившемся Тань Цзуню. Тот обрадовался и прежде всего побежал с докладом к начальнику уезда. Затем он вернулся к вдове и брату умершего, научил их, что они должны говорить, и тотчас настрочил за них донос.

Лу Нань обвинялся в нанесении смертных побоев Ню Чэну за то, что жена Ню Чэна будто бы отказалась сожительствовать с ним. Затем он приказал Ню Вэню и Цзинь *бить в барабан и жаловаться. Ню Вэнь, подчиняясь его распоряжению, повел за собой невестку и, не считаясь с тем, что все это неправда, схватил первую попавшуюся палку, стал колотить по барабану и что было мочи орать: «Помогите! Спасите!»

Слуги из ямэня, предупрежденные Тань Цзунем, не стали им мешать. Услышав барабанный бой, начальник уезда поспешил выйти в присутствие и распорядился, чтобы к нему привели пострадавших. В то время когда он просматривал жалобу, явились со своими показаниями соседи Ню Чэна. Не обращая внимания на их заявления, начальник уезда задал им лишь несколько вопросов для видимости. Не отпуская людей, не вынося никаких решений, он тут же кинул *палочку, приказал взять Лу Наня и доставить его в ямэнь.

Людей, отправлявшихся к Лу Наню, Тань Цзунь напутствовал следующими словами:

— Начальник уезда очень зол на Лу Наня. Так что, когда придете к нему, хватайте всех, кто попадется, кроме женщин и детей, и волоките в ямэнь.

Служители ямэня знали о вражде между начальником уезда и Лу Нанем. К тому же они понимали, что к такому видному и знатному человеку, как Лу Нань, в одиночку или вдвоем не войдешь. Поэтому они собрали всех, кто был в ямэне. Набралось человек пятьдесят, и все они, как разъяренные тигры, помчались к дому Лу Наня.

Стояла середина зимы. Дни были короткие, время приближалось к вечеру. Красные облака находили друг на друга, северный ветер пронизывал до костей, было очень холодно. Тань Цзунь, выслуживаясь перед начальником уезда, расщедрился на вино, чтобы «подогреть» служителей ямэня.

И вот вся ватага во главе с факельщиками подбежала к воротам дома Лу Наня и с криками ринулась в сад. Они хватали всех, кто попадался им на глаза. Слуги Лу Наня, не понимая, что происходит, метались из стороны в сторону, падали, сбиваемые с ног ворвавшейся толпой. Дети плакали, женщины кричали, не зная, куда спрятаться.

В это время жена Лу Наня со служанками грелась у печки. Услышав страшный шум в саду, она подумала, уж не пожар ли это, и приказала служанкам пойти посмотреть, что случилось. Не успели служанки сойти с места, как к дверям подбежал слуга:

— Хозяйка, беда! В сад ворвалась целая толпа каких-то людей с факелами!

Жена Лу Наня решила, что на дом напали грабители, — от страха у нее зуб на зуб не попадал.

— Скорей закройте дверь! — приказала она служанкам.

Те бросились было к двери, но тут вдруг комната озарилась светом факелов. Служанки, не успев скрыться, подняли крик:

— Пощадите, атаманы! Пощадите!

— Что мелете ерунду! Мы по приказу начальника уезда пришли арестовать Лу Наня. Какие там атаманы!

Жена Лу Наня поняла тогда, что начальник уезда решил отомстить мужу за оскорбление и затеять дело против него.

— Раз вы не грабители, а служители ямэня, то должны знать, как вести себя! — набросилась она на ворвавшихся. — Если даже что и стряслось, то это какая-нибудь чепуха, вроде земельных дел, подворных налогов или регистрации брака. Во всяком случае, не страшное преступление. Почему же вместо того, чтобы прийти днем, вы являетесь среди ночи целой толпой с факелами и оружием? Почему, как разбойники, врываетесь в дом, во внутренние покои? Чтобы пограбить заодно, что ли? Посмотрю, что вы скажете завтра в свое оправдание в ямэне.

— Нам подавайте Лу Наня, а там можете жаловаться, — отвечали служители и бросились обыскивать комнату. Наконец, набив карманы изящными безделушками и драгоценностями, которые пришлось им по вкусу, они побежали в другое помещение. Женщины от страха попрятались под кровати. Не найдя нигде Лу Наня, посланцы из ямэня, рассчитывая, что хозяин должен быть в садовом павильоне, толпой повалили туда.

Они не ошиблись. Лу Нань с гостями был там и пил вино, по сторонам актеры развлекали гостей игрой и пением. Слуга, посланный на розыски Лу Цая, докладывал в это время хозяину, что Лу Цай исчез. Вдруг к павильону подбежали двое слуг, крича:

— Хозяин, беда!

— Что случилось? — спросил поэт не совсем трезвым голосом.

— Ничего не знаем. Целая толпа ворвалась в дом, грабят и хватают всех, кто попадает под руку. Сейчас они в ваших покоях.

Гости Лу Наня испугались, мигом прошел хмель.

— Что же это такое? — возмутились они и поднялись с мест, чтобы посмотреть, что происходит. Лу Нань, не придавая этому никакого значения, напротив, задержал гостей:

— Они пусть грабят, а мы в свое удовольствие будем пить. Нечего портить себе настроение. Давайте разольем еще горячего вина.

Слуги, топая ногами от нетерпения, возмутились:

— Хозяин, там происходит что-то невообразимое. Как же можно при этом сидеть и пить!

Вдруг замелькали огни, и толпа служителей с громкими криками ворвалась в павильон. Актеры, не зная, где спрятаться, в испуге заметались по павильону.

— Что за люди? Как смеют безобразничать здесь?! — закричал разъяренный поэт. — Взять их немедленно!

— Начальник уезда приглашает вас поговорить, — услышал Лу Нань, — так что, пожалуй, нас-то вам не взять.

И петля веревки легла на шею Лу Наня.

— А ну, поворачивайся живее! — заорали служители.

— Что от меня надо? — возмутился поэт. — Такое бесчинство устроить! Никуда я не пойду!

— Откровенно говоря, — заявил один из служителей, — раньше тебя, бывало, в ямь просишь не допросишься, ну а уж теперь-то мы приведем.

С этими словами они, таща на аркане и пиная Лу Наня, выволокли его из павильона. С Лу Нанем схватили человек пятнадцать его слуг. Посланцы из ямня собирались арестовать даже гостей Лу Наня, но, признав в них известных ученых и молодых людей из знатных семей, не решились их тронуть.

С шумом и гамом служители толпою вывалились из сада и понесли прямо в ямь. Обеспокоенные гости пошли следом, чтобы разузнать, что произошло. Попрытавшиеся слуги стали вылезать из своих укрытий. Жена Лу Наня приказала кое-кому из них взять деньги и отправиться в ямь, чтобы навести справки.

Тем временем начальник уезда в ямне ожидал своих людей. Ярко горели фонари и факелы, было светло как днем и совершенно тихо. Лу Наня и его слуг втащили прямо в зал. Когда поэт поднял голову и взглянул на начальника уезда, он увидел в лице Ван Цэня столько ненависти и злобы, что ему показалось, будто перед ним сидит сам дьявол, а служители ямня, выстроившиеся в два ряда по обеим сторонам от своего начальника, ничем не отличались от рогатых чудовищ, служителей преисподней. Людей Лу Наня при виде этой жуткой картины от страха проняла дрожь.

— Лу Нань вместе с остальными приведены, — доложили служители. Свидетелей по делу ввели и разместили на ступенях возле помоста, где сидел начальник уезда. Все они стояли молча, опустившись на колени. Тут же в сторонке склонили колени Ню Вэнь и Цзинь. Один Лу Нань стоял во весь рост. Начальник уезда вперил в него возмущенный взгляд:

— Велика персона! Буян какой-то из захолустья! Как держишь себя перед начальством! В другом месте можешь, ничего не боясь, бесчинствовать, но не здесь! Я-то не собираюсь с тобой считаться. Препровожу тебя в тюрьму и посидишь там немного.

— Могу и в тюрьме посидеть, но сначала объясните, в чем это я так провинился, что люди ваши ночью врываются в мой дом и арестовывают меня.

— Ты принуждал к сожительству жену честного человека, а когда она тебе отказала, забил до смерти Ню Чэна. Преступление, поди, не малое!

— Я-то думал, действительно какое-нибудь страшное преступление! — ответил Лу Нань с презрительной улыбкой. — Оказывает-

ся, все дело в Нью Чэне. По-твоему, выходит, мне нужно отвечать своей жизнью за его смерть. Стоило из-за этого поднимать столько шума. Нью Чэн работал у меня батраком, подрался с моим слугой Лу Цаем и умер от побоев. Ко мне это не имеет никакого отношения. Да если бы я даже и убил его, за это не карают смертью. Ты хочешь доказать то, чего нет, взваливаешь на меня вину, которой за мной нет и тени, — и все это ради того, чтобы свести со мной личные счеты. Что ж, я-то это переживу; боюсь только, с разговорами, которые пойдут, тебе не справиться.

— Ты убил свободного человека! — завопил разъяренный Ван Цэнь. — Это очевидно всем, а сам лживо утверждаешь, что он был твоим слугою. Ты клеветешь на должностное лицо, не желаешь стать перед ним на колени. Если ты здесь, в зале присутствия, позволяешь себе так безобразничать, могу себе представить, какие беззакония творишь вообще! Убил ты или не убил — все равно! Довольно и того, что сейчас бунтуешь против «отца и матери народа»! Дать ему палок!

Служители поспешили выполнить приказ начальника: набросились на Лу Наня и повалили его. Тот не своим голосом заорал:

— Благородного человека можно убить, но нельзя бесчестить! Я, Лу Нань, человек волевой, что мне страшиться смерти! По-твоему, я должен признать себя виновным в тягчайшем преступлении; так чего проще — возьми и приговори меня к казни, и наказывать палками не придется.

Для служителей слова Лу Наня ничего не значили, они скрутили его и нанесли ему тридцать сильных ударов.

— Довольно! — распорядился начальник уезда и приказал Лу Наня и его слуг заключить в тюрьму.

Тут же он велел купить для покойного Нью Чэна гроб, уложить тело, а затем доставить гроб с телом в ямь для освидетельствования.

Брат и жена покойного вместе со свидетелями дали обязательство немедленно явиться по вызову на разбор дела.

Лу Нань, весь в крови, встал и, хохоча, вышел из зала, поддерживаемый двумя слугами.

Друзья поэта, давно уже ожидавшие его у выхода, подошли к нему. Слуги Лу Наня, опасаясь, как бы и их не схватили, стояли поодаль, не смея приблизиться.

— Что же стряслось, что дошло даже до наказаний палками? — спросил Лу Наня один из друзей.

— А ничего, — ответил Лу Нань. — Начальник уезда решил отомстить мне за обиду, только и всего. Для этого он взвалил преступление моего слуги Лу Цая на меня самого и намерен подвергнуть меня небольшому наказанию вроде смертной казни.

— Неужели возможна такая несправедливость?! — возмутились друзья поэта. При этом один из них сказал: — Подожди, я вернусь и поговорю дома с отцом. Завтра он возьмет с собой почтенных и влиятельных жителей уезда, пойдет с ними в ямь, и там они по душам побеседуют с начальником. Нет сомнения, что он, опасаясь пересудов, освободит вас.

— Все не стоит вам себя и других затруднять, — ответил Лу Нань. — Пусть делает что хочет! У меня к вам есть дело поважнее. Не откажите в любезности зайти ко мне домой и передать, что я велел прислать в тюрьму побольше вина.

— Сейчас вам следовало бы поменьше пить.

— Самое драгоценное в человеческой жизни — это делать то, чего просит душа, — ответил с улыбкой поэт. — Бедность или богатство, слава или позор — все это вещи вне нас самих, и что мне они? Неужели из-за того, что начальник уезда собирается погубить меня, я должен отказаться от вина?

В это время тюремщик стал толкать Лу Наня в спину, приговаривая:

— Давай-ка в тюрьму, в другой раз поговоришь!

Это был некий Цай Сянь, которому начальник уезда доверял и на которого очень полагался.

— Мерзавец! — набросился на него поэт, гневно сверкнув глазами. — Какое тебе дело до того, что я разговариваю!

— Какое дело! — гаркнул тюремщик, тоже вспыхнув. — Ты теперь простой преступник, так что оставь-ка лучше свои барские замашки!

— Как это преступник! — рассвирепел Лу Нань. — Захочу и не пойду, что ты мне сделаешь?

Цай Сянь собирался что-то ответить, но несколько благоразумных тюремщиков оттолкнули его и после долгих уговоров убедили Лу Наня войти в тюрьму. Друзья Лу Наня разошлись. Нечего и говорить, что слуги Лу Наня, вернувшись домой, подробно рассказали обо всем жене хозяина.

Между тем Тань Цзунь, покинув зал присутствия вслед за Лу Нанем, подслушал его разговор с друзьями и слово в слово передал его начальнику уезда. На следующий день начальник сказался больным, не выходил в зал, не разбирал никаких дел, так что, когда к нему явились присланные друзьями Лу Наня местные чиновники и видные люди, привратник даже не принял у них визитных карточек. После их ухода, уже во второй половине дня, начальник уезда вошел в присутствие, приказал вызвать вдову Цзинь и свидетелей, позвать осмотрщика трупов, привести из тюрьмы Лу Наня и его слуг и со всеми отправился на освидетельствование трупа Ню Чэна. Осмотрщик трупов знал о намерениях начальника уезда, поэтому представил царапины и синяки на теле Ню Чэна как результат серьезных ранений и тяжких побоев; одновременно и местные жители поняли, что начальник решил разделаться с Лу Нанем, и в один голос твердили, что Лу Нань — убийца Ню Чэна.

Тогда начальник уезда велел Лу Наню представить его договор с батраком Ню Чэном и, объявив договор фальшивым, порвал его на мелкие куски; затем, подвергнув поэта жестоким пыткам, тут же приговорил его к смертной казни. Наконец, он приказал дать Лу Наню двадцать тяжелых ударов палками, на руки и шею надеть длинную *кангу и заключить в камеру для смертников. Слуги Лу Наня, полу-

чив по тридцать палок, были осуждены на три года каторги, но под поручительство их освободили впредь до особого распоряжения. Жена и брат покойного Ню Чэна, свидетели и все привлеченные к делу были отпущены по домам. Гроб с покойником пока оставался на месте до подтверждения решения высшими инстанциями.

Затем, составив из всех показаний и свидетельств дело, начальник уезда сопроводил его донесением высшему начальству, указав на неповиновение Лу Наня и на его неуважение к должностным лицам. Никаких заверений и доводов влиятельных людей начальник уезда не желал даже и слушать. И вот что говорят стихи:

*Начальник уезда мог с древних времен
любую семью разорить,
И помним еще до сих пор мы о том,
как зря пострадал *Гунье Чжан.
Высокий ученый вчера еще жил
в довольстве, не зная беды,
Сегодня в саду знаменитом его
растут без присмотра цветы.*

Лу Нань — человек из богатой семьи. Бывало, вскочит у него какой-нибудь прыщик, как уж зовут на помощь врача. Не удивительно, что после таких побоев он долго лежал без сознания. На его счастье, тюремщики знали, что он богат, поэтому ухаживали за ним и тотчас постарались достать целебную мазь. Жена Лу Наня прислала врача, так что не прошло и месяца, как поэт поправился. Друзья Лу Наня не забывали о нем и постоянно приходили в тюрьму навещать его. Тюремщики уже давно получили свое, в обиде не оставались и всех беспрепятственно пропускали к поэту. Цай Сянь был единственным тюремщиком, который, стараясь во всем угождать начальнику уезда, каждый раз бегал докладывать ему о посетителях Лу Наня.

Как-то раз, никого не предупредив, начальник уезда нагрязнул в тюрьму, где действительно застал приятелей Лу Наня. Так как все это были люди ученые, влиятельные и известные, Ван Цэнь ничего не посмел им сделать и велел лишь выпроводить их из тюрьмы. Он приказал дать двадцать палок Лу Наню и строго наказать человек пять тюремщиков. Те отлично понимали, что это дело рук Цай Сяня, но им ничего не оставалось, как молчать, стиснув зубы, — связываться с Цай Сянем, своим человеком у начальника уезда, никто, конечно, не решался.

Лу Нань привык жить в высоких и просторных комнатах, носить парчовые одежды, есть отменные блюда. Глаза его любовались стройными деревьями и бамбуками, цветами и травами; слух его услаждали звуки свирелей и флейт; вечером к нему приходили наложницы в пурпурных, лазоревых одеяниях, и он то обнимал одну красавицу, то ласкал другую; он жил беззаботно, как небожитель. Теперь он сидел в крохотной каморке, где не поместилась бы и половина его лежанки; он видел изо дня в день одних лишь смертников, которые своими свирепыми лицами, руганью и криками напоминали ему сборище бесов. В ушах непрерывно стоял звон цепей, шум колодок и на-

ручников. С наступлением вечера раздавались окрики ночной тюремной стражи, сопровождаемые ударами в колотушку и в гонг и тягучим монотонным пением стражников. Грусть и тоска наполняли душу поэта. И хотя Лу Нань был вообще человеком широкой и независимой натуры, все это, конечно, убивало его. Временами он досадовал, что у него нет крыльев, чтобы улететь из тюрьмы. Порою ему так и хотелось топором разнести двери и выпустить всех узников. А при воспоминании о пережитом позоре у Лу Наня волосы на голове вставали дыбом от ярости и гнева.

«Всю свою жизнь я прожил достойным мужем и надо же было попасться в руки этому коварному преступнику! — рассуждал Лу Нань. — По его милости я здесь. Настанет ли день, когда я смогу вырваться? Но пусть даже вырвусь я отсюда, с каким лицом предстану перед людьми? Да и зачем мне нужна такая жизнь? Не лучше ли покончить с собой и все. Нет, так нельзя, нельзя! В древности *Вэньван находился в заключении в Юли, *Чэн Тан сидел в башне Ся, *Сыма Цянь и Сунь Бинь подверглись позорному наказанию. А это все были мудрые, высоконравственные люди. И раз они находили нужным терпеть позор и ждать своего времени, то смею ли я думать о том, чтобы покончить с собой? В конце концов, у меня знакомых полон свет, — продолжал рассуждать Лу Нань, — среди них немало известных ученых, чиновников и видных людей вообще. Неужели они будут сидеть сложа руки и ждать моей гибели? Или, может быть, они не знают, что я жертва возмутительной несправедливости? Надо будет подробно написать им обо всем, чтобы они хлопотали перед высшими властями о моем освобождении».

Лу Нань тут же написал несколько писем и через своих слуг разослал их во все концы. Среди друзей, к которым обратился поэт, были состоящие на службе, были и чиновники в отставке. Получив письма, они были потрясены случившимся. Одни обратились прямо к начальнику уезда, настаивая на смягчении приговора, другие — к высшим властям с просьбой пересмотреть дело. Высшие ведомственные чиновники, зная Лу Наня как одного из талантливейших людей и желая ему помочь, вернули донесения Ван Цэня в уезд, причем дали понять, что семье Лу Наня следовало бы подать жалобу в высшую инстанцию, тогда дело можно было бы передать в другое ведомство на пересмотр. Узнав об этом, Лу Нань ожил. Он тут же велел домашним разослать во все вышестоящие яэни жалобы на несправедливые действия Ван Цэня, и каждый яэнь действительно вынес решение о передаче дела Лу Наня в областную судебную управу для пересмотра. Областной судья, который был уже в курсе дела, тем временем успел получить много писем и просьб — и больше всего из уезда, где начальником был Ван Цэнь. Сам Ван Цэнь за несколько дней получил десятки писем с ходатайством об освобождении поэта и просто не знал, как ему быть, а тут еще вернулись донесения по делу Лу Наня. Ко всему этому через несколько дней из областной судебной управы пришло распоряжение: Лу Наня вместе с материалами дела доставить в область. Начальник уезда понял, что выше-

стоящие ведомства намерены освободить Лу Наня, и не на шутку испугался.

«До чего изворотлив, негодяй! — возмутился начальник уезда. — Как это он, сидя в тюрьме, сумел связаться с различными учреждениями и все наладить? Если его освободят, он мне не простит. Ладно, раз начал дело, надо его кончать. Худую траву нужно вырывать с корнем, а то потом бед не оберешься!»

В тот же вечер Ван Цэнь велел Тань Цзуню отправиться в тюрьму и приказать Цай Сяню прикончить поэта. Лу Наня вывели в глухое место, все тело исполосовали ударами плети, повалили на землю, связали руки и ноги, на лицо бросили мешок с землей: тут ни времени не вернуть, ни от горя не закричать!

Как жаль, что человек такого таланта канет в вечность в глубинах этой тюрьмы! Да,

*Доблестный рыцарь, нередко в душе
бесконечною болью терзаясь,
Светлою дымкой во мраке ночи,
бессильный, один погибает.*

Но расскажем вот еще что. В уезде Сюньсянь помощником уездного инспектора по уголовным делам был некий Дун Шэнь из чиновной семьи. Дела он вел энергично, действовал всегда мягко, без крайностей. Дун Шэнь никак не мог в душе смириться с тем, что начальник уезда неправедными путями впутал Лу Наня в дело и вынес ему столь суровый приговор. Но был он всего-навсего мелким чиновником, занимал незначительную должность и не посмел вмешиваться. Каждый раз, когда Дун Шэнь приходил по делам службы в тюрьму, он непременно заходил к Лу Наню побеседовать, так что вскоре между ними завязалась дружба.

Как раз в тот вечер, когда Лу Наня по приказу начальника уезда вывели из тюрьмы, Дун Шэнь пришел туда с обходом. Не найдя поэта на месте, он потребовал объяснений у тюремщиков, но те помалкивали. Только когда Дун Шэнь в негодовании пригрозил наказать их палками, они признались:

— Господин начальник прислал сюда секретаря Тань Цзуня, и тот приказал покончить с Лу Нанем. Его уже увели, — прошептал один из них.

— Уездный начальник — это же отец и мать народа, как мог он пойти на такое?! — в гневе закричал помощник инспектора. — Не иначе, как это вы, подонки, занимались вымогательством, хотели все вытянуть из Лу Наня, а когда увидели, что не получается, решили убить его. Скорее ведите меня к нему!

Тюремщики, не смея ослушаться, провели Дун Шэня в маленький темный проход за тюрьмой, где они сразу же наткнулись на Тань Цзуня и Цай Сяня.

— Взять их! — не своим голосом закричал помощник инспектора и, подойдя к ним, увидел на земле лежавшего навзничь Лу Наня.

Он был связан по рукам и ногам, лицо придавлено тяжелым мешком с землей. Дун Шэнь приказал снять мешок и стал громко звать Лу Наня, пытаясь привести его в чувство. Судьбою, как видно, не предназначено было Лу Наню умереть: поэт постепенно стал приходить в себя; его развязали, перенесли в камеру и напоили горячим супом. Только тогда Лу Нань обрел дар речи и смог рассказать о том, как в тюрьму пришел Тань Цзунь и приказал Цай Сяню выполнить злодейский замысел.

Успокоив немного Лу Наня, помощник инспектора покинул его, а сам повел Тань Цзуня и Цай Сяня в тюремное помещение, где проводилось дознание. При этом он размышлял: «Конечно, все это сделано по распоряжению начальника уезда, но, если сейчас вывести все на чистую воду, начальник ни в чем не признается. Можно было бы пытаться Тань Цзуня и заставить его признаться, однако он правая рука начальника уезда, и Ван Цэнь может обвинить меня в том, что я самовольно наказал его первого помощника. Получилось бы неладно». Тогда Дун Шэнь вызвал одного Цай Сяня. Он решил вынудить у него признание, что Лу Нань отказался дать ему и Тань Цзуню денег и что за это они задумали убить его.

Но Цай Сянь только твердил, что он поступал по приказу начальника.

— Пытать его! — закричал тогда в гневе Дун Шэнь.

Напомню здесь, что совсем недавно Цай Сянь донес на стражу, что она пропускает к Лу Наню гостей. После этого начальник уезда сам осмотрел тюрьму и приказал всех тюремщиков высечь.

Теперь они не хотели упустить удобного случая, чтобы отомстить Цай Сяню, и выбрали ему пару самых коротких и крепких тисков. Как только его зажали, Цай Сянь начал неистово кричать и дважды проорал: «Я признаюсь». Добившись цели, помощник инспектора приказал прекратить пытку. Но тюремщики, злые на Цай Сяня, притворились, что не слышат, и еще сильнее поджали тиски. От нестерпимой боли Цай Сянь стал призывать отца, мать и всех предков до восемнадцатого колена. Дун Шэню пришлось несколько раз прикрикнуть на тюремщиков, прежде чем те прекратили пытку. Помощник инспектора велел дать Цай Сяню бумагу и кисть и приказал ему изложить свои показания собственноручно. Тому ничего не оставалось, как написать все под диктовку помощника инспектора.

— Не выпускайте этих двоих, — приказал Дун Шэнь тюремщикам, *запрятав в рукав признание Цай Сяня. — Я повидею начальника уезда, а потом приду за ними.

Дун Шэнь вышел из тюрьмы, вернулся в ямэнь и в ту же ночь написал донесение по этому делу.

На следующий день, когда начальник уезда вышел на утренний прием, помощник инспектора сам пошел к нему с донесением.

Начальник уезда в это утро был растерян: до сих пор не вернулся Тань Цзунь; теперь, когда он увидел помощника инспектора и тот доложил ему о случившемся, он и вовсе испугался. В душе он возненавидел Дун Шэня за то, что тот сорвал все его планы, но что

он мог с ним сделать. Прочтя донесение Дун Шэня, он лишь покачал головой и произнес: «Боюсь, что не было этого».

— В тот вечер я видел это собственными глазами, — сказал Дун Шэнь. — Как же уважаемый начальник может говорить, что такого не было? Если вы мне не верите, позовите обоих и допросите их тут же. Тань Цзунь еще, может быть, заслуживает снисхождения, но этот Цай Сянь — наглец. Он до того дошел, что даже пытался запачкать вас. И если наказать его со всею строгостью, это послужит уроком для таких, как он.

Начальник уезда побагровел: слова Дун Шэня задели его за живое; опасаясь огласки и бесчестья, он был вынужден арестовать Цай Сяня и отправить его на каторгу. С тех пор Ван Цэнь затаил злобу против помощника инспектора. Приписав ему несколько историй, в которых Дун Шэнь якобы показал себя как человек недостойный, Ван Цэнь доложил о нем высшим властям. Дун Шэнь был отстранен от должности и покинул уезд. Но это случилось позже, теперь же вернемся к начальнику уезда.

Раздосадованный тем, что ему так и не удалось осуществить до конца свой замысел, Ван Цэнь разослал во все вышестоящие инстанции объяснительные донесения. Кроме того, он специально послал в столицу людей, которым было приказано лично передать донесения влиятельным лицам. Суть их в основном состояла в том, что Лу Нань будто бы, полагаясь на свое богатство и влиятельные знакомства, убивает простых людей, бунтует против начальника уезда и после всего этого прибегает к ходатайствам в надежде избежать наказания. Обстоятельства дела в них были изложены в весьма сгущенных красках. Начальник старался таким путем раздуть дело, придать ему такой характер, чтобы никто не посмел выступить в защиту поэта. Кроме того, Ван Цэнь приказал Тань Цзуню написать от имени Цзинь жалобу на Лу Наня, убийцу ее мужа, переписать эту жалобу в нескольких экземплярах и расклеить на улицах уездного города. Когда все было сделано, Ван Цэнь заготовил официальную бумагу и документы по делу Лу Наня и все это вместе с самим поэтом препроводил в областную судебную управу.

Чиновник, которому надлежало там в этом деле разобраться, вообще был человеком нерешительным и трусливым. Прочитав донесение начальника уезда да еще приложенную к нему жалобу Цзинь, он, разумеется, не посмел вынести то или иное решение сам, боясь, как бы не навлечь на себя неприятности, и, в свою очередь, представил дело на рассмотрение высшему начальству.

Как правило, если уголовное дело проходит через областную управу, другие ведомства уже не решаются вмешиваться в разбирательство. Поэтому Лу Нань надеялся, что на этот раз его выпустят на свободу. Кто мог подумать, что случится наоборот, что обвинение, по которому он был приговорен к смертной казни, так и не будет с него снято. Лу Наня снова препроводили в тюрьму, в уезд Сюньсянь. Оставалось надеяться, что начальника уезда переведут в другое место, дело снова пересмотрят и вынесут оправдание. Что касается Ван

Цэня, то он даже прославился тем, что не побоялся затеять дело со знаменитым богачом и арестовал его. В столице о начальнике уезда Сюньсянь стали говорить как о человеке смелом и решительном, и вскоре он получил повышение. Ван Цэнь стал у кормила власти. Обладая Лу Нань всемогущей силой богов, все равно не нашлось бы человека, который осмелился бы теперь пересмотреть его дело. Правда, один цензор-ревизор, некий Фань, сжалившись над несправедливо осужденным поэтом, распорядился, чтобы Лу Нань был освобожден. Но едва слухи об освобождении Лу Наня дошли до Ван Цэня, тот сразу же попросил своего приятеля по службе написать донос на цензора, будто бы он за взятку выпустил на свободу важного преступника. Фаня отстранили от должности, а уездному управлению было указано снова посадить Лу Наня в тюрьму. Поэтому хоть высшие власти и знали о всей этой несправедливости, но никто уже не выступал в защиту поэта. Кто стал бы ценою собственного чина и должности добиваться его оправдания?

Время мчалось быстро, прошло более десяти лет, а Лу Нань все еще сидел в тюрьме. За это время успели смениться несколько начальников уезда. Нью Вэнь и Цзинь умерли. Ван Цэнь снова получил повышение. Теперь он занимал пост высокого сановника в столице и приобрел огромное влияние. Лу Нань потерял всякую надежду на свободу. Но кто бы мог подумать, что звезда его страданий уже угасала: в уезде Сюньсянь в очередной раз был назначен новый начальник, и можно сказать, что

*В тот день густую темноту
прорезал первый свет;
В то утро чистая роса
не превратилась в иней.*

Новым начальником уезда Сюньсянь оказался некий Лу Гаоцзу, родом из Пинху, что находится в ведении округа Цзясин в провинции Чжэцзян. Это был умудренный опытом правитель, человек обширных познаний, блестящего, тонкого ума, огромных дарований.

Когда Лу Гаоцзу собирался покинуть столицу, где получал новое назначение, Ван Цэнь рассказал ему о Лу Нане, напомнил о его деле и просил иметь это дело в виду. У Лу Гаоцзу сразу же возникли подозрения: «Эта история случилась очень давно, почему же она до сих пор так волнует Ван Цэня? И к чему все эти наставления?»

Вступив в должность, Лу Гаоцзу расспросил о деле Лу Наня местных влиятельных лиц, которые охотно объяснили новому начальнику истинную суть дела. Лу Гаоцзу не решился этому поверить. Он подумал, раз Лу Нань был известным богачом, люди эти могли сваливать вину на других. Тогда, переодетый простолюдином, он стал повсюду наводить справки и снова получил такие же сведения. «Как же мог правитель народа из-за личной вражды состряпать дело на невинного человека и приговорить его к смертной казни?!» — возмущался про себя Лу Гаоцзу и собрался было написать донесение высшим властям, требуя оправдания ни в чем не повинного человека. Но, пораз-

мыслив, решил, что если он отправит донесение, то надлежащие учреждения прежде всего снова начнут с проверки всех доносов, жалоб, пересмотров и так далее, так что опять дело затянется.

«Лучше сначала освободить Лу Наня, а потом уже написать», — рассудил начальник уезда. Приняв такое решение, он вынул свиток с бумагами, относящимися к делу поэта, и внимательно просмотрел документы: все было так хорошо сфабриковано, что прямо-таки не к чему было придрасться. Снова и снова просматривал Лу Гаоцзу эти документы и наконец пришел к выводу, что без Лу Цая дела не разрешить. Назначив награду в пятьсот ланов тому, кто поймает Лу Цая, он велел служителям в кратчайший срок найти и арестовать его. Не прошло и месяца, как Лу Цая привели в ямэнь. Понимая, что ему не отвертеться, Лу Цай сразу же признался во всем, его и пытать не пришлось.

Тогда начальник уезда написал следующее заключение:

Дознанием установлено, что у Ню Чэна, получившего от Лу Наня деньги за работу, потребовал возвращения долга Лу Цай, в связи с чем возникла драка. Из этого ясно, что Ню Чэн являлся батраком Лу Наня. За смерть батрака хозяин не отвечает собственной жизнью, тем более что деньги в долг давал Лу Цай, а не Лу Нань. Лу Цай же требовал их обратно, и именно Лу Цай дрался с Ню Чэном. Следовательно, задерживать Лу Наня и оставлять на свободе Лу Цая нет никаких законных оснований. Лу Цай своим побегом и уклонением от властей, а также тем, что вовлек в дело ни в чем не повинного хозяина своего и свалил на него всю вину, вполне заслуживает смерти, не говоря уже об ответственности за убийство. Лу Нань, который давно находится в заключении и является жертвой допущенной однажды несправедливости, подлежит немедленному освобождению.

В тот же день Лу Наня вызвали из тюрьмы, привели в ямэнь, сняли с него кангу и отпустили домой. Все в ямэне были поражены таким поворотом событий. Сам Лу Нань, который этого совсем не ожидал, был удивлен не меньше других.

Между тем начальник уезда написал донесение, в котором подробнейшим образом изложил суть дела: как все началось с того, что Лу Цай поссорился с батраком, и как в результате несправедливо был осужден поэт. С этим донесением Лу Гаоцзу лично направился в область на прием к главному судье.

Судья принял Лу Гаоцзу, прочел его донесение и подумал, что наверняка неспроста он на свой страх и риск решил освободить Лу Наня.

— Вы не боитесь, уважаемый, навлечь на себя подозрение? — обратился главный судья к посетителю. — Говорят, что Лу Нань очень богат.

— Начальник уезда думает только о том, чтобы был соблюден закон, его не интересует, вызовут ли его действия подозрения окружающих, — возразил на это Лу Гаоцзу. — Его интересует только,

справедливо или несправедливо поступили с человеком, и не интересуется, богат он или нет. Если человек осужден справедливо, то *будь он хоть Бои или Шуци, у меня нет оснований оставить его в живых; если же человек осужден несправедливо, то будь он хоть самым *Тао Чжу, я никогда не вынесу ему смертного приговора.

Главный судья понял, что имеет дело с честным и справедливым человеком, и больше не стал ни о чем расспрашивать.

— В древности, когда *Чжан заведовал Уголовной палатой, в тюрьмах не было несправедливо осужденных людей. Вы, почтеннейший, очень мне его напоминаете. Так что не смею с вами не согласиться, — сказал он Лу Гаоцзу на прощание.

Поблагодарив начальника, Лу Гаоцзу простился и вышел.

Нечего и говорить, что, когда Лу Нань вернулся домой, радости и счастья в его доме не было предела. Родственники и друзья непрерывно приходили к нему с поздравлениями. Через несколько дней после освобождения Лу Нань послал слугу узнать, вернулся ли из области начальник уезда. Получив утвердительный ответ, он собрался нанести ему визит и поблагодарить его.

Жена, увидев, что Лу Нань собирается к начальнику уезда с пустыми руками и в обыденной одежде, заметила:

— Начальник уезда Лу Гаоцзу оказал тебе такую милость! Ты так обязан ему! Надо бы пойти с подарками в знак благодарности.

— Почтенный Лу Гаоцзу своим поступком доказал, что он смелый, благородной души человек и не чета грязным, алчным и ничтожным чиновникам. Мои подарки могут показаться ему оскорбительными.

— Почему же оскорбительными? — удивилась жена.

— Я терпел несправедливость больше десяти лет. За это время ни один из начальников не пожелал вникнуть в суть дела, каждый боялся навлечь на себя подозрения и неприятности. А Лу Гаоцзу, как только приехал в наш уезд, сразу понял, что на меня была возведена напраслина, и тотчас освободил меня. Не будь он человеком исключительных талантов, большого ума и необычайной смелости, разве мог бы он так поступить? И если я сейчас стану одаривать его за все, что он для меня сделал, об этом можно будет сказать словами *Конфуция: «Древние люди понимали меня, а я не понял древних людей». Как же могу я так поступить?!

Так он и отправился с пустыми руками. Лу Гаоцзу, зная, что Лу Нань — человек талантов необычайных, не счел удобным отнестись к нему с пренебрежением и пригласил поэта в свои внутренние покои.

Перед начальником уезда Лу Нань не стал на колени, а лишь низко поклонился ему, и, хотя поведение гостя показалось Лу Гаоцзу странным, все же он ответил ему поклоном и пригласил сесть. Слуга поставил стул для Лу Наня в стороне от кресла начальника уезда. И вот, подумайте, не странно ли: Лу Нань, которого давно все считали преступником, был освобожден из тюрьмы только благодаря Лу Гаоцзу. Лу Гаоцзу, можно сказать, вторую жизнь ему подарил; за такую милость следовало бы не только кланяться до земли, но и чело раз-

бить в поклонах. Посмей Лу Нань поклониться, но не стать на колени перед другим правителем уезда, такое неуважение, несомненно, вызвало бы недовольство начальника. Лу Гаоцзу же не только не придал этому никакого значения, но, напротив, предложил гостю сесть: все это свидетельствовало о его широкой, великодушной натуре и любви к ученым. Можно ли было предположить, что Лу Нань останется еще недовольным, обидится и скажет:

— Почтенный отец и мать народа, Лу Нань сидел в камере смертников, но никогда еще не сидел в стороне.

Услышав такое, начальник уезда поднялся и стал приветствовать поэта заново, как почетного гостя.

— Это моя вина, — промолвил он и предложил Лу Наню занять почетное место.

Гость и хозяин, восхищенные обществом друг друга, беседовали о делах древних времен и нынешних, жалея лишь о том, что не удалось им встретиться раньше.

Вскоре начальник уезда и поэт стали большими друзьями.

*В былые времена *Цзи Ань
не захотел склониться перед генералом;
А ныне, видим мы, Лу Нань
посмел начальнику уезда возражать.
Того, кто утром был в канге,
под вечер гостем уж почетным принимать —
Так может поступать лишь тот,
кто высшим благородством наделен.*

Когда Ван Цэнь узнал, что начальник уезда освободил Лу Наня, он попросил своего доверенного человека написать императору доклад с протестом и с жалобой на главного судью. Главный судья составил подробное донесение о том, как Ван Цэнь, будучи начальником уезда, из-за личной обиды осудил ни в чем не повинного человека. Вскоре пришел императорский указ, по которому Ван Цэнь был уволен от дел. Главный судья остался в своей должности, а Лу Гаоцзу это дело даже не коснулось.

Тань Цзунь в это время уже не служил. Он жил у себя на родине и занимался тем, что составлял просителям разные жалобы и кляузы. Когда Лу Гаоцзу узнал, какими грязными делами занимается в его уезде Тань Цзунь, он сообщил об этом в область. Тань Цзунь был арестован, а затем выслан в отдаленные районы страны.

Лу Нань говорил, что остался он в живых, собственно, вопреки всем ожиданиям, что давным-давно должен бы быть мертвым, что живет теперь как бы вторую, дарованную ему жизнь. Потому он окончательно бросил мысли о служебной карьере и целиком предался вину и поэзии. Хозяйство его мало-помалу приходило в запустение, но это его ничуть не тревожило.

Надо сказать, что Лу Гаоцзу на посту начальника уезда служил бескорыстно, ни от кого не брал ни лана, любил народ, как своих де-

тей, зная, что полезно для народа, что плохо. Он раскрывал все преступные дела, так что воры и мошенники в страхе трепетали перед ним, и вскоре от грабежей и разбоев в уезде не осталось и следа. В уезде о Лу Гаоцзу говорили как о святом, и слава о нем донеслась до столицы.

Вскоре Лу Гаоцзу получил назначение в Нанкин, и только потому, что он не прислуживался и не унижался перед властью имущими, он получил сравнительно небольшую должность помощника управляющего Палатой обрядов.

Когда Лу Гаоцзу покидал уезд, жители буквально, как говорится, цеплялись за оглобли и бросались под колеса. Со слезами они проводили его за сто *ли, а Лу Нань — за целых пятьсот.

Начальник уезда и поэт долго не могли распрощаться друг с другом, но в конце концов, сдерживая слезы, расстались.

Впоследствии Лу Гаоцзу, получив повышение по службе, стал занимать пост управляющего Палатой чинов в Нанкине. Лу Нань к тому времени совсем разорился и, странствуя, попал в Нанкин, где нашел приют у Лу Гаоцзу и был принят как дорогой гость. Каждый день поэт получал от своего друга деньги на вино и бродил по окрестностям Нанкина, любуясь природой. Всюду он оставлял стихи. Они доходили до столицы, и их читали друг другу наизусть.

Как-то раз, прогуливаясь возле храма Ли Бо в *Цайши, Лу Нань встретил босоногого даоса, который ступал по земле мягкой невесомой походкой бессмертного. Лу Нань предложил даосу выпить. Тогда незнакомец вытащил свою *тыкву-горлянку и налил вина Лу Наню.

— Откуда у вас оно? — спросил Лу Нань, отведав изумительное вино.

— Моего собственного изготовления. Лачуга моя находится в горах *Лушань у Пика пяти старцев. Если бы вы согласились отправиться со мной туда, могли бы вдоволь насладиться этим вином.

— Когда речь идет о прекрасном вине, ничто не может помешать мне пойти с вами, — ответил Лу Нань. Тут же в храме он написал письмо, в котором благодарил Лу Гаоцзу, и как был, без каких-либо вещей, отправился за босоногим странником-даосом.

Лу Гаоцзу, получив письмо, лишь вздохнул и сказал:

— Нежданно явился и так же нежданно ушел. Земля наша для него — это двор постоялый, а сам он только случайный путник. Вот необузданная, не знающая пределов в свободе натура!

Не раз посылал Лу Гаоцзу людей в горы Лушань к Пику пяти старцев разузнать о поэте, но те возвращались ни с чем.

Через десять лет, когда Лу Гаоцзу был уже в отставке и жил на родине, к нему как-то прибыл посланник от императора справиться о здоровье. Тогда Лу Гаоцзу отправил в столицу своего младшего сына поблагодарить императора за оказанную милость. Слуги, сопровождавшие его, говорили, что видели там Лу Наня, что тот справлялся о здоровье Лу Гаоцзу и просил ему кланяться.

Но ходили слухи и о том, что Лу Нань встретил бессмертного и стал небожителем.

Потомки сложили стихи, в которых восхваляли Лу Наня:

*Лу Наню с широкой душой нелегко было жить:
не мог он в стремленьях своих быть свободен.
Поэтому так пристрастился к вину и к стихам,
к сановникам знатным был полон презренья.
Какой-нибудь нитки и той не висело на нем,
когда от людей он ушел беззаботно.
Среди современников славу себе он снискал,
бессмертным в веках будет имя поэта.*

Были сложены о Лу Нане и другие стихи, в которых наставляют людей не следовать его примеру, чтобы не поплатиться за гордыню и пренебрежение к людям.

В стихах говорится:

*Пристрастие к вину, к стихам
и гордость — вот черты Лу Наня.
Но тот, кто высоко взлетел,
в толпе лишь зависть вызывает.
Старайтесь путь избрать иной,
другим завет мой передайте:
Всегда на жизненной стезе
нужны и сдержанность, и скромность.*

**21. АЛХИМИК ОПЫТ «ДЕВЯТЬ ПРЕВРАЩЕНИЙ»
НЕ ДОВЕЛ ДО ПОЛОВИНЫ;
БОГАЧ ИСТРАТИЛ ТЫСЯЧИ МОНЕТ
ЛИШЬ НА ОДНУ КРАСАВИЦЫ УЛЫБКУ**

В стихах говорится:

*Сами в изношенных шапках,
старых, протертых халатах,
А встретят людей — уверяют,
что золото плавить умеют.
Что ж для самих-то себя
хотя бы чуть-чуть не наплавят,
А тем лишь живут, что за деньги
воду таскают с реки?*

ти строфы написаны *цзеюанем *нашей династии — *Тан Инем. Действительно, есть на свете такие люди. Именуют они себя алхимиками да изошряются в разных хитростях, чтобы надуть жадных и доверчивых людей: уверяют, будто умеют добывать из лекарственных трав философский камень, могут превращать свинец в золото, ртуть — в серебро, что, мол, называется это искусством *«желтого и белого» или «тигельным делом». Им только бы заполучить серебро, якобы служащее «серебром-матерью», а потом при первом удобном случае они скрываются вместе с денешками, и называется это у них «захватить тигель».

Однажды некий *даос, предлагая свое искусство Тан Иню, пристал к нему:

— В вас, уважаемый цзеюань, есть что-то от небожителей и бессмертных, и вам удалось бы это дело.

— Послушай, ты ведь ходишь в одних лохмотьях, и раз уж владеешь таким искусством, почему бы тебе не выплавить хоть немного

серебра для себя самого? Что ж тут о других заботиться! — не без ехидства ответил ему Тан Инь.

— У меня только и есть что мое искусство, — говорил монах, — а природа ничем меня не одарила. Вот я и ищу человека, которому на роду было бы написано большое счастье, чтобы вместе с ним работать. У меня такого счастья нет, и в одиночку я ничего сделать не смогу. Вам, я вижу, уготовано счастье, потому и прошу вас присоединиться ко мне. На нашем языке это называется «найти опекуна».

— Вот что, — отвечал ему на это Тан Инь, — мне до твоего искусства и вообще до того, о чем ты тут разглагольствовал, дела нет. Могу в помощь тебе дать свое счастье, а получишь золото, поделим пополам.

Монах понял, что Тан Инь издевается над ним, и ушел. Вот по этому-то поводу, желая раскрыть людям глаза, Тан Инь и написал стихи об алхимиках.

Однако среди алхимиков есть до того изворотливые краснобаи, что их подобными ответами не смудишь. Почему же? — спросите вы. Они станут уверять, будто чудодейственное искусство алхимии нельзя хранить в тайне; будто найти философский камень можно лишь вместе с человеком, в котором есть нечто от небожителей и бессмертных; будут разглагольствовать о том, что, если внутренний камень готов, готов будет и внешний и так далее, и тому подобное. Само собой, в этих разговорах есть доля истины. Взять хотя бы полученные философского камня. Разве это не искусство бессмертных? Однако небожители оставили людям тайну изготовления золота только для того, чтобы помогать им в несчастье. Да и то святой *Люй Чуньян беспокоился, что через пятьсот лет такое золото превратится в исходную материю и подведет людей. Но разве Люй Чуньян когда-нибудь говорил, что эта тайна дается для того, чтобы кто-то мог покупать себе имущество и земли, заводить жен и плодить детей, — словом, для того, чтобы богатеть и процветать? Нет!

Вспомните, например, историю *«Ду Цзычунь повстречал бессмертного». Ведь когда он встретил святого, который нуждался в «опекуне», и стал с ним искать философский камень, они были почти у цели, но дело провалилось только из-за того, что Ду Цзычунь не смог подавить в себе страсти к женщине.

А нынче все эти жадные люди содержат у себя целые гаремы красавиц, покупают дома, земли и только норовят, как бы побольше урвать. Подумать только! При этом они еще рассчитывают с помощью каких-то даосов-чревоугодников все-таки добыть философский камень, поблаженствовать на своем веку да еще оставить кое-что сыновьям и внукам. Нужно же быть такими глупцами! Ведь стоит только призадуматься над словами: «Когда получится внутренний камень, то получится и внешний». Так можно ли забыть о внутреннем совершенстве и думать только о том, как бы добыть серебро? Да ведь одной этой мысли достаточно для того, чтобы никогда не найти философского камня.

Ты скажешь, читатель, что последний глупец и тот должен понять, что получение золота и серебра — пустая трата времени. Но, как ни странно, именно самые умные люди на свете и попадают на эту удочку.

Я расскажу вам сейчас об одном богаче из *Сунцзяна по фамилии Пань. Молодой человек числился *сюцаем при *Гоцзыцзяне, обладал большими знаниями, незаурядным красноречием и был человеком чрезвычайно интересным. Единственной его слабостью была слепая вера в алхимию. Ну а, как говорится, рыбак рыбака видит издалека, и не удивительно поэтому, что вокруг него непрерывно вертелись маги-волшебники, на которых он по мелочам истратил порядочную сумму и которые раз за разом его надували. Но Паня это нимало не смущало. «Не везет мне, не довелось встретить настоящего алхимика. Ведь в глубокой древности это искусство уже было известно. Значит, — рассуждал Пань, — когда-нибудь и я добьюсь своего. А мои мелкие неудачи — просто пустяки, о которых и говорить не стоит». И он еще больше отдавался алхимии. Между тем «знатоки» философского камня рассказывали друг другу о Пане; вскоре всем им, кто жил поблизости или далеко, имя Паня стало хорошо известно, и каждый из них только и помышлял, как бы облапошить молодого человека.

Как-то осенью Пань отправился на прогулку по озеру *Сиху и снял себе комнату в *Ханчжоу. Вскоре он обратил внимание на то, что рядом в садовом павильоне расположился один приезжий. Человек этот прибыл сюда с какой-то женщиной, с целой свитой слуг и с большим багажом. Женщина, весьма привлекательная, была, как удалось разузнать Паню, женой приезжего. Сосед Паня каждый день нанимал самую большую и самую красивую джонку. На джонке устраивались роскошные пиры с музыкой и пением. Супруги катались по озеру, услаждая себя вином, напевая песни и играя на выпивку. При этом весь стол был уставлен изящными чарками и винными сосудами, по большей части золотыми и серебряными. Под вечер они сходили на берег, и в павильоне вспыхивали свечи и фонари. Всех, кто только им ни прислуживал, приезжий щедро одаривал.

Пань, сидя у себя и наблюдая за всем этим, недоумевал: «Я сам не беден, но разве могу себе позволить так сорить деньгами! Не иначе, это богач первой руки, что-нибудь вроде *Тао Чжу или И Дуня».

Восхищенный соседом, Пань спустя некоторое время послал слугу выразить ему свое уважение; затем состоялось их знакомство.

— Нет человека, который мог бы сравниться с вами в богатстве, — обратился Пань к новому знакомому, пользуясь удобным моментом.

— О, это сущие пустяки, — скромничал приезжий.

— Вы столько тратите каждый день! Верно, серебра и золота у вас до небес, иначе давно бы разорились.

— Даже если бы мои богатства достигали небес, и то не трудно было бы истощить их — стоит только начать тратить, — возразил Паню собеседник. — Тут надо знать средство, чтобы деньги не переводились.

Пань насторожился:

— Что вы имеете в виду, говоря о таком средстве?

— Об этом, знаете, не принято говорить так, между прочим.

— Но все-таки, прошу вас, — настаивал Пань.

— Вы можете не понять меня, да и вряд ли поверите, — сказал тот и своим уклончивым ответом еще больше заинтриговал Паня, который стал умолять его рассказать, о чем идет речь.

Наконец собеседник, удалив слуг, прошептал Паню на ухо:

— У меня есть масса «девяти превращений». С ее помощью я могу превращать свинец и ртуть в золото. Стоит мне выплавить философский камень, как золото становится для меня все равно что глиняный черепок. Что же мне им дорожить?!

Когда речь зашла об алхимии, Пань радостно воскликнул:

— Вы, оказывается, знаток в этом деле. А это ведь как раз то, чем я больше всего интересуюсь. До сих пор мне не удавалось найти знающего человека, так что если вы действительно владеете этим искусством, я готов пожертвовать своим состоянием, чтобы быть посвященным в тайну.

— Не так-то просто передать этот секрет. Но, если хотите, интереса ради я могу проделать перед вами небольшой опыт, — сказал алхимик и приказал мальчику-слуге развести под тиглем огонь. Расплавив в нем немного свинца и ртути, он вытащил затем из мешочка, который висел у него на поясе, бумажный пакетик, раскрыл его — пакетик был полон какого-то порошка. Алхимик запустил в пакетик мизинец, взял на ноготь чуть-чуть порошка, стряхнул его в тигель, затем наклонил тигель и вылил содержимое: ни свинца, ни ртути — одно сверкающее белизною снега чистое серебро.

Вы скажете, что это неправда, что не может какой-то порошок превратить ртуть и свинец в серебро. Да, это так. А то, что проделал алхимик, — это так называемый способ «сжатия серебра». Серебро подвергают обработке на огне в лекарственных составах и добывают экстракт серебра. Из каждого *лана серебра получается меньше *фэня экстракта. Когда такой экстракт плавят вместе с ртутью и свинцом, масса ртути и свинца впитывает его в себя и принимает вид настоящего серебра. Но серебра в этом сплаве столько же, сколько было его употреблено на добычу экстракта — ни на толику больше. Вот такими фокусами алхимики обманывают людей, а люди им искренне верят, принимая все за чистую монету.

От того, что произошло у него на глазах, Пань пришел в неописуемый восторг.

«Не удивительно, что этот человек может позволить себе любую роскошь, — подумал он про себя. — Как, оказывается, легко добывать серебро! А я сколько ни пробовал, ничего, кроме убытка, не получалось. На этот раз мне повезло — встретил действительно знающего это дело человека. Обязательно попрошу его помочь мне выплавить серебро».

— Как же у вас получается такой порошок? — спросил Пань у алхимика.

— Способ мой называется «мать-серебро рождает сыновей». Прежде всего необходимо иметь серебро в качестве «серебра-

матери» — не важно, сколько его там будет. Серебро надо обработать соответствующими лекарственными вытяжками, а затем бросить его в тигель; там оно будет находиться до тех пор, пока огонь девять раз не охватит металл и пока на нем не образуются желтые росточки, которые постепенно превратятся в белоснежные. Тогда открывается тигель, и вы выгребаете из него образовавшийся порошок философского камня; крупинки с зернышко риса или проса уже достаточно для того, чтобы добывать серебро или золото. А серебро-мать, которое вы положили в качестве заправки, остается совершенно невредимым.

— Сколько же нужно такого серебра-матери?

— Чем больше серебра, тем большей силой будет обладать философский камень. Достаточно выплавить хоть *полгэ такого порошка, чтобы богатства ваши превысили государственную казну.

— Я, правда, не очень богат, но несколько тысяч могу уделить. И если вы соблагovolите передать мне свое великое искусство, то буду просить вас поселиться у меня и посвятить меня в истинное учение. Тогда буду считать, что мечта моей жизни осуществилась.

— Мое искусство не так-то просто передать людям, да и делать опыты вместе с другими я не очень склонен, — ответил на это алхимик. — Однако я вижу вашу искреннюю веру в это учение, вижу в вас что-то не от мира сего, и, наконец, я усматриваю волю неба в том, что мы оказались здесь рядом. Что же, попробуем. Скажите, где вы живете, и я при случае посетю вас.

— Я живу в Сунцзяне, всего в двух-трех днях пути отсюда. Но раз вы согласны удостоить меня своим посещением, прошу вас отправиться ко мне сейчас же. Ведь если мы теперь расстанемся, кто знает, доведется ли встретиться! Мне не хотелось бы упускать такой прекрасный случай!

— Я сам из *Чжунчжоу, и дома я оставил престарелую мать. Сюда я приехал ненадолго со своей *второй женой полюбоваться красотами *Улиня. Выехал я с пустыми руками, но средства черпаю из моего тигля и так хорошо проводил здесь время, что слишком задержался. От такого друга, как вы, человека, близкого мне по духу, я, конечно, не стану скрывать свой секрет, но теперь мне необходимо прежде всего проводить домой жену, навестить мать, и только после этого я смогу к вам приехать.

— У меня в саду есть уединенный павильон, где может расположиться ваша почтенная супруга. Почему бы вам вместе с ней не остановиться у меня? Я, конечно, не смогу устроить вам должного приема, но, само собой разумеется, что ни вы, ни ваша супруга не будете испытывать каких-либо стеснений или неудобств. Прошу вас переехать ко мне — этим вы окажете мне милость, и я буду вам очень признателен.

— Хорошо, — сказал алхимик, кивнув головой. — Раз вы так настаиваете, я согласен. Разрешите только предупредить жену и собраться в дорогу.

Пань был счастлив. Тут же он написал приглашение, в котором просил алхимика завтра отправиться вместе с ним отобедать, совершая прогулку по озеру. На следующий день, принимая алхимика на

джонке, Пань оказывал ему всевозможные знаки внимания. Они без устали говорили и говорили, выкладывая друг перед другом свои знания, и сожалели о том, что им не довелось встретиться раньше. Расстались они очень довольные друг другом. Молодой жене алхимика Пань в тот же вечер послал полный стол отборных вин и изысканных яств.

На другой день алхимик устроил ответный пир. Все было обставлено с еще большей роскошью, чем у Паня. Нечего и говорить о том, что вся посуда, чарки и винные сосуды были из чистейшего золота и серебра.

Вволю насладившись прогулками по озеру и общением друг с другом, они договорились, что вместе поедут в Сунцзян. Наняли две большие джонки, перенесли туда весь багаж и отправились в путь. Жена алхимика, которая с мужем ехала на соседней джонке, время от времени смотрела в окошко из-за занавески. Пань украдкой поглядывал на нее — она была удивительно хороша, прекрасно сложена. Но что поделать,

*Коль разделяет их вода,
О чувствах как расскажешь, — лишь глазами.*

И невольно вспомнились молодому человеку стихи, преподнесенные *Пэй Ханом госпоже Фань:

*Вместе плыву с нею в лодке одной,
но мною владеет тоска —
Лишь через шторку я издали вижу
феи небесной глаза.
Если бы только мог повстречаться
в милой обители с ней,
Был бы готов за птицей прелестной
вдаль унести, в небеса.*

Но Пань был на другой джонке, откуда он мог только смотреть на красавицу, скорбя о том, что не с кем передать ей записку с выражением своих чувств.

Через несколько дней они прибыли в Сунцзян. Пань первым направился домой и вскоре попросил алхимика сойти на берег. Он проводил гостя к себе и, угостив его чаем, сказал:

— В этом доме живет вся моя семья, и здесь слишком много народу. Неподалеку отсюда моя усадьба, и я хотел бы предложить вам с супругой расположиться там, вам там будет удобно. Сам я тоже могу жить в усадьбе, в моем отдельном павильоне-кабинете. Это уединенное и тихое место, где нас никто не потревожит и где можно будет спокойно заняться опытом, как вы находите?

— Самое главное для наших алхимических опытов — это полное уединение, посторонние могут помешать нам, — ответил тот. — К тому же я не один, а с женой, и с этой точки зрения тоже лучше быть подальше от посторонних взглядов. Так что, я думаю, самое удобное воспользоваться вашим предложением.

Они тут же вернулись на джонку, и Пань приказал лодочникам плыть к усадьбе. Сойдя на берег, они рука об руку направились к дому Паня. На воротах висела доска с надписью: Сад соприкосновения с прекрасным. Они вошли в сад, и вот что представилось их взору:

*Вековые деревья касаются неба,
Тропинки теснит бамбук молодой.
В решетчатой кровле резные просветы,
Беседки и башенки всюду,
 чтоб ветерком иль луной наслаждаться;
Дома в глубине и тиши,
Средь них павильоны сокрыты,
 чуть видны кабинеты.
Тянутся горы из сложенных каменных глыб, —
 вместится туда библиотека ученого мужа;
Пласт над пластом громоздятся ущелья-пещеры, —
Мнится, что в них письма с волей небесных владык.
Если бы здесь зазвучали *напевы,
 что фениксов-птиц созывают,
Иль в шашки игру довелось наблюдать, считал бы,
 Ланькэ пред тобою.

— Какое тихое, уединенное место! — радостно воскликнул алхимик, восхищенный красотой сада. — Как раз то, что нам нужно для наших опытов, да и жене моей здесь будет удобно. Тут мы сможем со спокойной душой работать. Вам действительно очень везет.

Пань послал на джонку слуг за женой алхимика. Вскоре роскошно одетая молодая женщина в сопровождении двух служанок, которых звали Чуньюнь и Цююэ, грациозной походкой вошла в сад и подошла к дому. При появлении женщины Пань собрался было удалиться.

— Теперь мы с вами близкие люди, свои, так что пусть представится вам, — остановил его алхимик и приказал жене поклониться хозяину.

Взглянув теперь вблизи на женщину, Пань убедился, что она действительно одна из тех красавиц, при виде которых *рыбы уходят на дно и птицы падают наземь, луна затмевается и цветам становится стыдно. На свете нет богачей, которые не были бы падки до денег и до женской красоты, и теперь, глядя на красавицу, Пань таял, словно снежный ком в огне. Мысли об алхимии отошли на задний план.

— Здесь у меня много внутренних покоев, — обратился Пань к алхимику, — так что ваша почтенная супруга сможет выбрать себе то, что ей придется по вкусу. А если прислуги окажется недостаточно, я предоставляю в ее распоряжение несколько своих служанок.

Алхимик с женой отправился выбирать помещение, а Пань тем временем поспешил к себе, отобрал пару золотых шпилек, пару золотых браслетов и поспешил в сад преподнести их алхимику.

— Прошу вас в знак моего глубочайшего уважения к вашей супруге передать ей эти безделушки, — сказал он, протягивая гостю драгоценности. — Надеюсь, вы не пренебрежете таким скромным подношением.

Видя, что безделушки золотые, алхимик стал отказываться:

— Тронут вашим вниманием, но не посмею принять: ведь мне добыть золото ничего не стоит, а для вас это будет большой утратой.

— Знаю, почтеннейший, что для вас эти вещи не представляют ценности, — возразил Пань, огорченный отказом. — Я хотел только выразить мое глубочайшее уважение вашей супруге; надеюсь, что вы примете во внимание мои самые искренние чувства и не откажетесь взять эти вещицы.

— Ну что ж, отказаться — значит, пренебречь вашими лучшими чувствами. Хорошо, я приму их и приложу все силы, чтобы добыть философский камень и тем самым отблагодарить вас.

Алхимик, улыбаясь, вошел в дом, позвал служанку, велел ей отнести подарки и пригласить госпожу, чтобы та поблагодарила хозяина. А Пань, чтобы лишний раз увидеть красавицу, готов был и не на такие дары.

«Везет же человеку! — думал он про себя. — Знает секрет философского камня, да еще имеет такую красавицу-жену. Счастье обладания его секретом, раз он согласился проделать здесь свой опыт, скоро ожидает и меня, а вот выпадет ли мне удача в другом... ведь под боком такая женщина! Хорошо, если б повезло и с нею. Надо будет только оказывать ей почтение и внимание, не торопиться, а тем временем заниматься алхимией».

— Раз вы любезно согласились заняться опытами, то скажите, когда нам лучше приступить? — спросил Пань у гостя.

— В любой день, лишь бы было серебро-мать.

— А сколько его нужно?

— Чем больше, тем лучше. Больше будет серебра-матери — больше получите философского камня и меньше хлопот для вас в дальнейшем.

— Тогда я дам на заправку две тысячи ланов. Сегодня подготовлю, что следует, а завтра перенесу все сюда, и мы сможем приняться за дело.

В этот вечер Пань угощал алхимика в садовой беседке, и они прекрасно провели время. Разумеется, Пань не забыл послать угощение и на женскую половину.

На следующий день Пань собрал ровно две тысячи и отослал их алхимику, затем к гостю были перенесены тигель, различные инструменты и прочие вещи — хорошо знакомый с алхимией, Пань имел у себя все необходимое для опытов.

— Вы очень внимательны, — поблагодарил его алхимик, осматривая инструменты. — Но я делаю это не так, как другие. У меня свой, особый секрет превращения. Начнем плавить — увидите.

— Его-то я как раз и хотел бы постичь, — заметил Пань.

— Мой философский камень называется «камнем девяти превращений». Каждое превращение требует девяти дней. Так что через восемьдесят один день, когда мы откроем тигель, магический камень уже будет готов, и для вас наступит день великого счастья.

— Полностью полагаюсь в этом на вас!

Алхимик позвал слугу, приказал ему разжечь огонь и постепенно загрузил в тигель все серебро. После этого, показав Паню свой рецепт, он посыпал серебро какими-то порошками, и над металлом поднялся пятицветный дым. Затем он тут же, при Пане, закрыл тигель.

Далее он позвал слуг, которые сопровождали его в поездке, и распорядился:

— Я задержусь здесь месяца на три, а вы поезжайте домой, сообщите об этом матушке и возвращайтесь.

Следуя приказу хозяина, слуги отправились в Чжунчжоу. При алхимике остался только тот, который был приставлен к тиглю. Мальчик день и ночь следил за огнем, а сам алхимик только время от времени заходил взглянуть на печь, но тигля не открывал. В свободное время алхимик с Панем беседовали, пили вино, играли в шахматы. Гость и хозяин были очень довольны обществом друг друга. Пань частенько посылал жене алхимика подарки, чтобы снискать ее расположение, и иногда в ответ получал от нее в знак благодарности изящные безделушки.

Так прошло более двадцати дней, как вдруг какой-то человек в трауре, весь взмокший, ворвался в сад. Оказалось, что это один из тех слуг, которых алхимик в свое время отправил в Чжунчжоу. Упав перед хозяином на колени, слуга сквозь рыдания проговорил:

— Старая госпожа скончалась, вас просят немедленно вернуться, чтобы заняться похоронами.

Алхимик изменился в лице, упал на землю и в отчаянии зарыдал. Пань, встревоженный, склонился над ним и стал его утешать:

— Срок жизни, дарованный вашей матушке, пришел к концу: убиваться и скорбеть бесполезно. Успокойтесь, не терзайте себя!

Между тем слуга не переставал торопить алхимика:

— Дом остался без хозяина. Прошу вас, не теряйте времени!

— Я хотел сделать для вас доброе дело и тем самым отблагодарить за вашу любезность, — обратился алхимик к Паню, сдерживая слезы. — Кто мог предполагать, что случится такое несчастье! О, горе мне! Задерживаться здесь я не могу, а опыт наш не закончен и оборвать его невозможно. Право, не знаю, как поступить. Разве что жена... Она хоть и простая женщина, но давно уже со мной, знает, как и что, и было бы хорошо оставить ее здесь следить за тиглем. Но слишком уж она молода, и мне не хотелось бы оставлять ее здесь одну без присмотра — не совсем это удобно.

— Почтенный, мы ведь с вами теперь такие близкие друзья, что же тут такого? — возразил на это Пань. — Вы вполне можете оставить ее здесь. В помещение, где стоит печь, никто из посторонних не заходит; я предоставлю в ее распоряжение несколько надежных слуганок, которые все время будут находиться при ней; если вам будет угодно, ночевать она может у моей жены, а я расположусь здесь и сам буду следить за тиглем в ожидании вашего возвращения. О каких неудобствах тут может быть речь? Ну а что касается еды и подобных вещей, тут, естественно, я не посмею допустить небрежения.

Алхимик задумался.

— Теперь, когда мне сообщили о смерти матери, у меня все помутилось в голове, — сказал он наконец. — Я знаю, в древности были случаи, когда люди доверяли своих жен и дочерей друзьям. Ну что ж, раз вы так добры, я охотно принимаю ваше предложение и оставляю здесь жену наблюдать за опытом. Как только справлюсь со всеми делами, сразу же вернусь и сам открою тигель. Так я выполню свой долг и по отношению к вам, и по отношению к покойной матушке.

Услышав, что алхимик согласился оставить жену, Пань готов был хоть полнеба пообещать ему и с просиявшим от радости лицом заявил:

— Если вы поступите так, значит, дело будет доведено до конца.

Алхимик пошел к жене, сообщил ей о том, что случилось, сказал, что хочет оставить ее следить за тиглем, дал ей подробные указания, а затем привел ее, чтобы она поклонилась хозяину.

При этом он ей строго наказывал:

— Только следи как следует за огнем и ни в коем случае не открывай тигля без меня. Если что сделаешь не так, сожалеть будет поздно.

— А если вы запоздаете с возвращением и приедете позже, чем через восемьдесят один день, как быть тогда? — осведомился Пань.

— Чем дольше пролежит сплав в тигле после того, как огонь охватит его девять раз, тем больше вы получите философского камня, так что лишние несколько дней не повредят.

Поговорив еще о чем-то наедине с женой, алхимик поспешно собрался и уехал.

Пань решил, что раз алхимик оставил здесь жену, то долго он, конечно, не задержится и о философском камне можно не беспокоиться. «Но вот пока его здесь нет, пока я живу с ней вместе в саду, — думал Пань, — мне представляется великолепная возможность попробовать прибрать ее к рукам, и случай этот упускать нельзя».

Молодой человек совсем потерял голову и думал теперь только о том, как лучше подойти к красавице. И вдруг однажды, как раз тогда, когда он размышлял об этом, к нему является ее служанка Чуньюнь и докладывает:

— Моя хозяйка просит господина пойти с ней взглянуть на тигель.

Пань поспешно привел в порядок платье, поправил шапку и кинулся к покоям молодой женщины.

— Ваша служанка передала мне, уважаемая госпожа, чтобы я пошел с вами взглянуть на тигель, — сказал он, остановившись возле дверей ее комнаты. — Жду вас здесь, чтобы отправиться вместе.

— Прошу вас пойти впереди, а я последую за вами, — промолвила молодая женщина голосом нежным, как щебетание ласточки, и вышла из комнаты, приветствуя Паня.

— Госпожа, вы моя гостья, посмею ли идти впереди вас! — возразил Пань.

— Я ведь женщина, как могу я забывать об этом!

Так они скромничали, уступая друг другу дорогу, и хотя не позволили себе никакой фамильярности, однако они уже разговаривали,

глядя друг другу в лицо, обменивались любезностями, и во всем этом уже было что-то обещающее. Женщина в конце концов прошла вперед, обе ее служанки шли за ней следом. «Действительно, *каждый ее шаг рождает лотос! — думал про себя Пань, глядя на походку молодой женщины. — Как тут останешься равнодушным!»

Когда они подошли к помещению, где стоял тигель, женщина обернулась к служанкам и распорядилась:

— Обождите меня за дверью, здесь не должно быть посторонних. Со мной пройдет только господин.

Обрадованный, чуть ли не вприпрыжку, Пань вошел за ней в помещение, мельком бросил взгляд на печку и уставился на красавицу. Глазами он пожирал молодую женщину так, словно готов был живьем проглотить ее. До того ли ему было, чтобы смотреть, какой огонь под тиглем — синий там, красный, черный или белый. Очень некстати здесь был мальчик, который следил за огнем. При нем Пань мог только с восхищением смотреть на нее, но не решался сказать ей лишнего слова. Лишь выходя из помещения, он расхрабрился и обратился к ней:

— Извините, затруднил вас тем, что вам пришлось идти сюда. Теперь, когда ваш муж в отъезде, вам, должно быть, тоскливо возвращаться домой.

Та ничего не ответила и лишь едва заметно улыбнулась. На этот раз Пань ничего не добился и, не торопясь, отправился к себе. Но страсть его после этой встречи еще больше разгорелась.

«Если бы сегодня никого в комнате не было, все было бы в порядке. Какая досада, что этот слуга торчит здесь! — размышлял он. — Надо будет завтра что-нибудь придумать, чтобы от него избавиться, и договориться с ней опять пойти смотреть тигель, вот тогда я смогу действовать свободно». В тот же вечер он приказал слуге приготовить на следующее утро вина и закуски и угостить мальчишку, который следит за огнем.

— Скажи ему, что я решил угостить его за усердие, но сделай так, чтобы он был мертвецки пьян, — добавил в заключение Пань.

Весь вечер Пань провел в одиночестве за вином, думая о красавице и перебирая в памяти события этого дня. Охваченный сильным душевным волнением, он стал слагать стихи:

*Из роскошного сада редчайший цветок
в дикую глушь пересажен,
Ему невдомек: за оградой здесь
ветер весенний сам бы хотел им владеть.*

Потом он направился к павильону, в котором жила молодая женщина, и, приблизившись к нему так, чтобы его могли услышать, несколько раз подряд проскандировал эти стихи. В это время из комнаты вышла служанка Цююэ, поднесла Паню чашку чая и сказала:

— Моя хозяйка слышала, что вы скандируете стихи, подумала, что, может быть, вы захотите пить, и распорядилась, чтобы я предложила вам чашку чая.

Пань просиял от счастья и рассыпался в благодарностях. Не успела служанка уйти, как из внутренних покоев донесся нежный голос:

*Славный цветок — кто его повелитель? —
весеннему ветру послушен в скитаньях.
Если *владыка востока цветок пожалеет,
доброму сердцу его и сам он готов услужить.*

Пань понял намек, но тут же ворваться к ней не посмел. К тому же он услышал, как запираются двери внутренних покоев, и ему ничего не оставалось, как вернуться к себе, лечь спать и дожидаться утра.

На следующий день с самого утра слуга Паня, как ему было приказано, пригласил мальчика, следившего за огнем, и стал угощать его. У того глаза разгорелись при виде вина. Ему уже надоело изо дня в день сидеть возле тигля, и он так наелся и напился, что тут же заснул.

Как только Пань узнал, что мальчика уже подпоили, он сам направился во внутренние покои попросить жену алхимика пойти с ним посмотреть за тиглем. Та не заставила себя ждать, и они, как и в прошлый раз — она впереди, он позади, проследовали туда вместе.

Когда они подошли к помещению, служанки, сопровождавшие жену алхимика, остались ждать свою хозяйку у входа, а Пань вошел за ней. Оглядевшись, молодая женщина заметила, что мальчика в комнате нет.

— Почему здесь никого нет? Как вы могли допустить, чтобы огонь погас?! — с притворным испугом воскликнула жена алхимика.

— Я сам хочу разжечь огонь, — сказал Пань, улыбаясь, — и потому сказал слуге, что пока обойдусь без него.

— Огонь должен гореть непрерывно, — возразила женщина, делая вид, что не понимает намека.

— Настоящий огонь загорится ярким пламенем тогда, когда сольются наши противоположные начала.

Лицо красавицы приняло суровое выражение.

— Человек занимается алхимией, ищет путь истины, а сам позволяет себе говорить такое!

— Когда ваш муж был здесь, он вместе с вами ложился и вместе с вами вставал. А ведь он тоже занимался алхимией. Неужели же вы были супругами во всем, кроме лишь одного?

Не найдя, что возразить, молодая женщина с упреком промолвила:

— Такое серьезное дело, и устраивать здесь такое безобразие!

— Нам с вами предопределено судьбой принадлежать друг другу — это тоже серьезное дело, — сказал в ответ Пань, упал к ее ногам и обнял ее колени.

— Мой муж придерживается в семейной жизни самых строгих правил, и я никогда не осмеливалась поступать так, как сама захочу, тайком от него, — сказала женщина, поднимая его с колен. — Толь-

ко признательность за ваше внимание заставляет меня забыть о самой себе. Поэтому я разрешаю вам прийти ко мне сегодня вечером побеседовать.

— Умоляю вас одарить меня своей любовью сейчас же — этим вы и докажете свою признательность. К чему ждать до вечера!

— Но сюда может кто-нибудь войти, что вы!

— Все предусмотрено. Надеюсь на свидание с вами, я позаботился о том, чтобы мальчика, который следит за огнем, задержали, а больше никто сюда не посмеет войти; да и помещение это находится в таком отдаленном месте, что никто ничего не узнает.

— Нет, ни в коем случае: здесь стоит тигель, и если мы испортим опыт с философским камнем, то тут уж ничем не поможешь!

Какой там тигель! Какой философский камень! Пань весь пылал от страсти. Крепко обняв красавицу, он взмолился:

— Я готов даже жизни лишиться! Сжальтесь, прошу вас!

Больше Пань ничего не хотел слушать...

Теперь он был на вершине блаженства, счастлив, как в раю.

— Благодарю, что вы не пренебрегли мною, — промолвил Пань немного погодя, оправляя одежду. — Но счастье было слишком коротко. Хотелось, чтобы вы подарили мне ночь наслаждения.

И он снова опустил перед нею на колени. Красавица тут же подняла его с колен.

— Я ведь обещала, что приму вас вечером, но вы оказались слишком уж нетерпеливы. Зачем было устраивать такое здесь, возле тигля? — упрекала она Паня.

— Боялся упустить случай, чтобы потом не раскаиваться. Чем раньше исполнилась моя заветная мечта, тем лучше.

— Вечером мне прийти к вам или вы придете ко мне? — спросила красавица.

— Как вам угодно.

— Со мной спят две служанки, и вам приходится неудобно. Сегодня я постараюсь незаметно уйти, а завтра придумаю, что сказать им, и вы сможете прийти ко мне.

Вечером, когда все уснули, красавица вышла в сад, где ее давно поджидал Пань. Они прошли в его кабинет и предались нежным ласкам. С тех пор они встречались беспрепятственно то у нее, то у него.

Пань считал это чудеснейшим случаем в своей жизни и мечтал, чтобы алхимик исчез навсегда. Опыт с философским камнем его мало тревожил.

Более десяти вечеров провели они в любовных утехах, как вдруг привратник докладывает: «Вернулся алхимик». Пань испугался. Поздоровавшись с Панем, алхимик прежде всего прошел к жене, долго с ней о чем-то говорил, затем вернулся к Паню.

— Моя жена сказала, что тигель не открывали, — обратился он к Паню. — Срок девяти превращений уже истек, так что порошок должен быть готов. Сегодня не будем торопиться, а завтра принесем жертву духам и откроем тигель.

В ту ночь Паню пришлось обойтись без любовных угод, но он утешал себя тем, что вернулся алхимик, что утром откроют тигель

и тогда наконец сбудется его надежда на получение философского камня.

На следующий день, после жертвоприношения, Пань и алхимик вместе вошли в помещение, где стоял тигель.

Алхимик сразу же изменился в лице.

— Странно, странно! Что-то тут в воздухе не то, — пробормотал он, тут же открыл тигель и заглянул внутрь. — Пропало, все пропало! — закричал он, топая ногами в гневе и отчаянии. — И философский камень не получился, и даже серебро-мать превратилось в шлак. Не иначе, как здесь занимались развратом и все погубили!

У Паня от испуга лицо стало землистым. Он молчал. Слова алхимика попали не в бровь, а в глаз, и он совсем растерялся.

Алхимик в бешенстве скрежетал зубами.

— Кто еще входил сюда? — накинулся он на мальчика-слугу.

— Только хозяин и ваша супруга заглядывали сюда каждый день. Больше никто не заходил, — ответил слуга.

— Почему же тогда опыт провалился? — кричал алхимик. — Быстро позвать сюда госпожу, сейчас ее спросим.

Мальчик побежал за женой алхимика.

— Чем ты тут занималась, когда следила за печью? — заорал алхимик, едва она появилась. — Философский камень испорчен!

— Мы каждый день приходили с господином взглянуть на огонь, — ответила она. — Понятия не имею, в чем дело, — тигель мы не трогали...

— Тигель не трогали?! Тебя вот трогали! — бросил алхимик жене и тут же спросил слугу:

— Ты всегда был здесь, когда жена и хозяин приходили?

— Один раз только не был. Это случилось, когда господин Пань велел угостить меня за мое усердие — я хватил лишнего и сразу заснул. Вот тогда они были здесь без меня.

— Так, так! Ясно! — пробурчал алхимик. Тут же он бросился к своим вещам, вытянул оттуда плеть и хлестнул ею жену. — Это ты натворила, подлая тварь! — закричал он и снова замахнулся плетью.

Та увернулась от удара и сквозь слезы пробормотала:

— Я ведь говорила, что нельзя! О господин Пань, вы погубили меня!

Пань стоял молча, вытаращив глаза, и готов был сквозь землю провалиться.

— Чего же стоят все заверения и обещания, которые ты давал мне перед моим отъездом?! — с гневом обрушился алхимик на Паня, глядя на него в упор. — Не успел я уехать, как ты совершил такую подлость! Пес ты гнусный и свинья. Ведь надо же быть таким бессовестным! И ты еще мог думать, что тебе удастся опыт с философским камнем! Сам виноват: не умею разбираться в людях. Но эту тварь я убью! Не нужна она мне! Позор моей семье!

Тут алхимик снова кинулся на жену, размахивая плетью. Молодая женщина в испуге бросилась бежать к дому. На ее счастье, обе ее служанки преградили алхимику дорогу, пытаясь остановить его и умоляя простить хозяйку. Каждая получила по хорошему удару пле-

тью, и плоть переломилась пополам. Алхимик разошелся так, что его было уже не удержать.

Тогда Пань стал перед ним на колени.

— Во всем виноват я, — говорил он. — Все испорчено из-за меня. Я готов смириться с пропажей денег, лишь бы вы меня простили.

— Что ж, ты получил по заслугам! Сам виноват, что остался без магического камня. Я здесь ни при чем. Но ты опозорил мою жену, как с этим прикажешь быть?! Убью ее! За это ты же будешь в ответе!

— Я готов искупить свою вину, — промолвил Пань, тут же приказал слугам принести два серебряных слитка *юаньбао и, ползая на коленях, просил прощения.

— Что мне деньги, для меня это пустяк, — сказал алхимик, не глядя на серебро.

Пань, не переставая кланяться, прибавил к слиткам еще двести ланов.

— Этих денег вполне хватит на то, чтобы вы выбрали себе новую, достойную вас жену. Все произошло по моей вине. Умоляю вас, ради нашей прежней дружбы, пощадите вашу супругу!

— Хорошо, пусть ущерб послужит тебе уроком, — ответил алхимик. — Мне твои деньги не нужны, я раздам их бедным.

Алхимик спрятал все триста ланов в сундук, позвал жену, созвал своих слуг, распорядился, чтобы его багаж сейчас же перенесли в джонку, на которой он накануне приехал, и покинул дом, негодуя:

— Нанести человеку такое оскорбление! Какой позор! Какой стыд!

Так, с бранью, алхимик сел в джонку и вместе с женой уехал.

Пань был страшно напуган всем происшедшим, опасаясь, как бы на него не состряпали дело. И хотя он поплатился деньгами, но считал, что ему еще повезло и что он легко отделался. Что до неудавшегося опыта с серебром, то Пань и вправду полагал, что осквернил место и этим все испортил. «Слишком я поторопился, — сокрушался он. — Ничего не стоило подождать, пока образуется философский камень, оставить их погостить подольше, а тем временем добиваться своего. Тогда и одно и другое получилось бы как нельзя лучше. Наконец, просто не следовало такими делами заниматься именно в том помещении, тогда, возможно, все обошлось бы. Да, по собственному недомыслию и опрометчивости загубить столько денег! И это бы ничего. Но вот встретить наконец настоящего алхимика и не получить философского камня — досадно! Очень досадно! С другой стороны, чего тут раскаиваться, — утешал он себя. — С такой красавицей проводить время в свое удовольствие — это же истинное наслаждение!» Так думал Пань, не ведая, что он жертва обмана и что мнимый алхимик действовал по заранее намеченному плану.

А дело обстояло так. Когда алхимик был на озере Сиху, он уже знал, что Пань должен приехать в Ханчжоу. Все, что «алхимик» там поначалу проделывал, было рассчитано на то, чтобы задурить Паню голову; а когда дошло до того, что Пань пригласил его к себе

в Сунцзян, он сделал вид, что не торопится и может пробыть у него до конца опыта. Затем, когда прибыл человек и доложил ему о смерти матери, он поспешно укатил, прихватив две тысячи, предназначенные для опыта. Женщина, которую он выдавал за жену, была умышленно оставлена в доме Паня, чтобы у него не возникало подозрений и чтобы соблазнить богача. Вся эта грязная история была разыграна у Паня под носом, да еще так ловко, чтобы Пань не посмел и рта раскрыть, считал бы виновным самого себя и не успел бы опомниться и потребовать возмещения убытков. Богачу Паню просто суждено было попасться на удочку и поплатиться деньгами. Он думал, что человек тот действительно обладает несметным богатством, а раз так, значит, должен знать секрет философского камня. Пань не ведал того, что вся посуда у алхимика была из вызолоченной меди и посеребренного свинца. Да и кому придет в голову вечером, при свете фонаря, сидя за вином, проверять, настоящее золото перед тобой или нет. Вот на такую коварную хитрость и попался богач Пань.

Но и этот случай не открыл Паню глаза — он по-прежнему считал, что сам виноват, сам упустил возможность, и его еще больше влекло к алхимии.

Как-то раз Паню опять попался какой-то алхимик; зашла речь об алхимии. Новый знакомый так понравился Паню, что он пригласил его к себе. Беседуя с ним, он поделился тем, что с ним произошло:

— Недавно я встретил человека, который действительно мог превращать простой металл в золото. Он при мне проделал это и уже начал плавить для меня философский камень, но, к сожалению, я обидел его, и он ушел, так и не закончив опыта!

— Это и я могу сделать, — заявил алхимик.

Тут же было приказано разжечь тигель. Точно так же, как прежний обманщик, алхимик бросил немного порошка на сплав ртути и свинца. И точно — весь сплав превратился в серебро.

— Великолепно! Великолепно! — воскликнул Пань. — Простый раз не удалось. На этот раз удастся.

И он дал алхимику тысячу ланов на опыт. Алхимик позвал двух-трех своих людей, чтобы те помогли ему в опыте. Пань видел собственными глазами, как легко этот алхимик превратил свинец в серебро, потому полностью доверился ему и совсем за ним не присматривал. А он как-то ночью «захватил тигель», и на следующий день его и след простыл.

На этот раз у Паня были украдены последние деньги. От былого его богатства не осталось ничего. Гнев и досада охватили Паня.

«Сколько стараний я приложил, сколько лет на это потратил, — размышлял он. — Простый раз сам был виноват, на этот раз думал, что все будет в порядке, а меня опять надули. И не поинтересовался даже, не спросил, откуда этот человек. Что ж, наверняка занимается подобными делишками где-нибудь в другом месте. Попробую его поймать. А не найду его, может быть, встречу настоящего алхимика, который все-таки поможет мне получить магический камень». И, собрав небольшой багаж, Пань отправился на поиски.

Много мест он объездил и однажды в Сучжоу, близ ворот *Чанмэнь, лицом к лицу столкнулся с шайкой, которая его в последний раз обокрала. Как только те увидели его, лица их расплылись в улыбке, словно они встретили старого друга или земляка. Пань собирался было обрушиться на них с бранью, но они не дали ему рта раскрыть и тут же потащили в винную лавку.

— Мы тогда злоупотребили вашей добротой и вашим доверием и чувствуем себя очень неловко перед вами, — начал извиняться один из шайки. — Но не осуждайте нас, таков уж наш путь. Сейчас у нас есть возможность возместить ваши убытки, поэтому мы хотим поговорить с вами, чтобы уладить дело.

— Что за «возможность»? — удивился Пань.

— Видите ли, ваши деньги мы сразу же тогда растратили, и нам сейчас, собственно, нечем вернуть вам долг. Но на днях мы договорились с одним богачом из провинции Шаньдун, что сварим ему серебро, и теперь ждем только нашего учителя; но он путешествует, находится сейчас далеко отсюда и нес скоро приедет. Так вот, если бы вы согласились представиться богачу под видом учителя и получить от него серебро, мы смогли бы тотчас вернуть вам деньги. Как видите, это не труднее, чем ладонь повернуть. А то что толку разыскивать нас и требовать с нас деньги, когда их нет? Что вы на это скажете?

— А кто ваш учитель? — спросил Пань.

— Буддийский монах. Поэтому вам придется только остричь монашески волосы, и мы доставим вас в Шаньдун со всеми подобающими почестями.

Паню не терпелось вернуть свои деньги, поэтому он согласился, чтобы ему остригли волосы и облачили в монашеское одеяние. Относились эти люди к нему с большим уважением и, когда прибыли в Шаньдун, представили Паня богачу как своего учителя. Богач пригласил Паня в гостиную и завел с ним беседу об алхимии. Пань прекрасно разбирался в этом деле, к тому же был человеком образованным, и его рассуждения произвели на богача самое лучшее впечатление. Хозяин проникся уважением и доверием к гостю, в тот же вечер вручил Паню две тысячи ланов серебром и договорился с ним завтра же начать опыт. После этого он пригласил Паня выпить вина, угощал его всякими яствами, а когда Пань захмелел, помог ему подняться с места и уложил спать. На следующий день люди из шайки стали обсуждать, где и как установить тигель, и занялись приготовлениями. Хорошо знакомый с алхимией, Пань давал им кое-какие указания. Наконец серебро было заложено в тигель, и люди, выдававшие себя за учеников алхимика, стали следить за огнем. Хозяин то и дело приходил за советами и указаниями к Паню, приглашал его побеседовать и выпить вина. Паню неудобно было отказываться. И вот однажды люди, с которыми приехал Пань, воспользовались удобным моментом, «захватили тигель» и скрылись, оставив Паня одного. Хозяин ничего не подозревал: он считал, что раз Пань с ним, то все должно быть в порядке. Но когда на следующий день обнаружилось, что вся шайка скрылась, богач велел схватить Паня и собирался отправить его в

*ямэнь, чтобы арестовали и других из этой шайки. Пань слезно взмолился:

— Я житель Сунцзяна, моя фамилия Пань, и я ничего общего с этими людьми не имею. Эти же бандиты, пользуясь моей страстью к алхимии, недавно обворовали меня самого. После этого я случайно встретил их в дороге, они сказали мне, что должны провести здесь опыт с превращением серебра и смогут тогда вернуть мне мои деньги. Они остригли меня и просили представиться вам в качестве их учителя. Я хотел только получить свои деньги и меньше всего предполагал, что они обворуют и вас, а меня оставят здесь одного.

Тут Пань громко разрыдался. Богач стал расспрашивать Паня и убедился, что Пань — тот самый зажиточный человек из Сунцзяна, о котором он уже давно слышал. Он не сомневался уже, что Пань действительно сам был обманут, и, не желая причинять ему дальнейших неприятностей, отпустил его.

Оставшись без гроша, Пань отправился на родину пешком и, пользуясь своим монашеским видом, жил подаяниями. Когда он очутился в городе *Линьцин и шел по набережной, в глаза ему бросилась большая джонка, стоявшая у пристани. Из-за оконных занавесок каюты выглядывала какая-то женщина. Она показалась Паню знакомой. Он внимательно взгляделся в ее лицо и нашел, что она была как две капли воды похожа на ту, которую когда-то привез с собой алхимик и с которой он провел немало приятных ночей.

«Каким же образом она оказалась на этой джонке?» — подумал про себя Пань и поспешил подойти поближе и навести справки. Оказалось, что джонка принадлежит какому-то *цзюйжэню из провинции Хэнань, что он едет в столицу держать экзамен, и с ним на джонке известная *гетера. «Неужели тот алхимик все-таки продал ее? Или это другая женщина, только похожая на нее?» — думал Пань и все ходил по берегу, не в силах оторвать взора от красавицы. Тем временем из каюты вышла служанка.

— Госпожа велела спросить, не житель ли вы Сунцзяна? — крикнула она Паню.

— Да, я именно оттуда, — ответил Пань.

— Не Пань ли ваша фамилия? — продолжала расспрашивать та.

— Да, но как вы можете знать мою фамилию? — удивился Пань.

Пань услышал, как женщина в каюте распорядилась:

— Пусть поднимется сюда!

Пань подошел к каюте и услышал голос из-за занавески:

— Я та самая женщина, которую алхимик выдавал за свою жену. На самом деле я гетера из Хэнани. Когда я жила у вас, я действовала по приказанию того мошенника и не смела его послушаться. Но все же я чувствую себя виноватой перед вами. А вы, как вы здесь очутились? Да еще в таком виде!

Пань с горестным видом поведал ей историю о том, как его последний раз обокрали и почему он очутился в Шаньдуне.

— Не могу остаться равнодушной к вашей судьбе, — промолвила гетера. — Я дам вам на дорогу, и возвращайтесь поскорее домой. Встретите еще алхимиков — никогда им не верьте! Мне с ними приходилось иметь дело, и я хорошо знаю их проделки. Если вы поступите так, как я вам советую, буду считать, что отблагодарила вас за вашу любовь ко мне.

Сказав это, красавица велела служанке принести три лана серебром и передать их Паню. Тому ничего не оставалось, как с благодарностью принять деньги. Только теперь Пань узнал, что красавица, с которой приехал тот алхимик, была гетерой, действовавшей с ним заодно.

На деньги гетеры Пань сумел благополучно добраться домой. Он хорошо запомнил наставления гетеры и не верил больше в философский камень. Только волосы его еще не отросли, и ему было стыдно за себя. История Паня стала предметом веселых разговоров среди его родственников, друзей и всех тех, кто слышал о нем. Пусть же она послужит предостережением для тех моих современников, которые увлекаются алхимией.

*Очисть прежде душу от мыслей греховных,
потом за магический камень берись!
Искусство, доступное только бессмертным,
со скверной мирскою нельзя сочетать!
О женщинах думать, погрязнуть в разврате
и выплавить камень чудесный мечтать,
Не все ли равно, что в вонючей канаве
священного лебедя мясо искать.*

22. ПРОСТОЛЮДИН ЗА БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ ПОЛУЧАЕТ ДОЛЖНОСТЬ; СУДЬБА ОТВЕРНУЛАСЬ — И НАЧАЛЬНИК ОБЛАСТИ СТАНОВИТСЯ НА ДЖОНКЕ РУЛЕВЫМ

В стихах говорится:

*Ни в счастье, ни даже в несчастье
вечного нет ничего,
Зачем же стремиться куда-то,
мчаться на всех парусах?
Настанет пора, и восточное море
пыльною будет равниной;
Вон облачко — легкою тканью казалось,
а превратилось в какого-то пса.*

роцветание и слава, роскошь и богатство — не более, чем призрачные огоньки, которые то промелькнут перед глазами, то исчезнут, и нельзя принимать их за что-то постоянное и реальное. Тем не менее стоит только человеку добиться могущества и власти, чтобы он тут же возомнил, будто положение его вовек нерушимо. Точно так же думают и те, кто смотрит на такого со стороны. Однако совсем не трудно в мгновение ока рассеяться дыму, развеяться пеплу и золотым горам превратиться в горы льда. Очень хорошо говорится в пословице: лучше не иметь и обрести, чем иметь и потерять. Если бедняк в одно прекрасное утро превращается в богатого и знатного человека, горю его приходит конец, и его жизнь становится беспредельно счастливой. Если же богатый и знатный вдруг лишается всех преимуществ и становится бедняком, то все те, кто в свое время вертелись возле него, разбегаются, как обезьяны с упавшего дерева, и положение его оказывается поистине невыносимым. И все же богачи, пользуясь силой, которой они обла-

преки совести и разуму и вовсе не думают о том, к чему все это приведет.

Есть такой анекдот об одном старике и его трех сыновьях.

Перед смертью старик сказал сыновьям:

— Пусть каждый из вас скажет, чего он хочет; когда я умру, я попрошу за вас владыку неба.

— Я хотел бы иметь высокий чин, — ответил ему первый сын.

— А я хотел бы иметь пашни в десятки тысяч *цинов, — сказал второй.

— У меня нет никаких желаний, — заявил младший, — разве что взамен своих иметь пару огромных глаз.

— Зачем? — удивился старик.

— А чтобы лучше разглядеть, как будет расти в чине один и богатеть другой.

Хоть это и анекдот, но он как раз соответствует изречению древних:

*Взглядом спокойным со стороны
посмотрю-ка я, *краб, на тебя,
Долго ль ты будешь творить невесть что,
ходить поперек всем и вся?*

Так-то оно так, однако семьи крупных богачей и знатных сановников разоряются лишь в том случае, если богача или сановника казнят за какие-нибудь проступки или же если у них вырастают непутевые сыновья и внуки. И никогда не бывает, чтобы знатный и богатый человек вдруг ни с того ни с сего докатился до положения бедняка, чтобы возмездие за какие-нибудь его тяжкие грехи постигло его еще на этом свете и чтобы он стал посмешищем для людей.

А теперь, читатель, послушайте, я расскажу вам забавный случай в качестве вступления.

Это было при династии *Тан, когда на престол вступил император Си-цзун, давший своему правлению девиз *Цянь-фу. Вся государственная власть в то время была в руках евнухов, и они творили что им вздумается. Среди них при дворе был и некий Тянь Линцзы.

Человек этот находился в милости у императора, когда тот был еще князем удела Пу. Когда же наследник вступил на престол, он сначала назначил Тянь Линцзы на должность начальника канцелярии прошений, а затем повысил его в чине и дал ему пост начальника войск дворцовой охраны. Императору в то время было всего четырнадцать лет. Все свое время он проводил в развлечениях и забавах, а управление полностью возложил на Тянь Линцзы, которого называл отцом. И Тянь Линцзы сам решал даже такие дела, как перемещение чиновников по службе, позволяя себе не докладывать об этом императору.

В то время в столице жил один лоботряс по фамилии Ли, по имени Гуан. Ли Гуан всячески заискивал перед Тянь Линцзы. Тот был очень им доволен, доверял ему, продвинул на должность своего помощника и однажды в докладе императору рекомендовал Ли Гуана

на пост наместника северных пограничных земель. Но, видно, Ли Гуану не суждено было на роду такое счастье. В день, когда вышел императорский указ о его назначении, Ли Гуан заболел и вскоре умер. После него остался сын по имени Дэцюань. Когда отец умер, Дэцюаню было двадцать с чем-то лет. Безгранично сочувствуя юноше, Тянь Линцзы стремился вывести его в люди и, мало думая о достоинствах Дэцюаня, устроил его на высокую должность. Это было как раз незадолго перед тем, как *Хуан Чао занял столицу — город Чанъань. В первом году *Чжун-хэ *Чэнь Цзинсюань из *Чэнду послал в столицу войско, приглашая императора под охраной его армии проследовать в Сычуань. Тянь Линцзы уговорил императора отправиться в Сычуань и, так как он сам был в его свите, предложил Дэцюаню отправиться вместе с ним. Тянь Линцзы и Чэнь Цзинсюань завязали дружбу, захватили в свои руки всю государственную власть, всех держали в страхе и подчинении, а Дэцюань тем временем увидался около них, стараясь во всем им угождать. Разные мошенники и богачи, которые стремились добиться имени и положения, как правило, подкупали Дэцюаня, с тем чтобы тот ходатайствовал за них перед Тянь Линцзы и Чэнь Цзинсюанем. Дэцюань за несколько лет скопил миллионы, продвинулся в чине до советника, а затем до первого министра при императоре и был на вершине богатства и знатности.

Но вот умер император Си-цзун, на престол вступил император *Чжао-цзун. В четвертом месяце второго года его правления под девизом *Да-шунь наместник области Сычуань, некий Ван Цзянь, посылал императору один за другим доклады, в которых требовал казни Тянь Линцзы и Чэнь Цзинсюаня. Но император боялся их и не решился на это. Тогда Ван Цзянь подговорил кое-кого, те донесли, что Чэнь Цзинсюань замыслил поднять мятеж, а Тянь Линцзы находится в тайной связи с *Фэнсянским наместником; на основании этого донесения, не дожидаясь императорского указа, Ван Цзянь схватил обоих сановников, казнил их, а императору написал донесение, в котором говорилось:

*Тигр выскочил из клетки, и *Конфуций не обвинял никого, кроме стражи, *Суньшу Ао убил змею на своем пути, но не потому, что он думал о себе. Злоупотреблявшие властью казнены за пределами столицы, дабы не случилось беды в самой столице.*

После казни обоих сановников начали жестоко преследовать их приверженцев. Дэцюань бежал и скрывался в *Фучжоу. Из всех несметных богатств, которые он в свое время скопил, ему не удалось взять с собой ни гроша, так он и ушел в чем был. После первых же дней скитаний он променял на еду почти всю свою одежду и дошел до того, что остался в одном тонком халате и побирался в пути. Все его бывшее богатство исчезло, как мимолетный сон.

И все-таки, как говорится, небо не оставляет человека без тропы.

В Фучжоу служил конюхом некий Ли Ань. Ли Ань дружил с Ли Гуаном, отцом Дэцюаня, когда тот еще ничего собой не представлял. И вот случилось, что однажды Ли Ань увидел на дороге нищего. Внимательно присмотревшись к оборванцу, он признал в несчастном сына своего старого друга. Сердце Ли Аня прониклось жалостью, и он пригласил Дэцюаня к себе.

— Я слышал, что ты и твой отец стали богатыми и знатными в Чанъани. Потом я узнал, что вы разорились. Но каким же образом ты очутился здесь?

Дэцюань подробно рассказал Ли Аню о том, что сейчас преследуют приверженцев Тянь Линцзы и Чэнь Цзинсюаня, о том, как он бежал из столицы и дошел до такого положения.

— Твой отец был мне другом. Поживи пока у меня, а чтобы никто об этом не узнал, можешь изменить имя и выдавать себя за моего племянника. Думаю, что все обойдется.

Дэцюань так и сделал. Он стал называть себя Яньсы и выдавать за племянника Ли Аня. Теперь ему не нужно было ходить по улицам и попрошайничать. Но не прошло полугода, как Ли Ань тяжело заболел, положение его было безнадежным. Дэцюань, зная, что должность конюха, которую занимал Ли Ань, казенная и что конюхи находятся на государственном довольствии, попросил Ли Аня написать заявление, что, мол, он, Ли Ань, тяжело болен и просит его должность передать племяннику Яньсы.

Через несколько дней Ли Ань скончался, и Дэцюань занял его место. Ему не приходилось заботиться ни о еде, ни о платье, и он почитал себя крайне счастливым. В конце концов люди, конечно, узнали, что Дэцюань раньше занимал должность министра при императоре, но в стране в это время царил беспорядок, законы строго не соблюдались, и в такой обстановке никто не собирался заниматься Дэцюанем и копаться в его прошлом. Дали только ему шутовское прозвище «Ли — конюх-министр», а при встрече указывали на него пальцем и смеялись над ним.

Подумай, читатель, насколько высока должность министра и как низка должность конюха! И право, смешно видеть одного и того же человека сначала в должности министра, а потом на положении конюха. Но дело в том, что люди, которые вроде Дэцюаня опираются на всемогущих царедворцев, как на надежную гору, забывают о том, что гора-то эта ледяная; и когда сильные мира сего утрачивают свое могущество и власть, приходит конец и их прихлебателям. Это, собственно, естественное положение вещей, и можно считать, что Дэцюаню еще повезло, если ему удалось остаться в живых и стать конюхом.

А теперь расскажу об одном чиновнике, который жил в те же времена. Хоть он и получил чин не совсем обычным путем, а благодаря существовавшему тогда льготному положению, но добился он этого сам, без чьей-либо помощи. Однако небо ему не помогло: чин-то был, а жалованья — нет. За всю жизнь он не нажил ни одного врага, но зато и ничего значительного не свершил. Такова уж была его

судьба. Человек этот вызывает к себе бесконечно большее сочувствие, чем Дэцюань. Вот стихи об этом:

*Богатство и знатность не стоят того,
чтобы о них говорить, —
Ведь все уплывает на свете, течет,
словно облако в небе.
И на чиновный помост все взошедшие, вы
не пугайте других,
А лучше взгляните, как стал рулевым
господин Го Цилан.*

Рассказ этот относится к периоду правления того же императора Си-цзуна, о котором была речь. В городе *Цзянлине жил некий Го Цилан. Отец его, крупный торговец, промышленял по рекам Янцзыцзян и *Сяншуй. Цилан постоянно разъезжал с отцом, а после его смерти стал полным хозяином дела. Без преувеличения можно сказать, что он владел необозримыми землями и богатства его исчислялись сотнями тысяч, ворону не облететь было его полей, грабителю — не сдвинуть с места его золота, и не было в Цзянлине никого богаче Го Цилана.

Цилан ссужал своим капиталом торговцев в районе рек *Хуайхэ и Янцзыцзян. И всем этим торговцам не нравилось в Цилане одно — он, как говорится, большой мерой брал, а малой мерой давал и свое плохое серебро упорно выдавал за хорошее, а чужое хорошее при расчете нагло оценивал как плохое. Его должники оказывались, таким образом, в очень невыгодном положении. И все же они терпели и молчали. И как вы полагаете, почему? Только потому, что Цилан был владельцем большого капитала. Купцы предпочитали молчать при расчете — ведь как-никак, а благодаря его капиталу они что-то могли заработать. Попробуй они перечить ему и ссориться с ним, тот потребовал бы назад свои деньги, и тогда пришлось бы им сесть на мель. Поэтому, как он их ни обсчитывал, все ему сходило, капитал его рос, и деньги, как говорится, шли к деньгам.

В свое время один крупный купец взял у него несколько десятков тысяч серебром и отправился торговать в столицу. Прошел не один год, а известий от этого человека не было. И вот однажды в начале годов Цянь-фу Цилан вспомнил, что долг этот еще не возвращен. Однако он знал, что должник его — крупный торговец, и потому был спокоен. Он только сожалел, что некого было послать за деньгами в столицу. И вот как-то раз он подумал: «Я слышал, что столица — это прекрасный город, где полно увеселительных домов с удивительными красавицами. Почему бы мне не воспользоваться случаем и самому не съездить туда? Можно будет и повеселиться с красавицами, и долг получить, а при случае и должность, которая обеспечит меня на всю жизнь». Рассудив так, он решил ехать в столицу. У Цилана были мать, брат и сестра, несчетное количество прислуги, но так как он еще не был женат, то заботы о матери на время отсутствия поручил брату и сестре. Приказав управляющему следить за хозяйством и

оставив кому следовало распоряжения, он захватил с собой несколько слуг, привыкших к дальним путешествиям и понимавших толк в делах, и направился в столицу. Цилан вырос на воде, много плавал на джонках с торговцами, умел владеть багром и веслом, был очень ловок и опытен в этом деле, поэтому все неудобства и тяжести пути для него ничего не значили, и он очень быстро добрался до столицы.

Оказалось, что должник Цилана — купец Чжан Добао — держал в столице несколько ломбардов и лавок, в которых торговал шелком. Кроме того, он ссужал деньгами чиновников и имел связи с «большими людьми». Что до посредничества в каком-нибудь деле: в покупке ли, в продаже ли чинов, то стоило ему только взяться, а уж на успех можно было определенно рассчитывать. Кличка его была «Чжан — Всеимуший», но некоторые называли его «Чжан — Всемогуший», потому что он действительно мог взять на себя любое дело. Человека этого знала вся столица, и, когда Цилан приехал туда, он без труда его разыскал. Чжан Добао радушно встретил своего старого кредитора, чей капитал помог ему в свое время основать дело и широко развернуться. Поговорив с гостем о том о сем, Чжан Добао велел подать вина и отправил паланкины за известными гетерами. После вина хозяин попросил одну из самых красивых гетер, Сайэр, составить компанию Цилану, и гость остался с ней вдвоем в кабинете хозяина. Само собой разумеется, что кабинет был обставлен и убран со всей роскошью и утонченным изяществом — ведь богач принимал богача! На следующий день Чжан Добао, не дожидаясь напоминаний Цилана, подсчитал свой долг и полностью вернул его, учтя даже проценты с капитала. Всего получилось более ста тысяч.

Передавая деньги, Чжан Добао сказал:

— Дела все мешали мне выбраться из столицы, да и путешествовать с большими деньгами теперь небезопасно. А такое дело ведь каждому не поручишь. Вот я и задержался с возвратом долга. Ну, а теперь, когда вы сами оказались здесь, мне просто представился очень удобный случай вернуть вам ваши деньги.

Цилан, видя, как легко и просто было покончено с деловыми расчетами, остался очень доволен и тут же обратился к богачу с просьбой:

— Я в столице впервые и пока нигде не остановился. Благодарю вас, что отдали долг и положенные проценты, но хотел бы еще затруднить вас и попросить подыскать мне какое-нибудь жилье, где бы я мог спокойно поселиться.

— Свободных помещений у меня самого много, — ответил ему Чжан Добао. — Здесь всегда останавливаются торговцы. Ну, а о вас и говорить не приходится — ведь мы с вами старые знакомые. Я и представить себе не могу, чтобы вы жили где-то в другом месте. Живите у меня, а когда вздумаете вернуться домой, от меня же и соберетесь в дорогу. Уверяю вас, что здесь вы обойдетесь без излишних хлопот.

Цилан обрадовался и поселился в помещении для приезжих гостей рядом с домом Чжан Добао. В тот же день Цилан дал Сайэр де-

сять *ланов серебра за вчерашние услуги, а вечером решил устроить ответное угощение и опять-таки попросил ее составить им компанию. Чжан Добао не хотел, чтобы его гость тратился, вынул десять ланов серебра, дал их Сайэр и настаивал, чтобы Цилан взял свои деньги. Тот, конечно, не соглашался. Долго они спорили, никто не хотел брать своих денег назад, от чего выгадала только Сайэр — приняла от обоих, чем доставила и тому и другому большое удовольствие. Этот вечер гость и хозяин провели за вином, пили, развлекались. Сайэр и Цилан все больше и больше нравились друг другу. Пировавшие разошлись, когда уже порядком охмелели.

Надо сказать, что Сайэр была знаменитой и опытной гетерой, и когда она поняла, что у Цилана много денег, то пустила в ход все свои чары. Двух ночей подряд было вполне достаточно, чтобы Цилан потерял голову. С тех пор они вместе проводили время, и Цилан ни на шаг не отпускал красавицу от себя, даже домой не позволял ей уходить. Сайэр приглашала своих подруг, и они — то одна, то другая — приезжали развлекать Цилана, за что он каждый раз щедро их одаривал. А хозяйка заведения, у которой жили эти девицы, еще выдумывала разные предлоги, чтобы поживиться, — то день рождения, то неотложные покупки, то срочный долг. Цилан не жалея тратил деньги, и вокруг него сразу собралась толпа прихлебателей, которые уговаривали его побывать у других гетер.

Богатые бездельники в этом отношении особенно легкомысленны — где зацепятся, там и пристанут, какую увидят, к той и загорятся чувствами. И Цилан проводил время не только с Сайэр, но и с Чэнь Цзяо, Ли Юй, Чжан Сяосяо, Чжэн Пяньпянь и всюду с необыкновенной легкостью сорил деньгами. Затем те же бездельники познакомили его с азартными игроками, родовитыми сынками богачей и знати, — затевалась игра с шулерскими приемами, и Цилан, конечно, чаще проигрывал, чем выигрывал; и бог знает сколько денег выманили они у него. Цилан хоть и любил весело провести время, но все же был дельцом, прежде всего думавшим о выгоде. Сначала, получив от Чжан Добао долг с процентами, он тратил деньги свободно, но спустя два-три года почувствовал, что израсходовался, и, подсчитав остаток, увидел, что растратил больше половины. Тогда он вспомнил о доме и решил, что пора возвращаться. Когда он сообщил о своих намерениях Чжан Добао, тот стал его отговаривать:

— Сейчас восстал *Ван Сяньчжи, повсюду грабежи, разбои, по дорогам не проехать, — говорил он, — куда же вы двинетесь с такими деньгами. Боюсь, что до дому не доберетесь! Лучше поживите здесь некоторое время, переждите, пока все уляжется.

Цилан остался. И вот однажды один из его знакомых лоботрясов, некий Бао Да, заговорил о том, что двор в связи с военным положением в стране остро нуждается в провианте и деньгах и что если внести некоторую сумму, то можно получить должность. Мала или велика должность — зависит, мол, от того, сколько заплатить. Цилан сразу загорелся и спросил:

— А за несколько миллионов какой можно получить чин?

— Сейчас при дворе царит такое, что если вы, согласно новому положению, внесете деньги, то должность, может быть, вам и дадут, но это будет только какое-нибудь невысокое назначение. Если же действовать частным порядком и ту же сумму заплатить кому следует, то определенно можно будет стать хоть правителем области.

Цилан был поражен.

— Неужели и такую должность можно купить?

— Разве в наше время можно говорить о порядочности и честности? Есть деньги — все можно сделать, — говорил Бао Да. — Вы разве не слышали, как Цуй Ле за пять миллионов купил должность начальника Палаты просвещения? Теперь, когда денег, которые платят за генеральский чин, хватает лишь на один кубок вина, должность правителя области получить не так уж трудно. Если найдете нужные ходы и выходы, ручаюсь, все будет в порядке.

Как раз во время этого разговора зашел Чжан Добао. Цилан тут же рассказал ему об их беседе.

— Устроить, конечно, можно, — сказал на это Чжан Добао. — Я даже сам помог кое-кому таким образом. Но только я бы вам не советовал.

— Почему? — удивился Цилан.

— Видите ли, служба чиновника трудна в наши дни по многим причинам, — ответил тот. — У тех, кто теперь преуспевает, есть твердая почва под ногами, и они держатся крепко — у них полно родственников и своих людей при дворе. Они могут глубоко пустить корни, зарабатывать деньги и лезть все выше и выше, могут без зазрения совести обдирать народ. Лишь бы были деньги и связи, и можно быть уверенным, что ничего не случится. Но вы простой человек, экзамена на ученую степень никогда не держали. Пусть даже вам достанется видная должность, у вас нет сильной руки, которая могла бы вас поддержать; поэтому, когда вы приедете на место, вряд ли ваши дела пойдут успешно. А если даже и будет все гладко, то вы ведь понимаете, что при дворе у нас сейчас так и смотрят, где бы урвать для себя. И вот, зная, что вы купили должность, подождают немного, дадут вам месяц-другой обжиться, а потом придерутся к вам и затопчут в грязь. Вот и выйдет, что вы зря только деньги потратили. Если бы было легко служить чиновником, я давно бы уже был им.

— Я смотрю на это иначе, — возразил Цилан. — Денег у меня дома полно, а вот чина нет, и раз при мне такая сумма, которую я не могу везти домой, почему бы не истратить часть ее здесь. Если только мне удастся надеть на себя *фиолетовое платье и золотой пояс, буду считать, что не зря прожил свой век. Пусть я даже не заработаю на этом, но ведь денег у меня уйма и они меня не прельщают. Что ж такого, что я не буду преуспевать! Брошу службу, но зато все будут знать, что я был чиновником, и честь эта за мной останется. Я уже решил, так что вы меня не отговаривайте.

— Ну, раз вы решили, остается только помочь вам, — сказал Чжан Добао и тут же стал советоваться с Бао Да, какими идти хода-

ми и выходами. Бао Да хорошо знал их, а Чжан Добао был всеми уважаемым, опытным и крупным дельцом, так что трудности им в этом деле не представилось.

Надо сказать, что в эпоху Тан в ходу были медяки. Тысяча медяков называлась *связкой, и даже если за единицу бралось серебро, счет все равно вели медяками. Одна связка монет в то время соответствовала нашему лану; при *Сун тысяча монет тоже называлась связкой.

Чжан Добао и Бао Да взяли пять связок и отправили их казначею евнуха Тянь Линцзы. Действовать через него — это был верный путь.

Как говорится, без случайностей нет и рассказа. В то время жил некий Го Хань, который только-только был назначен на должность начальника области Хэнчжоу в провинции Гуанси. Случилось так, что он заболел и умер, а его удостоверение о назначении лежало еще в ведомстве регистрации. Казначей евнуха, получив от Чжан Добао и Бао Да изрядную сумму, переправил документ о назначении Го Ханя на имя Го Цилана. Так Го Цилан стал Го Ханем. Чжан Добао и Бао Да получили свидетельство, довольные, явились к Цилану и стали его поздравлять, а у того от счастья закружилась голова и отяжелели ноги. В честь такого события Чжан Добао устроил пир, а Бао Да пригласил артистов.

В тот же день Цилан надел чиновничье платье. Все его знакомые бездельники, узнав, что Цилан стал начальником области, пришли с поздравлениями. Целый месяц праздновали это событие, веселье и музыка не прекращались ни на один день. Говорят, что мухи слетаются на нечистоты, муравьи собираются на сало, а голуби летят к богатым домам. Цилан все это время жил в столице на широкую ногу, а теперь, когда получил столь высокую должность, завелись у него прихлебатели и просители. А ведь не так страшен начальник, как его подчиненные, — это они будут потом в качестве управляющих, посыльных и вообще его свиты объявлять о приближении начальника, распоряжаться, чтобы высокому должностному лицу было приготовлено место, бить почтовых чиновников, обижать и обманывать торговцев, страшать народ и заниматься вымогательством.

Цилан был на вершине блаженства. Ему не терпелось с почетом, торжественно возвратиться домой, и потому он, не медля, выбрал день для отъезда. Чжан Добао устроил по этому случаю пир. Все бездельники — приятели Цилана и знакомые девицы — пришли провожать его. Но теперь Цилан был полон сознания собственного величия и раздавал подарки с таким гордым и надменным видом, словно равного ему вообще не было. Пришедшие проводить его угодливо улыбались высокому чиновнику и смиренно сносили пренебрежение к ним. Удостоит он кого-нибудь мимолетным взглядом, скажет кому слово сквозь зубы — и люди уже считали это знаком величайшего расположения к ним.

Прощальный пир продолжался несколько дней. Тем временем все уже было готово к отъезду, и Цилан торжественно двинулся в путь.

«Я так богат, а теперь еще стал правителем большой области, — довольный, размышлял про себя Цилан, — теперь уж и конца не вижу моему благополучию и знатности». С каждым днем его самодовольство все больше и больше выпирало наружу. Прислуга, которую он привез с собой в столицу, хвалилась его богатством и щедростью перед новой прислугой, а те были довольны, что попали к хорошему хозяину, и, само собою разумеется, в пути вся эта свита шествовала с победоносным видом.

Двигаясь то по воде на лодках, то по суше на лошадях, они с каждым днем приближались к Цзянлину. Когда Цилан оказался наконец в родных местах, он ужаснулся тому, что предстало перед его глазами:

*Нигде не курился дымок,
Деревни заброшены, пусты.
Куда ни помотришь — груды развалин,
Мосты тут и там обвалились,
Деревья посохли, погнили.
Кругом обгорелые балки чернели,
И всюду пожара следы.
Белые стены забрызганы кровью,
Трупы людей облепили,
Борясь меж собой, муравьи и вороны;
Добычей шакалов, волков
Стали бездомные куры и псы.
Слезы прольет и гранитное сердце,
Чувств не сдержать и железной душе!*

Оказывается, весь район Цзянлина был подвергнут опустошительному набегу повстанцев Ван Сяньчжи. Людей здесь почти не осталось, и если б не река, местности вообще было бы не узнать. Сердце забилося у Цилана при виде этой картины. Они высадились, прошли по берегу до того места, где раньше стоял большой дом Цилана. Теперь здесь были одни развалины, валялись обломки, черепки. В растерянности Цилан обошел все вокруг, но никого и ничего не нашел; где теперь были его мать, брат, сестра и слуги, он не знал. Пришлось послать людей на розыски. Только на третий или четвертый день удалось найти старого соседа, который рассказал, что повстанцы здесь учинили грабеж, что брат его убит, сестру увели и неизвестно, жива ли она; в Цзянлине остались только мать и две служанки, остальная прислуга разбежалась; мать и служанки живут теперь в хижине возле старого храма, и, так как все деньги у них пропали и жить им не на что, они шьют и штопают на людей.

Горю Цилана не была предела. Он тотчас отправился со своей свитой к матери. Обнимая друг друга, мать и сын плакали навзрыд.

— Кто бы мог подумать, что, когда ты уедешь, с нами стряется такая беда! Сестра и брат погибли, жить не на что, — причитала женщина.

Смахнув слезы, Цилан сказал:

— Ну что ж, слезами горю не поможешь. К счастью, я теперь получил должность, и дни благополучия еще впереди.

- А что за должность ты получил, мой сын?
- Чин немалый: начальник области в Хэнчжоу.
- Как же ты получил такое высокое назначение?

— Теперь у власти евнухи, и можно получить чин, не держа никаких экзаменов. Купец Чжан Добао вернул мне весь долг, уплатил проценты, и за несколько миллионов монет я получил должность. Сейчас я заехал сюда проведать вас, а затем должен сразу же отправиться дальше.

Цилан велел принести чиновничье платье, головной убор и облачился в парадное одеяние. Затем он попросил свою мать сесть посредине комнаты, земно поклонился ей и приказал новой и старой прислуге бить ей поклоны и величать ее почтенной госпожой, как подобает матери высокого чиновника. Женщина была обрадована и несколько утешена, но со вздохом сказала:

— Ты жил вдали от дома, в роскоши и, конечно, не мог знать, что семья твоя разорилась и у нас нет ни гроша. Но все же было бы лучше, если бы ты не покупал этой должности, а привез побольше денег на жизнь.

— Матушка, вы рассуждаете, как женщина, — возражал ей Цилан. — Неужто чиновник будет без денег! Да какой же чиновник в наше время не обладает тысячами и сотнями тысяч! Кто из них не сдирает шкуры даже с голой земли! Здесь у нас не осталось теперь ничего, поэтому мы сейчас с вами поедем к месту моего назначения. Через год-два станем на ноги и заживем по-новому. У меня еще есть две-три тысячи связок монет, этого хватит на расходы, и незачем вам печалиться.

Женщина повеселела и, улыбаясь, сказала:

— Как вовремя ты получил должность и положение. Благодарение небу и земле. Если б ты не вернулся, при такой жизни я недолго бы еще протянула.

Затем она спросила:

— А когда же мы сможем двинуться в путь?

— Я думал, что вернусь домой, возьму себе в жены хорошую девицу и вместе с ней мы будем наслаждаться счастьем. Теперь уже, судя по всему, будет не до этого. Прежде всего надо обосноваться в Хэнчжоу. Прошу вас, матушка, ко мне на лодку. Отдохнете там, а завтра найдем большую джонку — и в путь. Нас здесь ничто не задерживает, и чем раньше мы приедем в Хэнчжоу, тем лучше.

В тот же вечер Цилан помог матери перебраться на лодку. Котлы, чашки и прочую утварь они оставили в хижине. Людям было приказано нанять большую джонку, на которой они должны были добраться до Гуанси. На следующий же день, когда на джонку перенесли все вещи, Цилан сжег на счастье жертвенные *бумажные деньги, и под звуки музыки они тронулись в путь. И у Цилана, и у его матери было приподнятое настроение. Цилану не приходилось переживать лишений, всегда в жизни ему сопутствовала удача, поэтому хоть он и был доволен, что мать с ним, но в общем ничего удивительного в этом путешествии не видел. Другое дело его мать. Она пережила столько лишений и горя, что теперь чувствовала себя так,

словно из ада перенеслась на небо, и ей казалось, что она стала на голову выше.

Они уже миновали город *Чанша и плыли теперь по реке Сяншуй к *Линлину. Когда они оказались около монастыря Доушуай, расположенного на самом берегу, судовщик решил причалить и оставить здесь джонку до вечера.

У самой воды росла огромная смоковница в несколько обхватов толщиной, и судовщик крепко-накрепко привязал к ней канат, а затем в землю вбил кол. Цилан с матерью сошли на берег и отправились в монастырь. Свита несла над ними зонты.

Увидев, что приближается высокий чиновник, монахи вышли встретить гостей, поднесли им чай и стали расспрашивать у свиты, кто приехал. Когда они узнали, что это начальник области Хэнчжоу, они преисполнились еще большим почтением к своим гостям и повели их осматривать монастырь. Мать Цилана останавливалась перед каждым изображением Будды и земно кланялась, благодаря за помощь. На джонку они возвратились, когда стало уже смеркаться. Вечером вдруг налетел ветер, засвистел в листве, вокруг все вмиг потемнело, и разразилась буря:

*Духи ветра силу свою проявляют,
В воздухе будто бы конница мчится,
Мечутся ветви деревьев,
Словно в сраженьи ринулась грозная армия.
Волны вздымаются валом,
Гремя, словно бой барабанный;
С грохотом валится берег,
Грома раскатом все потрясая;
Напуганный тигр рев поднимает в горах,
В смятенье дракон под водою.
Надеялись люди,
Что дерево мощное джонку удержит,
Кто мог подумать,
Что дерево ветром снесет!*

Услышав, как свищет ветер, люди встревожились. Однако судовщик считал, что даже при таком свирепом ветре им ничего не грозит: джонка привязана к мощному дереву, у которого крепкие корни. Но вдруг сквозь сон Цилан услышал страшный треск, такой, словно обрушилось небо и разверзлась земля.

Оказывается, дерево за многие и многие годы своими корнями разрыхлило дамбу, а речные волны постоянно размывали берег. Теперь, когда разразилась буря, огромную смоковницу раскачивало из стороны в сторону страшными порывами ветра, ветру помогала привязанная к дереву тяжелая джонка; в конце концов дерево с корнями вырвало из земли, и оно с треском повалилось на джонку.

В джонку хлынула вода. Плавали доски от разбитых кают. Спавшая прислуга вся потонула. Растерявшийся судовщик поднял крик. Цилан с детства умел обращаться с лодкой. Вдвоем с су-

довщиком они ухватились за канат, и им удалось подтянуть джонку к берегу. Цилан быстро помог матери выйти из залитой водой каюты. Мать была спасена, но остальные на джонке и все вещи Цилана были смыты набежавшими волнами. Еще миг — дно джонки проломилось и она стала погружаться в воду.

Стояла уже глубокая ночь. Ворота монастыря давно были на запоре. Цилан, его мать и судовщик долго кричали, но никто их не слышал. В промокшей одежде стояли они возле ворот монастыря, били себя в грудь, топали ногами и жаловались на свою судьбу. Утром, когда открылись ворота, они поспешно всшли в монастырь и вызвали настоятеля, с которым виделись накануне. Настоятель вышел.

— Что случилось? Разбойники напали? — спросил он, глядя на их жалкий и растерянный вид.

Тогда Цилан рассказал о том, как упало дерево и как затонула их джонка. Монахи поспешили на место происшествия и были поражены, увидев полузатонувшую джонку, придавленную огромным деревом. Они тут же приказали монастырским служкам отправиться вместе с судовщиком на джонку и попытаться хоть что-нибудь спасти. Но все вещи были снесены волнами, на джонке ничего не осталось. Пропало и свидетельство Цилана о назначении его на должность.

Настоятель устроил мать Цилана в одной из келий, посоветовал Цилану сообщить о случившемся крушении начальнику соседней области Линлин и просить его составить об этом донесение соответствующему управлению. Тогда там смогут выдать новое назначение вместо пропавшего в бурю. Без такого документа ехать в Хэнчжоу было бы бессмысленно. Цилан попросил поехать по этому делу в Линлин одного монаха, хорошо знакомого с тамошними людьми. Монах рассказал, кому следует, что приключилось с Циланом, и начальнику области обо всем подробно доложили. Но как было предвидеть, что

*Иней холодный
первой бьет слабую травку;
Беда наступает лишь тех,
кому не везет.*

Мать Цилана, которая только что пережила беспокойное время мятежа, смуты и бесчинства солдат, у которой на глазах убили сына и похитили дочь, не смогла перенести нового потрясения: опять погибла вся их прислуга, пропали последние деньги. Женщину охватило такое горе, что она сразу осунулась и пожелтела, перестала есть и пить, целыми днями плакала, наконец слегла и не могла уже подняться. Цилан, встревоженный, пытался утешить ее:

— Был бы цел лес, а дрова найдутся, — говорил он матери. — Хоть и постигла нас такая беда, но должность моя за мной. Нужно только прибыть на место, и все будет хорошо.

— Сынок, душа моя истерзана, — со слезами говорила старуха. — Я уже не жилец на этом свете, и не надо меня успокаивать. Даже если ты и будешь на службе, мне этого не видать.

Цилан все надеялся, что мать поправится. Он надеялся получить новую грамоту, чтобы поехать в Хэнчжоу на должность, верил, что лучшие дни у него впереди. Но мать была слишком потрясена. Она не вставала с постели и дня через два скончалась. Цилан горько плакал, но делать было нечего. Посоветовавшись с настоятелем, он решил на этот раз сам отправиться в Линлин просить начальника области о помощи. За несколько дней до этого начальник уже получил сообщение о крушении и знал, что Цилан рассказал ему правду. К тому же чиновник всегда поддерживает чиновника, а Цилан был начальником соседней области и отказать ему было неудобно. Начальник выделил людей, которые должны были помочь Цилану похоронить мать, дал ему большую сумму денег на дорогу и проводил его по всем правилам этикета.

Благодаря помощи начальника области Цилан смог как подобает похоронить мать. Но теперь он носил траур и в любом случае ехать на должность не мог. Настоятель, видя, что у Цилана ушла почва из-под ног, стал относиться к нему пренебрежительно и не хотел оставлять у себя. Возвращаться на родину было бессмысленно, и Цилан отправился в город *Юнчжоу, где остановился у одного торговца, с которым был знаком еще при жизни отца. Своих денег у него не было ни гроша, и жил он в Юнчжоу на деньги, которые получил у начальника области на дорогу. Через некоторое время и эти деньги кончились. Говорить о каких-либо дружеских чувствах между торговцами или делягами не приходится, и Цилан все чаще и чаще замечал пренебрежение со стороны приютившего его торговца: то ему поздно подавали еду, то не было чашки, то недоставало *палочек. Словом, Цилан понял, что стал нежеланным гостем, и однажды заявил хозяину дома:

— Я все же глава области, почти князь целого удела. Хотя я сейчас в трауре, но настанет день, когда я вступлю в свои права. Как же вы можете так ко мне относиться?

— Что там говорить о какой-то области, — возразил ему хозяин. — Когда император теряет власть — и ему приходится голодать или есть, что попадет, а уж тем более тебе, не приступившему к должности чиновнику. Да если б ты даже и вступил в свои права начальника, мы ведь не твои подчиненные. Почему должны содержать тебя? Мы живем своим трудом и кормить дармоедов не можем.

Цилану нечего было ответить. Слезы потекли у него из глаз. Было стыдно, но пришлось стерпеть. Так прошло еще несколько дней. Хозяин явно искал ссоры с ним и относился к нему с нескрываемым презрением. Тогда Цилан ему сказал:

— Хозяин, я здесь на чужбине, у меня нет ни одного знакомого, к которому я мог бы обратиться. Все это время я доставлял вам много беспокойства. Знаю, что это никуда не годится, но что же мне делать! Может быть, вы подскажете какой-нибудь выход, как заработать себе на жизнь?

— Знаю я таких, как ты, — отмахнулся от него хозяин. — «На растопку — длинные, на подпорку — короткие, на большое не способ-

ны, на малое не согласны». Хочешь заработать на жизнь, забудь, что ты чиновник, и нанимайся на работу, как все простые смертные. Но разве ты на это пойдешь?

— Я все же чиновник, как же я могу так низко пасть! — возмущенно заявил Цилан, когда услышал, что ему предлагают наняться на работу.

Тут он подумал: «Начальник области Линлин в свое время очень хорошо отнесся ко мне. Пожалуй, если рассказать ему о моем положении, что-нибудь сделает для меня. Неужели позволит умереть с голоду своему собрату?» Цилан написал *карточку; но, так как у него не было прислуги, сам поплелся к нему в *ямэнь. Служители ямэня приняли его за попрошайку и не захотели брать у него карточку. Цилан долго их упрашивал, рассказал обо всем, что с ним случилось. И только когда Цилан напомнил о том, как начальник помог ему с похоронами, как щедро одарил его на дорогу, то есть о том, о чем знали все в ямэне, — только тогда служители согласились взять карточку и доложить о нем.

Взглянув на карточку Цилана, начальник области остался недоволен: «Не очень-то этот человек понимает, что к чему. В свое время, когда я узнал, что в моих краях с ним случилась такая беда, я как правитель области без всяких разговоров помог ему, чем только мог. Что же он снова явился меня беспокоить? Может быть, — продолжал размышлять начальник, — ничего с ним тогда не произошло. Мало ли бездельников и проходимцев, которые невесть что придумывают, лишь бы выманить деньги. Но даже если он и не врет, человек этот явно без стыда и совести, бог весть что ему еще потом потребуется. Такие вот, как я, добрыми побуждениями сами в свой дом черта накликают. Не собираюсь теперь в его делах разбираться и принимать его».

Решив так, начальник возвратил карточку Цилана, велел передать, что он никого не принимает, и предупредил, чтобы впредь от Цилана вообще не брали карточки.

Цилан не ожидал от начальника такого безразличия и теперь не знал, что ему предпринять. Возвращаться к прежнему хозяину он не мог. Тогда он сел возле ворот ямэня и стал дожидаться, когда начальник отправится куда-нибудь с выездом. Дождавшись, он во весь голос завопил, моля о помощи.

— Кто там кричит? — бросил начальник из паланкина.

— Го Хань, начальник области Хэнчжоу.

— Чем это докажешь?

— Было свидетельство, но во время крушения пропало.

— Если нет соответствующей бумаги, как знать, так это или нет? Но пусть и так, тебе же уже давали деньги. Что же ты опять вздумал являться сюда и приставать ко мне? Не иначе, как ты просто бродяга. Убирайся-ка поскорей отсюда, пока не попало!

Видя, что начальник разгневан, его свита накинута на Цилана с палками. Бедняге ничего не оставалось, как убраться подобру-поздорову. В полном отчаянии он вернулся туда, где жил. Хозяин уже знал о случившемся, но нарочно спросил:

— Вы видели нашего начальника? Ну, как он встретил вас?

Краска стыда бросилась в лицо Цилану. Он вздохнул, но ничего не ответил.

— Я ведь говорил тебе, забудь, что ты чиновник, — сказал ему хозяин, — а ты не послушался. Дождался, пока поиздевались над тобой. Сейчас время такое, что имей ты хоть звание министра, но, если не будешь работать, денег не получишь. Только собственным трудом можно заработать на жизнь. Оставь ты свои пустые мечты.

— А что же вы посоветуете мне? — спросил Цилан.

— А ты сам подумай, что ты умеешь делать, — ответил хозяин.

— Ну, кой-чего я, быть может, не умею, но с управлением лодкой я хорошо знаком — ведь я еще с детства разъезжал с отцом по стране и много времени провел на воде.

— Вот и хорошо, — с приветливой улыбкой сказал хозяин, — к нам сюда приходит много джонок, и часто нужны судовщики. Я порекомендую тебя. Плохо ли, хорошо ли, но заработаешь, с голоду не умрешь.

Цилану пришлось согласиться, и с тех пор он стал работать на джонке рулевым.

Прошло некоторое время, и Цилан явился к хозяину с несколькими связками монет, которые успел заработать. В Юнчжоу люди уже знали Цилана, и те, кому была известна его история, дали ему прозвище «Правитель-рулевой». И если кто-нибудь собирался нанять Цилана в качестве рулевого, то так его и спрашивали. Потешаясь над ним, люди даже сложили песню. В песне поется:

*Позволь-ка, правитель, спросить у тебя,
Почему же не едешь ты в область Хэнчжоу?
Выходит, что небо само
Против тебя взбунтовалось:
Не нравятся, значит, ему
Из невежд неученых чиновные люди,
И ветра единым порывом
Смыло оно все богатства твои.
Все случилось не так, как того ты желал:
Вместо жезла — держишь ты руль,
Вместо *пояса — грубый канат.
Тут не до славы и блеска!
Но рука на руле —
И в жизни уверенней, тверже стоишь!*

Цилан проработал два года на джонках. И хотя срок его траура кончился, у него не было свидетельства о назначении, и в должности он не мог восстановиться. Ехать в столицу и там пытаться наладить дело? Но для этого опять-таки нужно несколько тысяч связок монет. А где их взять? Ясно, что теперь и думать о чине не приходилось; оставалось только смириться и продолжать работать на джонках.

Говорят: от жилья меняется душа человека, от пищи меняется тело. И действительно, когда Цилан получил должность начальника

области, он выглядел, как настоящий чиновник, а теперь, несколько лет проработав на джонках, он и внешностью и манерами стал похож на простого лодочника.

Забавно подумать: правитель области, а дошел до такого! Действительно, если человек сегодня богат и знатен, это еще ничего не значит, и не нужно зазнаваться, даже если ты добился высокого положения. Послушайся лучше моего совета:

*На бедность не ропщи,
богатством не кичись,
Что сейчас с тобой — не в счет,
что будет — поглядим!*

23. ДРУЗЬЯ-СОУЧЕНИКИ ПРИНИМАЮТ ВЫДУМКУ ЗА ПРАВДУ; ДЕВИЦА-СЮЦАЙ ЛОВКО ПОДМЕНЯЕТ ОДНО ДРУГИМ

В стихах говорится:

*Дом у моста Ваньлицяо стоит,
цветет мушмула под окном.
Там секретарь *Сюэ Тао живет,
взаперти коротает дни.
Разве мало талантливых женщин
на свете найдешь среди людей?
Но с ней ни одна не сравнится
ни талантами, ни умом.*

ти стихи написаны *танским поэтом и преподнесены сычуаньской гетере Сюэ Тао. Сюэ Тао была женщиной редкого дарования. *Вэй Гао, князь района Нанькан, в бытность свою наместником в Сычуани, всеподданнейшим докладом представлял ее к должности военного секретаря. Поэтому ее обычно называли «секретарь Сюэ Тао». Сюэ Тао встречалась с видными людьми, а среди ее друзей были такие выдающиеся личности, как *Гао Пянь, *Юань Чжэнь, *Ду Му и другие. Известно, что Сюэ Тао сама изготовляла бумагу для письма, причем брала для этого воду из речки Хуаньхуа. Бумагу эту называли «листочками Сюэ Тао», и если любителю поэзии и ценителю изящного удавалось заполучить такой листок, то он берег его, как драгоценную яшму. Поистине, так славилась в свой век Сюэ Тао, что помнили о ней в грядущих поколениях.

Рассказывают, что при *нашей династии, в годы *Хун-у, жил некий Тянь Чжу, родом из города Гуанчжоу, что в провинции Гуандун. *Второе имя его было Мэнъи. Когда его отец Болу получил должность учителя в Чэнду, Мэнъи поехал вместе с отцом и матерью в этот город. Мэнъи был молод, красив, изящен и превосходил сверстников умом и познаниями. Он был сведущ и в *каллиграфии,

и в живописи, и в музыке, и в *облавных шашках. *Сюцаи, учившиеся у Тянь Болу, проводили с Мэнъи целые дни и любили его, как родного.

Прошел год с тех пор, как они приехали в Чэнду, и Тянь Болу стал подумывать о том, не пора ли отправить Мэнъи домой. Но матери не хотелось расставаться с сыном, да и нелегко было скромному чиновнику собрать нужную сумму на дорогу. Тогда Тянь Болу поговорил с некоторыми сюцаями, желая оставить пока сына в Чэнду и подыскать ему место учителя. Он надеялся, что, учительствуя, Мэнъи сможет продолжать свою учебу, а заработанные деньги откладывать на дорогу. Друзья Мэнъи по школе только и думали, как бы устроить так, чтобы он остался с ними, и потому, узнав, что проживающий неподалеку от города богач Чжан собирается нанять учителя, стали усиленно рекомендовать ему Мэнъи. Чжан послал Мэнъи приглашение. Он предлагал молодому учителю приступить к своим обязанностям через пятнадцать дней после новогоднего праздника.

В назначенный срок Мэнъи в сопровождении своих приятелей, людей очень известных, явился в дом Чжанов. Вместе с ним пришел и сам Тянь Болу.

Когда Чжан, в прошлом скромный чиновник по перевозкам, а теперь известный богач, увидел, что новый учитель явился вместе с видными талантливыми сюцаями и что с ними пришел уважаемый учитель Тянь Болу, он очень обрадовался, устроил пир, и все разошлись только после угощения. С этого дня Мэнъи остался в доме Чжана.

Настал второй месяц, пришел *праздник цветов, и Мэнъи решил навестить родителей. *Запятав в рукав два *лана серебра, которые хозяин преподнес ему в виде праздничного подарка, Мэнъи отправился в путь. Неожиданно его взору открылась роща пышно расцветших персиковых деревьев. Кругом стояла полная тишина. У Мэнъи было так радостно на душе, что он загляделся на окружающую его прелесть и тут сквозь густой узор цветов и ветвей вдруг увидел красавицу. Понимая, что здесь, должно быть, живет добропорядочная семья, Мэнъи не посмел оглядываться на женщину, но в его походке невольно появилось нарочитое изящество — он грациозно взмахнул рукавом и при этом даже не обратил внимания, что из него выпало серебро. Красавица заметила это, приказала служанке поднять серебро и вернуть его Мэнъи.

На следующий день, когда Мэнъи возвращался к Чжанам, он умышленно пошел той же дорогой и опять увидел красавицу, а также ее служанку. Обе женщины стояли у ворот. Мэнъи направился прямо к ним.

— Идет молодой человек, который вчера обронил здесь серебро, — сказала служанка своей госпоже.

Красавица тотчас скрылась, а служанка осталась.

— Вчера вы были так любезны, что подобрали и вернули мое серебро, — сказал он ей, — и вот сегодня я специально пришел поблагодарить вас.

Услышав это, красавица велела служанке пригласить гостя в дом. Мэнъи обрадовался. Поспешно оправив на себе шапку и платье, он вошел внутрь. Красавица встретила Мэнъи и провела его в гостиную, где они поклонились друг другу.

— Не учитель ли вы из дома господина Чжана? — спросила она.

— Да, это так, — ответил Мэнъи. — Вчера по дороге домой я обронил тут одну вещицу. Вы были так любезны, что велели служанке подобрать ее и вернуть мне. Я очень и очень признателен.

— Чжаны — наши родственники. Их учитель все равно что наш учитель, и за такой пустяк, право, не стоит благодарить.

— Хотел бы узнать у вас, уважаемая госпожа, вашу почтенную фамилию и в каком родстве вы с моим хозяином.

— Фамилия ничтожной семьи нашей — Пин. Род наш старинный, из Чэнду. Моя девичья фамилия — Сюэ. Я была отдана замуж за Кана, одного из сыновей семьи Пин, но, увы, рано овдовела и теперь живу здесь одна. А почтенный ваш хозяин доводится мне зятем, поэтому мы с вами, можно сказать, свои.

Узнав, что перед ним вдова, Мэнъи не посмел задерживаться и, выпив чай, сразу же поднялся и стал прощаться.

— Посидите еще, переночуйте у нас, а утром пойдете к Чжанам, — остановила его красавица. — Если ваш любезный хозяин узнает, что вы были здесь, а я не сумела гостеприимно принять вас, мне, право, будет очень неловко.

Она тут же распорядилась, чтобы подали вино и яства. Вскоре были накрыты два столика, красавица села против Мэнъи и стала усердно потчевать его. В разговорах и шутках она позволяла себе немало вольностей, и душа Мэнъи так и загоралась, но перед родственницей хозяина он старался быть сдержанным.

— Я слышала о вас как о талантливом и остроумном человеке, свободной и широкой натуре. Почему же вы строите из себя такого чинного и чопорного ученого? — упрекнула его женщина. — Я хоть и не очень смыслена, но немного разбираюсь в поэзии. И раз уж мне сегодня довелось встретиться с вами, человеком духовно близким, я с удовольствием показала бы вам кое-какие образцы поэзии и каллиграфии, посочиняла с вами стихи. Если вы согласитесь, почту за счастье.

И она тут же приказала служанке вынуть рукописи танских поэтов и показала их Мэнъи.

Мэнъи внимательно прочитал все, с начала до конца. Это были стихи, собственноручно написанные танскими поэтами. Среди них больше всего было рукописей Юань Чжэня, Ду Му и Гао Пяня. Бумага казалась совсем новой, тушь — свежей. Мэнъи любовался ими, не будучи в силах выпустить их из рук.

— Это ведь редчайшие, драгоценные вещи! — вымолвил он наконец. — И вы их так любите! О, какая необыкновенная, поэтическая душа!

Красавица скромно благодарила.

Они увлеклись беседой и не заметили, как наступила вторая *стража. Мэнъи уже стал отказываться от вина, и тут красавица пригласила его в опочивальню.

— Я давно живу одна. И вот сегодня, увидев вас и поняв все ваше благородство, я не смогла остаться к вам равнодушной. Я не возражала бы, если бы вы побыли со мной, — сказала красавица, указывая на ложе.

— Не смел сам просить вас об этом.

Они разделись и легли. И для обоих это была ночь нежности, радостной близости. Красавица между тем не раз настоятельно предупредила молодого человека:

— Только не проговоритесь. Если ваш хозяин узнает, мы будем опозорены.

На следующее утро красавица подарила Мэнъи пресс для бумаги в виде лежащего яшмового льва, проводила Мэнъи до ворот и на прощание сказала:

— Когда у вас будет свободное время, непременно заходите; не уподобляйтесь бесчувственным людям.

— Об этом и напоминать излишне, — ответил Мэнъи.

Возвратясь, он сказал хозяину:

— Старушка-мать очень соскучилась по мне и непременно хотела, чтобы я ночевал дома. Я не посмел ей отказать. И вообще теперь я буду приходить утром, а вечером возвращаться домой.

Хозяин поверил ему.

— Как вам угодно, — ответил он.

С тех пор Чжанам Мэнъи говорил, что ночует дома, а родным — что в доме Чжана; сам же каждую ночь проводил у красавицы.

Так прошло полгода, и никто ничего не подозревал.

Мэнъи с красавицей любовались луной, цветами, пили вино, напевали стихи — словом, извели все радости человеческие на земле. Часто они сами сочиняли стихи: один начинал, другой продолжал или один отвечал на стихи другого и так далее. Так они сложили двадцать четыре строфы на тему «Опавшие цветы», пятьдесят строф на тему «Лунная ночь». И еще много других строк сложили они, состязаясь в изяществе и красоте слога, и всегда видели друг в друге достойных соперников. Но чтобы не наскучить читателю, не стану приводить все их сочинения, а приведу лишь их стихи о четырех временах года. Стихи красавицы были:

Весна

*На тоненьких стебельках
свисают бутоны с крыльца;
Стройные ивы качая,
листвою шуршит ветерок.
Солнце на запад склонилось,
в вечернем сиянье вершины.
Взошла над притихшим селом,
висит над сосною луна.*

Лето

*Прохладою веет едва
от тоненькой летней циновки.
И только вода родника
немного в жару освежает.
Причудливой легкой дымкой
аромат благовонный курится,
Круглая светит луна
сквозь резную бумагу окна.*

Осень

*Прибрежный тростник — в нежнейшем пуху,
и воды белыми стали;
Ветер срывает с деревьев листву,
в сизой дымке — вечерние горы.
За пологом странник очнулся от сна —
как пусто, грустно вокруг!
И *с гусем последним он шлет свой привет
с дороги в родительский дом.*

Зима

*Воздух морозный, дождь ледяной,
утро — а дом на запоре.
Ветер холодный, летящий снег,
вечер — и город замрет.
Румяным огнем горят угольки —
уютно, тепло у печи.
И в бирюзовые чашки прозрачные
чай ароматный налит.*

Красавица была тонким знатоком поэзии, искусно сочиняла стихи, и написала она их единым махом кисти. Но и Мэнъи, не задумываясь, тотчас ответил ей стихами на эти же темы:

Весна

*Деревья цветут, аромат источая,
дождь окропил их, блестя лепестки;
Кружится, за легкие шторы влетает
поднятый ветром ивовый пух.
На ивах золотые сережки желтеют
среди зелени пышных ветвей.
И сосны в снегу ароматном стоят,
покрыты цветочной пылью.*

Лето

*В жару освежает душистая дыня,
что плавает в жбане с холодной водой.
Прохладной становится, если поешь
лотоса корень из таза со льдом.
Сквозь камешки возле крыльца
пробились ростки бамбука,
Зеленые листья, шары на пруду —
это лотосы цвет свой раскрыли.*

Осень

*Камни покрылись цветов лепестками,
иной холодный на листьях лежит,
Стелется легкий туман вечерами,
и сизая дымка окутала лес.
Тоскою полно письмо от любимой,
след стыдливой слезы на конверте,
Чувство печали вдруг сон мимолетный навеял,
и боязно думать в ту пору о крае родном.*

Зима

*Ветром скрутило заснеженный парус,
в стужу такую удить прекращаешь;
Иней блестит при луне на ночных колотушках,
звук их унылый над городом спящим.
В наполненных доверху чарах
вино ароматное словно искрится;
Над ложем, на пологие светлом
бледный рисунок красавицы-*мэй.*

Молодая женщина осталась очень довольна стихами Мэнъи. Это поистине была прекрасная пара — красавица и гений. Вкусы и чувства их были едины, и нет слов, чтобы рассказать, как они были счастливы.

Но приятное недолговечно, и всему настает конец.

Как-то раз, проходя мимо школы, господин Чжан зашел к Тянь Боу и в разговоре с учителем, между прочим, сказал:

— Ваш сын каждый день возвращается домой, это очень утомительно для него. Не лучше ли было бы ему оставаться у меня?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — недоумевал Тянь Боу. — С тех пор как он у вас учителствует, он постоянно ночует в вашем доме и только вот недавно, когда заболела жена, несколько ночей подряд провел с нами.

Чжан понял, что тут что-то неладно, но, не желая ненароком поставить Мэнъи в неудобное положение, решил не продолжать этого разговора. В тот вечер, когда Мэнъи, прощаясь, сказал, что уходит домой, Чжан не стал ему что-либо говорить, но послал слугу проследить за ним. На полпути Мэнъи вдруг исчез. Слуга всюду разыскивал его, однако нигде не нашел и вернулся доложить об этом хозяину.

— Что ж, он молод, да и человек по натуре увлекающийся. Наверняка завернул в закоулок веселых домов, — рассуждал вслух хозяин.

— Но по этой дороге нет никаких домов и заведений, — заметил слуга.

— Ты все же пойди к его отцу и узнай, не там ли он.

— Уже поздно, боюсь, закроют городские ворота и я не успею вернуться.

— Ничего, переночуешь у них, а завтра утром вернешься и расскажешь мне обо всем.

На следующий день слуга возвратился и доложил, что Мэнъи у родителей не ночевал.

— Куда же он тогда делся? — недоумевал хозяин.

Как раз в это время появился Мэнъи.

— Скажите, где вы сегодня ночевали? — спросил у него Чжан.

— Дома, — ответил Мэнъи.

— Удивительное дело! Вчера я велел слуге следовать за вами, и так как вы на полпути исчезли, то слуга пошел к вашим родителям. Оказалось, что вас и там нет. Как же так?

— По дороге я зашел к одному приятелю потолковать и вернулся домой уже поздно вечером, поэтому ваш слуга и не застал меня, когда пришел к нам.

— Я ночевал сегодня у вас и только что оттуда, — заметил слуга. — Когда ваш почтенный отец узнал, что вы не ночевали в нашем доме, он так перепугался, что собрался сам сегодня прийти узнать, что случилось. А вы говорите: вернулись домой! Как же так?

Мэнъи изменился в лице.

— Если у вас есть какие-то причины не ночевать ни у меня, ни дома, вы должны поведать мне правду, — сказал Чжан.

Мэнъи понял, что скрыть свои похождения ему не удастся, и был вынужден рассказать о том, как встретил госпожу Сюэ из семьи Пин.

— Ваша родственница предложила мне остаться. Сам я не посмел бы решиться на такое! — добавил он в заключение.

— У меня здесь нет никаких родственников, — заявил Чжан. — Да и среди всей моей родни нет никого по фамилии Пин. Это какое-то наваждение, нечистая сила! Советую вам побереечь себя и больше не бывать там.

Мэнъи пообещал, что так и поступит, но словам хозяина, конечно, не поверил и вечером опять явился к красавице. Когда он поведал ей о том, что их тайна раскрыта, она сказала:

— Я уже знаю об этом. Не огорчайтесь и не сетуйте: так уж суждено, пришла пора нам расстаться.

В этот вечер она вволю пила с Мэнъи, и они беспредельно предавались веселью. Когда стало светать, она заплакала и сказала:

— Теперь мы расстаемся навеки.

С этими словами она достала кисть, ручка которой была из яшмы с черными вкраплениями, и, поднеся ее Мэнъи, сказала:

— Это вещь танской эпохи, храните ее при себе как память.

Тут, роняя слезы, они простились.

Между тем Чжан, предполагая, что ночью Мэнъи, несмотря ни на что, снова пойдет на свидание, велел посмотреть, у себя ли он.

Мэнъи действительно в кабинете не оказалось. «Да, конечно, он этого не прекратит! Как хозяин я тоже виноват, поэтому мой долг все рассказать отцу», — решил Чжан и тут же пошел к Тянь Болю.

Узнав о случившемся, Тянь Болю разгневался донельзя. Он велел одному из своих слуг немедленно пойти со слугою Чжана за Мэнъи. Молодой человек уже вернулся от возлюбленной, но не переставал думать о ней. «Она говорила, что мы расстаемся навеки, — рассуждал он, — вероятно, она боится, как бы не узнали о наших встречах. Придется, пожалуй, некоторое время не ходить к ней. Потом, быть может, удастся снова бывать вместе».

За этими размышлениями и застали его слуги. Ничего другого не оставалось, как следовать за ними домой.

— Заниматься, значит, не занимаешься! Так где же ты шатаешься по ночам? — набросился на Мэнъи отец.

В присутствии Чжана молодой человек не посмел лгать и потому молчал. Рассердившись, что сын не отвечает, Тянь Болу схватил посох и с размаху ударил Мэнъи по голове.

— Будешь говорить?! — заорал он.

Мэнъи пришлось рассказать о встрече с красавицей, показать стихи, составленные ими обоими, и ее подарки: кисть и пресс для бумаг.

— Не вините меня, отец! Это такая красавица, что остаться равнодушным к ней невозможно.

Тянь Болу внимательно рассмотрел подарки. По цвету яшмы он определил, что вещам этим несколько столетий. На ручке кисти он заметил выгравированную в стиле *чжуань надпись: «Безделушка принадлежит Гао из Бохая». Затем он внимательно с начала до конца прочел стихи, и невольно они покорили его.

— И вещи редкие, и стихи изящные! — сказал он Чжану. — Это, знаете, наваждение не из обычных! Не пойти ли нам самим с моим непутевым отпрыском туда?

Они отправились за город, и, когда подходили к персиковой роще, Мэнъи сказал:

— Это здесь.

Войдя в рощу, он огляделся и воскликнул:

— Как же так! Ни дома, ничего! Куда же все девалось!?

Тянь Болу и Чжан увидели перед собой густые деревья, голубую гладь озера, зеленые холмы. Сквозь терновник виднелась могила.

— Ах, вот оно что! — промолвил Чжан, качая головой. — Ведь здесь, по преданию, находится могила известной гетеры Сюэ Тао. В стихах танского поэта *Чжэн Гу сказано: «Персиков роща младая вокруг могилы Сюэ Тао растет», и потому люди посадили тут сто персиковых деревьев, и это стало местом весенних прогулок. Та, кого повстречал ваш сын, наверняка была Сюэ Тао.

— Почему вы так думаете? — спросил Тянь Болу.

— Прежде всего вот почему: она сказала, что была замужем за человеком из семьи Пин, которого звали Кан, а это явный намек на переулочек Пинкан, где в танские времена жили гетеры. Затем она говорила, что ее девичья фамилия Сюэ, — так кто же она, как не Сюэ Тао! Кроме того, на ручке кисти стоит фамилия Гао — наверняка это сычуаньский наместник Гао Пянь. Когда он был в Сычуани, самым большим его благорасположением пользовалась именно Сюэ Тао. И несомненно, кисть и пресс — подарки, полученные ею от Гао Пяня. Сюэ Тао давно умерла, а душа ее, по-видимому, все еще не находит покоя. И пожалуй, не стоит нам дальше вникать в это дело, — сказал в заключение Чжан.

Тянь Болу понимал, что Чжан, вероятно, прав, но, боясь, что сын не сумеет освободиться от чар знаменитой гетеры, отправил его на родину, в Гуандун.

Впоследствии Мэнъи выдержал экзамен на степень *цзиньши. Он часто рассказывал людям о своей необычайной встрече и в доказательство показывал полученные им в подарок вещицы. И, несмотря на то, что он много думал о красавице, ему больше никогда не удалось увидеть ее.

Предание о том, как Мэнъи повстречал Сюэ Тао, до сих пор еще живет в народе.

Вы спросите, зачем я рассказал вам такую чертовщину? А вот зачем: сычуаньские женщины издавна славилась своими талантами; такие как *Вэньцзюнь и *Чжаоцзюнь — обе были родом из Сычуани; и, наконец, многие уроженцы тех мест обладали литературным дарованием. И даже простая гетера Сюэ Тао оказалась столь талантливой, что еще при жизни прославилась стихами не менее, чем знаменитые поэты, а после смерти жила все тем же поэтическим вдохновением. Нет сомнения, что это дар природы, влияние окружающих гор и рек.

*Полноводна река Цзиньцзян,
Прелестны горы Эмэй.
Породили они талантливых женщин,
Таких как Вэньцзюнь и Сюэ Тао.*

Так писал один из танских поэтов о Сычуани. А была еще такая, как *Хуан Чунгу. Она носила мужское платье и состояла на службе у министра царства Раннее Шу; ее прозвали академик-девица; она тоже родом из Сычуани, и это безусловно говорит о том, что тамошние женщины издревле были талантливы. Нравы и обычаи в Сычуани и поныне таковы, что женщины с детства учатся наравне с мужчинами и даже держат экзамены и поступают в высшие училища. Случись это в другом месте, сочли бы неслыханным делом!

Ну а теперь поведаю вам одну необычайную и очень интересную историю.

*Истари так уж давно повелось —
девицам сидеть взаперти.
Когда и какой доводилось из них
в школу учиться ходить?
Та, о которой теперь расскажу,
все делала, как мужчина,
И как устроить свадьбу свою,
она решила сама.*

В Сычуани, в области Чэнду, в уезде Мянчжу, жил один военный, по фамилии Вэнь, по имени Цюэ, — наследственный командующий местным гарнизоном. Он выдержал два военных экзамена, дослужился до высокого чина и в должности командующего гарнизоном охранял те места. Это был человек щедрый и широкой натуры, и жил он богато. Жена его уже умерла. Были у него вторые жены — все талантливые, умели играть на музыкальных инструментах, танцевать, петь. Одна из вторых жен родила ему сына. Была у него и семнадца-

тилетняя дочь Фэйэ — девица редчайшей красоты. Это была достойная дочь своего отца: еще в детстве она овладела искусством боя, прекрасно ездил верхом и так метко стреляла из лука, что могла за сто шагов попасть в ивовый листок. И хотя с виду она казалась нежной и изящной, но силой и твердостью характера превосходила любого мужчину. Фэйэ знала, что над ее отцом, как над человеком военным, нередко издеваются, называя «грубым воякой». Если бы кто-нибудь из их семьи был сюцаем и вращался в ученых кругах, среди литераторов, тогда им не пришлось бы терпеть обиды от людей. Но уввы, брат ее был мал — ему тогда не исполнилось еще трех лет, — и рассчитывать на него в ближайшее время не приходилось. Поэтому Фэйэ давно наряжалась мальчиком, ходила в школу и всюду появлялась как юноша-учащийся. Только дома она передевалась в женское платье. Так прошло несколько лет. За это время она овладела большими знаниями, изучила *классические книги и историю. И однажды, когда к ним в город в положенное время приехал инспектор — экзаменатор учащихся их провинции, она подала заявление на участие в экзаменах, в котором назвала себя *Шэнцзе, и придумала себе второе имя — *Цзюньцин, как бы говоря тем самым, что она ни в чем не уступает выдающимся и смелым мужчинам. Вместе с юношами-сверстниками она держала экзамены в училище. К счастью, ее литературная звезда сияла у нее над головой: она выдержала экзамены с первого же раза и стала сюцаем. Давно уже ходила она наряженная юношей, и все принимали ее за сына Вэнь Цюэ. Как только стало известно, что Цзюньцин выдержал экзамен и поступает в училище как сюцай, к ним в дом стали приходиться с поздравлениями, а представители уездных и областных властей встретили молодого ученого, когда он возвращался с экзаменов, и проводили до самого дома. «Ошибка так уж ошибка», — решил отец и задал в честь дочери пир: ведь это большая радость, чтобы в военной семье был сюцай.

С тех пор у Вэнь Цюэ появился помощник, который помогал ему в делах, что, конечно, прибавило ему достоинства и чести в отношениях с местными властями. В доме и стар и мал — все словно позабыли, что Фэйэ девушка, и в любом деле распорядилась она.

Надо сказать, что у Фэйэ было два хороших приятеля, оба — ее соученики. Одного из них звали Вэй Цзяо, второе имя его было Чжуаньчжи, другого — Ду И, второе имя — Цзычжун. Все трое были почти ровесниками: Чжуаньчжи исполнилось девятнадцать, и он был чуть-чуть моложе Фэйэ. Все трое были дружны, словно родные братья, и в училище занимались в одном кабинете. Они находили много общего, делились мыслями и в ученых беседах совершенствовали свои знания. Юноши, ничего не подозревая, считали Цзюньцин своим другом, она же имела в виду одного из них выбрать себе в мужья и потому нередко задумывалась над тем, кто из них лучше. Цзычжун был одних лет с ней, во многих отношениях похож на нее, красивее Чжуаньчжи, а потому нравился ей больше, и беседы с ним текли всегда задушевнее. Цзычжун находил Цзюньцин очень интересным, красивым молодым человеком и часто говорил ей:

— Жаль, что мы с тобою мужчины, не то, будь я женщиной, непременно вышел бы за тебя замуж, а будь ты женщиной, я женился бы на тебе.

— Мужская любовь сейчас в моде, — как-то подшутил над ним Чжуаньчжи. — Давно уже все перемешалось, да и где это сказано, что двое мужчин не могут пожениться?

— Все мы следуем учению *Конфуция, — серьезно заметила Цзюньцин. — Дружба зиждется на учебе, на обретении знаний, и потому мы друг друга уважаем и ценим. Выдавать себя за почитателей Конфуция и думать о разврате — как же тогда в глаза глядеть людям? И вообще, разве это достойно гордых, смелых мужчин? Нет, Чжуаньчжи, штраф! За тобой угощение! — сказала в заключение Цзюньцин.

— Я просто пошутил. Ну, представляешь, — услышать, что ты очень нравишься Цзычжуну и что он не прочь стать женщиной! — оправдывался Чжуаньчжи. — Но если тебе мои соображения не по душе, то ничего не поделаешь, ведь Цзычжуну никак не превратиться в женщину.

— Я говорил и другое: говорил, что ничего не имею против, если Цзюньцин станет женщиной, а ты привязался только к первой половине моего высказывания. Ты меня ставишь в глупое положение, — заявил Цзычжун.

— Хочешь не хочешь, а придется тебе сносить кое-какие обиды, — перебил его Чжуаньчжи. — Кто виноват, что ты самый младший из нас?

Поговорили, посмеялись, и Цзюньцин пошла домой. Вернувшись к себе, она снова переделалась в женское платье. «Я все время нахожусь среди мужчин, и это становится не совсем удобным, — подумала она. — Но неужели нельзя выбирать супруга из своих друзей, а надо искать неизвестно кого на стороне? Нет, то будет один из них, — решила она. — Цзычжун очень и очень славный, но Чжуаньчжи тоже неплох. С кем же из них будет мне лучше и кто из них моя судьба?»

Долго она думала над этим, но никак не могла прийти к определенному решению.

Дом у них был с маленькой башней, откуда можно было оглядеть всю окрестность. Занятая своими мыслями, Цзюньцин не заметила, как поднялась на башню. В это время ворон опустился на ветку высокого дерева, которое росло неподалеку, шагах в ста от башни. Он смотрел в сторону Цзюньцин и громко каркал. Дерево это было хорошо знакомо Цзюньцин: оно возвышалось во дворе училища перед самым их кабинетом. «До чего противно кричит! — подумала Цзюньцин. — Сейчас я расправлюсь с тобой!» Девушка быстро спустилась к себе в спальню, взяла лук и стрелу и снова взбежала на башню. Ворон все еще сидел на дереве и каркал. «Воспользуюсь-ка я этим случаем и загадаю одно заветное желание...» С этой мыслью Цзюньцин вложила стрелу, натянула лук.

— Не подведи! — прошептала она и выстрелила. Резкий свист, и ворон упал на землю.

Цзюньцин поняла, что попала в цель, тотчас сбежала вниз, переделалась в мужское платье и направилась в училище за своей стрелой.

Тем временем Цзычжун прогуливался возле кабинета. Он видел, как неистово каркавший ворон вдруг свалился на землю, и подошел к нему. Стрела угодила птице в глаз. «Интересно, кто этот чудесный стрелок, — ведь сумел попасть прямо в голову», — подумал Цзычжун, вынимая стрелу и внимательно ее разглядывая. Тут он заметил на стреле мелко выведенную надпись: «Мимо цели не бьет». Цзычжун прочел надпись вслух и рассмеялся: «Ну и хвастун!»

Эти слова услышал Чжуаньчжи и выбежал из кабинета.

— А ну покажи, что у тебя! — сказал он Цзычжуну и взял у него стрелу. Вместе они стали ее рассматривать, но в это время за Цзычжуном прислали из дому, и он ушел.

Продолжая разглядывать стрелу, Чжуаньчжи заметил, что под надписью очень мелкими знаками стояло еще «Фэйэ».

«Фэйэ?.. Это же женское имя. Неужели среди женщин есть такие искусные стрелки? Просто поразительно! Цзычжун не обратил внимания, что здесь еще стоит имя. Вот удивился бы!»

Тем временем во дворе появилась Цзюньцин.

— Это ты нашел стрелу? — спросила она Чжуаньчжи, как только увидела его, задумавшегося, со стрелой в руках.

— Я, а что? Почему ты спрашиваешь?

— На стреле написано что-нибудь?

— В том-то и дело. Поэтому я стою тут над ней и думаю.

— О чем?

— Там написано «Фэйэ», а Фэйэ — это, конечно, женщина, вот я и задумался: неужели среди женщин есть такие меткие стрелки?

— Ну что же, не буду скрывать от тебя: Фэйэ — это моя старшая сестра, — на ходу сочинила Цзюньцин.

— Твоя сестра?! И так превосходно стреляет?! — воскликнул Чжуаньчжи. — Скажи, а она просватана?

— Нет еще.

— А как она выглядит? — допытывался Чжуаньчжи.

— Немного похожа на меня.

— Ну если так, значит, она очень красивая. В старой пословице верно говорится: «Не видел невесту — погляди на шурина». Жены у меня нет, — продолжал Чжуаньчжи. — Послушай, не взялся бы ты быть моим сватом?

— Ну что ж, у нас дома в общем-то хозяин я. Стоит мне только отцу слово сказать, и он на все согласится. Но вот как сама сестра, не знаю.

— Пожалуйста, замолви и перед ней за меня словечко. При нашей дружбе, я думаю, ты не откажешься.

— Ладно, буду иметь в виду.

Чжуаньчжи обрадовался.

— Раз ты согласен, дело, можно сказать, улажено. Кто мог подумать, что моя судьба будет зависеть вот от этой стрелы? Обязательно сохранию ее.

Он спрятал стрелу в *визитную шкатулку, затем, протягивая Цзюньцин яшмовую подвеску, сказал:

— Вот это подношу твоей сестре для скрепления слова как подарок в ответ на стрелу.

Цзюньцин привязала подвеску к поясу.

— А что, если я сочини сейчас стихи для твоей сестры и попрошу тебя передать их ей?

— Давай послушаю, — сказала Цзюньцин, и Чжуаньчжи проскандировал:

*Узнал я, что не замужем
красавица *Лофу.
*Но камень даст ли девица
тому, кто ищет брод?
Чтоб подстрелить когда-нибудь
фазана, как *Жугао,
Я бережно храню
заветную стрелу.*

— Хорошо сказано, — шутливым тоном заметила Цзюньцин, — но только ты слишком уж скромничаешь, сравнивая себя с Жугао. Вовсе ты не безобразен.

— Ну, хоть я и не такой некрасивый, каким был в свое время Жугао, но мне наверняка далеко до твоей сестры.

Цзюньцин улыбнулась на это и ушла.

С тех пор Чжуаньчжи одолевала одна мысль: «У Цзюньцин есть красавица сестра, которая еще и великолепно стреляет. Непременно нужно добиться, чтобы она досталась мне в жены». Однако своими мыслями он не поделился с Цзычжуном; как-никак, стрелу поднял тот, и Чжуаньчжи боялся, что, Расскажи он ему, у Цзычжуна тоже может возникнуть желание посвататься к сестре Цзюньцина. Словом, он молчал и никогда об этой стреле не заговаривал.

А надо сказать, что, когда Цзюньцин еще только начинала учиться стрелять, уже тогда она думала о выборе жениха. И хотя слова, которые она вырезала на стреле: «Мимо цели не бьет», были, конечно, преувеличением, но она вкладывала в них особый смысл, свое заветное желание. Когда Цзюньцин стреляла в ворона, она прекрасно знала, что птица сидит на дереве, которое растет в училище возле их кабинета, и потому, спуская тетиву, загадала: кто из двоих друзей подберет стрелу, тот ее суженый. Поэтому она тогда так торопливо направилась в училище посмотреть, у кого оказалась стрела. Она не знала, что стрелу поднял Цзычжун и что только потом она попала к Чжуаньчжи. Увидев стрелу в его руках, она подумала, что вопрос о замужестве решен, и умышленно сказала Чжуаньчжи о своей сестре, имея в виду самое себя. А Чжуаньчжи, ничего не подозревая и ни о чем не ведая, поверил, что у Цзюньцина есть сестра.

Итак, полагая, что Чжуаньчжи — это спутник жизни, назначенный ей самим небом, Цзюньцин уже в душе с этим смирилась, но отказаться от Цзычжуна, с которым она очень дружила, ей было жалко, и она как-то со вздохом сказала себе: «Ну что же, одну ло-

шадь не седлают двумя седлами! Да и против воли неба не пойдешь — как-нибудь иначе придется отблагодарить Цзычжуна за его добрые чувства ко мне».

На следующий день она сказала Чжуаньчжи:

— Яшмовую подвеску я передал сестре и много говорил о тебе с ней и с отцом. Они будто бы склонны согласиться, только отец сказал, что окончательно обо всем договоримся, когда ты выдержишь осенние экзамены.

— Что ж, слово сказано! — довольный, воскликнул Чжуаньчжи. — Лишь бы твои ему не изменили.

— А я на что?! Хотел бы я посмотреть, кто посмеет изменить данному мне слову!

Чжуаньчжи был страшно рад.

И вот настали осенние экзамены. Чжуаньчжи, Цзычжун и Цзюньцин выдержали уездные экзамены в числе лучших, и всех троих должны были направить на экзамен в область. Чжуаньчжи и Цзычжун уговаривали друга поехать с ними. Цзюньцин, советуясь об этом с отцом, говорила:

— Какое-то время я могла, конечно, водить людей за нос и шутки ради ходить в сюцах, но ехать на экзамены в область — это уж слишком! Представь себе, вдруг я выдержу на *цзюйжэня, а потом выяснится, что я женщина, последует донос, и дело примет такой оборот, что потом не расхлебать. Нет, держать экзамен в области ни в коем случае нельзя.

Сославшись на болезнь, Цзюньцин отказалась ехать. Чжуаньчжи и Цзычжуну оставалось отправиться на экзамены вдвоем. Когда в области вывесили списки выдержавших, они оба оказались в их числе. Цзюньцин, узнав о том, что и в дом к Чжуаньчжи, и в дом Цзычжуна прибыли *вестники с поздравлениями, очень обрадовалась и решила, что, когда Чжуаньчжи вернется домой, она расскажет своему отцу о сватовстве. Но случилось иначе.

Окружной военный инспектор не ладил с Вэнь Цюэ. Воспользовавшись военной инспекцией, которая как раз в это время проводилась в уезде, инспектор послал в областной суд донесение, в котором обвинял Вэнь Цюэ в растрате сумм, полученных от государственных налогов, в присвоении несуществующих заслуг, в хищении довольствия и, наконец, в том, что он, мол, таким вот нечестным путем скопил огромные богатства. Областной суд послал об этом доклад императору, и вскоре был получен приказ, в котором инспектору провинции предписывалось расследовать дело.

Когда весть об этом дошла до Вэнь Цюэ, все его домашние всполошились. К Вэнь Цюэ стали приходиться какие-то приказные с придирами то по одному, то по другому делу. Хорошо еще, что Цзюньцин был известным сюцаем, и особенно распоясываться никто не смел. Но через некоторое время к Вэнь Цюэ явились люди с распоряжением из военного ведомства, заявили, что его как преступника арестовывают по приказу свыше, что никаких послаблений в отношении него поэтому не может быть допущено, и забрали в тюрьму.

Цзюньцин как сюцай написала от себя жалобу, в которой просила, чтобы ей разрешили взять отца на поруки. В области приняли жалобу, но выдать Вэнь Цюэ на поруки не согласились. Тогда Цзюньцин попросила Чжуаньчжи и Цзычжуна поговорить лично с правителем области, но тот ответил, что ничем помочь не может, поскольку в отношении Вэнь Цюэ имеется распоряжение свыше. Цзюньцин, Чжуаньчжи и Цзычжун не знали, что еще предпринять.

«Теперь у них такая беда, что им, конечно, не до сватовства, — рассуждал Чжуаньчжи. — Придется с этим повременить, ехать на столичные экзамены, а там будет видно». Перед отъездом, прощаясь с Цзюньцин, он сказал:

— Все мы — близкие друзья, двоим из нас повезло, а вот тебе, Цзюньцин, к сожалению, не довелось из-за болезни держать вместе с нами последние экзамены, а тут еще и в семье у тебя такое несчастье. Сейчас мы должны срочно ехать в столицу на экзамен, но в сердце у нас словно острый нож. Что ж тут поделаешь! Просим передать привет твоему отцу, а ты не волнуйся и спокойно жди. Если нам удастся хоть немного выдвинуться, мы, конечно, приложим все усилия, чтобы смыть эту обиду.

— У нас тут чин чина выгораживает, — говорил в свою очередь Цзычжун, — и ясно, они будут строить всякие козни, чтобы погубить человека. Если ты, Цзюньцин, будешь хлопотать за отца только здесь, на месте, то вряд ли из этого выйдет толк. Мы теперь будем в столице, и если нам повезет с экзаменами, лучше всего приезжай прямо к нам, обдумаем все и найдем какой-нибудь выход. Все-таки в столице, где все высшее начальство, легче добиться справедливости, да и нам будет виднее по обстоятельствам, как и чем лучше помочь. Прощу тебя, помни об этом!

— А что до твоей сестры, — шепнул ей Чжуаньчжи, — то, пожалуйста, имей в виду: чем бы ни кончилась моя поездка в столицу, вернусь, непременно буду добиваться сватовства.

— Яшмовая подвеска у нее, — ответила Цзюньцин, — и будь покоен, я сделаю свое.

При расставании все трое прослезилась.

После отъезда друзей Цзюньцин уже не с кем было советовать, что предпринять и как помочь отцу. Но, к счастью, в *ямэнях на срочном разборе дела в три дня не настаивают, зато откладывают дела на недели. Все сводится к тому, что нужно собрать сколько-то денег и умело распределить взятки между высшими и низшими чинами. Тогда положение заключенного в тюрьме облегчается, власти перестают настаивать на немедленном разборе, дело откладывается в сторону и превращается в одно из «незаконченных». Взвесив все это, Вэнь Цюэ как-то при свидании с дочерью сказал:

— Поскольку дело мое здесь пока не разбирают, сейчас как раз удобный момент действовать. Я думаю написать объяснение и составить жалобу; единственное, что меня останавливает, это то, что нет такого смышленного и толкового человека, который мог бы поехать хлопотать за меня в столицу.

— По этому делу надо ехать мне самой, — сказала Цзюньцин. — Да и друзья недавно, уезжая, тоже советовали мне ехать в столицу и уже в зависимости от обстоятельств действовать. Они мне помогут. Но было бы, конечно, еще лучше, если бы хоть один из них выдержал экзамены!

— Ты у меня отважная! Если ты сама поедешь, это, конечно, будет неплохо. Но путь-то далекий — боюсь, в дороге тебе будет трудно и неудобно.

— Полноте, вы ведь знаете, что издревле все восхищаются историей *Тиин, которая спасла отца. Она тоже была девицей. А у меня еще есть преимущество перед ней: я давно выдаю себя за мужчину, училась в училище, и никому в голову не приходит, что я женщина. Так почему бы мне не отправиться в столицу? Что тут такого? Путь хоть и далек, но у меня с собой будут лук и стрелы — защитить себя я сумею, а если кто спросит о чем-нибудь таком, о чем не спрашивают женщин, то я все-таки кое-что знаю и не растеряюсь, не выдам себя — беспокоиться за меня нечего. Только действительно будет неудобно, если я возьму с собой одного слугу. Но тут можно вот что сделать: пусть меня сопровождает Вэнь Лун со своей женой. Оба они родом из племени мяо, а у них там все прекрасные наездники и стрелки. Жену его я наряжу мужчиной, и втроем мы отправимся в путь. Будут у меня тогда и женщина-слуга, и мужчина-проводной, так что можно ехать спокойно.

— Раз ты все так хорошо обдумала, то незачем и откладывать, — сказал Вэнь Цюэ. — Соберись и сразу в путь.

Цзюньцин попрощалась с отцом и ушла готовиться в дорогу. На улице она услышала, как вестники кричали, что Чжуаньчжи и Цзычжун выдержали экзамены. Обрадованная, она вернулась к отцу и сообщила ему об этом.

— Ну, теперь, когда они оба смогут помочь тебе, действовать будет совсем уж нетрудно, — сказал он на прощание.

*Выбрав день для отъезда, Цзюньцин стала укладывать вещи. В училище она подала заявление, что отправляется учиться в странствии, и получила соответствующую грамоту. По пути она решила заехать в областной город, чтобы разузнать там, как настроено начальство.

Как же, вы думаете, выглядела эта девушка в дороге?

*Вьется по ветру головная накидка,
Прикрывая черные волосы, ниспадающие на щеки;
Узкие-узкие сапожки облегают ножки,
Подобные росткам бамбука.
Верхом на коне,
В шароварах, в коротенькой куртке;
С широкого пояса, сжавшего талию туго,
Свисает подвеска со львом.
Лук и колчан под рукой,
Стрелы с гусиными перьями.
Нетрудно представить себе,
Как прелестна она и стройна,*

*Когда на коне повернется
И натянет свой лук;
Там, где стрела пролетит, —
Жалобный крик обезьян,
Подстреленный ястреб падает вниз.
Крики восторга — ученому юноше,
И всем невдомек, что это
Мужчиной одетая дева.*

И вот она со своими провожатыми прибыла в город Чэнду. Вэнь Лун отправился вперед, чтобы разыскать гостиницу поукромнее и почище, и, когда разыскал, проводил туда Цзюньцин. Путники сняли поклажу. Цзюньцин приказала жене Вэнь Луна приготовить что-нибудь поесть из захваченных с собой припасов, а сама попросила, чтобы ей подали *чайник вина, села за стол и, не торопясь, стала пить. Но, как говорится, без случайностей не бывает рассказа.

Как раз напротив того места, где сидела Цзюньцин, было окно соседнего дома, от которого гостиницу отделял только маленький дворик. Окно это было чуть приоткрыто, а возле него стояла девица, и, пока Цзюньцин пила вино, девица не спускала с нее глаз. Когда же Цзюньцин поднимала глаза, та скрывалась, но от окна не отходила. В какой-то момент взгляды их встретились, и Цзюньцин успела заметить, что девица эта изумительно хороша.

«Вот, оказывается, какие красивые женщины бывают на свете!» — подумала Цзюньцин.

Читатель! Будь Цзюньцин женщиной, сердце ее, конечно, не осталось бы равнодушным; она, наверно, постаралась бы произвести впечатление на красавицу и уж непременно, так или иначе, дать ей понять о своих чувствах. Но Цзюньцин сама была женщиной и потому, не обращая никакого внимания на незнакомку, приступила к обеду, а поев, отправилась в ямэнь заниматься делами. Так она провела полдня и вернулась в гостиницу только к вечеру. Не успела она сесть, как красавица из дома напротив, слышав голоса, опять подошла к окну и стала смотреть в сторону Цзюньцин.

«Что ты глядишь на меня? — смеялась в душе Цзюньцин. — Если б ты только знала, что я такая же, как и ты!..»

В это время в комнату вошла старушка с коробкой в руке. Подойдя к Цзюньцин, она положила перед ней коробку, поздоровалась и сказала:

— Это от молодой госпожи Цзин, — она видела, что вы пьете один, и велела поднести вам фрукты.

Цзюньцин открыла коробку: там были *наньчунские апельсины и *шуньцинские груши — тех и других штук по десять.

— Я оказался здесь случайно, проездом, — отвечала ей Цзюньцин, — с молодой госпожой ни в родстве, ни в знакомстве не состою и потому не смею считать себя достойным чести принять ее любезное подношение.

— Госпожа сказала, что среди тысяч и тысяч людей, останавливавшихся здесь, ей еще никогда не случалось видеть человека такой красоты, такой приятной, располагающей внешности. Она решила,

что вы непременно благородного происхождения, расспрашивала о вас и узнала, что вы сын господина Вэнь Цюэ. Госпожа сказала, что здесь, в захолустной гостинице, не найти ничего вкусного, и велела мне поднести вам вот это, немного утолить жажду.

— Кто такая ваша госпожа и почему она живет здесь, возле гостиницы?

— Молодая госпожа родом из семьи помощника министра господина Цзина, уроженца Цзинъяни, — отвечала старушка. — Родители ее умерли, и она живет у своей бабушки по матери. Девушка наша очень богата, владеет десятками тысяч *цзиней, но никак не может найти себе жениха по вкусу. Дед ее по матери — известный в округе господин Фу. Самые большие гостиницы в этом городе почти все принадлежат ему. Домов у него не один десяток, и доходы огромные. Обычно он со всей своей семьей живет здесь, возле гостиницы, где более тихое место. Господин Фу не решается сам сватать внучку за кого-нибудь, так как боится, что пара окажется неподходящей и потом его же будут упрекать. Поэтому он всегда говорит ей: «Ты уж сама смотри и прямо мне скажи, кто тебе понравится, того я и буду сватать». Но молодая госпожа такая странная, она ведь на редкость хорошо разбирается в людях, однако до сих пор еще ни разу не говорила, что ей кто-то пришелся по душе. А вот сейчас увидела вас и так стала хвалить, так расхваливать... Боюсь, что самой судьбой вам суждено соединиться, и вероятно, настало время.

Цзюньцин нечего было ей на это ответить. Улыбнувшись, она лишь сказала:

— Ну, где мне такое счастье!

— Ну-ну-ну, — пробормотала старушка. — Ладно уж, я пошла.

— Поблагодарите, пожалуйста, госпожу и передайте ей, что я премного тронут ее подарком и сожалею, что мне остается только в душе быть признательным за ее заботы и внимание. Передайте также, что, находясь в пути, я не имею возможности ответить ей любовью.

Когда старуха ушла, Цзюньцин призадумалась: «Приглянулась, видите ли, я ей. Знала бы она, что понапрасну расточает свои чувства!» И, рассмеявшись своим мыслям, она тут же по этому поводу напела стихи:

**Ты жаждешь повстречать Сянжу,
душа полна мечтой.
Я из садов душистый плод
кладу перед собой.
Увы мне! Не привычен я
быть гостем у красоток,
И потому в чехле держу
я *цинь узорный свой.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

На следующий день старуха пришла опять. На этот раз она принесла чашу с очищенными вареными яйцами и чайник, от которо-

го исходил чудесный аромат. Поставив все это перед Цзюньцин, она сказала:

— Прошу вас позавтракать.

— Благодарю вас, матушка, за ваши заботы, — ответила Цзюньцин.

— Это госпожа Цзин велела мне приготовить угощение и принести вам, — сказала старушка.

— Опять любезные заботы молодой госпожи Цзин! — воскликнула Цзюньцин. — Прямо не знаю, как быть... Тут у меня есть стихи в знак благодарности ей, прошу, передайте их барышне.

Цзюньцин написала вчерашнее стихотворение на бумаге, запечатала и передала старушке. В этом стихотворении, как вы понимаете, был намек на отказ.

Старуха отнесла стихи Цзин, та прочла их, но, увлеченная своими чувствами к молодому человеку, подумала, что он сравнивает себя с Сыма Сянжу и этим хочет сказать, что равнодушен к ней, как Сянжу к Вэньцзюнь. Последние же строки она просто приняла за проявление скромности и тут же сочинила ответные стихи на те же рифмы:

*Так близко — за стеной моей
*Сун Юй объят мечтой.
О, если б вместе в дальний лес
мне улететь с тобой!
Кто музыку постиг мою,
уже прочел стихи, —
И потому не достаю
я цинь узорный свой.*

(Перевод Л. Н. Меньшикова)

Написав эти стихи на шелку, она велела старухе отнести их Цзюньцин. Та прочла стихи и рассмеялась.

— Оказывается, госпожа очень талантлива! — сказала она и, видя, что от нее никак не хотят отстать, придумала выход. — Поблагодарите госпожу за ее любезность, — обратилась она к старухе. — Я, конечно, не бесчувствен, но дело в том, что я уже обручен, а потому не смею идти против своей совести и мечтать о невозможном. Доложите, пожалуйста, об этом госпоже и скажите, что нашим судьбам суждено будет соединиться лишь в следующем *перерождении.

— Ну, раз вы уже обручены, ничего не поделаешь. Пойду скажу ей об этом, чтобы она напрасно не мучила себя.

Старушка ушла, а Цзюньцин отправилась в ямэнь хлопотать об отсрочке расследования. Когда она устроила все дела и вернулась, наступил уже вечер.

Ночь прошла без всяких происшествий.

На следующий день утром опять пришла старуха и, улыбаясь, сказала:

— Такой молодой человек, а уже научился врать! Девушка сама подкатывается к нему в жены, а он, видите ли, отталкивает ее и отказывается. Вчера, когда я ей доложила обо всем, она велела мне

расспросить ваших слуг, и они оба сказали, что вы не просватаны. Госпожа так обрадовалась, что сразу же рассказала о вас нашему господину, и он сам сейчас придет к вам с поклоном и будет говорить о сватовстве. Так или иначе, но теперь уже дело должно быть улажено.

Цзюньцин долго молчала. «Откуда такая беда свалилась мне на голову? — подумала она в растерянности. — Остается одно: поскорей собрать пожитки и в путь».

Решив ехать, она распорядилась, чтобы Вэнь Лун расплатился за гостиницу, и уже было поднялась, как он вернулся.

— Хозяин гостиницы, господин Фу, явился навестить вас, — доложил он и не успел еще договорить, как в комнату, улыбаясь, вошел старик Фу. На вид ему было за семьдесят. Когда он взглянул на Цзюньцин, на его лице изобразилась радость, и он спросил:

— Вы господин Вэнь, молодой человек?

Старуха, которая все еще была здесь, подошла к нему.

— Именно он, — сказала она.

Фу, сложив руки в знак приветствия, произнес:

— Будем знакомы!

Цзюньцин поклонилась в ответ, и они сели.

— Без дела я, старый, не посмел бы тревожить молодого гостя, — заявил Фу. — Но у меня есть внучка — это дочь Цзина, помощника министра, — она еще не просватана. Внучка твердо решила не выходить за первого попавшегося, а я в этом деле не посмел быть ей указчиком и предоставил выбирать самой. Вчера она мне сказала, что в нашей гостинице остановился некий господин Вэнь, что, мол, выглядит он человеком необычным и она готова *служить ему с совком и метелкой. Вот я и пришел сам с поклоном поговорить о браке. Я вижу, что вы действительно человек необычайной внешности и благородных манер; ну и моя внучка не лишена красоты, к тому же она еще немного грамотна, так что поистине вы отличная пара. Советую вам не упускать такого случая.

— Не буду вас обманывать, почтеннейший. Я удостоился незаслуженного внимания со стороны вашей внучки и, конечно, не посмел бы этим вниманием пренебрегать, — ответила Цзюньцин. — Но первое, что меня останавливает, — это то, что ваша внучка из семьи знатного сановника, я же из простой военной семьи и, боюсь, недостойн ее; кроме того, отец мой сейчас в беде, и я как раз направляюсь с жалобой в столицу. Откладывать хлопоты об отце и задерживаться здесь я не вправе, к тому же на сватовство я должен прежде всего получить разрешение родителей. Поэтому сейчас я дать согласие никак не могу.

— Вы достойный отпрыск семьи доблестных воинов и вдобавок еще видный ученый, не сегодня завтра вы взлетите очень высоко. Какой же тут может быть разговор о военной семье или семье не военной! Что же касается дела вашего отца, из-за которого вы спешите в столицу, то почему бы нам не договориться о сватовстве сейчас, а потом, когда вы вернетесь домой, доложите вашему батюшке, и тогда уж можно будет сыграть свадьбу. Так мы и внучку мою успокоим, и делам вашим не помешаем.

Цзюньцин не знала, как ей отделаться. «Они ничего не ведают и так пристают, что мне просто неудобно без конца отказываться. Но не могу же я выдать свою сокровенную тайну, — думала она. — Стрела у Чжуаньчжи, так что о нем нечего и говорить. Остается Цзычжун, с которым я еще более дружна и которого все-таки придется оставить. Я ведь уже думала найти ему суженую среди моих подружек и таким образом уладить с ним дело. Раз теперь так получилось, то лучше, пожалуй, согласиться сейчас сосватать эту девицу, а потом составить счастье Цзычжуна. Прекрасный выход! Когда они узнают, что я женщина, то винить меня не станут. Если же Цзычжун не согласится, все равно потом легче будет отговориться, во всяком случае, я не буду в таком затруднении, как сегодня».

Решив так, она сказала господину Фу:

— Раз вы и ваша внучка так любезны, я не посмею отказаться от добра и чести! Я оставлю здесь что-нибудь в подтверждение слова, а когда вернусь из столицы, явлюсь к вам со сватовством.

При этом Цзюньцин сняла с пояса яшмовую подвеску, которую дал ей Чжуаньчжи, и, преподнося ее обеими руками господину Фу, добавила:

— Передайте это вашей внучке в знак верности слову.

Господин Фу был рад бесконечно. Он принял подвеску и вместе со старушкой пошел к Цзин.

— Все, договорились, — сказал он ей и тут же велел приготовить вина для проводов господина Вэня.

Цзюньцин была неудобно отказываться. Пришлось пить. Выпили они вволю, и только после пиршества она простилась с господином Фу и отправилась в путь.

В дороге всяко приходилось: и есть в поле на ветру, и ночевать в лодке на реке; вечером останавливались, а утром двигались дальше. Прошел так не один день, пока они достигли столицы. Цзюньцин велела Вэнь Луну разузнать, где живут Чжуаньчжи и Цзычжун. Оказалось, что Цзычжун еще в столице, а Чжуаньчжи, получив отпуск, вернулся домой.

Цзычжун безмерно обрадовался, узнав, что приехал Цзюньцин. Он немедленно велел слугам встретить его и проводить к себе. Они поздоровались, немного потолковали о том о сем, и Цзюньцин сразу же заговорила о цели своего приезда.

— Я здесь специально по делу отца. Вы с Чжуаньчжи в свое время советовали мне непременно приехать в столицу, и вот, когда я узнал, что вы оба так выдвинулись, решил, как бы ни был труден путь, ехать сюда и просить вас о помощи. Жаль, что Чжуаньчжи уехал. Но хорошо, что ты еще здесь, так что надежда у меня не потеряна.

— Ты сначала составь подробную бумагу о том, как отец твой был несправедливо обвинен, дай вырезать это на досках, отпечатать и вручай каждому сановнику, которого встретишь возле императорского дворца. Когда люди будут знать, в чем суть, и у них на этот счет сошлется определенное мнение, я попрошу одного друга, чтобы он при

случае в докладе Военной палате упомянул об этом деле, и тогда дадут распоряжение выяснить все на месте и освободить твоего отца.

— Отец уже составил вчерне подобное прошение. Может быть, его можно просто и подать?

— В нынешний век дорожат гражданскими чинами, а не военными. Твой отец арестован областным судом, и, если он сам, человек военный, будет себя оправдывать, вряд ли это поможет; наоборот, скорее это возбудит против него гнев, и тогда все будет испорчено. Лучше сделать так, как я тебе советую. Действовать надо осмотрительно.

— Благодарю тебя. И помни, я простой, мало что понимающий учащийся, а потому я и впредь буду просить тебя руководить мной и давать советы в этих делах.

— Мы свои, как братья, и это наше общее дело — о чем может быть речь! — ответил Цзычжун.

— А почему все-таки Чжуаньчжи уехал? — спросила Цзюньцин.

— Мы были все время вместе, но недавно он заявил, что хочет вернуться домой, так как у него есть одно дело, по поводу которого должен поговорить с тобой, — ответил Цзычжун. — Я спрашивал, какое, но он не захотел мне сказать. Я говорил ему, если ты узнаешь, что мы оба выдержали экзамен, наверняка и сам приедешь в столицу. Чжуаньчжи возразил, что на это надеяться нельзя, и дело, мол, такое, которое требует его присутствия дома. Он решил не задерживаться, взял отпуск и, не дожидаясь назначения на должность, уехал. А ты вдруг сам приехал сюда, вот вы и разминувшись. Но скажи-ка, пожалуйста, по какому это делу он хотел посоветоваться с тобой?

Цзюньцин понимала, что Чжуаньчжи думал о сватовстве, но сделала вид, что не знает, и ответила:

— Я и сам не понимаю, думаю, по каким-нибудь своим домашним делам.

— Я тоже думаю, ничего особенного у него нет, — сказал Цзычжун. — А почему это ему так не терпелось повидать тебя?!

Они поговорили немного, потом Цзычжун распорядился, чтобы подали вина, а слугам Цзюньцин сказал, чтобы они не искали гостиницу и устраивались прямо у него.

В этом помещении они жили вдвоем с Чжуаньчжи, а теперь, когда Чжуаньчжи уехал, места вполне хватало, чтобы разместиться Цзюньцин и ее слугам. Цзычжун велел прибрать спальню для Цзюньцин и распорядился, чтобы и его постель перенесли туда и поставили напротив постели приятеля, заявив, что так им будет удобнее по вечерам беседовать. У Цзюньцин при этом забилось сердце. «Я училась с ним, это верно, — думала она, — но мы бывали вместе только днем в училище или на пирах и литературных беседах, а в домашней обстановке они меня никогда не видели, потому и не подозревали, что я женщина. Нынче, когда придется спать в одной комнате и все время находиться у него на глазах, трудно будет чем-нибудь да не выдать себя. Как быть?» Однако найти подходящий предлог для того, чтобы

ночевать в разных комнатах, Цзюньцин не смогла, и ей оставалось только вести себя умно и осторожно, дабы тайна ее не была раскрыта.

Так решила Цзюньцин. Но дела на свете складываются иначе, и из правды не сделаешь лжи, а из лжи не сделаешь правды. Тем более тут: все дни они проводили вместе, и, естественно, то в каких-то мелочах, то в тех или иных щекотливых положениях она выдавала себя. Днем, когда Цзюньцин отправлялась в город раздавать бумаги, она отлично играла роль мужчины, однако вечером, когда оба отдыхали дома, она нет-нет да забывалась, и это, разумеется, не проходило мимо внимания Цзычжуну — человека умного, понимавшего, что к чему. Он почувствовал, что с его другом творится что-то странное, и стал внимательно приглядываться к нему. И чем больше он наблюдал, тем больше недоумевал. И вот однажды, когда Цзюньцин, отправляясь в город, забыла запереть свою шкатулку, Цзычжун открыл ее и среди разных писем и визитных карточек увидел лист бумаги, на котором было написано:

*Искренне верующая девица Вэнь из города Мянчжоу из области Чэнду возжигает курение, кланяется долу перед божеством *Гуань Юем и просит его о том, чтобы несправедливое обвинение против отца было скорее снято, чтобы она благополучно вернулась домой и выполнила обещание, связанное со стрелой и яшмовой подвеской, и чтобы все остались удовлетворены. С искренним почтением обращаюсь.*

— Вот они, улики! — закричал Цзычжун, хлопая в ладоши. — И это меня, мужчину, она сумела так долго дурачить! Но ничего, посмотрим теперь, куда она от меня денется.

Не понимал он только двух последних фраз, где говорилось о стреле и подвеске. «Что это значит? Неужели она просватана?» Он был в полной растерянности, душа в смятении. Как раз в это время вернулась Цзюньцин. Он ее встретил, провел в комнату. Они сели. Глядя на Цзюньцин, он улыбался. Цзюньцин в удивлении осмотрела себя с ног до головы и спросила:

— Что у меня неладно, что ты все время смотришь на меня и смеешься?

— Смеюсь над тем, как ты здорово обманывал меня, — ответил Цзычжун.

— Ни в чем я тебя не обманывал.

— Еще как! А ну, подумай сам!

— Нет, право же, нет!

— А ты помнишь наш разговор в училище? — сказал Цзычжун. — Я ведь говорил тогда, что если бы я был женщиной, то непременно вышел бы за тебя, а если бы ты была женщиной, то взял бы тебя в жены. Я сожалел, что я не женщина, но зато, оказывается, ты женщина. Только ты скрывала это от меня, не то я давно бы уже взял тебя в жены. Как же после этого ты говоришь, что меня не обманывала?

Слова попали в самую цель, и лицо Цзюньцин залилось краской.

— Откуда ты это взял?

Тогда Цзычжун вынул из рукава ее молитвенную записку и сказал:

— Это ведь написано твоей рукой.

Цзюньцин нечего было ответить, и она опустила голову. Цзычжун придвинулся к ней, сел рядом и, улыбаясь, сказал:

— Я все жалел, что мы оба мужчины и не можем соединиться, а вот ныне настало время исполниться моим желанием.

Цзюньцин вскочила:

— Вы распознали мою тайну, и мне не отпереться. Знаю, что вы всегда ко мне прекрасно относились, и не скажу, чтобы я не была расположена к вам. Но вопрос со сватовством решен в пользу Чжуаньчжи, и я уж ничего не могу обещать вам. Так что прошу вас понять меня и извинить.

Цзычжун был поражен.

— Чжуаньчжи и я, — сказал он, — мы оба учились с тобой, все трое дружили. Но если говорить об отношениях между нами, о сходстве душ, то, мне кажется, я несколько ближе тебе, чем Чжуаньчжи. Почему же ты отдаешь предпочтение ему и пренебрегаешь мною? Кроме того, Чжуаньчжи здесь нет. Так зачем же отбрасывать близкое и добиваться далекого? Как же так?

— Вы прочли в молитвенном листке последние строки, где говорится о стреле? — спросила Цзюньцин.

— Да, прочел, но ничего не понял, — ответил Цзычжун.

— Дело в том, — продолжала Цзюньцин, — что вы оба мои друзья. Я загадала, за кого из вас выйти, и, когда стреляла в ворона, я перед небом обещала себе, что тот, кто поднимет стрелу, будет моим мужем. И вот эта стрела оказалась у Чжуаньчжи. Я солгала ему и сказала, что это стрела моей сестры. С тех пор Чжуаньчжи все думает о ней и в подтверждение слова передал сестре яшмовую подвеску. Я тогда хотя прямо ничего и не сказала ему, но в душе уже дала согласие. В этом воля неба, и только потому я отдаю предпочтение одному и пренебрегаю другим.

Цзычжун рассмеялся.

— Если так, — сказал он, — то ты, без всякого сомнения, должна быть моей.

— Почему?

— Стрелу-то поднял я. Я удивился, увидев на стреле надпись, и когда читал ее вслух, Чжуаньчжи услышал, вышел из кабинета и взял у меня стрелу. Пока он ее рассматривал, за мной пришли, я ушел, а стрела так и осталась у него. Нет, это не он поднял стрелу, и если ты таким образом вопрошала волю неба, то судьба пала на меня. Мы можем потом спросить у Чжуаньчжи: от правды никуда не уйдешь!

— Если ты видел надпись на стреле, то должен помнить, что там было написано...

— Хотя я и не придавал надписи особого значения, но все-таки помню, что там было сказано: «Мимо цели не бьет». Вот! И уж этого-то я сам сочинить никак не мог.

Услышав, что Цзычжун в точности передал то, что было написано на стреле, Цзюньцин заколебалась.

— Если так, — сказала она, — это действительно воля неба. Но только жалко Чжуаньчжи: выходит, он зря надеялся и ждал столько времени, а теперь еще поехал из-за этого домой... Каково будет ему потом, когда он узнает!

— Так нельзя рассуждать, — возразил ей Цзычжун. — Издревле известно: выгадывает тот, кто первым бьет. Кроме того, не будь всей этой истории со стрелой, ты все равно должна была бы принадлежать мне.

С этими словами он стал обнимать Цзюньцин и добиваться ее ласки.

— Давнишние друзья, а теперь будем на одной подушке под одним одеялом... Ни на небе, ни на земле никогда такой радости не бывало, — бормотал он.

У Цзюньцин не было сил отказать ему, она стыдливо зашла за занавес и предоставила ему полную волю...

Потом, когда Цзюньцин привела себя в порядок, она со вздохом сказала:

— Всю свою жизнь я теперь отдаю тебе; мои желания, мои мечты сбылись. Но выходит, что я обманула Чжуаньчжи. Что я ему скажу?

Вдруг, хлопнув рукой по постели, она воскликнула:

— Нашла выход!

— Какой может быть выход? — в недоумении и тревоге спросил Цзычжун.

— Так знай же, — ответила она. — На пути сюда я остановилась в гостинице в Чэнду. Внучка владельца увидела меня и сказала своему деду, что я ей понравилась, и они непременно хотели, чтобы я женился на ней. Я оставила им подвеску Чжуаньчжи в подтверждение своего слова и отложила свадьбу до возвращения из столицы. Сватовством этим я тогда заручилась, имея в виду тебя. Ведь с Чжуаньчжи я уже была как бы помолвлена благодаря стреле, а тебя мне не хотелось обижать. Кроме того, девушка та талантлива, красива и была бы тебе достойной парой. Но теперь, раз я принадлежу тебе, то, когда мы вернемся домой и Чжуаньчжи заговорит о сватовстве, мы ему сосватаем ту девицу. Так никто не останется в обиде, тем более что с Чжуаньчжи я говорила о сестре и он не знал, что это я сама. В общем выйдет, что я его и не обманула.

Цзычжун был изумлен.

— Великолепно! — воскликнул он. — Это будет свидетельством твоей верности дружбе. При таком исходе, если я и женюсь на тебе, то Чжуаньчжи ничего не сможет иметь против. Оказывается, у тебя в пути случилась еще такая удивительная история, — продолжал он. — Только вот что я хочу спросить: конечно, в пути никто не мог распознать в тебе женщину, но ведь тебя сопровождали двое мужчин, и из-за этого тебе, наверное, пришлось испытать много неудобств.

— А кто тебе сказал, что они оба мужчины? — засмеялась Цзюньцин. — Это муж и жена. Но чтобы избежать всяких недоразумений, женщина переделалась мужчиной.

— Каков хозяин, таковы и слуги! — рассмеялся, в свою очередь, Цзычжун. — Сообразительные и умные люди всегда вытворяют что-нибудь удивительное.

Цзюньцин показала Цзычжуну стихи, которые написала молодая госпожа Цзин.

— Бывают же на свете такие женщины! — воскликнул Цзычжун, восхищенный стихами. — Нет, Чжуаньчжи должен быть доволен, что ему достанется эта девица.

Затем Цзюньцин стала с ним советоваться относительно отца.

— Ну, теперь он мой тесть, так что сейчас мне тем более удобно будет ходатайствовать и хлопотать, — сказал Цзычжун. — У меня в Палате чинов есть один хороший приятель. Надо будет попросить его, чтобы он перевел в другое место нашего врага — военного инспектора округа, тогда вызволить твоего отца будет проще.

— Да, да, это очень важно. Пожалуйста, имей это в виду, — сказала Цзюньцин.

Цзычжун действительно пошел в Палату чинов, поговорил там с приятелем, и через несколько дней Палатой чинов был подан доклад, в результате которого военного инспектора переводили с повышением в провинцию Гуанси. С этим известием Цзычжун явился к Цзюньцин.

— Врага перевели, — сказал он. — Теперь мне остается поскорее добиться назначения, вернуться домой и постараться освободить тестя. Здесь уже все устроено, а там обратимся к инспектору провинции, он вынесет соответствующее благоприятное решение, напишет доклад в столицу, и все будет в порядке.

Цзюньцин была ему очень благодарна за заботу об отце и еще больше к нему привязалась.

Цзычжун добился назначения сопровождать провиант в провинцию Шаньдун, с тем чтобы потом отправиться на родину. Цзюньцин и жена Вэнь Луна, по-прежнему переодетые мужчинами, вооруженные луком и стрелами, а также Вэнь Лун верхом сопровождали паланкин Цзычжуна. Слуги, как и раньше, называли Цзюньцин молодым господином.

Через несколько дней они подъезжали к городу Мочжоу. Вдруг над степью просвистела стрела и задела паланкин. Цзюньцин поняла, что это разбойники, и сказала носильщикам:

— Следуйте дальше, а я здесь встречу, кого нужно.

И действительно, «кто суетится — не мастер, кто мастер — не суетится». Цзюньцин спокойно вынула лук из чехла, приготовила стрелу. В сотне шагов показался всадник, во весь опор мчавшийся прямо на них. Тут она натянула тетиву и с криком: «В цель!» — выпустила стрелу. Стрела угодила в разбойника, не ожидавшего нападения, он свалился с лошади и в судорогах бился на земле. Ударив хлыстом коня, Цзюньцин пустилась вскачь.

— С разбойником покончено, едем дальше, — спокойно и громко сказала она, догнав паланкин.

Все восхищались искусной стрельбой храброго молодого господина. О том, как был доволен Цзычжун, говорить не приходится.

Покончив с делами в провинции Шаньдун, они спокойно добрались до родных краев. К тому времени инспектора военного округа уже перевели в Гуанси, и Вэнь Цюэ был отпущен на поруки. Цзюньцин подробно рассказала отцу о том, как Цзычжун хлопотал за него, как добился перевода инспектора. Вэнь Цюэ был очень растроган.

— Как же нам теперь отблагодарить его? — спросил он дочь.

Тогда она рассказала отцу, как Цзычжун раскрыл, что она женщина, как она обещала выйти за него замуж и как они возвращались на родину.

— Он талантлив, ты хороша — прекрасная пара! — радостно воскликнул Вэнь Цюэ. — Живо переодевайся. У них в доме сегодня празднуют торжественный и счастливый день его возвращения, я тебя и отправлю к ним.

— Нет, сейчас мне еще нельзя переодеваться. Сначала надо повидать Чжуаньчжи.

— Да, я как раз хотел тебе сказать, — вспомнил отец. — С того дня, как Чжуаньчжи вернулся из столицы, он, не знаю зачем, то и дело посылает людей разузнать о нас, говорит, что у меня есть дочь и что он хочет свататься. Сначала я думал, что он кое о чем проведаль и что речь идет о тебе, но когда стал спрашивать его, оказалось, что это ты как его школьный друг пообещала ему сосватать кого-то. Не зная твоих дел, я не мог ничего ему сказать определенного и отговорился, что надо, мол, подождать твоего возвращения. Но теперь-то зачем тебе нужно его видеть?

— Тут столько всего, что сразу и не расскажешь. Потом ты сам увидишь, в чем дело.

В это время доложили, что явился с визитом Чжуаньчжи.

Чжуаньчжи все беспокоился из-за сватовства и именно поэтому уехал из столицы сразу после экзаменов. Узнав, что Цзюньцин уехал в столицу, он стал наводить справки о его сестре. Но тут одни говорили одно, другие — другое, и он так ничего и не понял. Кто говорил, что у Вэнь Цюэ двое сыновей и нет дочери, кто говорил, что у него есть дочь и что эта дочь будто бы и есть тот самый молодой господин. Словом, Чжуаньчжи совсем запутался. Поэтому, узнав, что Цзюньцин вернулся, он немедленно пришел навестить друга, расспросить его и толком узнать обо всем.

Цзюньцин встретила его, как обычно, в своей прежней роли. Поздоровавшись и поговорив немного, Чжуаньчжи спросил:

— Послушай, старина, как насчет твоей сестры? Ведь я специально из-за этого вернулся сюда.

— Не беспокойся. Ручаюсь, что жена у тебя будет хорошая, — ответила ему на это Цзюньцин.

— Я посылал тут к вам, хотел навести справки о твоей сестре, но кто говорит одно, кто — другое. В чем дело?

— Ты не сомневайся, твоя яшмовая подвеска уже отдана одной девице. Мне надо будет только еще кое о чем переговорить, и тогда готовься к свадьбе.

— Судя по твоим словам, это не твоя сестра.

— Обо всем этом тебе подробно расскажет Цзычжун, он все знает. Спроси его.

— А почему бы тебе сейчас самому не сказать мне прямо, в чем дело?

— Тут такие запутанные подробности, что мне самому неудобно говорить. Рассказать может только Цзычжун.

Чжуаньчжи был окончательно сбит с толку, сомнения и подозрения наполняли его душу. Он и сам собирался нынче же навестить Цзычжуна, поэтому простился с Цзюньцин и поспешил к нему.

Придя к другу, он сразу же начал с того, что передал ему свой разговор с Цзюньцин, и спросил, что все это означает. Тогда Цзычжун рассказал ему, как они с Цзюньцин вместе жили в столице и как он узнал, что она женщина. Не скрыл он и того, что они с Цзюньцин уже стали, собственно, мужем и женой.

Чжуаньчжи остолбенел от удивления.

— Мне ведь говорили, что Цзюньцин — женщина, но я не верил, — пробормотал он. — Оказывается, действительно так. Это ведь явно была моя судьба, и я ее упустил.

— Почему ты так считаешь? — спросил в недоумении Цзычжун.

И Чжуаньчжи рассказал ему, как он дал ей яшмовую подвеску в тот день, когда они нашли стрелу.

— Но стрелу-то нашел я, — напомнил Цзычжун. — А она на эту стрелу, оказывается, загадала желание и дала обет небу. Я об этом ничего не знал, а то бы забрал тогда у тебя стрелу. Но теперь Цзюньцин все-таки будет моей женой, и в этом воля неба. А ты вообще думал о ее сестре, а не о ней самой, так что сожалеть и огорчаться не надо, главное для тебя сейчас, чтобы договор, скрепленный яшмовой подвеской, не остался пустым словом.

— Где уж там, раз стрела не моя. Может быть, у нее действительно есть сестра?..

Тогда Цзычжун рассказал о том, как Цзюньцин встретила в пути молодую госпожу Цзин и как ее сватали.

— Это необычайно красивая и талантливая девица, — добавил он. — Цзюньцин пришлось дать согласие на брак и оставить там яшмовую подвеску. Если подумать, то в этом можно увидеть предопределение неба, и выходит, это твоя судьба.

— То-то она говорила, что ей самой неудобно об этом говорить, — вспомнил Чжуаньчжи. — Вон, оказывается, какие тут хитро-сплетения! Только вот что: хотя Цзюньцин уже и договорилась относительно госпожи Цзин, но ведь та ничего не знает, и мне самому неловко свататься к ней. Как быть?

— Мы хоть и стали с Цзюньцин мужем и женой, но еще не представились моему тестю, — сказал Цзычжун. — Собираемся устроить свадьбу сегодня. Нам нужен будет сват, и я прошу тебя помочь мне. А после свадьбы я отвечу тебе тем же, можешь положиться на меня.

— Идет, идет! — рассмеялся Чжуаньчжи. — Смешно только, что я до сих пор был как во сне, а ты взял да опередил меня. Хорошо хоть, что я вообще не останусь без жены. Ну, ладно, раз уж так порешили, я иду сейчас в дом Вэней замолвить за тебя слово, а ты можешь явиться туда вслед за мной.

Надев парадное платье, Чжуаньчжи отправился к Вэнь Цюэ. На этот раз Цюньцин была уже одета как женщина и не вышла встречать его. Вышел сам Вэнь Цюэ и пригласил его в зал. Они сели, и Чжуаньчжи изложил цель своего прихода.

— Моя дочь — избалованная фантазерка, которая увлеклась учением. Но ее не оставили своим вниманием талантливые люди. Брак этот — такая удача для нас, что я просто смущен, — говорил Вэнь Цюэ, у которого уже все было готово, чтобы сегодня же отправить дочь в дом зятя и отпраздновать свадьбу.

В это время доложили, что господин Ду Цзычжун приехал за невестой. Раздалась громкая музыка.

Цзычжун, в *красном халате, сошел с паланкина возле ворот и направился в дом. Народ восхищался им. Войдя в зал, он занял место, которое ему как жениху подобало занять, и поклонился Вэнь Цюэ. Тут вывели невесту. Они вместе поклонились Вэнь Цюэ, затем поблагодарили Чжуаньчжи, сели в паланкины и отправились в дом Цзычжуна. Там они поклонились небу и земле, алтарю предков. Старых друзей объединило теперь родство, и в радости завершился их свадебный обряд.

Чжуаньчжи с некоторой завистью смотрел на них. «Мы с ним оба были ее однокашниками и друзьями, но сочетаться с ней довелось ему, а не мне, — подумал он. — Цзычжун всегда ее очень любил и сожалел, что нельзя мужчину превратить в женщину и стать им мужем и женой. И вот его мечты сбылись. Удивительная история... Интересно, как будет с их обещанием мне...»

На другой день Чжуаньчжи явился к Цзычжуну с поздравлениями и спросил о своем деле.

— Вчера она говорила со мной и сказала, что сегодня специально из-за этого поедет со мной в Чэнду, — ответил ему Цзычжун. — Она непременно хочет сдержать свое слово и отблагодарить тебя, при этом она обещала, что вернется только с хорошими вестями.

— Премного благодарен за добрые намерения, — ответил Чжуаньчжи. — Мы ведь друзья, и вам, конечно, нельзя забывать о моем одиночестве. Но только я не знаю, что представляет собой эта девица!

Тогда Цзычжун пошел во внутренние покои, принес стихи госпожи Цзин и показал их Чжуаньчжи.

— Ну, если мне достанется такая девица, то я могу не завидовать тебе, — сказал Чжуаньчжи, прочитав стихи.

— Цюньцин так расхваливает ее, что она, вероятно, не обманет твоих ожиданий, — заметил Цзычжун.

— Ну что ж, если все уладится, это будет чудо из чудес. Итак, жду! — сказал Чжуаньчжи под конец, и, смеясь, они простились.

Когда Цзычжун передал их разговор Цзюньцин, та сказала:

— Он давно уже ждет, и осуждать его за нетерпение не приходится. Надо немедленно отправляться в Чэнду и постараться все устроить.

И опять, взяв с собой Вэнь Луна и его жену, она вместе с Цзычжуном направилась в Чэнду и остановилась в той же гостинице.

Цзычжун велел Вэнь Луну отнести свою визитную карточку господину Фу и сам отправился вслед за ним. Узнав, что новый цзиньши явился к нему с визитом, господин Фу даже испугался, не понимая, в чем дело. Он поспешил выйти навстречу гостю, провел его к себе и, когда они сели, спросил:

— Не знаю, чем я обязан тому, что такой знатный человек переступил порог моего ничтожного дома.

— Я здесь проездом, — ответил Цзычжун. — Узнал, что у вас живет некая госпожа Цзин, которая выделяется красотой и талантом, и что она доводится вам внучкой. А у меня есть приятель. Он тоже выдержал нынче экзамен на цзиньши, и вот я пришел с визитом к вам, чтобы просить вашу внучку стать его женой.

— Да, у меня есть внучка, — ответил господин Фу. — Но она сама хотела выбрать себе мужа, и вот недавно ей понравился некий господин Вэнь, который останавливался здесь проездом в столицу. Уже принят подарок, и вы, к сожалению, опоздали.

— Господин Вэнь тоже мой друг, — говорил Цзычжун, — и я знаю, что он уже помолвлен и не явится за вашей внучкой. Поэтому то я, собственно, и посмел обратиться к вам со сватовством.

— Ведь господин Вэнь — человек образованный, — ответил ему на это хозяин, — и раз уж он оставил здесь подарок в подтверждение слова, то, значит, и та и другая сторона сердцем согласны. Неужели он мог после всего этого подвести женщину? Думаю, что моя внучка все-таки захочет дожидаться ответа от него самого.

Тогда Цзычжун вынул стихи госпожи Цзин и сказал:

— Прошу вас, посмотрите, ведь это стихи, написанные вашей внучкой господину Вэню, не так ли? Господин Вэнь, решив не брать вашу внучку в жены, отдал их мне в подтверждение своего отказа и с тем, чтобы я мог просить вас за другого моего друга. Это и есть ответ самого Вэня.

Господин Фу принял стихи и, узнав в них руку Цзин, пробормотал:

— В свое время молодой человек говорил, что он обручен, но я не поверил и заставил его согласиться. Оказывается, это правда. Что ж, пойду посоветуюсь с внучкой и тогда дам ответ.

Через некоторое время Фу вернулся и сказал:

— Внучка моя крайне удивлена. Она говорит, что если господин Вэнь действительно изменил своему слову, то она все-таки непременно хочет лично видеть его, вернуть ему яшмовую подвеску в знак разрыва и только тогда будет говорить о другом сватовстве.

— Ну что ж, не посмею обманывать вас, — рассмеявшись, сказал Цзычжун. — Яшмовая подвеска, которая сейчас у вашей внучки, — это, собственно, обручальный подарок от моего друга Вэй

Чжуаньчжи, она вовсе не принадлежит господину Вэню. Дело в том, что господин Вэнь, будучи сам обручен и не находя возможным отказаться от сватовства, решил заручиться словом для нашего общего с ним друга Вэй Чжуаньчжи. Это было задумано Вэнем еще тогда, и поэтому сегодняшний мой визит не случаен.

— Понимаю вас и охотно вам верю. Но разве смирится с этим моя внучка? Нет, нужно, чтобы сам господин Вэнь с ней объяснился, тогда уж и будем решать.

— Господин Вэнь не сумеет явиться к вам, — ответил Цзычжун. — Но со мною моя жена, которая может встретиться с вашей внучкой. Пусть она расскажет ей все, и ваша внучка непременно поверит.

— Ну что ж, раз супруга ваша здесь, пусть она поговорит с внучкой, — ответил Фу. — Вдвоем они смогут откровенно побеседовать, а это лучше, чем разговоры через посредников.

Старик призвал уже знакомую нам старушку, велел ей отправиться за женой господина Ду и проводить ее к Цзин.

Увидев Цзюньцин, старушка обнаружила в ее облике и манере что-то знакомое, но так как Цзюньцин была в женском платье, то так никак не могла вспомнить, где ее видела. Дорогой она все думала об этом, однако припомнить так и не смогла. Когда они прошли в дом, навстречу им вышла госпожа Цзин. Они поклонились друг другу, и Цзюньцин, смеясь, спросила ее:

— Узнаете господина Вэня?

Госпожа Цзин сразу обратила внимание на то, что внешностью ее гостя очень похожа на Вэня, но подумала, что, быть может, это его сестра, и потому в свою очередь спросила:

— Вы, вероятно, родственница господина Вэня?

— Вы всегда так хорошо узнаете людей, неужели теперь ваш взор стал непроницателен? Ведь я — тот самый господин Вэнь, который недавно проездом был здесь и к которому вы отнеслись так любезно.

Госпожа Цзин вздрогнула. Внимательно всматриваясь в женщину, она убедилась, что это действительно одно и то же лицо. А старушка захолопала в ладоши и воскликнула:

— А я-то все думала: какое знакомое лицо! Оказывается, она и есть тот господин.

— Позвольте спросить вас, — заговорила наконец госпожа Цзин, — почему вы тогда были одеты по-иному?

— Отец мой, видите ли, оказался в беде, я направилась в столицу хлопотать по его делу и переоделась мужчиной для удобства в пути, — ответила Цзюньцин. — И именно поэтому, когда вы оказали мне честь, я не хотела соглашаться на сватовство. Но когда я поняла, что от сватовства мне не отказаться — а рассказать вам правду я тогда не решалась, — то и придумала оставить вам подарок за моего друга, с тем чтобы потом все разъяснить. Нынче этот человек значится в списках выдержавших столичные экзамены, по возрасту вполне вам подходит, и мы с мужем решили явиться сюда с просьбой. Хотелось завершить ваше сватовство и отблагодарить вас за ваш добрый прием.

Госпожа Цзин выслушала Цзюньцин и долго после этого молчала.

— Благодарю вас за любезность, — вставила свое слово старушка. — Но только кто тот господин, за которого вы просите, как его фамилия и имя и почему вы его называете вашим другом?

— В детстве мы с ним вместе ходили в школу, затем вместе учились в училище, и все мы трое — я, муж и он — почти одного возраста и с детских лет дружны, как братья. Я знала, что мой друг еще не просватан, и поэтому именно его имела в виду. Фамилия его — Вэй, имя — Чжуаньчи. Он благороден, красив и почти одних лет с вами. Этот брак не унижит вас, и, выйдя за него замуж, вы сразу же станете сановной госпожой.

Выслушав все это и узнав, что речь идет о цзиньши, молодая женщина осталась довольна. Она велела старушке побыть с гостьей, а сама отправилась к дедушке рассказать ему обо всем. Тот, зная, что сватается молодой цзиньши, тоже стал всячески одобрять этот брак.

Вскоре госпожа Цзин вернулась к Цзюньцин и попросила ее сказать Цзычжуну, что все решено. Господин Фу устроил пир в благодарность за сватовство и сам принимал Цзычжуна. А во внутренних покоях Цзин принимала и угощала Цзюньцин. Они очень сошлись, говорили по душам, и радостно закончился их пир.

Они договорились, что Чжуаньчи должен сначала по всем правилам, как и следует после сговора, поднести подарок, а затем выдать день и отпраздновать свадьбу.

В свадебную ночь, когда Чжуаньчи увидел свою жену, у него было такое чувство, словно он обрел небесную фею. Он заговорил о яшмовой подвеске, которую оставила ей Цзюньцин.

— Ведь то был мой подарок по сговору, — сказал он.

— А как же он очутился у нее? — спросила его жена.

И тогда Чжуаньчи рассказал ей всю историю, связанную со стрелой и надписью на ней, поведал о том, как Цзычжун подобрал эту стрелу, как эта стрела потом очутилась у него, как он думал, что у Цзюньцин есть сестра, и как подарил ей яшмовую подвеску. Молодые долго смеялись и сошлись на том, что, по-видимому, так было суждено судьбой и вся эта путаница произошла, вероятно, не случайно. На следующий день Чжуаньчи достал стрелу и показал ее жене.

— Теперь надо бы вернуть эту стрелу, — сказала она мужу.

Тогда Чжуаньчи написал записку своим друзьям:

*Вы возвратили подвеску —
вам возвращаю стрелу.
Каждый решает пусть сам —
с кем ему свадьбу сыграть.
Ха-ха!
Ха-ха!*

Затем он упаковал стрелу, вложил туда записку и отправил Цзычжуну. И только тут, когда Цзычжун стал снова рассматривать стрелу, он обнаружил под известными уже ему строками еле заметную надпись «Фэйэ».

— Что означает «Фэйэ»? — спросил Цзычжун у жены.

— Это мое девичье имя, — сказала она.

— Значит, из-за этой вот надписи Чжуаньчжи и решил, что у тебя есть сестра? Если бы я тогда увидел это имя, ни за что не оставил бы стрелу у него.

— Но если бы всего этого не случилось, то мы не сосватали бы Цзин.

Они рассмеялись, и Цзычжун в ответ тоже написал другу шутивную записку:

*Подвеска попала в надежные руки,
стрела обитает в колчане;
Хоть оба ошиблись, однако никто
не знает безбрачья печали.
Ха-ха!
Ха-ха!*

С тех пор обе семьи дружили домами, и между ними установились такие близкие отношения, как между родными братьями и сестрами.

Оба цзиньши стали помогать Вэнь Цюэ, чтобы с него были сняты возведенные на него обвинения.

Ну а положение вещей на свете известно: разве кто-нибудь откажет ходатайству видных людей? Обвинения отпадали одно за другим, и дело кончилось тем, что Вэнь Цюэ был только отстранен от должности.

Но это уже несколько не волновало самого Вэнь Цюэ.

Впоследствии Чжуаньчжи и Цзычжун стали видными сановниками, а жены их народили им сыновей и дочерей; дети, в свою очередь, женились и повыходили замуж; и дружба этих двух родов из поколения в поколение не прерывалась.

Вся эта удивительная, необыкновенная история могла случиться только в Сычуани, где так много талантливых девиц. И по сравнению с этим случаем история о том, как Вэньцзюнь в городе Чэнду стояла за стойкой и отпускала вино, а также история с Хуан Чунгу, которая была на службе у министра, выглядят самыми заурядными происшествиями.

И есть стихи, которые могут подтвердить сказанное:

*Многие хвалят женщин за то,
что смелы и храбры они, как мужчины,
Но многие ль знают о том, например,
что женщины даже учеными были.
И если бы только властитель велел
экзамен для женщин ввести,
Немало нашлось бы талантливых дев,
способных достойно служить.*

**24. КЭ ЧЭНИ У ПОДНОЖЬЯ ГОР
ПОХИТИЛИ КРАСОТКУ;
СЮЦАЙ, НАЧАЛЬНИКОМ ПЕРЕОДЕТЫЙ,
ПИРУЯ НА РЕКЕ, СВОЮ НАЛОЖНИЦУ ВЕРНУЛ**

Стихи гласят:

*Мораль своя, свои законы
у тех, кто в шайке воровской;
Но средь воров, бывает, встретишь
достойных много молодцов.
И коль в компанию такую
со стороны придет смельчак,
Легко, свободно рядом с ними
он будет чувствовать себя.*

В прошлом, при династии *Сун, когда император *Тай-цзун посетил провинцию Хэбэй, министр Чжан Цисянь, который в то время был еще обычным простолюдином, подал императору десять рекомендаций относительно управления страной. Тай-цзуну они очень понравились, и шесть из них он сразу же велел проводить в жизнь, а с остальными четырьмя решил повременить до тщательного их рассмотрения. Но Чжан Цисянь упорно настаивал на том, что все десять рекомендаций отличны и что все они без промедления должны быть приняты к действию. Тай-цзун посмеялся над его сумасбродством. Однако, вернувшись в столицу, сказал *Чжэнь-цзуну:

— В провинции Хэбэй я обрел человека с дарованиями министра, зовут его Чжан Цисянь. Оставляю его для тебя, чтобы ты потом мог воспользоваться его талантом.

Слова отца хорошо запомнились Чжэнь-цзуну. Прошли годы, и Чжан Цисянь выдержал *государственные экзамены на степень *цзиньши, но оказался среди последних. Просматривая списки выдержавших и увидев среди них имя Чжан Цисяня, император Чжэнь-цзун хотел было поставить его фамилию на первое место, но списки уже были окончательно составлены, и потому императору пришлось

специальным указом включить его в число первых выдержавших. Впоследствии Чжан Цисянь дослужился до поста первого министра.

Чжан Цисянь этот, пока не достиг своего, жил в крайней нужде, но все же оставался человеком вольного нрава и широкой натуры.

Однажды где-то в пути Чжан Цисянь остановился на постоялом дворе в одном небольшом местечке. Случилось так, что как раз в это время с грабежа возвращалась шайка бандитов, которые остановились на том же постоялом дворе. Расположившись, они достали вино, принялись готовить закуски. Лица у них были свирепые, из-под одежды торчали пики и прочее оружие. Постояльцы в страхе разбежались кто куда, скрылся и сам хозяин. Остался лишь один Чжан Цисянь. Прятаться или бежать он и не собирался. Видя, что у грабителей пир в самом разгаре, он оправил на себе косынку, спокойно подошел к ним, сложил в приветствии руки, поклонился и сказал:

— Приветствую вас, уважаемые! Я — нищий *сюцай хотел бы попросить у вас разрешения вдоволь наесться и напиться. Позволите ли?

Могучая, величественная фигура Чжан Цисяня, его громкая свободная речь произвели впечатление — бандиты тут же поднялись, предлагая ему место.

— Коли вы готовы снизойти до нас, почему же нет?! — радостно говорили они. — Только народ мы грубый, неотесанный — вряд ли вам доставит удовольствие наше общество.

— Дело в том, что люди плохо знают вас, а называют бандитами; им и невдомек, что не всякое ничтожество способно быть бандитом, — ответил Чжан Цисянь. — Словом, вы из молодцов, а я тоже не из тех, кто лишен чувств, поэтому я только рад, что сегодня довелось повстречаться с вами. Надо нам вместе выпить как следует, а разбираться в том, кто да что, ни к чему, — заявил он под конец и немедля взял себе большую чашу, налил в нее вина и выпил единым духом.

Видя, с какой легкостью он пьет, грабители налили ему еще, и он сразу же осушил вторую чашу. Так он выпил подряд три чаши, а затем схватил с подноса свиную ногу, разломил ее, стал грызть и почти целиком всю прикончил. Наблюдая за ним, грабители только диву давались.

— Да, так может пренебрегать мелочами только тот, в ком заложены задатки большого человека. Простые люди на такое не способны, — говорили они в восхищении. — Когда-нибудь, когда вы станете министром и будете править страной, то вспомните, что нас к такой жизни вынудили обстоятельства. А пока мы хотели бы подружиться с вами и просим не пренебрегать нами.

Тут каждый из них стал вытаскивать разные дорогие вещи, золото и дарить Чжан Цисяню. Вскоре перед ним выросла целая гора денег и драгоценностей. Чжан Цисянь и не думал отказываться — взял все, собрал в кучу, перевязал и со словами: «Извините, потревожил вас!» — крупными шагами направился к выходу и покинул постоялый двор.

Оказывается, ему досталось вещей и прочего *ланов на сто золотом. Он *передал все хозяину винной лавки, и хватило этого Чжан Цисяню, чтобы долгие годы пить в этой лавке.

Таким вот присутствием духа выделялся Чжан Цисянь среди других людей в пору, когда был еще бедняком. И лишь благодаря отваге человек мог позволить себе проделать подобное с бандитами. Вот что свидетельствуют об этом стихи:

*Не странно ль, что тот, кого должность министра ждала,
с низкою чернью общался,
Спокойно сидел средь подобных людей,
кости глодал, не стесняясь.
Нравом прямым и открытой душою
так поражал он людей,
Что даже грабителей шайку заставил
талантом его восхититься.*

Теперь о другом.

В провинции Шаньдун, в области Лайчжоуфу, в уезде Есянь, жил некий Шао Вэньюань. Будучи по натуре сильным и храбрым, он в то же время был человеком отзывчивой души, никогда безразлично не проходил мимо несправедливости и всегда охотно, как говорится, с мечом в руках шел на помощь слабым и обиженным. И вот однажды кто-то наговорил начальнику уезда, что, мол, Шао Вэньюань, пользуясь своей силой, ведет себя как настоящий бандит. Начальник, недавно прибывший в эти края на должность, не стал вникать в подробности и при первом же случае, в котором как-то был замешан Шао Вэньюань, велел всыпать ему как следует.

Настало время, когда начальник должен был покинуть уезд и явиться за новым назначением в столицу. Не успел он выехать за пределы своего уезда, как заметил, что его догоняет верхом какой-то человек с мечом за поясом. Вскоре, обогнав его, всадник спешился и стал приветствовать начальника. Тот узнал в нем Шао Вэньюаня и испугался, решив, что человек нагнал его, чтобы отомстить.

— Откуда ты и что тебе надо? — спросил он Шао Вэньюаня.

— Специально нагнал вас, чтобы сопровождать в столицу, — ответил тот и пояснил: — На дорогах здесь немало разбойников, но мое имя им хорошо известно, и при мне никто из них не осмелится и близко к вам подойти.

— Почему у тебя такие добрые намерения? — удивился начальник. — Ведь ты мне ничем не обязан.

— Что вы?! — возразил Шао Вэньюань. — В свое время вы проучили меня, желая мне пользы, хотели, чтобы я бросил свои повадки. К тому же, — продолжал он, — начальником здесь вы были честным, так могу ли я, коли в моих силах, не услужить вам?!

У начальника словно ком растаял в груди.

Проехав с начальником полдороги, Шао Вэньюань простился с ним, и все дальнейшее путешествие начальника действительно прошло благополучно.

Однажды Шао Вэньюань проезжал мимо дома какого-то богача и увидел, что там орудует шайка разбойников человек в сорок. Один

из грабителей держал меч возле горла богача, грозно предупреждая его:

— Если кто-нибудь вздумает тебе помочь, тебя же первого и прикончу!

Грабители выносили из дома золото, серебро, шелка. В одном из помещений они вдруг обнаружили огромную, высотой до самой крыши, кучу монет. Было ясно, что такой груды им с собой не увезти.

— Давайте раздадим эти деньги! — смеясь, предложил один из них. И грабители тут же стали созывать живших поблизости людей. Кто побоялся, как бы чего не случилось, и не пошел, кто отправился поглазеть, а кто посмелее, подталкиваемые страстью к наживе, захватив с собой первое что попало под руку куда бы собирать деньги, явились в дом богача и бросились растаскивать монеты. Действовали они настолько рьяно, что медяки так и рассыпались повсюду.

Когда Шао Вэньюань узнал, что происходит, он решил, в свою очередь, «сыграть шутку» с этими грабителями. Протиснувшись сквозь толпу зевак, он закричал:

— Что вы тут вытворяете?!

Но люди удержали его:

— Грабителей здесь много, лучше не задевайте их, — говорили ему.

Тогда Шао Вэньюань направился в соседний дом, раздобыл там железные вилы и, став с вилами в руках у входа в дом богача, громко крикнул:

— Здесь я, Шао Вэньюань! Советую положить на место все золото и серебро и поскорей убираться!

Слова эти донеслись до слуха богача. Испугавшись, как бы бандиты не всадили ему в горло нож, богач в страхе заорал:

— Ой, не подходите, не вмешивайтесь!

Услышав такое, Шао Вэньюань решил удалиться. Тем временем грабители свалили в мешки награбленное, навьючили все на коней — оказалось двадцать коней с вьюками. Богача они связали, забрали с собой и, только когда отъехали уже на двадцать *ли за пределы округа, развязали ипустили.

Между тем Шао Вэньюань, вернувшись к себе, сел на коня, нагнал бандитов и на почтительном расстоянии последовал за ними. Когда грабители отпустили богача и тот бросился бежать, Шао Вэньюань подстегнул коня и оказался рядом с бандитами. Видя, что человек один, разбойники не обращали на него внимания. Тут Шао Вэньюань заорал:

— А ну-ка живо сбросьте все золото и серебро! Узнаёте Шао Вэньюаня?!

Имя это заставило грабителей всполошиться, и они остановились в нерешительности.

— Медлите?! Пример вам показать?!

Стрела Шао Вэньюаня сразила одного из бандитов, и тот за-мертво упал с коня. Тут уж разбойники не на шутку перепугались. Все спешили, стали на колени и запросили пощады.

— Оставьте награбленное и убирайтесь!

Бандиты бросили все тюки, сели на коней и скрылись. Шао Вэньюань одолжил поблизости лошадей, нагрузил на них награбленное добро и доставил в дом богача. Богач вышел встретить его, земно ему кланялся и сказал:

— Все это вы сами добыли, это теперь уже не мое. Сейчас же велю отвезти к вам. Не посмею и пожалеть.

— Я помог тебе потому, что у тебя случилось такое несчастье, а вовсе не потому, что позарился на твое богатство! — в гневе закричал Шао Вэньюань и уехал, оставив богачу все его добро.

Это был случай, когда человек благодаря своей силе и боевому искусству мог расправиться с грабителями-разбойниками. Вот стихи, которые по этому поводу говорят:

*Среди белого дня
страшное зло совершали они,
Но вмешался смельчак —
и шутя, без труда, все пресек.
Был один, но сумел
отобрать у грабителей все и вернуть,
А награды, дары
отказался он взять — они ему ни к чему.*

А теперь поведаю об одном *сюэе Ване, который взял верх над бандитами умом и сообразительностью. И будет это главным рассказом. А если, уважаемые слушатели, вы хотите знать, где произошла история, которую я собираюсь рассказать, то скажу: случилось это в районе озера *Дунтинху.

Об этом районе много написано стихов, восхваляющих его красоты¹. Само озеро в ширину простирается на восемьсот ли, со всех сторон оно охвачено бесконечными горами и соединено с тремя большими реками. Весь этот район — бандитское логово. Дело в том, в начале *нашей династии в провинциях Хунань, Хубэй и некоторых соседних — словом, на территории, издревле называвшейся Чу, в центре которой было расположено озеро Дунтинху, — обосновался *Чэнь Юлян. Он провозгласил себя императором, но впоследствии император *Тай-цзу с ним расправился. Ныне потомки этого Чэнь Юляна проживают вокруг Дунтинху, в основном в районах между округом Жуйчан, в провинции Цзянси, и округом Сингочжоу, в провинции Хубэй. Они чрезвычайно расплодились и именуют себя *Кэ Чэнями. Из поколения в поколение, из века в век они выдвигали кого-либо из наиболее отважных и смелых в качестве своего главаря. Это был народ отчаянный, отлично владевший оружием. Кэ Чэни занимались тем, что грабили купцов; и всякий сброд, которому некуда было деваться, шел к ним, в их шайки. Правительственные войска не решались обращать на них серьезного внимания, и, хотя всюду существовало и местное войсковое, и районное военное командование, они

¹ Одно из них — «Восемь строф о красотах рек Сяо и Сян» (по-кит.: «Сяо Сян ба цзин») автор и приводит здесь; оно занимает целую страницу оригинала. В переводе это стихотворение опущено, поскольку требовало бы обширного комментария.

следили лишь за тем, чтобы на местах не происходило каких-либо из ряда вон выходящих происшествий, а с заправками родов Кэ Чэней командование, напротив, поддерживало добрые отношения. Поэтому и местные гражданские власти, разумеется, ничего против них не предпринимали. Словом, положение у них создалось такое же, какое было во времена Сун у молодцов из *Ляншаньбо.

Так вот, в области Хуанчжоуфу, в уезде Хуангансянь, проживал некий Ван, сючай уездного *государственного училища. Он был богат, имел несколько десятков душ прислуги и полный дом служанок и наложниц. Это был муж свободного, непринужденного нрава и вольной, благородной души. При этом он отличался гибкостью ума, находчивостью, умением быстро на все реагировать и своевременно действовать. И если он брался за какое-либо дело, то можно было не сомневаться, что выполнит его блестяще. Не удивительно, что прозвали его «*Ван-тайгун» за ум, который уподобляли мудрости Люй Шана. В доме у Вана жила его любимая наложница Хуэйфэн. Она действительно была из тех красавиц, при виде которых *рыбы уходят на дно и птицы падают наземь, луна затмевается и цветам становится стыдно. К тому же она сочиняла стихи и оды, умела ездить верхом, стреляла из шарикового самострела — словом, владела почти всеми искусствами, которыми надлежало владеть смелым и талантливым юношам. Ван не только предпочитал ее любой другой из своих наложниц, но даже всегда брал с собой, когда совершал прогулки по достопримечательным местам. Какова же была собой эта красавица?

*Как крылышки тончайшие, лежат
волос уложенные пряди;
Прелестны брови повторяют
изгиб весенних гор.
Как будто ягода в устах,
сочны, пурпурны губы;
И, словно два нефритовые ряда,
сверкают зубы белизной.
Румянец на щеках
цветком цветет;
Глаза —
сиянье вод.
Все просто —
позы нет;
Талантом же своим
других всех превосходит.
И молодца, разящего людей рукою твердой,
она невольно оглянуться заставляет;
И погруженный в созерцание монах
и тот посмотрит непременно ей вслед.*

Однажды, взяв с собой Хуэйфэн, Ван отправился на прогулку в *Юэчжоу. Там, поднявшись на башню *Юэянлоу, они любовались бесконечной далью озера, смотрели, как у подножия горы, на которой возвышалась сама башня, разбивались огромные волны. Пора тогда была зимняя, вода в озере спала, и с башни казалось, что остров *Цзюньшань находится совсем недалеко. Они вместе направились

к южным воротам города, взяли там лодку и, проплыв несколько ли, очутились возле острова. На острове они наняли носилки, но вскоре приказали остановиться, чтобы пойти пешком в кумирню *Сян-цзюнь. В нескольких десятках шагов от этой кумирни, в зарослях орешника, была могила обеих императриц. Ван достал вино. Он и Хуэйфэн совершили возлияние, опрыснув вином могилу. Затем они прошли чуть дальше и оказались неподалеку от монастыря Чуншэнсы. Здесь они увидели на склоне горы высеченную огромными иероглифами надпись: «Гора „Суждено“». Ван не мог понять, что означало это название.

— Оно говорит о том, что вы должны были здесь побывать со мной, — пошутила Хуэйфэн. — Не иначе.

Когда они зашли в монастырь, Ван спросил у настоятеля, что это за «Гора „Суждено“».

— Духи этой горы не любят посторонних, — пояснил монах, — и обычно, когда посетители собираются на лодках переправиться сюда, поднимаются ветер и волны, которые не дают им плыть. Поэтому считается, что тому, кто попал сюда, это было суждено самой судьбой. Отсюда и такое название.

— Значит, нам с тобой повезло, — смеясь, проговорил Ван, обращаясь к Хуэйфэн.

Монах рассказал Вану и о достопримечательностях этих мест. Он говорил, что есть здесь Терраса *Сяньюаня — это место, где император Хуан-ди выплавил *треножник; *Беседка винного аромата, построенная на том самом месте, где У-ди, император династии *Хань, обрел чудодейственное вино; Беседка стихов, где остались следы пребывания *бессмертного Люя; Колодец *Лю И — место, где дочь дракона — правителя озера Дунтинху передала Лю И доклад для дракона.

Простившись с монахом, Ван вместе с Хуэйфэн прошли мимо кельи настоятеля на Террасу Сяньюаня. Там, облокотившись на перила, они любовались прелестью вида безбрежной глади озера, сливавшейся с небом. Затем, пройдя немного влево, они очутились возле Беседки винного аромата. Поднявшись на гору с левой стороны от входа в монастырь, они зашли в Беседку стихов и оттуда спустились вниз к Колодцу Лю И. Рядом с колодцем находилась Беседка передачи доклада, а перед самой беседкой протекал Ручей колючих мандаринов. Так вот, гуляя, они побывали в этих и других известных местах. Когда они уже спустились к подножию горы, они заметили какого-то высокого человека весьма воинственного вида. Хуэйфэн попыталась укрыть свое лицо от постороннего взгляда, но деваться ей было некуда. Мужчина явно обратил на нее внимание. Не отрывая от Хуэйфэн глаз, разглядывая ее с ног до головы, незнакомец шел следом за ней и Ваном. Странное поведение мужчины заставило их ускорить шаг. Они были уже у озера и почти подошли к своей лодке, как вдруг незнакомец свистнул. В ответ ему с джонки, что стояла неподалеку, затрубили, и тотчас из той джонки выбежало человек двадцать рослых молодых.

— Возьмите ее и доставьте к нашему предводителю! — распорядился мужчина, следовавший за Ваном и Хуэйфэн.

Люди тут же, словно соколы на пташку, набросились на Хуэйфэн, схватили ее, унесли на джонку, подняли паруса и уплыли.

Крик отчаяния вырвался у суюца Ван: разбойничьих станом в районах вокруг озера было невесть сколько — поди знай, кто именно увез красавицу! Можно себе представить, что должен был в этот момент переживать Ван. Вот уж поистине,

*Бодрость, душевный подъем
сдуло, как ветром неожиданным;
Казалось ему, что бредет
в тумане, в густых облаках.*

Но не мог суюца Ван просто так, будто ничего и не случилось, смириться с тем, что потерял свою любимую. Человек он был находчивый и тут же разослал своих людей на розыски; одновременно в провинциальном, областном и уездном городах, а также во всех населенных местах этой округи были расклеены объявления, что, мол, тот, кто сообщит весть о пропавшей, получит в награду сто ланов серебром. Повсюду только и говорили, что у Вана пропала наложница и он дает большую награду тому, кто сможет сообщить, где она. А ведь издревле говорят:

*Отважные всегда найдутся —
Приличная была б награда!*

Как-то раз, когда Ван приехал в главный город провинции, в Учан, его старый знакомый и хороший друг Сян Чэнсюнь, который в то время был командующим войсками района, устроил в честь Вана пир на *Башне желтых журавлей. Во время пира Ван вдруг поднялся, облокотился на перила и стал глядеть вдаль. Бесконечный простор речных вод, седые туманы, стелющиеся вокруг, навели его на мысль о том, что где-то здесь, среди этих вот туманов и вод, обитает его любимая Хуэйфэн. Но где? *Тряхнув в досаде рукавами, он выпрямился и громким голосом стал *скандировать строки из «Оды *Красной стене» *Су Ши:

*О, как далеки,
далеки мечты мои!
О, как человека прекрасного видеть
хотелось бы мне,
но он на другом конце неба!*

Несколько раз он повторил эти строки, и слезами наполнились его глаза. Заметив, как удручен гость, Сян Чэнсюнь только хотел было задать ему вопрос о том, что его тревожит, как вдруг вперед выступил один из слуг-телохранителей Сян Чэнсюня и обратился к Вану:

— Вы, господин, изволите за вином предаваться печали. Уж не из-за того ли, что потеряли наложницу?

— Откуда тебе это известно?! — удивился Ван.

— Да кто же об этом не знает?! Вы ведь повсюду расклеили объявления, — ответил телохранитель. — Прошу вас, — продолжал он, — пейте вволю с моим господином, а о том, где она, не беспокойтесь — ручаюсь, что вы будете знать.

Ван стал ему земно кланяться, говоря:

— Если услышу, где она, то и от ста чар не посмею отказаться.

— Стоит ли из-за женщины так волноваться! Прошу вас выпить три полных кубка, — вмешался хозяин, обращаясь к Вану, и, показав на своего телохранителя, добавил: — А он пусть толком расскажет, что и как.

Ван взял большой кубок, трижды наполнил его и трижды осушил, затем снова наполнил и поднес кубок телохранителю.

— Прошу вас, уважаемый, — обратился к нему Ван, — рассказать мне, что вам известно об этом, и в знак благодарности я охотно поднесу вам сто ланов золотом.

— Видите ли, я сам из района Сингочжоу, живу там в горах Хэлюйшань, и потому мне кое-что известно о Кэ Чэнях, — заговорил телохранитель. — Во главе у них сейчас так называемый Кэ Чэнь Старший. У него есть несколько братьев. Это люди отважные, сильные, и занимаются они контрабандной торговлей и вообще разными противозаконными делами. Из всех родов их род самый большой, и главари разных шаек, которых полно в районе здешних рек и озер, все подчиняются Кэ Чэню Старшему. До меня дошел слух, что несколько дней назад в городе Юэчжоу на озере Дунтинху у кого-то отняли красавицу и привезли ее Кэ Чэню Старшему. Тот был очень доволен и целыми днями пил и веселился по этому поводу. Дом мой находится всего в каких-то десяти ли от дома Кэ Чэней, вот почему мне и известны эти подробности. Думаю, что красавица, которую привезли Кэ Чэню, не кто иная, как ваша наложница.

— Похоже, что она, — проговорил Ван. — Я потерял ее именно на Дунтинху.

— Но имейте в виду, что Кэ Чэнь Старший обладает высоким чувством товарищества и долга, — заметил командующий войсками. — И несмотря на то что это в общем-то разбойник, он поддерживает добрые отношения с нами и даже подносит дары стоящим выше нас начальникам. Корни он пустил здесь глубокие, обосновался крепко, и на его зов немедленно откликаются все шайки вокруг. Этот не из тех грабителей, на которых можно послать правительственные войска и так просто схватить. Если только наложницу вашу похитил именно он, то вряд ли вам удастся соединиться с ней вновь. Да и вообще на свете столько красивых женщин! Так что мой вам совет, забудьте об этом, пейте спокойно, ибо бесполезно в данном случае лелеять в душе какие-то надежды.

— Чтобы у мужчины, живого, украли любимую и чтобы он, узнав, где она находится, не предпринял чего-нибудь и не смог бы ее вернуть! Нет, не могу этого понять! — разразился в ответ Ван. — Пусть я и бесталаный, но, клянусь, верну ее обратно, хотя бы улыбки одобрения ради.

— Легко сказать! — вырвалось у командующего. — Не представляю, что вы сможете сделать даже при всех ваших дарованиях.

Но тут сиюцай Ван спокойно принялся за вино. Гость и хозяин пили непринужденно и вскоре расстались.

На следующий день Ван передал телохранителю Сян Чэнсюня пятьдесят ланов золотом и сказал, что остальные пятьдесят поднесет ему, когда они покончат с делом, а самого Сян Чэнсюня тут же попросил дать ему в помощь его телохранителя. Командующий войсками только посмеялся над наивностью Вана, но телохранителю немедля приказал:

— Поступай в распоряжение сюцай Вана. Посмотрим, что он предпримет.

Телохранитель был чрезвычайно доволен, что получил столько денег, и теперь ему и самому захотелось потрудиться на Вана. Ван, оказывается, уже все прикинул и рассчитал. Поэтому, узнав у телохранителя, как зовут братьев Кэ Чэней, он прежде всего написал на них жалобу и подал ее в военно-следственный инспекторат провинции. Просматривая жалобу, инспектор увидел, что обвиняются в ней Кэ Чэнь Старший и его братья, и боязливое чувство нерешительности охватило его.

— Таких людей, как они, почем зря, знаете, задевать не станешь, — сказал инспектор Вану. — А дело-то у вас всего из-за какой-то женщины, — продолжал он. — Если я направлю людей с бумагой, чтобы взять братьев и доставить сюда для разбирательства, непременно возникнет конфликт, который разрастется в большую беду. Нет, этого допустить я не могу.

— Мне нужна лишь бумага о том, что жалоба принята к разбирательству, — отвечал Ван. — А там я сам буду с ними вести разговор, кто прав, кто не прав, и требовать возвращения наложницы. Мне не нужны от вас ни люди, ни что другое. Не беспокойтесь — я не доведу дело до столкновения.

— Что ж, бумагу выдать нетрудно, — заявил инспектор, видя, что сам Ван не придает особого значения делу. — Будем считать, что я принял жалобу. Вам выдадут бумагу за должным номером и с печатью.

— Только это я и имел в виду. О большем и не посмел бы просить, — отвечал Ван. — С вашей бумагой я поеду и улажу дело, а затем вернусь доложить вам.

Нельзя сказать, чтобы инспектор поверил в его слова, однако велел выдать сюцаю должным образом оформленную бумагу. С этой грамотой, довольный, словно он уже вернул себе свою любимую, сюцай явился к командующему войсками.

— Моя жалоба принята, — сообщил ему Ван. — И вот я пришел просить помощи у вас.

— Если речь о посылке войск, чтобы сражаться с ними, ничем помочь не могу, — отрезал командующий.

— Не беспокойтесь, ничего такого мне не требуется: люди у меня у самого есть, — заверил Ван. — Я хотел просить вас одолжить мне ваш ярусный корабль и две дозорные лодки. Кроме того, я хотел бы воспользоваться вашим платьем, шапкой и всем тем, во что вы облачаетесь при выезде, — вот, собственно, и все. Ни один воин

из вашего войска мне не нужен; меня вполне удовлетворит, если я возьму с собой вашего телохранителя — того, который сообщил мне о Кэ Чэнях.

— Что же вы намерены делать?

— Кое-какие планы у меня есть, но говорить о них сейчас вряд ли стоит — увидите потом.

Командующий войсками предоставил в распоряжение Вана все, что тот просил. Ван был очень доволен. Он заготовил провианта примерно на месяц и раздобыл форменную одежду воинов для нескольких десятков своих слуг, которых вызвал сюда. Переодевшись, все они во главе с Ваном направились к реке. Загремели барабаны, затрубили трубы, словно какой-то военачальник выезжает на инспекцию, и они двинулись в путь.

Стихи гласят:

*На тысячи ли растянулись суда
в сражение у Красной стены;
Ныне ж украшенный птицей корабль
один лишь несется по глади реки.
Ведет свое судно он смело вперед,
как славный морской генерал;
Словно *Бань Чао, отбросивши кисть,
с оружием на подвиг он ратный спешит.*

Итак, сущай Ван во главе своих людей на корабле с опознавательными знаками младшего заместителя командующего войсками района направился к горам Хэлюйшань. В четырех или пяти ли от них Ван велел замедлить ход и предоставить кораблю самому плыть по течению, а вперед выслал двух человек на дозорной лодке. Один из них был телохранитель Сян Чэнсюня, другой — доверенный слуга сущая Вана — Ван Гуй. Им надлежало, как это было принято, поехать вперед с *вестовой дощечкой предупредить людей на месте, чтобы там готовились к встрече прибывающего с инспекцией нового заместителя командующего войсками района. При этом Ван дал им с собой несколько *карточек, на которых он именовал себя Цзян Ваньли, и приказал, чтобы они оставили по карточке каждому из братьев, а на словах передали бы им, что, мол, новый начальник много наслышан о них и потому сам явится к ним с визитом.

Вскоре телохранитель и Ван Гуй добрались до берега. Ван Гуй взял на плечи вестовую дощечку и последовал за телохранителем известной тому дорогой. По пути они всюду предупреждали, что скоро прибудет новый начальник, и люди готовились встречать его.

И вот телохранитель и Ван Гуй очутились возле усадьбы братьев Кэ Чэней. Как местный житель, телохранитель был знаком кое с кем из дома Кэ Чэней, поэтому он прямо зашел внутрь, передал визитные карточки и просил доложить о себе.

Кэ Чэнь Старший знал телохранителя в лицо, слышал, что тот находится на службе у командующего районом, поэтому, ничего особенного не заподозрив, он призвал братьев — Кэ Чэня Второго и Кэ Чэня Третьего — и стал с ними держать совет.

— Начальник этот проявил достаточно такта по отношению к нам, — говорил Кэ Чэнь Старший. — И раз он считается с нами, то и нам следует отнестись к нему с подобающей вежливостью и должным уважением. Думаю, что надобно приготовить фрукты и сладости, прихватить ягнят и вино, придется и идти ему навстречу. Этим мы прежде всего покажем, что знаем, как себя держать, а кроме того, дадим ему возможность убедиться, что и мы кое-что собой представляем. А там посмотрим, как он будет вести себя, соответственно и определим свое отношение к нему.

На этом братья и порешили. Тем временем доложили, что корабль заместителя командующего пристал к берегу, что там готовят паланкин для визита и что, по-видимому, начальник вот-вот прибудет. Братья переоделись в боевую одежду, отобрали человек тридцать своих молодцов, захватили с собой ягнят, вино и под развернутыми стягами, с зажженными курительными свечами направились встречать начальство.

Сючай Ван, корабль которого пристал к причалу, надел на себя черную шапку, облачился в красный халат, и носильщики вынесли его в паланкине на берег. Там прежде всего его приветствовали представители этого местечка, а затем, стоя чуть в стороне, ему поклонились братья Кэ Чэни. Когда же Ван приказал направиться прямо в усадьбу к Кэ Чэням, то они пошли впереди, ведя всех за собой и указывая путь. Перед входом в гостиный зал Ван сошел с паланкина. Братья тут же поставили ему кресло посредине зала.

— Просим вас, господин начальник, сесть и позволить нам земно поклониться вам, — заговорил Кэ Чэнь Старший, обращаясь к Вану.

— Нет, нет, к чему эти поклоны, — отвечал Ван, — ведь вы все, уважаемые, являетесь доблестными мужами, выдающимися среди людей вольного образа жизни. Я слышал о вас еще до того, как получил должность. А ныне мне повезло быть назначенным сюда, и я счел это удачным случаем, чтобы познакомиться и подружиться с вами, поэтому и приехал с визитом. Могу ли я позволить, чтобы вы приветствовали меня как подчиненные? Нет, лучше и прочнее будут наши отношения, если мы станем держаться как гости и хозяева.

Но братья Кэ Чэни все же опустили на колени.

— Не нужно, прошу вас, — говорил Ван, спеша поднять их с колен. — Мы ведь с вами не из тех людей, которым приличествует сковывать себя казенными церемониями.

Долг вежливости не позволял братьям согласиться с Ваном, но Ван настаивал на своем. В конце концов они упросили Вана сесть, а сами все-таки стали в стороне. Тогда Ван велел принести сиденья и усадил братьев рядом с собой. Такая обходительность по отношению к ним привела братьев в восторг. Они тут же распорядились, чтобы подали вино, и стали потчевать гостя. Сючай Ван, сняв с себя чиновничьи пояс и халат, весело и непринужденно пил; они *играли в пальцы, в другие застольные игры — словом, развлекались без всякого стеснения, как равные, свои. То один, то другой — они рассказывали о разных похождениях отменных удалцов, в увлечении засучи-

вали рукава, размахивали кулаками. Под конец они стали сожалеть о том, что не довелось встретиться раньше.

Братья Кэ Чэни не только прониклись уважением к Вану, но и были благодарны ему за то, что он оказал им такую честь.

— Коль вы так относитесь к нам, мы готовы со всей искренностью служить вам и не будем сетовать, если ради этого придется даже умереть, — говорили они. — Во всяком случае, знайте, если что-нибудь где-либо произойдет, мы откликнемся на первый же ваш зов; сами же, памятуя о вашем благорасположении к нам, не будем позволять себе ничего лишнего.

Подобные заверения еще больше приподняли настроение Вана, и он, не отказываясь, осушал один преподносимый ему кубок за другим.

Так они пили с полудня до полуночи, и лишь тогда Ван простился и вернулся к себе на корабль.

Посчитали, что в первый день угощал Кэ Чэнь Старший, поэтому на второй день устроил пиршество Кэ Чэнь Второй, а на третий — Кэ Чэнь Третий. Затем Кэ Чэнь Старший заявил, что первый день, мол, не в счет, так как потчевали Вана наспех, когда он, как говорится, «едва успел сойти с коня», и снова задал пир в честь гостя. Теперь уже, как иногда принято, под видом «взамен пиршеств, которые должны были состояться», подносили Вану денежные подарки. Ван как ни в чем не бывало с довольным видом принимал их.

После пиршеств у себя дома братья Кэ Чэни нанесли визит на корабль, извиняясь перед Ваном за возможно допущенные оплошности. Ван не отпустил их сразу, а приказал подать им вино и яства, однако братья отказывались.

— Мы, ничтожные люди дикой глуши, почитаем за счастье уже то, что вы оказали нам честь и сооблаговостили дозволить попотчевать вас чаркой вина, — говорили они. — Но чтобы вы доставляли себе беспокойство угощать нас — нет, не смеем!

— Да где же это видано, чтобы на привет не ответить приветом?! — возразил Ван. — Неужели мне дозволяется только беспокоить вас и не дозволено быть хозяином — в свою очередь, потчевать вас? Тем более, — продолжал Ван, — что мы ведь уже говорили, что в наших отношениях мы не должны придерживаться обыденных церемоний и считаться, кто сколько дал, кто чем ответил. Тогда я явился к вам и вы были хозяевами, сегодня вы соизволили посетить меня, значит, хозяин я. Случай есть, а препятствий я не вижу.

После таких слов Кэ Чэням было неудобно отказываться. Тем временем все уже было подано, и Ван пригласил всех занять места. Труппа актеров, которую Ван прихватил с собой, стала готовиться к представлениям. Они играли *«Братание в персиковом саду», *«Тысячу ли проходит один» и другие пьесы, в которых рассказывалось о жизни и приключениях известных героев.

Братья Кэ Чэни, люди из горной глуши, которым редко удавалось видеть что-либо подобное, разумеется, загляделись — их целиком захватила игра актеров. Оказывается, сущая Ван заранее дал указание своим людям, чтобы они тихонько отчаливали, как только

услышат гонги и барабаны театрального представления. При этом Ван велел пустить корабль незаметно, чтобы он плыл при луне вниз по течению своим ходом — так, чтобы сидящие в каютах гости не почувствовали, что корабль тронулся. Корабль успел уже пройти не один десяток ли к тому времени, когда закончилось театральное представление. Однако настроение веселиться еще не было исчерпано. И хозяин и гости сдвинули ближе друг к другу свои столы, вновь принялись пить и играть в застольные игры. Актеры пели уже без аккомпанемента и потчевали пирующих.

Ван прикинул, что корабль его теперь уже далеко от места стоянки, и со следующими словами обратился к Кэ Чэням:

— Я рад, я счастлив наблюдать, как вы благорасположены ко мне, но у меня есть одно небольшое дело, не очень приятное для вас. И вот я хотел бы об этом деле посоветоваться с вами, чтобы найти наиболее приемлемое решение.

Братья оторопели.

— Что за дело? — спросил наконец один из них. — Просим вас сказать прямо. Мы полностью к вашим услугам.

Тогда Ван распорядился, чтобы принесли шкатулку, вынул оттуда одно из тех объявлений, какие он велел расклеивать повсюду, и, держа бумагу перед братьями, объяснил:

— Этот вот сючай Ван подал на вас жалобу, что вы якобы увели у него наложницу. Так ли это на самом деле? — спросил он под конец.

Братья поглядели один на другого. Отпираться было неудобно, и Кэ Чэнь Старший ответил:

— Есть одна женщина, которую привезли из города Юэчжоу. Зовут ее Хуэйфэн, и она говорит, что она из дома некоего Вана. Не посмею скрывать, что женщина эта сейчас находится у меня.

— Что до женщины, то ладно — дело небольшое. Но вот сам сючай Ван не какой-нибудь там заурядный человек, а один из выдающихся людей нашего времени. Он собирается писать в столицу, с тем чтобы организовали против вас карательный поход. Поэтому предварительно он подал на вас жалобу на месте. И вот начальство мое секретно вручило мне грамоту о принятии жалобы и привлечении ответственных за преступление, с тем чтобы я занялся этим делом. Но я-то не бездушный человек и кое в чем разбираюсь. Поэтому я решил не являться сюда с войском, чтобы не потревожить вас, и именно имел в виду пригласить вас на корабль побеседовать, а затем представить вас начальству и устроить вам очную ставку с сюцаем Ваном по поводу этого дела.

Услышав такое, братья Кэ Чэни изменились в лице.

— Нет, нельзя нам без причины являться к начальству, — возразил один из них. — Очутись там — упрячут в тюрьму, и конец.

Не сговариваясь, братья разом поднялись, распахнули окно каюты и увидели, что находятся посреди реки. Вокруг не было ни одной лодки, катились лишь волны и стлался туман, через который даже не видно было берегов. Дом их остался далеко позади, рассчиты-

вать на помощь не приходилось, и братья ничего не могли предпринять. Вот уж поистине,

*С крыльями —
в небо взлетишь;
С панцирем —
в землю уйдешь.
Но если взлететь не дано,
провалиться сквозь землю нельзя,
То как же тогда избежать
нагрянувшей страшной беды?!*

Братья поняли, что попались в ловушку. Они опустили перед Ваном на колени и в один голос взмолились:

— Просим, выручите нас!

— При сложившихся обстоятельствах, если вы не предстанете перед начальством, то мне не отчитаться, — сказал им Ван. — С другой стороны, — продолжал он, — я понимаю, если вы явитесь туда, то вам несдобровать. Тут надо подумать и обсудить, как сделать, чтобы я мог возвратить грамоту и отчитаться. Тогда я не стану настаивать на том, чтобы вы сами явились к начальнику.

— Мы люди несмышленные, целиком полагаемся в этом деле на ваши соображения, — отвечали братья.

— Сююця Вана в этом деле волнует только его наложница. Поэтому если бы мы сейчас послали к вам дозорную лодку, привезли бы сюда эту женщину и я при начальнике возвратил бы ее сююця Вану, то с этой бумагой, да и вообще со всем делом было бы покончено, ну а тогда незачем будет вам и являться к начальству. Что скажете?

— Что ж, это нетрудно, — отвечал Кэ Чэнь Старший. — Я напишу записку своим, и женщина будет здесь.

— Пишите сейчас же, медлить нельзя.

Кэ Чэнь Старший тут же написал записку, а Ван призвал телохранителя и Ван Гуя — благо, один знал, как добраться до дома Кэ Чэней, а другой знал в лицо Хуэйфэн. Тихо, чтобы другие не слышали, Ван что-то сказал им, передал записку и затем уже во всеуслышание приказал им отправиться к Кэ Чэням на двух дозорных лодках. Им было велено не задерживаться — забрать женщину, сразу же возвращаться и доложить об исполнении приказа.

На корабле опять заиграла музыка, и люди снова принялись за вино. Видя, что Ван держит себя как ни в чем не бывало, братья немного успокоились. Но все же душа у них была не на месте. Ну а сам Ван пребывал в прекрасном, приподнятом настроении, пил одну чарку за другой и непрерывно разговаривал и шутил с гостями.

На рассвете обе лодки, на одной из которых была Хуэйфэн, подошли к кораблю. Вану об этом тут же доложили. Радостный, он велел Хуэйфэн подняться на корабль, пройти в отведенную для нее каюту и тут же приказал вынести четыре слитка серебра. По слитку досталось в награду телохранителю и Ван Гую и по слитку людям на обеих дозорных лодках. Награжденные стали благодарить Вана, а он тем временем распорядился, чтобы братьям Кэ Чэням поднесли по большому кубку вина.

— Итак, с делом покончено, — произнес Ван, обращаясь к братьям. — Теперь я сам доложу обо всем начальству, а вы можете возвращаться к себе.

Братья благодарили его, говоря, что он спас их. Тогда Ван подергал Кэ Чэня Старшего за усы и спросил:

— А вы и все ваши, знаете ли вы сюцзя Вана? — и продолжал: — Так это я и есть, и никакой я не заместитель командующего. Мне просто жалко было расставаться с любимой наложницей, вот я и устроил такое представление. Но теперь эта женщина снова со мной, а я сам получил огромное удовольствие от того, что провел ряд дней за пиршеством с вами, братьями. Видимо, так уж было суждено. Благодарю вас, и прощайте.

Тут братья словно пробудились ото сна, и на сердце у них словно развязался запутанный узел.

— Ну и шутник же вы! — говорили они, громко смеясь. — Поистине вольная, не знающая удержу натура, поистине герой! Мы, грубые, неотесанные люди, почитаем для себя за счастье, что довелось провести эти дни с вами! Да, видно судьба! — восклицали они. — А что касается вашей наложницы, то, простите, не знали. Стыдимся, стыдимся. — При этом братья стали выкладывать серебро, которое у них случайно оказалось при себе. Набралось ланов тридцать, и они поднесли все, что набрали, Вану, говоря:

— Пусть это будет на пудру вашей красавице.

Ван упорно отказывался, но в конце концов, рассмеявшись, принял подарок. Братья попросили, чтобы их отправили на дозорной лодке на берег, и Ван распорядился доставить их к месту, где проходит проезжая дорога. Братья Кэ Чэни простились и уехали.

Возвратясь к себе, Ван позвал Хуэйфэн. Плача, она стала ему рассказывать о напугавшем ее насмерть происшествии.

— Ладно, теперь ты снова со мной, и незачем вспоминать о том, что уже миновало, — говорил он. — Выпей-ка лучше чарку вина и успокойся.

Ван и Хуэйфэн вволю пили, чувствовали себя так, словно в самую жажду им поднесли освежающего отвара. На следующее утро, когда они поднялись, корабль стоял уже на пристани в Учане.

Сойдя с корабля, Ван направился прямо к Сян Чэнсюню.

— С делом покончено, — сказал он командующему, — и все, что я брал у вас, — корабль, лодки и прочее — все возвращаю.

— Ну, а как с вашей наложницей?

— Благодаря вашей помощи она уже на корабле.

— Как же это вам удалось вернуть ее?

Ван подробно рассказал о том, как он переоделся, как под видом нового военачальника провел братьев.

— Словом, ничего особенного не было, — сказал он в заключение. — И добился я своего благодаря вашей помощи.

— Чудесная история! — восхитился Сян Чэнсюнь. — И все-таки надо обладать исключительной смелостью, чтобы решиться на такое. Вы, как я вижу, с вашей находчивостью и вашим умелым расчетом вполне можете управлять войском!

В тот же день Ван передал телохранителю начальника еще пятьдесят ланов золотом, обещанные ему в свое время. Затем он нанял джонку для Хуэйфэн; на другую джонку погрузились его слуги; Сян Чэнсюнь по просьбе Вана выделил ему одну дозорную лодку, которая должна была сопровождать их. Словом, сюцай Ван устроил все свои дела. Напоследок он явился к военному инспектору, чтобы вернуть ему грамоту.

— А в каком же состоянии дело, что вы возвращаете грамоту? — поинтересовался инспектор.

И здесь Ван рассказал ему все, как было, от начала до конца. Слушая Вана, инспектор одобрительно кивал головой и вздыхал.

— Да! — промолвил он, когда Ван кончил свою историю. — Не пуская в ход оружия, войти в логово тигров и отнять у них человека — для этого надо обладать удивительным талантом, поразительной изобретательностью! Вам, поистине, будет нетрудно в будущем, когда вас призовет двор, вершить дела государственной важности.

Ван, скромно держа себя, поблагодарил инспектора и откланялся.

Вместе с Хуэйфэн они вернулись домой. Жители уезда Хуангансянь, до которых дошла эта история, отдавали должное сюцаю Вану и только и говорили о том, что не зря, мол, прозвали его «Вантайгуном», что он достоин того.

Стихи по этому поводу гласят:

*Нередко отважные люди
поступают не так, как другие;
Могут они бок о бок
с волками и тиграми жить.
И если жемчужину-диво
доставать им придется из бездны,
Станут ли ждать, чтоб заснул
ее стерегущий дракон?!*

25. ЗНАМЕНИТЫЙ УЧЕНЫЙ-КОНФУЦИАНЕЦ ИЗ-ЗА ПУСТЯКА ЗАТЕЯЛ ДЕЛО; ТВЕРДАЯ ДУХОМ ЖЕНЩИНА, ИСПЫТАВ ПЫТКИ, ПРОСЛАВИЛАСЬ В ВЕКАХ

Стихи гласят:

*К делам и к людям не подходят
с заранее готовым мнением —
Не раз предвзятость приводила
людей к неправильным решеньям;
Порой и мудрецы иные,
и небывалые таланты,
Что сразу все понять должны бы,
глядишь — ошиблись и попались.*

Уважаемые слушатели! Как правило, *сказители в своих сказах предпочитают поведать о любовных делах да об удивительных, необычайных происшествиях. Для них важна занимательность самого повествования, но наиболее дельные из рассказов — те, в которых говорится о житейских делах, о причинности тех или иных поступков людей и о воздаянии: нет-нет да тронет слушателя что-нибудь, заденет за живое, и он изменит направление своих мыслей, если на душе у него было недоброе. В таких сказах, собственно, проявляются *конфуцианские добродетельные побуждения сказителей, хотя о самом конфуцианском учении или о его последователях никто из них никогда не заводил речь.

Однако почему же нынче я начал с того, что, мол, не следует к чему бы то ни было подходить с заранее готовым мнением? Дело в том, что ум и душа человека — это наиболее чуткие, больше всего подверженные влиянию со стороны вещи, и чем меньше загружены они, тем и беспристрастнее. Но стоит только человеку дать укре-

ниться в себе какому-то предвзятому мнению, и он может многое доброе принять за злое, годное — за негодное; в таких случаях даже мудрейшие люди становятся упрямыми, односторонними, считают, что только они правы. Им тогда и в голову не приходит, что в действительности дела могут обстоять совершенно иначе.

И если уж говорить о представителях нового современного духа конфуцианского учения, то может ли кто сравниться с уважаемым *Чжу Си; кто из ученых не преклоняется перед ним и он ли не великий мудрец?! Но вот из-за того, что сам Чжу Си иногда подходил кое к чему с заранее сложившимся мнением, случалось, и он, решая дела, совершал ошибки.

Когда Чжу Си служил начальником уезда Чунъаньсянь, в провинции Фуцзянь, один простолюдин подал жалобу, в которой говорилось, что у него был кладбищенский участок земли, доставшийся ему еще от предков; но известный в городе богач захватил этот участок, превратил в свою кладбищенскую землю и недавно совершил там захоронение.

Чжу Си сам прекрасно разбирался в *геомантии и знал, что в провинции Фуцзянь ей придавали особое значение. Поэтому если какой-нибудь простолюдин имел хороший участок, благоприятный для захоронения, и об этом узнавал кто-то из местных воротил, то он делал все, чтобы завладеть им, и тяжбы из-за таких участков происходили в уезде чуть ли не ежедневно.

Чжу Си принял жалобу к расследованию и вызвал богача в присутствие.

— Могилу на этом месте я благоустраивал сам, — говорил богач. — Моя земля здесь не имеет отношения ни к кому другому. Не понимаю, почему мог возникнуть вопрос о захвате.

— Это могильный участок моих предков, а он, пользуясь своим влиянием, захватил землю, — возражал простолюдин.

Обе стороны пререкались, каждая настаивала на своем. Свидетели показывали кто в пользу одного, кто в пользу другого, и ничего определенного из их слов вывести нельзя было.

— Вижу, что все это разговоры, которые ничем не подкреплены, — проговорил Чжу Си, выслушав всех. — Надо самому пойти поглядеть и разобраться в этом.

И он тут же со всеми причастными лицами и со своей свитой отправился на могильный участок. Место было действительно великолепным, с таким прекрасным видом на горы и воды, что, казалось, над ним парили фениксы и вились драконы. «Не удивительно, что такой благоприятный для захоронения участок люди хотят отнять один у другого», — подумал Чжу Си, и в нем сразу зародилось подозрение, что это могильный участок простолюдина, где совершали захоронения еще его предки, что богачу это место понравилось и он задался целью во что бы то ни стало завладеть им.

Тем временем богач заявил:

— Это вот свежая могила, все сооружено недавно мной, все материалы новые, все еще свежее. Просто непостижимо, как человек

может утверждать, что это старая могила его предков. Стоит вам лишь взглянуть своим пронизательным взглядом, как все станет ясно.

— Свежая могила и все, что сделано недавно, — это действительно его, — отвечал на это простолюдин, — но под свежей землей должна быть старая — там все наше. Новое же он устроил после того, как отнял у меня участок.

Чжу Си велел принести мотыги, лопаты и разрыть могильный холм. Когда кончился мягкий слой земли, у человека, запустившего в землю мотыгу, руки чуть не онемели от неожиданного толчка. Разрыли в этом месте землю, и обнаружился лазоревый камень, на котором едва виднелась надпись. Чжу Си велел вынуть камень и показать ему. Люди очистили камень от земли, вымыли его, и надпись стала отчетливой: «Могила семьи такого-то». Сбоку на камне мелкими иероглифами перечислялись имена предков простолюдина.

— Откуда это взялось?! — закричал обескураженный богач.

Но тут Чжу Си повысил на него голос:

— Совершенно ясно, что это его могильный участок, а не твой. Ты отнял участок, и вот этот камень тут обнаружился. Что ты можешь еще сказать?

Простолюдин стал бить начальнику челом.

— Вы — всевидящее ясное небо над нами, и мне, ничтожному, больше незачем произносить лишних слов, — говорил он.

Чжу Си, решив, что он оказался прав, возвратился в город и вынес решение, чтобы кладбищенский участок возвратили простолюдину, а богачу предписал нести ответственность за насильственный захват чужой земли.

Простолюдин благодарил, кланялся и на каждом слове поминал бескорыстие и справедливость начальника.

«Ну кто еще, кроме меня, решился бы на такое — поддержать слабого и обуздать сильного и имущего?!» — размышлял про себя Чжу Си, покончив с этим делом. Чжу Си был очень доволен собою. Но не ведал он того, что попался на удочку коварного простолюдина. Оказалось, что человек этот был лукав и хитер. Он знал, что Чжу Си недолюбливал богатых и знатных за то, что они измываются над простыми людьми, знал, что было у него в натуре такое. Что и говорить — прекрасная черта души, но ею-то и воспользовались те, кто ее распознал.

Позарившись на принадлежавший богачу кладбищенский участок, который, по геомантии, был исключительно благоприятен для захоронения, этот простолюдин придумал уловку: на лазоревом камне выгравировал соответствующую надпись, тайком зарыл камень под могилу богача, дал камню вылежаться, а потом взял да и подал на богача жалобу.

Тот, конечно, всего этого ведать не ведал. Он думал, раз он сам еще совсем недавно соорудил могилу, то, как только начальство посмотрит, все сразу будет ясно. Но оказалось, что под могильной насыпью ему устроили ловушку, на которую натолкнулось начальство, срыв землю.

Как мог Чжу Си не поверить такому явному доказательству? Да и, помимо того, ведь лишь богатые, власть имущие люди отбирали

что-либо у простолюдинов, и никогда не бывало, чтобы простолюдин замыслил завладеть имуществом богача. Поэтому Чжу Си и поступил как должно, следуя закону. Но богач, в отношении которого действительно допустили несправедливость, не мог смириться с этим, подал жалобу инспектору области, и дело снова вернули Чжу Си на рассмотрение. Полагая, что богач умышленно строит козни и сопротивляется из упрямства, Чжу Си возмутился. Он приказал местным властям заставить богача вынуть свой гроб из могилы с тем, чтобы участок всецело отошел простолюдину, чтобы там спокойно лежали его предки. На этом Чжу Си и покончил с делом.

Однако некоторые жители, совсем не причастные ко всему этому, знали, что простолюдин бессовестно сплутовал и что Чжу Си распустил эту тяжбу неверно. Об этом говорили, возмущались несправедливостью, и кое-какие толки дошли до Чжу Си. Чжу Си счел, что люди говорят так только потому, что уж слишком велики сила и влияние богача. «Вижу я, справедливость все-таки не пробьет себе путь в этом мире!» — подумал он, сокрушенно вздыхая, и решил оставить казенную службу.

Поселившись неподалеку, в горах Уи, Чжу Си стал жить жизнью человека, ушедшего от мирских дел. И вот однажды, направляясь куда-то по своим делам, он оказался возле участка, который присудил простолюдину. Он узнал этот участок и увидел пышно растущую на нем зелень, деревья. Прохаживаясь по участку, он еще раз убедился, что, согласно геомантии, людей, совершивших захоронение на этом участке, должны ожидать в жизни большой успех и удачи. Чжу Си разыскал кое-кого из живущих поблизости и спросил у них:

— Что это за семья, которой выпало счастье совершать похороны вон на том участке?

Жители отвечали:

— Эта земля досталась ее владельцу бессовестным обманом. Так неужели же удачное расположение участка может после этого принести его хозяину счастье?

— Как это бессовестным обманом? — удивился Чжу Си.

Тогда один из жителей подробно рассказал Чжу Си, как в свое время простолюдин зарыл свой камень в чужую могилу, как этим самым провел начальника уезда и отобрал у богача участок.

Чжу Си побагровел, услышав такое. Досада и негодование овладели им.

«Я считал, что совершил законный акт по всей справедливости, а меня, оказывается, провел этот негодяй! — возмущался он про себя. — Характер местности, конечно, говорит о том, что этот человек должен разбогатеть и обрести благополучие, — подумал затем Чжу Си. — Но, с другой стороны, если он завладел участком таким нечестным путем, разве возможно, чтобы к нему пришла удача?» И тут он поднял взор к небу, заклиная:

*Даст разбогатеть участок,
что ж, — на то *земли законы;*

*Но если есть *законы неба —
не даст он счастья.*

И Чжу Си ушел. В эту ночь разразился ливень, гром гремел беспрестанно, сверкали молнии, под конец раздался треск, от которого задрожали и зазвенели черепицы. Утром люди увидели, что на участке простолюдина, на том самом месте, где была могила, образовался омут — не сохранилось и следа ни гроба, ни останков.

Из этого совершенно очевидно, что если подходить к делу предвзято, то не избежать ошибок даже такому великому и мудрому человеку, как Чжу Си. Что до возмездия, которым небо покарало виновного после того, как Чжу Си уяснил правду и раскаялся в своих действиях, то это говорит лишь об одном — высшая справедливость еще существует. И если человек поступил против совести — пусть даже и сумел он обмануть мудрейших людей, пусть удалось ему получить из этого выгоду, совершить захоронение своих предков на самых лучших участках, — небо такого не потерпит.

Но зачем я целых полдня все говорю об этом? Затем, что с Чжу Си был еще один случай, когда он вел дело предвзято настроенный и несправедливо обошелся с женщиной низкого положения. А привело это к тому, что имя этой женщины стало известно императору, слава о ней распространилась по всей стране, и добилась она в своей жизни полного благополучия.

Есть стихи по этому поводу:

*Вспылив, надменные мужи
враждуют меж собой;
Но неповинную девицу
зачем же было истязать?
Виновных лишь перевели
служить в различные края,
Зато красавица-гетера
прославилась на все века.*

Так вот, в области Тайчжоу жила *гетера по фамилии Янь, по имени Жуй, по *второму имени Юфан, старшая над остальными гетерами. Девушка исключительной красоты, она к тому же была искусна в *каллиграфии, умела рисовать, играть в *облавные шашки, танцевать, играть на цитре и других инструментах. Янь Жуй отлично слагала стихи, причем зачастую образные выражения в них были ее собственными находками, приводившими в восхищение даже знатоков поэзии, прекрасно знала все, что касалось исторических событий прошлого и современных ей дней. К людям она всегда относилась с искренней прямоотой, в поступках своих отличалась справедливостью и благородством. Поэтому каждый, кому доводилось познакомиться с Янь Жуй, влюблялся в нее так, что терял над собою власть. О ней знали буквально повсюду, и молодые люди, привлеченные ее славой, бывало, не считаясь с расстоянием в тысячи *ли, приезжали в Тайчжоу только лишь для того, чтобы повидать ее, познакомиться с ней. Вот уж поистине,

**Десяток лет не видела она владыки,
и он не знал ее лица;
И лишь когда красавица пред ним предстала,
узнал, что нет на свете равных ей.*

Правителем области Тайчжоу в то время был *Тан Юйчжэн, по второму имени Чжунью. Это был талантливый молодой человек с изысканными, непринужденными манерами и веселым нравом. Следует сказать, что по существовавшему при *Сун законоположению на пиршества, которые устраивались в казенных учреждениях, всегда вызывали гетер, чтобы они прислуживали за столом. Им разрешалось только стоя пить или подносить вино, но возбранялось ухаживать за гостями в спальнях покоях. И если кто-либо из мужчин тайком позволял себе быть легкомысленным и разнузданным с гетерой, то мало чести следовало такому человеку. Поэтому хотя Чжунью и видел, как привлекательна и мила Янь Жуй, и питал к ней большую нежность, но, будучи связан уставом службы, не смел разрешить себе в отношении ее ничего лишнего. Однако всякий раз, когда праздновался какой-либо праздник, отмечались какие-либо дни или же когда просто бывали гости, он неизменно приглашал ее, и она подносила вино и потчевала гостей.

Так, однажды в пору пышного цветения красных и белых цветов персика, Чжунью *любовался цветами за кубком вина, и ему, разумеется, прислуживала Янь Жуй. Зная, насколько она искусна в сочинении стихов, он попросил ее сложить стихи о красных и белых цветах персика. Янь Жуй сразу же написала следующие строки на мотив «Словно во сне»:

*Показалось, цвет груши,
но нет;
Показалось, цветы абрикоса,
но нет, тоже нет.
Белые и белые,
красные и красные,
Каким-то особым весны ароматом
веет от них.
Да, вспоминаю. Да, вспоминаю,
как когда-то в *Улине
Немного, но все же
была я пьяна.*

Написав стихи, она подала их Чжунью. Тот пришел в восторг, и Янь Жуй была награждена за них двумя кусками тонкого шелка.

Другой раз, как-то в праздничный вечер *седьмого дня седьмого месяца, Чжунью задал пир. На пиру присутствовал один из его друзей, некий Се Юаньцин, тоже человек смелого и непринужденного нрава. Гость Чжунью давно уже был наслышан о Янь Жуй и потому несказанно обрадовался, увидев гетеру на пиру. Он убедился, что не зря о ней идет слава, что к ней действительно нельзя остаться равнодушным: манера держать себя, вести беседу, шутить, ее голос, когда она пела, каждое движение — все глубоко волновало человека.

Юаньцин пил вино кубками и был в чрезвычайно веселом расположении духа.

— Я давно слышал, что Янь Жуй прекрасно сочиняет стихи, — проговорил он, обращаясь к Чжунью, и спросил: — А нельзя ли воочию убедиться в этом?

— Поскольку за столом приятнейшие гости, то, несомненно, хорошо бы послушать новые стихи, — отвечал Чжунью. — Сочинять она мастерица, и как раз случай услышать ваши замечания.

— Ну что ж, попрошу: вечер седьмого дня пусть и будет темой, рифмой пусть будет моя фамилия, — сказал Юаньцин. — Пью за стихи полных три больших кубка.

Янь Жуй согласилась и тут же начала *скандировать на мотив «Небожители на сорочьем мосту»:

*Платан зеленый
стал терять листву,
Корица
источает аромат,
Цветы в пруду
уж головой поникли.
Иголки, нить, веселье, смех
в покоях у девиц,
И месяц тот пришел,
когда *с подноса капает роса.
Спешит паук
от холода укрыться,
Но не спешат сороки
строить мост;
Пастух устал,
устала и Ткачиха,
И думаю — не зря ли древние
прекрасную легенду эту сочинили.
Вот год уже прошел —
так кажется нам в мире этом;
А там, на небе, утро ли,
иль все еще там ночь?*

Янь Жуй закончила скандировать стихи, а Юаньцин, из трех кубков успев выпить только два, вскочил с места, схватил большой рог, наполнил его вином, подошел к Янь Жуй и сказал:

— Новые и необычные обороты речи в стихах, напев соответствует времени и окружающей природе, талантливое умение тут же выразить мысль! Нет, вы просто небесная фея! — воскликнул он в восхищении. — Как повезло мне, что удалось приобщиться к частице вашего изысканного дарования. Прошу вас разделить со мной вино, и пусть в этом хоть как-то проявится мое уважение к вам, — добавил он, поднося красавице рог.

Янь Жуй приняла его и выпила весь до дна.

Глядя на то, как они держатся друг с другом, Чжунью сказал:

— Юаньцин, вы — гость, *вам можно бы поехать к Янь Жуй и побыть с нею.

— Просить не посмел бы, но это именно то, чего бы мне хотелось, — с улыбкой на лице отвечал Юаньцин и сложил руки в поклоне. — Не знаю только, как к этому отнесется сама Янь Жуй.

— Она человек понимающий, — улыбаясь, заметил Чжунью. — Разве не по душе ей будет побыть с приятным человеком? К тому же разрешаю сам я, так что тем более она не должна бы отказывать.

Возражать предложению начальника области Янь Жуй, конечно, не стала, и после пира она вместе с Юаньцином направилась к себе домой.

Эту ночь они провели радостно, вместе на одной подушке.

Юаньцин, человек поистине благородного нрава, повстречав талантливую красавицу, которая очень пришлась ему по душе, как только мог, старался ей угодить. Он даже отдавал ей все то, что дарил ему иногда начальник области. Так он провел с ней полгода и лишь тогда уехал. Он потратил на гетеру много денег, но, уезжая, все еще сожалел, что приходится с ней расставаться. Уже из одного этого видно, насколько Янь Жуй была способна завладеть душой человека. Но довольно об этом.

Расскажем теперь об известном ученом *Чэнь Ляне, по второму имени Тунфу, уроженце области У, уезда Юнкансянь. Это был благородный, широкий по натуре, своенравный и упрямый человек, и славился он как достойнейший рыцарь. Известные ученые и слывшие благородными люди чести — все добивались дружбы с ним. Когда знаменитый *Синь Цици жил в уезде Цяньшань, Чэнь Лян как-то отправился навестить его. Чэнь Лян был уже перед мостом, возле самого дома Синь Цици, как вдруг конь его заупрямился и остановился. Трижды Чэнь Лян подстегивал коня, но конь трижды отступал. Тогда пришедший в ярость Чэнь Лян выхватил меч и отсек коню голову. Конь упал, а Чэнь Лян как ни в чем не бывало спокойно проследовал дальше. Всю эту сцену случайно наблюдал из верхних покоев своего дома Синь Цици. Он был чрезвычайно удивлен поведением Чэнь Ляна. Синь Цици принял Чэнь Ляна и подружился с ним. Таков был Чэнь Лян. И не случайно Чжунью тоже дружил с ним. Не удивительно, что, когда Чэнь Лян приехал в Тайчжоу навестить Чжунью, тот предоставил ему все необходимое и просил его остаться пожить. В свободное от дел время друзья вели беседы на самые различные темы. Чжунью уважал людей, прославившихся независимостью мысли, и не терпел конфуцианских начетчиков. Чэнь Лян был в этом с ним единомышлен и часто, бывало, говорил:

— Нынче на свете только и толкуют об учении «верного пути», о том, что, мол, «исправь свое сердце и сделай искренними свои помыслы». Но обычно это все люди, у которых давно парализованы чувства, и не ощущают они, где у них чешется, что болит. Они забыли о врагах и *великом позоре страны и потому самодовольно рассуждают о врожденных качествах и о судьбе, не понимая, ни что такое врожденное качество, ни что такое судьба.

Так с Чжунью они всегда находили общее в беседах, кроме одного. Чэнь Лян хотя и не одобрял учения Чжу Си, но с Чжу Си дру-

жил. Чжу Си даже рекомендовал Чэнь Ляна на государственную службу. Чэнь Лян считал: «В том, что проповедует Чжу Си, есть практически полезные вещи; это не какие-то неопределенные расплывчатые разглагольствования буквоедов». Что до Чжунъю, то, достаточно высоко ценя собственный талант, он пренебрежительно отзывался о Чжу Си и не раз заявлял, что тот даже в простых иероглифах не разбирается. Поэтому как только разговор между Чэнь Ляном и Чжунъю заходил о Чжу Си, он всегда кончался тем, что они расходились в мнениях.

Гостя у своего друга, Чэнь Лян был все время в хорошем, неподнятом настроении и однажды решил посетить заведение гетер. О Янь Жуй тогда знал каждый в уезде, всем было известно также, что она любимица самого правителя, и, разумеется, этим она вызывала к себе особый интерес. Не было дня, когда бы можно было застать ее дома, свободной от приглашений. Но Чэнь Ляну, быстрому в своих решениях и действиях, было не по нутру караулить, когда Янь Жуй окажется не занятой. Он узнал, что другая гетера — Чжао Цзюань, по таланту и красоте хотя и уступала Янь Жуй, но тоже слыла одной из лучших гетер в уезде. Чэнь Лян стал постоянным ее посетителем, долго они проводили время вместе и понравились друг другу. Деньгами он сыпал направо и налево, никогда ничего для нее не жалел. Видя это, она старалась во всем угождать Чэнь Ляну, и у нее даже зародилась мысль пойти за него замуж. Чэнь Лян тоже был не прочь взять ее в жены. Не раз уже заводили они об этом разговор и всегда приходили к общему согласию. Препятствием было лишь одно: Чжао Цзюань принадлежала к категории людей, числившихся казенными музыкантами и танцовщицами, поэтому выйти замуж и сменить образ жизни она могла только после того, как ее фамилию исключили бы из соответствующего реестра.

— Сняться с учета — это во власти начальника уезда, — заметил как-то Чэнь Лян. — Стоит лишь поговорить с Тан Чжунъю, и дело без особого труда будет сделано.

— Было бы очень хорошо, — отвечала Чжао Цзюань.

И вот однажды Чэнь Лян специально по этому поводу явился к Чжунъю и изложил ему все обстоятельства.

— Ты ведь один из самых видных людей нашего времени. Почему же ты дружишь с Чжао Цзюань, а не с Янь Жуй? — спросил Чжунъю.

— Для меня дорога та, к которой влекут меня мои чувства, и лучше ее я уже никого не вижу, — отвечал Чэнь Лян. — К тому же, — продолжал он, — Янь Жуй — девица, которая нравится тебе самому, и, даже если бы я подружился с ней, вряд ли ты согласился бы ее отпустить.

Чжунъю рассмеялся в ответ и сказал:

— Ну, не то чтобы она уж чрезвычайно мне нравилась, однако без нее чувствовалось бы, что чего-то не хватает, кого-то нет. И отпустить ее, конечно, не хотелось бы. Что касается Чжао Цзюань, то, пожалуйста, сделаю все, что прикажешь. Но действительно ли она решила выйти за тебя замуж?

— Судя по тому, как она об этом говорила, желание ее искренне. Но надо все-таки, чтобы ты помог и был, как говорится, *старцем под луною.

— Пойдет она за тебя или не пойдет — это зависит от нее, тут я ничем помочь не могу. А вот исключить ее из казенного списка — исключаю.

Чэнь Лян простился с Чжунью, немедленно рассказал об этом разговоре Чжао Цзюань, и оба они были счастливы.

Случилось так, что на следующий день состоялся пир в управлении, и Чжунью вызвал на этот пир Чжао Цзюань. За вином Чжунью спросил у нее:

— Вчера господин Чэнь говорил мне о том, что ты хотела бы освободиться и пойти замуж. Это действительно так?

— Мне уже надоела жизнь, которую я веду, и если мне будет дозволено избавиться от подобного образа жизни, то сочту это за благодеяние, равное небу и земле, — низко кланяясь, отвечала Чжао Цзюань.

— Ну что ж, исключить тебя из реестра нетрудно. Но после этого ты пойдешь замуж за господина Чэня?

— Господин Чэнь — знаменитый человек, к тому же дорогой гость здесь. Боюсь лишь, что он может побрезгать такой ничтожностью, как я, и не возьмет к себе. Если же только у него есть ко мне чувства, неужели я решусь уклоняться?

«Да ничего ты, девка, не понимаешь и больно легко соглашаешься! Не знаешь, что Чэнь Лян — это мужчина, который полоснет человека мечом и глазом при этом не моргнет; что деньги он транжирит почем зря; что дома у него пусто. Ему ли устроить беспечную жизнь тебе!» — подумал Чжунью и, побуждаемый добрыми чувствами к Чжао Цзюань, произнес, усмехнувшись:

— Если ты действительно хочешь пойти за господина Чэня и уехать к нему, то должна привыкать терпеть голод и переносить холод. Вот тогда все будет ладно.

Чжао Цзюань изменилась в лице: «Я видела, как он тратит деньги, несколько с ними не считаясь; думала, что он богат и решила выйти за него. А по словам начальника выходит, что он нищий и, значит, жизнь мне не обеспечит», — рассуждала про себя Чжао Цзюань. Ей стало очень не по себе.

Чжунью в общем-то пошутил и вовсе не думал, что Чжао Цзюань примет его слова всерьез. Но гетеры — женщины подозрительные: случайная невинная шутка может заставить их усомниться в человеке, изменить отношение к нему. Поэтому хотя начальник уезда и выдал Чжао Цзюань грамоту о том, что она больше не числится в списках гетер, но при встречах с Чэнь Ляном она уже не заговаривала о замужестве и стала принимать Чэнь Ляна и относиться к нему довольно холодно.

Тот недоумевал: «Неужели гетеры так бесчувственны и коварны? Сумела заставить меня помочь ей освободиться, а теперь будто и обещать ничего не обещала!» Наконец Чэнь Лян сам напомнил ей об их недавнем решении.

— Господин начальник уезда сказал мне, что если поеду к тебе домой, то придется мне терпеть голод и холод. Зачем мне это! — ответила ему Чжао Цзюань.

Чэнь Лян вскипел.

— Вот, оказывается, какой бессовестный этот молокосос! — воскликнул он. — Только ему, значит, можно наслаждаться своей Янь Жуй! Ладно, у меня тоже найдется кое-что кому-то сказать!

Человек прямой и непосредственный, он отбросил мысли о Чжао Цзюань и, не простившись с Чжунью, поехал прямо к Чжу Си, который в то время был *инспектором по делам запасных зернохранилищ восточной части провинции Чжэцзян и находился в Учжоу.

Чэнь Лян явился к Чжу Си. Поприветствовав друг друга, они стали беседовать, и когда Чжу Си узнал, что Чэнь Лян приехал из Тайчжоу, то спросил его:

— Ну, а как молодой Чжунью поживает, как там дела у него?

— Какие у него дела! Занят своей Янь Жуй, и только, — отвечал Чэнь Лян.

— Меня поминал, наверно?

— Еще бы! Недоумевал, как это вас назначили инспектором, когда вы даже в простых иероглифах не разбираетесь.

Чжу Си был потрясен. Долго сидел он молча, не в силах произнести ни слова. Дело в том, что Чжу Си с ранних лет вступил на государственную должность, за долгие годы своей службы он написал немало книг, создал учение, которое распространилось по всей стране, и при всем этом он был еще до некоторой степени недоволен собой. Видя, как в свои молодые годы талантлив Чжунью, Чжу Си не раз подумывал, что тот рано или поздно позволит себе подсмеиваться над ним. Не удивительно поэтому, что Чжу Си охватило негодование, когда он узнал от Чэнь Ляна, как Чжунью отзывался о нем.

— Ведь он, собственно, мой подчиненный, а смеет так оскорблять меня! — возмутился наконец вслух Чжу Си.

Однако Чжу Си понимал, что слова, переданные ему, были сказаны у него за спиной, и еще неизвестно, насколько они достоверны. И Чжу Си решил срочно направить в Тайчжоу уведомление, что, мол, там допущена несправедливость в судебном деле и будет повторная инспекция. В путь он двинулся немедленно. Поскольку он ехал туда с целью к чему-либо придрататься, то даже на ночь почти нигде не остановился и прибыл в Тайчжоу так быстро и неожиданно, что Чжунью не успел вовремя его встретить.

«Да, действительно, Чэнь Лян прав, — подумал Чжу Си. — Пренебрежительно он относится ко мне, несколько не считается со мной!»

И Чжу Си уже не мог расстаться с возникшим чувством озлобленности по отношению к Чжунью и глубокой обиды на него.

Сойдя с коня, он немедленно потребовал от Чжунью *печать и передал ее его помощнику.

— Начальник области плохо исполнял свои обязанности и будет теперь ждать решения свыше — ответ на обвинительный доклад, — пояснил Чжу Си свои действия.

Чжу Си даже Янь Жуй не оставил в покое — водворил ее в тюрьму, чтобы допросить относительно блудодействия с Чжунью.

«Чжунью — человек веселого нрава, и не может того быть, чтобы он не прикоснулся к Янь Жуй, — рассуждал Чжу Си. — Кроме того, женщины — существа хрупкие и нежные, пыток им не выдержать — было между ними что-нибудь или не было, она все равно признает то, что от нее требуется, тогда можно будет составить доклад и обвинить его именно в этом».

Но оказалось, что стройная и изящная Янь Жуй обладала железным характером. Как ни били ее, как на нее ни кричали, ни оскорбляли бранными словами, пытали и снова били, она твердила одно:

— Пела, сочиняла стихи, потчевала гостей, все это было, как и положено мне. Но ничего другого — никогда.

Много пришлось ей претерпеть, больше месяца провела она в тюрьме, но на допросах неизменно говорила одно и то же. Ничего с ней не мог поделаться Чжу Си. Пришлось ему вынести в отношении ее весьма неопределенное решение, что, мол, вменяется ей в вину соблазн начальства. Янь Жуй напоследок еще раз жестоко избили и отправили на дознание в соседнюю область — в Шаосин. Одновременно Чжу Си составил обвинительный доклад императору, который сводился к следующему:

Тан, начальник области Тайчжоу, не признает существующего толкования классиков и, без пользы для себя изучив принципы, проповедовавшиеся совершенномудрыми людьми, клеветает на вашего верноподданного, обвиняя его в том, что он, мол, не знает простейшей грамоты. Находясь на посту правителя, Тан не блюдет должных порядков и дозволяет себе вступать в неподобающие отношения с гетерами. После выяснения подробностей его вольного поведения будет представлен вторичный доклад и ищутся меры, которые следует принять.

Среди друзей Чжунью был его земляк Ван Хуай, который в то время занимал пост первого министра и ведал делами страны. Чжунью написал ему частное донесение. В нем он отрицал обвинения Чжу Си и просил Ван Хуая довести это до сведения императора. Суть донесения была такова:

Начальник Чжу вопреки существующему положению проводит одну инспекцию за другой и является нежданно. Из-за того, что я не смог своевременно встретить его как подобает, он привлек к делу одну из гетер, добываясь от нее признаний, которыми хотел воспользоваться как уликами против меня. Однако даже жестокими пытками не удалось заставить простую женщину дать ложные показания. Помимо всего, он посмел беспокоить государя своим оскорбительным донесением. Из этого видно его безрассудное и недостойное поведение.

Император *Сяо-цзун, получив доклад Чжу Си, показал его Ван Хуаю, чтобы тот высказал свое мнение. Тогда Ван Хуай подал императору частное донесение Чжунью.

Прочитав его, император спросил:

— Так кто же из них, по-вашему, прав?

— По-моему, просто оба ученых впали в амбицию из-за пустяков, — отвечал Ван Хуай. — Один взорвался из-за того, что его называли безграмотным, а другой — из-за того, что его вовремя не встретили как начальство. Думаю, суть именно в этом, а все остальное — преувеличение. Ведь нет же ничего серьезного! На мой взгляд, надо просто оставить все это без внимания, и только.

— Согласен, — отвечал император. — Однако, когда два начальника не ладят между собой, это очень осложняет жизнь всем подчиненным. Переведите обоих на какие-нибудь подобные же должности в другие места, вот и все.

— Вы совершенно правы, — отвечал Ван Хуай, кланяясь императору. — Я отдам соответствующие распоряжения.

Итак, благодаря министру Ван Хуаю и разумному решению императора дело это кончилось для Чжунъю благополучно.

Но бедную Янь Жуй, которая столько перенесла мук и страданий, теперь, уже после всего, еще отправили в другую область — в Шаосин — на следствие.

Начальник области Шаосин тоже был из философов нового конфуцианского толка. Когда к нему доставили Янь Жуй и он увидел ее утонченную красоту, то подумал: вот уж поистине «если женщина красива, то нет в ней добродетели». И начальник стал допрашивать Янь Жуй, прибегая к жестоким пыткам. Он велел зажать ее пальцы в зажимы для рук и, обратив внимание на тонкие пальцы, нежную гладкую ладонь, проговорил:

— Такие руки не бывают у женщин, которые сами занимаются хозяйством. Противно даже смотреть.

Затем он приказал, чтобы зажали ее в тиски, но ведающий канцелярией и протоколами сказал начальнику:

— Ноги у нее слишком тонки и хрупки, не выдержат они тисков.

— Говоришь, ноги у нее хрупки и малы — это все результат изнеженности, а не природное естество, — ответил ему начальник и велел как следует зажать ее, требуя, чтобы она призналась в прелюбодеянии с Тан Чжунъю.

Но Янь Жуй по-прежнему не признавалась. Пришлось опять водворить ее в тюрьму до следующего допроса.

Большой жалостью к гетере проникся начальник тюрьмы. Он распорядился, чтобы тюремщики не издевались над ней и уговаривал ее:

— Начальство пытается тебя только для того, чтобы добиться нужных ему показаний. Почему же тебе не признаться поскорее. Ведь то, в чем тебя обвиняют, не бог весть какое преступление. За недозволенную любовную связь самое тяжелое наказание для женщин — это удары палками. Но ведь палками тебя уже били, а *за одно преступление дважды не наказывают. К чему же давать на растерзание свое тело и терпеть такие муки?!

— Я всего лишь простая гетера; если даже я и была с начальником области в недозволенных отношениях, на смерть меня не осу-

дят. Ничего страшного не случилось бы, если бы я и призналась. Но если правда — значит, правда, ложь — так ложь. Не могу я из жалости к себе зря болтать что попало и тем самым чернить доброе имя достойных людей. Пусть меня замучают до смерти, но заставить меня возводить напраслину на других не удастся.

Видя, с какой строгостью и решимостью женщина говорит об этом, начальник тюрьмы проникся к ней глубоким уважением и передал ее слова начальнику уезда.

— Раз так, придется оставить прежнее решение, — произнес тогда начальник уезда. — До чего же противная, упрямая девка! С другой стороны, — рассуждал начальник, — хотя прежде и было принято решение, но сюда-то ее направили, чтобы выяснить дело и вынести окончательное решение.

И он велел снова вызвать Янь Жуй и опять приказал дать ей палок. И все это ради того, чтобы угодить Чжу Си.

Начальник уже подготовил все бумаги и собрался писать донесение инспектору. Он хотел выведать из его ответа, как он настроен, а затем решать, как дальше быть. И вдруг до него доходит весть, что Чжу Си переводят в другую область. Узнав об этом, он наконец выпустил Янь Жуй.

Вот так Янь Жуй не повезло. Начальники повздорили между собой из-за ерунды, а страдать выпало на ее долю. В тюрьмах обоих уездов ей пришлось провести в общей сложности два месяца; обвинили ее в том, в чем она была неповинна; выходит, что дважды была наказана, а сверх того, еще подверглась пыткам. Вот уж поистине,

*Сострогали углы
на *квадратном бамбуковом посохе,
Замазали лаком
на цитре потертый узор.
О, не нужно
вещи прекрасные портить,
Вот тогда о натуре возвышенной
может пойти разговор.*

Когда выпустили Янь Жуй, то, истерзанная и измученная, она едва дышала и не раз казалось, что ей уже не выжить. Но, подлечившись и отдохнув, она стала понемногу принимать гостей. Теперь возле ворот ее дома еще больше, чем когда-либо, скапливалось коней и повозок. Те, кто знал ее лично, прибывали справиться о ее здоровье, а кто не знал, хотели хоть познакомиться с ней. Поэтому всегда у нее толпились посетители. И все из-за того, что она готова была умереть, но не признаться в деле, касающемся Чжунью. У всех вызвала уважение ее героическая преданность дружбе, и молодые люди, которые ставили честь и достоинство превыше всего, говорили о ней как о доблестной поборнице правды.

Ну а завсегдатаи веселых заведений, те, конечно, всегда были не в ладах с конфуцианцами, поэтому каждый из них недобрыми словами поминал Чжу Си.

Что касается Чжу Си, то он так ничего и не смог поделывать с Чжунью, и вышло, что он только зря затеял это вздорное дело. Об истории Янь Жуй говорили повсюду, слава ее все росла и распространялась, и слух о ней дошел до самого императора. «Хорошо, что в свое время я велел решить дело так, чтобы ни того, ни другого не обидеть, — сказал император. — Если бы я поверил только одной стороне и наказал начальника области Тайчжоу, то тем самым совершил бы несправедливость и в отношении этой достойнейшей женщины и не к кому было бы ей обратиться с жалобой».

Узнав о деле Янь Жуй и Чжунью, Чэнь Лян раскаивался:

«Ведь я просто так бросил пару слов Чжу Си и не думал, что он из-за этого раздует такое дело. Теперь, наверно, Чжунью подозревает, что я хотел погубить его, и ни перед кем мне не оправдаться».

Тогда он написал Чжу Си письмо:

«Никогда в жизни я не говорил худо о человеке за его спиной, а оговорил перед вами Тан Чжунью лишь из-за того, что он позволил себе кое в чем проявить ко мне недоверие. Мне, конечно, следовало бы на это ответить собственной смертью, как поступил некогда *Тянь Гуан, но, живя повседневно в трудностях, я дорожу все-таки своей ничтожной жизнью. Смешно, но так!»

Чэнь Лян, вспылив из-за того, что Чжунью испортил ему дело с Чжао Цзюань, взял и высказал Чжу Си то, что обычно о нем говорил Чжунью. Он не ожидал, что Чжу Си настолько ожесточится, что решит расправиться с Чжунью и даже привлечет к делу Янь Жуй, которую заставит терпеть такие пытки. Словом, всего этого не ожидал Чэнь Лян. А получилось так только из-за упрямства Чжу Си, из-за того, что он не был свободен от предвзятости.

Позже, когда Тан Чжунью перевели по службе и он уехал из Тайчжоу, должность его занял некий Юэ Линь, по второму имени Шанцин. Когда новый начальник прибыл на место и гетеры явились поздравить его, Шанцин спросил:

— Которая из вас Янь Жуй?

— Это я, — сказала Янь Жуй, выступив вперед.

Взглянув на нее, Шанцин сразу обратил внимание, что она была необыкновенна в своей манере держаться и выделялась среди других гетер, словно журавль среди кур. Но вид у нее был изможденный, лицо осунувшееся.

Шанцин знал о случившемся, о том, сколько гетере пришлось претерпеть, и ему было очень жаль ее.

— Я слышал, что ты искусна в поэзии, — сказал он, обращаясь к Янь Жуй. — Если бы ты сочинила стихи о том, что у тебя на душе и чего бы ты хотела, я, вероятно, смог бы тебе помочь.

Тогда Янь Жуй, нисколько не задумываясь, сразу же проскандировала следующие строки на мотив «Гадатель судьбы»:

*Не то чтоб понравилась мне
жизнь веселая эта —*

*Так уж сложилась судьба,
ввергнув в пучину меня.
Расцвести ли цветку,
лепестку ли опать —
Воля на это
владыки весны.
Останься, он скажет, —
останусь, конечно.
Уйти же когда-то —
придется уйти.
Вот если б цветком полевым
украсить прическу мою!
Не надо вопросов, не надо —
с кем и когда я уйду.*

Слова одобрения так и посыпались из уст Шанцина, когда она закончила скандировать.

— Я вижу, ты твердо решила сменить образ жизни, — сказал он наконец. — Ну что ж, это хорошо, и я тебе в этом помогу.

Шанцин тут же велел принести списки гетер, зачеркнул в них ее имя и рядом написал: «Разрешается перейти к иному образу жизни».

Янь Жуй, низко кланяясь, поблагодарила начальника и удалилась.

Некоторые тут же узнали об этом и один за другим стали приходить к Янь Жуй свататься, поднося тысячи ланов золота в виде первого подарка. Но Янь Жуй всем отказывала.

Между тем случилось так, что у одного из молодых людей, принадлежащих к отпрыскам императорской родни, умерла жена. Горе этого человека было так велико, что ни о чем он не хотел думать, забросил все и ничего не делал. Опасаясь за него, его друзья однажды решили уговорить его пойти развлечься в увеселительное заведение. Но куда бы они ни предлагали ему пойти, тот все отказывался; только когда заговорили о том, чтобы поехать к Янь Жуй, он согласился.

Увидев скорбное выражение лица гостя и узнав, что все это из-за смерти его жены, Янь Жуй подумала о нем как о человеке с большим и нежным сердцем, и мысль эта глубоко запала ей в душу.

Со своей стороны, молодой человек тоже отнесся с уважением к Янь Жуй и восхищался ею.

За вином оба пришли в прекрасное расположение духа, были довольны один другим, и молодой человек остался у Янь Жуй. После этого они стали часто встречаться и в конце концов он взял ее в наложницы. Янь Жуй про себя давно решила, что пойдет за него, и он оказался ее судьбой. Правда, она не могла стать титулованной дамой, но молодой человек, взявший к себе Янь Жуй, был очень доволен ею и вторично уже не женился. Жили они дружно, как настоящие муж и жена, и Янь Жуй счастливо провела с ним весь свой век. В этом можно усмотреть воздаяние неба за прямоту и честность гетеры. Впоследствии, вспоминая о Янь Жуй, люди говорили: «Уж кто действительно благородной души философ, так это она». И об истории Янь

Жуй даже сложили стихи в древнем стиле, в которых воздавалось должное ее благородству. Стихи эти гласили:

В Тайчжоу живет одна гетера,
и равных ей на свете нет;
Взмахнет лишь кистью — и о снеге
не хуже ода, чем у *Се.
Была блюстителем порядка,
когда начальник пир давал;
И коль подвыпьют, не позволит,
чтоб свечи вздумали гасить.
И вдруг по срочному приказу,
что сам инспектор отдавал,
За ней пришли, ее схватили,
и пыткам не было конца.
Но не нарушила нисколько
законов принятых она;
В своих ответах на вопросах,
как камень, кость, была тверда:
«Ничтожной, жизнь мне дорога ли?
Могу ль достойных очернить?»
Нет, не наказывают дважды,
когда вина всего одна;
Но власть имущих в том и сила —
пытали раз, пытали два.
Вы, благородные, твердите:
«Не лги пред совестью своей!»
Гетеру ж вынудить хотите
оклеветать других людей.
Забыли, что и так быть может,
как по Конфуция словам:
*«Хотя в тюрьму он был посажен,
но не за ним была вина».
Или, как преданный *Гуань Гао,
когда он князя защищал, —
В нем жизнь уже едва теплилась,
но все ж он на своем стоял.
А ныне женщина сумела
геройский подвиг совершить,
И, как министр Гуань Гао,
прославилась она в веках.
Когда ее освободили,
с усмешкой вышла из тюрьмы
И стих прекрасный написала
на ритм «Гадателя судьбы».
О полевом цветке мечтала,
чтоб им прическу оживить,
И муж достойный ей нашелся,
с которым в счастье прожила.

26. СОН ГОСПОЖИ ЦИ О ЧЕРЕПАХЕ, ПРЕДСКАЗАВШЕЙ ЕЕ СУДЬБУ

*Кругом голубые озера
и пышная зелень в горах.
Бесконечен путь долгий супругов,
к месту добраться спешат.
Без происшествий в дороге
многие дни провели,
И вдруг их беда разлучила,
по разным краям развела.
Но слезы не лейте,
не надо —
Связь их судеб не прервалась,
вместе им быть суждено.*

то стихотворение написано на мотив «Будто во сне». И скажу я так: вот живут муж и жена; словно лак, словно клей, связала их вместе любовь, и надеются они, что так и проживут сотню лет. Но каждому из них обычно судьбой предначертано свое: то ли судьба мужчины сильнее, и тогда он наносит вред женщине; то ли судьба женщины сильнее, и тогда ущерб будет мужу. Ведь в гадательной книге сказано: если в судьбе мужчины *«ян жэнь», значит, он лишится жены, а если в судьбе женщины окажется «шан гуань», то ей придется вторично выходить замуж. И коли уж что суждено, того не избежать. Бывает, правда, что судьба мужа не вредит жене, и судьба жены не в ущерб мужу, а вот случится непредвиденное, какая-то беда, и прекрасная пара — любящие муж и жена, которые друг от друга ни на шаг не отходят, — вдруг оказывается разлученной. Получается, что не очень-то соответствует действительности выражение:

*Жена и муж что птицы,
живущие в лесу одном, —
* Великий срок приходит,
и кто куда летит своим путем.*

Бывает, конечно, и так: расстанутся, и конец любви, больше уж никогда не встречаются. Это, в общем, случай обычный, и ничего в нем особенного нет. Но не удивительно ли, если муж с женой оказываются разлученными, а брачной судьбе их еще не пришел конец, и потом они снова встречаются и опять живут мужем и женой.

Вот, к примеру, случай. Некогда, во времена династии *Тан, жил князь Нин, младший брат императора *Сюань-цзуна. Жадный до женской красоты и плотской любви, князь, пользуясь тем, что он член императорской семьи, ни с чем не считался и позволял себе невесть что. Неподалеку от княжеского дома держал лавчонку один человек, который выпекал и продавал лепешки. Была у него жена — ростом не высока, не низка, нежна и изящна, белолица и краснотуба; красивый разрез ее глаз подчеркивали тонкие линии бровей; руки у нее были гладкие, словно мягкая, нежная травка, а ножки такие маленькие, что, ступая, она казалась самой красавицей *Пань, у которой под ногами рождались лотосы. Князь Нин как-то увидел ее, и душа его словно прилипла к ней. Тут же он послал людей, приказав привести к нему красавицу. Женщина хоть и не хотела расставаться с мужем, но вынуждена была следовать за людьми князя. Позволь себе такое простолудин, наверняка вынесли б ему суровый приговор, расценив его действие как насилие; самое легкое — сочли бы, что он обманным путем увел чужую жену, и тоже досталось бы ему немало. Но тут никто не посмел и слова сказать — ведь это был член императорской семьи! Конечно, по закону преступление, которое совершил член царствующего дома, наказывается так же, как преступление, содеянное простолудином, но это только пустые слова, потому что положению этому на деле никто не следовал, словно оно и не имело отношения к важным особам.

С тех пор как жена лепешечника оказалась в доме князя, он дни и ночи проводил с ней в любовных утехах. Его расположение к ней было исключительным. Соблазнительные, изящные и нежные красавицы, которыми полон был его дом, значили для него теперь не больше, чем ничтожные пылинки. Верно говорят: в глазах влюбленного любимая его затмила красотой *Си Ши. Так прошла пора весенних цветов, прошли дни осенней луны, незаметно промчался год. Поскольку любовь князя к женщине этой достигла крайнего предела, то постепенно чувства начали притупляться, и связь их стала для него простым обыкновением. Однажды в третьем месяце, когда пышно расцвела айва, князь Нин пил вино и любовался ее цветами. Жена лепешечника была с ним рядом. Глядя на цветы, она невольно проронила слезу. Князь Нин это заметил.

— Я к тебе так отношусь, пользуешься ты таким почетом, — сказал он ей, — разве тебе здесь хуже, чем со своим лепешечником, когда вставала рано и не ложилась допоздна? Не понимаю, что тяготит тебя, о чем льешь слезы.

Женщина стала перед ним на колени.

— Если бы я родилась в вашем доме, не о чем было бы мне вспоминать и ничто бы меня не тяготило, — отвечала она. — Но я попала к вам, когда уже была женой продавца лепешек. В этом и есть причина моих горестных мыслей и невольных слез.

— Почему же раньше тебя это не тревожило, а вдруг сегодня? — спросил князь, поднимая ее с колен.

— Есть и на это своя причина, — отвечала женщина. — Я ведь родилась в деревне, видела только цветы персика, сливы, абрикоса, *мэй и никогда не знала о цветах какой-то айвы. Но в прошлом году, когда мы с мужем продавали лепешки, я обратила внимание, как ваши люди проносили мимо нас эти цветущие деревца. Тогда я увидела их впервые и попросила мужа сорвать для меня один цветок. Когда он подошел к вашему дому и собирался сорвать цветок, ваш человек ударил его палкой по спине и отчитал: «Мы специально привезли эти деревья из Чанчжоу, а ты, ишь нашелся смелый какой, решил обрывать их!» Оказывается, цветы айвы обычно не пахнут. Только в Чанчжоу эти деревца и цветут, и имеют аромат. Поэтому вы и приказали доставить сюда эти деревья из Чанчжоу. Я стала тогда винить себя, что из-за меня мужа ударили палкой. И вот сегодня, глядя на цветы айвы, я вспомнила тот случай, подумала о муже, и невольно у меня навернулись слезы.

Князя охватило чувство жалости к женщине.

— Ты все еще помнишь мужа! Это хорошо, — проговорил князь. — Ну что ж, я велю привести его сюда, чтобы ты повидала его. Что ты скажешь?

Опустившись на колени, женщина ответила:

— Если мне удастся еще хоть раз взглянуть на него, я смогу *умереть с закрытыми глазами.

Князь снова поднял ее, понимающе кивая, и велел позвать продавца лепешек. Того тотчас привели. Явившись, он стал перед князем на колени, и, хотя голова его была низко опущена в земном поклоне, он все же тайком наблюдал за женой, не осмеливаясь при этом ни слезу проронить, ни поднять взор. Глядя на мужа, женщина вдруг громко разрыдалась; она уже не думала о том, что это может разгневать князя. Князь Нин по натуре своей хоть и был женолюбивым, но был он также человеком доброй души и при виде этой картины подумал: «Да, грех было с моей стороны, пленившись красотой этой женщины, разлучать ее с мужем». И он тут же велел принести сто *ланов золота, подарил их женщине, а продавцу лепешек сказал, что может забрать жену домой. В те времена *Ван Вэй в связи с этой историей сочинил стихи:

*Пусть в роскоши ныне,
в почете живет,
Но ей не забыть
любви прежних дней.
Слезу уронила,
смотря на цветы,
И с князем она
бесед не ведет.*

Эта история, где жена и муж расстались, а потом снова соединились, произошла не случайно. Прежде всего так получилось потому, что женщина была красива, а кроме того, жила возле дома князя

и целыми днями находилась у людей на виду; а, как говорится, богатство небрежно хранить — воров навлекать, лицо украшать — соблазнительней привлекать.

Ну, а теперь поведаю об одном молодом человеке, который вместе с женой поехал в другой город, чтобы там служить, и вышло так, что муж и жена потеряли друг друга. Эта история еще более печальна, чем история с князем Нином, который отнял жену у простолюдина, а встреча мужа с женой в этой истории куда удивительнее, чем соединение лепешечника с женой.

Произошло это в годы Южной *сунской династии, в период правления императора *Гао-цзуна. Фамилия молодого человека была Ван, звали его Цунши, жил он в *Бяньляне. С юношеских лет он стал *сюцаем, и ему удалось поступить в *Тайсюэ. Жена его, урожденная Ци, происходила из старинного рода, получила должное воспитание и образование. Жила эта пара в мире и согласии, но детей у них не было. Слуг в доме они не держали по недостатку средств.

Пришло как раз то время, когда Гао-цзун перенес столицу в город *Линьань, и в стране был настоящий разгул бандитизма.

По количеству лет, которые Ван Цунши проучился в Тайсюэ, ему *полагалось уже вот-вот получить какую-нибудь небольшую должность. И он стал советоваться с женой:

— Мне только двадцать четыре года, пошел двадцать пятый, и следовало бы, конечно, добиваться того, чтобы держать экзамены на высшую степень и тогда получить более высокое назначение. Однако живем мы бедно, да и бандиты теперь свирепствуют повсюду, а район Бяньляна — место, где они постоянно промышляют. Сейчас их здесь нет, но если снова налетят, то, может, мы и не погибнем от их ножей, но угонят они нас куда-нибудь, и придется до конца своих дней жить где-то в чужом краю. И вот я надумал: не уехать ли нам вместе в Линьань. Получу я там хоть и незначительную должность, зато по крайней мере жить будем спокойно; отслужу свой срок, и, если все поутихнет, снова вернемся к себе на родину. Если же войне и смуте и к той поре не настанет конца, можно будет и вообще остаться в Линьани. Что ты на это скажешь?

— Что я, женщина, понимаю в подобных делах! — отвечала Ци. — Решайте сами. Как решите, так и будет.

— Я уже все продумал, и сомнений у меня никаких нет, — сказал ей на это Ван Цунши.

Муж и жена начали собираться в дорогу, избрали *благоприятный день и двинулись в путь. Дом свой, мебель и прочее они поручили родственникам, чтобы те присматривали. Ехали они водным путем и без особых сложностей добрались до Линьани. И тут великолепное зрелище представилось их взору:

*К небесным высям
тянутся вершины Фэнхуан,
Гора Циньван
пронзает облака;
Причудливых камней нагроможденье
как будто отгораживает солнце,*

И всюду средь расщелин горных
 цветет прелестным цветом мэй.
 Гора Тяньчжу, гора Фэйлай
 стоят одна перед другою;
 Неужто правда, что *Фэйлай
 сюда из Индии попала?
 Вершины гор Ваньсун и *Фэнхуан
 грядями стелются отсюда,
 И в них берут свое начало
 источники чудесных вод.
 Вид озера великолепный
 тут пред глазами предстает;
 На всех *шести мостах и персики и ивы
 уж знают, что пришла весна;
 Вершинами высоких гор
 весь город окаймлен.
 И стены, башни городские здесь хороши так,
 что хоть пиши картину с них.
 Беседок, что стоят красиво над ручьями,
 нельзя и перечесть:
 Беседка аистов, отпущенных на волю,
 Беседка сновидений и другие;
 И только если сам побудешь в тех краях,
 поймешь всю прелесть их.
 Но хватит ли тебя на то,
 чтоб всем полюбоваться?!
 *Ду Му могила здесь,
 там вот *Линь Бу могила —
 Поклон свершаешь и скорбишь
 о мудрецах ушедших.
 И надо знать, что *пагоды вокруг —
 из десяти — одна со шпилем.
 Какой чиновник, пусть хоть самый честный,
 покинет добровольно этот край!

Прибыв в Линьянь, Ван Цунши сразу же стал искать, где бы им остановиться. Не зная этого огромного города, он снял комнату в районе Баоцзяньин, который был местом увеселительных домов. Каждый вечер наряженные в пестрые платья женщины стояли здесь возле ворот, ожидая гостей. И поскольку жили тут *гетеры, то прохаживались вокруг и праздные молодые люди, разодетые в халаты с огромными рукавами и широкими поясами. Эти люди искали встреч с гетерами, и не удивительно, что они приходили сюда; невероятным казалось другое: сюда приходили даже те, у кого ни гроша не было за душой, — так, чтобы просто посидеть, попить чаю в веселом заведении. Поэтому в Баоцзяньине всегда царило чрезвычайное оживление: ведь туда, где полно гетер и праздной молодежи, стекаются и продавцы-лотошники, которые торгуют вином и мясом, стихами и картинами, старинными безделушками и драгоценными камнями, шелковыми накидками и платками, кошельками и душистыми мешочками; продают тут и средства для любострастия, масло для волос, пудру, помаду. Ну а где собирается подобный люд, там околачиваются и те, кто кур ворует, кто срезает карманы и подвески, кто обманным путем уводит

замужних женщин, — словом, жулики всякого рода и подозрительные мелкие людишки. Ничего этого не ведая, Ван Цунши снял в Баоцзяньине комнату, нанял паланкин и отправился за женой.

Оказывается, в Линьани — и среди чиновников, и среди простых горожан — было принято пользоваться прохладными паланкинами. Такой паланкин, закрытый пологом из материи, спереди не имел занавески, а если она и была, то ее всегда откидывали и все видели, кто сидит в паланкине, но люди, сидящие в нем, не придавали этому никакого значения. Разумеется, жена Ван Цунши, госпожа Ци, ехала именно в таком паланкине. Госпожа Ци была хороша собой, и, когда она прибыла на место, все невольно обратили на нее внимание. «Откуда взялась эта женщина? Какая прелестная!» — говорили, глядя на нее, люди. Но вот, оказывается, красота-то ее и навлекла невероятную беду. Действительно:

**Зайца губит шерсть его,
черепаху — панцирь.*

Итак, Ван Цунши с женой прибыли на место нового жительства. Они сразу же поняли, что попали в окружение, совсем для них не подходящее, и очень этим огорчились. А когда наступил вечер и гетеры стали принимать гостей, то здесь пили, там пели; с одной стороны, громко крича, *играли в пальцы; с другой — играли в кости; сверху от соседей доносились звуки скрипки; откуда-то снизу — звуки флейты — словом, шум и гам стоял целый вечер и прекратился лишь глубокой ночью. Ван Цунши с женой жить тут было и беспокойно и неприлично. И однажды они заговорили о том, что надо куда-то переехать.

Как это ни покажется странным, дома в Линьани строились так, чтобы лишь внешне все выглядело хорошо. Внутри же помещение от помещения отделялось камышом; камыш обмазывали слоем глины, белили известковой водой, и считалось это побеленной стенкой. Поэтому люди не только слышали каждое слово, которое произносилось у соседей, но *знали даже, когда там оправлялись. Рядом с Ван Цунши за такой перегородкой жила гетера. Звали ее Лю Сай. Она часто встречалась с одним мясником, неким Чжао Чэном. Человек этот обладал недюжинной силой и воровской сообразительностью; он постоянно помогал кому-нибудь в судебных делах, устраивал сборища, где играли в азартные игры, а сам *получал проценты с выигрыша, давал в долг кому надо было из игроков в случае их проигрыша, частенько захаживал в казенные учреждения навестить кого-нибудь или подкупить там служащих. Водил он дружбу с бездельниками, и стоило ему лишь кликнуть клич, как они тут же являлись и готовы были на все что угодно: надо было бить — били, ограбить — грабили, угрожали смертью, шантажировали, уводили детей и женщин, а потом продавали их; он содержал воров, прятал краденое и награбленное, обвинял кого вздумается в прелюбодеянии, выступал свидетелем, давая ложные показания, толкал людей на грабеж, бандитизм. Лю Сай встречалась с Чжао Чэном вовсе не потому, что он был ей по душе, она просто боялась его и не решалась ему отказывать.

Когда Чжао Чэн увидел госпожу Ци, у него сразу зародилась коварная мысль. Но сначала надо было уяснить, что собой представляют эти вновь прибывшие, и потому он все время околачивался у Лю Сай, пил у нее, ночевал у нее. И вот когда Ван Цунши советовался с женой относительно переезда, то, хоть разговаривали они тихо, Чжао Чэн все же кое-что расслышал, понял, что к чему, и разлился: «Ишь какой умник! Поселился здесь, ну и живи! Ему, видите ли, одно не нравится, другое не по душе. Переехать вздумал! Ладно, посмотрим, куда ты переселишься...»

В тот день и час, когда Ван Цунши отправился искать комнату, Чжао Чэн тайком последовал за ним. Допустив поначалу оплошность с жильем, Ван Цунши решил теперь найти какое-нибудь тихое, спокойное место и потому пошел в район ворот Цяньтан. Здесь он подыскал помещение, которое ему приглянулось, и стал расспрашивать о соседях. Оказалось, что живут вокруг деловые, торговые люди, и тогда Ван Цунши снял комнату.

Вернувшись, он рассказал об этом жене, и они выбрали благоприятный для переезда день. Чжао Чэн знал теперь до малейших подробностей, куда и когда переезжают супруги.

У Ван Цунши не было прислуги, все приходилось делать самому. И вот в день переезда, когда жена его уже собрала сундуки и короба, Ван Цунши сказал ей:

— Я возьму вещи и пойду с носильщиком, потом найму паланкин и вернусь за тобой.

С этим он ушел, а госпожа Ци осталась ждать. Через некоторое время к ней вошли двое мужчин.

— Господин Ван велел нам препроводить вас на новое место, — сказал один из них. — Паланкин ждет вас на улице.

Ци вышла и села в паланкин. Носильщики тут же опустили переднюю занавеску, подняли паланкин и понесли.

Сколько они прошли, она не знала. Возле ворот какого-то дома носильщики остановились. Госпожа Ци вышла из паланкина и направилась в дом. Но мужа ее здесь не было. Перед ней стояла компания каких-то людей, явно не внушающих доверия.

Оказывается, когда Чжао Чэн через перегородку услышал, что Ван Цунши отправляется сопровождать багаж, а жене велит дожидаться дома, он тут же приказал двоим из своих людей взять паланкин и увести госпожу Ци. И хотя в Линьани не было принято опускать переднюю занавеску на паланкине, Чжао Чэн, опасаясь, как бы Ван Цунши на обратном пути не заметил жену, велел опустить занавеску. Так госпожу Ци доставили к Чжао Чэну.

Женщина поняла, что случилось неладное. Лицо ее потемнело от страха, и, повернувшись, чтобы уйти, она сказала, обращаясь к носильщикам:

— Вы ведь говорили, что господин велел препроводить меня туда, где он снял комнату. Почему же доставили меня сюда? Живо отвезите куда следует.

Носильщики, ничего не ответив, разошлись, а Чжао Чэн тут же подозвал одного из своих молодцов; вдвоем они схватили несчастную за руки и потянули за собой.

— Ваш господин велел вам здесь дожидаться. Он сейчас придет, — заявили они.

Слабой и хрупкой женщине было, конечно, не справиться с ними, и они завели ее в дом.

— Кто вы? Как смеете позволять себе такое! — кричала Ци. — Мой муж не какой-нибудь простолоудин. Он сюда из Бяньляна и прибыл за назначением на должность. Немедленно отправьте меня к нему. Иначе будете за это в ответе.

— Ну зачем так волноваться!?! — улыбаясь, произнес Чжао Чэн. — Поживете здесь парочку дней, и отправим вас обратно.

— Что вы чушь городите! Я жена порядочного человека, разве я могу остаться тут!

Все продолжая улыбаться, Чжао Чэн, чуть склонив голову набок и почти касаясь ее лица, проговорил:

— Госпожа, вы из Бяньляна, я живу в Линьани, небо даровало нам счастливый случай встретиться, а вы говорите этакое!

Разгневанная, Ци ударила его по лицу.

— Голову тебе надо срубить, негодяй! — бранилась она. — В этакое время, когда все люди живут как люди, ты осмеливаешься обманным путем завлекать к себе порядочных женщин. Да знаешь ли ты, чего за это заслуживаешь?

Получив пощечину, Чжао Чэн разозлился.

— Ах ты, мерзавка! К тебе относятся с почтением, а ты избражаешь тут из себя! — кричал он. — Госпожа ты там или не госпожа, мне до этого нет дела, но уж раз попала ко мне, то имей в виду — зря слов на ветер не бросаю — улететь отсюда не сумеешь. Подумаешь, недотрога! Тут моя воля: захочу — отправлю на тот свет, захочу — оставлю в живых.

Госпожа Ци понимала, что попала в руки мошенников и муж об этом ничего не знает. «Не выбраться мне отсюда, остается одно — умереть», — решила она и снова закричала на Чжао Чэна:

— Бандит ты этакий! Убийца! Убей меня, убей!

— Ах, ты хочешь смерти! Так нет, не будет того, а будет по моему, — отвечал Чжао Чэн.

Кто-то из присутствующих стал увещевать Ци:

— Послушай-ка! Так просто отсюда тебе не вырваться. Подчинись, тебе же будет лучше!

Ци готова была броситься хоть в колодец, хоть в омут, накинула бы на себя петлю. Но ее окружили, ей и с места не давали сдвинуться. Ци разрыдалась. Она плакала, бранилась и снова плакала, в отчаянии колотила себя в грудь, топала ногами, билась головой о стенку; волосы ее растрепались, даже туфельки слетели с ног. Но неужели же Чжао Чэн, который получил пощечину да еще такую порцию брани и слез, неужели он не мог силой ее утихомирить? Все дело в том, что она так понравилась ему и ему так хотелось обладать ею, а еще больше — подладиться к ней по-хорошему, что он не отваживался выпускать свои тигриные когти, надеясь уладить все постепенно.

— Ладно, не обращайтесь на нее внимания! — бросил он своим людям. — Видать, не обойдется дело без хороших плеток, не утихомирится так.

Вскоре подали вино и еду. Все принялись есть, а Ци продолжала плакать. Пообедав, Чжао Чэн выпроводил приятелей, позвал свою жену — Хуа, служанок, *вторых жен — всем им приказал быть возле Ци и зорко следить за ней.

Оказывается, у Чжао Чэна была жена, две вторые жены и несколько служанок. То одна, то другая из женщин успокаивали Ци, принесли ей в тазу теплой воды, чтобы она умыла лицо, но Ци продолжала плакать.

Хуа, старшая жена Чжао Чэна, говорила:

— Железу страшно в печь попасть, человеку — в пропасть упасть. Не вырастут же у тебя крылья, чтобы на небо взлететь! Так уж лучше не противься.

— Что значит «не противься»?! — закричала Ци.

— Это значит провести несколько ночей с нашим стариком, понравиться ему, пойти к нему в младшие жены, — отвечала Хуа. — Или же стать женой кого-нибудь из близких его друзей, или же согласиться, чтобы он продал тебя в какой-нибудь богатый дом, где ты будешь потом стоять возле ворот и встречать гостей. Все это можно назвать «не противься», — продолжала жена Чжао Чэна. — Но все зависит от того, чему именно ты захочешь не противиться.

Услышав такое, Ци стала еще пуще плакать, разрыдалась, начала метаться, биться так, что у нее даже узел на голове распустился и из волос вдруг вылетела золотая шпилька. Ци поспешила поднять ее. Это была шпилька, которую в свое время Ван Цунши поднес ей в качестве сговорного дара, и Ци очень дорожила ею; на шпильке было написано: «Сто лет быть вместе Вану и Ци!» Пока Хуа втолковывала госпоже Ци что к чему, Чжао Чэн выпил еще несколько чарок вина. Страсть в нем разгорелась. Растрепанная и заплаканная, женщина стала ему казаться еще более привлекательной. Не в силах сдержать себя, он подбежал к ней, обхватил обеими руками, намереваясь поцеловать. Ци, взбешенная, ткнула Чжао Чэна в лицо шпилькой, которую только что подняла, и та чуть ли не наполовину вонзилась ему в правый глаз. От нестерпимой боли Чжао Чэн оттолкнул руку Ци вместе со шпилькой, из глаза брызнула кровь, и Чжао Чэн упал.

Началось невообразимое: жены Чжао Чэна и служанки — кто засыпал ему глаз порошком, кто накладывал повязку, кто ругал Ци, кто бил ее. Долго Чжао Чэн не мог прийти в себя, а когда очнулся, преодолевая боль, сказал:

— Ладно, ладно. Не хочешь ты со мной — и пусть, но глаз-то зачем мне испортила! Ты, тварь дешевая, не знаешь, наверно, что за поврежденный глаз полагается отдать человеку половину всего, что имеешь. Вот ты у меня узнаешь.

Служанки под руки увели Чжао Чэна в спальню и послали за врачом. При этом Чжао Чэн наказал женам следить, как бы Ци не покончила с собой. В стихах говорится:

*Нераздельною парой летят над рекой
птицы цзянь,

*Своею стрелой птицелов
разлучил их;
В клетку попав, хоть ты к небу взывай,
с другом, увы, не сойдешься.*

Но вернемся к Ван Цунши. Оставив вещи на новом месте, он сразу же нанял паланкин и вернулся за женой. Двери в помещение, которое они раньше занимали, были распахнуты настежь, а жены Ван Цунши нигде не обнаружил. Тогда он обратился к соседям, но те отвечали, что ничего не знают. Только Лю Сай сказала:

— Совсем недавно ее унесли в паланкине. Разве это были не вы?

Услышав такое, Ван Цунши не знал, что и делать: был он из другого края, в Линьань попал впервые, знакомых и друзей у него здесь не было; а один — как он мог ее найти! Несколько дней подряд колесил он по городу, но никаких следов жены не обнаружил. Не зная, как излить свои горе и возмущение, он направился в областное управление Линьани и подал жалобу о пропаже жены, причем в жалобе этой даже привлекал к ответу соседей. А соседями его были за одной стенкой — Лю Сай, за другой — старик из Наньсю, который зарабатывал тем, что делал соевый творог. Фамилия его была Лань, лет ему было под семьдесят, и все звали его *«Старик Лань» или «Голубой творог». Правитель области Линьань вызвал Лю Сай и старика Ланя, но ничего не мог от них добиться. Тогда он приказал дать объявление о розыске и разрешил отпустить на поруки Лю Сай и старика Ланя. Когда Чжао Чэну, который лечил глаз и не выходил из дома, стало известно, что на Лю Сай подали жалобу, он дал знать своим дружкам, чтобы ее взяли на поруки, заодно с ней — и старика Ланя.

Подавая жалобу, Ван Цунши надеялся найти хоть какие-то следы жены, но оказалось, что он лишь зря потратил немалые деньги и что ему по-прежнему остается только ловить ветер да хватать тень.

С той поры он ходил подавленный, поникший. От нанятого помещения он теперь отказался и поселился в гостинице. Дожидаясь назначения на должность, Ван Цунши продолжал разузнавать о жене. Но явно:

*Камень в море потонул —
где его искать!*

**Бьет волна по пузырям —
круглыми не быть!*

Но вернемся теперь снова к Чжао Чэну. Хотя из-за госпожи Ци он и потерял глаз, но желание обладать ею у него не пропало. В то же время не раз он подумывал: «Бабенка эта упряма, вероятно, не судьба мне быть с ней. Может, не теряя времени, найти на нее подходящего покупателя?»

Случилось так, что как раз в это время один человек, недавно выдержавший экзамен на степень *цзиньши, получил назначение на должность начальника уезда Сианьсянь в области Цюйчжоу. Фамилия

его тоже была Ван, звали его Цунгу, родом он был из *Усяни, что в округе Пинцзянфу. Ему уже давно перевалило за сорок, но детей он не имел, поэтому и решил в Линьани купить наложницу. Он говорил, что для него не имеет значения, была женщина замужем или нет, главное — была бы красива, добронравна и порядочна, а о цене он, мол, и спорить не станет.

Чжао Чэн не впервые похищал женщин, а потом продавал их, поэтому у него были уже и постоянные посредники в подобных делах. И вот, когда один из посредников Чжао Чэна узнал о намерении Ван Цунгу и прилетел сообщить об этом Чжао Чэну, тот сразу решил продать Ци этому человеку. Однако действовать быстро он не отважился — боялся, что Ци не согласится. Поэтому он приказал жене поговорить с Ци и посмотреть, как та к этому отнесется.

Рассказывая Ци о господине Ване, Хуа даже приврала:

— Жена у нового начальника уезда Сианьсянь умерла, и хотя он говорил, что берет наложницу, на деле же она у него будет первой женой. А раз ты не хочешь быть с моим стариком, так не лучше ли тебе выйти за такого человека и снова стать госпожой.

«Слова эти заслуживают внимания, — подумала госпожа Ци. — Здесь оставаться — и умереть не умереть, и с мужем не встретиться, да и конца такой жизни не видать. А потом: жили мы с мужем в любви и согласии, и разлучил нас этот бандит, да и не только разлучил — он унизил меня, так зло со мной обошелся, что, если я не отомщу ему за все, глаза мои спокойно не закроются после смерти. Думаю, что мне остается одно, — размышляла она, — стерпеть позор и как-то выжить. Придется случаем этим воспользоваться, чтобы вырваться отсюда. Тогда можно будет думать и о том, как отомстить негодяю. И вот еще: слышала я, что Сианьсянь — недалеко от Линьани, а муж мой рано или поздно, но получит какую-нибудь должность, и если только небо пожалеет невинно пострадавших и впоследствии появится возможность разузнать, где он служит, тогда рассказать этому человеку, как меня украл, и кто знает — глядишь, этот образованный человек и посчитается с подобными себе, и снова нам удастся воссоединиться с мужем. Может быть, и отомстить за все удастся. А оставаться в заточении, не ведая, где находишься, не зная даже имени своего мучителя — то ли он Ли, то ли Чжан, — значит, совсем быть беспомощной». Так она думала и передумывала, и стыдно ей было, и неудобно было давать согласие. Облокотившись на столик, она заплакала.

Хуа стояла рядом, смотрела на Ци и ждала ответа. Когда Ци склонила голову и заплакала, Хуа заметила в ее волосах золотую шпильку и потихоньку стала вытягивать. Почувствовав это, Ци вскинула голову, но шпилька была уже в руках жены Чжао Чэна. Ци бросилась отнимать ее, но Хуа вырвалась и молнией вылетела из комнаты. «Это ведь сговорный дар от моего мужа. Это сокровище, которым я спасла себя от бандита, — думала Ци, громко рыдая. — А раз шпилька попала в чужие руки, не суждено, значит, снова мне свидеться с мужем». Теперь она уже думала не о том, чтобы выйти замуж, а о том, как бы покончить с собой, и все плакала и плакала.

В глазах у нее потемнело, и незаметно для себя она заснула. И приснился ей сон, будто к ней подползла огромная черепаха. Госпожа Ци вообще очень искусно готовила блюда из черепахи, поэтому, увидев черепаху, она схватила нож, чтобы разделать ее. Но тут черепаха высунула голову. Госпоже Ци стало страшно, невольно она опустила руку и вспомнила о золотой шпильке, которая сразу каким-то образом очутилась у нее в руке. Она швырнула шпильку в черепаху, тут же ей стало жаль шпильку, она бросилась искать ее, хотела поднять, только шпильки нигде не оказалось. В это время черепаха еще больше вытянула шею и заговорила: «Госпожа Ци, госпожа Ци! Ты не жалеяй меня! Но убивать меня рано и варить меня тоже рано. О золотой шпильке не думай: найдешь — ладно, не найдешь — тоже ладно. Не думай о муже. И с этим Ваном не всё, и с тем Ваном тоже не всё». От удивления, что черепаха заговорила, Ци закричала, взяла нож, собираясь ударить им черепаху; но тут черепаха схватила ее за кисть, и от нестерпимой боли женщина проснулась.

«Муж мой всегда любил есть черепаху, и я часто готовила ему это блюдо, — подумала Ци. — Неужели теперь приходится расплачиваться разлукой за то, что мы убивали живые существа?»

— Так согласна ты или не согласна? — перебила ее мысли жена Чжао Чэна, которая снова явилась за ответом. — Говори же наконец! Ведь человек ждет!

Ци ничего не оставалось, как, преодолевая себя, дать согласие. Узнав о решении Ци, Чжао Чэн подумал: «Бабенка она норовистая. Уйдет отсюда, глядишь, расскажет этому Ван Цунгу все, как было. Ведь известно, чин чина выгораживает — начальник этот может обозлиться и придрататься ко мне. Тогда несдобровать. Надо устроить так, чтобы она вообще не смогла узнать, где находится». Поэтому он велел посреднику говорить, что его фамилия не Чжао, а Ху. Тот понял его с полуслова. Отправившись на джонку к Ван Цунгу, посредник рассказал ему о женщине, которую собираются продать, и было решено, что на следующий день Ван Цунгу сам поедет взглянуть на нее.

Тем временем Чжао Чэн нашел укромное место, куда и перевез госпожу Ци. С ней отправилась и жена Чжао Чэна. К полудню туда прибыл Ван Цунгу с посредником. Он увидел прелестное лицо, тонкую, стройную фигуру госпожи Ци и остался очень доволен. Ван Цунгу уехал, а через некоторое время к Ци снова явился посредник, на этот раз в сопровождении людей, которые привезли с собой тридцать тысяч монет в качестве сговорного дара. Госпоже Ци, как она ни стеснялась, пришлось приодеться, причесаться и сесть в паланкин. Она не сумела остаться женой одного человека, но выходила за другого, все-таки соблюдая все положенные при этом правила. И это было лучше, чем заживо похоронить себя в доме отъявленного негодяя.

Конечно, тем, что Ци вышла замуж вторично, она нарушила долг чести, но в доме Чжао Чэна за ней строго следили, покончить с собой она не могла, к тому же она не оставляла мысли о том, чтобы отомстить врагу. А если бы она покончила с собой, то никогда бы уж не встретилась с первым мужем и не отомстила бы за себя. И вот

в те времена сложили о ней стихи, но в них вовсе не осуждали ее за то, что она, будучи похищенной, подчинилась обстоятельствам.

В стихах говорилось:

*Хотя и думали супруги
пожить пока в столице новой,
Но шквал обрушился на них —
они друг друга потеряли.
Нет, на востоке не ужиться
тому, кто с западных краев, —
Добрались только до востока,
и темный вечер встретил их.*

Итак, Ци села в паланкин и выехала из Линьани. Джонка Ван Цунгу стояла возле устья реки, и там, на джонке, они стали мужем и женой. Ван Цунгу взял себе вторую жену только для того, чтобы она родила ему сына, но Ци была так хороша собой, что, счастливый, он предавался любовным усладам больше, чем следовало бы. Что касается Ци, то она, как женщина порядочная и благовоспитанная, считала для себя позором и то, что ее увели, и все то, что с ней случилось потом. Не удивительно поэтому, что она все время пребывала не в духе, на вопросы Ван Цунгу отвечала с неохотой, еле-еле. Ван Цунгу решил, что она еще стесняется его; ему и в голову не приходило, что у нее на душе что-то свое.

После женитьбы Ван Цунгу решил, не задерживаясь, отправиться в путь, и джонка отчалила. Они проехали города Фуян, Тунлу и направились к *Саньцюй. Почему же место это называлось Саньцюй? А потому, что сюда врывался сильный поток и здесь разделялся на три течения. Следует сказать, что Цюйчжоу, куда они держали путь, согласно делению видимого неба соответствовал участку созвездий *Пастуха и Ткачихи. Во времена *Чуньцю эта местность была западной окраиной земли царства Юэ и называлась Гуми, при *Цинь ее называли Таймо, при *Поздней Хань — Синьань, при *Суй — Саньцюй, а при династии Тан этот район стал именоваться Цюйчжоу; при Сун это была область Цюйчжоу и главным ее городом был Сиань. Когда Ван Цунгу прибыл в Сиань, он, как положено, нанес соответствующие визиты начальству и вскоре приступил к своим обязанностям. Как обычно, в его ведении были военные, судебные, брачные дела, а также все, что связано со сбором налогов и зерна, с земельными реестрами, прочими земельными вопросами, со списками населения и тому подобным. Находясь на посту начальника, он считал своим долгом восстанавливать справедливость, защищать обиженных сильными, бороться с преступниками, казнокрадами, жуликами и любыми другими нарушителями закона. Простые люди были ему благодарны за это, уважали его, называли даже «всевидящим божеством». Чист он был, как вода: ничего ни от кого не брал; и в самом Сиани, и в окрестностях города — всюду было спокойно и мирно. Поистине,

*Долгожданный дождь прошел —
люди пахут землю;*

Надо сказать, что Ван Цунгу достиг своего в жизни, будучи уже немолодым. Когда он собирался ехать за назначением, то хотел взять с собой и свою жену, госпожу Ань. Но та сказала ему:

— Нам обоим уже под пятьдесят, и у нас нет детей. Врачи правильно говорят, что если женщина до сорока девяти не родила, ей уж не рожать. А тебе еще жить и жить. Так лучше уж возьми себе вторую жену, родит она тебе сына — продолжателя рода, и служи ты себе на службе, а я останусь здесь, буду поститься и молиться.

Решив поступить так, как советовала жена, Ван Цунгу, прибыв в Линьянь, взял себе вторую жену и отправился с ней в *Сиань. Его сопровождали двое слуг — муж и жена, и в Сиани, кроме госпожи Ци, никого из близких у него не было. Но госпожа Ци все думала о первом муже и всегда была грустна и печальна. Время летело быстро, незаметно прошло два года.

И вот однажды в *праздник осеннего полнолуния, когда в окно светила яркая круглая луна, Ван Цунгу, сидя у себя в кабинете, воспурил ароматные свечи и попивал чай, любуясь луной. Рядом с ним сидела Ци. Видно было, как тени от высоких платанов отражались на каменистом берегу озера Тайху. Вокруг было безлюдно и тихо. Картина навевала грусть, а тут еще нет-нет да и донесется откуда-то крик журавля и как бы в ответ ему раздастся стрекотание сверчка. Поэтому дом, где они сидели в такой праздничный вечер, скорее походил на монастырский двор, чем на казенное учреждение, да и то, пожалуй, на монастырском дворе не было бы такой тоскливой тишины.

Воспользовавшись моментом, Ван Цунгу спросил у жены:

— Вот уже два года, как ты со мной, и я никогда не видел тебя с ненахмуренными бровями. Отчего это?

— Печальный у человека вид или радостный — на то всегда есть причина. Когда на душе весело, на лице тоски не выразишь, а если на душе тяжело — то уж тем паче лицо радостью светиться не будет.

— Я никогда не относился к тебе как ко второй жене, всегда уважал в тебе твой благодетельный нрав, признавал и твои таланты. Так почему ты мне не скажешь наконец откровенно, в чем дело? — продолжал Ван Цунгу, не удовлетворенный уклончивым ответом.

— Я — женщина, потерявшая честь. Что во мне хорошего! — отвечала Ци. — Не заслуживаю я того, чтобы вы так ко мне относились.

— Ладно. То, что ты вторично замужем, что ты из Бяньляна, это известно, об этом не будем говорить. Но все-таки муж-то твой жив или умер? И почему в Линьяни ты жила у какого-то Ху?

— Ах вот как! Значит, фамилия того человека, который меня продал, Ху?

— Ты ведь жила у него. Неужели не знаешь, что его фамилия Ху? — недоумевал Ван Цунгу. — Так кто же все-таки твой муж?

— Я сама опозорена, раз была кем-то продана, а если скажу, кто был моим мужем, то и его опозорю. Уж лучше не говорить, тем

более что расстались мы уже больше двух лет назад, и жив он или нет, теперь это не имеет значения, — ответила Ци, вздыхая, и из глаз у нее потекли слезы.

Горестные слова жены и ее печальный вид подействовали на Ван Цунгу — ему стало не по себе, что он взял в жены чью-то проданную жену, и спать он отправился в подавленном настроении. Когда муж заснул, Ци прямо на стене в его кабинете написала стихи:

*Из-за выгоды ничтожной
не стоило стараться,
Опрометчиво решенье
в Линьань перебраться.
* Не родные братья вы —
знаю я прекрасно,
Но об имени другого
можно догадаться.*

Написала и тоже отправилась спать. На следующий день, когда Ван Цунгу увидел на стене стихи, он понял, что написала их жена, и задумался над их смыслом: «„Ничтожна выгода“ — значит, ее муж приехал в Линьань из-за какой-то выгоды или чтобы добиться какого-то положения, и тут они потеряли друг друга — это ясно. Что касается остальных строк, то, по-видимому, в них намек на фамилию и имя ее мужа. Но как же это разгадать?» Тут в комнату вошла Ци, принесла чай.

— Я понял смысл твоих стихов, — сказал он ей. — И если когда-нибудь я узнаю что-либо о твоём муже, непременно сделаю все, чтобы вы с ним воссоединились.

Ци опустила на колени.

— О, желаю вам сотни лет богатства, знатности и полного дома потомства, — говорила она, вся сияя.

Вот уж действительно впервые за два года разомкнулись ее брови и она заулыбалась. Глядя на нее, Ван Цунгу лишь кивал и мысленно воздавал ей должное за то, что она не забыла своего первого мужа.

Прошел еще год. И вот однажды, когда Ван Цунгу собрался сесть за дела, уездный астроном доложил:

— Явился с визитом новый ведающий учебными делами уезда.

Перед тем как выйти к гостю, Ван Цунгу просмотрел его бумаги. Оказалось, что это уроженец Бяньляна, двадцати восьми лет вступивший на служебный путь по окончании срока пребывания в государственном училище, что был он сначала назначен помощником ведающего учебными делами в Хучжоу, а теперь его повысили и перевели на должность сюда. Фамилия его была Ван, имя — Цунши. Обратив внимание на то, что человек этот носит ту же фамилию, что и он сам, а имена их отличаются лишь незначительно, Ван Цунгу вспомнил о стихотворении жены, о строках, где она писала, что, мол, знает: не родные они братья. «Неужели это он и есть? — подумал Ван Цунгу. — Что ж, надо будет это иметь в виду». Он вышел принять Ван Цунши в гостиную, где они, как подобает, приветствовали друг друга.

С тех пор начальник и ведающий учебными делами стали встречаться то по делам службы, то по личным, и с каждым днем их отношения становились все ближе. Их общению как общению гостя и хозяина ничто не мешало; кроме того, оба они были людьми учеными, всегда находили общее в разговорах, и выпить вместе кубок-другой вошло у них в обыкновение. Так незаметно прошел еще почти год.

Следует сказать, что к югу от Цюйчжоу возвышалась гора Ланькэшань. Согласно преданию, это была восьмая обитель бессмертных *даосов, и вот некогда, во времена династии *Цзинь, один дровосек, по имени Ван Чжи, отправившись в горы рубить лес, увидел там двоих отроков, играющих в *облавные шашки. Ван Чжи положил на землю топор и стал наблюдать за игрой. Отроки еще не успели закончить партию, а у Ван Чжи уже сгнило топорище. В связи с этой легендой гора и получила название Ланькэшань, то есть Гора, где сгнило топорище. Сюда приходили погулять, полюбоваться природой и чиновники, и простой люд. И вот однажды, ранней весной, Ван Цунши приготовил яства, вино и послал приглашение Ван Цунгу пойти вместе с ним в эти горы полюбоваться цветами мэй. Ван Цунгу тут же оставил все дела, сел в паланкин и явился по приглашению. Ван Цунши пригласил также и своего помощника, господина Е, разделить с ним трапезу. Господина Е звали Чуньлинь, был он родом из уезда Лэцин. И вот они втроем в будничной одежде и простой обуви, держась рука об руку, медленно отправились в горы. Там, расположившись прямо на земле, они пили вино и любовались цветами. День выдался теплый, веял слабый ветерок, и с его дуновением нет-нет да и долетали до них, словно рыба чешуя, лепестки цветов. Одни попадали на одежду, другие — прямо в вино.

— В эту прекрасную пору, когда все вокруг так удивительно красиво, было бы грешно не взяться за кисть, — заметил Ван Цунгу и предложил: — Пусть каждый из нас возьмет по рифме и сочинит на нее стихи об окружающей нас красоте. Тогда останется память о чудесном настроении в этот чудесный день.

— Великолепно! — отозвался Ван Цунши и протянул начальнику уезда захваченные с собой листки с рифмами. Тот взял листки, вытянул первый попавшийся, и оказалось, что ему досталась рифма на слово «ху» — «чайник». Затем Ван Цунши поднес свои листки Е Чуньлиню. Тому досталась рифма «сянь» — «бессмертный». Ван Цунши взял листок себе, у него оказалась рифма «ци» — «жена». Он невольно опечалился. К тому же и задача была нелегкой: слово «жена» никогда не употребляли, если писали стихи на темы любования цветами, прогулки в горах и другие подобные темы. Напоминание о жене задело его — человека, оставшегося без жены, — за душу, и он лишь вздохнул, предавшись своим мыслям. Ван Цунгу и Е Чуньлинь, конечно, знать этого не могли. Взяв кубок в руку, Ван Цунгу стал *скандировать:

*Цветет в горах весенних мэй,
и нет на сердце скуки;
На ветке пташечка сидит,
щебечет: * «Чайник в руке!»*

*Но если не воспеть в стихах
*Цзиньгу, красу небес,
То лучше уж назвать себя
«пьянчугой гаоянским».

После него проскандировал Е Чуньлинь:

*Смотрим мы на прелесть гор,
денег не затратив;
Мэй любуемся цветами,
нежной их красою.
Как же ветку не сломить,
не послать поэту —
Он ведь гений, друг, бессмертный —
с искренним приветом.*

Ван Цунши сидел неподвижно, держа в руках доставшийся ему листок с рифмой. На глаза у него навернулись слезы, которые вот-вот готовы были скатиться.

— Уважаемый, вы соизволили нас позвать, а у самого вдруг пропало настроение — пьете и не веселы. Что случилось? — обратился к нему Ван Цунгу.

— Я, кажется, простудился, — отвечал Ван Цунши. — Что-то режет в животе, вот и не получается со стихами. Придется мне *пить штрафной.

И он тут же налил себе огромный кубок, который вмещал не менее двух больших чаш вина. Вообще Ван Цунши пить не был горазд, а тут решил заставить себя выпить как можно больше, чтобы залить свое горе. Поэтому одним залпом он испил кубок до дна. Глаза его покраснели, и тут он проскандировал:

*Ничто вокруг не отвечает
тому, что на душе.
Свершили путь и вдруг растались
на горе, горе мне!
Но кто велел за легкой славой
помчаться, как во сне;
Теперь, как голубь одинокий,
тоскую по жене.*

Прочитав свои стихи, он тяжело вздохнул.

— Мало поэтического вдохновения! — заметил Ван Цунгу. — Да и стройности мыслей не видно. Полагается еще штрафной.

Ван Цунши опустил голову и ничего на это не ответил.

Е Чуньлинь велел сопровождавшим их людям подать свиток слюдовой бумаги и поднес его Ван Цунгу, чтобы тот написал на ней свои стихи. Ван Цунгу написал стихи, а под ними поставил подпись: «Ван Цунгу из Гусу». Поскольку Ван Цунгу подписался под стихами, то Е Чуньлинь тоже после своих стихов расписался: «Е Чуньлинь из Лэцина». Ну а раз оба сделали так, то и Ван Цунши пришлось подписать свои стихи: «Ван Цунши из Бяньляна». Но в том месте, где

обычно указывалось, чему посвящены стихи, он добавил: «В весенний день пригласил начальника уезда Вана и учителя Е вместе прогуляться в Ланькэшань полюбоваться цветами мэй, и досталась мне рифма „жена“». Закончив писать, он передал свиток Ван Цунгу. Тот несколько раз перечитал написанное, и его вдруг осенило. Свернув бумагу и *запрятав ее в рукав, он сказал:

— Я еще почитаю, понаслаждаюсь ими дома, а потом отдам вам.

Было уже поздно. Все трое возвратились в город и разошлись по домам.

Свиток со стихами Ван Цунгу умышленно оставил у себя на столе. Как-то, когда госпожа Ци зашла к мужу в кабинет, она обратила внимание на свиток, развернула его и стала читать стихи. В последнем она сразу узнала почерк первого мужа. Мало того, под стихом стояла подпись: «Ван Цунши из Бяньляна». «Да ведь это муж! — подумала она. — Неужели может быть еще другой Ван Цунши из Бяньляна? И потом, — продолжала рассуждать Ци, — уже прошло пять лет, как муж вступил в должность, вполне возможно, что он и стал ведающим учебными делами в Цюйчжоу. Неужели же он действительно здесь на службе и нам суждено встретиться?» Затем она подумала: «Раз он стал чиновником, то, наверно, и женился вторично. Однако, судя по стихам, в которых чувствуется и досада и горечь, не похоже, чтобы у него была семья. Да, он-то, может, и не обзавелся семьей, а я уже замужем. Какой позор! Ведь если мы даже когда-нибудь встретимся, с каким лицом я предстану перед ним?!» Возгласы досады невольно срывались с ее уст, и она стала бить себя в грудь. Как раз в это время в кабинет вошел Ван Цунгу.

— В чем дело? Что случилось? — спросил он у жены, застав ее в таком состоянии.

— Я увидела, что фамилия и имя ведающего учебными делами точно такие, как у моего прежнего мужа. Кроме того, он тоже из Бяньляна. Это меня взволновало и расстроило.

Ван Цунгу понял, что Ван Цунши, наверно, и есть муж госпожи Ци, но сделал вид, что сомневается:

— Боюсь, что ты ошибаешься. Господин Ван говорил, что вообще-то он родом из Бяньляна, но вот уже три поколения их семья проживают в Жунью.

— Я не могла ошибиться, — отвечала Ци. — Это почерк моего бывшего мужа.

— Но это писал за него писарь, так что, думаю, ты не права.

— Что же, выходит, у него был писарь, чтобы за него написать, а у вас, хозяина целого уезда, не нашлось писаря и вы должны были писать свои стихи сами?!

Находчивость и умный ответ госпожи Ци заставил Ван Цунгу рассмеяться.

— Ну, тому тоже была причина, — сказал он. — У господина Вана на правой руке выскочил чирей, и он не мог писать. Вот за него и писал его писарь. А у меня никаких чирьев на руке нет, так почему мне было самому не взяться за кисть?

Госпожа Ци растерялась. Она не нашлась, что сказать, не знала, верить словам мужа или нет.

Что до Ван Цунгу, то хотя он и держал себя подобным образом, но видел, насколько Ци привязана к прежнему мужу, и проникся к ней чрезвычайным уважением.

— Ладно, не будем торопиться, — вымолвил он наконец. — Я попробую еще что-нибудь разузнать.

Через несколько дней во дворе уездного управления расцвели цветы персика — тут белые, там красные, они прельщали взор свежестью цвета, были великолепны. Ван Цунгу решил пригласить Ван Цунши и Е Чуньлиня полюбоваться цветами и послал им приглашения. Он распорядился, чтобы на кухне готовили яства, а жене сказал:

— Сегодня у нас будет господин Ван. Он человек изысканной, возвышенной натуры, так что проследи, чтобы вино, еда и прочее было надлежащим образом приготовлено и подано.

Узнав, что у них в гостях будет Ван Цунши, Ци оторопела.

— А черепаха понадобится? — вдруг спросила она.

— Ты ведь никогда не готовишь черепаху, — отвечал Ван Цунгу, — так что обойдемся и сегодня без этого блюда.

— Я подумала, что, может быть, господин Ван любит черепаху, поэтому и спросила, — смущаясь, сказала Ци.

— Ладно, — рассмеялся Ван Цунгу. — Делай, как хочешь!

Оказывается, Ван Цунгу давно страдал болезнью кишок, порой у него даже шла кровь. Когда он приехал в Сиань, болезнь эта стала его особенно беспокоить; он обратился к уездному лекарю, и тот прописал ему необыкновенное, мало кому известное средство: ежедневно есть черепаху, — поскольку мясо черепахи снижает внутренний жар, укрепляет здоровье, — а наружно использовать бульон из черепахи. Лекарь утверждал, что средство это чудодейственное. С тех пор Ван Цунгу велел, чтобы для него постоянно покупали и готовили черепаху. Но дело в том, что Ван Цунши любил это блюдо, поэтому всякий раз, когда Ци случалось видеть блюдо из черепахи, она думала о прежнем муже; кроме того, черепаха напоминала ей о том сне, который приснился ей в доме у Чжао Чэна. Вот почему с тех пор как она разлучилась с мужем, она никогда сама не готовила черепаху и не ела ее. Но в этот день, услышав, что у них будет господин Ван, она, обуреваемая сомнениями, которые у нее зародились при чтении стихов, решила приготовить это блюдо и попытаться выяснить таким образом, учитель Ван — это бывший ее муж или нет.

Наблюдая со стороны за женой, Ван Цунгу сразу понял, что она что-то задумала, умышленно сказал, что обойдется и без черепахи, но все-таки вопрос о приготовлении черепашьего блюда оставил на ее усмотрение. Однако это все то, что было у каждого из них двоих на уме, то, о чем вслух не скажешь.

Пока Ван Цунгу обсуждал с женой то одно, то другое, доложили, что прибыли оба господина учителя.

Ван Цунгу вышел из ямэня встретить гостей, провел их через зал присутствия в соседний с ним кабинет. После чая и беседы они стали сочинять стихи на тему о белых и красных цветах персика. Вскоре все уже было готово к трапезе. Поскольку приглашал в этот день начальник, то Ван Цунши пришлось занять почетное место гос-

тя, а следующее за ним место занял Е Чуньлинь. Гости и хозяин любезно потчевали друг друга, подносили один другому вино. Обычно на пирах в казенных учреждениях не принято было играть в кости или в пальцы. Все, что позволяли себе в подобных случаях, — это только условиться о правилах, как пить, и о штрафах за нарушение принятого порядка; но эти трое, связанные тесной дружбой, и в пальцы играли, и в другие игры с различными правилами, кому когда пить, — словом, развлекались и пили совершенно непринужденно. Ван Цунши был тоже в хорошем настроении, не то что в тот день, когда они любовались мэй на горе Ланькэшань. И вот в разгар веселого пиршества слуги поднесли очередное блюдо — и это было не что иное, как черепаха.

Ван Цунгу пригласил всех взяться за *палочки и, отдавав несколько кусков мяса, проговорил:

— Сегодня почему-то оказалась необычайно вкусная черепаха!

Е Чуньлинь вообще избегал есть черепаху, поэтому он велел поднести свою порцию начальнику уезда. Что касается Ван Цунши, то он вдруг помрачнел, а когда рассмотрел, как выглядит стоящее перед ним блюдо, на лице его появилось изумление. Он поднял палочки, потрогал ими куски мяса и тут же, склонив голову, погрузился в раздумье, словно мыслью унесся куда-то. Безразлично перебирая палочками куски черепашьего мяса, он все смотрел, смотрел, думал и думал, и слезы потекли у него из глаз. Это был уже совсем не тот человек, который только что пил, играл и веселился.

Ван Цунгу понимал, что гость ведет себя так не без причины.

— Когда одному человеку не по себе и он отстраняется от общества, то невесело всей компании, — заявил он тогда. — А у вас, господин Ван, каждый раз наворачиваются слезы, портится настроение. Уж очень это похоже на то, что называется убить красоту. Давайте лучше прекратим наше пиршество!

После таких слов хозяина Е Чуньлинь тут же поднялся и начал прощаться, за ним поднялся и Ван Цунши, но Ван Цунгу остановил его:

— Господина Е не буду задерживать, а вот вас, господин Ван, прошу еще остаться на несколько слов.

Проводив Е Чуньлиня, Ван Цунгу вернулся, удалил слуг, сел рядом с Ван Цунши и тихо спросил его:

— Вы сейчас не стали есть черепаху и загрустили. Почему это? Мне бы хотелось, — продолжал он, — как-то развеять ваше дурное настроение.

— Признáюсь вам, у меня давно на душе тяжесть, — отвечал Ван Цунши, — но я никогда не говорил об этом, боясь осквернить слух собеседника. Дело в том, — продолжал он, — что моя жена очень искусно приготавливала черепаху. Она всегда снимала черную пленку с так называемой юбки — той самой части, которая с боков под панцирем черепахи, а ломтики мяса самой черепахи нарезала аккуратными квадратными кусочками. И вот сегодня у вас подали черепаху, приготовленную точно так, как в свое время ее готовила жена. Я невольно вспомнил о ней, и у меня навернулись слезы.

— Ах вот что... Оказывается, ваша супруга давно умерла. Извините, не знал, — проговорил Ван Цунгу.

— Нет, она не умерла, нас просто разлучили.

— Разлучили?! Но каким образом?

И тут Ван Цунши рассказал о том, как они переехали в Линьянь и что там произошло.

Выслушав его, Ван Цунгу велел раскрыть двери во внутренние покои и попросил Ван Цунши пройти туда. Затем он попросил госпожу Ци выйти к ним. Когда Ван Цунши увидел жену, а Ци — бывшего мужа, то оба бросились друг другу в объятия и разрыдались.

Растроганный этой сценой, Ван Цунгу тоже заплакал. Наконец, когда Ван Цунши и госпожа Ци немного успокоились, он обратился к Ван Цунши с такими словами:

— Господин Ван, мы с вами служим в одном месте, и я не смогу прямо сейчас отправить к вам вашу супругу — это было бы неприлично. Вина моя, конечно, велика, что я взял себе во вторые жены жену своего сослуживца, но я ничего не знал. Хорошо еще, что у нас с ней нет детей, так что в этом отношении не будет осложнений. Что до меня, то я теперь совершенно равнодушен к служебной карьере и тотчас, сославшись на болезнь, подам в отставку. И вот когда я покину пост и выеду из города, то попрошу вас взять лодку и ждать меня где-нибудь поблизости в условленном месте, так, чтобы об этом никто не знал.

— Но само собой разумеется, что в таком случае я возьму с вами то, что вы в свое время потратили на покупку второй жены, — отвечал Ван Цунши.

— О чем вы? — возмутился Ван Цунгу. — Не успели рта раскрыть как понесло обывательщиной. Будет!

На этом разговор окончился, Ван Цунши откланялся, Ци пошла к себе, а Ван Цунгу сразу же написал доклад начальству о болезни.

Когда соответствующие учреждения дали письменное согласие на отставку, Ван Цунгу собрал вещи и покинул место своей службы. Выехав за город, он вместе с Ци сел на джонку и отправился на север. Всем провожавшим его людям он велел возвратиться. В тихом безлюдном месте его уже ждал Ван Цунши. Госпожа Ци перешла к нему в лодку, и они снова стали мужем и женой. Все прошлое было перечеркнуто единым взмахом кисти, все, что смущало, прикрыли парчовым одеялом.

В эту ночь Ци рассказывала мужу о том, как ее обманным путем увезли, какой сон она видела, и уже рассвело, а рассказ свой она все еще не кончила. Поистине,

*Всю ночь бы держать напролет
в серебряной площадке огонь,
Чтоб видеть и видеть друг друга,
поверить, что это не сон.*

— Конечно, в том, что мы с тобой встретились снова как муж и жена, была воля неба, но все же ясно: могло это случиться лишь бла-

годаря величайшему благодеейню начальника уезда Вана, — говорила Ци. — Надо обязательно найти того бандита и отомстить за все, что произошло. Пока это не будет сделано, я не успокоюсь! Кости его следовало бы истолочь, самого его стереть в порошок — вот тогда можно было бы считать, что смыты оскорбление и позор.

— Я хоть и на казенной службе, но занимаю скромную должность и пост мой не дает мне какой-нибудь власти, — отвечал Ван Цунши. — К тому же я не знаю ни фамилии этого негодяя, ни где именно он живет в Линьани. Да и Линьянь не в нашем уезде, не в нашей области, так что сразу ничего не сделаешь.

— Фамилия этого негодяя Ху, это мне уже известно. Но где он живет, я действительно не имею понятия.

— Придется пока оставить это, — говорил Ван Цунши, — а там посмотрю, как быть.

Но не будем многословны.

Ван Цунши пробыл на своей должности год, срок его кончился, и его должны были переместить по службе. Все вышестоящие инстанции рекомендовали его как безупречного чиновника, обладающего к тому же выдающимися знаниями и способного занять пост со сложными и ответственными обязанностями. Ван Цунши был повышен в должности и назначен начальником уезда Цяньтан в области Линьянь. Узнав об этом, Ци обрадовалась.

— Вот и назначение в Цяньтан — как раз в те края, где нас тогда разлучили, — говорила она мужу. — Начальник уезда — глава целого района, он вообще обязан защищать обиженных и восстанавливать справедливость, а тут, — продолжала она, — сами мы потерпели неслыханную обиду. Можно ли в этом случае не отомстить! Надо тебе иметь это в виду, когда будешь там.

— Само собой разумеется, — отвечал Ван Цунши. — Только не следует ничего предрешать — вступлю на должность, тогда и посмотрим, что и как.

Выбрав благоприятный день, они двинулись в путь и вскоре добрались до Цяньтана. Три дня Ван Цунши совершал жертвоприношения в храмах, потом стал наносить визиты начальству. А в столичном уезде — не то что в каком-нибудь обычном уезде: здесь нужно было наносить визиты во все вышестоящие присутственные места и учреждения, начиная от Главной министерской канцелярии, Цензората и прочих. Когда было покончено и с этим, Ван Цунши велел обнародовать порядки взимания налогов и объявить о том, что принимаются жалобы.

С первого же дня объявления о приеме жалоб их стало, разумеется, поступать бесчисленное множество. Ван Цунши прежде всего отбирал и принимал лишь те, которые казались ему наиболее важными. Среди них попалась одна жалоба, в которой докладывалось следующее:

Жалобщик Чжоу Шао. Жалоба подается по поводу разбойной азартной игры и покушения на жизнь.

Я, Чжоу Шао, торгую шелком и держу лавку в городе Янчжоу. Есть у меня сын Чжоу Сюань, который обучается дома.

Беда свалилась на меня по вине Дин Ци, уроженца Цзясины, трижды уличенного в незаконной торговле солью. Укрываясь в городе Линьани, Дин Ци устраивал азартные игры и соблазнил моего сына на посещение непотребного заведения некоей Лю Сай, где собирались жулики и игроки. Там сына моего обобрали, отняли кровных пятьдесят с лишним ланов и золотую шпильку. Когда я приехал в Линьань и попытался разобраться в этом деле, меня чуть ли не до смерти избили. Спас меня Чжао Чэн, который все это может подтвердить. Докладываю начальнику о том, как я жестоко пострадал.

*Жалобщик — Чжоу Шао.
Обвиняемые — Дин Ци,
Лю Сай, Чжоу Сюань.
Свидетель — Чжао Чэн.*

Ван Цунши, проглядев жалобу, рассудил, что хотя дело само по себе незначительное, но оно возмутительно тем, что молодого человека соблазнили на посещение неблагопристойных заведений и подбили на азартные игры. Ван Цунши решил принять жалобу и распорядился, чтобы обвиняемых доставили на следствие.

Оказывается, жалобу эту Чжоу Шао подал потому, что Чжао Чэн подстрекал его пожаловаться на сына. Следует заметить, что если сам Чжао Чэн был развратником и вытворял невесть что, то жены его и служанки с большой охотой, не жалея себя, ублажали других. Поэтому со всеми мужчинами, которые бывали в доме Чжао Чэна, знались его жены и служанки, и завладевали они ими так легко, словно шлепали мух на покрытой лишаями голове: прилетит, а там шлеп — и попалась. Но все это, разумеется, делалось тайком от Чжао Чэна. Те, кто знал, что творится в его доме, сплетничали и говорили: «Скольких людей извел этот слепой Чжао, над сколькими он поизмывался! Ему ли не расплачиваться на этом же свете!» А в последнее время Чжао Чэн вдруг стал поговаривать о том, что, мол, ничего особенного в женских ласках нет, и решил найти себе молодого человека, чтобы испробовать новые ощущения. И вот подхватил он Чжоу Сюаня, сына Чжоу Шао. Чжоу Сюань был старшим из детей в семье Чжоу, потому его называли Чжоу Старший. Ему минуло семнадцать лет, шел восемнадцатый, и он числился учащимся.

Чжао Чэн сумел соблазнить его, и последнее время Чжоу Сюань был, так сказать, мужской подругой Чжао Чэна. В доме у Чжао Чэна он был близок со всеми — жены и служанки Чжао Чэна смотрели на этого молодого и красивого человека как на сокровище, без которого и жизнь не в жизнь. Старшей жене Чжао Чэна, госпоже Хуа, было почти тридцать пять лет, она и по годам и по положению была старше других, да и по сравнению с другими женщинами в доме она была более ветреной и любвеобильной. Ей и одной было бы мало ласк этого молодого любовника. Поэтому она всей душой льнула к Чжоу Сюаню. Все, что ей удалось скопить для себя за многие годы, она отдавала ему, и даже шпильку, которую когда-то выдернула из волос госпожи Ци, и ту она подарила юноше на память. Две вторые

жены Чжао Чэна старались в этом отношении не отставать от первой, но у них почти ничего не было, кроме кое-какой одежонки, которую они подносили ему, чтобы выразить тем свои чувства. Ну, а слуганкам оставалось дарить молодому человеку полотенца да душистые мешочки. Чжоу Сюань принимал все, словно слепой заведующий амбаром.

Чжао Чэну всю жизнь в любом его деле удавалось сорвать выгодный куш, и вот только в этой своей сделке он, сам того не ведая, сильно прогадал.

Чжоу Сюань, следуя всюду за Чжао Чэном, познакомился со всеми винными и увеселительными заведениями, стал бывать в игорных домах. Безвольный характер молодых барчуков обычно таков, что куда их прибьет, там они и прирастут. И вот молодой Чжоу стал и с гетерами развлекаться, и в азартные игры играть, швыряя направо и налево деньги и вещи, которыми его одаривали жены Чжао Чэна.

Надо сказать, что к этому времени Лю Сай скопила достаточно средств, чтобы купить несколько *пудренных головок, а сама стала хозяйкой веселого заведения; кроме того, Лю Сай открыла при своем заведении помещение для картежной игры, куда нередко заходили ее гости, так что она одновременно зарабатывала еще и на этом. Чжоу Сюань был ее частым гостем.

Дин Ци, о котором шла речь в жалобе, был торговцем из *Цзясины, торговал он грубым шелком. В заведении Лю Сай он как-то познакомился с Чжоу Сюанем, и Лю Сай подбила их сыграть. Дин Ци был старым и опытным игроком в *налитые свинцом кости, а Чжоу Сюань был в этом деле новичком; поэтому после нескольких партий он лишился всего, что имел при себе, даже золотой шпильки, подаренной ему женой Чжао Чэна. Шел тогда пятый месяц, люди уже шапок не носили, и когда Дин Ци получил от Чжоу Сюаня проигранную им шпильку, он воткнул ее в головную повязку. Закончив игру, Чжоу Сюань, расстроенный, ушел, а Дин Ци сел за вино с девицами. Как раз в это время в заведение явился Чжао Чэн. Лю Сай пригласила его выпить вместе с Дин Ци, и тут Чжао Чэн заметил в головной повязке Дин Ци золотую шпильку, очень похожую на ту, что носила его жена. Он попросил Дин Ци дать ему взглянуть на шпильку, и, когда рассматривал ее, на лице у него изобразилось крайнее изумление.

— Это сейчас господин Чжоу Старший проиграл ее господину Дин Ци, — пояснила Лю Сай.

Чжао Чэн понял, что у его жены с Чжоу Сюанем, несомненно, какие-то шашни. Поразмыслив, он решил, что сам виноват в этой истории, но предпочел скрыть семейный позор, а случаем этим воспользоваться, чтобы разделаться с Чжоу Сюанем. Прикинув все, он отправился к нему, хотя имел при этом в виду поговорить с его отцом — Чжоу Шао. Тот как раз оказался дома.

Чжоу Шао не имел определенной профессии и был из людей, которые вели деятельный образ жизни. Он не терпел безделья. Люди казенных учреждений почти все знали его, а он, в свою очередь, кого-нибудь да знал из самых различных слоев. Они разговорились с Чжао

Чэном, и тот рассказал Чжоу Шао о том, как его сын играл с Дин Ци на деньги и проиграл даже золотую шпильку.

— Теперь понятно, почему из дома у меня пропадают вещи. Оказывается, этот паршивец крадет их и проигрывает, — возмутился Чжоу Шао. — Но только, — продолжал он, — у сына никогда не было золотой шпильки. Откуда она у него взялась?

— В притонах вместо денег на кон нередко ставят какую-нибудь вещь, одна ставка сменяется другой — где тут разобраться, откуда шпилька. Вот ныне в уезде Цяньган вступил в должность новый начальник. По-моему, вам стоит взять да и написать на сына жалобу. Во-первых, можно будет вернуть вещь, которую этот чужак Дин Ци себе присвоил, во-вторых, это послужит хорошим уроком для вашего сына на будущее

Чжоу Шао послушался Чжао Чэна и подал жалобу. Видимо, было суждено, чтобы пришел конец злодеяниям Чжао Чэна, так как из сотни жалоб именно эта оказалась принятой, да еще на ней начальник написал свое решение: «Лично допросить». Мало того, начальник уезда велел старшинам того района проследить, чтобы непременно привели в присутствие обвиняемых. Ну а когда распоряжение отдает начальник, только что, как говорится, сошедший с коня, кто посмеет не явиться. Через день-другой причастные к делу были доставлены в управление, и Ван Цунши распорядился, чтобы все подготовили к слушанию. Во второй половине дня начальник вышел в зал присутствия и приказал ввести людей, имеющих отношение к этому делу. Войдя, они опустили на колени на ступенях перед помостом, где заседал начальник.

Ван Цунши велел подойти Чжоу Шао и стал допрашивать его первым:

— Сколько у тебя сыновей?

— Только один, — отвечал тот.

— Раз ты держишь лавку и торгуешь шелком, значит, ты из имущих, а сын у тебя единственный. Так почему же ты не воспитываешь его дома, а разъезжаешь по торговым делам и дожил до того, что твой сын занимается непотребными вещами?

— Уж коль занят каким делом, то ведь сразу не сменишь его на другое, — отвечал Чжоу Шао.

Следующим начальник уезда велел позвать Чжоу Сюаня, поглядел на него и спросил:

— Что же ты, такой молодой, порядочным вещам не учишься, а ночуешь в непотребных заведениях, играешь на деньги, транжиришь отцовское состояние.

— Я не тратил отцовских денег! — ответил на это Чжоу Сюань.

— Не болтай ерунды! Было бы не так, разве отец пожаловался бы на тебя! — прикрикнул на него Ван Цунши. — Если уж передо мной отпираешься, представляю, что вытворяешь вообще, — добавил начальник и распорядился: — Всыпать ему!

Служащие тут же, словно орлы на ласточку, накинулись на Чжоу Сюаня, оттащили его от ступеней и повели за собой. У парня душа от страха вылетела из тела.

Подстрекая Чжоу Шао подать на сына жалобу, Чжао Чэн имел, конечно, в виду, что Чжоу Сюаня крепко накажут и таким образом он отомстит за обиду, которую тот нанес ему, связавшись с его женой. Естественно поэтому, что распоряжение начальника пришлось ему по душе, и, вытянув шею, он тайком подавал знаки служащим, чтобы те били не жалеючи. Это не прошло мимо внимания Ван Цунши, но только он подумал, что тот подает знаки, чтобы Чжоу Сюаня били полегче, и что человек этот знаком с людьми в учреждении. Кроме того, он слышал, как ревмя ревет Чжоу Сюань. Начальнику стало жаль молодого человека, и он крикнул: «Постойте!» У Чжоу Сюаня, которому удалось таким образом избежать ударов, душа словно вновь вернулась в тело.

Следующим был Дин Ци.

— Ты соблазнил Чжоу Сюаня на азартную игру, отнял у него деньги и вещи да еще жестоко избил Чжоу Шао; кроме того, ты контрабандой торгуешь солью. Так вот, знаешь ли, что по закону за все это полагается тебе ссылка на каторжные работы?

— Господин, я прибыл сюда продать шелк, я не торгую солью, — отвечал Дин Ци. — С Чжоу Сюанем я только раз встретился. А то, что я подстрекал его посещать непотребные заведения и играть в азартные игры, что завладел его деньгами и вещами, — все это лживые обвинения с целью запугать меня и шантажировать.

— Чжоу Шао тоже человек состоятельный — если бы ты не соблазнял его сына, разве пошел бы он на то, чтобы привлечь сына к суду?

— О, вы всевидящее око! — воскликнул тут, ударяя челом, Чжоу Шао.

Но Дин Ци стоял на своем.

— Если Чжоу Сюань посещал девиц и играл, то, может быть, его соблазнял кто-нибудь другой, но ко мне это не имеет никакого отношения.

— Именно он, а не кто иной, соблазнял сына, — говорил Чжоу Шао. — А вещи, которыми он завладел, — вот здесь их список. — И он вытащил из рукава бумагу, подал ее начальнику.

— И еще шпилька золотая одна! — не удержавшись, крикнул с крыльца Чжао Чэн.

Поведение Чжао Чэна привело начальника в ярость.

— Ты — свидетель, и тебя пока не спрашивают! Что вмешиваешься! — закричал на него Ван Цунши и приказал надавать ему по щекам. Служащие тут же взяли бамбуковую ладонь и стали хлестать ею Чжао Чэна. После двадцатого удара им было приказано остановиться. Но лицо Чжао Чэна уже все распухло и стало багровым.

Продолжая допрос, Ван Цунши обратился к Дин Ци:

— А где эта золотая шпилька?

Тот не посмел скрывать и сказал:

— У меня она.

— Раз у тебя, значит, это правда, что ты соблазнил его на азартную игру.

— Верно только то, что я, находясь на чужбине, явился в дом Лю Сай переночевать и случайно познакомился там с Чжоу Сюанем.

Стали для забавы играть, — разыгрывать, за чей счет угощение, Чжоу Сюань проиграл и оставил в залог золотую шпильку. Что касается денег, то все это неправда. Допросите хозяйку заведения Лю Сай, и вы убедитесь, что я не лгу.

Говоря это, Дин Ци вытащил из рукава шпильку, и служащие положили ее на стол перед начальником. Тот взял шпильку, взглянул на нее и сразу же увидел на ней надпись: «Сто лет быть вместе Вану и Ци!» Это была та самая шпилька, которую в свое время он подарил в качестве сговорного дара жене. Глядя на нее, Ван Цунши в недоумении размышлял: «Если шпильку проиграл Чжоу Сюань, значит, она принадлежит его матери, а если так — то это Чжоу Шао похитил тогда мою жену. Но жена говорила, что фамилия похитителя — Ху и что она проколола ему правый глаз. А у Чжоу Шао оба глаза целы и невредимы. В чем же тут дело?»

Ван Цунши еще подумал немного и, полный сомнений, распорядился всех увести, с тем чтобы продолжить расследование дела на следующий день. Этим закончилось присутствие.

Люди в *ямэне судачили:

— Такое ерундовое дело! Хочешь наказать сурово — ну надень кангу, легко — возьми да и палками разгони всех. Что тут особенного! И надо же быть настолько несамостоятельным — пошел, видите ли, просить совета у правительницы внутренних покоев.

Все в один голос твердили, что у начальника ум коротковат, и никто из них не ведал истинной причины, почему дело было отложено.

Когда Ван Цунши вернулся к себе, он передал шпильку жене и сказал:

— Я вот собрался было начать наводить справки о нашем негодяе, а тут вдруг совершенно случайно в связи с одним делом об азартных играх всплыла твоя шпилька.

— А фамилия человека этого Ху? И правый глаз у него слепой?

— В том-то и дело, что фамилия его не Ху и он вовсе не слепой. Потому-то я и пребываю в нерешительности и хочу кое о чем тебя спросить.

— Как же это так? — удивилась Ци.

— А у этого человека были братья или сыновья? — спросил начальник жену.

— Нет, не было.

Ван Цунши так и не знал, что ему предпринять. Думал он, думал и наконец решил:

— Ладно, буду допрашивать Чжоу Шао, как к нему попала шпилька, и тогда, глядишь, дело выяснится.

На следующий день Ван Цунши не стал заниматься никакими другими делами, не составил даже доклад по начальству, а сразу вызвал интересовавших его по вчерашнему делу людей на допрос.

— Шпилька эта из вашего дома? — спросил он Чжоу Шао.

— Да, — ответил тот.

— Сами заказывали ее или выменяли у кого? И какой вес у нее?

Чжоу Шао не знал, что отвечать, и начальник уезда приказал зажать его в тиски. Служащие тут же внесли тиски, и Чжоу Шао всполошился.

— Я тут ни при чем, — закричал он. — Я не знаю, откуда сын принес эту шпильку!

Тогда начальник уезда велел подвести Чжоу Сюаня.

— Так где ты взял эту вещь? — спросил он его.

Парень еще вчера был напуган, а сегодня, когда он увидел, что начальник намерен применять тиски, его стала пробирать дрожь.

— Это жена Чжао Чэна подарила мне, — признался он.

— Значит, ты, вероятно, состоял с ней в связи?

Чжоу Сюань не решался ответить.

Тогда Ван Цунши велел призвать Чжао Чэна. Присмотревшись к нему, он заметил, что Чжао Чэн слеп на правый глаз, и вдруг его осенило: «Несомненно, это он украл и продал мою жену. Тогда он говорил, что его фамилия Ху, но это он просто наврал, опасаясь возможных последствий». И начальник тут же заявил Чжао Чэну:

— Ты, оказывается, возненавидел Чжоу Сюаня за то, что он прелюбодействовал с твоей женой. А когда узнал, что он играл с Дин Ци, решил воспользоваться этим и подговорил Чжоу Шао написать жалобу на сына, чтобы таким путем расправиться с молодым человеком. Так было дело?

Хотя начальник разгадал тайный замысел Чжао Чэна и тон его был устрашающим, Чжао Чэн решил свалить вину на другого и заявил:

— Видите ли, по правде говоря, когда я узнал, что Чжоу Сюань играл у Лю Сай, я сообщил об этом его отцу. А Чжоу Сюань, чтобы отомстить мне за это, оговорил мою жену, будто она подарила ему шпильку.

— Ну что ж, могло быть и так, — согласился начальник. — А знаешь ты, откуда взялась эта шпилька?

— Нет, этого я не знаю, — отвечал Чжао Чэн.

— А кроме жены, есть у тебя еще вторые жены, служанки?

— Да, у меня еще есть две вторые жены и четыре служанки.

«Ага! Вот это совпадает с тем, что говорила жена. Значит, это он», — лишний раз убедился начальник и задал еще вопрос Чжао Чэну:

— А кто ты такой, что собой представляешь, что у тебя еще есть две вторые жены, четыре служанки? Что это — женщины, которых ты отобрал у других?

— О, я строго блюду законы, разве смею я содеять подобное?

— А вот я гляжу на тебя и могу с уверенностью сказать, что ты настоящий злодей, — заявил начальник и тут же спросил: — А глаз у тебя один почему ослеп?

Вопрос этот словно громом сразил Чжао Чэна, и он ничего не ответил.

Тут уж у начальника не оставалось ни малейших сомнений, что это именно тот человек, который украл его жену.

— Негодяй! — закричал он. — Сознайся, если хочешь остаться в живых, сколько злодейских дел ты сотворил!

— Но я действительно ничего плохого не делал! — оправдывался Чжао Чэн.

— В тиски его! — распорядился начальник.

Служители бросились к Чжао Чэну, стянули с него туфли, носки и зажали ему ноги.

Чжао Чэн визжал, словно резаная свинья, но не признавался.

Тогда начальник уезда *красной тушью написал какую-то бумагу, подозвал к себе двух служителей, что-то им тихим голосом объяснил, и те тут же выбежали из ямэня. Через какое-то время в присутствии ввели старшую и двух младших жен Чжао Чэна, а также четырех его служанок. Всех их подвели к ступеням возле помоста, где заседал начальник, они опустили на колени, а служители доложили: «Старшая жена Чжао Чэна и все остальные доставлены».

В это время уже в третий раз зажимали в тиски Чжао Чэна. Он был без сознания, но так ни в чем и не признался.

Видя, в каком состоянии Чжао Чэн, женщины, которых привели, перепугались до смерти.

Ван Цунши подозвал Хуа, первую жену Чжао Чэна, показал ей шпильку и спросил:

— Это ты подарила ее Чжоу Сюаню?

Видя почти мертвого, зажатого в тиски мужа и строгого, величественного, словно божество, начальника, жена Чжао Чэна не решалась соврать и тут же призналась:

— Да, это я ему подарила.

— А сколько времени ты находишься уже в связи с Чжоу Сюанем?

— Почти год, — отвечала Хуа. — Да и не только я, все в доме с ним путались.

— А как это случилось?

— А это муж соблазнил Чжоу Сюаня. Он привел его домой, спал с ним, потом и мы с ним.

— Ах вот как, — проговорил начальник. — Ну, а шпилька откуда у тебя? И почему глаз у твоего мужа ослеп? Да и вообще расскажи о его бесчинствах. Расскажи честно, и будешь меньше в ответе за все.

Боясь, как бы и ее ноги не попали в тиски, Хуа рассказала обо всем, что обычно проделывал Чжао Чэн, а также о том, как в свое время он украл госпожу Ци и продал ее.

— Ладно, это я знаю, — остановил ее начальник. Он велел освободить из тисков Чжао Чэна, но приказал дать ему сто ударов самыми тяжелыми палками. У того вместо ног остались одни кровоточащие куски мяса, и жизнь его была на волоске.

— Ты помогала мужу в его злодеяниях да еще занималась любовнейством, — заявил Ван Цунши, снова обратившись к жене Чжао Чэна, и велел всыпать ей сорок палок, а остальным женщинам Чжао Чэна — по двадцать палок. Затем Ван Цунши взялся за кисть и написал следующее решение:

Дознанием установлено, что Чжао Чэн по своей природе мало чем отличается от волков и шакалов, а сердце у него коварной

змеи. Трудно сказать, скольких чужих жен увел он насильно, измываясь над ними, скольких людей ограбил, сколько присвоил чужого добра. Злодеяния его невозможно перечислить. Но суждено было, чтобы преступлениям его пришел конец, когда он плотской любви ради заманил к себе в дом одного юношу. И небо, конечно, воздало ему за его дела, так как с этим юношей жены его устраивали непотребные развлечения. Казалось бы, каждое обстоятельство в разбираемом деле сложилось само по себе, одно независимо от другого, однако все они есть результат интриг, которые плел Чжао Чэн. Таков случай со шпилькой, которую жена его отняла у несчастной женщины и впоследствии подарила любовнику; обстоятельство, при которых Чжао Чэн решил спровоцировать судебное дело, чтобы отомстить за себя; так был облыжно обвинен Дин Ци и, наконец, случай с Чжоу Шао, который, поддавшись Чжао Чэну, пошел на то, чтобы привлечь к суду собственного сына. Словом, не хватит бумаги, если перечислять все нарушения закона, совершенные Чжао Чэном, не хватит волос на голове, чтобы вести счет доказательствам его преступных деяний. Следовало бы разрубить его на куски, чтобы он тем искупил свою вину, но во всем его прошлом трудно разобраться и в давнишних делах его сложно найти свидетельства преступных замыслов. Поэтому ссылка на каторжные работы в пограничные районы будет для него милостивейшей мерой.

Лю Сай наказать ударами палок в виде предупреждения за то, что она, будучи владелицей увеселительного дома, устраивала у себя еще и притон для азартных игр.

На торговца Дин Ци за увлечение азартными играми наложить соответствующее взыскание в виде строгого предупреждения.

Чжоу Сюаню в качестве первого предупреждения дать палок в соответствии со статьей, осуждающей прелюбодеяния.

Хуа, первую жену Чжоу Чэна, и двух его вторых жен за откровенный разврат строго наказывать палками, дабы их позорное поведение было общеизвестно. Согласно существующим законоуложениям, надлежит продать их, а вырученное от продажи вложить в казну.

Золотую шпильку сдать в казнохранилище.

Чжоу Шао освободить от ответственности.

После того как решение по делу было вынесено, начальник велел отпустить на поруки всех, кроме Чжао Чэна, которого отправили в тюрьму. Но в тот же вечер тюремщикам пришлось составить свидетельство о смерти заключенного.

Вот так — был человек всю жизнь злодеем и кончил тем, что умер в тюрьме, а жены его попали в чужие руки. Поистине,

*Воздаянье за добро
или возмездие за зло
наступят неизбежно.*

Удалившись к себе после разбирательства, Ван Цунши рассказал обо всем жене. Госпожа Ци, узнав, что она отомщена, долго благодарила за это небо.

Что касается золотой шпильки, то Ван Цунши велел доставить ее ему. Вместо нее он сделал другую золотую шпильку, которую и вернул в казнохранилище. Все в Линьани говорили о том, как начальник мудро сумел решить дело, но никто, конечно, не знал скрытой его стороны, не ведал, что начальник вел это разбирательство ради самого себя. И не было в то время человека, который не восхвалял бы Ван Цунши, восторгаясь тем, что в пустяковом деле, связанном с азартной игрой, он дознался о подстрекательстве и раскрыл злодеяния закоренелого преступника. Слава о Ван Цунши разнеслась повсюду, и через три года он был переведен сначала на должность помощника начальника области Шаосин, а затем за отменную службу — на должность начальника области Цзясин. Через год с чем-то после того, как он вступил на пост в Цзясине, Ци стала уговаривать его уйти в отставку и возвратиться в Бяньлян.

Ван Цунши согласился и написал донесение начальству, что, мол, в связи с болезнью просит об отставке. Соответствующие учреждения дали на это разрешение, и они с женой собрались в дорогу. Водным путем на джонке добрались они до Сучжоу и тут, памятуя о благодеянии, оказанном им Ван Цунгу, остановились возле ворот Чанмэнь и стали разузнавать о месте жительства Ван Цунгу. Узнав, что Ван Цунгу живет в этих краях, в местечке Цзяньсянцзин, Ван Цунши приготовил подарки и вместе с госпожой Ци отправился к нему с визитом. Он приказал судовщику ехать в сторону бухты Дунцунь. Там они оба сошли на берег. Ван Цунши нанял для себя и для жены паланкины, и таким путем они добрались до Цзяньсянцзина. Вперед себя Ван Цунши послал к Ван Цунгу человека со своей визитной карточкой, и Ван Цунгу тут же вышел встретить его.

Следует сказать, что благодеяние, которое совершил Ван Цунгу, вернув чужую жену человеку, тронуло небеса, и его жена, в возрасте за пятьдесят, родила ему сына. Мальчика назвали Дэсин, и теперь ему было уже семь лет. Это был умный мальчик, и он уже учился. Ожидая гостя у ворот, Ван Цунгу увидел вдали два паланкина и спросил сопровождавших его людей:

— Почему же два паланкина?

— Начальник области прибыл сюда со своей супругой, — доложили ему.

Ван Цунгу стало не по себе, и он распорядился:

— Мы с начальником области давнишние друзья, я буду рад с ним повидаться. Но разве приличествует принимать и его супругу?

Люди решили, что Ван Цунгу просто не захотел принять жену друга, и не знали, что это имеет свою историю. Госпоже Ци пришлось вернуться на джонку, а Ван Цунгу и Ван Цунши провели вместе целых два дня. После этого без всяких приключений Ван Цунши с женой добрались до Бяньляна.

В то время в стране было уже спокойно. Ван Цунши нашел небольшой домик с садиком и проводил там целые дни со своей женой. Ци так и не родила детей, и Ван Цунши взял к себе в качестве сына и наследника одного из сыновей двоюродного брата. Ребенку он дал имя Линьфу, в котором содержался намек на то, что он приемный сын. Прожив какое-то время дома, Ван Цунши скончался. Госпожа Ци пережила мужа на пятнадцать лет. Накануне кончины она сказала сыну:

— Я в молодости совершила проступок перед твоим отцом. Поэтому не хорони меня рядом с ним. Гроб отца должен быть на родовом кладбище, а мой пусть будет где-то в другом месте.

Линьфу недоумевал: «Отец и мать так дружно жили, любили друг друга, почему же она говорит о том, что совершила проступок?»

Он собрался задать этот вопрос матери, но та уже скончалась.

Линьфу решил, что мать не сознает, что говорит, так как не ведал он того, что случилось с ней в прошлом.

И вот вспомните, как госпожа Ци в свое время в доме Чжао Чэна во сне увидела черепаху, которая заговорила. Если бы она не приготовила черепаху, когда у них в гостях был Ван Цунши, то разве могло бы случиться, что он, как говорится, увидев седло, вспомнил о коне и рассказал бы о своем горе начальнику уезда Ван Цунгу. И действительно, выходит, сбылось то, о чем говорила тогда черепаха: «Убивать меня рано и варить меня тоже рано». А если бы шпильку в свое время не отобрала у нее жена Чжао Чэна, то и не совершилось бы возмездие — и это как раз то, о чем говорила черепаха: «Найдешь — ладно, не найдешь — тоже ладно». И опять-таки сбылось. Была она замужем за Ван Цунши, а увел ее Чжао Чэн. И вот слова черепахи: «И с этим Ваном не всё». А когда затем Ван Цунгу взял ее в жены, и тут снова слова черепахи сбылись — «И с тем Ваном тоже не всё». Удивительно вещим был сон с черепахой! Люди сочинили стихи, где отдавали должное Ван Цунгу, который не соблазнился красотой женщины, остался до конца порядочным человеком и сделал все, чтобы супруги вновь соединились.

*Возможно ль, глядя на красоту,
остаться равнодушным к ней!
Но жалко видеть пред собою
обманутую жертву.
Луна пять лет безрадостно светила
в уезде Сианьсянь,
И вот пришла пора весны —
*персиков цветенье.
Тушь свежая дала понять,
что надпись сделана недавно;
А вид излюбленного блюда убедил,
что приготовлено оно рукой знакомой.
Но если бы не Ван Цунгу,
достойный человек,
То не вернуться б яшме той
к исконному ее владельцу.*

А впоследствии, когда стало известно, что жена начальника Ван Цунгу в пятьдесят с чем-то лет родила ему сына, что сын их — Дэсин, став взрослым, выдержал экзамены на степень цзиньши и продолжил ученый род семьи Ван Цунгу, люди увидели в этом воздаяние неба за добро, содеянное Ван Цунгу, и сочинили хвалебные стихи в его честь. В стихах говорилось:

*В те годы взял себе жену,
в надежде стать отцом.
Но вот она ушла,
а персик снова вдруг зацвел.
Не в том лишь дело, что другой
обрел свою судьбу опять,
А в том, что славен стал в веках
достопочтенный Ван Цунгу.*

КОММЕНТАРИИ

Алая нить — символ predetermined судьбой брака. По преданию, министр Чжан Цзячжэнь (VIII в.), отец пяти дочерей, хотел, чтобы некий Го Чжэнь стал его зятем. Он пригласил к себе Го Чжэня, а дочерям велел стать за пологом и каждой дал алую нить. Той, в чьих руках была выбранная Го Чжэнем нить, суждено было стать его женой.

Аньжэнь — второе имя Пань Аня (см.: *Сун Юй*).

Ань Лушань (?—757) — тюрк по происхождению, награжденный императором Сюань-цзуном княжеским титулом; был военным губернатором нескольких провинций; в 755 г., замыслив занять престол, поднял мятеж, захватил обе столицы (Лоян и Чанъань) и провозгласил себя императором. В 757 г. Ань Лушань был убит, а само восстание подавлено лишь в 763 г.

Архат. — По буддийскому учению архаты (букв.: «достойные») — ученики Будды, освободившиеся от пут мирской суеты в результате самоусовершенствования и достигшие успокоения в нирване.

«Ба гу» — в пер. «восемь частей» — обязательный литературный стиль восьми-членных сочинений, представлявшихся на старых государственных экзаменах (см.).

Бань Гу (39—92) — историк и поэт, автор «Истории Ранней династии Хань» («Цянь Хань шу»); известен также своими прозо-поэтическими произведениями.

Бань Чао (32—102) — брат Бань Гу (см.), жил в бедности, несмотря на свою образованность. Судьба Бань Чао изменилась, когда он посвятил себя военной деятельности; по приказу императора возглавлял многие экспедиции в сопредельные с Китаем страны. На этом поприще он и прославился.

Барабан и колотушка. — Требуя справедливости, в исключительных случаях можно было вызвать начальника в присутствие ударами колотушки по барабану, который стоял перед воротами или во дворе ямэня (см.).

Башня желтых журавлей — одно из достопримечательных мест г. Учана, откуда открывается живописный вид на р. Янцзыцзян и ее самый многоводный приток Ханьцзян, который впадает в Янцзыцзян недалеко от Учана. С названием башни связаны легенды о бессмертных, взлетающих отсюда к облакам на журавлях или останавливавшихся здесь отдохнуть.

Белый — белый цвет — цвет траура.

Белая тигрица — созвездие, появление которого, по народным поверьям, служит дурным предзнаменованием.

«Белый лотос» — тайное религиозное общество, основанное в III в. и не прекращавшее своей деятельности вплоть до XIX в. Проповедовало догмы буддийского учения; его требования были близки беднякам-крестьянам и мелким производителям. Его членами нередко возглавлялись антифеодальные движения.

Беседка винного аромата (кит. «Цзю сян тин»). — Согласно преданию, в горах Цзюсяншань (в пер. «Горы винного аромата») имелось прекрасное вино, дарившее бессмертие. Императору У-ди (см.) удалось добыть это вино, и он стал обладателем эликсира бессмертия. С данной легендой связана и шутка одного из приближенных императора У-ди — известного острошлова Дунфан Шо. Он позволил себе тайком от императора испробовать чудодейственного вина, за что император решил казнить смельчака. Но тот, улыбаясь, сказал: «Если вино действительно чудодейственно, то убить меня вы не сможете; если же нет, то на что оно вам?!»

Бессмертный Люй. — Имеется в виду Люй Дунбинь (см.).

Би Гань (IX в. до н. э.) — сановник, согласно преданию, казненный императором за то, что постоянно призывал его не проявлять жестокости и насилия в отношении подданных.

Били в барабан, громко пели и пили вино. — Любоваться распускающимися бутонами под бой барабана было одним из развлечений собиравшихся за вином любителей природы и поэзии.

Бинтованные ножки. — В Китае примерно с X—XI вв. и вплоть до начала XX в. было широко распространено бинтование женских ног. Начиная с четырех-пяти лет девочкам ежедневно стягивали бинтом стопу, поджимая под нее четыре меньших пальца; в результате примерно через год стопа переставала расти, деформировалась и приобретала форму вытянутого треугольника. Маленькие ножки, обутые в крохотные туфельки, были одним из критериев женской красоты.

Бинчжоу — область на территории пров. Шаньси.

Бить в барабан и жаловаться — см.: **Барабан и колотушка**.

Бичжэн. — Речь идет о некоем Пань Бичжэне. Существует предание о том, что он был помолвлен с девушкой по фамилии Чэнь, по имени Цзяолян. Когда у Цзяолян умер отец, ей с матерью пришлось покинуть родные места, и в дороге они потеряли друг друга. Цзяолян ушла в монастырь, настоятельницей которого оказалась тетка Бичжэна. И когда Бичжэн приехал навестить ее, случай свел его с нареченной.

Благоприятный (счастливый) день. — Согласно старинной традиции, для начала любого важного дела (посев, открытие торговли, заключение брака, поездка и пр.) существовали благоприятные или неблагоприятные дни. Их узнавали по гаданию или находили в специальном календаре.

Благородный рыцарь. — Так называли тех, кто во имя справедливости приходил на помощь людям, притесняемым правительством или местными чиновниками, творил добрые дела, помогая обиженным и обездоленным. Нередко в роли таких рыцарей выступали и разбойники. Люди эти, как передает китайская традиция, искусно владели оружием и могли быстро бегать, взбираться по отвесным скалам, совершать огромные прыжки в высоту. Им часто приписывали необычайные способности. Считалось даже, что они могут летать по воздуху.

Блюда на угольках. — Чтобы еда не остывала, в Китае различные блюда иногда подают к столу в специальных котелках с тлеющими под ними угольками.

Богиня Запада — см.: **Си Ван-му**.

Бохай — государство (698—926), занимавшее в период своего расцвета полностью или большую часть территории Приморья и Приамурья, Северо-Восточного Китая и Северной Кореи.

Бошанская курильница — разновидность дорогих курильниц; верхняя ее часть, куда помещается ароматическое вещество, имеет форму горы, в нижнюю наливают горячую воду. Курильница напоминает гору Бошань в море; отсюда и название «бошанская».

«Братание в персиковом саду» — название театрального представления, сюжетом которого являются события, относящиеся к эпохе Троецарствия (III в.) и описанные в романе Ло Гуаньчжуня «Троецарствие». В персиковом саду, по преданию, побратались от важные герои Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй.

Брачные чаши — см.: **Соединили чаши**.

Брусок — деревянный брусок, которым начальник ударяет по столу, когда хочет водворить спокойствие в зале присутствия или припугнуть допрашиваемого. Подобным бруском пользуются и китайские сказители в тех местах своего рассказа, когда необходимо привлечь особое внимание слушателей.

Будущая жизнь — см.: **Перерождение**.

Будь он хоть Бои или Шуци. — То есть будь он таким же достойным и крайне бедным человеком, какими были Бои и Шуци. Намек связан с преданием о двух братьях, якобы живших в XII в. до н. э.; благородные, преданные своему правителю, они были доведены до крайней бедности и умерли с голоду, не пожелав служить правителю новой династии.

Бумажные деньги. — При жертвоприношениях божествам и духам предков сжигались бумаги с набивным изображением монет. Считалось, что, сгорая, они превращаются в настоящие деньги и служат божествам и духам предков в их загробной жизни.

Бумажный фонарик — в данном случае небольшой фонарик со свечой внутри; низ фонарика, где устанавливается свеча, деревянный; пламя предохраняется от задувания бумажным абажуром, открытым сверху. Как правило, у фонарика сверху имеется цепочка, на которой крепится ручка.

Бьет волна по пузырям — круглыми не быть — намек на то, что супругам не соединиться; основан на полисемантизме слова «юань», имеющего значения «круглый» и «соединиться» («жить одной семьей»).

Бяньлян (ныне Кайфэн) — одна из столиц Северной династии Сун (см.: *Сунская династия*).

Вам можно бы поехать к Янь Жуй и побыть с нею. — Имеется в виду, что Юаньцин, как чиновник из другой местности, не является в данном районе должностным лицом и на него не распространяется положение, запрещающее должностным лицам интимные встречи с местными гетерами.

Ван Аньши (1021—1086) — крупный ученый, политик-реформатор и поэт. С 1069 по 1076 г. с небольшим перерывом занимал пост первого министра.

Ван Вэй (701—761) — знаменитый поэт, один из прославленной плеяды китайских поэтов VIII в.

Ван Девятая — см.: *Люй Второй*.

Ван Мэй. — В заведении девицы получали фамилию хозяйки (в данном случае — Ван), одновременно им давали новое имя (Мэй — в пер. «Прекрасная»).

Ван Сяньчжи — один из руководителей крестьянского восстания, вспыхнувшего в 875 г. в пров. Шаньдун. В ходе восстания войска Ван Сяньчжи объединились с повстанцами, которыми руководил Хуан Чао (см.). В 878 г. Ван Сяньчжи потерпел поражение от правительственных войск, армия его была разбита, а он сам погиб в бою.

«Ван-тайгун». — К фамилии героя (Ван) присоединено слово «тайгун» («великий князь») — титул, данный легендарному министру древности Люй Шану. Это шутовское прозвище основано на омонимичности двух слов — фамилии героя (Ван) и слова «ван» («долгожданный») из почетного титула Люй Шана (подробнее см.: *Люй Шан*).

Ван Третий — см.: *Люй Второй*.

Вань-ли — этим девизом (см.) обозначались 1573—1620 годы правления императора Чжу Ицзюня (Шэнь-цзуна).

Ван Яи (он же Ван Чун; 1494—1535) — поэт и каллиграф.

Великий позор страны. — Имеется в виду положение в стране после 1127 г. (см.: *Сунская династия*).

Великий срок — то есть конец жизни.

Величайшие события жизни. — Имеются в виду рождение человека и его смерть.

Весенние дворцовые ворота — часть императорского дворца, где раз в три года происходили государственные экзамены на высшую чиновную степень.

Весна — пора спроса на чай — образно о весне как о поре любви, когда заключаются браки. Чай в знак верности данному слову при сватовстве дарят невеста жениху и жених невесте. Этот обычай связан со свойством чайного куста, который не выносит пересадки.

Вестники — те, кто первыми сообщали успешно выдержавшим государственные экзамены или их близким о результате экзаменов. Обычно такие люди получали за свой труд вознаграждение.

Вестовая дощечка — продолговатая деревянная дощечка; ее прикрепляли к древку и носили на плече люди, которых посылали заблаговременно предупредить местные власти о предстоящем визите высокого начальства. На вестовой дощечке писали, кто именно из вышестоящих чиновников должен прибыть.

Ветер весенний перила обмел, ты как цветок, окропленный росой. — Эта строка рисует красоту фаворитки, пальцы которой белы и прозрачны, как белый мрамор перил, с которых ветер сдул все пылинки, а тело излучает такую же красоту, как цветок, который сияет и блестит в росе.

Ветер и дождь провожают весну. — Конец весны сопровождается в Китае обильными дождями и сильным ветром.

Ветерок, цветы, снег и луна — образно о любовных свиданиях.

Визитная карточка — в старину лист красной бумаги, по величине равный примерно листу современной почтовой бумаги. На нем значились фамилия, имя (иногда прозвище), место рождения и должность лица, подавшего лист. Часто на таких карточках писались приглашения, излагалась какая-нибудь просьба.

Визитная шкатулка — небольшой продолговатый ящик, предназначенный для визитных карточек или подарков.

Вино тут же было подогрето. — Пить холодное вино считалось вредным для здоровья.

Високосный месяц — тринадцатый месяц в високосном году по китайскому лунно-солнечному календарю.

Владыка востока — то есть хозяин. Хозяином востока в просторечии жилец называл хозяина дома; так могли называть подчиненные хозяина лавки, учреждения и т. д.

В облаке вижу я платье твое. — Все это стихотворение, восхваляющее красоту Янгуйфэй, Ли Бо пишет от лица императора.

Во дворике среди акаций только Се. — В этой и следующей строках намеки на братскую любовь и дружбу древних, связанных с двумя преданиями:

1. Как-то раз, когда благородный человек и мудрый сановник Се Ань (IV в.), поучая своих сыновей и племянников, спросил у них, почему люди хотят, чтобы братья жили всегда в согласии, один из его племянников сравнил братскую любовь с прекрасной орхидеей и гороховым деревом, которые каждый хочет видеть цветущими в своем доме.

2. Когда братья Тянь (III в.) — Тянь Чжэнь, Тянь Цин и Тянь Гуан — делили между собой наследство, они, посоветовавшись, решили срубить и разделить на три части дерево, которое росло перед их домом. В тот же день дерево вдруг засохло. Пораженные и расстроженные этим, братья отказались от раздела имущества, и дерево тут же ожило и зацвело.

Восемь периодов года. — По старому китайскому лунно-солнечному календарю: начало весны, весеннее равноденствие, начало лета, летнее солнцестояние, начало осени, осеннее равноденствие, начало зимы и зимнее солнцестояние.

Воюющие царства — период острой борьбы удельных княжеств (403—221 гг. до н. э.).

В пределах четырех морей — во всем Китае.

Враг чужеземный разгромлен, сметен... — Речь идет о свержении монгольской династии Юань и установлении в 1368 г. китайской династии Мин (см.).

Врач щупал его пульс. — С древних времен в Китае, так же как, например, в Греции, Индии, арабских странах, врачи уделяли исключительное внимание изучению пульса. Пульс проверялся на обеих руках, причем в трех местах, и на основании данных пульсации ставился диагноз болезни, определялись ее прогноз и методы лечения.

Встретились снова мечи. — Речь идет о двух легендарных мечах, выкованных одновременно во времена глубокой древности и затем утраченных. По легенде, много веков спустя из реки Яньпинцизинь вылетели два дракона и взвились к небесам — это и были воплотившиеся в драконов знаменитые мечи.

Вторая жена. — В старом Китае человек мог одновременно иметь нескольких жен; при этом женщины жили вместе с мужем в одном доме. Первая жена считалась старшей, хозяйкой дома; ее первенец был законным наследником семейного имущества и пользовался всеми привилегиями, вытекавшими из патриархальных родовых обычаев.

Второе имя. — В старом Китае у человека, как правило, было несколько имен. Маленькое (детское, или молочное) имя ребенок получал при рождении, и оно сохранялось за ним обычно до школьного возраста; для детских ласкательных имен чаще всего подбирались поэтические слова. Когда ребенок поступал в школу, отец или учитель давали ему первое официальное (книжное, большое, или школьное) имя, которое сохранялось за человеком на всю жизнь и употреблялось во всех официальных случаях. Кроме того, друзья, учителя и родители давали юноше, когда он становился взрослым, второе имя. Образованный человек обычно имел и литературное прозвище. Ученые-литераторы нередко подбирали себе еще и литературный псевдоним, используя для него поэтические слова, обозначающие благородство, силу, красоту и т. п.

Человек, продавший себя в рабство или поступивший в услужение, обычно не только получал от хозяина новое имя, но и принимал его фамилию.

Выбрать день — см.: **Благоприятный (счастливый) день.**

Вытащил из рукава. — Удлиненная часть низа широкого рукава китайского халата или немного сшивалась по направлению к кисти, или просто сужалась к кисти, и таким образом в нижней части рукава получался своеобразный карман.

Вэй — река Вэй (Вэйхэ). Берет начало в пров. Хэбэй и течет на восток.

Вэй Гао (745—805) — крупный сановник и полководец.

Вэнь-ван находился в заключении в Юли. — Вэнь-ван, который, по конфуцианской традиции, считается достойнейшим государем древности, был удельным князем за-

падных земель. Недовольный возросшим авторитетом Вэнь-вана среди удельных князей, Чжоу Синь (см.) заключил Вэнь-вана в тюрьму в Юли, а сына его Бо Икао велел живьем сварить на обед отцу.

Вэнь-ди — храмовое имя (см.) императора Лю Хэна, правил с 179 по 157 г. до н. э.

Вэнь Хэншань (он же Вэнь Чжэнмин; 1470—1559) — ученый, художник и каллиграф.

Вэньцзюнь. — Речь идет о Чжо Вэньцзюнь, красавице-жене знаменитого поэта Сыма Сянжу (179—117 г. до н. э.); известна также как поэтесса.

В китайских исторических хрониках в биографии Сыма Сянжу говорится о его любопытной встрече с Вэньцзюнь. Однажды Сыма Сянжу оказался в городе Линьцюн на пиру в доме местного богача Чжо Вансуня, отца Вэньцзюнь. В разгар пира Сянжу попросили сыграть на цитре. Зная, что у Чжо Вансуня есть дочь, женщина молодая, недавно овдовевшая, и что она любит и понимает музыку, Сянжу стал исполнять мелодии, которые могли бы тронуть ее сердце. Вэньцзюнь, плененная игрой, стала подглядывать за играющим. Сянжу настолько ей понравился, что ею овладело несбыточное, как ей казалось, желание выйти за него замуж. Кончив играть, Сянжу велел прислуге щедро одарить служанок Вэньцзюнь, чтобы те довели до сведения их хозяйки о его уважении и почтении к ней. В ту же ночь Вэньцзюнь вместе с Сянжу бежала из отчего дома в Чэнду, где им пришлось жить в крайней бедности. Отец Вэньцзюнь, который отказался от сбежавшей дочери, в конце концов простил ее, подарил молодым сто слуг, миллион монет, отдал Вэньцзюнь ее приданое, и тогда Сянжу и Вэньцзюнь поженились и зажили богато.

Гай Сувэнь — Цюаньгай Сувэнь (кор. Ёнгэ Сомун; ?—666), военачальник королевства Когурё (см.), которое в союзе с Пэкче неоднократно нападало на империю Тан и королевство Силла. Танская империя трижды (644, 647 и 660 гг.) посылала свои войска против Когурё на помощь Силла. После смерти Цюаньгай Сувэня его сыновья начали враждовать между собой, и его старший сын бежал в империю Тан просить помощи. В 668 г. танские войска взяли Пхеньян, и король Когурё капитулировал.

Гань Ло. — Источники свидетельствуют, что Гань Ло (III в. до н. э.) двенадцатилетним мальчиком уже служил Лю Буэю, министру удела Цинь; был направлен им послом в уезд Чжао и за успешно выполненную миссию награжден высоким титулом. Министром, как об этом говорится в рассказе «Старый сючай...», Гань Ло не был.

Гао. — Имеется в виду поэт Гао Ци (1336—1374).

Гао Пянь (?—887) — полководец, губернатор многих провинций; имел титул князя области Бохай. Известен и как поэт.

Гао-цзун — храмовое имя (см.) императора Ли Чжи, правил с 650 по 683 г. (с. 237).

Гао-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Гоу, сына плененного чжурчжэнями (см.) императора Хуэй-цзуна; правил с 1127 по 1162 г. Когда север страны оказался захваченным чжурчжэнями, Гао-цзун бежал на юг, избрав своей резиденцией г. Ханчжоу. 1127 год считается началом правления династии Южная Сун (подробнее см.: *Сунская династия*) (с. 309, 621).

Существует легенда, что во время преследования чжурчжэнями принца Кана (впоследствии императора Гао-цзуна) тот вскочил на коня, который перенес его через реку Янцзы. Только на другом берегу принц обратил внимание на то, что конь сделан из глины.

Геомантия — (кит. «фэн шуй» — «ветры и воды») — искусство приспособления жилищ живых и мертвых для взаимодействия и гармонического сочетания с потоками космического влияния на данной местности. Наилучшее место для захоронения определялось в значительной степени в зависимости от направления течения рек, характера деревьев, гор, холмов и других особенностей ландшафта. Напомним, что именно под воздействием философии Чжу Си, подчеркивающей фактор влияния небес на земные события, возникло одно из направлений в геомантии.

Гетера. — К периоду Тан (618—907) уже сложился институт гетер; для IX в., по видимому, можно говорить о зарождении института частных гетер, в современном понимании — публичных домов; в XII в. в столице сунского Китая — городе Бяньляне — существовали целые кварталы таких домов.

Как правило, гетеры были образованными женщинами, хорошими певицами и танцовщицами, играли на музыкальных инструментах, иные обладали и поэтическим даром.

В качестве красивых и приятных собеседниц их нередко приглашали на пиры, составить компанию в загородной прогулке и т. п.

Го, имя Цзыи — Го Цзыи (697—781) — прославленный полководец, отличившийся главным образом в борьбе с иноземными племенами, вторгшимися на территорию Китая.

Го Куан — брат жены императора Гуань-ди (25—57), был так богат, что его дом называли «золотой пещерой».

Горячее вино — см.: *Вино тут же было подогрето.*

Горячий чай. — У южан горячим чаем или кипятком разбавляли холодную кашу. Подавали это блюдо с какой-нибудь закуской.

«Государства рушит» — см.: *«Крушащая царство».*

Государственное училище — высшее учебное заведение; училища были уездными, областными и столичными (см.: *Гоцзыцзянь*).

Государственные экзамены. — Имеются в виду трехстепенные государственные экзамены; были введены в Китае в 121 г. и просуществовали вплоть до 1905 г. Экзамены на первую ученую степень (сюай) проводились в уездном городе, на вторую (цзюйжэнь) — в области, на третью и высшую (цзиньши) — в столице. С 973 г. после столичных экзаменов устраивался экзамен при дворе, где экзаменатором был сам император. С 1375 г. трое лучших из выдержавших этот экзамен зачислялись в Придворную академию (Палату ученых). Сдать такие экзамены, а следовательно, получить ученую степень, которая обеспечивала соответствующее положение в обществе и материальные блага, всегда было заветной мечтой образованного человека. Осуществить эту мечту было далеко не просто: надо было затратить не один год, чтобы подготовиться к экзаменам (следовало хорошо знать и классические книги древности, и старинную поэзию, обладать изящным слогом и каллиграфическим почерком); приходилось нести и большие материальные затраты, связанные с переездами и жизнью вне дома, с приобретением книг и многими другими расходами. В период Мин (см.) система государственных экзаменов, по существу, вырождается: тщательный отбор абитуриентов по их социальному происхождению, взяточничество и продажность среди экзаменаторов приводили к тому, что, как правило, лишь представители господствующего класса имели к ним доступ и возможность их благополучного прохождения.

Гоцзыцзянь. — Так называлось высшее государственное училище в столице.

«Гром из кулака». — Мошеннические приемы некоторых даосов (см.: *Даос*) и заклинателей укрепляли в народе веру в их сверхъестественную, магическую силу, в волшебные приемы, которыми они якобы владели; в том числе будто они могли сосредоточить в ладони энергию и, разжав кулак, направлять ее на то, чтобы вызвать дождь и ветер, гром и молнию, одолеть нечистую силу и чудовищ.

«Грушевый сад». — Так называлась труппа певцов, музыкантов и актеров при дворе императора Сюань-цзуна (см.). Образование этой труппы считалось началом театра в Китае.

Гуабу — город в пров. Цзянсу, близ Гуачжоу, где покончила с собой героиня рассказа.

Гуань-ван — см.: *Гуань Юй.*

Гуань Гао (III—II вв. до н. э.) — министр при Чжан Ао, князе удела Чжао, зяте первого императора династии Хань (см.) Гао-цзу. Как-то, проезжая удел Чжао, Гао-цзу нанес визит Чжан Ао, при этом держался он крайне бесцеремонно и оскорбительно. Чжан Ао делал вид, что не замечает этого. Между тем приближенные князя решили отомстить за своего господина и расправиться с Гао-цзу. Узнав от Гуань Гао о готовящемся покушении, Чжан Ао возмутился, напомнил своему министру, что удел, утраченный его отцом, вернулся к нему благодаря Гао-цзу, и строго-настрого запретил даже думать о заговоре. Приближенные Чжан Ао во главе с Гуань Гао все же продолжали готовить покушение, но оно не удалось — о заговоре донесли Гао-цзу, тот приказал арестовать Чжан Ао, заговорщиков и препроводить их в столицу. Все причастные к заговору, кроме Гуань Гао, страшась предстоящей расправы, покончили с собой. Князя и Гуань Гао отправили в столицу и заключили в тюрьму. Гуань Гао подвергли жесточайшим пыткам, он был уже почти при смерти, но упорно твердил: «В заговоре принимали участие сановники и я. Князь тут ни при чем».

Гуань и Бао (VII в. до н. э.). — Имеются в виду Гуань Иу и Бао Шуя, о легендарной дружбе которых сохранилось немало преданий. С рассказа о них начинается повесть «Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру» (см.).

Гуаньинь — одно из наиболее популярных в Китае и Японии божеств буддийского пантеона. Милосердный бодхисаттва Гуаньинь чаще всего изображается в Китае после XIV в. в виде женщины. Культ богини-чадоподательницы Гуаньинь один из самых распространенных в Китае. Изображение любящейся отражением луны в воде Гуаньинь является классическим в иконографии буддизма.

Гуань Лунпан (XVII в. до н. э.). — Источники говорят о нем как о преданном стране, бескорыстном и честном сановнике; был казнен императором-тираном Цзе, которого он упрекал в пьянстве, разгуле, небрежении государственными делами.

Гуаньшэн. — В пер. «учащийся из чиновников». Так именовались дети и родственники высших чиновников при прохождении первых государственных экзаменов (см.) в уезде. Выдержавший экзамены гуаньшэн получал особые привилегии при назначении на должность.

Гуань Юй (III в.) — прославленный полководец эпохи Троецарствия, один из героев романа Ло Гуаньчжуна (ок. 1330—ок. 1400) «Троецарствие»; посмертно получил титул князя (вана), а в 1594 г. был канонизирован и объявлен богом-покровителем войны — Гуаньди; считается также духом-покровителем литературы и торговли. В честь Гуаньди в Китае воздвигнуто множество храмов.

Гуань Юй, отправлявшийся на пир в Лукоу. — Эпизод из истории Троецарствия (III в.). Когда правитель царства У — Сунь Цюань потребовал от правителя царства Шу — Лю Бэя возвращения района Цзинчжоу, Лю Бэй согласился, рассчитывая на то, что Гуань Юй (см.), охранявший Цзинчжоу, откажется выполнить его приказ. Так оно и случилось. Тогда один из военачальников Сунь Цюаня решил устроить пир в Лукоу и пригласить Гуань Юя, дабы уговорить его пойти на уступки. В случае отказа решено было его убить.

В рассказе настроение У Восьмого сравнивается с воинственным настроением Гуань Юя, направлявшегося на пир в Лукоу.

Гуачжоу — город в пров. Цзянсу (с. 174, 265).

Гуачжоу — область в современной пров. Чжэцзян (с. 63).

Гуйгу — он же Гуйгу-цзы («мудрец Гуйгу»). Под этим именем известен крупный философ и государственный деятель Ван Сюй (V—IV вв. до н. э.). Традиция говорит о нем как о человеке, прославившемся мудростью и глубокими познаниями в политике и военном деле. Последователи даосского учения (см.: *Даос*) считают Гуйгу великим учителем, который якобы воспринял учение даосизма непосредственно от самого Лао-цзы. Впоследствии имя Гуйгу стало нарицательным для человека, обладающего способностью угадывать мысли и поступки людей.

Гуйцзи — ныне уезд Шаосин (пров. Чжэцзян).

Гун и шан — обозначение двух первых тонов китайской гаммы.

Гунсунь Хун (?—121 гг. до н. э.) — главный советник при императоре У-ди (годы правления: 140—87 гг. до н. э.).

Гуншэн — в пер. «рекомендованный учащийся». При старой системе государственных экзаменов (см.) в период Мин (1368—1644) было введено положение, по которому из числа обучавшихся (кит. «шэн») в областных, окружных и уездных училищах отбирались и рекомендовались (кит. «гун») лучшие. Критериями отбора были успехи в учении, поведении, возраст и т. д. Гуншэн получал право на поступление в государственное училище (Гоцзыцзянь) в столице, мог быть выдвинут в кандидаты для сдачи дворцовых экзаменов или же в кандидаты для получения незначительной должности.

Поскольку среди критериев отбора для присвоения звания гуншэна был и возрастной, в училище устанавливалась очередность, учитывающая этот критерий. Учащийся, не пожелавший по той или иной причине воспользоваться правом быть гуншэном в положенный для него возрастной срок, мог уступить свою очередь следующему.

Гунтэ Чжан — один из учеников Конфуция (см.); был несправедливо обвинен в краже и посажен в тюрьму. После освобождения Гунтэ Чжана Конфуций выдал за него свою дочь.

Гусу — старое название города Сучжоу (пров. Цзянсу).

Дал Мао Бао черепахе волю... — В первой половине стихотворения два намека, связанных со старинными легендами.

В первом из них, вероятно, речь идет не о самом Мао Бао, крупном сановнике периода Цзинь (III—V вв.), а о подчиненном ему военном, который, как гласит предание, купил черепаха, кормил ее, а затем отпустил на волю. Когда он в бою упал в реку, эта же черепаха спасла ему жизнь.

Некий Сун Цзяо, живший в период Сун (см.), плывя на лодке, заметил, как тонет листок, на котором сидит муравей. Он подобрал листок и таким образом спас муравья, который оказался королем муравьиного царства. Впоследствии этот же муравей выручил Сун Цзяо на экзаменах, поставив точку в сочинении своего благодетеля в том месте, где тот ее пропустил. Сун Цзяо первым выдержал экзамен во дворце (см.: *Государственные экзамены*) и получил пост министра.

Дамин — в пров. Хэбэй.

Дантусянь — уезд в пров. Аньхой, где происходило описанное.

Дао — см.: *Даос*.

«Дао Дэ цзин». — Китайская традиция приписывает сочинение этой книги Лао-цзы (V в. до н. э.), который якобы продиктовал ее текст перед тем, как покинуть мир и уйти на запад. Пять тысяч слов этого канона трактуют о сущности Истинного пути — Дао (см.: *Даос*) и об идеальном законе человеческой жизни — Дэ, в котором претворяется этот Истинный путь. «Дао Дэ цзин» представляет собой замечательный памятник древнекитайской философской мысли.

Даос — последователь даосизма, древней китайской философской системы, основоположником которой считается Лао-цзы. В основе даосизма лежит понятие «Дао» — «Пути» (истины) как абсолютного начала Вселенной. Дао порождает все многообразие мира, рассматриваемого как бесконечный поток естественного развития вещей. В I—II вв. возникла даосская религия, которая эклектически соединила в себе основные принципы древнего философского даосизма с шаманством, колдовством, демонологией и астрологией, а также с древними китайскими верованиями и элементами буддизма.

Даосизм (даосский) — см.: *Даос*.

Дао Чжи (VI—V вв. до н. э.). — Как гласит предание, Дао Чжи, уроженец княжества Лу, собрал многотысячную банду, которая чинила разбой по всей стране — воровала скот, уводила и насиловала женщин, грабила и уничтожала поместья. Имя Дао Чжи (букв.: «Разбойник Чжи») стало нарицательным для убийцы, разбойника.

«Да сюэ» («Великое учение») — написанный в V в. до н. э. конфуцианский этико-политический трактат, основная идея которого сводится к тому, что идеальное управление государством возможно лишь на основе самосовершенствования личности. Вначале вошел в состав «Ли цзи» («Книги обрядов»); при династии Сун (см.) был выделен как самостоятельная книга и вошел в «Четверокнижие» (см.).

Да-шунь — 890 и 891 гг.

Девиз. — С III в. до н. э. по 1911 г. царствование каждого императора обозначалось определенным девизом (имя самого императора запрещалось не только произносить, но и писать), символизирующим его правление и выраженным в высокопарных словах типа «Великая добродетель» («Да-дэ»), «Вечное процветание» («Юн-син»), «Божественный феникс» («Шэнь-фэн») и т. д. Иногда по той или иной причине девиз менялся несколько раз на протяжении правления одного императора.

День, благоприятный для путешествия — см.: *Благоприятный... день*.

День осеннего полнолуния — см.: *Праздник осеннего полнолуния*.

День поминанья предков — см.: *Праздник весны*.

Дерево густых ароматов — сорт черного дерева, приобретающего после обжига исключительный аромат. Из него обычно вырезались фигурки буддийских святых.

Десяток лет не видела она владыки, и он не знал ее лица. — Намек на историю с Чжаоцзюнь (см.).

Дракона распознать сумеют — сумеют распознать благородного и знатного человека.

Драконова добродетель. — Прилагательное «драконовый» в старой китайской литературе является обычным эпитетом по отношению к императору и ко всему, с ним связанному.

Ду Му (803—852) — известный поэт и литератор; занимал высокие должностные посты.

Дун. — Имеется в виду Дун Чжуншу (см.).

Дунду — в пер. «Восточная столица», город Лоян (в пров. Хэнань), одна из двух столиц танской империи.

Дунтинху — одно из самых больших и живописных озер Китая (в северной части пров. Хунань).

Дунфан Шо (154—93 гг. до н. э.) — поэт и приближенный императора У-ди; был известен острым умом и веселым нравом. В своих шутках обличал несправедливость и призывал недостатки правления.

Дун Чжуншу (II в. до н. э.) — известный литератор и государственный деятель.

Ду Фу (712—770) — один из крупнейших поэтов средневековья.

«Ду Цзычунь повстречал бессмертного» — фантастическая новелла IX в., где повествуется о том, как некий богач Ду Цзычунь, промотавший свое состояние, встретил святого старца, который предложил ему отправиться в горы и заняться там поисками философского камня. Старец предупредил, что опыт удался, если Ду Цзычунь поборет в себе все мирские чувства: гнев, радость, ненависть, любовь и т. д. Ду Цзычунь проделал ряд магических опытов, но не сумел подавить в себе любви к женщине, и потому получить камень ему не удалось. История эта стала сюжетом ряда позднейших повестей.

Дэн Тун (II в. до н. э.) — крупный сановник, приближенный императора Вэнь-ди. Император пожаловал Дэн Туну богатые медью горы и право отливать монеты; Дэн Тун скопил на этом огромное богатство, и в дальнейшем имя его стало нарицательным для богача.

Железо и медь бросают в плавильную печь. — Эта первая строка четверостишия, представляющего собой иероглифическую загадку типа шарады, намекает на слово «соединение», «сплав» (кит. «хуа»).

Строка «По белой стене ползут муравьи чередой» намекает на слово «вдоль по» (кит. «юань»). Сочетание «хуа юань» означает «просить пожертвования».

Строка «Две силы — инь, ян, но сущность одна в них» говорит о сущности двух противоположных сил — инь и ян, т. е. о дао (см.: *Даос*); тот же иероглиф «дао» входит в качестве первого компонента в сочетании «даожэнь» — «монах».

В строке «Я в центре всегда, меж небом стою и землей» говорится о трех силах — небе, земле и человеку (жэнь), которые, согласно представлениям древнекитайской натурфилософской школы, лежат в основе мира; иероглиф «жэнь» входит в качестве второго компонента в слово «даожэнь» — «монах».

Железо и соль. — Добыча соли и железа, так же как и их распределение, имели большое значение в экономике Китая той эпохи; они всегда составляли одну из важнейших статей доходов правительства и феодалов.

«Желтое и белое» — образно о золоте и серебре.

Жемчуг вернулся в Хэпу. — Образ этот связан с преданием о некоем Мэн Чане (II в.), бескорыстном правителе области Хэпу. Жадные до денег и продажные, предшественники Мэн Чана довели свой народ, который жил добычей жемчуга, до полного разорения, и жемчуга в Хэпу в конце концов не стало. Мэн Чан в корне изменил существовавшие до него порядки, и не прошло и года, как жемчуг снова появился в Хэпу.

Жена — см.: *Вторая жена*.

Жугао. — В древней летописи «Цзочжуань» (IV—III вв. до н. э.) говорится о некоем Цзя Жугао, человеке с уродливой внешностью, женившемся на красавице. Жена Жугао не разговаривала с мужем и не улыбалась ему. Лишь через три года, когда Жугао подстрелил фазана, красавица заговорила с ним и улыбнулась. Здесь намек на желание Чжуаньчжи обратить на себя внимание женщины, вызвать у нее улыбку.

Жуньчжоу, Сучжоу, Чанчжоу — в пров. Цзянсу.

Зайца губит шерсть его, черепаху — панцирь. — Заячья шерсть считалась одним из лучших материалов для изготовления писчих кистей; панцирь черепах исстари использовали для гадания, а также для поделок, украшений.

Законы неба. — Имеется в виду высшая справедливость.

За одно преступление дважды не наказывают. — По существовавшему тогда законоположению, удары, полученные во время допроса, засчитывались при исполнении приговора.

Западная Лян (400—420) — одно из шестнадцати царств, существовавших в IV—V вв. на территории Северного Китая и образованных иноземными племенами разного этнического происхождения. Китайское царство Западная Лян (в западной части пров. Ганьсу) было основано Ли Хао.

Западная Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 8 г. н. э.

Запятав в рукав — см.: *Вытащил из рукава*.

Зацеп. — В китайских домах на окнах (вместо стекла) и у входа в комнату (вместо двери) часто вешали занавес — матерчатый или из свисающих нитей с нанизанными на них бусинками. Прикрепленный неподвижно в верхней его части, занавес откидывался в сторону (или в стороны, если он состоял из двух половин) на серпообразный крюк-зацеп (или два зацепа) и им (ими) зажимался.

Звук ударов по медной пластине. — Ударяя маленьким молоточком по круглой медной пластине (атрибут профессиональных гадателей-слепцов), гадатель дает знать о своем появлении.

Земли законы — законы геоантии (см.).

Знали даже, когда там оправлялись. — На юге старого Китая в городах и густонаселенных местах не было уборных, и люди оправлялись в бочонок; рано утром его выносили на улицу и сборщики фекалий (их называли «сборщиками золота») опорожняли бочонки.

Золотой отрок — один из прислужников небожителей.

Золотой цветок. — Имеется в виду золотой цветок, который носили на головном уборе лица, получившие степень цзюйжэнь и цзиньши (см.: *Государственные экзамены*).

Золотые ворота (или Ворота золотого коня) — выстроены императором У-ди (140—87 гг. до н. э.) перед императорским дворцом рядом с основанной им же Академией ученых. Поэтому последнюю часто называли Золотыми воротами.

Золотые лотосы. — Имеются в виду маленькие ножки китайки (см.: *Битованные ножки*). Этот образ традиция возводит к одному из удельных князей V в., который якобы, предложив своей наложнице Пань пройтись по вырезанным из золота цветам лотоса, произнес: «Под каждым ее шагом рождается цветок лотоса».

Золотые ступени. — Прилагательные «золотой», «драконовый», «яшмовый» являются в старой китайской литературе обычными эпитетами по отношению к императору и ко всем предметам, с ним связанным.

И — денежно-весовая единица в древнем Китае, равнялась примерно 740 г.

Ивы и цветы — иносказательно: гетеры из веселых домов.

Играли в пальцы — застольная игра. Играющие одновременно выкрикивают число и показывают при этом сколько-то пальцев. Если сумма выставленных всеми игроками пальцев равна числу, названному одним из играющих, то последний считается выигравшим.

Изумрудные террасы. — Намек на обитель небожителей и фей.

Имя — под «именем» имеется в виду «официальное», «большое», «книжное», или «школьное», имя (о китайских именах см.: *Второе имя*).

Инспектор по делам запасных зернохранилищ. — При сунской династии (см.) в провинциях были учреждены должности инспекторов по делам чая и соли, ирригации, зернохранилищ и др. Они обладали также правом привлекать любое должностное лицо в провинции к ответственности за нарушения по службе.

Испытание влечений и талантов. — По старому народному обычаю, когда ребенку исполнялся год, перед ним ставили блюдо, на котором лежали лук и стрела, ножницы и аршин, бумага и кисть, а также прочие вещи. По взятому ребенком предмету определяли его наклонности.

«История Ранней династии Хань» («Цянь Хань шу») — составлена Бань Гу (см.). Бань Гу умер, не успев завершить своего труда.

Ичжэнь — город в пров. Цзянсу.

Казнить в конце осени. — Смертные казни было принято совершать осенью. Только в исключительных случаях выносился приговор «казнить немедленно, не дожидаясь осени».

Каждый ее шаг рождает лотос — см.: *Золотые лотосы*.

Кай-юань. — Этим девизом (см.) обозначалась первая половина царствования императора Сюань-цзуна (713—741).

Как и его могучий дед, он силой одарен. — Эта первая строка стихотворения, представляющего собой иероглифическую шараду, намекает на слова: «внук» («сунь») и «власть» («цюань»). Теми же иероглифами обозначаются фамилия и имя Сунь Цюаня (182—252), известного политика и полководца, основателя династии У, одного из героев «Троецарствия».

Строка «При свете из дыры в стене читает книги он» намекает на слова «отверстие» («кун») и «свет» («мин»). Этими же иероглифами обозначается второе имя Чжугэ Ляна (см.) — Кунмин.

Строка «В пути навеет штопки нить о матери печаль» намекает на слова «сын» («цзы») и «вспоминает», «думает» («сы»). Цзысы — прозвище ученика и последователя Конфуция — Юань Сяня.

Строка «Почтенный старец у ворот, склонившись, смотрит вдаль» содержит намек на фамилию Люй, так как состоит из ключевого знака «ворота» и помещенного в нем фамильного знака «Люй». Отсюда смысл строки расшифровывается так: старец Люй, облокотившись на ворота, смотрит вдаль. «Смотреть вдаль» — кит. «ван»; таким образом, получаем «люй ван». Люй — фамилия, Ван — прозвище мудрого советника древности Люй Шана (он же Цзян Тайгун, Цзян Цыя).

Каллиграфия. — Высоко ценилась китайцами во все времена как особый вид искусства. Часто ученый был одновременно поэтом, художником и каллиграфом. Надписи, выполненные каллиграфическим почерком, висели в домах образованных людей; красиво написанными иероглифами украшались веера, изделия из фарфора, лака и т. д.

Канга — деревянная колодка, которую надевали на шею преступнику.

Карточка — см.: **Визитная карточка.**

Квадратный бамбуковый посох. — Сделан из редкого и ценного сорта бамбука («квадратного бамбука»), отличающегося крепостью и эластичностью.

Кисть из чжуншаньской кроличьей шерсти. — Названа по местности Чжуншань (в пров. Аньхой), с древности славившейся своими кистями.

Кисть из шерсти зайца — лучший сорт писчей кисти из тонкого волоса белого зайца.

Классическая музыка. — Согласно Конфуцию, музыка, построенная по строгим классическим канонам, благотворно влияет на человека, а нарушающая их — развращает людей.

Классические книги — девять канонических книг, составляющих основу конфуцианской учености: «Книга перемен» («И цзин»), «Книга песен» («Ши цзин»), «Книга исторических деяний» («Шу цзин»), «Книга обрядов» («Ли цзи») и «Летопись Чуньцю» («Чуньцю»), известные в китайской литературной традиции под общим названием «Пятикнижие» («У цзин»), «Великое учение» («Да сюэ»), «Учение о середине» («Чжун юн»), «Беседы и суждения» («Лунь юй») и «Мэн-цзы», вошедшие в литературу под общим названием «Четверокнижие» («Си шу»).

«Книга обрядов» («Ли цзи») — одна из классических книг (см.) конфуцианского канона.

«Книга перемен» («И цзин») — одна из классических книг (см.) конфуцианского канона. На ней базируются древнекитайская натурфилософия и исчисление древнего китайского календаря.

«Книга песен» («Ши цзин») — одна из классических книг (см.) конфуцианского канона.

Когурё. — В древние времена на территории нынешней Кореи находились три самостоятельных и постоянно враждовавших между собой государства: Когурё (занимало всю северную часть полуострова), Силла (восточную часть остальной территории) и Пэкче (западную ее часть). В VII в. Пэкче и Когурё пали под ударами Силла, которому помогли китайские войска, и весь полуостров был объединен в одном государстве Силла, установившем с Танской империей дружественные отношения. Таким образом, в период, о котором идет речь в рассказе, Китай мог непосредственно угрожать государству Бохай, ранее граничившему на юге с Когурё.

Конфуцианский (конфуцианство, конфуцианец) — см.: **Конфуций.**

Конфуций (551—479 гг. до н. э.). — Под этим именем известен Кун Цю (он же Кун Чжунни), основатель древнекитайской этико-политической школы философов. Конфуцианство, развиваемое и пропагандируемое многочисленными учениками Конфуция, сыграло огромную роль в формировании китайской культуры и со времен династии Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.) стало основной идеологией господствующих классов феодального Китая.

Короб — специальный большой короб с крышкой, предназначенный для переноса приготовленных блюд. Вплоть до настоящего времени в коробах носили заказанную на дом еду, например из ресторанов.

Коромысло. — Китайцы пользуются коромыслом для переноса тяжестей; в отличие от нашего, оно прямое и легкое.

«Кошачий глаз» — разновидность опала.

Краб. — Сравнение людей с крабами основано на созвучии слов-омонимов «хэн» — «ходить поперек» (движение, свойственное крабу, который движется не вперед, а вбок) и «хэн» — «безобразничать, поступать вразрез с моральными нормами».

Красная стена. — В данном случае идет речь о горе, расположенной на берегу р. Янцзыцзян между оз. Дунтинху и г. Учаном и названной «Красная стена». В этом месте в эпоху Троецарствия (III в.) произошло сражение между войсками царства Вэй, возглавляемыми Цао Цао (см.: *Цао Цао с сыном*), и войсками царства У, во главе которых стоял Чжоу Юй. Последний одержал победу над превосходящими силами противника и уничтожил огромный боевой флот Цао Цао.

Красной тушью написал ... бумагу. — Обычно распоряжения, указы и некоторые другие официальные бумаги писались красной тушью.

Красные фонари. — Красный цвет в Китае — цвет радости: в красное одевалась невеста, в красном паланкине она отправлялась в дом жениха, на красной бумаге писались свадебные приглашения и т. д.

Красный шнур связал их — см.: *Старец под луною*.

Круги и точки. — При чтении какого-либо сочинения, написанного по правилам китайского письма вертикальными строками, было принято особо удачные места (в смысле изящества слога, образности выражения, глубины мысли, а также хорошей каллиграфии) отмечать сбоку у текста точками или кругами, которые чаще всего писались красной тушью.

Крушащая царство — иносказательно о красавице. Этот образ связывают со стихотворением Ли Яньняня (II в. до н. э.), где воспеваются красота женщины:

*На севере живет красавица,
Нет равной ей, она одна такая.
Раз взглянет — город сокрушит,
Два взглянет — свергнет царство.*

«К узорчатой ткани прибавили еще цветов» — цитата из стихотворения Ван Аньши (см.).

Кун. — Имеется в виду Конфуций (см.).

Кун Чаофу и другие — друзья Ли Бо: Кун Чаофу, Хань Чжун, Пэй Чжэн, Чжан Шумин и Тао Мян.

Куньлунь — см.: *Си Ван-му*.

Курильные свечи — палочки различной длины и толщины, изготовленные из прессованной рубленой соломы, бумаги или опилок с добавлением ароматов (сандал и др.). Употребляются для курения перед изображением божества, перед поминальной табличкой (см.) и т. д. Курильную палочку, или чаще пачку таких палочек, вставляют в курильницу, зажигают, и, медленно тлея, палочки курятся, источая ароматный дымок.

Курыканы — по названию племени, жившего в танский период в Прибайкалье.

Кучжу, или Кучжу чжэньжэнь («Постигающий истину Кучжу») — был, по преданию, вторым после Чжунли Цюаня (см.) учителем Люй Дунбиня (см.), научившим его бороться с нечистыми силами и злыми духами.

Кэхань — китайская имитация слова «каган», «хан».

Кэ Чэнь — означает, по-видимому, «Отпрыски Чэня».

Лан (лян) — денежно-весовая единица обращения серебра в Китае с древнейших времен по 1932 г., равна от 32 до 37 г серебра различной пробы.

Ланькэ. — Живописные горы Ланькэ (в пер. «Горы, где истлело топориче») в пров. Чжэцзян, славящиеся своими гротами и пещерами. По преданию, в древности (III—V вв.) некий Ван Чжи пошел туда за дровами и в одной из пещер увидел двух отроков, игравших в шашки. Ван Чжи стал следить за игрой. Отроки угостили его чем-то вроде финиковых косточек, после чего Ван Чжи не испытывал чувства голода. Когда Ван Чжи собрался в обратный путь, он увидел, что топориче его истлело. Оказалось, что он провел в горах несколько сот лет. Никого из его родных и знакомых уже не осталось в живых, и Ван Чжи снова ушел в горы, где стал святым.

Летящая ласточка. — Так за выдающиеся качества танцовщицы называли фаворитку императора Чэн-ди (правил с 32 г. до н. э. по 6 г. н. э.).

Ли — мера длины, около 0,6 км.

Ли Бо (701—762) — крупнейший поэт китайского средневековья. История о том, как продажные царедворцы Ян Гочжун и Гао Лиши, даже не взглянув на сочинение Ли Бо, не пропустили его на столичных экзаменах и как впоследствии Ли Бо прославился, когда прочел послание страны варваров, ярко передана в рассказе «Ли-небожитель...» (см. в наст. сб.).

Ли Линь (678—?) — сын императора Сюань-цзуна.

Ли Линьфу (?—752) — министр при императоре династии Тан (см.) Мин-хуане. Жестокий и хитрый, Ли Линьфу, пользуясь неограниченной властью и влиянием на императора, расправлялся со всеми, кто стоял у него на пути; по его доносам погибло немало честных и преданных родине людей. В народе про Ли Линьфу говорили: «На устах мед, а в сердце меч».

Ли-небожитель. — Имеется в виду Ли Бо (см.)

Линлин — город в южной части пров. Хунань.

Линьфу. — Расположен на крайнем севере Китая (на территории совр. Нинся — Хуэйского автономного района).

Линьань — округ в пров. Чжэцзян. Город Ханчжоу, расположенный на территории этого округа, с 1134 по 1275 г. (во времена династии Южной Сун) стал столицей Китая и был переименован в Линьань. Местность эта славится своими красотами, прежде всего живописным озером Сиху (см.).

Линь Бу (967—1028) — поэт, художник и каллиграф.

Линьи — ныне Вьетнам.

Линьцин — город в пров. Шаньдун.

Литературное прозвище — см.: *Второе имя*.

Ли Цинчжао (1084—1155?) — выдающаяся китайская поэтесса; была также необычайно талантлива в живописи и каллиграфии.

Ли Шичжи, Ван Цзинь, Цуй Цунчжи, Су Цзинь, Чжан Сюй и Цзяо Суй — поэты и литераторы.

Лиан — в пров. Цзянсу.

«Лotosовые шапки» — см.: *Золотые лotosы*.

Лофу (V—IV вв. до н. э.) — жена управляющего-эконома при князе удела Чжао, известная как красавица и целомудренная женщина. С именем Лофу связано предание, относящееся к периоду Воюющих царств (см.). Князь удела Чжао как-то из беседы увидел женщину, собиравшую на тропинке тутовые листья. Это оказалась Лофу, жена его эконома. Прельщенный необыкновенной красотой Лофу, князь решил отнять ее у эконома. Лофу написала стихотворение «Туты на тропе», в котором выражала несогласие стать наложницей князя. Одна строка из него известна в традиционной китайской поэзии: «У вас, повелитель, есть собственная жена, а у меня, Лофу — собственный муж».

Лоян — город в пров. Хэнань, одна из двух столиц Танской (см.: *Тан*) империи.

Лу Бань — по преданию, искусный механик и плотник древнего Китая; впоследствии обожествлен как дух-покровитель плотницкого дела.

Лунцзань (следует читать — Сронцзан) — туфаньский (см.: *Туфани*) вождь (правил до 650 г.), за которого была выдана дочь императора Тай-цзуна. По случаю успешного похода Тай-цзуна на Когурё (см.: *Гай Сувэнь*) Сронцзан послал ему в подарок золотой винный сосуд в форме лебедя.

Лухэ — река в пров. Хэбэй.

Лу Цзя — см.: *Суй Хэ и Лу Цзя*.

Лушань — горы в пров. Цзянси.

Лю. — Имеется в виду известный литератор Лю Чжэнь (?—217).

Любовался цветами за кубком вина. — Развлечение тонких поэтических натур, при этом собравшиеся обычно сочиняли и скандировали стихи.

Люди, которых он получил от местных жителей. — Имеются в виду бумажные фигуры людей, сжигаемые при жертвоприношении (см.: *Бумажные деньги*).

Лю И (VII в.). — Согласно легенде, некто Лю И возвращался домой из столицы, где он потерпел неудачу на государственных экзаменах (см.). Около оз. Дунтинху он встретил пастушку, назвавшуюся дочерью дракона — правителя озера. Пастушка сказала,

что даст Лю И доклад, который тот должен будет передать ее отцу. Как было установлено, Лю И встретился с пастушкой на острове, она передала ему доклад, который Лю И затем представил дракону, за что был одарен редчайшими драгоценностями. Впоследствии, когда Лю И женился, оказалось, что его жена и есть та самая дочь дракона, которую он по-встречал на озере.

Люй. — Иероглиф «Люй» (фамильный знак Люй Дунбиня) представляет собой графически два иероглифа «рот», расположенных один над другим и соединенных между собой посредине короткой чертой.

Люй Второй — Люй — фамилия, Второй — прозвище, которое давали ребенку соответственно очередности его рождения. Нередко так, следуя порядку очередности рождения ребенка, а не по имени в старом Китае называли в семье человека.

Люй Дунбинь (Люй Янь, Люй Чуньян, Люй-цзу — Патриарх Люй) — один из «восьми бессмертных», наиболее популярных в народной религии китайцев божеств даосского (см.: *Даос*) пантеона; считается лицом историческим. Согласно преданию, это был живший в VIII в. ученый, который постиг суть даосской магии и обрел бессмертие. С его именем связано много легенд.

С краткого изложения одной из них начинается повесть «Пустыяковская ссора из-за медака...». Более подробно суть легенды в следующем. Молодой талантливый юноша Люй Дунбинь, приехав в столицу держать экзамены, остановился на ночлег на постоялом дворе. В одной с ним комнате оказался какой-то даос. Как выяснилось, это был не кто иной, как уважаемый Чжунли Цюань (см.). Ничего не сказав молодому человеку, Чжунли Цюань поставил варить себе просынную кашу, а на Люй Дунбиня навел знаменательный сон. Во сне Люй прожил целую жизнь — продвинулся по службе до поста первого министра, разбогател, женился, удачно пристроил сыновей и вдруг, кем-то оклеветанный, сразу лишился всего. В ужасе он проснулся, увидел, что находится на том же постоялом дворе и что даже каша еще не сварилась. Тогда он понял суетность земных страстей и желаний, и урок, данный ему даосом, изменил его дальнейшую судьбу. Люй последовал за Чжунли Цюанем, стал его учеником, постиг искусство магических превращений и обрел бессмертие. Своей целью он поставил помогать бедным людям в борьбе со злыми духами.

Люй Чуньян — см.: *Люй Дунбинь*.

Люй Шан (Цзян Цзыя, Люй Ван, Цзян-тайгун, Ван-тайгун) — в древнекитайских мифах мудрый советник. Одна из популярных версий легенд о Люй Шане такова. Князь Вэнь-ван, основатель династии Чжоу (XII—II вв. до н. э.), спросил астролога, удачной ли будет его охота. Тот предсказал, что князю очень повезет, что на южном берегу реки Вэй его ждет крупная добыча и что будет это не дракон, тигр или медведь, а наставник, которого пошлет ему Небо. Во время охоты на предсказанном месте Вэнь-ван увидел восьмидесятилетнего рыбака. Он удил рыбу столь необычным способом и столь успешно, что, удивленный, князь воскликнул: «Ты есть тот, кого я ожидал увидеть (кит. „ван“)». Разговорившись со старцем, которого, как он узнал, звали Люй Шан, и убедившись в его мудрости, князь повез Люй Шана с собой во дворец и назначил первым министром. За острый политический ум и мудрую стратегию, которая принесла князю ряд побед над враждебными княжествами, князь наградил своего министра титулом «великий князь» («тайгун») и дал ему прозвище «Долгожданный» («Ван»). На посту министра Люй Шан прослужил двадцать лет.

Лю чжао (букв.: «шесть чжао») — общее название группы некитайских племен, обитавших при танской династии в западной части пров. Юньнань и юго-западной части пров. Сычуань.

Лян — см.: *Лан*.

Лян — удел в пров. Шэньси.

Лян Хао (913—1004) — неоднократно терпел неудачу на экзаменах; степень цзиньши (см.) он получил только на семьдесят первом году жизни. Лян Хао дожил до глубокой старости, и о нем сохранилось предание, что в восемьдесят два года, держа экзамены в императорском дворце, он получил почетное звание первого среди выдержавших.

Ляншаньбо — речные заводы в районе гор Ляншань. Здесь в начале XII в. вспыхнуло крестьянское восстание под руководством Сун Цзяна. Ходившие в народе рассказы о Сун Цзяне и его соратниках впоследствии послужили основой для знаменитого романа Ши Найяня «Речные заводы».

Малый траур. — Длится тринадцать месяцев после похорон.

Маошань — живописные горы на юге пров. Цзянсу.

Месяц со дня свадьбы. — Обычно этот день отмечается как большой семейный праздник.

Мин — династия, правившая в Китае с 1368 по 1644 г.

Молитвенное обращение. — В нем значились фамилия, имя и местожительство просителя, а также излагалась сущность его просьбы, обращенной к духам. Перед тем как буддийский или даосский монах совершал моление за просителя, молитвенное обращение сжигалось (или зачитывалось, а потом сжигалось).

Молиться, стуча зубами. — У буддистов существовало поверье, что при молитве, дабы она была действенной, нужно скрежетать зубами.

Молодая является в дом жениха — тут-то вдруг, бывает, и обнаруживается, что она уродлива. — В средневековом Китае, где браки обычно совершались по предварительному сговору между родителями жениха и невесты, жених, как правило, впервые видел свою нареченную лишь в день бракосочетания.

Молочное имя — см.: **Второе имя**.

«Мотивы Дунъю» — название песни, которая в древности была популярна в Шаньдуне; Дунъю — местность в Шаньдуне. Поэт говорит в ней о том, как с молодых лет он принимал участие в военных походах, а в старости ушел в отставку и проводил дни, гуляя по Дунъю. Поэт не жалеет об ушедших почестях и славе и только с любовью думает о своем императоре. Настроение этой песни совпадает с настроением Ли Бо, который, уйдя от государственных дел, странствовал по восточному Шаньдуну.

Му — мера площади, равная 0,06 га.

Мэй — порода дерева, растущего обычно в полях и на горах. Цветет ранней весной или зимой нежными бледно-розовыми цветами (мэй), напоминающими собой цветы персика. Цветок мэй — один из любимых цветов китайцев, часто воспеваемый в художественной литературе. Плоды дерева мэй кислые.

Мэйнян — «нян» («девица», «барышня») часто, как, например, в данном случае, употребляется в качестве ласкательного суффикса при женских именах.

Мэн — см.: **Мэн-цзы**.

Мэн-цзы (он же Мэн Кэ, IV—III вв. до н. э.) — древний китайский мыслитель, последователь конфуцианской (см.: **Конфуций**) школы. Ему приписывается авторство одной из канонических книг — «Мэн-цзы», в которой развивается учение Конфуция, излагаются принципы устройства государства и управления им (см. также: **Классические книги**).

Набрюшник. — Два куса материи шивали с трех сторон; верхнюю часть оставляли несшитой, и таким образом набрюшник служил своеобразным карманом. Держался набрюшник на тесемочках, которые завязывались на спине.

Налитые свином костью — т. е. шулерские кости.

«Нанизывание жемчуга». — В произведении, написанных в этом древнем стиле, основная мысль выражается намеком, причем одна фраза настолько тесно связана с другой, что читатель должен внимательно разбирать фразу за фразой, как бы «нанизывая» их друг на друга.

«Наньхуа чжэнь цзин» — см.: **Чжуан-цзы**.

Нань Чживэй — известная красавица древности. Существует предание о том, как в период Борющихся царств (V—III вв. до н. э.) Вэнь-гун, князь царства Цзинь, взял себе в наложницы Нань Чживэй, уроженку княжества Чу. Плененный ее красотой, князь три дня подряд предавался любви, забыв о государственных делах. Опомившись, он был вынужден отослать ее обратно. Впоследствии имя Нань Чживэй, так же как имя Си Ши (см.), стало нарицательным для выражения притягательной силы женской красоты, способной «сокрушить царство».

Наньчунские апельсины — сорт, названный по уезду Наньчун (пров. Сычуань).

Напевы, что фениксов-птиц созывают. — Существует предание о некоем Сяо Ши (VIII—V вв. до н. э.), искусном игроке на свирели, за которого отдал свою дочь князь удела Цинь. Сяо Ши умел подражать пению фениксов, и они слетались на звуки его свирели. Свое искусство он передал жене, и оба они вознеслись на небо: Сяо Ши — на драконе, а его жена — на фениксе.

Наша династия. — Речь идет о династии Мин (см.).

Небо тридцати трех — по буддийским верованиям, небо, учрежденное Буддой Индрой и его тридцатью двумя спутниками.

Незачем сдавливать шею кангой золотую. — Эта и следующая строки намекают на отречение от роскоши, славы и богатства, мысли о которых, как канга или цепь, лишают человека свободы.

Немало таких, кто цитры сжигал или варил журавлей — то есть людей, которые не ценят прекрасное.

Не родные братья вы — знаю я прекрасно. — В Китае издревле было принято давать родным братьям или сестрам схожие имена. В данном случае первый и второй муж Ци — однофамильцы (Ван); имена их отличаются только вторыми слогами, а первый слог имени у них одинаковый (Цун). Поэтому, судя по фамилии и именам обоих мужчин, можно было подумать, что они родные братья.

Во второй строке стихотворения, по-видимому, заключен намек на полное имя первого мужа героини повести: второй слог имени второго ее мужа «гу», а первого мужа — «ши»; соединение этих слогов образует слово «гуши», что означает «прошрое», «прошлые дела», «давнишнее», «история».

Не Чжэн (IV в. до н. э.) — уроженец удела Хань, прославился своей отвагой. Князь удела Хань, поссорившись со своим министром и желая отомстить ему, поручил Не Чжэну, о храбрости которого он был наслышан, убить министра. Не Чжэн выполнил поручение князя и затем покончил с собой. Предварительно он изувечил себя до неузнаваемости, чтобы его труп не опознали и не пострадала его семья в случае, если будет установлена его причастность к убийству.

Никто не знал, кого назначит полководцем ханьский Гао-цзу — см.: *Сян Юй не уничтожен и не взошел на трон Лю Бан...*

Новое имя — см.: *Второе имя.*

Но камень даст ли девица тому, кто ищет брод? — просьба помочь в сватовстве. По легенде, император У-ди (II—I вв. до н. э.) поручил своему министру найти исток реки, от которого был бы путь к Реке небесной (Млечному Пути). На берегу министр увидел девицу, сошившую сотканный шелк. Та подарила ему камень — подпорку от ткацкого станка как символ опоры в его поиске.

Выражение «искать брод» взято из «Суждений и бесед» («Лунь юй») Конфуция и встречается в традиционной литературе как намек на поиск пути к образованности, учености; в данном случае имеется в виду путь к сватовству.

Оба экзамена — экзамен в области и экзамен в столице (см.: *Государственные экзамены*).

Обе столицы — Чанъань и Лоян.

Облавные шашки. — Считались игрой образованных людей, стратегов. Шашки в виде белых и черных пуговок, количеством 180 штук, ставились в точках пересечения линий (общее число таких точек-позиций равнялось 361). Суть игры состояла в том, чтобы окружить («обложить облавой») шашки противника. Тогда они считались уничтоженными, позиции занятыми. Выигрыш определялся количеством занятых позиций.

Оборванные строфы (кит. «цзюэ цзюй») — распространенная форма старой китайской поэзии: пяти- или семисложные (семисловные) четверостишия с цезурой после второго слога в первом случае, после четвертого — во втором; названы «оборванными» в отличие от восьмистиший, так называемых полных строф (кит. «люй ши») — другой распространенной формы китайской классической поэзии.

Один человек. — Имеется в виду «единственный»; метафорически — об императоре.

Освидетельствование трупа. — Практика судебной экспертизы по освидетельствованию трупов существует в Китае с древних времен. Первый трактат об этом был написан в 1247 г. и является самым ранним произведением по судебной медицине.

Осенью, когда наступил срок казни... — см.: *Казнь в конце осени.*

Отблагодарить... «с кольцом во рту» или *«с лассо из травы».* — Выражение «отблагодарить человека с кольцом во рту» означает отблагодарить кого-либо при жизни за оказанное благодеяние и идет из старой притчи о том, как ученый-отшельник Ян Бао (I в. до н. э.—I в. н. э.) подобрал в горах раненого птенца, выходил его, а потом выпустил на волю. В ту же ночь птенец в виде юноши в желтом платье явился к нему, назвался посланцем богини Запада (см.: *Си Ван-му*) и преподнес ему четыре яшмовых кольца. «Берегите их, — сказал юноша ученому, — они помогут четырем поколениям ваших потомков быть такими же чистыми и незапятнанными, как вы сами, и достичь высоких чинов и славы». Предсказание юноши сбылось.

Выражение «отблагодарить с лассо из травы» означает отблагодарить человека, оказавшего милость, после своей смерти. Оно идет из рассказа о том, как некий Вэй Кэ (VI в. до н. э.), главнокомандующий армией княжества Цзинь, спас от смерти любимую фаворитку своего отца, которую последний приказал живьем закопать вместе с ним после

его смерти. Позже, когда Вэй Кэ сражался с войсками государства Цинь, ему удалось взять в плен предводителя циньской армии благодаря какому-то старику, вдруг появившемуся на поле сражения. Старик сплел из травы лассо, набросил его на противника Вэй Кэ и, таким образом, дал Вэй Кэ возможность выиграть сражение. Этот же старик явился Вэй Кэ во сне и сказал: «Я отец спасенной тобой женщины, теперь я отблагодарил тебя».

Отец и мать народа. — Так величали правителей областей или уездов.

Отпечатки лап животных и птиц. — Имеются в виду примитивные неероглифические знаки.

Отпускная — свидетельство о возвращении жены ее родителям.

Отчетный срок. — Давался мелким служащим ямэня (см.) для выполнения поручения начальника. Если по истечении срока поручение оказывалось невыполненным, служащего подвергали наказанию, и срок его отчета продлевался.

Пагоды вокруг — из десяти — одна со шпилем — т. е. в основном все они построены в честь простых смертных в отличие от пагод с высоким шпилем в честь известных святых.

Пайбань — музыкальный инструмент; состоит из двух бамбуковых пластинок и напоминает собой кастаньеты.

Палочка — атрибут власти. В руках служителя ямэня она свидетельствовала о том, что он действует не самовольно, а выполняет приказ начальника, и обязывала беспрекословно подчиняться требованиям служителя.

Палочки. — Тонкими палочками (из бамбука, слоновой кости или серебра) китайцы пользуются при еде.

Пань — красавица-жена князя Дун Хуня (V в.), с которой связано предание о «золотых лотосах» (см.).

Пань Ань — см.: *Сун Юй и Пань Ань*.

Парные строки («дуйэр», или «дуйлянь») — широко распространены в Китае. Каждая из них представляет собой поэтическое выражение, написанное ритмической прозой или стихами. Вторая строка по содержанию логически дополняет первую или противопоставляется ей и пишется в ритмическом и синтаксическом соответствии с первой строкой. Существует игра в «парные строки», в которой игрок должен проявить находчивость, поэтический талант и знание литературы, подбирая парную строку к заданной.

Пастух встречается с Ткачихой (Пастух и Ткачиха) — см.: *Седьмой день седьмого месяца*.

Первое и второе имя мальчику дали исходя из названия этой звезды. — Бо — первое (официальное) имя поэта — является вторым слогом в названии звезды Тайбо (в пер. «Утренняя звезда»), его второе имя — Тайбо — пишется так же, как название звезды (см. также: *Второе имя*).

Передал все хозяину винной лавки — не желая держать при себе деньги, он отдал их в винную лавку как постоянный ее клиент.

Перерождение. — По буддийским представлениям, живые существа, в зависимости от своего поведения при жизни, после смерти перерождаются в одном из шести царств, на которые делится мир живых существ: небожителей, титанов, людей, животных, голодных духов и чистилище. После новой смерти следует новое перерождение; и до тех пор, пока в результате морального самоусовершенствования личность не освободится от всякой скверны, она не сможет выйти из этого потока перерождений и успокоиться в нирване, то есть в вечном блаженстве.

Персик на древе священном — по преданию, это древо плодоносит раз в три тысячи лет; вкусивший его плод обретает бессмертие (см. также: *Си Ван-му*).

Персиков цветень. — Символизирует долголетие и женскую любовь.

«Песни Мао». — Имеется в виду «Книга песен» (см.).

Печать — см.: *Фиолетовый халат...*

Пещеры Хуаяна — два грота в горах Маюшань (см.).

Пить чай в двух домах. — Чайный куст не выносит пересадки; именно на этом его свойстве был основан обычай дарить при сватовстве чай. Он символизирует верность данному слову.

Пить штрафной. — В Китае во время застольных игр пьет тот, кто проигрывает или нарушает установленные правила игры.

Плеть тишины — одна из регалий императора. Троекратным ударом такой плети призывали к тишине, возвещая о начале или окончании аудиенции.

Плешивые — презрительная кличка буддийских монахов, бривших головы.

Повесься у них на воротах. — Имеется в виду: чтобы все знали, что тебя незаслуженно опозорили. В феодальном Китае нередко были случаи самоубийства из мести за несправедливо нанесенное оскорбление. Потерпевший кончал с собой у ворот дома своего обидчика (по древним верованиям, душа самоубийцы не могла подняться в небо, она оставалась в доме обидчика и постоянно вредила ему).

Поздняя Хань (или Восточная Хань) — династия, правившая в Китае с 25 по 220 г.

«Пока отец и мать в живых...» — Здесь и далее в разговоре цитируется классическая книга «Беседы и суждения» («Лунь юй»), приписываемая Конфуцию.

Покинуть горы — выражение, означающее: покончить с жизнью отшельника и принять участие в государственных делах.

Полагалось уже вот-вот получить какую-нибудь небольшую должность. — По существовавшему положению сюэцай (см.), проучившийся определенное количество лет в государственном училище, представлялся к получению должности. Но лицам, не державшим или не выдержавшим к этому сроку государственных экзаменов (см.), должность давалась незначительная. Положение таких чиновников оказывалось незавидным, и те, кто это осознавал, старались вступить на должность, уже имея ученую степень. Психологическая подоплека отказа от получения небольшой должности ярко проявилась в рассуждениях сюэцай Сяньюй Туна в повести «Старый сюэцай воздаст за добро...».

Полгэ. — Гэ — мера сыпучих тел, около 90 г.

Положил тетрадь в рукав — см.: **Вытащил из рукава.**

Полотенце — своеобразный пояс-полотенце; использовался одновременно и как пояс, и как полотенце для утирания пота.

Получал проценты с выигрыша. — Хозяину дома, в котором шла карточная игра, полагался определенный процент от выигрыша; это правило соблюдалось, даже если играли в частном доме.

Поминальная табличка — покрытая лаком деревянная дощечка, обычно высотой 25—30 см; на одной стороне ее пишется посмертное имя умершего (то есть имя, которое употребляется при упоминании покойного вместо его прижизненного имени), а также имя лица, установившего эту табличку (обычно — сына покойного), на другой — имя, звание, дата рождения и смерти покойного. Считается, что в такой табличке пребывает душа умершего. Поминальная табличка заполняется при соблюдении соответствующего ритуала и устанавливается в домашнем алтаре. В определенные дни перед ней зажигают свечи, возжигают курения, приносят жертвы и читают молитвы.

Понацепляла своему старику зеленых колпаков. — Соответствует выражению «наставить рога».

Последний месяц осени — девятый месяц по китайскому календарю.

Почему бы не поженить их теперь же, учитывая сложившиеся обстоятельства? — В старину в период траура запрещалось совершать свадьбы. Исключения дозволялись лишь в чрезвычайных случаях, но сразу же после обряда бракосочетания молодые снова облачались в траур.

Пояс — см.: **Фиолетовый халат...**

Праздник весны. — Приходится по европейскому календарю приблизительно на начало апреля. В этот день совершают загородные прогулки, а также, по установившемуся издревле обычаю, помнят усопших родственников, приводят в порядок их могилы.

Праздник духов — 19 января по лунному календарю.

Праздник осеннего полнолуния (или Праздник середины осени) — отмечается пятнадцатого числа восьмой луны. Этот вечер обычно проводят под открытым небом, любясь луной.

Праздник фонарей — кульминационный момент новогодних праздников. Падает на пятнадцатое число первого лунного месяца, когда наступает полнолуние. Ночь с пятнадцатого на шестнадцатое отмечается шумными гуляниями при ярком сиянии луны в свете фонарей самых различных форм и размеров.

Праздник цветов — считался днем цветения всех цветов и отмечался как народный праздник.

Прическа. — После того как женщина в публичном доме принимала первого гостя, она вместо обычных для нее кос делала прическу, закладывая волосы узором.

«Пропущенные таланты». — Сунский император Тай-цзун, в надежде выявить «пропущенные таланты», в 988 г. ввел повторные экзамены для лиц, не выдержавших столичные экзамены. Впоследствии такие экзамены устраивались и в области для тех, кто не смог держать экзамен в назначенный срок.

Проскандировать — см.: **Скандировать**.

Простая прачка — см.: **Хань Синь**.

Прочее. — Подразумеваются различные предметы из бумаги, предназначенные для сожжения в храме (см.: **Бумажные деньги**).

«Пруд дракона» и «бассейн феникса». — Имеются в виду большое и малое отверстие на цитре.

Птицы цзянь — сказочные птицы с крыльями и глазами на одной стороне; каждая такая птица способна летать только в паре с себе подобной.

Пудренные головки — иносказательно о гетерах.

Путь великий — Путь истины, Дао (см.: **Даос**).

Пу Чэньэнь. — Восстание Пу Чэньэня, поднявшего свои войска против минского императора, происходило в 1592 г. в пров. Ганьсу, в районе Нинся.

«Пьянчуга гаоянский». — Это прозвище связано со следующим преданием. Когда император Гао-цзу (правил в 206—194 гг. до н. э.) стоял с войском у г. Гаояна и собирался захватить его, к лагерю подошел некий Ли Ицзи и попросил, чтобы его пропустили к императору. Человек этот был ученым, но служил простым сторожем в одном из кварталов Гаояна. «А как он выглядит?» — поинтересовался император. «Похож на ученого», — доложил ему стражник. «Откажи, — приказал император. — Скажи, что я занят делами страны, веду войну и не до ученых мне». Тому так и ответили. Тогда Ли Ицзи, положив руку на рукоять меча, крикнул: «Иди и скажи, что я вовсе не ученый, а пьянчуга из Гаояна». Перепуганный страж так и доложил. Ли Ицзи был принят и помог императору советом в его военных операциях. История эта становится более понятной, если учесть, что о Гао-цзу говорили как о человеке, недолголюбившем ученых, предпочитавшем иметь дело со смелыми, отважными людьми и любителями выпить.

Пэй Хан — герой фантастической новеллы VIII—X вв. Оказавшись случайно в одной лодке с госпожой Фань и плененный ее красотой, он преподнес ей в подарок стихи.

«Пятикнижие» — см.: **Классические книги**.

Путь музыкальных тонов. — Лады китайской музыки основаны на пятизвучковой системе.

Разложены украденная яшма, благовонья. — В строке заключены два намека. Первый связан с историей бедного молодого человека, похитившего драгоценную яшму, чтобы добиться брака с любимой девицей. Второй — с историей дочери вельможи Цзя Чуна (III в.), которая влюбилась в Хань Шоу. Она похитила у отца и передала тайком Хань Шоу курения, пожалованные ей императором и предназначавшиеся для того, кто станет ее мужем. Когда обман открылся, отцу ничего не оставалось, как выдать дочь за Хань Шоу.

Разметить его сочинение — см.: **Круги и точки**.

Расклеить на улицах уездного города... — В старину было принято подробные жалобы на обидчика расклеивать на домах и заборах.

Риса рассаду в руки берешь... — В стихотворении идет речь о посадке риса на заливных полях. В этом случае земледелец все время движется вспять, проходя по узкой меже между затопленными полосами. Заключенный в третьей строке намек связан с одинаковым звучанием слов «корешок» (гэн) и «основа» (гэн), а также слов «Путь истины» (Дао) и «рис» (дао). Учитывая это, данную строку, скорее всего, следует понимать так: Когда человек освободит свои шесть основ (см.) от мирских соблазнов, очистит их от земных скверн, он созреет для постижения Пути истины, т. е. Дао (см.: **Даос**).

Родители договорились... что дочь Хуана — Сяоз станет в будущем женой их сына. — В старом Китае родители, имеющие одни — сына, другие — дочь, еще задолго до совершеннолетия детей договаривались об их будущем браке. Иногда такие сговоры совершались между знакомыми семьями еще до рождения детей.

Рыбы уходят на дно и птицы падают наземь — довольно распространенная метафора: пораженные красотой женщины, рыбы уходят на дно и птицы падают на землю.

Рыцари рек и озер — так иносказательно именовали себя странствующие рыцари, а также разбойники.

Саньцзюй — в пер. «Три потока».

Связка монет. — В императорском Китае до 1911 г. единицей денежного обращения была связка медных монет — *гуань*. Монеты, имевшие в середине квадратное отверстие, нанизывались по пятьсот («малая связка») или по тысяче («большая связка»).

Священные птицы — аисты. Аист — птица не стайная, в китайской литературе является символом уединения и отшельничества.

С гусем последним он шлет свой привет... — В китайской литературе, где «дикий гусь» иносказательно обозначал «письмо», часто встречается выражение «послать весть с диким гусем».

Сдал дела и грамоту. — Вступая в должность либо оставляя ее, чиновник был обязан сдавать в местное управление грамоту о назначении.

Се — трудно сказать, кого именно имеет в виду автор повести. Это может быть и Се Даюнь (IV в.), которая воспела красоту снега в известных строках «Словно пух ивы по ветру летит», и Се Хуэйлянь (397—433), перу которого принадлежит знаменитая «Ода о снеге» («Сюз фу»).

Се Даюнь (IV в.) — талантливая поэтесса, писавшая в различных жанрах старинной китайской поэзии.

Седьмой день седьмого месяца. — В этот день, когда, по старинной китайской легенде, встречаются Пастух и Ткачиха, женщины занимаются рукоделием, молятся об удаче, ниспослании им детей, умении шить, ткать, вышивать и т. д.

День этот считался днем встречи влюбленных.

Древние версии мифа о Пастухе и Ткачихе сводятся к следующему. Ткачиха (Чжинюй, ассоциируется со звездой Ткачиха из созвездия Лиры), дочь Небесного правителя, жила в Небесном дворце и круглый год ткала из облаков небесную парчу. Пожалев ее, отец выдал ее замуж за Пастуха (Нюлана, ассоциируется со звездой Пастуха из созвездия Орла); но после замужества Ткачиха перестала ткать. Разгневанный этим, отец приказал ей вернуться во дворец, Пастуха поселил по другую сторону Небесной реки (Млечного Пути) и разрешил супругам видеться лишь раз в год — в седьмую ночь седьмой луны. В этот день на Млечный Путь отовсюду слетались сороки и образовывали своими хвостами мост, на котором и встречались любящие супруги.

Сели — каган туфаньского (см.: *Туфани*) каганата. В 630 г. его войска, вторгшиеся в Китай, были разбиты, а сам он взят в плен.

«Семь грехов» — см.: *Семь статей, дающих повод для развода*.

Семьдесят два периода года. — По старому китайскому лунно-солнечному календарю год делится на 72 пятнадцатидневных периода.

Семь статей, дающих повод для развода. — В одной из канонических книг конфуцианства (см.: *Конфуций*) оговорены семь причин, по которым муж может отказаться от жены: если она не родит сына; если беспутна и развратна; не служит свекру и свекрови; невоздержанна на язык; нечиста на руку; ревнива; больна дурной болезнью.

Сиань — главный город пров. Шэньси.

Си Ван-му — «Владычица Запада», богиня, возглавляющая всех фей и небожительниц; живет на далеком Западе, на сказочной горе Кунылунь. Ее Яшмовый дворец стоит у Яшмового пруда, на берегу которого растет божественное персиковое дерево, цветущее раз в три тысячи лет и дающее плоды бессмертия.

Силла — см.: *Козурё*.

Силанское виноградное вино. — Названо по местности, где оно изготовлялось.

Синий или бордовый шкур у печати — см.: *Фиолетовый халат...*

Синь Цицзи (1140—1207) — известный китайский поэт; прославился также как патриот, сражавшийся против чужеземцев, захвативших Северный Китай; был связан дружбой со многими выдающимися людьми своего времени, в том числе и с Чжу Си.

Сиху — озеро в г. Ханчжоу, славится своими островами и живописными берегами со старинными памятниками архитектуры.

Си Ши — знаменитая красавица древности. Существует предание о том, как князь Юэ (V в. до н. э.), потерпевший поражение от князя соседнего удела У, решил прибегнуть к хитрости и подослал к победителю свою наложницу — красавицу Си Ши. Пленившись ее красотой, князь удела У забросил государственные дела, предался любовным утехам, праздным развлечениям, и вскоре его войска были разбиты князем удела Юэ. Таким образом, красота Си Ши послужила причиной гибели целого княжества.

«Сиши». — Названы так в честь Си Ши (см.).

Сказитель. — Речь идет о популярных в Китае еще с периода Сун (X—XIII вв.) профессионалах-рассказчиках (см. вступительную статью).

Скандировать. — Старые китайские стихи часто декламировались нараспев на самые различные мелодии.

Скосить рис. — Здесь имеется в виду культура риса, возделываемая на богарных полях.

«Скрытая добродетель» — добро, которое незаметно для других творит человек.

Служить ... с совком и метелкой — то есть быть женой-хозяйкой.

Согреть вина — см.: *Вино тут же было подогрето.*

«Соединили чаши». — Один из элементов старого свадебного обряда: новобрачные пили вино из специальных парных винных чаш, сделанных из половинок одной тыквы. Выражение «соединить чаши» стало художественным образом бракосочетания.

Соломенный знак. — Пучок соломы, положенный на предмет, служил своего рода объявлением, что данная вещь продается.

Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего. — Культ предков являлся одним из основных элементов народной религии древнего Китая. Люди верили, что душа умершего обладает способностью воздействовать на изменение их судьбы в зависимости от степени их забот о ней. С этим представлением были связаны сложнейшие обряды похоронных церемоний, поклонения предкам и принесения жертв душам усопших.

Похоронный обряд состоял из трех основных элементов: панихиды, самих похорон и установки на домашнем алтаре поминальной таблички (см.). В зависимости от достатка семьи, панихида длилась от трех до сорока девяти дней (число дней должно было быть нечетным). Все эти дни гроб с телом покойного оставался в доме или около него в специально отведенном для этого помещении. На жертвенном столике перед гробом устанавливалась поминальная табличка. Во время панихиды близкие умершего, его друзья и знакомые приходили или приезжали издали поклониться усопшему.

Сочинения с заклеенными фамилиями и именами. — На государственных экзаменах (см.) на вторую и высшую ученые степени, во избежание злоупотреблений, сочинения экзаменовавшихся переписывались специальными переписчиками; на оригинале и копии фамилию экзаменовавшегося заклеивали. Только после того как переписанный экземпляр сочинения был оценен экзаменатором, по шифру и номеру, которыми помечали переписанный вариант и оригинал, находили конверт с подлинником и устанавливали автора.

Союз меж Цинь и Цзинь — союз между двумя княжествами периода Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.). Между членами правящих семейств этих уделов постоянно заключались браки. Впоследствии выражение «союз Цинь и Цзинь» стало образным для обозначения брака.

С подноса капает роса. — По приказу одного из императоров династии Хань (см.) была сооружена статуя человека с медным подносом в руках. С наступлением прохладных ночей на подносе собиралась роса. Она считалась целебной, и пил ее сам император.

Спокойная восточная дорога (кит. «Дунпинлу») — название одной из улиц в г. Чанша.

Спрятал свертки в рукав — см.: *Вытащил из рукава.*

Старец под луною. — Иносказательно о вершителе судеб вступающих в брак людей или о сате. В основе этого образа лежит предание о том, как некий Вэй Гу, чиновник периода Тан (см.), повстречал старца, который при свете луны перелистывал какую-то книгу. Рядом со стариком лежал мешок с красными шнурками. На вопрос Вэй Гу, что за книгу читает старик, последний ответил, что в ней записаны все браки Поднебной. Далее старик пояснил, что шнурки, которые он носит с собой, предназначены для того, чтобы связывать ими ноги мужу и жене. «Связанные моими шнурками супруги, — сказал старец, — будут вечно любить друг друга, как бы ни сложилась их судьба».

«Старик Лань» или «Голубой творог» — слово «лань» («голубой») в то же время является и фамилией.

Старшая жена — см.: *Вторая жена.*

«Стихи о южном ветре». — В них воспевается южный ветер, олицетворяющий собой мягкосердечность и благородство мудрого правления или заботу родителей о детях. Традиция приписывает сочинение этих стихов императору Шуню (см.: *Яо и Шунь*).

Столичные экзамены — см.: *Государственные экзамены.*

Стража. — В древности в Китае с семи вечера до пяти утра каждые два часа сменялись ночные стражи. Такой двухчасовой отрезок времени стали именовать «стражей». Первая стража — от семи до девяти часов вечера; вторая — от девяти до одиннад-

цати; третья — от одиннадцати вечера до часу ночи; четвертая — от часу до трех; пятая — от трех до пяти часов утра. При смене каждой стражи били в барабан-колотушкой или трубили в рог.

Судьба отвернулась... — В этой части стихотворения заключены два довольно известных литературных намека: первый — на невезение, второй — на неожиданную удачу.

В конце VII в. в живописных горах был воздвигнут буддийский храм Цзяньфу. Впоследствии рядом с храмом установили и стелу. На ней было высечено посвящение храму, исполненное кистью знаменитого каллиграфа Янь Чжэньцина (VIII в.). Эстампажи, снятые с этой стелы, в особенности при династии Сун, ценились неизмеримо дорого. Предание гласит, что в сунские времена некий Фань Чжунъянь, правитель области, получил в дар от одного бедняка-ученого, обладавшего поэтическим талантом, стихотворение. Желая помочь ученому и тем самым отблагодарить его за подарок, Фань Чжунъянь предложил ему посетить храм Цзяньфу, чтобы снять эстампажи со знаменитой стелы, а затем продать их в столице. Фань Чжунъянь договорился с людьми, которым предстояло сделать эстампажи, купил для этого нужные материалы, инструменты и дал ученому денег на дорогу. Не успели они тронуться в путь, как узнали, что как-то ночью страшной бурей стелу снесло и она оказалась разбитой на мелкие оскочки.

Попутный ветер занес поэта Ван Бо (VII в.) в княжество Тэн как раз в то время, когда князь устроил роскошный пир по случаю постройки башни в одной живописной местности. Ван Бо, таким образом, стал случайным участником грандиозного пиршества и прославился своим стихотворением «Обитель тэнского князя», в котором описал роскошь и веселье этого праздника.

Суй — династия, правившая в Китае с 589 по 617 г.

Суй Хэ и Лу Цзя (оба III—II вв. до н. э.) — выдающиеся дипломаты, известные своим красноречием, тонкостью аргументации, умением убеждать собеседника в споре.

Сумка и платок. — Речь идет о сумке, с которой отправлялись в храм на моление, и платке, в который завертывали бумажные деньги (см.) и прочие сделанные из бумаги изображения, предназначенные для сожжения в храме. Платок с его содержимым укладывался в сумку, напомиравшую собой школьную, которую незастегнутой носили через плечо.

Сун — см.: **Сунская династия.**

Сун — одно из древних княжеств на территории пров. Хэнань.

Сунская династия — правила в Китае с 960 по 1279 г. В начале XII в. чжурчжэни (см.) начали войну с Китаем; в 1127 г. они захватили его столицу — Кайфэн, увели в плен почти всю императорскую семью, а затем завоевали весь Северный Китай. Китайский народ во главе с прославленным полководцем Юэ Фэем оказал чжурчжэням героическое сопротивление, но сунский двор заключил с чжурчжэнями позорный мир, уступив завоевателям северную часть страны. С этого времени власть империи Сун стала распространяться только на юг Китая, куда была перенесена и ее столица. Отсюда и традиционное деление сунской династии на два периода: династии Северная Сун (960—1127) и Южная Сун (1127—1279).

Сун Хун (I в.) — выходец из бедной семьи, выдвинувшийся на пост первого советника императора. Рассказывают, что, когда Сун Хун стал советником и получил княжеский титул, император предложил ему бросить жену, которая была родом из бедной семьи, и жениться на принцессе. В ответ на это Сун Хун и произнес приведенные слова.

Сун Цзинь — Сун — фамилия, Цзинь — имя.

Сунцзян — город в пров. Цзянсу.

Сунь Бинь иль Пан Цюань (VI—V вв. до н. э.). — Сунь У (Сунь Бинь — Сунь Безогий) и Пан Цюань — известные полководцы. Историческая традиция передает, что Пан Цюань, который в свое время вместе с Сунь У обучался военной стратегии, став полководцем княжества Вэй, начал ревниво относиться к военному таланту Сунь У, служившего князю удела Ци, и решил погубить его. Пан Цюаню удалось тайно вызвать Сунь У в княжество Вэй, оклеветать его и подвергнуть позорной казни — Сунь У отрубили ноги (казнь эта называлась «бинь») и выгнали клеймо на лице. Находившийся в то время в княжестве Вэй посланник из княжества Ци забрал Сунь У с собой и вернулся с ним в Ци. Князь Ци назначил Сунь У полководцем. Впоследствии, когда началась война между княжествами Вэй и Ци, Сунь У разработал блестящий стратегический план уничтожения армии противника. Оказавшись в безвыходном положении, окруженный войсками Сунь У, Пан Цюань покончил с собой, а Сунь У прославился на всю страну.

Суньшу Ао убил змею... — Суньшу Ао убил змею на своем пути, но не потому, что он думал о себе — с именем Суньшу Ао, министра в древнем уделе Чу (VIII—V вв. до н. э.), связано следующее предание. В детстве Суньшу Ао увидел как-то на дороге двуглавую змею. Мальчик слышал от людей, что человека, увидевшего такую змею, ждет неминуемая смерть. Решив, что ему так или иначе суждено погибнуть, Суньшу Ао захотел спасти от гибели других: он убил и закопал змею, чтобы никому больше не довелось ее увидеть. Как гласит предание, сам Суньшу Ао остался жив.

Сун Юй (IV в. до н. э.) и **Пань Ань** (IV в.) — поэты древности, славившиеся своей красотой; имя того и другого стало нарицательным для красивого мужчины.

Су, Хан — так сокращенно называют известные живописные города Сучжоу и Ханчжоу.

Су-цзун — Ли Хэн, сын императора Сюань-цзуна; годы правления: 756—762.

Су Цинь (IV в. до н. э.) — дипломат и государственный деятель, в молодости был беден. Начал с того, что предложил свои услуги князю удела Цинь, но тот от его услуг отказался. Су Цинь организовал и возглавил союз шести княжеств для борьбы против всемогущего княжества Цинь, и тогда имя его стало широко известным. Вернувшись в родные края уже знатным вельможей, он проявил великодушие ко всем, кто в свое время отверг его, и в связи с этим о нем стали говорить: «Су Цинь все тот же Су Цинь, только платье на нем новое, а сам он остался таким же».

Сучжоу — область в пров. Цзянсу, административным центром которой является город Сучжоу — крупный морской порт и один из живописнейших городов Китая.

Су Ши (Су Дунпо) — годы жизни: 1037—1101.

Счастливей день — см.: **Благоприятный день**.

«Счастье лютни и цитры» — символ супружеского счастья и согласия.

Сыма (Сыма Сянжу) (179—117 гг. до н. э.) — известный поэт (см. также: **Вэньцзюнь**).

Сыма Цянь и Сунь Бинь подверглись позорному наказанию. — Великий китайский историк Сыма Цянь (145—86? гг. до н. э.), дерзнувший выступить в защиту оклеветанного двором полководца, в наказание был подвергнут кастрации. О том, как пострадал Сунь Бинь, см.: **Сунь Бинь иль Пан Цзюань**.

Сын неба — то есть император. По древним поверьям, император получал от небесного владыки инвеституру на управление страной.

Сюань-хэ. — Этот девизом (см.) обозначались 1119—1125 годы правления императора Чжао Цзи (Хуэй-цзуна).

Сюань-цзун — храмовое имя (см.) императора Ли Лунци, правил с 712 по 756 г.

Сюнь. — Намек на историю с ученым-даосом (см.: **Даос**) Сюнь Цзе (III в.), который женился на молодой красавице и так сокрушался о ее преждевременной смерти, что сам вскоре умер.

Сюньянцзян — один из притоков р. Янцзыцзян (пров. Цзянси).

Сюцай — первая ученая степень (см.: **Государственные экзамены**); сюцаями (то есть талантливыми) иногда называли и людей начитанных, хорошо знакомых с классической литературой, но не обязательно выдержавших первые экзамены. Начиная с династии Сун (X—XIII вв.) сюцаями (студентами) называли также лиц, обучавшихся в государственных училищах.

Сюз Тао — годы жизни: 768—831.

Сян-цзюнь — дух-повелитель р. Сян (Сяншуй). Согласно легендам, это дух дочерей легендарного императора Яо (по традиционной хронологии, правил с 2357 по 2254 г. до н. э.) — Э-хуан и Нюй-ин, ставших женами императора Шуня (по традиционной хронологии, правил с 2254 по 2201 г. до н. э.). Обе они, по легенде, жили и умерли в районе оз. Дунтинху.

Сяншань — в пер. «Ароматные горы». Монастырь назван так по живописной местности, где он расположен (пров. Хэнань).

Сяншуй — берет начало в северной части пров. Гуанси и течет на северо-восток.

Сянь-тун. — Этот девизом (см.) обозначались 860—874 годы правления императора Ли Чуя (И-цзуна).

Сяньюань — одно из имен мифического императора Хуан-ди (по традиционной хронологии, правил с 2697 по 2597 г. до н. э.), данное ему, в соответствии с некоторыми версиями легенд, по местности Сяньюань, где он якобы родился и жил.

Сян Юй не уничтожен и не взошел на трон Лю Бан... — В 205 г. до н. э., когда Лю Бан, основатель династии Хань (см.), собирался идти походом на восток и начать борьбу со своим противником Сян Юем, он, ко всеобщему изумлению, передал командование войском никому ранее не известному Хань Синю. При этом следует иметь в виду, что только император мог назначать главнокомандующего, а Лю Бан, еще не став им, велел воздвигнуть помост, собрать всех военачальников и в их присутствии совершил церемонию возведения Хань Синя в ранг главнокомандующего.

Сяо. — Имеется в виду Сяо Хэ (?—193? гг. до н. э.) — первый министр при императоре Гао-цзу, основателе династии Хань (см.). Им был составлен ряд указов, законов и установлений, которые легли в основу правового уголовного статута ханьской эпохи.

Сяо И. — По преданию, Сяо И, сын легендарного императора У-дина (XIV в. до н. э.), рано потерял мать. Мачеха оклеветала его перед отцом, и У-дин, поверив ее наветам, сослал сына. Сяо И погиб в изгнании.

Сяо-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Шэня (Сяо-цзуна), правил с 1163 по 1189 г.

Табличка отца — см.: *Поминальная табличка*.

Тайбо. — Это и остальные географические названия в тексте данного письма относятся к территории, которую занимало само государство Бохай, или к районам, находившимся под его протекторатом.

Тай-пин син-го. — Этим девизом (см.) обозначались 976—984 годы правления императора Чжао Гуанъи (Тай-цзуна).

Тайсюэ — см.: *Гоцзыцзянь*.

Тайхан — горный хребет, расположенный на северо-западе.

Тай-цзу — храмовое имя (см.) императора Чжао Куанъиня, правил с 960 по 976 г. (с. 309, 442).

Тай-цзу — храмовое имя (см.) императора Чжу Юаньчжана, правил с 1368 по 1398 г. (с. 586).

Тай-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Гуанъи, правил с 976 по 997 г. (с. 582).

Тай-цзун — храмовое имя (см.) императора Ли Шиминя, правил с 627 по 649 г. (с. 237).

Тайшань не узнал. — Тайшань (в пер. «Великая гора») — одна из наиболее высоких гор в Шаньдуне, входит в число пяти прославленных гор Китая. «Тайшань не узнать» — поговорка, означающая: не сумеешь распознать выдающегося человека.

Тан — династия, правившая в Китае с 618 по 907 г.

Тан Би хотел было удалиться. — Остаться при появлении женщины считалось неприличным.

Тан Инь (1470—1523) — известный живописец, каллиграф и поэт.

Танский — см.: *Тан*.

Тан Юйчжэн (XIII в.) — выдержал экзамены на высшую ученую степень цзиньши (см.), когда ему было всего двадцать лет.

Тао Чжу — см.: *Тао Чжу* или *И Дунь*.

Тао Чжу или **И Дунь.** — Тао Чжу — имя, которое принял министр Фань Ли (V в. до н. э.), служивший в различных княжествах; он не раз отказывался от своих богатств и неизменно снова их приобретал. И Дунь, живший, по преданию, в эпоху Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.), скопил несметные богатства на торговле солью. Имя того и другого стало нарицательным для богача.

Тао Юаньмин (Тао Цянь; 365—427) — знаменитый поэт, оказавший огромное влияние на поэтов последующих эпох.

Тиин. — По преданию, во времена императора Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) некий Чуньй И, начальник уезда, за совершенный им проступок был препровожден в столицу, заключен в тюрьму и приговорен к телесному наказанию. Его дочь Тиин последовала за ним в столицу и стала молить императора о прощении отца, предлагая себя в рабыни, чтобы ценой своей свободы искупить его вину. Растроганный император освободил Чуньй И и отменил наказание.

Тоётоми Хидэёси (1536—1598) — государственный деятель, один из сильнейших феодальных князей Японии; имел титул сёгуна, т. е. верховного военачальника. Опираясь на военную силу, он проводил политику объединения страны под своим верховенством. В последние годы жизни дважды предпринимал захватнические походы против Кореи, кото-

рой в борьбе с японскими войсками неизменно помогал минский двор, посылавший в Корею свою армию и лучших полководцев.

В данном случае речь идет о втором походе Тоётоми Хидэёси на Корею, предпринятом им в 1597 г. и окончившемся полным его поражением.

Тоскует кукушка. — Крик кукушки — образ начала лета.

«Трактат о подлых министрах». — Сравнительно недавно установлено, что Су Сюнь (Су Лаоцюань) не был автором этого памфлета.

Треножник — легендарный колоссальный медный сосуд-треножник, который якобы был выплавлен по приказу императора Хуан-ди (см.: *Сяньюань*) в честь его победы в борьбе за трон верховного владыки.

Трещали петарды, пылали сосновые ветки. — По народному обычаю, в канун Нового года люди разводили у себя во дворе огромные костры из веток сосны или бамбука, пускали петарды (ракеты-хлопушки, кит. «бао чжу» или «бао чжан», что в дословном переводе означает «жечь бамбук»). Обычно этот связан с поверьем, что треск бамбука и горящих сосновых веток отгоняет нечистую силу.

«Тринадцать канонов». — Помимо девяти конфуцианских канонических книг (см.: *Классические книги*), сюда входили «Книга сыновней почтительности» («Сяо цзин»), словарь «Эр я» и оба комментария к летописи «Чунью».

Три судебных органа — Палата наказаний, Цензорат и Высший суд.

Три учения — конфуцианство (см.), буддизм и даосизм (см.).

Три экзамена. — То есть экзамены в уезде, в области и в столице (подробнее см.: *Государственные экзамены*).

Трубят в рога... — См.: *Стража*.

Тряхнув в досаде рукавами. — На старинном китайском чиновничьем халате рукава делались очень длинными и широкими, так что приходилось приподнимать руки, чтобы обнажить кисти и пальцы. Резкий жест, похожий на встряхивание рукавов, означает чувство досады, огорчения.

Тунцзинь — на юге нынешней пров. Шэньси.

Тунцянъ — мелкая медная монета.

Туфани — государство Туфань (Тибет); занимало в танские времена территорию совр. пров. Цинхай и Синьцзян-тибетское плато. Вождя своего племени туфани называли «гялбо» (в китайском произношении «цзяньпу»).

Ты жаждешь повстречать Сянжу. — Намек на чувства Вэньцзюнь (см.) к Сыма Сянжу.

Тыква-горлянка. — Особый сорт тыквы, по форме напоминающей сосуд с горлышком; освобожденная от содержимого и высушенная, употребляется в быту.

«Тысячу ли проходит один» — название театрального представления, сюжетом которого являются события эпохи «Троецарствия» (III в.). Мужественный герой Гуань Юй (см.), уйдя от коварного царедворца Цао Цао (см.: *Цао Цао с сыном*), направляется в Жунань, чтобы встретиться там со своим названным братом, полководцем Лю Бэем, и одновременно доставить ему двух его жен, которые волею судеб оказались в резиденции Цао Цао. Тысячу ли до Жунани Гуань Юй проходит со своими невестками в сопровождении лишь двадцати слуг и один сражает мечом военачальников пяти застав, которые по приказу Цао Цао пытаются преградить ему путь.

Тянь-бао. — Этим девизом (см.) обозначались 742—755 годы правления императора Ли Лунци (Сюань-цзуна).

Тянь Гуан. — Жил в княжестве Янь в период Борющихся царств (V—III вв. до н. э.). По преданию, Тянь Гуан, не состоявший на государственной службе, но пользовавшийся уважением и достаточной известностью, рекомендовал Даню, наследнику престола княжества Янь, некоего Цзин Кэ (см.), чтобы тот совершил покушение на князя удела Цинь (будущего императора Цинь Шихуана), посягнувшего на земли Янь. Дань принял предложение Тянь Гуана, но напоследок предупредил его, чтобы он никому об этом не проговорился. «Раз человек в своих поступках вызывает в другом сомнения относительно его действий, значит, такой человек лишен достаточной честности и верности делу», — решил Тянь Гуан, покинув князя. И, поручив Цзин Кэ совершить покушение, Тянь Гуан покончил с собой.

Тянь-шунь. — Этим девизом (см.) обозначались 1457—1464 годы правления императора Чжу Цичжэня (Инь-цзуна).

У-ван шел походом на Чжоу. — Речь идет о походе У-вана, основателя династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.), против Чжоу Синя, последнего императора предшествующей династии Шан.

Увэйцзюнь — в пров. Аньхой.

Удары в барабан ... людей за веслами торопят. — В старину барабан был необходимой принадлежностью рейсовых джонок. Ударами в барабан подавался сигнал гребцам.

У-ди — храмовое имя (см.) императора Лю Чэ, правил в 140—87 гг. до н. э.

У и Чу — уделы в пров. Цзянсу.

Улин. — В стихотворении, воспевающем цветение персика, упоминание об Улине звучит намеком на сказочную страну, где люди живут в равенстве, труде и веселье. Образ этот восходит к известному стихотворению Тао Юаньмина (IV—V вв.) «Персиковый источник», в котором описано, как простой рыбак из Улина случайно обнаружил такую удивительную страну.

Улинь — так иногда именуют г. Ханчжоу (см.), по названию расположенных к западу от него живописных гор Улинь (Шань).

Уложение в гроб — см.: *Сорок девять дней прибывали в дом родственники почтить память умершего.*

Уменьшительное имя — см.: *Второе имя.*

Умереть с закрытыми глазами — то есть умереть спокойно.

Упустил случай при встрече с настоящим бессмертным. — Имеется в виду, что, встречая бессмертного, человека высокого совершенства, умудренного знанием магических приемов и средств, простой смертный обычно просится к нему в ученики или стремится получить от него наставления, полезные средства, снадобья и т. п.

Уси — город в пров. Цзянсу.

«Уста узорчаты и ум цветист» — образно о человеке тонкого ума и мастере слова.

Усянь — уезд и город в пров. Цзянсу.

Уточек пару словно боится спугнуть... двуглавое пламя жаль ей изглоу смахнуть. — Речь идет о вышитых на подушке селезне и утке, символизирующих, как и двуглавое пламя, любящих супругов.

У Цзысуй — У Юань, по второму имени Цзысуй (VI—V вв. до н. э.), уроженец удела Чу, главный сановник в княжестве У. В молодости ему пришлось многое пережить: отец и брат его были казнены князем удела Чу, а сам он вынужден был бежать в княжество У, где первое время нищенствовал и жил лишь на подаяние, которое получал за игру на флейте.

У Ци — полководец (IV в. до н. э.). Был большим знатоком военного дела и служил у князя удела Лу. Когда между княжествами Лу и Ци началась война, У Ци предложил свои услуги для ведения военных действий. Однако луский князь не решался поставить его во главе войска, так как жена У Ци была родом из княжества Ци. Чтобы доказать свою верность, У Ци убил жену.

Учение чистоты. — Имеется в виду даосское (см.: *Даос*) учение о духовной чистоте, следовании естественному пути природы и отречении от соблазнов земной жизни.

Ученики. — В старину существовал обычай, по которому человек, сдавший экзамен, становился учеником экзаменовавшего его лица и в дальнейшем относился к нему как к наставнику и покровителю. Сразу после экзамена ученик наносил визит своему наставнику.

Ученические упражнения моего сына. — Так Ван Аньши из скромности говорил о сочинениях своего сына.

Уши были из ваты — был легковверен.

Фан Сюаньлин (579—648) — известный ученый, крупный политический и государственный деятель.

Фаньсу — искусная певица, любимица выдающегося поэта Бо Цзюйи (772—846), воспетая в одном из его стихотворений.

Фаньян — город и область (пров. Хэбэй). Во времена Сюань-цзуна (см.) Ань Луншань занимал должность военного губернатора области Фаньян.

Феникс парит и летает дракон — символ правления могущественного и мудрого монарха.

Фиолетовое платье и золотой пояс — см.: **Фиолетовый халат...**

Фиолетовый халат, золотой пояс, шапка из тонкого шелка, дщица из слоновой кости — необходимые принадлежности парадной одежды знатного чиновника. По форме парадной шапки, украшениям на шапке и поясе судили о чине должностного лица. О чине свидетельствовала и печать, которая, помимо своего прямого назначения, была символом власти. Золотая, серебряная или медная (в зависимости от ранга) печать, довольно большая по размеру, с выгравированными на ней названиями чина и должности, подвешивалась к поясу. Согласно уложению ханьского периода (III в. до н. э.—III в. н. э.), князья первой и второй степени получали право подвешивать к поясу свои большие печати на бордовом шнуре, а сановники первой степени — на синем. Дщицу (дощечку) из слоновой кости, продолговатую, расширенную кверху, высшие чины держали перед грудью представляясь императору.

Фуци — в древнекитайской мифологии первопродок и культурный герой; в историзованной конфуцианской традиции — правитель, бывший у власти с 2852 по 2737 г. до н. э.

Фуцжоу — ныне уезд Мянъянсянь (в пров. Хубэй).

Фушань — в пер. «Счастье и добро».

Фуцзи. — Имеется в виду Си Фуцзи, крупный сановник древнего удела Цао (VIII—V вв. до н. э.). По преданию, жена Фуцзи уговорила мужа тайно послать еду и подарки князю удела Цзинь, который был вынужден бежать из своего удела, искал приюта в княжестве Цао, но не нашел там поддержки, так как князь удела Цао не пожелал принять его. Когда впоследствии князь Цзинь двинул войска на княжество Цао, он отдал специальный приказ о том, чтобы семье Фуцзи была обеспечена безопасность.

Фэйлай сюда из Индии попала? — «Фэйлай» в переводе означает «Прилетевшая». Гору эту, расположенную к северу от упомянутого в стихотворении горного хребта Тяньчжу, именуют также «Линцзю» (в пер. «Волшебный ястреб»). С названием горы связано следующее предание. Во времена Цзинь (265—420) один буддийский монах, оказавшись на этой горе, удивился и воскликнул: «Так ведь это же малый пик горы Линцзю, что в стране Индия. Как же эта гора сюда перелетела?»

Фэнсянский наместник. — Речь идет о Ли Маочжэне, который был в то время наместником области Фэнсян (в нынешней пров. Шэньси) и уклонялся от подчинения императору.

Фэнхуан. — В стихотворении упоминаются два омонимично звучащих названия гор. В первом случае Фэнхуан — это Гора фениксов, во втором — Гора бамбуков.

Фэн Цзин (1021—1094) и **Шан Лу** (1414—1486) — крупные сановники и государственные деятели; согласно источникам, оба первыми выдержали все три экзамена: в уезде, в области и в столице.

Фэнцзяо — оживленный торговый район в окрестностях города Сучжоу (в пяти километрах на запад от ворот Чанмэнь); назван по мосту Фэнцзяо.

Фэнь — мера длины, равная 0,32 см.

Фэнь — денежная единица, равная одной сотой лана (см.).

Ханчжоу — административный центр, морской порт и один из живописнейших городов на юго-востоке страны (пров. Чжэцзян).

Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

Хань — древнее княжество. Длительная война (206—202 гг. до н. э.) ожесточенная война между княжеством Чу, войско которого возглавлял Сян Юй, и княжеством Хань, армию которого возглавлял Лю Бан, окончилась победой Лю Бана. Лю Бану удалось также сломить сопротивление многих других удельных князей, присоединить их земли к своим владениям и в 206 г. до н. э. основать Раннюю (или Западную) династию Хань, управлявшую всем тогдашним Китаем.

Ханьгугуань — застава, у которой, по преданию, встретились Лао-цзы и Чжуан-цзы. Эта застава якобы была последним местом, где остановился Лао-цзы, перед тем как уйти на далекий запад. Здесь, как передает традиция, он изложил свое учение в пяти тысячах слов, записанных впоследствии и составляющих текст «Дао Дэ цзина» (см.).

Хань Синь (III—II вв. до н. э.) — знаменитый полководец, сподвижник и ближайший советник первого императора династии Хань — Лю Бана. В молодости Хань Синь был настолько беден, что, по преданию, ему помогала простая прачка.

Ханьские дворцы — дворцы императоров династии Хань (см.).

Ханьшань — буддийский монах. В честь его еще при танской династии (VII—X вв.) в окрестностях города Сучжоу, неподалеку от Фэнцяо, был выстроен храм.

Ханьян — город в пров. Хубэй.

Хаос. — Согласно китайской мифологии, Вселенная самообразовалась из бесформенного хаоса. Началом мира китайская мифология считает процесс разделения хаоса на небо и землю.

Холодное вино — см.: *Вино тут же было подогрето.*

Хотанская яшма — один из лучших сортов яшмы, назван по реке Хотан (Синьцзян), где она добывается.

Хотя в тюрьму он был посажен, но не было вины за ним. — Речь идет об ученике Конфуция (см.) Гунье Чжане, несправедливо обвиненном в краже и посаженном в тюрьму. После освобождения Гунье Чжана Конфуций выдал за него свою дочь.

Храмовое имя — почетный титул, который давался императору после его погребения. Его писали на поминальной табличке (см.), устанавливаемой умершему императору в храме предков царствующего дома. Впоследствии во всей официальной литературе императора называли этим именем.

Ху — мера сыпучих тел, около 51,3 л.

Хуаиньсянь — в пров. Шэньси.

Хуайань — уезд и город в пров. Цзянсу.

Хуайнань — территория к югу от реки Хуайхэ, охватывающая южную часть пров. Аньхой и всю пров. Цзянси.

Хуайси — область в пров. Аньхой, к западу от реки Хуайхэ.

Хуайхэ — одна из больших рек Восточного Китая.

Хуайчжоу (ныне Вэйчжоу) — округ, включающий город Хуайчжоу (в пров. Аньхой) и его окрестности.

Хуан Фубо — Хуан Фубо и Чэн И — министры при танском императоре Сяньцзуне, известные своей жестокостью.

Хуан Чао (?—884) — вождь одного из мощных крестьянских восстаний. Восстание Хуан Чао длилось десять лет (с 875 по 884 г.) и охватило территорию двенадцати провинций. В 880 г. войска Хуан Чао заняли обе столицы тогдашнего Китая — Лоян (в пров. Хэнань) и Чанъань (ныне Сиань — в пров. Шэньси), в связи с чем император со своей гвардией бежал в Сычуань, где избрал своей резиденцией город Чэнду.

Хуан Чунгу (X в.). — История о том, как талантливая девица, сирота Чунгу, давала себя за мужчину и состояла на службе в канцелярии министра, легла в основу известной пьесы XVI в. «Дева-чжуанъюань» («чжуанъюань» — почетное звание для лица, лучше других выдержавшего экзамен при дворе).

Хуан Юнь — ученый времен династии Восточная Хань (25—220). Рассказывают, что он бросил жену, когда узнал, что один влиятельный человек пожелал выдать за него свою дочь.

Хугуан — историческая область Юго-Восточного Китая, включающая в себя пров. Хунань, западную часть Гуандуна, восток Гуанси, Хубэй и восточные части Гуйчжоу и Сычуань.

Хун-у. — Этим девизом (см.) обозначались 1368—1398 гг. правления Чжу Юаньчжана (Тай-цзу), первого императора династии Мин.

Хунфу — красавица, фаворитка знатного придворного и богача Ян Су (?—606). По преданию, случайно встретившись с бывшим в то время в немилости ученым и государственным деятелем Ли Цзином, она сумела распознать в нем благородного и талантливого человека, влюблась в него и бежала с ним из дома Ян Су.

Хуский шелк — один из лучших сортов шелка, названный так по основной местности его изготовления — городу Хучжоу (ныне Уси) в пров. Чжэцзян.

Хучжоу — в пров. Чжэцзян.

Хуэй-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Цзи, правил в 1101—1125 гг.

Хуэйчжоу (ныне Вэйчжоу) — округ, включающий г. Хуэйчжоу (пров. Аньхой) и его окрестности.

Хуэйшаньская вода — кристально чистая вода трех знаменитых прудов в горах Хуэйшань (пров. Цзянсу); употреблялась для изготовления особого сорта вина.

Хуэйшаньское вино — см.: *Хуэйшаньская вода.*

Хэлины — жители небольшого государства, существовавшего в период Тан на территории совр. Вьетнама.

Хэнчжоу и Цицжжоу — пограничные районы пров. Шаньси.

Хэ Чжичжан (659—744) — ученый, государственный деятель и поэт; член Придворной академии.

Хэ Янь (190—249) — государственный деятель и поэт.

Цайши — скалистая местность на реке Янцзыцзян (пров. Аньхой).

Цай Янь (162?—239?) — В «Напевах» говорится о том, как в смутное время поэсса попала в плен к гуннам-сюнну, как жила там и как вернулась обратно. Стихи полны печали, тоски по родине и двум сыновьям, оставшимся на чужой земле.

Цао — имеется в виду Цао Цзыцзянь (см.)

Цао Цао с сыном — Цао Цао (155—220) — талантливый полководец, был первым министром при императоре Сянь-ди. Находясь на этом посту, Цао Цао захватил в свои руки фактическое управление страной, расправляясь со всеми неугодными. Образ деспота-феодала, жестокого и вероломного царедворца Цао Цао, которого рассматривали в народе как узурпатора законной власти ханьского дома, запечатлен в романе «Троецарствие». Сын Цао Цао — Цао Пэй в 220 г., после смерти отца, низложил Сянь-ди, объявил себя императором царства Вэй и основал новую династию Вэй, просуществовавшую до 264 г.

Цао Цзыцзянь (Цао Чжи, 192—232). — О нем как-то известный поэт, мастер экспромта Се Линъюнь (IV—V вв.) сказал: «Если все таланты Поднебесной приравнять к десяти мерам, то на долю Цао Цзыцзяня падет восемь мер, одна — на меня, остаток — на все таланты Поднебесной».

Царство веселья. — Имеются в виду публичные дома.

Цветок гортензии на шапке. — Белый цветок гортензии на головном уборе — признак траура.

Цветочек или ива — иносказательно: женщины легкого поведения, гетеры из веселых домов.

Цзеюань — сцуйай, первым выдержавший экзамен на степень «цзюйжэнь» (см.: *Государственные экзамены*).

Цзе Юй — жил в период «Чуньцю» (VIII—V вв. до н. э.); не желал служить, в связи с чем притворялся юродивым. По преданию, Цзе Юй однажды встретил Конфуция (см.) и спел ему песню, в которой иронизировал над ним и предостерегал его от опасностей служебного пути.

Цзи Ань не захотел склониться перед генералом. — Намек на историю с Цзи Анем (II в.), правителем одной из областей; в отличие от прочих знатных сановников и вельмож, встречавших некоего Вэй Цина, назначенного на пост главнокомандующего армией, земным поклоном, как это и подобало, Цзи Ань ограничился лишь наклоном головы и сложением рук в знак приветствия.

Цзин-ди — храмовое имя (см.) императора Лю Ци, сына Вэнь-ди; правил со 156 по 141 г. до н. э.

Цзинин — область и город на юго-западе пров. Шаньдун.

Цзин Кэ (III в. до н. э.) — уроженец княжества Ци. Во время пребывания его в уделе Янь царевич этого удела, гостеприимно принявший Цзин Кэ и окруживший его роскошью, поручил Цзин Кэ убить князя удела Цинь (будущего основателя династии Цинь), который посягал на земли княжества Янь. Цзин Кэ совершил покушение, но оно оказалось неудачным. Цзин Кэ, который не убил князя, а только ранил его, был схвачен и казнен.

Цзинсинсянь — в пров. Шаньси.

Цзинь — денежно-весовая единица: приблизительно 0,6 кг.

Цзинь — уезд в пров. Шаньси (с. 248).

Цзинь — династия, правившая в Китае с 265 по 420 г.

Цзинь — древнее княжество, занимавшее в VIII—III вв. до н. э. южную часть совр. пров. Шаньси и Хэбэй (с. 277).

«Цзиньганцзинь» — буддийская сутра «Праджня парамита».

Цзиньгу, краса небес. — «Цзиньгу», в пер. «Золотое ущелье», живописное место к северо-западу от древней столицы Лояна, где протекает р. Цзиньшуй («Золотая река»). В этой местности богатый сановник Ши Чун (III в.) разбил роскошный сад.

Цзиньлан — в пер. «Золотой мальчик», «Золотце».

Цзиньлин — уезд на севере пров. Цзянси (с. 249).

Цзиньлин — старое название города Нанкина (с. 164).

Цзиньчжоу — в пров. Шаньси.

Цзиньши — высшая чиновная степень (см.: *Государственные экзамены*).

Цзиньян — столица древнего княжества Цзинь.

Цзисян — в пер. «Собрание талантов».

Цзишишань — в пров. Ганьсу.

Цзулайшань — горы в пров. Шаньдун, славящиеся обильно растущими по их склонам соснами и кипарисами.

«**Цзыгао драконов любил, но разве любил настоящих?**» — Намек на экзаменаторов, которые притворялись, что любят знающих и талантливых, а то и не умели распознать истинно талантливых людей. История с Цзыгао идет от древней притчи о некоем Шэ Цзыгао, который так любил драконов, что увещал их изображениями весь дом; однако когда в его доме оказался настоящий дракон, Цзыгао насмерть перепугался.

Цзысуй — см.: **У Цзысуй**.

Цзыцзянь — см.: **Цао Цзыцзянь**.

Цзыцин — пограничный район в пров. Шаньдун.

Цзюйжэнь — вторая ученая степень (см.: **Государственные экзамены**).

Цзюньцин — в пер. «Способностью и умом выдающийся».

Цзюньшань — самый живописный из множества островов на оз. Дунтинху.

Цзя. — Имеется в виду Цзя И (II в. до н. э.), известный ученый, философ, поэт, эссеист.

Цзядин и Тайцан — в пров. Цзянсу, занимали территорию современного уезда Куншань и смежного с ним района.

Цзянлин — в уезде Цзянлинсянь (пров. Хубэй).

Цзяннань (в пер. «К югу от р. Янцзыцзян»). — Так называют район, который занимает южную часть пров. Цзянсу и всю пров. Чжэцзян.

Цзянсу-чжэцзянский дух. — Подразумевается высокая культура, обширные знания и талант. Провинции Цзянсу и Чжэцзян были экономическими и культурными центрами страны, где сосредоточивалась большая часть интеллигенции. Многие знаменитые ученые, поэты и писатели были уроженцами именно этих двух провинций.

Цзянькан — в пров. Цзянсу.

Цзясин — в пров. Чжэцзян.

Цзя-цин. — Этим девизом (см.) обозначались 1522—1566 годы правления императора Чжу Хоуцзуна (Ши-цзуна).

Ци — в пров. Шаньдун (с. 248).

Ци — удельное княжество древности (VIII—VII вв. до н. э.), занимавшее территорию совр. пров. Шаньдун и часть совр. пров. Хэбэй (с. 98, 188, 217, 276).

Цин — мера площади, равная приблизительно 6,5 га.

Цинлянь. — Некоторые источники указывают на местечко Цинлянь (пров. Сычуань) как на место рождения Ли Бо.

«**Циновка и подушка**» — образно о любви.

Цинфэн — в пров. Хэбэй.

Цинь — династия, правившая в Китае с 246 по 207 г. до н. э.

Цинь — китайский музыкальный инструмент; обычно переводится как «цитра».

Цинь Куай (1090—1155) — министр при императоре сунской династии (см.) Гао-цзуне; вошел в историю как изменник родины. Когда в Китай вторглись племена чжурчжэней, Цинь Куай возглавил капитулянтскую клику и жестоко расправился с теми, кто стоял за сопротивление врагу.

Цинь-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Хуаня (Цянь-цзуна), правил с 1126 по 1127 г.

Циюань — город в пров. Хэнань.

Циян — уезд в пров. Шаньси.

Цунь — мера длины, около 3,2 см.

Цюй Юань на озере печали предавался. — Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) — великий поэт и государственный деятель, уроженец удела Чу, занимал важные государственные посты. Цюй Юань требовал от своего князя объединения с другими уделами в борьбе против княжества Цинь, которое угрожало безопасности Чу. Однако все планы и предложения Цюй Юаня были отвергнуты, а сам он оклеветан, отстранен от должности. Вторую половину жизни поэт провел в изгнании. Известное стихотворение Цюй Юаня «Отец-рыбак», в котором поэт поведал встретившемуся рыбаку о причинах своего изгнания и о своем отношении к жизни, начинается так: «Когда Цюй Юань жил в изгнание своем, он блуждал по затонам реки и бродил, сочиняя стихи, у вод великих озер» (пер. В. М. Алексеева).

Цянь — старая денежно-весовая единица; составляет десятую часть лана (см.).

Цянь-фу. — Этим девизом (см.) обозначались первые шесть лет (874—879) правления императора Ли Сюаня (Си-цзуна).

Цяньху — начальник воинского подразделения в тысячу человек.

Чайник вина. — В Китае вино обычно подавалось в чайниках.

«Чайник в руки!» (кит. «Ти ху»). — Это и звукоподражание щебетанию птицы, и в то же время значимые слова (имеется в виду чайник для вина. См.: *Чайник вина*).

Чанмэнь — одни из восьми ворот города Сучжоу (пров. Цзянсу).

Чанчжоу — город в пров. Цзянсу.

Чанша — в северной части пров. Хунань.

Чаншань — в пров. Хэбэй.

Чангань. — Со времен глубокой древности вплоть до начала X в. город Чангань, совр. Сиань (пров. Шэньси), неоднократно избирался столицей Китая.

Чао. — Имеется в виду Чао Цю, главный наставник императора Вэнь-ди (годы правления — 179—157 до н. э.), заслуживший своим умом прозвище «Мешок мудрости».

Чаша золотая — символ процветающего государства, сильного своей военной мощью. В «Истории Южных династий» (420—589) читаем: «Император У-ди сказал: государство наше подобно золотой чаше — нет в ней ни одной царапины, ни одного изъяна».

«Чашу к бровям подымать» — иносказательно: с большим уважением относиться к мужу. Выражение это связано с именем Мэн Гуан, жены некоего Лян Хуна (I в.), которая, подавая мужу еду, высоко поднимала чашу в знак глубокого уважения к нему.

Чередование жизни прошлой, настоящей и будущей — см.: *Перерождение*.

«Четверокнижие» — см.: *Классические книги*.

Четыре сокровища ученого — тушь, тушечница, кисть и бумага.

Чжан — мера длины, около 3 м.

Чжан. — Имеется в виду начальник Уголовной палаты Чжан Шичжи (II в. до н. э.); был известен своей строгостью и справедливостью.

Чжан Лихуа — знаменитая красавица, любимая наложница императора Хоучжу (583—588).

Чжан Лян (III в. до н. э.) — уроженец княжества Хань. Когда император Цинь Шихуан, проводивший объединение страны, захватил княжество Хань, Чжан Лян, как гласит предание, продал все свое имущество, а вырученные деньги отдал надежному человеку, который согласился уничтожить Цинь Шихуана. Покушение состоялось в Боланша, но не удалось.

Чжан-чадодатель. — Речь идет о Чжан Сяне, одном из божеств китайского народного культа, ниспосылающем мужское потомство; ему поклонялись и приносили жертвы женщины, желавшие иметь детей. В иконописи и на народных картинах Чжан Сянь изображается с луком и стрелой в руках: он натягивает лук, чтобы сразить «Небесную собаку» — звезду созвездия Стрельца (считалось, что семья, судьбой которой управляет эта звезда, либо вообще не будет иметь сыновей, либо ребенок проживет недолго).

Чжао, Вэй, Янь — уделы в пров. Хэбэй.

Чжао Гао (III в. до н. э.). — История с Чжао Гао намекает на невероятность того, что в руках сыщика оказался тот самый сапог, который он искал.

По преданию, коварный министр Чжао Гао, стремясь захватить всю власть в свои руки, решил испытать сановников двора, достаточно ли они верны ему и может ли он на них положиться. Как-то раз он привел императору в качестве подношения оленя и заявил, что дарит ему коня. Император, рассмеявшись, сказал, что министр ошибается. Но Чжао Гао настаивал на своем. Тогда император опросил присутствующих — одни в ответ промолчали, другие подтвердили, что это олень, но большинство придворных, боясь всесильного министра, заявили: это конь. Император, решив, что его попутало наваждение, не стал спорить, а Чжао Гао жестоко расправился с теми, кто заявил, что это олень. С тех пор никто из сановников не осмеливался перечить Чжао Гао или указывать на его ошибки и недостатки.

Чжао-цзун — годы правления: 889—905.

Чжаоцзюнь (Ван Цян, Ван Чжаоцзюнь) — по легенде, красавица из гарема императора Юань-ди (I в. до н. э.). Император никогда не призывал ее к себе, так как каждый раз выбирал очередную подругу по портретам, а придворный художник, не получив от нее, как от других девиц, взятки, изобразил ее уродливой. Как самую некрасивую император и отдал ее в жены вождю гуннов-сюнну. О красоте Чжаоцзюнь монарх узнал лишь на прошальной аудиенции, устроенной по случаю отъезда вождя, и тут же влюбился в нее. Но

договор был заключен, и Чжаоцзюнь пришлось уехать на север, где она вскоре умерла, тоскуя по родине.

Чжоу — династия, правившая в Китае с 1122 по 247 г. до н. э.

Чжоу Син, Лай Цзюньчэнь, Со Юаньли — все трое во времена императрицы У Цзэтянь (684—704) занимали крупные посты в учреждениях, призванных вершить правосудие; известны своей беспримерной жестокостью, жертвами которой оказались многие тысячи людей, замученных пытками и казненных.

Чжоу Синь — последний правитель династии Шан (годы царствования — 1154—1122 до н. э.).

Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу, IV—III вв. до н. э.) — философ-поэт, выдающийся представитель древнего даосизма (см.: **Даос**). Ему приписывается сочинение «Чжуан-цзы», известное также под названием «Наньхуа чжэнь цзин». Книга полна остроумными баснями и притчами. Одной из этих притч является история о том, как однажды Чжуан-цзы приснился сон, что он бабочка. Проснувшись, он не мог понять, снилось ли ему, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжуан-цзы.

Чжуань — один из древних стилей написания китайских иероглифов.

Чжугэ Лян (181—234) — министр удела Шу, политик, полководец и народный герой эпохи «Троецарствия», образ которого ярко обрисован в романе Ло Гуаньчжуня «Троецарствие» и других произведениях. В знаменитых докладах Чжугэ Ляна, написанных им перед выступлением в поход, Чжугэ Лян призывает императора держаться справедливости, рекомендует ему верных людей и ратует за активную борьбу с завоевателями.

Чжун Куй. — Существует легенда о Чжун Куе, человеке, жившем в эпоху Тан (см.) и отличавшемся своей уродливостью. Не сумев получить ученую степень, Чжун Куй умер от гнева. Как передает легенда, Чжун Куй обладал магической силой над злыми духами, поэтому изображение Чжун Куя (старика с красным от злости лицом) часто вывешивается на воротах с целью отогнать от дома злых духов.

Чжунли Цюань — один из «восьми бессмертных» («ба сянь») — наиболее популярных в народной религии китайцев божеств даосского пантеона; считается лицом историческим, жившим в VIII—IX вв.; иногда даты его жизни ошибочно относят к периоду династии Хань (см.), поэтому он известен так же, как Хань Чжунли (букв.: «ханьский Чжунли»). По преданию, удалился от мира, жил в пещерах Чжэньян, где посвятил себя самосовершенствованию, отсюда и его прозвище: Чжэньян-цзы (букв.: «Мудрец из Чжэньяна»).

Чжун-хэ. — Этим девизом (см.) обозначались 881—885 годы правления императора Си-цзуна.

Чжун-цзун — храмовое имя (см.) императора Ли Сяня; вступил на престол в 684 г., но фактически правил с 705 по 710 г.

Чжунчжоу — город в пров. Хэнань.

Чжурчжэни — кочевые племена тунгусской этнической группы, населявшие в X—XII вв. территорию Монголии и Северо-Восточного Китая. После ряда успешных войн с другими племенами, главным образом с киданями, чжурчжэни вторглись в Китай и к 1142 г. захватили его северную часть (см.: **Сунская династия**).

Чжу Си (1130—1200) — государственный деятель, выдающийся ученый, философ и поэт.

Чжу Цзя (III—II вв. до н. э.) — известен как благородный рыцарь, чей дом служил приютом для сотни обездоленных, а порой — попавших в опалу людей. Так, по преданию, Чжу Цзя однажды укрыл у себя храброго генерала Ци Бу, возглавлявшего армию Сян Юя, в то время как Лю Бан, взойдя на трон (см.: **Сян Юй не уничтожен и не взойшел на трон Лю Бан...**), давал тысячу ланов золотом за его голову.

Чжу Чжишань (Чжу Юньмин, 1461—1527) — ученый, каллиграф и поэт.

Чжу Шучжэнь (XII в.) — известная поэтесса.

Чжэн Гу — годы жизни: ?—896.

Чжэн-дэ. — Этим девизом (см.) обозначались 1506—1521 годы правления императора У-цзуна.

Чжэн-тун. — Этим девизом (см.) обозначались 1436—1449 годы правления императора Чжу Цичжэня (Ин-цзуна).

Чжэнь-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Хэна (сына императора Тай-цзуна); правил в 998—1022 гг.

Чжэн Юаньхэ. — С древних времен был популярным рассказ о талантливом юноше Чжэн Юаньхэ из знатной богатой семьи и его любви к красавице Ли Ва (в версии последующих эпох она именуется Ли Ясянь), известной столичной гетере. Истратив все свое состояние на гетеру, юноша дошел до полного разорения и нищенствовал. Из этого положения его спасла Ли Ва, которая приютила его, стала за ним ухаживать и настояла на

том, чтобы он готовил себя к государственным экзаменам (см.). Благодаря заботам Ли Ва юноша смог блестяще выдержать экзамены и получил чиновную должность.

История Чжэн Юаньхэ и Ли Ва нашла свое отражение в рассказе известного новеллиста Бо Синцзяня (770?—816?) «История Ли Ва» и в ряде позднейших драм.

Чжэ-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Сюя, правил в 1086—1100 гг.

Чи — мера длины, равная 32 см.

Чипин — в пров. Шаньдун.

«**Чистые и ровные мелодии**» — один из поэтических размеров: стансы, содержащие каждый четыре семисложные строки.

Чичжоу — в пров. Аньхой.

Чу — древнее княжество, занимавшее полностью или частично территорию пров. Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой и Чжэцзян. (О борьбе между княжествами Чу и Хань см.: *Хань*.)

Чунъян или «чунцзю» («двойная девятка») — название народного праздника, который отмечается девятого числа девятого лунного месяца.

Чуньцю — название периода китайской истории (VIII—V вв. до н. э.).

«**Чуньцю**» — хроника событий, происходивших в уделе Лу, на родине Конфуция, охватывающая период с 722 по 481 г. до н. э. (см. также: *Классические книги*).

Чэн. — Имеется в виду Чэн Миньчжэн (1445—1499), ученый, член Императорской академии.

Чэнду — город (в совр. пров. Сычуань); в ранние исторические периоды не раз был столицей княжества, расположенного на территории совр. пров. Сычуань.

Чэн Тан сидел в башне Ся. — Как передает традиция, Чэн Тан (XVIII в. до н. э.), основатель древней династии Шан, был заключен в тюрьму «Сятай» (в пер. «башня Ся») сторонниками предшествующей династии Ся.

Чэн-хуа. — Этим девизом (см.) обозначались 1465—1487 годы правления императора Чжу Цзяньшэна (Сянь-цзуна).

Чэньлю — в пров. Хэнань.

Чэнь Лян — годы жизни: 1143—1194.

Чэнь Цзинсюань (?—893) — простой торговец, который благодаря своей дружбе с Тянь Линцзы получил почетный титул князя и должность генерал-губернатора княжества Шу (совр. пров. Сычуань).

Чэнь Юлян (XIV в.) — мелкий чиновник, сын рыбака, предводитель восстания против монгольского ига, впоследствии один из соперников Чжу Юаньчжана, основателя и первого императора династии Мин.

Шанлинь — название знаменитого парка в Лояне (пров. Хэнань).

Шао-син. — Этим девизом (см.) обозначались 1131—1162 годы правления императора Чжао Гоу (Гао-цзуна).

Шаньшу. — У родных братьев в двухсложных китайских именах первый слог всегда один и тот же. В примерном переводе: Шаньцзи — Шань-преемник; Шаньшу — Шань-следующий.

Шапка — см.: *Фиолетовый халат...*

«**Шестикнижие**» — в древние времена в число конфуцианских канонов входила и «Книга музыки» («Юэ цзин»), которая присоединялась к «Пятикнижию» (см.: *Классические книги*).

Шесть злодеев — по учению буддистов, шесть источников страстей: цвет, звук, запах, вкус, осязание и чувственность, которые, согласно буддийским легендам, воплотились в человеческие образы и соблазнили будду Амитабу. В Китае на этот сюжет существовали театральные миниатюры, пантомимы.

Шесть мостов. — Шесть живописных мостов, соединяющих между собой различные участки дамбы, построенной на озере Сиху еще при сунской династии (см.).

Ши Чун. — По преданию, впад в немилость у императора, Ши Чун желал во всем превзойти своего соперника Ван Кая. Когда император подарил последнему большую коралловую чашу, Ши Чун одним ударом железного скипетра разбил чашу на шесть кусков, каждый из которых превратился в громадную коралловую чашу.

Шуньтяньфу — область и город в северной части пров. Хэбэй. Во времена Юнлэ (см.) Шуньтяньфу — столичный округ с центром в Пекине.

Шуньцинские груши — сорт груш, названный по местности Шуньцин (пров. Сычуань).

Шэнцзе — в пер. «Смелых превосходящий».

Шэнь-цзун — храмовое имя (см.) императора Чжао Сюя, правил с 1068 по 1085 г.

Шэнь Шэн — сын Сянь Гуа, князя удела Цзинь, одного из древних княжеств эпохи Чунынь (VIII—V вв. до н. э.). Ли Цзи, фаворитка князя, желая возвести на престол своего сына, оклеветала Шэнь Шэна перед Сянь Гуа, уверив последнего, что сын собирается отравить его. Шэнь Шэн был сослан и покончил с собой.

Экзамен для талантливых отроков. — Подобные экзамены проводились уже в эпоху Сун (X—XIII вв.); согласно специальному уложению, местные власти выдвигали одаренных детей, которым давалось право держать такие экзамены; экзаменатором детей мог быть и сам император; выдержавшие получали определенные привилегии.

Экзамены — см.: *Государственные экзамены*.

Экзамен на ученую степень — см.: *Государственные экзамены*.

Эмэй — живописные горы в пров. Сычуань.

Юань — монгольская династия, правившая в Китае с 1280 по 1377 г.

Юаньбао — слиток серебра весом от одного до двухсот ланов (см.).

Юань-хэ. — Этим девизом (см.) обозначались 806—820 годы правления императора Ли Чуя (Сянь-цзуна).

Юань Чжэнь (779—831) — знаменитый поэт.

Южная Тан (или Поздняя тан, 923—937) — одна из династий, господствовавших в Китае в так называемый период пяти династий, когда в результате распада централизованной власти в Китае образовался ряд самостоятельных царств.

Юй-ди — «Яшмовый (т. е. „божественный“) властитель», высшее и наиболее популярное в народной религии божество из триады даосских (см.: *Даос*) божеств, каждое из которых занимает свое небо. Юй-ди обитает на самом высоком небе и является источником истины, как солнце — источником света. Все силы земли и неба сосредоточены в его руках.

Юн-лэ. — Этим девизом (см.) обозначались 1403—1424 годы правления императора Чжу Ди (Чэн-цзу).

Юн-лэ повел свои войска на юг — имеется в виду поход князя северного удела Янь (впоследствии — императора, правившего под девизом Юн-лэ) на юг, на город Цзиньлин. Желая захватить престол, он под предлогом устранения опасности, грозившей удельным князьям, у которых советники малолетнего императора собирались отобрать их уделы, в 1399 г. выступил со своим войском из Яньду (главного города удела Янь). В 1403 г. князь захватил г. Цзиньлин (Южную столицу), провозгласил себя императором и перенес столицу страны на север, в г. Яньду, переименовав его в Бэйцзин (Северную столицу).

Юнчжоу — в пров. Шэньси.

Юньмэн — горы Юньмэншань в пров. Шэньси.

Юньчжоу — в пров. Хэбэй.

Юэчжоу — область в пров. Чжэцзян.

Юэчжоу или Юэян — город на берегу оз. Дунтинху.

Юэян — уезд на севере пров. Хунань.

Юэянлоу — самое достопримечательное место в г. Юэяне.

Ямэнь. — Так в Китае, начиная примерно с X—XI вв. и до 1911 г., называли областные и уездные управления.

Ян — сила света (мужское, положительное, активное начало в природе) и **инь** — сила тьмы (женское, отрицательное и пассивное начало в природе) — основные понятия древнекитайской натурфилософии, объяснявшей все явления в природе, процесс изменчивости и развития как результат взаимодействия этих двух противоположных сил.

Ян Гочжун (?—756) — наставник императора Сюань-цзуна (см.), пользовавшийся неограниченной властью, отличался жестокостью и коварством.

Ян-гуйфэй. — Ян — фамилия, гуйфэй (Драгоценная супруга) — титул, данный танским императором Сюань-цзуном (см.) его фаворитке Ян Юйхуань. Пользуясь исключительным влиянием на императора, Ян-гуйфэй сумела приблизить к трону членов своей семьи и, возглавив придворную клику, фактически управляла страной через своего двоюродного брата, наставника императора Ян Гочжуна (см.).

«**Ян жэнь**» (или «сян жэнь») — так же как «шан гуань», термины, применяемые в одной из самых сложных, по признанию самих китайцев, систем гадания.

Ян Инлун — военачальник одного из туземных племен, подчиненных минской империи. В 1597 г. поднял мятеж, который был подавлен в 1600 г.

Янчжоу — область с центром в г. Янчжоу (пров. Цзянсу).

Ян Ши — годы жизни: 1053—1135.

Яньду — в пер. «столица удела Янь».

Яньло — властитель подземного царства, судья умерших.

Янь Хуэй (VI—V вв. до н. э.) — один из талантливых и любимых учеников Конфуция (см.).

Яньцзин — старое название Пекина.

Янь Чжу. — Служил при дворе императора У-ди (см.), одно время был правителем области Гуйцзи.

Яо и Шунь — легендарные императоры древности (XXIV—XXIII вв. до н. э.), почитавшиеся образцовыми правителями.

Яшма — камень, особо ценимый китайцами за красоту, прочность, нежность при осозании и ряд других свойств; отсюда прилагательное «яшмовый» стало эпитетом всего красивого, нежного, изысканного, благородного.

Яшмовая дева — фея-прислужница богини Си Ван-му (см.).

Яшмовый — см.: **Яшма**.

Яшмовый пруд — см.: **Си Ван-му**.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Циперович И. Э.</i> От китайского сказа X—XIII вв. к авторской повести ни хуабэнь	5
1. Цзян Сингэ вновь видит жемчужную рубашку. <i>Перевод И. Циперович</i>	18
2. Пэй Ду, князь Цзиньчжоу, великодушно возвращает чужую невесту. <i>Перевод И. Циперович</i>	60
3. Тэн, начальник уезда, хитро решает дело о наследстве. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	74
4. Ян Цзяоай жертвует жизнью ради друга. <i>Перевод И. Циперович</i>	98
5. Цзинь Юйну избивает неверного мужа. <i>Перевод И. Циперович</i>	110
6. Шэнь Сяояся довелось вновь увидеть доклады Чжугэ Ляна. <i>Перевод И. Циперович</i>	126
7. Ду Десятая в гневе бросает в воду шкатулку с драгоценностями. <i>Перевод И. Циперович</i>	164
8. Чжуан Цзысю бьет в таз-барабанчик и постигает великое Дао. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	186
9. Люй старший возвращает деньги и воссоединяет свою семью. <i>Перевод И. Циперович</i>	200
10. Старый сюцай воздаёт за добро трем поколениям одной семьи. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	216
11. Ли-небожитель, пьяный, пишет письмо, устранившее варваров. <i>Перевод И. Циперович</i>	232
12. Старая войлочная шляпа соединила Сун Цзиня с женой. <i>Перевод И. Циперович</i>	252
13. Юй Боя, скорбя о друге, разбивает цитру. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	276
14. Тан-цзюань шутя добивается желанного брака. <i>Перевод И. Циперович</i>	292
15. Продавец масла покоряет царицу цветов. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	308
16. Пустыковая ссора из-за медяка приводит к неслыханным бедам. <i>Перевод И. Циперович</i>	354
17. Ли Мянью в крайней беде встречает благородного рыцаря. <i>Перевод И. Циперович</i>	392
18. Су Сяомэй трижды озадачивает жениха. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	426
19. Как по ярлыку в сапоге разоблачили бога Эрлана. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	442
20. Лу Нань, любитель поэзии и вина, не посчитался с уездным начальником. <i>Перевод И. Циперович</i>	470
21. Алхимик опыт «девять превращений» не довел до половины; богат истратил тысячи монет лишь на одну красавицы улыбку. <i>Перевод И. Циперович</i>	510

22. Простолюдин за большие деньги получает должность; судьба отвернулась — и начальник области становится на джонке рулевым. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	530
23. Друзья-соученики принимают выдумку за правду; девица-сюцай ловко подменяет одно другим. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	548
24. Кэ Чэни у подножья гор похитили красотку; сюцай, начальником переодетый, пируя на реке, свою наложницу вернул. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	582
25. Знаменитый ученый-конфуцианец из-за пустяка затеял дело; твердая духом женщина, испытав пытки, прославилась в веках. <i>Перевод В. Вельгуса</i>	600
26. Сон госпожи Ци о черепахе, предсказавшей ее судьбу. <i>Перевод И. Циперович</i>	618
Комментарии	651

ЖЕМЧУЖНАЯ РУБАШКА
Старинные китайские повести

литературно-художественное издание

ISBN 5-85803-100-5

Макет выполнен в Центре «Петербургское Востоковедение»
Набор — *Т. В. Чудинова, Г. А. Кочугурова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*
Технические редакторы — *С. В. Щербакова, Л. И. Гохман*
Художник издательства — *Е. В. Аникина*

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.97
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Для корреспонденции:
✉ 198152, Санкт-Петербург, а/я 111

Подписано в печать 01.09.98. Формат 70x100 1/16
Гарнитура основного текста типа «Таймс». Печать офсетная
Бумага офсетная. Объем 43 п. л. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3142

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12